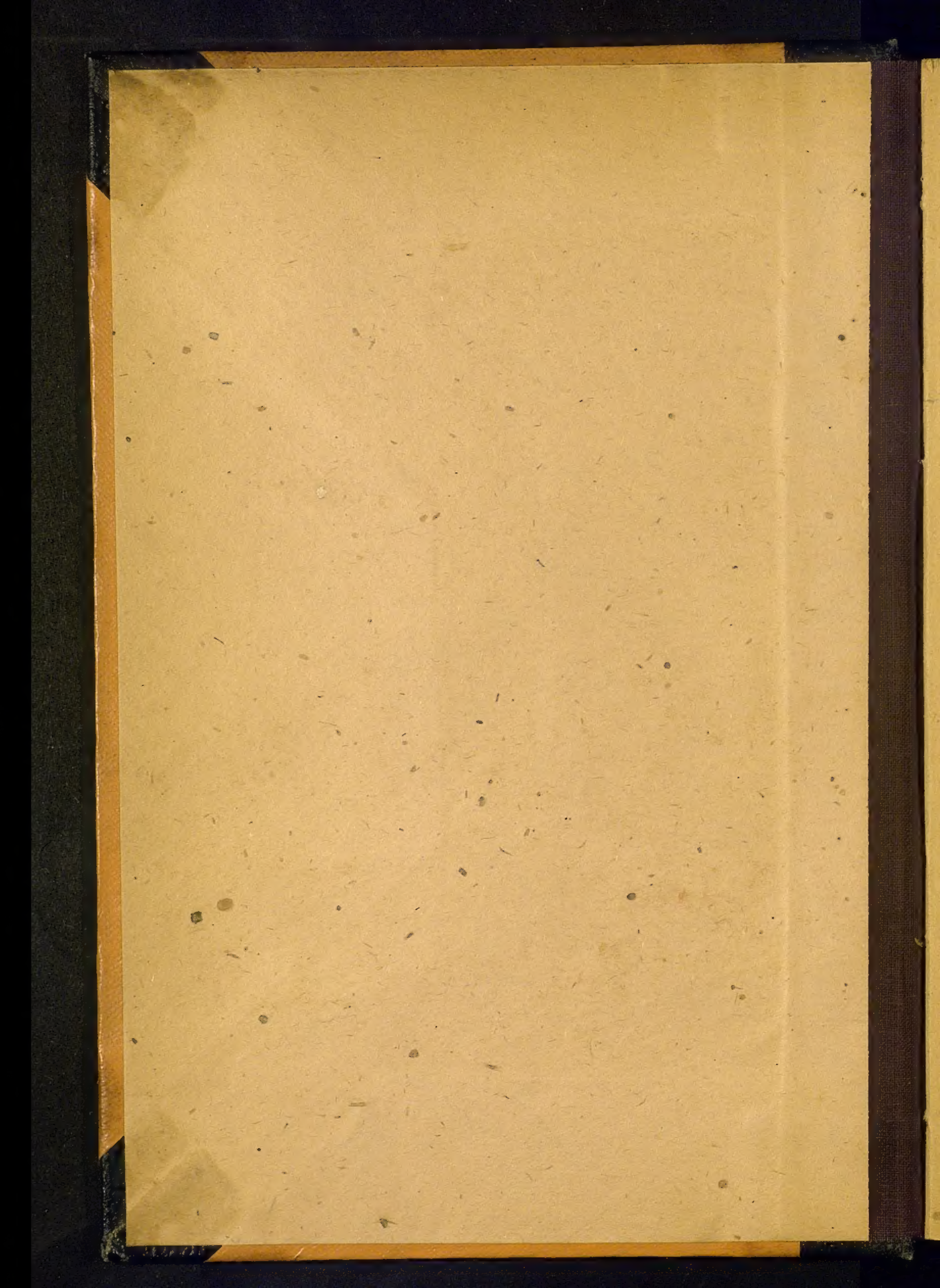
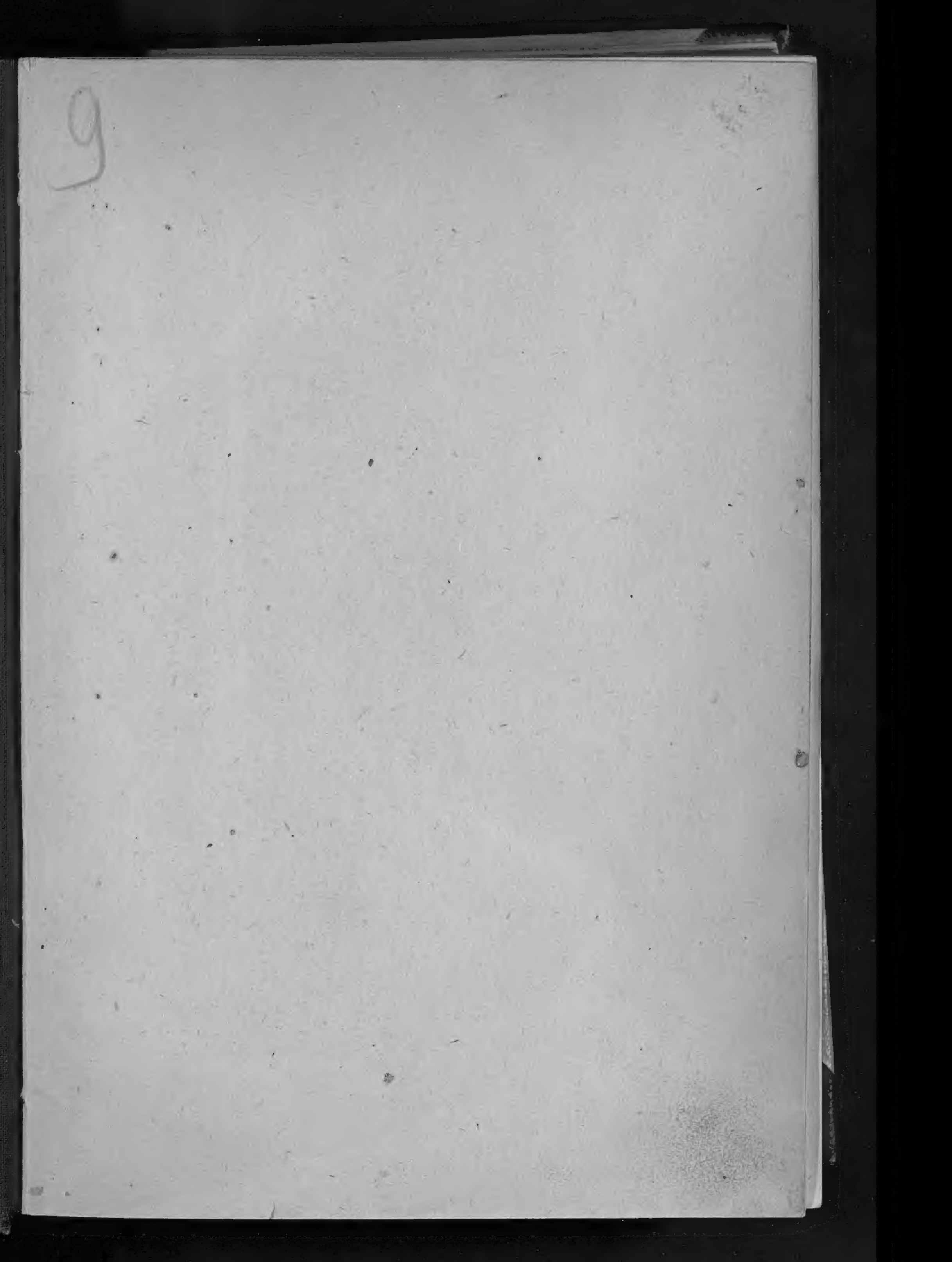
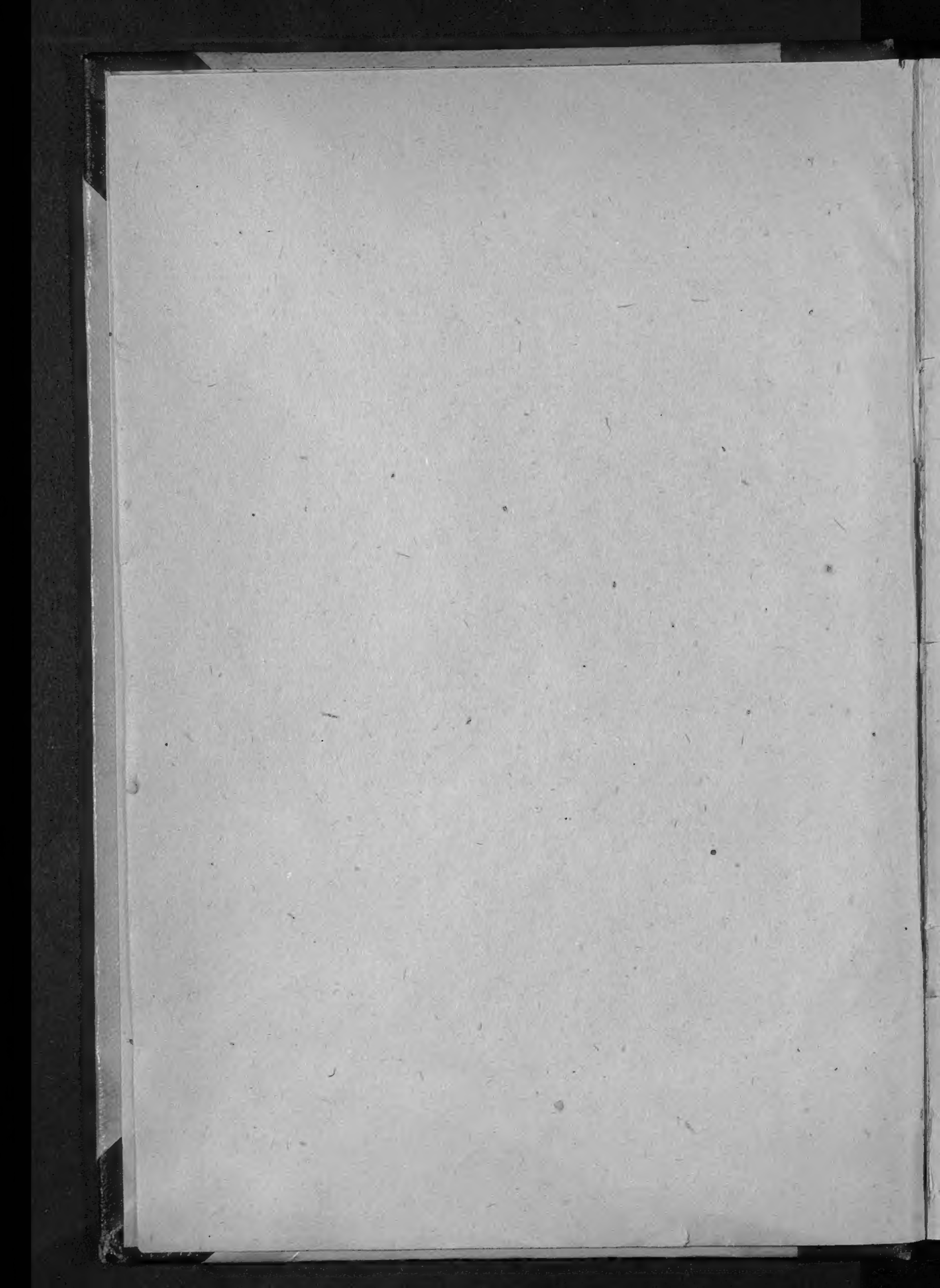
Ч







ТРУДЫ
Я. К. ГРОТА.

IV.

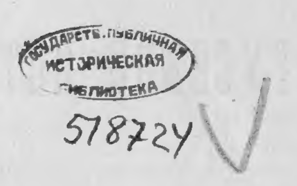
ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

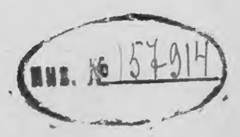
ИЗСЛѢДОВАНІЯ, ОЧЕРКИ, КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ И МАТЕРІАЛЫ.

(1845—1890).

Изданы подъ редакц. проф. К. Я. ГРОТА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1901.





Типографія Министерства Путей Сообщенія
(Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°), Фонтанка, 117.

Въ предлагаемомъ нынѣ благосклонному вниманію читателей IV-мъ отдѣлѣ „Трудовъ" Я. К. Грота [1]) собраны всѣ изслѣдованія и статьи его по *русской исторіи*, разбросанныя въ разныхъ академическихъ и другихъ періодическихъ изданіяхъ и журналахъ на протяженіи болѣе сорока лѣтъ.

Покойный академикъ съ юныхъ лѣтъ своихъ всегда съ увлеченіемъ предавался изысканіямъ въ области русской исторіи, особенно въ эпоху преподаванія имъ этого предмета въ Александровскомъ университетѣ (въ Гельсингфорсѣ), затѣмъ—когда, попутно съ занятіями Державинымъ (для академическаго его изданія), онъ углубился въ изученіе вѣка Екатерины II, между прочимъ и пугачевщины—для біографіи поэта, наконецъ еще позже, когда онъ былъ привлеченъ къ издательской дѣятельности Императорскаго Русскаго Историческаго общества—по печатанію бумагъ и переписки императрицы Екатерины II.

Особенный, случайно возникшій и обстоятельствами жизни поддержанный и развитый интересъ Якова Карловича къ скандинавскому міру и къ Финляндіи сказался и въ историческихъ его

[1]) Въ изданные нами *четыре* тома (или отдѣла, именно: скандинавско-финскій, филологическій, историко-литературный и историческій) вошло все главное и существенное изъ трудовъ Я. К., за исключеніемъ лишь Державинскаго круга работъ, составляющихъ особое цѣлое (см. предисловіе къ III тому). Доведеніе до конца нашего предпріятія, т. е. изданіе еще въ одномъ предполагавшемся томѣ—остальнаго матеріала, между прочимъ и переписки Я. К. (въ дополненіе къ изданной въ 3-хъ томахъ переписки его съ Плетневымъ), находится въ зависимости отъ обстоятельствъ, т. е. отъ условій матеріальныхъ. Будемъ надѣяться, что намъ рано или поздно удастся довершить это дорогое намъ и, смѣемъ думать, общеполезное дѣло.

работахъ, въ значительной своей части посвященныхъ исторіи русско-шведскихъ политическихъ и иныхъ отношеній и связей въ разныя эпохи, начиная съ XIV вѣка.

Изданныя подъ редакціей Якова Карловича бумаги и письма Екатерины II, разумѣется, не могли найти себѣ мѣста въ настоящемъ изданіи, но нами помѣщены здѣсь редакторскія предисловія или вступительныя статьи къ этимъ работамъ.

Результаты же архивныхъ его занятій исторіей пугачевщины (по поводу Державина), напечатанные имъ въ разное время въ видѣ „Матеріаловъ для исторіи Пугачевскаго бунта", мы сочли умѣстнымъ и полезнымъ собрать и включить въ настоящій отдѣлъ „Трудовъ"—въ виду того, что они были помѣщены въ изданіяхъ, нынѣ мало доступныхъ большому кругу читателей.

Сюда не могли войти лишь мелкія историческія статьи или разсказы и очерки Якова Карловича, писанные для дѣтскаго возраста въ дѣтскіе журналы [1]), и потому по характеру своему не подходящіе къ нашему собранію.

К. Г.

Авг. 1901 г.

---

[1]) Въ „Звѣздочкѣ" А. О. Ишимовой 1842—46 гг., напр. „Письма о русской исторіи", „Первыя главы русской исторіи", біографіи нѣкоторыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей и т. п., частью перепечатанныя авторомъ въ его книжкѣ „Литературные опыты. Чтеніе для юношества" (Гельсингфорсъ 1848); потомъ въ „Семейныхъ вечерахъ", напр. „Начало Руси" (1864) и проч.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
Отъ редактора	III
Литва или Скандинавія? 1860	1
Орѣховецкій договоръ (Библіограф. замѣтка, со снимкомъ). 1877	11
Грамота герцога Карла къ царю Ѳедору Іоанновичу. 1857 . . .	16
Дѣйствительно ли Мартинъ Беръ авторъ хроники? 1849	22
Новыя свѣдѣнія о Котошихинѣ по шведскимъ источникамъ. 1882.	40
Новооткрытый памятникъ русской исторіи на шведскомъ языкѣ. 1881	65
Извѣстія о Петербургскомъ краѣ до завоеванія его Петромъ Великимъ. 1853	72
Петръ Великій какъ просвѣтитель Россіи. 1872	82
О пребываніи плѣнныхъ шведовъ въ Россіи при Петрѣ Великомъ. 1853	122
Петръ I въ Копенгагенѣ (Замѣтка). 1888	159
Происхожденіе императрицы Екатерины I. 1878	161
Дѣти правительницы Анны Леопольдовны въ Горсенсѣ (Разсказъ по датскимъ извѣстіямъ). 1875	180
Воспитаніе Екатерины II. 1875	189
Екатерина II и Густавъ III. 1876—78	210
Приложенія: I. „Горе-Богатырь“ Екатерины II.	262
II. Родословная таблица для уясненія родственныхъ отношеній Екатерины II и Густава III	266
III. Journal du voyage du Roi à St-Pétersbourg en 1777 . . .	267
IV. Изъ переписки Екатерины II съ Густавомъ III.	278
V. Письмо Екатерины II къ Густаву III изъ Венеціи . . .	284
VI. Письмо Густава III о Голштинскомъ наслѣдствѣ . . .	285
VII. Два письма Екатерины II	289
Филологическія занятія Екатерины II. 1877	291
Сотрудничество Екатерины II въ Собесѣдникѣ княгини Дашковой. 1877	311
Заботы Екатерины II о народномъ образованіи по ея письмамъ къ Гримму. 1878	328

Екатерина II въ своей литературной перепискѣ. 1873 343
Бумаги Императрицы Екатерины II, хранящіяся въ Государственномъ архивѣ. 1874 357
О письмахъ Императрицы Екатерины II къ Гримму. 1878 . . . 359
О письмахъ Гримма къ Императрицѣ Екатеринѣ II. 1881 . . 365
Гриммъ и Г-жа Д'Эпинэ. 1878 368
Спренгтпортенъ, шведскій эмигрантъ при Екатеринѣ II. 1885 . . 378
Отзывы Екатерины II объ Арсеніи Мацѣевичѣ. 1875 436
Часовыхъ дѣлъ мастеръ при дворѣ Екатерины II. 1875 437
Императоръ Іосифъ II въ Россіи (Донесенія шведскаго посланника Нолькена). 1883 439
Къ исторіи шведской войны въ 1788 г. 1869 456
Матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта:
I. Бумаги Кара и Бибикова. 1862 466
Приложенія: Бумаги Кара 481
Бумаги Бибикова 495
II. Переписка Императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. 1863 518
Приложенія 530
III. Потемкинъ во время Пугачевщины. 1870 546
IV. 1774 годъ. Бумаги, относящіяся къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ Пугачева. 1875 561
V. Эпизодъ изъ Пугачевщины 1877 644
О Сперанскомъ: 1. Къ исторіи ссылки Сперанскаго. 1871 . . . 674
2. Еще о Сперанскомъ и Воейковѣ 677
Неизвѣстное сочиненіе о Россіи при Петрѣ I. 1888 680
Критическія и библіографическія замѣтки.
О трудѣ Н. И. Григоровича. 1878 684
Замѣтка по поводу одной статьи. 1877 709
О книгѣ Пенго 711
Старинный датскій документъ 1589 г. 1890 719
Замѣтка о книгѣ Цигнеуса. 1850 721
Замѣтка о книгѣ Топеліуса. 1851 728
Черты изъ жизни княгини Е. Р. Дашковой. 1845 732
Алфавитные указатели 745
Замѣченныя опечатки 769

ЛИТВА ИЛИ СКАНДИНАВІЯ? [1])

1860.

Скандинавія и Литва сразились за Русь въ лицѣ двухъ доблестныхъ бойцовъ науки [2]). Побѣда осталась нерѣшеною. Борьба должна возобновиться на перьяхъ. Чѣмъ болѣе, между тѣмъ, будетъ высказано мнѣній, тѣмъ скорѣе можно ожидать раскрытія истины. Вотъ почему и я рѣшаюсь предложить свои замѣчанія, вызванныя не столько диспутомъ, на которомъ мы не услышали почти ничего новаго, сколько самою статьею г. Костомарова.

Такъ какъ и меня въ прежнее время долго занималъ вопросъ о происхожденіи Руси, то эта статья возбудила во мнѣ живѣйшее любопытство. Но, прочитавъ ее нѣсколько разъ, я не могу согласиться съ смѣлою догадкой уважаемаго мною профессора, хотя и вполнѣ сочувствую его дѣятельности. Не будучи вовсе на сторонѣ тѣхъ, которые на всей древней Руси видятъ отпечатокъ норманскаго вліянія, не находя и въ языкѣ ея значительныхъ слѣдовъ скандинавскаго господства, я, однакожъ, остаюсь при прежнемъ моемъ мнѣніи, что варяго-русскіе князья, согласно съ извѣстіемъ Нестора, призваны къ намъ изъ Скандинавіи.

Постараюсь разобрать самыя существенныя положенія и доказательства г. Костомарова.

Первымъ поводомъ къ догадкѣ его послужило то, что правый рукавъ р. Нѣмана называется *Русъ*. Обратясь къ источникамъ, профессоръ нашелъ, что при устьѣ Руси существовалъ и городъ этого имени: „Встарину сторона около праваго рукава и въ особенности на правомъ его берегу называлась Русью, и народъ — руссами или руссіенами“; народъ этотъ „принадлежалъ къ литовскому племени“. Свидѣтельства,

---

[1]) Отечеств. Записки 1860, т. CXXIX.

[2]) См. статью г. Костомарова „О началѣ Руси“ въ первой книжкѣ „Современника“ 1860 года, и статьи о бывшемъ въ Санктпетербургскомъ университетѣ 19-го марта диспутѣ гг. Погодина и Костомарова — въ „Санктпетербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 67, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ № 67 и въ „Сѣв. Пчелѣ“ № 68.

приводимыя авторомъ статьи, восходятъ не далѣе XI в.; однакожъ онъ заключаетъ, что имя Руси давалось тѣмъ же краямъ, конечно, и „ранѣе, когда совершилось призваніе нашихъ князей съ балтійскаго побережья". Тутъ могъ бы естественно представиться вопросъ: если дѣйствительно такъ рано жилъ народъ русь при устьѣ Нѣмана, то не получилъ ли онъ своего названія изъ того же источника, какъ и новгородскіе славяне, то-есть отъ пришлаго варяжскаго рода? Но этого вопроса не задаетъ себѣ, или, по крайней мѣрѣ, не выражаетъ г. Костомаровъ.

Литовская Русь, по убѣжденію его, принадлежала къ числу варяговъ, составляла тотъ народъ, который Несторъ называетъ варягами-русью. Здѣсь авторъ, хотя и ссылается на точныя слова Нестора, хотя говоритъ о необходимости стать на точку зрѣнія лѣтописца, однако на первыхъ же шагахъ впадаетъ въ прямое съ нимъ противорѣчіе. Г. Костомаровъ исходитъ изъ предположенія, что подъ варягами въ XI столѣтіи *разумѣли* массу народовъ, жившихъ при Варяжскомъ Морѣ (то-есть по всѣмъ берегамъ его), и въ объясненіе этого напоминаетъ, что̀ въ наше время значитъ для простолюдиновъ слово *нѣмецъ*, или еще недавно для южно-русскаго народа значило *цесарцы*. Но, въ отношеніи къ лѣтописи, рѣчь можетъ итти не о народныхъ понятіяхъ, а о взглядахъ самого Нестора; изъ словъ же его ясно видно, что онъ подъ варягами разумѣлъ только народы извѣстнаго племени, жившіе *за моремъ*.

По предположенію г. Костомарова выходитъ, что и литовскіе и чудскіе поморцы назывались въ XI столѣтіи варягами, но уже въ космографіи своей Несторъ явственно отдѣляетъ первые два народа отъ послѣдняго [1]). Еще яснѣе выражаетъ онъ свое понятіе о жилищахъ варяговъ въ разсказѣ о призваніи князей. Онъ говоритъ: „Изгнаша варяги *за море*", и потомъ: „идоша *за море* къ варягомъ къ Руси"; стало-быть, онъ представлялъ себѣ и изгнанныхъ варяговъ, и тѣхъ, къ которымъ пошли туземцы, живущими по ту сторону моря, около однихъ и тѣхъ же мѣстъ. То же понятіе видно и изъ описанія въ лѣтописи греческаго пути. Сказавъ: „бѣ путь изъ варягъ въ греки", Несторъ потомъ указываетъ этотъ путь въ обратномъ направленіи „изъ грекъ" до истока озера Нево въ море Варяжское, которое и разумѣетъ, когда говоритъ: *за море*. Далѣе въ томъ же описаніи водяныхъ путей онъ называетъ *отдаленныя* мѣста, до которыхъ можно достигнуть водой, именно: „въ болгары и въ хва-

[1]) У него „пруси, чюдь присѣдять къ Морю Варяжскому", но не называются варягами. О варягахъ говорится вслѣдъ за тѣмъ. Выраженіе: „по сему же морю сѣдять варязи сѣмо ко въстоку до предѣла Симова" объясняется тѣмъ, что въ понятіяхъ Нестора Варяжское Море съ этой стороны продолжалось до Сѣвернаго Океана мурманскій же берегъ посѣщали шведы и норвежцы.

лисы, на вѣстокъ доити въ жребій Симовъ, а по Двинѣ — *въ варяги, изъ варягъ* до Рима" и т. д. Ясно, что и тутъ онъ помѣщаетъ варяговъ за моремъ, потому-что, плывя Балтійскимъ Моремъ въ Римъ, нельзя миновать варяжскихъ странъ, Скандинавіи и Англіи: это первыя заморскія земли, мимо которыхъ надо пройти на пути въ Римъ; это тѣ страны, жителей которыхъ Несторъ въ двухъ другихъ мѣстахъ лѣтописи означаетъ подробнѣе подъ именами: Русь, Свее, Урма́не, Англяне и Готе; это тѣ страны, мимо которыхъ, какъ вѣритъ лѣтописецъ, проплылъ и апостолъ Андрей, отправляясь изъ Новгорода въ Римъ: „иде *въ варяги* и приде въ Римъ". Слову *варяги* въ устахъ Нестора совсѣмъ нельзя давать того обширнаго и неопредѣленнаго значенія, какое оно пріобрѣло впослѣдствіи: какъ онъ въ выраженіи „изъ варягъ въ греки" разумѣетъ подъ именемъ *греки* не народъ, а страну Грецію, такъ точно и подъ именемъ *варяги* онъ здѣсь разумѣетъ весьма-отчетливо земли скандинавскія: вспомнимъ, что англичане, которыхъ онъ не забываетъ въ числѣ народовъ этого племени, въ его время были окончательно покорены норманами [1]).

Несомнѣнное указаніе Несторомъ жилищъ варяговъ Руси *за моремъ* не помѣшало, однакожъ, г. Костомарову принять, что славяне и чудь для посѣщенія этого народа поплыли изъ устья Невы въ устье Нѣмана. Но неужели, говоря о плаваніи вдоль одного и того же берега, строгій лѣтописецъ нашъ употребилъ бы выраженіе: *идоша за море*? Если жъ г. Костомаровъ въ защиту свою скажетъ, что словъ *идоша за море* нельзя принимать въ слишкомъ строгомъ смыслѣ, потому что Несторъ не имѣлъ довольно-ясныхъ географическихъ понятій, то я въ защиту лѣтописца нашего замѣчу, что онъ въ выраженіяхъ своихъ точенъ такъ же, какъ и въ большей части своихъ знаній, и сошлюсь на примѣръ самого г. Костомарова въ уваженіи къ словамъ лѣтописи при разборѣ ея извѣстія касательно Руси.

Вотъ это извѣстіе: „идоша за море къ Варягомъ къ Руси: сице бо ся зваху тьи Варязи Русь, яко се друзіи зовутся Свое, друзіи же Урмане, Англяне, друзіи Готе; тако и си". Разбирая это мѣсто, г. Костомаровъ говоритъ: „вѣроятно, въ головѣ лѣтописца варяговъ было и больше, да онъ не счелъ нужнымъ всѣхъ пересчитывать, потому-что привелъ ихъ единственно для того, чтобъ отличить отъ другихъ варяговъ тѣхъ изъ нихъ, которые назывались русь, дабы читающій зналъ, что русь не свое, не урмяне, не англяне, не готы и не что́ другое еще, а русь". Едва-ли въ головѣ лѣтописца были еще другіе варяги, потому что онъ и въ космографіи, подъ афетовымъ колѣномъ, назвавъ варяговъ (послѣ имени которыхъ должно бы стоять двоеточіе),

[1]) Впрочемъ, возможно также — какъ думаетъ и г. Соловьевъ, — что Несторъ тутъ смѣшиваетъ древнія жилища англовъ съ новыми въ Британіи. (Сол. Т. I, пр. 141).

исчисляетъ тѣ же самые пять народовъ, поставивъ русь на этотъ разъ между готе и англяне. Г. Костомаровъ думаетъ, что руси нельзя искать въ Скандинавіи, потому что тутъ отъ этого народа отличены остальные: *друзіи*, говоритъ онъ, а не *тѣ*, которыхъ славяне и финны призвали; тѣ же, которыхъ они призвали, назывались „русь". Но почему же русь, по смыслу этого мѣста, не могла быть также однимъ изъ скандинавскихъ народовъ: надо помнить, что въ то время названіе *свее* (шведы) не было въ такой степени, какъ нынѣ, именемъ родовымъ, а означало только одинъ изъ главныхъ отдѣловъ населенія Швеціи; другимъ были *готы*, третьимъ, хотя и менѣе значительнымъ, могла быть *Русь*. Перечисляя разные виды варяговъ, Несторъ называетъ все такіе народы, которые жили дѣйствительно за моремъ, и притомъ народы одноплеменные между собою: свеевъ, готовъ, нормановъ, англичанъ: какъ же попалъ бы между ними народъ (русь), который, по мнѣнію г. Костомарова, жилъ по сю сторону моря и принадлежалъ совсѣмъ къ другому, даже негерманскому племени?

Но допустимъ, что русь, вопреки указанію лѣтописи, дѣйствительно жила не за моремъ, а въ Литвѣ. Зачѣмъ же было чуди и славянамъ предпринимать далекое *морское* путешествіе, чтобъ отъ Ильменя достигнуть до устья Нѣмана? Не гораздо ли проще и ближе было бы имъ отправиться туда судоходными рѣками Ловатью и Двиною? Славяне не были народомъ мореходнымъ, и одна необходимость, отсутствіе другого пути для важной цѣли могли побудить ихъ къ морскому путешествію. Мнѣ возразятъ, быть можетъ, что славяне не могли пуститься въ Литву по рѣкамъ потому, что тутъ они встрѣтили бы на пути враждебные народы. Но это возраженіе устраняется другими двумя предположеніями самого г. Костомарова. Онъ принимаетъ извѣстіе скандинавскихъ источниковъ, что около половины IX вѣка норманы, изъ Швеціи, владѣли Финляндіей, Кареліей, Эстоніей, Курляндіей и странами, на востокъ оттуда лежащими; эти шведы, по мнѣнію г. Костомарова, брали дань не только съ славянъ и финскихъ народовъ, но и съ литовскихъ приморцевъ, и были изгнаны въ половинѣ IX столѣтія. Онъ признаетъ въ нихъ тѣхъ самыхъ варяговъ, объ изгнаніи которыхъ упоминаетъ Несторъ прежде призванія Руси. Это изгнаніе чужеземцевъ общими силами соединило, какъ думаетъ г. Костомаровъ, разрозненные народы, жившіе къ востоку и юго-востоку отъ Балтійскаго моря. Если это событіе послужило связью между двумя столь отдаленными народами, какъ новгородскіе славяне и приморская Литва, то, конечно, тѣмъ болѣе сблизило оно первыхъ съ тѣми, которые населяли берега Ловати и Двины... Слѣдовательно, препятствія для путешествія рѣками отъ Новгорода до устья Нѣмана, повидимому, не было. Зачѣмъ же предполагать морское путешествіе, которое было и гораздо дальше и затруднительнѣе, даже опаснѣе?

Вѣдь славянъ и Литву соединила, говоритъ г. Костомаровъ, вражда къ скандинавамъ; эти оскорбленные скандинавы могли желать отмстить врагамъ своимъ и нанести имъ ударъ на любимой своей стихіи; по изгнаніи варяговъ славяне и чудь были въ особенной опасности на морѣ, гдѣ господствовали скандинавскіе викинги.

Впрочемъ, нѣтъ даже надобности предполагать эту опасность: и безъ того плаваніе чуди и славянъ отъ устья Невы къ устью Нѣмана представляется, какъ показано, не совсѣмъ вѣроятнымъ; но дѣлая это предположеніе, г. Костомаровъ вводитъ еще большую неточность въ разсказъ Нестора. Если нашъ лѣтописецъ разумѣетъ подъ варягами вообще балтійскихъ поморцевъ, то выходитъ, что въ изгнаніи варяговъ участвовали варяги же, и что вражда къ варягамъ отдаленнымъ соединила славянъ дружбой съ варягами ближайшими (чудью и литвою): выходитъ, что они къ варягамъ (литовскимъ) отправились за одно съ варягами же (чудскими). Еслибъ Несторъ принималъ такую двойственность варяговъ, такое раздѣленіе ихъ на враждебныхъ и мирныхъ, на заморскихъ и туземныхъ, на скандинавскихъ и литовско-чудскихъ, то, конечно, указалъ бы прямо на это различіе; но онъ знаетъ только объ одномъ племени варяговъ, выражаясь такъ: „изгнаша варяги *за море*“ и „идоша *за море* къ варягомъ къ Руси“.

Чтобъ объяснить знакомство новгородскихъ славянъ съ жителями маленькой литовской области при устьѣ Нѣмана, г. Костомаровъ доказываетъ, что приморскіе народы литовскаго племени были знакомы съ мореплаваніемъ и, слѣдовательно, тамошняя Русь уже прежде могла посѣщать страны около Ильменя. Для объясненія же факта, что чудь, славяне и кривичи рѣшились изъ Литовской Руси вызвать князей, онъ не довольствуется предположеніемъ народнаго союза вслѣдствіе изгнанія варяговъ: онъ выставляетъ еще догадку, что славяне посѣщали прусскій край для совѣщаній съ тамошними жрецами и гадателями, славившимися на сѣверѣ своимъ искусствомъ; онъ думаетъ, что кривичи, жившіе по сосѣдству съ литовцами и латышами и заимствовавшіе отъ нихъ свое богопочитаніе, подали мысль новгородцамъ послать въ Пруссію за совѣтами, а послѣ и за князьями. Въ подтвержденіе этой догадки г. Костомаровъ приводитъ извѣстіе іоакимовской лѣтописи, что Гостомыслъ отправлялъ пословъ въ литовскій край спрашивать тамошнихъ вѣщуновъ. Жаль, что при этомъ г. Костомаровъ не выразилъ своего мнѣнія, какимъ способомъ происходили такія сношенія новгородскихъ славянъ съ литвою, частью предшествовавшія призванію князей, частью позднѣйшія: такъ же ли моремъ, или по судоходнымъ рѣкамъ, или сухимъ путемъ, и надобно ли принимать нѣсколько морскихъ путешествій отъ устья Невы до устья Нѣмана, или одно только — для призванія князей; и если

только одно, то почему жъ славяне именно въ этотъ разъ избрали такой способъ сообщенія, не совсѣмъ согласный съ ихъ земледѣльческимъ бытомъ? Конечно, чудь была отчасти мореходнымъ народомъ и это было, можетъ быть, одною изъ причинъ, почему славяне соединились съ нею для призванія князей, жившихъ за моремъ. Но, чтобъ итти къ Нѣману, они не нуждались въ мореплаваніи и, отправляясь къ тамошнимъ вѣщунамъ, едва-ли всякій разъ обращались къ товариществу чуди, которая и сама славилась колдовствомъ.

Намъ кажется очень понятнымъ и согласнымъ съ словами Нестора, что славяне и чудь, изгнавъ варяговъ за море и испытавъ потомъ внутреннія неустройства, пожалѣли о прежнемъ порядкѣ вещей и задумали призвать снова варяговъ, при которыхъ не было домашней неурядицы: только теперь они обратились къ другому варяжскому народу, къ руси, который былъ давно извѣстенъ имъ. Но г. Костомарову показалось естественнѣе принять, вопреки лѣтописи, что славяне, изгнавъ нормановъ, обратились къ народу другого племени, господства котораго они еще не извѣдали, народу, сколько можно судить по всѣмъ даннымъ, въ то время слабому, остановленному въ своемъ развитии продолжительнымъ угнетеніемъ отъ готовъ и скандинавовъ [1]).

Въ подкрѣпленіе своей мысли онъ утверждаетъ, что имена первыхъ нашихъ князей были литовскія. Чѣмъ же онъ это доказываетъ? сходствомъ тѣхъ именъ съ литовскими нарицательными, частью сложными именами [2]), о которыхъ вовсе неизвѣстно, чтобъ они когда-нибудь употреблялись, какъ собственныя. Предположеніе, будто эти слова *могли* служить именами — произвольно, и сходство между тѣми и другими, какъ бы оно велико ни было, для насъ гораздо менѣе значитъ, нежели одно приблизительное сходство между именами русскихъ князей и дѣйствительными именами, встрѣчаемыми въ скандинавскихъ памятникахъ, каковы имена Рюрикъ, Труворъ и многія другія; правда, что Синеусъ труднѣе объясняется изъ скандинавскихъ источниковъ, но какая странная идея пріурочить его къ литовскому слову senejus (старость)! Не такъ ли же мы поступили бы, еслибъ, напримѣръ, для объясненія скандинавскаго имени *Knut* прибѣгли къ однозвучному русскому слову, или *Густава* стали толковать съ помощью нашего прилагательнаго *густой?*

Вообще филологическія доказательства, употребленныя г. Костомаровымъ, не могутъ итти въ расчетъ, пока они не будутъ пересмот-

---

[1]) См. „Слав. древности Шафарика“, т. I, кн. 2, стр. 290, 294, 304, 305, 307 (изд. 2-е).

[2]) „Рюрикъ — отъ rju, пожираю, терзаю, и rikys — князь“. Но когда же глаголъ въ первомъ лицѣ настоящаго времени соединяется въ одно слово съ существительнымъ?

рѣны какимъ-нибудь спеціалистомъ по литовскимъ нарѣчіямъ, которыхъ важность для изученія нашей старины не подлежитъ сомнѣнію. Пора, пора намъ обратить вниманіе на эту отрасль индо-европейскихъ языковъ. Что литва была съ незапамятныхъ временъ въ сношеніяхъ съ сосѣдними славянами, что оба эти родственныя племени многое заимствовали другъ у друга, о томъ не можетъ быть спора. Нужно только опредѣлить степень этихъ сношеній и что̀ именно перешло отъ одного народа къ другому. Я согласенъ совершенно съ г. Костомаровымъ, что слово *вира* и многія другія, служившія нѣкогда опорой для мнѣнія о норманской національности первыхъ русскихъ князей — не скандинавскія, и потому не могъ не пожалѣть, что даровитый профессоръ счелъ еще нужнымъ опровергать торжественно такую нелѣпость, какъ высказанное, лѣтъ двадцать пять назадъ, мнѣніе г. Сабинина о скандинавскомъ составѣ слова *бояринъ* [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что это слово — одно изъ самыхъ первобытныхъ славянскихъ, которое издавна обращалось еще и въ другой формѣ — въ формѣ *баринъ* точно такъ же, какъ нынѣшнее слово *поясъ* имѣетъ еще и древнѣйшую, форму *пасъ* [2]). Такъ же точно возможно, что многія слова и даже собственныя имена, которыя прежде считались скандинавскими, со временемъ окажутся литовскими. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что и имена, очевидно скандинавскія, должны быть отданы Литвѣ?

Въ числѣ своихъ доказательствъ г. Костомаровъ помѣстилъ фамилію Рюриковичей, которая до сихъ поръ существуетъ въ Литвѣ. Да извѣстна ли степень давности этого рода въ тамошнихъ мѣстахъ? наведена ли справка, откуда онъ пришелъ? изслѣдована ли форма его прозванія? литовская ли она? Безъ рѣшенія этихъ вопросовъ нельзя вывести ровно никакого заключенія изъ присутствія фамиліи Рюриковичей въ Литвѣ. Въ Швеціи съ давнихъ временъ есть нѣсколько семействъ, носящихъ русскія фамиліи, напримѣръ: Клементьевы, Пересвѣтовы: въ правѣ ли мы изъ этого заключать, что русскіе Клементьевы и Пересвѣтовы (если они существуютъ) вышли изъ Швеціи?

Но остановимся нѣсколько на имени *Русь*. Удивительно, какъ г. Костомарова не поразило обстоятельство, что цѣлый народъ до сихъ поръ называетъ близкимъ къ этому именемъ шведовъ: обстоятельство это показалось ему столь ничтожнымъ, что онъ въ статьѣ своей упомянулъ о нёмъ только мимоходомъ и съ совершеннымъ презрѣніемъ. Но нѣтъ ли противорѣчія между этимъ взглядомъ и

[1]) Когда это уже печаталось, мнѣ напомнили, что на такое замѣчаніе г. Костомаровъ былъ вызванъ своимъ противникомъ.

[2]) См. въ сербскомъ словарѣ Караджича слово пас; то же слово въ корнесловѣ Шимкевича. У насъ это слово употребляется въ значеніи толстаго ремня у кареты. Ср. областное *запаска* — женскій передникъ.

тѣмъ, что онъ придаетъ столько важности сходству именъ русскихъ князей съ литовскими словами? Имя, которымъ цѣлое племя называетъ своихъ сосѣдей, можетъ составить въ историческомъ изысканіи доводъ чрезвычайно полновѣсный. Въ настоящемъ случаѣ не столько важно то, что финны, какъ союзники славянъ, призвавшихъ князей, называютъ шведовъ такъ или иначе, сколько важенъ самый звукъ имени, которое они придаютъ этому народу и, конечно, не безъ какого-нибудь основанія. Г. Костомаровъ приводитъ производную форму этого имени, прилагательное его (ruotsalainen); но гораздо важнѣе первоначальная его форма, Ruotsi или, по другому финскому произношенію, Ruossi — форма подобная тѣмъ, которыми финны вообще называютъ страну и языкъ народа, каково, напр., и собственное ихъ названіе Suomi (у русскихъ сумь); затѣмъ для названія самого народа образуется у нихъ прилагательное посредствомъ присоединенія окончанія lainen. Звукъ *uo* въ имени Ruotsi, по закону финской фонетики, соотвѣтствуетъ шведскому протяжному *o*, слѣдовательно у самихъ шведовъ первоначальная форма этого имени была Rots или Rods; буквы d, t передъ *s* въ шведскомъ произношеніи легко выпадаютъ, и это слово должно было позже выговариваться у шведовъ Ros, то-есть совершенно такъ, какъ у грековъ имя Ῥῶς, придаваемое ихъ писателями сѣвернымъ пришельцамъ, нападавшимъ на Царьградъ. Протяжное шведское *o* очень похоже на наше *у*, и въ русскомъ произношеніи должно было перейти въ этотъ послѣдній звукъ [1]).

Подъ именемъ воинскаго рода *русь* шведы сдѣлались извѣстны чудскимъ поморцамъ Финскаго залива. Народъ русь могъ въ своемъ отечествѣ составлять незначительное приморское населеніе и все-таки имя его могло у сосѣднихъ финновъ сдѣлаться родовымъ названіемъ цѣлаго племени, точно такъ, какъ французы, по имени ближайшаго къ нимъ отдѣла германцевъ, назвали всѣхъ его соплеменниковъ *аллеманами*, или какъ финны до сихъ поръ зовутъ нѣмцевъ — *саксами*, отъ того, что къ этому народу принадлежали первые германскіе купцы, посѣщавшіе Финляндію.

Но какъ же согласить имя Русь на берегу Нѣмана съ именемъ Руси на шведскихъ берегахъ? Самъ г. Костомаровъ невольно уясняетъ этотъ вопросъ. Принимая извѣстіе изъ житія св. Ансгарія, писаннаго въ IX вѣкѣ, что коры, народъ литовскаго племени, бли-

[1]) Соотвѣтствіе русскаго *у*, шведскаго *o* и финскаго *uo* можно видѣть изъ слѣдующихъ примѣровъ: по-русски — стулъ, дума, лука; по-шведски: stol, dom, loka; по-фински: tuoli, tuomio, luokka (въ словѣ tuoli начальное s передъ другою согласною не могло удержаться). Для объясненія народнаго имени Ros я не считаю нужнымъ прибѣгать ни къ загадочной шведской области Roslagen, ни къ гребнымъ общинамъ (roddarlag), отъ которыхъ производятъ названіе этой области.

жайшіе сосѣди литовской Руси, зависѣли прежде отъ шведовъ, но потомъ свергли это иго, скандинавы же и послѣ не оставляли ихъ въ покоѣ, г. Костомаровъ даетъ намъ возможность предполагать, что скандинавская Русь, хотя, можетъ быть, соплеменники ея и испытывали въ Литвѣ неоднократныя пораженія, наконецъ утвердилась тамъ точно такъ же, какъ около озера Ильменя; что она берегамъ Нѣмана, какъ и славянской землѣ, сообщила свое имя, наконецъ и тамъ слилась съ туземцами, оставивъ очень мало слѣдовъ своего языка и быта въ жизни литовскаго народа. Не испыталъ ли языкъ литовскій вліянія со стороны скандинавскаго, и если испыталъ, то въ какое время и въ какой степени? Вотъ еще вопросы, безъ разрѣшенія которыхъ невозможно исчерпать настоящаго предмета. Словомъ, одно ближайшее знакомство съ стариной и нарѣчіями литовскихъ народовъ можетъ окончательно уяснить дѣло.

Итакъ, на вопросъ: „Литва или Скандинанія?" можно покуда только сказать: *по всей вѣроятности Скандинавія*; на нее указываютъ: свидѣтельство лѣтописца Нестора, состояніе Сѣверной Европы въ IX столѣтіи, тогдашнее значеніе норманов и послѣдующія связи ихъ въ теченіе трехъ вѣковъ съ Русью, постоянная и ожесточенная вражда между славянами и литвою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ оба народа помнятъ другъ друга (съ X-го вѣка), имена первыхъ русскихъ князей, наконецъ названіе, подъ которымъ Швеція до сихъ поръ извѣстна ближайшимъ своимъ иноплеменнымъ сосѣдямъ — финнамъ [1]).

Противъ положительнаго свидѣтельства Нестора о скандинавскомъ происхожденіи Руси можно, какъ мнѣ кажется, сдѣлать только три существенныя возраженія:

1) Наше народное собирательное имя *Русь* (въ единственномъ числѣ съ окончаніемъ женскаго рода) по своей формѣ подобно тѣмъ именамъ, которыми у насъ въ старинномъ языкѣ означаются по большей части инородцы финскаго, литовскаго и татарскаго племени, сосѣдившіе съ славянами, какъ то: Чудь, Весь, Ямь, Меря, Мурома, Литва, Корсь, Мордва и многіе другіе. Не должно ли изъ этого заключить, что первоначально и *Русью* назывался народъ одного изъ этихъ племенъ? На это можно отвѣчать, что съ русью славяне ознакомились также у себя дома, слѣдовательно дали этому народу, естественно, имя такой же формы, какою они отличали другіе чуждые, смежно съ ними жившіе народы. Извѣстно, что даже и два славянскіе народа издревле назывались именами этой формы: *Сербь* и *Велынь* [2]). Имя

---

[1]) Пословицу: „русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ" знаютъ и финны, но они подъ русскимъ человѣкомъ разумѣютъ шведа.

[2]) Самое подробное разсмотрѣніе всѣхъ подобныхъ именъ можно найти въ сочиненіи В. И. Ламанскаго: „О славянахъ въ Малой Азіи" и проч., напечатанномъ въ 5-й книжкѣ „Ученыхъ Записокъ II-го Отдѣленія А. Н." (см. тамъ „Историческія замѣчанія", стр. 38 и слѣд.).

Руси даетъ поводъ къ догадкѣ: не имѣлъ ли народъ этотъ искони поселеній въ землѣ славянъ, по сю сторону Балтійскаго моря.

2) Въ скандинавскихъ памятникахъ нѣтъ никакого извѣстія о вызовѣ русскихъ князей изъ отечества норманновъ. Впрочемъ, это возраженіе ослабляется тѣмъ, что преданія о героическомъ бытѣ скандинавовъ начали записываться только въ XII или даже XIII столѣтіи, и притомъ въ Исландіи, всего болѣе отдаленной отъ восточнаго берега Швеціи, на которомъ, вѣроятно, обитала русь

3) Еслибъ имя Руси вышло изъ Скандинавіи, то какъ бы не остаться тамъ, на мѣстахъ, какому-нибудь слѣду его? Но сами шведы назвали славянскихъ сосѣдей своихъ не старымъ именемъ Ros, которое въ такомъ случаѣ должно бы имъ быть знакомо и памятно, а новымъ *Ryssar* (произн. Рюссаръ), составленнымъ уже по образцу нашего туземнаго названія. На это легко возразить, что съ удаленіемъ, по словамъ Нестора, *всей* Руси изъ Швеціи, тамъ могло затеряться и имя этого населенія, и что народныя названія, съ теченіемъ времени, измѣняютъ свои формы не только у сосѣдей, но и дома. Примѣры этому находимъ почти въ каждомъ европейскомъ государствѣ: и самихъ себя шведы нѣкогда не называли, какъ нынче, svenskar, да и русская земля не всегда называлась Россіей. Притомъ и по сю сторону Балтійскаго моря затерялось древнее названіе *венды*, подъ которымъ извѣстны были славянскіе поморцы. Но и это названіе сохранилось у финновъ, которые до сихъ поръ называютъ Россію: Wanäjä.

Какъ бы ни было, представленныя мною сомнѣнія покуда не могутъ быть вполнѣ устранены. Они, какъ я надѣюсь, убѣдятъ всякаго, что для меня въ дѣлѣ возникшаго разногласія важно одно правильное рѣшеніе вопроса. Литва или Скандинавія? не все ли равно, лишь бы та или другая неоспоримо доказала свое право называться колыбелью Руси. Въ жизни новое хорошо, когда оно вытѣсняетъ негодное старое; въ наукѣ цѣна и стараго и новаго заключается не въ отношеніи ихъ ко времени, а въ истинѣ, которая не старѣетъ. Достовѣрность Несторова сказанія о скандинавскомъ происхожденіи Руси могутъ поколебать развѣ только дальнѣйшія историческія и лингвистическія изслѣдованія. Къ усиленію ихъ будетъ, конечно, содѣйствовать отважная догадка г. Костомарова: въ этомъ ея значеніе для науки.

ОРѢХОВЕЦКІЙ ДОГОВОРЪ.

(БИБЛІОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАМѢТКА)[1].

1877.

Въ Стокгольмѣ отпечатанъ недавно первый томъ предпринятаго на счетъ правительства важнаго изданія „Договоровъ Швеціи съ иностранными державами“ [2]). Въ предисловіи издатель, г. О. С. Рюдбергъ, объясняетъ, что въ шведской литературѣ это—еще первое собраніе подобныхъ документовъ; они расположены въ хронологическомъ порядкѣ и дополнены такими трактатами между другими государствами, которые прямо касаются Швеціи. Г. Рюдбергъ пользовался для этого какъ архивами, такъ и разсѣянными въ другихъ мѣстахъ рукописями и печатными текстами. Съ тою же цѣлію онъ предпринималъ путешествія въ чужіе края, былъ между прочимъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ; такимъ образомъ ему удалось собрать много матеріаловъ не только для настоящаго тома, но и для послѣдующихъ, что̀ должно значительно ускорить ходъ изданія. Печатается оно изящно и составляется съ большимъ тщаніемъ; первый томъ содержитъ 637 страницъ; въ концѣ его приложены указатели: 1) хронологическій; 2) по государствамъ, расположеннымъ въ азбучномъ порядкѣ; 3) географическій и 4) личный. Второй изъ этихъ реестровъ повторенъ и на французскомъ языкѣ. Сверхъ того въ концѣ тома помѣщены два большіе списка съ подлинныхъ рукописныхъ актовъ, прекрасно исполненные въ Берлинѣ

Для насъ всего интереснѣе въ этомъ томѣ русскій текстъ *Орѣховецкаго договора*, въ первый разъ открытый и изданный г. Рюдбергомъ, а также изслѣдованіе его о двухъ найденныхъ имъ редакціяхъ этого памятника. Трактатъ, заключенный въ 1323 году между новгородскимъ княземъ Юріемъ и шведскимъ королемъ Магнусомъ, установившій впервые опредѣлительнымъ образомъ границы между обоими государствами и послужившій основаніемъ всѣхъ дальнѣйшихъ между ними

---

[1]) Сборникъ отд. рус. яз. и сл., т. XVIII, Спб. 1878, (ранѣе отдѣльно, какъ Приложеніе къ XXXI т. Записокъ Имп. Ак. Наукъ, № 3, 1877).

[2]) Полное заглавіе книги: „Sverges Traktater med främmande magter jemte andra dithörande handlingar. Utgifne af O. S. Rydberg. Första delen 22—1335. Stockholm 1877“ (т. е. Договоры Швеціи съ иностранными державами и другіе относящіеся къ тому акты. Изданы О. С. Рюдбергомъ. Часть первая).

соглашеній, извѣстенъ былъ до сихъ поръ только въ латинскихъ и шведскихъ текстахъ. Первый, кто упомянулъ о сохранившихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ двухъ русскихъ спискахъ Орѣховецкаго договора, былъ извѣстный ученый, г. Гильдебрандъ. Прочитавъ его указаніе на то въ Запискахъ стокгольмской академіи исторіи и древностей [1]), я еще въ 1850-хъ годахъ отнесся къ государственному архиваріусу, бывшему профессору Гельсингфорскаго университета Нордстрему, съ просьбою доставить мнѣ копію съ этихъ списковъ. Нордстремъ († 1874 г.) тогда же отвѣчалъ мнѣ, что дѣйствительно ихъ видѣли въ тамошнемъ архивѣ, но что потомъ они были заложены, такъ что никто уже не могъ ихъ отыскать [2]). Долгое время они считались потерянными, пока г. Рюдбергу удалось снова найти ихъ. Часть его книги, касающаяся Орѣховецкаго договора, отпечатана также отдѣльно съ нѣкоторыми дополненіями, и притомъ съ приложеніемъ фотолитографированнаго снимка съ русской рукописи (котораго нѣтъ въ полномъ изданіи). Года три тому назадъ шведскій посланникъ въ Петербургѣ г. Дуэ, по просьбѣ г. Рюдберга, сообщалъ мнѣ какъ этотъ снимокъ, такъ и другой со второго списка, для полученія моего отзыва о языкѣ и другихъ особенностяхъ обѣихъ рукописей. Вотъ текстъ главнаго списка:

„Се я^{з} князь великыи Юрги спосадникомъ Алфоромѣјемъ и стысяцки^{м} Аврамо^{м} съ всѣмъ Новымъ городомъ докончали есмъ съ братомъ свои^{м} съ кнзе^{м} Свеискы^{м} с Мануше^{м} Ориковице^{м}. А приехали о^{т} Свѣиского кн҃зя пóслове Герикъ Дюуровиц^{ь} Гемипки Орисловиць Петр^{ъ} Юнши^{н} попъ Вымундеръ. А ту бы^{л} о^{т} купець съ Готского берега Лодвикъ и Ѳедоръ, и докончали есмы миръ вѣчныи и хрестъ целовали и да кня^{з} великјі Юрги совсѣмъ Новы^{м}городо^{м} по любви три погосты Севилакшю, Яскы, Огребу Корѣльскый погосты, а розво^{д} и межя о^{т} моря река Сестрея о^{т} Сестреѣ мохъ середе мха гора о^{т}толѣ Сая рѣка о^{т} Саѣ Солнычныи каме^{н}, о^{т} Солнычнего камени на Чермьную Щелю, о^{т} Чермной Щельѣ, на озеро Лембо о^{т}толѣ на мохъ на Пехкѣй, о^{т}толѣ на озеро Кангасъ јерви, о^{т}толѣ на Пурноярьви, о^{т}толе . . . . . . Янтоярви, о^{т}толѣ Торжеярви, о^{т}толѣ Сергилакши о^{т}толѣ Самосало, о^{т}толѣ Жити, о^{т}толѣ Корѣ-

[1]) Въ статьѣ: „Om Nöteborgska Freden och Sveriges gräns mot Ryssland från år 1323 till början af 17-de århundradet“ (Kongl. Vitterhets-Historie- och Antiqvitets Academiens Handlingar. t. XX, 171—260).

[2]) См. ниже, стр. 16. *Ред.*

ломкошки, оттолѣ Колѣмакошки оттолѣ Патсоѣки
оттолѣ Каяно море. а что н҃ших погостовъ
Новгородскихъ воды и землѣ, и ловиш(ш ?) у Ловежи
половина во всѣмъ Ковкоу кали половина
Ватикиви половина Соумовиси половина
Уксипя половина Урбала половина, Кедевя
шестая часть, Бобровъ Коуноустани шестая
часть за рубежем а то все к Новугороду. . .
Гости гостити беспакости изъ всеи нѣмъцискою зем
лѣ из Любка из Готского берега и Свѣискои землѣ
по Невѣ в Новгород горою и водою а Свѣямъ всѣмъ
из выбора города гости не переимати, тако же и нашему гостю чистъ путь заморе посемъ миру городов
не ставити ко корѣльскои землѣ ни вам ни намъ.
А должникъ и поручникъ и холопъ нихто лихо
не учинит. А побѣгнеть или квам или кнам выдати
его по исправѣ. А землѣ и воды у новогородскои
Корѣлы некупити Свеямъ и выборяномъ.
Аже имуть за наровцѣ нѣ правити к великому кн҃зю
и к новугороду. а Свеям имъ не пособляти. а что ся
учинитъ в томъ миру обидное или от васъ
или от насъ миру не порушити всему тому ȷ̈справа
учинити, а гдѣ учинится тяжь ту нѣ кончати по
Бжиј правде а навугороду миръ и пригородомъ
всѣмъ и всеи во́лости Ноугородскои также
и всеи землѣ Свѣискои а взя ъ князь великиј
и миръ и весь Новгород Свеиским князем и совсею
Свѣискою землею и свыбором в пятьницу за три дни
передь успевјемъ С҃тыя Бц҃я. А хто измѣнит
хрестеноје цѣлованје на того Б҃ъ и С҃тая Бц҃я.

„Орѣховецкій миръ (говоритъ издатель), первый договоръ опредѣлявшій отношенія между Швеціей и ея восточнымъ сосѣдомъ, составляетъ безъ сомнѣнія одинъ изъ важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ памятниковъ нашихъ среднихъ вѣковъ. О значеніи, какое сохранилъ этотъ актъ еще и въ послѣдующія столѣтія, пока тявзинскій миръ не утвердилъ взаимныхъ отношеній обоихъ государствъ на новыхъ основаніяхъ, свидѣтельствуютъ не только многіе договоры, которые ссылаются на трактатъ Юрія и Магнуса, но и многочисленные его списки 15-го, 16-го и 17-го вѣковъ„ хранящіеся въ шведскомъ государственномъ архивѣ.

„Между тѣмъ этотъ трактатъ, будучи извѣстенъ намъ только въ спискахъ, причинилъ наукѣ большія затрудненія. Эти копіи, писан-

ныя на разныхъ языкахъ, по-русски, по-латыни по-шведски и столь различныя по содержанію, что онѣ никакъ не могутъ быть пріурочены къ одному основному тексту, подали поводъ къ весьма разнообразнымъ толкованіямъ. Мои разысканія какъ по этимъ актамъ, такъ и по другимъ документамъ, относящимся ко времени отъ конца 15-го до второй половины 16-го столѣтія, когда разсматриваемый договоръ игралъ важную роль въ дипломатическихъ сношеніяхъ между Швеціей и Россіей, привели къ результатамъ, существенно отличающимся отъ тѣхъ, къ которымъ приходили другіе изслѣдователи". Для разъясненія истины г. Рюдбергъ не жалѣлъ трудовъ: какъ мы уже видѣли, онъ посылалъ въ Петербургъ снимки съ обѣихъ найденныхъ имъ въ шведскомъ архивѣ рукописей. Вѣрныя и четко писанныя съ нихъ копіи были сдѣланы для него подъ наблюденіемъ академика А. Ф. Бычкова, а печатный текстъ по фотографическому снимку провѣренъ профессоромъ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитомъ и имъ переведенъ дословно на шведскій языкъ.

Изъ подробнаго изслѣдованія г. Рюдберга, занимающаго 72 страницы большого формата, убористой печати, сообщу здѣсь наиболѣе выдающіяся замѣчанія.

Затерянный подлинникъ Орѣховецкаго договора, какъ мы узнаемъ изъ находящейся въ стокгольмскомъ архивѣ отмѣтки, писанъ былъ порусски и по-латыни, Относительно судьбы подлинника можно вывести слѣдующія заключенія. Хранился онъ въ Выборгѣ, гдѣ изстари велись переговоры съ Россіею. Въ 1537 г. шведскіе уполномоченные объявили русскимъ, что Юрьева грамота о мирѣ пропала; однакожъ оказывается, что это увѣреніе было только предлогомъ, придуманнымъ по политическимъ причинамъ, такъ какъ шведы не хотѣли признавать границъ, опредѣленныхъ трактатомъ въ 1323 года. Изъ хранящихся въ шведскомъ государственномъ архивѣ реестровъ видно, что еще около исхода 17-го вѣка было цѣло значительное количество старинныхъ трактатовъ, заключенныхъ съ Россіею, и всѣ соображенія приводятъ къ убѣжденію, что упоминаемый нами подлинный договоръ со многими другими драгоцѣнными документами погибъ не ранѣе какъ при пожарѣ выборгскаго замка 7 мая 1697 года.

Любопытно то обстоятельство, что дошедшіе до насъ списки этого договора, — сколько извѣстно, единственнаго, какой былъ заключенъ между Юріемъ и Магнусомъ, — представляютъ по содержанію двѣ различныя редакціи и могутъ быть раздѣлены на двѣ группы, какъ бы указывающія на двѣ договорныя грамоты. Рукописи одной группы носятъ помѣту: пятница предъ успеніемъ Богоматери — „sexta feria proxima ante assumpcionem beate virginis"; на спискахъ другой группы читается то: понедѣльникъ предъ Рождествомъ Богородицы, то: понедѣльникъ до (или послѣ) Рождества Богородицы: — „feria

ОРѢХОВЕЦКІЙ ДОГОВОРЪ 1323 ГОДА.

(Снимокъ съ сохранившейся въ Швеціи рукописи).

Се азъ князь великыи Юрьи с посадникомъ Олфоромеемъ,
с тысяцкимъ Аврамомъ со всемъ Новымъгородомъ
доконцали есмя с братомъ своимъ с княземъ свеискимъ
с Манушемъ Ориковицемъ. А приехали от свеиского
князя послове Геркъ Дюрговиць, Гемминги Орнело-
виць, Петръ Юнши попъ Бемундеръ. А у Бъя
от Пунецк с Голтского берега Годаникъ и Федоръ,
и доконцали есмя миръ вѣчныи и крестъ целовали.
И далъ князь великыи Юрьи со всемъ Новымъгородомъ по-
любви три погосты: Севилакшо, Яскы, Огребу Корель-
скыи погосты. А рубежь: от моря рѣкою Сестрею,
от Сестрее мохъ, с середи моха гора, от горы Сая рѣка,
от Сае Солнечьныи камень, от Солнечного камени
на Чермную щелю, от Чермнои щели на озеро
Лембо, от Лембо на мохъ на Пехкуи, от того на Ак-
ро Кангасъ ярви, от того на Пурноярви, от того
. . . . . янтоярви, от того Чорокъ ярви, от того Сергиль-
лахти, от того Самосало, от того Жити, от того Корв,
Лопошни, от того Колбмакоски, от того Палиови
лохошки, от того Каяно море. А что наши погосты
новгородскихъ водамъ и земли, и ловища у Лопари
половина поселемъ Корелу Кали половина
Валпити половина Сумориси половина
у Кипы половина урбала половина, Кареля
шестая части, боброве коунаступани шестая
части Зарубеж... А гостемъ попуъ городу . . .
Гостити гостити без пакости изъ всеи нѣмечкои зе-
мли изъ Вадчи изъ Голтского берега и свѣискои земли

по Нарову в Новгород город и в Ладогу. А свеяном свейским
из Выборга города гости не перенимати, а такоже и нашим
гостем чистый путь за море по сему миру. Городов
не ставити в Копорьской земле ни вам ни нам.
А разбойника и поручника и холопа и ни хто лихо
не учинит. А побежит или к вам или к нам, выдати
его по исправе. А земли и воды у новгородцкой
Корелы не купити свеяном ни выборжаном.
А хрестьянскои за нароком не отпратити к великому князю
к Новугороду. А свеям им не пособляти. А что с
учинится в том миру обидное или от вас
или от нас, к миру не порушити, тому исправа
учинити. А праведно учинилося ... по
божьи правде. А Новугороду мир и пригородом
всем, и всеи волости Новгородской, такожде
и всеи земли Свейской. А за князя великого
и мира и всего Новгорода свейскии князь и всеи
Свейской земле к Выборгу в пятницу за три дни
перед успением святыя богородица. А кто изменит
хрестьное целование, на том бог и святая богородица.

secunda ante (post) nativitatem beate virginis“. По изслѣдованіямъ г. Рюдберга становится несомнѣннымъ, что первоначальный трактатъ принадлежитъ къ первой изъ этихъ двухъ группъ, хотя относящійся къ ней списокъ и носитъ литеру В съ отмѣткою: „старая порубежная грамота, которой не должно показывать“ (gambla Rågångzbref som ntet skole frambäras). Это предостереженіе въ той или другой формѣ находится на многихъ старинныхъ спискахъ именно первой изъ означенныхъ группъ разсматриваемаго документа и служитъ только къ подтвержденію мысли о подлинности ея содержанія.

Что касается другого русскаго списка, существенно отличающагося по содержанію отъ приведеннаго, то онъ, по мнѣнію г. Рюдберга, не что иное какъ переводъ съ шведскаго текста позднѣйшаго происхожденія. Этотъ позднѣйшій текстъ сохранился въ нѣсколькихъ шведскихъ и латинскихъ редакціяхъ. Издатель весьма подробно и основательно разсматриваетъ какъ ихъ взаимное отношеніе, такъ и связь ихъ съ первоначальнымъ текстомъ, и приходитъ къ убѣжденію, что позднѣйшія редакціи вовсе не основываются на дѣйствительномъ трактатѣ, что онѣ подложны. Однимъ изъ главныхъ доказательствъ этого служитъ ему то, что не сохранилось ни латинскаго, ни русскаго текста позднѣйшаго трактата, который конечно былъ заключенъ именно на этихъ двухъ языкахъ. Латинскихъ списковъ много, но они по всѣмъ признакамъ составлены по шведскому, съ котораго переведенъ и единственный русскій списокъ этой редакціи. Другое важное доказательство то, что при заключеніи тявзинскаго договора между Россіей и Швеціей уполномоченные руководствовались только первоначальнымъ актомъ, а о позднѣйшемъ нѣтъ и помину. Такимъ образомъ послѣдній, явно составленный въ пользу Швеціи, несомнѣнно оказывается подложнымъ и возникъ, по всей вѣроятности, въ концѣ 15-го или началѣ 16-го вѣка, когда Шведамъ хотѣлось подкрѣпить формальнымъ документомъ тѣ отступленія отъ первоначально опредѣленной пограничной линіи, которыя постепенно совершились частію вслѣдствіе напора съ запада возраставшаго населенія, частію на основаніи добровольныхъ соглашеній между сосѣдними жителями обоихъ государствъ.

Нельзя не отдать справедливости достоинствамъ изслѣдованія г. Рюдберга, которое отъ начала до конца ведено съ величайшею основательностью и рѣдкимъ безпристрастіемъ.

Кромѣ Орѣховецкаго трактата изданный томъ содержитъ въ себѣ и другіе договоры, состоявшіеся между русскими князьями и Швеціею въ продолженіе времени отъ 1189 до 1326 года.

ГРАМОТА ГЕРЦОГА КАРЛА КЪ ЦАРЮ ѲЕДОРУ ІОАННОВИЧУ,

НАЙДЕННАЯ ВЪ СТОКГОЛЬМСКОМЪ АРХИВѢ [1]).

1857.

Древнѣйшій мирный договоръ, опредѣлившій спорныя границы между Швеціей и Россіей, заключенъ былъ въ Орѣховѣ 1323 года. Онъ тѣмъ особенно важенъ, что въ теченіе послѣдующихъ столѣтій почти всегда принимаемъ былъ за основаніе при мирныхъ переговорахъ обѣихъ державъ. Между тѣмъ въ русскихъ архивахъ до сихъ поръ не найдено его; онъ извѣстенъ, въ подробностяхъ своихъ, только по латинскимъ и шведскимъ спискамъ, которыми пользовались историки Швеціи. Такъ въ исходѣ прошлаго столѣтія Абовскій профессоръ Портанъ напечаталъ этотъ трактатъ въ своемъ „Sylloge monumentorum" по тремъ бывшимъ въ рукахъ его латинскимъ копіямъ. Его трудомъ пользовался и Карамзинъ по изслѣдованіямъ Лерберга; а академикъ Бутковъ перевелъ на русскій языкъ текстъ, предложенный Портаномъ. Въ новѣйшее время три разныя редакціи этого документа помѣщены въ „Diplomatarium Suecanum" шведскаго государственнаго антикварія Гильдебранда. Наконецъ, въ финляндскомъ журналѣ „Suomi" въ 1841 году напечатанъ не столь хорошій шведскій списокъ договора, заимствованный изъ дѣлъ о мирныхъ трактатахъ съ Россіею, собранныхъ въ Стокгольмскомъ архивѣ подъ заглавіемъ „Muscovitica 1340 — 1661". Обзоръ разныхъ редакцій и содержанія этого памятника находится во второмъ томѣ „Antiquités Russes", — сборника, изданнаго Копенгагенскимъ Обществомъ сѣверныхъ антикваріевъ.

Названный мною ученый Гильдебрандъ въ актахъ шведской академіи исторіи и древностей за 1852 годъ помѣстилъ обширное критическое разсужденіе объ „Орѣховскомъ мирѣ и границѣ между

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1857, № 3.

Швеціею и Россіею до начала XVII вѣка". Найдя въ этомъ сочиненіи любопытное для насъ свѣдѣніе, что въ Шведскомъ государственномъ архивѣ хранятся и два славянскіе списка помянутаго договора, я обращался къ начальству архива съ просьбою доставить мнѣ точныя копіи съ обоихъ документовъ.

Мнѣ отвѣчали, что этихъ списковъ еще не могли отыскать, но что какъ скоро они найдутся, то будутъ мнѣ высланы въ копіи [2]); а между тѣмъ начальникъ архива препроводилъ ко мнѣ копію съ другой также любопытной бумаги, относящейся къ сношеніямъ Россіи съ Швеціею.

Первая занимательная сторона ея та, что это — писанная *по-русски* грамота правителя Швеціи герцога Карла (впослѣдствіи короля Карла IX) къ Московскому царю Ѳеодору Іоанновичу. Что Карлъ и послѣ сносился съ Годуновымъ на русскомъ языкѣ, подписывая свое имя по-латыни, можно видѣть изъ одного примѣчанія въ Исторіи гос. Р. (XI, пр. 51); но что настоящая грамота была неизвѣстна Карамзину, въ томъ также легко убѣдиться, какъ будетъ показано ниже. Дошла ли она до Ѳеодора Іоанновича, также не знаемъ. Она писана въ 1596 году, слѣдовательно на другой день послѣ заключенія Тявзинскаго мира, въ городѣ, котораго имени переписчикъ не разобралъ и потому старался передать его точнымъ изображеніемъ буквъ: по началу и окончанію слова можно догадываться не Эребро ли (Örebro) это. Здѣсь предлагается во всей точности этотъ списокъ, доставленный мнѣ изъ Стокгольма.

„Пресвѣтлѣйшему и велеможному князю царю.............................. Ѳедору Ивановичу всея Русиі. Пресвѣтлѣйшей и высокороженый князь государь король, свѣйского королевства дѣдичь и властель настоятель челомъ бьетъ. отъ бога всемощного благословеніе и благодать владѣть всегда впередъ. і даемъ твоему царскому величеству вѣдать. что мы твоего царского величества отповѣди достали противу нашего письма котораго мы прежъ сего згансбукомъ стоварищи къ твоему царскому величеству отпущали. а отповѣдь была писана не отъ твоего царского величества. пригожя было тебѣ Государю писать отъ твоего царского величества и втомъ письмѣ написано. что мы — ся пишемся свѣйского королевства властелемъ и настоятелемъ и твоего царского величества отповѣди на томъ отъ себя не хотѣлъ учинить. толкуете то слова по русски лишь противу твоего царского величества воеводе и намѣстника ноугородского или казанского государства. только бы мы — ся писались свѣйского королевства дѣдичнымъ княземъ по прежнему какъ" (здѣсь пропускаются два слова, не разобранныя писаремъ) „писались и твоего царского величества самъ отъ

---

[2]) См. выше, стр. 11—12. *Ред.*

себя велѣлъ къ намъ отповѣдь учинить и коли мы въ свейскомъ королевствѣ Королемъ учинимся и твой царского величество толды хочешь съ нами дѣла дѣлать. на той мы тебѣ царскому величеству даемъ отповѣдь. которое письмо згансъбукомъ кнамъ прислано и выразумѣли.. что твои царскаго величества толмачи нѣвыразумѣли и имъ прото нѣвѣдомо. какъ воиныхъ земляхъ ведетця. вримскомъ царствѣ внеметцкой землѣ. вспанской вѳранцовеской. во английской и во иныхъ королевствахъ. а слово то властель и настоятель именуецся. которой владѣетъ и приказываетъ какъ самъ король. и что онъ дѣлаетъ то все бываетъ здержано крѣпка такъ какъ коли король самъ на мѣсте. и тебѣ царскому величеству вѣдомо. что король Жигимонтъ единъ человѣкъ и ему во обѣихъ королевствахъ вдругъ быть нельзѣ. хотя онъ король во обѣихъ царствахъ и всвеи и впольши. да и вѣдомо твоему Царскому величеству что не дружба была промежъ обѣхъ царствахъ руские земли и свѣйской. потому что..................велеможнымъ королемъ Жигимонтомъ снашимъ любезнымъ племянникомъ и братомъ ни котораго дѣла вершити до коихъ мѣстъ онъ вдругой королевствѣ. будетъ нине доброму дѣлу отсрочить впередъ. до коихъ мѣстъ его велеможны король придетъ въ свое королевство. и тому доброму дѣлу будетъ помешки. и твоему царскому величеству подданнымъ и намъ и свѣйскаго королевства подданнымъ въ томъ прибыли нѣто опрична убытка. да во отповѣди писана толки мы учинимся всвѣйского королевства королемъ. И твой царскаго величества хочешъ толды снами ссылатись по дѣлу смотря. Хотя мы не дѣдичь и вочиникъ ксвѣйскому королевству. а послѣ нашего племянника пресвѣтлѣйшаго и велеможнаго Князя и государя Жигимонта короля свѣйского и полского и его королевска величества сынъ и братъ ближны ккоролевству свѣйскому и владѣемъ надъ иными многими людьми и земель великихъ надъ которыми мы Государь. И ввойнѣ мы своихъ людей нѣмала противу твоего царскаго величества земли держали и лучи того миру нѣлзѣ установить для королевства свѣйскаго. Какъ мы начальной и ближной короля въ здѣшномъ королевствѣ поволимъ. а мыся нехотимъ противу любви и правды дѣлать и противу Бога и Христьянские правды дерзнути. Хотя мы неназываемся королемъ и мы однѣхъ королевскихъ дѣти. и ото всѣхъ Царей королей и князей на счетѣ равно скоролемъ и владѣемъ одно королевство съопчя. а мы была начаялись отъ твоего царского величества нѣтакова отповѣди. начаялись отъ твоего царского величества чтобы ты Государь отъ себя грамоту сполна отповѣдь кнамъ писалъ какъ кнамъ пишутъ изнѣметцкихъ земель отъ цисаря римскаго короля спанского Ѳранцувскаго. английского и ины великие Государя. Противу вашего письма мы есми ссними всватовствѣ. коли мы отъ тебя Государя надежнаго отповѣди на свою грамоту недостали ко-

торую мы ктвоему царскому величеству писали. и мы нине еще ктвоему царскому величеству пишемъ. да написана втойже грамоте которая прислана. что свѣйские послы которые посланы на рубежъ грани розѣжять и вто время нѣприхаживали какъ присрочено было на мировомъ установленіи и мы инака невѣдаемъ что свѣйские послы приѣхали на рубежъ втоже воемя какъ твои царскые величества послы пришли. хотя свѣйскіе послы и нѣпоспѣли и то нѣдива потому, что путь водяной на великомъ море коли вѣтру встрѣче и имъ ссвоими кораблями ѣхать нѣльзѣ.—а которые въ третеемъ мѣстѣ посланы крепулы (*) сквозь лопскую землю. кмурманскому морю рубежъ розѣзжать и тѣ были долга времени на дороги. да ужъ давно приѣхали за многа недѣль на рубежъ и съѣжались ствоими Царскими величествомъ послами. и твои царские послы нѣхотѣли починъ дѣлать отъ репулы какъ взаписи писана. но хотѣли починать отъ маселги да хотѣли многа земли свѣйской положить круской землѣ черезъ старой рубежъ и границу. для того они нѣсъѣжались чтобы задору и брани нѣбыла. и твой царскаго величества бъ своимъ царскаго величества посломъ приказалъ которымъ рубежи класти чтобы они нѣвступались внѣ земли. которые земли вправду были изстари подъ свѣйскою короною. чтобы они какъ добры честны люди по крестному цѣлованемъ сыскали вправду. а свѣйскимъ посломъ на сей сторонѣ дѣлать потомужъ.

„Да выразумѣли мы что твои царского величества послы которые посланы рубежи розѣзжать и грани класти межу ругодива и Івана-города. отъ наровскаго устья до чудцкаго озера таковожъ вступаются въ землю. которая вправду кліѳлянской землѣ изстари бывала. и ты бъ своимъ царскаго величества посломъ приказалъ потомужъ чтобы они вчужое нѣвступались. дѣла бъ дѣлали такъ чтобъ межъ великихъ царствахъ миръ и одиночество была. и то добрая дѣла что почятабъ совершити и держати крѣпка и нѣпорушима. да написана втойже письмѣ что твоему царскому величеству городъ Корѣлу со всей землею еще неотдали. по великихъ пословъ приговору и крестнымъ цѣлованемъ. и ты Государь прошаешъ города корѣлу вскоре со всею землею. о взаписи написана въ стате что городъ корѣлу со всею землею твоимъ царскимъ величествомъ воеводомъ очищена будетъ вто время какъ прямы рубежи и грани положатъ и во всѣхъ мѣстехъ утвердитця записми и печатми и крестнымъ целованемъ чтобы впредъ до вѣка брани и роздору со обѣихъ сторонъ нѣ всчинать. и твоему царскому величеству города горѣлу прошать нѣсмѣйти до коихъ мѣстъ рубежи и грани положены будутъ у лопские земли и во иныхъ мѣстехъ записми и печатми укрѣпятъ. а впередъ крестнымъ целованемъ утвердятъ по договору, да со обѣихъ сторонъ напередъ полоняниковъ

(*) Репула, въ сѣверовосточной Финляндіи.

отпущать безокупа безпомешки. а которы полоняники были здѣсь у насъ дѣти боярские и ины. И тѣ изъ свѣй отпущены. мы начаялись, чтобы свѣйскихъ полоняниковъ противу того таковожъ опростати. и ихъ еще держать назади и они терпятъ великую нюжу и голодъ. и то непоходили на то, что поволено и приговорено на съѣзде. чтобы съ обѣихъ сторонъ задору нѣбыла. да мы челомъ бъемъ чтобы твой царского величества приказалъ отпустить безпомешки всѣхъ полоняниковъ дѣтей боярскихъ и мѣлкихъ людей отъ мала до велика которы полоняны вгородѣхъ и на поля. которы подъ свѣйской короною служивали по договору опростать. какъ то всо и здѣлаетця и рубежи вправду положятъ. и о послѣ тогобы твоему Царскому величеству своихъ царскихъ пословъ отпустить сполнымъ наказомъ на рубежъ. кому отъ твоего царскаго величества крестъ цѣловать и мы хотимъ своихъ полныхъ пословъ отпущать потомужъ. кому за велеможного короля свѣйского и за насъ и за свѣйского королевства крестъ цѣловать на рубежи. а о послѣ того твой Царского величества своихъ царскихъ великихъ пословъ отпустить въ Свею. которымъ отъ твоего царскаго величества вкоролевствѣ крестъ цѣловать. и мы таковожъ что владательной Государь и властель отъ велеможного короля и отъ себя і отъ короны свѣйской своихъ великихъ пословъ отпустимъ ктвоему Царскому величеству. которымъ у твоего царского величества потомужъ дѣла дѣлать. а какъ велеможны король свѣйской придетъ всвою королевству и ввочину и онъ записми и печятми впередъ утвердить будетъ твой царского величества произволитъ. а мы о томъ станемъ же радѣти. і что приговорено вдоговорномъ держати постоянна крѣпка и нерушима безо всякие хитрости. послѣ того городъ корѣла безпомешки твоему царскому величеству отдано будетъ. прежъ того нѣльзѣ. и твоему царскому величеству дотого прошать нѣсмѣйти какъ всѣ добры дѣла кконцу будутъ приведены и совершены. какъ и мы начаемся. и мы толды всегда обявимъ твоему царскому величеству и воздадимъ ласки сколки будетъ твоему царскому величеству приятна и годна и обѣма великимъ землямъ и царствамъ дружба вѣрна и сусѣдь спомочна быть. да челомъ бью чтобы твою царского величества стѣмъ же посланникомъ противу сего нашего письма отповѣдь далъ. сохрани тебя Царского величества Богъ вышный со всею царствою. писана внашомъ градѣ ПОЪро мая въ 12 день влѣта послѣ рождества Христова 1596".

По содержанію, письмо раздѣляется на двѣ половины. Въ первой высказываются для потомства тайные замыслы Карла, стремившагося овладѣть шведскимъ престоломъ, между тѣмъ какъ племянникъ его Сигизмундъ, законный наслѣдникъ двухъ коронъ, находился въ Польшѣ. Карлъ жалуется, что на письмо свое, отправленное въ Москву съ посломъ

Гансбукомъ, онъ получилъ *отповѣдь* не отъ имени самого царя, который не хотѣлъ ему отвѣчать, потому что титулъ властеля и настоятеля, употребленный Карломъ, соотвѣтствуетъ какъ-бы только званію воеводы и намѣстника Новгородскаго или Казанскаго. Противъ этого Карлъ возражаетъ что властелемъ и настоятелемъ называется тотъ, кто владѣетъ и приказываетъ, какъ самъ король; далѣе онъ приводитъ доказательства, что, по обширности власти и по дѣйствіямъ своимъ (извѣстно что онъ миръ Тявзинскій заключилъ, не спросясь Сигизмунда), и по происхожденію онъ равенъ владѣтельному государю, отъ чего и пишутъ ему отъ себя всѣ прочіе монархи европейскіе: царскіе же толмачи не выразумѣли и имъ про то невѣдомо, какъ въ иныхъ земляхъ ведется. Вѣроятно, для предупрежденія вторичнаго недоразумѣнія, Карлъ въ началѣ этой грамоты уже называетъ себя: король, Свейскаго королевства дѣдичъ и властель настоятель.

Во второй половинѣ письма онъ оправдываетъ шведскихъ пословъ на которыхъ царь жаловался, что они не во-время пріѣхали на рубежъ для опредѣленія границъ по Тявзинскому договору. Съ своей стороны, Карлъ приноситъ жалобу, что русскіе послы „розъѣзжая грани", стараются, вопреки записи, отторгнуть отъ Швеціи такія земли, которыя по праву ей принадлежатъ. Такое стремленіе русскихъ уполномоченныхъ послѣ Тявзинскаго мира видно и изъ другихъ источниковъ: Карлъ проситъ царя приказать имъ, „чтобы они въ чужое не вступались". Далѣе онъ оправдываетъ свое правительство также и въ томъ, что городъ Корела (Кексгольмъ) еще не отданъ русскимъ во исполненіе договора и напоминаетъ, что въ записи шведы обязались отдать его только тогда, когда рубежи будутъ окончательно положены и плѣнные съ обѣихъ сторонъ размѣнены, а шведскихъ плѣнныхъ держатъ въ Россіи вопреки условію. Карамзинъ повидимому не зналъ о замедленіи со стороны Швеціи въ уступкѣ Кексгольма (см. Т. X Гл. III, стр. 98). По словамъ шведскаго историка Фрюкселя, Сигизмундъ и его сильный сторонникъ Флемингъ, дѣйствовавшій въ Финляндіи, съ намѣреніемъ не отдавали Кексгольма, чтобы имѣть предлогъ къ оставленію войскъ подъ ружьемъ; полагали, что имъ хотѣлось возбудить новую войну, чтобы занять умы въ Швеціи. Дѣйствительно, война возобновилась бы непремѣнно, еслибъ Карлъ не успѣлъ, посредствомъ частыхъ сношеній съ Москвою, поддержать терпѣніе царя. Кексгольмъ уступленъ былъ русскимъ и миръ окончательно утвержденъ не прежде 1597 года, уже по смерти Флеминга.

ДѢЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ МАРТИНЪ БЕРЪ АВТОРЪ ХРОНИКИ? *)

1849.

I.

Еще въ княженіе Іоанна III иноземцы пріобрѣли значеніе въ исторіи внутренняго развитія Россіи: но участіе ихъ въ событіяхъ становится болѣе замѣтнымъ при Іоаннѣ Грозномъ, особенно послѣ Лифляндскихъ походовъ. Въ 1560 годахъ возникла въ Москвѣ первая лютеранская церковь, основанная ремесленниками и художниками, вызванными Царемъ изъ-за границы [1]). Іоаннъ изъявлялъ особенную милость лютеранамъ или — какъ ихъ тогда вообще называли — Нѣмцамъ, оказывалъ имъ явное предпочтеніе предъ римскими католиками и даже возбудилъ во многихъ изъ своихъ подданныхъ подозрѣніе, будто онъ втайнѣ склоняется къ лютеранскому исповѣданію. Вліяніе нѣмцевъ въ Москвѣ было такъ сильно, что нѣкоторые изъ православныхъ жителей были уличены въ приверженности къ новому ученію и переданы за то суду [2]). Между любимцами Іоанна важное мѣсто заняли многіе лифляндскіе дворяне, и двое изъ нихъ, Таубе и Крузе, возведены были въ званіе думныхъ людей. Совѣтомъ этихъ двухъ нѣмцевъ руководствовался Царь, когда задумалъ создать Ливонское королевство. Многіе жители Дерпта, обвиненные имъ въ измѣнѣ, сосланы были въ разные внутренніе города Россіи. Въ сибирскомъ походѣ Ермака участвовали нѣмцы, а въ войскѣ Ѳеодора Іоанновича было ихъ уже болѣе 4000 вмѣстѣ съ поляками, но не считая шотландцевъ, нидерландцевъ, датчанъ и шведовъ [3]). Борисъ Годуновъ ласкалъ иноземцевъ еще болѣе, нежели Іоаннъ Грозный: звалъ въ Россію не только лѣкарей, ремесленниковъ, но и людей чи-

---

*) Журн. Мин. Н. Пр. 1849, № 5, т. XII.

[1]) Карамз. И. Г. Р. Т. IX.

[2]) Снегиревъ: *О началѣ и распространеніи Лютеранскихъ и Реформатскихъ церквей въ Москвѣ.* Москвитянинъ, ч. VI.

[3]) Карамз. Т. IX и X.

новныхъ и когда въ Москву прибыло 35 лифляндскихъ дворянъ и гражданъ, бѣжавшихъ изъ отечества, чтобы избавиться отъ притѣсненій поляковъ, то Борисъ осыпалъ ихъ милостями и одарилъ не только деньгами, но и помѣстьями. Впослѣдствіи Борисъ учредилъ Нѣмецкую дружину, которая заслужила особенную его благодарность въ борьбѣ съ Самозванцемъ. При немъ же построены были въ Москвѣ двѣ новыя лютеранскія церкви, и одна изъ нихъ въ самомъ Кремлѣ — обѣ по желанію шведскаго принца Густава. Іоаннъ Грозный подалъ своимъ преемникамъ примѣръ родственныхъ союзовъ съ нѣмецкими королевичами. Сперва онъ хотѣлъ выдать свою дочь за иноземнаго принца, а потомъ, вызвавъ Магнуса, брата короля датскаго Фридриха II, отдалъ ему въ супружество свою двоюродную племянницу, съ тѣмъ чтобы она со временемъ сдѣлалась ливонскою королевою. Этотъ же титулъ Годуновъ предназначалъ, кажется своей дочери Ксеніи, когда онъ вызвалъ изъ Пруссіи сына несчастнаго Эрика XIV. Но Густавъ, не наслѣдовавъ престола родительскаго, наслѣдовалъ отцу въ злополучіи: онъ пріѣхалъ въ Россію только для того, чтобы, послѣ краткаго обаянія почестями, найти могилу подъ снѣгами далекой чужбины, въ пустынномъ городишкѣ, въ ссылкѣ. Почти такова же, хотя менѣе унизительна, была судьба датскаго принца Іоанна, преемника Густавова въ честолюбивыхъ планахъ Годунова — какъ-будто все, что приходило въ соприкосновеніе съ несчастнымъ семействомъ Бориса, дѣлалось причастнымъ гибели, которой оно обречено было. Положеніе нѣмцевъ при Лжедимитріи не измѣнилось: овладѣвъ престоломъ, онъ изъявилъ уваженіе къ нимъ за вѣрность въ защитѣ прежняго государя и вскорѣ образовалъ изъ нихъ новую дружину тѣлохранителей, раздѣливъ ее на три отряда, каждый по 100 человѣкъ [4]). Вѣротерпимость въ отношеніи къ лютеранамъ, которая уже и въ царствованіе Бориса не нравилась народу, при Лжедимитріи простерлась до того, что пасторъ Мартинъ Беръ получилъ позволеніе проповѣдовать въ самомъ дворцѣ „для господъ капитановъ, докторовъ и другихъ нѣмцевъ, которымъ слишкомъ далеко было ходить въ Нѣмецкую слободу“ [5]).

Слухи о приготовленіяхъ, какія производились въ Москвѣ для торжественнаго пріема Марины съ ея свитою, привлекли туда многихъ иноземныхъ купцовъ, между которыми память о себѣ оставили особенно аугсбургскіе. Съ гибелью Самозванца кончилась безопасность нѣмцевъ въ Москвѣ: во время кровопролитія, сопровождавшаго его паденіе, многіе изъ нихъ были побиты вмѣстѣ съ другими иностранцами. При Шуйскомъ и Тушинскомъ ворѣ нѣмцы подверглись раз-

---

[4]) Карамз. Т. XI.

[5]) Сказан. Современн. о Дим. Сам., изд. 1834. Ч. I, стр. 77.

нымъ невзгодамъ, и многіе изъ нихъ окончили жизнь въ пустыняхъ Сибири [6]). Положеніе иноземцевъ въ Россіи поправилось не прежде, какъ въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича.

II.

Эти предварительныя замѣчанія почелъ я нужными для объясненія того богатства иноязычныхъ источниковъ, которымъ отличается литература русской исторіи въ періодъ отъ кончины Іоанна Грознаго до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Это время описано, вполнѣ или только частію, по-англійски, по-французски, по-польски, по-нѣмецки и по-шведски. Лучшимъ лѣтописцемъ этой эпохи считаютъ пастора Мартина Бера родомъ изъ Нейштата [7]), и полагаютъ что его разсказъ перешелъ потомъ, съ нѣкоторыми перемѣнами, и въ *Московскую Хронику* шведскаго посла Петрея. Но есть важныя причины сомнѣваться, точно ли Беръ составилъ Хронику ему приписываемую? Разсмотримъ этотъ вопросъ внимательно.

Г. Устряловъ, который изданіемъ „Сказаній современниковъ о Димитріи Самозванцѣ" оказалъ большую услугу нашей исторической литературѣ, говоритъ между прочимъ: „мы находимъ въ самой лѣтописи ясные признаки, что авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ" [8]). Съ этимъ нельзя согласиться.

Во-1-хъ, Лѣтопись нѣсколько разъ говоритъ о Мартинѣ Берѣ въ третьемъ лицѣ. Это ничего не значило бы, еслибъ можно было предположить, что авторъ принялъ за правило такъ называть себя: подобный образъ выраженія употребляли многіе писатели, какъ Юлій Цесарь въ своихъ Запискахъ. Но Юлій Цезарь и другіе слѣдовавшіе этой же методѣ держались ея постоянно во всемъ своемъ повѣствованіи. Напротивъ того, въ Хроникѣ, приписываемой Беру, также часто встрѣчается мѣстоименіе *я*. Въ первый разъ объ этомъ пасторѣ упомянуто такимъ образомъ: „Нѣмецкіе прихожане, кромѣ прежнихъ пасторовъ, могли содержать еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана изъ Вестфаліи и студента Мартина Бера изъ Нейштата: оба они" [9]) и т. д. Тутъ еще можно принять, что авторъ, въ первый разъ говоря о себѣ, захотѣлъ такъ выразиться, чтобы съ бо̀льшимъ удобствомъ показать, кто онъ такой. Но зачѣмъ бы ему было, въ одной изъ слѣдующихъ главъ, опять изъясниться о самомъ себѣ словами: „11 Мая Мартинъ Беръ, *уроженецъ Нейштатскій*, говорилъ во дворцѣ первую

[6]) Сказ. Соврем. о Дим. Сам. изд. 1834. Ч. I и II.
[7]) Городовъ этого имени много. Изъ какого Нейштата былъ Беръ?...
[8]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. XIII. *Прим.*
[9]) Тамъ же, стр. 17.

лютеранскую проповѣдь“ [10])?—когда передъ тѣмъ уже разъ было сказано: „какъ открыли *мнѣ* по довѣренности польскіе вельможи“ и когда далѣе говорится: „*я* самъ былъ тому свидѣтелемъ“, „разногласіе въ сужденіяхъ о Димитріи побудило *меня* развѣдать истину“ [11]), и проч. Въ разсказѣ объ опасности, которая, вслѣдствіе наговоровъ бояръ Тушинскому вору грозила нѣмцамъ въ Калугѣ, имя Мартина Бера, какъ спасителя ихъ, повторяется часто. Еслибъ писалъ онъ самъ, то, назвавъ себя по имени въ началѣ этого разсказа, онъ, конечно, по обыкновенію своему, послѣ сталъ бы вмѣшивать и мѣстоименіе 1-го лица въ изложеніе событій, въ которыхъ онъ принималъ дѣятельное участіе. Однакожъ тутъ, въ продолженіе всего довольно длиннаго разсказа, идущаго до конца главы, о Берѣ авторъ говоритъ не иначе, какъ либо повторяя имя его, либо употребляя слова *пастырь* или *пасторъ*.

Гораздо прежде, въ одномъ мѣстѣ сказано: „Сочинитель сей книги“; но отсюда никакого заключенія о томъ, кто писалъ книгу, вывести нельзя.

Во-2-хъ, въ Хроникѣ, приписываемой Беру, есть извѣстіе, что онъ погребалъ шведскаго принца Густава въ монастырѣ Димитрія Солунскаго: такое показаніе нашли въ этой Лѣтописи какъ Петрей, такъ и Карамзинъ [12]). Устряловъ прочелъ въ той рукописи, которою онъ пользовался: „Нѣмецкій пасторъ *Леве*, изъ Нейштата, похоронилъ его“ и т. д. Слова: *изъ Нейштата* заставляютъ подозрѣвать, что имя *Леве* или опечатка или, по ошибкѣ переписчика, попало сюда вмѣсто имени *Беръ*, которое если было написано нечетко, очень легко могло подвергнуться такому превращенію по сходству буквъ, встрѣчающихся въ обоихъ именахъ, когда ихъ представишь себѣ въ нѣмецкой скорописи (Bär=Löwe). И такъ надобно повѣрить Карамзину и Петрею, что въ Хроникѣ, приписываемой Беру, дѣйствительно сказано, что *онъ* хоронилъ Густава въ означенномъ монастырѣ. Петрей опровергаетъ это извѣстіе и разсказываетъ, что самъ онъ видѣлъ могилу принца за городомъ въ березовой рощѣ [13]). Здѣсь нѣтъ никакого повода сомнѣваться въ справедливости показанія Петрея. Слѣдовательно, остается предположить вмѣстѣ съ этимъ шведомъ, что Беръ умышленно солгалъ, — въ чемъ онъ не имѣлъ надобности, — или допустить что о немъ повѣствовалъ кто-нибудь другой. Что вѣроятнѣе, когда вся Лѣтопись запечатлѣна характеромъ истины?

---

[10]) Сказ. Совр. и Дим. Сам. Ч. стр. 77.

[11]) О Мартинѣ Берѣ въ 3-мъ лицѣ говорится на страницахъ-17, 77, 161, 172 — 180; мѣстоименіе *я* употреблено на стр. 32, 90, 102, 103, 105 и 153.

[12]) И. Г. Р. Т. XI, *прим.* 46.

[13]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I стр. 230.

III.

Кажется, предыдущее довольно убѣдительно показываетъ, что признаки въ самой Лѣтописи заключающіеся, скорѣе свидѣтельствуютъ противъ, нежели въ пользу предположенія, будто она составлена Беромъ. Кого же признать настоящимъ ея авторомъ? Если, какъ думать надобно, заглавіе этой Лѣтописи приведено вполнѣ Карамзинымъ и Устряловымъ, то можно сказать, что оно не даетъ права съ увѣренностію произнести имя ея сочинителя, которое въ заглавіи не выставлено. Вотъ это заглавіе въ томъ видѣ, какъ оно сообщено обоими историками: „Московская Хроника, содержащая въ себѣ происшествія отъ кончины Іоанна Васильевича Мучителя, ужаснѣйшаго и свирѣпѣйшаго, какого видѣло солнце со времени рожденія людей, 1584 — 1612 г. по Р. Х". [14]). Карамзинъ, основываясь единственно на показаніи Петрея, призналъ эту Хронику за трудъ Бера. Онъ говоритъ: „всѣ любопытныя сказанія Петрея взяты имъ изъ рукописной *Московской Хроники Мартина Бера* (*не Конрада Буссау, какъ пишетъ Кельхъ*). И такъ у лифляндскаго историка есть показаніе, изъ котораго можно заключить, что Московскую Хронику составилъ *Конрадъ Буссау* *) или *Буссъ*, — тотъ самый о которомъ Петрей упоминаетъ, какъ объ одномъ изъ жителей Нарвы, желавшихъ сдать этотъ городъ Борису Годунову [15]). Почему же Карамзинъ рѣшительно отвергнулъ свидѣтельство Кельха? Устряловъ, принявъ то же мнѣніе, выразился нѣсколько опредѣлительнѣе, когда онъ сказалъ: „Кельхъ и Трейеръ, имѣвшіе Берову Лѣтопись, несправедливо называли сочинителя оной Конрадомъ Буссау или Буссо: кромѣ современнаго свидѣтельства Петреева, мы находимъ въ самой Лѣтописи ясные признаки, что авторомъ ея былъ Мартинъ Беръ" [16]).

Послѣдній доводъ мною уже разобранъ; къ свидѣтельству Петрея обратимся мы послѣ: теперь же посмотримъ, что говоритъ Кельхъ. Описывая событія, совершившіяся въ Россіи по кончинѣ Іоанна Грознаго, Кельхъ въ своей „Лифляндской Исторіи" [17]) нѣсколько разъ

---

[14]) Карамз. Т. X, *прим.* 27; Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I стр. XIII. Chronicon Muscoviticum, continens res a morte Joannis Basilidis Tyranni, omnium, quos sol post natos homines vidit, immanissimi et truculentissimi, an. Christi 1584 — 1612.

*) Или въ русской транскрипціи *Буссовъ*, какъ принято его называть нынѣ, почему мы и рѣшились держаться и здѣсь этой формы вмѣсто ф. Буссъ, которо пользовался авторъ. *Ред.*

[15]) Карамз. Т. XI, стр. 22 и *прим.* 43.

[16]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. XIII.

[17]) Liefländische Historia etc. Reval, 1695.

ссылается на *Краткое повѣствованіе о Россіи, Конрада Буссау* [18]). Всѣ показанія, на которыя онъ опирается, находимъ мы и въ Хроникѣ, приписываемой Беру; стоитъ однакожъ привести два мѣста изъ Кельха. „Этотъ Лжедимитрій" — говоритъ онъ — „былъ ловкій и смышленый парень, и *Конрадъ Буссау* свидѣтельствуетъ, что ему многіе знатные вельможи въ Польшѣ разсказывали, что онъ былъ незаконный сынъ Польскаго Короля Стефана" [19]). Черезъ нѣсколько страницъ, упомянувъ о смерти Бориса Годунова, лифляндскій историкъ продолжаетъ: *„Конрадъ Буссау, который въ это самое время находился въ городѣ Москвѣ,* сообщаетъ въ своемъ ненапечатанномъ *Краткомъ повѣствованіи о сихъ Русскихъ дѣлахъ,* что царь Борисъ, побуждаемый своею встревоженною совѣстію, принялъ сильнаго яду и такимъ образомъ самъ себя предалъ казни, и не безъ основанія прибавляетъ, что онъ ввергнутъ въ такое отчаяніе карою правосуднаго Бога, заслуженною тѣмъ, что онъ посредствомъ гнуснаго убійства и пролитія невинной крови овладѣлъ Россійскою Державою" [20]). Эти слова заставляютъ предполагать, что размышленіе автора Хроники по случаю смерти Бориса Годунова не во всей первоначальной полнотѣ своей перешло въ ту рукопись, которою пользовался Устряловъ [21]). Первое изъ двухъ мѣстъ, заимствованныхъ мною у Кельха, можетъ вести къ заключенію, что обширность связей, столь выгодная для лѣтописца, была удѣломъ не пастора Бера, а Конрада Буссова. Мы скоро познакомимся ближе съ этимъ человѣкомъ.

Перейдемъ къ Трейеру. Карамзинъ не зналъ этого автора, на котораго онъ ни разу не ссылается. Хотя самого Трейера я не имѣю, однакожъ, для настоящей цѣли могу отчасти замѣнить его ссылками, находящимися въ „Повѣствованіи о Россіи", Арцыбашева. Изъ указанія источниковъ въ 1-мъ и 3-мъ томахъ этого сборника видно, что Трейеръ въ своемъ сочиненіи: „De perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum Imperium" не только опирается на извѣстія Буссова, но и сообщаетъ нѣсколько извлеченій изъ его Хроники. На этомъ основаніи и самъ Буссовъ стоитъ у Арцыбашева въ числѣ источниковъ, служившихъ къ составленію „Повѣствованія о Россіи". Мѣста, приведенныя изъ него въ примѣчаніяхъ, представляютъ большое сходство съ Хроникою Бера.

IV.

Что не Кельхъ и не Трейеръ ошибались, а скорѣе въ заблужде-

[18]) Наприм.: wie Konrad Bussau in seiner summarischen Erzehlung von Russland berichtet. Кельхъ, стр. 456.

[19]) Кельхъ, стр. 481. Ср. Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I. стр. 32.

[20]) Кельхъ, стр. 486.

[21]) Сказ. Совр. о Д. С., стр. 52: „Грѣшная совѣсть — робкая тварь"! Ср. Кар. Т. XI, пр. 305: O mala conscientia, quam timida bestia"!

ніе введена была Петреемъ наша историческая критика, тому открывается нынѣ самое убѣдительное доказательство. Въ Дрезденской Королевской Библіотекѣ отыскалась Московская Хроника съ именемъ Буссова въ заглавіи, какъ видно изъ напечатаннаго въ 1846 году продолженія Исторіи Европейскихъ Государствъ, издаваемой подъ именемъ Герена и Укерта [22]). Тамъ приведено полное заглавіе Хроники, подобное тому, какое въ сокращенномъ видѣ помѣщено и у Трейера [23]). Вотъ оно: „Смутное состояніе Русскаго Государства въ правленіе Царей Θеодора Іоанновича, Бориса Годунова, а особливо Димитріевъ, также Василія Шуйскаго и избраннаго затѣмъ Польскаго Королевича Владислава, отъ 1584 года до 1613, изъ году въ годъ, въ видѣ весьма обстоятельнаго дневника. Каковыя подробности, *нигдѣ кромѣ сего не изложенныя*, по большой части на мѣстѣ правдиво *записаны жившимъ тогда въ Москвѣ Нѣмцемъ, господиномъ Конрадомъ Буссо, ревизоромъ* Е. К. В. Карла, Герцога Зюдерманландскаго, а потомъ Короля Швеціи подъ именемъ Карла IX, и *Интендантомъ* завоеванныхъ отъ польской Короны земель, городовъ и замковъ *въ Лифляндіи*, а впослѣдствіи владѣльцемъ имѣній Θедоровскаго, Рогожны и Крапивны въ Москвѣ“ [24]).

И такъ мы теперь узнаемъ, кто былъ Конрадъ Буссовъ,—это до сихъ поръ довольно загадочное лицо. Теперь понятно, какимъ образомъ онъ могъ быть главнымъ изъ измѣнниковъ, сносившихся тайно съ Борисомъ о передачѣ ему Нарвы. По словамъ Карамзина, они, обличенные въ своемъ замыслѣ, были казнены всенародно [25]). Слѣдовательно, Буссовъ успѣлъ спастись бѣгствомъ и принятъ былъ въ Москвѣ. Докторъ Эрнстъ Германъ, обработывая періодъ Самозванцевъ въ упомянутой мною исторіи, пользовался рукописью Конрада Буссова. Онъ на нее часто ссылается, рѣшительно признаетъ Буссова первоначальнымъ авторомъ Хроники, и въ особомъ приложеніи сооб-

[22]) Geschichte der europäischen Staaten. Geschichte des Russischen Staates von Dr. Ernst Herrmann. Dritter Band. p. 401 et 781.

[23]) Verwirrter Zustand des Russischen Reichs, 1584 bisz a. 1613. См. Повѣств. о Россіи, Т. Ш, стр. Ш.

[24]) Verwirrter Zustand des Russischen Reichs, unter Regierung derer Czaren, Fedor Iwanowiz, Boris Gudenow und sonderlich derer Demetriorum, auch Basilii Susky, und des hierauf erwehlten Königlichen Polnischen Prinzen Vladislai von Anno 1584 bisz 1613, von Jahren zu Jahren in einem gar genauen Tage-Buche. Dergleichen Particularitaeten sonst nirgends beschrieben mit aufrichtiger Feder meist gegenwärtig aufgezeichnet von einem damahls in Moscau wohnhaften Teutschen, Herrn Conrad Busso, J. K. H. Caroli, Herzogs zu Südermannland und nechsthin unter dem Nahmen Caroli IX in Schweden, Königs Revisore und Intendanten über die von der Cron Pohlen conquerirte Länder, Städte und Schlösser in Liefland, hernach Innhaber der Güter Fedoroffsky, Rogosna und Kropivona in Moscau“.

[25]) Кар. Т. IX, стр. 22. Сказ. Совр. о Дим. Сам. I, 231.

щаетъ изъ нее нѣсколько любопытныхъ выписокъ. Эти отрывки, такъ какъ и другіе приведенные въ самомъ текстѣ Исторіи, показываютъ, что рукопись, извѣстная намъ по переводу Устрялова, въ сущности содержитъ въ себѣ то же самое, съ нѣкоторыми только перемѣнами и за исключеніемъ всего, что относится лично къ Конраду Буссову. Если Борисъ Годуновъ всѣхъ переселявшихся къ нему ливонцевъ задаривалъ щедро, то какъ долженъ онъ былъ отличить этого человѣка, предавшагося ему съ пожертвованіемъ собственной своей чести! Благодарности Русскаго Царя былъ онъ, конечно, обязанъ помѣстьями, поименованными въ заглавіи его Хроники и о которыхъ онъ въ своемъ повѣствованіи, подъ 1609 годомъ, говоритъ: „у меня самого были въ Россіи прекрасныя помѣстья; одно, называвшееся Ѳедоровскимъ [26]), лежало въ 14 миляхъ отъ Смоленска“: другое Рогожна [27]), было не далѣе 7 миль отъ Москвы; третье, и самое незначительное, называлось Крапивной [28]), состояло изъ трехъ деревень и находилось въ 30 миляхъ отъ Москвы. Во время осады Калуги, Буссовъ былъ въ этомъ городѣ, „въ которомъ — говоритъ онъ — я тогда долженъ былъ оставаться, потому что у меня въ этой области было одно изъ моихъ имѣній“ [29]). Это подтверждаетъ онъ и далѣе, говоря: „Калуга, въ которой и я самъ находился во время осады...“ [30]). Потомъ мы узнаемъ, что въ числѣ 52 нѣмцевъ, сосланныхъ въ Сибирь по взятіи Тулы, былъ *и старшій сынъ* Конрада Буссова, по имени также *Конрадъ* [31]); извѣстіе это встрѣчается у него въ трехъ различныхъ мѣстахъ. При низложеніи Самозванца, 17 Мая 1606 года, авторъ Лѣтописи былъ въ Москвѣ [32]); а въ 1611 г. онъ изъ Калуги отправился къ *Польскому Королю*, въ лагерь его подъ Смоленскомъ [33]).

Всѣхъ этихъ извѣстій нѣтъ въ рукописи, которой авторомъ считаютъ Бера и которую я для краткости буду называть Беровою. Между ею и Буссовскою открываются и нѣкоторыя несходства. Чтобы показать это, сравнимъ нѣсколько мѣстъ.

---

[26]) Вѣроятно, Калужской Губерніи, въ Малоярославецкомъ Уѣздѣ. См. Геогр. Словарь Щекатова. Москва, 1808.

[27]) Такъ ли? по Нѣмецки Rogosna; подобнаго названія не отыскалъ я въ Геогр. Словарѣ.

[28]) Нынѣшній уѣздный городъ Тульской Губерніи. Это подтверждается какъ близостію отъ Калуги, такъ и разстояніемъ отъ Москвы: отсюда до г. Крапивны 224 версты, а по исчисленію Буссова, считая мили въ 7 верстъ (нынѣшнихъ), было бы 210 — разница ничтожная и легко объясняющаяся меньшею точностію тогдашнихъ исчисленій. Къ тому же Буссовъ говоритъ приблизительно.

[29]) Смутное состояніе, листъ 171.

[30]) Тамъ же, листъ 184.

[31]) Тамъ же, л. 175; ср. л. 189 и 320.

[32]) Тамъ же, к. 122 и 138.

[33]) Тамъ же, л. 140.

Беръ (въ Сказ. Совр. ч. 1).	*Буссовъ (въ Дрезд. рукописи).*
Стр. 12. Плѣннымъ нѣмцамъ онъ (Борисъ) дозволилъ свободное богослуженіе. Желая со временемъ видѣть своихъ подданныхъ образованными, Борисъ предложилъ Государственному Совѣту вызвать просвѣщенныхъ людей изъ Германіи, Италіи, Испаніи, Франціи, Англіи и для изученія разныхъ языковъ учредить школы.	Лист. 14. Нѣмцамъ, которые во время Мучителя Іоанна Васильевича изъ Лифляндіи выведены были въ этотъ край плѣнными и которые жили вмѣстѣ въ пріятной странѣ около полумили отъ царскаго дворца и имѣли во всемъ изобиліе, — многіе изъ нихъ служили Царю въ полѣ и за то надѣлены были хорошими помѣстьями — этимъ нѣмцамъ позволилъ онъ отправлять богослуженіе въ ихъ домахъ, и чтобы со временемъ видѣть между своими подданными умныхъ и смышленыхъ людей, онъ объявилъ всей землѣ милостивое намѣреніе вызвать ученыхъ людей изъ Германіи, Англіи, Испаніи, Франціи и Италіи и содержать школы для преподаванія разныхъ языковъ.
Стр. 36. Степанъ Степановичъ Годуновъ встрѣтилъ шайку свирѣпыхъ казаковъ, которые, по убѣжденію проклятаго Отрепьева, шли къ Путивлю, городу на Бѣлорусской границѣ, съ намѣреніемъ подать помощь законному, по ихъ мнѣнію, наслѣднику русскаго престола.	Лист. 48. Къ Степану Степановичу Годунову приблизились на обширномъ полѣ, черезъ которое онъ долженъ былъ ѣхать, свирѣпые казаки, которыхъ поставилъ на ноги монахъ Гришка Отрепьевъ, орудіе діявола, и которые шли къ городу Путивлю, чтобы отыскать своего, какъ они думали, законнаго Государя *у Князя Адама Вишневецкаго.*
Стр. 45. Въ Сентябрѣ того же года собралось на русской границѣ до 6.000 казаковъ, по наущенію Монаха Отрепьева, который увѣрилъ ихъ, какъ выше сказано, будто бы законный Русскій Царь живъ и скрывается въ *Польшѣ.*	Лист. 60. Въ Сентябрѣ того же года на Московской границѣ собралось до 6000 полевыхъ казаковъ, которыхъ монахъ Гришка Отрепьевъ, какъ выше сказано, набралъ въ чистомъ полѣ, увѣривъ ихъ будто сынъ стараго Царя Іоанна Васильевича дѣйстви-

Стр. 134. Не взявъ Брянска, Димитрій двинулся *къ Орлу, куда уже прибылъ* князь Адамъ Вишневецкій.

тельво живъ и несомнѣнно находится *въ Бѣлоруссіи у Князя Адама Вишневецкаго.*

Лист. 195. Въ лагерь *подъ Брянскомъ* пришелъ къ Димитрію изъ Польши князь Адамъ Вишневецкій *(тогда оказывавшій мнѣ особенную благосклонность и великую дружбу).*

Стр. 102. Однажды просилъ я Басманова убѣдительно сказать мнѣ: имѣетъ ли Всемилостивѣйшій Государь нашъ законное право на престолъ Россійскій? Басмановъ, *въ присутствіи одного нѣмецкаго купца,* отвѣчалъ мнѣ по довѣренности слѣдующее: „вы, нѣмцы," и т. д.

Лист. 146. Однажды *я былъ въ гостяхъ у Басманова, который болѣе всѣхъ былъ преданъ Димитрію и за него положилъ голову; такъ какъ онъ былъ ко мнѣ особенно милостивъ и благосклоненъ,* то я всячески, однакожъ съ великою тайною, убѣждалъ и просилъ его, чтобы онъ мнѣ о нашемъ Всемилостивѣйшемъ Государѣ дружески открылъ истину, законно ли онъ наслѣдовалъ престолъ или нѣтъ? Тогда Басмановъ пріятельски сказалъ мнѣ: „Вы, нѣмцы" и проч.

Окончательной судьбы измѣнника и клятвопреступника Фридриха Фидлера не видно по Беровой рукописи [34]); у Буссова же сказано, что „онъ, при сдачѣ города Тулы, взятъ былъ Шуйскимъ въ плѣнъ и подъ опалою сосланъ въ Сибирь вмѣстѣ съ 52-мя нѣмцами" (тутъ то и прибавлено: „между которыми находился къ несчастію и *сынъ мой*") [35]). Въ сличенныхъ мною отрывкахъ, которыхъ несходство отчасти происходитъ и отъ различнаго перевода однихъ и тѣхъ же выраженій, ясно представляются отношенія Буссова къ значительнымъ людямъ, особенно къ Адаму Вишневецкому, о которомъ въ Беровомъ текстѣ упоминается рѣже и безъ особенныхъ объясненій. Въ вступленіи къ этой Хроникѣ Устряловъ, стараясь по ней составить біографію Бера, догадывается, между прочимъ, что онъ зналъ всѣхъ людей, которые тогда играли столь важную роль въ нашемъ отечествѣ, — „исключая развѣ Сигизмунда". Буссовъ, какъ мы видѣли, зналъ и короля польскаго, въ землѣ котораго имѣлъ не одного покровителя. Сравнимъ вѣроятное положеніе нѣмецкаго пастора съ обстоятельствами,

[34]) По крайней мѣрѣ въ переводѣ Устрялова; Карамзинъ, говоря о ссылкѣ Фидлера, ссылается и на Бера. И. Г. Р. XII, 40, пр. 162.

[35]) Смутное сост. л. 175.

въ которыхъ долженъ былъ находиться шведскій интендантъ финляндскихъ городовъ, — задумавшій при томъ передаться одному изъ естественныхъ враговъ своего государя: нельзя не согласиться, что въ обыкновенномъ порядкѣ вещей, Буссовъ долженъ былъ имѣть несравненно обширнѣйшія и болѣе разнообразныя связи, нежели Беръ. Подвергнувшись опасности заслуженнаго наказанія на родинѣ, измѣнникъ долженъ былъ искать себѣ сильныхъ защитниковъ не только въ Россіи, но и въ Польшѣ: этимъ объясняются его тамошнія сношенія.

V.

Въ спискѣ Бера ни разу не упоминается о Буссовѣ: любопытно посмотрѣть, какъ этотъ говоритъ о пасторѣ. Въ Дрезденской рукописи разсказъ о прибытіи его въ Россію нѣсколько полнѣе, нежели въ изданной у насъ Хроникѣ. Въ послѣдней сказано: „складочная сумма была столь значительна, что нѣмецкіе прихожане, воздвигнувъ Божій храмъ, *могли* на остатки отъ оной *содержать*, кромѣ прежнихъ пасторовъ, полоненныхъ вмѣстѣ съ ними въ Ливоніи, *еще двухъ проповѣдниковъ, Германа Губемана* изъ Вестфаліи и *студента Мартина Бера* изъ Нейштата“ [36]). У Буссова товарищъ Бера названъ иначе: къ тому же, въ выписанныхъ строкахъ собственно о прибытіи обоихъ нѣмцевъ вовсе нѣтъ рѣчи. Вотъ какъ выражается Буссовъ: „По окончаніи постройки церкви, отъ складочной суммы осталось столько, что нѣмецкіе прихожане, кромѣ прежнихъ пасторовъ, вмѣстѣ съ ними полоненныхъ въ Ливоніи, *взяли для службы церковной и для обученія дѣтей еще пастора Вольдемара Гальмана Вестфальскаго и студента* (studiosum) *Мартина Бера Нейштатскаго, которые оба въ томъ же году прибыли въ Россію*“ [37]). Описывая опасности, угрожавшія нѣмцамъ при Тушинскомъ ворѣ, Буссовъ говоритъ: „ и были *мы*, бѣдные, въ то время подвержены немалой невзгодѣ и гоненіямъ, особливо же *нашъ проповѣдникъ и духовный пастырь Мартинъ Беръ*“ [38]). Это, безъ сомнѣнія, то самое мѣсто, которое въ изданіи Устрялова встрѣчается въ такомъ видѣ: „а болѣе всѣхъ претерпѣлъ гоненій въ городѣ Козельскѣ духовный пастырь ихъ (т. е. нѣмцевъ) *Мартинъ Беръ*“ [39]). Къ сожалѣнію, мы не можемъ разсмотрѣть Буссова разсказа о томъ, какъ Беръ спасъ нѣмцевъ, пришедшихъ съ нимъ, по вызову второго Самозванца, изъ Козельска въ Калугу: потому что историкъ, знакомящій насъ съ Дрезденскою рукописью, очень мало

[36]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 17.
[37]) Смутн. сост., л. 21.
[38]) Тамъ же, л. 239.
[39]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 161.

извлекъ изъ этого разсказа. Однакожъ ссылка его на листы 256 — 270, какъ на мѣсто, гдѣ далѣе говорится о пасторѣ, не позволяетъ сомнѣваться, что это мѣсто именно соотвѣтствуетъ тому, которое въ Петербургской рукописи представляетъ помянутый разсказъ [40]). Тутъ можно спросить: естественно ли предположить, что Буссовъ сообщаетъ дѣло, въ которомъ главное участіе принималъ посторонній человѣкъ, съ такою подробностію и даже приводитъ всѣ разговоры, бывшіе при этомъ случаѣ между Мартиномъ Беромъ и другими лицами? Чтобы рѣшить этотъ вопросъ, необходимо ближе знать, въ какихъ отношеніяхъ былъ Конрадъ Буссовъ къ этому пастору. Если они были пріятелями или короткими знакомыми, то Беръ могъ бы подробно разсказать ему все, что происходило на пути изъ Козельска въ Калугу и послѣ при рѣшеніи судьбы нѣмцевъ. Можетъ быть, даже самъ Буссовъ находился въ числѣ лицъ, сопровождавшихъ пастора, что̀ становится почти несомнѣннымъ, если вспомнимъ недавно приведенное мною выраженіе Буссова; „*мы, бѣдные,* были подвержены невзгодѣ и гоненіямъ“ и проч.

Что касается отношенія между нарвскимъ измѣнникомъ и бывшимъ Нейштатскимъ студентомъ, то шведскій подлинникъ Петрея составляетъ по этому предмету чрезвычайно важное дополненіе къ прочимъ источникамъ. До сихъ поръ его Московская Хроника была извѣстна у насъ только въ нѣмецкомъ ея переводѣ; мнѣ удалось пріобрѣсти въ Стокгольмѣ первоначальное ея изданіе на родномъ языкѣ автора, и — сколько могу судить по сравненію съ этимъ подлинникомъ нѣкоторыхъ отрывковъ изъ нѣмецкаго перевода, напечатанныхъ по-русски, — между обоими изданіями есть различіе, иногда довольно значительное. По окончаніи разсказа о принцѣ Густавѣ пріѣхавшемъ въ Россію при Годуновѣ, и по указанію мѣста, гдѣ онъ дѣйствительно погребенъ, Петрей для германскихъ читателей выразился гораздо умѣреннѣе, нежели для своихъ соотечественниковъ. Въ нѣмецкомъ изданіи сказано: „посему несправедливо извѣстіе Мартина Бера (Bär), который пишетъ, что онъ самъ погребалъ Густава въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (Mitrof Zolonski) и получилъ за сіе 20 рублей въ награду: ибо Россіяне никакъ не дозволятъ хоронить въ своемъ храмѣ, монастырѣ или на кладбищѣ какого-нибудь иновѣрца, ни знатнаго, ни незнатнаго. Не успѣвъ склонить Густава поднять оружіе на свое отечество, Борисъ условился съ нѣсколькими иноземцами овладѣть Нарвою нечаянно, посредствомъ коварства, и отнять ее у Швеціи. Главнымъ начальникомъ заговора былъ *Конрадъ Буссовъ*; но умыселъ не удался: заговорщики были пойманы, обезглав-

---

[40]) Тамъ же, стр. 172 — 180. Ср. Германа, стр. 498.

лены и колесованы: за сію достойную награду имъ надлежало благодарить вѣроломнаго своего руководителя" [41]).

Въ шведскомъ подлинникѣ находимъ, вмѣсто этого, слѣдующія строки, въ которыхъ считаю нужнымъ сохранить всю жесткость выраженій: „Посему грубая ложь выдумана Мартиномъ Беромъ (Beer), который его погребалъ и за труды получилъ 10 *рублей*, и пишетъ. что онъ похороненъ въ монастырѣ Димитрія Солунскаго (называемомъ Mitrof Solunski), вмѣстѣ со многими другими неправдами, которыя онъ разсказываетъ, забывая разсказать истину о самомъ себѣ и другихъ, прибывшихъ въ Россію бѣглецами, и что такъ какъ онъ *не былъ принятъ въ службу Великаго Князя, то по нуждѣ сдѣлался пасторомъ и женился на дочери измѣнника Конрада Буссова,* который прилагалъ всѣ старанія и крамольствовалъ, чтобы измѣннически отторгнуть Нарву отъ шведской короны и предать Россіи, — что̀ всѣмъ извѣстно въ Нарвѣ, а многимъ и въ другихъ мѣстахъ. Ибо, когда сія измѣна замышлялась, то ради его были замучены, обезглавлены, четвертованы многіе, согласившіеся на его предпріятіе и пойманные на дѣлѣ, о чемъ еще и теперь свидѣтельствуютъ многіе, оставшіеся въ живыхъ и невинные и за него претерпѣвшіе всякое зло и громко вопіющіе къ небу о мщеніи" [42]).

Изъ этого мѣста можно вывести много заключеній. Оно показываетъ: *во-первыхъ*, что Беръ и Буссовъ были въ близкомъ родствѣ, — что слѣдовательно одинъ могъ помогать другому въ составленіи Лѣтописи, и одного легко было смѣшать съ другимъ, когда дѣло шло объ имени ея автора: *во-вторыхъ*, что Петрей рѣшительно приписывалъ ее пастору; *въ-третьихъ*, что онъ очень не жаловалъ этихъ обоихъ нѣмцевъ: Конрада Буссова, какъ бывшаго своего согражданина, заклейменнаго позоромъ измѣны королю и государству; а Мартина Бера, какъ его родственника; *въ-четвертыхъ*, что Петрей обвинялъ Бера въ недобросовѣстности, въ умолчаніи многихъ извѣстій, касавшихся какъ самого пастора, такъ и тестя его, — между прочимъ извѣстія о томъ, какъ сдѣлался онъ пасторомъ.

VII.

Могъ ли Петрей ошибиться въ разсужденіи автора Хроники, которою онъ пользовался? Та часть Петреевой книги, гдѣ изложена русская исторія, издана первоначально уже въ 1614 году: слѣдовательно шведскій чиновникъ долженъ былъ достать нѣмецкую Лѣто-

---

[41]) Сказ. Совр. о Дим. Сам., стр. 231.

[42]) Regni Muscovitici sciographia etc. af Petro Petrejo Ubsaliensi, Andra Book, Stockholm, 1614, pag. 122.

пись вскорѣ послѣ того, какъ она была написана. Составленіе Хроники, приписываемой Беру, относится, какъ выражено не разъ въ самомъ текстѣ ея, къ 1612 году. Итакъ она должна была находиться въ рукахъ Петрея уже въ 1613; но если принять въ соображеніе, что онъ въ исторической части своей книги ничего не извлекъ изъ двѣнадцатой (послѣдней) главы нѣмецкой Хроники: то можно предположить, что эта Хроника была въ распоряженіи его еще ранѣе, т. е. прежде, нежели 12 глава ея была написана [43]). Между тѣмъ извѣстно, что Петрей въ 1611 году былъ въ Швеціи: какъ же могъ онъ такъ скоро пріобрѣсти списокъ такъ называемой Беровой Хроники? Изъ описанія путешествія Олеарія видно, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Беръ жилъ въ Нарвѣ. Когда онъ переселился туда? Не тогда ли, когда побѣда Пожарскаго подъ стѣнами Москвы положила конецъ торжеству Поляковъ, и когда иноземцы не могли безопасно оставаться въ Россіи? Послѣднюю главу Хроники Буссовъ, вѣроятно, написалъ въ Москвѣ же, находясь подъ защитою польскаго и нѣмецкаго войска. Не даромъ въ этой главѣ употреблено выраженіе *мы* или *наши воины*, когда рѣчь идетъ о дѣйствіяхъ иностранцевъ. Хроника оканчивается прибытіемъ въ Москву Хоткѣвича, слѣдовательно дописана въ промежуткѣ времени между его появленіемъ и бѣгствомъ, которое могло заставить и Бера удалиться въ Нарву. Такъ какъ жена его была оттуда родомъ, то, можетъ быть, у него были уже прежде сношенія съ этимъ городомъ, и во всякомъ случаѣ черезъ него Хроника Буссова могла попасть туда еще до переѣзда Бера въ Нарву, даже до приписанія послѣдней главы. Естественно, что имя Буссова, опозоренное въ прежнемъ мѣстѣ его жительства, было исключено изъ списка, туда отправленнаго или тамъ снятаго, и что сограждане измѣнника охотно не признавали его авторомъ Лѣтописи, въ составленіи которой нѣсколько участвовалъ, можетъ быть, и зять его. Изъ Нарвы, какъ владѣнія въ то время шведскаго, Петрею легко было достать эту Хронику, особенно если обратить вниманіе на то, что въ 1611 году Карлъ IX посылалъ его въ Нарву, гдѣ бóльшая часть Хроники тогда, вѣроятно, уже была извѣстна и приписывалась Беру. Вотъ какимъ образомъ можно объяснить мнѣніе Петрея, будто она написана этимъ пасторомъ. Что касается Буссова, то обстоятельство, что рукопись Хроники отыскалась подъ его именемъ въ Дрезденѣ, даетъ поводъ предполагать, что онъ провелъ послѣдніе годы жизни въ Польшѣ, бывшей впослѣдствіи долго подъ однимъ скипетромъ съ Саксоніею. Но нѣтъ причины думать, что онъ, послѣ отъѣзда своего въ лагерь Сигизмунда, уже не возвращался въ Россію: подъ покро-

---

[43]) 12-ю главою нѣмецкой Хроники Петрей воспользовался послѣ въ топографическомъ обозрѣніи Россіи, куда онъ и внесъ эту главу почти цѣликомъ.

вомъ Поляковъ, ему легко было опять прибыть въ Москву и остаться здѣсь до ихъ изгнанія.

Списокъ, которымъ пользовался Петрей, вѣроятно, носилъ то же заглавіе, какое находится на Петербургской рукописи, т. е. *Chronicon Muskoviticum* и т. д. Петрей, любя заимствованія, далъ своему труду, кромѣ другихъ заглавій, и это уже готовое [44]). Основываясь на томъ, можно бы подумать, что и по содержанію текстъ Мартина Бера, изданный Устряловымъ въ русскомъ переводѣ, есть первоначальный. Но изъ внимательнаго сличенія Петреевой Хроники съ извѣстными намъ отрывками Буссовой рукописи открывается, что во многомъ Петрей согласнѣе съ нею, нежели съ Беровымъ текстомъ. Вотъ примѣръ:

1) По рукописи Бера: „Въ 1600 году Борисъ вызвалъ изъ Германіи нѣсколько аптекарей и докторовъ медицины; сверхъ того, по желанію Царя, англійскій посланникъ уступилъ ему своего собственнаго медика, *родомъ баварца, Христофора Рейтлингера*, врача весьма искуснаго, знавшаго разные языки“ [45]).

По рукописи Буссова: „Въ 1600 году выписываетъ Царь изъ Германіи нѣсколько докторовъ медицины и аптекарей; а одного доктора, *пріѣхавшаго* туда (?) *съ англійскимъ посланникомъ, венгра породою, именемъ Христофора Ритленгера опытнаго человѣка*, хорошаго врача и знатока многихъ языковъ, выпросилъ у посланника“ [46]).

У Петрея: „главнымъ докторомъ и ахіатеромъ былъ *венгерецъ по имени Христофоръ Ритинъ*, ученый и *опытный человѣкъ* не только въ Медицинѣ, но и во многихъ языкахъ, и пріѣхалъ онъ *изъ Англіи съ посланникомъ тамошняго Короля*“ [47]).

2) Въ Беровой рукописи: „Москвитяне потерпѣли бы навѣрное пораженіе, если бы 700 нѣмецкихъ всадниковъ сильнымъ ударомъ не поддержали ихъ“ [48]).

Буссовъ (въ Тейерѣ) увѣдомляетъ, что 600 нѣмецкихъ конниковъ, ударили стремительно на войско Димитріево и отняли у него побѣду [49]).

Петрей, описывая это событіе, упоминаетъ тоже о *шести*, а не о *семи стахъ* иноземцахъ, способствовавшихъ къ пораженію Димитрія (здѣсь въ подлинникѣ Петрея нѣтъ тѣхъ подробностей, которыя въ примѣчаніи 48-мъ приведены Устряловымъ изъ нѣмецкаго изданія Хроники шведа) [50]).

---

[44]) Оно помѣщено на верху каждыхъ двухъ страницъ: Muskowitiske Crönika.

[45]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 15.

[46]) Повѣствов. о Россіи, Т. III, стр. 58.

[47]) Швед. подлинникъ Петрея, кн. 2, стр. 102. Впрочемъ въ спискѣ Бера, бывшемъ у Карамзина, Рейтлингеръ также названъ венгерцомъ, И. Г. Р. X, пр. 463.

[48]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 47.

[49]) Повѣств. о Россіи, Т. Щ, стр. 85.

[50]) Швед. подл. Петрея, кн. 2, стр. 139.

3) По Берову тексту: „Шуйскій послалъ Болотникова съ княземъ Петромъ и 52 нѣмцами въ Москву, подъ надзоромъ приставовъ... нѣмцевъ разослалъ въ Сибирскія степи“ [51]).

По Буссову: „*Фридрихъ Фидлеръ*, при сдачѣ города Тулы, взятъ былъ Шуйскимъ въ плѣнъ и *подъ опалою сосланъ въ Сибирь* вмѣстѣ съ 52 нѣмцами“ [52]).

У Петрея: „Шуйскій велѣлъ..... 52-хъ нѣмцевъ *подъ опалою сослать въ Сибирь*; между ними былъ и легкомысленный *Фридрихъ Фидлеръ*“ [53]).

Изъ этихъ отрывковъ ясно видно, что извѣстная у насъ по Русскому переводу рукопись Мартина Бера содержитъ въ себѣ не тотъ самый текстъ Хроники, которымъ пользовался Петрей, и что многія показанія шведскаго лѣтописца основываются на выраженіяхъ, найденныхъ какъ Трейеромъ, такъ и Германомъ въ рукописи, означенной именемъ Буссова. Въ Петербургскомъ спискѣ, какъ замѣтилъ уже и Устряловъ, нѣтъ также извѣстія о платѣ, полученной Беромъ за погребеніе принца Густава, — извѣстія, отысканнаго Петреемъ въ Хроникѣ, которую онъ приписывалъ пастору.

VIII.

Все изложенное здѣсь заставляетъ сомнѣваться, чтобы Петрей достовѣрно зналъ, кто авторъ Лѣтописи, которую онъ положилъ въ основаніе своего разсказа о современныхъ событіяхъ. Съ нѣмцами въ ту эпоху бывшими въ Россіи, Петрей, вѣроятно, не имѣлъ большихъ связей. Многія мѣста его книги показываютъ, что онъ вообще не благоволилъ къ нимъ: гдѣ въ первоначальной Хроникѣ говорится о *нѣмцахъ*, тамъ въ Петреевой обыкновенно рѣчь идетъ объ *иностранцахъ* (какъ можно видѣть изъ примѣра, недавно приведеннаго мною подъ цифрою 2); а иногда, если извѣстіе слишкомъ благопріятно для нѣмцевъ, то шведъ и вовсе опускаетъ его. Такъ не повторилъ онъ словъ Басманова къ Самозванцу: „Зачѣмъ не послушалъ *вѣрныхъ нѣмцевъ* [54]), — хотя прочія подробности описываемаго событія довольно точно заимствованы изъ нѣмецкой Хроники. Съ равною тщательностію Петрей избѣгаетъ такихъ показаній, которыя могли бы набросить малѣйшую тѣнь на шведовъ или Швецію. Всѣ любопытныя свѣдѣнія, относящіяся къ Беру, исключены изъ шведской Хроники, и имя его приведено только для обвиненія во лжи и въ близкой

---

[51]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 130.

[52]) Смутн. сост. л. 175.

[53]) Швед. подл. Петрея, кн. 2, стр. 229.

[54]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 80; вмѣсто этихъ словъ, Петрей поставилъ: „не хотѣлъ ты повѣрить тому, что тебѣ каждый день твердили“.

связи съ Конрадомъ Буссовомъ. Такое недоброжелательство Петрея къ нѣмцамъ объясняется тѣмъ, что между московскими жителями этой націи было много лифляндцевъ (шведскихъ подданныхъ), добровольно переселившихся въ Россію; во всякомъ случаѣ, оно подвергаетъ самого Петрея тому упреку въ недобросовѣстности, который онъ возвелъ на Бера. Нѣмецкій лѣтописецъ является болѣе безпристрастнымъ, когда онъ, по случаю предложенія помощи Шуйскому со стороны Карла IX, мимоходомъ, но безъ всякихъ оскорбительныхъ замѣчаній, упоминаетъ о Петреѣ, впрочемъ, не называя его [55]). И то сказать, составитель Хроники тогда не предвидѣлъ, что шведскій посланникъ со временемъ воспользуется его трудами и въ благодарность назоветъ автора (хотя мнимаго) лжецомъ. Вѣроятно однакожъ, что нѣмецкій лѣтописецъ зналъ о неблагосклонности, какую Петрей питалъ вообще къ его соотечественникамъ, бывшимъ въ Россіи, и къ нему въ особенности, но при всемъ томъ не позволилъ себѣ ни полслова во вредъ его.

Нельзя ли допустить такое предположеніе; Буссовъ увезъ съ собою въ Польшу Хронику Бера и дополнилъ ее впослѣдствіи нѣкоторыми подробностями о самомъ себѣ, и такимъ образомъ былъ призианъ авторомъ ея? Доводы, уже приведенные мною выше, не даютъ мѣста такой догадкѣ: когда въ первый разъ рѣчь идетъ о Берѣ, въ Дрезденской рукописи говорится о немъ обстоятельнѣе, нежели въ Петербургской; нѣкоторыя другія мѣста, которыя до него не касаются, также полнѣе у Буссова, и потому носятъ въ Дрезденской рукописи характеръ первоначальнаго текста, въ Петербургской же отзываются сокращеніемъ (см. выше стр. 113 — 116); Буссовъ о себѣ всегда говоритъ въ первомъ лицѣ и тѣмъ не даетъ повода сомнѣваться, кого должно разумѣтъ подъ мѣстоименіемъ *я*, встрѣчаемымъ и въ Беровомъ спискѣ; ложнаго показанія о мѣстѣ погребенія Густава нельзя приписать Беру, хоронившему его: обширныя сношенія съ знатными особами не только въ Россіи, но и въ Польшѣ, легче отнести къ Буссову, нежели къ его зятю; наконецъ, чрезвычайно важно свидѣтельство Кельха и Трейера. Оба они были увѣрены, что Буссовъ — авторъ Хроники. Обстоятельства жизни Трейера мнѣ не извѣстны; но Кельхъ, родомъ изъ Помераніи, еще въ молодости переселился въ Ревель; тамъ онъ и умеръ въ 1710 году, не выѣзжая изъ Эстляндіи [56]). Мартинъ Беръ послѣ всѣхъ потрясеній, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, также переѣхалъ въ отчизну своей жены, не смотря на безславіе, покрывавшее имя ея отца: Олеарій, въ 1636 году оста-

---

[55]) Сказ. Совр. о Дим. Сам. Ч. I, стр. 119.

[56]) Allgemeines Schrifsteller und Gelehrten-Lexikon etc., von Recke und Napiersky, Mitau, 1829.

новившись въ Нарвѣ, разговаривалъ тамъ съ этимъ пасторомъ [57]). Съ того времени до изданія книги Кельха (1695) прошло менѣе 60 лѣтъ: ужели въ Эстляндіи не осталось бы памяти о Хроникѣ *Бера*, еслибъ онъ дѣйствительно былъ лѣтописецъ? Съ другой стороны, лифляндскій ученый, конечно, имѣлъ случай собрать нѣкоторыя свѣдѣнія о нарвскомъ измѣнникѣ, и еслибъ Буссовъ не былъ авторомъ Хроники, которую ему приписывали, то это не укрылось бы отъ историка Остзейскаго края, гдѣ дурная слава Буссова въ то время, безъ сомнѣнія, еще не исчезла. Замѣтимъ, что Кельхъ зналъ книгу Петрея, указывая на нее не разъ въ подтвержденіе своихъ словъ: слѣдовательно и имя Бера ему было извѣстно: однакожъ онъ все-же не обратилъ на него вниманія и постоянно ссылался только на Буссова [58]). Олеарій, который собиралъ всякіе источники для описанія своего путешествія, не познакомился съ Хроникою Бера, не смотря на личное съ нимъ знакомство; въ спискѣ авторовъ, которыми онъ пользовался при составленіи своей знаменитой книги, нѣтъ имени Бера, хотя опять и тутъ есть имя Петрея [59]).

Какъ ни сомнительно, послѣ всѣхъ изложенныхъ соображеній, чтобы Мартинъ Беръ былъ лѣтописцемъ, однакожъ нельзя еще вполнѣ отнять у него честь, которая до сихъ поръ ему воздавалась въ нашей исторической литературѣ. Покуда удовольствуемся тѣмъ, что мы рядомъ съ нимъ возвратимъ законное мѣсто тестю его, признавъ, что Буссову принадлежитъ главное, первоначальное участіе въ составленіи Хроники, дошедшей до насъ въ двухъ различныхъ видахъ, и что Карамзинъ, а за нимъ и Устряловъ несправедливо отвергли показанія Кельха и Трейера, положившись исключительно на одну ссылку менѣе надежнаго Петрея. Окончательное рѣшеніе этого вопроса предоставимъ тому времени, когда ближайшее знакомство съ Дрезденскою рукописью доставитъ возможность сравнить ее въ цѣлости съ текстомъ, приписаннымъ Беру.

---

[57]) Олеарій говоритъ: „A cette occasion *Martin Baar*, pastor de *Nerva*, qui demeurait déjà à Moscou sous le règne du Grand Duc Boris Gudenou, nous conta un jour“ и проч. См. Les voyages du sieur Adam Olearius, Leide, 1718.

[58]) Наприм. на стр. 480 и 481.

[59]) Всѣ сочиненія, на которыя Олеарій ссылается, были печатныя книги.

НОВЫЯ СВѢДѢНІЯ О КОТОШИХИНѢ,

ПО ШВЕДСКИМЪ ИСТОЧНИКАМЪ [1]).

1882.

Въ 1-й книгѣ журнала „Historisk Tidskrift", издаваемаго въ Стокгольмѣ съ начала 1881 года недавно образовавшимся тамъ Историческимъ Обществомъ, напечатана статья: „Русскій выходецъ въ Швеціи двѣсти лѣтъ тому назадъ". Авторъ ея докторъ Йэрне (Hjärne), изучившій русскій языкъ, находится нынче въ Москвѣ для архивныхъ разысканій по шведской исторіи. Я намѣренъ сообщить, частью въ извлеченіи, частью въ переводѣ, съ немногими лишь замѣчаніями и дополненіями, содержаніе названной статьи.

„Шведская дипломатія, говоритъ авторъ, которая въ періодъ величія нашего государства часто имѣла, на всѣхъ своихъ степеняхъ, способныхъ и замѣчательныхъ представителей, оставила множество любопытныхъ донесеній о внутреннихъ и внѣшнихъ дѣлахъ Россіи, о ея администраціи и экономическомъ положеніи. Эти большею частію еще не изданные документы, безъ сомнѣнія, очень важны для русской исторической науки, которая, за недостаткомъ современныхъ домашнихъ источниковъ, кромѣ оффиціальныхъ актовъ въ собственномъ смыслѣ, нерѣдко должна обращаться къ разсказамъ иноземныхъ наблюдателей. Многія изъ шведскихъ описаній обязаны своимъ происхожденіемъ очевидцамъ самыхъ событій или основываются на свидѣтельствахъ такихъ лицъ, которыя изъ первыхъ рукъ узнавали о происходившемъ. Наше правительство не пренебрегало никакими средствами для полученія вѣрныхъ и скорыхъ извѣстій. Уже со временъ Эрика XIV мы встрѣчаемъ донесенія тайныхъ агентовъ, бывшихъ на службѣ въ Россіи, а что касается 17-го столѣтія, то едва ли случалось тамъ что-нибудь важное, о чемъ не сохранилось бы

[1]) Сборникъ Отд. р. яз. и сл. 1882, т. XXIX.

болѣе или менѣе подробнаго шведскаго повѣствованія [1])... Въ пограничныхъ областяхъ шведскіе губернаторы узнавали отъ русскихъ переметчиковъ многое, что не могло, безъ большихъ затрудненій и издержекъ, становиться извѣстнымъ иностранному посланнику, бдительно наблюдаемому властями. Вопреки постановленіямъ мирныхъ договоровъ многіе изъ подданныхъ царя могли находить пристанище за предѣлами Россіи; — это были частью купцы, которые, наскучивъ вымогательствами бояръ или сборщиковъ податей, записывались въ число „русскихъ его королевскаго величества" въ Нарвѣ и другихъ городахъ, частью крѣпостные люди, укрывавшіеся въ ингерманландскихъ селеніяхъ отъ притязаній своихъ господъ, частью раскольники, которымъ королевскими грамотами предоставлялась полная свобода совѣсти посреди лютеранскаго населенія, частью наконецъ всякаго рода проходимцы, уклонявшіеся отъ взысканій своихъ заимодавцевъ или отъ преслѣдованій суда. Иногда такіе бѣглецы доходили до Риги и Ревеля или отправлялись по Балтійскому морю въ столицу Швеціи, гдѣ легко могли оставаться незамѣченными въ числѣ многочисленныхъ посѣтителей русскаго подворья (ryssegården). Такъ, въ 1651 году явился въ Стокгольмѣ человѣкъ, который сперва былъ писаремъ въ одномъ изъ московскихъ приказовъ, а потомъ въ Константинополѣ, у гетмана Богдана Хмельницкаго, и у князя Георгія Рагоци въ Трансильваніи выдавалъ себя за сына царя Василія Ивановича Шуйскаго. Напослѣдокъ онъ прибылъ въ Голштинію, гдѣ герцогъ Фридрихъ за большую сумму выдалъ его русскимъ властямъ, послѣ чего онъ былъ казненъ въ Москвѣ, какъ государственный преступникъ" [2]).

Переходя затѣмъ къ Котошихину, какъ „главному авторитету относительно внутренняго состоянія Россіи при первыхъ царяхъ изъ дома Романовыхъ", и сообщивъ о его сочиненіи извѣстные уже факты,

[1]) Въ числѣ такихъ неизданныхъ источниковъ назовемъ: Путешествіе Пальмквиста (съ раскрашенными рисунками), протоколы посольства Густава Бьельке, письма къ королю резидентовъ: Эберса, Лиліенталя и Кохена, — въ стокгольмскомъ Государственномъ архивѣ; путешествіе Прютца и описаніе русской торговли, Крузенштерна — въ королевской библіотекѣ; дневникъ лица, участвовавшаго въ посольствѣ Бьельке — въ библіотекѣ Упсальскаго университета. Нѣкоторые источники упомянуты въ извѣстномъ сочиненіи Аделунга о путешествіяхъ по Россіи. Донесеніемъ братьевъ Шютте (Skytte) пользовался Гейеръ, а за нимъ Германъ (*Gesch. Russlands* въ сборникѣ Герена и Уккерта). *Прим. г. Йэрне.* — Автору шведской статьи не былъ извѣстенъ трудъ бывшаго профессора Дерптскаго университета г. Ширрена, напечатанный 1860 г. во II-мъ томѣ *Bulletin* нашей Академіи Наукъ (стр. 446 — 501) и отдѣльно подъ заглавіемъ: „Nachricht von Quellen zur Gischichte Russlands, vornehmlich aus schwedischen Archiven und Bibliotheken". *Я. Г.*

[2]) Соловьева *Исторія Россіи*, X (изд. 3-е), стр. 293 и д. Переписка объ этомъ лицѣ между шведскимъ и русскимъ правительствами хранится въ шведскомъ государственномъ архивѣ: см. тамъ *Muscovitica* за время королевы Христины. *Й.*

г. Йэрне прибавляетъ: „Разысканіями въ шведскихъ источникахъ мнѣ удалось найти свѣдѣнія, хотя и не особенно богатыя, но бросающія свѣтъ на пребываніе Котошихина въ Швеціи и его несчастный конецъ. Эта оригинальная исторія, независимо отъ замѣчательной личности названнаго выходца, рисуетъ наглядно характеръ времени.

25-го октября 1665 года ингерманландскій генералъ-губернаторъ Яковъ Таубе пишетъ королю изъ Нарвы, что русскій канцелярскій писарь (подьячій), бывшій въ плѣну въ Польшѣ, а оттуда тайно перебравшійся черезъ Силезію и Любекъ, подалъ наканунѣ просьбу, подписанную: „Вашего превосходительства бѣдный холопъ и слуга Григорій Котошихинъ". Въ этой просьбѣ говорится, что онъ, по прибытіи въ Нарву, нѣсколько дней обдумывалъ, какъ-бы ему секретно сообщить свои тайны генералъ-губернатору, но наконецъ онъ встрѣтился со старымъ знакомымъ, вѣрноподданнымъ и усерднымъ слугою его королевскаго величества Козьмою Афанасьевымъ сыномъ Овчинниковымъ [1]), которому и открылся, замѣтивъ, что тотъ „своимъ мужественнымъ духомъ преклоненъ къ службѣ королевскаго величества". Черезъ этого-то пріятеля онъ и представляетъ свою просьбу. Въ ней говорится, что онъ уже много лѣтъ желалъ поступить на службу къ великомощному, славному государю, его королевскому величеству, еще въ то время, когда служилъ у царя въ посольскомъ приказѣ и отправленъ былъ съ порученіемъ къ королю. Въ Москвѣ онъ молилъ Всемогущаго Бога о помощи и началъ служить вѣрой и правдой комиссару его королевскаго величества Эберсу. Въ подтвержденіе этихъ словъ онъ разсказываетъ: „Когда послы, окольничій Василій Семеновичъ Волынскій и его товарищи вели переговоры о мирѣ, я принесъ Эберсу на шведское подворье данную этимъ посламъ инструкцію и другія бумаги для снятія копій, за что г. комиссаръ подарилъ мнѣ 40 рублей [2])". Далѣе Котошихинъ сообщаетъ подъ секретомъ, что онъ, по освобожденіи изъ польскаго плѣна, прибылъ въ Любекъ, гдѣ встрѣтилъ тамошняго слугу царскаго величества Іоанна

[1]) Въ одной бумагѣ, переданной русскими полномочными шведскимъ посламъ при переговорахъ на границѣ лѣтомъ 1666 года, обвиняется подданный короля въ Ивань-городѣ *Козьма Овчинниковъ* въ томъ, что онъ забралъ у новгородскаго купца товаровъ на 60 любскихъ ефимковъ и не уплатилъ этихъ денегъ. (Шведскій Госуд. архивъ, Muscovitica: „Протоколъ о русскомъ договорѣ 1666 г.", лит. Г.). *Й.*

[2]) Дѣйствительно, отыскался нѣмецкій переводъ этой инструкціи въ донесеніи Эберса королю изъ Москвы отъ 22-го іюля 1663 г. Онъ говоритъ, что истратилъ на это дѣло 100 дукатовъ: „И этотъ парень, по происхожденію русскій, но по расположенію добрый шведъ, взялся впредь, когда вамъ писать будутъ, извѣщать меня обо всемъ, что имѣетъ происходить". Тогда шли переговоры между прочимъ о разныхъ денежныхъ претензіяхъ, и для шведскаго правительства важно было знать, на какія уступки русскіе послы были уполномочены. *Й.*

фонъ Горна (v. Gorn), который, считая его попрежнему царскимъ чиновникомъ, поручилъ ему донести русскимъ властямъ, что онъ (Горнъ) намѣренъ послать въ Москву полковника, знающаго всѣ военные планы короля и государственныхъ людей Швеціи. Котошихинъ продолжаетъ: „Прошу ваше превосходительство, а также и его величество дать мнѣ какую-нибудь должность по моимъ силамъ и услать меня подалѣе отъ отечества. Богъ дастъ, я въ годъ выучусь читать и писать по-шведски. Съ тѣхъ поръ какъ я прибылъ сюда и оставилъ Москву, никто еще не знаетъ, гдѣ я; впредь во всю жизнь обязуюсь служить его королевскому величеству, всемилостивѣйшему государю моему. Если же вашему превосходительству не угодно принять меня, прошу и умоляю содержать письмо мое въ тайнѣ, дабы мнѣ не попасть въ бѣду, и я, несмотря на это письмо, могъ бы безопасно ѣхать въ Москву, а вы, къ моей погибели, не открыли бы всего и не послали письма моего вслѣдъ за мною въ Москву. Еслибъ я сколько-нибудь увѣрился въ помощи короля, я бы сообщилъ еще болѣе добрыхъ вѣстей, которыхъ теперь время не позволяетъ написать". Въ заключеніе онъ сообщаетъ, что тогдашній псковской воевода, заклятый врагъ шведовъ Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ [1]) хлопочетъ о возстановленіи мира съ Польшею и о возбужденіи войны съ Швеціей, изъ мщенія за то, что онъ былъ отставленъ отъ посольства и лишенъ управленія Ливоніей, занятой русскими въ послѣднюю шведскую войну.

Въ письмѣ, сопровождавшемъ эту просьбу Котошихина, генералъ-губернаторъ испрашиваетъ указанія, какъ съ нимъ поступить, и при-

---

[1]) Ордынъ-Нащокинъ, псковской уроженецъ, вѣроятно бывшій въ родствѣ съ записаннымъ въ шведскую дворянскую книгу родомъ Nassokin, игралъ при Алексѣѣ Михайловичѣ важную роль, какъ царскій любимецъ и ревнитель преобразованій въ западно-европейскомъ духѣ. Обязанный возвышеніемъ однѣмъ заслугамъ своимъ, онъ естественно навлекъ на себя вражду знатныхъ бояръ: пользуясь жалобами шведовъ на его поведеніе въ качествѣ русскаго посла при переговорахъ, приведшихъ къ Кардисскому миру въ 1666 г., противники успѣли лишить его тѣхъ почетныхъ должностей, которыя онъ занималъ во время войны. Впослѣдствіи онъ возбудилъ неудовольствіе и московской бюрократіи своими попытками преобразовать посольскій приказъ; въ званіи же псковского воеводы онъ имѣлъ много столкновеній съ тамошнимъ мѣщанствомъ и должностнымъ людомъ. Какъ государственный человѣкъ, Ордынъ-Нащокинъ отстаивалъ ту же политику, какой позднѣе держался Петръ Великій, и вслѣдствіе того онъ былъ врагомъ Швеціи, которая своимъ господствомъ на балтійскихъ водахъ оттѣсняла русскихъ отъ моря. Важнѣйшею политическою заслугою его было посредничество при заключеніи перемирія между Россіей и Польшей въ Андрусовѣ, 1667 г. Личную милость царя онъ всегда сохранялъ, но напослѣдокъ удалился отъ дѣлъ и по старинному русскому обычаю пошелъ въ манастырь. Онъ обладалъ необыкновеннымъ для тогдашней Россіи образованіемъ. Въ шведскомъ Государственномъ архивѣ есть много писанныхъ имъ, отчасти весьма замѣчательныхъ писемъ. *Й.*

бавляетъ, что онъ отъ имени его королевскаго величества приказалъ дать пришлецу простое платье, такъ какъ онъ былъ „совершенно голъ“ (hel blott), и немного денегъ на содержаніе.

Прежде нежели успѣли получить отвѣтъ изъ Стокгольма, пребываніе Котошихина въ Нарвѣ подало поводъ къ нѣкоторымъ объясненіямъ. 22-го ноября въ Нарву явился русскій гонецъ Михаилъ Прокофьевъ съ важными письмами къ шведскому правительству. Хотя онъ на другой же день отправился далѣе, однакожъ генералъ-губернаторъ могъ одновременно донести кому слѣдовало, что ѣхавшій съ этимъ курьеромъ посольскій переводчикъ везъ къ королю отъ шведскаго резидента въ Москвѣ, Лиліенталя, секретныя письма, зашитыя въ подкладку его куртки; онъ сознался, что „не особенно расположенъ къ русскому народу, а болѣе наклоненъ усердно радѣть вашему королевскому величеству и Швеціи“. Въ другомъ письмѣ, отъ 21-го декабря, Таубе сообщаетъ, что „русскій канцелярскій писецъ, попавшій въ плѣнъ къ полякамъ и прибывшій сюда изъ Любека съ предложеніемъ поступить на службу къ вашему королевскому величеству для обученія молодыхъ людей языку и для всякаго другого дѣла, къ какому онъ окажется способнымъ“, явился было къ московскому резиденту, но тотъ не захотѣлъ знать его и вмѣсто того извѣстилъ о немъ новгородскаго воеводу, князя Василья Григорьевича Ромодановскаго. Тогда этотъ отправилъ въ Нарву стрѣлецкаго капитана Ивана Репнина съ письмомъ (отъ 11-го декабря), которое Таубе въ переводѣ препроводилъ къ королю. Воевода сообщаетъ дошедшее до него свѣдѣніе, „что въ Нарвѣ на королевской сторонѣ появился подданный царскаго величества, подьячій Гришка Котошихинъ, который великому государю нашему, его царскому величеству, учинилъ измѣну и передался къ королю Польскому“. Поэтому онъ требуетъ: „дабы ты, королевскаго величества генералъ, по Кардисскому вѣчному договору, по 21-му пункту, вышереченнаго измѣнника и писца Гришку прислалъ съ конвоемъ ко мнѣ въ Великій Новгородъ“. Пріѣхавшій за измѣнникомъ русскій капитанъ долженъ былъ воротиться съ письмомъ отъ 19-го декабря (въ копіи отправленнымъ къ королю), въ которомъ Таубе даетъ слѣдующую „сосѣдскую отповѣдь“ (naborligt svar): „Такимъ образомъ реченный писецъ (недавно прибывшій изъ Любека на кораблѣ и выдающій себя за увезеннаго въ Польшу плѣннаго; а прибылъ онъ сюда въ Нарву голъ и нагъ, такъ что обѣ ноги отъ холода опухли и были ознобленны) пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что онъ желаетъ ѣхать назадъ къ своему государю, его царскому величеству, но по своему убожеству и наготѣ никуда безъ помощи пуститься не можетъ; ради чего, — во вниманіи къ великой дружбѣ, заключенной между моимъ великомощнымъ королемъ и твоимъ великимъ государемъ, а равно и потому, что я реченнаго канцелярскаго писца у моего короля видѣлъ

въ Стокгольмѣ въ качествѣ присланнаго *envoyé* и оттого увѣренъ былъ, что онъ у его царскаго величества содержится въ милости, — приказалъ я въ таковомъ случаѣ дать ему платье и 5 риксдалеровъ для продолженія обратнаго путешествія къ царскому величеству, думая, что онъ, явясь къ находившемуся здѣсь русскому чиновнику, посланному къ королю отъ царскаго величества съ письмами, немедленно продолжать будетъ свое путешествіе; получивъ же твое письмо, я тотчасъ приказалъ стражѣ искать его тщательно какъ въ городѣ, такъ и въ обоихъ предмѣстьяхъ, а чтобы ничего не упустить для его отысканія, велѣлъ сказать присланному тобою капитану, чтобы онъ отправилъ одного изъ своихъ стрѣльцовъ вмѣстѣ съ моимъ стражемъ искать того канцелярскаго писца во всѣхъ домахъ, но онъ этого исполнить не хотѣлъ. Однакожъ и безъ того приложено было всевозможное стараніе, но его уже нигдѣ нельзя было найти, а отъѣхалъ онъ, нѣсколько дней тому назадъ, какъ и хозяинъ его показываетъ, во Псковъ къ Нассокину (Нащокину), съ сыномъ котораго онъ познакомился въ Польшѣ. Если это справедливо, то ты безъ сомнѣнія скоро о томъ услышишь; ежели же онъ впослѣдствіи окажется здѣсь въ генералъ-губернаторствѣ, то (хотя онъ явится не бѣглымъ или плѣннымъ, каковаго въ силу Кардисскаго договора выдать слѣдуетъ, а прибудетъ сюда изъ чужихъ краевъ) я не оставлю по сосѣдскому дружелюбію задержать его и къ тебѣ отправить“.

Тогда же Таубе донесъ и королю, что „писарь скрылся и его нигдѣ нельзя найти“, но въ сущности его любопытный отвѣтъ новгородскому воеводѣ имѣлъ, повидимому, ту цѣль, чтобы, избѣгая оскорбительнаго отказа (который имѣлъ бы видъ враждебнаго дѣйствія), выиграть время, въ ожиданіи рѣшенія правительства. Въ Стокгольмѣ не прежде середины января мѣсяца узнали о требованіи воеводою выдачи Котошихина, когда уже было рѣшено воспользоваться благопріятнымъ случаемъ пріобрѣсти свѣдущаго совѣтника относительно канцелярскихъ тайнъ Московскаго государства. 16-го ноября читано было въ совѣтѣ „прошеніе русскаго канцеляриста изъ Нарвы о принятіи его въ службу его королевскаго величества въ Швеціи, такъ какъ онъ покинулъ свою службу въ Россіи, и заблагоразсуждено повелѣть генералъ-губернатору прислать его сюда для дальнѣйшаго распоряженія и здѣсь удостовѣриться, каковъ онъ въ своемъ дѣлѣ“. 24-го ноября данъ слѣдующій указъ камеръ-коллегіи о нѣкоемъ русскомъ *Gregoreij Kotosikni*: „Поелику до свѣдѣнія нашего дошло, что это человѣкъ, хорошо знающій Русское государство и служившій въ канцеляріи великаго князя и изъявляющій готовность сдѣлать намъ разныя полезныя сообщенія, то мы всемилостивѣйше жалуемъ этому русскому 200 риксдалеровъ серебр. и повелѣваемъ послать ихъ ему съ Адольфомъ Эберсомъ“. Къ Таубе также былъ посланъ королевскій

приказъ объ этомъ „Kotosikni“: „Поелику намъ сообщено, что ему хорошо извѣстно Русское государство, то мы повелѣваемъ вамъ удостовѣрить его въ нашей милости, и мы признали за благо принять его въ нашу службу, на каковой конецъ и послали ему съ Адольфомъ Эберсомъ 200 риксдалеровъ, на которые пусть и пріѣдетъ онъ сюда“. Эберсъ, кажется, лифляндскій уроженецъ, былъ одинъ изъ искуснѣйшихъ дипломатовъ тогдашней Швеціи. Съ 1645 года онъ былъ шведскимъ агентомъ въ Новгородѣ, гдѣ пострадалъ во время бывшаго въ 1649 мятежа. Послѣ того онъ до 1655 года былъ комиссаромъ при шведскомъ подворьѣ въ Москвѣ. При послѣдовавшихъ за тѣмъ переговорахъ съ Россіей онъ часто былъ употребляемъ. Охраняя интересы Швеціи съ энергіей и хитростью, онъ своимъ образомъ дѣйствій напоминаетъ поведеніе русскихъ пословъ въ Швеціи при преемникахъ Карла XII и при Густавѣ III. Ордынъ-Нащокинъ, въ своихъ донесеніяхъ царю, жалуется, что Эберсъ поддерживаетъ внутренніе раздоры въ Москвѣ. Эберсъ и самъ нѣсколько разъ упоминаетъ о стараніяхъ русскихъ властей развѣдать, кто посѣщаетъ его домъ.

Итакъ Адольфъ Эберсъ, съ предыдущаго лѣта остававшійся въ Швеціи, снова былъ посланъ въ Москву и въ то же время отправлены Гельмфельту и др. полномочія вести на границѣ переговоры съ царскими послами о разныхъ возникавшихъ въ послѣднее время несогласіяхъ. Изъ приведеннаго письма Таубе видно, что русскіе полномочные уже находились въ Новгородѣ, но „никто еще не зналъ, куда они направятся — впередъ или назадъ, въ городѣ же носился слухъ, что они опасаются такого же пріема въ Швеціи, какъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ приняты были шведскіе послы въ Москвѣ“. Это, безъ сомнѣнія, намекъ на посольство Густава Бьельке, который, какъ извѣстно, вопреки народному праву удержанъ былъ въ Москвѣ съ 1655 по 1658 годъ и подвергся тамъ довольно суровому обращенію. Несмотря на недавнее заключеніе „вѣчнаго мира“ между обоими государствами, взаимныя отношенія ихъ были далеко не дружелюбныя, особенно потому, что русскіе подозрѣвали Швецію въ намѣреніи вмѣшаться въ ихъ войну съ Польшею, Швеція же выказывала по крайней мѣрѣ желаніе сыграть роль непрошеннаго дипломатическаго посредника, чтобы поживиться на счетъ обѣихъ воевавшихъ сторонъ. Однакожъ, къ войнѣ, повидимому, не готовились, и потому важно было не допускать никакого открытаго нарушенія существовавшихъ трактатовъ. Русскіе были очень недовольны безпечностью шведскихъ властей въ дѣлѣ поимки и выдачи бѣглыхъ, и въ Москвѣ особенно опасались разглашенія передъ чужими правительствами государственныхъ тайнъ. Поэтому нужна была нѣкоторая осторожность, чтобы королевское повелѣніе о пересылкѣ русскаго писца могло быть исполнено безъ всякаго шума.

10-го января 1666 года Таубе увѣдомляетъ короля, что Эберсъ

наканунѣ прибылъ въ Нарву съ этимъ повелѣніемъ, и обѣщаетъ отправить Котошихина, „какъ скоро онъ снова отыщется“. Въ перепискѣ Эберса не нашлось извѣстія, видѣлъ ли онъ въ Нарвѣ Котошихина и самъ ли передалъ ему деньги. Однакожъ онъ пробылъ тамъ недѣлю и затѣмъ черезъ Новгородъ поѣхалъ въ Москву. Между тѣмъ Таубе 20-го января пишетъ къ королю, что бѣглый русскій, скрывшійся, между своими соотечественниками изъ опасенія быть выданнымъ новгородскому воеводѣ, послѣ снова отысканъ, но „поелику реченнаго писца (которому я запретилъ показываться) видѣли и знаютъ другіе пребывающіе здѣсь русскіе, то г. цейхмейстеръ посовѣтовалъ мнѣ велѣть открыто схватить его и посадить въ тюрьму, а потомъ выпустить, какъ будто онъ по оплошности сторожей бѣжалъ, дабы, при предстоящихъ совѣщаніяхъ не могло произойти никакого неудовольствія за то, что онъ здѣсь находился и не былъ, какъ того требовали, схваченъ и выданъ. Почему я въ этомъ случаѣ послѣдовалъ совѣту цейхмейстера, и онаго писаря согласно съ повелѣніемъ вашего королевскаго величества посылаю съ курьеромъ (который провожалъ комиссара Адольфа Эберса) въ Стокгольмъ, а также написалъ къ воеводѣ, что онъ (Котошихинъ), по оплошности сторожей, хитростью освободился, но что я приказалъ тщательно искать его, и если онъ будетъ пойманъ, выдать, офицеръ же, которому поручено было смотрѣть за нимъ, будетъ строго наказанъ“. Такимъ образомъ Таубе успѣлъ вѣроятно усыпить подозрѣнія воеводы: по крайней мѣрѣ въ актахъ пограничной комиссіи, которые вполнѣ сохранились, нѣтъ ни слова о Котошихинѣ.

Письмо Таубе, отправленное, конечно, съ тѣмъ же нарочнымъ, какъ и самъ Котошихинъ, пришло въ Стокгольмъ 5-го февраля. Въ краткой біографіи его, составленной Баркгусеномъ, сказано, что онъ послѣ своего бѣгства изъ „Московіи“ принялъ другое имя и сталъ называться Іоанномъ Александромъ Селицкимъ [1]), и что онъ въ 1666 году присланъ былъ въ Стокгольмъ изъ Нарвы „бывшимъ тамъ въ то время генералъ-губернаторомъ, нынѣ покойнымъ фельдмаршаломъ С. В. Гельмфельтомъ“. Въ перепискѣ Гельмфельта нѣтъ письма о томъ, и новое имя Котошихинъ принялъ безъ сомнѣніи уже въ Стокгольмѣ, можетъ быть по внушенію шведовъ, чтобы легче укрыться отъ вниманія находившихся тамъ русскихъ или пріѣзжавшихъ туда царскихъ пословъ. 28-го марта 1666 г. король, приказомъ на имя камеръ-коллегіи, пожаловалъ „предъявителю Iagan Alexander Selicki“, бывшему русскому писцу, который поступилъ къ намъ на службу и

---

[1]) Имя это — очевидно польское (Selicky) и придумано, чтобы скрыть настоящее происхожденіе Котошихина; съ тою же цѣлью поставлено впереди два имени, будто-бы данныя при крещеніи, что также не согласно съ русскимъ обычаемъ. *Й.*

обязался быть нашимъ вѣрноподданнымъ, 150 далеровъ серебромъ на прокормленіе и содержаніе, а также на обзаведеніе въ здѣшнемъ краю". Приказомъ, даннымъ камеръ-коллегіи 29-го ноября того же года, король назначилъ „прибывшему сюда прошлою зимою изъ Нарвы русскому" 300 далеровъ серебромъ въ годъ жалованья, „поелику онъ нуженъ намъ ради своихъ свѣдѣній о Русскомъ государствѣ, почему и имѣетъ камера внести его съ таковымъ содержаніемъ въ штатъ нашей канцеляріи; за нынѣшній же истекающій годъ выдать ему 150 далеровъ, такъ какъ у него нѣтъ никакихъ собственныхъ средствъ на прожитокъ". Такимъ образомъ русскій переметчикъ сдѣлался хорошо обезпеченнымъ шведскимъ чиновникомъ [1]).

---

[1]) Два приведенныя здѣсь въ извлеченіи приказа были конечно даны вслѣдствіе прошеній, поданныхъ Котошихинымъ на имя короля и высшихъ правительственныхъ лицъ. Эти прошенія не были извѣстны составителю передаваемой мною статьи, но они напечатаны А. Ф. Бычковымъ въ 1-й книгѣ *Архива историческихъ и практическихъ свѣдѣній* (Спб. 1860 г.) по подлинникамъ, принадлежавшимъ покойному лектору Александровскаго университета Готлунду. Перепечатываю ихъ здѣсь для пополненія сообщаемыхъ г-мъ Ерне подробностей:

1. Велеможнѣйшій и высокорожденный князь и государь, государь Карлусъ, Божіею милостію Свѣйскій, Готцкій и Вендѣйскій король и отчинный князь, великій князь Финскіе земли, арцухъ Шконскій, Эстлянскій, Лифлянскій, Корѣлскій, Бременскій, Ферденскій, Стетинскій, Померскій, Касубскій и Венденскій, князь Рюгенскій, государь надъ Ижерскою землею и въ Висмарѣ, такъ же палцъграѳъ Ринскій, Баернъскій, Гюллихскій, Клевскій и Бергенскій арцухъ.

Вашему королевскому величеству, моему всемилостивому государю, супликацуюся сею моею супликацыею, что я вашему королевскому величеству за вѣрою радъ служити до смерти своей, безъ измѣны, что меня привела вашего королевскаго величества превысокая милость, также по наговору коммисара Адольфа Эберса, для чего и въ Полшѣ служить не похотѣлъ, и отъ вашего королевскаго величества превысокіе милости обнадеженъ я великимъ жалованьемъ, что мнѣ прислано двѣсти таляровъ, что за такое милостивое жалованье вашего королевскаго величества за здоровье до живота своего радъ всемогущаго Бога хвалить. Вашему королевскому величеству бью челомъ покорно и милосердія прошу, чтобъ ваше королевское величество пожаловалъ, противъ моей челобитной велѣлъ указъ учинить, которую челобитную подаю вѣрнымъ радѣтелемъ вашего королевскаго величества государственнымъ высокимъ господамъ думнымъ правителемъ и владѣтелемъ.

Вашего королевскаго величества вѣрной подданной
Г. К. К.
Iagan Alexander Selicky.

2. Добророжденные и высокопочтенные чесные государи, господа государственные думные правители и владѣтели.

Королевское величество, какъ есть всемилостивѣйшій государь, пожаловалъ меня милостію своею, чему я за такую превысокую милость и жалованье его королевскому величеству и коронѣ Свѣйской радъ служити до живота своего; и изъ Ругодива отъ высокопочтеннаго господина генералъ-губернатора присланъ я къ его королевскому величеству, и тутъ живу четвертую недѣлю, а его королевскаго величества очей не видалъ, такъ же и у вашихъ милостей не былъ и поклоненія своего не отдалъ, а

Ясно, что Котошихинъ имѣлъ вліятельныхъ ходатаевъ въ Швеціи, и выше были приведены нѣкоторыя обстоятельства, показывающія, что онъ еще до бѣгства изъ Россіи былъ въ сношеніяхъ съ шведскими сановниками и даже побывалъ въ Швеціи. Это подтверждается положительными свидѣтельствами въ дошедшихъ до насъ документахъ. Конечно, нельзя съ полнымъ довѣріемъ принимать собственныхъ его показаній о предыдущей его жизни, въ русскомъ прошеніи, поданномъ имъ королю тотчасъ по прибытіи въ Стокгольмъ. Подлинника этого прошенія, равно какъ и того, которое было на имя Таубе, отыскать не удалось, но въ біографическомъ очеркѣ Баркгусена оно помѣщено въ довольно близкомъ переводѣ.

Помѣстивъ за этимъ разсказъ Котошихина, приведенный Баркгусеномъ въ предисловіи къ извѣстному сочиненію перваго и напечатанный при русскомъ изданіи его, г. Йэрне продолжаетъ: Въ этомъ разсказѣ очень замѣтно стараніе автора выставить себя жертвой низкой интриги и увѣрить, что бѣгство его было вынуждено уважительными побужденіями. Теперь уже нѣтъ возможности разъяснить, насколько справедливы его обвиненія противъ русскихъ сановниковъ. Но не

безъ росказанія вашего къ вашей чесности итти не смѣю, въ чомъ черезъ сію мою челобитную вашему высочеству покорно бью челомъ и милости прошу, которую челобитную подаю его королевскому величеству, другую, вамъ высокочестнѣйшимъ госуремъ господамъ, черезъ переводчика господина Улауса Баркуша, чтобъ мнѣ указъ былъ противъ достоинства: тутъ живу въ Стеколнѣ безъ дѣла, даромъ испроѣдаюся. И я у его королевскаго величества и у васъ, высокочестнѣйшихъ государей, повторичне милости прошу и бью челомъ, чтобъ мнѣ какая служба учинена была, а ежели королевское величество и ваше высочество пожалуете, противъ сего моего челобитья служить велите, и та моя служба его королевскому величеству будетъ годна такимъ обычаемъ: первое, чтобъ королевское величество пожаловалъ, велѣлъ меня учить свѣйского языку студенту, а я того студента буду учить по-русски, что онъ годенъ будетъ въ переводчики; такъ же ежели похочетъ хто учитца по-руски васъ высокихъ господъ дѣти, и имъ то ученье будетъ надобно для такого способу: лучитца которому быть въ Ригѣ или въ иныхъ городѣхъ губернаторомъ, и имъ для пограничества и для посольствъ годенъ будетъ. Еще покорно королевскому величеству, моему всемилостивому государю, такъ же и вамъ, превысокимъ господамъ, бью челомъ и милости прошу, чтобъ я пожалованъ былъ гдѣ жить и чѣмъ сыту быть, за что, за такое жалованье, его королевскаго величества за здоровье и васъ, высокопочтенныхъ господъ, за здоровье же буду Бога хвалить до вѣку живота своего. А сверхъ сей моей челобитной буду ожидать отъ васъ, высокопочтенныхъ господъ, указу въ какой службѣ быть ни укажете, а доколѣ всемогущій Господь Богъ дастъ мнѣ здоровье; а ежели какое у меня писмо по-руски или какимъ инымъ языкомъ на Русь или къ Рускимъ людемъ сыщетца совѣтная грамотка, достоинъ смертные казни безо всякіе пощады.

Васъ высокопочтенныхъ и добророжденныхъ честнѣйшихъ государей, господъ государственныхъ правителей и владѣтелей униженный рабъ и слуга

Г. К. К. [1])

Jagan Alexander Selicky.

---

[1]) т. е. Григорій Карповъ Котошихинъ.

подлежитъ сомнѣнію, что онъ умалчиваетъ о разныхъ обстоятельствахъ, которыя служатъ не въ пользу его; въ одномъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ, его легко уличить въ недостаткѣ правдивости: онъ говоритъ, что бѣжалъ въ Польшу, а въ письмѣ къ Таубе утверждаетъ, что попалъ туда, какъ плѣнный.

Участіе его въ переговорахъ, подготовившихъ Кардисскій миръ, несомнѣнно. Въ подлинномъ письмѣ русскихъ полномочныхъ (это были Афанасій Лаврентьевичъ Ордынъ-Нащокинъ, родственникъ его Богданъ Ивановичъ Нащокинъ и дьяки Герасимъ Дохтуровъ и Еримъ Юрьевъ) упомянуто, что 9-го октября 1660 года „царскаго величества подъячій" Григорій Котошихинъ изъ Дерпта, занятаго въ то время русскими, отправленъ къ шведскимъ посламъ въ Ревель съ бумагой, которою шведское посольство, сходно съ однимъ изъ условій перемирія въ Валлисаари [1]) 20 декабря 1658, приглашалось какъ можно скорѣе ѣхать въ Москву. 15-го октября Котошихина отослали обратно шведскіе сановники Густавъ Карлсонъ Банéръ и Андреасъ Вальвикъ съ письменнымъ отвѣтомъ, что они не могутъ исполнить этого требованія, пока не воротится изъ Стокгольма глава посольства государственный совѣтникъ Бенгтъ Горнъ. 5-го декабря Горнъ прибылъ въ Ревель и 8-го числа того же мѣсяца онъ отправилъ къ Афанасію Ордыну-Нащокину „трубача" съ письмомъ, въ которомъ, пожелавъ ему всякаго благополучія, сообщалъ о своемъ пріѣздѣ. 13 декабря трубачъ возвратился, а съ нимъ вмѣстѣ былъ и Котошихинъ, имѣвшій учтивое письмо къ одному Горну отъ Ордына-Нащокина, а также письмо отъ русскаго посольства къ шведскому; оба были помѣчены 11-мъ декабря. На другой день Горнъ писалъ къ королю, что письмо русскихъ пословъ еще не переведено, но, сколько можно было уразумѣть, русскіе настаивали на скоромъ отъѣздѣ шведскаго посольства въ Москву, „и казалось, что они мало надѣялись притти съ нами къ полному соглашенію, но какъ-будто подозрѣвали какіе-то тайные умыслы".

Когда, наконецъ, содержаніе русскаго письма было вполнѣ понято, то 16-го числа послы призвали вышепоименованнаго гонца (Котошихина), который, явясь предъ ихъ превосходительствами благодарилъ за добрый пріемъ и обѣщалъ при возвращеніи въ Дерптъ отозваться похвалою о ихъ обхожденіи съ нимъ. Ихъ превосходительства отвѣчали, что имъ пріятно слышать о его удовольствіи, и пожелали, чтобы онъ при своемъ возвращеніи въ Дерптъ „нашелъ въ добромъ здравіи и вожделѣнномъ состояніи великихъ и полномочныхъ пословъ его царскаго величества, коимъ великіе и полномочные послы его королевскаго величества усердно и дружелюбно кланяются". Сверхъ письменнаго отвѣта, который Котошихину поручено было взять съ собою,

---

[1]) Wallisaari — деревня при рѣкѣ Наровѣ, близъ города Нарвы. *Я. Г.*

ихъ превосходительства „имѣли сообщить ему нѣчто на словахъ, какъ лицу, подвластному канцеляріи и присутствовавшему на совѣщаніяхъ въ Валлисаари и Пюхестекюлэ“. Это сообщеніе состояло въ томъ, что по извѣстію, полученному отъ генералъ-губернатора Гельмфельта, черезъ Нарву проѣхалъ посолъ отъ его королевскаго величества къ царю съ письмами, на которыя нужно будетъ дождаться отвѣта прежде нежели можетъ состояться требуемое путешествіе въ Москву. Григорій Котошихинъ отвѣчалъ, что объ этомъ послѣ царскимъ полномочнымъ ничего неизвѣстно, кромѣ того, что новгородскій воевода Куракинъ сообщилъ о его проѣздѣ. Его превосходительство г. Бенгтъ Горнъ съ своей стороны подтвердилъ желаніе, чтобы заключенъ былъ новый вѣчный договоръ, о чемъ онъ, какъ въ Валлисаари, такъ и послѣ на всѣхъ совѣщаніяхъ постоянно заявлялъ, „что̀ можетъ засвидѣтельствовать присутствовавшій при томъ Григорій“. Горнъ выражалъ надежду, что русскіе послы для этой цѣли будутъ сговорчивѣе, чѣмъ были до сихъ поръ. Русскій гонецъ отвѣчалъ: царскіе послы, для совершенія столь важнаго и благого дѣла, долго ждали возвращенія его превосходительства изъ Швеціи, и теперь онъ проситъ словеснаго указанія, когда именно и какимъ путемъ послы его королевскаго величества намѣрены предпринять свое путешествіе въ Москву сходно съ 27-мъ пунктомъ Валлисаарскаго перемирія, дабы повсюду заблаговременно могли быть сдѣланы надлежащія распоряженія къ пріему ихъ. Просьбу эту онъ повторялъ три раза. Ему отвѣчали, что въ переданномъ ему письмѣ подробно упоминается объ этомъ предметѣ, изъ чего великіе и полномочные послы его царскаго величества могутъ въ точности усмотрѣть рѣшеніе великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества. О томъ, что̀ первые найдутъ нужнымъ отвѣчать, послы его королевскаго величества готовы дружелюбно вести дальнѣйшую переписку. Съ этимъ и былъ отпущенъ часто упоминаемый Григорій, съ дружественнымъ поклономъ къ русскимъ посламъ, при чемъ ему сказано, что „передъ своимъ отъѣздомъ онъ получитъ приличное угощеніе на квартирѣ и потомъ ему данъ будетъ приставъ въ сопровожденіе до границы“. Въ письмѣ къ русскимъ посламъ указывается на необходимость тотчасъ же приступить къ продолженію переговоровъ на мѣстѣ, и тутъ же предъявляется жалоба на пропускъ „Лифляндіи“ въ титулѣ шведскаго короля. Нащокинъ и его товарищи вскорѣ послѣ того отправили какого-то „капитана“ съ новымъ письмомъ, на которое изъ Швеціи отвѣтъ посланъ былъ съ „посольскимъ камеръ-юнкеромъ“, какъ сказано въ донесеніи королю отъ 4-го января 1661 года, „при такихъ формальностяхъ, чтобы можно было скорѣе получить ихъ дальнѣйшую декларацію“, такъ какъ „русскіе къ намъ присылали два раза, сперва съ посольскимъ подъячимъ, а теперь съ капитаномъ“.

Итакъ Котошихинъ занималъ вовсе не маловажное служебное положеніе и „былъ много употребляемъ по царскимъ порученіямъ ради своей ловкости“, какъ выразился Баркгусенъ. Посольскій приказъ составлялъ главное правительственное вѣдомство, по крайней мѣрѣ до учрежденія Алексѣемъ Михайловичемъ приказа тайныхъ дѣлъ [1]); въ посольскомъ приказѣ хранилась между прочимъ большая царская печать. Во главѣ его находился думный дьякъ (секретарь совѣта, составлявшій протоколы засѣданій боярской думы въ присутствіи царя); кромѣ того, въ дѣлопроизводствѣ участвовали два второстепенные дьяка и 14 подьячихъ, не считая значительнаго числа переводчиковъ, большею частью иностранцевъ по происхожденію; всѣ эти свѣдѣнія сообщаетъ самъ Котошихинъ въ своемъ сочиненіи. Сыновья мѣщанъ и крестьянъ могли, по протекціи или благодаря своимъ способностямъ, попадать въ подьячіе и впослѣдствіи выслуживать помѣстья. Такъ какъ эти жалованныя имѣнія при извѣстныхъ условіяхъ были наслѣдственны, то подьячій могъ становиться родоначальникомъ дворянскаго рода, имѣвшаго возможность постепенно достигать высшихъ государственныхъ должностей, но виды самого подьячаго на дальнѣйшее повышеніе по службѣ были довольно ограничены вслѣдствіе строгихъ правилъ стариннаго мѣстничества: крайнимъ предѣломъ его надеждъ могло быть мѣсто дьяка въ одномъ изъ низшихъ учрежденій или у какого-нибудь областного воеводы. Оклады были незначительные, но увеличивались съ годами службы; на особыя порученія или путевыя издержки выдавались добавочныя деньги. Въ предисловіи ко второму изданію книги Котошихина приведено нѣсколько выписокъ изъ приходо-расходныхъ книгъ посольскаго приказа. Изъ нихъ видно, что въ 7169 году (т. е. отъ 1 сентября 1660 по 1 сентября 1661) Котошихинъ, записанный послѣднимъ въ числѣ подьячихъ, получилъ сполна жалованье 13 рублей, по поводу участія въ переговорахъ съ Швеціею („для Свійского посольского съѣзду“). На другой годъ жалованье его возвышено до 19-и рублей, да кромѣ того дано ему

---

[1]) Это заключеніе, конечно, выведено авторомъ изъ того, что у Котошихина (гл. VII) посольскій приказъ стоитъ непосредственно послѣ приказа тайныхъ дѣлъ; но по словамъ С. М. Соловьева (*И. Р.* т. XIII, стр. 94), посольскій приказъ долго не имѣлъ большой важности, и былъ только канцеляріей боярской думы по иностраннымъ сношеніямъ: лишь со временъ Андрусовскаго перемирія иностранныя сношенія были поручены одному боярину, именно Ордыну-Нащокину, который, по своему западному взгляду, имѣлъ высокое понятіе о посольскомъ приказѣ и пр. Сколько мнѣ извѣстно, самое подробное изслѣдованіе о допетровскихъ приказахъ принадлежитъ Неволину и напечатано въ Журналѣ Министер. Нар. Просв. 1844 г., (т. XLI) подъ заглавіемъ: „Образованіе управленія въ Россіи отъ Іоанна III до Петра Великаго“. По его мнѣнію (стр. 99), посольскій приказъ возникъ, вмѣстѣ со многими другими при Іоаннѣ Грозномъ. Въ отношеніи къ времени Алексѣя Михайловича замѣчаніе г. Йэрне совершенно вѣрно. *Я. Г.*

$9^{1}/_{2}$ рублей „для хлѣбные дорогови". Въ слѣдующемъ году получилъ онъ, „за помѣтою думного дьяка Ларіона Лопухина", уже 20 руб., и сверхъ того ему для „нынѣшніе хлѣбные дорогови" прибавлено полъоклада, т. е. 10 рублей [1]). Такимъ образомъ начальство его, повидимому, было вообще довольно его службой; но есть письмо царя Алексѣя Михайловича къ Ордыну-Нащокину и его товарищамъ по посольству отъ 4 мая 1659 года, въ которомъ дьякамъ предписывается впредь перечитывать внимательно посылаемыя къ царю письма, а подьячему Гришкѣ Котошихину „учинить наказаніе бить батоги" за то, что онъ въ отправленной къ государю „отпискѣ" пословъ пропустилъ слово *государь* въ титулѣ „великій государь". Однакожъ это наказаніе, по московскимъ понятіямъ (говоритъ г. Йэрне), не повредило служебному положенію Котошихина. Какъ выше упомянуто, онъ осенью посланъ былъ съ порученіемъ къ шведскимъ посламъ, а въ 1661 г., когда рѣшено было заключить миръ, его отправили въ Стокгольмъ съ письмомъ царя отъ 7-го августа, въ которомъ содержалась просьба къ королю прислать своихъ полномочныхъ въ назначенныя мѣста 30 сентября, съ ратификаціею мирнаго договора. Но это письмо пришло не прежде 23 сентября, и шведское правительство усомнилось въ искренности царя, такъ какъ вслѣдствіе такого замедленія шведскимъ посламъ было невозможно пріѣхать въ Кардисъ въ назначенное время. Между тѣмъ 24-го сентября въ совѣтѣ было рѣшено немедленно отправить русскаго нарочнаго, давъ ему небольшое судно. По заведенному обычаю, самъ онъ и спутники его получили довольно дорогіе подарки. Ему подарены были два серебряные бокала, вѣсившіе оба вмѣстѣ $253^{1}/_{2}$ лота и оцѣненные въ 304 далера сер.; переводчику его 15 червонцевъ, а тремъ служителямъ, каждому, по 4 риксдалера монетою. На ихъ „прокормленіе" выдано было изъ акцизныхъ суммъ въ итогѣ 500 далеровъ. Долго ли Котошихинъ въ этотъ разъ оставался въ Стокгольмѣ, опредѣлить нельзя; но если онъ и не успѣлъ пріобрѣсти особенно много знакомыхъ, все-таки многіе могли помнить его, когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ воротился при совершенно другихъ обстоятельствахъ. Таубе, напр., говорилъ, что видѣлъ его въ Стокгольмѣ въ качествѣ русскаго „envoyé".

---

[1]) Здѣсь я долженъ отмѣтить небольшую неисправность въ подлинной статьѣ. Авторъ, по весьма естественному въ иностранцѣ недоразумѣнію, смѣшалъ *дороговь* съ словомъ *дорога*, и переводитъ въ обоихъ мѣстахъ, гдѣ оно встрѣчается: „на путевыя издержки". Кромѣ того, онъ при имени Лопухина ставитъ въ скобкахъ примѣчаніе: „вѣроятно, того самаго, который впослѣдствіи сдѣлался тестемъ Петра Великаго". Но царица Евдокія была дочь *Федора Авраамовича* Лопухина († 1713), а въ настоящемъ случаѣ рѣчь идетъ объ *Иларіонѣ Дмитріевичѣ* († 1677). Отцы ихъ *Авраамъ* и *Дмитрій* были родные братья, сыновья Никиты Васильевича (*Родосл. книга* кн. П. Долгорукаго. II, 56—58). *Я. Г.*

По возвращеніи въ Москву Котошихинъ сталъ дѣйствовать весьма странно, съ досады ли на дурное съ нимъ обращеніе, или для увеличенія плохихъ доходовъ своихъ. Было уже сказано, что онъ хвалился, между прочимъ, своими услугами находившемуся въ русской столицѣ шведскому комиссару, что̀ подтверждается и собственными его донесеніями. Въ помянутой приходо-расходной книгѣ читаемъ слѣдующую замѣтку за 7173 г. (отъ 1-го сентября 1664 по 1-ое сентября 1665): „Григорій Котошихинъ. И въ прошломъ въ 172 году Гришка *своровалъ*, измѣнилъ, отъѣхалъ въ Полшу. А былъ онъ въ полкѣхъ бояръ и воеводъ князя Якова Куденетовича Черкасскаго со товарищи". Какъ самъ Котошихинъ объяснялъ это дѣло, намъ уже извѣстно. Есть положительное свидѣтельство о несогласіи между Черкасскимъ и Долгорукимъ. Первый, происходя отъ независимыхъ нѣкогда кабардинскихъ князей и такимъ образомъ не принадлежа къ древней московской аристократіи, находился въ натянутыхъ отношеніяхъ къ царскому тестю Ильѣ Даниловичу Милославскому и роду его. Долгорукій, напротивъ, былъ очень близокъ къ царю. Онъ по способностямъ и заслугамъ стоялъ гораздо выше Черкасскаго. Еще въ 1654 году онъ съ успѣхомъ предводительствовалъ войскомъ въ войнѣ съ Польшею. Въ 1670 разбилъ онъ Стеньку Разина. Въ обращеніи съ подчиненными онъ былъ чрезвычайно строгъ и потому они его ненавидѣли: въ первомъ стрѣлецкомъ бунтѣ онъ, вслѣдъ за сыномъ своимъ, былъ убитъ, такъ же какъ и многіе другіе начальствовавшія лица; лѣтомъ 1664 онъ, вмѣстѣ съ Ордыномъ-Нащокинымъ, велъ близъ Смоленска переговоры о мирѣ или перемиріи съ Поляками. Московское государство находилось тогда въ весьма критическомъ положеніи. Казна была истощена, завоеванныя земли бо̀льшею частью отняты непріятелемъ, въ Малороссіи партія царя не многочисленна; Крымскій ханъ заключилъ союзъ съ Польшею и нанесъ возмутившимся казакамъ сильныя пораженія. Въ Москвѣ необыкновенное посольство подъ начальствомъ лорда Карлейля представляло Англію, которая вмѣстѣ съ Швеціею старалась навязать царю свое посредничество. Поэтому поляки не соглашались сдѣлать русскимъ посламъ ни малѣйшей уступки. Вслѣдствіе того, по совѣту Нащокина и Долгорукаго, Черкасскій, стоявшій съ 30.000 войска на русской сторонѣ Днѣпра невдалекѣ отъ мѣста переговоровъ, получилъ приказаніе перейти рѣку и дать сраженіе слабѣйшему по численности непріятелю, чтобы оружіемъ подкрѣпить требованія русскихъ дипломатовъ. Однакожъ онъ послѣ чувствительныхъ потерь долженъ былъ отступить и подъ благовиднымъ предлогомъ былъ отозванъ въ Москву. Посланный на мѣсто его Долгорукій, при дурно организованномъ войскѣ, не могъ имѣть большого успѣха. Переговоры продолжались до глубокой осени и были

возобновлены въ слѣдующемъ году, когда происходившія въ Польшѣ волненія ставили русскихъ въ болѣе благопріятныя условія [1]).

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ передался Котошихинъ. Позднѣйшіе издатели его сочиненія помѣстили въ предисловіи просьбу его къ польскому королю, найденную въ польскихъ дѣлахъ, хранящихся нынѣ въ Московскомъ архивѣ. На ней нѣтъ числа, но вѣроятно она относится къ концу 1664 или къ началу слѣдующаго года. Онъ благодаритъ короля за милость и опредѣленіе на службу при канцлерѣ литовскомъ (Христофорѣ Пацѣ) съ „жалованьемъ на годъ по сту рублевъ". Онъ проситъ не оставлять его въ неизвѣстности о томъ, что́ дѣлается „на границахъ, на Москвѣ и межъ Москвою и шведами, также на Украйнѣ и межъ татарами... потому къ тѣмъ вѣстовымъ дѣламъ, будучи на Москвѣ въ посольскомъ въ приказѣ крѣпко дознался, и если о тѣхъ вѣстяхъ мнѣ будетъ вѣдомо, королевскому величеству къ способу къ войнѣ будетъ годность". Далѣе онъ проситъ извѣстій о гетманѣ Чернецкомъ и татарахъ („чтобы къ походу ихъ на Москву о дорогахъ написать податнѣе"), о ходѣ переговоровъ съ Нащокинымъ, проситъ „землемѣрнаго чертежа о рубежахъ" сосѣднихъ странъ съ Москвою, чтобы помогать совѣтами польскимъ военачальникамъ, предлагаетъ „свой умыслъ" къ обученію работниковъ изготовлять лучшее оружіе и наконецъ рекомендуетъ другого московскаго переметчика („москаля предатчика"), который „предался къ гетману великому литовскому" и „будетъ добрый слуга, у пѣхоты въ ученьѣ и въ рогаткахъ помощникъ". Въ заключеніе онъ проситъ позволенія лично представиться королю. Ясно, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ полнѣйшею измѣной. О дальнѣйшей судьбѣ его въ Польшѣ ничего не извѣстно. Судя по письму Таубе къ новгородскому воеводѣ, Котошихинъ принималъ на себя видъ, что онъ въ

---

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи* XI, стр. 196 и л.; шв. Госуд. архивъ, *Muscovitica*: донесенія Эберса шведскому королю. 26-го января 1664 года Эберсъ пишетъ: „Мой тайный корреспондентъ, отъ котораго я всегда получаю положительныя свѣдѣнія, посланъ отсюда за княземъ Яковомъ Черкасскимъ и вѣроятно будетъ нѣсколько времени въ отсутствіи, что̀ для меня очень прискорбно, потому что скоро достать такого же будетъ мнѣ очень трудно". 15-го августа онъ сообщаетъ, что Черкасскій потребованъ обратно въ Москву. Въ томъ же или въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (на письмахъ нѣтъ чиселъ) онъ пишетъ: „О русскихъ и польскихъ трактатахъ нѣтъ никакихъ положительныхъ извѣстій; здѣсь надѣются однакожъ достигнуть на нѣсколько лѣтъ перемирія, и гг. комиссары еще не разъѣхались. Изъ русскихъ много недовольныхъ перешло къ полякамъ. Особенно одинъ писарь передался со многими секретными бумагами, разумѣю о трактатахъ". 17-го ноября онъ разсказываетъ, что Нащокинъ со своимъ братомъ и „дьякомъ *Григоріемъ Карповымъ*" отправляются послами на польскій сеймъ. По Соловьеву Нащокина сопровождалъ дьякъ *Григорій Богдановъ*; *Карповымъ* же звали Котошихина. Вѣроятно Эберсъ смѣшалъ оба отчества, или тѣ, отъ кого онъ получалъ свои свѣдѣнія, не знали полнаго имени бѣглаго писаря. Почти всѣ эти и имъ подобныя сообщенія писаны у Эберса шифрованнымъ способомъ. *Й.*

Польшѣ сблизился съ сыномъ Ордына-Нащокина Воиномъ, даровитымъ молодымъ человѣкомъ, который, бывъ увлеченъ польскими плѣнными, позволилъ себѣ отправиться въ Данцигъ и былъ посланъ польскимъ королемъ сперва въ Вѣну, а потомъ во Францію. Отецъ былъ очень огорченъ этимъ обстоятельствомъ и счелъ своимъ долгомъ просить увольненія отъ царской службы, но получилъ отъ Алексѣя Михайловича очень милостивое письмо, въ которомъ царь извинялъ поступокъ его сына юношескою любознательностью и уговаривалъ отца продолжать происходившія въ то время переговоры съ Швеціею [1]).

Каково бы ни было поведеніе Котошихина въ Россіи и въ Польшѣ,— въ Швеціи онъ нашелъ себѣ честную дѣятельность, которая однакожъ, къ сожалѣнію, очень скоро прекратилась. Мы, кажется, не ошибемся, если припишемъ его принятіе въ шведскую службу ходатайству Бенгта Горна и Адольфа Эберса, съ которыми онъ издавна былъ довольно хорошо знакомъ. Но въ собственно государственныхъ дѣлахъ онъ, сколько извѣстно, не былъ употребляемъ въ качествѣ шведскаго подданнаго. Повидимому, онъ посвящалъ свое время главнымъ образомъ сочиненію своей замѣчательной книги. „Къ тому, чтобы предпринять этотъ трудъ", говоритъ Баркгусенъ, „важнымъ поводомъ послужили превосходныя учрежденія тѣхъ странъ и городовъ, чрезъ которые онъ проѣзжалъ во время своего бѣгства; еще болѣе созрѣло его намѣреніе, когда онъ съ удивленіемъ увидѣлъ прекрасное политическое устройство того края, гдѣ онъ наконецъ остановился, края, о которомъ онъ сталъ съ похвалою отзываться и безпрестанно повторялъ эти похвалы: вотъ что прежде всего побудило и воспламенило его писать о нравахъ и обрядахъ своего отечества. Затѣмъ охота къ этому труду въ немъ еще усилилась, когда тогдашній государственный канцлеръ, высокородный графъ Магнусъ Гавріилъ Делагарди, узнавъ острый умъ Селицкаго и немалую опытность его въ политикѣ (онъ отличался ловкостью и умомъ предъ своими сверстниками и единоземцами), улучшилъ его положеніе, чтобы онъ могъ легче продолжать начатое дѣло". Въ бумагахъ Делагарди, сохраняемыхъ въ Государственномъ архивѣ, я не нашелъ никакихъ данныхъ (говоритъ г. Йэрне), которыя подтверждали бы предположеніе, что онъ изъ собственныхъ средствъ помогалъ Котошихину. Но какъ начальникъ канцеляріи, онъ принялъ его къ себѣ на службу. „Русскій Іоаннъ Александръ Селицкій" занесенъ въ число штатныхъ чиновниковъ архива тотчасъ послѣ русскаго переводчика (rysk translator) и русскаго толмача (rysk tolk) [2]). Кромѣ ихъ, сослуживцами его были такіе

[1]) Соловьевъ, *Исторія Россіи*, XI, 8 и слѣд.

[2]) Мы принуждены сохранить эти два названія, которыми, конечно, означалось нѣкоторое различіе въ іерархическомъ значеніи обѣихъ должностей. *Я. Г.* Русскіе толмачи въ коронной службѣ встрѣчаются уже при Густавѣ Вазѣ и его сыновьяхъ:

люди, какъ Эрикъ Рунель (секретарь архива), Гадорфъ (антикварій), Хемницъ, Локсеніусъ и Видекинди (исторіографы). Итакъ у него были знакомые, съ которыми онъ могъ совѣтоваться на счетъ своего труда и которымъ самъ могъ быть полезенъ въ ихъ авторской дѣятельности. Видекинди именно въ то время работалъ надъ своей „десятилѣтней шведской войной въ Россіи“, появившейся въ 1671 году. Котошихинъ жилъ въ южномъ предмѣстіи у служившаго въ архивѣ русскаго толмача Даніила Анастасіуса, вѣроятно, уроженца одной изъ тѣхъ шведскихъ областей, гдѣ народъ говорилъ по-русски.

Но недолго пришлось ему наслаждаться спокойствіемъ. „Напослѣдокъ“, разсказываетъ Баркгусенъ, „достойный Селицкій имѣлъ несчастіе неумышленно убить собственнаго своего хозяина, бывшаго русскимъ толмачемъ въ Стокгольмѣ, Даніила Анастасіуса, по самому ничтожному, пустому поводу: дѣло было въ томъ, что Анастасій ревновалъ Котошихина къ женѣ, и оба они, бывъ одни дома, въ нетрезвомъ видѣ поссорились и стали другъ друга бранить; кончилось тѣмъ, что Селицкій нанесъ Анастасіусу нѣсколько смертельныхъ ударовъ испанскимъ кинжаломъ, который онъ на ту пору имѣлъ при себѣ. Но и его не пощадили, и онъ долженъ былъ вскорѣ сложить голову подъ сѣкирою палача, за таможенной заставой южнаго предмѣстья“. По интересу этого уголовнаго дѣла, г. Йэрне, на основаніи сохранившихся документовъ, излагаетъ его подробно.

Въ день очереднаго судопроизводства 10-го сентября 1667 года, на судѣ нижней инстанціи въ южномъ предмѣстіи „явилась вдова Марья, дочь Фаллентина и показала со слезами, что ея жилецъ, русскій канцелярскій служитель Іоаннъ Александръ Зелецкій (т. е. Селицкій),

---

за время Іоанна III есть положительныя свидѣтельства, что въ канцеляріи служили даже лица, умѣвшія писать бумаги на русскомъ языкѣ; съ первыхъ лѣтъ правленія опекуновъ Христины можно привести непрерывный рядъ штатныхъ переводчиковъ. Лица, желавшія посвятить себя этому роду дѣятельности, обыкновенно посылались предварительно на нѣсколько времени въ Россію для изученія языка либо при шведскомъ подворьѣ, либо при находившемся въ Москвѣ на ту пору посольствѣ. Энохъ Лиліемаркъ, бывшій переводчикомъ при Карлѣ XII, исчисляя свои заслуги (въ прошеніи отъ 11-го мая 1694 г.), упоминаетъ, что онъ совершилъ много трудныхъ путешествій какъ въ Москву и въ Нарву, такъ позднѣе съ русскими послами во Францію и въ Испанію, при чемъ я (говоритъ онъ), завися отъ прихотей столь варварскаго народа, долженъ былъ вынести много зла. (Шв. Госуд. архивъ. Разные документы, касающіеся Россіи въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ: *Русскіе переводчики*). Переводчикъ при архивѣ получалъ въ 1667 году 500 далеровъ серебромъ жалованья (секретарю Рунелю платили 1200, исторіографу Видекинди 600). Кромѣ того, въ штатѣ архива за то же время значилось 1.200 дал. сереб. 4-мъ студентамъ на изученіе русскаго языка. По нѣкоторымъ соображеніямъ можно заключать, что одна изъ этихъ стипендій шла на жалованье Котошихину. Въ восточныхъ мѣстностяхъ были также коронные переводчики. Частныхъ толмачей было множество. Разрѣшеніе на практику выдавалось имъ отъ магистрата и оберъ-штатгалтера. *Й.*

въ воскресенье двѣ недѣли тому назадъ, въ семъ часовъ вечера, въ ея отсутствіи, возвратился домой въ нетрезвомъ видѣ и безъ всякой особенной ссоры бросился на ея мужа, бывшаго русскаго толмача Даніила Анастасіуса, который стоялъ въ нижнемъ платьѣ и туфляхъ, собираясь лечь спать. Тотъ схватилъ его за плечи, ударилъ ногами въ животъ, затолкалъ въ уголъ и посадивъ на сундукъ, нанесъ ему кинжаломъ четыре смертельные удара, одинъ въ грудь подъ лѣвый сосокъ, другой въ пупокъ, третій въ спину между плечъ, а четвертый въ лѣвую руку. Анастасіусъ сказалъ ему: „Это ли мнѣ награда за все добро, которое я тебѣ сдѣлалъ?“ и позвалъ на помощь свою свояченицу. Она одна была съ ними въ комнатѣ и тотчасъ же бросилась разнимать ихъ, но на свою же бѣду: Селицкій, отводя ея руку, ударилъ ее кинжаломъ въ грудь, такъ что цырюльникъ и теперь еще не увѣренъ, останется ли она жива, или нѣтъ. Послѣ этого злодѣянія (показывала вдова Марія, дочь Фаллентина, со словъ мужа и сестры), Селицкій, положивъ кинжалъ на столъ, ходилъ взадъ и впередъ, не пытаясь бѣжать, пока пришли часовые и взяли его. Потомъ вдова Марья разсказывала еще, что, когда на другой день она пошла къ Селицкому на гауптвахту, то онъ между прочимъ говорилъ, что еслибъ не пришли такъ скоро часовые и не схватили его, то онъ самъ лишилъ бы себя жизни. Между тѣмъ, хотя Марья дочь Фаллентина надѣялась, что мужъ ея Даніилъ Анастасіусъ понемногу поправится, онъ 9-го числа сего мѣсяца умеръ (принявъ отъ пастора причастіе, при чемъ онъ простилъ убійцу и предоставилъ его Божескому и мірскому суду). Іоаннъ Александръ Селицкій присутствовалъ (при допросѣ вдовы) и самъ на судѣ былъ спрошенъ чрезъ русскаго толмача Ганса Эстерика, какъ, для чего и по какому поводу онъ напалъ на своего хозяина и такъ жестоко ранилъ его и его свояченицу. Іоаннъ Александръ Селицкій отвѣчалъ черезъ толмача, что онъ вовсе не отрицаетъ своего поступка, но не можетъ такъ поспѣшно дать объясненія (хотя судъ настойчиво требовалъ немедленнаго отвѣта) и попросилъ трехдневнаго срока, чтобы представить письменный разсказъ о ходѣ всего дѣла съ самаго начала. Въ заключеніе вдова Марья униженно просила судъ принять во вниманіе бѣдность ея и помочь ей получить свои деньги за столъ, комнату и постель, которыми Селицкій пользовался у ея покойнаго мужа болѣе восьми мѣсяцевъ, по 30-и далеровъ въ мѣсяцъ, такъ какъ она не имѣетъ де никакихъ собственныхъ средствъ на погребеніе мужа. Хотя суду никакъ не удалось заставить Селицкаго тотчасъ же отвѣчать и обстоятельно объяснить, какъ онъ совершилъ это ужасное преступленіе противъ Даніила Анастасіуса и его свояченицы, но такъ какъ онъ не отрицалъ самаго поступка и убійства, и дѣло изъ собственнаго показанія его было ясно, то судъ, не видя никакого осно-

ванія къ испрошенію отсрочки, опредѣлилъ перенести дѣло въ судъ ратуши [1]).

Уже 11-го сентября оно тамъ и слушалось. Прежде всего отвѣтчика черезъ переводчиковъ спросили, „откуда онъ прибылъ, какого онъ званія и по какой причинѣ умертвилъ своего бывшаго хозяина и пріятеля". Онъ отвѣчалъ, что „прибылъ изъ Россіи, званіе его извѣстно королю, а почему онъ убилъ своего хозяина, того сказать онъ не можетъ, а желаетъ объяснить письменно, такъ какъ не можетъ открыть своего дѣла переводчику, потому что они пристрастны". Поэтому судъ рѣшилъ „пріискать другихъ, безпристрастныхъ переводчиковъ, которыхъ онъ бы уже не могъ отвести и коими былъ бы доволенъ". На другой день „привели опять реченнаго Селицкаго и спросили его, какъ онъ теперь разсудилъ, изложилъ ли онъ что-нибудь письменно, или желаетъ онъ чрезъ майора Петра Гольцгусена [2]) и переводчика Барк-

---

[1]) Архивъ стокгольмской ратуши. Тамъ же въ связкѣ судебныхъ разбирательствъ 1667 года г. Йэрне нашелъ прошеніе въ магистратъ отъ Маріи дочери Валентина (sic), подписавшейся: „всепокорнѣйшая и вѣрнѣйшая слуга и богомолица, крайне бѣдная и жалкая вдова". Она объясняетъ, что „бѣжавшій сюда изъ Россіи русскій, называющій себя Иваномъ Александровымъ Силицкимъ (sic), но котораго настоящее имя Gregorei Karpof Karteijsekin", поселился на хлѣбахъ у нея и у мужа ея за двѣ недѣли до Рождества 1666 г., и что они съ тѣхъ поръ достаточно снабжали его всѣмъ, что было ему нужно для прокормленія, а также постелью, освѣщеніемъ, отопленіемъ и стиркою бѣлья". Самое убійство, случившееся, какъ показываютъ, 25-го августа, описано ею почти точно такъ же, какъ въ протоколѣ нижняго суда, съ тою только разницею, что у нея Котошихинъ не показанъ пьянымъ. Мужъ умеръ 8-го сентября въ 11-мъ часу вечера, „оставивъ меня бѣдную женщину въ величайшей нуждѣ и жалкомъ положеніи, такъ что я теперь не имѣю ничего для погребенія его: потому что малость, какую имѣла, должна была истратить ради этого русскаго убійцы, который всегда требовалъ, чтобы всего было вдоволь". Поэтому она проситъ пособія на похороны и заслуженнаго наказанія „жестокому и безпощадному убійцѣ". 13-го марта 1668 г. сложенъ съ Даніила Анастасіуса долгъ городу въ 545 далеровъ, такъ какъ „вдова не въ состояніи уплатить онаго". 31-го октября 1667 король пожаловалъ Маріи, дочери Валентина, 100 дал. сер. во вниманіе къ несчастной смерти ея мужа и къ совершенной бѣдности, въ которой она осталась съ малолѣтними дѣтьми. По опредѣленію канцелярской коллегіи 8-го ноября 1667 „вдова русскаго толмача" получала въ ежегодное пособіе 84½ дал. сер. изъ жалованья Селицкаго, „такъ какъ въ ея рукахъ осталась ассигновка, доставленная ей на содержаніе Селицкаго". Однакожъ эта сумма измѣняется изъ года въ годъ по вѣдомостямъ до 1674 г., изъ чего можно заключить, что она никогда не была выдаваема. *Й.*

[2]) Этотъ офицеръ, участвовавшій въ послѣдней лифляндской войнѣ и запутанный въ разныя судебныя дѣла, находился повидимому въ близкихъ отношеніяхъ къ русскому посланнику. По просьбѣ послѣдняго, онъ назначенъ былъ приставомъ посольства 10-го октября, хотя и полагали, что онъ своими „проказами" (upptåg) возбудилъ щекотливость посла въ отношеніи къ этикету и тѣмъ далъ поводъ къ несогласію между имъ и прежнимъ его приставомъ. Гольцгусенъ еще въ 1662 г. былъ приставомъ русскаго посольства, находившагося тогда въ Стокгольмѣ. Переводчикъ Баркгусенъ 8-го сентября 1667 г. былъ назначенъ „инспекторомъ русскаго подворья и толмачей", но уже черезъ мѣсяцъ русскіе купцы жаловались королю, что онъ „весьма невѣжливо съ ними обращается и оскорбляетъ ихъ ругательствами". *Й.*

гусена разсказать, какъ было дѣло и по какой причинѣ онъ убилъ Даніила Анастасіуса. Онъ отвѣчалъ: извѣстно, что онъ жилъ на хлѣбахъ у покойнаго Анастасіуса, который былъ и пріятелемъ его, но съ тѣхъ поръ какъ сюда пріѣхали русскіе купцы и онъ, Анастасіусъ, сталъ добывать деньги занятіями переводчика, онъ предался пьянству, не радѣлъ о своемъ домѣ и велъ безпорядочную жизнь (такъ что жена его на нѣсколько дней отъ него уходила), за что Селицкій по ея желанію журилъ его, прося исправиться и жить съ женою въ согласіи: это настолько подѣйствовало, что онъ помирился съ женою и въ тотъ же день вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, выражая намѣреніе купить ей кольцо; но когда они прошли часть дороги, онъ извинился, что не можетъ итти такъ далеко и воротился домой, Селицкій же отправился къ капитану Свену Гэте, у котораго однажды былъ въ гостяхъ и пилъ вино. Когда онъ около 7-и часовъ вернулся домой, Даніилъ былъ пьянъ и раздѣтъ, готовясь лечь спать; увидѣвъ же Селицкаго, онъ сталъ ругать его зазорными словами и непристойною русскою бранью и посылалъ его къ чорту, гоня со двора. Селицкій сначала принялъ это за шутку, но когда Даніилъ на вопросъ его отвѣчалъ, что вовсе не шутитъ, то первый ударилъ его въ лицо, а Даніилъ хватилъ его кулакомъ въ бокъ и взялъ его за горло; при этомъ оба они повалились на сундукъ и Селицкій, видя, что ему не высвободиться, вынулъ кинжалъ, который носилъ при себѣ, и вонзилъ его нѣсколько разъ въ Даніила, чтобы вырваться изъ рукъ его. Даніилъ позвалъ свояченицу на помощь, между тѣмъ какъ тотъ далъ ему еще нѣсколько ударовъ и ранилъ также эту дѣвушку. Затѣмъ судъ спросилъ его, „не убѣжденъ ли онъ по совѣсти, что причинилъ Анастасіусу смерть"; онъ отвѣчалъ, что „все показанное имъ справедливо, и онъ хорошо знаетъ къ чему за такое дѣло присуждаетъ шведскій законъ и что послѣдній часъ его близокъ, и онъ охотно подчиняется требованію закона и волѣ короля, и конечно не можетъ считать себя вполнѣ безвиннымъ, но не признаетъ и вины своей, потому что за нее долженъ умереть". Послѣ того судъ велѣлъ сторонамъ удалиться и по зрѣломъ разсмотрѣніи объявлено было 26-го сентября опредѣленіе бургомистра и совѣта относительно убійства по дѣлу между Маріей, дочерью Фаллентина, вдовою русскаго толмача Анастасіусъ, истицей, и русскимъ подьячимъ (kanslist) Ivan Alexandrioff, который также называетъ себя Gregorej Karpoff Kerteijserin, отвѣтчикомъ: „Поелику русскій подьячій Иванъ Alexandrioff Silitski, который называетъ себя также Григорій Карповъ Karteijserin, сознается въ томъ, что онъ 25-го августа въ пьяномъ видѣ закололъ, нѣсколькими ударами кинжала, своего хозяина Даніила Анастасіуса, получивъ отъ него прежде пощечину, вслѣдствіе чего онъ Анастасіусъ по прошествіи двухъ недѣль умеръ, то посему судъ не можетъ пощадить жизнь виновнаго, и на основаніи Боже-

скихъ и шведскихъ законовъ присуждаетъ его къ смерти, перенося вмѣстѣ съ симъ дѣло въ высокій королевскій гофгерихтъ".

Изъ этого приговора видно, что Котошихинъ былъ осужденъ исключительно на основаніи собственнаго его признанія, при чемъ судъ не счелъ себя въ правѣ принять во вниманіе изложенныя имъ обстоятельства, которыя могли въ нѣкоторой степени уменьшить его вину. Далѣе оказывается, что на это уголовное дѣло смотрѣли какъ на процессъ между убійцею и наслѣдницей убитаго. По господствовавшей тогда судебной практикѣ не могло быть и рѣчи о помилованіи безъ ходатайства потерпѣвшей стороны. Хотѣла ли вдова отклонить отъ себя всякое оскорбительное подозрѣніе, или ею дѣйствительно руководило чувство мести, — только она требовала наказанія по всей строгости законовъ, да и Котошихинъ, повидимому, не просилъ о смягченіи кары, не обращался съ такою просьбой ни къ своей противницѣ, ни къ королю. Тогдашнія политическія обстоятельства должны были отнимать у него всякую надежду. Въ Стокгольмъ незадолго передъ тѣмъ прибылъ царскій посолъ, которому поручено было заявить тяжкія обвиненія противъ шведскихъ резидентовъ Лиліенталя и Эбершольда. Въ это время переговоры между Польшею и Россіей приближались къ благополучному окончанію, и шведское правительство, опасаясь этого, болѣе прежняго заботилось о выполненіи своего давно задуманнаго плана принять на себя роль „посредника". Русскій посолъ вскорѣ узналъ, кто былъ убійца въ южномъ предмѣстіи, и тотчасъ же принялъ съ своей стороны надлежащія мѣры. Уже 10-го сентября, слѣдовательно въ тотъ самый день, когда дѣло разбиралось въ нижней судебной инстанціи, Стенъ Бьельке, членъ канцелярской коллегіи, разсказывалъ въ совѣтѣ, что какой-то шведъ (!), прежде служившій въ русскомъ приказѣ, а потомъ въ Польшѣ, былъ рекомендованъ королю и вслѣдствіе того принятъ на службу, потому что ему извѣстны дѣла московской канцеляріи. Но вотъ онъ недавно совершилъ убійство и потому едва-ли можетъ избѣгнуть смертной казни, а между тѣмъ пріѣзжаетъ русскій посолъ и требуетъ, чтобы этотъ человѣкъ, какъ переметчикъ, былъ выданъ русскому правительству. Бьельке желаетъ знать резолюцію короля, какой на это данъ будетъ отвѣтъ. Рѣшено было, что, поелику убійца прибылъ не прямо изъ Россіи и притомъ совершилъ свое преступленіе здѣсь, то онъ по справедливости долженъ здѣсь же подвергнуться казни и не можетъ быть выданъ. 30-го сентября другой государственный сановникъ Петръ Браге сообщилъ, что русскій посланникъ былъ у него и настаивалъ, чтобы переметчикъ былъ выданъ. На это онъ-де отвѣчалъ, что, такъ какъ тотъ здѣсь совершилъ тяжкое преступленіе, убивъ своего хозяина, то онъ долженъ здѣсь же быть и наказанъ, къ чему Браге присовокупилъ, что конечно и царь не потерпѣлъ бы въ своей странѣ такого человѣка,

и заключилъ тѣмъ, что посланнику будетъ данъ рѣшительный отвѣтъ. Браге жалѣлъ, что убійца такъ тяжко провинился, тѣмъ болѣе что, по слухамъ, онъ трудится надъ весьма полезнымъ сочиненіемъ. Совѣтъ призналъ, что дѣло должно быть разсмотрѣно гофгерихтомъ и затѣмъ рѣшено.

Протоколы гофгерихта по уголовнымъ дѣламъ за это время истреблены пожаромъ; въ актахъ ревизіонной конторы по дѣламъ юстиціи находится также пробѣлъ за эти годы. Какова была окончательно королевская резолюція, не отмѣчено въ протоколахъ совѣта, но изъ того, что упомянуто о засѣданіи 21-го октября, ясно, что смертный приговоръ былъ утвержденъ. Оберъ-штатгалтеръ Аксель Спарре пожелалъ знать, когда будетъ казнь русскаго канцеляриста. Отвѣтомъ было: въ будущую среду. Государственный канцлеръ спросилъ, не будутъ ли тѣло казненнаго анатомировать въ Стокгольмѣ или въ Упсалѣ. Браге былъ рѣшительно противъ этого изъ опасенія возбудить неудовольствіе „русской націи". Аксель Спарре полагалъ, что вскрытіе трупа должно произойти здѣсь на мѣстѣ, такъ какъ Олавъ Рудбекъ (знаменитый въ то время естествоиспытатель и профессоръ медицины въ Упсалѣ) находится теперь въ Стокгольмѣ. Никакого опредѣленнаго рѣшенія не послѣдовало. На другой день дѣло опять разсматривалось въ совѣтѣ. Рѣшено было: русскому, который за совершённое имъ убійство долженъ быть казненъ, дать отсрочку до тѣхъ поръ, пока духовенство успѣетъ достаточно ознакомить его съ нашей религіей, въ которую онъ выразилъ желаніе перейти. Между тѣмъ русскій посланникъ можетъ, если захочетъ, оставить здѣсь кого-нибудь для наблюденія, чтобы преступникъ за свое злодѣяніе дѣйствительно былъ казненъ".

Этимъ прекращаются всѣ ближайшія извѣстія, которыя можно было отыскать относительно Котошихина въ доступныхъ офиціальныхъ актахъ [1]). Изъ приходо-расходной книги канцелярской коллегіи за 1667 годъ видно, что онъ дѣйствительно былъ подвергнутъ казни, и что остальное его жалованье было зачислено въ сбереженія. Баркгусенъ оканчиваетъ свой разсказъ слѣдующимъ образомъ: „Онъ совершенно оставилъ россійское вѣроисповѣданіе и придерживался лютеранскаго, ибо считалъ своихъ соотечественниковъ, русскихъ, народомъ ослѣпленнымъ въ дѣлѣ религіи; незадолго передъ своею казнью онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ причастился въ темницѣ св. тайнъ,

---

[1]) Въ архивѣ канцеляріи оберъ-штатгалтера (т. е. генералъ-губернатора стокгольмскаго) должны бы, кажется, находиться свѣдѣнія объ исполненіи этого приговора. Но въ 1864 году предписано было разобрать архивъ и при этомъ всѣ старинные документы, исключая кое-какія вѣдомости, были уничтожены и такимъ образомъ исчезъ богатый и незамѣнимый матеріалъ, особенно для исторіи тюремнаго дѣла. *Й.* — Такая разборка или очистка архивовъ была, къ сожалѣнію, не разъ предпринимаема и у насъ! *Я. Г.*

и пріобщалъ его шведскій капеллянъ, достойный и ученый Олавъ Петри Крока, причетникъ церкви св. Маріи въ южномъ предмѣстіи. Прусскій уроженецъ, магистръ Іоаннъ Гербинусъ, бывшій въ то время ректоромъ школы нѣмецкаго прихода въ Стокгольмѣ и хорошо знакомый съ польскимъ языкомъ, часто посѣщалъ Селицкаго въ его заключеніи, утѣшая въ его скорби словомъ Божіимъ, и по совершеніи надъ нимъ казни такъ отозвался о немъ: „Obiit quam piissime. Только что ему отрубили голову, онъ удостоился той чести, что тѣло его было перевезено въ Упсалу и тамъ анатомировано профессоромъ, высокоученымъ магистромъ Олавомъ Рудбекомъ; утверждаютъ, что кости Селицкаго до сихъ поръ хранятся тамъ какъ нѣкій монументъ, нанизанныя на мѣдныя и стальныя проволоки. Sic et talem finem habuit vita Selitski, viri quondam roxolani ingenio incomparabili".

Несчастный московскій переметчикъ загладилъ свои проступки услугою, которую онъ оказалъ исторической наукѣ своего отечества. Старинный шведскій переводъ его сочиненія стоило бы издать: онъ служитъ какъ-бы памятникомъ періода величія Швеціи и могъ бы еще и теперь доставлять полезное и пріятное чтеніе.

Выписавъ затѣмъ изъ шведскаго перевода Баркгусена отрывокъ, описывающій отчужденіе тогдашнихъ русскихъ отъ остальной Европы (гл. IV, 24), г. Йэрне заключаетъ свою статью словами: „Такое отчужденіе становилось болѣе и болѣе тягостнымъ для самихъ москвитянъ (т. е. русскихъ). Съ озлобленіемъ изгнанника Котошихинъ говоритъ отъ имени того поколѣнія, которое лѣтъ черезъ тридцать, добровольно или насильно, отторгнуто было отъ своихъ старинныхъ привычекъ царемъ Петромъ Алексѣевичемъ".

Мы съ своей стороны прибавимъ еще нѣсколько свѣдѣній изъ подстрочныхъ примѣчаній г. Йэрне, и прежде всего о переводчикѣ Котошихина Баркгусенѣ. Olof Didrickson Barckhusen называетъ себя Wiburgo-Carelius (слѣдовательно онъ былъ финляндскій уроженецъ). Въ 1649 г. онъ получилъ отъ короля стипендію для изученія русскаго языка подъ руководствомъ переводчика Іоанна Роселина; потомъ долго занимался въ канцеляріи какъ помощникъ при переводѣ русскихъ актовъ; въ 1662 г. сдѣлался факторомъ шведскаго гостинаго двора въ Новгородѣ; въ 1664 назначенъ былъ переводчикомъ при архивѣ; умеръ въ 1687 (Госуд. архивъ въ Стокгольмѣ. Разные документы относительно Россіи въ 17-мъ и 18-мъ столѣтіяхъ: *Русскіе переводчики*). Подлинная русская рукопись была въ рукахъ ученаго слависта Спарвенфельта [1]), сдѣлавшаго на ней нѣсколько отмѣтокъ на русскомъ

---

[1]) См. предисловіе къ изданному Археографическою Комиссіею сочиненію Котошихина. Кажется, авторъ шведской статьи, называя открывшаго подлинную рукопись Соловьева историкомъ (häfdaforskare), смѣшиваетъ его съ знаменитымъ писа-

языкѣ. О ней упомянуто уже въ сочиненіи Николая Бергіуса De statu ecclesiae et religionis moscoviticae (Стокг. 1704); на стр. 263, въ числѣ писавшихъ о Россіи, названъ „Alexander Selitzki Moscovita et Scriba Cancellariae, cujus Mscrt. Sueticum in Archivo Reg. asservatur. Hic sua conscripsit Holmiae 1669 et alio nomine audit Grigori Carpofson Cotossichin Mscrt. Ruthen. in Biblioth. Sparfvenfeldiana". Неправильное означеніе года (1669 вм. 1667) находится на одной изъ рукописей шведскаго перевода и оттуда, повидимому, перешло въ замѣтку Бергіуса. Густавъ III также зналъ о существованіи рукописи Котошихина и сообщилъ о ней Екатеринѣ II, которая намѣревалась достать съ нея списокъ [1]).

телемъ того же имени. Первый (Сергѣй Васильевичъ), бывшій профессоромъ Александровскаго университета въ Гельсингфорсѣ, не оставилъ сочиненій, которыя давали бы ему право на такое титло. *Я. Г.*

[1]) См. мою статью: „Екатерина II и Густавъ III" въ *Сборникѣ Отдѣленія р. яз. и словесн.*, т. XVIII, стр. 49. *Я. Г.* См. ниже.

НОВООТКРЫТЫЙ ПАМЯТНИКЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ НА ШВЕДСКОМЪ ЯЗЫКѢ [1].

1881.

Въ послѣднее время изученіе Россіи стало болѣе и болѣе обращать на себя вниманіе шведовъ. Нѣсколько молодыхъ шведскихъ ученыхъ получили даже пособіе отъ своего правительства на изученіе русскаго языка, и усердно отыскиваютъ въ стокгольмскомъ государственномъ архивѣ источники для исторіи сношеній Швеціи съ Россіей. Большой трудъ г. Рюдберга, почерпнутый изъ дипломатическихъ актовъ и сообщившій, между прочимъ, неизвѣстный до тѣхъ поръ, подлинный текстъ Орѣховецкаго мирнаго договора, былъ уже прежде разсмотрѣнъ мною [2]. Въ *Исторической Библіотекѣ* (Historisk Bibliotek), которую до конца прошлаго года издавалъ г. Сильверстольпе, помѣщено нѣсколько новыхъ по содержанію статей, касающихся русской исторіи. Съ нынѣшняго года это изданіе прекратилось, но его замѣнилъ *Историческій Журналъ* (Historisk Tidskrift), предпринятый образовавшимся въ Стокгольмѣ недавно Историческимъ Обществомъ. Въ первой книгѣ его г. Ерне (Hjärne) напечаталъ новыя весьма любопытныя біографическія свѣдѣнія о Котошихинѣ. Названный выше г. Сильверстольпе переводитъ на шведскій языкъ Исторію Россіи Рамбо и уже издалъ нѣсколько выпусковъ этого труда. Нельзя также умолчать о старинной картѣ Зюнгаріи, найденной въ линчёпинскомъ архивѣ г. Стриндбергомъ и присланной имъ въ Русское Географическое Общество съ предоставленіемъ намъ права перваго изданія этой карты. Она сдѣлана въ 1730-хъ годахъ съ замѣчательною для того времени точностью шведскимъ офицеромъ Ренатомъ, который послѣ Полтавской битвы остался военно-плѣннымъ въ Россіи, перешелъ въ нашу службу, а потомъ въ одномъ сраженіи русскихъ съ калмыками попалъ въ плѣнъ къ этимъ послѣднимъ. У нихъ осталась о немъ память какъ о человѣкѣ, который оказалъ имъ важныя услуги, между прочимъ, научилъ ихъ лить пушки и ввелъ у нихъ книгопечатаніе. О составленной имъ

---

[1]) Моск. Вѣдом. 1881, № 236, 26 авг.

[2]) Въ *Сборникѣ отдѣленія русскаго языка и словесности*, т. XVIII.—См. выше, стр. 11 и слѣд.

картѣ упоминали въ прошломъ столѣтіи наши академики Байеръ и Миллеръ. Надо надѣяться, что Русское Географическое Общество для пользы науки не замедлитъ воспользоваться правомъ такъ любезно уступленнымъ ему шведскимъ ученымъ обществомъ.

Но еще важнѣе открытое недавно въ стокгольмской королевской библіотекѣ рукописное сочиненіе на шведскомъ языкѣ о Россіи въ XVII столѣтіи. Это — описаніе путешествія, представленное королю Карлу XI капитаномъ Эрикомъ Пальмквистомъ, который участвовалъ въ шведскомъ посольствѣ, отправленномъ въ Москву въ 1673 году. Къ рукописи приложено 28 картъ и рисунковъ представляющихъ картины тогдашняго быта Россіи. Содержаніе ихъ очень разнообразно. Онѣ изображаютъ то торжественный пріемъ посольства въ царскихъ палатахъ, то казнь преступника, то производство на селитряномъ заводѣ, то исполинскій царь-колоколъ. Три карты представляютъ разныя части Сибири, четвертая — Каспійское море и проч. Тутъ же есть планы Новгорода, Торжка, Твери, Москвы и Пскова.

Одинъ изъ упомянутыхъ выше молодыхъ ученыхъ г. Вестринъ, хорошо усвоившій себѣ русскій языкъ, возымѣлъ недавно счастливую мысль познакомить шведскую публику съ любопытнымъ сочиненіемъ Пальмквиста и помѣстилъ въ *Ny Illustrerad Tidning* нынѣшняго года (№№ 2 и 3) рѣзанные на деревѣ снимки нѣкоторыхъ изъ находящихся въ этой рукописи рисунковъ. Къ этимъ картинкамъ г. Вестринъ присоединилъ пояснительную статью, которая и сообщается здѣсь въ извлеченіи.

Миръ къ Кардисѣ, окончившій въ 1661 году возникшую при Карлѣ X русско-шведскую войну, не устранилъ всѣхъ поводовъ къ несогласіямъ между Московскимъ государствомъ и Швеціей. Русскіе не выдавали, какъ слѣдовало по договору, плѣнныхъ; царь, вопреки соглашенію, возвысилъ пошлину на ввозъ товаровъ и вообще затруднялъ торговыя сношенія; наконецъ, граница не была исправлена по желанію шведовъ. Чтобы положить конецъ спорамъ и по возможности привлечь русскую торговлю къ шведскимъ прибалтійскимъ городамъ, особенно же чтобы заключить болѣе тѣсный союзъ съ московскимъ царемъ и обезопасить съ русской стороны Швецію въ случаѣ столкновенія съ Западною Европой, шведское правительство отправило въ Москву блестящее посольство. 28 іюня 1673 года въ послы назначены были государственный совѣстникъ графъ Густавъ Оксеншерна, эстляндскій ландратъ баронъ Гансъ Генрихъ Тизенгаузенъ и лифляндскій ландратъ Гатгардъ Іоаннъ Будбергъ. Въ тотъ же день повелѣно было асессору коммерцъ-коллегіи Лиліенгофу сопровождать посольство; своими указаніями онъ долженъ былъ содѣйствовать ему въ поднятіи торговли и стараться „особымъ контрактомъ" склонить русскихъ къ тому, чтобъ они болѣе и болѣе направляли свои товары „къ нашимъ прибалтійскимъ гаванямъ".

Королевскимъ приказомъ отъ 29 іюня къ посольству прикомандированъ былъ также капитанъ „фортификаціи“ *Эрикъ Пальмквистъ*, перу и карандашу котораго мы обязаны разсматриваемымъ трудомъ. О жизни Пальмквиста дошло до насъ не много свѣдѣній. Онъ родился вѣроятно въ 1650 году, и судя по его труду, обладалъ обширными и основательными познаніями; въ службѣ, прежде посольства, отличался онъ особенно своими работами при укрѣпленіи Риги. Правительство захотѣло „воспользоваться его опытностью“ въ Россіи и отправило его туда съ сохраненіемъ ему полнаго жалованья по прежней должности. Чрезъ годъ онъ представилъ королю Карлу XI названное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Нѣсколько замѣчаній о Россіи, ея дорогахъ, укрѣпленіяхъ, крѣпостяхъ и границахъ во время послѣдняго королевскаго посольства къ Московскому царю, собранныхъ Эрикомъ Пальмквистомъ*. („Nagre widh sidste Kongl. Ambassaden till tzaren i Muscou gjorde observationer öfrer Russlandh, dess Wägar, Pass medh Tästningar och Gräntzer Sammandragne aff Erich Palmquist“).

Въ 1675 году Пальмквистъ былъ произведенъ въ генералъ-квартирмейстеры и вскорѣ послѣ того умеръ въ Христіанстадѣ во время Датской войны. При означенномъ посольствѣ онъ находился въ качествѣ военнаго, или выражаясь прямѣе, тайнаго агента. Приложенные къ его разсказу рисунки носятъ по большей части характеръ военныхъ или топографическихъ изображеній. Въ предисловіи, обращенномъ къ королю, онъ, между прочимъ, говоритъ, что для снятія того или другого вида онъ долженъ былъ подвергать себя опасностямъ, употребляя хитрость, или подкупомъ доставать свѣдѣнія отъ русскихъ подданныхъ. Ему однакожъ казалось, что онъ не успѣлъ добыть вполнѣ удовлетворительныхъ указаній отъ „этой недовѣрчивой и несговорчивой націи“, какъ онъ называлъ русскихъ. Вообще онъ представляетъ ихъ, по весьма понятнымъ причинамъ, не въ благопріятномъ свѣтѣ: жалуется на ихъ высокомѣріе, соединенное съ раболѣпствомъ, на ихъ самомнѣніе и презрѣніе къ иноземцамъ. „Они, говоритъ онъ, отличаются крѣпкимъ и дюжимъ тѣлосложеніемъ, очень способны къ работѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ лѣнивы и охотно предаются разгулу, исключая когда нужда побуждаетъ ихъ къ дѣятельности“. Далѣе онъ упрекаетъ ихъ за наклонность къ обману въ торговлѣ и жадность къ прибыли, но хвалитъ ихъ ловкость ко всякому ремеслу, ихъ умѣнье довольствоваться малымъ и переносить лишенія, что̀ можно видѣть особенно когда они въ дорогѣ или въ походѣ: „странствующій купецъ или солдатъ не имѣетъ при себѣ ничего, кромѣ мѣшка съ овсяною мукой (толокномъ), которой онъ насыпаетъ нѣсколько ложекъ всякій разъ, когда проголодается, и прибавляетъ немного воды или квасу: эта смѣсь составляетъ его пищу и питье“.

Относительно самого посольства г. Вестринъ сообщаетъ изъ описанія его слѣдующія подробности.

Уже въ послѣднихъ числахъ іюня 1673 года посламъ выданы были инструкціи, паспорты и вѣрительныя грамоты, но проходили недѣли, а графъ Густавъ Оксеншерна не покидалъ Стокгольма. Напрасны были понужденія Карла XI; послы отговаривались недостаткомъ денегъ для отъѣзда; но предъ новгородскимъ воеводой, ожидавшимъ ихъ прибытія, они извинялись тѣмъ, что король въ то время объѣзжалъ свое государство. Наконецъ 21 августа казенный корабль *Уттеръ* (*Выдра*) принявъ главу посольства съ его свитой, отплылъ отъ одной изъ столичныхъ пристаней. На четвертый день онъ добрался до Фурусунда, куда въ настоящее время пароходъ поспѣваетъ чрезъ четыре часа. Задержанный въ Фурусундѣ противнымъ вѣтромъ на цѣлую недѣлю, корабль вошелъ въ гавань Ревеля 14 сентября. Здѣсь къ Оксеншернѣ присоединились Тизенгаузенъ, Будбергъ и Лиліенгофъ. Только 18 ноября посольство достигло русской границы. Черезъ пограничный мостъ оно переѣхало въ торжественной процессіи, которая заключалась собственною его королевскаго величества каретой. Пословъ встрѣтили пристава, чтобы проводить ихъ до Москвы. Для проѣзда ихъ на станціяхъ заготовлено было 440 лошадей. Еще до Великаго Новгорода возникли недоразумѣнія относительно этикета, которыя, возобновляясь и впослѣдствіи, едва не подали повода къ прекращенію переговоровъ. Виною разногласія сдѣлалась королевская карета. Эта драгоцѣнная вещица до тѣхъ поръ никогда еще не находилась при шведскихъ посольствахъ, а присутствіе ея должно было служить знакомъ особой любезности къ русскимъ. Между тѣмъ оказалось, что ворота чрезъ которыя посламъ надо было въѣхать въ Новгородъ, были для кареты слишкомъ низки, и потому воевода Шереметевъ предлагалъ шведскимъ сановникамъ сѣсть въ царскую карету. Но они боялись, что этимъ оскорблена будетъ „репутація" шведскаго короля и не соглашались разстаться со своею каретой, хотя тщательное измѣреніе ясно показывало, что этотъ экипажъ только съ большимъ трудомъ могъ пройти въ ворота. Они приказали королевскому шталмейстеру опустить карету какъ можно ниже и помѣстились въ ней. 28 ноября происходилъ съ обычною пышностью въѣздъ въ Новгородъ. Недалеко отъ дворца встрѣтила шведовъ царская карета со множествомъ саней и съ извѣстіемъ, что въ воротахъ нарочно отбита часть стѣны и что теперь карета можетъ черезъ нихъ свободно проѣхать. Тогда послы безъ затрудненія приняли предложеніе продолжать послѣ въѣздъ въ царской каретѣ, которая имѣла балдахинъ въ видѣ свода и въ каждомъ углу продолговатую позолоченную пуговицу и была снаружи позолочена, а внутри обита краснымъ бархатомъ".

2 декабря посольство выѣхало изъ Новгорода и совершило остальное путешествіе безъ особенныхъ затрудненій. Съ отвращеніемъ говорили однакожъ о напиткѣ, которымъ русскіе угощали и который походилъ на дрожжи. Его держали въ грязныхъ боченкахъ, заткну-

тыхъ клочками сѣна. Въ утѣшеніе посламъ главный приставъ увѣрялъ, что приготовленные для нихъ пиво и медъ замёрзли отъ холода, но скоро будутъ растоплены горячимъ желѣзомъ. Наканунѣ Рождества прибыли въ Михайловскій монастырь, гдѣ иностранные послы обыкновенно останавливались предъ въѣздомъ въ Москву. Онъ находился верстахъ въ 7 отъ столицы и построенъ былъ изъ дерева въ томъ пестромъ, тяжеломъ стилѣ, который составляетъ отличительный характеръ русскихъ зданій того времени. Въ тотъ же день посольство отправилось далѣе. На пространствѣ послѣднихъ пяти верстъ до Москвы по обѣ стороны дороги выстроено было войско. Налѣво стояли предъ своими знаменами 24 пѣхотные полка съ артиллеріей въ 200 пушекъ. Направо была поставлена дворянская конница. Предъ каждымъ эскадрономъ стояли трубачи съ бубнами и литаврами, производившіе, по словамъ описанія, „ужасный гвалтъ". Несмотря на сильную стужу, посольство должно было подвигаться шагомъ, и уже стемнѣло, когда оно приближалось къ Москвѣ. Предъ самымъ городомъ оно встрѣчено было тремя царскими приставами, пріѣхавшими въ саняхъ. Послы и пристава вышли изъ экипажей и подъ открытымъ небомъ, въ морозный вечеръ, съ обѣихъ сторонъ произнесены были привѣтственные рѣчи, послѣ чего послы въ царской каретѣ въѣхали въ многолюдный городъ. Аудіенція была назначена на 3 января 1674 года, или по тогдашнему лѣтосчисленію русскихъ 7182 года отъ сотворенія міра; но утромъ этого самаго дня произошелъ между шведскими и русскими дипломатами споръ объ этикетѣ, грозившій разстроить всякія дальнѣйшія сношенія. Русскіе требовали, чтобы послы вошли въ царскія палаты безъ шпаги или трости и съ открытою головой. Послы соглашались на первое, „хотя во всемъ христіанскомъ мірѣ употреблялась въ такихъ случаяхъ шпага"; но вступить въ залу съ открытою головой они упорно отказывались, „такъ какъ не имѣли на то приказанія". Напрасно русскіе возражали, что „даже посламъ Римскаго императора не позволялось являться къ царю на аудіенцію съ покрытою головой"; Оксеншерна выражалъ сожалѣніе, что дѣло не могло уладиться, такъ какъ пословъ „не хотѣли допустить на аудіенцію съ надлежащею честью и уваженіемъ". Поэтому въ тотъ день пріемъ не состоялся. На слѣдующее утро шведскіе послы изъявили желаніе отправить въ Швецію нарочнаго, чтобы представить возникшее затрудненіе на рѣшеніе короля. Но русскіе, разсердясь за издержки на напрасныя приготовленія ко вчерашнему торжеству, не позволяли отправить гонца и запретили стражѣ пропустить кого бы ни было съ посольскаго двора. Это запрещеніе, которое въ Россіи обыкновенно объявлялось иноземнымъ посламъ предъ пріемомъ ихъ, подвергло неожиданной непріятности находившагося въ Москвѣ шведскаго посланника Адольфа Эбермэльда, который въ то самое время былъ въ гостяхъ у ново-прибывшихъ сановниковъ. Онъ очутился тамъ въ плѣну и долженъ былъ

провести ночь на жесткой скамьѣ. Между тѣмъ взаимное раздраженіе все болѣе усиливалось, и 6 числа русскіе возвѣстили окончательное рѣшеніе царя, чтобы послы на слѣдующій день снарядились въ обратный путь. „Согласны“, отвѣчали шведы совершенно спокойно. Тогда русскіе сдѣлались уступчивѣе и позволили отправить нарочнаго въ Швецію. Переводчикъ Самуилъ Эосандеръ посланъ былъ 15 января съ письмомъ къ Карлу XI; онъ возвратился въ Москву 19 марта съ отвѣтомъ, что король разрѣшаетъ исполнить требованіе царя. 30 марта состоялась наконецъ аудіенція. Три мѣсяца было потрачено даромъ.

Пріемъ происходилъ въ Грановитой Палатѣ. Процессія шла по Кремлю между двойными рядами стрѣльцовъ. Впереди ѣхалъ верхомъ капитанъ Пальмквистъ; за нимъ несли дары царю отъ короля, а отъ вдовствующей королевы Гедвиги Элеоноры — царицѣ. Первые въ числѣ тридцати двухъ номеровъ, состояли изъ золотой и серебряной утвари (блюдъ, лоханокъ, подсвѣчниковъ, кубковъ и т. д.); между ними особенно цѣнны были большая изящно отдѣланная, позолоченная люстра, рѣзныя фигуры изъ массивнаго серебра и „самъ собою бьющій фонтанъ“, необыкновенно художественной работы. Вдовствующая королева дарила царицѣ разные предметы изъ душистаго дерева алоэ, между прочимъ филиграновой работы шкатулку, обитую драгоцѣнными каменьями, затѣмъ шесть великолѣпно раскрашенныхъ вѣеровъ, часы въ футлярѣ изъ массивнаго золота, прекрасную ночную юбку, тканую кофту съ шитьемъ изъ серебра и голубого шелка, кромѣ того множество дамскихъ галантерейныхъ издѣлій. За лицами, несшими дары, ѣхалъ посольскій маршалъ Германъ фонъ-Ферзенъ; за нимъ — придворные и канцелярскіе служители, пасторъ, переводчики, лѣкарь, камердинеры, знатные члены свиты, секретарь, несшій вѣрительную грамоту, покрытую голубою тафтой, посольскіе пажи, потомъ сами послы въ царской каретѣ съ черною упряжью и наконецъ королевская карета, окруженная тѣлохранителями.

Въ комнатѣ смежной съ пріёмною палатой пословъ встрѣтилъ князь Андрей Хилковъ, который и проводилъ ихъ далѣе. На стѣнахъ залы, назначенной для аудіенціи, красовались великолѣпные шитые обои съ изображеніями изъ миѳологіи и исторіи; въ стекла оконныхъ рамъ было вдѣлано нѣсколько портретовъ въ величину медаліоновъ; золотая и серебряная посуда блестѣла на горкахъ, обитыхъ бархатомъ.

Царь сидѣлъ на престолѣ подъ балдахиномъ роскошной скульптурной работы, вверху котораго являлся двуглавый орелъ; въ лѣвой рукѣ Алексѣй Михайловичъ держалъ скипетръ, на головѣ его была корона, надѣтая на шапочку. Влѣво отъ него надъ небольшой пирамидой видна была держава. По обѣ стороны трона стояли стольники въ одеждѣ изъ серебристой матеріи, подбитой песцовымъ мѣхомъ, въ высокихъ шапкахъ изъ того же мѣха. На груди ихъ висѣли накрестъ обвивавшія и спину золотыя цѣпи, а на плечахъ они держали длин-

ныя серебряныя алебарды. Послы вошли въ Палату съ открытою головой и остановились шагахъ въ десяти отъ престола, послѣ чего Оксеншерна произнесъ по-шведски свое привѣтствіе и подалъ письмо отъ своего государя. Царь, вставъ, спросилъ о здоровьѣ короля и удостоилъ пословъ „приглашенія къ своей рукѣ“; при послѣдовавшей затѣмъ церемоніи воевода князь Долгорукій представлялъ отдѣльно каждаго посла. Когда Оксеншерна изложилъ цѣль посольства, то царь спросилъ о здоровьѣ пословъ. Послѣ того „министръ“ Артамонъ Сергѣевичъ (Матвѣевъ) сталъ провозглашать подносимые дары и царь благодарилъ. Принесли скамью и пословъ пригласили садиться; между тѣмъ лица составлявшія свиту допускались къ рукѣ, и удостоиваясь спроса о здоровьѣ, благодарили чрезъ маршала. Наконецъ послы приглашены были къ царскому столу и удалились. Зала и пріемъ въ ней пословъ изображены Пальмквистомъ съ особеннымъ тщаніемъ на одномъ изъ рисунковъ, приложенныхъ къ его описанію. На другомъ рисункѣ представлено, какъ знатная русская дама ѣдетъ въ возкѣ, запряженномъ шестью лошадьми (гуськомъ); множество слугъ идутъ пѣшкомъ по обѣ стороны поѣзда. По увѣренію Пальмквиста, у ногъ этой дамы въ повозкѣ была посажена безобразная татарка, чтобы хозяйкѣ казаться красивѣе; таковъ, по словамъ его, тогда былъ обычай у русскихъ женщинъ. Затѣмъ въ *Illustrerad Tidning* отпечатаны еще три рисунка: на одномъ видъ Михайловскаго монастыря, на другомъ представленъ стрѣлецъ, на третьемъ — казнь преступника, состоящая въ томъ, что съ высоты столба, къ которому онъ привязанъ сидя, на обнаженный черепъ его безпрестанно падаетъ капля ледяной воды.

Составитель статьи, откуда заимствованы эти свѣдѣнія о сочиненіи Пальмквиста, справедливо замѣчаетъ, что Россіи слѣдовало бы принять на себя изданіе столь любопытнаго историческаго памятника.

ИЗВѢСТІЯ О ПЕТЕРБУРГСКОМЪ КРАѢ.

ДО ЗАВОЕВАНІЯ ЕГО ПЕТРОМЪ ВЕЛИКИМЪ [1]).

1853.

Около береговъ Невы въ теченіе столѣтій сталкивались силы двухъ государствъ для рѣшенія вопроса, которому изъ нихъ должно принадлежать первенство на Сѣверѣ; но много прошло времени, пока возникла идея, что первымъ для того условіемъ было — овладѣть теченіемъ рѣки, которая въ длину занимаетъ не болѣе 60 верстъ и носитъ скромное имя, на финскомъ языкѣ означающее *болото* (newa или newo). Въ послѣднюю четверть XIII столѣтія шведы чаще прежняго стали посѣщать эту рѣку на пути въ Ладожское озеро, куда отправлялись болѣе для грабежа, нежели для прочныхъ завоеваній. Западная и средняя Финляндія давно уже была подвластна шведамъ, но восточная часть края отъ нихъ не зависѣла. Теперь они захотѣли обложить данью и кореловъ съ ижорцами. Заложеніе Выборга въ 1293 маршаломъ Торкель-Кнутсономъ утвердило власть ихъ въ Кареліи; они пытались овладѣть и крѣпостью Кексгольмомъ, но не успѣли въ томъ. Тогда Торкель-Кнутсонъ понялъ, что, для упроченія шведскаго владычества въ Финляндіи, необходимо стать твердою ногою и на Невѣ. Отпраздновавъ въ Стокгольмѣ свадьбу молодого короля Биргера, который состоялъ подъ его опекою, маршалъ въ Троицынъ день 1300 года отплылъ въ Финскій заливъ съ войскомъ и съ итальянскимъ архитекторомъ, присланнымъ отъ самого папы. На Невѣ, которой они достигли безъ всякихъ препятствій, основана была крѣпость съ хвастливымъ названіемъ: *Ландскрона* (Вѣнецъ края) [2]).

---

[1]) Ж. М. Н. Пр. 1853, № 1, т. LXXVII. — Почерпнуты преимущественно изъ шведскихъ сочиненій: Neva och Nyenskans intill St. Petersburgs anläggning, af A. J. Hipping. — Gezelii den yngres minne, af. I. I. Tengström. — Berättelser ur Svenska Historien af. A. Fryxell.

[2]) Русскій лѣтописецъ переводитъ имя *Landskrona* словами: „вѣнецъ земли“:

Избранное для нея мѣсто было чрезвычайно удобно; впрочемъ, о томъ, гдѣ именно оно находилось, мнѣнія не совсѣмъ согласны. Карамзинъ, основываясь на нашихъ лѣтописяхъ, полагаетъ его въ семи верстахъ отъ нынѣшняго Петербурга при устьѣ Охты. По шведскимъ же источникамъ, Ландскрона построена была при Черной рѣчкѣ; но здѣсь подъ этимъ именемъ должно разумѣть не ту рѣчку, которая течетъ мимо Строгановскаго сада и впадаетъ въ Большую Невку, а другую, выходящую изъ Ингерманландіи и впадающую въ Неву подъ Невскимъ монастыремъ. Карамзинъ, въ этомъ отношеніи, согласенъ съ Миллеромъ, что Ландскрона лежала на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи была крѣпость Ніэншанцъ, и этому именно слѣдуетъ большая часть ученыхъ [3]). Противорѣчіе между показаніями русскихъ и шведскихъ лѣтописей будетъ устранено, если принять предположеніе финляндскаго ученаго Гиппинга, что Охта называлась иначе Черною рѣчкою, — предположеніе довольно вѣроятное: такъ какъ въ старину очень многія небольшія рѣки въ Россіи извѣстны были подъ этимъ именемъ; *Охта* же есть названіе финское. Но замѣтимъ, что на картѣ Ингерманландіи, составленной въ 1676 году по распоряженію шведскаго правительства [4]), Ландскрона означена на противоположной сторонѣ Невы, тамъ, гдѣ нынѣ Александро-Невская Лавра. Опасное для Новгорода поселеніе шведовъ на такомъ близкомъ разстояніи встревожило русскихъ; великій князь поспѣшилъ изъ Суздаля по призыву новгородцевъ, и не прошло еще года со времени основанія Ландскроны, какъ она уже была уничтожена бдительнымъ сосѣдомъ.

Болѣе трехъ сотъ лѣтъ послѣ того мысль Торкеля оставалась безъ исполненія, пока наконецъ не осуществилъ ее знаменитый въ лѣтописяхъ Сѣвера Яковъ Делагарди. Сподвижникъ славнаго Скопина-Шуйскаго въ борьбѣ съ поляками не безкорыстно ополчился на защиту Россіи, и послѣ Клушинскаго пораженія поспѣшилъ воспользоваться обстоятельствами для распространенія предѣловъ Швеціи на счетъ союзнаго государства. Дѣйствуя на берегахъ Ладожскаго озера съ намѣреніемъ завоевать всю Новогородскую область, Делагарди въ 1611 году возобновилъ планъ построенія крѣпости на Невѣ и пред-

но едва-ли не вѣрнѣе выраженіе: „вѣнецъ края“: потому что земля въ обширномъ смыслѣ называется по-шведски не *land*, а *jord*, — развѣ когда она противополагается морю, чего здѣсь нельзя допустить.

[3]) См. Миллера Sammlung Russ. Geschichte, Ч. V, стр. 573, и его же „Ежемѣсячныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія“, Мартъ 1755 года, гдѣ напечатана статья: „Извѣстіе о бывшемъ городѣ Ніэншанцѣ“.

[4]) Эта карта послужила матеріаломъ къ изданію въ 1827 году, на русскомъ языкѣ, „Карты бывшихъ губерній Иваньгорода, Яма, Копорья и Нэтеборга, составленной подъ присмотромъ Генералъ-Маіора (нынѣ Генерала отъ Инфантеріи) Шуберта, Генеральнаго Штаба Штабсъ-Капитаномъ Бергенгеймомъ 1-мъ“.

ставилъ королю о необходимости заложить городъ при устьѣ Охты, на мѣстѣ, гдѣ, во время предшествовавшихъ военныхъ тревогъ, уже возникли кое-какія укрѣпленія. Чтобы легче склонить къ тому короля, онъ отправилъ въ Стокгольмъ архитектора, который лично долженъ былъ объяснить выгоды этого проекта и средства къ исполненію его. Предположеніе Делагарди было одобрено, но къ окончательному приведенію его въ дѣйствіе нельзя было приступить до заключенія мира.

Состоявшійся въ Столбовѣ договоръ отвѣчалъ, хотя не въ равной степени, желаніямъ обоихъ враждовавшихъ монарховъ: Россія удерживала Новгородъ, и неудивительно, что Михаилъ торжествовалъ этотъ миръ, какъ побѣду; Швеція пріобрѣтала прибалтійскіе берега, и никогда, ни прежде ни послѣ, не оканчивала такъ выгодно ни одной войны. Извѣстіе о Столбовскомъ мирѣ принято было съ великою радостью по всему королевству, и достопамятны слова, которыя восхищенный Густавъ II Адольфъ произнесъ по сему случаю въ рѣчи къ государственнымъ чинамъ. Онъ имъ представилъ, „какъ много областей плодородныхъ и рѣкъ, богатыхъ рыбою, важныхъ для торговли, присоединено по этому миру къ Швеціи. Нарова и Нева могутъ служить, для собственной ея торговли, воротами, которыя легко во всякое время запереть для русскихъ. Послѣдніе совершенно отрѣзаны отъ Балтійскаго моря, такъ что они на волны его не могутъ спустить даже и лодки. Сверхъ того граница сдѣлалась безопаснѣе. Ингерманландію защищаютъ Пейпусъ и Нарова: Финляндія — сѣни Швеціи — ограждается Невой и широкимъ озеромъ Ладожскимъ,—рвомъ, черезъ который русскимъ не легко будетъ перескочить". Проницательный король предвидѣлъ, какими опасностями Россія со временемъ могла угрожать шведамъ, особливо еслибъ ей удалось утвердиться на берегахъ Балтійскаго моря. Посему-то онъ въ письмѣ къ Акселю Оксенштернѣ и радовался, что успѣлъ помѣшать ей въ томъ.

Ингерманландія съ ея четырьмя крѣпостями: Иваньгородомъ, Ямою, Копорьемъ и Орѣшкомъ уступлена была Швеціи. Любопытно взглянуть на нѣкоторыя черты управленія этою провинціею въ шведское время. Мы знаемъ, какой системѣ нѣкогда слѣдовало польское правительство въ администраціи русскими областями; но немногимъ извѣстно, что въ такомъ же духѣ дѣйствовалъ и славный Густавъ II Адольфъ въ отношеніи къ нѣкоторымъ изъ пріобрѣтенныхъ по Столбовскому миру владѣній. Не менѣе ошибаются и тѣ, которые думаютъ, что Петербургъ основанъ былъ въ краю совершенно финскомъ: мы увидимъ далѣе, что въ Ингерманландіи еще и въ шведское время основалось довольно много русскихъ, и что русскій языкъ тамъ уже въ значительной мѣрѣ распространился, прежде нежели Ингерманландія окончательно досталась Россіи. Эта область, границами которой назначены были Ладожское озеро и впадающая въ Нарову рѣка

Плюса — изстари отдѣлявшая Гдовскій край отъ Иваньгородскаго, соединена была какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ управленіи съ частью Эстляндіи [5]. Мѣстопребываніемъ губернатора, а впослѣдствіи и суперъ-интендента сдѣлалась Нарва, какъ важнѣйшій городъ этого края. Вскорѣ приняты были мѣры къ оживленію въ Прибалтійской сторонѣ торговли и промысловъ. Намѣреніемъ короля Густава II Адольфа было привлечь торговлю изъ Саволакса и Кареліи въ южные пограничные города, съ тѣмъ, чтобы придать имъ болѣе важности и увеличить ихъ средства къ оборонѣ: потому онъ и предоставилъ имъ портовое (стапельное) право. Еще на сеймѣ 1617 года къ числу шведскихъ городовъ, которымъ дозволялось отправлять за границу собственные свои карабли, присоединены были Нарва, Иваньгородъ, Яма, Копорье, Кексгольмъ и Орѣшекъ. Въ 1624 году Кексгольмъ, котораго область также включена въ составъ Ингерманландіи, получилъ городское устройство съ правомъ посылать черезъ рѣку Неву собственныя суда въ Германію, а въ 1632 Густавъ II Адольфъ окончательно повелѣлъ при впаденіи рѣчки Охты въ Неву заложить городъ, который впослѣдствіи, бывъ укрѣпленъ, назвался Нюэсканцомъ (или, по нѣмецкому выговору, Ніэншанцемъ, т. е. Невскимъ укрѣпленіемъ). *Нарва,* къ которой Иваньгородъ былъ присоединенъ въ видѣ предмѣстья, была главнѣйшимъ изъ этихъ мелкихъ городовъ. Но шведское правительство, какъ мы уже видѣли, чрезвычайно дорожило пріобрѣтенными по Столбовскому миру владѣніями. Въ 1640 году Аксель Оксеншерна сказалъ въ совѣтѣ „что въ числѣ воздушныхъ замковъ, какіе онъ строилъ, было и намѣреніе приготовить для шведскихъ королей двѣ столицы — одну въ Стокгольмѣ, а другую въ Нарвѣ". Торговлею съ смежными русскими областями этотъ городъ достигнулъ значительнаго развитія, такъ что здѣсь въ послѣднюю четверть XVII столѣтія находились нѣмецкій, финскій, шведскій и еще небольшой англійскій приходы. Изъ нихъ первый былъ главнымъ, почему и магистратъ состоялъ изъ однихъ нѣмцевъ, и ихъ языкъ употреблялся во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ. Права и преимущества, которыми пользовалась Нарва, пробудили въ жителяхъ ея своеволіе, обнаруживавшееся нерѣдко въ сношеніяхъ ихъ съ мѣстными властями. Назначенный въ 1620 году губернаторомъ Ингерманландіи финляндецъ Флемингъ разсказываетъ о своемъ первомъ въѣздѣ въ Нарву: „Когда я верхомъ въѣзжалъ въ этомъ городъ, меня съ великою честью встрѣтило множество людей на лошадяхъ, а бургомистръ со всѣмъ магистратомъ и гражданами выстроились для

[5] Эта часть извѣстна была подъ имечемъ: *Алентака* и заключала въ себѣ кирхшпили Луггенхузенъ, Еве (Jeve) и Вайвару, лежавшіе между озеромъ Пейпусомъ, рѣкой Наровой и Финскимъ заливомъ.

встрѣчи меня совершенно пьяные. Нѣкоторые граждане стрѣляли весьма неосторожно мнѣ въ честь, хотя я строго запретилъ это, и такимъ образомъ застрѣлили мою собаку, которая бѣжала возлѣ моего стремени;.. меня самого Богъ сохранилъ однакожъ". Во время шведскаго правленія, Нарва, какъ и вообще города прибалтійскихъ областей, потерпѣла разныя ограниченія въ своихъ старинныхъ льготахъ; но зато правительство Швеціи обращало особенное вниманіе на торговлю этихъ городовъ, а потому она и распространялась постоянно. Въ составленномъ 1693 года отчетѣ о внутреннемъ состояніи королевства, Нарва и Ніэншанцъ упоминаются въ числѣ городовъ, гдѣ строились хорошіе и красивые корабли, причемъ показано, что какъ въ Ніэншанцѣ, такъ и въ Нарвѣ устроены были превосходные пильные заводы, получавшіе лѣсъ изъ Россіи. Въ Ніэншанцѣ, сверхъ финскаго, шведскаго и нѣмецкаго, находился также православный приходъ. Какъ всѣмъ извѣстно, этотъ городъ былъ разоренъ еще въ началѣ войны Петра Великаго съ Карломъ XII, и жители его частью разбрелись, частью поселились въ Петербургѣ, который тогда же былъ основанъ и вскорѣ распространился до того мѣста, гдѣ лежалъ уничтоженный городокъ [6]). Черезъ 100 лѣтъ послѣ заложенія Петербурга,

---

[6]) Русскіе передѣлали названіе Nyenskans въ *Канцы*, а иноземцы иногда писали *Шанцъ-теръ-Ніэнъ.* Миллеръ сообщаетъ между прочимъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія объ этомъ городѣ: „Не одинъ Любекъ, но и Амстердамъ началъ въ *Шанцъ теръ Ніенъ* торги имѣть. Водяной путь оттуда до Новагорода весьма къ тому способствовалъ. Словомъ: помалу и Россійское купечество въ Ніэншанцъ вошло, и привело сіе мѣсто въ такую славу, что въ послѣдніе годы одинъ тамошній купецъ, прозваніемъ Фризіусъ, шведскому королю Карлу XII, въ началѣ войны съ государемъ императоромъ Петромъ Великимъ, могъ взаймы давать не малыя суммы денегъ: за что послѣ пожалованъ былъ дворянствомъ, и вмѣсто прежняго дано ему прозваніе Фризенгеймъ, и учиненъ земскимъ судьею въ Вильманстрандѣ... Тогдашнее сея крѣпости состояніе видно не токмо по плану, которой повелѣніемъ Петра Великаго вскорѣ по взятіи его сочиненъ, и съ показаніемъ мѣстъ, гдѣ бывшіе при осадѣ полки стояли, и гдѣ батареи дѣланы были, напечатанъ: но и нынѣшними остатками довольно доказывается. Она сдѣлана была по новому манеру правильнымъ пятиугольникомъ на пригоркѣ, полями окруженномъ... большая часть обывателей жили подлѣ крѣпости въ слободѣ, между которою и городомъ рѣка Охта въ Неву впала. Какъ Его Императорское Величество за годъ до того изволилъ званіе *Нетебургъ* или *Орѣшекъ* перемѣнить въ *Шлиссельбургъ*: такъ и *Ніеншанцъ* прозвалъ *Шлотбургомъ.* Но сіе званіе въ толь краткое время, въ какое жительство въ городѣ продолжалось, не могло быть введено въ употребленіе... Должно заключить что Его Величество сначала не имѣлъ намѣренія оный городъ, какъ послѣ воспослѣдовало, оставить впустѣ. Но сіе учинилось уже по той причинѣ, какъ Его Величество изволилъ избрать мѣсто подъ строеніе города Санктпетербурга, и заложить оный дѣйствительно. Въ 1714 году поселились въ Ніэншанцѣ новые жители, потому что по указу государя высланы туда были изъ Россійскихъ городовъ всякіе мастеровые люди, которые при строеніи города Санктпетербурга употреблены быть имѣли. Сіе хотя сперва учинено по неволѣ: однако послѣ того вскорѣ другіе охотою туда пріѣзжать стали. Жители разбогатѣли отъ работы своей. Большая часть ихъ были плотники. Многіе завели торги

одинъ изъ именитѣйшихъ государственныхъ людей Швеціи, посѣтивъ нашу сѣверную столицу, записалъ въ своемъ дневникѣ слѣдующія замѣчательныя слова: „Въ первый разъ видъ этого города пробуждаетъ странное чувство удивленія и досады въ сердцѣ шведа, знающаго исторію своего отечества. Едва столѣтіе прошло съ того времени, когда владѣнія Швеціи простирались на востокъ до береговъ Невы. Васильевскій островъ былъ тогда кормовымъ помѣстьемъ [7]) барабанщика карельскихъ драгуновъ, какъ значится въ спискахъ, хранящихся въ архивѣ шведской Военной Коллегіи. Вся сторона, посреди которой величаво высится Петербургъ, былъ пустынею и нѣсколько бѣдныхъ лачужекъ стояло на томъ мѣстѣ, гдѣ Петръ Великій и преемники его находятъ пріютъ послѣдняго успокоенія! На лѣвомъ берегу рѣки, гдѣ все было также пусто, подъемлются теперь великолѣпные дворцы и зданія — и на все это нужно было не болѣе одного вѣка“!

Еще въ XVII столѣтіи большую часть народонаселенія Ингерманландіи составляли финны, раздѣлявшіеся въ отношеніи къ языку на двѣ вѣтви. Одна, подъ названіемъ ингровъ (ижорцевъ), удерживала болѣе чистый финскій языкъ, другая, называвшая себя Vatialaiset (Водь) и сохранившаяся нынѣ только въ маломъ количествѣ въ ближайшихъ къ Нарвѣ уѣздахъ [8]), говорила нѣсколько отличнымъ, смѣшаннымъ съ иноплеменными словами нарѣчіемъ финскимъ, а сверхъ того многіе жители или и почти всѣ могли выражаться по-русски, хотя

лѣсные съ немалою прибылью, и не имѣли причины сожалѣть о томъ, что оставили прежнія свои жилища. По большей части поселились они на томъ мѣстѣ, гдѣ до того шведское строеніе было по берегу внизъ Невы рѣки отъ города, изъ чего произошла большая слобода, которая нынѣ, по имени впадающей тамъ въ Неву рѣки, называется *Охта*. А другіе построили себѣ дворы повыше города на томъ мѣстѣ, гдѣ зачато было отъ шведовъ наружное крѣпостное строеніе; и сія слобода *Малая Охта* именуется, такъ что остатки города *Ніеншанца* находятся въ срединѣ между *Охтою* и *Малою Охтою*“.

Объ этомъ же предметѣ читаемъ въ Журналѣ Барона Гизена (См. Собраніе Записокъ и проч., изд. Ѳ. Туманскимъ, Ч. III, стр. 341): „Его Царское Величество, разсудя, что мѣстоположеніе Нейшанца не зѣло полезно было для пристани и ради намѣреній его, изволилъ оное мѣсто оставить и крѣпость ту разорить. Шведы сей городъ прежде сего называли Новеншанцъ или Шанстерневъ; для того, что лежитъ онъ на рѣкѣ Невѣ — для того жило въ немъ много богатыхъ купцовъ, которые прежде взятья выѣхали вонъ въ другія мѣста, а нынѣ названнаго *Шлотбургъ*, который раздѣляетъ Ингрію отъ Кареліи“.

[7]) *Boställe*, мыза или небольшое имѣнье, назначенное отъ казны въ содержаніе военнымъ или гражданскимъ чинамъ. Въ дѣлопроизводствѣ Финляндіи упогребляется и по-русски слово *божтель*; я позволилъ себѣ замѣнить его здѣсь нашимъ стариннымъ названіемъ; *кормовое помѣстье*.

[8]) Точнѣйшее указаніе мѣстъ, населенныхъ Водью, можно найти въ статьѣ академика Кеппена: „Водь и Вотская пятина“, напечатанной, въ Ж. М. Н. Пр., ч. LXX, Отд. II.

между собой и не употребляли этого языка. Страна около Орѣшка, нынѣ Шлиссельбурга, послѣ военныхъ событій 1657 — 1658 годовъ и далѣе во второй половинѣ этого столѣтія, населена была отчасти инграми, болѣе же финляндцами, водворившимися тамъ по удаленіи прежнихъ обитателей — ингровъ и русскихъ. Одною изъ главныхъ причинъ бѣгства ихъ было, конечно, стѣсненіе, которое они, какъ православные, испытывали въ богослуженіи, тогда какъ, по условіямъ Столбовского мира, имъ обѣщана была совершенная въ этомъ отношеніи свобода. Вмѣстѣ съ тѣмъ было опредѣлено, что изъ Ингерманландіи и Кексгольмской области могутъ переселяться въ Россію только монахи, дворяне и мѣщане, не желающіе перейти въ подданство Швеціи, прочіе же обыватели, именно приходскіе священники и крестьяне, должны непремѣнно оставаться подъ властію шведскаго правительства. И изъ внутренности Ингерманландіи жители, исповѣдывавшіе исключительно православную вѣру, удалились въ означенные города въ предѣлы Россіи; но, по заключеніи мира въ Кардисѣ, они возвратились. Между этими ингерманландцами, издавна составлявшими народонаселеніе края, находилось и не малое количество русскихъ, хотя финновъ было несравненно болѣе. Число русскихъ въ Ингерманландіи впослѣдствіи еще умножилось бѣжавшими сюда раскольниками.

Во все время шведскаго владычества въ этихъ областяхъ господствовало сильное неудовольствіе; главною причиною тому были притѣсненіе и хищничество со стороны мѣстныхъ властей, а также мѣры, какія принимало правительство для обращенія православныхъ жителей въ лютеранскую вѣру. Еще до заключенія Столбовского мира Густавъ II Адольфъ велѣлъ двумъ своимъ придворнымъ проповѣдникамъ устроить въ Иваньгородѣ религіозную бесѣду съ русскими священниками и составить описаніе вѣроисповѣданія и богослуженія шведскаго прихода, съ тѣмъ чтобы оно потомъ переведено было на русскій языкъ; сверхъ того имъ поручено было склонять русскихъ, посредствомъ увѣщаній, къ оставленію нѣкоторыхъ, несогласныхъ съ лютеранскими, уставовъ и обрядовъ. На Выборскаго епископа возложено было завѣдывать религіозными дѣлами Ингерманландіи и подъ рукою, съ должною осторожностью, наставлять жителей въ лютеранскомъ ученіи. Для облегченія средствъ къ тому, король учредилъ въ Стокгольмѣ русскую типографію, съ цѣлію печатать и распространять между православными жителями Кареліи и Ингерманландіи лютеранскія духовныя книги, частію въ русскомъ переводѣ, а частью и на финскомъ языкѣ, но все-же напечатанныя славянскими буквами, какъ болѣе извѣстными православному духовенству. Въ связи съ этимъ планомъ правительство шведское предполагало издавать пособія къ изученію русскаго языка, для споспѣшествованія торговлѣ,

которой оно придавало великую важность. 14 Апрѣля 1625 года словолитчику Петру Соловну (von Solown) въ Стокгольмѣ выдана была грамота на званіе русскаго типографщика, и еще въ царствованіе королевы Христины вышло изъ его заведенія нѣсколько небольшихъ книжекъ означеннаго содержанія. Время прекращенія дѣятельности этой типографіи неизвѣстно; но въ одной королевской резолюціи, состоявшейся въ 1683 году по религіознымъ дѣламъ Ингерманландіи, сказано, что „русская типографія, возникшая въ Швеціи по повелѣнію Густава Адольфа, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, подвергалась разстройству и уничтоженію". Послѣ дѣлаемы были опыты печатанія русскихъ духовныхъ книгъ шведскими буквами, но это повидимому, не имѣло успѣха. При учрежденіи русской типографіи, Густавъ Адольфъ съ тою же цѣлью назначилъ особыя награды для раздачи какъ тѣмъ православнымъ, которые будутъ выучивать лютеровъ катихизисъ, такъ и тѣмъ шведскимъ пасторамъ, которые пріобрѣтутъ навыкъ переводить проповѣди на русскій языкъ.

Между тѣмъ общественное благосостояніе въ Эстляндіи и Ингерманландіи находилось на чрезвычайно низкой степени; церкви разрушались; пасторы получали столь скудное содержаніе, что должны были жить въ совершенной нищетѣ, и сверхъ того они, наравнѣ съ своими прихожанами, коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ; училищъ не было. Рѣшительныя мѣры, принятыя Густавомъ Адольфомъ для улучшенія состоянія этихъ областей, не были продолжаемы его преемниками.

Въ 1639 году управленіе ингерманландскими приходами раздѣлено было между двумя старшими пасторами, изъ которыхъ одинъ имѣлъ мѣстопребываніе въ Ніэншанцѣ, а другой въ Ивангородѣ. Въ томъже году въ Абовскомъ замкѣ сидѣлъ заключеннымъ русскій монахъ, которому Константинопольскій патріархъ назначилъ быть архіепископомъ въ Ингерманландіи и котораго предполагали отправить изъ Або на данцигскомъ суднѣ. Но на слѣдующій годъ многіе ингерманландцы православнаго исповѣданія подали шведскому правительству просьбу, съ какою входили уже и прежде, о дозволеніи посвятить для нихъ епископа или митрополита въ Бѣлоруссіи: потому что, въ противномъ случаѣ, они бы должны были отправить коголибо въ Константинополь для принятія посвященія отъ самого патріарха. На это отвѣчали, что для ея величества (королевы Христины) было бы унизительно позволить имъ искать епископа или священниковъ внѣ шведскихъ владѣній, и что тотъ епископъ или суперъинтендентъ, который безъ отлагательства назначенъ будетъ въ Ніэншанцъ или въ Нарву, получитъ права посвящать въ санъ священника избранныхъ ими самими, способныхъ и свѣдущихъ людей, но только съ условіемъ, чтобы эти послѣдніе, выдержавъ экзаменъ, отправлялись въ Швецію для присяги въ вѣрности тамошнему прави-

тельству, послѣ чего ея величество каждый разъ будетъ разрѣшать суперъ-интенденту посвящать ихъ въ священники. Впослѣдствіи однакожъ это строгое постановленіе было нѣсколько смягчено отмѣною предписанія о томъ, чтобы назначаемые въ священники предварительно присягали въ Стокгольмѣ. Учрежденная въ Стокгольмѣ русская типографія послужила поводомъ, что королева Христина повелѣла составить русско-шведскій словарь. Сверхъ того рѣшено было издать русскій катихизисъ съ нѣкоторыми измѣненіями на русскомъ, шведскомъ и французскомъ языкахъ, съ тѣмъ чтобы финскій текстъ напечатанъ былъ русскими буквами, а для текста русскаго употребленъ былъ латинскій шрифтъ. И дѣйствительно, изданъ былъ финскій катихизисъ съ славянскими литерами, который, по предписанію финляндскаго генералъ-губернатора графа Браге, введенъ былъ во всѣхъ подъ его управленіемъ находившихся православныхъ приходахъ. Но велико было еще въ то время общее суевѣріе: вскорѣ бывшій въ Кексгольмской области священникомъ отецъ Ефимъ Терентьевъ обвиненъ былъ въ колдовствѣ за то, что онъ хотѣлъ учить юношество по финскому катихизису, напечатанному русскими буквами. Слѣдствіемъ этого обвиненія было то, что выборгскій духовный совѣтъ отставилъ его отъ должности; однакожъ онъ впослѣдствіи былъ оправданъ гражданскимъ судомъ и снова принятъ въ службу. Не смотря на попытки, сдѣланныя шведскимъ правительствомъ къ обращенію православныхъ жителей Ингерманландіи, они все-же составляли самую значительную часть народонаселенія области и во всемъ слѣдовали русскимъ обычаямъ, хотя собственно русскихъ по происхожденію было тамъ не такъ много.

Такія же мѣры еще съ большею энергіею принимаемы были въ послѣдней четверти вѣка, во время занятія должности ингерманландскаго суперъ-интендента дѣятельнымъ и даровитымъ Гецеліусомъ (1651 — 1689). Между прочимъ обнародовано было старинное постановленіе, впослѣдствіи подтвержденное и Карломъ XII, объ освобожденіи отъ платежа поголовной подати тѣхъ послѣдователей восточной церкви, которые примутъ лютеранское ученіе. Чтобы легче достигнуть предположенной цѣли, шведское духовное начальство вскорѣ установило новое раздѣленіе приходовъ, причемъ только тѣ изъ нихъ, въ которыхъ употреблялся русскій языкъ, сохранили права и преимущества, предоставленныя православнымъ по Столбовскому миру; всѣ же, говорившіе исключительно по-фински, были отдѣлены и причислены къ разряду исповѣдующихъ лютеранскую вѣру. Только тѣ ингры, которые жили ближе къ Финляндіи и къ Финскому заливу, легко покорились этой мѣрѣ; но жившіе внутри края православные финны, особливо же Водь, оказали сопротивленіе, такъ что противъ нихъ стали употреблять насиліе. Число семействъ, отдѣленныхъ отъ православныхъ приходовъ, простиралось до трехъ тысячъ.

Всѣ эти мѣры наконецъ произвели между православнымъ народонаселеніемъ Ингерманландіи столь сильное неудовольствіе, что многіе обратились съ жалобами къ русскому правительству, которое, путемъ дипломатическихъ сношеній, потребовало соблюденія условій мирнаго договора касательно свободы вѣры въ уступленныхъ Швеціи областяхъ. Для Швеціи было тѣмъ важнѣе сохранить дружбу съ Россіею, что въ то время между обоими государствами шли переговоры о дозволеніи шведамъ ѣздить черезъ Россію для торговли съ Персіею. Это и содѣйствовало къ тому, что въ 1684 году прибыло въ Москву шведское посольство съ объясненіемъ, что правительство Швеціи ничего не знало о притѣсненіяхъ, на которыя жалуются послѣдователи восточной церкви въ Ингерманландіи; но что если это обстоятельство подтвердится, то насиліе немедленно будетъ прекращено. И подлинно, сдѣланы были соотвѣтственныя распоряженія, которыми однакожъ какъ духовное, такъ и гражданское начальство Ингерманландіи было весьма недовольны: суперъ-индендентъ заговорилъ о намѣреніи своемъ выйти въ отставку, а губернаторъ (Сперлингъ) подалъ королю жалобу на уступчивость отправленнаго въ Россію посольства. Оба возобновили вскорѣ представленія о необходимости насильственнаго обращенія ингерманландцевъ, и правительство съ своей стороны не противилось тому, покрайней мѣрѣ въ отношеніи къ тѣмъ жителямъ края, которые не говорили по-русски. Для легчайшаго достиженія цѣли, Гецеліусъ 1686 года составилъ въ Стокгольмѣ „увѣщаніе ко всѣмъ тѣмъ, которые, хотя говорятъ по-фински, до сихъ поръ придерживались къ русскимъ церквамъ и къ ихъ священникамъ“; въ слѣдующемъ году это воззваніе было напечатано на финскомъ языкѣ для распространенія между православными жителями какъ Ингерманландіи, такъ и Кареліи. Духовныя консисторіи въ Нарвѣ и Выборгѣ и послѣ того не разъ пытались склонить шведское правительство къ принятію насильственныхъ мѣръ противъ православія въ означенныхъ областяхъ; но изъ современныхъ свидѣтельствъ видно, что всѣ эти старанія не имѣли замѣтнаго успѣха: неудовольствіе за религіозныя стѣсненія въ этомъ краю не прекращалось и, конечно, облегчило Петру Великому окончательное его покореніе.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ, КАКЪ ПРОСВѢТИТЕЛЬ РОССІИ [1]).

1872.

„Доберъ владатель нѣсть удоволенъ, дабы обдержалъ владательство въ древнемъ его бытію". (Крижаничъ, Русское государство въ полов. XVII в., ч. I, стр. IV).

„Се оный твой, Россіе, Сампсонъ, каковый дабы въ тебѣ могль явитися, никто въ мірѣ не надѣялся, а о явлшемся весь міръ удивился". (Слова и рѣчи Ѳеофана, ч. II, стр. 128).

Важныя минуты переживаетъ нынѣ русскій народъ: воскрешая славнѣйшую эпоху его прошлаго, онѣ снова сближаютъ Россію съ величайшимъ дѣятелемъ ея исторіи, настойчиво напоминаютъ его великія, далеко не вполнѣ еще достигнутыя просвѣтительныя цѣли. Восьмидесятимилліонное населеніе исполинской державы празднуетъ достопамятный день, когда въ русской землѣ впервые явилась та могучая духовная сила, которая должна была оставить неизгладимые слѣды въ судьбахъ цѣлой Европы. И не одна Россія,—весь славянскій міръ въ эти минуты съ гордостью именуетъ Петра *своимъ*. Къ общему земскому торжеству присоединяется и Академія Наукъ, не потому только, что Петръ — ея творецъ, что мысль его до сихъ поръ отражается въ каждомъ біеніи ея жизни, но потому преимущественно, что онъ былъ неутомимымъ поборникомъ высшихъ интересовъ человѣчества, что онъ положилъ начало просвѣщенію своей могущественной націи и ввелъ ее въ кругъ дѣятельныхъ членовъ образованнаго міра. Вся жизнь его была трудъ, забота, непрерывная борьба, но борьба, почти всегда оканчивавшаяся побѣдой: борьба на жизнь и смерть съ собственною семьей,—съ сестрою, съ супругой, съ сыномъ; кровавая борьба съ врагами внутренними и внѣшними; наконецъ, упорная борьба съ невѣжествомъ, предразсудками, суевѣріемъ, борьба подъ знаменемъ идеи и истины. Вотъ самая почетная и самая плодотворная борьба, какую пришлось вести Петру; плоды образованія были существеннѣйшимъ результатомъ всѣхъ подвиговъ Великаго, и этой-то вѣчно-памятной заслугѣ его будетъ предпочтительно посвящено мое чтеніе.

[1]) Читано въ торжеств. собраніи Императ. Академіи Наукъ 31 мая 1872. Сборн. Отд. р. яз. и сл. 1873, т. X.

Просвѣтительныя начала проводились Петромъ разнообразно: они являлись въ личности его и примѣрѣ, въ его законахъ и учрежденіяхъ, наконецъ, въ мѣрахъ, непосредственно направленныхъ къ распространенію образованія путемъ училищъ и литературы. При разсмотрѣніи нѣкоторыхъ изъ этихъ сторонъ дѣятельности Петра невозможно будетъ обойти и самаго животрепещущаго вопроса, такъ часто занимающаго потомство, вопроса о правильности и значеніи его образа дѣйствій.

Остановимся прежде всего на личности Петра, взглянемъ на собственное его образованіе, на подготовку, съ какою онъ приступилъ къ великому дѣлу, и на послѣдующіе его духовные успѣхи. Хотя о воспитаніи его въ дѣтствѣ сохранилось мало извѣстій, мы однакожъ знаемъ довольно, чтобы судить о ходѣ и характерѣ развитія Петра. Уже въ раннемъ возрастѣ онъ носитъ печать нравственнаго величія и геніальной своеобразности. Въ военныхъ играхъ съ своими сверстниками, какія бывали и при прежнихъ царевичахъ, онъ не хочетъ пользоваться преимуществами своего положенія: онъ ставитъ себя на одну линію съ товарищами, несетъ съ ними равную службу, начинаетъ съ нижнихъ ея степеней, участвуетъ вмѣстѣ со всѣми въ черной работѣ и для повышенія подчиняется требованію дѣйствительной заслуги; посреди забавъ онъ уже служитъ дѣлу и идеѣ; привыкаетъ къ труду и лишеніямъ, къ правильному пониманію обязанностей и отношеній, безъ всякаго лицепріятія. Въ ребенкѣ Петрѣ мы уже видимъ будущаго карателя всякой неправды. Постепенно, съ каждымъ годомъ, онъ расширяетъ кругъ своихъ военныхъ потѣхъ и болѣе и болѣе развиваетъ ихъ значеніе, уже являясь единственнымъ и безпримѣрнымъ между всѣми современниками, которые еще не могутъ вполнѣ понять глубокаго смысла его поступковъ. Книжное ученіе Петра началось, вѣроятно, въ исходѣ трехлѣтняго возраста его [1]) въ благодатной тишинѣ уединенія. Есть извѣстіе, что учитель его Зотовъ очень рано успѣлъ заинтересовать его историческими разсказами съ помощію картинъ (кунштовъ), не только находившихся въ книгахъ, но и развѣшенныхъ по стѣнамъ [2], въ чемъ нѣтъ повода сомнѣваться, такъ какъ подобные „фряжскіе и нѣмецкіе потѣшные листы" уже и прежде водились въ царскихъ палатахъ. Такимъ способомъ любознательность даровитаго ребенка была въ высшей степени возбуждена, и мы можемъ допустить предположеніе, что Петръ перечиталъ, если не все, то многое изъ того, что хранилось въ царской библіотекѣ [3]. Между учебными пособіями его былъ голландскій всемірный атласъ. Есть свѣдѣніе, что молодой царевичъ, подобно Ивану Грозному, зналъ наизусть все евангеліе и апостолъ [4]. Это показаніе о Петрѣ Великомъ подкрѣпляется тѣмъ, что онъ впослѣдствіи въ письмахъ своихъ

[1]) См. примѣчанія и ссылки въ концѣ статьи.

любилъ приводить тексты изъ священнаго писанія. Мы имѣемъ сверхъ того свидѣтельство Лейбница [5], основанное на личныхъ его сношеніяхъ съ Петромъ, что Преобразователь Россіи зналъ священное писаніе въ совершенствѣ и былъ очень свѣдущъ въ церковныхъ дѣлахъ *). Изъ переписки Петра съ его приближенными видно также, что онъ зналъ греческую и римскую миѳологію. Еще до перваго заграничнаго своего путешествія онъ былъ въ нѣкоторой степени знакомъ съ языками нѣмецкимъ и голландскимъ. Всѣмъ извѣстно, какъ онъ, хотя и поздно, при помощи Тиммермана и другихъ, пріобрѣлъ свѣдѣнія въ математикѣ. Такимъ образомъ Петръ, не смотря на свое плохое воспитаніе, обладалъ уже въ началѣ своего царственнаго поприща порядочнымъ запасомъ познаній; но понятно, что онъ, при своей ненасытной любознательности, самъ чувствовалъ ихъ скудость и впослѣдствіи часто жаловался на недостаточность своего школьнаго образованія. Такъ однажды, войдя въ учебную комнату своихъ дочерей и заставъ ихъ за уроками, онъ со вздохомъ сказалъ: „О, еслибы я въ моей молодости былъ выученъ какъ должно!“ [6] Легко представить себѣ, какъ быстро, при этомъ сознаніи и геніальныхъ способностяхъ, должны были расти свѣдѣнія Петра, особенно во время его путешествій, практическимъ путемъ, посредствомъ внимательнаго осмотра всего замѣчательнаго, безпрестанныхъ разспросовъ и бесѣдъ съ учеными, съ художниками и техниками. Уже въ Кенигсбергѣ онъ изучилъ въ теоріи и на практикѣ артиллерію и сдѣлался, по словамъ своего учителя, „благоискуснымъ огнестрѣльнымъ мастеромъ и художникомъ“ [7]. Его пребываніе въ Голландіи, Англіи и Франціи было постоянною школою, въ которой державный ученикъ изумилъ весь міръ прилежаніемъ и успѣхами; позднѣе, во время шведской войны, при его свиданіи съ польскимъ королемъ въ Биржахъ, присутствовавшіе замѣтили, что Петръ очень свѣдущъ въ географіи, черченіи и рисованіи и усердно занимается этими предметами [8]. Важнымъ событіемъ въ его умственной жизни было сближеніе съ геніальнымъ ученымъ и писателемъ Лейбницемъ, который, съ самаго вступленія Петра на престолъ, зорко слѣдилъ за его преобразованіями, а впослѣдствіи старался быть ему полезнымъ своими идеями въ дѣлѣ просвѣщенія Россіи. Послѣ бесѣдъ съ Петромъ Лейбницъ былъ пораженъ всею его личностью, былъ, по собственному выраженію въ письмѣ къ одному пріятелю, удивленъ

*) Близкій къ Петру Ѳеофанъ Прокоповичъ также свидѣтельствуетъ, что въ разговорахъ богословскихъ онъ не только не стыдился, какъ часто бываетъ, и другихъ слушать и самъ не молчать, но съ охотою принималъ въ нихъ участіе и многихъ въ сомнѣніяхъ совѣсти наставлялъ, отвращалъ отъ суевѣрія, приводилъ къ познанію истины и это дѣлалъ онъ не только съ знатными, но и съ простыми и бѣдными, особенно же, когда случалось, съ раскольниками. И на это было у него готовое какъ-бы всеоружіе — изученные изъ священнаго писанія догматы, особенно посланія Павла, которыя онъ твердо хранилъ въ памяти (*Слова и рѣчи*, ч. II, стр. 160, 161).

не только гуманностью такого могущественнаго государя, но и обширными его свѣдѣніями и быстрымъ соображеніемъ [9].

Характеристику Петра въ этомъ отношеніи дополняетъ важный для насъ отзывъ Ѳеофана. Похваливъ изумительную память, остроуміе, находчивость Государя, знаменитый ораторъ говоритъ: Ему академіями были города и страны, республики и монархіи и домы царскіе, въ которыхъ гостемъ бывалъ; учителями его было, хотя и сами про то не вѣдали, и къ нему приходившіе послы и гости, и его угощавшіе государи й правители. Гдѣ бы ему ни случилось быть, съ кѣмъ бы ни побесѣдовать, онъ только о томъ и заботился, чтобъ это соприсутствіе не осталось напраснымъ, чтобъ ему не уйти и не разойтись безъ какой-нибудь пользы, безъ какого-нибудь поученія. Сверхъ того много пособило ему и то, что, выучившись нѣкоторымъ европейскимъ языкамъ, онъ часто занимался чтеніемъ историческихъ и назидательныхъ книгъ; отъ этихъ-то ученій происходило, что разговоры его о всякомъ дѣлѣ были содержательны, хотя и не многорѣчивы, и о чемъ ни велась бесѣда, отъ него слышались разсужденія тонкія и доводы сильные, и вмѣстѣ съ тѣмъ разсказы, притчи, подобія, къ наслажденію и удивленію всѣхъ присутствовавшихъ [10].

Вообще думаютъ, что Петръ, уважая науку, мало сочувствовалъ искусству или, по крайней мѣрѣ, изящному въ искусствѣ, и предпочиталъ ему фарсъ и каррикатуру. Правда, что онъ нерѣдко искалъ развлеченія въ смѣшномъ и уродливомъ; въ музыкѣ на него болѣе дѣйствовало поразительное, соотвѣтствовавшее его привычкамъ и любимымъ занятіямъ, нежели утонченно-прекрасное; но въ живописи эстетическое чувство его достигло замѣчательнаго развитія, какъ показываютъ многія картины и статуи, которыя онъ выбиралъ за границею для вывоза въ Россію [11]. Онъ понималъ цѣну и значеніе искусства, стараясь водворить его въ отечествѣ наравнѣ съ наукою. Характеристиченъ анекдотъ Нартова, что однажды, когда пріѣхали въ Петербургъ плясуны и акробаты, то Петръ замѣтилъ полицеймейстеру Девьеру: „Здѣсь надобны художники, а не фигляры; Петербургъ—не Парижъ... Пришельцамъ-шатунамъ сорить деньги грѣхъ“. Мы узнаемъ тутъ и мнѣніе Петра о столицѣ Франціи. Въ другой разъ онъ, по разсказу того же Нартова, выразился о Парижѣ еще рѣзче. При отъѣздѣ оттуда, пожалѣвъ, что долженъ покинуть мѣсто, гдѣ цвѣтутъ науки и искусства, онъ прибавилъ: „Жалѣю, что этотъ городъ рано или поздно отъ роскоши и необузданности претерпитъ великій вредъ, а отъ смрада вымретъ“ [12].

Не по одному уваженію своему къ наукѣ и къ искусству Петръ являлся истинно-просвѣщеннымъ человѣкомъ. При глубокомъ благочестіи, которое заставляло его приписывать всякій успѣхъ Богу и считать атеистовъ безумцами [13], при строгомъ охраненіи православія, онъ однакожъ былъ далекъ отъ узкой религіозной нетерпимости. Въ

чужихъ христіанскихъ исповѣданіяхъ онъ готовъ былъ признать всякую хорошую сторону; въ Лондонѣ, въ Данцигѣ, даже въ Москвѣ и въ Петербургѣ онъ охотно посѣщалъ протестантское богослуженіе и цѣнилъ пользу хорошей проповѣди. Здѣсь нельзя не вспомнить сильнаго впечатлѣнія, произведеннаго на него въ Амстердамѣ зрѣлищемъ церквей разныхъ исповѣданій, которыхъ послѣдователи мирно сходились на поприщѣ гражданской и промышленной дѣятельности [14]. Онъ далъ себѣ слово завести то же самое въ Россіи, и поданный имъ примѣръ надолго установилъ руководящее начало русскаго правительства. Большое уваженіе оказывалъ Петръ памяти германскаго реформатора, внушавшаго ему особенное сочувствіе своимъ энергическимъ характеромъ и образомъ дѣйствій. На одномъ изъ памятныхъ листковъ, которые Петръ всегда носилъ съ собою и въ дорогѣ и дома, отмѣчены его рукою годы рожденія и смерти Лютера [15]. Терпимость Петра къ другимъ исповѣданіямъ выказалась всего ярче въ знаменитомъ указѣ 1702 года, о вызовѣ иностранцевъ, гдѣ находятся слѣдующія незабвенныя слова: „... Мы, по дарованной намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей. Итакъ, мы крѣпко того станемъ смотрѣть, чтобы по прежнему обычаю никто, какъ въ своемъ публичномъ, такъ и частномъ богослуженіи обезпокоенъ не былъ, но приономъ содержанъ и противу всякаго помѣшательства защищенъ былъ“ [16].

Къ сожалѣнію, принципъ свободы совѣсти не могъ быть распространенъ въ равной степени на разногласія въ лонѣ господствующей церкви. Долго Петръ относился снисходительно къ раскольникамъ, говоря: „Если они честные, работящіе люди, то пусть вѣруютъ во что хотятъ: если ихъ нельзя обратить разсудкомъ, то конечно не пособитъ ни огонь, ни мечъ; а мучениками за глупость быть — ни они той чести не достойны, ни странѣ прибыли отъ того не будетъ“ [17]. Но съ другой стороны, нельзя было допускать усиленія раскола, а между тѣмъ послѣдователи его оказывались злѣйшими врагами преобразованія, проповѣдывали появленіе въ царѣ антихриста, толпами удалялись въ лѣса и пустыни, уклонялись отъ службы и труда. Мѣры, принятыя противъ ихъ размноженія, мало-по-малу повели къ преслѣдованіямъ, пыткамъ и казнямъ. Случилось именно то, чего Петръ сначала хотѣлъ избѣжать.

Это противорѣчіе приводитъ насъ къ другой сторонѣ личности Петра, къ той сторонѣ, которая въ глазахъ многихъ не разъ уже заслоняла всѣ достоинства его и заставляла видѣть въ немъ необузданнаго тирана. Чтобы разъяснить это недоразумѣніе, мы должны припомнить, что при рожденіи Петра въ русскомъ обществѣ существовало двоякое настроеніе. Малая часть его была затронута начавшимся уже прежде поворотомъ къ европейскому быту; большинство же коснѣло въ стародавнемъ застоѣ: „благочестивая старина боялась за-

падной новизны“ [18]. Петръ, сдѣлавшись вождемъ меньшинства, не могъ не сохранять на себѣ отпечатка почти общей грубости нравовъ. Все, что онъ вынесъ изъ общенія съ иноземцами, не могло изгладить въ немъ вліянія домашнихъ примѣровъ; да притомъ и въ общемъ духѣ времени, въ нравахъ западной Европы оставались еще многія черты суровости. Такъ произошло въ Петрѣ то тѣсное сочетаніе несовмѣстныхъ, повидимому, но явныхъ и поразительныхъ противорѣчій, которое дало поводъ проницательной нѣмецкой принцессѣ, послѣ первой съ нимъ встрѣчи, сказать мѣткое слово, что это очень добрый, но вмѣстѣ и очень злой государь (c'est un prince à la fois très bon et très méchant) [19]. Такъ объясняется въ немъ соединеніе безпощадной строгости съ сердечною мягкостью и даже нѣжностью. Такъ онъ, будучи въ Голландіи, въ одномъ анатомическомъ кабинетѣ съ умиленіемъ цѣлуетъ улыбающееся лицо мертваго ребенка, а въ другомъ заставляетъ своихъ спутниковъ зубами рвать мускулы человѣческаго трупа, чтобы пріучить русскихъ къ поучительнымъ наблюденіямъ [20]. Такъ, онъ жалѣетъ о птичкѣ, задыхающейся подъ стекляннымъ колпакомъ, [21] — и собственными руками отрубаетъ головы мятежнымъ стрѣльцамъ.

Горячимъ защитникомъ Петра противъ упрековъ въ жестокосердіи является, въ исходѣ прошлаго столѣтія, извѣстный историкъ князь Щербатовъ [22]. Онъ припоминаетъ раздиравшія Россію передъ тѣмъ смуты и междоусобія; припоминаетъ бунты, совпавшіе съ дѣтствомъ Петра, грозившіе его жизни, и гибель многихъ близкихъ ему людей: эти обстоятельства могли развить нѣкоторую жесткость въ молодомъ государѣ. Страшную строгость, оказанную Петромъ въ возмездіи за послѣдній стрѣлецкій бунтъ, заставившій его внезапно прервать свое путешествіе и возвратиться въ Россію, Щербатовъ оправдываетъ необходимостью обезопасить общественное спокойствіе отъ повторенія подобныхъ явленій, которыя были бы неизбѣжны и впредь, пока существовали стрѣльцы. Что Петръ заставлялъ нѣкоторыхъ изъ своихъ вельможъ играть въ этомъ случаѣ роль палачей, объясняется тѣмъ, что онъ подозрѣвалъ ихъ въ единомысліи со стрѣльцами; собственное же его своеручное участіе въ казняхъ — желаніемъ не огорчить приближенныхъ возложенною на нихъ печальною обязанностью, которая впрочемъ по понятіямъ времени не считалась унизительною [23]. Щербатовъ прибавляетъ, что Петръ не безъ суда казнилъ стрѣльцовъ; напротивъ, произвелъ столь справедливый судъ, что всякій, кто могъ сколько-нибудь оправдаться, былъ освобожденъ отъ плахи; мало того: нѣкоторые начальники стрѣльцовъ, участвовавшіе въ бунтѣ, но показавшіе раскаяніе и обѣщавшіе вѣрность, получили помилованіе и награды. Что касается грозныхъ возмездій сестрѣ и сыну, то Щербатовъ ни въ чемъ не находитъ оправданія жестокости Петра, кромѣ воспитанія его и духа времени [24]. Но осужденіе сына на смерть было политическою необходимостью, такъ

какъ невозможно было бы, пока онъ живъ, безвозвратно устранить его отъ престола, на который возведеніе его равнялось бы рѣшительному уничтоженію всѣхъ преобразованій отца.

Особеннаго вниманія историка и психолога заслуживаетъ одна знаменательная черта въ безсмертной личности Петра I. Самодержавный повелитель милліоновъ, онъ, по особеннымъ ли потребностямъ своей геніальной природы, или по глубоко-обдуманному плану, соединяетъ съ царскимъ саномъ характеръ частнаго лица: передаетъ почести и роль государя подданному, а самъ становится въ ряды не только простыхъ гражданъ, но работниковъ; исправляетъ механическіе труды почти по всѣмъ отраслямъ техническаго производства; иногда не отказывается даже отъ задѣльной платы [25]; поетъ въ церкви на клиросѣ; ѣздитъ въ Москвѣ славить Христа; проходитъ службу съ низшихъ чиновъ; является къ воображаемому кесарю въ качествѣ подданнаго; принимаетъ служебныя награды отъ своихъ вельможъ; переписывается съ довѣренными лицами какъ равный.

Такимъ образомъ, Петръ представляетъ намъ на престолѣ совершенно исключительное и безпримѣрное въ исторіи явленіе: ничего подобнаго мы не встрѣчаемъ и у другихъ народовъ. Есть основаніе думать, что такъ дѣйствовалъ Петръ не по прихоти, но съ намѣреніемъ,—чтобы служить примѣромъ мало-образованному народу, который до тѣхъ поръ полагалъ все величіе во внѣшности, все счастье — въ праздной и беззаботной жизни. Именно для тогдашняго русскаго общества нуженъ былъ примѣръ государя, который, наперекоръ всѣмъ преданіямъ и понятіямъ массы, не только не гнушался ничѣмъ человѣческимъ, но не избѣгалъ и самыхъ низкихъ, повидимому, занятій. Зная, какъ хорошо онъ изучилъ священное писаніе, можно предполагать, что глубокая новозавѣтная мысль лежала въ основѣ такого образа дѣйствій. Не безъ умысла Петръ хвалился мозолями на своихъ рукахъ, не даромъ указывалъ на себя подданнымъ и говорилъ, что врачуетъ ихъ примѣрами [26]. Чтобы внушить русскимъ людямъ уваженіе къ труду, онъ становится среди своего народа первымъ труженикомъ, неутомимымъ, „вѣчнымъ работникомъ". Вотъ коренная просвѣтительная идея и цѣль Петра. Таковъ же былъ источникъ крайней бережливости Петра и простоты во всей его обстановкѣ—въ одеждѣ, въ пищѣ, въ устройствѣ его двора. Весь поглощенный заботами о существенномъ, онъ не находилъ и времени думать о внѣшнихъ удобствахъ или пышности. Даже въ послѣдніе годы жизни у него не было своего цуга: обыкновенно онъ ѣздилъ въ простой одноколкѣ парой, а для торжественныхъ выѣздовъ занималъ экипажъ съ лошадьми у одного изъ своихъ вельможъ [27]. И не смотря на всю умѣренность своего образа жизни, онъ почти всегда испытывалъ нужду. Такую же бережливость старался онъ ввести и въ общественную жизнь, о чемъ свидѣтельствуетъ не одинъ изданный имъ указъ объ ограниченіи роскоши [28].

Приходя къ общему заключенію о личности Петра, которой изображеніе впрочемъ далеко не исчерпано мною, мы должны согласиться, что онъ, отражая въ себѣ нѣкоторыя темныя стороны своего времени, вообще стоялъ однакоже неизмѣримо выше его по своимъ понятіямъ и взглядамъ: многія идеи, только въ нашъ вѣкъ проникающія въ общее сознаніе, уже занимали и руководили Петра въ его дѣятельности и законодательствѣ. Самою выдающеюся чертою духовной природы Петра было его правдолюбіе, его ненависть ко всякой лжи. Послѣ посѣщенія англійскаго парламента онъ, по свидѣтельству Нартова, невольно замѣтилъ: „Весело слышать, когда сыны отечества королю говорятъ явно правду; сему-то у англичанъ учиться должно" [29]. Извѣстно, какъ самъ онъ всегда требовалъ правды отъ своихъ подданныхъ, какъ охотно прощалъ всякую вину за откровенное въ ней сознаніе. Глубокое уваженіе къ истинному достоинству и заслугѣ, къ сущности всякаго дѣла, къ знанію и труду, строгое правосудіе, разумное и спокойное мужество, непоколебимая твердость, рѣшительность и вмѣстѣ съ тѣмъ удивительная скромность украшали его такъ же, какъ съ другой стороны безразсудная отвага и страсть къ завоеваніямъ были ему чужды; природа щедро надѣлила его дарами, нужными герою-просвѣтителю въ борьбѣ за умственные и нравственные успѣхи человѣчества. Уже тотчасъ по вступленіи на престолъ онъ является во всеоружіи своего генія и могущества и приступаетъ въ преобразованіямъ съ яснымъ пониманіемъ потребностей народа, но разумѣется, что полнѣйшаго и самаго блестящаго развитія творческая его дѣятельность достигаетъ только въ послѣдніе годы его жизни, когда опытность придаетъ новыя силы его духу и внѣшняя безопасность государства окончательно утверждена.

Необходимость, неизбѣжность коренной реформы русскаго быта истекала изъ самыхъ его условій; государство не могло оставаться въ прежнемъ положеніи, должно было или сдѣлаться жертвою сильныхъ сосѣдей или выйти на новый путь развитія. Тогда-то таинственный духъ жизни вызвалъ въ лицѣ Петра неожиданное орудіе обновленія Россіи. Нынѣшнее торжество ея служитъ громкимъ всенароднымъ протестомъ противъ одностороннихъ обвиненій великаго дѣятеля въ человѣческихъ слабостяхъ и въ ошибкахъ при избраніи средствъ къ достиженію преобразовательныхъ цѣлей. Тѣмъ не менѣе, говоря о его заслугахъ, нельзя не коснуться этихъ упрековъ. Нѣкоторые изъ нихъ произносились уже его современниками, особенно иностранцами и тѣми изъ русскихъ, которые не могли примириться съ новизнами. Упреки доходили до него самого и вызывали его оправданія [30]. Смерть Преобразователя, невольное сознаніе его превосходства въ виду совершавшихся событій надолго сомкнули уста порицателей. Всѣ сужденія о немъ слились въ одинъ голосъ общаго удивленія и почитанія. Историки, ораторы, стихотворцы уподобляли его божеству. Ломоносовъ, въ стѣнахъ Академіи Наукъ, былъ краснорѣчивымъ истолкователемъ

благоговѣнія потомства къ Родителю Елисаветы [31]. Но къ концу прошлаго столѣтія все это безмѣрное обожаніе, крайности, къ какимъ привело злоупотребленіе нѣкоторыми изъ петровскихъ идей, наконецъ, начавшее пробуждаться въ немногихъ умахъ національное самосознаніе возбудили сомнѣнія въ безусловномъ величіи Петра. Стали отыскивать недостатки въ его свойствахъ и дѣятельности. Еще въ 1770-хъ годахъ княгиня Дашкова, находясь въ Вѣнѣ на обѣдѣ у знаменитаго министра Кауница и слыша похвалы его Петру Великому, разразилась длинною филиппикой противъ знаменитаго государя: она доказывала, что въ Россіи издревле процвѣтала любовь къ искусствамъ и были историки, оставившіе цѣлыя груды рукописей, что и безъ Петра могущественная, богатая держава привлекла бы къ себѣ вниманіе Европы, и т. д. [32]. Позднѣе Болтинъ указывалъ между прочимъ на вредъ, произведенный при Петрѣ отправленіемъ дворянъ въ путешествія по чужимъ краямъ, откуда большая часть посланныхъ „возвратились не просвѣщеннѣе, не умнѣе, но порочнѣе и смѣшнѣе, нежели были“. Впрочемъ Болтинъ, вообще сочувствуя мудрымъ мѣрамъ Преобразователя, прибавлялъ: „Тогда позналъ Петръ Великій, что надобно начать хорошимъ воспитаніемъ, а кончить путешествіемъ, чтобы видѣть желанный плодъ“ [33].

Подобныя укоризны продолжались и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Самымъ строгимъ судьею Петра сдѣлался тотъ самый Карамзинъ, который въ молодости усердно защищалъ его. „Все народное ничто предъ человѣческимъ. Главное дѣло быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не можетъ быть дурно для русскихъ, а что англичане или нѣмцы изобрѣли для пользы, выгоды человѣческой, то мое, ибо я человѣкъ“. Такъ говорилъ Карамзинъ въ Письмахъ Русскаго путешественника [34]; въ Запискѣ же о древней и новой Россіи, хваля многіе свойства и законы Петра, онъ рѣзко укорялъ его за введеніе иностранныхъ обычаевъ, приписывалъ ему презрѣніе къ народнымъ особенностямъ, осуждалъ отмѣну въ высшихъ классахъ русской одежды, пищи, бороды, порицалъ учрежденіе сената вмѣсто древней думы, — коллегій вмѣсто приказовъ, — министровъ, канцлеровъ, президентовъ вмѣсто бояръ, — генераловъ, капитановъ, лейтенантовъ вмѣсто воеводъ, сотниковъ, пятидесятниковъ. Далѣе, Карамзину казалось вреднымъ для нравовъ, что въ соединеніи обоихъ половъ европейская вольность заступила мѣсто азіятскаго принужденія; онъ жалѣлъ, что русскіе утратили свое гражданское достоинство вмѣстѣ съ увѣренностію, что святая Русь первое государство въ мірѣ, обвинялъ Петра за жестокость и ужасы самовластія, за униженіе духовенства, подчиненіе церкви мірской власти, наконецъ, за основаніе столицы въ суровомъ климатѣ, на болотистой почвѣ. Далѣе однакожъ, въ той же запискѣ Карамзинъ, желая унизить современныя ему реформы, превозноситъ идею петровскаго сената и невольно впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собою [35].

Такія же нареканія Петру повторялись и въ наше время. Не вдаваясь въ подробности спорныхъ вопросовъ, остановлюсь только на двухъ главныхъ обвинительныхъ пунктахъ, къ которымъ примыкаютъ всѣ остальные. Говорятъ: 1) что онъ вытѣснялъ русскіе обычаи иностранными, предпочиталъ иноземцевъ русскимъ людямъ; 2) что онъ въ своихъ преобразованіяхъ употреблялъ насиліе, принужденіе и слишкомъ крутыя мѣры.

Противъ перваго обвиненія позволю себѣ напомнить, что народные обычаи бываютъ двоякіе: одни касаются сущности быта, другіе составляютъ только внѣшнія его принадлежности. Къ числу первыхъ относились у русскихъ: затворничество женщинъ, браки безъ согласія обѣихъ сторонъ [36], правежъ, продажа крестьянъ порознь безъ земли и пр. Кто въ наши дни рѣшится упрекнуть Петра за отмѣну или попытки къ отмѣнѣ этихъ варварскихъ порядковъ? Къ другому разряду обычаевъ принадлежатъ борода и одежда, обратившія на себя гоненіе Петра. Здѣсь надобно припомнить, что еще до него были при московскомъ дворѣ люди, начавшіе брить бороду и одѣваться по-европейски. Братъ его Ѳеодоръ Алексѣевичъ уже ввелъ между своими царедворцами польское платье. Еще при Годуновѣ русскіе стали знакомиться съ западомъ и подражать въ наружности иностранцамъ. Это не могло не возбудить негодованія въ упорныхъ приверженцахъ старины. Мало-по-малу „борода, по словамъ С. М. Соловьева, стала знаменемъ въ борьбѣ двухъ сторонъ, и понятно, что когда побѣдитъ сторона новаго, то первымъ ея дѣломъ будетъ низложить враждебное знамя“ [37]. Что касается до одежды, то достаточно указать, что длинное платье, исконное отличіе жителей востока, соотвѣтствуетъ сродной имъ лѣни и мѣшаетъ движенію, работѣ. „Что дѣлаетъ обыкновенно человѣкъ въ длинномъ платьѣ, когда онъ начинаетъ работать?“ спрашиваетъ г. Соловьевъ и отвѣчаетъ: „Онъ подбираетъ полы своего платья... Такимъ образомъ и русскій человѣкъ, вступая на поприще европейской дѣятельности, естественно долженъ былъ одѣться въ европейское платье, ибо вопросъ и состоялъ только въ томъ: къ семьѣ какихъ народовъ принадлежать, — европейскихъ или азіятскихъ? и соотвѣтственно носить въ одеждѣ и знаменіе этой семьи“ [38].

Другою важною причиною, руководившею въ этомъ дѣлѣ Петра, было его желаніе привлечь въ Россію иностранцевъ. Онъ предвидѣлъ, что при сохраненіи прежней одежды они продолжали бы чуждаться русскихъ, и захотѣлъ уничтожить внѣшнюю помѣху къ сближенію. Русскіе, съ своей стороны, считая однихъ себя истинными христіанами, а другіе народы чуть не язычниками, въ гордомъ самомнѣніи презирали иноземцевъ, смотрѣли на нихъ какъ на поганыхъ, считали за грѣхъ имѣть съ ними сношенія, а тѣмъ болѣе перенимать у нихъ что-нибудь [39]; и это заставило Петра принять крутыя мѣры, чтобы преодолѣть старинное предубѣжденіе. Забота о сближеніи Россіи съ за-

падомъ не была новостью: эта мысль болѣе или менѣе занимала всѣхъ предшественниковъ Петра, начиная съ Ивана III: всѣ они вызывали иностранныхъ рудокоповъ, ремесленниковъ, художниковъ, наконецъ образовали цѣлые полки солдатскіе и рейтарскіе съ иноземными офицерами. Иванъ Грозный старался овладѣть ливонскимъ берегомъ Балтійскаго моря, вопросъ о правѣ собственности на Неву возникъ съ 14-го столѣтія. Путь для преобразованій былъ ясно намѣченъ: недоставало только гигантской воли и могучей руки для ихъ совершенія. Мысль о народностяхъ тогда еще нигдѣ не пробуждалась: удивительно ли, что Петръ, желая образовать свой народъ, не думалъ оскорблять его заимствованіемъ иностранныхъ обычаевъ и вызовомъ чужеземцевъ? Въ этомъ онъ побуждался однимъ желаніемъ пользы, одними экономическими и политическими видами, и слѣдовалъ естественному историческому закону. „Какъ водится у другихъ?“ Вотъ простѣйшій вседневный вопросъ въ человѣческой жизни; его задаютъ себѣ и частныя лица и правительства; его задавали себѣ съ незапамятныхъ временъ, повторяютъ теперь и вѣчно повторять будутъ. Естественно было, что народы скуднаго, запоздалаго въ образованіи сѣвера, пока не стали на ноги, съ ученическимъ довѣріемъ обращались въ своихъ сомнѣніяхъ къ болѣе опытному и свѣдущему западу, который кромѣ того и своею болѣе богатою природою и болѣе развитою общественностью всегда радужными красками рисуется въ воображеніи сѣверянина. Законъ преемственности образованія проходитъ чрезъ всю всемірную исторію. Въ Грецію египетскіе и финикійскіе переселенцы занесли древне-восточное образованіе; греческая культура разлилась по обширному римскому міру, который наконецъ охватилъ и сѣверо-западъ Европы; позднѣе греко-римское образованіе простерлось по Германіи, еще позднѣе по Скандинавіи. На славянскій востокъ, долго остававшійся въ сторонѣ отъ этого вліянія, начатки образованія сперва проникли изъ Византіи, потомъ стали проникать и съ запада. Ближайшія къ остальной Европѣ Польша и Малороссія, по своему положенію, ранѣе другихъ странъ, составляющихъ нынѣшнюю Россію, сдѣлались причастны обще-европейской наукѣ и послужили Москвѣ первымъ источникомъ этой науки. Изъ Кіева, съ середины 17-го вѣка, начинается переселеніе литературно-образованныхъ духовныхъ въ Москву, начинается прививка западно-европейскихъ познаній, понятій и словъ къ дикому еще дереву великорусской жизни. Между тѣмъ туда же, въ Москву, еще съ 16-го столѣтія идетъ другая колонизація: подъ стѣнами царской столицы со временъ Ивана Грознаго [40] образуется и быстро растетъ *нѣмецкая слобода*, гдѣ селятся иноземные мастера, техники, инженеры, врачи, торговые и военные люди. Но до Петра русскіе держались далеко отъ нѣмецкой слободы, въ которой побывать считалось даже грѣхомъ.

Петръ, вопреки предразсудку, начинаетъ посѣщать слободу, нахо-

дитъ въ ней новыя умственныя наслажденія и обильный источникъ заманчивыхъ познаній въ бесѣдѣ съ людьми живыми, свѣжими, образованными, знакомыми съ политическимъ состояніемъ Европы [41]. Безъ этой колоніи у Петра не было бы ни Тиммермана, ни Гордона, ни Лефорта, которые явились въ Россію на призывъ Алексѣя Михайловича. Но ни малороссійскіе переселенцы, ни нѣмецкая слобода не удовлетворяютъ Петра. Онъ хочетъ черпать свѣтъ у самаго источника, хочетъ усилить въ Россіи европейскую колонизацію, чтобы привлечь въ отечество западную науку, промышленность, торговлю. Обвинять Петра за выборъ этого естественнаго пути къ обновленію своей страны, сожалѣть, что онъ не предпочелъ, сложа руки, терпѣливо предоставить русскихъ медленному ходу саморазвитія,—не значитъ ли покидать почву дѣйствительности и исторіи? Въ нынѣшнемъ человѣчествѣ есть только двѣ совершенно независимо одна отъ другой развившіяся цивилизаціи: греко-римская и китайская. Тѣ, которые желали бы еще третьей, исключительно русской цивилизаціи, забываютъ и попытки предшественниковъ Петра, и географическое положеніе Россіи: съ одной стороны, по континентальной массивности земли, по обширности ея пространствъ и по малому прикосновенію къ морю, физическія условія ея неблагопріятны для саморазвитія народа; съ другой стороны, по отсутствію естественныхъ преградъ между ею и западомъ, по своему положенію на открытой, хотя и отдаленной равнинѣ, Россія какъ-бы предназначена была самою природой къ дружному единенію съ остальной Европою, которой географическое очертаніе несравненно выгоднѣе для успѣховъ просвѣщенія. Согласно съ этимъ указаніемъ природы поступилъ и Петръ, сокрушивъ китайскую стѣну, воздвигнутую вѣковыми предразсудками противъ сношеній съ западной Европою. Была еще политическая преграда — вражда и зависть сосѣдей, отдѣлявшихъ Россію отъ моря и старавшихся не допускать къ ней просвѣщенія: Петръ уничтожилъ и эту преграду завоеваніемъ Ингерманландіи и Ливоніи. Приглашая къ себѣ иностранцевъ, посылая своихъ въ чужіе края, онъ только стремился къ тому, что́ нынѣ достигается пароходами, желѣзными дорогами, телеграфами, этими могучими рычагами плодотворнаго обмѣна мыслей, обычаевъ и жизненныхъ потребностей.

Но иностранцы сами по себѣ были нужны Петру; ему нужны были наука, искусство, фабрики, торговля. Иностранцы служили ему только орудіемъ его плановъ, учителями русскихъ. Въ позднѣйшее время своего царствованія онъ давалъ иностранцамъ только второстепенныя мѣста въ службѣ, высшія же должности предоставлялъ своимъ соотечественникамъ: такъ, въ президенты коллегій назначалъ онъ русскихъ, иноземцы получали только званіе вице-президентовъ; чинъ 1-го класса также не былъ доступенъ иностранцамъ [42]. По этой же причинѣ, въ шведскую войну, поставивъ двухъ фельдмаршаловъ, Меншикова и

Огильви, Петръ кончилъ тѣмъ, что устранилъ послѣдняго. Въ этомъ отношеніи онъ не уступалъ внушеніямъ нѣкоторыхъ пришельцевъ, напр. Паткуля, который желалъ, чтобы въ военномъ и дипломатическомъ дѣлѣ нѣмцы совершенно вытѣснили неспособныхъ, по его мнѣнію, русскихъ. Петръ, напротивъ, возлагалъ на своихъ единоземцевъ великія надежды въ будущемъ и при всѣхъ случаяхъ подготовлялъ имъ возможность замѣнить со временемъ своихъ учителей какъ въ практической дѣятельности, такъ и въ наукѣ. Обманувшихъ его довѣріе иностранцевъ онъ не щадилъ, такъ же какъ и своихъ; въ примѣръ тому можетъ быть приведенъ давно находившійся въ русской службѣ Виніусъ, котораго онъ долго отличалъ, но удалилъ отъ дѣлъ, какъ скоро убѣдился въ его недобросовѣстности [43]. Нельзя подвергать Петра отвѣтственности за первенствующую роль, какую вскорѣ послѣ него играли иностранцы, пользуясь слабостью правительства и употребляя во зло свое положеніе. По всему видно, что онъ считалъ вызовъ ихъ только временною мѣрою.

Въ стихѣ Пушкина о Петрѣ: „не презиралъ страны родной" заключается глубоко справедливая мысль. При всемъ своемъ видимомъ пристрастіи къ иноземцамъ, онъ оставался вполнѣ русскимъ человѣкомъ не только по своей восторженной любви къ Россіи, по вѣрѣ въ ея судьбы и въ способности русскаго народа къ самоусовершенствованію, но и по своимъ вкусамъ и характеру. Въ народномъ быту онъ преслѣдовалъ только то, что противорѣчило его просвѣтительнымъ цѣлямъ, но не касался безвредныхъ обычаевъ, которые и самъ любилъ соблюдать. При взятіи Риги Петръ, обративъ вниманіе на университетъ, находившійся въ Пернау, выразилъ намѣреніе посылать туда, для обученія, молодыхъ людей изъ своего государства и учредить въ высокой школѣ особаго профессора, который бы могъ обучать славянскому (т. е. русскому литературному) языку и ввести его туда [44].

Перейдемъ къ обвиненію Петра въ слишкомъ крутыхъ и насильственныхъ мѣрахъ. И оно значительно слабѣетъ, какъ скоро мы безпристрастно взглянемъ, съ одной стороны, на общій духъ времени, на общую суровость, еще проникавшую тогда законодательства и систему правительственной дѣятельности во всей Европѣ, съ другой стороны — на умственное и нравственное состояніе тогдашней Россіи. Строгое порицаніе дѣйствій Петра часто происходило отъ недостаточнаго знакомства съ средою, его окружавшею, со всѣми подробностями его распоряженій и поводовъ, которые ихъ вызывали. Исторія его царствованія была мало разработана. Только теперь, когда открыта масса новыхъ документовъ, когда мы имѣемъ уже основанное на актахъ изображеніе времени Петра въ трудахъ Соловьева и отчасти Устрялова и во множествѣ монографій, возможно болѣе сознательное и справедливое отношеніе къ дѣлу.

Чтобы въ двухъ словахъ очертить бытъ русскаго народа до Петра, довольно сказать, что въ немъ не было ни семьи, въ истинномъ ея значеніи, ни школы. Возможна ли семья безъ женщины, а въ русской семьѣ женщина была рабой и затворницей. Большинство русскихъ людей, не получивъ никакого образованія, переходило въ дѣятельную жизнь почти прямо изъ дѣтской, въ полномъ умственномъ и нравственномъ несовершеннолѣтіи; не всѣ даже бояре умѣли читать. Высшія сословія вообще мало отличались отъ низшихъ. Учить было некому: иностранцевъ убѣгали какъ иновѣрцевъ; все отъ нихъ исходившее считалось богопротивнымъ. Книгъ почти не было; а тѣ, которыя читались, не могли доставлять ни большой пользы, ни особеннаго развлеченія. Невѣжество, праздность, пороки порождали разбои и убійства, такъ что въ самой столицѣ не было полной безопасности. Богатый и сильный притѣснялъ бѣднаго; помѣщики угнетали крестьянъ. Рѣдко кто не былъ зараженъ суевѣріемъ, вѣрой въ порчу, колдовство, въ дьявольскіе навѣты, что́ опять влекло за собой преступленія и разные ужасы. Много рѣзкихъ чертъ для картины тогдашнихъ русскихъ нравовъ доставляетъ сочиненіе жившаго въ Москвѣ, во второй половинѣ 17-го вѣка, серба Юрія Крижанича [45], въ которомъ, какъ въ соплеменникѣ русскихъ, нельзя предполагать національнаго предубѣжденія. Его показанія представляютъ много сходства съ тѣмъ, что мы находимъ у иностранцевъ, описывавшихъ тогдашнюю Россію, напр. у англичанина Перри, котораго подозрѣваютъ въ пристрастіи. Національное самолюбіе не должно, кажется, мѣшать намъ видѣть ея тогдашніе нравы въ настоящемъ ихъ свѣтѣ и выслушивать спокойно ихъ описаніе. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, для насъ поучителенъ примѣръ Петра Великаго, который, какъ разсказываютъ, прогнѣвался на Бужинскаго за то, что имъ при переводѣ Пуффендорфа было пропущено мѣсто, касавшееся русскихъ нравовъ, и приказалъ пополнить переводъ [46]. Указывая на экономическую бѣдность государства, какъ на естественное слѣдствіе его замкнутости вдали отъ моря, при умственной неразвитости жителей, Крижаничъ говоритъ, что лѣнивый непромышленный русскій человѣкъ самъ себѣ не хочетъ добра сдѣлать, если силою не будетъ принужденъ. „Великое наше народное несчастіе, — пишетъ далѣе Крижаничъ, — неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать... Расплодились въ насъ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ. А отъ чего все это происходитъ? Отъ того, что всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками; люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться. Все должны дѣлать и торговать тайкомъ, въ молчанку, со страхомъ и трепетомъ, укрываться

отъ такой огромной толпы правителей или палачей... Ни у нѣмцевъ, ни у остальныхъ славянъ, нигдѣ на свѣтѣ, кромѣ одной русской державы, не видно такого гнуснаго пьянства: по улицамъ въ грязи валяются мужчины и женщины, міряне и духовные, и многіе отъ пьянства умираютъ" [47].

Начертывая, можетъ быть, уже слишкомъ мрачными красками, эту картину быта, Крижаничъ предлагаетъ и программу мѣръ къ исправленію его, программу, которая во многомъ удивительно сходится съ послѣдовавшею дѣятельностью Петра, — убѣдительнѣйшее доказательство, что время для преобразованій приспѣло, что между лучшими людьми уже созрѣла мысль о необходимости измѣненій. Такъ Крижаничъ въ особенности предлагаетъ прибѣгнуть къ ученію, къ книгамъ и къ вызову иностранцевъ, но съ тѣмъ, чтобы они, исполнивъ свое дѣло, не оставались въ Россіи; совѣтуетъ изъять купечество изъ-подъ власти воеводъ, учредить цехи, озаботиться увеличеніемъ народонаселенія, уменьшеніемъ роскоши. „Въ Россіи полное самодержавіе: повелѣніемъ царскимъ можно все исправить и завести все полезное".

Профессоръ Соловьевъ, нашедши въ актахъ свидѣтельство, что рукопись сочиненія Крижанича принадлежала къ числу книгъ, находившихся *на верху*, т. е. въ царскихъ палатахъ, не допускаетъ однакожъ мысли, чтобъ этотъ трудъ могъ имѣть какое-нибудь значеніе въ преобразованіяхъ Петра. Для такого предположенія нѣтъ никакихъ данныхъ.

Ничто не держится такъ упорно, не измѣняется такъ медленно, какъ нравы народные. Станемъ ли же удивляться, что во все царствованіе Петра встрѣчаемъ черты быта, сходныя съ тѣми, какія отмѣтилъ Крижаничъ? Ими изобилуютъ современные акты, слѣдственныя дѣла преображенской канцеляріи, указы самого Петра, наконецъ сочиненія Ѳеофана и крестьянина Посошкова. Въ своей книгѣ: „О скудости и о богатствѣ" этотъ изумительный самоучка чрезвычайно сходно съ ученымъ сербомъ характеризуетъ состояніе русскаго общества: „Не точію у иноземцевъ свойственныхъ христіанству, но и бусурманы судъ чинятъ праведенъ; а у насъ вѣра — святая, благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуды не годная, и какіе указы ни состоятся, вси ни во что обращаются, но всякъ по своему обычаю дѣлаетъ. И донележе прямое правосудіе у насъ въ Россіи не устроится и всесовершенно не укоренится, то никакими мѣрами богатымъ намъ быть, яко и въ прочихъ земляхъ, невозможно, такождо и славы доброй намъ не нажить, понеже всѣ пакости и непостоянство въ насъ чинятся отъ неправаго суда, отъ нездраваго разсужденія, и отъ неразсмотрительнаго правленія и отъ разбоевъ. Крестьяне, оставя свои домы, бѣгутъ отъ неправды. Древнихъ уставовъ не измѣня, самого правосудія насадить и утвердити невозможно. Неправда въ правителяхъ вкоренилась и застарѣла, отъ мала до ве-

лика вси стали быть поползновенны — овые ко взяткомъ, овые же боящеся сильныхъ лицъ. И того ради всякія дѣла государевы не споры, и сыски неправы, и указы недѣйствительны: ибо вси правители дворянскаго чина знатнымъ норовятъ, а власть имутъ и дерзновеніе только надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи... Видимъ мы вси, какъ великій нашъ Монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что способниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ-десятъ тянетъ, да подъ гору милліоны тянутъ, то како дѣло его споро будетъ? Колико новыхъ статей издано, а немного въ нихъ дѣйства, ибо всѣхъ ихъ древностная неправда одолѣваетъ. И того ради по старому: кто кого сможетъ, тотъ того и забижаетъ“ [48].

Такимъ образомъ нетерпѣливый Посошковъ находитъ и энергическія мѣры Петра еще недостаточными, требуетъ еще болѣе рѣшительныхъ преобразованій. Но такое же нетерпѣніе видно и въ сильныхъ средствахъ, какія употреблялъ Петръ противъ вѣковыхъ недуговъ своего народа, будучи убѣжденнымъ, что на первыхъ порахъ его перевоспитанія нельзя обойтись безъ принужденія и повторяя свою любимую поговорку: „Легче всякое новое дѣло съ Богомъ начать и окончить, нежели старое, испорченное дѣло починивать“ [49]. Свой взглядъ на неизбѣжность принудительныхъ мѣръ великій правитель не разъ выражалъ въ письменныхъ актахъ. Такъ онъ писалъ однажды тульскому воеводѣ Ивану Данилову: „хотя что добро и надобно, а новое дѣло, то наши люди безъ принужденія не сдѣлаютъ“ [50]. Въ одномъ изъ указовъ Петра (о введеніи китоваго промысла) говорится: „Когда въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ (т. е. въ Голландіи) принужденіе чинится, то кольми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ“ [51]. Особенно же характеристичны слова его въ указѣ объ умноженіи мануфактуръ въ Россіи: „нашъ народъ — яко дѣти неученія ради, которыя никогда за азбуку не примутся, когда отъ мастера не приневолены бываютъ, которымъ сперва досадно кажется, но когда выучатся, потомъ благодарятъ, чтó ясно изъ всѣхъ нынѣшнихъ дѣлъ: не все ль неволею сдѣлано, и уже за многое благодареніе слышится, отъ чего уже плодъ произошелъ“ [52]. Здѣсь высказана побудительная причина многихъ дѣйствій Петра: понимая потребности Россіи, чувствуя свое всемірноисторическое призваніе, видя въ другихъ странахъ свои идеалы осуществленными, онъ не хотѣлъ предоставлять невѣрному будущему исполненіе того, чтó считалъ нужнымъ и полезнымъ, спѣшилъ дѣйствовать съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, зналъ цѣну времени и требовалъ, чтобъ другіе такъ же, какъ самъ онъ, дорожили каждой минутой. Мы сейчасъ видѣли, что онъ въ примѣръ понудительныхъ распоряженій приводилъ Голландію. Въ то время, вообще, европейскія правительства не стѣснялись въ выборѣ средствъ для приведенія въ дѣй-

ствіе своихъ рѣшеній, и деспотическое начало было господствующимъ характеромъ монархіи. Сюда же относятся жестокія пытки и казни, въ которыхъ обвиняютъ Петра. Къ сказанному прежде объ этомъ можно прибавить, что строгость его происходила скорѣе отъ убѣжденія въ ея необходимости, отъ понятій вѣка и началъ тогдашняго законодательства, нежели отъ наклонности сердца. Уголовные законы въ то время были вездѣ болѣе или менѣе суровы; самымъ разительнымъ тому примѣромъ можетъ служить Римская имперія, гдѣ въ исходѣ 18-го столѣтія, при самомъ человѣколюбивомъ государѣ, Іосифѣ II, еще были въ ходу варварскія тѣлесныя наказанія палками, плетьми, и розгами [53]. Да и вообще, при сужденіи о русскихъ нравахъ въ петровское время, не надобно забывать, какъ низокъ былъ тогда еще и въ западной Европѣ уровень общественной нравственности и столь высоко-цѣнимой нынѣ гуманности. Нѣтъ сомнѣнія, что въ свойствахъ незлобиваго, смиреннаго русскаго народа, особенно сельскаго люда, было много такихъ чертъ, которыя бы должны были располагать законодателя къ смягченію уголовнаго кодекса; но духъ времени противился тому. Говоря о жестокости наказаній при Петрѣ, надобно согласиться, что въ этомъ отношеніи онъ былъ вполнѣ сыномъ своего вѣка. Замѣтимъ наконецъ, что оправданіемъ насильственной гибели цѣлыхъ массъ народа при построеніи Петербурга могла служить въ глазахъ Петра великая государственная цѣль, которую онъ въ этомъ дѣлѣ преслѣдовалъ. Какъ искусный полководецъ иногда предпочитаетъ кровопролитное, но рѣшительное сраженіе продолжительному изнуренію войска, такъ и Петру единовременное пожертвованіе множествомъ людей могло казаться дозволеннымъ для окончательнаго устраненія одного изъ вѣковыхъ препятствій, которыя Россія до тѣхъ поръ встрѣчала въ своемъ развитіи.

Въ наше время, при наблюденіи господствующихъ недостатковъ русскаго общества, невольно возникаетъ у многихъ мысль, что преобразованія Петра имѣли чисто-внѣшній характеръ; что измѣнивъ наружный обликъ и одежду высшихъ классовъ, онъ только отдалилъ ихъ отъ народа, далъ имъ одинъ поверхностный лоскъ образованія, одно подобіе европейской культуры; учрежденіемъ чиновъ создалъ только внѣшнюю приманку для честолюбія, сущности же нравовъ и обычаевъ не измѣнилъ, истиннаго образованія не далъ.

Вникнувъ въ эти обвиненія, на первый взглядъ справедливыя, мы увидимъ, что говорящіе такъ требуютъ отъ Петра невозможнаго: они упускаютъ изъ виду ограниченность силъ человѣка, еще умаляемыхъ краткостью его жизни. Если бы Петръ жилъ десятилѣтіями двумя или хотя однимъ болѣе, то конечно и плоды его дѣятельности были бы гораздо значительнѣе. Но жизнь его пресѣклась именно тогда, когда онъ могъ наконецъ среди мира всецѣло посвятить себя заботамъ о внутреннемъ благоустройствѣ своей державы. Въ дѣлахъ

Петра можно смотрѣть только на его цѣли и на средства, имъ употребленныя; послѣдствія зависѣли много отъ его преемниковъ, отъ множества внѣшнихъ обстоятельствъ и внутреннихъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ народѣ и обществѣ при дальнѣйшемъ развитіи событій и мѣръ правительства. Не всѣ предначертанія Петра исполнялись; нерѣдко дѣлалось совершенно противоположное. Приведу примѣръ, повидимому маловажный, но въ самомъ дѣлѣ не лишенный значенія: Петръ не любилъ французовъ и не оказывалъ никакого предпочтенія французскому языку [54]; а между тѣмъ мы знаемъ, какое вліяніе нравы и языкъ этого народа стали пріобрѣтать въ русскомъ воспитаніи и общественной жизни лѣтъ черезъ двадцать послѣ смерти Петра, при его дочери, и какъ это вліяніе до послѣдняго времени все усиливалось, все болѣе и болѣе отчуждая русскихъ отъ своего собственнаго, народнаго. Петръ Великій указалъ своей странѣ цѣль и путь; потомству предлежала задача умѣть пользоваться указаніемъ. Дѣло воспитанія всегда начинается заимствованіями, усвоеніемъ наружныхъ пріемовъ; лишь мало-по-малу образованіе становится самостоятельнѣе, далѣе и глубже пускаетъ корни. Внѣшнія приманки честолюбію могутъ быть отмѣнены, когда сдѣлаются ненужными; но Петръ зналъ людей, когда установлялъ табель о рангахъ. Притомъ она служила къ проведенію начала, прямо противоположнаго мѣстничеству, котораго остатки еще держались въ понятіяхъ о службѣ; въ табели о рангахъ нѣкоторые иностранные историки видятъ самое либеральное учрежденіе, такъ какъ она всѣмъ, независимо отъ ихъ происхожденія, открыла путь къ достиженію одною личной заслугой высшихъ служебныхъ успѣховъ [55]. Не внѣшнія отличія въ обликѣ и одеждѣ отдалили высшіе классы отъ народа: взаимное отчужденіе произошло отъ другихъ, болѣе глубокихъ причинъ, и главною изъ нихъ было крѣпостное состояніе, къ облегченію котораго Преобразователь уже придумывалъ мѣры [56].

Въ какой бы сферѣ дѣятельности мы ни стали наблюдать Петра, вездѣ онъ намъ явится ищущимъ истинной, существенной пользы; собственный его бытъ, привычки, вся его личность лучше всего могутъ удостовѣрить насъ, что онъ во всемъ постоянно и серьезно стремился не къ поверхностно-блестящему, а къ дѣйствительно-важному. Особенно видно это въ той области народной жизни, на которую въ послѣдніе годы царствованія Петра преимущественно было обращено его вниманіе. Я разумѣю народную нравственность. Понимая, что она зиждется на религіозномъ образованіи, на понятіяхъ и вѣрованіяхъ народа, онъ посвятилъ всѣ свои усилія, всю свою энергію этимъ основамъ духовнаго развитія, опираясь въ томъ на своего просвѣщеннѣйшаго сотрудника, Ѳеофана Прокоповича.

Памятникомъ ихъ совокупныхъ усилій въ этомъ дѣлѣ остается знаменитый „Духовный Регламентъ“, составленный Ѳеофаномъ по

мыслямъ Петра, трудъ, достойный изученія въ самомъ отдаленномъ потомствѣ, показывающій, какъ высоко надъ своимъ вѣкомъ стояли и Государь и святитель по своимъ понятіямъ. Извѣстно, что это узаконеніе издано по поводу учрежденія синода [57]. Поэтому въ книгѣ прежде всего подробно объясняется значеніе этой мѣры. Главною причиною откровенно представлена опасность двудержавія при патріаршествѣ: простой народъ не понимаетъ различія между высшей духовной и свѣтской властью, и поражаясь великою честью верховнаго пастыря, считаетъ его равносильнымъ монарху или даже ставитъ выше; такимъ заблужденіемъ могутъ воспользоваться властолюбивые духовные или другіе коварные люди въ случаѣ столкновенія между обѣими властями. А что будетъ, если и самъ пастырь захочетъ обратить себѣ въ пользу такое мнѣніе о своемъ санѣ [58]?

Все остальное содержаніе „Регламента" направлено къ искорененію суевѣрій, ложныхъ понятій и вредныхъ обычаевъ, къ образованію народа ученіемъ, проповѣдью, возбужденіемъ къ труду и добрымъ примѣромъ. Послѣ объясненія цѣли учрежденія синода, разсматриваются дѣла, ему подлежащія, и именно сперва дѣла общія всѣмъ, какъ духовнымъ, такъ и мірянамъ, какъ высокопоставленнымъ лицамъ, такъ простолюдинамъ. Здѣсь указываются разнаго рода заблужденія, напр. ложно-вымышленныя исторіи о святыхъ, либо противныя православному ученію, либо бездѣльныя, смѣха достойныя повѣсти, которымъ простой народъ однакоже вѣритъ, когда онъ „не можетъ между деснымъ и шуимъ разсуждать, но что-либо видитъ въ книгѣ написанное, того крѣпко и упрямо держится" [59]. Тутъ затронуты также нелѣпыя повѣрья и обычаи, напр. празднованіе каждой пятницы или преданіе кіево-печерскаго монастыря, что погребенный тамъ человѣкъ, хотя бы онъ и безъ покаянія умеръ, непремѣнно будетъ спасенъ.

Далѣе разсуждается объ обязанностяхъ духовенства поучать народъ словомъ Божіимъ. Въ Регламентѣ разсѣяны многія черты, показывающія низкую степень образованія тогдашнихъ духовныхъ. Они по грубости нравовъ мало отличались отъ народа: публично предавались пьянству, являясь нетрезвыми даже въ храмахъ, участвовали въ кулачныхъ бояхъ и проч. [60]. Не всякій даже епископъ былъ въ состояніи сочинить слово, которое обязанъ былъ произносить во время объѣзда епархіи, и потому на такіе случаи предписывалось приготовить слово въ синодѣ для прочтенія епископомъ въ посѣщаемыхъ имъ церквахъ [61]. Но въ Регламентѣ выражена надежда, что „въ Россіи, помощію Божіею, скоро и отъ духовнаго чина грубость отпадетъ" [62]. Такъ какъ, при многочисленности православнаго люда, недостаетъ священниковъ, которые бы могли наизусть проповѣдывать „догматы и законы священнаго писанія", то признано необходимымъ издать небольшія общепонятныя книжки. Онѣ должны содержать все нужное къ народному наставленію и по частямъ читаться въ церкви. Ихъ

нужно три: 1-я, о главнѣйшихъ спасительныхъ догматахъ вѣры и заповѣдяхъ; 2-я, объ особенныхъ всякаго сословія обязанностяхъ; 3-я будетъ состоять изъ собранія проповѣдей. Книги были и прежде, говорится въ Духовномъ Регламентѣ, но онѣ писаны на еллинскомъ языкѣ, а славянскій переводъ ихъ сталъ теменъ, и его съ трудомъ разумѣютъ даже люди обученные, а „простымъ невѣжамъ онъ и вовсе непостижимъ". Поэтому новыя книжки будутъ написаны просторѣчіемъ [63]. Мысль эта была отчасти уже исполнена передъ появленіемъ Регламента: въ 1720 году Ѳеофанъ папечаталъ букварь съ молитвенникомъ подъ заглавіемъ: „Первое ученіе отрокамъ", которое и было потомъ употребляемо при преподаваніи грамоты не только духовнымъ, но и мірянамъ. Остальныя книжки не были изданы при Петрѣ. За годъ до своей смерти онъ собственноручной запиской напоминалъ синоду о необходимости сдѣлать, т. е. издать „краткія поученія людямъ", между прочимъ и катихизисъ [64].

Епископамъ Духовный Регламентъ вмѣняетъ въ обязанность имѣть при архіерейскихъ домахъ школы для священническихъ дѣтей, и только обученные въ этихъ школахъ могутъ быть допускаемы къ священству; за поставленіе же въ священники и въ монахи необученнаго епископъ подвергается наказанію [65]. При правилахъ о новыхъ училищахъ помѣщена любопытная апологія ученія, гдѣ между прочимъ отрицается, чтобы отъ него могли происходить ереси: когда врачъ опоитъ отравою, нельзя винить въ томъ врачебную науку; а когда „ученый солдатъ хитро и сильно разбиваетъ, того виновно есть ученіе воинское". Въ доказательство пользы образованія, приводятся примѣры изъ исторіи. Ученіе доброе и основательное названо корнемъ и сѣменемъ и основаніемъ всякой пользы какъ отечества, такъ и церкви. Дурное, мечтательное ученіе пораждаетъ только высокомѣріе: вкусившіе его бываютъ глупѣе неученыхъ, считаютъ себя всезнающими, не хотятъ болѣе ни читать книгъ, ни учиться, тогда какъ, напротивъ, „прямымъ ученіемъ просвѣщенный человѣкъ никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, но не престанетъ никогда же учитися, хотя бы онъ и Маѳусалевъ вѣкъ пережилъ". Къ характеристикѣ „неосновательныхъ мудрецовъ" прибавлены еще слѣдующія черты: они подобострастны передъ властями, ненавидятъ равныхъ, завидуютъ истинно-образованнымъ, которыхъ при всякомъ случаѣ готовы обнесть, склонны къ возмущенію и проч. [66].

Кромѣ училищъ при архіерейскихъ домахъ, предположено учредить духовную академію, въ которой могутъ учиться и дѣти мірянъ, а при академіи — семинарію. Послѣ подробнаго изложенія правилъ объ ученіи и испытаніяхъ въ этихъ заведеніяхъ, слѣдуютъ правила о проповѣди, касающіяся не только самой сущности дѣла, но также наружныхъ пріемовъ на каѳедрѣ и поведенія проповѣдника внѣ церкви: ему предписывается простота, смиренномудріе, запрещается

мстить противникамъ своимъ рѣзкими выходками и намеками въ проповѣдяхъ, хвалиться въ обществѣ своими успѣхами и т. п. [67].

Въ начертаніи обязанностей духовныхъ начальниковъ особеннаго вниманія заслуживаетъ наставленіе о правильномъ вспоможеніи нищимъ: „Многіе бездѣльники при совершенномъ здравіи за лѣность свою пускаются на прошеніе милостыни и поміру ходятъ безстудно и иные же въ богадѣльни вселяются посулами у старостъ, что̀ есть богопротивное и всему отечеству вредное: отъ сего скудость и до̀рогъ бываетъ хлѣбъ“. Законодатель напоминаетъ, сколько тысячъ въ Россіи такихъ тунеядцевъ, которые нахальствомъ и лукавымъ смиреніемъ чужіе труды поѣдаютъ, получая подаяніе въ ущербъ истинно-нуждающимся. Яркими красками описывается вредъ, наносимый обществу этими порочными людьми, изъ которыхъ многіе дѣлаются разбойниками, зажигателями, возмутителями, другіе искажаютъ своихъ младенцевъ, чтобы обмануть милосердіе [68]. Противъ подобныхъ нищихъ-бродягъ Петръ еще въ началѣ столѣтія (1705) издалъ строгій законъ, повелѣвающій ловить ихъ, отбирать деньги, а самихъ приводить въ монастырскій приказъ для наказанія, равно какъ и тѣхъ, которые будутъ подавать имъ милостыню: кто хочетъ помогать нищимъ, пусть даетъ въ богадѣльни [69]. Теперь синоду вмѣнено въ обязанность озаботиться о средствахъ къ искорененію этого зла.

Къ Духовному Регламенту присоединено изданное нѣсколько позднѣе *прибавленіе* о духовенствѣ и монашествѣ. Здѣсь частію развиты подробнѣе прежнія правила, частію включены новыя. Такъ напр. предписано испытывать ставлениковъ и не опредѣлять тѣхъ изъ нихъ, которые окажутся ханжами, лицемѣрами или суевѣрами, разсказывающими сны и видѣнія. Чтобы священникъ зналъ, какъ въ разныхъ случаяхъ исполнять свои обязанности, должны быть написаны на каждый случай особыя статьи, которыя бы онъ могъ говорить наизусть или по книжкѣ читать больному, умирающему, ведомому на казнь и проч. Такія наставленія признаны нужными, „покамѣстъ подастъ Богъ увидѣть въ Россіи совершенное ученіе“ [70]. Въ то же время запрещено приглашать священниковъ на домъ для службы, и всякое вымогательство, съ ихъ стороны, высокой платы за требы объявлено противозаконнымъ [71].

Особенно важны приложенныя къ Регламенту постановленія о монашествѣ. Давно уже Петръ Великій старался ограничить какъ число монастырей и монаховъ, такъ и вкравшіяся въ монастырскую жизнь злоупотребленія, предметъ общихъ жалобъ. Преобразованія въ этомъ смыслѣ начались съ учрежденія монастырскаго приказа въ 1701 году. Вскорѣ запрещено было постригать кого бы ни было безъ царскаго указа; для лучшаго исполненія иноческаго обѣта отобраны у монашествующихъ вотчины и угодья; въ замѣнъ того каждому монаху назначено вознагражденіе частью деньгами, частью въ натурѣ [72]. Съ

изданіемъ Духовнаго Регламента опредѣленъ возрастъ, ранѣе котораго нельзя постригаться, — для мужчинъ 30 лѣтъ, для женщинъ 50; служащіе военные люди вовсе не допускаются къ монастырскому житію и т. д. Всякому постриженію долженъ предшествовать трехлѣтній искусъ или послушничество. Настоятели не должны позволять монахамъ оставаться праздными, но всегда занимають ихъ какимъ-нибудь дѣломъ. При этомъ замѣчено, что хорошо бы завести въ монастыряхъ ремесла, напр. столярное и иконописное. По всѣмъ обителямъ опредѣлено учить иноковъ чтенію и объяснять имъ священное писаніе; вообще установлены правила для честнаго монашескаго житія [73]. Впослѣдствіи предписано, чтобъ число вновь принимаемыхъ не превышало числа выбывающихъ и чтобъ отставные солдаты были въ этомъ случаѣ предпочитаемы всякому другому.

Заботы объ очищеніи религіозныхъ понятій и о преобразованіи монастырей занимали Петра и послѣ изданія Духовнаго Регламента, въ остальные годы его жизни, особенно послѣ возвращенія изъ персидскаго похода. Въ народѣ было распространено лицемѣріе и ханжество. Петръ давно намѣревался издать обличительную книгу противъ ханжей, и наконецъ самъ составилъ для такого сочиненія программу, въ которой, указавъ порознь грѣхи противъ каждой заповѣди, вывелъ заключеніе, что всѣми ими вмѣстѣ осуждается и лицемѣріе, хотя оно ни въ одной изъ нихъ не названо по имени: „сей грѣхъ всѣ вышеписанные въ себѣ содержитъ“, говоритъ Петръ и развиваетъ эту мысль въ примѣненіи къ каждой заповѣди. По этой программѣ Ѳеофанъ написалъ задуманную Государемъ книгу о блаженствахъ, которая и была напечатана [74]. Замѣчательно, что ненависть къ ханжамъ проявилась уже въ шестнадцатилѣтнемъ Петрѣ: видя при дворѣ своей невѣстки, царицы Прасковьи Ѳедоровны, юродивыхъ и пустосвятовъ, которымъ оказывали уваженіе какъ святымъ и пророкамъ, молодой царь назвалъ этотъ дворъ госпиталемъ уродовъ и лицемѣровъ. Во всю жизнь онъ любилъ разоблачать обманы, подлоги и ложныя чудеса, которыми корыстолюбивые святоши старались выманивать деньги у легковѣрныхъ [75].

Къ монашеству Петръ относился все болѣе и болѣе неблагосклонно: въ особой запискѣ, разсмотрѣвъ происхожденіе его и значеніе, онъ замѣтилъ, что монахи большею частію тунеядцы и корень всему злу праздность. „Прилежатъ ли же разумѣнію Божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ: молятся, то и всѣ молятся, и сію отговорку отвергаетъ Василій святой. Что же прибыль обществу отъ сего? Воистину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть“ [76]. Поэтому монастырямъ поставлялась на будущее время двоякая общеполезная цѣль: исполнять человѣколюбивыя обязанности и замѣщать изъ среды братіи церковныя должности. Ровно

за годъ до своей кончины Петръ подписалъ указъ, составленный имъ по этой мысли при участіи Ѳеофана: тутъ монастырямъ дается между прочимъ назначеніе пристанищъ для подкидываемыхъ младенцевъ, для престарѣлыхъ, больныхъ и увѣчныхъ; наконецъ въ монастыряхъ же должны быть учреждаемы школы [77]. Вскорѣ приняты были и мѣры къ исполненію этихъ предположеній; но смерть Монарха разстроила дѣло въ самомъ началѣ, и „все оное, по словамъ историка Татищева, въ забвеніи осталось“ [78].

Я позволилъ себѣ остановиться особенно на Духовномъ Регламентѣ и послѣдующемъ развитіи выраженныхъ въ немъ идей, чтобы показать, какое глубокое значеніе имѣла просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго. Таково же было и все его обширное и многосложное законодательство; вездѣ онъ преслѣдовалъ высшую цѣль — пробудить и направить духовныя силы своего народа, заставить его учиться и работать, распространить здравыя понятія и вызвать самодѣятельность, словомъ сообщить народу ту же предпріимчивость, то же стремленіе къ лучшему, какими оживленъ былъ самъ великій Вождь его. Можно было бы доказать это подробнымъ разборомъ законовъ и учрежденій Петра Великаго, перечисленіемъ множества основанныхъ или задуманныхъ имъ училищъ [79] и проч. Но все это трудно было бы совмѣстить въ одномъ чтеніи, и я спѣшу перейти къ краткому очерку той дѣятельности Петра, которая прямо относилась къ задачѣ распространенія знаній путемъ литературы.

Понятно, что въ обществѣ, гдѣ грамотность была еще только достояніемъ немногихъ, книжное дѣло не могло получить большого развитія и значенія. Но тутъ на помощь Преобразователю является другое орудіе — устное слово. Составитель Духовнаго Регламента архіепископъ Ѳеофанъ былъ и вообще ближайшимъ сотрудникомъ Петра въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, посредникомъ между имъ и народомъ въ объясненіи и оправданіи преобразовательныхъ идей и начинаній Государя. Не будучи предсѣдателемъ синода, занимая въ немъ второстепенное мѣсто члена, Ѳеофанъ, во всѣхъ преобразованіяхъ Петра, является однако же возлѣ первоначальника ихъ, могучимъ словомъ пролагаетъ имъ путь въ жизнь и дѣло.

Нельзя не подивиться прозорливости, съ какою Петръ еще до полтавской побѣды умѣлъ угадать и приблизить къ себѣ этого родственнаго ему по генію и характеру, по любознательности и всѣмъ стремленіямъ человѣка, перваго по учености въ тогдашней Россіи и одного изъ первыхъ въ цѣлой Европѣ. Воспитанный въ Римѣ, но вооруженный всѣми средствами науки, таланта и душевной энергіи противъ козней папизма, заклятый врагъ іезуитовъ, Ѳеофанъ началъ свое поприще профессорскою каѳедрой въ кіевской духовной академіи и уже тутъ, новымъ духомъ преподаванія, враждебнымъ схоластикѣ, показалъ себя передовымъ дѣятелемъ въ наукѣ [80]. Вполнѣ приготовленный такимъ

образомъ къ пониманію великихъ замысловъ своего Государя, Ѳеофанъ всѣмъ сердцемъ предался ему и сталъ повѣреннымъ его задушевныхъ думъ, восторженнымъ цѣнителемъ его дѣлъ, рьянымъ противникомъ невѣжества и застоя. Его проповѣди и еще выше ихъ стоящія похвальныя слова его часто исполнены ироніи и принимаютъ характеръ сатиры на современные нравы; выставляя на позоръ предразсудки и суевѣрія, отличаясь по таланту автора отъ прежнихъ произведеній этого рода, онѣ становятся на почву живой дѣйствительности и руководятъ мнѣніемъ толпы. По справедливому замѣчанію г. Самарина, проповѣди Ѳеофана напоминаютъ писателей первыхъ временъ реформаціи, которые также боролись съ упорнымъ невѣжествомъ и въ чувствѣ своей силы предвидѣли успѣхъ борьбы [81]. Вотъ напр. какъ Ѳеофанъ характеризуетъ нѣкоторыхъ изъ своихъ собратій: „До того пришло и въ тѣ мы времена родились, когда, слѣпые слѣпыхъ водятъ, самые грубѣйшіе невѣжды богословствуютъ и догматы смѣха достойные пишутъ, ученія бѣсовскія предаютъ, и въ преданіи бабьимъ баснямъ скоро вѣруется, прямое же и основательное ученіе не только не получаетъ вѣры, но и гнѣвъ, вражду, угрозы вмѣсто возмездія пріемлетъ". — Оправдывая введеніе лѣтосчисленія съ 1-го января, онъ осмѣиваетъ раскольниковъ, которые, для охужденія этой новизны, прибѣгаютъ, по его словамъ, и къ физикѣ, и къ грамматикѣ, и къ географіи, и къ ариѳметикѣ, и къ архитектурѣ, и къ музыкѣ, и къ мануфактурѣ, и къ хиромантіи. „Что же? спрашиваетъ онъ: чудо было бы, еслибъ они оставили хронологію: не оставили, ибо перенесенное отъ сентеврія на генварь новолѣтіе, которое уставилъ державнѣйшій Монархъ нашъ лучшаго ради сословія съ народами европейскими въ контрактахъ и трактатахъ, такожъ и для порядку чиновъ государства своего, наипаче же дла исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія, ставятъ въ великую ересь понамари апостати, и погубленіемъ лѣтъ Божіихъ нарицаютъ". Въ другой разъ Ѳеофанъ превозноситъ пользу путешествій, доказывая ее примѣромъ самого Государя. Въ словѣ на миръ съ Швеціею, разсуждая о благотворныхъ послѣдствіяхъ, какихъ можно ожидать отъ прекращенія войны, ораторъ ловко касается важнѣйшихъ общественныхъ недуговъ. Надежды, по его мнѣнію, могутъ осуществиться только при слѣдующихъ условіяхъ: если не будетъ расхищенія государственныхъ интересовъ, если не будетъ въ судахъ тлетворнаго пристрастія и злодѣйственныхъ взятокъ, если переведется многое множество тунеядцевъ, искоренятся татьбы и разбои, и искусство экономическое заведется; если, отложа высокое объ насъ мнѣніе, гнушаться начнемъ грубости и невѣжества, и дѣтямъ нашимъ (ревнуя прочимъ честнымъ народамъ) лучшаго во всемъ исправленія пожелаемъ [82]. Въ сатирическихъ выходкахъ Ѳеофана можно иногда отыскать личные намеки, и это встрѣчается у него не въ однѣхъ рѣчахъ, но и въ другихъ сочиненіяхъ,

даже въ Духовномъ Регламентѣ, гдѣ напр. въ изображеніи нестройныхъ тѣлодвиженій оратора на каѳедрѣ современники узнали пріемы Стефана Яворскаго [83].

Сочиненія Ѳеофана служатъ важнымъ литературнымъ памятникомъ петровскаго времени, можно бы сказать, важнѣйшимъ, еслибъ не было еще болѣе драгоцѣннаго: это — произведенія пера самого Государя: его указы и прочіе законодательные труды, его историческія замѣтки и записки, наставленія и наконецъ письма — все это замѣчательно не только въ политическомъ, но и въ другихъ отношеніяхъ. Извѣстно, что большая часть государственныхъ актовъ его царствованія писаны имъ самимъ или подъ непосредственнымъ его руководствомъ. Изученіе Петра съ этой стороны составляетъ почти нетронутую еще задачу будущихъ его историковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ великій монархъ, ко всему прилагавшій собственный трудъ, принимаетъ непосредственное участіе въ возникающемъ книжномъ и типографскомъ дѣлѣ. При всѣхъ своихъ безчисленныхъ реформахъ, при военныхъ дѣйствіяхъ, занявшихъ почти половину его жизни, онъ умѣлъ находить время и для неусыпныхъ заботъ объ изданіи книгъ. Мы видимъ его безпрерывно дѣятельнымъ для этой цѣли: онъ выбираетъ книги для переводовъ, пріискиваетъ и руководитъ переводчиковъ, заказываетъ имъ работы, исправляетъ ихъ слогъ, направляетъ развитіе письменнаго языка; онъ же заводитъ типографіи, улучшаетъ шрифты, наконецъ установляетъ новую гражданскую печать.

Такимъ образомъ Петръ Великій положилъ начало и русской свѣтской литературѣ. Конечно, изданныя при немъ книги по большей части не представляютъ ни научнаго достоинства, ни живого интереса: это элементарныя руководства, написанныя тяжелымъ, неправильнымъ языкомъ, безъ всякаго оттѣнка изящнаго; они собственно не составляютъ даже литературы, какъ выразительницы современнаго общества; если при Петрѣ какой-либо отдѣлъ сочиненій заслуживаетъ этого названія, то развѣ только отдѣлъ правительственной литературы, также произведенія Ѳеофана и нѣкоторыхъ другихъ духовныхъ. Тогдашнія свѣтскія книги наши не болѣе какъ лепетъ начинающаго говорить младенца. Но и эти слабыя попытки науки были нужны какъ первая ея ступень, какъ сѣмя для будущаго питательнаго или роскошнаго плода.

Полная картина этой зараждающейся свѣтской литературы представлена нашимъ уважаемымъ сочленомъ П. П. Пекарскимъ въ обширномъ изслѣдованіи „Наука и литература при Петрѣ Великомъ". Въ этой картинѣ самымъ живымъ лицомъ, душою всего дѣла является самъ Петръ, не только какъ двигатель, но и какъ творецъ нашей первоначальной книжной литературы, проложившій своими заботами путь славнѣйшему ея дѣятелю, Ломоносову, и всѣмъ за нимъ послѣдовавшимъ.

Любопытно, что старанія Петра о переводахъ начались почти съ дѣтства его. Сохранился въ рукописи переводъ объ артиллерійскомъ

и фейерверочномъ искусствѣ, съ означеніемъ на немъ 1685 года (т. е. когда Петру было всего 13 лѣтъ) и съ отмѣткою, что переводъ сдѣланъ по повелѣнію царя Петра Алексѣевича [84].

Характеромъ всей дѣятельности Петра объясняется тотъ знаменательный фактъ, что колыбелью русской свѣтской литературы и гражданской печати сдѣлалась не Москва, а западная Европа. Въ Голландіи не только печатались, но и переводились наши новыя книги научнаго содержанія. Первымъ исполнителемъ плановъ Петра въ этомъ отношеніи былъ жившій тамъ уроженецъ нынѣшей западной Россіи Копьевичъ. Въ Амстердамѣ книги его нѣкоторое время печатались славянскими буквами; тамъ же былъ отлитъ въ первые годы 18-го столѣтія и новый гражданскій шрифтъ, которымъ въ 1708 г. стали печатать въ Москвѣ. Извѣстно, что о происхожденіи этого шрифта нѣтъ положительныхъ свѣдѣній: мы не знаемъ въ точности ни времени, ни обстоятельствъ его изобрѣтенія. Пробѣгая книги, напечатанныя въ Голландіи по-славянски, и встрѣчая въ нихъ иногда, особливо въ заглавіяхъ и въ курсивахъ, слова и цѣлыя строки, отличающіяся округлостію и напоминающія нынѣшнюю печать — невольно приходишь къ догадкѣ, что мысль о гражданской азбукѣ развилась въ Петрѣ постепенно при просмотрѣ этихъ книгъ, такъ что, наконецъ, онъ составилъ или повелѣлъ составить цѣлый русскій алфавитъ по образцу тѣхъ буквъ, которыя своею простотою, своимъ сходствомъ съ латинскимъ шрифтомъ особенно ему нравились [85].

Для перевода книгъ употребляемы были Петромъ частію духовные, въ средѣ которыхъ до его времени сосредоточивалась вся книжная образованность, частію свѣтскія лица. Духовныхъ переводчиковъ находилъ онъ то въ московской славяно-греко-латинской академіи, какъ напр. ректора ея Лопатинскаго, то въ монастыряхъ, то въ кіевской академіи, которой давались порученія при посредствѣ кіевскаго губернатора, князя Д. М. Голицына. Къ тому же разряду переводчиковъ принадлежали греки, братья Лихуды, когда они были въ Новгородѣ при школѣ Іова, и другія лица, занимавшіяся тамъ подъ надзоромъ этого митрополита. По учрежденіи синода, Петръ сталъ возлагать на это духовное собраніе переводъ нѣкоторыхъ книгъ, предоставляя ему выборъ способныхъ къ этому дѣлу людей. Такъ, изъ синода было поручено Бужинскому перевести „внятно и хорошимъ штилемъ" сочиненіе Пуффендорфа о должности человѣка и гражданина, а типографскому справщику Ал. Барсову — сочиненіе Аполлодора о языческой религіи; книга о сельскомъ и полевомъ хозяйствѣ нѣмцевъ была переведена двумя синодальными переводчиками Розенблутомъ и Козловскимъ. Кромѣ ихъ, переводчиками изъ *міряпъ*, при Петрѣ Великомъ, были: 1) иностранцы, давно служившіе въ Россіи, какъ Виніусъ, который переводилъ: уставъ судебныхъ воинскихъ законовъ, механику, фортификацію, артиллерію и голландскій лексиконъ; 2) справщикъ, а

послѣ директоръ московской типографіи Поликарповъ; 3) лица, находившіяся на службѣ при посольскомъ приказѣ, какъ напр. братья Шафировы; 4) шведы, попавшіе въ плѣнъ, изъ числа которыхъ одинъ извѣстный переводчикъ, Шиллингъ, служилъ также при посольскомъ приказѣ; и наконецъ 5) русскіе, находившіеся за границею по повелѣнію Царя или получившіе тамъ воспитаніе и потомъ служившіе переводчиками при томъ же приказѣ, а позднѣе въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, какъ напр. князь Долгорукій, Петръ Андреевичъ Толстой и Иванъ Зотовъ [86].

Въ заботахъ Петра Великаго о переводѣ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, особеннно замѣчательно его стараніе привлечь къ тому западныхъ славянъ, отъ которыхъ онъ ожидалъ въ этомъ дѣлѣ значительнаго облегченія по ихъ превосходству надъ нами въ образованіи и по родству ихъ языковъ съ русскимъ [87]. Это было, впрочемъ, только дальнѣйшимъ развитіемъ мысли, уже давно заставлявшей Москву искать въ своихъ умственныхъ нуждахъ помощи въ Малороссіи и Кіевѣ; разница состояла въ томъ, что до Петра позволяли себѣ приглашать только единовѣрцевъ; онъ же не обращалъ вниманія на религію полезныхъ ему людей. Сначала Петръ избираетъ такимъ образомъ, для перевода и печатанія русскихъ книгъ, бѣлорусса или поляка, по исповѣданію реформата, Копьевича. Потомъ онъ обращается для переводовъ къ западнымъ славянамъ, впрочемъ, надобно замѣтить, не по какому-либо племенному пристрастію, а съ чисто-утилитарною цѣлью, такъ же точно, какъ онъ въ другихъ случаяхъ обращался къ голландцамъ, нѣмцамъ или шведамъ. Въ отношеніи къ южнымъ или придунайскимъ славянамъ Петръ имѣлъ другія основанія сочувствія — именно единовѣріе и политику. Во время первой турецкой войны посланный на конгрессъ Возницынъ писалъ Государю: „Еслибъ дойтить до Дуная, не только тысячи, — тмы нашего народа, нашего языка, нашей вѣры, и всѣ миру не желаютъ“. Въ 1710 году Петръ отправилъ сербскаго полковника Милорадовича для подъятія противъ Порты черногорцевъ, съ грамотою, въ которой обѣщалъ имъ награды и привилегіи за службу: „ибо мы себѣ иной славы не желаемъ, токмо да возможемъ тамошніе христіанскіе народы отъ тиранства поганаго освободить, православныя церкви тамо украсить и животворный крестъ возвысить“ [88].

Представителемъ приверженности южныхъ славянъ къ Россіи при Петрѣ Великомъ является „иллирійскій шляхтичъ“ Савва Рагузинскій, который сначала тайно помогалъ въ Константинополѣ нашему послу Толстому, а позднѣе дѣйствовалъ заодно съ нами вооруженною рукою въ Польшѣ и въ Молдавіи. Переселившись въ Россію, онъ за вѣрную службу получилъ торговыя привиллегіи, но занимался въ то же время литературою и между прочимъ перевелъ на русскій языкъ извѣстное сочиненіе Орбини Il regno degli Slavi (Царство Славянъ)

подъ заглавіемъ „Книга исторіографія". Переводъ этотъ напечатанъ въ 1722 году [89]. Мы не знаемъ, былъ ли онъ предпринятъ по вызову Петра, но имѣемъ положительное свѣдѣніе о порученіи переводовъ западнымъ славянамъ.

Переводчики пріискивались въ Прагѣ: Петръ писалъ въ Вѣну своему повѣренному въ дѣлахъ Аврааму Веселовскому о наймѣ приказныхъ „невысокихъ чиновъ" изъ Бемцевъ, Шленцевъ или Моравцевъ (т. е. чеховъ, лужичанъ, моравовъ), „которые знаютъ по-славянски", велѣлъ отыскать универсальные лексиконы и книгу юриспруденцію, потомъ съѣздить въ Прагу и тамъ въ іезуитскихъ школахъ условиться съ учителями о переводѣ какъ этихъ, такъ и другихъ книгъ: „и понеже, писалъ Государь, нѣкоторыя рѣчи ихъ несходны съ нашимъ словенскимъ языкомъ, и для того можемъ къ нимъ прислать русскихъ нѣсколько человѣкъ, которые знаютъ по-латыни и лучше могутъ несходныя рѣчи на нашемъ языкѣ изъяснить". Вслѣдствіе того и были посланы въ Прагу два ученика славяно-латинскихъ школъ (московской духовной академіи) и монахъ Спасскаго монастыря Ѳеофилъ Кроликъ, къ которымъ позднѣе велѣно присоединить еще одного или двухъ переводчиковъ изъ Москвы или изъ *кіевскихъ чернецовъ*. Послѣ оказалось, какъ писалъ Веселовскій, что предварительно переводить на чешскій языкъ излишне, такъ какъ изъ русскихъ переводчиковъ одинъ (Кроликъ) настолько примѣнился къ нѣмецкому, что самъ съ него переводитъ безъ всякой трудности, а другой съ чешскаго переводить и всего разумѣть не можетъ. „Итако, прибавлено въ донесеніи, за чешскій языкъ деньги платятся токмо напрасно, ибо мочно то чинить въ россійскомъ государствѣ безъ многаго иждивенія" [90].

Чехами же Петръ думалъ воспользоваться для улучшенія русскаго театра. Въ 1720 году Ягужинскому, бывшему въ Вѣнѣ, дано было порученіе пригласить въ Петербургъ нѣсколько актеровъ изъ Праги. Встрѣтилось однакожъ затрудненіе пріискать достаточное число искусныхъ въ театральномъ дѣлѣ чеховъ, а тѣ немногіе, которые соглашались ѣхать, запросили слишкомъ высокую цѣну. Чѣмъ кончились эти переговоры, неизвѣстно [91]. Наконецъ, здѣсь же слѣдуетъ упомянуть и о видахъ Петра на славянъ въ отношеніи къ ученому образованію русскихъ. Въ проектѣ учрежденія академіи наукъ предполагалось, чтобы каждый изъ приглашенныхъ въ академики привезъ съ собой одного или двухъ помощниковъ, которые бы занимались подъ его руководствомъ или готовились въ преподаватели академической гимназіи. Противъ этого мѣста Петръ приписалъ: „Надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить, а какихъ наукъ, написать именно" [92].

Какъ сильно заботы о книжномъ дѣлѣ занимали Петра, видно изъ того, что онѣ нигдѣ не покидали его [93]: даже во время походовъ, находясь въ Польшѣ, въ Ливоніи, въ Астрахани, онъ не переставалъ

думать объ этомъ и посылалъ оттуда свои приказанія и наставленія переводчикамъ. Не разъ онъ и въ часы увеселеній заводилъ рѣчь о любимомъ предметѣ. Такъ, въ 1718 году управлявшій монастырскимъ приказомъ Мусинъ-Пушкинъ писалъ къ Поликарпову, что былъ спрошенъ Государемъ на свадьбѣ у князя П. Голицына, „отчего по сю пору не переведена книга Виргилія Урбина о началѣ всякихъ изобрѣтеній, — книга небольшая, а такъ мѣшкаете". Иногда подобныя требованія Петра сопровождались угрозами. Однажды, повторяя многократное напоминаніе такого рода, Мусинъ-Пушкинъ писалъ Поликарпову: „нынѣ великій Государь приказалъ, ежели не переведутъ книгъ, лексикона и прочихъ, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведутъ".

При этомъ всѣ отрасли знаній, какъ теоретическихъ, такъ и практическихъ, попеременно составляли предметъ заботливости Петра; между прочимъ онъ обратилъ вниманіе на исторію и географію России. Было уже упомянуто, что въ русской исторіи онъ пристрастился еще въ дѣтствѣ. Кіевскій Синопсисъ, единственный до него изданный сборникъ разныхъ сказаній о прошломъ Россіи, не могъ удовлетворять Царя, и въ 1708 году Поликарповъ получилъ чрезъ Мусина-Пушкина приказаніе (оставшееся впрочемъ безъ исполненія) составить русскую исторію отъ начала царствованія Василія Ивановича до настоящаго времени. Замѣчательно наставленіе Мусина-Пушкина Поликарпову, что „его царское величество желаетъ вѣдать" собственно русскую исторію, „а не о началѣ свѣта и другихъ государствахъ, понеже о семъ много писано. И того ради надобно тебѣ изъ русскихъ лѣтописцевъ выбирать и въ согласіе приводить прилежно. О семъ имѣй стараніе, да имаши получить немалую милость; отъ гнѣва же да сохранитъ тебя Боже!" Въ послѣднее пятилѣтіе царствованія Петра сдѣланы были имъ два важныя распоряженія о собираніи по всему государству, по монастырямъ и соборамъ всѣхъ епархій, рукописныхъ источниковъ русской исторіи, — лѣтописей, хронографовъ, грамотъ, писемъ и т. п. По указу 1720 г. такіе документы должны были присылаться въ сенатъ, а вслѣдствіе указа 1722 г., для той же цѣли отправлены были отъ синода нарочные. Распоряженія эти не привели однакоже къ значительнымъ результатамъ.

На изданіе географическихъ картъ и описаніе разныхъ мѣстностей Россіи Петръ обратилъ вниманіе еще послѣ перваго своего путешествія, къ чему способствовало конечно знакомство его съ голландцемъ Витсеномъ, любителемъ и знатокомъ географіи. Еще болѣе развилась въ Петрѣ эта заботливость послѣ посѣщенія, во второе путешествіе, Парижа, когда онъ сблизился съ тамошними учеными и былъ избранъ въ члены французской академіи наукъ. Съ первыхъ годовъ 18-го столѣтія чаще и чаще даются имъ порученія изслѣдовать на мѣстахъ, снимать на карты и описывать разные болѣе или менѣе отдаленные края

Россіи. Скоро возникла у него мысль объ изготовленіи генеральной карты всего государства, и для этого адмиралу Апраксину, завѣдывавшему морской академіей, велѣно было приготовить нѣсколько учениковъ, съ тѣмъ, чтобы въ каждую провинцію послать по два человѣка, которые бы изъ снятыхъ ими мѣстныхъ картъ могли послѣ составить генеральную карту Россіи. Въ концѣ 1720 года дѣйствительно послѣдовало распоряженіе объ отправкѣ этихъ учениковъ, и по смерти Петра изданъ былъ Кирилловымъ (1726—1734) составившійся изъ ихъ трудовъ первый русскій атласъ [94].

Вотъ нѣсколько фактовъ изъ той сферы дѣятельности Петра, которая, какъ ни мало она замѣтна въ блѣскѣ его государственныхъ дѣлъ, занимаетъ почетное мѣсто въ ряду всего имъ совершеннаго. Но этотъ краткій очеркъ ея былъ бы слишкомъ неполонъ, еслибъ мы не прибавили къ нему хотя немногихъ образчиковъ литературныхъ взглядовъ Петра. Замѣтимъ, что хотя все имъ самимъ писанное довольно сильно отзывается церковно-славянскимъ элементомъ съ примѣсью полонизмовъ и особенно западно-европейскихъ словъ, однакожъ съ другой стороны языкъ его богатъ народными идіотизмами, присловьями и поговорками. Въ письмахъ своихъ онъ кромѣ того любитъ шутку, юморъ, игру словъ, картинность выраженій. Поэтому неудивительно, что Петръ уже чувствовалъ необходимость замѣнять, по крайней мѣрѣ въ книгахъ, назначенныхъ для практической пользы, славянскій языкъ просторѣчіемъ. Эта мысль не разъ выражается въ наставленіяхъ, которыя отъ имени Государя давались переводчикамъ. Такъ Мусинъ-Пушкинъ, возвращая Поликарпову переведенную имъ географію, писалъ ему, что она „переведена гораздо плохо", и прибавлялъ: „того ради исправь хорошенько не высокими словами словенскими, но простымъ русскимъ языкомъ, такожъ и лексиконы. Со всѣмъ усердіемъ явися и высокихъ словъ словенскихъ класть не надобеть, но посольскаго приказа употреби слова" [95]. Такъ же точно и вѣрный исполнитель мыслей Петра Ѳеофанъ, въ предисловіи къ упомянутому выше букварю, жаловался, что до тѣхъ поръ дѣти лишались надлежащаго воспитанія отъ того, что въ Россіи книжки для первоначальнаго обученія закону Божію были написаны славянскимъ высокимъ діалектомъ, а не просторѣчіемъ.

Въ то же время Петръ настойчиво требовалъ ясности, сжатости и простоты изложенія: онъ былъ врагъ всякаго многословія и запутанности въ мысляхъ. „Надлежитъ, говорилъ онъ своему секретарю Макарову, законы и указы писать ясно, дабы ихъ не перетолковывали" [96]. Въ переводахъ Петръ дорожилъ точною передачею смысла безъ рабскаго воспроизведенія выраженій. Осуждая темноту нѣкоторыхъ мѣстъ въ представленномъ ему рукописномъ переводѣ книги объ укрѣпленіи городовъ, онъ писалъ переводчику, сыну своего бывшаго воспитателя, Ивану Зотову (1709): „Надлежитъ вамъ остерегаться въ томъ, дабы

внятнѣе перевесть, а особливо тѣ мѣста, которыя учатъ какъ дѣлать, и не надлежитъ рѣчь отъ рѣчи хранить въ переводѣ, но точію сіи выразумѣвъ, на свой языкъ уже такъ писать, какъ внятнѣе можетъ быть". Въ другой разъ онъ такъ выразился въ собственноручной запискѣ синоду объ извѣстной намъ уже книгѣ относительно нѣмецкаго домашняго хозяйства: „Нѣмцы обыкли многими разсказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего, кромѣ самого дѣла, переводить не надлежитъ". Въ руководство Государь приложилъ и образецъ перевода, „дабы по сему книги переложены были безъ лишнихъ разсказовъ, которые время только тратятъ и чтущимъ охоту отъемлютъ" [97].

Разсмотрѣвъ нѣкоторыя изъ просвѣтительныхъ цѣлей и средствъ Петра Великаго, коснусь, въ заключеніе, вопроса: какъ относился народъ къ его дѣятельности? По тогдашнему состоянію нравовъ въ Россіи, по множеству случаевъ противодѣйствія великимъ намѣреніямъ Государя, можно бы заключить, что народъ вообще враждебно смотрѣлъ на Петра. На дѣлѣ выходитъ противное, и въ этомъ лучше всего выражается историческое призваніе русской націи. Впрочемъ, самое появленіе въ Россіи такого дѣятеля и успѣшное исполненіе его плановъ не были бы возможны безъ предрасположенія народа къ тому развитію, на путь котораго онъ былъ повидимому насильственно двинутъ Преобразователемъ. Было уже сказано, что Россія хотя медленно, но издавна подготовляема была царями къ вступленію на этотъ путь. Когда для нея наконецъ рухнули вѣковыя преграды, движеніе государственной жизни, долго сдержанное, не могло не сдѣлаться стремительнымъ; пробужденный внѣшнею силой, вызванный къ чрезвычайнымъ напряженіямъ, народъ хотя иногда и роппталъ, но смотрѣлъ на своего энергическаго Царя съ изумленіемъ и любовью, и какъ-бы безсознательно чувствовалъ великое значеніе наступившаго времени.

Неотразимымъ свидѣтельствомъ такого отношенія народа къ Петру служитъ большое число эпическихъ пѣсенъ, сложившихся въ его царствованіе и недавно изданныхъ въ Москвѣ г. Безсоновымъ [98]. Несмотря на многіе новые налоги, на тяжкія повинности и изнурительныя работы, которымъ подвергся народъ, онъ сочувственно пѣлъ подвиги безпримѣрнаго Государя и его сподвижниковъ. Вѣра въ заботливость его о народѣ выражается, напр., въ одной изъ пѣсенъ о правежѣ, въ которой послѣ описанія, какъ „били добраго молодца на жемчужномъ перекресточкѣ во морозы во крещенскіе во два прутишка желѣзные", вдругъ является самъ государь и спрашиваетъ:

„Вы за что добротнаго ка́зните,
Бьете ка́зните казнью смертною"?

вымыслъ, показывающій, какъ цѣнилъ народъ, что Петръ входилъ во всѣ нужды его, не чуждаясь общенія съ людьми всѣхъ состояній.

Въ другой пѣснѣ Петръ, „свѣтъ нашъ батюшка, первый императоръ“, ѣдетъ въ сенатъ;

Подъ нимъ лошади вороныя,
На самомъ на немъ платье чорно,
Платье чорное, да все кручинно.

Отчего же онъ въ траурѣ? Пріѣхавъ въ сенатъ, онъ пишетъ куда-то въ чужую землю объявленіе войны. Здѣсь опять кроется та же мысль объ участіи Петра въ судьбѣ подданныхъ: онъ готовится къ войнѣ, но заранѣе скорбитъ о народѣ и облекается въ трауръ.

Смерть Государя также вызвала нѣсколько особыхъ пѣсенъ, новое свидѣтельство глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго ею не только въ высшихъ сословіяхъ, но и въ простомъ народѣ по всей Россіи. Есть извѣстіе, что когда въ Успенскомъ соборѣ въ Москвѣ публично прочитанъ былъ манифестъ объ этой кончинѣ, особенно же во время панихиды, по всему храму раздались громкіе вопли: „воистину, говоритъ свидѣтель, такого ужаса народнаго отъ рожденія моего я николи не видалъ и не слыхалъ, чтó, какъ слышно, и по всѣмъ приходамъ и улицамъ по той же публикаціи чинилося“ [99].

Съ той самой поры до нашего времени не было еще въ жизни русскаго народа минуты, въ которую бы такъ единодушно и торжественно выразилось сознаніе величія Петра и благоговѣніе къ его памяти. Никогда еще Россія и не могла такъ оцѣнить дѣлъ его, какъ въ царствованіе Государя, который, по вступленіи на престолъ, прежде всего поспѣшилъ твердою рукою уничтожить важнѣйшее препятствіе къ полному обновленію русской жизни. Безъ освобожденія народа дальнѣйшее развитіе петровскихъ реформъ становилось невозможнымъ. Этимъ великимъ дѣломъ, о которомъ могли едва только мечтать и Петръ Великій и Екатерина II, открылась новая эпоха для самыхъ предначертаній Петра, новая будущность для его просвѣтительныхъ, — сознáемся, еще далеко не достигнутыхъ цѣлей. Только теперь настала нужда въ другихъ средствахъ, нежели тѣ, какія употреблялъ Петръ Великій, и эти новыя средства отчасти уже примѣняются. Русская жизнь потекла новымъ путемъ, о которомъ и не помышляли современники Петра. Но пусть многіе изъ употребленныхъ имъ способовъ для нашего вѣка уже не пригодны; пусть въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ и для своего времени ошибался: просвѣтительныя цѣли его достойны навѣки остаться для русскаго народа святымъ завѣтомъ величайшаго изъ русскихъ людей. Многія изъ этихъ цѣлей могутъ быть достигнуты только дружными усиліями всѣхъ и каждаго. Сюда относится между прочимъ обязанность стараться о распространеніи въ нашемъ обществѣ, и особенно въ молодомъ поколѣніи, тѣхъ личныхъ свойствъ, которыми въ такой высокой степени обладалъ Петръ I, какъ человѣкъ, — его трудолюбія, его энергіи и стойкости во всякомъ предпріятіи, его

стремленія ко всему существенному, его уваженія къ истинному достоинству и основательному знанію. Еслибъ эти драгоцѣнныя свойства Преобразователя Россіи сдѣлались болѣе обыкновенными въ ней явленіями, — какихъ бы громадныхъ результатовъ нельзя было ожидать отъ даровитаго русскаго народа въ культурномъ отношеніи! Великая личность Петра должна становиться болѣе и болѣе знакомою и близкою всѣмъ классамъ народа, и въ самомъ отдаленномъ потомствѣ она не утратитъ своего воспитательнаго значенія. Такой же смыслъ должно имѣть и нынѣшнее всенародное торжество, связывающее между собою двѣ славныя эпохи въ исторіи образованія Россіи. Пусть русскій народъ гордится своимъ Просвѣтителемъ не въ удовлетвореніе одного суетнаго національнаго самолюбія, но въ назиданіе самому себѣ. Что, еслибъ въ исторіи этого народа повторилась исторія жизни этого Государя, и вышелъ бы русскій народъ, подобно Петру, побѣдителемъ изъ борьбы съ недостатками своего исконнаго воспитанія? Какъ дѣтскія потѣхи Петра обратились позднѣе въ грозную воинскую силу, такъ, можетъ быть, и легкіе начатки русскаго заимствованнаго образованія перейдутъ въ серіозное, самостоятельное дѣло: Россія процвѣтетъ наукою, и, кто знаетъ? можетъ-статься, займетъ по своимъ культурнымъ успѣхамъ первенствующее мѣсто между народами міра и сдѣлается, какъ нѣкогда ея Преобразователь, провозвѣстницею просвѣтительныхъ идей и духовнаго могущества. Только тогда Россія будетъ истинно-великою державою, когда къ ея сильному матеріальному росту присоединится соразмѣрное внутреннее развитіе. Вотъ чего желалъ, о чемъ заботился Петръ. И только подъ условіемъ сознанія этой истины и стремленія осуществить ее, торжество въ память рожденія великаго Просвѣтителя можетъ быть по справедливости признано торжествомъ русскаго народа.

ПРИМѢЧАНІЯ И ССЫЛКИ.

1. И. Забѣлинъ, Опыты изученія русскихъ древностей, М. 1872. Дѣтскіе годы Петра Великаго, стр. 20 и д.

2. Сказаніе о рожденіи, о воспитаніи *и проч.* Государя Петра Перваго, изд. В. Вороблевскимъ, М. 1787, стр. 43 (Записки Крекшина).

3. П. Петровъ, Петръ Великій *и проч.* Спб. 1872, стр. 12.

4. Сказаніе *и проч.*, стр. 45.

5. В. Герье. Отношенія Лейбница къ Россіи и Петру Великому. Спб. 1871, стр. 30.

6. J. Stählin, Originalanekdoten von Peter dem Grossen. Leipzig, 1785, p. 268. Его же Записки о Петрѣ III, Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1866, кн. IV. Смѣсь, стр. 80. Соловьевъ XIV, 113.

7. Слова изъ свидѣтельства, даннаго Петру его кенигсбергскимъ учителемъ полковникомъ Штернфельдомъ. Сол. XIV, 251.

8. Временникъ Моск. Ист. Общ., кн. XVII. Сол. XIV, 360.

9. „Miratus in tanto Principe non tantum humanitatem, sed et notitiam rerum et judicium acre". (Leibnitii Epistolae ad diversos, div. Ch. Kortholt. Lips. 1734. p. 365, ep. CCVIII, ad Kortholt.). „Auch die zwei Tage, welche Peter in Herrenhausen in Erwartung des Königs von England damals zubrachte, blieb Leibnitz an seiner Seite „voll Bewunderung (drückt er sich aus) nicht nur über die Humanität, sondern auch die reichen Kenntnisse und das scharfe Urtheil bei einem solchen Fürsten". (Dr. G. E. Guhrauer, G. W. Freiherr von Leibnitz, II, 276.) Вообще письма Лейбница полны выраженій удивленія къ Петру Великому. Такъ, отъ 2 іюля 1716 онъ, между прочимъ, писалъ къ Бурге (Bourguet): „Je ne saurais assez admirer la vivacité et le jugement de ce grand Prince. Il fait venir des habiles gens de tous côtés, et quand il leur parle, ils en sont tous étonnés, tant il leur parle à propos" и проч. (Герье, Переписка Лейбница, стр. 360).

10. Слова и рѣчи Ѳеофана, II, 160. 161.

11. B. Bergmann, Peter der Grosse, VI, 72. Stählin, p. 55, 98, 196, 297.

12. Нартовъ, анекд. 66 и 126 [1]).

13. Stählin. 37. 155. Нарт., ан. 71. 142.

14. Stähl. 151. Нарт., ан. 4.

15. О такихъ памятныхъ книжкахъ, см. Голикова I, 115, XI, 492. Ср. V, 106 (2-е изд.).

16. Полн. Собр. Зак., т. IV, № 1908. Указъ 14 апр. 1702.

17. Сол. XIV, 323. Stähl. 154.

18. Забѣлинъ, 69.

19. Erman, Mém. pour servir à l'histoire de Sophie Charlotte, reine de Prusse. Berl. 1801, p. 116—121.

20. Пекарскій, Наука и Лит. при Петрѣ В., I, 9. 10.

21. Нарт. 101.

22. Въ статьѣ: „Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра В.", Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1860, кн. I.

---

[1]) Анекдоты Нартова были напечатаны два раза: въ Сынѣ Отечества 1819, ч. 54 и д., и въ Москвитянинѣ 1842, ч. II, III, IV и VI, подъ заглавіемъ: Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго. Здѣсь ссылки дѣлаются большею частью на это послѣднее изданіе, въ которомъ анекдоты полнѣе, съ указаніемъ на ихъ нумера. На Штелина ссылки дѣлаются означеніемъ страницъ.

23. Ср. Крижан. II, 240: „Въ давнихъ вѣкахъ князи нѣмецки сами бяху каты: и сами своими руками фатомъ и инымъ кривцемъ главу отрѣзоваху нѣкоими великими ножицами, каковыя ножицы и до днеска на память держятъ въ соблюденію: и славятся, кои отъ таковыхъ главорѣзцевъ свой родъ изъ давна ведутъ: яко ми есть повѣдалъ Филипъ фонъ Зеицъ полковникъ, еже де онъ самъ есть видѣлъ таковыя ножицы у Шварцебургскихъ князёвъ, и индѣ". О петровскомъ времени мѣтко выражается Державинъ: „Нравы были тверже; смерть — дѣло обыкновенное". (Соч. Держ., т. VII, стр. 345).

24. Князь Щербатовъ далѣе разсуждаетъ такимъ образомъ:

Многіе ставятъ Петру въ вину, что онъ за проступки своихъ приближенныхъ иногда своими руками наказывалъ ихъ. Щербатовъ сознается, что въ европейскихъ обычаяхъ, Петромъ же введенныхъ, это не можетъ не казаться страннымъ, и многіе изъ насъ, замѣчаетъ онъ, конечно захотятъ „скорѣе смертную казнь претерпѣть, нежели жить послѣ палокъ и плетей, хотя бы сіе наказаніе и священными руками и подъ очами Божія помазанника было учинено". Но всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы, а тотъ вѣкъ былъ таковъ, что значеніе побоевъ измѣряли только степенью причиненной боли, не вмѣняя ихъ себѣ въ безчестіе, хотя бы они нанесены были и рукою палача. Удивительно ли же, что Петръ Великій, слѣдуя своему горячему нраву, въ обращеніи съ людьми такого воспитанія, самъ уступалъ своему воспитанію? Притомъ, кого онъ такимъ образомъ наказывалъ? Или тѣхъ, которыхъ онъ изъ праха возвелъ на высокую чреду, или молодыхъ людей, часто порочныхъ, которые по закону заслуживали болѣе жестокаго наказанія. Но вельможи сановитые, какъ князь Яковъ Ѳед. Долгорукій, хотя и рѣзко ему противорѣчившій, Борисъ Петр. Шереметевъ, князья Мих. Мих. и Дм. Мих. Голицыны, такому домашнему исправленію никогда не подвергались. Итакъ, заключаетъ Щербатовъ, лучше подивитесь, хулители Петра, что онъ, при своемъ вспыльчивомъ характерѣ, при своемъ воспитаніи, терпѣливо переносилъ частое ему противорѣчіе и правду, и жертвуя своимъ самолюбіемъ благу государства, не только не наказывалъ вѣрныхъ своихъ слугъ за искренность, но еще осыпалъ ихъ своими милостями.

Относительно наклонности Петра Великаго къ шумнымъ увеселеніямъ надобно вспомнить, каковы были тогда вообще нравы и обычаи въ Европѣ, и примѣры, которые тамъ видѣлъ царственный путешественникъ. Вездѣ, говоритъ Щербатовъ, во время увеселеній и пиршествъ выходили изъ предѣловъ умѣренности. Не забудемъ, что Петръ, хотя и слѣдовалъ въ такихъ случаяхъ современнымъ обычаямъ, но отличался тою особенностью, что при этомъ слагалъ съ себя царское величіе и, нисходя къ своимъ подданнымъ, веселился съ ними какъ равный, позволялъ всякому говорить ему правду и обращаться съ нимъ безъ чиновъ. Разгулъ Петра въ поздніе часы дня

нисколько не ослаблялъ его дѣятельности въ остальное время, служилъ ему только необходимымъ умственнымъ и тѣлеснымъ отдыхомъ. Притомъ очень возможно, что Петръ въ этихъ увеселеніяхъ имѣлъ еще и особенную цѣль: принуждая своихъ приближенныхъ, а иногда и женщинъ, пить сверхъ мѣры, онъ можетъ быть хотѣлъ пользоваться ихъ откровенностью, узнавать ихъ тайные помыслы и взаимныя отношенія, чтобы тѣмъ легче оберегать себя отъ ихъ навѣтовъ и козней, отъ ихъ противодѣйствія его нововведеніямъ.

Не могъ онъ распространить торговли безъ пріобрѣтенія портовъ, а пріобрѣсти портовъ не могъ безъ войны: потому регулярныя войска для защищенія государства и для распространенія границъ до моря были необходимо нужны. Онъ ввелъ новые порядки, измѣнилъ внѣшніе обычаи, установилъ налоги, записалъ дворянъ въ службу, не на сроки, а навсегда; взялъ дѣтей, послалъ учиться разнымъ мастерствамъ и наукамъ. Еслибъ Петръ не преобразовалъ войска, — а это повлекло за собой и другія измѣненія, — кто ручается, что завистливые сосѣди, давно заграждавшіе просвѣщенію путь въ Россію, не воспользовались бы ея безсиліемъ задолго до времени, когда бы она успѣла сама собой пріобрѣсти улучшенія, доставленныя ей Петромъ, но которыя, по расчисленію Щербатова, безъ особенныхъ напряженій могли бы осуществиться не прежде 1892 года

25. Нарт., ан. 81.

26. Нарт. С. О., ан. 12.

27. Дневникъ камеръ-юнкера Берхгольца. М. 1860. II, 177.

28. Сол. XIV, 311. XVI, 220. 224.

29. Нарт., ан. 6.

30. Нарт., ан. 26. 121.

31. Похвальное слово его было произнесено 26 апр. 1755. См. Соч. Лом., изд. Смирд., 1, 579.

32. Memoirs of the princess Daschkaw, II, 258.

33. Примѣчанія на исторію г. Леклерка. II, 223.

34. Соч. Карамз., изд. Смирд., II, 515.

35. О древней и новой Россіи, М. 1871, стр. 2250—2258, 2283—2284.

36. Затворничество женщины было, конечно, слѣдствіемъ грубости нравовъ, при которой она не могла быть безопасною отъ оскорбленій всякаго рода. Еще въ 1702 г. послѣдовало распоряженіе, чтобы браки никогда не заключались безъ обоюднаго согласія вступающихъ въ супружество.

37. Сол. XIV, 277.

38. Сол. XV, 137.

39. Забѣлинъ, „Опыты“ и пр., Русская личность и пр., Общество наканунѣ петровской реформы, стр. 96 и д. — Щербатовъ, стр. 10 и д.

40. Карамз. И. Г. Р., IX, 261 (изд Эйнерл.).

41. M. Posselt. Franz Lefort &c., St.-Petersburg 1865, и В. Бауера разборъ этого сочиненія, Ж. М. Н. П. 1867, № 1.

42. Пек. I, 303.

43. Сол. XV, 194. XIV, 356. XVI, 3. 19.

44. Сол. XVI, 49.

45. Русское государство въ половинѣ XVII вѣка, рукопись временъ царя Алексѣя Михайловича, открылъ и издалъ П. Безсоновъ. М. 1859.

46. Введеніе въ гісторію европейскую. Сп. 1723. Глава первая на десять: О Россіи или обще Московіи, стр. 837. Анекдотъ этотъ (Пек. I, 326) разсказанъ у Штелина (Stähl. 274).

47. Это извлеченіе помѣщается здѣсь въ переводѣ г. Соловьева (XIII, 197—8). Вотъ въ подкрѣпленіе нѣсколько выписокъ изъ самаго сочиненія Крижанича: „Великая народная лихота наша есть *неумѣрковано владаніе.* Не знадутъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, ни среднимъ путемъ ходить; но всегда по краинахъ и по пропастехъ блудятъ“. (Криж. II, 179.) „Зарадъ того суть ся заплодили въ семъ людству премерзки наровы: тако да ся Русаки отъ иныхъ народовъ сцѣняютъ быть обманны, невѣрны, нещадны на краденіе и на убойство, непочтены въ бесѣдѣ, нечисты въ житіи. А откудъ то изходитъ? Оттудъ: что всяко мѣсто есть полно кабаковъ и самотержія и преповѣдей, и откупниковъ, и цѣловальниковъ, и выемниковъ, и заставниковъ, и тайныхъ докладниковъ: тако да люди отовсюдъ и вездѣ есуть звязаны: и ничесо не могутъ слободно дѣлать: и труда рукъ и пота лицъ своихъ не могутъ слободно ужить. Но все по тайну и молчять, со страхомъ и съ трепетомъ и съ обманомъ мораютъ справлять и торговать; и укрываться отъ тѣхъ толикихъ оправниковъ и выдорниковъ и потворниковъ или паче катовъ“ и проч. (III, 296).

„А что есть наимерже: владатели общеяно постаютъ товаруши воромъ; гдѣ приказники воромъ наровятъ, для ради даровъ; а гражаны нѣмаютъ области сами казнить воровъ“. (III, 302) „... нить у Нѣмцевъ, нить у Бѣлорусцевъ, нить остальныхъ Словенцевъ, нить индѣ гдѣ на свѣту, окромъ единыя Рускія державы, нигдѣ ся не видитъ тако скаредно піянство: да бѣху ся по улицамъ въ блату утоплены валяли мужи и жены, мірски и духовны, и да бѣху многи отъ піянства умирали“ (III, 300).

О сходствѣ программы Крижанича съ дѣятельностію Петра см. подробнѣе въ Исторіи Соловьева, XIII, 199 — 204.

48. Сочиненія Ивана Посошкова, изд. М. Погодинымъ. М. 1842, стр. 87 — 89. 95.

49. Пек., Ист. Ак. Н. I, XXVIII.

50. Голиковъ, VIII, 193.

51. П. С. З., т. VII, № 4.348.

52. П. С. З., т. VII, № 4.345, п. 2.

„Петръ иначе не могъ смотрѣть на свой народъ какъ на ребенка, хотя и одареннаго разнообразными способностями, но не воспитаннаго,

съ великимъ будущимъ, но съ малымъ настоящимъ и прошедшимъ. Этотъ взглядъ онъ проводитъ во всѣхъ своихъ преобразованіяхъ, и цѣлое столѣтіе доказало, до какой степени онъ былъ правъ". Афанасьевъ. („Государственное хозяйство при Петрѣ В." Совр. 1847, IV, 79).

53. K. A. Menzel. Neuere Geschichte der Deutschen. XII Band, 1-te Abth. Breslau 1847. p. 456. К. Задлеръ, Опытъ историческаго оправданія Петра I. Спб. 1861, стр. 17.

54. „Надобными языками для Россіи почиталъ онъ голландской и нѣмецкой, а съ французами, говорилъ онъ, не имѣемъ мы дѣла". Нарт., ан. 104. О его нерасположеніи къ Франціи см. также Сол. XV, 72, 75. Разумѣется, впрочемъ, что Петръ не безусловно отвергалъ пользу французскаго языка: въ Голландіи въ 1703 году, „русскіе робята", по донесенію Матвѣева, учились по-голландски и по-французски (тамъ же, 61).

55. Въ разборѣ извѣстнаго сочиненія Кюстина о Россіи, покойный Лабенскій, опровергая нѣкоторые упреки Петру Великому, и говоря о постепенномъ распространеніи образованія въ народѣ, употребляетъ довольно удачное сравненіе: видѣли ли вы, говоритъ онъ, какъ иногда вино, налитое въ стаканъ воды, сначала держится на ея поверхности и только легкими струйками спускается внизъ; но мало-по-малу оно болѣе и болѣе проникаетъ собою воду и наконецъ всю ее окрашиваетъ своимъ цвѣтомъ. (Ein Wort über Marquis von Custine's Russland im Jahre 1839. Aus dem Franz. Berlin, 1844, стр. 27. Подлиннаго разбора не удалось мнѣ видѣть). — Относительно табели о рангахъ см., напр., мнѣніе Шлоссера, Ист. XVIII ст., I, 169.

56. Въ январѣ 1719 г. изданъ наказъ воеводамъ, въ которомъ, между прочимъ, говорится: „Понеже есть непотребные люди, которые своимъ деревнямъ сами безпутные разорители суть, что ради пьянства или инаго какого непостояннаго житія „вотчины свои не токмо не улучшаютъ, но разоряютъ, налагая на крестьянъ всякія несносныя тягости, бьютъ ихъ и мучатъ, отчего крестьяне, покинувъ тягла свои, бѣгаютъ, и происходитъ отсюда пустота, а въ государевыхъ податяхъ умножается доимка, того ради воеводѣ и земскимъ коммиссарамъ смотрѣть накрѣпко и до такого разоренія не допускать и т. д. (П. С. З. V, № 3294, п. 31). Въ апрѣлѣ 1721 г. былъ изданъ именной указъ: „Обычай былъ въ Россіи, который и нынѣ есть, что крестьянъ и и дѣловыхъ и дворовыхъ людей мелкое шляхетство продаетъ врознь, кто похочетъ купить, какъ скотовъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится, а наипаче отъ семей, отъ отца или отъ матери дочь или сына помѣщикъ продаетъ, отчего не малый вопль бываетъ: и его царское величество указалъ оную продажу людямъ пресѣчь, а ежели невозможно того будетъ вовсе пресѣчь, то бъ хотя по нуждѣ и продавали цѣлыми фамиліями или семьями, а не порознь". (П. С. З. V, № 3770).

Къ числу мѣръ Петра Великаго, имѣвшихъ цѣлью облегченіе

участи крѣпостныхъ, относилось и учрежденіе въ 1714 году маіората, „хотя, замѣчаетъ г. Соловьевъ, по хозяйственнымъ условіямъ цѣль не могла быть здѣсь достигнута". (XVI, 225). Въ указѣ о маіоратѣ изложены слѣдующія причины этого нововведенія: 1) бóльшая исправность въ платежѣ податей и улучшеніе быта крестьянъ; 2) фамиліи не будутъ упадать, но въ своей ясности непоколебимы будутъ чрезъ славные и великіе домы, и 3) прочіе сыновья не будутъ праздны, ибо принуждены будутъ хлѣба своего искать службою, ученіемъ, торгами и прочимъ (тамъ же, 199). Ср. П. С. З., т. V, № 2789.

57. Въ рукахъ моихъ былъ экземпляръ изданія Духовнаго Регламента, напечатаннаго гражданскою печатью „въ санктъ пітербургской типографіи" 1721 сентября 16 (въ листъ).

58. Д. Р., стр. 4.

59. Стр. 7.

60. Д. Р. Приб. 6, п. 26. Въ этомъ отношеніи свидѣтельство Регламента согласно съ вышеупомянутымъ отзывомъ Пуффендорфа (см. здѣсь прим. 46), въ которомъ между прочимъ говорится: „самые священницы (въ Россіи) толико суть грубы и всякаго ученія непричастны, яко токмо прочитовати едину и вторую Божественнаго писанія главу или толкованіе евангельское умѣютъ, больше же ничтоже знаютъ".

61. Д. Р. 19.

62. Стр. 5.

63. Стр. 9 и 20, п. 8.

64. Пек. I, 178.

65. Д. Р. стр. 13. Приб. 1.

66. Стр. 22, 23 и 24.

67. Д. Р. 33, 34.

68. Стр. 42, 43.

69. Еще ранѣе, въ 1691 г. (П. С. З. т. III, № 1424) былъ изданъ законъ противъ нищихъ обманщиковъ.

70. Д. Р. Приб. 2.

71. Д. Р. стр. 43, п. 13. Приб. стр. 4, п. 19. Подобныя вымогательства нерѣдко встрѣчаются еще и въ наше время: см. Спб. Вѣд. 1872, № 95.

72. Сол. XV, 121.

73. Д. Р. Приб. стр. 11.

74. Чистовичъ, Ѳеоф. Прок. 125.

75. Гол. XV, Ан., 22 — 27.

76. Сол. XVIII, 204.

77. Чистовичъ, 142. 574.

78. Росс. Ист. кн. I, ч. 2, стр. 575.

79. Отъ школы Петръ требовалъ преимущественно практическаго направленія, и потому не могъ быть доволенъ московскою академіей. Онъ хотѣлъ школы, откуда бы „во всякія потребы люди происходили,

въ церковную службу и гражданскую, воинствовать, знать строеніе и докторское врачевское искусство". (Сол. XV, 99).

На пьянство Петръ смотрѣлъ какъ на обстоятельство, увеличивающее степень преступленія, сдѣланнаго въ этомъ состояніи, и виновный подвергался бóльшему наказанію. (П. С. З. VI, № 3485. Морск. Уставъ 1720 генв. 13, кн. V, гл. II, п. 31). Штелинъ приводитъ отзывъ Государя объ одномъ провинившемся: „онъ тѣмъ болѣе заслужилъ двойное наказаніе, что умышленно привелъ себя въ состоянье опьяненія, лишающее разсудка". (Stähl. 156).

80. Пек., Разборъ соч. г. Чистовича: „Ѳеофанъ Пр.", стр. 7.

81. Ю. Самаринъ, Стефанъ Яворскій и Ѳеофанъ Прокоп. М. 1844, стр. 154.

82. Ѳеофанъ Пр. Слова и рѣчи, ч. I, 205; ч. II, 67. 96. 115.

83. Пек. I, 495.

84. Пек. I, 220.

85. Вниманіе, съ какимъ Петръ въ первые годы печатанія книгъ гражданскимъ шрифтомъ слѣдилъ за всѣми подробностями этого дѣла, можетъ служить къ подтвержденію преданія, что гражданская азбука изобрѣтена имъ самимъ. (См. письма къ нему Мусинъ-Пушкина, Пек. II, 646 и д.).

86. Пек. I, гл. IX.

87. Тамъ же.

88. Сол. XIV, 329. XVI, 79.

89. 90. 91. Пек. I, гл. IX.

92. Куникъ, Сборникъ матеріаловъ для исторіи Ак. Н. I, x.

93. Въ памятныхъ замѣткахъ Петра встрѣчается много слѣдовъ его заботливости о сочиненіи и переводѣ книгъ. См. напр. Голик. XI, стр. 455, 456, 493.

94. Пек. I, гл. IX, XI и XII.

95. Сол. XVI, 317. 318.

Согласно съ этими наставленіями, и самъ Поликарповъ, въ предисловіи къ одному изъ своихъ переводовъ, въ 1718 году, пишетъ: „Географію преводихъ сію не на самый славенскій высокій діалектъ противъ авторова сочиненія и храненія правилъ грамматическихъ; но множае гражданскаго посредственнаго употребляхъ нарѣчія, охраняя сенсъ и рѣчи самого оригинала иноязычнаго". (А. Бычковъ, Каталогъ хранящимся въ Императорской публичной библіотекѣ изданіямъ, напеч. гражд. шрифтомъ при Петрѣ Великомъ, стр. 161).

96. Нарт., ан. 57.

97. Пек. I, 214. 227. Сол. XVI, 19. XVIII, 194.

98. Пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Выпускъ 8. М. 1870. Приведенные ниже отрывки — стр. 33 и 212.

99. Записки И. Академіи Наукъ, т. IV, кн. I. Пек. „Совр. извѣстіе о кончинѣ Петра В.", стр. 66.

О ПРЕБЫВАНІИ ПЛѢННЫХЪ ШВЕДОВЪ ВЪ РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ *).

1853.

Въ сраженіи подъ Полтавою и потомъ при капитуляціи подъ Переволочной, русскими взято было въ плѣнъ болѣе 20,000 человѣкъ или даже около 25,000, если считать гражданскіе и придворные чины, также служителей, работниковъ и женщинъ, сопровождавшихъ армію Карла XII [1]). Изданные на русскомъ языкѣ акты и сочиненія заключаютъ въ себѣ мало свѣдѣній о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ этихъ иноземцевъ, оставшихся въ Россіи; а между тѣмъ очень любопытно и важно было бы знать разныя подробности по этому предмету. Какъ обращались у насъ съ плѣнными? гдѣ находилось бо̀льшее число ихъ? въ какой степени они пользовались свободою и многіе ли изъ нихъ, по заключеніи мира, возвратились въ отечество? На эти вопросы мы находимъ у иностранныхъ писателей весьма противорѣчивые отвѣты. Въ исторіи Беккера, имѣющей самый обширный кругъ читателей, сказано: „ни одинъ изъ этихъ храбрыхъ воиновъ не увидѣлъ отечества". Русскіе источники заключаютъ въ себѣ самое убѣдительное опроверженіе такого показанія. На нѣмецкомъ языкѣ есть цѣлая книга объ этихъ плѣнныхъ, изданная однимъ изъ нихъ, именно капитаномъ Врехомъ (Wreech), который жилъ въ Тобольскѣ и завелъ тамъ школу [2]). Но эта книга, напечатанная вскорѣ по кончинѣ Петра Великаго, по скудости содержанія, вовсе не оправдываетъ своего довольно значительнаго объема. Гораздо обильнѣе подробностями появившееся въ нынѣшнемъ уже столѣтіи шведское сочиненіе, въ которомъ собраны біографическія замѣтки о всѣхъ бывшихъ въ русскомъ плѣну генералахъ, офицерахъ и другихъ лицахъ, сопровождавшихъ Карла XII въ знаменитомъ его походѣ [3]). Составитель этой

---

*) Ж. М. Н. Пр. 1853, № 2, ст. LXXVII.

[1]) Голиковъ, Т. IV, стр. 78, и Т. XI, стр. 253. (по 2-му изданію).

[2]) Wahrhafte und umständliche Historie von denen schwedischen Gefangenen in Russland und Sibirien, von Curt Friedrich von Wreech, gewesenen Capitain unter den königlichen schwedischen Albedylischen Dragonerregiment. Sorau, 1725;— 2-е изд. тамъ же 1728. Есть по этому предмету еще сочиненіе: Der innere und äussere Zustand derer schwedischen Gefangenen in Russland, durch ihre eigene Briefe etc. getreulich ans Licht gestellet von Alethophilo. Frankfurt und Leipzig. Обѣ эти довольно рѣдкія книги, первая въ обоихъ изданіяхъ, находятся въ Императорской публичной библіотекѣ въ С.-Петербургѣ. Въ той и другой историческій интересъ совершенно поглощенъ религіознымъ направленіемъ.

[3]) Biographiska Minnen af Konung Carl XII: s Krigare etc. med bilagor af B. A. Ennes. Stockholm, 1818 и 1819 (двѣ части).

книги былъ внукъ одного изъ плѣнныхъ, корнета Эннеса, прожившаго тринадцать лѣтъ въ Тобольскѣ, и пользовался веденными дѣдомъ въ теченіе этого времени записками; а сверхъ того извлекъ много свѣдѣній изъ старинныхъ шведскихъ сочиненій, касающихся той эпохи. Число лицъ, о плѣнѣ которыхъ въ Россіи онъ сообщаетъ болѣе или менѣе подробныя извѣстія, простирается свыше 2.400 человѣкъ. Онъ описываетъ довольно безпристрастно, на ряду съ ихъ страданіями, и добро, испытанное ими въ землѣ побѣдителей; но и изъ его показаній нѣкоторыя требуютъ повѣрки съ имѣющимися у насъ документами. При помощи тѣхъ и другихъ, представлю здѣсь прежде всего общій обзоръ судьбы плѣнниковъ арміи Карла.

Послѣ Полтавской побѣды, Петръ Великій, совершивъ молебствіе, оказалъ милость непріятельскимъ генераламъ, пригласивъ ихъ, вмѣстѣ съ русскимъ генералитетомъ, къ своему столу. Всѣмъ извѣстно, что при этомъ случаѣ Государь возвратилъ шведамъ шпаги, и пилъ за здоровье ихъ, „какъ учителей своихъ въ военномъ искусствѣ“. А между тѣмъ не только всѣ плѣнные офицеры, но и рядовые угощаемы были особо. Все это повторилось еще разъ 29 числа, по случаю Государева тезоименитства.

Черезъ день, Петръ Великій, прибывъ въ Переволочну вскорѣ послѣ сдачи шведскаго войска, остановился въ шатрѣ князя Меншикова и приказалъ ввести къ себѣ плѣнныхъ генераловъ и штабъ-офицеровъ. При этомъ представленіи, успокоивъ ихъ насчетъ исполненія договора, Государь подробно разспросилъ графа Левенгаупта обо всемъ, что касалось до короля; шведскій же генералъ, съ своей стороны, ходатайствовалъ чрезъ князя Меншикова о выдачѣ плѣннымъ провіанта, говоря, что у нихъ нѣтъ ни хлѣба, ни денегъ.

Повелѣвъ тотчасъ накормить всѣхъ шведовъ, Монархъ приказалъ: 1) плѣннымъ генераламъ и офицерамъ назначить, по званію ихъ, содержаніе, какое получаютъ тѣ же русскіе чины; 2) унтеръ-офицерамъ и рядовымъ производить жалованье, присвоенное нашему пѣхотному войску; 3) дозволить каждому отправлять извѣстное ему ремесло; 4) кто изъ плѣнныхъ пожелаетъ вступить въ россійскую службу, тѣхъ, принявъ, содержать наравнѣ съ своими; 5) у кого изъ нихъ есть жены, взятыя въ плѣнъ, тѣмъ возвратить ихъ, и 6) всѣхъ надежить, что будутъ они отпускаемы въ отечество на поруки товарищей своихъ, съ обязательствомъ возвратиться въ условное время.

Черезъ нѣсколько дней, вся плѣнная армія отведена была обратно въ Полтаву; ее сопровождалъ самъ Государь съ своими полками. Слухъ о блестящемъ успѣхѣ преслѣдованія непріятеля привлекъ на полтавскія поля безчисленныя толпы народа; изъ всѣхъ окрестныхъ городовъ наѣхало множество купцовъ и промышленниковъ со всякими товарами, напитками, съѣстными припасами, стадами лошадей и другого скота, и все это, окруженное палатками и наметами, предста-

вляло, по словамъ Голикова, „превеликую ярморку". При появленіи Петра Великаго, воздухъ огласился восторженными кликами: „да здравствуетъ Государь и отецъ нашъ"! При пожалованіи наградъ всѣмъ участвовавшимъ въ Полтавскомъ дѣлѣ, Государь распространилъ свою милость и на побѣжденныхъ, велѣвъ выдать шведскимъ солдатамъ впередъ треть годового ихъ жалованья.

Спустя недѣлю, всѣ плѣнные, въ трехъ отрядахъ, отправлены были изъ Полтавы въ Черниговъ, Смоленскъ и другіе близлежащіе города, куда и прибыли онѣ въ августѣ мѣсяцѣ. Въ началѣ декабря того же года, повели ихъ въ Москву, гдѣ и присутствовали они при торжественномъ въѣздѣ Царя въ столицу [4]).

Пробывъ здѣсь мѣсяцъ, плѣнные офицеры разосланы были, въ нѣсколькихъ отдѣленіяхъ, по сту человѣкъ въ каждомъ, по разнымъ городамъ Архангельской, Казанской и Астраханской губерній; но когда въ апрѣлѣ 1711 года открыта была въ Свіяжскѣ попытка къ бѣгству, то большая часть изъ нихъ переведена въ Сибирь. Тобольскъ сдѣлался мѣстомъ ссылки 800—900 офицеровъ, кромѣ другихъ плѣнныхъ между которыми находились и лифляндскіе крестьяне. По просьбѣ графовъ Реншильда и Пипера, полковые пасторы были такъ распредѣлены, что каждая партія плѣнныхъ, отправленная въ тотъ или другой городъ, имѣла хотя по одному изъ нихъ. Генералы и офицеры по большей части остались въ Москвѣ, гдѣ въ 1712 году внезапно усилена была строгость въ содержаніи ихъ; однакожъ вскорѣ опять введенъ былъ прежній порядокъ.

Кромѣ пособій, назначенныхъ плѣннымъ отъ русскаго правительства, они пріобрѣтали деньги разными работами и ремеслами [5]). Благодаря этому, русскіе узнали нѣкоторыя новыя для нихъ вѣтви ремесленной промышленности. „Многолѣтнее пребываніе въ Россіи этихъ военно-плѣнныхъ — говоритъ Бергманъ [6]) — принесло ей немалую пользу. Чрезъ нихъ лучи просвѣщенія проникли даже въ глубь Сибири; они завели фабрики и мануфактуры въ странахъ, гдѣ не было и слѣда европейской образованности; они, какъ живописцы, мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, токари и знающіе прочія ремесла, *ввели всюду полезную роскошь* (!); какъ музыканты, комедіанты, фабриканты картъ и трактирщики, они содѣлали для русскихъ наслажденіе жизнію пріятнѣе и разнообразнѣе, и даже споспѣшествовали, сколько могли, обученію юношества". Если здѣсь шведскимъ плѣннымъ и приписано слишкомъ большое и общее вліяніе на успѣхи образованности въ Рос-

[4]) Голиковъ, Т. XI, стр. 257.

[5]) Такъ напр. пасторъ Рабеніусъ, въ Клинѣ, дѣлалъ деревянные часы и парики; корнетъ Пистольшельдъ, въ Соликамскѣ, занимался приготовленіемъ игорныхъ картъ и винокуреніемъ; Ротмистръ Галль, въ Тобольскѣ, сдѣлался красильщикомъ; Ротм. Риддерборгъ, тамъ же, вышивалъ золотомъ и серебромъ шапки и чапраки.

[6]) Исторія Петра Великаго. 2-е изд. Т. Т. V, стр. 36.

сіи, все-же нельзя отрицать, что они въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ частныхъ случаяхъ дѣйствительно могли оказать такого рода пользу,— чему мы далѣе и увидимъ нѣсколько примѣровъ.

Петръ Великій, всячески изыскивая средства для исполненія своихъ великихъ плановъ, ясно понималъ, что изъ числа столькихъ иностранцевъ могло найтись много людей, полезныхъ для гражданской службы. Потому, при учрежденіи коллегій, и обратилъ онъ особенное вниманіе на шведскихъ плѣнныхъ, приказывая приглашать ихъ къ вступленію въ службу. Есть нѣсколько о томъ указовъ. Въ 1717 году, Государь, изъ Спа, писалъ къ генералу Брюсу, чтобы онъ, при помощи сенаторовъ, пріискивалъ „удобныхъ ассесоровъ изъ шведскихъ полоняниковъ", вслѣдствіе чего Брюсъ и просилъ содѣйствія Сената къ приглашенію въ службу „полоненныхъ камелировъ, коммисаровъ, рентмейстеровъ, секретарей, аудиторовъ и знатныхъ шрейберовъ и прочихъ офицеровъ, которые въ Швеціи или гдѣ индѣ у таковыхъ дѣлъ были, или хотя и не были, а за оныя возьмутся,— обѣщая имъ Его Царскаго Величества высокую милость и довольное жалованье" и подтверждая имъ, что то „служба гражданская, а не военная" [7]). Въ связи съ этимъ находится писанный въ слѣдующемъ году меморіалъ иноземца Фика о назначеніи жалованья служителямъ коллегій. Въ этомъ документѣ говорится о посланной „съ Россіи къ Москвѣ" — „росписи нѣкоторымъ изъ шведскихъ полоняниковъ",— которые шведскому штату и языку русскому искусны, и можетъ одинъ изъ нихъ намъ потребнѣе быть, нежели два человѣка нѣмцевъ" [8]). Эти слова, которыхъ нельзя не признать выраженіемъ образа мыслей самого Царя, относятся къ состоявшемуся незадолго предъ тѣмъ указу объ устройствѣ въ Россіи судебныхъ мѣстъ по примѣру Швеціи, о переводѣ шведскаго уложенія и составленіи свода россійскихъ узаконеній со шведскими [9]): причемъ не надобно забывать, что и самыя коллегіи, для которыхъ пріискивались чиновники изъ шведовъ, устроены были по образцу подобныхъ учрежденій въ Швеціи [10]).

Всего замѣчательнѣе, въ этомъ отношеніи, именной указъ, данный въ томъ же году поручику гвардіи Князю Хованскому [11]): „ѣхать тебѣ въ Нижній Новгородъ и въ Казань, и тамъ арестантовъ шведскихъ сыскавъ, призывать въ нашу гражданскую службу въ коллегіи; и ежели которые изъ нихъ не похотятъ, то обѣщай имъ нѣкоторую награду и притомъ обнадежь ихъ Нашимъ именемъ, что они, конечно, ни въ какую военную службу употреблены не будутъ, и какъ скоро

[7]) Полн. Собр. Законовъ, Т. V. № 3101.
[8]) Тамъ же № 3208.
[9]) Тамъ же № 3202.
[10]) Тамъ же № 3197.
[11]) Тамъ же № 3259.

съ ними договоришься, то ихъ и при нихъ багажъ и людей ихъ привези сюда въ Санктпетербургъ немедленно".

Мы не знаемъ, многіе ли шведы воспользовались предложеніемъ русскаго правительства; изъ извѣстій Эннеса видно только, что плѣнные въ разное время поступали въ русскую службу. По нѣкоторымъ даннымъ надобно однакожъ заключить, что такія лица рѣдко были коренными шведами, а принадлежали по большей части къ числу нѣмцевъ и другихъ иностранцевъ, бывшихъ въ арміи Карла XII. Есть свѣдѣнія, что въ извѣстной экспедиціи князя Бековича въ Хиву участвовали многіе шведскіе плѣнные, которыхъ онъ принялъ въ службу въ Казани и въ Астрахани, ожидая отъ нихъ тѣмъ болѣе пользы, чѣмъ болѣе они показывали къ тому готовности. Но, по словамъ Миллера, между этими плѣнными не было ни одного природнаго шведа; всѣ они были нѣмцы, которыхъ Карлъ XII набралъ въ Саксоніи и на возвратномъ походѣ изъ Германіи. Не получая никакого содержанія изъ Швеціи, эти люди уже напередъ вознамѣрились вступить въ русскую службу и исполнили это тѣмъ охотнѣе, что ихъ употребили къ такому походу, который до войны противъ Швеціи нимало не касался. Съ ними, говоритъ Миллеръ въ другомъ мѣстѣ, не было никакого принужденія: ибо всякій могъ, по собственному усмотрѣнію, вступить въ службу или нѣтъ, и отъ него же самого зависѣли при этомъ условія [12]).

Что дѣйствительно очень не многіе изъ плѣнныхъ шведовъ заняли въ Россіи вновь учрежденныя должности по гражданской службѣ, это подтверждаетъ манифестъ, изданный Петромъ Великимъ въ самый годъ заключенія мира съ Швеціею и начинающійся словами: „Объявляемъ всѣмъ и каждому, особливо же въ Государствѣ Нашемъ всѣмъ нынѣ обрѣтающимся военноплѣннымъ какъ шведскаго, такъ и другихъ народовъ въ военной шведской службѣ бывшихъ, что хотя Мы сію войну съ короною шведскою, ради государственнаго интереса и резона имѣемъ, однакожъ партикулярной противности къ тому народу никакой не имѣли, но наипаче оной за военной почитали" [13]) и т. д. Этимъ манифестомъ, который составляетъ одно изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ безпрерывной заботливости Петра о просвѣщеніи Россіи, всѣ плѣнные призываются въ русскую службу, съ позволеніемъ имъ, по принятіи присяги, селиться въ государствѣ, вступать въ бракъ, пріобрѣтать недвижимую собственность, заниматься торговлею и промыслами. Тутъ, между прочимъ, подробно показано, въ какія именно присутственныя мѣста должны обращаться плѣнные, которые пожелаютъ вступить въ службу, — смотря по роду ихъ свѣдѣній и способ-

[12]) Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащія. Ч. 11, стр. 22 и Ч. 17, стр. 18.

[13]) Полн. Собр. Зак. Т. VI, № 3778.

ностей. „Ежели кто россійскаго языка знающъ и притомъ въ состояніи обрѣтается Намъ и государству Нашему дѣйствительно потребныя услуги показать, то можетъ онъ о наукѣ и прошеніи своемъ письменно въ ту коллегію, куда что принадлежитъ, объявить". За симъ слѣдуетъ точнѣйшее указаніе мѣстъ по различію просителей, напр. „которые профессорскія науки имѣютъ и могутъ въ академіяхъ или въ гимназіяхъ опредѣлены быть, и книги печатать искусны, таковымъ надлежитъ о себѣ прислать свидѣтельство въ Правительствующій духовный синодъ".

Напечатанный по-русски и по-нѣмецки, этотъ манифестъ былъ разосланъ во всѣ провинціи и города, гдѣ находились военноплѣнные, и отъ каждаго изъ нихъ взята росписка въ томъ, что манифестъ былъ ему объявленъ. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ его обнародованія, состоялся миръ, положившій конецъ двадцатилѣтней войнѣ.

Относительно положенія плѣнныхъ въ нашеиъ отечествѣ, находимъ у Эннеса свидѣтельство, тѣмъ болѣе важное, что оно принадлежитъ врагу: „съ плѣнными офицерами—говоритъ онъ — въ Россіи вообще обращались хорошо; они пользовались большою свободою, если только вели себя тихо и порядочно, оставаясь въ тѣхъ городахъ, куда были посланы или на время отпущены, причемъ ихъ всегда сопровождалъ караульный солдатъ; но въ случаѣ неудачной попытки бѣжать, съ ними поступали строго, а часто даже и жестоко. Сибирскій губернаторъ князь Гагаринъ старался всячески облегчать судьбу шведскихъ плѣнныхъ и выдѣлялъ не разъ по нѣскольку тысячъ рублей для раздачи наиболѣе нуждавшимся между ними. Въ Тобольскѣ имъ легче было добывать деньги, нежели въ маленькихъ городахъ, не смотря на сравнительную въ послѣднихъ дешевизну всѣхъ жизненныхъ потребностей". „Унтеръ-офицеры и рядовые — замѣчаетъ Эннесъ — находились совершенно въ другихъ мѣстахъ, гдѣ должны были исправлять тяжкія работы, — особливо въ сибирскихъ рудникахъ и при построеніи Петербурга [14]). Изъ нихъ одни умерли, другіе принуждены были вступить въ русскую военную службу или перекреститься, такъ что очень немногіе возвратились въ отечество". Если дѣйствительно были случаи насильственныхъ поступковъ, въ какомъ бы ни было отношеніи, съ тѣмъ или другимъ иноземцемъ, то, конечно, это должно быть приписано не правительству, а либо низшимъ властямъ, либо частнымъ лицамъ. Что такія злоупотребленія въ самомъ дѣлѣ случались, видно изъ тогдашнихъ указовъ въ которыхъ не разъ выражается попеченіе

---

[14]) Авторъ сочиненія, откуда заимствуются эти слова, не упоминаетъ здѣсь о Воронежской верфи, куда вскорѣ послѣ Полтавской побѣды послано было 3.000 плѣнныхъ, какъ видно изъ письма Петра Великаго къ Воронежскому коменданту Колычеву, писанныхъ изъ Полтавы 9 и 10 іюля 1709: поздравляя Колычева съ „неслыханною викторіею", Государь приказываетъ ему заготовить провіантъ на 3.000 Шведовъ. Голиковъ, Т. IV, стр. 86.

правительства. Въ 1717 г., вслѣдствіе жалобы графа Левенгаупта, „Сенатъ, по указу Великаго Государя, приказалъ: въ губерніяхъ, гдѣ есть шведскіе арестанты, никого въ неволю не крестить и на русскихъ подъ неволею не женить и замужъ не давать“ [15]). Къ этому указу близко подходятъ, по содержанію, два другіе, изданные уже послѣ заключенія мира, въ 1723 и въ 1724 годахъ, о томъ, чтобы никто силою не держалъ у себя шведскихъ военноплѣнныхъ и не препятствовалъ имъ возвращаться въ отечество [16]). Нѣкоторое понятіе о положеніи этихъ плѣнныхъ въ Россіи даютъ намъ и слѣдующія слова упомянутаго манифеста: „Мы усмотрѣли, коимъ образомъ не только о ихъ избавленіи изъ плѣна, но и о ихъ довольственномъ пропитаніи мало попеченія имѣли, отъ чего оные съ великою нуждою себя въ столь долгопротяжномъ плѣненіи содерживать принуждены“ и далѣе: „зѣло многіе между плѣнными обрѣтаются, которые отъ управителей въ городахъ и провинціяхъ позволенія просили, чтобъ имъ позволено было, яко подданнымъ, въ государствѣ Нашемъ поселиться“. Все это ясно показываетъ, что правительство постоянно заботилось о благосостояніи плѣнныхъ, и этому замѣчанію нисколько не противорѣчитъ то, что, съ другой стороны, принимались мѣры для пресѣченія плѣннымъ возможности употреблять во зло предоставленную имъ степень свободы. Такъ въ 1718 году открылось, что подъ конвертами иноземныхъ пословъ приходили письма къ плѣннымъ и отъ нихъ отходили, хотя имъ не запрещена была „явная корреспонденція за отворчатою печатью“, съ отдачею писемъ на разсмотрѣніе въ государственную канцелярію [17]). Многіе плѣнные, какъ видно изъ собственныхъ ихъ записокъ и изъ другихъ современныхъ документовъ, отпускаемы были, согласно съ обѣщаніемъ царя, подъ честнымъ словомъ или на поруки: но какъ не всѣ они возвращались, а другіе, бывъ въ услуженіи у частныхъ людей, бѣжали отъ нихъ, то въ 1720 году повелѣно было всѣмъ чинамъ, какъ духовнымъ, такъ и свѣтскимъ, у которыхъ живутъ плѣнные, немедленно объявлять о нихъ мѣстнымъ начальствамъ [18]). Обстоятельство, послужившее поводомъ къ этому предписанію, достаточно оправдываетъ мѣру, принятую въ отношеніи къ перепискѣ плѣнныхъ.

Офицеры и чиновники, захваченные въ лифляндскихъ крѣпостяхъ, были по большей части женатые люди, почему съ ними вмѣстѣ переселились въ Сибирь ихъ жены и дѣти; между отправленными туда семействами находились многіе дворянскіе роды изъ Лифляндіи и Ингерманландіи. Во время продолжительнаго плѣна, дѣти ихъ и вну-

---

[15]) Полн. Собр. Зак. Т. V, № 3121.
[16]) Тамъ же, Т. VII, № 4178 и № 4445.
[17]) Тамъ же, Т. V, № 3209.
[18]) Тамъ же, № 3614.

ки росли въ пустыняхъ Сибири безъ воспитанія. Это внушило названному выше капитану фонъ-Вреху человѣколюбивую мысль завести въ Тобольскѣ училище, и, съ помощію многихъ образованныхъ офицеровъ, ему удалось осуществить ее въ 1713 г.; обученіе приняли на себя частью офицеры, частью пасторы. Къ учрежденію этой школы содѣйствовали, присылкою книгъ и денегъ, знаменитый докторъ Франкъ, профессоръ въ Галле, и пасторъ въ Архангельскѣ докторъ Михаэлисъ, съ которыми Врехъ былъ въ перепискѣ. Сверхъ того для той же цѣли собираемы были добровольныя приношенія между жившими въ Москвѣ плѣнными генералами и офицерами, къ чему особенно способствовалъ подполковникъ Изендорфъ. Предметами преподаванія въ Тобольскомъ училищѣ были: законъ Божій, нравоученіе, языки, ариѳметика, чистописаніе и рисованіе, а отчасти, сколько было можно, — и главныя изъ наукъ. Здѣсь, въ теченіе девяти лѣтъ, получили воспитаніе многія впослѣдствіи отличавшіяся образованіемъ и достоинствами лица обоего пола, которыя во всю жизнь благословляли память своихъ наставниковъ. Въ концѣ 1717 года въ училищѣ находилось 33 мальчика, 17 дѣвочекъ и 6 русскихъ дѣтей; за обученіе послѣднихъ назначена была небольшая плата.

Наконецъ 30 Августа 1721 года заключенъ былъ миръ Ништадскій, и по одной изъ статей его надлежало съ обѣихъ сторонъ освободить безъ выкупа всѣхъ плѣнныхъ. По показанію Эннеса, въ Швецію возвратилось едва и 600 человѣкъ: слѣдовательно, не считая нижнихъ чиновъ, въ Россіи осталось болѣе 1800 плѣнныхъ. Ихъ удержали здѣсь разныя причины: одни приняли русское подданство; другіе, обезпечивъ свое пропитаніе отправленіемъ какихъ-нибудь ремеслъ или другими занятіями, не хотѣли уже промѣнять вѣрное въ чужомъ краѣ на невѣрное въ отечествѣ, гдѣ между тѣмъ все перемѣнилось; нѣкоторые, женившись на русскихъ, не желали ѣхать на родину безъ женъ, которыя, по условію трактата, не имѣли права послѣдовать въ Швецію за мужьями; иные наконецъ, обязавшись службою частнымъ лицамъ на срокъ, или имѣя долги, также не могли удалиться безъ исполненія своихъ обязательствъ. Прибавимъ, что многихъ изъ попавшихъ въ плѣнъ уже не было и въ живыхъ. Такимъ образомъ становится яснымъ, что если, по разнымъ причинамъ, въ Швецію возвратилась и малая часть плѣнныхъ, то это не значитъ, какъ увѣряютъ иностранные писатели, будто не воротился никто, и будто это произошло отъ неисполненія Петромъ Великимъ, условія сдачи шведской арміи при Переволочнѣ. Въ началѣ 1722 года всѣ желавшіе или могшіе воспользоваться освобожденіемъ изъ мѣстъ своего пребыванія доставлены были на казенныхъ подводахъ въ С.-Петербургъ и въ іюнѣ мѣсяцѣ увидѣли вновь отечество.

Остановимся теперь на нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицахъ арміи Карла XII, бывшихъ въ русскомъ плѣну, и въ замѣткахъ о нихъ воспользуемся не только книгою Эннеса, но и свѣдѣніями, заключающимися въ другихъ шведскихъ сочиненіяхъ.

Для содержанія плѣнныхъ назначены были, сверхъ нѣкоторыхъ менѣе извѣстныхъ селеній, преимущественно слѣдующіе города: Петербургъ, Новгородъ, Ярославль, Москва, Клинъ, Серпуховъ, Коломна, Воскресенскъ, Кострома, Галичъ, Чухлома, Нижній Новгородъ, Казань, Свіяжскъ, Чебоксары, Владиміръ, Суздаль, Переславль-Залѣсскій, Юрьевъ-Польскій, Переяславль-Рязанскій, Зарайскъ, Михайловъ, Раненбургъ, Кашира, Веневъ, Калуга, Городище, Саранскъ, Вологда, Тотьма, Сольвычегодскъ, Архангельскъ, Шенкурскъ, Верхотурье, Соликамскъ, Тобольскъ и Тюмень. Въ выборѣ лицъ будемъ руководствоваться, независимо отъ большей или меньшей значительности ихъ, одною занимательностью сохранившихся о нихъ извѣстій.

Нордбергъ — извѣстный въ исторической литературѣ самымъ подробнымъ, хотя и не безпристрастнымъ сочиненіемъ о Карлѣ XII. Во время Сѣверной войны, онъ былъ придворнымъ проповѣдникомъ и предсѣдателемъ походной консисторіи, и давно уже пользовался особенною милостію короля. Попавши въ плѣнъ подъ Полтавою, онъ получилъ позволеніе оставаться при плѣненномъ тогда же первомъ министрѣ Карла, оберъ-маршалѣ графѣ Пиперѣ, съ которымъ и отвезенъ былъ въ Москву. Здѣсь завѣдывалъ онъ духовными дѣлами своихъ плѣнныхъ соотечественниковъ и доставлялъ имъ своею заботливостію всѣ выгоды, какія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ были возможны. Шведы пользовались въ Россіи полною свободою совѣсти, и Нордбергъ не встрѣчалъ въ своей дѣятельности ни малѣйшаго стѣсненія. Въ этомъ правдиво сознаются шведскіе писатели, прибавляя, что плѣнные въ теченіе 11-ти лѣтъ, по обычаю своей родины, праздновали въ Россіи ежегодно по четыре такъ-называемые молитвенные дня, для которыхъ тексты предписывалъ сперва графъ Реншильдъ, а по отъѣздѣ его въ Швецію, старшій генералъ. Число всѣхъ взятыхъ въ плѣнъ полковыхъ пасторовъ простиралось до 65 человѣкъ. Когда въ началѣ 1710 года остатки арміи Карла разселены были по разнымъ русскимъ городамъ, тогда, вмѣстѣ съ приходами своими, разошлись по большей части и эти пасторы, а отъ того обязанности Нордберга сдѣлались гораздо труднѣе. Пока всѣ они еще были вмѣстѣ, Нордбергъ созвалъ родъ духовнаго совѣта, на которомъ онъ, давъ имъ надлежащія наставленія, какъ каждому изъ нихъ поступать на своемъ мѣстѣ, въ то же время условился съ ними о назначеніи на тотъ годъ молитвенныхъ дней.

Придворный штатъ короля остался въ Москвѣ и вмѣстѣ съ задержанными тамъ генералами и офицерами составилъ особый приходъ подъ именемъ шведскаго придворнаго прихода. Походная консисто-

рія продолжала въ Москвѣ свои засѣданія подъ предсѣдательствомъ Нордберга и по прежнему руководствовалась въ дѣлахъ своихъ церковнымъ уставомъ Швеціи. Такова была вѣротерпимость Петра Великаго.

Нордбергъ долженъ былъ часто разбирать непріятныя ссоры между своими какъ духовными, такъ и свѣтскими сотоварищами.

Его строгій и благородный образъ мыслей виденъ изъ сохранившихся отъ того времени писемъ его. Любопытны между прочимъ строки, посланныя имъ въ Тобольскъ, когда до него дошелъ слухъ, что жившіе тамъ шведы наняли домъ для представленія комедій. „Любезнѣйшіе друзья и братья", — говоритъ онъ — „положеніе нашего отечества и собственное наше должно бы въ насъ заглушить всѣ суетныя и пустыя мысли этого рода, и служить намъ поводомъ къ богобоязненной скорби, ведущей къ исправленію. Если обратимся къ первому началу комедій, то увидимъ, что онѣ своимъ происхожденіемъ обязаны язычникамъ" и т. д. [19]).

Нордвергъ оставилъ Россію еще въ 1715 году, бывъ обмѣненъ на какого-то русскаго поручика и двухъ священниковъ; тогда-то плѣнные могли настоящимъ образомъ оцѣнить этого человѣка, котораго замѣнить никто не былъ въ состояніи. Дѣлами церкви управляли многіе вмѣстѣ, но уже не съ тѣмъ успѣхомъ. Черезъ Финляндію Нордбергъ отправился въ Стокгольмъ, а оттуда въ Стральзундъ къ королю, который и назначилъ его своимъ духовникомъ.

Въ 1731 году ему отъ правительства поручено было написать Исторію Карла XII, что̀ и исполнилъ онъ частью по собственнымъ воспоминаніямъ, частью при помощи свѣдѣній, собранныхъ отъ другихъ лицъ, также участвовавшихъ въ походѣ. Королева Ульрика Элеонора читала рукопись по мѣрѣ того, какъ она изготовлялась, и собственноручно исправляла или дополняла ее. Этотъ трудъ напечатанъ былъ въ 1740 году, а вскорѣ послѣ того переведенъ по-французски и по-нѣмецки. Къ сожалѣнію, Нордбергъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ и достоинствахъ, какъ историкъ, не умѣлъ возвыситься надъ тономъ лѣтописи и національнымъ ослѣпленіемъ. Онъ былъ веселый и остроумный собесѣдникъ; по дѣятельности же своей, энергіи и познаніямъ пользовался великимъ уваженіемъ; что касается его наружности, то онъ былъ огромнаго роста и, по старинному обычаю, носилъ густую бороду. Нордбергъ кончилъ свое ученое образованіе въ Упсальскомъ университетѣ, гдѣ пріобрѣлъ степень магистра; въ 1732 году получилъ онъ званіе доктора богословія; умеръ въ 1744, на 68 году отъ рожденія.

Капитанъ *Норинъ* получилъ въ сраженіи при Полтавѣ семь ранъ и два дня пролежалъ на полѣ битвы; на третій же могъ съ трудомъ

---

[19]) Svenskt biographiskt Lexicon.

дотащиться до русскаго лагеря, гдѣ и объявилъ себя военноплѣннымъ. Онъ жилъ сперва въ Архангельскѣ, а потомъ въ Галичѣ, и здѣсь своими познаніями о образованностью обратилъ на себя вниманіе одного помѣщика, который предложилъ ему мѣсто наставника при своихъ сыновьяхъ. Вскорѣ Норинъ до такой степени снискалъ его дружбу и довѣренность, что на случай смерти своей отецъ назначилъ его опекуномъ сиротъ. Черезъ нѣсколько времени помѣщикъ дѣйствительно умеръ, и плѣнный шведъ вступилъ въ управленіе имѣніемъ своихъ питомцевъ, которые любили его, какъ втораго отца. При отъѣздѣ изъ Россіи, по заключеніи мира, онъ честно раздѣлилъ между ними все, чѣмъ съ такою пользою для нихъ завѣдывалъ, и возвратился въ отечество. Впослѣдствіи онъ возведенъ былъ въ дворянство и принялъ фамилію *Норденсвердъ*.

Прапорщикъ *Дальбергъ* содержался въ Москвѣ, гдѣ, вмѣстѣ съ двумя другими офицерами, подрядился шить перчатки одному нѣмецкому купцу, за что́ и получали они въ день по $22^1/_2$ коп. каждый. Когда онъ однажды вечеромъ возвращался съ товарищемъ изъ Нѣмецкой слободы, на нихъ напали пять мошенниковъ, и отъ полученныхъ при этомъ побоевъ Дальбергъ пролежалъ цѣлые три мѣсяца. Во время его болѣзни добрая хозяйка ухаживала за нимъ съ нѣжною заботливостью и предложила ему жениться на ея богатой племянницѣ. Онъ изъ благодарности согласился; но узнавъ, по выздоровленіи, что она требовала отъ него перемѣны вѣроисповѣданія, какъ перваго условія для брака, онъ взялъ назадъ свое слово и скрылся. Вмѣстѣ съ двумя товарищами бѣжалъ онъ въ Финляндію, доставъ проводника и крестьянское платье; однакожъ проводникъ выдалъ ихъ во Псковѣ и они были привезены назадъ въ Москву, гдѣ провели три мѣсяца въ тяжкомъ заключеніи. Бывъ выпущены на волю, они назвались нѣмцами и нанялись въ услуженіе къ генералу князю Волконскому, который отправлялся тогда въ армію, находившуюся въ Пруссіи. Когда же Волконскій черезъ нѣсколько мѣсяцевъ долженъ былъ возвратиться въ Москву, то они бѣжали въ Мемель, но здѣсь опять были схвачены отвезены въ Митаву и посажены въ башню, гдѣ оставались четыре мѣсяца въ оковахъ. Наконецъ Курляндскій губернаторъ Фитингофъ, услышавъ имя Дальберга и узнавъ, что это племянникъ извѣстнаго Рижскаго коменданта графа Дальберга, которому самъ былъ много обязанъ, принялъ участіе въ судьбѣ молодого человѣка и выкупилъ его, заплативъ Волконскому 200 риксдалеровъ. Проведя зиму у Фитингофа, Дальбергъ весною 1713 года отплылъ въ Швецію, куда и прибылъ благополучно.

Капитанъ *Сталь-фонъ-Гольстейнъ* (Георгій Богуславъ, впослѣдствіи баронъ), нарвскій уроженецъ, попалъ въ плѣнъ въ 1704 году при взятіи Нарвы русскими. Въ Москвѣ женился онъ на дочери генерала барона Горна, жившаго тамъ также въ качествѣ военноплѣннаго. Благодаря стараніямъ жены своей, которая заплатила за него и вы-

купъ, онъ въ 1711 году возвратился въ Стокгольмъ и тотчасъ же посланъ былъ съ важными депешами къ королю въ Бендеры. Жена его оставалась еще 11 лѣтъ въ русскомъ плѣну. Считая себя вдовцомъ, онъ сватался за дѣвицу Риддершанцъ, и уже наступилъ день свадьбы; но, по странному случаю, жена его въ этотъ самый день (въ 1722 г.) возвратилась изъ Россіи, успѣла предупредить незаконную женитьбу и жила съ мужемъ еще около 40 лѣтъ. По смерти ея онъ, на 76 году отъ рожденія, все-же женился на дѣвицѣ Риддершанцъ, которая такимъ образомъ до старости ждала своего суженаго. Лишившись 80-ти лѣтняго мужа, она плакала неутѣшно и говорила, что почла бы смерть лучшею наградой своей любви.

Поручикъ *Синклеръ*, пріобрѣвшій печальную въ исторіи извѣстность своею насильственною смертью, жилъ въ Казани до самаго 1722 года, когда съ бо̀льшею частью плѣнныхъ возвратился въ отечество. О жизни его въ Россіи не сохранилось подробностей. Скажемъ нѣсколько словъ о смерти его. Въ концѣ царствованія Елисаветы Петровны, вражда Швеціи къ Россіи стала болѣе и болѣе обнаруживаться. Ходили слухи о предстоявшемъ союзѣ между шведскимъ королевствомъ и Турціею, съ которою у насъ была война, и слухи эти оказались несомнѣнными, когда русскій министръ въ Стокгольмѣ Бестужевъ увѣдомилъ Петербургскій дворъ, что шведскій подданный, маіоръ Синклеръ отправленъ въ Константинополь за ратификаціею союзнаго договора. Это было въ 1739 году. Императрица повелѣла задержать его на обратномъ пути, при проѣздѣ черезъ Польшу, и захватить его бумаги; но исполнители ея воли переступили данную имъ инструкцію и жестокимъ образомъ умертвили несчастнаго Синклера на проселочной дорогѣ въ Силезіи близъ города Наумбурга [20]). Елисавета чрезъ своихъ министровъ при иностранныхъ дворахъ торжественно изъявила свое неудовольствіе по случаю этого поступка, какъ противнаго ея приказанію. Явное порученіе, данное Синклеру, состояло въ томъ, чтобы онъ въ Турціи выручилъ всѣ долговыя обязательства Карла XII; но втайнѣ, по всей вѣроятности, дѣйствительно на него возложено было завести тамъ рѣчь о сближеніи между Швеціею и Оттоманскою Портою. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что на сеймѣ 1738 года въ Стокгольмѣ рѣшено было объявить Россіи войну, въ случаѣ если онъ испытаетъ неудачу въ борьбѣ съ Турціею, и союзъ съ Портою былъ любимою мыслію приверженцевъ покойнаго короля. Между тѣмъ въ бумагахъ взятыхъ у Синклера, не найдено ничего по этому предмету; всѣ онѣ впослѣдствіи отправлены были въ Стокгольмъ черезъ Гамбургъ. Это убійство было одною изъ причинъ, ускорившихъ новый разрывъ между Россіей и Швеціей.

---

[20]) Ср. *Вейдемейера*: „Обзоръ главнѣйшихъ происшествій въ Россіи съ кончины Петра Великаго до вступленія на престолъ Елисаветы Петровны“. Ч. II, стр. 94, изд. 2-е.

Капитанъ *Рюль*, опасно раненый въ голову подъ Польшею, находился сначала въ Свіяжскѣ. Здѣсь какъ и въ Казани, шведскіе плѣнные въ 1710 г. пользовались такою свободою, что могли ходить по городу безъ караула. Вмѣстѣ съ капраломъ драбантовъ *Курселемъ* Рюль составилъ планъ бѣгства (въ Польшу чрезъ Украйну); къ нимъ присоединилось болѣе 150 офицеровъ и три нѣмецкіе драгунскіе полка, которые послѣ Днѣпровской капитуляціи перешли въ русскую службу и составляли гарнизонъ въ обоихъ названныхъ городахъ. Предпріятіе казалось тѣмъ легче, что въ этихъ мѣстахъ не было вовсе русскихъ войскъ, за исключеніемъ весьма слабыхъ отрядовъ въ зàмкахъ Казани и Свіяжска. Заговорщики должны были въ извѣстный день напасть на эти отряды въ обоихъ городахъ, умертвить комендантовъ и всѣхъ русскихъ офицеровъ, захватить оружіе, порохъ и казну; потомъ, соединившись, итти въ Польшу и тамъ пристать къ шведской арміи, бывшей подъ предводительствомъ генерала Маршалка. Однакожъ этотъ планъ не удался: наканунѣ дня, назначеннаго для исполненія его, шведскій адъютантъ Бринкъ донесъ о заговорѣ русскому коменданту въ Свіяжскѣ, и въ слѣдующую ночь всѣ шведскіе офицеры какъ здѣсь, такъ и въ Казани были арестованы. По открытіи зачинщиковъ, Курсель и 12 другихъ офицеровъ были заключены въ оковы, и въ Клинѣ посажены въ темницу, а Рюль отведенъ въ Казань и тамъ въ подземельѣ башни содержался девять лѣтъ по большей части на хлѣбѣ и на водѣ. Несмотря на эту тяжкую участь, онъ въ 1722 г. возвратился въ Швецію и прожилъ до 65-лѣтняго возраста. Десять соучастниковъ его въ заговорѣ были разстрѣляны. Остальные, какъ уже было упомянуто въ началѣ этой статьи, удалены въ Тобольскъ.

Лейбъ-драбантъ графъ *Дугласъ*, взятый въ плѣнъ подъ Полтавою, жилъ въ Вологдѣ до 1717 года; въ этомъ же году вступилъ добровольно въ русскую службу и былъ назначенъ губернаторомъ города Або и всей Финляндіи, которая въ то время была во власти русскихъ. Онъ ознаменовалъ свое управленіе жестокостью и лихоимствомъ. Въ 1719 году о Пасхѣ созвалъ онъ къ себѣ множество гостей, и на пирѣ, поссорившись съ значительнымъ русскимъ офицеромъ, убилъ его въ пылу гнѣва. По приказанію главнокомандующаго въ Финляндіи князя Голицына, онъ былъ тотчасъ арестованъ и отвезенъ въ Петербургъ; его приговорили къ смертной казни; но Царь замѣнилъ ее земляною работой. Въ концѣ того же года Петръ I, увидѣвъ Дугласа за тачкою, простилъ его подъ условіемъ доставить въ распоряженіе Государя полкъ пѣхоты изъ Финляндіи. Вступивъ снова въ прежнюю должность, Дугласъ принялъ строгія мѣры для исполненія своего обязательства и выслалъ Петру нѣсколько сотъ человѣкъ, которые потомъ употреблены были въ Персидскомъ походѣ. Въ Абоской соборной церкви хранились останки Св. Генриха, перваго проповѣдника христіанской вѣры въ Финляндіи, жившаго въ XIII вѣкѣ: Дугласъ от-

правилъ ихъ въ Петербургъ. Въ 30 годахъ прошлаго столѣтія Дугласъ въ чинѣ генералъ-аншефа, назначенъ былъ ревельскимъ губернаторомъ, но за жестокіе поступки отставленъ, а при императрицѣ Елисаветѣ и совсѣмъ исключенъ изъ русской службы. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ своемъ эстляндскомъ имѣніи.

Капитанъ баронъ *Горнъ*, въ 1708 году, при одной перестрѣлкѣ въ Литвѣ, получилъ нѣсколько тяжкихъ ранъ и обязанъ былъ сохраненіемъ жизни своему вѣрному слугѣ *Лидбому*, который отыскалъ его между лежавшими въ полѣ тѣлами убитыхъ и раненыхъ, и потомъ съ величайшею заботливостью ходилъ за больнымъ, пока не доставилъ ему облегченія. Снова раненый подъ Полтавою, Горнъ при Переволочнѣ попалъ въ плѣнъ и жилъ въ Соликамскѣ. Лидбомъ, хорошо знавшій ремесло сѣдельника, кормилъ и себя и своего господина приготовленіемъ издѣлій, которыя Горнъ разносилъ по городу вмѣстѣ съ корзинами своей собственной работы. Возвратясь въ Швецію въ 1722 году, онъ тамъ еще служилъ 20 лѣтъ, послѣ чего поселился въ своемъ имѣніи Челлере и дожилъ до глубокой старости. Въ воспоминаніе своего плѣна, близъ этого имѣнія онъ построилъ хуторъ и назвалъ его Соликамскомъ,—имя, подъ которымъ это мѣсто и теперь еще извѣстно. Горнъ отличался строгою нравственностью, благочестіемъ, веселымъ характеромъ и дѣлалъ много добра, такъ что имя его до сихъ поръ всѣми уважается въ той сторонѣ. Старому слугѣ своему онъ былъ такъ благодаренъ, что, по возвращеніи изъ плѣна, освободилъ Лидбома отъ всякой обязанности и держалъ при себѣ какъ вѣрнаго товарища, проводилъ съ нимъ цѣлые дни, доставлялъ ему всякія удобства и за столомъ, какіе бы ни были у него гости, всегда сажалъ его возлѣ себя; но Лидбомъ умеръ задолго до своего благодѣтеля, который, желая почтить его память, похоронилъ его въ церкви и поставилъ надъ могилою его красивый памятникъ.

Корнетъ *Эннесъ* взятъ былъ въ плѣнъ при Переволочнѣ и вмѣстѣ съ другими отведенъ, черезъ Смоленскъ, въ Москву, а потомъ въ Симбирскъ. Въ 1711 году онъ, наравнѣ съ большею частью плѣнныхъ, отправленъ былъ въ Тобольскъ, и здѣсь оставался десять лѣтъ. Благодаря умѣнью точить и ткать, онъ вскорѣ могъ облегчить свое положеніе. Къ этому особенно способствовалъ губернаторъ князь Гагаринъ, который, видѣвъ тканые имъ кошельки и чапракъ, свидѣтельствовавшіе о необыкновенномъ искусствѣ, заказалъ ему для большой залы шелковые обои съ золотыми и серебряными цвѣтами; для этой работы князь доставилъ все нужное и обѣщалъ по рублю за каждый локоть. Такой огромный и медленный трудъ требовалъ нѣсколько рукъ, и потому Эннесъ пріискалъ себѣ троихъ помощниковъ: ротмистра *Маллина* и корнетовъ *Горна* и *Барри*. Проработавъ усердно нѣсколько мѣсяцевъ, они примѣтно улучшили свои средства, а въ послѣдніе годы плѣна такъ разбогатѣли, что могли каждое воскресенье уго-

щать обѣдомъ 12 человѣкъ, самыхъ бѣдныхъ своихъ сотоварищей, которые, не зная никакого ремесла, не были въ состояніи сами добывать себѣ хлѣбъ. Сверхъ работъ этого рода, наблюдательный Эннесъ продолжалъ въ плѣну веденные во время похода записки; но, къ сожалѣнію, часть ихъ сгорѣла потомъ въ Швеціи при пожарѣ, истребившемъ маленькое имѣніе его вдовы. Извѣстіе о мирѣ и радостной перемѣнѣ въ судьбѣ плѣнныхъ прибыло въ Тобольскъ 21 ноября 1721 года, а въ серединѣ января 1722 г. освобожденные шведы отправились, въ нѣсколькихъ партіяхъ, въ Петербургъ, куда и прибыли 21 слѣдующаго марта, проѣхавъ 2.920 верстъ; черезъ нѣсколько дней они весело пустились въ путь на родину, гдѣ Эннесъ, пользовавшійся крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и постояннымъ здоровьемъ, прожилъ до 95-лѣтняго возраста (1773 г.); вдова его умерла 85 лѣтъ отъ роду (1789).

Капитанъ *Страленбергъ*, — авторъ извѣстнаго сочиненія о Россіи — избѣгнулъ плѣна при Полтавѣ и уже переправился было благополучно черезъ Днѣпръ; но, не находя своего брата между спасенными, хотѣлъ помочь ему, возвратился въ челнокѣ на лѣвый берегъ и самъ попалъ во власть русскихъ, между тѣмъ какъ братъ его успѣлъ въ другомъ ѣмстѣ уйти отъ нихъ. Капитанъ Страленбергъ отведенъ былъ сперва въ Москву, а потомъ въ Сибирь. Въ продолженіе тринадцатилѣтняго плѣна онъ ѣздилъ по этой странѣ для снятія карты ея и окончивъ трудъ свой, отправилъ его въ Москву къ какому-то купцу на сохраненіе. По смерти купца, карта представлена была Петру Великому, который приказалъ, чтобы составитель, когда потребуетъ ее назадъ, приведенъ былъ къ Государю. Провѣдавъ объ этомъ, Страленбергъ продолжалъ свои разъѣзды, чтобы со временемъ поднести Петру карту Сибири въ улучшенномъ видѣ. По заключеніи мира прибывъ въ Петербургъ, онъ дѣйствительно представилъ свою новую карту Императору, который будто бы предлагалъ ему мѣсто директора Межевой конторы. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ возвращенія въ Швецію, именно въ 1730 году, Страленбергъ издалъ въ Любекѣ свою карту, а вмѣстѣ съ нею и текстъ на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ „Историческое описаніе Сѣверной и Восточной части Европы и Азіи“ (Historische Beschreibung vom Nord-und Ostlichen Theil von Europa und Asia). Не смотря на грубыя ошибки и ложныя показанія, которыми, особенно въ отношеніи къ Россіи, исполнено это сочиненіе, оно въ свое время обратило на себя вниманіе Западной Европы и долго служило источникомъ географическихъ свѣдѣній о странахъ, которымъ посвящено. Страленбергъ продолжалъ въ Швеціи свое военное поприще, былъ комендантомъ крѣпости, достигъ 70-лѣтняго возраста и умеръ, въ чинѣ маіора, въ 1747 году, не былъ никогда женатымъ.

Особенную занимательность Эннесовой книгѣ придаютъ помѣщенныя въ концѣ ея записки, веденныя въ Россіи нѣкоторыми изъ плѣн-

ныхъ и доставленныя издателю потомками ихъ. На первый разъ представимъ здѣсь

Извлеченіе изъ записокъ прапорщика Густава Абрама Пипера впослѣдствіи генералъ-маіора и губернатора.

Прибывъ въ 1708 году въ Ригу, Пиперъ вмѣстѣ съ 15-ю другими офицерами отправился въ Литву, чтобы присоединиться къ шведской арміи; они надѣялись застать ее еще въ Минскѣ, но нагнали не ближе, какъ въ Могилевѣ. Описавъ потомъ нѣкоторые переходы своего полка и незначительныя стычки съ русскими отрядами, онъ разсказываетъ свои страданія отъ лихорадки и мороза, который въ тогдашнюю зиму, какъ и въ 1812 году, достигалъ необыкновенной степени; наконецъ, сидя въ плохо-запертомъ фургонѣ, онъ отморозилъ себѣ обѣ ноги, лежалъ въ лазаретѣ въ городкѣ Веприкѣ, занятомъ шведами, и едва не лишился ногъ, которые наконецъ, благодаря искусному фельдшеру, начали оправляться.

Въ Апрѣлѣ 1709 года, продолжаетъ Пиперъ, получили мы приказаніе выступить въ походъ и двинулись къ Полтавѣ. Я лежалъ въ фургонѣ. Когда полковой обозъ долженъ былъ проѣзжать передъ Королемъ, я завидѣлъ издали Его Величество въ сопровожденіи свиты, состоявшей человѣкъ изъ 50-ти, ѣхавшихъ намъ на-встрѣчу верхомъ. Такъ какъ я лежалъ полураздѣтый на постели, и крыша фургона была вполовину откинута для очищенія въ немъ воздуха, то мнѣ показалось неприличнымъ поклониться Королю въ такомъ видѣ, почему и оборотился спиною къ отверстію фургона и притворился спящимъ. Король, продолжая скакать вдоль цуга повозокъ, подъѣхалъ наконецъ къ моему фургону, остановился и спросилъ ѣхавшаго рядомъ съ нимъ полковника Аппельгрена: „Кто это лежитъ въ повозкѣ?“ Тотъ отвѣчалъ: „Это несчастный прапорщикъ Пиперъ, который отморозилъ себѣ ноги“. Король подъѣхалъ еще ближе и, наклонившись къ повозкѣ, спросилъ у слуги: „Спитъ онъ или нѣтъ?“ на что слуга отвѣчалъ: „Не знаю; развѣ только-что уснулъ“. И какъ Король стоялъ со своею лошадью близехонько отъ меня, то мнѣ казалось неловкимъ лежать спиной къ нему, а когда я повернулся, то онъ спросилъ меня: „Что, каково вамъ“? Я отвѣчалъ: „Еще очень плохо, Ваше Величество: не могу ступить ни на которую ногу“. „А что, сказалъ Король: онѣ у васъ цѣлы“? Я отвѣчалъ, что лишился пятокъ и пальцевъ, „Э! ничего не значитъ“, перервалъ Король; потомъ, положивъ свою ногу на сѣдельную луку, онъ обвелъ рукою полступни и прибавилъ: „Я видѣлъ людей, которые потеряли всю эту часть ноги, и ходили не хуже прежняго — набивши только сапогъ! Что говоритъ объ этомъ фельдшеръ?“ спросилъ Король, обратясь къ Аппельгрену. „Фельдшеръ полагаетъ, отвѣчалъ полковникъ, что онъ еще будетъ ходить“. „А

будетъ ли бѣгать?“ возразилъ Король. „Пусть благодаритъ Бога, замѣтилъ Аппельгренъ, если будетъ въ состояніи ходить, а о бѣганьѣ, кажется, ему ужъ нечего думать“. Отъѣхавъ немного, Король сказалъ Аппельгрену, отъ котораго я послѣ узналъ о томъ: „Жаль его: такой еще молодой человѣкъ!“

Во время осады Полтавы, я, для пріятности общества, былъ въ одной палаткѣ съ поручикомъ барономъ Унгерномъ и мало-по-малу началъ оправляться: сперва могъ только сидѣть, свѣсивъ ноги внизъ, потомъ съ палкой въ рукахъ сталъ немножко передвигаться, придерживаясь къ стѣнкѣ, а наконецъ пробовалъ и ѣздить верхомъ. Унгернъ изъ участія во мнѣ, находя, что я только ослабѣваю въ душной палаткѣ, которую весь день палило солнце, уговорилъ меня переселиться къ другу его, служившему въ Альбедилевыхъ драгунахъ, капитану Пастельбергеру, который тогда стоялъ въ деревнѣ Кведурки, въ 10-ти верстахъ отъ Полтавы. Вмѣстѣ съ нимъ я поѣхалъ туда верхомъ; Пастельбергеръ принялъ меня очень радушно и угощалъ всячески, такъ что силы мои быстро возстановились. По прошествіи мѣсяца, Альбедилеву полку приказано было выступить и расположиться поближе къ Полтавѣ; вскорѣ послѣ того, въ одинъ день, вся армія должна была стать въ боевомъ порядкѣ и ожидать прибытія русскихъ, которые въ 10 верстахъ оттуда переходили черезъ Ворсклу. Но они не имѣли намѣренія атаковать насъ, и какъ скоро ступили на берегъ, то укрѣпились за линію редутовъ или шанцевъ. Когда Карлъ XII услышалъ, что русскіе къ нападенію не готовятся, то онъ на 5 верстъ придвинулся съ своею арміею на встрѣчу имъ и простоялъ тамъ дня два, пока они окончили свою работу. Въ одинъ вечеръ обозъ получилъ приказаніе итти опять на 5 верстъ назадъ, а для прикрытія его оставлено было шесть слабыхъ полковъ, считавшихъ въ себѣ менѣе тысячи человѣкъ да тысячи двѣ или три Запорожскихъ казаковъ. Въ 3 часа утра пальба возвѣстила намъ начало сраженія; какъ выстрѣлы слышались все далѣе и далѣе, то мы сочли это добрымъ знакомъ. Наконецъ въ 2 часа пополудни 28 іюня раздались два безконечно-долгіе залпа и вслѣдъ затѣмъ передъ обозомъ показалась толпа непріятелей; но какъ скоро прикрывавшій насъ отрядъ двинулся противъ нихъ, они отступили. Вскорѣ явились изъ нашей арміи бѣжавшіе солдаты, отъ которыхъ мы узнали о ея пораженіи.

Насъ очень тревожила неизвѣстная участь Короля; наконецъ въ 5 часовъ вечера мы его увидѣли: онъ медленно ѣхалъ верхомъ, съ поднятою на сѣдлю ногою, на которой перевязка была распущена. Въ 8 часовъ обозу было велѣно тотчасъ же тронуться, и въ ту ночь сдѣлалось такое смятеніе, какого никто не могъ бы ожидать отъ столь побѣдоносной арміи: еслибъ непріятель тогда преслѣдовалъ насъ, то и Король и остальная часть арміи непремѣнно погибли бы: потому что никто не слушался и всякій шелъ куда вздумается — только бы

обогнать другихъ. Въ такомъ безпорядкѣ мы на другой день вечеромъ прибыли въ мѣстечко, гдѣ подполковникъ Функъ стоялъ съ тремя стами драгуновъ; Пастельбергеръ, который также былъ здѣсь, взялъ меня къ себѣ на квартиру, гдѣ я, подкрѣпивъ себя пищей и питьемъ, могъ отдыхать шесть часовъ сряду. Эскадроны начали собираться вокругъ своихъ знаменъ, и въ 7 часовъ вечера двинулись къ Кобелякамъ и Днѣпру, по теченію рѣки Ворсклы. Но тутъ мы увидѣли, верстахъ въ трехъ вправо отъ насъ, русскія войска, шедшія въ полѣ параллельно съ нами. Миновавъ Кобеляки, гдѣ съ 300 конницы стоялъ подполковникъ (впослѣдствіи фельдмаршалъ) Сильверъельмъ, мы весь слѣдующій день продолжали итти, страдая отъ ужаснаго зноя и невыносимой жажды, а въ 8 часовъ вечера, достигнувъ Днѣпра, стали внизу у самой рѣки, кромѣ Мейерфельтскаго полка, который расположился на высотѣ. Русская армія заняла также возвышенное поле верстахъ въ двухъ съ половиною отъ того полка и обступила насъ въ видѣ полумѣсяца, имѣя пѣхоту въ центрѣ, а конницу — на флангахъ: судя по глазомѣру, она составляла около 30,000 человѣкъ; начальствовали ею князь Меншиковъ и генералы Боуръ и Голицынъ [21]).

Я въ то время находился у капитана Пастельбергера, при Альбедилевомъ полку. Въ ночь къ намъ прибыло изъ арміи множество больныхъ и раненыхъ, изъ которыхъ одни благополучно переправились черезъ Днѣпръ, а другіе потонули. Будучи боленъ и въ отпуску, я также могъ бы перевезтись съ барономъ Унгерномъ, раненымъ подъ Полтавой; но какъ я однакожъ могъ уже порядочно сидѣть верхомъ, то рѣшился остаться у Пастельбергера и ждать, что̀ намъ пошлетъ судьба, — въ надеждѣ, что, имѣя еще 12,000 хорошей конницы, мы успѣемъ пробиться, а потомъ въ удобномъ мѣстѣ переправимся черезъ Днѣпръ и бросимся въ Волынь, куда могли бы послѣдовать за нами только легкіе, вовсе не страшные для насъ, непріятельскіе отряды. Подъ утро 1 іюля Его Величество переправился черезъ рѣку, поручивъ начальство надъ арміею графу Левенгаупту. Отрадно было смотрѣть, какъ воины, лежа на травѣ за связанными лошадьми и держа въ рукахъ свои маленькіе молитвенники, предавали себя въ волю Божію, послѣ чего, когда пропѣтъ былъ псаломъ, скомандовано садиться на коней и всѣ стали готовиться къ атакѣ. Однакожъ едва прошло нѣсколько минутъ, какъ отъ одного эскадрона къ другому стали ходить нѣкоторые изъ офицеровъ, вывѣдывая, надѣются ли войска отбиться отъ непріятеля, окружившаго насъ сильнымъ корпусомъ пѣхоты и артиллеріи. Тогда я слышалъ собственными ушами,

---

[21]) По журналу Петра Великаго, русскихъ въ Переволочну пришло только 9,000 человѣкъ, тогда какъ шведскаго войска здѣсь было 16,000. Кн. Меншиковъ не былъ отправленъ вмѣстѣ съ Голицынымъ и Боуромъ, а прибылъ послѣ въ подкрѣпленіе ихъ.

какъ драгуны Альбедилевой лейбъ-роты, состоявшей почти изъ однихъ ветерановъ, которые нѣкогда служили въ Венгріи и въ другихъ странахъ, отвѣчали: „Зачѣмъ насъ теперь объ этомъ спрашиваютъ? Прежде насъ никогда не спрашивали, а только все говорили: впередъ. Мы не можемъ сказать, разобьемъ ли ихъ, а сдѣлаемъ все, что въ человѣческой власти“.

Тотчасъ послѣ того намъ сказали, что состоялась капитуляція, что всѣ мы — военноплѣнные и что, по заключеніи мира, будемъ освобождены безъ выкупа. Когда драгунскій полкъ ґенерала Боура сталъ сходить съ возвышенности для пріема оружія, и трофеевъ арміи, я удивился, увидѣвъ, въ какомъ жалкомъ положеніи находились эти драгуны: при сходѣ ихъ съ горы, отъ 10 до 20 лошадей падало въ каждомъ эскадронѣ отъ изнуренія, а прочія едва стояли на ногахъ, шатаясь и пыхтя, такъ что наши эскадроны, величаво (?) подступавшіе для сдачи оружія, легко могли бы опрокинуть ихъ (?). Оружіе, бубны и штандарты положены были передъ этимъ обезсиленнымъ (?) войскомъ, и наши люди отъѣхали назадъ безоружные: горестное зрѣлище, на которое нельзя было смотрѣть безъ слезъ! Насъ, офицеровъ, потомъ распредѣлили по полкамъ, при которыхъ и записали имена наши, въ слѣдующій же день пошли мы обратно къ Полтавѣ, куда прибыли черезъ двое сутокъ и увидѣли армію, расположенную лагеремъ передъ самымъ городомъ. Черезъ городъ провели насъ какъ будто бы въ тріумфѣ, и, безъ сомнѣнія, Царь смотрѣлъ на насъ откуда-нибудь изъ окна.

Простоявъ недѣлю, вся Русская армія тронулась съ мѣста и нѣсколько дней мы шли съ нею; но напослѣдокъ всѣхъ плѣнныхъ офицеровъ раздѣлили на три отдѣленія. Я остался съ Пастельбергеромъ и попалъ въ то отдѣленіе, которому назначено было итти въ Черниговъ: оно состояло изъ 400 — 500 офицеровъ, подъ прикрытіемъ русскаго полка. Отъ зноя я такъ страдалъ жаждой и лихорадкой, что пришелъ въ совершенное изнеможеніе. Чѣмъ болѣе я удовлетворялъ жажду, тѣмъ мнѣ было хуже. Наконецъ я уже вовсе не могъ ѣхать верхомъ и, съ позволенія русскаго полковника, пересѣлъ въ крестьянскую телѣжку, въ которой повезъ меня добрый русскій солдатъ. Въ такомъ то положеніи прибылъ я въ Черниговъ, въ августѣ мѣсяцѣ; тамъ насъ помѣстили въ предмѣстіи.

Потомъ перевели насъ въ крѣпость, и безъ особеннаго позволенія мы не могли выходить изъ городскихъ воротъ, по городу же ходили безъ караула. Во время пребыванія нашего въ Черниговѣ, я и товарищъ мой старались найти возможность бѣжать. Насъ было три дома, которые сговаривались о томъ, именно: ротмистръ *Бокъ* съ шестью товарищами, маіоръ *Бандгольцъ* самъ-четвертъ, и я, то же самъ-четвертъ. Всего болѣе насъ озабочивалъ переходъ черезъ Днѣпръ, на которомъ, какъ мы знали, въ 70-ти верстахъ отъ Чернигова, стоялъ

казацкій постъ изъ 30-ти человѣкъ, почему мы и собрали по этому предмету всѣ справки черезъ нашего стараго, безрукаго казака, который вылѣчилъ меня отъ лихорадки. Бокъ и Бандгольцъ, у которыхъ еще были лошади, послали своихъ людей за городъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что имъ нужно было запастись сѣномъ: тѣ и развѣдали о направленіи и обо всѣхъ подробностяхъ дороги, до самаго Днѣпра. Когда же все было приготовлено, мы достали лошадей и оружіе. Бокъ и Бандгольцъ выпросили у коменданта позволеніе отправиться верхомъ въ деревню для покупки сѣна. Я съ товарищами надѣялся получить такое же позволеніе отъ плацъ-маіора; но какъ его на ту пору не было въ городѣ, то одинъ изъ насъ, корнетъ Линдау, пошелъ къ офицеру, стоявшему въ караулѣ у городскихъ воротъ. Послѣ многихъ затрудненій, онъ согласился на нашу просьбу; но прошло часа два, пока намъ дали караульныхъ. Мы поѣхали верхомъ изъ города; но какъ проводникъ былъ при партіи Бока, то мы не знали дороги. Около полудня увидѣли мы Бандгольца съ его спутниками; у нихъ также былъ проводникъ; но, полагая, что двѣ другія партіи успѣли уже ускакать далеко, они не думали болѣе о побѣгѣ, и хотѣли только немного попользоваться свободой. Мы въ полѣ стали сговариваться объ исполненіи прежняго плана, но на бѣду два офицера изъ свиты Бандгольца никакъ не рѣшались на это. Мы бы должны были пересилить бывшихъ при насъ четырехъ солдатъ и комендантскихъ егерей съ двумя офицерами, а насъ было всего только шесть человѣкъ. Къ тому же начинало смеркаться и мы, пожалуй, догнали бы партію Бока не прежде, какъ когда бы она уже сдѣлала тревогу на Днѣпрѣ. И такъ мы, въ крайней досадѣ, поспѣшили назадъ въ городъ, спрятавъ оружіе подъ платье, и прибыли, къ счастію, когда никто еще не замѣтилъ нашего отсутствія, такъ что мы могли тотчасъ же зарыть наше оружіе и огнестрѣльные припасы. Въ полночь пришелъ къ намъ на квартиру плацъ-маіоръ и, спрашивая, кто намъ позволилъ отлучиться, искалъ по всему дому оружія, однакожъ ничего не нашелъ. Послѣ узнали мы, что партія Бока до полуночи ждала насъ въ одномъ помѣстьѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Днѣпра, но, не дождавшись, напала на караульныхъ, и связавъ имъ руки и ноги, а въ ротъ положивъ кляпы, бросила ихъ въ сторону отъ дороги, потомъ ночью заняла паромъ прежде, нежели казаки успѣли помѣшать ей, переправилась черезъ рѣку и, поскакавъ по Волыни, благополучно возвратилась въ Швецію.

Послѣ того мы оставались въ Черниговѣ до 8 декабря; въ этотъ же день повели насъ въ Москву подъ стражею пѣхотнаго полка. Мы опять начали сговариваться о побѣгѣ, замышляя истребить весь полкъ; это предпріятіе, которое занимало всѣхъ болѣе стараго смѣльчака, подполковника Фрейденталя, казалось тѣмъ легче, что наша стража обнаруживала чрезвычайную безпечность и клала свои ружья на

наши повозки. Но одинъ изъ нашихъ, маіоръ и большой трусъ, открылъ этотъ замыселъ русскому полковнику: съ тѣхъ поръ стража стала гораздо бдительнѣе, не выпускала ружей изъ рукъ, и не давала намъ отдыха ни днемъ, ни ночью. У меня раны еще не зажили, и потому я, не имѣя времени перевязывать ихъ, страдалъ ужасно; однакожъ дня за четыре или за пять до Рождества (20 декабря) я благополучно пришелъ въ Москву, гдѣ на другой или на третій день происходило торжественное шествіе Царя чрезъ семь тріумфальныхъ воротъ; я, какъ больной, былъ освобожденъ отъ участія въ процессіи, да ноги мои и не вынесли бы того. Всѣхъ насъ больныхъ провезли на другой день въ саняхъ по тѣмъ же улицамъ и помѣстили на особой квартирѣ. Здѣсь каждый день насъ свидѣтельствовали и позволяли намъ ходить съ карауломъ по всему городу, кромѣ Нѣмецкой слободы

1710. Послѣ четырехнедѣльнаго здѣсь пребыванія насъ отправили изъ Москвы въ другія мѣста внутри края, при чемъ мы были раздѣлены на отряды, каждый изъ ста офицеровъ. Меня съ Пастельбергеромъ и офицерами нѣмецкихъ драгунскихъ полковъ повезли Вологодской губерніи въ городъ Галичъ [22]), до котораго 500 верстъ отъ Москвы. Путь нашъ лежалъ черезъ Переяславль-Рязанскій, Ярославъ и Кострому, и въ началѣ февраля прибыли мы на мѣсто.

Около весны стали мы — числомъ отъ 10 до 12 офицеровъ — опять совѣщаться о бѣгствѣ, на этотъ разъ черезъ Финляндію, и уже достали себѣ ландкарту, компасъ, оружіе и огнестрѣльные припасы; но одинъ адъютантъ, по имени Бринкъ, котораго мы для языка приглашали съ собою, явился къ оберъ-коменданту и донесъ о нашемъ намѣреніи; къ счастію, мы за часъ передъ тѣмъ провѣдали о его измѣнѣ и успѣли еще скрыть приготовленныя къ отъѣзду вещи. Правда, насъ все-же взяли и посадили въ приказъ; корнета Линдау заковали даже въ цѣпи, а помогавшую намъ русскую женщину наказали; но мы обвинили Бринка во лжи и до того надоѣдали оберъ-коменданту, что онъ радъ былъ отъ насъ отдѣлаться, поставивъ насъ на прежнюю ногу.

1711. Въ Галичѣ, городѣ не очень большомъ, насъ было довольно много — именно 100 человѣкъ офицеровъ и 50 нижнихъ чиновъ. Въ праздничные дни нерѣдко случались драки между нами и русскими. Наконецъ рѣшено было раздѣлить насъ: 50 человѣкъ должны были остаться, 30 назначено отправить въ Солигаличъ и 20 — въ Чухлому. Мнѣ комендантъ предлагалъ остаться; но какъ товарищу моему надобно было ѣхать въ Чухлому, то я предпочелъ присоединиться къ нему: въ февралѣ мѣсяцѣ мы пустились въ дорогу.

Житье наше въ Чухломѣ было тѣмъ тягостнѣе, что мы, будучи безъ денегъ, не могли помогать другъ другу. Намъ было запрещено

---

[22]) Нынѣ Костромской губерніи.

посылать письма куда бы ни было, кромѣ Галича. Нѣкоторые изъ насъ впали отъ того въ совершенное отчаяніе, между прочими одинъ корнетъ хорошей фамиліи, который и принялъ русскую вѣру. Другихъ горе привело къ благочестивымъ размышленіямъ о состояніи души ихъ: жаль только, что мы имѣли большой недостатокъ въ духовныхъ книгахъ; съ нами только и было нѣсколько сборниковъ церковныхъ пѣсенъ и кое-какія религіозныя сочиненія, тѣ и другія на нѣмецкомъ языкѣ. Библію имѣли мы въ одномъ только экземплярѣ, да и то неполномъ: листы, заключавшіе въ себѣ малыхъ пророковъ, были вырваны. Мнѣ поручили должность пастора, и чтобы распространить между нами церковныя пѣсни въ большемъ числѣ экземпляровъ, я сталъ переписывать ихъ. Надобно было придумать и средство для прокормленія себя: я переписалъ также нѣсколько экземпляровъ „Кавалерійскаго ученія", и болѣе достаточные изъ жившихъ въ Галичѣ офицеровъ платили мнѣ по рублю за экземпляръ, но сбытъ и тамъ былъ плохой. Тогда я соединился съ однимъ корнетомъ, который умѣлъ работать разныя вещицы изъ рога; онъ дѣлалъ роговыя табакерки, а я вырѣзывалъ на нихъ листья и девизы; русскіе платили намъ отъ 6 до 12 коп. за штуку, но и ихъ покупали у насъ не много. Слуга мой прибѣгнулъ къ фельдшерскому ремеслу, и, выучившись у меня дѣлать пластыри и перевязывать раны, могъ за счастливое лѣченіе выручить столько же, сколько я за табакерку. Такими неприбыльными ремеслами невозможно было бы содержать себя, еслибъ съѣстные припасы не были здѣсь чрезвычайно дешевы: бочка ржи стоила 30 коп., быкъ 80 коп. (за продажею кожи и сала одно мясо стоило 30 коп.), 40 яицъ 1 коп., 6 цыплятъ 1 коп., 1 баранъ 7 или 8 коп., 4 зайца 1 коп., и проч. Но въ этотъ годъ открылся въ тѣхъ мѣстахъ скотскій падежъ, такъ что изъ 100 коровъ въ городѣ не осталось и 7-ми; отъ этого цѣны нѣсколько возвысились и средства къ пропитанію все становились труднѣе, такъ что я и товарищъ мой, вставая поутру, частехонько не знали, какъ проживемъ до вечера.

Но мы научились уповать на Промыслъ Божій, и я долженъ воздать хвалу Господу, потому что никогда не отходилъ ко сну голодный. Въ примѣръ того, съ какою дивною благостью Провидѣніе пеклось о насъ, я долженъ привести слѣдующее. Въ одно лѣтнее утро, когда мы только-что встали, товарищъ мой сказалъ: „Богъ знаетъ, что́ мы сегодня будемъ ѣсть; у насъ нѣтъ ни припасовъ, ни денегъ". Я ничего не умѣлъ отвѣчать на это и сѣлъ писать къ столу, а онъ расположился у открытаго окна и сталъ смотрѣть на улицу. Въ то самое время мимо нашего дома шелъ такъ называемый приставъ, знакомый намъ *Василій*. Увидѣвъ Пастельбергера, онъ сказалъ: „Что ты сидишь сложа руки и такъ пригорюнился?" Тотъ отвѣчалъ: „Намъ времени некуда дѣвать, и житье наше не радостное, когда нечего ѣсть". Тогда приставъ вошелъ къ намъ съ такими словами: „Не унывайте,

Богъ вамъ поможетъ. Я радъ дѣлиться съ вами чѣмъ могу. Я сейчасъ отъ коменданта, который по одному дѣлу посылаетъ меня въ деревню, и для этого мнѣ нельзя остаться безъ денегъ; но вотъ мой кошель: высыпьте изъ него на столъ все, что въ немъ есть; половину отдайте мнѣ на дорогу, а другую возьмите себѣ". Пастельбергеръ опросталъ кошелекъ; въ немъ оказалось 16 копеекъ, изъ которыхъ мы и получили 8.

1712. Какъ ни горько провелъ я предшедшій годъ, однакожъ первая половина этого была самымъ тяжелымъ временемъ моей жизни: чтобы дать о томъ понятіе, довольно сказать, что я и человѣкъ мой вмѣстѣ проживали не болѣе 12 коп. въ мѣсяцъ. Пища наша главнымъ образомъ состояла въ овсяной похлебкѣ и толстыхъ, довольно сухихъ блинахъ. Наконецъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ коммиссаріатъ изъ Москвы прислалъ намъ по 6 талеровъ серебромъ на брата, а я сверхъ того получилъ 6 рублей отъ генерала графа Пипера: такимъ образомъ намъ было чѣмъ уплатить наши маленькіе долги, кредитъ нашъ поправился и мы въ остальную часть года могли быть менѣе недовольны своимъ положеніемъ.

1713. Въ началѣ этого года намъ доставлено еще небольшое пособіе изъ Москвы, что́ вмѣстѣ съ деньгами, прежде выданными мнѣ изъ казны во время моего плѣна, составило около 60 талер. сер.: болѣе я ровно ничего не получилъ за семь лѣтъ службы и всѣ невзгоды, которыя въ продолженіе ихъ вытерпѣлъ. Около Иванова дня прибылъ къ намъ новый комендантъ или воевода: прежній, по имени Майковъ, человѣкъ строгій и крутой, былъ отозванъ въ Петербургъ, а на мѣсто его назначенъ Рязановъ. Когда онъ насъ принималъ, то на перекличкѣ, услышавъ мое имя, спросилъ, родня ли я генералу графу Пиперу; я отвѣчалъ утвердительно. „Ты такъ худо одѣтъ", продолжалъ онъ: „развѣ онъ тебѣ не помогаетъ?" Я сказалъ, что вѣроятно графъ ничего не знаетъ о моемъ положеніи, такъ какъ намъ запрещено писать къ кому бы ни было; но что, впрочемъ, если я буду на поруки отпущенъ въ Москву, то не сомнѣваюсь, что генералъ окажетъ мнѣ вспоможеніе. Воевода отвѣчалъ, что самъ онъ не имѣетъ права дать мнѣ отпускъ въ Москву, но что онъ позволитъ мнѣ съѣздить въ Вологду къ начальнику его, вице-губернатору, у котораго я и могу отпроситься въ Москву. Черезъ нѣсколько дней, именно 12 іюня, онъ выдалъ мнѣ паспортъ я и отправился въ Вологду, гдѣ вице-губернаторъ, по просьбѣ и за ручательствомъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ ему шведскихъ офицеровъ, разрѣшилъ мнѣ побывать въ Москвѣ.

Пробывъ въ этой столицѣ нѣсколько недѣль и успѣвъ хоть сколько-нибудь запастись платьемъ и деньгами, я хотѣлъ уже возвратиться въ Чухлому — радуясь, что кое-какъ поправилъ свои дѣла; но судьба устроила иначе. Въ бытность мою въ Москвѣ, я въ свободные часы

помогалъ секретарямъ Седеръельму и Дюбену, а также придворному проповѣднику Нордбергу переписывать начисто разныя бумаги; мой почеркъ имъ понравился и они, замѣчая во мнѣ склонность къ письмоводству, желали удержать меня поближе къ себѣ, а потому и предложили мнѣ лучше остаться въ Москвѣ, чѣмъ ѣхать опять за тридевять земель, въ такую глушь, гдѣ я уже столько вытерпѣлъ. Я отвѣчалъ, что и самъ былъ бы очень доволенъ тѣмъ, только боюсь, не было бы это непріятно графу Пиперу. Тогда они вызвались переговорить съ нимъ обо мнѣ, и черезъ нѣсколько дней дѣйствительно устроили дѣло такъ, что московскій комендантъ принялъ меня въ свое вѣдѣніе и написалъ о томъ къ вице-губернатору въ Вологду. На меня возложено было вести довольно обширную переписку его сіятельства графа Пипера какъ съ королемъ, такъ и съ русскимъ правительствомъ по дѣламъ плѣнныхъ, далѣе съ шведскими властями и коллегіями, а также со всѣми разсѣянными по Россіи отдѣленіями нашихъ плѣнныхъ офицеровъ. Сверхъ того я получилъ приказаніе переписывать на-бѣло реестръ всѣмъ письмамъ и отношеніямъ, изготовленнымъ въ плѣну отъ имени графовъ Пипера, Реншильда и другихъ шведскихъ генераловъ, — что составило обширный трудъ, заключавшій въ себѣ болѣе 200 шестилистовыхъ тетрадей.

1714. Еще я переписывалъ на-чисто, съ особеннымъ усердіемъ и тщаніемъ, молитвы, переведенныя графомъ Пиперомъ изъ нѣмецкаго сочиненія Арндта: „Истинное Христіанство", такъ что у меня въ работѣ недостатка не было. Находя въ томъ свою пользу, я трудился неутомимо и этимъ наконецъ снискалъ благорасположеніе графа, человѣка вообще строгаго и взыскательнаго. Во время пребыванія у его сіятельства, въ августѣ мѣсяцѣ, я тяжко занемогъ, и нѣсколько дней былъ такъ плохъ, что самъ не зналъ, живъ ли я или мертвъ; но вскорѣ опять выздоровѣлъ и совсѣмъ поправился.

Дней за десять до Рождества, въ томъ же году, къ московскому коменданту Измайлову пришло царское повелѣніе: графа Пипера немедленно отвезти въ Петербургъ, съ тѣмъ, чтобъ при немъ не было никого, кромѣ его камердинера, одного лакея и повара. Это предписаніе объявлено было графу въ 9 часовъ утра, а въ 6 ч. вечера онъ былъ уже въ дорогѣ. Самъ онъ былъ сильно встревоженъ; не менѣе поражены были и мы, его домашніе люди, особливо, когда онъ, прощаясь, сказалъ: „будь я годами двадцатью моложе, мнѣ мало было бы горя". У него была маленькая собачка, которую онъ чрезвычайно любилъ: „не хочу, чтобъ она пропала, если я умру, сказалъ онъ: и такъ возьми ее къ себѣ и не обижай ее, хотя она не жаловала тебя (она никогда не давала мнѣ подойти къ графу ближе какъ шаговъ на пять), а ежели возвратишься въ Швецію, отдай ее моей графинѣ". Въ ту же минуту я взялъ собачку къ себѣ и отнесъ въ свою комнату; она привязалась ко мнѣ такъ же, какъ къ графу, но не долго радовала

меня: не брала ничего въ ротъ и частью съ голоду, частью съ печали умерла черезъ три недѣли.

1715. Я, вмѣстѣ съ прочими домашними людьми графа, оставался съ тѣхъ поръ въ Москвѣ, живя въ тишинѣ на той же квартирѣ; но генералы, полковники и другіе офицеры были развезены по близлежащимъ монастырямъ. Въ началѣ февраля московскій комендантъ получилъ изъ Петербурга приказаніе выбрать изъ числа плѣнныхъ одного капитана, одного поручика, трехъ прапорщиковъ, одного пастора и одного коммиссара и прислать ихъ въ Петербургъ для размѣна. Вмѣстѣ съ тѣмъ предписывалось, чтобы эти люди были изъ старшихъ плѣнныхъ, не принадлежали къ знатному роду и не служили въ гвардіи или лейбъ-полкахъ. Не соединяя въ себѣ этихъ условій, я вовсе не думалъ объ освобожденіи, но придворный проповѣдникъ Нордбергъ хлопоталъ о своемъ отъѣздѣ. Разъ, когда я сидѣлъ за своимъ дѣломъ, вошелъ ко мнѣ полковой пасторъ Линдбергъ, очень знающій и благочестивый человѣкъ, и спросилъ меня, не стараюсь ли я попасть въ число плѣнныхъ, назначаемыхъ для размѣна. Я отвѣчалъ, что, будучи теперь совершенно спокоенъ духомъ, стану терпѣливо ожидать, когда по волѣ Божіей придетъ часъ освобожденія: потому что, не имѣя ни требуемыхъ качествъ, ни денегъ, я не могу надѣяться быть выбраннымъ. Но добрый пасторъ ободрилъ меня, обѣщалъ мнѣ свою помощь и прибавилъ, что онъ постарается устроить дѣло черезъ знакомую ему даму, вдову подполковника Мортона, которая, по дружбѣ съ семействомъ коменданта, можетъ въ этомъ случаѣ быть намъ полезною. Въ самомъ дѣлѣ, при посредничествѣ г-жи Мортонъ, я былъ включенъ въ списокъ освобождаемыхъ, названъ *Пейферомъ* и причисленъ, въ чинѣ прапорщика, не къ гвардіи, а къ Остготской пѣхотѣ.

Теперь надобно было достать денегъ и вексель на имя какого-нибудь купца въ Петербургѣ, гдѣ также предстояли мнѣ разныя издержки. Я сбирался обратиться въ Москвѣ къ купцу Шлитерну, который снабжалъ шведскихъ офицеровъ векселями, и потому просилъ полковника барона Горна и секретаря Дюбена поручиться за меня. Когда я пришелъ къ Шлитерну, онъ тотчасъ изъявилъ готовность ссудить меня деньгами; увидѣвъ же принесенныя мною поручительства, сказалъ: „Was soll ich mit den Papieren machen? Ich glaube, dass er ein ehrlicher Mensch ist, und wird mir zu seiner Zeit wohl bezahlen (т. е. На что мнѣ эти бумаги? Я вѣрю, что вы честный человѣкъ и въ свое время расплатитесь со мною исправно)“. Я поблагодарилъ его за довѣренность и отослалъ обоимъ поручителямъ бумаги ихъ съ благодарностью.

Черезъ нѣсколько дней, въ срединѣ февраля, пустились мы въ дорогу; насъ было семь человѣкъ: придворный проповѣдникъ магистръ Нордбергъ, капитанъ Меландеръ, поручикъ Лаппъ, я, пра-

порщики Гультъ и Ротфельтъ и Герсъ, сверхъ того пять служителей; бывшая при насъ стража состояла изъ капрала и четырехъ нижнихъ чиновъ. Въ какомъ-то городкѣ, не далѣе какъ верстахъ въ 60 отъ Москвы, встрѣтили мы непріятную задержку. Меландеръ отправился къ воеводѣ для предъявленія нашего паспорта; тотъ, увидѣвъ, что въ этой бумагѣ не показаны наши слуги, велѣлъ немедленно посадить ихъ въ приказъ. Напрасно мы представляли ему, что это ни на что не похоже и что московскій комендантъ, конечно, не скажетъ ему спасибо за такое распоряженіе: онъ не обратилъ вниманія на наши слова, и какъ скоро явились подводы, велѣлъ намъ убираться безъ слугъ изъ города. Когда же мы отвѣчали, что безъ нихъ не тронемся изъ комнаты, то онъ началъ стращать насъ. Однакожъ никто къ намъ не прикоснулся. Между тѣмъ, чуть только смерклось, Меландеръ тайкомъ поѣхалъ назадъ въ Москву, и еще до разсвѣта возвартился оттуда съ предписаніемъ коменданта и строгимъ выговоромъ воеводѣ. Рано утромъ пошелъ онъ къ воеводѣ, и, еще не показывая своей бумаги, сталъ опять просить его объ отмѣнѣ приказанія; но какъ тотъ не перемѣнялъ вчерашняго тона, то онъ наконецъ и представилъ ему привезенное предписаніе: тутъ воевода нашъ перемѣнился, тотчасъ же отпустилъ слугъ и со всевозможною вѣжливостью пожелалъ намъ счастливаго пути.

Мы продолжали путешествіе безъ особенныхъ приключеній: только верстъ за десять до Петербурга, ночью, подъ нами непремѣнно подломался бы тонкій ледъ на Невѣ и мы бы всѣ погибли, еслибъ насъ не предостерегъ честный русскій, съ которымъ мы встрѣтились. И такъ мы въ Петербургъ прибыли благополучно и остановились по ту сторону рѣки. На другой день нашъ капралъ отправился къ сенатору князю Долгорукову, который прежде былъ военноплѣннымъ въ Швеціи и бѣжалъ оттуда, а теперь завѣдывалъ всѣми плѣнными шведами. Ему капралъ отдалъ бумагу отъ московскаго коменданта, и Долгоруковъ приказалъ въ слѣдующій день всѣмъ намъ явиться въ сенатъ, который засѣдалъ въ крѣпости, также по ту сторону рѣки. Назавтра всѣ мои товарищи собрались итти черезъ рѣку: ѣздить по льду было уже невозможно; я же одинъ остался на квартирѣ, частью потому, что не въ состояніи былъ ходить такъ далеко пѣшкомъ, а частью и съ тѣмъ, чтобъ присмотрѣть за нашей поклажей.

Когда другіе пришли въ сенатъ, Долгоруковъ послалъ за капитаномъ на гауптвахту, находившуюся противъ сенатскаго дома, и приказалъ ему принять ихъ. Наше новое помѣщеніе, по тѣснотѣ и безпрестанному шуму, было очень безпокойно: черезъ каждые два часа, при смѣнѣ часовыхъ, насъ пересчитывали. Я имѣлъ то преимущество, что еще нѣсколько дней оставался на квартирѣ; но какъ скоро Нева вскрылась, то и меня перевезли туда на лодкѣ. Наискосокъ отъ гауптвахты, шагахъ во 100 оттуда, намъ виденъ былъ домъ, гдѣ содержался

графъ Пиперъ. Ему позволялось каждый день въ обѣденное время прохаживаться передъ своимъ жилищемъ. Мы смотрѣли на него съ соболѣзнованіемъ, но не смѣли вступать съ нимъ въ разговоръ. И во все время моего пребыванія въ Петербургѣ мнѣ не удалось поговорить съ нимъ; я только разъ видѣлъ его на проповѣди въ домѣ генералъ-фельдцейхмейстера Брюса.

Мы каждый день просили бывшаго въ караулѣ офицера, чтобъ онъ позволилъ двоимъ изъ насъ итти въ сенатъ поговорить съ княземъ Долгоруковымъ, который ежедневно бывалъ тамъ; но всегда получали въ отвѣтъ: „не смѣю". Черезъ нѣсколько дней караулъ сняла гренадерская рота; пришедшій съ нею капитанъ былъ статный, пожилой и, повидимому, умный офицеръ, по имени Пѣвцовъ. На вопросъ его, что́ мы за люди, смѣнявшійся капитанъ отвѣчалъ, что мы шведскіе офицеры, присланные для размѣна. „Этимъ людямъ" — замѣтилъ Пѣвцовъ — „не слѣдуетъ сидѣть здѣсь на гауптвахтѣ съ офицеромъ, которому они въ тягость, да и самимъ имъ ни днемъ, ни ночью нѣтъ покою". Эти слова ободрили насъ, и, когда прежній капитанъ удалился, мы описали вновь прибывшему наше житье, съ просьбою, нельзя ли завтра двоимъ изъ насъ отправиться въ сенатъ къ Долгорукову. Онъ обѣщалъ позволить это и вообще обходился съ нами очень ласково. На другое утро капитанъ Меландеръ и магистръ Нордбергъ пошли въ сенатъ, дождались тамъ пріѣзда Долгорукова и просили его на латинскомъ языкѣ, который онъ понималъ, приказать отвести намъ квартиру въ городѣ. Князь послалъ за капитаномъ и приказалъ ему выпустить насъ, нанявъ намъ квартиру въ городѣ, недалеко отъ крѣпости. Это было сдѣлано къ вечеру, и мы перебрались на новое мѣсто, гдѣ наблюдалъ за нами поручикъ съ десятью человѣками. Мы жили на хлѣбахъ, за рубль въ недѣлю, у нѣмки, которую зналъ коммиссаръ Герсъ еще въ Москвѣ. Такъ было до мая мѣсяца: передъ нашими глазами отходило въ Финляндію множество транспортныхъ судовъ, но объ насъ никто и не думалъ, такъ что мы уже стали недоумѣвать, будетъ ли размѣнъ или нѣтъ.

Наконецъ разъ поутру входитъ къ намъ караульный офицеръ и объявляетъ, что получилъ приказаніе сейчасъ же привести насъ въ сенатъ на смотръ. Мы, не теряя времени, начали готовиться къ тому и, помня совѣтъ московскаго коменданта, чтобы мы представлялись какъ можно болѣе жалкими, старались устроить свой нарядъ согласно съ этимъ. На мнѣ былъ овчинный тулупъ, который я въ Москвѣ купилъ совсѣмъ новый на дорогу; но Меландеръ безпрестанно дразнилъ меня моей бѣлой шубой: самъ онъ досталъ себѣ совершенно испачканную. Я подпоясался довольно грязнымъ полотенцемъ, счесалъ волосы на лицо. На головѣ у меня была черная овчинная шапка, а на ногахъ изношенные сапоги; опираясь на палку, я хромалъ. Товарищи мои одѣлись въ такомъ же вкусѣ и походили болѣе на нищихъ,

нежели на порядочныхъ людей. Мы стояли въ сенатскихъ сѣняхъ до 12 часовъ, когда услышали шумъ стульевъ, означавшій, что засѣданіе кончилось. Дверь отворилась, и насъ позвали. Старый Долгоруковъ сказалъ прочимъ сенаторамъ: „Вотъ нѣсколько шведскихъ плѣнныхъ, которыхъ московскій комендантъ прислалъ сюда для размѣна: не хотите ли посмотрѣть ихъ и приказать сдѣлать имъ перекличку?“ Когда писарь сталъ читать вслухъ списокъ нашихъ именъ, сенаторы обратили всего болѣе вниманіе на фигуру магистра Нордберга, потому что на немъ былъ суконный сюртукъ коричневаго цвѣта; но Долгоруковъ объяснилъ имъ, что это скромный пасторъ, безъ всякаго особеннаго почета. По окончаніи переклички, Долгоруковъ, подойдя ко мнѣ, сказалъ: „Я слышалъ, что одинъ изъ васъ служилъ въ гвардіи, — кто же это?“ Я отвѣчалъ, что такого между нами нѣтъ, и онъ болѣе не упоминалъ о томъ. Послѣ этого, обратясь къ другимъ сенаторамъ, спросилъ онъ: „Какъ вамъ показались эти шведы?“ Они отвѣчали, что всѣ мы люди такого рода, что безъ всякаго опасенія можно отпустить. Очень довольные этимъ замѣчаніемъ, мы пошли домой въ твердой надеждѣ, что будемъ освобождены.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того насъ посадили на пять галеръ, подъ прикрытіемъ которыхъ должны были итти въ Финляндію суда съ провіантомъ. Мы пришли въ Кронштадтъ, куда изъ Петергофа прибылъ и Царь съ Царицею въ гости къ князю Меншикову. На нашу бѣду въ тотъ самый день на рейдѣ показалось нѣсколько кораблей. Въ предположеніи, что это, можетъ быть, шведскія суда, полковнику, командовавшему галерами, велѣно было тотчасъ же отправиться въ море на рекогносцировку; а какъ онъ, безъ сомнѣнія, сказалъ, что везетъ плѣнныхъ шведовъ, то приказано высадить насъ на пристань, сбросивъ туда и нашу поклажу, состоявшую по большей части изъ кадочекъ и мѣшковъ со съѣстными припасами. Насъ окружила на пристани стража; около полудня поднялась ужасная буря съ дождемъ, такъ что мы скоро промокли до костей. Часа въ три послѣ обѣда мы увидѣли Царя и Царицу, шедшихъ на пристань въ сопровожденіи князя Меншикова и многочисленной свиты дамъ и кавалеровъ. Узкая пристань почти вся была загромождена нашими пожитками, и потому Государь съ своею Супругой и со всѣми приближенными кое-какъ только могли пробраться по сторонкѣ. Царь взглянулъ на насъ, и всѣ мы боялись его гнѣва. Нашъ страхъ былъ однакожъ напрасенъ: Государь сѣлъ въ свою яхту и отправился въ Петергофъ; вечеромъ же пришелъ поручикъ кронштадтскаго гарнизона и отвелъ насъ въ земляной редутъ.

Здѣсь провели мы три дня въ тяжкомъ заключеніи и горѣ, потерявъ уже надежду на освобожденіе. Къ тому же трое изъ моихъ товарищей напились пьяны и сдѣлались такъ безпокойны, что невозможно было съ ними справиться. На четвертый день вечеромъ при-

шелъ къ намъ поручикъ петербургскаго гарнизона и сказалъ, чтобы мы готовились въ путь, потому что ему велѣно отвезти насъ назадъ въ Петербургъ. Услышавъ это, мы впали въ совершенное уныніе, и въ добавокъ еще должны были унимать нашихъ буйныхъ товарищей, которымъ казалось, что теперь они имѣютъ полное право кричать, шумѣть и бѣситься. Насъ тотчасъ отвели на пристань, гдѣ стояла лодка, нагруженная кулями муки. Страшная буря, морской туманъ и сильный дождь заставили поручика отложить наше отплытіе: цѣлую ночь пролежали мы подъ дождемъ и опять промокли, стараясь успокоить нашихъ пьяныхъ товарищей, которымъ и поручикъ грозилъ побоями, если они не перестанутъ шумѣть въ ночное время подъ самою крѣпостью.

На другой день рано утромъ мы пустились по взморью, которое въ длину составляетъ не много болѣе 20 верстъ; но при сильномъ вѣтрѣ, переплыли это разстояніе не ранѣе, какъ къ часу, да и то насъ чуть не залили волны. Близъ устья Невы мы причалили къ берегу, чтобы вычерпать воду изъ лодки и нѣсколько отдохнуть, а потомъ стали грести противъ теченія рѣки. Чтобы защититься отъ вѣтра, нашъ поручикъ вошелъ въ тотъ рукавъ Невы, который протекаетъ къ сѣверу отъ Васильевскаго острова. Это показалось капитану Меландеру страннымъ, и онъ, проклиная судьбу свою, сталъ утверждать, что насъ везутъ совсѣмъ не въ Петербургъ, а въ Шлиссельбургъ, гдѣ и заключатъ насъ въ тюрьму, съ тѣмъ, чтобы никогда уже не выпустить. Магистръ Нордбергъ, поручикъ Лаппъ и я, хоть тоже не совсѣмъ спокойные на этотъ счетъ, утѣшали Меландера, какъ умѣли, но онъ все продолжалъ шумѣть и бѣсноваться, повторяя часто имя Шлиссельбургъ. Русскій поручикъ, догадываясь по этому слову, въ чемъ дѣло, и притомъ самъ понимая немного по-шведски, спросилъ меня: „Что̀ капитанъ говоритъ и о чемъ онъ такъ тревожится?“ Видя, что я не рѣшаюсь отвѣчать, поручикъ шепнулъ мнѣ на ухо (я сидѣлъ возлѣ него у руля): „я очень хорошо понимаю, что̀ онъ говоритъ; погоди, я подшучу надъ нимъ“, и черезъ минуту онъ началъ такъ: „Братцы дорогіе, жаль мнѣ васъ: я знаю, что вы изъ Москвы присланы сюда для размѣна и въ этой надеждѣ сдѣлали трудное и убыточное путешествіе, но я долженъ предупредить васъ, что вамъ освобожденія не будетъ; мнѣ приказано везти васъ въ Шлиссельбургъ, и тамъ вы просидите до зимы, а потомъ опять возвратитесь въ Россію“. При этихъ словахъ Меландеръ навострилъ уши и сталъ шумѣть пуще прежняго, ругая безъ пощады насъ, товарищей своихъ, за то, что мы ему противорѣчили и утѣшали его. Но я въ душѣ такъ смѣялся забавной выдумкѣ поручика, что не хотѣлъ отвѣчать на грубости Меландера и въ наказаніе за его безуміе далъ ему полную волю горячиться и выходить изъ себя. Наконецъ около полуночи мы достигли Петербурга, но тутъ встрѣтили новое затрудненіе: поручикъ намѣре-

вался продержать насъ всю ночь въ лодкѣ, поутру же сдать насъ въ крѣпости и оставить на гауптвахтѣ, какъ ему было приказано. Мы по опыту уже знали, что́ это значитъ, и потому умоляли его позволить намъ отправиться на прежнюю нашу квартиру; онъ долго не соглашался, но наконецъ уступилъ нашимъ просьбамъ. Послѣ къ намъ приставили и прежнюю стражу; но мы, проученные первою неудачею, не слишкомъ уже настаивали, чтобъ насъ освободили.

Прошло три недѣли. Разъ, во время нашего обѣда, приходитъ къ намъ поручикъ изъ крѣпости и говоритъ, чтобы мы опять готовились въ путь: потому что ему велѣно сдать насъ на провіантскіе шкуты, которые стоятъ у пристани и должны отплыть въ Финляндію. Почти уже потерявъ надежду на освобожденіе, мы не мало тому обрадовались, и потому еще до наступленія вечера поспѣшили перебраться на суда. Я попалъ на одинъ шкутъ съ капитаномъ Меландеромъ, комиссаромъ Герсомъ и квартирмейстеромъ Брюсомъ; но людей нашихъ взяли у насъ и посадили вмѣстѣ съ плѣнными изъ рядовыхъ, работавшихъ въ крѣпости; это мнѣ было очень непріятно, потому что я лишался вѣрнаго и честнаго слуги, который былъ при мнѣ во все время плѣна и много вытерпѣлъ вмѣстѣ со мною. Мартынъ Плицеръ (такъ его звали) былъ сынъ смотрителя на желѣзномъ заводѣ и, при многихъ добрыхъ качествахъ, былъ въ добавокъ еще искусный поваръ, такъ что мнѣ во время нашего плаванія очень не доставало его. На другой день мы отплыли и къ вечеру прибыли въ Кронштадтъ, а на слѣдующій день (4-й послѣ Троицына) въ 10 часовъ утра, при ясной погодѣ и попутномъ вѣтрѣ, поплыли далѣе; наша флотилія состояла изъ 30 провіантскихъ шкутовъ, подъ прикрытіемъ двухъ галеръ. Командовавшій нашимъ судномъ русскій капитанъ вздумалъ воспользоваться пріятною погодой, сѣлъ въ лодку и велѣлъ перевезти себя на другой шкутъ, чтобы пообѣдать съ однимъ изъ своихъ товарищей; но не прошло часа, какъ вѣтеръ усилился, и поднялась такая буря, что всѣ суда разбросало въ разныя стороны; вскорѣ мы, при сильномъ дождѣ и морскомъ туманѣ, не знали уже, куда насъ несетъ. На нашемъ суднѣ было 24 русскихъ солдата, но изъ нихъ только двое могли бы кое-какъ управлять имъ, еслибъ не потерялись совершенно; товарищи же мои всѣ занемогли морскою болѣзнію и сами себя не помнили. Что до меня, то, не бывавъ никогда въ такомъ положеніи, я не имѣлъ ни малѣйшей опытности. Нѣсколько часовъ носились мы безъ парусовъ среди ужасной тьмы, дождя и бури; вдругъ налетѣлъ огромный валъ, разбилъ руль и оторвалъ его съ страшнымъ трескомъ, такъ что всѣ мы остолбенѣли. Видя явную опасность, я сталъ размышлять, какъ безразсудно съ моей стороны было искать освобожденія, и что я поступилъ бы гораздо лучше, еслибъ вмѣстѣ съ другими дождался времени общаго размѣна плѣнныхъ. Я сошелъ внизъ подъ палубу, бросился на свою убогую постель, устроенную на куляхъ муки; и усердно

помолился Богу, чтобы онъ помиловалъ мою грѣшную душу: это такъ укрѣпило и успокоило меня, что я всталъ съ полною надеждою на спасеніе. Потомъ я отправился къ комиссару Герсу, который, страдая морскою болѣзнью, лежалъ полумертвый въ каютѣ. Такъ какъ онъ когда-то служилъ на морѣ, то я разсказалъ ему, въ какихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ мы находимся, и просилъ его совѣта. Онъ отвѣчалъ, что мы рискуемъ сѣсть на мель, и что для избѣжанія этого лучше всего было бы привязать къ кормѣ, съ обѣихъ сторонъ судна, два длинныя весла и, поднявъ фокъ, держаться въ открытомъ морѣ. Я пошелъ къ русскимъ солдатамъ, которые сидѣли полумертвые на палубѣ. Когда я растолковалъ имъ, что̀ надобно сдѣлать по совѣту Герса, то они съ неудовольствіемъ отвѣчали, что я плѣнный и не имѣю права имъ приказывать, что они во всякомъ случаѣ должны погибнуть, и что, слѣдовательно, не для чего трудиться. „Знаю, сказалъ я, что я плѣнный и не могу вамъ приказывать, но подождите: если останусь живъ, то разскажу вашему капитану, какъ мало вы старались спасти судно“. Наконецъ они рѣшились сдѣлать по моему наставленію; но только-что привязали и спустили весла и подняли фокъ, какъ буря сорвала парусъ и увлекла его впередъ, на большое разстояніе отъ судна, весла же, при страшномъ волненіи моря, едва не перебросили черезъ бортъ людей, которые управляли ими. Всѣ другія употребленныя нами средства для спасенія судна были такъ-же тщетны: вскорѣ бугъ проломился, и кули съ мукою, подъ палубою, начали плавать въ водѣ; спущены были якоря, но всѣ якорные канаты порвались и насъ опять начало нести по вѣтру, пока на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ берега мы наткнулись на большой камень, который мало-по-малу пробилъ дно и очутился въ каютѣ подъ самымъ столомъ. Въ такомъ отчаянномъ положеніи, дрожа отъ холода и ежеминутно ожидая, что судно разобьется, провели цѣлую ночь. Въ жизнь я не стремился никуда такъ пламенно, какъ теперь къ огнямъ, мелькавшимъ на берегу и зажженнымъ людьми, которымъ удалось спастись съ погибшихъ судовъ. Всѣ бывшіе съ нами русскіе солдаты умѣли плавать; они брали кто весло, кто доску или ставню, и бросившись въ море, достигали берега. Наконецъ, при восхожденіи солнца, 8 іюня судно разбилось, составлявшіе грузъ кули показались на поверхности воды, и все стало распадаться. Я долженъ былъ вытаскивать изъ каюты моихъ полумертвыхъ и чрезвычайно малодушныхъ товарищей, и, не думая о самомъ себѣ, велѣлъ Меландеру броситься на дечный люкъ, а Герсу — на мачту. Между тѣмъ молодой, но слишкомъ нерѣшительный Брюсъ, стоялъ и сокрушался, говоря: „Ахъ, Боже мой, Боже мой! что со мною будетъ? г. прапорщикъ, куда мнѣ дѣваться“? Въ ту самую минуту изъ подъ судна выплылъ киль съ переднимъ штевнемъ и я сказалъ ему: „вотъ спрыгни на этотъ обломокъ, онъ тебя вынесетъ на берегъ“. Молодой человѣкъ послушался

меня, произнеся: „Господи, спаси мою грѣшную душу!“ сталъ на киль и держался за приподымавшійся штевень. Во время моихъ распоряженій всѣ русскіе солдаты успѣли удалиться, кромѣ одного, который оставался со мною, и мы вмѣстѣ перепрыгивали съ куля на куль. Вдругъ передъ нами всплылъ изъ-подъ палубы маленькій мой сундукъ, въ которомъ у меня было платье, бѣлье и нѣсколько книгъ. Видя, что русскій солдатъ намѣренъ броситься на доску, я сказалъ ему: „Вотъ мой сундукъ: поставь его передъ собой на доску, и если перевезешь благополучно на берегъ, я дамъ тебѣ рубль; если же я живъ не останусь, возьми его себѣ“. Онъ отвѣчалъ: *добре*, и взявъ сундукъ съ собой, поплылъ на доскѣ по вѣтру. Теперь уже и кули начали расходиться такъ, что мнѣ не на чемъ было стоять и я, бывъ раза два подъ водою, ухватился, наконецъ, за два куля, связанные лыковой веревкой; черезъ нее перекинулъ я ногу и держался руками за оба куля. По своей четвероугольной формѣ, они имѣли тотъ недостатокъ, что безпрестанно перевертывались, такъ что я нѣсколько разъ опять погружался въ воду. Къ счастью, на встрѣчу мнѣ попались двѣ доски, связанныя крестомъ и вѣроятно оставленныя русскими солдатами, которые приготовили ихъ такимъ образомъ для себя. Я перебрался на нихъ, какъ умѣлъ, и онѣ понесли меня гораздо лучше и быстрѣе кулей; но мнѣ предстояло еще приключеніе на разстояніи мушкетнаго выстрѣла отъ берега: доски мои вдругъ зацѣпились за два камня и, не смотря на всѣ мои усилія, я уже не могъ тронуться съ мѣста. Бѣду мою увидѣлъ Меландеръ, благополучно доплывшій до берега на своемъ люкѣ, и выслалъ за мною лодку съ двумя крестьянами, которые и перевезли меня.

Едва ступивъ на берегъ, пошелъ я погрѣться къ огню и тамъ увидѣлъ солдата, принявшаго мой сундукъ. На вопросъ мой, гдѣ онъ, солдатъ отвѣчалъ, что я могу сейчасъ же получить его, если дамъ обѣщанный рубль. Хотя у меня рубли были вещь довольно рѣдкая, однакожъ я заплатилъ ему охотно, когда онъ возвратилъ мнѣ сундукъ и еще отнесъ его въ деревню, лежавшую въ верстѣ отъ берега, куда товарищи мои уже прежде отправились просушить свое платье и обогрѣться. Я нашелъ ихъ въ черной избѣ, раздѣтыхъ, на лежанкѣ: они лишились всего, кромѣ бывшей на нихъ одежды, и потому я, которому удалось спасти свой сундукъ, былъ богаче ихъ всѣхъ. Наше кораблекрушеніе случилось подъ Ингерманландскимъ валомъ, противъ селенія Колкоппе (Kolkopää), гдѣ шведскій генералъ Любснеръ, во время отступленія своего передъ русскими, перебилъ своихъ лошадей, самъ же съ пѣхотою переправился черезъ Ингерманландскій заливъ.

Къ вечеру мы успѣли согрѣться и обсохнуть. Желудокъ началъ намъ сильно напоминать, что мы со вчерашняго обѣда ничего не ѣли; но всѣ наши припасы остались въ морѣ, за исключеніемъ мѣшка съ рисомъ. Мы потребовали хлѣба, хотя изъ отвѣта финской хозяйки

русскимъ солдатамъ, которые просили ее о томъ же, могли уже заключить, что хлѣба у нея нѣтъ. Герсъ зналъ по-фински, и потому мы поручили ему употребить все свое краснорѣчіе, чтобы уговорить хозяйку дать намъ хлѣба за деньги. Услышавъ, что мы шведы, она прослезилась и сказала: „Такъ стало быть вы намъ свои, а мы, какъ увидѣли, что идутъ русскіе, такъ и унесли все свое имущество въ лѣсъ; вотъ я вамъ сейчасъ принесу нѣсколько лепешекъ. Только вы меня не выдайте". Такъ она и сдѣлала; но хлѣбъ ея показался намъ жёстокъ, и мы захотѣли чѣмъ-нибудь сдобрить его: близъ деревни было небольшое озеро, а какъ мы въ Петербургѣ запаслись удочками для ловли рыбы въ шведскихъ шкерахъ, то, доставъ теперь прутьевъ и червяковъ, отправились въ лодкѣ по озеру и наловили такое множество окуней, что намъ стало ихъ на три дня. Однакожъ середи этой скромной и тихой жизни въ деревнѣ, мы не могли не безпокоиться насчетъ предстоявшей намъ участи, не зная вовсе, куда насъ пошлютъ—впередъ или назадъ. Наконецъ, когда вѣтеръ унялся, на пятый день, пришли изъ Кронштадта другія суда и взяли насъ: черезъ нѣсколько недѣль мы благополучно прошли финскіе шкеры, — хотя средства къ продовольствію были у насъ очень скудныя и тотъ же мѣшокъ съ рисомъ доставлялъ намъ всякаго рода и твердыя и жидкія яства, а готовилъ ихъ русскій солдатъ.

На разстояніи какихъ-нибудь ста верстъ отъ Або встрѣтилъ насъ русскій главнокомандующій князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ со всѣмъ галернымъ флотомъ, чтобы проводить насъ до того города.

Здѣсь приняты мы были со всею внимательностью: намъ отвели удобное помѣщеніе, и русскій генералъ, князь Голицынъ, пригласилъ насъ обѣдать у него ежедневно. Какъ ни пріятно намъ было такое радушіе, однакожъ мы не замедлили просить, чтобы насъ отправили въ Швецію. Князь Голицынъ на это отвѣчалъ намъ, что онъ въ томъ году уже отправилъ туда двѣ галеры, но какъ онѣ не возвратились, то ему неизвѣстно, какимъ образомъ въ Швеціи смотрятъ на отправленіе такихъ русскихъ судовъ, и, до полученія извѣстій о судьбѣ первыхъ, онъ никакъ не рѣшится послать другія, а потому мы и должны дожидаться; но что, впрочемъ, онъ постарается доставить намъ средства проводить время какъ можно пріятнѣе. Но мы все болѣе и болѣе настаивали, чтобъ насъ отправили, при чемъ генералъ-маіоръ Горнъ, присланный также для размѣна, ручался, что если другія суда, по неизвѣстнымъ ему причинамъ, и задержаны въ Швеціи, то на этотъ разъ, при столь законномъ дѣлѣ, того никакъ не случится. Убѣжденный этимъ, князь Голицынъ, наконецъ, рѣшился дать намъ одну изъ самыхъ большихъ галеръ съ морскимъ капитаномъ *Марко*, родомъ изъ Греціи, и съ пѣхотнымъ капитаномъ *Лука*, изъ Силезіи, который самъ выпросилъ себѣ это назначеніе; нижнихъ чиновъ съ нами было 130 человѣкъ.

Въ тотъ день, когда мы должны были отправиться, наша галера пристала передъ квартирою князя Голицына, вмѣстѣ съ тѣмъ вдоль берега рѣки поставлено было девять пушекъ и князь пригласилъ насъ къ своему столу. Всякій разъ, когда мы у него обѣдали, мнѣ приходилось сидѣть возлѣ хозяина (который самъ занималъ мѣсто на нижнемъ концѣ), такъ какъ я говорилъ немного по-русски. Князь заставлялъ насъ пить черезъ силу, говоря: „Пейте больше; если будете веселы, я сейчасъ отпущу васъ, а если не перестанете хмуриться, я оставлю васъ здѣсь еще нѣсколько дней". Я просилъ пощадить меня, ради молодости моей и непривычки пить; но другіе должны были постоять за себя, такъ что и хозяинъ и гости бывали порядочно на-веселѣ. Князь спросилъ меня, гдѣ я въ Швеціи родился. Верстахъ въ 150 отъ Стокгольма, отвѣчалъ я. „Непремѣнно пріѣду въ Швецію, сказалъ онъ и навѣщу тебя". Когда я замѣтилъ, что это было бы для меня великою честью, лишь бы его сіятельство не имѣлъ при себѣ слишкомъ большой свиты, то онъ разсмѣялся, говоря: „Ну нѣтъ, а ужъ одинъ то я къ тебѣ не пріѣду". Пока пили тосты, происходила пальба изъ поставленныхъ передъ домомъ пушекъ. По окончаніи обѣда, князь самъ проводилъ насъ на галеру; когда онъ съ нами прощался, на ней сдѣлано было нѣсколько выстрѣловъ, на которые отвѣчалъ весь галерный флотъ, расположенный по обѣ стороны рѣки, гдѣ мы должны были проходить.

Итакъ мы пустились въ путь, очень довольные, въ твердой увѣренности, что уже безъ всякихъ новыхъ невзгодъ и препятствій увидимъ дорогое отечество; но вѣтеръ былъ намъ противный, такъ что надобно было грести. Наконецъ мы остановились между скалами Аландскаго моря, и такъ какъ за ними начиналось открытое море, то мы принуждены были простоять тутъ три дня. Русскій капитанъ Марко говорилъ, что, если въ слѣдующій день вѣтеръ не утихнетъ или не перемѣнится, то придется поплыть назадъ, потому что провіанту взято только на короткое время. Крайне встревоженные этимъ, мы молили Бога, чтобъ вѣтеръ завтра перемѣнилъ направленіе. На другое утро, съ 9 часовъ, къ величайшей радости нашей, начало утихать, и около полудня вѣтеръ совершенно прекратился: мы упросили капитана велѣть отчаливать и грести по Аландскому морю. Сложившись, мы дали нѣсколько рублей гребцамъ, русскимъ солдатамъ, которые и исправляли свое дѣло съ такимъ усердіемъ, что будто подымали галеру на воздухъ: въ 2 часа мы увидѣли шведскіе шкеры и вмѣстѣ съ тѣмъ показался одинъ изъ нашихъ крейсеровъ, стоявшій неподвижно на мѣстѣ. Русскій нашъ капитанъ сталъ приближаться къ нему и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, сѣлъ въ шлюпку; въ то же время другая пошла къ нему на встрѣчу отъ крейсера. Капитаны вступили въ разговоръ: крейсеръ требовалъ, чтобы галера держалась въ сторонѣ отъ него пушками, пока онъ не испроситъ приказанія вице-

адмирала шведскаго флота, бывшаго въ шкерахъ, о томъ, какъ поступить. Пока мы съ галерою оставались такимъ образомъ подъ пушками крейсера, подулъ вѣтеръ и крейсеръ, лавируя, пошелъ въ море. Русскій капитанъ кричалъ, чтобъ его къ ночи не уводили въ море, потому что его судно не выноситъ сильнаго волненія; когда же крейсеръ мѣшкалъ поворотить галсъ, русскій капитанъ сказалъ, что если тотъ еще будетъ медлить, то онъ распуститъ паруса и уйдетъ прочь: такъ онъ дѣйствительно сдѣлалъ и былъ на ходу гораздо быстрѣе крейсера. Но въ то самое время крейсеръ поворотилъ къ берегу и мы шли въ сторонѣ отъ него.

Передъ захожденіемъ солнца пришелъ изъ шкеръ фрегатъ, которымъ командовалъ капитанъ-лейтенантъ Гёте; онъ взялъ насъ подъ свое покровительство и проводилъ въ шкеры, гдѣ, по его указанію, галера пристала у небольшаго острова, а самъ онъ съ своимъ фрегатомъ сталъ поодаль. Поутру показались двѣ шведскія галеры и приняли насъ; хотя до флота было недалеко, однакожъ, онѣ повели насъ не прямо, а заставили покружиться по шкерамъ. Наконецъ, въ 3 часа пополудни прибыли мы къ шведскому флоту, состоявшему, подъ начальствомъ вице-адмирала барона Вахтмейстера, изъ 8 кораблей, 2 фрегатовъ, 3 или 4 галеръ и нѣсколькихъ вооруженныхъ гребныхъ судовъ. Русскій капитанъ сѣлъ въ шлюпку съ генералъ-маіоромъ Горномъ и магистромъ Нордбергомъ. Мы обратились къ генералу Горну съ просьбой устроить, чтобъ адмиралъ прислалъ за нами. Адмиралъ былъ до того внимателенъ къ намъ, что велѣлъ перевезти насъ на собственной своей шлюпкѣ и, когда мы взошли на его корабль, поздравилъ насъ съ освобожденіемъ. Я радовался, что, наконецъ, (26 іюля) попалъ къ землякамъ, и не возвращаясь болѣе на галеру, послалъ за своими пожитками, а потомъ ужиналъ у адмирала. На ночь меня помѣстили надъ самой крюйткамерой, но, не смотря на то, я спалъ богатырскимъ сномъ; утромъ же, когда я проснулся и увидѣлъ восходящее солнце, отъ всей души принесъ благодареніе Богу.

КАРЛЪ XII О ПОЛТАВСКОМЪ ПОГРОМѢ 1709 г.[1]).

1888.

Въ шведскомъ государственномъ архивѣ найденъ недавно весьма любопытный документъ — черновой подлинникъ перваго офиціальнаго извѣщенія о полтавской битвѣ, присланнаго засѣдавшему въ Стокгольмѣ правительственному совѣту: это — письмо короля въ „коммиссію обороны", въ двухъ редакціяхъ, съ собственноручными его поправками и дополненіями. На первоначальной рукописи отмѣчено, что оно, въ тотъ же день, когда было читано въ совѣтѣ, именно 7-го сентября 1709 года, разослано было ко всѣмъ губернаторамъ въ Швеціи, а 11-го числа того же мѣсяца — къ губернаторамъ въ Финляндіи и, такимъ образомъ, только черезъ два слишкомъ мѣсяца послѣ битвы шведскія власти получили изъ главной королевской квартиры извѣстіе объ этомъ событіи, о которомъ до того ходили въ народѣ только смутные, неопредѣленные слухи. Изъ этого документа видно, какъ самъ Карлъ XII смотрѣлъ на новое положеніе дѣлъ и какое понятіе хотѣлъ дать о немъ своимъ соотечественникамъ.

Предлагая засимъ текстъ окончательной редакціи письма, съ означеніемъ въ кавычкахъ собственноручныхъ поправокъ и добавленій короля, мы помѣщаемъ подъ строкою исключенныя имъ изъ первоначальной редакціи выраженія.

Довольно долго уже мы изъ Швеціи не получали никакихъ извѣстій, да и не имѣли случая посылать писемъ отсюда. Между тѣмъ дѣла шли здѣсь хорошо и все обстояло благополучно [2]), „такъ что можно было „ожидать въ скоромъ времени такого превосходства надъ непріятелемъ, „что онъ вынужденъ будетъ согласиться на всѣ наши требованія. Но „случилось, что 28-го прошлаго мѣсяца, по несчастной случайности, „шведское войско потерпѣло уронъ въ сраженіи, что̀ произошло вовсе

---

[1]) Изъ 3-го выпуска шведскаго историческаго журнала (Svensk Tidskrift) за 1888 г.—Напеч. въ Русск. Стар. 1888, кн. 12.

[2]) До 28-го прошлаго мѣсяца, когда мы при городѣ Полтавѣ въ Украйнѣ приняли сраженіе съ русскою арміей и въ началѣ прогнали непріятеля изъ возведенныхъ имъ шанцевъ и укрѣпленій, но послѣ, когда возобновилось побоище (при чемъ мы сами, вслѣдствіе полученной за нѣсколько дней передъ тѣмъ огнестрѣльной раны въ ногу, не могли сидѣть на лошади и дѣлать нужныя распоряженія), то по волѣ судьбы и по несчастной случайности наши войска потерпѣли уронъ и особенно большая часть пѣхоты была изрублена.

[Всего, что за симъ помѣщено въ кавычкахъ въ редакціи короля, не было въ первоначальномъ проектѣ, который отсюда прямо переходитъ къ словамъ: „Однако высшей степени необходимо" и т. д.].

„не отъ храбрости или перевѣса численности непріятеля, ибо онъ „сначала былъ повсюду обращенъ въ бѣгство, но самая мѣстность и „положеніе были такъ благопріятны для непріятеля и такъ укрѣ-„плены, что шведы чрезъ то понесли ущербъ, хотя они, въ пылу отваги, „не смотря на выгодныя для непріятеля условія, вездѣ атаковали и „преслѣдовали его, что̀ и привело къ тому, что большинство пѣхоты „погибло и самая конница потерпѣла большой уронъ. Потеря весьма „велика, но принимаются мѣры къ тому, чтобы вслѣдствіе этого не-„пріятель не получилъ перевѣса и не пріобрѣлъ самомалѣйшей выгоды". Однако, въ высшей степени необходимо, чтобы военная сила была возстановлена и приведена въ состояніе отражать вредные замыслы и нападенія непріятеля. Посему объявляемъ вамъ нашу милостивую волю и повелѣніе, дабы вы со всею тщательностію и елико возможно скорѣе приказали „набрать" (recrutera) „дома (т. е. въ Швеціи) совершенно новые земскіе полки" пѣхоты [1]) взамѣнъ бывшихъ здѣсь въ походѣ, озаботясь снабженіемъ ихъ одеждою, оружіемъ, знаменами, музыкою, палатками и всѣми нужными принадлежностями, какія были у прежнихъ. Кавалерія также много пострадала, но такъ какъ нельзя въ точности знать количества убыли, то „желательно было бы, чтобъ „всѣ мызники, обязанные содержать коннаго солдата, изготовились къ „новой поставкѣ рекрутъ, особенно для остготской кавалеріи, которая „должна быть совершенно вновь набрана" [2]). Равнымъ образомъ вы имѣете сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣ еще остающіеся дома полки, какъ конные, такъ и пѣшіе [3]), „были готовы по первому востребо-„ванію отправиться въ походъ, дабы, если встрѣтится надобность, „послать тотъ или другой полкъ на мѣсто тѣхъ, которые теперь вновь „набираются, то они были бы наготовѣ. Весьма важно теперь не па-„дать духомъ и не предаваться малодушному бездѣйствію, а напря-„гать всѣ силы, чтобы поправить дѣло, дабы вскорѣ привести все къ „желаемому концу. И предполагаютъ, что, не смотря на понесенный „уронъ, можно будетъ въ скоромъ времени такъ стѣснить непріятеля, „что онъ вынужденъ будетъ исполнить всѣ требованія. Необходимо „также по возможности принять мѣры къ набору гвардіи и изыскать „средства къ отправленію ея, на что потребуется значительное число „людей и, кажется, можно на это получить часть селитроваровъ. Нѣко-

---

[1]) Образовать новые пѣхотные полки какъ гвардіи, такъ и остальной инфантеріи.

[2]) То взамѣнъ каждаго изъ находящихся здѣсь конныхъ полковъ вы истребуете запасное войско на случай послѣдующей надобности, назначивъ изъ остающихся дома кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ нѣкоторое число офицеровъ, которые примутъ на себя заботу сформировать и обучить новые пѣхотные полки и замѣстительную кавалерію, такъ какъ нельзя назначить новыхъ офицеровъ, пока не получится точное свѣдѣніе, которые изъ прежнихъ офицеровъ еще остаются въ живыхъ.

[3]) ... Были готовы явиться къ намъ на театръ войны, когда мы впослѣдствіи ихъ потребуемъ. Лагерь при Оссовѣ (т. е. Очаковѣ) на берегу Чернаго моря, 11-го іюля 1709 года.

„торое число офицеровъ съ немногими рядовыми гвардіи уцѣлѣли вмѣстѣ „съ нѣкоторою частью пѣхоты, а попавшихъ въ плѣнъ къ непріятелю „мы надѣемся вымѣнять. Между тѣмъ русскіе плѣнные должны быть „содержимы въ Швеціи строго и не пользоваться никакою свободою, „пока не окажется возможнымъ обмѣнять ихъ. Особенно знатнымъ „русскимъ, находящимся въ плѣну, не слѣдуетъ давать ни малѣйшей „воли, не допускать къ нимъ никого, будь то шведъ или кто-либо „другой; не позволять имъ вести какую бы ни было переписку, а „напротивъ, содержать ихъ въ строжайшемъ заключеніи до тѣхъ поръ, „пока можно будетъ отсюда войти съ непріятелемъ въ какое-либо со„глашеніе о размѣнѣ“.

ПЕТРЪ I ВЪ КОПЕНГАГЕНѢ [1]).

(Замѣтка).

1888.

О пріѣздѣ Петра Великаго въ Копенгагенъ въ 1716 году сохранились въ одномъ современномъ частномъ письмѣ [2]) слѣдующія подробности:

„Царь, прибывшій сюда вчера вечеромъ въ 6 часовъ съ 42 галерами, проплылъ неожиданно въ гребномъ суднѣ мимо таможни, причемъ самъ скомандовалъ, чтобы галеры выстроились въ рядъ. Какъ скоро это было исполнено, онъ салютовалъ короля своими пушками и вышелъ на берегъ; вслѣдъ затѣмъ съ флота, цитадели и крѣпости сдѣлано было три пушечные выстрѣла. Отъ таможни до замка выстроенъ былъ гарнизонъ и рядомъ съ нимъ корпорація гражданъ; кареты, запряженныя въ 16 лошадей, вмѣстѣ съ конною гвардіей слѣдовали за царемъ и королемъ, сидѣвшими вдвоемъ въ одной каретѣ; они проѣхали прямо въ зàмокъ, гдѣ царя проводили въ комнаты кронпринца и малолѣтней принцессы. Тамъ приготовленъ былъ ужинъ, послѣ котораго царь сѣлъ въ карету посланника и поѣхалъ въ домъ его, гдѣ и помѣстился временно. Онъ имѣетъ при себѣ девять батальоновъ, состоящихъ изъ 7000 человѣкъ; они расположатся близъ города. По этому случаю я принужденъ былъ просить у короля позво-

---

[1]) Русскій Вѣстникъ 1888 г., книга 7.

[2]) Отъ государственнаго совѣтника Хр. Фридр. Гольстейна къ графу Карлу-Адольфу Плессену. Письмо писано по-нѣмецки и помѣчено: Копенгагенъ, 18 іюля 1716. (См. Chr. H. Brasch, Vemmeloftes Historie &c. Kjöbenhavn 1859 — 1860).

ленія поставить караулъ для охраненія сада ихъ высочествъ, и Шенфельдъ обѣщалъ мнѣ отпустить для этого команду. Пока я писалъ это, меня потребовали къ королю, который обратился къ мнѣ со слѣдующими словами: „Царю чрезвычайно полюбился домъ моего брата, что̀ меня очень озабочиваетъ: прикажите тотчасъ же убрать всѣ рѣдкости и самыя дорогія вещи моего брата, а не то все будетъ перепорчено“ (Sonsten wird alles ruinirt). Онъ прибавилъ, что какъ самъ онъ, такъ и черезъ другихъ, далъ знать царю, что онъ не можетъ располагать домомъ его высочества брата короля (?) и хотѣлъ сдѣлать все отъ него зависящее, чтобы помѣшать тому“.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ I[1]).

1878.

Извѣстно, какъ много предположеній высказано о происхожденіи второй супруги Петра Великаго. Объ этомъ вопросѣ составилась на иностранныхъ языкахъ, особенно на нѣмецкомъ, цѣлая литература, не лишенная своего интереса. Такъ какъ по-русски нигдѣ еще не было напечатано полнаго свода этихъ догадокъ, то я здѣсь, прежде всего, вкратцѣ исчислю ихъ, съ указаніемъ источниковъ:

1) Екатерина была незаконная дочь эстонской крѣпостной крестьянки, родилась въ деревнѣ Рингенѣ въ Дерптскомъ округѣ; отецъ ея былъ владѣлецъ этого имѣнія, отставной шведскій подполковникъ фонъ Розенъ. (Свѣдѣніе ганноверскаго резидента Вебера, слышавшаго это отъ жившаго въ домѣ Глюка учителя Вурмба [2]).

2) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ сосѣдъ Розена, баронъ Альбедиль; она впослѣдствіи вышла замужъ за подполковника Тизенгаузена и овдовѣла (Гюбнеръ) [3]).

3) Она родилась въ Рингенѣ, но отецъ ея былъ могильщикъ (Вольтеръ) [4]).

4) Она была дочь Альвендаля и его крѣпостной женщины, которую онъ послѣ выдалъ за богатаго крестьянина, прижившаго съ нею еще дочь. (Донесеніе цесарскаго посланника графа Бюсси-Рабютина) [5]).

---

[1]) Сборникъ Отд. р. яз. и сл. 1878, т. XVIII.

[2]) Письмо Вебера объ этомъ (донесеніе ганноверскому Geheimratscollegium напеч. въ книгѣ Шмидта Физельдека: Materialien zu der Russischen Geschichte I, 203 — 217. Франц. переводъ этого письма въ Mémoires du règne de Catherine 605 и слл. Почти тотъ же разсказъ въ De la Motraye, Travels (III, 128), у Mauvillon (Histoire de Pierre I) и въ Loisirs du chevalier d'Eon, VI, 18.

[3]) Hübners Genealogische Tafeln. (Tab. 113). Его же Supplemente, стр. 168. Milissantes Jetztlebendes Europa I, 97.

[4]) Vie de Charles XII и Histoire de Russie sous Pierre le Grand (1760), стр. 225. Нѣмец. изд., стр. 262.

[5]) Полное его имя было: Graf Ignaz Amadeus v. Bussy-Rabutin. Его донесеніе отъ 28 сент. 1725 напеч. въ Büschings Magazin XI, 481 и слл.

5) Она была лифляндка по мѣсту жительства и происхожденію ея родителей (Гупель) [1]).

6) Она была дочь шведскаго квартирмейстера Іоанна Рейнгольдсона Рабе и жены его, урожденной Елисаветы Морицъ, на которой онъ женился въ Лифляндіи, когда тамъ стоялъ въ гарнизонѣ въ 1670-хъ годахъ; вернувшись на родину, въ шведскую провинцію Вестготландію, онъ тамъ въ 1682 г. прижилъ Марту (впослѣдствіи Катерину), но черезъ два года умеръ; вдова его поспѣшила уѣхать съ дѣтьми назадъ въ Лифляндію, и по смерти ея дочь эта была взята въ домъ Глюка. Тамъ она сдѣлалась невѣстой, а кто говоритъ и женой молодого драгуна, когда вдругъ русскіе явились подъ Маріэнбургомъ. (Шведскіе историки Нордбергъ [2]) и Лагербрингъ) [3]).

7) Она была дочь рижскаго бюргера Петра Бадендика († 1683 или 1684), который былъ два раза женатъ и имѣлъ отъ перваго брака пятерыхъ, отъ второго четверыхъ дѣтей. Катерина родилась 5 февраля 1679 г. (Иверсенъ) [4]).

8) Отецъ ея былъ литовскій уроженецъ Сковронскій, переселившійся въ Дерптъ, гдѣ она и родилась отъ законной жены его. Сперва она крещена была въ католическую вѣру, но потомъ перешла въ лютеранство [5]). (Бюшингъ, Вильбуа, Новая исторія китайцевъ, и Гавенъ).

Не считаю нужнымъ подробнѣе развивать всѣ видоизмѣненія этихъ толковъ и слуховъ, означенныхъ здѣсь только въ общихъ чертахъ. Разнорѣчивыхъ свѣдѣній о дѣтствѣ Екатерины и вообще о жизни ея до сближенія съ Петромъ Великимъ я вовсе не касаюсь. Замѣчу только, что обзоръ предположеній о происхожденіи и первоначальной судьбѣ этой загадочной женщины можно найти: 1) въ названной выше

---

[1]) Hupel. Nordische Miscellaneen II, 219, и V, 233.

[2]) Nordberg. Carl XII historia II, 132.

[3]) Lagerbring. Abriss der Schwedischen Reichshistorie, стр. 32.

[4]) Въ статьѣ: „Das Mädchen von Marienburg", напеч. въ апрѣльской книжкѣ 1857 г. брауншвейгскаго журнала Westermanns Illustrirte Monatsschrift. Здѣсь любопытны дополнительныя свѣдѣнія о пасторѣ Глюкѣ. Объ этой статьѣ см. Bülau, Geheime Geschichten u. räthselhafte Menschen. Leipzig 1857. VIII, 502. Также Das Inland 1858, № 51. Благодаря обязательному сообщенію Ю. Б. Иверсена, я имѣлъ случай прочитать не только самую печатную статью покойнаго отца его (das Mädchen von Marienburg), но и рукописную болѣе полную редакцію ея. Не могу однакожъ скрыть, что доводы г. Иверсена не убѣдили меня въ справедливости его убѣжденія, будто Екатерина I была сестра г-жи Бергъ, урожденной Бадендикъ: онъ самъ сознается, что увѣреніе названной дамы объ этомъ родствѣ не подтверждается ни церковными книгами, ни какими-либо другими документами.

[5]) Büschings Magazin (III, 190). Его же Gelehrte Abhandlungen u. Nachrichten aus u. von Russland. I, 231. — Mémoires secrets du sieur Villebois. Bruxelles 1853 (Адмиралъ Вильбуа былъ женатъ на дочери пастора Глюка). Neuere Geschichte der Chinesen, Japaner etc. (съ французск. соч. Richer) XVII, 118 и слл. Ср. Mémoires du règne de Cathérine I. — Havens Efterraetningar om des Russiske Rige, I, 403.

(см. прим. 1) книгѣ Шмидта Физельдека; 2) въ упомянутой статьѣ Бюлау; 3) въ статьѣ Иверсена, и 4) въ шведской книгѣ Густава д'Альбедиля (Gustaf D'Albedyhll) „Skrifter af blandadt, dock mäst politiskt och historiskt innehåll". (Nyköping) I, (1799), стр. 198, и II (1810), стр. 76—135. („Статьи смѣшаннаго, особенно же политическаго и историческаго содержанія").

Статья, напечатанная въ послѣдней изъ этихъ книгъ, подъ заглавіемъ: „Handlingar till ytterligare upplysning af Kejsarinnan Catharina I-s härkomst" („Матеріалы для дальнѣйшаго поясненія вопроса о происхожденіи Екатерины I"), особенно любопытна тѣмъ, что въ ней мы находимъ родъ полемики между потомками двухъ лицъ, которымъ преданіе приписывало и отчасти до сихъ поръ приписываетъ рожденіе Екатерины I, именно между д'Альбедилемъ, издателемъ книги, и шведскимъ учителемъ Рабе. Д'Альбедиль (род. 1758, ум. 1819) назначенъ былъ въ 1775 г. секретаремъ шведскаго посольства въ Петербургѣ, а въ 1789 былъ посломъ Густава III въ Копенгагенѣ. Онъ отказывается отъ всякаго притязанія на поддержаніе слуха относительно своего предка и объясняетъ его тѣмъ, что послѣ возвышенія Екатерины были при дворѣ толки о ея происхожденіи, и естественно ее стали выводить изъ дворянскаго рода. Внукъ пастора Глюка, сынъ женатаго на третьей его дочери барона Коскуля [1]), держался, относительно происхожденія Екатерины, мнѣнія Вебера, и написалъ объ этомъ, въ началѣ 1780-хъ годовъ, замѣтку, въ которой, между прочимъ, говорилъ, что „сироту хотѣли представить не недостойною руки и скипетра царя и потому придумали, что она была законная дочь Альбедиля и сдѣлалась невѣстою подполковника Тизенгаузена". Д'Альбедиль, напечатавъ письмо Коскуля по этому предмету, какъ видно, согласился съ этимъ взглядомъ. Что касается фамиліи *Альвендаль* (Alvendal), упоминаемой кесарскимъ посланникомъ Рабутиномъ, то онъ же, издатель названной книги, замѣчаетъ, что такого имени никогда не бывало, а что если оно иногда слышалось въ разговорномъ языкѣ сперва въ Лифляндіи, а потомъ и въ Швеціи, то это было только искаженіемъ настоящей его формы: Альбедиль.

Гораздо упорнѣе въ поддержаніи толковъ о своемъ предкѣ былъ Кастенъ Рабе, учитель въ городѣ Фелькенбергѣ [2]); прочитавъ въ первой части изданія Альбедиля письмо Коскуля, ничего не упомянувшаго объ этихъ толкахъ, онъ вошелъ въ переписку съ Альбедилемъ и старался доказать правдоподобіе преданія о шведскомъ происхожденіи Екатерины.

Въ исторіи С. М. Соловьева указанъ документъ, который весьма положительнымъ образомъ подтверждаетъ показанія Вильбуа, Бюшинга

[1]) Изъ трехъ дочерей Глюка старшая вышла за генералъ-фельдцейхмейстера Вильбуа, вторая за остзейскаго барона Фитингофа, а третья за полковника Коскуля.

[2]) Небольшой приморскій городъ въ югозападной Швеціи.

и Гавена о томъ, что Екатерина I была дочь лифляндскаго обывателя Самуила Скоронскаго. Этотъ документъ — письмо къ ней Петра Бестужева отъ 25 іюля 1715 г. изъ Риги о томъ, что онъ, по ея приказанію, искалъ въ Крейцбургѣ фамиліи Веселевскихъ и между прочимъ развѣдалъ, что Сковородскій (sic) былъ женатъ на курляндкѣ Доротеѣ Ганъ и имѣлъ съ нею двухъ сыновей и четырехъ дочерей, изъ которыхъ третья, Катерина, жила въ Крейцбургѣ у тетки своей (сестры матери) Маріи Анны Веселевской, а 12-ти лѣтъ отъ роду взята была въ шведскую Лифляндію къ маріэнбургскому пастору. Историкъ нашъ прибавляетъ, что Екатерина родилась въ 1683 году, ибо 5 апрѣля 1724 года ей минулъ сорокъ одинъ годъ, по донесенію голландскаго резидента [1]). Вѣроятно, тотъ же документъ разумѣетъ Н. И. Костомаровъ, когда въ своей обширной статьѣ „Екатерина Алексѣевна, первая русская императрица“ [2]) говоритъ: „Изъ дѣлъ государственнаго архива узнаемъ только, что Екатерина была дочь крестьянина Сковронскаго“. Г. Соловьевъ былъ осторожнѣе, сказавъ только, что отецъ Екатерины былъ „обыватель Лифляндіи“ [3]). Къ сожалѣнію, г. Костомаровъ, по обыкновенію своему, не указалъ точнѣе на источникъ, который служилъ ему основаніемъ. Вѣроятно, это то самое письмо Бестужева, на которое сослался г. Соловьевъ. Какъ бы ни было, вопросъ о происхожденіи Екатерины можно считать рѣшеннымъ, и не было бы, пожалуй, надобности говорить болѣе о шведскомъ преданіи, какъ и прочихъ вышеисчисленныхъ догадкахъ, еслибъ это преданіе не держалось до сихъ поръ съ прежнею настойчивостью въ Швеціи и не возобновлялось отъ времени до времени въ тамошней литературѣ. Еще недавно, во время моего пребыванія въ Стокгольмѣ, газета Aftonbladet перепечатала, какъ новость, касающійся этого документъ. Онъ же лѣтъ двадцать тому назадъ явился въ диссертаціи о происхожденіи Екатерины I, написанной при лундскомъ университетѣ [4]). Въ первый разъ этотъ документъ былъ напечатанъ въ названной мною выше книгѣ Альбедиля: Skrifter и проч., а потому я къ ней и возвращаюсь.

Что же это за документъ? Это не что иное, какъ „выписка изъ судебной книги Осскаго округа (Åhs härad) селенія Вебю (Wäby), за 15 сентября 1758 г.“. Сохранившаяся подъ этимъ заглавіемъ бумага заключаетъ въ себѣ извлеченіе изъ описанія рода Рабе, составлен-

---

[1]) Исторія Россіи, XVIII, прим. 210. Въ напечатанномъ тамъ письмѣ Бестужева эпитетъ „шведскій“ неправильно отнесенъ къ маріэнбургскому пастору; въ подлинникѣ онъ относится къ слову Лифляндія. Эта страна тогда раздѣлялась на польскую и шведскую. Вслѣдъ за настоящею статьею помѣщается еще записка, приложенная къ письму Бестужева.

[2]) Древняя и Новая Россія 1877 г., кн. I.

[3]) Ист. Россіи, XVI, 70.

[4]) „Om Kejsarinnan Catharina 1-s af Ryssland härkomst, af G. B. Nedström“. Malmö 1856.

наго самими лицами этой фимилiи. Родоначальникомъ ея названъ капитанъ эльфсборгскаго пѣхотнаго полка Рейнгольдъ Iоансонъ Рабе, дворянинъ изъ мекленбургскаго города Ростока, прибывшiй въ Швецiю и убитый подъ Фридрихсгалломъ въ Норвегiи, въ 1660 году. Жена его Катерина была дочь пастора Равингiуса, изъ Ронгедалы. У нихъ было два сына и три дочери. За тѣмъ исчислены всѣ эти дѣти съ ихъ потомствомъ.

Для насъ нужно только то, что сказано о второмъ сынѣ, квартирмейстерѣ эльфсборгскаго полка Iоаннѣ Рейнгольдсонѣ Рабе: „Жена его была Елисавета Морицъ, прежде бывшая замужемъ за секретаремъ въ Ригѣ; она съ нимъ не имѣла дѣтей, но отъ второго мужа родила сына Свена Рейнгольда и дочь Катерину. Отецъ умеръ въ 1684 году въ Гермундередѣ [1]) и похороненъ въ семейномъ склепѣ, въ церкви Тоарпа за алтаремъ, гдѣ хранится и шпага его, въ знакъ храбрости оказанной имъ въ сраженiяхъ; тотчасъ послѣ его смерти вдова его Елисавета Морицъ, съ двумя малолѣтними дѣтьми, уѣхала въ Лифляндiю; впослѣдствiи сынъ ея Свенъ Рейнгольдъ служилъ въ шведской армiи и былъ убитъ въ Польшѣ, а дочь Катерина избрана была Всевышнимъ для великаго счастья: она сдѣлалась супругою Царя и Императора Петра и владѣтельною Государынею въ Россiи, и покинула земную жизнь въ 1727 году; а потомки и наслѣдники ея, по благоговѣнiю подданныхъ, не осмѣлились заявить себя ея родственниками, но они честные и почтенные люди, которыхъ хвалятъ всѣ ихъ знающiе“.

Потомъ исчислены такимъ же образомъ дѣти и потомки другихъ сыновей капитана Рейнгольда Рабе. Кончается бумага слѣдующими строками: „И поелику вышеприсанный документъ былъ публично прочитанъ и надлежащимъ порядкомъ разсмотрѣнъ, то и было засвидѣтельствовано какъ присяжными (nämnd), такъ и подсудимыми, что онъ во всѣхъ частяхъ своихъ справедливъ, что́ и служитъ удостовѣренiемъ и о чемъ выдана, по предъявленному требованiю, выписка изъ протокола. За членовъ уѣзднаго суда подписалъ: Петръ Iоаннъ Монтанъ“.

Такимъ образомъ этотъ такъ называемый документъ, писанный въ 1758 г., т. е. черезъ тридцать слишкомъ лѣтъ по смерти Екатерины I и составленный только по слухамъ, въ сущности не есть даже документъ; ниже мы увидимъ, что онъ ничего важнаго не прибавляетъ къ имѣвшимся до сихъ поръ свѣдѣнiямъ.

Прежде всего мы должны обратить вниманiе на доводы учителя Рабе, который употребилъ особенныя старанiя, чтобы достать приве-

---

[1]) Этотъ-то хуторъ Гермундередъ, верстахъ въ 15-ти отъ города Бороса (Borås) въ провинцiи Вестготландiи, и считается у шведовъ мѣстомъ рожденiя Екатерины I. Боросъ — городокъ, лежащiй къ западу отъ южной оконечности озера Веттера, на полупути оттуда къ Готенбургу.

денную бумагу, и приложилъ къ ней подробную родословную таблицу всей своей фамиліи, добытую имъ съ большимъ трудомъ у одного пастора. По его словамъ, запросы о происхожденіи Екатерины изъ Вестготландіи дѣлались оттуда уже съ 1725 года, т. е. съ восшествія супруги Петра В. на престолъ, и между членами рода есть преданіе о какомъ-то нѣкогда полученномъ ими значительномъ пожалованіи и о принадлежавшемъ имъ, но къ сожалѣнію утраченномъ письмѣ сильной руки, которымъ требовались свѣдѣнія о фамиліи Рабе. Весьма вѣроятно, говоритъ фалькенбергскій учитель, что именно это письмо послужило поводомъ къ составленію бывшей у него въ рукахъ родословной таблицы, на которой была надпись, что эта табель должна быть сообщена для провѣрки всѣмъ родственникамъ и потомъ, исправленная и раскрашенная, отослана въ Россію. Далѣе учитель Рабе передаетъ разсказы мѣстныхъ пасторовъ и другихъ стариковъ о томъ, что они знали семейство, изъ котораго вышла Екатерина; одинъ крестьянинъ утверждалъ даже, что носилъ ее на рукахъ, когда съ охоты ходилъ къ ея отцу. Кромѣ того, жители околотка слышали, что предки ихъ получали изъ Россіи превосходный зерновой хлѣбъ и муку самаго тонкаго размола въ кожаныхъ мѣшкахъ.

На это Альбедиль возражаетъ, что если бы дѣйствительно какая-нибудь особенная милость была оказана роду Рабе или мѣстности, гдѣ жили его члены, то конечно сохранились бы офиціальныя тому доказательства; но ему извѣстно, что по крайней мѣрѣ графъ Панинъ, прибывшій въ Швецію въ 1748 г. русскимъ посломъ и отозванный въ 1759 г., не имѣлъ никакого подобнаго порученія, а съ другой стороны какой-то ландратъ Вольфеншильдъ, изъ Лифляндіи, въ царствованіе Елисаветы Петровны, по приказанію ея, долженъ былъ отыскать родственниковъ Екатерины и что со всѣми ими обошлись особенно благосклонно [1]). „Очень жалѣю, прибавляетъ Альбедиль, что во время моего пребыванія при русскомъ дворѣ (1778—1784 г.) г. Рабе не обратился ко мнѣ; можетъ быть, я бы могъ добиться истины по этому вопросу. Мнѣ же отъ собственнаго своего имени открыто дѣлать о томъ разысканія мѣшало то обстоятельство, что мое имя играло роль въ догадкахъ о происхожденіи Екатерины, и потому можно бы было подозрѣвать меня въ своекорыстныхъ видахъ. Теперь же, какъ я опасаюсь, г-ну Рабе трудно было бы попасть на достовѣрные слѣды. Въ Петербургѣ, по моему мнѣнію, было бы тщетно, даже опасно, наводить справки, развѣ у какого-нибудь любителя исторіи и притомъ только въ интересахъ науки, не показывая никакого личнаго интереса“.

Возражая на предположеніе лектора Рабе, Альбедиль справедливо замѣчаетъ, что если самъ Императорскій Домъ, начиная уже отъ

---

[1]) Hupel. Nordische Miscellaneen, St. 2, стр. 223.

Екатерины I, принялъ въ свое родство, какъ брата ея, графа Скворонскаго и, какъ сестеръ, графинь Гендрикову и Ефимовскую, то трудно не признавать этихъ отношеній, да и съ какою цѣлью Екатерина усвоила бы себѣ мнимыхъ сестеръ, лицъ, отъ которыхъ она не могла ожидать для себя ни чести, ни пользы, тѣмъ болѣе, что имъ никогда не приписывалось высокаго происхожденія, и Екатерина совершенно открыто возвела брата въ графы, а впослѣдствіи пожаловано было то же достоинство мужьямъ ея сестеръ. Прибавлю съ своей стороны, что по родословной Рабе, у Екатерины былъ только одинъ братъ, убитый на войнѣ въ Польшѣ. Зачѣмъ же бы она признала своимъ роднымъ братомъ и сестрами совершенно чуждыхъ ей лицъ?

Разсуждая о возможности происхожденія Екатерины отъ Рабе, Альбедиль разсматриваетъ имя Сковоронскій и спрашиваетъ: не передаетъ ли середина его *ворон* нѣмецкаго имени Rabe (воронъ) [1]). Учитель Рабе съ благодарностью принялъ это указаніе и увидѣлъ въ немъ новый доводъ для своихъ предположеній. Вѣроятно, однакожъ, Альбедилю не пришелъ бы на мысль такой вопросъ, еслибъ онъ зналъ, что skowron есть польское слово, значащее „жаворонокъ“.

Далѣе Альбедиль обращаетъ еще вниманіе на отчество Екатерины: *Алексѣевна* и желаетъ знать, на какомъ основаніи она была такъ названа. Намъ извѣстно теперь изъ журнала Гордона, что это отчество дано было ей, при переходѣ ея въ православіе, по имени ея воспріемника царевича Алексѣя.

Одинъ изъ главныхъ доводовъ, на которые любятъ опираться послѣдователи предположенія о фамиліи Рабе, заключается въ томъ, будто сама Екатерина признавала себя шведской уроженкой. Историкъ Карла XII, Нордбергъ, сообщаетъ разсказъ, слышанный отъ какого-то русскаго во время его пребыванія въ Стокгольмѣ въ 1722 г., что послѣ заключенія за годъ передъ тѣмъ Ништадскаго договора Царь въ шутку спросилъ у своей супруги: какъ она думаетъ, что̀ съ нею теперь будетъ? по договору онъ де обязанъ возвратить всѣхъ шведскихъ плѣнныхъ, а такъ какъ и она въ томъ числѣ, то онъ ужъ не можетъ держать ее у себя. На это государыня будто бы поцѣловала у него руку и отвѣчала, что она его подданная и должна повиноваться всякому его рѣшенію, но что едва-ли у него станетъ духу отослать ее, когда ей хотѣлось бы остаться. Тогда будто бы царь сказалъ: Я отпущу всѣхъ другихъ, а въ разсужденіи тебя посмотрю, нельзя ли будетъ войти въ соглашеніе съ шведскимъ королемъ [2]).

Такимъ же образомъ учитель Рабе приводитъ мѣсто изъ разговора Екатерины I съ будущимъ ея зятемъ, герцогомъ Карломъ Гольштин-

[1]) Это предположеніе еще прежде высказалъ Hupel: см. Nordische Miscellaneen II, 224.

[2]) Konung Karl XII historia, II, 132.

скимъ, о которомъ она выражалась, что сдѣлалась бы его подданною, еслибъ счастіе не измѣнило Швеціи и еслибъ Швеція не измѣнила присягѣ, которую принесла дому великаго Густава [1]). Но приводившіе это свидѣтельство забывали, что къ Швеціи принадлежала и Лифляндія, гдѣ Екатерина несомнѣнно провела свою первую молодость: на это обратилъ вниманіе еще Гупель [2]).

Наконецъ, въ зашиту своего мнѣнія, учитель Рабе такъ разсуждаетъ: „Если предположеніе нашихъ историковъ невѣрно, то трудно понять, какъ имъ могло прійти въ голову включить имя *Рабе* въ число спорныхъ предковъ императрицы. Розенъ, Альбедиль находились по близости; Бюшинговъ Самуилъ, Вольтеровъ могильщикъ или кто бы ни былъ изъ остальныхъ — также. Но *Рабе* — этотъ неизвѣстный звукъ, это далеко за моремъ въ захолустьѣ существовавшее имя, какъ ему довелось быть произносимымъ въ Петербургѣ? Фактъ, что шведскій офицеръ нѣсколько лѣтъ стоялъ въ рижскомъ гарнизонѣ, конечно не могъ дать повода къ догадкамъ на его счетъ 20-ю годами позже. Отчего бы стали указывать именно на него, а не на другихъ временныхъ чиновниковъ, *еслибъ не было на то причины*... Но много можно бы придумать причинъ, почему именно это имя не признается. Кромѣ того, нельзя не замѣтить той особенности, что важнѣйшіе писатели, которые на моей сторонѣ, различно произносятъ имя: это доказываетъ, что они не повторяли другъ друга, а имѣли каждый свои основанія. Адлерфельтъ называетъ ее *Rabin*, Лагербрингъ *Raab*, Нордбергъ *Rabe*“. — На это слѣдуетъ возразить, что первый слухъ о происхожденіи Екатерины отъ Рабе возникъ конечно не въ Петербургѣ, а вѣроятно привезенъ былъ тоже изъ Швеціи или изъ Лифляндіи, гдѣ могли быть люди, интересовавшіеся судьбою выселившейся изъ Швеціи вдовы съ дочерью. Мы видѣли, что по свидѣтельству учителя Рабе, изъ Вестготландіи уже съ 1725 наводились объ этомъ справки. Нордбергъ, сообщая толки о происхожденіи Екатерины изъ Швеціи, говоритъ, что слышалъ это тамъ отъ стараго, честнаго и благонадежнаго человѣка; онъ прибавляетъ, что эту исторію подвергали изслѣдованію, и что она еще и нынче подтверждается какъ церковными книгами, такъ и многими живыми лицами“ (тутъ разумѣется то обстоятельство, что квартирмейстеръ Рабе женился въ Лифляндіи, что по смерти его на родинѣ, жена съ дѣтьми воротилась въ остзейскій край, гдѣ ихъ потеряли изъ виду, пока образовалось извѣстное преданіе). Какъ же оно образовалось? Первымъ поводомъ къ нему могла быть неизвѣстность участи, постигшей вдову Рабе послѣ ея отъѣзда въ Лифляндію, изъ чего могли возникнуть на родинѣ ея разныя догадки о томъ, что́ сдѣлалось съ нею и съ ея дочерью. Съ

---

[1]) Büschings Magazin, IX, 338, въ „Eclaircissements“ Бассевича.
[2]) Nordische Miscellaneen II, 222.

другой стороны, послѣ возвышенія Екатерины Скоронской, разумѣется, пошли повсюду толки о томъ, кто она такая. Самое имя ея естественно наводило родныхъ фамиліи Рабе въ Швеціи на мысль, не это ли потерянная ими изъ виду Катерина; между тѣмъ въ разсказахъ о вознесенной судьбою сиротѣ являлись и другія имена, служившія къ подкрѣпленію предположеній: родиной Катерины Алексѣевны называли *Рунгенъ* (собственно Рингенъ въ Лифляндіи), а бабушка шведской Екатерины родилась въ Ронгедалѣ; наконецъ, и тогда уже могли найтись досужіе этимологи, которые, видя въ серединѣ имени Сковоронской слово *воронъ*, подобно Гупелю и Альбедилю, открыли въ немъ связь съ именемъ *Rabe*. Возможно даже и то, что это имя пошло въ ходъ вслѣдствіе смѣшенія его со словомъ *раба, рабыня*, которое могло прилагаться къ Екатеринѣ не только по ея предполагаемому происхожденію изъ крѣпостного состоянія, но и потому, что она была военноплѣнной (плѣнные тогда признавались рабами). Не даромъ же имя Рабе придавали то родителямъ Екатерины, то первому ея, дѣйствительному или мнимому, мужу. Бюлау, въ упомянутой выше статьѣ, замѣчаетъ, что и этого перваго мужа вездѣ, гдѣ о немъ рѣчь идетъ, называютъ Іоанномъ; какъ прозвище его мы встрѣтили фамилію *Рабинъ*, и Екатерину также, въ первое время послѣ ея замужества, звали die Rabin [1]), а такъ какъ не многіе знали объ этомъ скоро разстроившемся бракѣ, то могло возникнуть мнѣніе, что она урожденная Рабе". Нельзя не сказать, что это довольно остроумная догадка, но для насъ она важна только какъ подтвержденіе сейчасъ высказанной мысли: Rabin вовсе не звучитъ нѣмецкимъ именемъ; скорѣе всего и въ немъ слышится еще болѣе ясный отголосокъ толковъ о томъ состоянія крѣпостной дѣвушки, изъ котораго, по господствовавшему преданію, вышла Екатерина.

Молодой авторъ приведеннаго выше шведскаго разсужденія (Недбергъ) [2]) причисляетъ Вебера къ послѣдователямъ мнѣнія о происхожденіи Екатерины отъ Рабе, но онъ ошибается: Веберъ, въ извѣстномъ своемъ сочиненіи Das Veränderte Russland, напротивъ, выражаетъ свое недовѣріе къ этому слуху. Разсказывая о празднованіи съ обычнымъ обрядомъ дня крещенія въ началѣ 1727 г. и замѣтивъ, что въ этой церемоніи на тотъ разъ не участвовалъ великій князь Петръ Алексѣевичъ и сестра его, Веберъ продолжаетъ: „Это устраненіе произвело въ народѣ тайный ропотъ, тѣмъ болѣе, что въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ близкій родственникъ императрицы съ двумя дочерьми и тремя сыновьями, которому тотчасъ отведенъ былъ домъ съ при-

[1]) Bülau. Geheime Geschichten. VI, 289.

[2]) Разумѣю лундскую диссертацію о происхожденіи Екатерины I. Г. Недбергу извѣстна была только первая часть сочиненія д'Альбедиля; о существованіи второй, гдѣ помѣщена разсмотрѣнная мною статья, онъ не зналъ.

личною мебелью и одеждой. Это были графъ и графиня Сковоронскіе; императрица взяла старшую дочь Софью ко двору въ качествѣ dame d'honneur, а прочія дѣти, оставаясь у отца, получали содержаніе, сообразное съ ихъ званіемъ. Пріѣздъ этихъ гостей подалъ поводъ къ разнымъ толкамъ, и нѣкоторые осмѣлились даже умничать насчетъ происхожденія императрицы и между прочею неприличною болтовней распускать молву, будто ея отецъ былъ квартирмейстеромъ Эльфсборгскаго полка, а мать дочерью рижскаго городского секретаря; что отецъ ея, по имени Іоаннъ Рабе, съ женою своею прижилъ эту дочь Екатерину въ 1682 году въ шведскомъ кирхшпилѣ Вара Эльфсборгской губерніи; что послѣ его смерти вдова съ ребенкомъ удалилась въ Ригу къ своимъ роднымъ и что когда она также умерла, то пробстъ Глюкъ взялъ эту сироту къ себѣ на воспитаніе. Эти и подобныя, почтительнымъ подданнымъ не подобающія разглагольствія подали поводъ къ изданію печатнаго, столь же необходимаго, какъ и справедливаго указа, чтобы никто, подъ страхомъ смертной казни, не осмѣливался о покойномъ Государѣ и царствующей Государынѣ произносить неподобающія рѣчи, съ тѣмъ, чтобы нарушители, хотя бы они оправдывались своимъ неразуміемъ или нетрезвымъ состояніемъ, все-таки были безъ пощады наказываемы". (Das Veränd. Russl. III, 77).

Упоминаемый здѣсь указъ помѣщается ниже въ приложеніяхъ. Поводомъ къ такой строгой мѣрѣ надо считать не столько приводимую Веберомъ молву, сколько другіе болѣе унизительные слухи, изъ коихъ нѣкоторые дошли до насъ и исчислены въ началѣ настоящей замѣтки; вѣроятно, къ нимъ присоединялись еще и толки о перемѣнахъ, происходившихъ въ положеніи Екатерины въ промежутокъ времени между взятіемъ Маріенбурга и приближеніемъ ея къ царю. Что касается извѣстія Вебера о пріѣздѣ въ Петербургъ въ началѣ 1727 года Сковоронскаго съ семействомъ и объ отношеніяхъ этой фамиліи къ государынѣ, то всѣ сомнѣнія о кровномъ между ними родствѣ устраняются найденными мною въ послѣднее время документами.

Изъ этихъ документовъ видно, что во время пребыванія государыни, въ 1721 г., въ Ригѣ, къ ней явилась Христина Гендрикова (рожденная Сковоронская) и показала, что она сестра ея величества, и что ея, Христины, родной братъ съ женою во время войны взятъ былъ въ Россію; Екатерина оказала къ ней милость и отпустила ее [1]).

Вѣроятно, вслѣдствіе этого императрица дала одному изъ самыхъ близкихъ къ супругу ея лицъ, кабинетъ-министру А. В. Макарову указъ отъ 28 февраля 1722 г. объ отысканіи лифляндца Дириха Самуилева сына *Сковороцкаго*, который былъ взятъ въ плѣнъ, когда фельдмаршалъ Шереметевъ ходилъ въ Лифляндію.

---

[1]) Родословная таблица фамиліи Сковоронскихъ — въ Büschings Magazin III, 191. См. также *Русскую Родосл. книгу*, Спб. 1873, стр. 190.

Въ мартѣ 1723 г. Ѳедоръ Чекинъ увѣдомилъ Макарова изъ Вологды, что онъ по всей Галицкой провинціи разослалъ съ этою цѣлію нарочныхъ; около того же времени писано было о томъ изъ малороссійской коллегіи въ Гадячъ, откуда полковникъ Михаилъ Милорадовичъ въ октябрѣ отвѣчалъ, что искомаго лица нигдѣ не оказалось.

Успѣшнѣе была переписка Макарова съ рижскимъ генералъ-губернаторомъ, знаменитымъ княземъ Аникитой Ивановичемъ Репнинымъ. 7-го апрѣля 1723 года этотъ послѣдній писалъ кабинетъ-секретарю, что посланный имъ нарочный отыскалъ жену лифляндскаго обывателя Карлуса Самуилева сына Сковоронскаго въ деревнѣ Догабенъ [1]), принадлежавшей шляхтичу Лауренцкому, и ее всячески уговаривалъ ѣхать къ мужу, но она не хотѣла, „понеже знаетъ состояніе мужа своего, что онъ и отъ нея не отъ малой причины ушелъ".

Въ письмѣ, писанномъ мѣсяца черезъ два позже, именно 13-го іюня, Репнинъ ссылается на указъ ея величества объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и дѣтьми, „и по тому указу, говоритъ онъ, буду чинить, и гдѣ пожелаетъ жить, въ домѣ или другомъ гдѣ мѣстѣ, содержать ее подъ присмотромъ чтобъ куда не отъѣхали и довольствовать буду. Только прошу васъ, моего государя, въ какомъ ее довольствѣ съ мужемъ и дѣтьми содержать, и писать ко мнѣ подлинно".

Очевидно, это относится къ той женщинѣ, о которой говорилось выше и которая въ 1721 году открылась императрицѣ. 4-го іюня 1725 года Репнинъ извѣстилъ Макарова, что накунѣ эта самая женщина явилась къ нему и „подала суплику на польскомъ языкѣ, которую при семъ посылаю, и сказывала мнѣ словесно, будто она Ея Величества сестра, что́ и въ письмѣ ея написано, и братъ де ея родной и съ женою взятъ въ Русь, а она въ прошломъ 1721 году, въ бытность блаженныя и вѣчно достойныя памяти Его Императорскаго Величества и Ея Величества Государыни Императрицы здѣсь въ Ригѣ, та женка у Ея Величества была, и тогда Ея Величество пожаловала ей двадцать червонныхъ, и отпущена паки въ домъ, и нынѣ она съ мужемъ и съ дѣтьми живетъ въ Лифляндіи недалеко отъ Риги, и я прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести Ея Величеству какъ мнѣ съ нею поступить, и прислать ко мнѣ о томъ немедленно резолюцію, дабы не разгласилось. А до полученія о томъ резолюціи буду ее съ мужемъ и съ дѣтьми содержать въ домѣ ея подъ карауломъ. Паки васъ, моего государя, прошу о скорой резолюціи, чего ради сіе письмо посылаю чрезъ нарочной штафетъ.

Іюня 4 дня
1725 г.
Рига"

Вамъ, моему государю,
всегдашній слуга
Князь А. Репнинъ".

---

[1]) „Отъ мѣстечка Вишки озера въ полумили", прибавлено въ подлинникѣ. Ср. то же свѣдѣніе по бумагамъ Кабинета въ Исторіи Соловьева, т. XVI, прим. 86.

Въ поданной Репнину просьбѣ Христина Гендрикова писала: „Припадая къ ногамъ вашей ясновельможности, осмѣливаюсь просить васъ обратить милостивое вниманіе на меня бѣдную сироту, оставленную Богомъ: я была въ плѣну въ войскѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ вашимъ (perwsza że byłam w niewoli w woysku Jasniewielmożnosci waszey) во время войны, которая разсѣяла народъ нашъ; Всевышній, по особенной милости Своей, возвелъ сестру мою въ Императорскій санъ; мы же двѣ остались въ крайней бѣдности. Ея Величество, сестра наша, уже извѣщена о нашей участи, какъ равно о мужѣ и дѣтяхъ моихъ, пожаловала на содержаніе семейства моего жалованье и повелѣла ожидать благопріятнаго случая; вслѣдствіе чего я теперь прибѣгаю къ вашей ясновельможности, прося милостиваго состраданія вашего ко мнѣ, ибо я нынѣ живу въ бѣдномъ весьма положеніи въ деревнѣ Кегему на землѣ, принадлежащей г. майору Гульдынашульду (Вульфеншильду), который обращается со мной какъ съ крестьянкою и обижаетъ меня. Сдѣлайте милость, не откажите мнѣ бѣдной въ совѣтѣ вашемъ, какимъ бы образомъ мнѣ можно было поклониться Ея Величеству Императрицѣ, ибо я вовсе не знаю, какъ и въ чемъ мнѣ къ ней пріѣхать. Я совершенно увѣрена, что она не отречется меня; бѣдная же сирота за оказанную ей вами милость не перестанетъ никогда молить Всемогущаго Бога о сохраненіи вашего здоровья и продолженіи счастливаго господства вашего“.

Императрица повелѣла „содержать эту женщину и довольствовать, чтобъ жили безъ нужды“. Репнинъ, спрашивая о размѣрѣ этого довольства, вмѣстѣ съ тѣмъ сообщаетъ, что она „живетъ у здѣшняго дворянина лифляндца майора Вульфеншильда въ подданствѣ и съ мужемъ во крестьянехъ и всякую работу работаетъ и оброкъ платятъ, какъ и прочіе. И нынѣ отъ работы ее и съ мужемъ приказалъ уволить. Также и оброкъ за нихъ прикажу платить изъ казны. А какъ слышалъ я, что они уже многимъ о себѣ разгласили и оба люди глупые и пьяные, и мнѣ мнится удобнѣе бъ было ихъ отсюду куда въ другое мѣсто взять дабы отъ нихъ больши вракъ не было, чего ради прошу васъ, моего государя, въ благополучное время донести о семъ Государынѣ Императрицѣ, и какой Ея Величества о томъ указъ состоится, ко мнѣ написать“.

Макаровъ отъ 29-го іюня отвѣчалъ:

„О извѣстной женской персонѣ, о которой прислана сюды челобитная Ея Величеству, паки я доносилъ, на что изволила сказать, чтобъ ихъ содержать въ скромномъ (*т. е. сокровенномъ*) мѣстѣ, гдѣ ваше сіятельство за способнѣе разсудите, и дать имъ нарочитое пропитаніе и одежду, а отъ того шляхтича, гдѣ они прежде жили и разгласили о себѣ, взять ихъ подъ видомъ жестокаго караула и тому шляхтичу дать знать, что оные за нѣкоторыя непристойныя слова взяты за караулъ, или тайно взять, ничего ему не говоря объ нихъ,

что̀ Ея Величество изволила больше отдать на ваше разсужденіе, а когда взяты будутъ, то приставить къ нимъ повѣренную персону, которая бы ото вранья ихъ могла удерживать".

7 іюля Репнинъ писалъ:

„А нынѣ паки доношу какъ и прежде, что оная женщина въ прошломъ 1721 году взята была ко двору и спрашивана и паки отпущена, и надѣюся, о томъ здѣсь въ народѣ не безызвѣстны, также и она, уповаю, не молчитъ. И того для весьма удобнѣе бъ было отсюда ихъ взять въ Русь и содержать въ такомъ мѣстѣ, гдѣ про нихъ не знаютъ".

Макаровъ отвѣчалъ 17-го іюля:

„Государь мой милостивый, князь Аникитъ Ивановичъ! Письмо вашего сіятельства отъ 7-го дня іюля я исправно получилъ, въ которомъ изволите писать о извѣстной женской персонѣ, что̀ съ нею чинить, и о томъ я Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ доносилъ и Ея Величество указала взять не со всею ея фамиліею сюды, и для того пришлется по нее вскорѣ въ Ригу нарочной курьеръ, а между тѣмъ, пока тотъ курьеръ пріѣдетъ, изволите приказать изготовить ей потребное въ дорогу: коляску и прочее".

Репнинъ писалъ 21 іюля:

„Г-дрь мой. Ваше письмо сего іюля отъ 17 дня я получилъ и извѣстную женщину въ посылку изготовлю, и какъ отъ васъ присланъ будетъ курьеръ, то оную не усконѣя отправлю. А нынѣ извѣстился я отъ посланнаго своего офицера въ польскіе Лифлянды, что тамъ находится помянутой извѣстной женщины большая сестра родная и съ мужемъ своимъ и съ дѣтьми, а также о себѣ безопасно гласитъ, отъ чего тамошніе обыватели много врутъ, и нынѣ посылаю того офицера, оную женщину и съ мужемъ и съ дѣтьми подговоря, привезти и о вышеописанномъ прошу васъ, моего гдря, ежели потребно, донести Ея Величеству прислать ко мнѣ указъ".

Это письмо, какъ и слѣдующая за нимъ переписка, подтверждаютъ свидѣтельство Бюшинга, что онъ имѣлъ въ рукахъ дневникъ офицера, посланнаго въ Литву для отысканія другой сестры Карла Скворонскаго, Анны Ефимовской [1]).

Бюшингъ сообщаетъ изъ этого дневника слѣдующее извлеченіе.

„2-го февраля 1725 онъ (т. е. посланный офицеръ) отправленъ былъ по высочайшему повелѣнію изъ Петербурга въ Ригу, чтобы получить отъ тамошняго генералъ-губернатора кн. Репнина наставленія, какъ отыскать въ Великой Литвѣ одну изъ сестеръ императрицы Екатерины.

---

[1]) Büschings Magazin III. 190.

Князь Репнинъ въ первый разъ отправилъ его 20 марта. Онъ поѣхалъ въ Биржи и съ собранными тамъ свѣдѣніями возвратился въ Ригу. 25-го мая онъ поѣхалъ вторично, и именно въ Дубно, въ польскую Лифляндію, а оттуда въ Каменецъ. Здѣсь онъ разспросилъ одного священника, по имени Силицкаго, о фамиліи Ефимовскихъ и узналъ, что они принадлежатъ вдовѣ старосты Ростовскаго. Онъ познакомился съ этой женщиной, увидѣлся также и разговаривалъ съ Ефимовскимъ и его женой. Онъ всячески старался скрыть цѣль своего путешествія и выдавалъ себя за саксонскаго офицера. Но старостиха заподозрила его, велѣла напоить его слугу и вывѣдать, не русскій ли офицеръ — хозяинъ его. Догадываясь, что онъ хочетъ увезти семейство Ефимовскихъ, она приказала четыремъ изъ своихъ людей напасть на него, когда онъ будетъ уѣзжать 21 мая, и умертвить его. Однакожъ онъ отдѣлался пятью ударами и ранами въ лѣвую руку (которою уже никогда не могъ владѣть) и возвратился въ Ригу 7-го іюля. 3-го августа отправился онъ въ третій разъ, чтобы втайнѣ увезти семейство Ефимовскихъ, что́ однакожъ и тогда не удалось, такъ какъ у него было не довольно денегъ. 17-го сентября онъ поѣхалъ изъ Риги въ послѣдній разъ, имѣлъ достаточно денегъ, и 12-го сентября привезъ Ефимовскихъ благополучно въ Ригу. Онъ держалъ ихъ, тамъ до 23 ноября, когда передалъ ихъ майору Б., привезшему ихъ въ Петербургъ. Въ это самое время и вторая сестра императрицы, Христина, была перевезена съ мужемъ своимъ Гендриковымъ изъ Великой Литвы въ Петербургъ. Это семейство было въ такихъ же обстоятельствахъ, какъ и Ефимовскіе". Мы скоро увидимъ, что главное показаніе этого извѣстія, именно о времени доставленія Ефимовскихъ въ Ригу, совершенно совпадаетъ съ извлекаемымъ изъ нашей переписки свѣдѣніемъ.

25 августа Репнинъ, напоминая. Макарову „объ извѣстной женщинѣ съ мужемъ ея и фамиліею, которые за непристойныя слова содержатся здѣсь подъ карауломъ", жалуется, что ожидаемый „для взятія ихъ курьеръ до сего времени не бывалъ, а они понынѣ содержатся подъ карауломъ; такожъ помянутой посланной мой изъ польскихъ Лифляндъ возвратился и словесно доносилъ и письмо отъ нихъ подалъ, въ которомъ пишутъ, что объ нихъ при дворѣ Ея Императорскаго Величества извѣстно, ибо въ прошлыхъ годехъ присыланъ былъ нарочной и взялъ жену родного брата ея, которой въ Россіи, а ихъ тамъ оставилъ, и нынѣ они въ Россію ѣхать желаютъ, токмо на росплату долговъ и чѣмъ подняться, просятъ денегъ ста рублевъ, а я на прежнее мое объ нихъ письмо отвѣту отъ васъ не имѣю и денегъ послать къ нимъ не смѣю. Понеже, какъ выше упомянуто, что при дворѣ объ нихъ уже извѣстно, чего ради прошу васъ, моего гдря, дабы о помянутомъ прислана была ко мнѣ резолюція".

На это письмо Макаровъ 11 сентября отвѣчалъ, что курьеръ еще

не отправленъ оттого, что онъ боленъ „и по се время не выздоровѣлъ, а иного я на то дѣло послать не могу“ и пр.

13 октября 1725 г. Репнинъ сообщалъ Макарову изъ Риги:

„Минувшаго сентября 11 дня писали вы ко мнѣ Ея Императорскаго Величества указомъ о извѣстной женщинѣ: ежели она подлинно должна и не болѣе какъ рублей до ста, то ея долги указала Ея И. В. искусно оплатить, и по тому васъ, моего государя, письму посылалъ я нарочнаго въ польскіе Лифлянды и съ нимъ денегъ сто ефимковъ, и оная женщина и съ мужемъ ея и четверо дѣтей мужеска полу 15, 13, 10 и 5 лѣтъ сюда привезены [1]) и деньги оплачены, и содержатся, какъ и первые, подъ карауломъ, въ довольномъ пропитаніи; только вельми сомнѣваются, что они содержатся многое время подъ карауломъ“.

14 ноября Репнинъ опять напоминаетъ, что „люди, которые содержатся подъ карауломъ и которые также взяты изъ Литвы, все еще содержатся подъ карауломъ и въ немаломъ о томъ сумлѣніи состоятъ и жалобу приносятъ, а особливо тѣ, которые изъ Литвы привезены, нарекаютъ, что оставя домъ свой, сюда поѣхали“, а потому онъ повторяетъ свою просьбу, „дабы о помянутыхъ арестантахъ получилъ какой указъ, ибо опасенъ я на себя отъ нихъ жалобы, которую уже и нынѣ производятъ“.

6 января 1726 г. Репнинъ, благодаря Макарова за поздравленіе съ новымъ годомъ и самъ поздравляя его, посылаетъ „вѣдомость, коликое число на извѣстныхъ персонъ, которыя содержатся подъ арестомъ, въ расходъ употребилъ денегъ:

„На расплату долговъ, которые изъ польскихъ Лифляндъ привезены: 100 ефимковъ.

„Да всѣ, которые были въ Лифляндіи и въ польскихъ Лифляндахъ, на пищу и на платья и на обувь 70 ефимковъ, да россійскихъ 190 рублевъ.

„А россійскими деньгами, считаючи ефимокъ по 95 коп., всего въ расходѣ 351 рубль 50 копѣекъ“.

18 января Макаровъ пишетъ: „Для извѣстной женщины, о которой ваше сіятельство писали, курьеръ отсель наряженъ и вскорѣ къ вашему сіятельству отправится. Того для извольте ей съ дѣтьми приготовить въ путь сани и шубы. Я надѣюся, что отсюды одни сани нарочитые съ курьеромъ отправлю“.

23 января Репнинъ отвѣчаетъ: „Ваше письмо отъ 18 сего генваря я вчерась получилъ, по которому для покупки, по указу Ея Императорскаго Величества, лошадей пошлю нарочнаго съ деньгами и при-

[1]) Вѣроятно это случилось именно наканунѣ, т. е. 12 октября, согласно съ показаніемъ Бюшинга, и Репнинъ поспѣшилъ донести о томъ въ Петербургъ. Время отправки туда обоихъ семействъ Бюшингъ показываетъ невѣрно; понятно, что въ этомъ показаніи офицеръ, на котораго онъ ссылается, легко могъ ошибиться.

кажу искать, чтобъ были лошади чистыя и легкія, а не тяжелыя и не фризованныя, и что учинится, о томъ къ вамъ писать буду.

„Что же изволили ко мнѣ писать о извѣстной женщинѣ, что вскорѣ присланъ будетъ по нее нарочной курьеръ и чтобъ приготовить сани и шубы, и по тому вашему письму учиню, токмо вамъ, моему государю, изъ прежнихъ моихъ писемъ извѣстно, что помянутая женщина съ мужемъ и съ дѣтьми не одна, но съ нею есть братъ ея родной, съ женою и дѣтьми, которые съ нею здѣсь въ Лифляндіи въ одной деревнѣ жили, да изъ польскихъ Лифляндъ привезены помянутой женщины большая родная сестра съ мужемъ и съ дѣтьми, всего нынѣ содержатся здѣсь 3 семьи, которымъ при семъ посылаю роспись. Прошу васъ, моего государя, какъ прибудетъ помянутой курьеръ, всѣхъ ли мнѣ отправлять или токмо помянутую одну женщину съ дѣтьми, и что съ достальными дѣлать".

„Роспись:

„Женщина Крестина Сковорощанка съ мужемъ [1]). У нихъ дѣтей два сына: одинъ 12-ти, другой 6-ти лѣтъ, да двѣ дочери: одна 9-ти, другая 2-хъ лѣтъ, и того самъ шостъ.

„Оной же Крестины Сковорощанки братъ родной Фридрихъ Сковоронскій съ женою Катериною. У него двѣ падчерицы: одна 12-ти, другая 7-ми лѣтъ, и того самъ четвертъ (которые жили въ Лифляндіи въ одной мызѣ во крестьянствѣ).

„Да изъ польскихъ Лифляндъ привезены:

„Оной же Крестины Сковорощанки сестра родная большая Анна съ мужемъ Михайломъ Якимовичемъ (которые жили въ польскихъ Лифляндахъ въ одномъ мѣстечкѣ). У нихъ три сына: одинъ 15-ти, другой 13-ти, третій 7-ми лѣтъ. Итого самъ пятъ.

„Всего 15 персонъ".

Въ тотъ же день, когда было послано письмо съ этою росписью, т. е. 23 января 1726 года, и Макаровъ писалъ къ Репнину:

„Для извѣстной женщины съ ея фамиліею посланъ отсюда сержантъ гвардіи Левъ Микулинъ, и когда онъ въ Ригу пріѣдетъ, то изволите его отправить въ польскіе Пруссы къ Друѣ и придать ему для конвоя нѣсколько человѣкъ солдатъ. А какъ онъ оттуда съ нѣкоторыми персонами возвратится, то вышеупомянутую женщину со всею ея фамиліею изволите отправить сюды; съ нимъ Микулинымъ послано отсюда двои сани, такожъ три мѣха лисьихъ и пять косяковъ камокъ, изъ которыхъ ваше сіятельство изволите приказать сдѣлать имъ платье теплое. Ежели же чего не достанетъ, то изволите приказать купить, и что́ потребно будетъ къ дорогѣ, то по предложенію помянутаго Микулина изволите приказать исправить, чтобъ безъ нужды сюды могли доѣхать".

[1]) Гендриховымъ.

Микулинъ отправился наканунѣ по слѣдующему указу, данному изъ Кабинета въ Ямскую канцелярію:

„1). По указу Ея Императорскаго Величества посылается для нѣкотораго важнаго дѣла въ Ригу курьеръ Левъ Микулинъ. Того для изъ Ямской Канцеляріи дать ему со обрѣтающимся при немъ человѣкомъ до Риги подорожную на 4 почтовыя подводы за указные прогоны.

„Алексѣй Макаровъ.

„Въ С.-Петербургѣ.
„Генваря въ 22 день 1726. Послано того же числа“

Письмо Репнина, 30 янв. 1726 г.

„Государь мой. Ваше письмо изъ С.-Петербурга, отъ 23-го генваря писанное, чрезъ присланаго сержанта Микулина я вчерась получилъ, по которому онаго сержанта Микулина отъ Риги къ Друѣ, придавъ ему конвой, отправлю; также, когда и оттуда возвратится, потомужъ его Микулина и съ нимъ извѣстную женщину со всею ея фамиліею отправлю, удовольствовавъ по вашему письму; при томъ же отправлю другихъ той же фамиліи, о которыхъ вамъ уже извѣстно изъ прежнихъ моихъ писемъ, которымъ паки при семъ прилагаю роспись, сколько ихъ персонъ, а платье камчатое, о которомъ вы изволили ко мнѣ писать, приказалъ сдѣлать на однѣ женскія персоны, а на мужскія велѣно подѣлать суконныя“. (Получ. 4 февр. 1726).

21 февраля Репнинъ извѣщаетъ: „Сего числа тѣ персоны отправились съ сержантомъ Микулинымъ (кромѣ одной Латышки, жены Фридриха Сковоронскаго съ ея дѣтьми и его падчерицами, которые сами слезно просили, дабы ихъ здѣсь оставить, да и къ посылкѣ оные весьма непотребны, къ томужъ и мужъ ее отпустилъ), и дано подъ нихъ 17 подставныхъ подводъ и прогонныхъ денегъ 56 р. 10 коп., да въ пути на кормъ 50 рублевъ, и подѣлано на нихъ платье и обувь, такожъ въ дорогу сдѣланы сани. А сколько всего и въ бытность ихъ въ Ригѣ издержано, о томъ вѣдомости къ вамъ пришлю вскорѣ“.

13 марта Репнинъ послалъ въ Петербургъ обѣщанную вѣдомость, прося написать, „на какой счетъ оныя деньги записать, или присланы будутъ отъ Кабинета“. Вотъ эта вѣдомость:

	ефим.	грош.	рубл.	коп.
„Когда извѣстная женщина явилась и просила, что имѣетъ нужду, дано ей . .	—	—	5	—
Да по указамъ на расплату долговъ, которые взяты изъ польскихъ Лифляндъ . .	100	—	—	—
На пропитаніе въ Ригѣ всѣхъ	50	—	154	7½
На дѣло имъ платья, обувь и постель . . .	—	—	268	48½

	ЕФИМ.	ГРОШ.	РУБЛ.	КОП.
Которая женщина Латышка оставлена и отпущена въ мызу, въ награжденіе	—	—	10	—
На посылку саней	—	—	20	—
На прогоны до С.-Петербурга и на пропитаніе въ пути.	—	—	106	10
За наемъ двора, на которомъ оныя персоны стояли	13	18	—	—
Итого . .	163	18	563	66

Марта 13 1726".

Что исчисленныя тутъ деньги вскорѣ уплачены были Репнину видно изъ слѣдующаго письма его къ Макарову отъ 10 апрѣля 1726 года:

„Государь мой. Ваше, моего государя, письмо, отъ 2 сего апрѣля писанное, и съ приложеннымъ векселемъ на 726 р. на 66 коп., которые въ расходъ употреблены на извѣстныхъ персонъ, я получилъ и помянутыя деньги въ рижскую рентерею принять приказалъ. Что же меня изволили увѣдомить о пришествіи сюда Ея Императорскаго Величества, и за оное вамъ, моему государю, попремногу благодарствую и съ сердечнымъ моимъ желаніемъ такихъ дорогихъ гостей съ радостію ожидаю".

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Записка, сохранившаяся при письмѣ Петра Бестужева къ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ отъ 25 іюля 1715 года.

Фамилія вдовы Веселевской и мѣщанина Дукляса.

Вдова Катерина Лиза Веселевска жила въ Крыжборху вдовою лѣтъ съ пять, которая была за сыномъ Веселевскимъ и имѣла съ нимъ двухъ сыновъ, и оба умерли.

Отецъ ея Мерхертъ Ганъ жилъ въ польскихъ Лифляндтахъ въ Калкунѣ мызѣ у маіора Фелькерзама. Оная Катерина Лиза дѣвицею жила у барона Унгера у его жены въ мызѣ Унгарѣ и оттоль вышла замужъ въ Крыжборхъ за Яна Веселевскаго. У ней было три сестры, да братъ Вильгельмъ Ганъ, которой и нынѣ живъ въ Якубштатѣ на Курляндской сторонѣ; сестры: одна Дорота была за католикомъ Сковоротскимъ, имѣла съ нимъ 4 дочери; одна жила у меньшой Веселевской въ Крыжборхѣ и взяли шведы; другія померли. Вторая сестра Софія за Генденбергомъ. У ней два сына въ Курляндіи въ Субочѣ у Сакина и нынѣ живы. Третья сестра была за сыномъ мужа ея за Яномъ же Веселевскимъ. У нихъ остался сынъ Андрей Веселевской и нынѣ живетъ въ Якубштатѣ.

Первая старшая сестра вдова Катерина Лиза послѣ Веселевскаго изъ Крыжборга перешла чрезъ рѣку на Курляндскую сторону въ Якубштатъ и взяла мужа мѣщанина Лаврина Дукляса и родила съ нимъ 6 сыновъ и дочь; всѣ померли; одинъ Симонъ Дуклясъ, сынъ ея, и нынѣ живъ въ Якубштатѣ.

Лаврина же Дукляса первой жены дочь нынѣ жива въ Якубштатѣ за ранцемъ (?) Яковомъ Залескимъ.

II.

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы всероссійской. Объявляется во всенародное извѣстіе. [1]).

Понеже въ разныхъ городѣхъ и въ уѣздѣхъ, въ селѣхъ и въ деревняхъ являлись многіе злодѣи въ непристойныхъ и противныхъ словахъ противъ персонъ блаженыя и вѣчнодостойныя памяти Его Императорскаго Величества. Также и нынѣ благополучно владѣющей Ея Императорскаго Величества и ихъ высокой фамиліи. А въ Преображенской канцеляріи съ розысковъ показывали яко бы они тѣ непристойныя слова говорили собою съ проста, а иныя съ пьяна, за что онымъ по указомъ Ихъ Величества чинена смертная казнь и политическая смерть, а протчимъ по милосердымъ Ихъ Величества указомъ чинено жъ наказанье и ссыланы въ каторжную работу. А потомъ и нынѣ такія жъ злодѣи, не взирая на оное Ихъ Величества милосердіе къ подданнымъ своимъ, забывъ страхъ Божій и присяжную свою должность, являются въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ. Того ради Ея Императорское Величество указала, ежели съ сего указу впредь кто бъ какого званія ни былъ, явится въ такихъ же непристойныхъ и противныхъ словахъ про Его блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Императорское Величество, также и противъ Персоны Ея Императорскаго Величества и Ихъ Величества Высокой Фамиліи, а по извѣтомъ и по доказательству оныя въ томъ будутъ обличены, и хотя станутъ показывать отговоркою, якобы они тѣ непристойныя и противныя слова говорили съ проста или съ пьяна, и таковымъ злодѣямъ за тѣ ихъ вины, не смотря на такія ихъ отговорки, учинена будетъ смертная казнь безъ пощады.

Сей указъ состоялся въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, генваря 30 дня.

Печатанъ февраля 4 дня 1727 году.

---

[1]) См. П. С. З. VII, № 5004. Воспроизвожу однакоже этотъ указъ во всей точности не по полному Собранію Законовъ, а по тексту современнаго печатнаго сборника указовъ Екатерины I и Петра II.

ДѢТИ ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ АННЫ ЛЕОПОЛЬДОВНЫ ВЪ ГОРСЕНСѢ.

Разсказъ по датскимъ извѣстіямъ [1]).

1875.

Въ „Русской Старинѣ", за январь 1873 г. (томъ VII, стр. 67 — 73), была напечатана замѣтка о пребываніи дѣтей правительницы Анны Леопольдовны въ городѣ Горсенсѣ, въ Даніи. Замѣтка эта основывалась главнымъ образомъ на одномъ письмѣ принцессы Екатерины Антоновны, а также на показаніяхъ, слышанныхъ Д. Н. Бантышъ-Каменскимъ отъ архимандрита Іосифа, прожившаго восемь лѣтъ (1795 — 1803) при этихъ изгнанникахъ.

Извѣстно, что герцогъ Антонъ Ульрихъ и дѣти его, по воцареніи Елисаветы Петровны, отправлены были въ Холмогоры, а послѣ кончины отца два принца и двѣ принцессы въ 1780 г. переведены въ Горсенсъ, небольшой приморскій городъ на юговосточномъ берегу Ютландіи. Принцъ Алексѣй и принцесса Елисавета умерли тамъ до прибытія названнаго Іосифа: онъ засталъ въ живыхъ только брата ихъ Петра и сестру Екатерину. Послѣдняя страдала съ дѣтства совершенною глухотою вслѣдствіе несчастнаго паденія: ее уронили въ самый день катастрофы сверженія съ престола брата ея Іоанна. Она родилась за нѣсколько мѣсяцевъ до того, въ іюлѣ 1741 г., а умерла въ 1807. На содержаніе плѣнниковъ назначено было Екатериною Второю 32.000 р. въ годъ, и вся эта сумма сполна выдавалась до кончины послѣдней принцессы.

Въ 1803 году архимандритъ Іосифъ былъ отозванъ въ Россію, а на его мѣсто опредѣленъ въ Горсенсъ синодальный соборный іеромонахъ Ѳеофанъ. Уже при этомъ новомъ духовникѣ принцесса Екатерина, въ означенномъ году, отправила къ императору Александру Павловичу писанное собственною ея рукою письмо. Оно также напечатано въ „Русской Старинѣ" вслѣдъ за статьею.

---

[1]) Русск. Стар. 1875, кн. IV.

Въ этомъ письмѣ престарѣлая принцесса горько жалуется на притѣсненія, претерпѣваемыя ею со стороны датскихъ придворныхъ, которые будто бы обращаютъ въ свою пользу большую часть присылаемыхъ на ея содержаніе суммъ и заставляютъ ее переписывать письма, ими самими сочиненныя, чтобы представить все, до нея касающееся, въ превратномъ видѣ.

Эти свѣдѣнія были перепечатаны въ копенгагенскомъ журналѣ „Historisk archiv" (1873 г., ч. II), при чемъ, однакожъ, заподозрѣна ихъ достовѣрность.

Затѣмъ, въ іюльской книжкѣ того же изданія за прошлый годъ, появилась статья г. Гранцова подъ заглавіемъ: „Еще о русскомъ дворѣ въ Горсенсѣ". Авторъ ея, выражая сомнѣніе въ подлинности помянутаго письма принцессы Екатерины, или, по крайней мѣрѣ, въ справедливости его содержанія, представляетъ разныя соображенія, которыя могутъ привести къ другимъ выводамъ относительно поведенія датскихъ придворныхъ, приставленныхъ къ несчастной изгнанницѣ.

Недавно профессоръ славянскихъ языковъ въ Копенгагенѣ г. Смитъ выразилъ мнѣ желаніе многихъ изъ своихъ соотечественниковъ, чтобы русской публикѣ дана была возможность ознакомиться съ изображеніемъ обстоятельствъ этого дѣла съ датской точки зрѣнія. Высоко цѣня правило: „audiatur et altera pars", съ удовольствіемъ исполняю это законное желаніе, твердо увѣренный, что редакція „Русской Старины" не встрѣтитъ препятствія дать мѣсто предлагаемымъ извлеченіямъ изъ копенгагенскаго журнала.

Въ подкрѣпленіе своихъ сомнѣній г. Гранцовъ (авторъ датской статьи) приводитъ разныя обстоятельства и подробности, которыя не лишены интереса и дополняютъ наши свѣдѣнія о несчастномъ семействѣ. Императрица Екатерина отпустила дѣтей Антона Ульриха изъ Россіи по ходатайству тётки ихъ, датской королевы Юліаны-Маріи [1]). На счетъ русскаго двора были куплены въ Горсенсѣ, на церковной площади, два самые лучшіе дома и перестроены въ одно зданіе подъ руководствомъ знаменитаго архитектора, профессора Гарсдорфа; все же обзаведеніе и устройство происходило подъ наблюденіемъ одного изъ генералъ-адъютантовъ короля. При этомъ ничего не было упущено для приготовленія приличнаго жилища родственникамъ королевской фамиліи; изъ многихъ писемъ министра Гульдберга видно, какъ тщательно обдумывались мельчайшія подробности, тѣмъ болѣе, что избѣгали излишнихъ издержекъ, зная, что въ каждомъ шилингѣ придется отдать отчетъ русскому двору. По вниманію и попеченіямъ,

---

[1]) Супругъ ея Фридрихъ V умеръ уже въ 1766 году. Она была родная сестра Антона Ульриха Брауншвейгскаго; родилась и умерла въ тѣ же годы, какъ Екатерина II (1729 — 1796).

какія были оказываемы царственнымъ изгнанникамъ, авторъ полагаетъ, что пребываніе въ Горсенсѣ было имъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ въ пустынной крѣпости Холмогоръ, подъ надзоромъ „грубыхъ русскихъ офицеровъ" (Припомнимъ, что въ письмѣ принцессы Екатерины Горсенсъ названъ адомъ, а Холмогоры — раемъ). Между тѣмъ, однакожъ, такъ какъ принцы и принцессы были русскими государственными плѣнниками, которыхъ охраненіе было поручено императрицею датскому двору, то свобода ихъ подвергалась извѣстнымъ ограниченіямъ. Этимъ объясняется, почему вся русская свита, пріѣхавшая съ ними изъ Холмогоръ, была отправлена назадъ. Датское правительство съ этихъ поръ отвѣчало за всѣ ихъ дѣйствія и потому, естественно, должно было поручить наблюденіе за ними лицамъ, на которыхъ вполнѣ могло положиться. Вслѣдствіе того Гульдбергъ, между прочимъ, предписалъ, чтобы прежде всего отведено было помѣщеніе во дворцѣ датскимъ придворнымъ; русскій же священникъ, причетники и пѣвчіе по недостатку мѣста, должны были довольствоваться болѣе отдаленнымъ жилищемъ и нанимать себѣ квартиры у частныхъ лицъ въ городѣ.

Въ началѣ принцы и принцессы находились подъ довольно строгимъ надзоромъ, и постороннимъ лицамъ запрещено было видѣться съ ними; уже по смерти Елисаветы и Алексѣя (въ 1782 и 1787 гг.) оставшимся въ живыхъ брату и сестрѣ ихъ позволено было свободнѣе сообщаться съ жителями города и окрестностей. Суммы, ассигнованныя русскимъ правительствомъ, отпускались не прямо въ ихъ руки, а чрезъ посредство датскаго правительства; ихъ гоф-интендантъ, подобно всякому должностному лицу, обязанъ былъ ежегодно отдавать обстоятельный отчетъ въ употребленіи довѣряемыхъ ему суммъ, а за содержаніемъ двора наблюдала сама вдовствующая королева Юліана-Марія; когда же она умерла, эта обязанность перешла на сына ея, наслѣднаго принца Фридриха, ближайшаго родственника изгнанныхъ. При такомъ порядкѣ вещей было бы очень трудно позволить себѣ неправильное употребленіе суммъ, и можно, по мнѣнію г. Гранцова, положительно сказать, что принцесса Екатерина несправедливо обвиняла придворныхъ, когда въ письмѣ своемъ утверждала, что они „все употребляли деньги для своей пользы, и что они были прежде совсѣмъ бѣдны и ничто не имѣли, а тепериче они оттого здѣлалися богаты". Если даже предположить, что они въ самомъ дѣлѣ пользовались всякимъ случаемъ для своего обогащенія, то надо согласиться, что о большой поживѣ нельзя было и думать, такъ какъ вся ежегодная выдача составляла менѣе 28.000 датскихъ риксдалеровъ и изъ этой суммы должны были покрываться всѣ немаловажныя издержки на содержаніе двора. Поэтому Гульдбергъ, еще до организаціи двора, писалъ оберъ-камергеру Шенку: „Мудрено будетъ помѣшать возвышенію

цѣнъ, но я надѣюсь, что положеніе города въ наилучшей мѣстности и ваша извѣстная мнѣ благоразумная заботливость отвратятъ это неудобство". Содержаніе двора было подъ такимъ строгимъ контролемъ, что, напримѣръ, нужна была резолюція королевы для рѣшенія вопроса объ увеличеніи на 10 риксдалеровъ годового оклада городскому каплану, а гоф-интендантъ, полковникъ Лиліенскіольдъ, еще въ 1794 году былъ такъ небогатъ, что Шенкъ представлялъ королевѣ о выдачѣ ему въ пособіе 150 риксд. Едва-ли бы онъ сталъ домогаться такой ничтожной суммы, еслибъ обвиненіе принцессы Екатерины имѣло хоть какое-нибудь основаніе, или, другими словами, еслибъ ему стоило только запустить руку въ кассу, чтобы присвоить себѣ желанную сумму. Главное же обстоятельство, которое можно противупоставить означенному обвиненію,—то, что, въ управленіи дворомъ былъ большой порядокъ: у принцевъ и принцессъ оставалось еще довольно средствъ для того, чтобы ежегодно жертвовать около 300 риксдалеровъ на городское духовенство, на школы, на бѣдныхъ и т. п.; кромѣ того, они выдавали почти такую же сумму на ученіе бѣднымъ дѣтямъ и на вспоможеніе неимущимъ вдовамъ, не считая значительныхъ подарковъ, которые принцы и принцессы раздавали своими руками. Только одна статья въ счетахъ 1790 года какъ-будто заключаетъ въ себѣ косвенное указаніе, что, пожалуй, обвиненія принцессы были не несправедливы: сумма въ 4.000 руб. на гардеробъ можетъ показаться слишкомъ значительною въ такое время, когда рѣчь могла итти только о двухъ лицахъ (принцѣ Петрѣ и принцессѣ Екатеринѣ); между тѣмъ, однакожъ, и это возраженіе устраняется съ одной стороны исчисленіемъ отдѣльныхъ предметовъ гардероба, оказывающагося дѣйствительно роскошнымъ, съ другой—тѣмъ, что принцессы ежегодно раздаривали принадлежности своего туалета и обзаводились ими снова.

Далѣе принцесса Екатерина пишетъ, будто окружавшіе ее присвоили себѣ всѣ драгоцѣнности, оставшіяся послѣ смерти ея братьевъ и сестеръ, и вынудили у нея письмо къ русскому двору о назначеніи имъ пенсіи; поэтому она старается склонить императора Александра Павловича къ отмѣнѣ распоряженій, сдѣланныхъ противъ ея воли, и представляетъ, что серебряныя вещи и деньги, выдаваемыя на гардеробъ, а также и прочее имущество должны возвратиться въ Петербургъ, откуда все это прислано. И здѣсь, по увѣренію г. Гранцова, можно офиціальными документами доказать несостоятельность всѣхъ этихъ обвиненій. Конечно, гардеробъ покойной принцессы Елисаветы былъ большею частію розданъ придворнымъ чинамъ и служителямъ (однакожъ, принцесса Екатерина получила на память часть бриліантовъ и вдовствующая королева бриліантовыя серьги), но это вовсе не было похищеніемъ со стороны двора, потому что все было сдѣлано съ одобренія и за собственноручною подписью королевы. Удивленіе, возбуждае-

мое письмомъ принцессы, еще увеличивается, когда узнаемъ, что императрица Екатерина II, указомъ 10-го марта 1796 г., предоставила вдовствующей королевѣ Юліанѣ-Маріи все имущество, принадлежавшее принцессѣ и ея братьямъ и сестрамъ, но съ тѣмъ, чтобы остающіеся въ живыхъ имѣли пожизненное право располагать ими. Слѣдовательно, принцесса письмомъ своимъ убѣждаетъ императора Александра уничтожить болѣе раннее завѣщаніе, утвержденное русскимъ правительствомъ въ пользу родной тётки и ближайшей родственницы принцессы. Но этого недовольно: позднѣе она сама формальнымъ образомъ возобновила и подтвердила прежнія распоряженія: завѣщаніемъ 28-го октября 1802 года она своимъ исключительнымъ наслѣдникомъ назначила двоюроднаго брата своего, наслѣднаго принца Фридриха, въ случаѣ же, если онъ умретъ прежде нея (что и дѣйствительно случилось въ декабрѣ 1805 года), то его сыновей.

Къ этому завѣщанію прибавлено нѣсколько пунктовъ въ пользу ея придворнаго штата, и она проситъ принца Фридриха позаботиться объ утвержденіи ихъ русскимъ правительствомъ. Эти распоряженія служатъ свидѣтельствомъ добраго расположенія принцессы къ окружавшимъ ее лицамъ и составляютъ отрадный контрастъ съ прискорбнымъ письмомъ ея, писаннымъ десятью мѣсяцами позже. Императоръ Александръ I, собственноручнымъ письмомъ, обѣщалъ исполнить всѣ желанія принцессы, что́ русское правительство и оправдало въ полнѣйшей мѣрѣ. Это письмо помѣчено 30-мъ іюня 1803 года. И что же? когда все устроено самымъ надежнымъ образомъ, принцесса какъ-будто раскаивается и посылаетъ 16-го (28) августа того же года свое обвинительное письмо! Въ вѣрности всего того, что сейчасъ изложено, говоритъ авторъ датской статьи, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія; съ этимъ никакъ не совмѣстимо увѣреніе принцессы, что ее „одну заперли въ комнату съ секретаремъ“, когда заставили ее противъ воли писать о пенсіи. Если въ такихъ ея увѣреніяхъ предположить какое-нибудь основаніе, то они должны быть въ связи съ неизвѣстнымъ, позднѣе писаннымъ частнымъ письмомъ ея къ императору; но по всему предшествующему кажется нѣсомнѣннымъ, что навѣты принцессы и въ этомъ пунктѣ произошли отъ недоразумѣнія, или просто были выдуманы лицомъ, скрывшимся за принцессою.

Въ письмѣ принцессы Екатерины, продолжаетъ г. Гранцовъ, оказываются и другія ложныя обвиненія и очевидныя невѣрности по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ, а это бросаетъ подозрѣніе и на прочія заключающіяся въ немъ показанія. Авторъ разумѣетъ здѣсь невѣжливое обращеніе и равнодушіе, которыя, по словамъ письма, принцесса испытывала со стороны окружавшихъ ее: „они всякой день ѣздятъ гулять, а я всегда одна дома, а когда они дома бываютъ, они ко мне никогда не ходятъ, какъ кушатъ, и они разумѣютъ гово-

рить по русскому языку и со мною не говорятъ никогда, а все сами съ собою говорятъ по данскому. И когда они сами здумаютъ, то они много ко мнѣ привезутъ гостѣ; они говорятъ всегда сними, а я смотрю то на гостѣ, то придворни и приготовлятъ много кушатъ; они всегда меня худо обижаютъ и не даютъ мнѣ пива одной бутылки". Совершенную противоположность съ этими показаніями составляетъ свидѣтельство еще живущаго современника принцессы, камергера Рюсенстена: „Хотя, — говоритъ онъ, — я въ то время былъ еще очень молодъ, однакожъ хорошо помню, что часто видѣлъ принцессу и окружавшихъ ее, которыхъ я и тогда и позднѣе коротко зналъ; ни въ то время, ни послѣ, я никогда не слыхалъ, чтобъ принцесса Екатерина была недовольна ими, или чтобъ можно было что-нибудь замѣтить противъ обращенія этихъ лицъ съ нею. Принцесса съ своей стороны показывала имъ явное дружелюбіе и всегда являлась веселою и оживленною. Она давала обѣды и вечера, а лѣтомъ нерѣдко отправлялась въ гости на сосѣднія дачи, гдѣ ее всегда принимали съ особеннымъ радушіемъ, пріѣзжала-ли она безъ зова со всею своею свитою на чай, или была приглашаема на обѣдъ въ большомъ обществѣ. Что такъ было, напримѣръ, у моихъ родителей, могу спеціально засвидѣтельствовать". Есть и другіе согласные съ этимъ разсказы современниковъ, напримѣръ пастора Браша, который прибавляетъ, что принцесса, несмотря на совершенную свою глухоту и на печальный жребій свой, сохраняла веселый нравъ и ласково обращалась съ своими гостями. Надобно замѣтить, что и архимандритъ Іосифъ, прожившій восемь лѣтъ въ Горсенсѣ, ничего не говорилъ Бантышъ-Каменскому о дурномъ обращеніи придворныхъ съ принцессою.

Затѣмъ датскій авторъ разсуждаетъ о сомнительной для него подлинности напечатаннаго въ „Русской Старинѣ" письма принцессы Екатерины; но для насъ всѣ его соображенія по этому поводу лишены значенія, такъ какъ разсматриваемый документъ, благодаря обязательному содѣйствію К. К. Злобина, по связи съ бумагами императрицы Екатерины II, извѣстенъ мнѣ въ подлинникѣ, который хранится въ государственномъ архивѣ. Могу засвидѣтельствовать, что текстъ письма въ „Русской Старинѣ" совершенно согласенъ съ этимъ подлинникомъ. Есть доказательство и на то, что это письмо дѣйствительно дошло до императора Александра Павловича: оно, по его повелѣнію, было препровождено синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, княземъ А. Н. Голицынымъ, къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, князю Чарторыскому, при отношеніи отъ 5-го декабря 1804 года. Къ нему присоединено было еще и другое подлинное письмо принцессы, позднѣе писанное къ государю. Оно сообщается здѣсь во всей точности:

„Благочестивешій самодержавнѣшій всемилостивешій государъ.

„Я имею честъ послатъ златую табакирку для вашего Імператор-

скаго Вѣличества чрезъ отца моево духовнаго Соборнаго Іеромонаха Ѳеофана, изволтѣ оную принятъ взнакъ мое чувствителности за ваши Імператорски высоки милости для менѣ, я имею честъ сказать правду вашему Імператорскому величеству, что етотъ Іеромонахъ многа для менѣ старался и многа для менѣ добро делалъ. Я всегда молюся богу о сохранѣніи жизни вашей и сегда пребуду сдолжнымъ почтѣніемъ истинымъ усердіе и преданностію.

„Всемилостивешій Государь вашего Імператорскаго величества покорнешая слуга Брауншвеиска люнебургска Екатерина".

„Горсенсъ. Іюля 25 дня 1804 года".

Ниже увидимъ, что это второе письмо по одному обстоятельству заслуживаетъ особеннаго вниманія. Я разумѣю отношенія упомянутаго въ этомъ письмѣ іеромонаха Ѳеофана къ принцессѣ; они развиваются въ заключеніи статьи г. Гранцова и дѣйствительно не должны быть упущены изъ виду, тѣмъ болѣе, что къ подтвержденію ихъ служатъ любопытные документы. Какъ объяснить, спрашиваетъ авторъ, что принцесса могла написать письмо (т. е. первое), находящееся въ противорѣчіи со всѣми другими извѣстіями? Она сама, — отвѣчаетъ онъ, — намекаетъ на причины такого разногласія. Принцесса жалуется, что къ ней не допускали духовника ея, когда она писала о пенсіи; она думаетъ, что государь заподозритъ письмо, если оно не будетъ подписано священникомъ и т. п. Поэтому трудно защититься отъ мысли, что устами ея говоритъ іеромонахъ Ѳеофанъ. Не ей же самой можно приписать заботу, чтобы это письмо къ императору Александру, для отклоненія всякаго подозрѣнія въ подлогѣ, было снабжено удостовѣреніемъ, что оно своеручно передано Ѳеофану принцессою въ церкви, въ присутствіи свидѣтелей [1]). Но такое предположеніе основывается не на одномъ содержаніи письма. Въ одной, сообщенной г. Гранцову замѣткѣ говорится: „Находившійся при принцессѣ монахъ былъ интриганъ, который своими наговорами и вмѣшательствомъ въ дѣла ея причинялъ датскому двору большія затрудненія". Жалобы на него доходили до самого наслѣднаго принца, бывшаго попечителемъ принцессы. Такъ этотъ принцъ писалъ, 27-го марта 1804 года, къ полковнику Лиліенскіольду (имѣвшему надзоръ за всею экономіею Екатерины): „То, что монахъ теперь въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ сдѣлался разумнѣе, будетъ, какъ и вы надѣетесь, имѣть полезное дѣйствіе, чего я желаю особенно для спокойствія самой принцессы, которая по своей участи имѣетъ право на тихую и веселую старость". Есть доказательства, что столь же

---

[1]) Въ концѣ ея письма къ государю эти обстоятельства засвидѣтельствованы подписями не только самого Ѳеофана, но также церковниковъ, Стефанова и Поликратова.

доброжелательно относились къ принцессѣ и придворные. Много лѣтъ послѣ ея смерти, управлявшій дворомъ ея имѣлъ случай доказать преданность и уваженіе, которыя всегда питалъ къ покойной: умирая, она выразила желаніе, чтобы гробъ ея, вмѣстѣ съ гробами ея братьевъ и сестры, былъ поставленъ въ подземный склепъ подъ сводами. Военныя событія долго мѣшали исполненію этой мысли; но спустя десять лѣтъ послѣ ея кончины полковникъ Лиліенскіольдъ, тогда уже 82-хъ-лѣтній старецъ, счелъ нужнымъ напомнить принцу Христіану о желаніи, выраженномъ ею на смертномъ одрѣ.

Въ подкрѣпленіе приведенныхъ отзывовъ о Ѳеофанѣ, копенгагенскій журналъ, въ октябрьской книгѣ прошлаго года, представилъ извлеченіе изъ двухъ писемъ полковника Лиліенскіольда къ гр. Бернсторфу, который, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, былъ во главѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Даніи: по смерти наслѣднаго принца Фридриха, наблюденіе за дворомъ принцессы перешло въ вѣдѣніе этого министерства. Оба письма содержатъ весьма положительныя и рѣзкія обвиненія противъ свойствъ и поведенія іеромонаха Ѳеофана. Въ первомъ письмѣ говорится вообще о лживыхъ слухахъ, распространяемыхъ на счетъ двора принцессы присылаемыми къ ней монахами и объ ихъ корыстныхъ поступкахъ въ отношеніи къ ней самой. „Худшимъ изъ этихъ монаховъ“ описывается Ѳеофанъ: его гордость, честолюбіе и безстыдство испыталъ на себѣ самъ покойный наслѣдный принцъ: въ разговорѣ съ нимъ въ горсенскомъ дворцѣ принцъ до того былъ оскорбленъ, что поспѣшилъ удалиться въ свой кабинетъ и потребовалъ стаканъ воды, чтобъ успокоиться. Въ примѣръ поведенія этого монаха съ принцессою приведенъ, между прочимъ, слѣдующій случай: когда она, по обыкновенію, въ день своихъ имянинъ дала ему двѣ бумажки, въ 10 риксдалеровъ каждую, то онъ тутъ же при ней разорвалъ ихъ и сказалъ: „Въ Россіи государь даетъ по сту риксдалеровъ“. При его отъѣздѣ, принцесса, по его требованію, за нѣсколько оставленныхъ имъ русскихъ книгъ уплатила ему 150 риксдалеровъ. Лучшую золотую табакерку ея, украшенную бриліантами, онъ также взялъ съ собой, говоря, что принесетъ ее въ даръ государю отъ имени принцессы. Справедливость этого показанія подтверждается напечатаннымъ выше вторымъ письмомъ Екатерины Антоновны. Конечно, нѣтъ доказательствъ, чтобы это приношеніе было сдѣлано не по собственному ея побужденію; однакожъ слова, которыя въ этомъ письмѣ служатъ къ похвалѣ подателя его, заставляютъ въ самомъ дѣлѣ предполагать тутъ участіе Ѳеофана.

Въ предыдущемъ собрано мною все существенное изъ того, что приведено въ копенгагенскомъ журналѣ для оправданія дѣйствій придворныхъ, окружавшихъ въ Горсенсѣ принцессу Екатерину. Принять эти свѣдѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ предоставляю каж-

дому читателю по собственному его разумѣнію. Съ своей стороны позволю себѣ только два замѣчанія: во-первыхъ, принцесса, по совершенной глухотѣ своей и незнанію иностранныхъ языковъ лишенная возможности свободно сообщаться съ окружавшими ее датчанами, дѣйствительно могла представлять себѣ многое въ превратномъ или преувеличенномъ видѣ, или подчиняться вліянію духовника, къ которому естественно питала неограниченное довѣріе; во-вторыхъ, если бы приставленные къ ней датчане и не всѣ были такъ свободны отъ всякаго упрека, какъ копенгагенскій журналъ старается ихъ представить, то это не могло бы однакожъ быть оскорбительнымъ для чести датской націи, точно такъ же, какъ и поступки того или другого русскаго монаха не могутъ ронять русскаго имени. Неужели честь націи въ зависимости отъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ? Если бы такъ было, то каждый народъ долженъ бы стыдиться своей исторіи, ибо гдѣ нѣтъ людей, которыхъ дѣйствія заслуживаютъ кары правдиваго суда потомства? Единственною цѣлью изслѣдованія въ подобныхъ случаяхъ должно быть разъясненіе исторической истины.

ВОСПИТАНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

1875.

Разработка исторіи Екатерины II у насъ только-что начинается. До сихъ поръ почти всѣ наши сужденія объ этой государынѣ носили чисто-панегирическій характеръ; немногія попытки исторіи ея царствованія на русскомъ языкѣ, какъ-то: Колотова, Сумарокова, Лефорта, Вейдемейера, отличаются краткостью и отсутствіемъ всякой критики, такъ что нельзя безъ чувства нѣкотораго смиренія, чтобъ не сказать болѣе, взять въ руки изданныя у насъ доселѣ историческія сочиненія о Екатеринѣ II. Въ нашей періодической литературѣ 1860-хъ гг. явилось относительно ея времени нѣсколько статей съ болѣе серьёзнымъ направленіемъ; но ихъ авторы, желая стать на новую точку зрѣнія, впадаютъ въ другую крайность: видятъ во всемъ одну темную сторону и стараются доказать, что весь блескъ царствованія Екатерины былъ внѣшній, что подъ нимъ скрывалась бездна неустройствъ и страданій народа. Будущему историку предстоитъ рѣшить, на сколько вѣренъ такой взглядъ. Покуда не слѣдуетъ однакожъ забывать, что государство, оставленное Екатеринѣ въ наслѣдіе Анною и Елизаветою не могло быть пересоздано вдругъ: Екатерина пожинала плоды того, что было посѣяно послѣ Петра I. Нельзя не согласиться, что она понимала потребности Россіи и старалась удовлетворять ихъ, что она въ предѣлахъ возможности измѣнила, исправила многое и замѣтно подвинула развитіе русскаго народа. Не должно забывать того, что въ началѣ ея царствованія писалъ англійскій посолъ Макартней и что всегда оставалось болѣе или менѣе справедливымъ: „Ей часто противопоставляются съ умысломъ препятствія; ея планы велики и разнообразны, но средства, которыми она располагаетъ, не соотвѣтствуютъ цѣли“ [2]). Въ числѣ русскихъ писателей прежняго времени, высказы-

---

[1]) „Древняя и Новая Россія“ 1875, № 2. Въ экземплярѣ автора нашлось на поляхъ нѣсколько дополнительныхъ примѣчаній, которыя мы и помѣщаемъ въ выноскахъ, отличивъ ихъ отъ прочихъ звѣздочками.

[2]) Fr. Raumer, Beiträge zur neueren Geschichte. II. 544.

вавшихъ сужденія о Екатеринѣ, замѣчательное мѣсто занимаетъ Державинъ: какъ лирикъ, онъ съ восторгомъ восхвалялъ ея достоинства, но впослѣдствіи, какъ ея статсъ-секретарь, увидѣвъ ее вблизи, онъ нашелъ въ ней недостатки, на которые указалъ въ своихъ запискахъ. По его мнѣнію, Екатерина стремилась не безусловно къ истинѣ и справедливости, но часто жертвовала ими разнымъ внѣшнимъ соображеніямъ, желая угодить своимъ приближеннымъ.

Неумолимыми обвинителями Екатерины, съ самаго восшествія ея на престолъ, являются иностранные писатели. Рядъ ихъ должно начать съ нѣкоторыхъ лицъ дипломатическаго корпуса при ея дворѣ, не всегда правильно понимавшихъ ее. Прислушиваясь въ отзывамъ о ней иноземцевъ, невольно спрашиваешь себя: дѣйствительно ли она заслуживаетъ той славы, какою пользуется? справедливо ли поступило потомство, поставивъ ей памятникъ? не затемняютъ ли блеска ея побѣдъ и государственныхъ дѣлъ побужденія холодной, черствой и коварной души, какую въ ней видитъ, напримѣръ, профессоръ Германъ?

Вопросы эти однакожъ не должны слишкомъ смущать почитателя Екатерины. Надо помнить, что съ самаго пріѣзда ея въ Россію, при дворѣ и въ обществѣ были двѣ партіи, совершенно различно на нее смотрѣвшія. Отголоски той изъ этихъ партій, которая не щадила средствъ очернить и унизить ее, слышатся до сихъ поръ. Въ неблагопріятныхъ сужденіяхъ о Екатеринѣ иностранныхъ писателей нельзя не видѣть, по крайней мѣрѣ очень часто, тайнаго недоброжелательства къ Россіи. Они не могутъ не чувствовать, хотя, конечно, и не сознаются въ томъ, что для интересовъ ихъ государствъ было бы лучше, еслибъ во второй половинѣ прошлаго столѣтія на престолѣ русскомъ остался Петръ III съ его благоговѣніемъ къ прусскому королю, съ его планомъ датской войны и другими ошибками. Какъ простить Екатеринѣ, что она доставила русской національной политикѣ преобладаніе въ Европѣ, что она старалась сдѣлать русскій народъ соперникомъ западныхъ въ промышленности, торговлѣ и просвѣщеніи, что она понимала необходимость дать въ своемъ государствѣ перевѣсъ русской національности надъ чуждыми элементами и не хотѣла признавать правъ завоеванныхъ областей на самостоятельное существованіе?

Вотъ вины Екатерины предъ иноземными историками, прикрывающими свое неудовольствіе обвиненіемъ ея въ нарушеніи всѣхъ законовъ житейской нравственности. Таковъ приговоръ Шлоссера, который впрочемъ отдаетъ справедливость ея уму, способностямъ и познаніямъ, но не можетъ простить ей, что она сдѣлалась предметомъ похвалъ и удивленія всего міра. Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что она, „по обычаю прославленныхъ свѣтомъ дамъ и мужчинъ, такихъ какъ г-жи Жанлисъ и Сталь, или какъ Талейранъ, усвоила себѣ всѣ

блестящія качества своего времени и своего пола“. Онъ обвиняетъ ее въ послѣдованіи политикѣ Макіавеля и философіи Дидро, и не безъ досады упоминаетъ, что пока Петръ III предавался безпечности и разгулу, она вела дипломатическую переписку и жила вполнѣ русскою жизнью. О Петрѣ III Шлоссеръ говоритъ, что еслибъ онъ царствовалъ гдѣ-нибудь въ Германіи, то для „терпѣливыхъ нѣмцевъ“ былъ бы не хуже многихъ другихъ владѣтельныхъ принцевъ. Сопоставивъ такимъ образомъ обоихъ супруговъ, Шлоссеръ далѣе развиваетъ, какъ безразсудны были всѣ дѣйствія Петра, не имѣвшаго ни дальновидности, ни такта, ни чувства простого приличія, и какъ напротивъ всѣ планы и поступки Екатерины были согласны съ самою мудрою политикою и благомъ Россіи. При этомъ Шлоссеръ не замѣчаетъ самъ, въ какія странныя противорѣчія онъ впадаетъ, подвергая Екатерину безпощадному обвиненію за все то, чѣмъ она возвеличила и прославила Россію. Неоспоримо, что успѣхъ не оправдываетъ всѣхъ средствъ, употребленныхъ для достиженія цѣли; но нельзя же не сознаться, что многое въ дѣйствіяхъ Екатерины было вынуждено обстоятельствами, поведеніемъ ея супруга, и что она, доставивъ Россіи побѣды надъ всѣми врагами, грозное положеніе и славу, мощно двинувъ русскій народъ на пути къ просвѣщенію и благоустройству, многое въ своей жизни загладила и пріобрѣла право на признательность потомства. Одинъ изъ бывшихъ при дворѣ ея пословъ справедливо замѣтилъ: нельзя не видѣть для русскихъ пользы въ томъ, что у нея есть что заглаживать, потому что иначе она бы не дѣйствовала съ такимъ усердіемъ и энергіею для снисканія любви народа и славы.

Нѣтъ сомнѣнія, что слава Екатерины не безъ пятенъ, что предъ судомъ Божіимъ и человѣческимъ она не можетъ быть оправдана во многихъ изъ своихъ дѣлъ; но въ ея дѣятельности надобно отличать двѣ стороны: человѣческую и государственную, и ошибки ея въ первомъ отношеніи не могутъ заслонять передъ нами незабвенныхъ ея заслугъ въ послѣднемъ, а притомъ Екатерина и какъ человѣкъ является по большей части мудрою, благою, великою. Въ сердцѣ ея не было ни холодности, ни жестокости; ея поступки въ домашнемъ, какъ и въ царственномъ быту представляютъ множество примѣровъ великодушія, милости и состраданія. Она цѣнила сопряженное съ положеніемъ монарха счастіе дѣлать добро, и обильно пользовалась этимъ счастіемъ. Но Екатерина была человѣкъ: если для виновнаго подданнаго предъ судомъ правды и закона бываютъ смягчающія обстоятельства, то не должны ли таковыя существовать и для монарха предъ судилищемъ исторіи? Недавно одинъ французскій писатель, г. Рамбо, съ рѣдкимъ безпристрастіемъ замѣтилъ: „Екатерина II можетъ только выиграть отъ ближайшаго съ нею знакомства; настоящая исторія

всегда будетъ къ ней снисходительнѣе памфлетовъ, долго заступавшихъ ея мѣсто" [1]). Судя по этому отзыву, можно ожидать, что наконецъ и западно-европейская литература будетъ отдавать справедливость безсмертной императрицѣ. Съ другой стороны будемъ надѣяться, что сами русскіе станутъ болѣе прежняго относиться къ ней съ осмотрительною критикой.

Послѣдовавшее въ 1873 году открытіе памятника Екатеринѣ II представляется знаменательнымъ событіемъ и въ отношеніи къ разработкѣ ея исторіи. Со всенароднымъ признаніемъ ея заслугъ передъ цѣлымъ міромъ, съ торжественнымъ заявленіемъ общаго уваженія къ ея памяти долженъ наступить у насъ новый періодъ въ оцѣнкѣ разныхъ сторонъ ея царствованія. Теперь величіе ея утверждено несомнѣнно: разнообразныя сужденія о частностяхъ ея дѣлъ и характера уже не могутъ быть опасны для ея славы. Конечно, полной, совершенно удовлетворительной исторіи Екатерины еще нельзя ожидать въ скоромъ времени, но мы можемъ уже стремиться къ такой исторіи. Мы обязаны теперь, съ обильными источниками въ рукахъ, безпристрастно изслѣдовать разныя отрасли ея дѣятельности, отдѣльныя событія ея царствованія, взвѣшивать различныя стороны ея характера, и такимъ образомъ готовить предварительные труды для обширнаго историческаго зданія. Имѣть памятникъ Екатерины и не имѣть ея исторіи, написанной русскимъ и въ Россіи, служило бы не къ чести нашего образованія и нашей науки.

Какъ ни разнообразны сужденія писателей о нравственномъ достоинствѣ и душевныхъ качествахъ Екатерины, но въ одномъ всѣ согласны: въ признаніи силы ея воли, величія ея ума и многосторонности познаній. Не многія историческія лица такъ поражаютъ воображеніе своею необыкновенною судьбою и блестящими успѣхами, какъ Екатерина. Но въ этой судьбѣ еще не столько замѣчательно самое возвышеніе Екатерины, сколько удивительное соотвѣтствіе между потребностями новаго положенія и способностями ея, совершенная подготовка, которая въ ней оказалась для выпавшаго на долю ея великаго призванія. Тридцати трехъ лѣтъ отъ роду она является на престолѣ уже въ полномъ развитіи своей государственной мудрости и мощнаго характера. Но ключъ къ ея энергической дѣятельности скрывается въ предшествовавшихъ обстоятельствахъ, въ тѣхъ восемнадцати годахъ, которые она передъ тѣмъ прожила при русскомъ дворѣ; не безъ значенія для ея будущаго и ранняя молодость, проведенная ею въ Германіи. Одну изъ самыхъ интересныхъ задачъ для историка составляетъ изслѣдованіе вопроса: какъ образовался посте-

---

[1]) „L'Impératrice Catherine II dans sa famille" par A. Rambaud. Revue des deux Mondes. 1 Févr. 1874.

пенно этотъ характеръ, какъ скопились тѣ сокровища опытности и знанія, которыми обладала Екатерина; какъ могло въ слабой женщинѣ развиться такое изумительное могущество духа, такая твердость и послѣдовательность воли; откуда могла принцесса, вступившая на политическое поприще уже пятнадцати лѣтъ отъ роду, взять такое глубокое образованіе, такія разнообразныя и обширныя свѣдѣнія?

Конечно, отвѣтъ на эти вопросы заключается главнымъ образомъ въ необыкновенныхъ дарованіяхъ Екатерины и въ самомъ ходѣ событій ея жизни; нельзя однакожъ не придавать нѣкотораго значенія и воспитанію ея въ дѣтствѣ, а также и тѣмъ занятіямъ, которыми она впослѣдствіи старалась восполнить свое образованіе. Какъ ни скудны указанія на этотъ предметъ, находимыя въ источникахъ, постараемся воспользоваться всѣми матеріалами, какіе до сихъ поръ имѣются для разъясненія вопроса о воспитаніи и подготовкѣ Екатерины.

Взглянемъ напередъ на родственныя ея отношенія.

Гольштейнъ-Готторпскій домъ состоялъ изъ двухъ линій—старшей и младшей, которыя пошли отъ двухъ родныхъ братьевъ: владѣтельнаго герцога Фридриха II и епископа Любскаго Христіана-Августа.

Герцогъ Фридрихъ, служа въ шведской арміи, былъ убитъ въ 1702 году при Клиссовѣ и оставилъ сына Карла-Фридриха, который женился на старшей дочери Петра Великаго Аннѣ и сдѣлался отцомъ Петра III.

Христіанъ-Августъ, женатый на принцессѣ Баденъ-Дурлахской Альбертинѣ-Фридерикѣ, имѣлъ дочь Іоанну-Елизавету, которая вышла замужъ за Христіана же Августа Ангальтъ-Цербстскаго и сдѣлалась матерью Екатерины II.

Такимъ образомъ Петръ III и Екатерина II принадлежали къ двумъ разнымъ линіямъ Голштинскаго дома и были троюродные братъ и сестра.

У Іоанны-Елизаветы былъ братъ Карлъ, слѣдовательно дядя Екатерины II, сдѣлавшійся послѣ своего отца епископомъ Любскимъ. Онъ въ 1726 году пріѣхалъ въ Петербургъ и былъ помолвленъ на Елизаветѣ Петровнѣ; но здѣсь и скончался женихомъ, двадцати лѣтъ отъ роду [1]).

Вотъ причина дружескихъ отношеній, которыя еще до приглашенія Екатерины II въ Петербургъ существовали между русскимъ дворомъ и Ангальтъ-Цербстскимъ домомъ; въ 1742 году императрица Елизавета Петровна прислала Іоаннѣ-Елизаветѣ богато украшенный брильянтами портретъ свой на андреевской лентѣ [2]).

---

[1]) О помолвкѣ и смерти его см. Исторію С. М. Соловьева, т. XIX. 82. 84. 96 и 103.

[2]) Онъ стоилъ 18.000 рублей и былъ отвезенъ въ Цербстъ секретаремъ русскаго посольства въ Берлинѣ. (Zedler. Universal Lexicon, LXI, статья Zerbst, стр. 1595).

Іоанна Елизавета родилась въ 1712 году; рано лишившись отца, она поступила подъ опеку Брауншвейгъ-Люнебургскаго герцога, а потому и бракосочетаніе ея въ 1727 году совершилось при его дворѣ. Супругъ ея принцъ Ангальтъ-Цербстскій былъ двадцатью годами старше ея. Состоя въ службѣ прусскаго короля, онъ получилъ команду надъ Ангальтъ-Цербстскимъ полкомъ и поселился въ мѣстѣ стоянія его — Штетинѣ, гдѣ съ небольшими промежутками и прожилъ много лѣтъ, занимаясь улучшеніями по своему полку и окончаніемъ крѣпостныхъ построекъ. Впослѣдствіи онъ былъ комендантомъ, а еще позднѣе губернаторомъ Штетина, и въ этой должности возведенъ былъ въ званіе фельдмаршала [1]).

Уже два года послѣ брака, слѣдовательно когда отцу было тридцать девять лѣтъ, а матери семнадцать, именно 2 мая (21 апрѣля ст. ст.) 1729 года, родилось у нихъ въ Штетинѣ старшее дитя, Софія Августа, впослѣдствіи знаменитая Екатерина II. По должности отца, они жили тогда въ угловомъ домѣ большой соборной улицы.

Въ характерѣ матери, какъ извѣстно изъ записокъ Екатерины, были темныя стороны; трудно очистить ея память отъ упрека въ властолюбіи, тщеславіи, неуживчивости и склонности къ интригѣ. Но она одарена была блестящими способностями и отличалась наблюдательностію; нѣкоторыя изъ ея свойствъ, въ которыхъ ее обвиняютъ, могли бы, при другихъ обстоятельствахъ, явиться въ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, и кажется отчасти отразились въ ея геніальной дочери. И для матери повидимому тѣсно было въ маленькомъ нѣмецкомъ княжествѣ; отсюда ея страсть къ путешествіямъ; вездѣ ей было лучше нежели дома, и наконецъ она умерла въ Парижѣ. Частыя ея отлучки были причиною, почему ея дѣти, Софія Августа и меньшой сынъ Фридрихъ Августъ (моложе сестры пятью годами) отданы были на попеченіе бабушки ихъ въ Гамбургѣ [2]). Въ первыя четырнадцать лѣтъ жизни, проведенныя въ Германіи, Екатерина нѣсколько разъ перемѣняла мѣстопребываніе: была и въ Брауншвейгѣ, и въ Килѣ, и въ Берлинѣ, и уже изъ этого легко понять, что она не могла получить послѣдовательнаго воспитанія; но за то эти самые переѣзды служили ей своего рода средствомъ къ образованію, доставляя случаи къ наблюденію нравовъ, знакомя ее съ разными дворами, развивая въ ней общительность характера, знаніе свѣта и людей. Первое воспитаніе было дано ей матерью. Жизнь двора въ Цербстѣ и въ Штетинѣ отличалась крайнею простотой, отсутствіемъ всякой роскоши;

[1]) Въ жизни отца Екатерины есть одна малоизвѣстная, но любопытная подробность: въ годъ бракосочетанія дочери онъ былъ избранъ частью курляндскаго дворянства въ герцоги, но этотъ выборъ остался безъ послѣдствій (см. тамъ же). Супруга его, бывши въ Россіи, очень хлопотала о возведеніи его въ этотъ санъ.

[2]) Она жила до 1756 года.

дѣти чувствовали большое уваженіе къ отцу, котораго строгость умѣрялась болѣе мягкимъ обращеніемъ матери. Изъ учителей ея въ Штетинѣ Форстеръ называетъ французскаго придворнаго проповѣдника Перара (Pérard) [1]); однакожъ этого имени не встрѣчается въ свѣдѣніяхъ, сообщаемыхъ самою Екатериною. Въ разныхъ собственноручныхъ замѣткахъ и въ письмахъ своихъ позднѣйшаго времени она не разъ называетъ свою воспитательницу г-жу Кардель и нѣкоторыхъ изъ своихъ наставниковъ *). Тогда почти во всѣхъ нѣмецкихъ городахъ были французы, покинувшіе отечество вслѣдствіе отмѣны нантскаго эдикта, и французскіе философы уже вступали въ сношеніе со всѣми дворами. Вездѣ слышалась французская рѣчь, вездѣ преобладало французское образованіе. Естественно, что Екатерина, встрѣчаясь съ этимъ элементомъ и дома, и въ Берлинѣ у Фридриха II, полюбила французскую литературу. Уже мать ея не дурно писала на этомъ языкѣ; Екатерина вполнѣ усвоила себѣ духъ его и выражалась на немъ совершенно свободно, съ рѣдкимъ знаніемъ его идіотизмовъ**). При дворѣ Фридриха II господствовала любовь къ наукѣ и искусству; неудивительно, что на Екатеринѣ, воспитанной подъ вліяніемъ этого двора, отразился духъ его. Въ перепискѣ своей съ энциклопедистомъ Гриммомъ Екатерина сообщаетъ нѣкоторыя подробности о своемъ дѣтствѣ. Повидимому Гриммъ, изъ писемъ котораго къ ней лишь немногія сохранились, интересовался данными для ея біографіи и даже сбирался съ этою цѣлію побывать въ Штетинѣ. Относительно г-жи Кардель, мы находимъ въ этой перепискѣ знаменательный отзывъ императрицы: „Одна m-lle Cardel знала все, ничему не учившись,— почти такъ же, какъ и ея воспитанница“. Другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель былъ придворный проповѣдникъ въ Штетинѣ, Моклеръ, часто ее посѣщавшій, особливо по воскресеньямъ. Этотъ Моклеръ былъ женатъ на дочери историка Рапена Тойраса и, кажется, издалъ его англійскую исторію. Братъ ея былъ регирунгсратомъ въ томъ же городѣ. „Все это — говоритъ Екатерина — жило рука объ руку съ г-жею Кардель и очень интересовалось ея воспитанницею [2]).

---

[1]) I. M. Forsters Kurze Uebersicht der Geschichte Kataerina d. Zweiten, Halle 1797. О предыдущемъ Brautreise 5.

*) Вотъ еще воспоминаніе Ек. II изъ ея дѣтства: „Je me souviens très bien de M-me de Munchhausen née Schoulenbourg, si c'est elle qui avec la comtesse Gianini était demoiselle d'honneur de la duchesse première douainière de Bronswig, qui demeurait au Grauenhof et chez laquelle ma mère avait été élevée; j'étais alors une étourdie de profession, mais fort gaie“ (Marcard. 3 т. Verhältnisse, стр. 318).

**) Какъ нелѣпо увѣреніе Массона, что она не умѣла писать по-французски, что́ перешло и въ La France lit. de Quérard См. также Cathar. II. Иначе судитъ Rambaud въ статьѣ Cath. II et ses Correspondants français въ Revue d. d. Mondes 1877, 15 Iuin.

[2]) Подлинныя письма Екатерины II къ Гримму.

Кромѣ г-жи Кардель, императрица еще называетъ учителей письма: французскаго, Лорана, и нѣмецкаго, Вагнера. Первый, жившій въ Штетинѣ еще въ 1772 году, былъ очень простъ и глупъ, но, по сознанію самой императрицы хорошо заслужилъ деньги, которыя ему платили за уроки. Онъ былъ кальвинистъ и вовсе не зналъ нѣмецкаго языка. „Г. Лоранъ — говоритъ Екатерина — училъ меня царапать по-французски, но почтенный пасторъ Вагнеръ перевернулся бы въ гробу, еслибъ узналъ, что кого-нибудь другого кромѣ его, подозрѣваютъ въ обученіи меня нѣмецкому письму“.

По этому же предмету императрица однажды, въ 1776 году, писала Гримму: „Для чего вы поѣдете въ Штетинъ? Вы тамъ уже никого не найдете въ живыхъ, кромѣ развѣ г. Лорана, дряхлаго старика, который былъ очень плохъ въ молодости; но если вы не можете освободиться отъ этого поползновенія, то знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенгейма въ Маріинской церковной оградѣ; что я жила и воспитывалась въ томъ флигелѣ дворца, что́ налѣво, когда взойдешь на большую дворцовую площадь; что я занимала наверху три комнаты со сводами возлѣ церкви, составляющей уголъ; колокольня была смежна съ моею спальней. Тамъ-то меня умудряла г-жа Кардель, а г. Вагнеръ наставлялъ своими Prüfungen; оттуда же я два или три раза въ день скакала черезъ весь флигель къ моей матушкѣ, которая занимала другой конецъ. Но во всемъ этомъ я не нахожу ничего особенно интереснаго, развѣ вы можетъ быть полагаете, что мѣстность служитъ или способствуетъ къ образованію сносныхъ императрицъ: въ такомъ случаѣ вамъ бы надо предложить прусскому королю устроить тамъ разсадникъ въ этомъ вкусѣ, на пользу желающихъ“.

Въ другой разъ Екатерина прибавляла, что Вагнеръ не зналъ французскаго языка; когда же Гримму показалось, что императрица несправедлива къ этому нѣмцу, то она замѣтила: „Я вовсе не нападаю на г. Вагнера, но глубоко убѣждена, что онъ былъ глупецъ, а г-жа Кардель была дѣвица съ большимъ умомъ“.

Наконецъ однажды она писала, вѣроятно, объ учителѣ музыки: „Что до бѣднаго Беллига (Boellig), то я вамъ никогда не упоминала о немъ, ибо вамъ извѣстно, какъ плодотворны были его уроки; съ нимъ былъ всегда человѣкъ, который вылъ басомъ; онъ заставлялъ его пѣть въ моей комнатѣ; я слушала его и говорила про себя: онъ реветъ какъ волъ; но г. Беллигъ приходилъ въ восторгъ, только что горло его баса зашевелится“.

Общій взглядъ Екатерины на ея воспитателей можно видѣть изъ слѣдующихъ строкъ ея къ Гримму: „Вы впали въ ужасную ошибку: вы считаете г. Лорана лютераниномъ, тогда какъ этотъ школьный учитель былъ кальвинистъ, который не могъ читать Tischreden Лю-

тера, потому что не зналъ нѣмецкаго языка и презиралъ Лютера. Эти Tischreden составляли отраду старой двоюродной бабушки моей матери: она ссылалась на нихъ кстати и не кстати, а кривотолкъ (l'esprit gauche, т. е. сама Екатерина) по-своему принималъ все то, что ему восхваляли; вотъ что случалось и съ г-жею Кардель и съ Вагнеромъ каждый Божій день, потому что не всегда знаютъ, что думаютъ дѣти, и трудно узнать дѣтей, особливо когда доброе воспитаніе пріучило ихъ слушать съ покорностію, они же по опыту сдѣлались покорны въ своихъ рѣчахъ передъ наставниками. Изъ этого вы потрудитесь вывести то прекрасное правило, что не слѣдуетъ слишкомъ бранить дѣтей, но надо внушать имъ довѣріе, чтобы они отъ васъ не скрывали своихъ неловкостей; впрочемъ, конечно, для школьныхъ учителей гораздо удобнѣе выказывать свое властолюбіе, чтобы заправлять цѣлымъ домомъ".

Иногда императрица припоминаетъ и другія черты своего дѣтства. Въ Гамбургѣ шведскій вельможа графъ Гюлленборгъ замѣтилъ, что мать Екатерины мало цѣнитъ ее, и сказалъ, что это несправедливо, потому что дѣвочка не по лѣтамъ развита. Тогда же отъ вниманія его не укрылось, что у нея философскій умъ. Въ одной изъ своихъ позднѣйшихъ записокъ Екатерина пишетъ: „Самымъ унизительнымъ положеніемъ мнѣ всегда казалось быть обманутой: бывши ребенкомъ, я горько плакала, когда меня обманывали, и напротивъ съ увлеченіемъ дѣлала все, чего отъ меня требовали, даже и то, что мнѣ не нравилось, когда мнѣ объяснятъ настоящія причины" [1]).

Изъ этого признанія видно, какъ рано въ Екатеринѣ развилось чувство собственнаго достоинства и гордости. Предчувствіе будущаго величія еще въ дѣтскіе годы было пробуждено въ ней. Она сама впослѣдствіи разсказывала, что когда года за два до прибытія въ Россію ей случилось быть съ матерью въ Брауншвейгѣ, гдѣ Іоанна Елизавета окончила свое воспитаніе, то одинъ каноникъ, имѣвшій даръ предвѣщаній, сказалъ ея матери: „На лбу вашей дочери я вижу по крайней мѣрѣ три короны". Отведя ее въ сторону, онъ прибавилъ много удивительныхъ подробностей, но она просила его не разглашать ихъ.

Судьба втайнѣ работала въ пользу юной принцессы, отличенной всѣми дарами природы. Около середины прошлаго столѣтія, два мелкія нѣмецкія владѣнія пріобрѣтаютъ великое значеніе для Россіи. Это — Голштинія и Цербстъ. Петръ Великій, отдавая старшую дочь свою за Голштинскаго герцога, конечно не предвидѣлъ, что будущій внукъ его отъ этого брака нѣкогда займетъ престолъ его. Такъ и Фридрихъ II, устраивая бракъ Петра III съ Ангальтъ-Цербстскою

[1]) Сборникъ Истор. Общ., VII, 89.

принцессою, не предугадывалъ, кого и что онъ даетъ Россіи. Выше мы уже видѣли, что еще прежде нежели родилась мысль объ этомъ бракѣ, въ Цербстѣ завязался узелъ многознаменательныхъ для будущаго сношеній съ Россіей. По словамъ самого Фридриха, „изъ всѣхъ нѣмецкихъ принцессъ въ брачномъ возрастѣ ни одна такъ не отвѣчала видамъ и Россіи и Пруссіи, какъ принцесса Ангальтъ-Цербстская“. Ей не было еще и пятнадцати лѣтъ, но она была уже велика ростомъ и очень развита. „Молодая принцесса — писалъ Фридрихъ — съ игривостью и веселостію своего возраста, соединяетъ дарованія ума и достоинства сердца“. Согласно съ намѣреніями прусскаго короля дѣйствовали и посланникъ его въ Петербургѣ Мардефельдъ, и пріѣхавшій туда съ портретомъ принцессы дядя ея Августъ, сдѣлавшійся послѣ старшаго брата своего епископомъ Любскимъ [1]). Замѣчательна тайна, которою были обставлены приготовленія къ задуманному браку. Мардефельдъ искусно скрылъ свои сношенія по этому дѣлу отъ канцлера Бестужева, со стороны котораго можно было ожидать противодѣйствія, а Фридрихъ II писалъ матери невѣсты: „Крайне нужно соблюсти тайну, и потому я полагаю, что Ея Императорскому Величеству будетъ пріятно, если вы отправитесь изъ Германіи безо всякой огласки и такъ чтобы въ особенности не провѣдалъ о томъ самъ гр. Чернышевъ, ея министръ въ Берлинѣ. Мнѣ кажется, согласно будетъ съ волею Ея Величества, если и князь супругъ вашъ покамѣстъ останется въ невѣдѣніи этой тайны и если вы начнете ваше путешествіе поѣздкою въ Штетинъ и уже оттуда направитесь въ Петербургъ, ничего не оглашая въ Германіи“.

Такимъ образомъ не только цѣль путешествія, но и мѣсто назначенія его должны были оставаться тайною: употреблена была хитрость для прикрытія истины, какъ будто дѣло шло о преступномъ замыслѣ. Княгиня мать не сочла однакоже позволительнымъ дѣйствовать въ такомъ важномъ семейномъ вопросѣ тайно отъ своего супруга. Она созналась Фридриху въ этомъ нарушеніи его желанія. „Князь—прибавляла она — изъявилъ согласіе. Путешествіе, особливо въ теперешнее время года (письмо отъ 4 января 1744 года), естественно страшитъ насъ женщинъ. Но этотъ страхъ меня не остановитъ. Мое рѣшеніе твердо: я вполнѣ убѣждена, что все это дѣлается по волѣ Провидѣнія и что Оно конечно поможетъ мнѣ преодолѣть тѣ опасныя трудности, на которыя немногіе бы отважились“ [2]).

---

[1]) По свѣдѣніямъ Гельбига, этотъ портретъ Екатерины былъ писанъ знаменитымъ Пеномъ (Antoine Pesne, род. въ Парижѣ 1683 г., ум. 1757 г.) въ Берлинѣ, куда она пріѣзжала тогда изъ Штетина (Biogr. Peter des Dritten, 48).

[2]) „Осмнадцатый вѣкъ“ г. Бартенева, I, 16; Correspondance de Frédéric II Berlin 1854. X, 579 и д.

Планъ Фридриха вполнѣ удался. Елизавета Петровна до того усвоила себѣ его виды, что по прибытіи невѣсты сказала Бестужеву: „Много говорили мнѣ въ пользу французской принцессы; приходила мнѣ на мысль и королевско-польская (саксонская) принцесса, но окончательно я сочла за лучшее избрать принцессу протестантской вѣры и притомъ хотя и изъ владѣтельнаго, но такого маленькаго дома, чтобы ни иноземныя связи его, ни свита, которую она привезетъ, или привлечетъ за собою, не произвели въ русскомъ народѣ ни шуму, ни зависти. Эти условія не соединяла въ себѣ ни одна принцесса въ такой степени, какъ Цербстская, тѣмъ болѣе, что она и безъ того уже въ родствѣ съ Голштинскимъ домомъ" [1]).

Во второй половинѣ января 1744 года, Іоанна Елизавета повезла дочь свою въ Россію. Онѣ прибыли въ Петербургъ 3-го февраля, а 9-го были въ Москвѣ. 28 іюня (знаменательный въ жизни Екатерины день) невѣста приняла православный законъ и произнесла символъ вѣры на церковнославянскомъ языкѣ. Самое бракосочетаніе замедлилось по случаю тяжкой болѣзни великаго князя и совершилось не прежде 21 августа 1745 года.

Разныя любопытныя подробности объ этой эпохѣ жизни Екатерины извѣстны изъ писемъ ея матери и изъ собственныхъ ея разсказовъ. Отмѣтимъ здѣсь тѣ черты, которыя относятся къ нашему предмету.

Яркій свѣтъ на тогдашнее настроеніе Екатерины бросаетъ слѣдующее сознаніе ея: „Въ ожиданіи брака сердце не обѣщало мнѣ много счастья. Одно честолюбіе меня поддерживало; у меня въ глубинѣ сердца было что-то такое, что никогда не давало мнѣ ни на минуту сомнѣваться, что рано или поздно я сдѣлаюсь самодержавной повелительницей Россіи".

Какъ держала себя Екатерина во время приготовленія къ переходу въ православіе и при самомъ этомъ торжественномъ событіи, видно изъ одного письма ея матери: „Легкость, съ какою дочь моя училась съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ, дала ей возможность скоро понять и удержать въ памяти это чтеніе, и двѣ недѣли тому назадъ я могла извѣстить Ея Величество, что она въ состояніи предстать предъ алтаремъ [2]). Все утро передъ богослуженіемъ великая княжна проплакала, но не проронила ни слезинки въ продолженіе самого торжества. Она прочла исповѣданіе твердымъ и яснымъ голосомъ и, удивляя всѣхъ своимъ выговоромъ (русскаго языка), произнесла всѣ части не запнувшись ни на одномъ слогѣ. На вопросы она отвѣчала съ

[1]) Herrmann, Gesch. d. Rus. Staats. V. 77; Siebigk, Katharina d. zw. Brautreise nach Russland. 10, 11.

[2]) Сб. Истор. Общ. VII, 30.

увѣренностью и твердостью. Съ тѣхъ поръ, какъ вошла въ церковь и во все время обряда она держала себя съ такимъ достоинствомъ и граціею, что я восхищалась бы ею, еслибъ не была ее матерью" [1]).

Здѣсь мы видимъ первый успѣхъ будущей императрицы въ старанія, которое она такъ постоянно обнаруживала, сдѣлаться истинною дочерью своего новаго отечества.

Уже съ ранняго дѣтства, она, живя въ Штетинѣ, наслышалась разсказовъ о Петрѣ Великомъ, о побѣдахъ русскаго войска, о быстрыхъ успѣхахъ русскаго народа при геніальномъ государѣ, и все это не могло не оставить глубокаго впечатлѣнія въ воспріимчивомъ умѣ молодой принцессы. Надобно отдать Елизаветѣ Петровнѣ справедливость въ томъ, что она вполнѣ понимала необходимость поскорѣе обрусить новоприбывшую, и умно поощряла ея собственное стремленіе къ тому. Еще до пріѣзда Екатерины императрица заботилась объ образованіи въ этомъ смыслѣ ея придворнаго штата. Мардефельдъ въ январѣ 1744 года доносилъ Фридриху, что императрица рѣшилась устроить для принцессы дворъ, составленный исключительно изъ лицъ русской національности (une cour composée uniquement de personnes de la nationalité russienne), говорящихъ по-нѣмецки и по-французски [2]). Дѣйствительно, по прибытіи принцессы, къ ней назначены были между прочимъ русскія камеръ-юнгферы. „Это — замѣчаетъ сама она — было мнѣ очень по душѣ: старшей изъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ не было и 20 лѣтъ; всѣ онѣ были очень веселаго нрава, и я съ этой минуты во весь день только и дѣлала, что пѣла, плясала, рѣзвилась". Съ пріѣзда въ Россію, съ четырнадцатилѣтняго своего возраста, Екатерина никогда болѣе не видѣла Германіи, и связь ея съ родиной мало-помалу совершенно порвалась: скромный Цербстъ, тихій Штетинъ, по замѣчанію К. Шлецера, [3]) навсегда скрылись отъ взоровъ молодой принцессы, для которой на чужбинѣ должны были осуществиться мечты величія, пышности и славы; о путешествіи въ Германію она ни великою княжною, ни еще менѣе императрицею, не могла уже думать. Изъ ея ближайшихъ родныхъ долѣе прочихъ оставался въ живыхъ только братъ ея Фридрихъ Августъ, какъ владѣтельный князь Цербстскій, послѣдній изъ своего рода, человѣкъ непостояннаго нрава, рано уже разошедшійся съ сестрою вслѣдствіе серьёзныхъ несогласій. Отецъ ея Христіанъ Августъ, старый фельдмаршалъ, умеръ уже въ 1747 году, черезъ три года послѣ разлуки съ дочерью. Мать, которая въ послѣдніе годы своей безпокойной жизни избрала мѣстопребываніемъ Парижъ, скончалась тамъ въ печальныхъ обстоятельствахъ въ 1760 году.

---

[1]) Тамъ же, 33, 34.

[2]) Brautreise, 14.

[3]) K. v. Schlözer, Friedrich d. Gr. u. Katharina II. 234.

Такъ Россія должна была въ близкомъ будущемъ замѣнить для Екатерины все: и родину, и семейство.

Вскорѣ по прибытіи въ Москву, къ ней были назначены три преподавателя: Симонъ Тодорскій, для наставленія въ законѣ Божіемъ (онъ же былъ прежде наставникомъ Петра III), Василій Адодуровъ, для обученія русскому языку, и Лоде, для уроковъ танцованія.

Въ отношеніи къ религіи, Екатерина, вопреки отцу своему, который сначала противился ея переходу въ православіе, пришла къ убѣжденію, что для истиннаго христіанина исповѣдныя различія не могутъ имѣть большого значенія. Однажды, когда, бывъ невѣстою, она тяжко занемогла и состояніе ея здоровья ухудшилось, мать предлагала послать за лютеранскимъ пасторомъ. Узнавъ о томъ въ минуту возвращенія къ памяти, Екатерина сказала: „Къ чему это? Пошлите лучше за Тодорскимъ: я съ нимъ переговорю охотно". Его привели, и всѣ присутствовавшіе остались довольны его бесѣдою.

Какъ усердно Екатерина занималась русскимъ языкомъ, вставая рано и читая русскія книги еще въ постели, извѣстно по преданію и подтверждается ея записками. Черезъ годъ послѣ назначенія къ ней учителей, именно за обѣдомъ при празднованіи дня рожденія будущаго ея супруга (10 февраля 1745 года), императрица выразила ей удовольствіе за русскія письма, которыя она писала въ Хотилово, гдѣ Елизавета Петровна оставалась при больномъ великомъ князѣ. Государыня при этомъ похвалила ее за стараніе выучиться русскому языку. „Правду сказать — прибавляетъ Екатерина — эти письма сочинялъ Адодуровъ, но я ихъ писала своею рукою". Елизавета Петровна заговорила по-русски, просила отвѣчать на томъ же языкѣ и хвалила хорошее ея произношеніе.

Изъ всего, что Екатерина писала по-русски, видно, что она дѣйствительно усвоила себѣ духъ языка, знала его идіотизмы и кстати пользовалась простонародными поговорками, но ея орѳографія и вся грамматическая часть не говорятъ въ пользу ея учителя. Впрочемъ, не надобно конечно забывать, что даже родного, т. е. нѣмецкаго языка ей не преподавали теоретически, что, слѣдовательно, основанія общей грамматики остались ей совершенно неизвѣстны и что при такомъ условіи невозможно было научиться правильному употребленію труднаго и по своимъ формамъ совершенно новаго для нея чужеземнаго языка. Екатерина сама очень хорошо чувствовала этотъ пробѣлъ въ своемъ образованіи *): однажны, когда Сегюръ и де-Линь удивлялись ея учености, она замѣтила имъ, что въ ней можно найти много пищи для критики, что напр. она „поминутно дѣлаетъ ошибки

*) Il est difficile d'écrire bien quand on ne sait la grammaire d'aucune langue, voilà mon cas. (Изъ черн. п. Ек. II къ Бюффону 6 ноябр. 1782.).

въ языкѣ и правописаніи". Черезъ Адодурова великая княжна иногда требовала книгъ изъ Академіи Наукъ. Такъ въ февралѣ 1745 года Шумахеръ, вслѣдствіе ея приказанія, при письмѣ къ Адодурову, послалъ для употребленія ея каталоги академической библіотеки и книжнаго магазина [1]). Сама Екатерина свидѣтельствуетъ, что по возвращеніи изъ Москвы въ Петербургъ въ концѣ 1744 года, она вела жизнь уединенную и для своихъ пятнадцати лѣтъ была довольно прилежна, занимаясь особенно русскимъ языкомъ и покупая себѣ книги.

Въ это время она вторично встрѣтилась съ шведомъ Гюлленборгомъ, когда онъ привезъ въ Петербургъ извѣстіе о бракѣ ея дяди съ шведской принцессой. Гюлленборгъ, помня впечатлѣніе, произведенное ею на него въ Гамбургѣ, спросилъ великую княжну, какъ идетъ ея философія въ водоворотѣ новой жизни. Она разсказала ему о своихъ кабинетныхъ занятіяхъ. Онъ предостерегъ Екатерину противъ окружавшихъ ее опасностей, посреди которыхъ, по его словамъ, могла устоять только необыкновенная натура, и присовѣтовалъ ей читать серьёзныя книги, именно жизнеописанія знаменитыхъ людей, Плутарха, жизнь Цицерона, „Причины величія и паденія римской республики", Монтескье. Екатерина тотчасъ послала за этими книгами, которыя и отыскались, хотя не безъ труда, въ тогдашнемъ Петербургѣ. Тогда же ею написана была для Гюлленборга записка подъ заглавіемъ: „Портретъ пятнадцатилѣтняго философа". Къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный документъ не сохранился [2]). Впослѣдствіи, около 30 лѣтъ отъ роду, Екатерина, перечитавъ свою записку, сама удивилась глубокому самопознанію, которое тутъ выразилось. По прочтеніи „Портрета", Гюлленборгъ подробно развилъ на двѣнадцати страницахъ свои мысли о великой княжнѣ, стараясь укрѣпить ея возвышенный духъ, ея твердость и другія качества ума и сердца. Екатерина перечитала нѣсколько разъ его замѣчанія и дала себѣ слово слѣдовать его совѣтамъ; „а когда я себѣ что-нибудь обѣщала, прибавляетъ она, то не помню, чтобъ когда-либо не исполняла того. Это разсужденіе Гюлленборга много способствовало къ образованію и укрѣпленію моего ума и духа".

Относительно занятій Екатерины до ея вступленія на престолъ, мы узнаемъ изъ ея собственныхъ разсказовъ, что она въ первое время

[1]) Пекарскаго, Исторія Академіи Наукъ. I, 513.

[2]) Подлинникъ былъ возвращенъ Гюлленборгомъ Екатеринѣ, которая сожгла эту бумагу. „Снялъ ли онъ себѣ копію съ нея, говоритъ она, я не знаю" (Mém. 30). Въ бытность мою въ Швеціи прошлаго года, я справлялся о томъ, гдѣ находятся бумаги Гюлленборга, и узналъ, что онѣ переданы въ библіотеку Упсальскаго университета, но здѣсь никакого слѣда этого обмѣна мыслей Екатерины съ шведскимъ вельможей не оказалось.

послѣ замужства своего безпрестанно читала. Первая книга, тогда прочитанная ею, былъ романъ Tiran le blanc *), и цѣлый годъ она читала одни романы, но они начинали ей надоѣдать. „Случайно, говоритъ она, я достала письма г-жи Севинье и проглотила ихъ: это чтеніе мнѣ понравилось". Оно принесло ей и большую пользу, прибавимъ мы съ своей стороны: подъ его вліяніемъ она вполнѣ усвоила себѣ легкость, непринужденность, игривость, какими долженъ отличаться этотъ родъ авторства, и частныя письма ея на французскомъ языкѣ сами могутъ служить образцами эпистолярнаго слога. Послѣ того ей попались подъ руку сочиненія Вольтера: и чтеніе ихъ составило эпоху въ ходѣ ея самообразованія; мы знаемъ изъ собственнаго ея свидѣтельства въ запискахъ, что съ тѣхъ поръ она „стала искать книгъ съ большею разборчивостью". То же самое императрица въ другой разъ высказала самому Вольтеру. „Могу васъ увѣрить, пишетъ она ему во второй годъ своего царствованія, что съ 1746 года, когда я стала располагать своимъ временемъ, я чрезвычайно много вамъ обязана. До того я читала одни романы, но случайно мнѣ попались ваши сочиненія; съ тѣхъ поръ я не переставала ихъ читать и не хотѣла никакихъ книгъ, писанныхъ не такъ хорошо и изъ которыхъ нельзя извлечь столько же пользы. Но гдѣ ихъ найти? Итакъ я возвращалась къ этому первому возбудителю моего вкуса и виновнику моихъ самыхъ дорогихъ развлеченій. Конечно, если у меня есть какія-нибудь свѣдѣнія, то я ему одному обязана ими" **). Такое сознаніе Екатерины о значеніи для нея Вольтера чрезвычайно важно въ исторіи ея умственнаго развитія. Зная характеръ тогдашняго общества и видя въ то же время, какъ Екатерина была чужда господствовавшихъ предразсудковъ, сколько она обнаруживала простоты, здраваго смысла и тонкаго вкуса, мы не можемъ не приписать хотя отчасти ея просвѣщеннаго образа мыслей дѣйствію писателя, который своимъ язвительнымъ перомъ преслѣдовалъ педантизмъ, ханжество и всякое невѣжество. Но вмѣстѣ съ тѣмъ насъ поражаетъ, съ другой стороны, и та степень самостоятельности, какую при такомъ вліяніи сохранялъ оригинальный и твердый умъ Екатерины. Въ отношеніи къ религіи

---

*) Заглавіе: Histoire du vaillant chevalier Tiran le Blanc. Traduite de l'espagnol. Amsterdam (безъ года), въ 4-хъ част., 2 тома. Подлинникъ упоминается въ 6-й главѣ 1-й части Донкихота. Авторъ неизвѣстенъ, но жилъ, вѣроятно, около 1400 г.; романъ же по соображеніямъ фр. переводчика, долженъ быть написанъ около середины 15-го вѣка. Вотъ объясненіе названія: Герой романа говоритъ: „Je m'appelle Tiran le Blanc, par ce que mon père est Seigneur de la Marche de Tirannie, qui n'est separée de l'Angleterre que par un petit trajet de mer. Ma mère, fille du Duc de Bretagne, se nomme Blanche. Ainsi, pour conserver les deux noms, on m'a dnnné celui de Tiran le Blanc. Разумѣется, что содержаніе—сборъ рыцарскихъ подвиговъ и чудесныхъ приключеній.

**) Замѣчателенъ также отзывъ ея о Вольтерѣ по смерти его въ п. къ Гримму

и къ нѣкоторымъ общественнымъ вопросамъ она нисколько не подчинялась обаянію Вольтера и въ перепискѣ съ нимъ умѣла, съ удивительнымъ тактомъ, отвѣчать то внушительнымъ молчаніемъ, то ловкимъ возраженіемъ на его не всегда приличныя выходки.

При ея любознательности, воспріимчивомъ умѣ и счастливой памяти, чтенія Екатерины получаютъ въ нашихъ глазахъ особенную важность. Такъ смотрѣла на нихъ сама она и потому-то въ своихъ запискахъ указала почти на все, по крайней мѣрѣ главное, что было ею прочитано до восшествія на престолъ.

Когда, въ первые годы послѣ брака великаго князя, дворъ отправлялся въ Ораніенбаумъ, Екатерина брала туда съ собою книги; такъ въ 1747 году, пока тамъ проводили время въ охотѣ, верховой ѣздѣ, музыкѣ и т. п. она читала жизнь Генриха IV, извѣстное сочиненіе Перефикса (Hardouin de Beaumont de Pérèfixe *), а потомъ записки Брантома, которыя очень заинтересовали ее. [1])

Года черезъ два, будучи въ Москвѣ, она начала отъ скуки читать „Исторію Германіи“, сочиненіе каноника Св. Женевьевы, отца Барри, въ 9 томахъ въ 4-ку, и каждую недѣлю оканчивала одинъ томъ. Послѣ того прочла она сочиненія греческаго философа Платона, а затѣмъ принялась за словарь Бейля, и на каждый томъ его употребляла по полугоду. „Можно судить—замѣчаетъ Екатерина — въ какомъ уединеніи я проводила время“. При бывшемъ въ Москвѣ пожарѣ дворца она кончала 4-й томъ словаря Бейля, и очень боялась за свои книги; къ счастію однакожъ, онѣ были спасены **).

Въ 1754 году, оправившись послѣ рожденія великаго князя и скучая въ одиночествѣ, она продолжала чтеніе „Исторіи Германіи“, читала „Всемірную Исторію“ Вольтера, а потомъ разныя русскія книги, какія могла достать; между прочимъ два огромные тома Бароніуса въ русскомъ переводѣ. Эта книга, одно изъ важнѣйшихъ сочиненій по церковной исторіи, доведенной въ немъ до конца XII вѣка, издана по-русски при Петрѣ Великомъ, въ 1719 году, подъ заглавіемъ: Дѣянія церковныя (Annales ecclesiastici). Авторъ ея, Кесарь Бароніусъ, жившій въ XVI столѣтіи († 1607 г.), былъ кардиналомъ и ватиканскимъ библіотекаремъ. На русскій языкъ она переведена съ польскаго сокращенія іезуита Скарги, при чемъ исключено многое

*) Род. въ 1605, ум. въ 1670, наставникъ Люд. XIV, впослѣдствіи архіеп. Парижскій академикъ. Написалъ также Institutio principis.

[1]) Brentôme (1540—1614), сперва военный, потомъ придворный при Карлѣ IX, въ легкихъ и забавныхъ разсказахъ описалъ соблазнительные нравы высшаго общества своего времени.

**) О чтеніяхъ Ек. II ср. Щебальскаго „Екатерина II какъ писательница“ въ Зарѣ 1869, февр., стр. 123 и д.

несогласное съ ученіемъ православной церкви [1]). Затѣмъ Екатерина обратилась къ знаменитому сочиненію Монтескье Esprit des Lois, а по окончаніи его къ „Лѣтописямъ“ Тацита. „Послѣднее сочиненіе — говоритъ она — произвело въ моемъ умѣ странный переворотъ, которому можетъ быть не мало способствовало тогдашнее грустное мое расположеніе. Я стала видѣть многое въ темномъ свѣтѣ и отыскивать въ предметахъ, представлявшихся моимъ взорамъ, болѣе глубокія причины, зависѣвшія отъ разнородныхъ интересовъ“.

Но не изъ одного чтенія Екатерина почерпала новыя познанія. Другимъ плодотворнымъ источникомъ обогащенія ума были для нея устные разсказы. Въ этомъ отношеніи особенную пользу оказала ей императрица около 1750 года, уволивъ бывшую при великой княгинѣ камерфрау мадамъ Крузе и назначивъ на мѣсто ея Прасковью Никитичну Владиславову (Владиславлеву?), тёщу главнаго приказчика графа Бестужева, совѣтника Пуговичникова, женщину высокаго роста, съ пріятными пріемами и умною, привлекательною физіономіею. Камердинеръ Тимофей Евреиновъ, пользовавшійся довѣріемъ Екатерины, сказалъ ей, что это неглупая и веселая, но очень хитрая особа, съ которою сначала надо держать себя осторожно. Впослѣдствіи оказалось, что ей были извѣстны всѣ анекдоты прошлаго и настоящаго времени: она знала четыре или пять поколѣній каждой фамиліи и твердо помнила родословную всѣхъ отцовъ, матерей, дѣдушекъ, бабушекъ и предковъ по мужской и женской линіи. Въ добавокъ она была общительна, словоохотна, умѣла разсказывать. Великая княгиня въ минуты досуга или скуки заставляла ее говорить, и такимъ образомъ никому столько какъ ей не была обязана знакомствомъ со всѣмъ, что происходило въ Россіи въ послѣднія сто лѣтъ.

Пытливый, изобрѣтательный и не безхитростный умъ Екатерины вездѣ умѣлъ находить новые источники для расширенія своего кругозора. Во время опасной болѣзни, постигшей ее уже въ первое время пребыванія въ Россіи, „я привыкла — говоритъ она — лежать съ закрытыми глазами; меня считали спящею; тогда графиня Румянцова (приставленная къ великой княгинѣ) и другія женщины высказывали все, что у нихъ было на сердцѣ, и я узнавала очень многое“.

Удивительно ли, что, соединяя съ своимъ проницательнымъ умомъ величайшій тактъ и необыкновенное благоразуміе, Екатерина поражала своимъ существомъ всѣхъ пріѣзжавшихъ ко двору Елизаветы Петровны иностранцевъ? Въ 1755 году, слѣдовательно черезъ десять лѣтъ послѣ вступленія въ бракъ Екатерины, англійскій посланникъ Вильямсъ писалъ: „Съ самаго прибытія въ эту страну, она всѣми зависѣвшими отъ нея средствами старалась пріобрѣсти любовь русскихъ.

---

[1]) Пекарскаго, Наука и Литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ I, 327.

Она прилежно училась ихъ языку и теперь говоритъ на немъ, какъ меня увѣряютъ, превосходно. Ей также удалось снискать въ высшей степени общую любовь и уваженіе. Она обладаетъ обширными познаніями объ этомъ государствѣ и пристально его изучаетъ" [1]).

Спустя годъ, передъ открытіемъ семилѣтней войны, тотъ же Вильямсъ сообщаетъ: „Дѣятельность Екатерины очень велика. Она объявила, что кто предприметъ разорвать союзъ между Россіей, Англіей и Австріей, тотъ будетъ почитаться врагомъ Россіи. Ее въ этой странѣ не только любятъ, но уже и боятся, и даже тѣ, которые въ лучшихъ отношеніяхъ съ императрицею, ищутъ однакожъ всякаго случая подъ рукою угождать великой княгинѣ".

Дѣйствительно, съ самаго появленія своего при русскомъ дворѣ, Екатерина, не смотря на свою молодость, вела себя чрезвычайно обдуманно. Вѣрность наблюденій Вильямса подтверждается собственными ея словами, доказывающими какъ послѣдовательны были всѣ ея поступки. „Я со всѣми обращалась — говоритъ она — какъ можно лучше, и тщательно изучала средства пріобрѣсти дружбу, или по крайней мѣрѣ уменьшить вражду тѣхъ, кого могла подозрѣвать въ недоброжелательствѣ къ себѣ. Я не обнаруживала предпочтенія ни въ какую сторону, ни во что не мѣшалась, показывала всегда ясный видъ, много предупредительности, вниманія и учтивости ко всѣмъ, и такъ какъ я отъ природы была очень веселаго нрава, то съ удовольствіемъ видѣла, что день ото дня пріобрѣтала болѣе привязанности въ публикѣ, которая смотрѣла на меня какъ на интересную и не глупую молодую особу. Я оказывала большое почтеніе къ моей матери, безпредѣльную покорность императрицѣ, глубокое уваженіе къ великому князю и прилагала величайшее стараніе снискать любовь публики".

Съ этимъ отчетомъ Екатерины въ своемъ поведеніи любопытно сравнить тѣ правила, которыя она впослѣдствіи, будучи императрицею высказывала и предначертывала въ отношеніи къ первой невѣстѣ великаго князя передъ пріѣздомъ ея въ Россію. Они изложены въ собственноручныхъ инструкціяхъ государыни, данныхъ генералу Ребиндеру и барону Черкасову, для пріема Гессенъ-Дармштадтской ландграфини съ ея дочерьми. Тамъ Екатерина съ особенною настойчивостію повелѣваетъ первому: „давать почувствовать какъ имъ, такъ и разумнѣйшимъ изъ ихъ свиты: что *нѣтъ въ свѣтѣ двора, при которомъ бы всѣ были одинаковаго мнѣнія* [2]), и потому — прибавляетъ она — мнѣ было бы необыкновенно пріятно, если бы ландграфиня, при своемъ прибытіи, всячески старалась вообще со всѣми и каждымъ имѣть равное обращеніе и чтобы она благосклонностію къ однимъ не

[1]) Fr. Raumer, Beiträge II, 295; La cour de Russie il y a cent ans, 168

[2]) Слова, напечатанныя здѣсь курсивомъ, подчеркнуты самою императрицею въ нѣмецкомъ подлинникѣ.

отняла у другихъ надежды снискать ея расположеніе, ибо я всегда была того убѣжденія, что лучше обладать сердцами всѣхъ, нежели немногихъ, и этому обдуманному образу дѣйствій я сама обязана достиженіемъ той сутпени, на которой вся Европа стала видѣть меня". Особенно замѣчательное указаніе на систему поведенія самой Екатерины при дворѣ Елизаветы Петровны заключается въ выраженномъ тутъ требованіи, чтобы мать невѣсты имѣла уваженіе не только къ великому князю, но *и ко всей націи* (слова эти опять подчеркнуты въ подлинникѣ). „Вы можете ее увѣрить — заключаетъ императрица — что если ея образъ дѣйствій въ отношеніи ко мнѣ будетъ соотвѣтствовать моимъ желаніямъ и ничьи совѣты не будутъ съ ея стороны предпочитаемы моему чистосердечному руководству, то и она не только можетъ отъ меня ожидать всякой предупредительности, но это будетъ пріятно и всей націи, которая издавна не любитъ никакого лицепріятія и всего, что сюда относится" [1]).

Столь же замѣчательны, какъ плодъ собственныхъ воспоминаній и долговременнаго опыта, написанныя по тому же поводу, „Наставленія Екатерины II, данныя великимъ княгинямъ Россійскимъ". Здѣсь она касается какъ отношеній своей невѣстки къ царскому семейству, двору, къ публикѣ и націи, къ представителямъ иностранныхъ державъ, такъ и занятій и даже домоводства принцессы. Между прочимъ государыня ставитъ ей въ обязанность чтить націю, къ которой она будетъ принадлежать, никогда не говорить о ней худо какъ въ цѣлости, такъ и по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, далѣе „соображаться съ обычаями націи и имѣть рѣшительную охоту говорить на языкѣ этой обширной монархіи, что должно составлять для принцессы предметъ изученія, и съ самой минуты прибытія своего въ Петербургъ она непремѣнно должна учиться говорить по-русски".

Далѣе слѣдуютъ совѣты о занятіяхъ принцессы. „Чтеніе образуетъ вкусъ, сердце и умъ; если принцесса сумѣетъ найти въ немъ интересъ, то это будетъ, конечно всего лучше, но она можетъ попеременно заниматься также музыкой или всякаго рода рукодѣльями: разнообразя свой досугъ, она́ никогда не будетъ чувствовать пустоты въ теченіе дня... Столь же опасно избѣгать свѣта, какъ и слишкомъ любить его. Если она имѣетъ власть надъ собою, которую долженъ усвоить себѣ всякій просвѣщенный человѣкъ, надо чтобъ она не скучала свѣтомъ всякій разъ, когда долгъ будетъ обязывать ее быть въ обществѣ, что будетъ легко, если только она захочетъ образовать себя разговорами съ самыми просвѣщенными людьми. Она должна также умѣть обходиться безъ свѣта, прибѣгая къ занятіямъ и удо-

[1]) Сборникъ Ист. Общ. XIII, 323.

вольствіямъ способнымъ украсить ея умъ, укрѣпить чувства и дать дѣятельность рукамъ" [1]).

Во всемъ этомъ такъ и слышатся воспоминанія Екатерины о томъ, какъ сама она нѣкогда проводила дни своей молодости при дворѣ Елизаветы Петровны. Но у ней не было тогда разумнаго и просвѣщеннаго руководителя, который бы съ такою нѣжною заботливостью начерталъ правила поведенія чужеземной принцессы.

Какая разница между этими мудрыми наставленіями, намѣчающими обязанности молодой великой княжны въ столь общихъ и деликатныхъ чертахъ, и тѣми подробными, мелочными правилами, изъ которыхъ состояла писанная Бестужевымъ инструкція для лицъ, назначенныхъ къ великой княгинѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ [2]). Какою тягостною регламентаціею стѣсняются здѣсь всѣ шаги ея, какое предписывается вмѣшательство во всѣ ея поступки и отношенія! Здѣсь установляется даже надзоръ (прилежное смотрѣніе) за исполненіемъ ею религіозныхъ обязанностей (чтобы Ея Императорское Высочество не токмо наружно или для вида, но и наиглавнѣйше внутренно и дѣйствительно во всемъ ея поведеніи нелицемѣрную богобоязливость и благоговѣйность и истинное усердіе къ православной греческой вѣрѣ имѣла); установляется даже надзоръ за ея отношеніями къ супругу, при чемъ повелѣвается „неотступно побуждать ее къ уступчивости, пріятности и горячести, къ соблюденію добраго согласія и брачной повѣренности, а въ неудачливомъ случаѣ немедленно вѣрнѣйше о томъ доносить". Еще болѣе докучными и оскорбительными подробностями связывается въ этой инструкціи обращеніе великой княгини съ своими дежурными и другими кавалерами, съ пажами и комнатными служителями, мундъ и кофешенками, тафельдекерами и лакеями, съ которыми она должна „избѣгать всякой непристойной и подозрѣніе возбуждающей фамильярности, предпочтительности одного передъ другимъ и всякихъ неприличныхъ издѣваній". Наконецъ указана и необходимость „не давать великой княгинѣ въ здѣшнія государственныя или голштинскаго правленія дѣла мѣшаться, или коммиссіи о заступленіи на себя снимать, наименьше же въ публичныхъ и партикулярныхъ дѣлахъ противную сторону противъ своего супруга принимать". Для избѣжанія же всякаго недоразумѣнія, какое могло бы произойти отъ излишней и тайной переписки, оговорено, что великая княгиня „всегда потребныя свои письма въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ сочинять и къ подписанію себѣ приносить приказать можетъ".

Таковы были условія, въ которыхъ находилась великая княгиня.

[1]) Сборникъ Ист. Общ. XIII, 336.
[2]) Архивъ князя Воронцова II, 98 и д.

Понятно, что при ея умѣ ей удалось, несмотря на эти правила, достигнуть значительной независимости. Тѣмъ не менѣе однакожъ она должна была безпрестанно держать себя въ оборонительномъ положеніи и не могла не подвергаться непріятнымъ столкновеніямъ то съ супругомъ, не признававшимъ никакихъ правилъ для своего поведенія, то съ прихотливымъ и мнительнымъ характеромъ императрицы, то наконецъ съ собственною матерью, пока она оставалась въ Россіи. Особенно тяжелы были для Екатерины послѣдніе три года царствованія Елизаветы Петровны, такъ что великая княгиня, сдѣлавшись предметомъ ожесточенныхъ интригъ, должна была совершенно уединиться и даже намѣревалась покинуть Россію [1]).

Но эта-то непрерывная борьба, вызывавшая къ дѣятельности всѣ духовныя силы Екатерины, и была тою школою, въ которой такъ блистательно развилась будущая повелительница Россіи. Съ другой стороны, весь образъ дѣйствій Петра III былъ для нея чрезвычайно поучителенъ въ отрицательномъ смыслѣ, указывая на ошибки, которыхъ должно избѣгать, уясняя ей цѣли, къ которымъ слѣдовало стремиться. Екатерина сама сознается, что по гордости души она не допускала для себя возможности быть несчастною и хотѣла во что бы ни стало возвыситься надъ обстоятельствами. Для разъясненія всего образа дѣйствій ея при дворѣ Елизаветы Петровны необходимо имѣть въ виду важное постановленіе, послѣдовавшее при бракосочетаніи ея: что, въ случаѣ кончины великаго князя бездѣтнымъ, право на наслѣдство переходитъ къ ней [2]). Такимъ образомъ въ Екатеринѣ естественно пробудилась забота готовиться къ положенію, котораго предчувствіе уже и прежде, какъ мы знаемъ, жило въ душѣ ея. Этимъ объясняется, отчего и по извѣстному плану Бестужева, относящемуся къ 1758 году, въ правленіи Петра III должна была участвовать супруга его. Уже и ранѣе нѣкоторые изъ иностранныхъ дипломатовъ не сомнѣвались, что она будетъ царствовать. Эту увѣренность выразилъ въ 1755 году посолъ англійскій. Понятно, что при такой перспективѣ все случавшееся при дворѣ Елизаветы Петровны становилось для Екатерины назидательнымъ урокомъ. Мирясь съ своимъ настоящимъ, съ своею зависимостью, она приносила всѣ самыя тяжкія жертвы для будущаго и, терпѣливо выжидая обстоятельствъ, училась, наблюдала, размышляла, словомъ, сознательно, обдуманно воспитывала себя для предстоящей высокой дѣятельности. При ея даровитой, богатой природѣ неудивительно, что по осуществленіи ея плановъ и результаты этого самовоспитанія вышли необычайные.

Какъ занимали ее, еще до вступленія на престолъ, государствен-

---

[1]) Fr. Raumer, Beiträge II, 204.
[2]) Biogr. Peters des III, 49; Zeidler, Univ. Lexic., стр. 1597.

ные и политико-экономическіе вопросы, лучше всего видно изъ замѣчательнаго документа, относящагося къ этому времени. Я разумѣю единственный ея автографъ важнаго содержанія, сохранившійся отъ періода, предшествовавшаго воцаренію Екатерины. Это писанныя ею по-французски между 1758 и 1761 годами замѣтки о разныхъ предметахъ и случаяхъ, поражавшихъ ея умъ, выписки изъ ея чтеній и т. п., напечатанныя въ 1-мъ томѣ „Бумагъ Екатерины". Здѣсь мы находимъ между прочимъ замѣчательныя мысли о гражданской свободѣ, о рабствѣ, о причинахъ смертности въ простомъ народѣ, о правдивости и откровенности правительства, объ открытомъ и гласномъ судѣ, о войнѣ и мирѣ, о недостаткѣ въ Россіи домашняго воспитанія, о планѣ женскаго воспитательнаго заведенія, о политикѣ въ отношеніи къ Польшѣ. Словомъ, это какъ-бы программа будущихъ царственныхъ дѣяній, проба пера той же руки, которая со временемъ напишетъ знаменитый Наказъ. Такъ, изслѣдуя исторію Екатерины въ первыя три десятилѣтія ея жизни, мы всюду находимъ признаки будущей великой личности, открываемъ нити, связывающія эпоху ея славы съ подготовительнымъ періодомъ менѣе замѣтной, но уже знаменательной дѣятельности.

ЕКАТЕРИНА II И ГУСТАВЪ III [1]).

1876—1878.

Во второй половинѣ 18-го столѣтія на европейскихъ престолахъ являются четыре замѣчательныя лица, которыя, съ разными оттѣнками ума и характера, выражаютъ собою въ болѣе или менѣе рѣзкихъ чертахъ одинъ и тотъ же духъ времени, представляютъ весьма интересныя черты сходства и различія. Это были: Екатерина II, Фридрихъ Великій, Густавъ III и Іосифъ II.

Они находятся между собою въ сношеніяхъ, то дружественныхъ, то враждебныхъ, соперничаютъ, переписываются или посѣщаютъ другъ друга, заключаютъ союзы, воюютъ и мирятся. Они занимаются литературой, ведутъ свои записки, повѣряютъ бумагѣ тайныя мысли свои.

---

[1]) Въ настоящемъ трудѣ слиты и значительно пополнены, особенно въ приложеніяхъ, двѣ статьи, прежде напечатанныя мною подъ этимъ же заглавіемъ въ сборникахъ *Древняя и Новая Россія.* 1876, № 2 и *Русская Старина* 1877 кн. III.— Напечатано въ Сборникѣ Отд. р. я. и сл. т. XVIII, 1878 г.

По сходству ихъ взглядовъ и стремленій очень любопытно и поучительно было бы сопоставить извѣстія о ихъ воспитаніи и развитіи. Только при помощи такого сравненія мы могли бы совершенно вѣрно смотрѣть на образъ мыслей и дѣятельность Екатерины II.

Болѣе всего точекъ сближенія было между ею и ея двоюроднымъ братомъ Густавомъ, но въ то же время между ними являлось и болѣе всего элементовъ несогласія: они были естественные соперники и враги. Въ 18 вѣкѣ, на сосѣднихъ престолахъ сѣверной Европы два раза представляется намъ однородное созвѣздіе, подъ вліяніемъ котораго, при столкновеніи обѣихъ державъ, Россія неминуемо должна была выйти изъ борьбы побѣдительницею. Отношеніе Петра Великаго къ Карлу XII повторилось, къ концу столѣтія, хотя и въ совершенно другихъ формахъ и при другихъ условіяхъ, между Екатериною II и Густавомъ III [1]). Въ самыхъ свойствахъ лицъ обоихъ разновременныхъ созвѣздій мы находимъ много сходнаго: съ одной стороны политическая мудрость, обдуманная сдержанность, спокойное самообладаніе, съ другой воинственный пылъ, не умѣряемый благоразуміемъ, безграничная самонадѣянность и тревожное тщеславіе: таковы были противоположности, при которыхъ исходъ борьбы въ обоихъ случаяхъ не могъ быть сомнителенъ. Довольно продолжительная, хотя и не всегда искренняя дружба Екатерины и Густава смѣнилась, наконецъ, ожесточенною враждой, и война загорѣлась двоякая: къ военнымъ дѣйствіямъ на сушѣ и на морѣ присоединился литературный поединокъ между самими монархами, для которыхъ перо, въ этотъ вѣкъ вѣнценосныхъ писателей, было привычнымъ оружіемъ.

Шведская война нашла уже у насъ своего историка: профессоръ Брикнеръ посвятилъ ей обширную монографію, и онъ же особо разсмотрѣлъ два ея эпизода: заговоръ въ Аньялѣ и комическую оперу *Горе-богатырь*, гдѣ императрица, въ отмщеніе своему обидчику, воспользовалась его же хвастливыми выходками, чтобы выставить его на позоръ въ безпощадной карикатурѣ [2]). Поэтому, не касаясь уже на этотъ разъ враждебнаго столкновенія между Екатериной и Густавомъ, я напротивъ намѣренъ представить очеркъ ихъ мирныхъ сношеній, до сихъ поръ весьма мало извѣстныхъ.

---

[1]) Густавъ III род. 24 янв. 1746 г., вступилъ на престолъ 12 февр. 1771, возстановилъ монархическую власть смѣлымъ переворотомъ 19 авг. 1772; весною 1788 г. началъ наступательную войну съ Россіей, кончившуюся Верельскимъ миромъ, въ августѣ 1790 г., безъ измѣненія прежнихъ границъ; вслѣдствіе составленнаго противъ него нѣсколькими дворянами заговора былъ смертельно раненъ на маскарадѣ въ построенномъ имъ же оперномъ театрѣ и умеръ 29 марта 1792 года.

[2]) Статьи проф. Брикнера: „Война Россі.: съ Швеціей", „Конфедерація въ Аньялѣ" и „Комическая опера Екатерины II *Горе-богатырь*" были напечатаны въ Журн. Мин. Н. Просв. 1868, 1869 и 1870 гг. Относительно значенія оперы *Горе-богатырь* см. Приложеніе I къ настоящей статьѣ.

Отецъ Густава III, шведскій король Адольфъ-Фридрихъ, былъ родной братъ матери Екатерины II, Іоанны Елисаветы [1]), и это близкое родство двухъ сѣверныхъ монарховъ должно было еще скрѣпляться воспоминаніемъ дружбы, нѣкогда связывавшей ихъ родителей [2]). Притомъ Адольфъ-Фридрихъ, бывшій голштинскій герцогъ и епископъ любскій, былъ обязанъ Россіи престоломъ: онъ сдѣлался королемъ вслѣдствіе требованія Елисаветы Петровны, поставившей его избраніе условіемъ заключенія мира съ Швеціей. Адольфъ-Фридрихъ вступилъ въ супружество съ сестрою Фридриха II, Ловизой Ульрикой, и первенцемъ этого брака былъ Густавъ: онъ родился въ началѣ 1746 года, слѣдовательно тогда, когда почти семнадцатилѣтняя Екатерина уже была въ Россіи, и долженъ былъ съ дѣтства привыкнуть смотрѣть съ особеннымъ уваженіемъ на свою старшую, знаменитую умомъ и красотою, родственницу.

Воспитаніе Густава совершилось подъ вліяніемъ того же духа времени, который положилъ свою печать на развитіе Екатерины. Образцомъ для всей Европы служила тогда Франція, и наставниками принца принятъ былъ въ руководство планъ воспитанія дофина. Главный надзоръ порученъ одному изъ высшихъ сановниковъ, графу Тессину, котораго назидательныя письма къ царственному питомцу были впослѣдствіи изданы на многихъ европейскихъ языкахъ. Все для образованія принца было тщательно придумано по лучшимъ теоріямъ того времени, и при рѣдкихъ способностяхъ Густава такое воспитаніе могло бы принести самые вожделѣнные плоды, еслибъ тому не противодѣйствовали обстоятельства: наставниковъ принца избирала господствовавшая партія помимо и даже противъ воли его матери, которая вслѣдствіе того внушала сыну недовѣріе къ нимъ. Частая смѣна этихъ наставниковъ мѣшала правильному ходу дѣла, а бывшіе на глазахъ юноши примѣры были не такого свойства, чтобы могли утвердить его въ правилахъ нравственности и въ уваженіи къ людямъ. При всемъ томъ онъ рано пріобрѣлъ множество свѣдѣній, особенно по исторіи, и необыкновенную начитанность; то и другое видно изъ сохранившихся дѣтскихъ его сочиненій разнаго рода, въ которыхъ онъ часто очень умно разсуждаетъ между прочимъ о знаменитыхъ дѣятеляхъ шведской исторіи, но въ то же время обнаруживаетъ совершенное пренебреженіе къ формѣ и незнаніе грамматики. Тѣмъ не менѣе авторскій талантъ получилъ въ будущемъ королѣ преждевременное развитіе, и воспитанію его недоставало только основательности. Едва выйдя изъ дѣтства, Густавъ началъ уже вести

---

[1]) См. о ней статью мою *Воспитаніе Екатерины II* въ журналѣ: Древняя и Новая Россія, 1875 г., февраль; см. выше.

[2]) Для уясненія родственныхъ отношеній между Екатериною и Густавомъ см. ниже Приложеніе II.

свои записки: понятно, что при такомъ расположенiи къ литературной дѣятельности, написанное имъ въ теченiе жизни (хотя онъ кончилъ ее уже 46 лѣтъ) составило огромную массу бумагъ. Онъ завѣщалъ не раскрывать ихъ, пока не пройдетъ полстолѣтiя послѣ его смерти: онѣ и хранились запечатанными въ библiотекѣ упсальскаго университета до 1842 года; тогда профессору исторiи Гейэру поручено было заняться ихъ разсмотрѣнiемъ, и въ слѣдующiе же годы издано имъ въ четырехъ томикахъ сочиненiе: *Konung Gustaf III:s efterlemnade papper* [1]). Само собою разумѣется, что эти бумаги послужатъ намъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для характеристики Густава и его отношенiй къ могущественной сосѣдкѣ [2]).

На характеръ принца должно было сильно дѣйствовать и то обстоятельство, что между родителями его не было согласiя: это не могло не способствовать къ развитiю самостоятельности въ молодомъ человѣкѣ. Мать была женщина въ своемъ родѣ замѣчательная, съ красотою соединявшая много ума, живости и силы характера; но вмѣстѣ съ тѣмъ она была слишкомъ впечатлительна и представляла нѣкоторое сходство съ матерью Екатерины II: обѣ отличались властолюбiемъ, гордостью, были склонны къ интригѣ; Ловизѣ Ульрикѣ недоставало выдержки, она дѣйствовала вспышками и часто поражала своими странностями; подобно своему брату (Фридриху II) она любила заниматься философiей и литературой; большую часть времени проводила она въ уединенiи, заставляя читать себѣ вслухъ, и имѣла притязанiе слыть одною изъ образованнѣйшихъ женщинъ своего вѣка, что́ ей и удавалось.

Вольтеръ былъ въ это время истиннымъ царемъ умственнаго мiра въ Европѣ; онъ далъ ходъ философiи 18 вѣка въ обществѣ и на тронахъ. Философiя, говоритъ Гейэръ, сдѣлалась синонимомъ освобожденiя отъ предразсудковъ, которымъ стали хвалиться сильные мiра, не сознавая, что оружiе, ими поддерживаемое, легко могло обратиться противъ нихъ же самихъ. То былъ, по словамъ того же писателя,

---

[1]) Т. е. „Оставшiяся послѣ короля Густава III бумаги"; болѣе извѣстна эта книга подъ названiемъ: „De Gustavianska papperen".

[2]) Другiя печатныя пособiя, которыми я при этомъ пользовался, были: Geschichte Gustaf III, von Dr Posselt, Strassburg 1793;—Skrifter af blandadt innehåll, af Gustaf d'Albedyhll, Nyköping 1799; — Histoire de Catherine II, par J. Castera, Paris, an VIII; — Historiches Taschenbuch von Fr. v. Raumer, Leipzig 1857; — Gustave III, par le baron de Beskow, Stockh. 1868; — С.-Петербургскiя Вѣдомости 1777 года; — Acta Academiae scientiarum petropolitanae, I. II. 1778 и 1780 г.; — Сборникъ Русскаго Истор. Общества, особенно т. XIII, Спб. 1874; — Гр. Никита и Петръ Панины, П. Лебедева, Спб. 1863; — Ioseph II u. Katharina von Russland, Wien, 1869, и пр. Рукописные источники, дополнившiе эти матерiалы, были получены мною большею частью изъ Швецiи, благодаря обязательному содѣйствiю нашего бывшаго посланника въ Стокгольмѣ Н. К. Гирса и генеральнаго консула А. Е. Моллерiуса.

монархическій или аристократическій періодъ этой философіи; позднѣе долженъ былъ наступить періодъ демократическій: Руссо́ началъ его и съ тѣхъ поръ прекратилась философія великихъ.

Мы знаемъ, какое значеніе пріобрѣлъ Вольтеръ въ отношеніи къ Екатеринѣ; его господству не могъ не подчиняться и Густавъ. Руководителями принца въ новыхъ ученіяхъ, которыя считались средствомъ для пріобрѣтенія власти, были: мать его, филантропъ Карлъ Фридрихъ Шефферъ и поэтъ Крейцъ. Первый, членъ государственнаго совѣта, усердный послѣдователь школы экономистовъ, былъ одно время главнымъ наставникомъ Густава; послѣдній, также участвовавшій въ его воспитаніи, занималъ позднѣе дипломатическіе посты въ Мадридѣ и Парижѣ. Гейэръ называетъ обоихъ самыми гуманными, простодушными мечтателями. Въ одномъ письмѣ изъ Мадрида, Крейцъ пишетъ Густаву, что въ Парижѣ онъ познакомился съ знаменитымъ Юмомъ и внушилъ ему желаніе побывать въ Швеціи, взглянутъ на королеву-философа и на молодого принца, который въ шестнадцать лѣтъ предпочитаетъ серіозныя книги легкому чтенію. „Была пора — говоритъ, между прочимъ, посланникъ,—когда философія возводилась на костры, теперь она сидитъ па престолахъ: Берлинъ для нея священное убѣжище, въ Лондонѣ ей сооружаютъ алтари; ее чтутъ и любятъ на сѣверѣ, между тѣмъ какъ въ странахъ, болѣе ласкаемыхъ природою, она томится въ изгнаніи или безмолвствуетъ (Франція). Вольтеръ служитъ доказательствомъ, до какой степени вы, принцъ, возбуждаете участіе въ писателяхъ. Знаменитый старецъ прослезился, услышавъ, что ваше высочество знаете Генріаду наизусть. „Правда — сказалъ онъ, — что я, сочиняя ее, имѣлъ въ виду доставить поученіе царямъ, но я не надѣялся, что она принесетъ плодъ на сѣверѣ. Я ошибался. Сѣверъ всегда производилъ героевъ и великихъ мужей". Знаменитый писатель не переставалъ разспрашивать о мельчайшихъ подробностяхъ относительно вашего высочества. „Я старъ и слѣпъ — продолжалъ онъ — но если все, что вы мнѣ говорите, справедливо, то я умру спокойно: черезъ пятьдесятъ лѣтъ въ Европѣ уже не будетъ предразсудковъ. Общій разумъ когда-нибудь, конечно, будетъ довольно силенъ, чтобы произвести такой переворотъ." Такъ заключаетъ Крейцъ. Любопытенъ и отвѣтъ молодого принца: „Ваше письмо доставило мнѣ безконечное удовольствіе. Отзывъ Вольтера несказанно для меня лестенъ. Желаю когда-нибудь заслужить его одобреніе, но боюсь, что теперь оно вызвано вашимъ дружески-преувеличеннымъ описаніемъ моихъ достоинствъ. Я въ восторгѣ, что вы продолжаете заниматься словесностью, и особенно поэзіей. Никогда наша литература не была въ такой опасности, какъ теперь. Далинъ умеръ, Ире скоро перестанетъ писать, Гюлленборгъ женился, и отъ него пойдутъ дѣти вмѣсто сатиръ. Такимъ талантамъ надо бы запре-

тить жениться. Съ отрадой, но и съ грустью, вспоминаю наши ужины въ Дротнинггольмѣ [1]) и бесѣды, которыя такъ много способствовали къ моему образованію".

Изъ Парижа, по переводѣ своемъ туда въ 1766 году, графъ Крейцъ сообщалъ Густаву всѣ текущія литературныя новости и устроилъ переписку между нимъ и Мармонтелемъ, который послалъ ему своего „Велисарія" и посвятилъ *Les Incas*. Между прочимъ, Крейцъ исправно доставлялъ кронпринцу романы Вольтера и новые томы Энциклопедіи. Въ сентябрѣ 1769 г. онъ пишетъ: „Посылаю осьмую часть Энциклопедіи, но прошу ваше высочество хранить ее, какъ и прочія части, про себя. Забавно, что самыя смѣлыя вещи похоронены въ *грамматическихъ* статьяхъ". Въ 1770 г. Густавъ самъ, вмѣстѣ съ меньшимъ братомъ своимъ, предпринялъ заграничное путешествіе. Разумѣется, что оно прежде всего было направлено въ Парижъ, обѣтованный край всѣхъ тогдашнихъ путешественниковъ высшаго круга. Развратъ французскаго двора, гдѣ тогда господствовала Дюбарри, достигъ въ эту пору своего апогея; все, что здѣсь видѣлъ и слышалъ будущій король, дѣйствовало на его воспріимчивую душу не какъ предостереженіе, а какъ соблазнительный примѣръ. Здѣсь онъ сблизился съ дофиномъ (впослѣдствіи Людовикомъ XVI), закрѣпилъ свой союзъ съ Франціей и пріобрѣлъ ея поддержку для рѣшительной внутренней борьбы которую готовился вести въ своемъ отечествѣ. Мечту свою побывать у Вольтера въ Ферне́ онъ не успѣлъ осуществить, получивъ въ началѣ 1771 г. неожиданное извѣстіе о смерти своего отца, которое заставило его поспѣшно воротиться въ Швецію [2]). Еще бывши кронпринцемъ, онъ не могъ безъ негодованія видѣть совершенный упадокъ королевской власти и непрерывную борьбу партій, раздиравшую государство вслѣдствіе демократической олигархіи, установленной тамъ актомъ 1720 года: съ тѣхъ поръ продолжался извѣстный въ шведской исторіи подъ именемъ *времени вольности* (frihetstiden) періодъ внутреннихъ смутъ. Положить конецъ этому невыносимому положенію дѣлъ было первою заботой 26-лѣтняго короля. Рѣшимость, твердость и благоразуміе, съ какими онъ въ 1772 году совершилъ задуманный переворотъ, поставили его высоко въ глазахъ всей Европы, и можно было повидимому ожидать еще много великихъ дѣлъ отъ монарха, который такъ блистательно начиналъ свое царствованіе. Но нравственное существо его было исполнено самыхъ рѣзкихъ противорѣчій: страсть къ пышности, къ внѣшнему блеску, къ драматическимъ эффектамъ,

[1]) Королевскій дворецъ близъ Стокгольма (Drottning зн. королева, holm — островъ).

[2]) Густавъ открыто защищалъ Вольтера противъ враговъ его и послалъ ему некрологъ своего отца, который самъ написалъ. Когда потомъ совершился переворотъ 1772 года, то Вольтеръ сочинилъ въ честь его особую поэму.

славолюбіе и тщеславіе безпрестанно одерживали въ немъ побѣду надъ лучшими побужденіями и вѣрнымъ по большей части пониманіемъ вещей. Весьма мѣтко онъ самъ себя охарактеризовалъ въ слѣдующихъ строкахъ изъ одного письма къ Шефферу, писаннаго въ 1773 году: „Что бы ни говорили, людьми управляетъ воображеніе. Когда оно живо и сильно, то побуждаетъ ихъ къ великимъ предпріятіямъ; когда вяло и лѣниво, то производитъ только ничтожныхъ людей. Оно тѣмъ хорошо, что жизнь, возбужденная его дѣятельностью, тотчасъ сообщается. Это бываетъ особенно въ большихъ народныхъ собраніяхъ: головы воспламеняютъ одна другую. Тогда-то является энтузіазмъ, порождающій великія дѣла, добрыя или злыя, смотря по тому, какое направленіе они получатъ отъ сильныхъ характеровъ или обстоятельствъ. Послѣ такого похвальнаго слова живымъ воображеніямъ мнѣ почти совѣстно сознаться вамъ, что у меня самого очень пылкая фантазія". Въ такихъ сужденіяхъ нельзя не видѣть отраженія мыслей, разсѣянныхъ въ трудахъ энциклопедистовъ. Ихъ вліяніемъ объясняется, что въ письмахъ и замѣткахъ всѣхъ четырехъ названныхъ нами монарховъ нерѣдко встрѣчаются одни и тѣ же размышленія. Такъ, въ дневникѣ Густава мы между прочимъ находимъ фразу: „Роль начальника партіи недостойна государя", и это же самое замѣчаніе въ разныхъ формахъ не разъ высказывается въ письмахъ Екатерины II [1]).

Нельзя сказать, чтобы между ею и Густавомъ вовсе не было сходства: напротивъ, по своему образованію и вкусамъ, по одинаковому во многомъ положенію и, наконецъ, по самому существу своему, они представляли нѣкоторыя общія черты; оба, напримѣръ, равно дорожили властью и славой, любили блескъ торжествъ и шумъ похвалъ, привыкли къ расточительности; но какъ мѣтко выразился одинъ изъ приближенныхъ Густава (графъ Ульрихъ Шефферъ, министръ иностранныхъ дѣлъ), общія имъ слабости, по странной игрѣ природы, въ Екатеринѣ принимали мужской характеръ, а въ Густавѣ женскій. Густавъ хотѣлъ только блистать и блистать всѣмъ, чѣмъ могъ, даже драгоцѣнными камнями; Екатерина, напротивъ, стремилась къ дѣйствительной силѣ, хотѣла посредствомъ ея господствовать и управлять.

По историческимъ и политическимъ причинамъ, отношенія между обоими монархами, не смотря на ихъ близкое кровное родство, были съ самаго воцаренія Густава весьма щекотливыя, и чѣмъ болѣе благопріятные слухи доходили о немъ до императрицы, тѣмъ недовѣр-

---

[1]) Такъ она писала 21 янв. 1771 г. къ г-жѣ Бьельке: „J'ai toujours eu pour principe que vis-à-vis de ses sujets un prince ne doit jamais être que juge, jamais chef, ncore moins adhérent de parti". (Я всегда держалась того правила, что въ отношеніи къ своимъ подданнымъ государь долженъ быть судьею, а не главою, еще менѣе приверженцемъ партіи. Сборн. Р. Ист. Общ., т. XIII, стр. 63. Ср. тамъ же, стр. 208).

чивѣе она должна была смотрѣть на своего сосѣда. Вотъ почему уже 1 мая 1771 года, т. е. черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вступленія его на престолъ, она писала Никитѣ Панину: „Я не столь отзывалась утвердительно на добрыя диспозиціи короля шведскаго, чтобъ изъ того заключить можно, чтобъ не должно намъ бдѣннымъ окомъ смотрѣть на шведскіе обороты“ [1]). Такое недовѣріе не могло не усилиться еще въ значительной мѣрѣ послѣ знаменитаго coup d'état $^{8}/_{19}$ августа 1772 г., такъ успѣшно сокрушившаго олигархію въ Стокгольмѣ. Событіе это самымъ чувствительнымъ образомъ задѣвало петербургскій кабинетъ, такъ какъ по Ништадтскому миру Россія, вмѣстѣ съ Даніей и Пруссіей, гарантировала сохраненіе въ Швеціи образа правленія 1720 года. Согласно съ этимъ, въ трактатѣ, заключенномъ между Россіей и Пруссіей въ 1769 г., было опредѣлено секретной статьей, что въ случаѣ возстановленія королевской власти у шведовъ, Фридрихъ II обязанъ, по требованію Екатерины, сдѣлать нападеніе на шведскую Померанію. Встревоженный переворотомъ, прусскій король въ письмѣ къ своему племяннику порицалъ его поступокъ и предсказывалъ Швеціи большія затрудненія. Если тѣмъ ограничились со стороны Пруссіи послѣдствія дня 19-го августа, то причиной тому были польскія дѣла, поглощавшія въ этомъ самомъ году все вниманіе сосѣднихъ державъ.

Что касается Россіи, то Густавъ конечно понималъ, что послѣ побѣды надъ партіей шапокъ, которую всячески поддерживалъ русскій посланникъ Остерманъ, шведскому королю могла предстоять другая, болѣе опасная борьба съ союзницей этой партіи — Россіей. Черезъ нѣсколько дней послѣ своего успѣха онъ извѣстилъ о немъ Екатерину II. Она приняла его письмо холодно, и въ отвѣтѣ своемъ, воздерживаясь отъ всякаго поздравленія, ограничилась выраженіемъ надежды, что миръ будетъ сохраненъ, не смотря на разныя дѣйствія, которыя клонятся къ его нарушенію. Въ то же время она приказала Остерману стараться возстановить прежнее правленіе. Въ частныхъ письмахъ ея къ другимъ лицамъ между тѣмъ выражалось неудовольствіе противъ Густава. „Я вижу“ — говорила она г-жѣ Бьельке, съ которою вела самую откровенную переписку, — „что молодой шведскій король не придаетъ никакого значенія самымъ торжественнымъ клятвамъ и увѣреніямъ своимъ. За день до революціи онъ обвинялъ въ бунтѣ христіанстадскій гарнизонъ, а на другой день принялъ его сторону. Никогда ни въ какой странѣ законы не были такъ попираемы, какъ въ Швеціи при этомъ случаѣ, и я вамъ ручаюсь, что

---

[1]) Сб. Ист. Общ. XIII. 82. Для поздравленія новаго короля съ восшествіемъ на престолъ, 29 сентября 1771 года посланъ былъ въ Стокгольмъ девятнадцатилѣтній сынъ Долгорукаго-Крымскаго.

этотъ король такой же деспотъ, какъ сосѣдъ мой, султанъ: онъ рѣшительно ничѣмъ не стѣсняется. Не знаю, это ли — средство долго пользоваться любовью націи, рожденной и воспитанной въ правилахъ свободы; но полагаю, что не у меня одной въ Европѣ родятся такія мысли" [1]). Почти то же самое Екатерина нѣсколько позднѣе писала Вольтеру, прибавляя еще слѣдующія замѣчанія: „Вотъ нація, которая менѣе чѣмъ въ четверть часа теряетъ свой образъ правленія и свою свободу. Государственные чины, окруженные войскомъ и пушками, въ двадцать минутъ обсудили 52 пункта, которые они принуждены были подписать... И все это черезъ два мѣсяца послѣ того, какъ государь и весь народъ взаимно поклялись строго сохранять обоюдныя права свои" [2]).

Дальнѣйшіе поступки Густава, за которыми Екатерина зорко слѣдила, все болѣе раздражали ее. Въ головѣ его уже зародилась мечта о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи, и онъ готовъ былъ тотчасъ же приступить къ дѣлу: по поводу слуховъ о враждебныхъ намѣреніяхъ Даніи, шведскіе полки явились у норвежскихъ границъ, и самъ король посреди зимы поѣхалъ туда, но Фридрихъ II заставилъ его отказаться отъ этого преждевременнаго предпріятія. Между тѣмъ Екатерина, уже провѣдавъ о планахъ Густава, писала къ г-жѣ Бьельке: „Этотъ молодой шведскій король, котораго вы считаете благоразумнымъ, не таковъ по-моему: онъ велъ въ Норвегіи тайныя интриги, которыя открылись и даютъ мало вѣса его словамъ: я по всему вижу, что онъ не уважаетъ своихъ завѣреній, и если нужно сказать напрямикъ, — для него нѣтъ ничего святого: послѣ этого довѣряйтесь ему, если можете" [3]). Вольтеръ давно поговаривалъ о своемъ желаніи посѣтить императрицу: „Шведскій король" — отвѣчала она фернейскому философу — „доставитъ вамъ возможность сократить путешествіе: война можетъ сдѣлаться общёю изъ-за этой политической шалости" [4]).

Неудивительно, что въ Европѣ ходили слухи о скоромъ разрывѣ между Россіей и Швеціей, тѣмъ болѣе, что перемѣна обстоятельствъ, происшедшая въ Даніи съ паденіемъ Струэнзе, вызвала новое сближеніе между этимъ государствомъ и петербургскимъ дворомъ. Хотя Англіи и Франціи и удалось предупредить войну, однакожъ предложеніе Густава отправить въ Россію посланника было отклонено

[1]) Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 265.

[2]) Тамъ же, стр. 268. Есть извѣстіе, что императрица впослѣдствіи сама нашла это мѣсто слишкомъ рѣзкимъ и потребовала черезъ Гримма, чтобы оно было исключено изъ ея переписки при изданіи полнаго собранія сочиненій Вольтера (1784 — 1789). (Gustav III, par Beskow, стр. 95). Однакожъ въ письмахъ Екатерины къ Гримму ничего подобнаго не оказывается.

[3]) Сб. Р. Ист. Общ. XIII, стр. 286.

[4]) Тамъ же.

Екатериной, а съ Даніей велись переговоры объ уступкѣ ей притязаній на Голштинію за предоставленіе Ольденбурга и Дельменгорста младшей отрасли гольштейнъ-готторпскаго дома помимо той, которая занимала шведскій престолъ [1]). Толки о войнѣ возобновились. Говорили, что великій князь, принадлежа къ старшей линіи голштинскаго дома, можетъ предъявить права на шведскую корону предпочтительно передъ младшею, царствующею въ Швеціи, что Ништадтскій миръ нарушенъ измѣненіемъ тамъ формы правленія, что Россія въ правѣ занять Финляндію, какъ занимала ее до этого мира, и проч. Прибавляли, что императрица, по совѣту графа Орлова, рѣшилась напасть на Швецію съ сорокатысячнымъ войскомъ, съ многочисленнымъ парусным и галернымъ флотомъ. Между тѣмъ однакожъ ни Екатерина, ни Густавъ, при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не могли желать войны, и государыня въ письмѣ къ Вольтеру такъ опровергала передъ Европой подобные слухи: „Они (т. е. французы) распустили молву, будто я просила у хана тридцать тысячъ татаръ для войны съ шведами и что онъ мнѣ въ томъ отказалъ. У меня и въ мысляхъ никогда не было такой глупости, и я очень сомнѣваюсь, чтобъ г. Сенъ-При (французскій посланникъ въ Константинополѣ), какъ увѣряютъ, доносилъ объ этомъ, потому что обыкновенно у посланниковъ предполагается по крайней мѣрѣ здравый смыслъ“ [2]).

Въ то же время Густава постоянно занимала мысль изгладить личнымъ свиданіемъ съ Екатериною неблагопріятное впечатлѣніе, произведенное на нее его первыми дѣйствіями. О поѣздкѣ въ Петербургъ онъ думалъ съ самаго воцаренія своего и нѣсколько разъ заявлялъ это намѣреніе. О томъ свидѣтельствуютъ между прочимъ слѣдующія строки изъ переписки императрицы съ г-жею Бьельке (отъ 18 мая 1771 г.): „Со всѣхъ сторонъ слышатся похвалы шведскому королю. Мнѣ очень досадно, что я не могла видѣть моихъ собратьевъ, Божіею милостью сѣверныхъ государей. Оба хотѣли быть сюда, но тому и другому встрѣтились препятствія, а я также не поѣду къ нимъ. Такимъ образомъ мы рискуемъ увидѣться только на томъ свѣтѣ; тамъ, если пожелаете, и вы можете присутствовать при нашемъ свиданіи, которое будетъ не безынтересно, и я вамъ обѣщаю, что разсмѣшу васъ, если это будетъ возможно, не смотря на требованія приличія“ [3]). Въ намѣреніи посѣтить Екатерину утверждала короля и мать его; находясь временно въ Берлинѣ, она писала сыну: „Братъ мой (Фридрихъ II) думаетъ, что ты далеко не уйдешь безъ Россіи, и совѣтуетъ тебѣ съѣздить въ Петербургъ“. Какъ смотрѣла Екатерина на будущую

---

[1]) О послѣдствіяхъ этихъ переговоровъ см. ниже.

[2]) Сб. Ист. Общ. XIII, стр. 384.

[3]) Тамъ же, стр. 95.

встрѣчу съ своимъ безпокойнымъ сосѣдомъ, видно опять изъ ея переписки съ г-жою Бьельке. „Носятся слухи“ — писала она 5 января 1774 года — „что онъ пріѣдетъ въ Финляндію; но вотъ уже третій разъ ходитъ подобная молва, а вмѣсто того, въ первый разъ, онъ произвелъ революцію, во второй, отправился въ Норвегію. Не знаю, что будетъ въ третій разъ; но если онъ пріѣдетъ ко мнѣ въ гости, то по неравенству нашихъ лѣтъ предвижу, что онъ будетъ страшно скучать со мною. Кромѣ того онъ французъ съ головы до ногъ: подражаетъ во всемъ французамъ и усвоилъ себѣ даже весьма скучный этикетъ французскаго двора; я же почти во всемъ составляю совершенную противоположность тому: съ роду я не могла терпѣть подражанія, и ужъ если выразиться прямо, то я такой же оригиналъ, какъ самый истый англичанинъ. Я не въ состояніи круглый годъ заниматься стихами и пѣснями, или щеголять остротами; у всякаго, какъ видите, своя фантазія; ни тотъ, ни другой изъ насъ не перемѣнится; но изъ всего этого слѣдуетъ, что навѣрное шведскій король соскучится со мною“ [1]).

Характеристика короля, набросанная здѣсь Екатериною II, и сравненіе, которое она проводитъ между имъ и собою, заслуживаютъ особеннаго вниманія. Мы уже видѣли, что Густавъ былъ дѣйствительно воспитанъ въ слѣпой приверженности ко всему французскому; это основывалось не только на общемъ духѣ тогдашняго быта высшихъ классовъ въ цѣлой Европѣ, но и на особенныхъ отношеніяхъ стокгольмскаго двора къ версальскому; хотя Густавъ и старался поднять въ Швеціи національное чувство и между прочимъ завелъ драматическія представленія на родномъ языкѣ, но и въ жизни, и въ литературѣ онъ все-таки оставался вѣренъ нравамъ и вкусу французовъ. Говорилъ и писалъ онъ на языкѣ Вольтера съ большою развязностію, хотя, по общему обычаю эпохи, владѣлъ имъ только по навыку и писалъ безъ всякой орѳографіи, впадая, напр., въ такіе светицизмы, какъ cholly вмѣсто joli, или chose вмѣсто j'ose. Что касается Екатерины, то она издавна хвалилась англоманіей, любила приписывать себѣ англійскія свойства и говорила, что давно бы предприняла поѣздку въ Англію, еслибъ эта страна была такъ же близка, какъ Швеція [2]). Впрочемъ вражда, которую императрица въ то же время показывала къ французамъ, презрительно называя ихъ, по примѣру Вольтера, *влахами* (les velches), была болѣе политическаго, нежели сердечнаго свойства и притомъ являлась собственно только отплатою за личную непріязнь, какую питалъ къ ней Шуазель. Въ сущности воспитаніе Екатерины, какъ мы уже знаемъ, было также въ полномъ смыслѣ

[1]) Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 379.
[2]) Тамъ же, стр. 209.

французское; оно отразилось также на ея литературныхъ произведеніяхъ, и, не смотря на свое уваженіе ко всему англійскому, она однако въ своихъ подражаніяхъ Шекспиру являлась опять ученицею французовъ.

Какъ ненадеженъ былъ миръ между Екатериною и Густавомъ, видно между прочимъ изъ слѣдующаго случая. Въ 1775 году графъ Шуваловъ испыталъ въ Стокгольмѣ неожиданно-холодный пріемъ; императрица проводила этотъ годъ въ Москвѣ; пригласивъ всѣхъ иностранныхъ пословъ на обѣдъ въ Царицыно, она изъ этого приглашенія не исключила и шведскаго министра Нолькена, но просила вице-канцлера Остермана предупредить его, что хотя она и не желаетъ платить зломъ за зло, однакожъ, если шведскому королю придетъ охота пощипаться съ Россіей, то она, государыня, не останется у него въ долгу [1]). Поэтому неудивительно, что осенью 1775 года Густавъ опасался войны съ Россіей. Есть его собственноручная записка о томъ, писанная въ октябрѣ этого года, гдѣ говорится: „Глядя на вооруженія Россіи, не могу не считать ихъ направленными противъ моихъ владѣній съ цѣлію выполнить тѣ планы мести, которые занимали императрицу съ самой революціи (т. е. переворота 1772 года), но были остановлены турецкою войной и польскими дѣлами. Кажется, не миновать открытой войны этою осенью или въ будущемъ году, и не надо терять ни минуты, чтобы приготовиться къ отпору. Всего болѣе необходимо не затягивать этой войны и совершить смѣлое предпріятіе. Вотъ почему я сбираюсь напасть всѣми силами на Петербургъ, и принудить императрицу къ миру“. Не было недостатка въ людяхъ, которые внушали ему, что при могуществѣ, которое онъ умѣлъ доставить Швеціи, ему ничего не будетъ стоить возвратить ей всѣ владѣнія, завоеванныя Россіей со времени Петра Великаго. Такъ думали и въ остальной Европѣ: вскорѣ послѣ стокгольмскаго переворота принцъ Генрихъ прусскій писалъ къ матери Густава: „При нынѣшнемъ образѣ правленія и десятилѣтнемъ мирѣ, Швеція можетъ сдѣлаться преобладающею державой“.

Но воинственное расположеніе 1775 года было не продолжительно. Густавъ скоро возвратился къ мысли, что на первый случай всего важнѣе поѣздкою въ Петербургъ возстановить себя въ мнѣніи своей знаменитой родственницы. Посмотримъ между тѣмъ, каково ему жилось въ отечествѣ. Семейныя отношенія его были далеко не радостныя. Мать его, передъ своимъ замужествомъ, уже пріѣхала въ Швецію съ предубѣжденіемъ, котораго никогда не могла вполнѣ побѣдить: не безъ нѣкотораго презрѣнія смотрѣла она на эту сравнительно бѣдную и малолюдную страну. Когда сынъ вступилъ на престолъ, она, по своему

---

[1]) Сб. XV, 609.

властолюбію и любви къ роскоши, не могла равнодушно перенест перемѣны, происшедшей въ ея положеніи. Начались неудовольствія; вдовствующая королева требовала, чтобы ей назначено было ежегодное содержаніе еще до опредѣленія сеймомъ королевскаго: на это сынъ никакъ не могъ согласиться. О раздраженіи противъ него матери свидѣтельствуютъ письма, которыя она писала ему изъ Берлина во время 9-тимѣсячнаго тамъ пребыванія. По возвращеніи ея между ними произошелъ полный разрывъ по одному совершенно внѣшнему поводу. Прежде караулъ у королевы и сына ея отбывали тѣ же тѣлохранители; но въ отсутстіи ея, король, по ихъ просьбѣ, повелѣлъ, чтобы они служили только при его лицѣ; при королевѣ же ихъ замѣнила особая стража съ собственною ея ливреей. Это сильно оскорбило мать Густава, и она уже никогда не могла простить ему такого, какъ ей казалось, униженія своего достоинства. Женившись (въ 1766 г.) безъ всякой любви на датской принцессѣ Софіи-Магдалинѣ, Густавъ не зналъ и домашняго счастія. Вознагражденіе онъ могъ находить только во внѣшнихъ благахъ и въ любви народа, которую дѣйствительно умѣлъ пріобрѣсти: всѣ согласны въ томъ, что первыя шесть лѣтъ его царствованія были изъ самыхъ счастливыхъ въ шведской исторіи. Послѣ переворота, при дворѣ воцарилось спокойствіе, какого давно не видали: партіи замолкли; король никому не мстилъ, и при раздачѣ должностей не руководствовался никакимъ пристрастіемъ; не было ни интригъ, ни тѣхъ шумныхъ проявленій соперничества и зависти, которыя прежде такъ часто нарушали миръ. Король, одержавъ побѣду надъ своими врагами, показалъ рѣдкую умѣренность и не только не злоупотреблялъ своею властью, но добровольно слѣдовалъ либеральнымъ началамъ, какихъ не видѣла на дѣлѣ еще и западная Европа: хотѣлъ быть, какъ самъ онъ говорилъ, „стражемъ свободы своего народа“. Къ популярности его особенно способствовала свобода печати, введенная имъ даже вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ государственныхъ людей. Но эта популярность, однакожъ, вскорѣ сильно поколебалась, когда король, слѣдуя примѣру Пруссіи и Россіи, для увеличенія государственныхъ доходовъ отмѣнилъ право свободнаго винокуренія и присвоилъ его коронѣ. Мѣра эта тяжело отозвалась на народномъ хозяйствѣ и повлекла за собой строгія взысканія и разнаго рода стѣсненія, между прочимъ, домашніе обыски и систему шпіонства, для поддержанія которой доносчикамъ раздавались награды. Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ этимъ нововведеніемъ, мало-по-малу подорвало его довѣріе и къ самому королю: Густава стали обвинять въ лицемѣріи, осуждали его любовь къ театральнымъ представленіямъ, въ которыхъ онъ самъ при дворѣ своемъ принималъ участіе, вообще его страсть къ разорительнымъ увеселеніямъ, особенно къ турнирамъ или каруселямъ: въ подражаніе другимъ странамъ

Европы, онъ устроилъ съ величайшею роскошью два подобныя торжества и тѣмъ далъ новую пищу начинавшемуся народному ропоту.

Таково было положеніе Густава, когда онъ въ 1777 году, по совѣту своего министра иностранныхъ дѣлъ графа Ульриха Шеффера, рѣшился осуществить планъ поѣздки въ Петербургъ. Есть извѣстіе, что его намѣреніе было склонить Екатерину II къ союзу противъ Даніи, но что планъ этотъ не удался. По поводу ожидаемаго пріѣзда короля, императрица назначила состоять при немъ находившагося въ Финляндіи съ своею дивизіею графа Брюса, которому и было приказано встрѣтить его, но не собирать при этомъ полковъ, такъ какъ они были плохи; король же ѣхалъ инкогнито и, слѣдовательно, прямой надобности въ томъ не было [1]). Вотъ какъ Густавъ самъ описываетъ свои приготовленія къ путешествію и пріѣздъ въ Петербургъ [2]):

„Обстоятельства казались мнѣ благопріятными для исполненія моего давнишняго намѣренія лично переговорить съ императрицей и постараться изгладить неудовольствіе, какое оставилъ въ ея душѣ достопамятный день 19 августа 1772 года: итакъ я рѣшился въ этомъ (1777) году съѣздить въ Петербургъ. Но надо было хранить это въ тайнѣ до самаго путешествія. Съ адмираломъ Тролле, который ѣхалъ въ Финляндію, и отправилъ приказаніе приготовить въ Свеаборгѣ судно, подъ предлогомъ обученія морскихъ офицеровъ, и прибыть съ нимъ въ Стокгольмъ, такъ чтобъ мнѣ можно было пуститься въ путь 8 или 9 іюня. Я былъ намѣренъ употребить это судно до Свеаборга, а оттуда въ Петербургъ итти на галерѣ, оснащенной въ Стокгольмѣ. Я далъ своему посланнику въ Парижѣ порученіе относительно подарковъ и назначилъ на путешествіе 20 т. риксдалеровъ [3]). Я велѣлъ написать барону Нолькену, моему чрезвычайному послу въ Петербургѣ, чтобы онъ предупредилъ о моемъ пріѣздѣ и далъ мнѣ знать, удобно ли императрицѣ выбранное мною время. Онъ долженъ былъ условиться съ графомъ Панинымъ обо всемъ, что касается салюта: впрочемъ по щекотливости этого дѣла я предпочиталъ сохранить полное инкогнито и вовсе не имѣть салюта. Моему

---

[1]) Изъ этихъ распоряженій видно, что въ Петербургѣ сначала думали, что король пріѣдетъ сухимъ путемъ. Густава ждали нѣсколько разъ, и между прочимъ 6 апрѣля 1772 г. государыня писала Елагину: „Въ краткую конфиденцію вамъ сообщаю, что король шведскій вознамѣрился сюда пріѣхать; точное время не знаю, а вѣроятно, что воспослѣдуетъ въ іюлѣ или августѣ. И для того: первое, старайтесь, чтобъ въ Ораніенбаумѣ въ саду домики были обитаемы къ тому времени; второе, чтобъ была опера новая и пр. (Сб. Р. Ист. Общ. XIII, 231).

[2]) См. подлинное описаніе на французскомъ языкѣ въ Приложеніи III. Здѣсь оно сообщается въ извлеченіи по напечатаннымъ на шведскомъ языкѣ „Бумагамъ Густава III".

[3]) На наши деньги тысячъ 5 руб. сер.

посланнику было приказано сообщить конфиденціально о моемъ путешествіи французскому министерству. Отвѣтъ пришелъ 29 (18) мая. На слѣдующій день я извѣстилъ сенатъ о своемъ рѣшеніи и о томъ что на время своего отсутствія главное начальство въ Стокгольмѣ передаю брату. Сопровождать себя я назначилъ графа Ульриха Шеффера и Морица Поссе [1]).

„Въ субботу, 7-го іюня, я сѣлъ на корабль передъ дворцомъ, въ присутствіи двора, множества дворянъ и огромной толпы, при пушечной пальбѣ и кликахъ народа. Королева, братъ мой и невѣстка провожали меня до мыса Блокгуса... Въ понедѣльникъ, 16 (5) іюня въ два часа утра, показались вдали Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. Явился русскій офицеръ и спросилъ, гдѣ графъ Готландскій — на яхтѣ или на галерѣ. Я самъ отвѣчалъ, что онъ на яхтѣ. Офицеръ подалъ мнѣ письмо отъ императрицы. Въ 3/4 5-го мы бросили якорь передъ Кронштадтомъ. Было великолѣпное утро. Мы высадились въ Ораніенбаумѣ, въ 40 верстахъ или 4-хъ шведскихъ миляхъ отъ Петербурга. Мы проѣхали это пространство въ три часа, не перемѣняя лошадей. Русскіе кучера самые лучшіе въ мірѣ. Въ 3/4 10-го я остановился въ посольскомъ домѣ и сейчасъ же посѣтилъ неожиданно графа Панина. Русскіе офицеры, не зная кто я, съ удивленіемъ смотрѣли на мой синій мундиръ à la Charles XII и на бѣлый платокъ, повязанный вокругъ лѣвой руки [2]), когда я шелъ за Нолькеномъ черезъ всѣ комнаты въ кабинетъ Панина. Когда мы вошли туда, онъ одѣвался и натягивалъ свое нижнее платье. Поздоровавшись съ Нолькеномъ, онъ сказалъ: „Ахъ, баронъ, милости просимъ! что у васъ новаго?..“ Въ эту минуту онъ увидѣлъ меня. Я подошелъ и по глазамъ его могъ замѣтить, какъ онъ былъ изумленъ, особенно когда Нолькенъ представилъ ему графа Готландскаго. Не могу описать его замѣшательства. Онъ хотѣлъ снять свой колпакъ, но не рѣшался выпустить панталоны, которыя держалъ одной рукой, привѣтствуя меня другою, и сказалъ Нолькену: „Ахъ, баронъ! какую шутку вы со мной сыграли!“ Нолькенъ отвѣчалъ: „Я не удивляюсь смущенію вашего сіятельства, но есть пріѣзжіе, которымъ ни въ чемъ нельзя отказать“. Я объяснилъ, что съ величайшимъ нетерпѣніемъ желаю увидѣть императрицу и что, имѣвъ удовольствіе двадцать лѣтъ тому назадъ свидѣться съ Панинымъ, могу считать себя его старымъ знакомымъ, хотя, конечно, я много съ тѣхъ поръ измѣнился [3]). Графъ Панинъ говорилъ любез-

---

[1]) Въ № 45 С.-Петерб. Вѣдом. 1777 г. исчислены и другія, второстепенныя лица бывшія въ свитѣ короля.

[2]) Во время переворота 1772 г. король приказалъ всѣмъ офицерамъ носить этотъ знакъ, который послѣ и остался принадлежностью военной формы. Это продолжалось до сведенія съ престола Густава IV Адольфа въ 1809 году.

[3]) См. С.-Петербур. Вѣдом. 1777 г., №№ 45 — 55. Мы слышали, что есть и на

ности и извинялся по-своему и на своемъ обычномъ языкѣ, безпрестанно повторяя одно и то же. Баронъ Нолькенъ сказалъ, что графъ Фалькенштейнъ (императоръ Іосифъ II) былъ еще хуже принятъ графомъ Морепа̀, который заставилъ его дожидаться въ прихожей". — (Послѣ описанія комнаты графа Панина этотъ дневникъ, къ сожалѣнію, прекращается).

О пребываніи короля въ Петербургѣ, продолжавшемся ровно мѣсяцъ, мы находимъ подробныя свѣдѣнія въ тогдашней академической газетѣ, которая въ этомъ случаѣ, конечно не безъ воли самой императрицы, отступила отъ своего обычнаго лаконизма; притомъ директоръ академіи наукъ Домашневъ, какъ мы скоро увидимъ, былъ лично заинтересованъ въ сообщеніи извѣстій о пріемѣ Густава. Эти свѣдѣнія любопытны, не только въ отношеніи собственно къ главному своему предмету, но и потому, что изъ нихъ намъ становится яснѣе, что̀ въ то же время дѣлалось при дворѣ Екатерины II и какъ сама она проводила время. Вотъ почему здѣсь представляется въ извлеченіи вся хроника пребыванія шведскаго короля въ Петербургѣ.

Графъ Готландскій прибылъ въ нашу столицу 5-го іюня въ 8 часовъ утра. Такъ какъ слухъ о его пріѣздѣ уже нѣсколько дней ходилъ по городу, то передъ домомъ шведскаго посланника, гдѣ король остановился, собралась большая толпа народа. Уже въ 11 часовъ царственный путешественникъ вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ отправился къ графу Панину, и пробылъ у него съ часъ. При выходѣ изъ его кабинета, шведскій посланникъ пригласилъ Никиту Ивановича къ себѣ отобѣдать съ графомъ Готландскимъ. Послѣ обѣда въ 5 часовъ король поѣхалъ въ Царское Село, и былъ введенъ къ императрицѣ графомъ Панинымъ въ особый кабинетъ, гдѣ она ожидала его и куда вскорѣ вошелъ также великій князь Павелъ Петровичъ съ супругою (Маріей Федоровной). „Свиданіе ихъ", говоритъ газета, „происходило съ изъявленіемъ взаимныхъ горячихъ родственническихъ чувствованій". Тамъ Густавъ III и ужиналъ съ царственнымъ семействомъ, и только въ часъ ночи возвратился въ городъ. Между тѣмъ въ этотъ же день вечеромъ петербургскіе жители, надѣясь увидѣть короля въ Лѣтнемъ саду, собирались туда въ необыкновенномъ множествѣ: „не запомнитъ никто" — сказано въ современномъ описаніи — „такой тѣсноты, какова была въ понедѣльникъ ввечеру въ придворномъ Лѣтнемъ саду"; но графъ Готландскій посѣтилъ его только на другой день въ ранніе часы, когда еще публики тамъ не бываетъ.

шведскомъ языкѣ рукописное описаніе пребыванія Густава III въ Петербургѣ, составленное полковникомъ Шинкелемъ. Услышавъ, что эта рукопись хранится въ библіотекѣ упсальскаго университета, мы сдѣлали попытку для полученія ее, но впослѣдствіи оказалась, что тамъ находится только подлинная записка короля объ этомъ путешествіи, которая и доставлена намъ въ копіи, печатаемой ниже въ Приложеніяхъ.

Въ тотъ самый день, 6 іюля, памятный сожженіемъ турецкаго флота при Чесмѣ, происходила закладка церкви на императорской дачѣ, за нѣсколько лѣтъ до того построенной на 7-й верстѣ по царскосельской дорогѣ. Въ то время это мѣсто еще носило финское названіе „Кекерекексино“ [1]). Екатерина пожелала построить здѣсь церковь въ память славной побѣды; при закладкѣ присутствовалъ Густавъ и самъ положилъ камень въ основаніе храма Іоанна Предтечи [2]). Здѣсь государынѣ были представлены графомъ Панинымъ главныя лица королевской свиты, которыя удостоились и обѣдать за ея столомъ во дворцѣ. Послѣ обѣда Густавъ III возвратился въ городъ, былъ въ придворномъ спектаклѣ и ужиналъ у графа Панина. Въ тотъ же день онъ посѣтилъ вице-канцлера графа И. А. Остермана.

9-го король ѣздилъ въ Царское Село, а по возвращеніи былъ въ придворномъ французскомъ спектаклѣ и ужиналъ у президента адмиралтейской коллегіи графа Ив. Гр. Чернышева.

Въ слѣдующій день императрица изъ Царскаго Села переѣхала на лѣтнее пребываніе въ Петергофъ. На пути, въ полдень, она остановилась на дачѣ оберъ-шталмейстера Л. А. Нарышкина и тамъ кушала. Въ числѣ 35 гостей былъ и шведскій король. Послѣ прогулки въ паркѣ этой дачи государыня въ 5 часовъ отправилась далѣе и по дорогѣ еще разъ остановилась на дачѣ И. Г. Чернышева.

Въ воскресенье, 11 числа, послѣ обѣда, графъ Готландскій принималъ визиты, которые ему отдавали многія знатныя лица, въ томъ числѣ иностранные министры; въ 6 часу онъ поѣхалъ въ Лѣтній дворецъ (на мѣстѣ нынѣшняго Михайловскаго замка), а по осмотрѣ его прошелъ пѣшкомъ въ Лѣтній садъ, гдѣ былъ встрѣченъ необыкновенно многочисленной публикой: „любопытство видѣть сего знаменитѣйшаго гостя влекло всѣхъ туда, гдѣ только онъ являлся, и вездѣ, гдѣ останавливался, окружаемъ былъ тѣснящимся множествомъ“.

12-го іюня онъ посѣтилъ академію художествъ и ѣздилъ въ Петергофъ; 14-го ужиналъ съ царскимъ семействомъ въ Ораніенбаумѣ, 15-го обѣдалъ у Остермана, а ужиналъ у испанскаго министра графа Ласси. 16-го, послѣ обѣда, присутствовалъ въ Смольномъ монастырѣ при раздачѣ дѣвицамъ наградъ, вечеромъ же былъ въ придворномъ театрѣ на представленіи славившейся въ то время волшебной комической оперы Мармонтеля „Земира и Азоръ“. 17-го, въ субботу, послѣ обѣда, ѣздилъ съ визитами ко многимъ высокопоставленнымъ лицамъ; на воскресенье же поѣхалъ въ Петергофъ и былъ тамъ на придворномъ балѣ.

---

[1]) „Лягушечье болото“, какъ тогда объясняли это имя.

[2]) Освященіе этой церкви происходило 24 іюня 1780 года въ присутствіи бывшаго тогда въ Петербургѣ императора Іосифа II; въ этотъ же день мѣсто было переименовано Чесмою (*С.-Петербургскій Вѣстникъ*, ч. V, стр. 480).

21-го числа императрица пріѣхала въ городъ и угощала короля обѣденнымъ столомъ въ Эрмитажѣ. Поутру, въ этотъ день, онъ былъ въ Невскомъ монастырѣ у обѣдни и потомъ посѣтилъ тамъ митрополита Гавріила, а оттуда ѣздилъ на фарфоровый заводъ (по шлиссельбургской дорогѣ), гдѣ въ его присутствіи производились разныя работы и поднесены были ему нѣкоторыя издѣлія этой фабрики. Послѣ обѣда онъ смотрѣлъ „экзерциціи" преображенскаго полка.

22-го, п. о., король былъ въ сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, гдѣ начальникъ этого заведенія И. И. Бецкій показалъ „разныя военныя и гимнастическія" упражненія кадетъ; король любовался ихъ ловкостью и проворствомъ, особливо въ перепрыгиваніи рвовъ, волтижированіи и плаваніи. Осматривая въ Петербургѣ все достойное вниманія, Густавъ около этого времени посѣтилъ между прочимъ императорскую шпалерную мануфактуру.

На слѣдующій день онъ былъ въ крѣпости, гдѣ въ сопровожденіи Потемкина, Румянцова Задунайскаго и множества другихъ лицъ, посѣтилъ между прочимъ монетный дворъ. Извѣстный А. А. Нартовъ показалъ ему всѣ производившіяся тутъ работы и поднесъ ему выбитыя въ его присутствіи золотыя и серебряныя медали. Оттуда король, во 2-мъ часу, поѣхалъ на шлюпкахъ въ Горное училище; тотъ же Нартовъ объяснилъ ему и здѣсь все достопримѣчательное и представилъ въ даръ отъ имени училища рѣдкія русскія руды. Потомъ онъ былъ введенъ въ устроенную нарочно рудокопную гору, на поверхности и внутри которой исполнялись кадетами разныя горныя работы.

23-е число было назначено для посѣщенія академіи наукъ. Тамъ по этому случаю происходило публичное торжественное собраніе, на которое были приглашены между прочимъ почетные члены академіи, иностранные министры и многія лица высшаго петербургскаго общества. Уже въ 11 часовъ утра пріѣхалъ Густавъ и внизу лѣстницы былъ встрѣченъ директоромъ академіи. Въ актовой залѣ король не захотѣлъ воспользоваться приготовленнымъ ему почетнымъ мѣстомъ и занялъ одинъ изъ стульевъ, поставленныхъ для его свиты [1]). Сперва прочитанъ былъ протоколъ предыдущаго собранія, а за нимъ разсужденіе академика Палласа о составѣ горъ и о перемѣнахъ, происшедшихъ на земномъ шарѣ въ примѣненіи къ Россіи. Потомъ директоръ академіи произнесъ рѣчь о справедливости наименованія 18 вѣка философскимъ, въ которой нашелъ случай изложить, какъ много науки и искусства уже обязаны шведскому королю. Въ заключеніе академикъ Штелинъ прочелъ полученное имъ изъ Китая письмо миссіонера Сибо, при которомъ прислано было сочиненіе этого лица о неизвѣстномъ дотолѣ видѣ грибовъ. Затѣмъ директоръ спросилъ членовъ, не

---

[1]) Acta academiae sc. Petrop. I стр. 6.

имѣетъ ли еще кто предложить чего-нибудь, и по отрицательномъ отвѣтѣ объявилъ засѣданіе конченнымъ. Тогда графу Готландскому были представлены всѣ академики, изъ коихъ нѣкоторые были также членами стокгольмской академіи наукъ. Изъ залы собранія онъ, по предложенію Домашнева и въ сопровожденіи всѣхъ академиковъ, отправился въ кунсткамеру, гдѣ съ особеннымъ вниманіемъ разсматривалъ восковое изображеніе Петра Великаго и аллегорическую картину, представлявшую подвиги этого государя въ связи съ побѣдами, прославившими Екатерину II въ послѣднюю турецкую войну. Изъ кунсткамеры Густавъ по крутой и узкой лѣстницѣ всходилъ на крышу обсерваторіи, далѣе посѣтилъ монетный и минералогическій кабинеты; въ первомъ ему поднесены были золотая медаль и жетонъ, выбитые по случаю отпразднованнаго за годъ передъ тѣмъ 50-лѣтняго юбилея академіи наукъ, а во второмъ кусокъ самороднаго желѣза, найденнаго въ Сибири путешествовавшими тамъ академиками; отломокъ положенъ былъ въ большой серебряный ковчегъ съ готландскимъ гербомъ. Въ библіотекѣ король прочелъ нѣсколько страницъ писаннаго рукой Екатерины Наказа и принялъ печатный экземпляръ его на четырехъ языкахъ; кромѣ того ему были поднесены еще нѣкоторыя другія книги, напечатанныя въ академической типографіи, планъ Петербурга и портфель съ рисунками восточныхъ рѣдкостей.

Послѣ всего этого, король пожелалъ видѣть знаменитый готторпскій глобусъ, внутренность котораго, какъ извѣстно, составляла цѣлую комнату со столомъ вокругъ оси, для 12 человѣкъ. Этотъ глобусъ внезапно распахнулся передъ Густавомъ и въ немъ, посреди цвѣтовъ и зелени, подъ гербомъ графа Готландскаго, сплетеннаго изъ розъ, приготовленъ былъ завтракъ. Здѣсь Домашневъ опять поднесъ ему карту Россіи, атласъ и т. п. Въ академической типографіи, куда король затѣмъ отправился, онъ взялъ листокъ печатавшагося тамъ эстампа и съ удивленіемъ увидѣлъ — свой портретъ. И тутъ вновь были поднесены ему портфели съ видами Петербурга, съ портретами русскихъ царей и особъ императорскаго дома, стихи въ честь его на разныхъ языкахъ, при немъ же отпечатанные, и т. п. При отъѣздѣ Густавъ III пригласилъ Домашнева къ своему столу, но узналъ, что самъ онъ позвалъ къ себѣ на обѣдъ въ этотъ день королевскую свиту со всѣми академиками, и потому король взялъ назадъ свое приглашеніе, настоявъ, чтобы директоръ академіи остался у себя съ своими гостями. Въ тотъ же день послѣ обѣда Густавъ въ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ присутствовалъ на экзаменѣ кадетъ, а вечеромъ былъ во французскомъ спектаклѣ.

24-го, послѣ обѣда, онъ съѣхался съ императрицею въ Смольномъ монастырѣ, гдѣ праздновались въ этотъ день именины начальника его И. И. Бецкаго, и были приготовлены разнаго рода театральныя

зрѣлища, игранныя дѣвицами то въ комнатахъ, то въ саду, при чемъ дѣвица Хрущова, представляя безобразнаго Азора въ сценѣ изъ извѣстной оперы и принявъ свой настоящій видъ при магическомъ дѣйствіи имени Екатерины, невольно заплакала при произнесеніи стиховъ въ честь своей благодѣтельницы. За ужиномъ графъ Готландскій сѣлъ между дѣвицами. День кончили царственныя особы въ домѣ Л. А. Нарышкина, дававшаго ужинъ на 35 человѣкъ. „На хорахъ въ большой галереѣ играла роговая музыка съ кларинетами и волторнами". Государыня въ этотъ вечеръ пожаловала малолѣтняго Дмитрія Львовича прапорщикомъ преображенскаго полка и уѣхала въ Петергофъ около часа пополуночи, а графъ Готландскій пробылъ на вечерѣ почти до 2-хъ часовъ. На другой день онъ присутствовалъ въ петергофскомъ дворцѣ на куртагѣ.

27-го былъ день Полтавской битвы. Императрица сочла приличнымъ отмѣнить обычное празднество. Замѣтимъ, что почти ровно черезъ сто лѣтъ послѣ того, именно въ 1875 году, нынѣ царствующій шведскій король въ этотъ самый день пріѣхалъ въ Москву, какъ бы въ ознаменованіе, что всѣ старыя распри Швеціи съ Россіей забыты, всѣ счеты между ними покончены. Что же дѣлалъ Густавъ III въ этотъ день? Поутру онъ принималъ трехъ академиковъ, пріѣхавшихъ къ нему для принесенія благодарности за полученныя наканунѣ шведскія золотыя медали. Это были Эйлеръ, Палласъ и астрономъ Лексель, родомъ финляндецъ; съ ними явился и Домашневъ для представленія ихъ королю. Вниманіемъ къ этимъ ученымъ Густавъ хотѣлъ выразить свою признательность за пріемъ, оказанный ему академіей: впослѣдствіи его связь съ этимъ учрежденіемъ еще болѣе была скрѣплена избраніемъ его въ члены нашей академіи. Въ тотъ же день позднѣе онъ ѣздилъ смотрѣть адмиралтейство, присутствовалъ при заложеніи новаго корабля и обѣдалъ у Ив. Гр. Чернышева. Послѣ обѣда онъ былъ на Васильевскомъ острову въ лагерѣ псковскаго полка.

Въ слѣдующіе два дня были царскіе праздники, и король уже наканунѣ вечеромъ отправился въ Петергофъ.

28-е число, день восшествія Екатерины на престолъ, было ознаменовано разными милостями, „въ коихъ получилъ участіе и народъ знатною сбавкою податей". 29-го, въ день тезоименитства великаго князя, былъ при дворѣ публичный маскарадъ, и изъ города съѣхалось такое множество лицъ обоего пола, что собраніе не могло бы помѣститься, если бъ не петергофскій садъ, „гдѣ большая часть масокъ находили себѣ убѣжище": этотъ садъ и всѣ находящіяся въ немъ зданія, аллеи, фонтаны и проч. были иллюминованы съ особеннымъ великолѣпіемъ.

30-го императрица ѣздила съ королемъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ опять

была играна опера Земира и Азоръ. 1-го іюля графъ Готландскій, уже сбиравшійся въ обратный путь, смотрѣлъ въ Петербургѣ ученіе разныхъ соединенныхъ командъ, а позже расположенные по петергофской дорогѣ лагери. Въ этотъ день императрица кушала на Красной мызѣ оберъ-шенка Ал. Ал. Нарышкина, приморской дачѣ, находившейся въ той же мѣстности [1]). Гости, въ числѣ 28 человѣкъ, сидѣли за двумя столами; въ продолженіе обѣда играла музыка, а при возглашеніи тоста за здоровье государыни раздалась пушечная пальба. Такъ какъ погода въ тотъ день стояла ненастная и прогуливаться по прекраснымъ островамъ Красной мызы было невозможно, то время до 6 часовъ Екатерина провела за карточной игрой. Между тѣмъ пріѣхалъ и графъ Готландскій, чтобы, какъ-бы по дорогѣ, поклониться императрицѣ и сдѣлать визитъ хозяевамъ. Передъ отъѣздомъ Екатерина смотрѣла проходившій мимо дачи недавно приведенный въ Петербургъ кирасирскій полкъ, и къ 7 ч. возвратилась въ Петергофъ.

2 іюля Густавъ III былъ въ придворномъ городскомъ театрѣ на представленіи итальянской оперы Нитетти, а 3-го поѣхалъ въ Гатчино, и потомъ въ Петергофъ, съ тѣмъ, чтобы уже прямо отсюда отправиться въ Швецію. Отъѣздъ его послѣдовалъ 5 іюля послѣ ужина. По словамъ петербургской газеты, графъ Готландскій „оставилъ здѣсь по себѣ пріятнѣйшее впечатлѣніе, произведенное его качествами, и знаки своего благоволенія къ тѣмъ, кои имѣли честь быть съ нимъ въ какомъ-либо сношеніи и оказать ему услуги".

По отъѣздѣ Густава III между нимъ и императрицей завязалась самая дружеская, интимная переписка. Чтобы разомъ показать, какое впечатлѣніе Екатерина II произвела на своего гостя, приведу сперва нѣсколько строкъ, писанныхъ имъ уже черезъ нѣсколько времени послѣ возвращенія изъ этого путешествія. Позднею осенью того же года, одинъ изъ приближенныхъ короля (Мункъ) ѣздилъ въ Петербургъ и возвратился обласканный Екатериною. Густавъ, изъявивъ ей свою благодарность, выражался такъ между прочимъ: „Я помню время, когда жаждалъ доказательствъ вашей дружбы, какъ лестныхъ знаковъ уваженія великой государыни, прославляющей свой вѣкъ. Тогда я еще не зналъ васъ лично: судите же, какъ должны были усилиться

---

[1]) Ал. Ал. Нарышкинъ, старшій братъ Льва Александровича, былъ женатъ на любимой императрицею Аннѣ Никитичнѣ, рожденной Румянцовой (двоюр. сестрѣ фельдмаршала). Красная мыза была на 4-й верстѣ отъ Петербурга; по лѣвую сторону дороги былъ деревянный домъ съ деревнею въ голландскомъ вкусѣ; по правую же тянулся почти на версту, до самаго взморья, англійскій паркъ съ островами, бесѣдками, круглымъ храмомъ, качелями, кеглями и т. п. Здѣсь по воскресеньямъ было публичное гулянье съ музыкой. Эта дача была также извѣстна подъ оригинальнымъ названіемъ Ба, ба! какъ лежавшая въ 2-хъ верстахъ далѣе мыза Л. А. Нарышкина называлась Га, га.

эти чувства съ тѣхъ поръ, какъ я въ величайшей монархинѣ узналъ и самую любезную женщину своего времени, наиболѣе способную овладѣть сердцемъ, которому еще ни одна не умѣла внушить особенно живого чувства, женщину, которая была бы слишкомъ опасна, если бъ она была частнымъ лицомъ... Что касается Мунка, то могу увѣдомить свою любезную сестру, что въ ея дворцѣ, или въ ея покояхъ, нѣтъ такого уголка, куда бы я по нѣскольку разъ не возвращался вмѣстѣ съ нимъ, и онъ цѣлыхъ три дня былъ у меня какъ-будто въ застѣнкѣ на допросѣ. Мнѣ казалось, что я на минуту опять перенесся къ вамъ: я воображалъ, что вижу васъ въ Эрмитажѣ, стоя передъ большимъ диваномъ, на которомъ сидитъ и бесѣдуетъ съ вами князь Репнинъ, однимъ словомъ, вы представлялись мнѣ такою, какъ были, когда я вошелъ къ вамъ съ княземъ Потемкинымъ". Относительно взаимнаго сочувствія со стороны императрицы одинъ современный свидѣтель говоритъ, что Густавъ вообще не производилъ особеннаго впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе на Екатерину; вдобавокъ гордость и тщеславіе обоихъ мѣшали тѣсному между ними сближенію. Дѣйствительно, графъ Крейцъ, въ сентябрѣ 1777 года, писалъ королю изъ Парижа: „Верженъ увѣдомляетъ меня, что русская императрица послѣ отъѣзда вашего величества говорила вещи, которыя не подтверждаютъ, чтобы дружба, оказанная ею вашему величеству, была искренняя; между прочимъ она выражала, что не вѣритъ въ прочность чувствъ, заявленныхъ ей вашимъ величествомъ". Однакожъ, самъ король былъ искренно доволенъ своимъ путешествіемъ. Онъ писалъ графу Крейцу изъ Дротнинггольма, 5 августа 1777 года: „Мое путешествіе удалось сверхъ моего ожиданія, и я изъ него уже извлекаю плоды. Старая партія шапокъ уничтожена и интригамъ аристократовъ также положенъ конецъ съ тѣхъ поръ, какъ у нихъ отнята всякая надежда тревожить мое царствованіе возбужденіемъ вражды императрицы. Дружба заступила мѣсто предубѣжденія, и г. Симолину [1]) положительно приказано совершенно измѣнить свое поведеніе".

Любопытно, что сопровождавшій Густава III графъ Шефферъ приписывалъ такой результатъ болѣе себѣ, нежели самому королю. По его словамъ, Густавъ, проживъ здѣсь уже болѣе половины срока, не только ни на шагъ не приблизился къ цѣли, но скорѣе удалился отъ нея. Съ прискорбіемъ видя это, Шефферъ рѣшился наконецъ переговорить откровенно съ графомъ Панинымъ, который и предупредилъ императрицу о желаніи шведскаго министра лично съ нею объясниться. Случай къ тому скоро представился. На первомъ же вечернемъ собраніи (какія бывали каждый день), Екатерина велѣла позвать Шеффера на партію пикета. Этимъ онъ такъ хорошо умѣлъ

---

[1]) Русскому посланнику въ Стокгольмѣ послѣ Остермана, съ 1774 года.

воспользоваться, что сразу расположилъ къ себѣ государыню и съ тѣхъ поръ ежедневно участвовалъ въ ея партіи, такъ что ему все легче становилось высказываться. Но какимъ же образомъ удалось ему такъ скоро овладѣть довѣріемъ Екатерины? Вотъ какъ самъ онъ объяснялъ это: „Императрицѣ понравилась моя простота въ обращеніи и разговорѣ; я забавлялъ ее своимъ тономъ и рѣчами стариннаго дворскаго покроя (mes propos de la vielle cour). Какъ теперь помню день и часъ, когда мнѣ позволено было разложить передъ нею весь мой товаръ. Счастіе въ тотъ разъ особенно мнѣ благопріятствовало; я бралъ одну взятку за другой, ея величество отъ души смѣялась и наконецъ сказала: Mais, M. de Scheffer, vous n'êtes pas de bonne guerre! Vous m'aviez dit que vous n'étiez que mazette au jeu de piquet, et vous me gagnez tout mon argent! Когда же я на это отвѣчалъ: Ah! madame, c'est qu'une poule aveugle trouve aussi son grain, то императрица пуще засмѣялась: Ha, ha! poule, poule aveugle! Eh bien, comme je suis poule, et trés aveugle parfois, mettons nos oeufs ensemble! Aussi bien M. de Panine m'a dit que vous aviez à me parler" [1]).

Графъ Ульрихъ Шефферъ (Scheffer, род. 1716, ум. 1799), происходилъ отъ знаменитаго Петра Шеффера, зятя Іоанна Фауста. Онъ былъ посланникомъ въ Парижѣ отъ 1761 по 1766 г., а послѣ переворота 1772 занялъ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Въ біографической замѣткѣ о Шефферѣ (см. Skrifter... af G. d'Albedyhll) сказано, что когда послѣ паденія Струэнзе при датскомъ дворѣ опять возобладала система зависти и подозрѣній и для Швеціи исчезла всякая надежда на помощь Даніи, то графъ Шефферъ, заботясь о независимомъ положеніи своего отечества, рѣшился обезопасить его со стороны Россіи и для того добиться искренняго объясненія между Густавомъ и Екатериною. Шефферъ при этомъ расчитывалъ съ одной стороны на умѣнье короля нравиться, а съ другой на воспріимчивость русской императрицы, но этотъ расчетъ, по мнѣнію автора замѣтки, былъ ошибоченъ, такъ какъ Густавъ вообще не производилъ впечатлѣнія на женщинъ, а тѣмъ менѣе могъ своимъ обращеніемъ подѣйствовать благопріятно на Екатерину. Приписавъ успѣхъ ихъ свиданія себѣ, Шефферъ полагалъ, что со стороны Россіи нечего уже опасаться во все время царствованія Екатерины II и министерства Панина, особенно пока самъ Шефферъ будетъ также сохранять свое значеніе. Необходимо было еще одно условіе: чтобы король не раз-

[1]) „Но, г. Шефферъ, вы нарушаете законы войны! Вы мнѣ сказали, что плохо играете въ пикетъ, а сами въ конецъ меня обыгрываете! — Ваше величество, и слѣпая курица умѣетъ найти себѣ зерно! — А, а! курица, слѣпая курица! Ну, такъ какъ и я курица, и притомъ по временамъ очень слѣпая, то сложимъ вмѣстѣ снесенныя нами яйца! Кстати графъ Панинъ сказывалъ мнѣ, что вы желаете о чемъ-то переговорить со мной!" (D'Albedyhll).

дражалъ своей сосѣдки и не шелъ наперекоръ ея планамъ и видамъ. Но такого рода насильственный образъ дѣйствій король именно и позволилъ себѣ черезъ пять лѣтъ послѣ удаленія отъ дѣлъ Шеффера, — въ 1788 году, отъ чего и произошли тѣ самыя послѣдствія, какихъ надобно было ожидать отъ поспѣшности Густава. До этого, однакожъ было еще далеко.

Свиданіе между Густавомъ и Екатериною разсѣяло всѣ слухи о войнѣ. Онъ самъ старался увѣрить императрицу въ своемъ миролюбіи. Между его бумагами есть собственноручная черновая записка, составленная, кажется, вскорѣ послѣ возвращенія его изъ Петербурга. Обращаясь въ ней къ государынѣ, онъ выражаетъ надежду, что миръ въ Европѣ не будетъ нарушенъ. Ручательствомъ въ томъ служатъ ему слова, слышанныя изъ устъ самой Екатерины: „Я люблю миръ, и не начну войны; но если на меня нападутъ, то буду защищаться". Марія Терезія также расположена къ миру; Франція подъ правленіемъ своего молодого короля и его стараго министра, не болѣе думаетъ о войнѣ; Англія занята своими колоніями. „Швеція — говоритъ король — подобно больному, недавно вставшему отъ тяжкаго недуга, ищетъ только спокойствія. Ея король, по правиламъ или по склонности, поставляетъ свою славу въ поддержаніи мира. Онъ не можетъ вести войны безъ согласія чиновъ, а такъ какъ онъ въ этомъ отношеніи самъ связалъ руки себѣ и своимъ преемникамъ, то это ручается за искренность его намѣреній.

„Одинъ только государь, прибавляетъ Густавъ III, приковываетъ къ себѣ тревожное вниманіе мирной Европы. Его геній, его побѣды наполнили свѣтъ удивленіемъ: обширные планы распространенія занимаютъ его безпрестанно; создаваемая имъ монархія заставляетъ его и посреди мира содержать армію многочисленнѣе самой большой, какую Людовикъ XIV когда-либо снаряжалъ въ военное время: взоры его устремлены на Мекленбургъ, шведскую Померанію, Данцигъ, можетъ быть и на Курляндію". — Изъ этого видно, что Густавъ III желалъ разорвать тѣсный союзъ между Пруссіей и Россіей, который конечно и составлялъ самое грозное явленіе на политическомъ горизонтѣ. „Вамъ подобаетъ", такъ Густавъ наконецъ обращается къ Екатеринѣ, „сдѣлаться примирительницею Европы, и я почту себя счастливымъ, въ качествѣ вашего почитателя, друга и родственника, содѣйствовать такой спасительной для человѣчества цѣли".

Оставивъ Петербургъ 4 іюля, Густавъ уже изъ Ораніенбаума отправилъ къ императрицѣ письмо, наполненное самыми горячими изъявленіями благодарности. Изъ него между прочимъ видно, что король вручилъ было императрицѣ орденъ Меча для пожалованія его по собственному ея усмотрѣнію, но что при отъѣздѣ Густава, она черезъ своего адъютанта полковника Зорича возвратила ему этотъ

орденъ. Вслѣдствіе того король пишетъ, что никого не находитъ достойнѣе такой награды, какъ именно Зорича, „человѣка, который на военномъ поприщѣ въ службѣ вашей уже явилъ столько опытовъ храбрости и мужества, дающихъ право на этотъ орденъ, и котораго, какъ мнѣ казалось, вы удостоиваете своего уваженія и благосклонности“ [1]).

Въ то же время Густавъ ходатайствуетъ о производствѣ Зорича въ генералы и благодаритъ за полученную передъ отъѣздомъ шубу. По пріѣздѣ въ Свеаборгъ, онъ дѣйствительно препроводилъ къ императрицѣ для Зорича орденъ Меча, но уже не 2-ю его степень, которую предлагалъ прежде, а большой крестъ. Такъ императрица и король обмѣнивались любезностями и подарками: король, по возвращеніи въ Стокгольмъ, прислалъ ей нѣсколько малорослыхъ эландскихъ лошадокъ, а чтобы и впредь снабжать подобными Екатерину, запретилъ продажу этой породы въ частныя руки. „Позвольте мнѣ сказать вашему величеству“ — писалъ онъ однажды — „что ему (т. е. Густаву III) очень хотѣлось бы оставить съ вами этотъ церемонный тонъ и вмѣсто всѣхъ обычныхъ титуловъ называть васъ просто сестрой, прося трактовать и его братомъ (pour ne la traiter que de Sestra, en vous priant de le traiter de votre Brat). Это имя было дано ему вами въ первый день его пріѣзда, и тогдашнія минуты такъ ему дороги, что все ихъ напоминающее приводитъ его въ восторгъ“. Послѣ извѣстнаго наводненія, бывшаго въ сентябрѣ того же года, Екатерина получила отъ короля письмо, такъ начинавшееся: „Я съ большимъ прискорбіемъ узналъ о бѣдствіи, причиненномъ въ Петербургѣ моремъ и бурей; радушіе, оказанное мнѣ народомъ, и ваша дружба во время моего тамъ пребыванія заставляютъ меня смотрѣть на Россію, какъ на второе отечество. Я жалѣлъ о несчастныхъ, которые пострадали, но еще болѣе жалѣлъ о васъ, страдавшей за нихъ и конечно (по извѣстному мнѣ характеру вашему) чувствовавшей ихъ бѣдствія сильнѣе ихъ самихъ. Я знаю, что вы бодрствовали всю ночь, чтобы подавать имъ помощь, и что благотворящая рука ваша доставляла вамъ новую отраду, осыпая несчастныхъ щедротами. Вы видите, государыня, какъ исправно меня извѣщаютъ обо всемъ, до васъ относящемся, и признаюсь вамъ, что въ моемъ положеніи такія свѣдѣнія необходимы: малѣйшій вашъ поступокъ — урокъ для нашей братьи“.

Въ отвѣтахъ своихъ Екатерина съ непринужденною свободой и веселостью показывала Густаву такое же доброе расположеніе и пол-

---

[1]) Кратковременный случай Зорича начался 8-го іюня, т. е. почти одновременно съ пріѣздомъ шведскаго короля въ Петербургъ, и продолжался одиннадцать мѣсяцевъ. Подлинное письмо см. въ Приложеніи IV.

ное довѣріе. Въ бумагахъ его нашлась между прочимъ французская записка, ея рукою писанная незадолго передъ рожденіемъ кронпринца Густава Адольфа [1]) въ видѣ наставленія о первоначальномъ его воспитаніи. Съ этою цѣлью императрица разсказываетъ, какъ сама она предписала обращаться съ своимъ новорожденнымъ внукомъ. „Александръ — такъ пишетъ Екатерина — родился 12 декабря (ст. ст.) 1777 года. Только что онъ появился на свѣтъ, я взяла его на руки и, когда онъ былъ выкупанъ, перенесла его въ другую комнату, гдѣ положила его на большую подушку, его завернули въ ночное покрывало и я позволила не иначе запеленать его, какъ по способу, который можно видѣть на прилагаемой куклѣ. Потомъ его положили въ корзину, гдѣ теперь лежитъ кукла, чтобы приставленнымъ къ нему женщинамъ не вздумалось качать его: эту корзину поставили на диванѣ за экраномъ. Въ такомъ видѣ Александръ переданъ былъ генеральшѣ Бенкендорфъ. Въ кормилицы была ему назначена жена садоваго работника, и послѣ крестинъ его перенесли изъ покоевъ его матери въ отведенное для него помѣщеніе. Это большая комната, въ серединѣ которой на четырехъ колоннахъ придѣланъ къ потолку балдахинъ со стѣнкою сзади и занавѣсами кругомъ, опускающимися до полу; занавѣсы и балдахинъ, подъ которымъ кроватка Александра, окружены перилами; кроват кормилицы за спинкой балдахина. Комната выбрана большая, съ тѣмъ чтобъ въ ней всегда былъ чистый воздухъ; балдахинъ въ самой серединѣ ея противъ оконъ для того, чтобы теченіе воздуха было свободное. Кроватка у него (онъ не знаетъ ни люльки, ни качанья) желѣзная, безъ занавѣсокъ; онъ лежитъ на кожаномъ тюфячкѣ, на которомъ постилаютъ простыню; у него подъ головкой подушка, а его англійское одѣяло очень легко. Въ комнатѣ его всегда говорятъ громко, даже и во время сна его. Шумѣть не запрещается въ коридорахъ, надъ его комнатой, подъ нею или кругомъ ея. Противъ его оконъ палятъ даже изъ пушекъ съ адмиралтейскихъ бастіоновъ, и оттого онъ никакого шума не боится. Строго наблюдаютъ, чтобы термометръ въ его комнатѣ не подымался выше 14 или 15 градусовъ тепла. Каждое утро, пока ее метутъ, зимой и лѣтомъ, его выносятъ въ другую комнату, а въ спальнѣ отворяютъ окна, чтобы освѣжать воздухъ; зимой, когда комната опять нагрѣется, его снова туда переносятъ. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ родился, его купаютъ ежедневно, когда онъ здоровъ. Вначалѣ вода была тепловатая, теперь наливаютъ холодую, только принесенную съ вечера: онъ такъ любитъ купаться, что какъ скоро увидитъ воду, просится въ

---

[1]) Впослѣдствіи Густава IV Адольфа, который въ концѣ царствованія Екатерины II также пріѣзжалъ въ Петербургъ и былъ одно время женихомъ великой княжны Александры Павловны. Онъ родился 20 октября (1 ноября) 1778 г.

нее. Когда онъ начнетъ кричать, его не унимаютъ грудью; онъ пріученъ спать не въ опредѣленные часы, брать другую грудь и т. д. Какъ только установится весеннее тепло, съ головки Александра снимаютъ шапочку, и его выносятъ на свѣжій воздухъ; его мало-по-малу пріучили сидѣть подъ открытымъ небомъ на травѣ или въ пескѣ и даже спать въ тѣни. Въ хорошую погоду его кладутъ на подушку и онъ прекрѣпко спитъ. Онъ не знаетъ и не хочетъ знать чулокъ на своихъ ножкахъ и не носитъ платья, которое бы хоть сколько-нибудь безпокоило его. Когда ему минуло четыре мѣсяца, то я желая, чтобы его менѣе носили на рукахъ, дала ему коверъ. Его кладутъ на животъ и ему очень весело пробовать свои силы. На немъ коротенькая рубашечка и маленькій вязаный камзолъ, очень просторный. Когда его выносятъ, то сверхъ всего этого надѣваютъ маленькую полотняную или тафтяную куртку. Онъ не знаетъ простуды, великъ ростомъ, крѣпокъ, здоровъ и очень веселъ, любитъ прыгать и почти никогда не плачетъ. Недавно у него, почти безъ всякой болѣзни, прорѣзался зубъ. Теперь ему девять мѣсяцевъ“.

Нѣкоторые утверждаютъ, что извѣстная мѣра, принятая королемъ на другой годъ послѣ его путешествія въ Петербургъ, именно введеніе національной одежды, была слѣдствіемъ его бесѣдъ съ Екатериною II. Разсказываютъ, что императрица, замѣтивъ тщеславіе Густава, захотѣла воспользоваться этою господствующею чертой его характера, чтобы вовлечь его въ какое-нибудь опасное предпріятіе. Однажды, при свиданіи съ нимъ, она будто бы заговорила о препятствіяхъ, встрѣчаемыхъ монархомъ, когда онъ задумаетъ просвѣтить свой народъ, измѣнить нравы, обычаи или одежду. Въ примѣръ она привела Петра Великаго и борьбу, которую онъ долженъ былъ выдержать, когда сталъ требовать, чтобы подданные его брили себѣ бороду. Густавъ возразилъ, что виною неудачъ въ такихъ случаяхъ бываютъ сами правители, что надобно только умѣть взяться за дѣло во-время и кстати, надо умѣть внушить къ себѣ любовь, и тогда легко провести какую угодно перемѣну, потому что люди дорожатъ гораздо болѣе жизнью и имуществомъ, нежели обычаями, но и жизнь и собственность они часто приносятъ въ жертву любимому монарху. Екатерина, продолжая споръ, наконецъ довела Густава до того, что онъ вызвался ввести въ Швеціи новую національную одежду [1]). Гейеръ, упоминая объ этомъ разсказѣ, и самъ находитъ его вѣроятнымъ, тѣмъ болѣе, что король въ составленной имъ запискѣ о національной одеждѣ часто говоритъ объ императрицѣ. Между тѣмъ однакожъ несомнѣнно, прибавляетъ шведскій историкъ, что это дѣло было задумано Густавомъ гораздо ранѣе. Оно занимало его уже въ 1773 году, и подало ему тогда поводъ предло-

[1]) Castéra II, 269.

жить на соисканіе преміи задачу: написать сочиненіе *о пользѣ національной одежды какъ для уменьшенія роскоши, такъ и для возбужденія патріотизма.* Для присужденія преміи былъ назначенъ день рожденія короля. О судьбѣ доставленныхъ вслѣдствіе того сочиненій ничего неизвѣстно, но они сохранились и напечатаны въ актахъ шведскаго Патріотическаго общества за 1774 годъ.

Не прежде, однакожъ, какъ въ февралѣ 1778 г., король прочиталъ въ совѣтѣ свои собственныя „размышленія о національной одеждѣ", которыя тогда же были напечатаны по-шведски и по-французски. На рѣшеніе его привести теперь въ исполненіе свой давнишній планъ могло особенно подѣйствовать то обстоятельство, что при дворѣ Екатерины II дамы уже носили національную одежду. Это-то вѣроятно и послужило поводомъ къ объясненію Густава съ императрицей объ этомъ предметѣ. Король сначала разсуждаетъ о необходимости противодѣйствовать роскоши, которую невозможно ограничить законами. Потомъ онъ распространяется о несообразности съ сѣвернымъ климатомъ одежды, заимствованной у южныхъ народовъ; къ тому же она чрезвычайно некрасива, непріятна для глазъ. „Что касается женщинъ — продолжаетъ Густавъ — то Россія представляетъ намъ свѣжій примѣръ того, что сопротивленіе ихъ такому нововведенію бываетъ непродолжительно: тамъ онѣ охотно приняли новую одежду, удостовѣрясь, что она и покойнѣе, и полезнѣе. Русская императрица, руководствуясь тѣми просвѣщенными понятіями, которыя возвышаютъ ее столько же надъ ея поломъ, какъ и надъ современниками вообще, и не желая долѣе подражать иноземнымъ обычаямъ, ужъ возвратила своимъ придворнымъ дамамъ національный костюмъ". Далѣе король доказываетъ, что нѣтъ никакого неудобства измѣнить одежду цѣлаго народа, если только сдѣлать это постепенно, безъ насилія безъ особаго постановленія, если новая одежда будетъ покойнѣе, теплѣе, согласнѣе съ климатомъ и, главное, дешевле по своей прочности и постоянству покроя въ сравненіи съ прежней, подверженной безпрестаннымъ перемѣнамъ. „Какъ! скажутъ пожалуй, (прибавляетъ король), въ концѣ 18-го столѣтія хотѣть отличиться одеждой, не похожей на одежду другихъ народовъ?... На это позволяю себѣ отвѣчать: если они поймутъ разумныя причины, побудившія насъ къ такому измѣненію, то скоро и одобрятъ насъ. Но если въ массѣ найдутся легкомысленные люди, которые сочтутъ насъ варварами за то, что мы носимъ платье короче или длиннѣе, чѣмъ они, то я имъ отвѣчу: вы не принадлежите къ 18-му вѣку; васъ не коснулась здравая его философія, которая освѣтила заблужденія и разсѣяла предразсудки"...

Вскорѣ послѣ сообщенія королемъ этихъ мыслей совѣту, та же записка была прочитана по его порученію въ присутствіи стокгольмской ратуши и при этомъ объяснено, что его величество не желаетъ прямымъ

закономъ или приказаніемъ принуждать своихъ подданныхъ къ измѣненію, которое могло бы ихъ затруднить, но полагаетъ, что въ этомъ случаѣ достаточно будетъ его примѣра и общаго убѣжденія въ пользѣ дѣла. Было прибавлено, что самъ король, его братья, государственный совѣтъ и дворъ, съ исхода апрѣля мѣсяца намѣрены носить новую одежду. Этотъ костюмъ, по увѣренію Густава, похожій на тотъ, который употребляли древніе шведы, но въ сущности напоминавшій театральныхъ героевъ, былъ дѣйствительно принятъ многими какъ въ столицѣ, такъ и въ провинціи; скоро, однакожъ, оказанное при этомъ усердіе начало охладѣвать и только при дворѣ нововведеніе пережило своего виновника. Густавъ, конечно, не предвидѣлъ этого, когда за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Вольтера въ 1778 году, писалъ графу Крейцу въ Парижъ: „Вы знаете мою смѣлую попытку ввести новую національную одежду. Но вамъ, можетъ быть, не вполнѣ извѣстны причины, меня къ тому побудившія. Вы найдете ихъ въ прилагаемыхъ „размышленіяхъ", прочитанныхъ въ сенатѣ, и я разошлю ихъ въ циркулярѣ моимъ губернаторамъ. Хотѣлъ бы я въ эту минуту быть въ Парижѣ, чтобы повидаться съ знаменитымъ мужемъ, къ которому я давно питаю восторженное почтеніе, хотя и увѣренъ, что мое появленіе не произвело бы въ немъ того впечатлѣнія, какое онъ производитъ, и это было бы совершенно справедливо. Много на свѣтѣ королей, но только одинъ Вольтеръ. Если вы посылаемую при семъ статью найдете достойною его вниманія, пожалуста скажите ему, что его одобреніе послужитъ мнѣ щитомъ противъ всѣхъ предразсудковъ, какіе могутъ воспротивиться моему нововведенію".

На другой же годъ послѣ поѣздки Густава въ Петербургъ состоялся первый послѣ совершеннаго имъ переворота очередной сеймъ (1778). Это было, по словамъ Гейэра, „политическое зрѣлище, которое король далъ міру и самому себѣ. Передъ его игривымъ воображеніемъ каждый актъ его политической жизни превращался въ зрѣлище. Бѣда его въ томъ и заключалась, что онъ не умѣлъ отличать дѣйствительности отъ иллюзіи; существенная между ними разница и была причиной гибели Густава". На этомъ сеймѣ должны были обнаружиться послѣдствія государственной реформы. Нѣтъ сомнѣнія, что сравненіе настоящаго съ прошлымъ было совершенно въ пользу перваго. Но между королемъ и его чинами не было полнаго пониманія и довѣрія; всѣ чувствовали, что подъ покровомъ его благодушія и либеральности таилось сильное стремленіе къ самовластію. Ни для кого не осталось тайною, что король, объявляя возстановленными древніе порядки, нарушенные во время господства аристократіи, принялъ однакожъ за правило допускать къ обсужденію только вопросы, имъ самимъ предложенные. Самымъ явнымъ доказательствомъ отсутствія взаимнаго довѣрія было то, что во время сейма ни съ той, ни съ другой стороны не было ни

слова упомянуто о важномъ злѣ, которое произошло отъ показанной выше ошибки Густава, которое всюду возбуждало ропотъ въ народѣ и угрожало бѣдствіями въ будущемъ, именно о коронной монополіи винокуренія. Король тщательно приготовился къ роли, которую долженъ былъ играть на этомъ сеймѣ, какъ видно изъ многихъ собственноручныхъ его статей и записокъ. При открытіи засѣданій онъ прочелъ длинную записку [1]), гдѣ старался въ самомъ благопріятномъ свѣтѣ выставить положеніе государства, какъ результатъ первыхъ лѣтъ своего царствованія. Между прочимъ, онъ произнесъ слѣдующія слова, любопытныя по отношенію къ Россіи: „Я встрѣчаю васъ въ мирѣ и тишинѣ, когда другія державы Европы либо уже ведутъ войну, либо готовятся къ борьбѣ. Я не упускалъ случаевъ поддерживать старые союзы, которые издавна соединяютъ государство съ самыми вѣрными и естественными его союзниками. И я личнымъ знакомствомъ укрѣпилъ узы крови, связующія меня съ сильнѣйшимъ сосѣдомъ государства. Я имѣю друга въ лицѣ монархини, которая, состоя въ близкомъ родствѣ съ шведскимъ королевскимъ домомъ, возбуждаетъ удивленіе современниковъ и готовитъ себѣ благоговѣніе потомства“. Замѣтимъ однакожъ что это заявленіе не совсѣмъ согласно съ тѣмъ, что́ король около того же времени писалъ Крейцу: „Война въ Германіи и та, которая, повидимому, скоро начнется съ турками, доставляютъ мнѣ большую безопасность со стороны внѣшней. Впрочемъ, мое путешествіе въ Россію разсѣяло въ насъ всякую надежду на поддержку оттуда, на которую старая партія еще расчитывала“.

Тѣмъ не менѣе однакожъ между обоими государствами продолжались покуда дружескія отношенія, которыя еще укрѣпились въ 1780 году состоявшимся преимущественно по ихъ побужденію вооруженнымъ нейтралитетомъ. Первая мысль объ этомъ знаменитомъ актѣ была подана Даніей въ 1778 году и предложена Швеціей петербургскому кабинету. Екатерина сперва отвергла ее, но потомъ, по совѣту графа Панина, сама возобновила вопросъ при шведскомъ дворѣ, и 1 августа н. ст. 1780 г. былъ заключенъ въ Петербургѣ трактатъ, къ которому вскорѣ приступили и другія государства.

Между тѣмъ въ романически настроенной головѣ Густава болѣе и болѣе развивались воинственные планы, и онъ только выжидалъ удобнаго времени, чтобъ направить ихъ въ ту или другую сторону. Не покидая видовъ на отторженіе Норвегіи отъ Даніи, онъ вздумалъ воспользоваться для этого обстоятельствами, которыя повидимому начинали запутываться на югѣ Европы вслѣдствіе политики Екатерины относительно турецкихъ дѣлъ. Союзъ ея съ Іосифомъ II не предвѣ-

---

[1]) Отчетъ народу, по выраженію Шлецера.

щалъ сохраненія мира, а внезапное присоединеніе Крыма къ ея державѣ придавало еще болѣе вѣроятія близости войны. Чтобы вѣрнѣе обезопасить исполненіе своихъ тайныхъ замысловъ, Густавъ считалъ полезнымъ показать, что онъ находится въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ Екатериной, и потому рѣшился вторично свидѣться съ нею. Съ другой стороны и Екатерина, готовясь къ новой борьбѣ съ турками, не могла быть въ это время равнодушна къ дружбѣ Швеціи.

Изъ переписки обоихъ монарховъ видно, впрочемъ, что они еще въ бытность короля въ Петербургѣ условились со временемъ съѣхаться въ Фридрихсгамѣ. Уже съ дороги, возвращаясь въ Стокгольмъ, Густавъ III напоминалъ объ этомъ государынѣ; осенью же 1777 года онъ писалъ: „Если бъ вы не были императрицей, то можно бы надѣяться видѣть васъ въ Стокгольмѣ и видѣть васъ часто, а теперь надо искать случая и выжидать обстоятельствъ, чтобы насладиться этимъ счастіемъ, поѣхавъ въ маленькій финляндскій городишко провести съ вами два-три дня".

Фридрихсгамъ, крѣпость у Финскаго залива, былъ тогда крайнимъ русскимъ городомъ со стороны шведскихъ владѣній. Король, оставляя Швецію, держалъ въ тайнѣ свое намѣреніе и отправился изъ Стокгольма 9 іюня 1783 г. подъ предлогомъ посѣщенія Финляндіи, гдѣ близъ Тавастгуса собрано было 7.000 войска для смотра. Двѣ яхты перевезли Густава III и его довольно многочисленную свиту; въ ней былъ между прочимъ капитанъ гвардіи баронъ Густавъ Маврикій Армфельтъ, который съ этихъ поръ начинаетъ являться при королѣ и скоро дѣлается однимъ изъ самыхъ близкихъ къ нему людей. Изъ Або 11 іюня король написалъ совѣту, что онъ въ этомъ городѣ нашелъ письмо отъ императрицы, которая въ самыхъ дружескихъ выраженіяхъ изъявляетъ ему желаніе видѣться съ нимъ во время его пребыванія въ Финляндіи и намѣревается пріѣхать въ Фридрихсгамъ (60 верстъ отъ границы) въ надеждѣ, что король также будетъ туда для встрѣчи съ нею 23 (12) іюня. Это письмо было помѣчено 28 мая ст. ст. изъ Царскаго Села. Въ немъ было сказано, что такъ какъ король предоставилъ ей назначить мѣсто свиданія, то она избираетъ Фридрихсгамъ. „C'est là que je me flatte — прибавляла она — de vous entretenir deux ou trois jours; j'éviterai de vous parler de ce qui pourrai vous rappeler vos chagrins, et je vous prie de ne pas me rappeler les pertes que j'ai faites, parce que je n'entends ni vous faire pleurer, ni pleurer à côté de vous, et naturellement je suis fort sensible. Adieu, mon cher frère, jusqu'à l'honneur de vous revoir" [1]).

---

[1]) „Тамъ я надѣюсь два-три дня бесѣдовать съ вами; буду стараться не говорить о томъ, что могло бы напомнить вамъ ваши печали, и васъ прошу не напоминать мнѣ понесенныхъ мною потерь, потому что я не желаю ни заставлять васъ плакать, ни самой плакать возлѣ васъ; я же отъ природы очень чувствительна. Про-

Передавъ содержаніе письма императрицы, король извѣщалъ, что онъ сейчасъ же отправляетъ отвѣтъ о своемъ согласіи пріѣхать въ Фридрихсгамъ въ назначенный день, подъ именемъ графа Готландскаго. Ему было бы желательно напередъ услышать мнѣніе гг. членовъ государственнаго совѣта, но время не терпитъ, и потому онъ надѣется, что они съ радостью примутъ вѣсть о доброй дружбѣ, установляющейся такимъ образомъ между обоими монархами. Такъ какъ, однакожъ, по конституціи король не можетъ выѣхать изъ государства, не истребовавъ напередъ мнѣнія членовъ совѣта, то онъ для соблюденія основного закона спѣшитъ сообщить имъ о своемъ намѣреніи. Ихъ превосходительства, занесено въ протоколъ совѣта, приняли съ благоговѣніемъ этотъ новый знакъ неусыпной заботливости его королевскаго величества о благѣ государства. На самомъ дѣлѣ предложеніе свидѣтъся именно теперь шло не отъ Екатерины, а отъ Густава. Императрица, въ отвѣтъ на его письмо назначивъ мѣстомъ съѣзда Фридрихсгамъ, писала о томъ Потемкину и при этомъ разоблачила для насъ отчасти тайну путешествія короля: взявъ отъ Франціи субсидію, онъ устроилъ лагерь въ Тавастгусѣ и ѣхалъ туда, чтобы подать видъ демонстраціи противъ Россіи, а въ то же время хотѣлъ успокоить Екатерину свиданіемъ. Сохранился небольшой дневникъ, веденный во время этого путешествія, кажется, барономъ Таубе, другомъ короля. Вотъ что тутъ между прочимъ разсказано: „10-го іюня мы выѣхали (изъ Або) въ Паролямальмъ, куда прибыли 11-го поутру, — день замѣчательный по случившемуся съ королемъ несчастію: вечеромъ, во время смотра лошадь, испугавшись пушечнаго выстрѣла, сбросила его на землю, и онъ переломилъ себѣ лѣвую руку, что́ произвело общее смятеніе. Въ полумили (5 верстахъ) оттуда лежитъ Тавастгусъ. Въ этотъ городъ и перенесли короля 200 лейб-драгуновъ, которые поочередно смѣнялись. Въ ту же ночь король отправилъ меня къ императрицѣ съ извѣстіемъ объ этомъ несчастіи. Я прибылъ въ Петербургъ 15-го утромъ и тотчасъ же поскакалъ въ Царское Село, гдѣ имѣлъ честь быть представленнымъ и удостоился приглашенія къ столу государыни. Вечеромъ я отправился назадъ и при возвращеніи въ Тавастгусъ 17-го нашелъ короля въ весьма удовлетворительномъ состояніи. 22-го онъ уже могъ, въ первый разъ, выйти изъ комнаты“. Это приключеніе дало пищу толкамъ не только въ Швеціи, но и по всей Европѣ. Хитрость, которую замѣчали въ поступкахъ Густава III, заставляла въ малѣйшихъ случаяхъ его жизни подозрѣвать политическій расчетъ. Но на этотъ разъ ничего подоб-

стите, дорогой братъ, до того дня, когда буду имѣть честь увидѣться съ вами“. — Словами: „ваши печали“ императрица намекаетъ на смерть королевы-матери, случившуюся въ 1782 году, а подъ своими потерями разумѣетъ кончину генерала Бауэра, Григорія Орлова и Никиты Панина, умершихъ въ первую половину 1783 года.

наго не было: профессоръ Гейэръ слышалъ отъ знаменитаго въ свое время врача Афцеліуса, что онъ, по смерти короля, самъ видѣлъ на рукѣ его слѣды перелома. Что касается императрицы, то она, нисколько не усомнившись въ истинѣ извѣстія о несчастномъ случаѣ, удовольствовалась только колкимъ замѣчаніемъ въ письмѣ къ Потемкину: „Александръ Македонскій передъ войскомъ отъ своей оплошности не падалъ съ коня“ [1]).

Въ собственноручной запискѣ къ адмиралу Тролле король, разсказывая о своемъ паденіи, говоритъ, что по отзыву врачей переломъ — легкій и свиданіе его съ императрицей замедлится только недѣлей. „Это нисколько не измѣнитъ важныхъ дѣлъ, которыми я занятъ: правая рука здорова и можетъ владѣть шпагой, а голова свободна и свѣжа. Прошу васъ изъ-за этого событія ничего не упускать для исполненія нашего плана: все должно рѣшиться свиданіемъ въ Фридрихсгамѣ. Тавастгусъ, 13 іюня 1783 года“.

Дѣло шло о приготовленіяхъ къ войнѣ съ Даніей, которыя уже дѣлались въ тишинѣ... Императрица, согласившись на отсрочку съѣзда „послала камеръ-юнкера для освѣдомленія о здоровьѣ короля“. Оно поправилось такъ скоро, что онъ уже 16 (27-го) могъ предпринять поѣздку въ Фридрихсгамъ, гдѣ Екатерина ждала его. Онъ прибылъ туда 18 (29-го) и они провели вмѣстѣ три дня. Императрица отправилась изъ Петербурга въ сопровожденіи графа Ивана Чернышева, гр. Безбородки, оберъ-шталмейстера Нарышкина, тогдашняго фаворита Ланского и нѣсколькихъ дамъ, въ томъ числѣ княгини Дашковой, которая въ запискахъ своихъ подробнѣе другихъ источниковъ говоритъ о тамошнемъ пребываніи обоихъ монарховъ. Были наняты два смежные дома, великолѣпно меблированные на этотъ случай, и между ними, для свободнаго сообщенія во всякое время, проведена галерея. Въ одномъ помѣстилась императрица, другой отведенъ былъ королю. Современный біографъ Густава III [2]) разсказываетъ, что, кромѣ того, былъ устроенъ, или даже построенъ (errichtet) особый театръ, на которомъ „итальянскіе пѣвцы и французскіе актеры наперерывъ старались украсить торжество дружбы обоихъ властительныхъ геніевъ сѣвера“.

„Вечеромъ (17-го іюня)“ — пишетъ княгиня Дашкова — „мы передъ дворцомъ сѣли на лодку и переправились на Выборгскую сторону, гдѣ насъ ожидали императорскіе дорожные экипажи. Мы остановились въ древней столицѣ Финляндіи, Выборгѣ, гдѣ въ разныхъ улицахъ намъ отведены были отдѣльныя помѣщенія. Мнѣ достался очень

---

[1]) Нѣсколько дней до того, Екатерина подробнѣе разсказала Потемкину о случившемся съ Густавомъ событіи; это письмо ея отъ 3 іюля напечатано въ книгѣ Лебедева: Графы Никита и Петръ Панины, стр. 305.

[2]) Posselt, стр. 257.

хорошій и, главное, опрятный домъ. На другой день судьи, сановники, дворяне и военные, были представлены императрицѣ, которая приняла ихъ съ свойственными ей благоволеніемъ и лаской, такъ что всѣ были очарованы ею. Свиту составляли А. Д. Ланской, графъ Иванъ Чернышевъ, графъ Строгановъ, Чертковъ и я, единственная дама; мы всѣ сидѣли въ одной каретѣ съ императрицей. За нами ѣхали оберъ-шталмейстеръ Нарышкинъ, первый секретарь Безбородко и г. Стрекаловъ, завѣдывавшій кабинетомъ [1]). Впереди были посланы два камергера, которые на шведской границѣ должны были встрѣтить его величество съ привѣтствіемъ отъ государыни и извѣщеніемъ о скоромъ ея прибытіи.

„На другой день вечеромъ мы пріѣхали въ Фридрихсгамъ, гдѣ однакожъ устроились не такъ хорошо, какъ въ Выборгѣ; а на другой день прибылъ и король [2]). Его тотчасъ же проводили къ императрицѣ, между тѣмъ какъ свита, оставшаяся въ сосѣдней комнатѣ, была представлена мнѣ. Здѣсь мы познакомились другъ съ другомъ; когда же вышли монархи, то императрица представила меня королю.

„Обѣдъ прошелъ очень весело, а по окончаніи его ихъ величества продолжали бесѣду наединѣ. Такъ было все время, пока мы оставались въ Фридрихсгамѣ. Надо сознаться, что я не высокаго мнѣнія объ искренности сношеній между двумя коронованными главами въ такихъ обстоятельствахъ. Не смотря на доброе расположеніе, умъ и самую утонченную любезность, время должно, наконецъ, показаться долгимъ. Такая ежедневная бесѣда, при одной политикѣ, не можетъ не сдѣлаться скучной и утомительной.

„Король шведскій на третій день захотѣлъ посѣтить меня. Я велѣла сказать, что меня нѣтъ дома, и вечеромъ, войдя въ комнату императрицы, прежде чѣмъ успѣло собраться общество, разсказала ей это“. Екатерина, не совсѣмъ довольная поступкомъ княгини Дашковой, просила ее на слѣдующій день непремѣнно принять короля и продлить сколько можно долѣе визитъ его. Далѣе княгиня разсказываетъ, что король дѣйствительно повторилъ свое посѣщеніе, что разговоръ зашелъ о его пребываніи во Франціи и что онъ не могъ нахвалиться этой страной, но что княгиня, приписывая это дѣйствію лести, съ какою предъ нимъ преклонялись французы, противорѣчила ему, въ чемъ ее поддерживалъ и графъ Армфельтъ, присутствовавшій при этомъ разговорѣ.

На другой день оба монарха, каждый, раздавъ подарки свитѣ другого, отправились въ одно время изъ Фридрихсгама. Императрица

---

[1]) Этотъ составъ не совсѣмъ согласенъ съ помѣщеннымъ выше, по свѣдѣніямъ Кастеры, спискомъ. Не полагаясь на точность княгини Дашковой, сохраняемъ и тотъ и другой.

[2]) Показаніе опять не совсѣмъ сходное съ шведскимъ извѣстіемъ.

поѣхала прямо въ Царское Село, и прибыла туда вечеромъ наканунѣ годовщины вступленія своего на престолъ.

Содержаніе фридрихсгамскихъ бесѣдъ въ точности не извѣстно, но король, возвратясь 9 іюля въ Стокгольмъ, писалъ къ адмиралу Тролле: „Я чрезвычайно доволенъ своею поѣздкой. Пріязнь, предупредительность и гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ въ первый разъ, все предвѣщаетъ прочное и полезное сближеніе. Болѣе не могу сказать на письмѣ. Война съ Турціей несомнѣнна, и съ часу на часъ ждутъ извѣстія, что Потемкинъ овладѣлъ Крымомъ. Я слышалъ это изъ устъ самой императрицы. Если турки съ этимъ примирятся, то войны не будетъ". Какія впечатлѣнія между тѣмъ вынесла Екатерина изъ свиданія съ Густавомъ, видно изъ письма ея къ Потемкину отъ 29 іюня (напечатаннаго Лебедевымъ въ книжкѣ о Паниныхъ): „Въ прошедшую субботу я воротилась изъ Фридрихсгама, гдѣ видѣлась съ королемъ шведскимъ, который много терпитъ отъ изломленной руки. Ты его знаешь: итакъ писать о немъ нечего; j'ai seulement trouvé qu'il était excessivement occupé de sa parure, se tenant fort volontiers devant le miroir, et ne permettant à aucun officier de se présenter autrement à la cour qu'en habit noir et ponceau, et point en uniforme; ceci m'a choquée, parce que selon moi il n'y a point d'habillement plus honorable et plus cher qu'un uniforme [1]). Видѣла я и Крейца, его новаго министра; сей прямо изъ Парижа въ Фридрихсгамъ пріѣхалъ. Il m'a paru que Scheffer avait plus d'esprit? [2]) Лучшимъ въ suite (свитѣ) королевской показался Таубе, что зимою былъ въ Петербургѣ, а прочіе всѣ люди весьма, весьма молодые". Этотъ любопытный отзывъ Екатерины II о Густавѣ дополняется тѣмъ, чтó она по тому же поводу сообщала своему союзнику Іосифу II въ письмѣ отъ 22 августа 1783 г.: „Пока в. и. в. объѣзжали свои южныя владѣнія, я ѣздила къ западной своей границѣ, но это путешествіе не было счастливо для шведскаго короля, потому что онъ переломилъ себѣ вкось лѣвую руку въ своемъ тавастгусскомъ лагерѣ, и кромѣ того увѣряютъ, что онъ получилъ отъ Франціи выговоръ за это свиданіе. Но вотъ что мнѣ показалось въ самомъ дѣлѣ страннымъ: въ этомъ фридрихсгамскомъ шалашѣ (cette bicoque de Frédriksham), въ которомъ не болѣе двухсотъ саженъ длины, весь шведскій дворъ былъ одѣтъ по-испански, и всѣмъ офицерамъ, пріѣхавшимъ изъ тавастгусскаго лагеря, отъ короля запрещено являться передъ нимъ въ мундирѣ, я говорю: передъ нимъ, потому что я его нѣсколько разъ просила позволить имъ входить ко

---

[1]) „Я только нашла, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ, любитъ стоять передъ зеркаломъ и не позволяетъ никому изъ своихъ офицеровъ являться ко двору иначе, какъ въ черномъ и пунцовомъ платьѣ, а не въ мундирѣ; это меня непріятно поразило, потому что, по-моему, нѣтъ одѣянья почетнѣе и дороже мундира".

[2]) „Мнѣ показалось, что Шефферъ умнѣе".

мнѣ, но онъ всякій разъ противился тому, съ большею важностью, говоря, что они неприлично одѣты; а между тѣмъ всѣ меня окружавшіе были въ мундирахъ. Видя это, я стала дѣйствовать по-своему: я разговаривала изъ оконъ съ главными его офицерами, изъ которыхъ многіе сражались за Францію въ Америкѣ" [1]).

Здѣсь кстати упомянуть еще о двухъ отзывахъ Екатерины II, относящихся къ ея финляндской поѣздкѣ. Изъ одного позднѣйшаго письма ея къ Гримму видно, что ее уже въ это время сильно занимали кое-какія филологическія соображенія о славянскомъ происхожденіи разныхъ географическихъ именъ, и что она сообщала свои догадки шведскому королю. „Ces profondeurs", писала она Гримму 15 апрѣля 1785 года, „ont donné des vapeurs à Fredrikshamn à Gustave au bras cassé [2]). Любопытно также ея замѣчаніе о Финляндіи, которую она тогда въ первый разъ видѣла: „Bon Dieu! quel pays!" сказала она въ присутствіи Альбедиля: „Comment est-il possible qu'on ait voulu sacrifier du sang humain pour posséder un désert que les vautours même dédaignent d'habiter" [3]).

Въ первый годъ, послѣ фридрихсгамскаго свиданія, монархи-братья еще очень дружески продолжали переписываться. Густавъ прислалъ императрицѣ коллекцію роскошно переплетенныхъ шведскихъ книгъ съ писаннымъ его собственной рукой реестромъ ихъ и краткимъ объясненіемъ содержанія каждой книги. Екатерина, выражая ему свою благодарность, восхваляетъ его познанія въ шведской исторіи, которыми онъ будто-бы перещеголялъ всѣхъ ученыхъ своей страны, и говоритъ, что съ этихъ поръ она смотритъ на него уже не какъ на короля, а „какъ на одного изъ достойнѣйшихъ академиковъ ея академіи" (Густавъ вскорѣ послѣ своего путешествія въ Россію избранъ былъ въ члены этого учрежденія). Книги эти нужны были императрицѣ для ея собственныхъ историческихъ занятій и присланы вслѣдствіе бесѣдъ съ Густавомъ объ этомъ предметѣ. Она намѣревалась дать перевести по-русски тѣ мѣста, въ которыхъ имѣла надобность, а потомъ, какъ сказано въ письмѣ, отдать всѣ эти книги, вмѣстѣ „съ драгоцѣннымъ реестромъ", въ библіотеку академіи, для которой онѣ составятъ одно изъ лучшихъ ея украшеній [4]). Но всего любопытнѣе почерпаемое изъ этого письма свѣдѣніе, что король гово-

---

[1]) Joseph und Katharina von Russland, стр. 190.

[2]) „Эти бездны премудрости разстраивали въ Фридрисхгамѣ нервы Густаву съ переломанной рукой". См. въ апрѣльской книжкѣ *Русск. Архива* 1877 г. статью мою „Филологическія занятія Екатерины II"—См. ниже.

[3]) „Боже мой! Какая страна! Какъ можно было проливать человѣческую кровь для обладанія пустыней, въ которой даже коршуны не хотятъ жить!" (Albedyhll, Skrifter etc. I, 79).

[4]) Книги эти дѣйствительно хранятся въ академической библіотекѣ.

рилъ Екатеринѣ II о рукописи Котошихина и они условились о перепискѣ ея. Императрица благодаритъ Густава за обѣщаніе допустить къ этому лицо, которое будетъ прислано ею въ Упсалу, [1]), „Я не замедлю — прибавляетъ она — воспользоваться этимъ и уже приказала отправить туда человѣка, который будетъ избранъ съ этою цѣлью. То, что вы мнѣ разсказываете, любезный братъ, объ этой хроникѣ, которой экземпляры были сожжены, подаетъ мнѣ поводъ думать, что это одна изъ тѣхъ рукописей, которыя хранились въ домахъ и служили источникомъ ябедъ и ссоръ между частными лицами, такъ что, для прекращенія такихъ тяжбъ, согласились всѣ эти книги сжечь въ одинъ день, а сохранившіяся считать недѣйствительными [2]). Отъ этого пожара спаслись тысячи списковъ, но этимъ не уменьшается ихъ интересъ. Древность ихъ познается по извѣстнымъ буквамъ, которыхъ уже не употребляли послѣ 14-го столѣтія“.

Поблагодаривъ потомъ за игрушки, присланныя кронпринцемъ царственнымъ ея внукамъ, императрица упоминаетъ, что король, какъ она слышала, желалъ имѣть русскаго квасу и кислыхъ щей, а такъ какъ этихъ напитковъ перевозить нельзя, то она посылаетъ въ Стокгольмъ особаго мастера для приготовленія ихъ. „Онъ можетъ научить поваренковъ при дворѣ грипсгольмскаго барина великому искусству изготовлять названные напитки; онъ снабженъ всѣми драгоцѣнными веществами, входящими въ составъ ихъ, и въ одну недѣлю можно въ совершенствѣ и безъ большихъ расходовъ усвоить себѣ великое искусство дѣлать ихъ круглый годъ ежедневно, къ удовольствію охотниковъ“. Назначенный для этого человѣкъ былъ отправленъ, вмѣстѣ съ дрожками и другими легкими экипажами, посланными королю въ подарокъ.

Ясно, что похвалы, расточаемыя Екатериною учености и разуму Густава, не были искренни: она льстила его тщеславію, которое было хорошо извѣстно, какъ видно, напримѣръ, изъ приведеннаго ея отзыва о немъ во время фридрихсгамскаго свиданія: „я замѣтила, что онъ чрезвычайно занятъ своимъ нарядомъ и очень любитъ стоять передъ зеркаломъ“! Вскорѣ возникли подозрѣнія и въ прямодушіи Густава, когда съ разныхъ сторонъ начали доходить до государыни слухи о его замыслахъ. Демонъ властолюбія не давалъ ему покоя, заставляя

---

[1]) Уже Екатерина II повелѣла послать въ Упсалу канцелярскаго служителя для переписки „слово отъ слова россійскаго лѣтописца“; было ли это исполнено, или нѣтъ, мы не знаемъ; извѣстно, что рукопись Котошихина вновь была открыта около 1840 года профессоромъ Гельсингфорсскаго университета М. Соловьевымъ и списана имъ для Археографической Комиссіи, которая и издала этотъ драгоцѣнный историческій памятникъ.

[2]) Очевидно, что императрица разумѣетъ тутъ Разрядныя книги, смѣшивая съ ними хронику, о которой ей сообщилъ Густавъ.

его мечтать о завоеваніяхъ, о двойственной славѣ законодателя и героя.

Причина, по которой Густавъ III, какъ мы видѣли, особенно интересовался крымскими дѣлами, заключалась въ его намѣреніи, при первомъ извѣстіи о войнѣ Россіи съ Турціей, напасть на Данію. Планы его уже не были тайною; въ дипломатическомъ мірѣ много толковали о его вооруженіяхъ противъ Даніи. Немногіе — писалъ ему баронъ Таубе — объясняютъ дѣло иначе и думаютъ, что ваше величество въ союзѣ съ Россіей снаряжаете войско и флотъ". При этомъ Таубе сообщаетъ свой разговоръ съ графомъ Шефферомъ, который разсказалъ ему, по слухамъ, всѣ подробности предположеній короля; Таубе старался увѣрить его, что, вѣроятно, Густавъ III готовитъ армію и корабли для подкрѣпленія императрицы. „Я очень вѣрю, — отвѣчалъ Шефферъ — что они въ Фридрихсгамѣ дружески обмѣнивались мыслями, но императрица была бы слишкомъ неискусна и неопытна въ политикѣ, если бы не показала вида, что входитъ во всѣ планы короля: для нея самой и для безопасности ея границъ всего желательнѣе, чтобы сосѣди подрались. Но вы увидите, что, устроивъ свои дѣла съ турками, она тотчасъ же скажетъ: баста! и приметъ участіе въ посредничествѣ между нами и датчанами, къ которымъ болѣе расположена, чѣмъ къ Швеціи, не потому, чтобы ставила ихъ выше, а потому, что ихъ страна ей покорнѣе и находится въ совершенной отъ нея зависимости". Онъ прибавилъ, что, по его убѣжденію, Франція и Англія никогда не позволятъ королю выполнить задуманное. Между тѣмъ онъ соглашался, что это (т. е. присоединеніе Норвегіи) было бы важнѣйшимъ для Швеціи пріобрѣтеніемъ, но находилъ, что время къ тому еще не пришло, что для этого были бы нужны бо́льшіе перевороты въ Европѣ, чѣмъ тѣ, которые теперь ожидались. „Что до меня — заключалъ Таубе — то я думаю, что в. в. много потеряете, если дѣло не совершится теперь же: такъ какъ, повидимому, всѣ ваши планы разоблачены (говорятъ, что и Данія вооружается), то вся Европа подумаетъ, что тому воспротивилась императрица и что въ этомъ именно причина ихъ неисполненія. Это произведетъ дурное впечатлѣніе, особенно у насъ, потому что покажетъ подчиненіе господству Россіи, что́, на мой взглядъ, было бы для насъ крайне невыгодно. Графу Шefферу сказалъ я, что в. в., какъ слышно, болѣе думаете о своемъ путешествіи въ Италію, чѣмъ о войнѣ".

Король, однакожъ, не рѣшился дѣйствовать теперь же, хотя и писалъ генералъ-адмиралу: „Письма изъ Россіи только и говорятъ объ удовольствіи, какое произвело въ Петербургѣ фридрихсгамское свиданіе. Императрица отвергла посредничество Франціи. Война была уже начата: прямыхъ извѣстій отъ Потемкина еще нѣтъ". Слухъ о войнѣ оказался ошибочнымъ. Положеніе европейскихъ кабинетовъ

было самое нерѣшительное; по мѣрѣ того, какъ выяснились отношенія вѣнскаго кабинета къ петербургскому и связанные съ тѣмъ планы, разрывались союзы между Франціей и Австріей, между Пруссіей и Россіей. Верженъ колебался и дѣло кончилось тѣмъ страннымъ результатомъ, что, когда Екатерина устранила вмѣшательство Франціи, то эта держава сама склоняла Порту къ уступчивости. На этотъ разъ война была отвращена, но не надолго.

Всѣ эти шаткія отношенія и невѣрныя обстоятельства подстрекали короля взглянуть изблизи на положеніе дѣлъ въ Европѣ. Къ тому же и для здоровья ему показалось нужнымъ пожить въ болѣе умѣренномъ климатѣ. Врачи совѣтовали ему ѣхать въ Пизу для теплыхъ ваннъ. Наконецъ, и давнишнее желаніе увидѣть Италію побудило Густава предпринять далекое путешествіе.

Между тѣмъ онъ находился въ затруднительномъ положеніи, особливо передъ Франціей. Фридрихсгамское свиданіе распространило въ Европѣ мысль о тѣсномъ сближеніи между Россіей и Швеціей, какого въ сущности не было. Франція была встревожена; парижскій дворъ подозрѣвалъ, что цѣлью свиданія было образовать на сѣверѣ семейный договоръ, противный интересамъ Франціи. „Это безпокойство — говоритъ Гейеръ — было причиною, что во время пребыванія Густава въ Италіи французскому посланнику въ Римѣ кардиналу Берни было поручено пригласить его отъ имени короля въ Парижъ. Густавъ не зналъ, какъ поступить. Что интересы Франціи на сѣверѣ были противуположны видамъ Россіи, это составляло самую несомнѣнную изъ традицій шведской политики и было поводомъ къ происхожденію франко-шведскаго союза. Но Густавъ III давно уже замѣчалъ, что на поддержку Франціи при Людовикѣ XVI нельзя было расчитывать въ случаѣ какого-нибудь смѣлаго политическаго предпріятія. Онъ сблизился съ Россіей въ надеждѣ извлечь пользу изъ турецкой войны для нападенія на Данію. Турецкая война не состоялась, и онъ остался ни при чемъ съ своими вооруженіями, которыя всѣмъ были извѣстны. Посѣщеніе Парижа было открытымъ отрицаніемъ мнимаго союза съ Россіей; а Густавъ III еще не былъ готовъ къ тому, чтобы передъ самимъ собой и свѣтомъ сознаться въ иллюзіяхъ фридрихсгамскаго съѣзда и стать въ непріязненное отношеніе къ Россіи. Поэтому онъ сначала и не показывалъ своимъ приближеннымъ удовольствія по поводу приглашенія въ Парижъ. „Дай Богъ, чтобъ эта чаша была не слишкомъ горька, радъ бы я былъ, если бъ она могла пройти мимо меня“, писалъ онъ къ графу Крейцу изъ Рима 3-го апрѣля; изъ Венеціи же 5-го мая: „Чѣмъ болѣе приближается срокъ этого путешествія, тѣмъ яснѣе вижу сопряженныя съ нимъ затрудненія, и не послѣднее между ними — безпокойство, которое почувствуетъ императрица. Но сдѣланнаго не перемѣнишь. Назадъ итти не могу, а думаю

только пробыть тамъ какъ можно менѣе, не долѣе двухъ недѣль, такъ, чтобы въ концѣ іюля или 1-го августа быть уже дома.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того какъ эти строки были написаны, Густавъ получилъ въ Венеціи письмо Екатерины II, которое должно было показать ему, что отъ проницательнаго взора геніальной сосѣдки не укрылись его колебанія въ отношеніи къ ней. Поводомъ къ этому послужило то, что король во Флоренціи видѣлся съ путешествовавшимъ въ то же время Іосифомъ II и, желая узнать, какое впечатлѣніе онъ произвелъ на императора, просилъ Екатерину сообщить, что́ этотъ послѣдній писалъ о своемъ свиданіи съ нимъ. Замѣтимъ, что самъ Густавъ нашелъ его личность столь же странною, какъ и его поступки. Объ этомъ онъ писалъ адмиралу Тролле отъ 27 января 1784 года. „Все, повидимому, предвѣщаетъ великій переворотъ, и проекты императора такъ обширны, что такой кризисъ кажется мнѣ неизбѣжнымъ. Я видѣлъ этого государя, и очень радъ, что познакомился съ нимъ: не могу однакожъ скрыть, что во мнѣ онъ возбуждаетъ удивленіе, а не любовь и тихій энтузіазмъ, которые внушаетъ другъ человѣчества, какъ напримѣръ русская императрица своею ясною привѣтливостью и всѣмъ своимъ обращеніемъ".

Вотъ замѣчательный во многихъ отношеніяхъ отвѣтъ Екатерины Густаву, который, получивъ это письмо, отмѣтилъ на французскомъ подлинникѣ его: „Прибыло въ Венецію 10 мая, съ курьеромъ русскаго посланника въ Тосканѣ Моцениго".

„С.-Петербургъ, 17 марта 1784. Monsieur mon Frère et Cousin. Я имѣла честь получить письмо, которое вашему величеству угодно было написать мнѣ изъ Неаполя и въ которомъ вы мнѣ сообщаете, какъ мало вамъ оставляли досуга въ вашихъ разъѣздахъ. Если мои посланники были вамъ сколько-нибудь полезны [1]), я не жалѣю о данныхъ имъ приказаніяхъ, въ чемъ единственною моею цѣлью было доставить в. в. доказательство дружбы моей и вниманія. Не получая отъ его величества императора писемъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ путешествуетъ по Италіи, я не могу удовлетворить любопытству в. в. относительно мнѣнія этого государя о графѣ Гага [2]). Знаю только, что достоинство не ускользаетъ отъ прозорливости основательнаго ума, всегда занятаго чѣмъ-нибудь дѣльнымъ и обращающаго вниманіе на суетные предметы только какъ наблюдатель мыслящій и глубокій. Такъ какъ в. в. отправляетесь черезъ Римъ, Венецію, Парму, Миланъ и Туринъ во Францію, то прошу васъ быть увѣреннымъ, что

---

[1]) Рѣчь идетъ о графѣ Разумовскомъ, въ то время русскомъ посланникѣ въ Неаполѣ. Густавъ, очарованный имъ здѣсь, впослѣдствіи просилъ императрицу назначить его въ Стокгольмъ, но имѣлъ позднѣе поводъ раскаяться въ этомъ ходатайствѣ.

[2]) Густавъ путешествовалъ по Европѣ подъ именемъ Comte de Haga.

мои пожеланія вездѣ сопровождаютъ васъ. Между тѣмъ, если бъ в. в. пожелали узнать, что́ дѣлается въ нашихъ краяхъ, то вы услышали бы, что здѣсь очень жалуются на скудость хлѣба, на рѣдкость денегъ, на трудности въ настоящемъ; старые люди хвалятъ прошлое, а молодые прыгаютъ и пляшутъ. Мы еще богаты проектами; разсказываютъ, будто в. в. въ тайнѣ дѣлаете приготовленія, чтобы овладѣть Норвегіею. Я вовсе не вѣрю этому, какъ равно и слуху, который мнѣ угрожалъ вторженіемъ вашихъ войскъ въ Финляндію, гдѣ в. в., какъ утверждали, намѣревались вырѣзать мои слабые гарнизоны и итти прямо на Петербургъ, вѣроятно, съ тѣмъ, чтобы тамъ поужинать. Не придавая никакой важности толкамъ, въ которыхъ для украшенія рѣчи даютъ болѣе мѣста порывамъ воображенія, чѣмъ правдѣ и вѣроятію, я встрѣчному и поперечному говорю просто, что ручаюсь за невозможность и тѣхъ, и другихъ слуховъ. В. в. изволите видѣть, что хотя на сѣверѣ и нѣтъ развалинъ Помпеи или другихъ подобныхъ предметовъ, чтобъ подогрѣвать воображеніе, однакожъ и у насъ нѣтъ въ немъ недостатка. Не видавъ холмистаго Везувія, в. в. развлекались бесѣдою съ маленькимъ волканомъ Галіани [1]), котораго я знаю только по наслышкѣ. У меня еще нѣтъ его книги о правахъ нейтральныхъ державъ, хотя мнѣ нѣсколько разъ обѣщали ее: но я должна благодарить в. в. за отрекомендованіе меня аббату Галіани и за все, что́ вы говорили мнѣ пріятнаго по этому поводу. Съ удовольствіемъ слышу, какъ кронпринцъ ежедневно развивается и что мои внуки къ тому способствовали. Приношу вашему величеству мою признательность за участіе, которое вы, какъ другъ и добрый родственникъ, принимали въ прекращеніи моихъ несогласій съ Портою; прошу васъ быть увѣреннымъ, что и я не равнодушна ко всему, до васъ касающемуся, и всегда остаюсь съ высокимъ уваженіемъ и особливымъ дружелюбіемъ вашего величества добрая сестра кузина, другъ и сосѣдка . . . . Екатерина".

Сквозь многія строки этого письма ясно просвѣчиваетъ иронія, съ которой императрица сочла умѣстнымъ отвѣчать на дружескія изъявленія, получаемыя ею отъ короля въ то время, когда до нея доходили слухи совсѣмъ другого рода о его истинныхъ намѣреніяхъ и тайныхъ распоряженіяхъ. Но король не могъ долго скрывать ихъ:

---

[1]) Galiani, неаполитанскій аббатъ, род. 1728, ум. 1786, авторъ нѣсколькихъ сочиненій политико-экономическаго содержанія, отличающихся оригинальностью и остроуміемъ; въ качествѣ секретаря посольства, онъ долго жилъ въ Парижѣ, гдѣ сблизился съ энциклопедистами, особенно съ Гриммомъ и Дидро, и пользовался большимъ успѣхомъ въ высшемъ обществѣ. Императрица разумѣетъ книгу, изданную имъ въ 1782 году въ Неаполѣ подъ заглавіемъ: Dei doveri dei principi neutrali verso i principi guerreggianti".

скоро въ его сношеніяхъ съ императрицею уже обнаруживается желаніе найти предлогъ къ разрыву.

Самымъ несомнѣннымъ признакомъ такого настроенія было стараніе скорѣе возвратить себѣ то право на Голштинію, которое уже болѣе десяти лѣтъ передъ тѣмъ было уступлено русскимъ императорскимъ домомъ Даніи въ обмѣнъ за Ольденбургъ и Дельменгорстъ. Еще въ 1767 году, Екатерина II заключила о томъ, отъ имени несовершеннолѣтняго великаго князя, предварительный договоръ съ датскимъ правительствомъ, а вымѣненныя такимъ образомъ два владѣнія предоставила младшей линіи Голштинскаго дома. По достиженіи Павломъ Петровичемъ совершеннолѣтія въ 1773 году, этотъ договоръ былъ подтвержденъ и имъ самимъ. Рѣшившись измѣнить свои отношенія къ Россіи, король шведскій воспользовался первымъ поводомъ, чтобы протестовать противъ сдѣланныхъ такимъ образомъ уступокъ. Этимъ поводомъ была послѣдовавшая въ 1785 году смерть дяди обоихъ монарховъ, епископа любскаго Фридриха Августа [1]), того самаго, которому достались, по рѣшенію Екатерины, вымѣненныя земли, такъ что онъ сдѣлался родоначальникомъ великихъ герцоговъ Ольденбургскихъ. Кончина его подала Густаву мысль обратиться къ императрицѣ съ дружескимъ, повидимому, заявленіемъ своей претензіи [2]). При этомъ онъ сослался на свою обязанность пещись объ интересахъ своего сына, своихъ потомковъ и о собственномъ своемъ достоинствѣ, напомнивъ, что еще при заключеніи договора онъ заявилъ о своихъ наслѣдственныхъ правахъ какъ римскому императору, такъ и императорскому сейму. Если онъ до сихъ поръ не старался воспользоваться этими правами, то это проистекало, какъ онъ увѣрялъ, изъ личныхъ его отношеній къ покойному; притомъ у него, короля, тогда еще не было сына, и онъ будто бы думалъ, что тѣ владѣнія уступлены его дядѣ только въ пожизненное пользованіе. „Вижу теперь — говоритъ онъ — что эти владѣнія переходятъ, какъ наслѣдственныя, къ линіямъ, которые моложе моей, а мое семейство навсегда лишено наслѣдія моихъ предковъ, наслѣдія, гарантированнаго и утвержденнаго всѣми законами Германской имперіи и Вестфальскимъ миромъ, а также императоромъ Іосифомъ I въ Альтранштадтскомъ мирномъ договорѣ“. Но такъ какъ, при возстановленіи правъ короля шведскаго, пострадали бы наслѣдники умершаго, то онъ проситъ Екатерину придумать средство вознаградить его, Густава III, и соединить на твердомъ основаніи сердца и интересы фамиліи, которую она можетъ назвать своею и, конечно, любитъ не менѣе, чѣмъ самъ онъ. „Ваше величество — заключилъ онъ — перестали бы уважать

---

[1]) См. Родословную таблицу въ Приложеніи II.

[2]) Подлинное его письмо см. въ Приложеніи IV.

меня, если бы я не сдѣлалъ этого шага: ваша великая душа слишкомъ хорошо знаетъ обязанности и законы чести, чтобы не признавать, что всякій долженъ защищать свои права“ и проч. Въ такомъ смыслѣ Густавъ одновременно написалъ и къ великому князю, взывая къ его строгимъ правиламъ справедливости, къ его просвѣщенному разуму и прямодушію, которое, замѣчено въ скобкахъ, „составляетъ прекраснѣйшую основу вашей репутаціи“.

Письмо Густава, конечно, не могло понравиться Екатеринѣ II; оно задѣло ее за живое, и она отвѣчала: „Государь мой братецъ. Откровенность, съ какою вашему величеству угодно было выразить мнѣ свои мысли, заставляетъ и меня отвѣчать вамъ съ такимъ же чистосердечіемъ. Прежде всего я искренно раздѣляю ваше справедливое сожалѣніе о кончинѣ герцога Голштейнъ-Ольденбургскаго, епископа любскаго, вашего и моего дяди. Я во всю свою жизнь принимала непритворное участіе во всемъ, что̀ касалось этого истинно почтеннаго принца и его дома; это я доказала своими поступками, обезпечивъ судьбу отрасли покойнаго герцога, равно какъ и участь герцога Георга Людвига, меньшого брата его.

„Сынъ мой, усвоивъ себѣ мои виды, подкрѣпилъ своимъ согласіемъ распоряженія, предначертанныя мною, хотя, какъ глава нашего дома и истинный владѣтель (уступленной собственности), онъ сохраняетъ во всѣхъ случаяхъ свои права и можетъ передать ихъ своему потомству, которое, благодаря Бога, не уменьшается: двѣ младшія линіи Голштинскаго дома получили чрезъ то обезпеченное существованіе, котораго имъ не доставало. Не стану распространяться о мѣрахъ, которыя ваше величество сочли нужнымъ принять по этому поводу; но мнѣ сдается, что покойный король, вашъ родитель [1]), при своемъ прибытіи въ Швецію и будучи еще кронпринцемъ, торжественно отказался, въ присутствіи государственныхъ чиновъ Швеціи, за себя и своихъ потомковъ, отъ дальнѣйшихъ притязаній или правъ дома, изъ котораго онъ происходилъ (т. е. Голштинскаго), — актъ тѣмъ болѣе драгоцѣнный, что онъ послужилъ къ доставленію прочнаго существованія линіи вашего величества; прекращая, повидимому, всякое дальнѣйшее сомнѣніе по этому дѣлу, онъ съ тѣмъ вмѣстѣ уничтожилъ всякій поводъ къ спорамъ между двумя линіями дома: такъ какъ каждая изъ нихъ получила весьма почетное существованіе, которымъ оставалось только пользоваться и довольствоваться. Справедливость этихъ размышленій не можетъ укрыться отъ мудрости и прозорливости вашего величества, а если присоединить къ нимъ живое участіе, оказываемое вами младшимъ линіямъ Голштинскаго дома, то несомнѣнно, что ваше величество не захотите подвергать пере-

---

[1]) Адольфъ Фридрихъ.

смотру распоряженій, въ которыхъ ничего нельзя измѣнить безъ явнаго для нихъ ущерба".

Король отвѣчалъ въ обиженномъ тонѣ, и въ доказательство правоты своихъ притязаній приложилъ къ письму выписку изъ трактата, заключеннаго въ 1750 г. между отцомъ его и тестемъ, датскимъ королемъ Фридрихомъ V, — выписку, подтверждавшую будто бы, что первый, т. е. шведскій король, тогда еще кронпринцъ, никогда не отказывался отъ наслѣдственныхъ правъ своего дома, но что, мѣняя Ольденбургъ и Дельменгорстъ на Голштинію, онъ удерживалъ за собою всѣ права на первыя два владѣнія, которыя намѣревался принять въ обмѣнъ на Голштинію, какъ скоро ему представится случай наслѣдовать ихъ [1]. „Ваше величество (прибавлялъ король), по основательности своего ума, конечно, понимаете, что большая разница — не довольствоваться владѣніями, предоставленными намъ Провидѣніемъ, или поддерживать твердо, но съ умѣренностію, законныя и неоспоримыя права, которыхъ хотятъ насъ лишить". Поэтому онъ въ заключеніе заявлялъ намѣреніе возобновить мѣры, принятыя имъ въ 1775 г., т. е. протестовать противъ распоряженія Екатерины II.

Само собою разумѣется, что эти поступки короля могли быть приняты императрицею не иначе, какъ въ смыслѣ враждебной угрозы. Надобно знать, что сынъ умершаго Ольденбургскаго герцога, по слабоумію, не могъ быть его наслѣдникомъ, и потому управленіе краемъ тогда же перешло въ руки двоюроднаго брата его Петра; но такъ какъ этотъ принцъ также былъ слабъ здоровьемъ, то со стороны петербургскаго кабинета, въ противодѣйствіе замысламъ Густава III, была придумана такая комбинація: герцогъ, администраторъ Ольденбурга, имѣя малолѣтнихъ дѣтей, формальнымъ завѣщаніемъ поручитъ великому князю Павлу Петровичу опеку надъ этими дѣтьми, съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ съ ихъ матерью герцогинею вступилъ во всѣ права наслѣдственнаго управленія до совершеннолѣтія сыновей герцога. Это распоряженіе предположено было довести до свѣдѣнія Римскаго императора. Было ли приступлено къ приведенію его въ дѣйствіе, мы не знаемъ: переписка между Екатериною и Густавомъ надолго прекращается... Между тѣмъ враждебные замыслы короля противъ Россіи принимаютъ болѣе рѣшительный характеръ и отвлекаютъ его вниманіе отъ сравнительно-маловажнаго вопроса объ Ольденбургѣ.

---

[1] Изъ этого видно, что обмѣнъ, сдѣланный отъ имени великаго князя Павла Петровича, какъ наслѣдника Голштиніи, былъ только подтвержденіемъ болѣе ранняго договора, и что новаго въ послѣдующемъ актѣ была только уступка вымѣненныхъ владѣній младшей линіи Голштинскаго дома. При заключеніи трактата 1750 г., представитель старшей линіи Петръ III былъ уже въ Россіи, какъ наслѣдникъ русскаго престола. Не признавая этого договора, онъ сбирался вооруженною рукою отнять у Даніи отданную ей Голштинію.

Наконецъ, въ іюнѣ 1788 г., онъ, считая свои вооруженія достаточными и пользуясь благопріятною, повидимому, минутою, начинаетъ наступательную войну съ Россіей. Побужденія его при этомъ нападеніи были очень сложныя. Собственно говоря, оно было какъ-бы прямымъ послѣдствіемъ перваго шага его по вступленіи на престолъ. Ограничивъ тогда власть дворянъ, онъ еще оставилъ имъ довольно простора для противодѣйствія на сеймахъ волѣ короля. Ему хотѣлось теперь нанести этому сословію второй, болѣе рѣшительный ударъ, и вмѣстѣ ослабить естественную союзницу своихъ внутреннихъ враговъ, Екатерину, которая, зная неискренность его миролюбія, поддерживала ихъ оппозицію. Съ другой стороны, и мечта о возвращеніи завоеванныхъ Россіею областей, съ самаго воцаренія его, не давала покоя самонадѣянному потомку Карла XII. А къ этому присоединялась еще боязнь за отторженіе всей Финляндіи, о чемъ такъ хлопоталъ переметчикъ Спренгтпортенъ. Русскія войска ушли въ Турцію, Петербургъ былъ почти беззащитенъ. Нужно было много благоразумія, чтобы не поддаться искушенію напасть на сосѣда въ такую минуту; но этого-то благоразумія именно и недоставало Густаву. На бѣду свою онъ, по своему высокомѣрію пренебрегая слишкомъ легкой побѣдой, началъ военныя дѣйствія прежде отплытія нашего флота изъ Финскаго залива. Это болѣе всего рѣшило борьбу въ нашу пользу. Чтобы оправдать свое поведеніе въ глазахъ всей Европы, шведскій король напечаталъ въ берлинской газетѣ обширную *декларацію* съ объясненіемъ всѣхъ нанесенныхъ ему оскорбленій. Екатерина отвѣчала: рядомъ съ обыкновенными явленіями войны свѣту открылось небывалое зрѣлище литературнаго единоборства двухъ монарховъ-писателей. Возраженіе Екатерины, отдѣльно напечатанное по-французски и по-русски, вышло гораздо длиннѣе шведской деклараціи, помѣщенной рядомъ въ этой же брошюрѣ. Противъ своего обычая, императрица написала свой отвѣтъ по-нѣмецки, т. е. на томъ же языкѣ, на которомъ появилась статья Густава. Храповицкій сохранилъ намъ подробности о самомъ ходѣ сочиненія, которымъ Екатерина занималась нѣсколько дней чрезвычайно усидчиво. Оно переведено было по-французски чиновникомъ министерства иностранныхъ дѣлъ Кохомъ, а по-русски Вейдемейеромъ. Въ словахъ обоихъ воюющихъ монарховъ видна разыгравшаяся желчь, съ обѣихъ сторонъ сыплются попреки, обвиненія; все прошлое забыто или, лучше, прошлое берется въ помощь настоящему раздраженію, чтобы рѣзче выставить вины противника.

Густавъ, припоминая свою поѣздку въ Петербургъ, пишетъ [1]: „Не довольствуясь столь миролюбивымъ поведеніемъ, король желалъ ни-

---

[1]) Сообщаю эти отрывки въ своемъ, а не въ современномъ переводѣ, чтобы точнѣе передать смыслъ подлинныхъ выраженій.

чего не упустить, чтобы изгладить всякую тѣнь неудовольствія, которое самые успѣхи его могли оставить въ душѣ императрицы, и въ то же время, чтобы утушить всѣ чувства національной вражды, пробужденныя многократными войнами; его величество хотѣлъ личнымъ знакомствомъ убѣдить императрицу въ своей дружбѣ и желаніи сохранить миръ и доброе согласіе между обѣими державами. Королю пріятно было бы остановиться на этомъ времени, о которомъ воспоминаніе, еще дорогое его сердцу, приводитъ на мысль отрадную, но обманчивую иллюзію, долго его ослѣплявшую, — времени, въ которое онъ считалъ императрицу своимъ личнымъ другомъ; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ развившіяся, не позволяютъ ему возвращаться къ этимъ минутамъ своего царствованія".

Екатерина отвѣчаетъ:

„Здѣсь рѣчь идетъ, кажется, о путешествіи короля въ Петербургъ въ 1777 году и о послѣдовавшемъ затѣмъ фридрихсгамскомъ свиданіи: король объясняетъ, въ какихъ видахъ онъ предпринялъ эти поѣздки: по русскому же императорскому манифесту о войнѣ, его путешествія въ Россію имѣли ту же цѣль, какъ его посѣщенія королевско-датскаго двора, именно цѣль внушить обоимъ высокимъ союзникамъ недовѣріе другъ къ другу, ослабить по возможности или даже разорвать ихъ союзъ, и наконецъ, поближе всмотрѣться въ положеніе дѣлъ.

„Что такова дѣйствительно была цѣль и перваго путешествія короля, это частію выяснилось еще при второмъ свиданіи въ Фридрихсгамѣ. Тамъ онъ выразилъ императрицѣ положительное желаніе заключить съ Россіей союзъ; на что государыня отвѣчала ему, что министры съ обѣихъ сторонъ могли бы вступить въ переговоры по этому предмету; но какъ скоро ему было заявлено желаніе, чтобы и Данія, какъ государство уже союзное съ Россіей, была включена въ этотъ трактатъ, то у короля до такой степени прошла охота совѣщаться о томъ, что съ тѣхъ поръ онъ сталъ разсѣвать при иностранныхъ дворахъ гнусныя клеветы противъ Россіи и всячески старался лишить ее дружбы Даніи".

Въ такомъ духѣ написаны отъ начала до конца оба эти достопамятные историческіе документы. Русскій современный текстъ кончается слѣдующими строками: „Изъ всего вышеписаннаго явствуетъ, съ какимъ сосѣдомъ Россія имѣетъ дѣло, когда онъ попираетъ установленный союзъ общенародный и благоустройства, и когда довольно доказалъ своимъ самопроизвольнымъ поведеніемъ, что онъ никакихъ другихъ правилъ не знаетъ, кромѣ собственной необузданной воли. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1788 года".

Изъ записокъ Храповицкаго мы знаемъ, съ какимъ лихорадочнымъ волненіемъ Екатерина, съ самаго того времени, какъ выяснились

враждебные замыслы Густава III, слѣдила за всѣми подробностями его дѣйствій и движеніями его арміи. Никогда, можетъ-быть, война между двумя государствами не сопровождалась такимъ личнымъ раздраженіемъ другъ противъ друга самихъ правителей. Неискренность прежнихъ дружескихъ сношеній въ яркомъ свѣтѣ обнаружилась въ безпощадныхъ взаимныхъ пререканіяхъ. Чѣмъ преувеличеннѣе были нѣкогда съ обѣихъ сторонъ льстивыя заявленія, тѣмъ рѣзче и жестче сдѣлались теперь обличенія и укоризны. Но на политическомъ горизонтѣ ненастье и вёдро смѣняются иногда такъ же быстро, какъ въ природѣ. Послѣ двухлѣтней борьбы, послѣ разныхъ колебаній и превратностей военнаго счастья, посреди которыхъ побѣда была однакожъ почти постоянно на сторонѣ русскихъ, оба воюющіе монарха чувствовали влеченіе къ миру. Густава располагали къ нему почти постоянныя неудачи, но еще болѣе открывшійся въ его арміи заговоръ, отголосокъ опасной смуты внутри государства. Екатерину склоняли къ миролюбію болѣе и болѣе запутывавшіяся отношенія и планы европейскихъ кабинетовъ, готовыхъ поддерживать противъ нея Турцію и Польшу. Приближался Рейхенбахскій конгрессъ, который долженъ былъ явственно обозначить эти отношенія, и едва онъ состоялся (27-го іюля 1790 г.), какъ заключенъ былъ и миръ между обѣими сѣверными державами (3-го [14-го] августа того же года). Верельскимъ трактатомъ Швеція ничего не пріобрѣла; прежнія владѣнія и границы ея остались безъ измѣненія. Единственнымъ успѣхомъ Густавъ могъ признать то, что въ новомъ договорѣ не было ничего упомянуто о трактатахъ Нейштадтскомъ и Абоскомъ, т. е. гарантія, которую нѣкогда приняла Россія въ охраненіи существовавшаго образа правленія Швеціи, была какъ-бы забыта, слѣдовательно отмѣнена. — Россія отказалась отъ вмѣшательства во внутреннія дѣла сосѣдняго государства. Внезапность этого мира удивила Европу: недремлющій геній Екатерины все видѣлъ, все предусматривалъ и, что нужно — предупреждалъ. Было еще обстоятельство, располагавшее обоихъ сѣверныхъ монарховъ къ возобновленію между собою дружескихъ отношеній: французская революція, противъ которой они считали святымъ долгомъ ополчиться. Еще не затихъ громъ пушекъ въ Финскомъ заливѣ, когда Густавъ уже мечталъ о новомъ геройскомъ подвигѣ — спасеніи престола Бурбоновъ. Ему принадлежитъ починъ образовавшейся вскорѣ коалиціи монарховъ. Уже въ маѣ 1791 года онъ отправился въ Аахенъ, подъ предлогомъ намѣренія лѣчиться водами Спа, но въ сущности для того, чтобъ по близости къ предѣламъ Франціи лучше наблюдать за теченіемъ тамошнихъ дѣлъ. Онъ втайнѣ задумывалъ приготовить средства къ тому, чтобы внезапно, во главѣ своей гвардіи и французскихъ эмигрантовъ, явиться въ Парижѣ и вооруженною рукою доставить Людовику XVI побѣду надъ врагами. Къ этому от-

носится замѣчаніе Екатерины въ Дневникѣ Храповицкаго: „Мы съ нимъ (т. е. Густавомъ) часто въ мысляхъ разъѣзжаемъ на Сенѣ на канонирскихъ лодкахъ“ (27-го іюля 1791). Неудавшееся бѣгство и заключеніе несчастнаго короля внезапно разрушили этотъ планъ: надобно было дѣйствовать иначе. Между тѣмъ и Екатерина, подъ вліяніемъ тѣхъ же впечатлѣній, еще усиливаемыхъ просьбами эмигрантовъ, прибѣгавшихъ подъ ея защиту, рѣшилась принять энергическія мѣры къ возстановленію королевской власти во Франціи. Тотчасъ по заключеніи мира съ Швеціей, дружеская переписка между ею и Густавомъ возобновилась. Уже 6-го августа, т. е. черезъ два дня послѣ подписанія трактата, получено отъ короля собственноручное письмо, въ которомъ онъ, оправдываясь тѣмъ, что ихъ поссорили, просилъ, по связи крови, возвратить ему дружбу (разсказывая это со словъ императрицы, Храповицкій приписываетъ въ скобкахъ и ея замѣчаніе: je n'en avais jamais, я никогда такой дружбы и не имѣла), просилъ забыть эту войну, какъ мимолетную бурю. Въ отвѣтѣ своемъ Екатерина ему замѣтила, что не надо слушать сплетень. „Полвѣка живу, 29 лѣтъ царствую и по опыту знаю, что лучшій оплотъ отъ всякихъ интригъ — правдивость и правота“ [1]). Есть извѣстіе, что при заключеніи мира въ Вереле Екатерина секретнымъ пунктомъ обязалась выплатить королю два милліона рублей на покрытіе его частныхъ долговъ. Справедливъ ли этотъ слухъ, или нѣтъ, но то вѣрно, что вслѣдъ за тѣмъ шла переписка о выдачѣ Густаву субсидій на войну съ Франціей, и въ іюнѣ 1791 г., при отправленіи къ королю письма, замѣчено, что ему даютъ 500.000. Всего любопытнѣе однакожъ, что около того же времени, именно въ концѣ апрѣля, ходили слухи о возобновленіи войны съ Швеціей, по интригамъ Англіи, и что вслѣдствіе того Суворовъ былъ посланъ для осмотра шведской границы. Еще и позднѣе, въ іюлѣ, императрица жаловалась, что Густавъ хочетъ и денегъ и половину Финляндіи, и прибавляла: „дайте мнѣ кончить съ турками, и тогда я съ шведскимъ королемъ раздѣлаюсь. Я рада, что на время могла его занять французскими дѣлами“ [2]). Эта тревога однакожъ вскорѣ миновала, и 1-го октября въ императорскомъ совѣтѣ разсуждаемо было объ уплатѣ шведскому королю, въ продолженіе восьми лѣтъ 300.000 р., на что и самъ онъ изъявилъ согласіе. За два дня передъ тѣмъ Екатерина II отправила въ Стокгольмъ слѣдующее любопытное письмо [3]).

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 1790, августа 6-го и 14-го.

[2]) Тамъ же, по изд. г. Барсукова, стр. 362, 369 и 376.

[3]) Это письмо, такъ же какъ и другое, ниже помѣщаемое, въ первый разъ было сообщено г. Германомъ въ Historisches Taschenbuch Фр. Раумера на 1857 г. См. ниже Приложеніе VII.

С.-Петербургъ, 29-го сентября 1791.

„Государь мой, братецъ! Съ удовольствіемъ вижу, дорогой братъ, по тону, который вы опять приняли въ своемъ письмѣ отъ 17-го сентября, что вы снова питаете ко мнѣ совершенно тѣ же чувства, какія вы нѣкогда выражали и на которыя я всегда буду готова отвѣчать вамъ самымъ непритворнымъ чистосердечіемъ. Вы теперь знаете намѣренія мои относительно политическаго союза, которымъ я готова еще тѣснѣе укрѣпить соединяющія насъ узы родства. Эти намѣренія основываются на началахъ равенства и полнѣйшей взаимности, и мнѣ уже нечего бояться, чтобы они могли не привести насъ къ цѣли, какую мы себѣ предназначаемъ. Въ твердомъ на то упованіи я не усомнилась сообщить вамъ сокровеннѣйшія мысли мои о дѣлахъ Франціи. Письмо англійскаго короля, сообщенное мнѣ вашимъ величествомъ, есть лишь копія съ того, которое писалъ этотъ государь императору; оно неопредѣленно, и все, что́ можно изъ него вывести, заключается въ томъ, что на содѣйствіе его британскаго величества расчитывать нечего. Но что́ всего прискорбнѣе кромѣ господствующаго, повидимому, недостатка усердія, обнаруживаемаго прочими государями, это несогласіе между французскою королевою и бѣжавшими въ Германію принцами. Будучи всѣ одинаково лишены всякой власти и всѣхъ прирожденныхъ преимуществъ, они, въ отношеніи къ пользованію этой властью и этими преимуществами, кажется, питаютъ другъ ко другу ту же мнительность и ту же зависть, какъ если бъ они снова ими обладали, вовсе не думая о томъ, что имъ никогда не удастся возвратить себѣ и тѣнь оныхъ, развѣ они въ тѣснѣйшемъ союзѣ будутъ дѣйствовать откровенно и единодушно. Вы, любезный братъ, можете еще лучше знать эти печальныя обстоятельства и можетъ быть найдете средства, тамъ, гдѣ окажется полезнымъ, проповѣдывать миръ и доброе согласіе, столь необходимыя для общаго всѣхъ ихъ благоденствія; но какъ бы ни было, мои намѣренія и планы остаются безъ измѣненія, я очень надѣюсь на вашу твердость и на успѣхъ предложеній и настоятельныхъ просьбъ, которыя возобновляю при вѣнскомъ и берлинскомъ дворахъ, чтобы склонить ихъ къ образу дѣйствій, соотвѣтствующему нашимъ желаніямъ. Въ теченіе этой зимы мы узна́емъ, чего должны держаться, и я никакъ не отказываюсь отъ надежды, что наши человѣколюбивыя, благородныя и столь же великія, какъ и великодушныя стремленія наконецъ достигнутъ цѣли. Это только усилитъ побужденія, внушающія мнѣ ту нѣжную и искреннюю дружбу, съ каковою пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра и кузина, другъ и сосѣдка Екатерина".

Между тѣмъ въ Стокгольмѣ, для переговоровъ, находились уполномоченные Екатерины II графъ Штакельбергъ и генералъ Паленъ, и

8-го (19-го) октября, къ удивленію Европы, между враждовавшими издавна сѣверными державами состоялся въ Дротнинггольмѣ союзъ на восемь лѣтъ, главныя условія котораго заключались въ томъ, что въ случаѣ нападенія оба государства помогаютъ другъ другу и выставляютъ: Швеція 8.000 пѣхоты и 2.000 конницы, 6 линейныхъ кораблей и 2 фрегата; а Россія — 12.000 пѣхоты, 4.000 конницы, 6 линейныхъ кораблей и 3 фрегата; въ случаѣ же надобности — и болѣе, по взаимному соглашенію. Кромѣ того, Россія обязалась платить Швеціи субсидіи. За шесть мѣсяцевъ до истеченія восьмилѣтняго срока возбуждается вопросъ о продленіи его. Тотчасъ по ратификаціи договора приступаютъ къ заключенію торговаго трактата, а весною 1792 г. должна произойти повѣрка финляндской границы [1]).

Теперь предстояла задача — побудить и другихъ государей присоединиться къ союзу, но что это было дѣломъ нелегкимъ, доказываетъ письмо Екатерины, писанное вскорѣ послѣ полученія изъ Швеціи состоявшагося договора. Вотъ оно:

С.-Петербургъ, 6-го декабря 1791.

„Государь мой, братецъ! Согласно съ письмомъ, которое я отправила къ вашему величеству съ курьеромъ, доставившимъ ратификаціи недавно заключеннаго между нами союзнаго трактата, должна я вамъ сообщить отвѣтъ, полученный мною отъ императора на новыя посланныя ему мною соображенія относительно французскихъ дѣлъ. Ваше величество найдете приложенный при семъ списокъ этого отвѣта, который только подтвердитъ вамъ уже извѣстныя вамъ отрицательныя намѣренія императора, безъ объясненія мотивовъ его. Эти послѣдніе изложены въ весьма длинной депешѣ, изъ которой я посылаю извлеченія графу Штакельбергу, съ повелѣніемъ сообщить его вашему величеству подъ печатью тайны. Вы изъ него усмотрите, что вѣнскій дворъ считаетъ перемѣною къ лучшему то, что̀ въ сущности не что иное, какъ осуществленіе того, что̀ самъ онъ хотѣлъ отвратить, предложивъ, какъ и въ минувшемъ іюлѣ мѣсяцѣ, соглашеніе между державами. Дѣлаемое имъ предложеніе признавать это соглашеніе постоянно продолжающимся служитъ лишь новымъ доказательствомъ, какъ безплодны были мѣры или лучше сказать послѣдствія, имъ вызванныя, и какъ мало пользы можно ожидать отъ этого соглашенія въ будущемъ, такъ какъ при этомъ не представлено къ обсужденію никакого плана дѣйствій или опредѣленныхъ для того средствъ. Какъ ни прискорбенъ образъ мыслей, недавно обнаруженный этимъ дворомъ въ отношеніи къ настоящимъ обстоятельствамъ, я не перестану стараться измѣнить его расположеніе, и я еще не теряю надежды, что мнѣ удастся разувѣрить его въ мысли, которую онъ приводитъ какъ причину своего

---

[1]) Posselt, Geschichte Gustaf's III. Karlsruhe, 1792, стр. 492.

бездѣйствія, — будто планы и распоряженія французскихъ принцевъ несогласны съ тѣми, которые приняты въ руководство и которымъ хотятъ слѣдовать въ тюильрійскомъ дворцѣ. Дѣйствительно, всѣ собранныя мною свѣдѣнія и данныя доказываютъ, что между французскимъ королемъ и королевою, съ одной стороны, и бѣжавшими въ Германію принцами, съ другой, господствуетъ полнѣйшее согласіе. Графъ Штакельбергъ сообщитъ вашему величеству также копію съ письма, доставленнаго мнѣ барономъ Бретелемъ, которому, какъ полагаютъ, государь его преимущественно повѣряетъ свои тайны. Это письмо подтверждаетъ мои замѣчанія, ибо хотя оно и не прямо высказываетъ то же самое, но таковъ все-таки смыслъ благодарности, которую баронъ Бретель изъявляетъ мнѣ отъ имени короля за показанное мною участіе въ его дѣлѣ и въ дѣлѣ всей Франціи. Онъ раздѣляетъ признательность, какую мнѣ выразило французское дворянство, и какъ будто хочетъ своимъ письмомъ загладить отсутствіе своей подписи на присланномъ мнѣ письмѣ этого дворянства. Можетъ быть, когда я объясню всю правду императору, то мнѣ удастся поколебать его нынѣшнія намѣренія и расположить его въ пользу плановъ, которые занимаютъ ваше величество и меня. Сознаюсь между тѣмъ, что я болѣе желаю, нежели могла бы надѣяться достигнуть этого результата, если бъ предусматриваемыя во Франціи событія не представляли мнѣ цѣлаго ряда фактовъ, болѣе убѣдительныхъ, чѣмъ всѣ разсужденія, и вслѣдствіе которыхъ вѣнскій дворъ рано или поздно вынужденъ будетъ дѣйствовать. Можетъ быть французская королева сама почувствуетъ необходимость прибѣгнуть къ помощи своего брата. Вашему величеству конечно лучше нежели мнѣ извѣстно, можно ли безъ большого труда склонить ее къ тому. Чѣмъ болѣе дѣло, за которое мы взялись, достойно нашихъ заботъ, тѣмъ болѣе мы обязаны ничего не упускать, чтобъ обезпечить успѣхъ его и упрочить за собою, любезный братецъ, въ глазахъ современниковъ и потомства ту заслугу, что мы не покинули столь прекраснаго предпріятія, а употребили всевозможныя усилія для побѣды надъ встрѣчающимися намъ затрудненіями.

„Съ чувствами искреннѣйшей дружбы и совершеннаго почтенія пребываю, государь мой братецъ, вашего величества добрая сестра, кузина, другъ, союзница и сосѣдка Екатерина“.

При полученіи этого письма Густавъ III былъ занятъ приготовленіями къ созванію новаго сейма, необходимаго для принятія мѣръ къ покрытію значительнаго долга и поправленія финансовъ Швеціи. Собрать чины въ Стокгольмѣ, гдѣ начàла французской революціи нашли не мало приверженцевъ, казалось опаснымъ, и мѣстомъ сейма на этотъ разъ избранъ былъ лежащій довольно близко отъ столицы, при ботническомъ заливѣ, городокъ Гевле (Gefle). На пути изъ Стокгольма

разставлены были воинскіе отряды для охраненія общественнаго спокойствія; тѣмъ не менѣе, король особенно налегалъ на то довѣріе къ своимъ подданнымъ, съ какимъ онъ смѣло собираетъ ихъ въ такое время, когда всѣ правители болѣе или менѣе избѣгаютъ столпленія массъ.

Тайнымъ намѣреніемъ его было сперва воспользоваться этимъ сеймомъ, чтобы лишить дворянство послѣдняго участія въ дѣлахъ и захватить всю правительственную власть въ свои руки; но вскорѣ, убѣдившись, какъ сильно волненіе умовъ и какъ трудно будетъ провести эти замыслы, онъ послушался предостереженій одного изъ своихъ министровъ и затѣмъ распустилъ сеймъ. Этимъ партія недовольныхъ однакожъ не успокоилась: заговорщики рѣшились дѣйствовать; 15-го марта король, вопреки полученному предостереженію, отправился на маскарадъ въ оперный театръ, и былъ смертельно раненъ позорнымъ выстрѣломъ Анкарстрема, а 29-го того же мѣсяца не стало Густава. Негодованіе противъ убійцы было общее; ничто не могло такъ возстановить короля въ мнѣніи націи, какъ это злодѣяніе; всѣ почувствовали искреннее сожалѣніе, во всѣхъ пробудилось сознаніе добрыхъ сторонъ короля и уваженіе къ его памяти... Для Екатерины II кончина его не могла не быть чувствительнымъ ударомъ, отдаляя осуществленіе сильно занимавшихъ ее плановъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ эта смерть должна была произвести на нее умилительное впечатлѣніе, окончательно примирить ее съ бывшимъ ея противникомъ, съ человѣкомъ, который во всю свою жизнь былъ судимъ ею строго, къ которому она постоянно питала то открытую вражду, то тайное недовѣріе, не смотря на видимую дружбу...

Нельзя не пожалѣть, что Храповицкій былъ боленъ въ то время, когда пришло извѣстіе о кончинѣ Густава, и не могъ отмѣтить въ своемъ Дневникѣ, какъ оно было принято Екатериною. Замѣчательно, какъ въ концѣ 18-го столѣтія главные дѣятели его одинъ за другимъ сходятъ со сцены: въ 1786 г. умеръ Фридрихъ II, въ 1790 Іосифъ II, въ 1791 Потемкинъ, въ 1792 Густавъ III, въ 1793 Людовигъ XVI. Екатерина II могла сказать:

„И мнится очередь за мною"...

Дѣйствительно, не прошло четырехъ лѣтъ, и ея также не стало; вслѣдъ за этими властителями, въ грозныхъ тучахъ, посреди потоковъ крови, заходилъ и самый вѣкъ, ознаменованный ихъ дѣлами. Мрачна была вечерняя заря наканунѣ новаго столѣтія. Заставивъ Екатерину и Густава забыть свою взаимную вражду, она однакожъ набросила густую тѣнь на послѣдніе годы ихъ жизни.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

„Горе-Богатырь" Екатерины II.

Извѣстно, что Екатерина II, оскорбленная внезапнымъ нападеніемъ и тщеславными замыслами своего сосѣда Густава III, вздумала вскорѣ послѣ того, какъ онъ открылъ военныя дѣйствія, употребить противъ него и оружіе насмѣшки: она захотѣла представить его въ карикатурѣ на сценѣ и написала оперу „Горе-богатырь". Въ статьѣ А. Г. Брикнера объ этомъ сочиненіи [1]) очень хорошо сопоставлены нѣкоторыя черты пьесы съ хвастливыми выходками и неудачами шведскаго короля. Цѣль и значеніе этой оперы, ясно вытекающія изъ ея содержанія, подтверждаются и свидѣтельствомъ современниковъ. Сегюръ, бывшій въ ту самую эпоху французскимъ посланникомъ при дворѣ Екатерины, пользовался особеннымъ ея довѣріемъ. Видѣвъ представленіе „Горе-богатыря" на эрмитажномъ театрѣ, онъ въ запискахъ своихъ положительно называетъ Густава III, какъ героя пьесы, и по этому поводу замѣчаетъ: „Если шведскій король своими угрозами, своимъ хвастовствомъ и торжествами, обѣщанными прежде побѣды, нарушалъ приличіе, то и государыня не много ему уступала и не сохранила того уваженія, которымъ взаимно обязаны коронованныя лица" [2]). Другое свидѣтельство о томъ же мы находимъ у Державина. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ одѣ „На счастье" онъ такъ объясняетъ стихъ „Безъ латъ я Горе-богатырь": „Императрица въ оперѣ своей разумѣла шведскаго короля, который хотя внезапно возсталъ войною, но не имѣлъ успѣха. Князь Потемкинъ отсовѣтовалъ представлять на театрѣ сію оперу, сказавъ, что, пошутя публично на счетъ своего брата, дастъ поводъ къ какимъ-нибудь оскорбительнымъ сочиненіямъ, и тогда непріятнѣе будетъ переносить оныя, и потому сія опера играна не была. Стихи въ ней сочинялъ А. В. Храповицкій, бывшій при императрицѣ статсъ-секретаремъ".

Не смотря на такія несомнѣнныя свидѣтельства, П. А. Безсоновъ, въ 10-мъ выпускѣ „Пѣсенъ, собранныхъ Кирѣевскимъ" [3]), развиваетъ

---

[1]) „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія" 1870, декабрь.

[2]) „Записки графа Сегюра", переводъ съ французскаго. Спб. 1865. Стр. 302.

[3]) Этотъ выпускъ напечатанъ въ Москвѣ, въ 1874 году, съ присоединеніемъ особаго заглавія: „Нашъ вѣкъ въ русскихъ историческихъ пѣсняхъ" (См. тамъ стр. 240 и ссылку).

съ большою подробностью убѣжденіе, что эту оперу Екатерина написала вовсе не на Густава III, а на Потемкина, которымъ она будто была недовольна за медленность его дѣйствій подъ Очаковомъ, и что подъ „нѣкоторою крѣпостью“ она разумѣла именно этотъ городъ, а никакъ не Фридрихсгамъ или Нейшлотъ, подъ неудачами же на морѣ — неудачи на сухомъ пути.

Отдавая полную справедливость почтенному труду г. Безсонова, заслужившему премію на послѣднемъ уваровскомъ конкурсѣ, я долженъ сознаться, что никакъ не могу согласиться съ этимъ смѣлымъ предположеніемъ ученаго комментатора нашихъ историческихъ пѣсенъ, и нахожу нужнымъ разобрать главные доводы его.

1. Г. Безсоновъ допускаетъ, что пьеса „Кославъ“, которую Екатерина II начала писать около 29-го іюля 1788 года, во время нашихъ неудачныхъ дѣйствій противъ шведовъ и изъ которой впослѣдствіи развилась опера „Горе-богатырь“, — дѣйствительно была направлена противъ Густава III, но утверждаетъ, что, когда война позднѣе приняла благопріятный для русскихъ оборотъ, то императрицѣ незачѣмъ уже было осмѣивать короля, и она начала писать другую пьесу, именно „Горе-богатырь“, съ новою цѣлью и на новое лицо, при чемъ однакожъ включила въ составъ новой пьесы прежнюю, предпринятую съ мыслью осмѣять Густава. Противъ этого можно сдѣлать два главныя возраженія, благодаря богатому источнику, какой мы имѣемъ въ дневникѣ Храповицкаго. Ни одна часть этого дневника не представляетъ такой полноты свѣдѣній, такихъ обильныхъ и интересныхъ замѣтокъ, какъ именно та, которая ведена въ продолженіе шведской войны. Императрица была въ сильной тревогѣ, въ постоянномъ волненіи, которое, какъ сама она сознавалась, безпрестанно возрастало. Естественно, что въ такомъ расположеніи духа она была особенно сообщительна и откровенна съ Храповицкимъ, а онъ, понимая цѣну такой словоохотливости, спѣшилъ все слышанное отъ государыни записать въ свою тетрадь, такъ что за это время мы имѣемъ возможность самымъ подробнымъ образомъ прослѣдить исторію ощущеній и дѣйствій Екатерины. Изъ записокъ Храповицкаго мы узнаемъ, что уже при первоначальной работѣ государыни надъ „Кославомъ“ Густавъ потерпѣлъ нѣсколько неудачъ [1]): рѣзкаго перелома въ ходѣ военныхъ дѣйствій не было. Притомъ благопріятный для насъ оборотъ войны не могъ тотчасъ же примирить Екатерину съ Густавомъ, который все-таки оставался ея непріятелемъ и могъ не сегодня-завтра изъ побѣжденнаго сдѣлаться побѣдителемъ. Ея выходки противъ него не прекращались. 11-го сентября она приказала „оты-

---

[1]) См. „Дневникъ“ Храповицкаго, изданный Н. Барсуковымъ. Спб. 1874. Замѣтки отъ 10, 13 и 14 іюля 1788 года.

скать“ Сказку о Фуфлыгѣ-богатырѣ, „чтобъ, прибавя къ ней l'histoire du temps, сдѣлать оперу“. 21-го октября Храповицкій поднесъ ей сочиненія Тредьяковскаго и Ломоносова, какъ пособіе „для составленія оперы о Фуфлыгѣ“, и въ тотъ же день записаны ея слова: „Со всѣми помирюсь, но никогда не прощу королямъ шведскому и прусскому“. На Потемкина она въ эту пору не могла гнѣваться, потому что за недѣлю передъ тѣмъ было получено благопріятное извѣстіе, что „Очаковъ на ниткѣ виситъ“. 27-го октября рукопись „Фуфлыги“ была уже въ рукахъ императрицы; во время волосочесанія она ее читала и много смѣялась. 22-го ноября у Екатерины уже готово начало оперы „Фуфлыга“, которое она и читала Храповицкому, но не довольна названіемъ: „надобно другое имя“. Придумать его поручено Мамонову, а стихи для арій будетъ сочинять Храповицкій. На другой день, 23-го, онъ записываетъ: „по вчерашнимъ словамъ для имени герою подалъ нѣсколько анаграммъ изъ Гус. и арію, начинающуюся: *Геройствомъ надуваясь*. Она похвалена, и я поцѣловалъ руку“. Въ слѣдующіе дни императрицу очень занимаетъ приготовляемая ею сказка одного съ оперой содержанія, которая должна быть напечатана впереди драматическаго сочиненія. Наконецъ, 4-го декабря Храповицкій получилъ для переписки первый актъ оперы *Горе-богатыря Косометовича*. Изъ всего этого, кажется, уже довольно ясно, кто въ мысляхъ императрицы былъ „Горе-богатырь“. Если, какъ думаетъ г. Безсоновъ, успѣхи русскаго оружія должны были примирить Екатерину съ Густавомъ, то не болѣе ли еще извѣстія, получаемыя въ это самое время отъ Потемкина, должны были обезоружить ее въ отношеніи къ любимцу? 28-го октября записано: „Сегодня только сданы графу Безбородкѣ рапорты кн. П. Т — го, снизу мною взнесенные и при мнѣ вынуты своеручныя его письма“. 19-го ноября приготовленъ ему рескриптъ; 26-го выражена надежда, что онъ не захочетъ уронить своей чести. Въ тотъ же день, вечеромъ, Екатерина, получивъ отъ него рапорты, плакала. Можетъ быть, ее огорчало замедленіе въ взятіи Очакова; но слезы и ѣдкая иронія — два проявленія духа, которыя одно съ другимъ не вяжутся.

2. Г. Безсоновъ опирается на слова Екатерины, переданныя Храповицкимъ (30-го января 1789 года) о томъ, что Кобенцель, вмѣстѣ съ Сегюромъ присутствовавшій наканунѣ при представленіи „Горе-богатыря“, „заводилъ къ разнымъ уподобленіямъ“. Въ этомъ выраженіи г. Безсоновъ видитъ намекъ на примѣненіе выходокъ пьесы къ Потемкину. Замѣтимъ однакожъ: во 1-хъ, что такое заключеніе трудно вывести изъ замѣчанія Екатерины: смыслъ словъ „разныя уподобленія“ чрезвычайно широкъ, и вовсе нѣтъ повода подразумѣвать въ нихъ намека на Потемкина; притомъ невѣроятно, чтобы Кобенцель, зная благосклонность императрицы къ этому вельможѣ, сталъ сближать

значеніе оперы съ его недостатками. Но если бъ даже германскій посолъ и позволилъ себѣ выразить такую смѣлую мысль, значило ли бы это, что осмѣяніе Потемкина было цѣлью автора пьесы? Наконецъ, всякое сомнѣніе на этотъ счетъ разсѣется, когда мы обратимъ вниманіе на отвѣтъ Сегюра, спрошеннаго Екатериной при этомъ же представленіи: „Qui se sent morveux, se mouche", сказалъ онъ, „et que c'est bien délicat de répondre par des plaisanteries à des manifestes et déclarations impertinentes" (то-есть: у кого носъ полонъ, тотъ сморкается. Какая деликатность — отвѣчать шутками на дерзкіе манифесты и деклараціи). Не совершенно ли ясно изъ этихъ словъ, что Сегюръ открыто примѣняетъ пьесу къ шведскому королю, и государыня не возражаетъ на это.

3. Шведскій посолъ Стедингъ, послѣ заключенія мира, выражалъ желаніе ознакомиться съ *комедіей* на Густава; а такъ какъ „Горебогатырь" — *опера*, то значитъ, по мнѣнію г. Безсонова, что этотъ дипломатъ разумѣлъ какую-то другую пьесу. Но извѣстно, что названіе *комедія* часто употребляется въ самомъ обширномъ смыслѣ театральнаго сочиненія вообще, а притомъ Стедингъ могъ и просто не знать, къ какому именно виду драматической литературы принадлежало надѣлавшее столько шуму произведеніе Екатерины II.

По самому смыслу какъ цѣлаго, такъ и частей и каждой черты своей, оно не могло относиться ни къ кому иному, кромѣ Густава. Что въ карикатурѣ Горе-богатыря, отъ начала до конца пьесы, рисуется одно и то же лицо, это еще болѣе бросается въ глаза, когда обратимъ вниманіе на то, что́ императрица писала о немъ Потемкину вскорѣ послѣ начала войны съ Швеціей. Вотъ отрывокъ изъ письма ея отъ 3-го іюля 1788 года:

„Король шведскій себѣ сковалъ латы, кирассу, броссары (наручи), и квиссары (набедренники) и шишакъ съ преужасными перьями. Выѣхавши изъ Штокгольма говорилъ дамамъ, что онъ надѣется имъ дать завтракъ въ Петербургѣ (читай: въ Петергофѣ), а садясь на галеры, сказалъ qu'il s'embarque dans un pas scabreux (что дѣлаетъ опасный шагъ). Своимъ войскамъ въ Финляндіи и шведамъ велѣлъ сказать, что онъ намѣренъ превосходить дѣлами и помрачить Густава Адольфа и окончить предпріятіе Карла XII (послѣднее сбыться можетъ, понеже сей началъ разореніе Швеціи); также увѣрялъ онъ шведовъ, что меня принудитъ сложить корону. Сего вѣроломнаго государя поступки похожи на сумасшествіе. Съ симъ курьеромъ получишь манифестъ мой — объявленіе войны; оскорбленія наши многочисленны; мы отъ роду не слыхали жалобы отъ него, а теперь невѣдомо за что разозлился: теперь Богъ будетъ между нами судьею. Буде

намъ Богъ поможетъ, то его намѣреніе есть уѣхать въ Римъ, принять римскій законъ и жить, какъ жила королева Христина [1]).

Начерченной здѣсь рукою раздраженной императрицы образъ короля Густава III не перестаетъ во все продолженіе оперы являться подъ перомъ ея.

Въ „Дневникѣ“ Храповицкаго замѣтки о неожиданныхъ вооруженіяхъ Густава начинаются уже съ 4-го мая 1788 года, а желчныя противъ него выходки Екатерины — съ 28 того же мѣсяца. Почти дня не проходитъ безъ разговоровъ о немъ. Въ нихъ видно величайшее раздраженіе: государыня выставляетъ его смѣшнымъ, называетъ сумасшедшимъ (fou), говоритъ о его „дурачествахъ“ и безстыдствѣ, выражаетъ желаніе „дабы на всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ“, сравниваетъ его то съ Пугачевымъ, то съ героемъ Ламаншскимъ, словомъ, всѣ мысли и вся дѣятельность Екатерины заняты новымъ врагомъ ея, направлены къ нанесенію ему вреда всѣми возможными средствами. Въ то же время, съ театра турецкой войны получаются извѣстія объ успѣхахъ, хотя и не блестящихъ, но все-таки успокоительныхъ, о сраженіяхъ, выигранныхъ на Лиманѣ, о вылазкахъ, объ отраженіи непріятеля отъ Кинбурна, о ходѣ осады Хотина, окончившейся взятіемъ его. О Потемкинѣ императрица отзывается то съ благоволеніемъ, то по крайней мѣрѣ безъ негодованія [2]). Притомъ во все это время она не перестаетъ вести съ нимъ по прежнему дружескую, откровенную переписку и ни однимъ словомъ не выражаетъ ему и тѣни неудовольствія.

Послѣ всего этого, есть ли малѣйшее вѣроятіе, чтобы Екатерина обратила противъ своего любимца ѣдкія насмѣшки, внушенныя ей поступками Густава, и примѣнила къ Потемкину продолженіе пьесы, о которой Храповицкій въ первый разъ такъ выразился 29-го іюля, то-есть недѣли черезъ 3 — 4 послѣ письма (откуда мы привели отрывокъ): „Читали начало комической оперы *Кославъ*. Тутъ представляется приготовленіе на войну короля шведскаго. Не знаю какъ кончу; вчера только начала, чтобъ разбить мысли“.

Очевидно, что „Горе-богатырь“, по духу и содержанію, былъ въ тѣсной и неразрывной связи съ „Кославомъ“; измѣнено было только заглавіе комической оперы, получившей новое развитіе послѣ того, какъ императрица провѣдала о „Фуфлыгѣ-богатырѣ“ и ознакомилась съ этою сказкой.

Но главный доводъ, которымъ опрокидывается догадка г. Безсо-

[1]) Напечатано въ брошюрѣ покойнаго Лебедева: „Графы Н. и П. Панины“, 1863. стр. 307.

[2]) См. „Дневникъ“ Храповицкаго, 1788 года, іюня 23 и 26, іюля 11 и 13 (награда Потемкину, 4-я побѣда на Лиманѣ), 17 и 26; августа 31 (реляція о вылазкѣ); сентября 5 (занятіе Яссъ) и проч.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА

ДЛЯ УЯСНЕНІЯ РОДСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЙ ЕКАТЕРИНЫ II и ГУСТАВА III

(Къ статьѣ: „Екатерина II и Густавъ III“).

ГОЛШТИНСКІЙ ДОМЪ

Фридрихъ † 1659

Христіанъ Альбрехтъ † 1695

Фридрихъ IV, герцогъ, подъ покровительствомъ Карла XII. Убитъ при Клиссовѣ, † 1702. Супруга **Гедвига**, сестра Карла XII, † 1708.

Христіанъ Августъ, администраторъ Голштиніи во время малолѣтства племянника Карла Фридриха, † 1726. Супруга **Альбертина** Баденъ-Дурлахская † 1785

Карлъ Фридрихъ † 1739 Лишился Шлезвига. Супруга **Анна Петровна**, дочь Петра В. † 1728.

Карлъ Августъ, ум. 1 іюля 1727 въ Петербургѣ женихомъ **Елисаветы Петровны.**

Адольфъ Фридрихъ, избранъ на шведскій престолъ 1743 г., по желанію Елисаветы Петровны, † 1771. Супруга **Луиза Ульрика**, сестра прусск. короля Фридриха II, † 1782.

Іоанна Елисавета род. 1712 † 1760. См. Ангальтъ - Цербстскій домъ: Христіанъ Августъ).

Петръ III съ 7 ноября 1742 г. наслѣдникъ русскаго престола, † [illegible] іюля 1762 г. Супруга **Екатерина II** † 1796

Густавъ III, король шведскій съ 1771 г., † 1792 г. Супруга **Софія Магдалина Датская**, † 1813.

Екатерина II (См. Ангальтъ - Цербстскій домъ).

ОЛЬДЕНБУРГСКІЙ ДОМЪ.

Фридрихъ-Августъ, родоначальникъ Ольденбургскихъ вел. герцоговъ съ 1774; † 1785 г. Супруга **Ульрика Фридерика** Гессенъ Кассельская † 1787.

Георгъ Людвигъ, родоначальникъ младшей линіи Ольденбургскаго дома, † 28 августа 1763 г., русскимъ фельдмаршаломъ. Супруга **Софія Шарлотта** Гольштейнъ-Бекская, † 28 іюля 1763 (за мѣсяцъ до супруга)

Петръ Фридрихъ Вильгельмъ, наслѣдовалъ отцу подъ опекою своего двоюродн. брата Петра 1785, † 1823.

Гедвига Елисавета Шарлотта † 1818 г. Супругъ Карлъ XIII, король шведскій, братъ Густава III, † 1818.

Августъ † 1774 г. (Сб. Истор. Общ. XIII, стр. 413, 458,

Петръ I, род. 1755, епископъ Любекскій и администраторъ герцогства Ольденб. за слабоуміемъ двоюродн. брата Петра Фридр. Вильг., † 1829 г. Супруга **Фридерика Виртембергск.**, † 1785.

Августъ † 1853 г. Супруги 1) **Адельгейда** 2) **Ида**, сестры, Ангальтъ-Бернбургскія, 3) **Цецилія**, дочь Густава IV шведскаго. † 1844

Георгъ, род. 1784. † 1812 г. Супруга **Екатерина Павловна**, † 1819

Петръ II, род. 1827. Супруга **Елисавета** Саксенъ-Альтенбургская.

Петръ Георгіевичъ, род. 26 авг. 1812 г. Супруга **Тереза** Нассаусская † 1871

АНГАЛЬТЪ-ЦЕРБСТСКІЙ ДОМЪ.

Рудольфъ † 1622, сынъ Іоакима († 1586) соединившаго подъ своею властью всѣ ангальтскія земли.

Іоаннъ † 1667. Супруга **Софія** Гольштейнъ-Готторпская

Іоаннъ Людвигъ † 1704. Супруга **Христина Элеонора** Саксенъ-Цейцъ.

Іоаннъ Людвигъ † 1746.

Христіанъ Августъ, род. [illegible] † 1747. Въ бракъ вступилъ [illegible] бря 1727 съ Іоанной Елисаветой (см. Голштинскій домъ)

Софія Августа Фридерика (Екатерина II, см. Голштинскій домъ), род. 21 апр. (2 мая) 1729, † 6 (17) ноября 1796 г. Супругъ **Петръ III** † 1762 (см. Голштинскій домъ)

Фридрихъ Августъ род. 1734, † 17[illegible]. Супруга Фридерика Ангальтъ-Бернбург. Послѣдній владѣтельный Ангальтъ-Цербстскій.

нова — нравственнаго или психологическаго свойства. Какъ допустить мысль, чтобы Екатерина, поручивъ Потемкину веденіе военныхъ дѣйствій противъ турокъ, позволила себѣ, въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ, осмѣивать его на эрмитажномъ театрѣ, въ присутствіи представителей иностранныхъ дворовъ? Для кого и для чего она стала бы это дѣлать? Она могла доставить себѣ удовольствіе потѣшиться, въ обществѣ довѣренныхъ лицъ, надъ государственнымъ и личнымъ врагомъ, но почти публично издѣваться надъ главнымъ сотрудникомъ своимъ, которому ею же самою поручена судьба войны, — это было бы, прежде всего, въ высшей степени несогласно съ тою мудростью, которая отличала всѣ поступки Екатерины. Если бъ она была серіозно недовольна распоряженіями Потемкина, какъ полководца, то конечно выразила бы это не безплоднымъ пасквилемъ въ его отсутствіи, а отозваніемъ его съ театра войны и порученіемъ дѣла другому.

III.

Journal du voyage du Roi à St.-Pétersbourg en 1777 [1]).

Ayant trouvé les circonstances favorables d'exécuter le dessein que j'avois il y a si longtems de m'aboucher avec l'Impératrice pour écarter d'elle toutes les mauvaises impressions défavorables que les ennemis de mon état ont tâché de lui donner contre moi et pour éffacer entièrement de son esprit l'aigreur que la journée mémorable du 19 août 1772 lui avait inspirée, je pris à Ulriksdal le 10 d'août le parti de faire cette année même [2]) le voyage de Pétersbourg. Il était essentiel de cacher ce dessein et d'en dérober l'exécution j'usqu'au moment où les choses parleraient d'elles-mêmes; c'est pourquoi je convins avec le général Troll, qui devait partir pour la Finlande: 1-o, de faire équiper à Sveaborg un turoma sous prétexte d'exercer les officiers; 2-do, de proposer par un mémoire (que je ferais remettre au Conseil) d'envoyer une galère en Finlande pour faire manoeuvrer la partie des officiers de la flotte de l'armée qui ne s'étoit point exercée sur un pareil vaisseau, tandis que les officiers de l'amirauté qui venoient d'être incorporés à la flotte de l'armée, manoeuvreroient sur le turoma qui viendroit à Stockholm; 3-o, de se rendre lui-même, à bord du turoma, à Stockholm assez à tems pour que j'en puisse partir entre le 8 et le 10 juin.

---

[1]) Чтобы дать читателю понятіе о правописаніи Густава III, выписываю со всею точностью нѣсколько строкъ второй страницы подлинной рукописи этого дорожнаго журнала: „Mon dessin ettoit de me servir du Tourromma (vaissaux plus commodde et agreable qu'une Galleire) j'usqu'a Sveaborg ou je montererois sur La Galleire qui devoitt me porter jusqu'a Pétersbourg".

[2]) Т. е. въ 1777 году, когда это писано.

Mon dessein étoit de me servir du turoma (vaisseau plus commode et agréable qu'une galère) jusqu'à Sveaborg où je monterois sur la galère qui devoit me porter jusqu'à Pétersbourg. Je fis en même tems écrire au comte de Creutz, mon ambassadeur à Paris, pour lui ordonner d'acheter des diamans, des boîtes et des portraits enrichis de pierreries pour les présens nécessaires à un pareil voyage, et je fixai une somme de 20 m. écus de banque pour cet usage. Je fis écrire en même tems au baron de Nolken, mon envoyé extraordinaire à Pétersbourg, d'annoncer mon arrivée à l'Impératrice, de lui en demander le secret et de savoir si le tems que j'avois choisi pour venir la voir lui seroit agréable. Il devoit ensuite régler avec le c. Panine tout ce qui regardoit le salut que la citadelle de Kronslott, devant laquelle ma galère devoit passer, devoit lui donner. Comme cet article est très délicat, nos plénipotentiaires n'ayant jamais, pendant deux congrès, pu parvenir à le régler, pour éviter toutes les dissentions qui auroient pu amener des explications désagréables de part et d'autre et si éloignées du but d'un voyage entrepris pour cimenter la paix et l'union, je fis proposer que comme je comptois garder un incognito parfait à l'instar de celui de l'Empereur et que le pavillon de la galère ne seroit que celui de l'officier qui la commanderoit, je souhaitois qu'on ne tirât aucun coup de canon ni de la galère, ni du château. Le même jour je fis écrire à mon ambassadeur à Paris pour lui ordonner de faire part au ministère...,. [1]), sous le sceau du secret, de mon voyage. Toutes ces choses étant faites, je m'occupai des arrangemens nécessaires pour mon départ, que je dérobai aux yeux de la cour et du public par les préparatifs du tournoi qu'on devoit tenir à la fin de mois de Mai à Stockholm. Cependant la galère le Séraphim s'armoit dans l'arsenal de la marine à Stockholm et on achevoit de la dorer et de la repeindre à neuf, tandis que le turoma s'appareilloit dans le port de Sveaborg, sans que personne ne se doutât ni fît attention. Le secret dura ainsi jusqu'au 15 de Mai, quatre jours avant le départ de la galère, qui partit le 19. La poste de Finlande apporta des lettres de Pétersbourg où on parloit de mon voyage, et les esprits étant réveillés par ce bruit donnèrent plus d'attention à la beauté du bâtiment et à la magnificence qui ne paroissoit point cadrer aver sa destination. L'arrivée de M. de Troll avec le turoma le 27 de Mai au soir confirma le public et les assura de la vérité de leurs soupçons, et le secret n'eut plus besoin d' être gardé. Lorsque la réponse de Russie arriva la 27 Mai au matin, les diamans commandés de France étant arrivés la veille, tout étant prêt, je me rendis le 30 Mai au sénat pour lui faire part de mon voyage et lui dire que je laissois mon frère à Stockholm pour y commander pendant mon absence. Le soir

---

[1]) Неразобранное слово.

même tout Stockholm sut mon départ, que je fixai entre le 7 et le 9. Je nommai pour m'accompagner à Pétersbourg:

Les Sénateurs:

Comte Ulric Scheffer.
Comte Maurice Posse.
Mes deux chambellans.
Le comte de Stenbock.
Le comte Nils Posse.
Mon 1-r page de la chambre.
Gentilhomme ordinaire de la cour, M. de Cederfelt.
Mes deux pages de ma chambre et de l'Ecurie.
Comte Clas de Löwenhaupt et baron Nils de Koskul.
Mon premier médecin le sieur Dahlberg.
Mon 1-r valet de chambre le sieur Helman.
Mes deux garçons de la chambre Purspillon et Griberg.
2 coureurs.
2 valets de pied.

Le comte d'Hamilton, lieutenant de mes gardes du corps de quartier, avec quatre gardes du corps, devoit m'accompagner jusque sur la frontière de Suède, où je prendrois l'incognito. Les quatres gardes étoient:

M. le baron d'Uggla,
M. d'Uggla,
M. de Hierta et
Le sieur Peyron.

Samedi, 7 Juin.

Je me suis embarqué à 5 heures du soir devant le château de Stockholm; je descendis accompagné de mon frère, des sénateurs comtes d'Höpken, Fersen, Horn, Schwerin, baron de Sparre, comte d'Hessenstein, de mes chambellans, baron d'Ernsvärd, baron Bengt Sparre, du lieut.-général comte Casimir Lewenhaupt, capit: des gardes du corps, du b. Charles Ernsvärd, commandant les chevaux légers de la garde, du chancelier de la cour b. Fr. Sparre, de mes deux écuyers ordinaires Monsieur de Munk et baron d'Essen, du général Stakelberg, du comte Gyllenstolpe, du baron Fr. Hamilton, du baron Sébastian Löwenhaupt, cap: des gardes, qui avoit la garde ce jour-là, du jeune comte Axel Fersen, qui avoit la garde pour les chevaux légers de la Garde, de mon 1-r page de la chambre Wricht, de plusieurs de mes pages et autres officiers de ma maison. Mon frère étoit accompagné du général Mörner, son 1-r écuyer, du comte Adam Löwenhaupt, du baron Wachtmeister et du baron de Rammel. Tout le pont étoit bordé d'une foule de noblesse et d'un peuple immense.

Après avoir attendu un moment dans la chaloupe, ma belle-soeur arriva accompagnée de ses deux filles d'honneur, mesdemoiselles de Strockirch et Koskul, de M. de Torvigg, son 1-r écuyer, des comtesses Löwenhaupt et Clas Horn, et suivie des comtesses Axel Fersen, Meyerfelt, Ribbing, Lantingshausen et le C-te Scheffer. La reine vint un moment après, accompagnée de la comtesse de Fersen, sa gouvernante, et de la comtesse de Cederhielm, des baronnes de Wrangel, Örnskiöld, ses dames du palais, du sénateur de Bielke, son grand maître, du comte Charles Piper, son grand chambellan, et de M. M. Stedingk, ses chambellans baron Bror Cederström, baron Anton de Geer et du baron Rålamb, son écuyer de la cour.

Tout le monde étant embarqué, nous partîmes dans plusieurs chaloupes et abordâmes un moment après le turoma Biörn Jernsida, qui devoit me conduire en Finlande. Le général-major commandeur de l'ordre du cap. de Troll me reçut en pied de l'escalier; il commandoit le vaisseau pour mon passage. M. d'Ankarsvärd, lieut. colonel, les majors de Stedingk et baron de Rehbinder étoient les officiers de l'état-major qui avoient sous lui le commandement. Le turoma étoit escorté de deux barcasses armées, qui portoient les provisions, et d'un yacht. On mena la reine, la duchesse et les dames dans la chambre de poupe, et pendant qu'on servoit aux dames une collation, nous levâmes l'ancre et partîmes au bruit des canons et aux cris de tout le peuple qui bordoit le port. La reine, mon frère, ma bellesoeur et leur suite me quittèrent à Blockhusudd, où ils se mirent dans les mêmes chaloupes qui nous avoient conduits au vaisseau; on salua la reine de tous les canons. A 8 heures 3/4 nous étions déjà à Vaxholmen et nous avions, avant le souper, passé Furusund.

Dimanche, 8 Juin.

A mon réveil à 9 heures on m'apprend que j'ai passé la mer d' Åland, et à 2 heures après-midi nous jetons l'ancre de l'autre côté de Korpoström à Wilhelmsund. Le vent est devenu contraire pendant le trajet de cette nuit. Le vent a été si gros qu'un bâtiment de Finlande (en finnskute) a perdu son mât à côté de mon vaisseau. J'ai écrit à mon frère un billet qu'un bâteau de Finlande est allé porter à Åbo pour aller par la poste à Stockholm, et j'ai écrit un mot à Munk, dont la séparation m'a beaucoup coûté. Nous avons laissé derrière nous le barcasses et même le bâtiment finnois où on avoit embarqué les voitures pour Pétersbourg; mais pendant le vent contraire ils nous ont rejoints, ainsi que le yacht qui étoit resté deux heures après nous à Stockholm pour prendre les livrées qui ne furent achevées qu'un moment après notre départ. Le vent étant devenu favorable, nous avons levé l'ancre à 10 heures et trois quarts ce soir, et nous sommes en pleine navigation; à l'heure de mon coucher

à minuit et demi le vent est bon, mais petit. J'ai tenu cabinet et j'ai donné les charges que mon départ avoit fait différer.

Lundi, 9 Juin.

En me réveillant ce matin à neuf heures on m'annonce que nous avons fait 10 lieues. Le vent est très petit. Nous découvrons à 11 heures et demie le feu d'Hangöudd. Les barcasses, ainsi que le yacht, nous suivent, et le bâtiment qui porte nos voitures nous précède d'une demi-lieue. A midi et demi nous doublons le cap d'Hangö-udd et nous découvrons la côte de la Finlande. Le vent est devenu fort bon. A 6 heures nous passons par Baresund. Le vent ayant continué d'être bon, nous serions arrivés avant minuit à Sveaborg, si un brouillard épais ne s'étoit élevé; il nous força à jeter l'ancre à 10 heures et demie à Porkala; mais comme le vent continue à être favorable, dès qu'il fera jour, on levra l'ancre et nous pourrons être pourtant avant 6 heures demain matin à Sveaborg. Pendant le trajet d'aujourd'hui j'ai tenu conseil avec les deux sénateurs qui m'accompagnent, et j'ai terminé plusieurs affaires courantes qui n'avoient pu, avant mon départ de Stockholm, être terminées plus tôt, ainsi que les protocolles d'aujourd'hui en font foi.

Mardi, 10 Juin.

A une heure et demie du matin nous levâmes l'ancre, et on vint à 5 heures m'éveiller pour m'apprendre que nous décrivions Sveaborg; on ne nous attendoit pas sitôt, et nous n'étions encore qu'à un quart de lieue, quand on avertit le commandant, le comte de Sparre, de ce que la sentinelle de Gustafsvärd voyoit approcher un vaisseau qui portoit un pavillon particulier. Le comte de Sparre, sur cet avis, monta sur la plateforme de la maison, et aperçut avec un grand étonnement mon vaisseau, qui n'étoit qu' à une portée de canon et qu'il reconnut d'abord au pavillon royal qui flottait au haut du grand mât. Il fit dans l'instant arborer le pavillon sur le grand bastion de Gustafsvärd et battre la caisse, mais nous entrions déjà dans le port, où il vint dans sa chaloupe me recevoir; nous jetâmes l'ancre à 6 heures et demie, n'ayant mis que soixante heures entre Stockholm et Sveaborg, en comptant même tout le tems que nous avons été à l'ancre les deux dernières journées. Un moment après mon arrivée je passai sur la galère Le Séraphim, de 22 paires de rames, où je fis tout préparer pour mon embarquement, qui doit se faire à 5 heures ce soir, et je revins dîner à bord du turoma, d'où je dépêchai un de mes gardes du corps (le jeune Peyron) à Pétersbourg pour donner avis au baron Nolken de ma prochaine arrivée, ayant appris, en arrivant, que le courrier du cabinet, Leckberg, qui portoit une

lettre pour l'Impératrice et qui étoit parti de Stockholm le dimanche 1 Juin, n'avoit passé par Helsingfors que samedi dernier. Peyron portoit ordre au baron de Nolken de venir, le plus loin qu'il lui fût possible en mer, à ma rencontre pour me donner le tems de prendre de lui les éclairsissemens nécessaires sur les dispositions de la cour de Pétersbourg. Le général baron de Stackelberg, qui commande en Finlande, et le général-major comte Jean de Sparre, commandant de Sveaborg, vinrent à bord dîner avec moi; aprés le dîner je me mis avec eux dans une chaloupe, accompagné du sénateur comte de Posse, du comte de Stenbock, de mon lieutenant des gardes du corps le comte d'Hamilton, de Cederfelt, du jeune baron Koskul et de deux gardes du corps, pour aller voir le camp Nylandois, infanterie, gui campoit à Helsingemalm à une lieue de Helsingfors. Nous débarquâmes auprès du moulin de Gamla Staden, et je fis le reste du chemin à pied, qui étoit d'un quart de lieue et demie de Suède. Le vieux M. de Stackelberg resta à m'attendre dans la chaloupe. son âge et sa taille énorme ne lui permettant pas de me suivre, ni à pied ni en voiture. Le comte de Posse prit une petite chaise qu'il trouva en tournant derrière une maisonnette, et nous autres fîmes le chemin à pied, comme des pélerins; nous arrivâmes par le grand chemin qui va d'Helsingfors à Borgo, sur l'aile gauche du camp. Personne ne m'attendoit, et le colonel Armfelt (qui dans sa place de lieutenant-colonel commandoit le régiment en l'absence du général Troll) venoit dans le moment même d'apprendre mon arrivée en Finlande, fut si étonné de me voir dans sa tente qu'il me regarda longtems sans pouvoir proférer un mot, ce qui m'amusa beaucoup. Après en avoir ri avec lui, je lui ordonnai de faire prendre les armes au régiment et le faire manoeuvrer pour moi, sans qu'ils se donnassent la peine de se mettre en gala. ce qui n'eût fait que faire perdre le tems. Le régiment prit les armes, et je fus plus content des soldats que des officiers; les hommes sont beaux et grands, ont un air militaire et robuste qui est particulier au troupes suédoises. Après la manoeuvre je me mis à cheval sur un petit bidet qu'on m'amena, et m'étant remis dans la chaloupe au même endroit où je l'avois quittée, je retournai dans l'intention de faire une visite au comte de Sparre à Sveaborg, si ma galère n'étoit pas prête; mais en passant devant la galère le général Troll me cria par le porte-voix que tout étoit prêt pour le départ, ce qui m'engagea de monter sur la galère, et après avoir pris congé du général Stackelberg et du comte Sparre, nous levâmes l'ancre dans un calme parfait à 6 heures et trois quarts du soir. En arrivant dans la galère, le comte de Scheffer me montra une lettre du b. de Nolken, qu'il avoit reçue par un exprès, datée de Pétersbourg du trois de Juin, par laquelle il nous apprend que l'Imp: a ordonné à son aide-de-camp général le comte de Bruce d'aller au-devant de moi avec trois yachts de l'Impér. jusqu'à un passage difficile nommé Biörkön et

qu'elle souhaitoit de savoir si je voulois débarquer à Péterhof ou à Pétersbourg.

Mercredi, 11 Juin.

Le vent étant devenu totalement contraire, il fallut jeter l'ancre à 5 heures du matin; nous n'avons fait que deux lieues depuis les 6 heures et demie hier au soir. Le vent continua à être contraire toute cette journée, et le tems fut très gros; il fallut rester tranquille. J'employai ce tems a écrire au baron de Nolken. Il m'avait paru, par sa lettre au comte de Scheffer, qu'il n'avait pas bien saisi le sens de l'incognito que je voulois garder; je tâchai dans la dépêche de ce jour de lui détailler plus clairement mes intentions, et combien il étoit nécessaire de ne rien permettre qui pût contraster avec le nom que j'avois pris et la conduite que je comptois tenir. Je lui détaillai la manière que l'empereur avoit été en France et comme on avoit respecté son incognito, et que c'étoit à son instar que je souhaitois de régler ma manière d'être; nous envoyâmes cette lettre et une dépêche du comte de Scheffer qui l'accompagnoit, par un yacht à Sveavorg pour être portées par une extra-poste à Pétersbourg.

Jeudi, 12 Juin.

Un brouillard épais nous empêche encore aujourd'hui de continuer notre route, quoique le vent est devenu favorable. Le brouillard s'étant dissipé un peu, nous avons levé l'ancre à une heure et un quart, et nous allons à la voile, mais à 4 heures et demie il l'a fallu faire tomber de nouveau. Une demi-heure après on l'a levé, et quoique le brouillard continue, on a mis à la voile.

M. de Bruce, gouverneur de Tavasthus et le lieut.-colonel Piper se sont rendus à bord ce matin; ils sont venus de Sveaborg sur un yacht, sur la représentation du gouverneur; je lui ai donné un ordre pour le comte de Sparre de suspendre la revue de commissaire du régiment de Nyland, infanterie, jusqu'à l'année prochaine. Malgré le brouillard nous continuons notre route et nous passons Pellingen entre onze heures et minuit.

Vendredi, 13 Juin.

Entre six et sept heures ce matin nous avons passé la frontière, et dans ce moment même j'ai fait ôter le pavillon royal qui flottoit sur le grand mât, et on va substituer un simple pavillon d'officier. J'ai pris en même tems l'incognito sous le nom du comte de Gothland, sous lequel j'ai déjà voyagé en 1771; j'ai quitté aussi tous mes ordres et je n'en porte plus. A 2 heures et demie nous découvrons Fredrikshamn, et après avoir tiré plusieurs coups de canon pour appeler les *lots* ou pilotes, on

a envoyé la chaloupe à terre, et comme elle s'est longtems fait attendre, il a fallu jeter l'ancre à 4 heures et un quart. La chaloupe est revenue à 5 heures et trois quarts avec un pilote. On a levé l'ancre de nouveau avec un vent favorable. Un calme parfait nous ayant surpris vers les huit heures, il fallut quitter les voiles et aller à la rame; il fait le plus beau tems du monde, et nous avons enfin l'espérance d'arriver demain à Pétersbourg.

Samedi, 14 Juin.

Le beau tems et le calme a continué pendant la nuit, mais vers le matin un petit vent s'est élevé, qui malheureusement a été contraire: il a fallu à dix heures et demie ce matin jeter l'ancre à côté d'une petite île nommée Pirssön, où on a fait descendre l'équipage pour le faire reposer et rafraichir. Nous avons diné à terre, et je me suis promené dans l'île, ce qui étoit assez agréable; nous avons trouvé des paysans Livoniens qui y venoient pêcher le strömling. Leurs femmes étoient affreuses; ils payoient pour chaque bâteau chargé à la ville de Fredrikshamn, à qui l'île appartient, un rouble, ce qui fait 140 deniers en notre monnoie. Je leur fis donner du brandevin et je donnai à leurs femmes trois petits écus (1/3 riksdaler) et un écu de banque de ma nouvelle monnoie, sur lequel est mon buste, pour le porter au collet comme un ornement. Il vint aussi des paysans Finnois russes, qui me donnèrent du poisson et que nous régalâmes de brandevin et de deux écus de banque. Nous leur dîmes de boire à la santé de l'Imp., mais ils ne le voulurent jamais, et ils dirent qu'ils vouloient plutôt boire à la santé du Roi de Suède, à qui ils avoient appartenu autrefois. Le brandevin qu'on leur avoit donné les avoit tellement enchantés que ces pauvres gens dirent qu'il falloit que le Roi de Suède fût bien plus riche que leur Impératrice, puisqu'il avoit une si bonne eau-de-vie. Après avoir dîné, nous remontâmes sur la galère et levâmes l'ancre à 3 heures et demie. L'officier le capit. Fren, qu'on avoit envoyé hier à Fredrikshamn, nous apprit que l'Imp. avoit commandé 2500 cavaliers pour m'escorter depuis la frontière et que les troupes avoient reçu ordre de parader, les forteresses de tirer 280 coups de canon, que 300 chevaux avoient été commandés pour moi à chaque relai, mais que depuis 8 jours ces ordres avoient été contremandés, puisqu'on avoit appris que je comptois venir par mer. A 7 heures le vent s'étant élevé et devenant contraire, nous fûmes obligés de jeter l'ancre près de Pelis-pass; je me fis mettre à terre pour voir un village qu'on découvroit confusément de la galère. Ce village étoit bâti comme les nôtres en Finlande; aussi n'y avoit-il que des Finnois russes qui l'habitoient, mais nous y trouvâmes une vingtaine de paysans moscovites qui travailloient à une carrière de pierre à une demi-lieue de là et qui se baignoient dans un bain chaud de vapeur. Ils y étoient hommes et

femmes pêle-mêle, tout nus; je les vis par une petite ouverture à la muraille, qui servoit de fenêtre. A ce taudis il faisoit une chaleure affreuse et une vapeur terrible; ils se lavoient le corps en se jetant dans un grand baquet d'eau et en se frottant avec des bouquets de feuilles si violemment que leurs corps étoient tout cramoisis; ils sortirent de là tout nus et allèrent se jeter dans l'eau froide du lac où ils plongèrent et nagèrent; ensuite ils rentrèrent dans leur bain et recommencèrent plusieurs fois le même train; leurs femmes ne voulurent point cependant aller se baigner dans le lac par modestie pour les étrangers. J'entrai ensuite dans une des maisons du village qui étoit très propre, mais où il y avoit une puanteur très désagréable et qui est particulière aux Russes. Nous retournâmes ensuite pour souper et coucher sur la galère.

Dimanche, 15 Juin.

Le vent étant assez fort, mais contraire, je pris le parti de quitter la galère, qui pouvoit peut-être encore être obligée de rester dans le même endroit plusieurs jours, pour m'embarquer sur le yacht qui avoit servi d'avant-garde pendant tout le voyage — le bâtiment léger pouvant convoyer et aller même à la rame avec assez de facilité, et comme il ne nous restoit que onze lieues à faire pour arriver à Pétersbourg, je préférai le bâtiment qui avec certitude pouvoit me conduire au plus tard (le vent devenant même toujours contraire) demain au soir à Pétersbourg, à celui qui pourroit encore me retarder de deux à trois jours. J'ordonnai donc à M. de Troll de faire transporter les choses les plus nécessaires sur le yac ht. Je m'y embarquai à neuf heures et demie avec le général Troll, le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, mes deux pages, le comte de Löwenhaupt et le baron de Koskul, et je ne pris pour domestiques que deux garçons de la chambre, un valet de pied et un coureur. Le lieut: colonel Ankarsvärd, qui avoit déjà commandé le turoma de Stockholm à Sveaborg, conduit ce yacht. Les deux sénateurs prirent un autre yacht nommé Gå på, et nous laissâmes le gros du bagage sur la galère avec ordre de jeter l'ancre à Cronstadt et d'envoyer les affaires à terre par des chaloupes. Le vent fut très petit jusque vers les mêmes heures qu'il commença à s'élever, et devint vers les trois heures fort et très bon; nous allâmes ainsi jusque vers les 5 heures et demie, qu'il fallut jetter de nouveau l'ancre pour attendre un pilote (lots); on mit la chaloupe en mer, et je me mis dedans pour aller voir une petite église que nous vîmes au bord de l'eau et que nous prîmes pour une église grecque. M. de Troll, le comte de Stenbock, le comte de Löwenhaupt et M. de Cederfelt me suivirent; nous trouvâmes beaucoup de paysans finnois fort bien mis, nous envoyâmes chercher un pilote. L'église étoit luthérienne et les deux prêtres parloient très bon Suédois: ils avoient deux

soldats russes chez eux pour les défendre des voleurs qui avoient, il y avoit 10 ans, pillé et brûlé le village. Après avoir vu l'église, nous partîmes et allâmes faire une visite aux sénateurs sur leur yacht, et après être remontés sur le mien, le pilote étant arrivé, nous levâmes l'ancre par un vent très favorable à neuf heures et un quart du soir.

Lundi, 16.

A deux heures et demie du matin on vint m'éveiller pour m'apprendre qu'on découvroit Cronstadt et Oranienbaum. Le vaisseau de garde avoit donné un signal, il avoit levé l'ancre au moment qu'il nous avoit découverts. Une demi-heure après nous vîmes une petite chaloupe qui portoit un officier avec l'uniforme suédois; nous lui fîmes signe avec des mouchoirs de s'approcher de nous. Lorsqu'il fut à la portée de la voix, il demanda si le comte de Gothland étoit à bord du yacht ou de la galère. Je lui répondis moi-même qu'il étoit à bord du yacht; il monta d'abord et me présenta des dépêches du baron de Nolken, qui étoit déjà depuis le jeudi à m'attendre à Cronstadt. Un moment après il arriva dans une chaloupe de l'amiral Greigh: nous jetâmes l'ancre devant Cronstadt à 5 heures et trois quarts du matin. Il me présenta une lettre de l'Impératrice en réponse à celle que je lui avois écrite du 1-r de ce mois, remplie des choses les plus honnêtes et les plus polies; il me dit qu'il avoit été le jeudi à Tsarsko-Sélo où il avoit vu l'Imp., et tout ce qu'il me dit m'a promis une réception agréable. Elle avoit compté venir à Péterhof pour m'y recevoir, mais des réparations faites au château n'ayant pas été achevées, elle étoit restée à Tsarsko-Sélo; d'ailleurs on ne m'avoit attendu que vers le 19 de ce mois, et la surprise avoit été fort agréable. Le b. de Nolken me dit que si je voulois éviter l'affluence du peuple qui à la vue de la galère s'assembleroit sur le port, il falloit débarquer à Oranienbaum où il avoit fait venir des voitures pour me transporter par terre à Pétersbourg, Je pris ce parti et ordonnai au général Troll de conduire son escadre à Pétersbourg; après m'être habillé, je me mis dans la chaloupe qui avoit amené le baron de Nolken avec le comte de Stenbock, M. de Cederfelt, le comte de Löwenhaupt, et nous allâmes descendre dans les jardins de Cronstadt par un beau canal qui va du pied du château jusque dans la mer. Le soleil se levoit dans ce moment, et le beau temps, joint à la superbe vue de Cronstadt de la grande mer chargée d'une forêt de vaisseaux, l'entrée du port de Pétersbourg, la côte de la Finlande, de Strelna et de Péterhof formoient le plus beau coup d'oeil qu'on pouvoit voir. Je ne fis que traverser le château et la cour d'Oranienbaum pour me mettre dans les voitures qui m'attendoient dans la seconde cour. Je montai dans le carrosse de Nolken; le comte Stenbock, M. de Cederfelt et le jeune comte Löwenhaupt mon-

tèrent dans une autre voiture, et nous en laissâmes deux pour les sénateurs et le comte Nils Posse. Quoiqu'Oranienbaum est distant de Pétersbourg de 40 verstes, ce qui fait 4 lieues de Suède, nous fîmes ce chemin en trois heures et arrivâmes à neuf heures et trois quarts à Pétersbourg sans changer de chevaux, tant leurs isvochiques sons bons; ils ont un air particulier avec leur grande barbe et leurs habits à la Russe; mais ce sont les meilleurs cochers qu'on peut avoir, et l'usage le plus commode, surtout pour les étrangers. Arrivé à dix heures moins un quart à Pétersbourg, je descendis à l'hôtel du b. de Nolken et je lui fis sur-le-champ écrire un billet au comte de Panine (qui logeoit dans la même rue que lui) pour lui demander une heure pour moi. Un petit quart d'heure après il reçut réponse du comte de Panine, qui venoit de se lever. Il fit dire au b. de Nolken qu'il étoit bienvenu et qu'il l'attendoit. Le c. Panine ne sachant pas mon arrivée ajouta qu'il lui feroit plaisir de lui faire savoir des nouvelles des voyageurs; je fis répondre pour le baron de Nolken, qui étoit monté pour voir sa femme, qu'il auroit l'honneur de les lui porter lui-même. Je dis à Nolken de me mener, et nous allâmes ensemble dans sa voiture chez le comte Panine. Nous traversâmes plusieurs pièces où il y avoit une quantité d'officiers de la maison qui me regardoient avec étonnement; j'avois mon habit bleu à la Charles XII et le mouchoir blanc autour du bras gauche sans aucune marque qui pût déceler ma dignité; j'avois dès la frontière quitté mes droits, et comme je marchois après le baron de Nolken, mais d'un air assez libre, ils ne se doutèrent pas avec certitude qui j'étois. Nous entrâmes ainsi jusque dans un cabinet où le c. Panine s'habilloit; il venoit de mettre sa chemise qu'il étoit occupé à fourrer dans ses culottes. En apercevant Nolken, il lui dit: „Ah! mon cher baron, soyez le bienvenu! Eh bien, quelles nouvelles venez-vous m'apporter?“ Dans ce moment il m'aperçut; je m'avançai, et je vis à ses regards son étonnement, qui augmenta lorsque Nolken pour toute réponse lui présenta M. le comte de Gothland. Je ne puis peindre son embarras et son étonnement: il vouloit ôter son bonnet de nuit qu'il avoit encore sur la tête, et il n'osoit lâcher ses culottes qu'il tenoit encore; au reste d'une main il me fit un compliment. Au milieu de tout cet embarras où je ne compris rien, et certainement il n'y comprenoit rien lui-même, et se tournant vers Nolken, il lui dit: „Mon cher baron, quel tour m'avez-vous joué?“ Nolken lui dit: „Je m'attendois bien à la surprise de V. Ex., mais il y a des étrangers auxquels je n'ose rien refuser“. Je pris la parole et lui dis que comme mon seul but dans le voyage que j'avois entrepris étoit de voir l'Imp., mon empressement étoit extrême de lui être présenté et que je n'avois pas voulu perdre un moment pour venir cher lui le prier de me procurer une pronte audience, m'indiquer le moment où je pourrois être présenté à l'Imp., qu'ayant depuis 20 ans le plaisir de le connoître j'avois cru

pouvoir le traiter en ancienne connoissance et que, quoique j'étois bien changé depuis que je ne l'avois vu, j'avois eu tant de preuves de ses sentimens pour ma patrie que je n'avois cru mieux le reconnoître qu'en venant familièrement chez lui. Pendant tout ce discours il avoit eu le tems de remettre ses culottes et sa chemise; il s'étoit un peu remis aussi de sa surprise et me répondit par un compliment très respectueux et très poli, mais à sa manière, qui est un langage particulier, fort diffus, plein de mots de répétition et pourtant exempt de choses superflues; il ajouta beaucoup de protestations de la part de l'Imp. et finit par se confondre en excuses sur la manière qu'il me recevoit. Le b. de Nolken lui dit en riant que le comte de Falkenstein avoit été encore plus mal reçu par M. de Maurepas, car on l'avoit fait attendre dans l'antichambre. Je me mis à rire et lui dis qu'on n'avoit pas pu mieux venir que moi, que j'avois voulu le surprendre et que je croyois que je l'avois fait, mais j'ajoutai: „Il faut vous laisser achever votre toilette; je m'en vais examiner votre maison avec le b. de Nolken, et comme je suis grand amateur de meubles, je vous en donnerai mes avis". Je pris ce prétexte pour le mettre à son aise, et je sortis aves le baron de Nolken, et je parcourus effectivement la maison, qui est très belle et superbement meublée, mais singulièrement distribuée comme presque toutes les maisons de Pétersbourg. Il y a un meuble de velours cramoisi et fait à Moscou fort beau, mais triste; les bronzes et les tables et les cheminées sont d'un travail précieux et d'une recherche infinie; tout ces meubles sont arrivés de Paris l'année passée et du plus grand goût. Les poiles me plurent beaucoup; ils ne ressemblent pas à de grandes armoires comme les nôtres, mais ils font le même service; ce sont des espèces d'autel à l'antique placé dans un coin de la chambre, sur lequel est une statue de l'Amour et au bas duquel est une petite porte pour y faire entrer le bois, qui, quand elle est fermée, représente une plaque de cuivre faite pour mettre une inscription. Le c. Panine arriva un moment après, tout habillé; il commença par me faire des excuses sur la manière qu'il m'avoit reçu et me mena dans son cabinet; je m'assis entre lui et le baron de Nolken [1]...

IV.

Изъ переписки Екатерины II съ Густавомъ III въ первое время послѣ его путешествія въ Петербургъ.

1. Изъ письма Екатерины II къ Густаву (безъ числа).

. . Tout ce qui regarde V. M. m'intéressant infiniment, il m'est venu

[1] Здѣсь дневникъ внезапно прерывается. Въ подлинной рукописи къ описанію печи въ комнатѣ графа Панина приложенъ рисунокъ, сдѣланный рукою короля, съ его же подписью: „Plan de la cheminée du cabinet du c. Panine à Pétersbourg".

à l'esprit que Sa santé précieuse pourrait courir quelque risque en mer du temps froid et humide qu'il fait: pour y obvier autant qu'il dépend de moi. j'ai chargé mon aide-de-camp le colonel Zoritch de porter à V. M. une fourrure de renard noir, la meilleure que notre climat nous fournit. Il aura en même temps l'honneur de vous présenter les marques de l'ordre de l'Epée qu'il a plu à V. M. de me donner. pour en décorer qui je voudrais. M. mon frère, je me fais une conscience d'en revêtir quelqu'un, ne connaissant point les instituts de cet ordre militaire: je La prie de vouloir bien en revêtir tel de mes sujets qu'Elle en jugera digne et d'être assuré que c'est avec la plus haute considération etc.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je pars pénétré de l'amitié et de la tendresse que V. M. m'a témoignées pendant tout mon séjour auprès d'Elle. Je compterai toujours pour les plus heureux momens de ma vie ces jours qui se sont si vite écoulés et que j'ai passés auprès d'Elle, et je compterai pour les plus beaux momens de ma vie ceux où je pourrai, Madame, vous donner des preuves des sentimens par lesquels je vous suis attaché. Votre aide-de-camp le colonel Zoritch m'a remis de votre part les marques de mon ordre de l'Epée que j'avois mises en vos mains. Puisque V. M. elle-même n'a pas voulu en disposer, je crus ne pouvoir mieux en disposer qu'en le donnant à un homme qui dans la carrière militaire a déjà donné pour votre service des preuves du courage et de la valeur qui donnent des titres à mériter cet ordre, et à une personne qu'il m'a paru que vous honoriez de votre estime et de vos bontés. Je ne doute pas qu'il honore autant cet ordre un jour par les grandes actions qu'il fera à la tête de vos armées qu'il m'a paru flatté de le recevoir. A mon retour à Helsingfors j'aurai l'honneur de vous envoyer la grande croix de l'ordre; j'ose vous prier de vouloir la lu donner comme chevalier des Séraphins: en la recevant de vos mains vous lui donnerez un nouveau prix aux yeux d'un sujet qui vous paraît bien attaché. Si à cette grâce V. M. voudrait l'élever au grade d'officier général, vous le mettrez d'égal avec les grandes croix de l'ordre dont il va devenir un frère. C'est l'amitié et la confiance que vous m'avez inspirées qui me fait hasarder aussi librement cette demande. V. M. sait l'art d'ajouter un nouveau prix à ce qu'Elle donne, et la pelisse superbe qu'Elle m'a envoyée sera pour moi un talisman qui me préservera de tous les maux possibles. C'est avec les sentimens de la plus tendre amitié et de la considération la plus haute que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,
de V. M. I.
le bon frère, cousin et voisin
Gustave.

Oranienbaum
le 4/15 juillet 1777
à minuit.

3. Изъ письма Густава къ Екатеринѣ II, помѣченнаго: Свеаборгъ $^{21}/_{10}$ іюля 1777.

Послѣ похвалъ и разсужденій о величіи дѣлъ ея царствованія, онъ продолжаетъ:

...Vous devez sentir combien il a dû en coûter à mon coeur de me séparer de vous et combien il m'en coûte encore lorsque je pense que peut-être c'est une séparation éternelle et que j'ai quitté pour toujours celle qui était la plus faite pour le bonheur de mon coeur. Pardonnez-moi, Madame, un mot qui peut paraître aussi avantageux en faveur du sentiment qui le dicte et que je ne peux vous exprimer plus énergiquement. Vous me permettrez pourtant de me flatter de vous revoir un jour à Fredrikshamn; c'est peut-être une illusion que je me forme, mais l'espérance est le consolateur des maux de l'humanité. J'ai l'honneur d'envoyer à V. M. I. la grande Croix de mon ordre de l'Epée que M. de Zoritch ne pouvait d'abord recevoir, mais que je prie V. M. de vouloir bien lui donner, ayant eu le premier grade de Commandeur déjà quelques jours.

4. Изъ отвѣта Екатерины II на предыдущее письмо:

...Je m'en vais construire à Fredrikshamn un bâtiment pour nos rendez-vous futurs: le comte Bruce est chargé de choisir l'emplacement. J'ai remis au colonel Zoritch l'étoile qu'il tient encore des bontés de V. M. Si en cette occasion Elle a fait des envieux, je suis garante qu'Elle n'a point fait un ingrat.

5. Изъ письма Густава III отъ 17 августа 1777, изъ Дротнингольма (посланнаго чрезъ кн. Бѣлосельскаго, котораго король особенно рекомендуетъ и проситъ наградить за энтузіазмъ, съ какимъ онъ говорилъ объ императрицѣ, и проч.):

J'ai été charmé de voir par la lettre que V. M. m'a écrite par M. de Borgenstjerna qu'Elle a déjà donné ses ordres pour la maison de Fredrikshamn. Le pr. Beloselski a été témoin des sentimens que mon coeur a éprouvés par l'espérance de vous revoir un jour.

6. Изъ письма Густава III отъ 5 сентября 1777 изъ Дротнингольма.

...V. M. me permettra de Lui dire qu'il (le comte de Gothland) a grande envie de quitter avec Elle ce ton cérémonieux et tout le protocolle usité pour ne La traiter que de Sestra en vous priant de le traiter de votre Brat. Ce nom lui fut donné par vous le premier jour de son arrivée et ces momens lui sont si chers que tout ce qui les lui rappelle le transporte de joie.

7. Письмо Густава III отъ $^{13}/_{24}$ октября 1777.

J'ai appris avec bien de la peine le désastre causé par la mer et par la tempête à Pétersbourg; l'empressement que le peuple m'a témoigné et l'amitié que vous m'avez marquée, Madame, pendant mon séjour me fait regarder la Russie pour une seconde patrie.

J'ai plaint les malheureux qui ont souffert, mais je vous ai plain (*sic*) encore plus qui souffrez pour eux et qui (du caractère que je vous connais) ressentiez plus leurs maux qu'eux-mêmes. Je sais que vous avez veillé toute la nuit pour leur faire porter du secours et que vos mains bienfaisantes ont trouvé une nouvelle occasion de se satisfaire en répandant des bienfaits sur les malheureux: cela a fait éprouver à mon coeur un sentiment bien doux. Vous voyez combien je suis exactement instruit de ce qui vous regarde, Madame, et je vous avoue que dans la carrière où je suis cette instruction est une chose très nécessaire, vos moindres actions étant des leçons pour nous autres.

Mon frère le duc d'Ostrogothie est de retour ici depuis une quinzaine de jours; il a couru le monde, comme la princesse de Babylone, pour oublier ses amours; nous ne savons pas au sûr s'il y a réussi, mais il s'est beaucoup formé pendant son voyage. Il a vu plusieurs de vos sujets en Italie, entr'autres un prince Isoupoff, frère de la duchesse de Courlande, et un prince Beloselski dont il m'a dit beaucoup de bien. Si ce dernier est aussi aimable que son frère qui a été en Suède, c'est faire son éloge, car je n'ai guère vu d'étranger chez moi qui me l'a paru plus que lui; peut-être que le plaisir que j'avois de m'entretenir de vous, Madame, a beaucoup augmenté sellui (*sic*) que j'ai trouvé dans sa conversation. Nos femmes se l'arrachoient, tant il avoit le talent de leur plaire, et il marquoit pour vous un attachement si franc que cela seul m'eût plu et intéressé. Il disait souvent: Oh, c'est une charmante femme que j'aime de tou mont coeur, c'est dommage qu'elle soit Impératrice.

Je faisois chorus avec lui, comme vous le croyez bien, en retranchant par esprit de corps la dernière phrase, quoiqu'au fond j'aurais eu grande envie de la dire, car si vouz n'étiez pas Impératrice, on pourrait se flatter de vous voir à Stockholm et de vous voir souvent, et maintenant il faut chercher les circonstances et attendre les conjonctures pour jouir de ce bonheur en allant dans une petite ville de Finlande vous voir deux ou trois jours. Mon frère a vu l'Empereur à Lyon; ils ont logé dans la même auberge, et l'Empereur est entré sans qu'on l'attendît dans la chambre de mon frére, qui ne l'a reconnu qu'au portrait que j'ai de lui. Ils ont eu une assez longue conversation ensemble. Mon frère est enchanté de lui: il doit être très poli et trés aimable; il lui a parlé beaucoup de mon voyage et de son admiration pour vous: il a dit que vous étiez la seule qui aviez fait de grandes choses depuis 20 ans. Cette phrase qui est bien vraie m'a paru digne de vous être rendue,

venant d'un prince qui commence à jouir d'une réputation distinguée en Europe et qui y jouera probablement un grand rôle.

Cependant je vous prie, Madame, de ne point laisser entrevoir que c'est moi qui vous ai fait parvenir ces paroles, puisqu'elles ont été dites en confidence à mon frère. J'espère que nous aurons bientôt d'agréables nouvelles de chez vous et que la nai ssance d'un prince ajoutera un nouveau lustre aux prospérités de votre règne. Personne ne s'y intéresse plus que celui dont j'espère que vous ne doutez pas de la tendre amitié.

Gripsholm, le 13 — 24 d'Octobre 1777.

8. Письмо Густава III отъ 28 ноября 1777.

M. de Munk est revenu pénétré des sentimens de la plus vive et de la plus respectueuse reconnoissance pour toutes les bontés dont vous l'avez comblé. Pour moi, je n'avois pas besoin de ces nouvelles marques de votre amitié, Madame, pour être pénétré des sentimens que vous êtes si faite d'inspirer, mais je vous avoue ingénument que mon coeur en est d'autant plus flatté que ces témoignages me sont de nouveaux garans de vos sentimens et de votre souvenir. Je me souviens du tems où je les ambitionnois comme des marques flatteuses de l'estime d'une grande princesse qui illustroit son siècle. Je ne vous connoissois pas personnellement alors: jugez combien ces sentimens doivent être accrus depuis que j'ai reconnu dans la plus grande femme la plus aimable de son siècle, celle la plus faite en tout pour obtenir les sentimens d'un coeur à qui aucune femme n'en avait encore pu inspirer de bien vifs et qui eût été trop dangereuse si elle eût été une particulière. Je vous demande pardon si j'ose vous dire des vérités aussi crûment, mais je sens une si grande satisfaction à les exprimer, et l'éloignement des lieux m'enhardissant vous ne devez me vouloir de mal si je ne peux me refuser cette satisfaction. Pour revenir à Munk, je puis assurer ma chère Soeur qu'il n'y a pas un petit recoin de votre château ou de vos appartemens où il a été, que je n'aie pas passé et repassé avec lui, et il a été pendant trois jours comme mis sur la sellette par mes interrogations. Pour moi, j'ai cru être un moment près de vous: il m'a semblé vous voir encore dans l'Hermitage debout devant le grand canapé, le prince Repnine assis et causant avec vous, enfin telle que vous étiez, Madame, quand j'y suis entré avec le pr. Potemkine. Tout cela se peint encore dans mon imagination avec la même vivacité comme si je le voyois. Je suis charmé que mes petits chevaux vous ont plu; s'ils pourroient contribuer à votre amusement, je serois au comble de mes voeux; j'ose m'offrir pour votre maquignon, et lorsqu'il vous en manquera dans votre attelage, j'aurai l'honneur de vous en fournir: j'ai exprès défendu qu'on en vendît plus pour être seul le maître de toute cette race.

J'ai annoncé lundi passé au chapitre des ordres la nomination de M. lde Zoritch au cordon jaune de la gr. croix de l'ordre de l'Epée avec es nouveaux titres dont vous l'avez décoré. Il m'a annoncé lui-même la grâce que chère Soeur lui avoit faite et dont j'ai été bien aise; je crois que vous ne pouvez rien faire de mieux pour votre service que d'honorer un homme qui me semble rempli de toute sorte de bonnes qualités et qui n'attend que l'occasion de vous rendre de grands services. J'ai donné dans le même chapitre la grande croix de l'Epée au général Troll. Les bontés que vous lui avez témoignées ont été pour moi la principale raison de lui faire ce cadeau. C'est en qualité de chevalier des Séraphins que je prends la liberté de vous entretenir de tout cela, et comme nous sommes sur le chapitre des ordres, je prends la liberté de consulter ma chère Sestra sur une petite affaire qui y a rapport. Elle connoît M. d'Eck et la complaisance qu'il a eue et veut bien encore avoir de favoriser notre correspondance: il n'y en a pas qui me fasse plus de plaisir, et comme je ne sais rien de si vilain que d'être ingrat, j'ai longtems songé à ce que je pourrois faire pour lui marquer ma gratitude, surtout depuis que ma chère Sestra m'a fait faire la réflexion des suites qu'une pareille correspondance a eues pour le chevalier d'Eck et le Cte de Broglio. J'ai donc imaginé de lui envoyer la petite croix de l'ordre de l'Etoile polaire, mais comme tout cela ne peut se faire qu'avec le consentement et surtout le bon gré de l'Impératrice de Russie, je prie ma chère Sestra de vouloir bien la sonder là-dessus, et si vous croyez que cela lui fasse plaisir, je vous pris de remettre la croix ci-jointe à l'Impératrice; mais si vous croyez que cela lui fasse de la peine, je vous prie, ma chère Sestra, de me renvoyer la croix en bonne parente, sans en parler davantage. Vous voilà donc mon ministre auprès de l'Imp. Voilà un cholli (*sic*) petit emploi, en vérité. Mais si votre coeur est vraiment persuadé des sentimens du mien pour elle, je ne puis trouver un meilleur interprète, ni un plus sûr garant de mes sentimens.

Stockholm, ce 28 novembre 1777.

9. Отъ Екатерины II къ Густаву III есть письмо, писанное изъ Фридрихсгама 18 іюня 1783 г., изъ чего видно, что она туда пріѣхала прежде него. Вотъ отрывокъ изъ этого письма: Quelque contentement que je ressente, mon cher Frère, de l'espérance de vous revoir dans peu, je vous avoue que je ne suis point sans de fortes inquiétudes sur l'état de votre bras; je ne puis que prier instamment V. M. de préférer Sa commodité à tout autre sentiment: diminuer vos souffrances, en honneur, seroit mon unique désir en ce moment: je meurs de peur que cette route si rude ne l'augmente; j'ai ordonné au Cte de Bruce et à tout le monde de faire ce qu'ils pourront pour la rendre moins dure; mais le moyen d'y parvenir dans une contrée qui n'est que roc! (Потомъ выражена благодарность графу Поссе и Таубе за доставленіе извѣстій о королѣ)...

V.

Письмо Екатерины II къ Густаву III въ Венецію.

à Pétersb. le 17 Mars 1784.

Monsieur mon Frère et Cousin. J'ai eu l'honneur de recevoir la lettre que V. M. a bien voulu m'écrire de Naples, par laquelle Elle m'apprend combien peu on Lui a laissé de loisir dans ses courses diverses. Si mes ministres ont été de quelque utulité á V. M., je n'ai pas lieu de regretter les ordres que je leur ai donnés; en quoi je n'ai eu d'autres vues que celle de donner à V. M. une preuve de mon amitié el attention.

N'ayant point reçu de lettre de S. M. l'Empereur depuis son voyage d'Italie, je ne saurois satisfaire la curiosité de V. M. sur l'opinion que ce Monarque aura pris du c-te de Haga. Ce que je sais de certain, c'est que le mérite n'échappe point à la perspicacité d'un génie solide touours occupé d'objets utiles et que les frivolités n'occupent qu'en observateur réfléchi et profond.

V. M. partant pour Rome, Venise, Parme, Milan, Turin et la France, je La prie d'être persuadée que mes voeux l'accompagnent partout. Si cependant V. M. souhaitoit de savoir des nouvelles de nos contrées, Elle apprendroit qu'on s'y plaint beaucoup de la disette des grains, de la rareté des espèces, des difficultés du tems présent; les vieilles gens donnent des éloges au passé, et les jeunes sautent et dansent. Nous sommes encore riches en projets; on débite que V. M. fait sourdement des préparatifs pour s'emparer de la Norvège: je n'en crois pas un mot de plus que du bruit qui me menaçoit de l'invaison de vos troupes en Finlande, où V. M. prétendoit, à ce qu'on disoit, faire main basse sur mes faibles garnisons et aller tout droit à Pétersbourg, apparemment pour y souper. Comme je ne fais aucun cas ordinairement des propos de conversation, dans lesquels, pour embellir la diction, il y entre plus souvent des élans d'imagination que de vérité et de possibilité, je dis et fais dire à qui veut bien l'entendre, tout simplement, que je suis caution que de l'un, pas plus que de l'autre, il n'en est ni ne sera rien. V. M. voit que, quoique dans le Nord il n'y ait point de ruines de Pompeïa et autres lieux pour réchauffer l'imagination, que cependant nous n'en manquons pas. V. M. n'ayant pas vu les tumeurs du volcan Vésuve, Elle s'est amusée à la conversation du petit volcan Galiani, que je ne connais que de réputation. Je n'ai point encore son livre sur le droit des neutres: on me l'a toujours promis, mais je dois un remerciement à V. M. de la bonne recommandation qu'Elle m'a donnée près de l'abbé Galiani et de ce qu'Elle me dit d'agréable à ce sujet.

C'est avec plaisir que j'ai appris les progrès que fait journellement le prince royal et que mes petits-fils y aient contribué. Je rends grâces

à V. M. de ce qu'en ami et bon parent Elle veut bien prendre part à la terminaison heureuse de mes différens avec la Porte; je la prie d'être persuadée de celle que je prends à tout ce qui La regarde, étant toujours avec une très haute considération et une amitié particulière, Monsieur mon Frère et Cousin,

de Votre Majesté

la bonne soeur, cousine, amie et voisine

Catherine.

VI.

Письмо Густава III о Голштинскомъ наслѣдствѣ.

1. Madame ma Soeur et Cousine. Accoutumé depuis longtems de vous ouvrir mon coeur, Madame, je regarde comme une douce obligation de vous parler avec franchise et de faire part à V. M. I. de mes inquiétudes sur ce qui me regarde en particulier et ma famille en général. La mort de notre oncle commun (l'évêque de Lübeck) en me causant la douleur que la perte d'un parent chéri (et du seul père de mon père qui me restait) devait faire sentir à mon coeur, me met dans la nécessité de faire des réclamations que l'intérêt de mon fils rend encore plus nécessaires aujourd'hui et que je ne crois point pouvoir obmettre sans blesser ma gloire et ce que je dois à moi-même, à mes frères et à ma postérité. V. M. se rappelle que dans le tems où le Grand-Duc disposa des souverainetés qu'il avait échangées contre le Duché de Holstein (l'ancien patrimoine de nos ancêtres) en faveur de feu mon Oncle, je fis part à V. M. des réservations de mes droits héréditaires tant près de l'Empereur des Romains que près de la diète de l'Empire. V. M. ne désapprouva pas ma démarche, et je la ménageais autant qu'il le fallait pour ne pas perdre entièrement mes droits: de justes égards pour mon vieux oncle me dictaient ces ménagements, surtout au moment qu'un mariage allait unir sa fille à mon frère et que je me voyais sans enfans. Les choses sont bien changées aujourd'hui: le ciel a béni mon mariage, et cet enfant, mon héritier à qui V. M. a souvent témoigné prendre de l'intérêt, est une nouvelle obligation pour moi de ne rien négliger des droits que je lui ai transmis par le sang. Mon oncle est mort en laissant un fils qu'on peut regarder comme mort civilement; cependant j'apprends par la lettre que mon cousin l'évêque de Lübeck m'écrit, que ce fils a été proclamé comme héritier de l'Oldenbourg et du Delmenhorst et qu'à son défaut le nouvel évêque de Lübeck et ses enfans doivent lui succéder. Je vois ces souverainetés (que je ne croyais être qu'une cession usufruitère) passer comme héréditaires aux branches cadettes de la mienne, et ma famille exclue à jamais de l'héritage de nos pères, héritage garanti et confirmé par toutes les lois de l'Empire germanique, par la paix de Westphalie, et

confirmé par l'Empereur Joseph premier dans celui d'Altranstadt. Dans de pareilles circonstances je me vois forcé par ma propre gloire de réclamer le chef de l'Empire, la diète et mon cogarant du traité de Westphalie. V. M. ne m'estimerait pas si je n'agissais ainsi; Sa grande âme connoît trop les devoirs et les lois de l'honneur pour ne pas approuver que chacun défende ses droits; mais lorsque je satisfais ainsi à ce que je me dois à moi-même, à mon fils, à ma famille, je ne puis voir qu'avec peine l'incertitude où je jette les enfans du prince evêque, mon cousin, et comme je ne suis point porté aux démarches que je fais ni par une ambition inquiète, ni par aucun ressentiment, mais uniquement par ce que je crois que mon honneur et mon devoir envers ma postérité exigent, je m'en ouvre franchement à V. M. pour La prier de trouver quelque moyen de me dédommager et de réunir sur une base solide les coeurs et les intérêts d'une famille qui est la Sienne et que je me flatte qu'elle aime également. Vous et votre fils, Madame, avez montré avec générosité votre amitié pour le prince, mon cousin; vous ne voudrez pas laisser sa postérité dans une incertitude fâcheuse, ni une pomme de discorde entre des parens qui ne souhaitent pas mieux que d'être unis. C'est à vous, Madame, à trouver dans votre amitié pour nous des moyens de nous contenter tous, et je puis assurer V. M. que dès qu'Elle m'en proposera qui pourront être conformes à mon honneur, qui exige le contentement de ma famille, je serai infiniment aise d'établir sur une base solide les intérêts communs de notre maison. C'est avec les sentimens de l'amitié la plus vraie et de la plus haute considération que je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,

de V. M. I.

le bon frère, cousin, voisin et ami

Gustave.

Drottningholm, le 18 août 1785.

Pour ne rien laisser ignorer à V. M. de mes demandes, et Lui montrer une confiance entière, je joins ici la copie de ma lettre à l'Empereur.

2. Madame ma Soeur et Cousine. Je ne puis cacher à V. M. I. la surprise que m'a causée la lettre que vous m'avez écrite en réponse à la mienne du 18 août. Je vois par son contenu qu'on a voulu surprendre la religion de V. M. et qu'on Lui a donné une notice fausse des engagemens contractés par le feu Roi mon Pére. V. M. verra par l'article du traité même de 1750, conclu entre mon père et mon beau-père le roi Frédéric V de Danemark, que mon père n'a jamais renoncé aux droits héréditaires de sa maison, mais qu'en échangeant eventuellement l'Oldenbourg et le Delmenhorst pour l'Holstein, il se reservoit tous ses droits sur ces deux

premières souverainetés qu'il promettoit de recevoir en échange pour le Holstein lorsque la succession lui en seroit ouverte [1]). Les Suédois ont de tout tems eu trop d'élévation pour avoir voulu dépouiller de son patrimoine le prince auquel leur choix déféra la couronne; et je puis assurer V. M. qu'il n'a jamais été question de renoncer à des droits transmis par nos ancêtres, et V. M. a l'esprit trop juste pour ne pas sentir qu'il y a une bien grande distance entre ne pas se contenter des états que la Providence nous a confiés ou de soutenir avec fermeté, mais modération, des droits légitimes et incontestables dont on veut nous priver. Vous jugerez donc bien, Madame (j'ose m'en flatter), que les démarches que j'ai faites déjà en 1775 et que je vous renouvelle, sont fondées sur le bon droit, sur la justice et les lois de l'Empire Germanique, et lorsque je m'offre à me prêter à des arrangemens qui puissent nous contenter tous, je vous donne une nouvelle preuve des sentimens de confiance et d'amitié, ainsi que de la haute considération avec laquelle je suis,

Madame ma Soeur et Cousine,

de V. M. I.

bon frère, cousin, ami et voisin

Gustave.

Drottningholm, ce 19 Novembre 1785.

3. Письмо Густава III къ В. К. Павлу Петровичу отъ 18 августа 1785 г.

Monsieur mon Frère et Cousin. Les sentimens qui m'unissent à V. Altesse I., bien plus encore que les liens du sang, m'engagent à m'ouvrir cordialement envers vous, mon cher cousin, sur les arrangemens que vous avez faits relativement à vos possessions allemandes, dont j'ai ignoré jusqu'ici toute l'étendue. J'ai cru que vous aviez laissé à feu mon Oncle, l'évêque de Lübeck, l'usufruit de l'Oldenbourg et du Delmenhorst, et bien loin de vouloir en rien déroger à vos droits souverains, je n'ai fait que me réserver mes droits au moment que feu mon

[1]) Къ письму было приложено:

Extrait du Traité définitif entre le Roi Frédéric V de Danemark et le Prince Successeur au trône de Suède Adolphe Frédéric, conclu le 25 Avril 1750.

Art. IV. Comme un équivalent à cette cession et translation éventuelle, faite à S. M. le Roi de Danemark et à ses héritiers et descendans mâles, Sa dite M. cède de son côté pour Elle, ses héritiers et descendans mâles, à S. Alt. Royale le prince successeur au trône de Suède, ses héritiers et descendans mâles, les deux comtés d'Oldenbourg et de Delmenhorst (Cet art. est mot à mot inséré et ultérieurement confirmé dans le Traité de cession du 15 mai de la même année, ainsi que dans la confirmation de l'Empereur François I du 2 janvier 1754).

Oncle en demandoit l'investiture à l'Empereur. Mais j'apprends aujourd'hui que les peuples de ces souverainetés on prêté serment à son fils comme héritier, et, à son défaut, au nouvel évêque de Lübeck et à sa postérité. Vous me permettrez de vous observer qu'un pareil arrangement prive toute ma branche de ses droits héréditaires et du droit de primogéniture que nous avons, étant issus du frère aîné des deux princes dont les descendans sont appelés à la succession à notre préjudice, que cette forme de succession est directement contraire aux lois de l'Empire germanique, aux pactes de notre maison, les premières garanties par le traité d'Altranstadt confirmé par l'Empereur Joseph I et que V. A. I. peut bien disposer de l'usufruit de ses domaines, mais non en priver ses enfans et ses légitimes héritiers, qu'un pareil acte alarmera indubitablement tous les princes de l'Empire, qui craindront de voir établir un exemple qui pourroit mener à la destruction et à l'incertitude de toutes leurs possessions. Vous êtes trop juste, vous avez des principes d'une équité trop sévère pour en vouloir déroger vis-à-vis de vos parents, je dis plus, vis-à-vis de vos enfans, car c'est leur cause que je plaide. C'est cette même raison éclairée, c'est cette même probité (qui fait la plus belle base de votre réputation) à qui j'en appelle et qui m'assurent que vous trouverez naturel que je réclame les lois auxquelles tous nous sommes soumis comme princes de l'Empire et dont la sainteté m'est encore plus précieuse en qualité de garant du traité de Westphalie. C'est aussi conformément à ces principes que j'ai fait réclamer mes droits près de l'Empereur comme chef de l'Empire, à la diète de l'Empire, et que mon cogarant le roi de France a été également réclamé. Je crois devoir vous faire part de ces démarches comme au chef de ma maison: je les ai faites parce que je les ai crues conformee à mon devoir de père et de frère et qu'il eût été contre ma gloire et mon honneur de ne pas veiller au soutien de mes justes droits. Je vous prie de croire que c'est avec une vraie peine que je me vois forcé de jeter une incertitude fâcheuse sur le sort des enfans que j'aime véritablement et que je me ferais un vrai plaisir d'en tendre à des dédommagements qui, en assurant l'union de notre maison, seraient conformes à mon honneur et au contentement de ma famille. C'est à V. A. I. à achever son ouvrage en l'assurant par l'union de toute la famille dont Elle est le chef, et je vous puis assurer que vous m'y trouverez très porté. C'est avec les sentimens les plus distingués d'estime et de l'amitié la plus tendre que je suis, Monsieur mon Frère et Cousin,

de V. A. I. bon frère, cousin et ami

Gustave.

Drottningholm, ce 18 Août 1785.

VII.

Два письма Екатерины II, писанныя по заключенiи союза съ Густавомъ III.

1. Je suis charmée, mon cher Frère, de voir par le ton que vous avez pris dans votre lettre du 17 Septembre que vous êtes revenu entièrement aux anciens sentimens dont vous avez fait profession autrefois à mon égard et auxquels V. M. me trouvera toujours prête à répondre avec la cordialité la plus parfaite. Vous savez à l'heure qu'il est quelles sont mes dispositions à l'égard des liens d'alliance politique par lesquels je suis prête à resserrer ceux du sang qui nous unissent. Ces dispositions ont pour base les principes d'égalité et de réciprocité entière, et dès lors je ne dois pas craindre qu'elles puissent ne pas nous conduire au but que nous nous proposons. C'est dans cette confiance que je n'ai pas balancé de vous faire part de mes sentimens les plus secrets à l'égard des affaires de France. La lettre du roi d'Angleterre que V. M. m'a communiquée n'est qu'une copie de celle que ce prince a écrite à l' Empereur; elle est vague et le moins que l'on puisse en conclure est qu'il n'y a point de fond à faire sur le concours de S. M. britannique. Mais ce qu'il y a de plus fâcheux dans cette affaire, indépendamment du défaut de chaleur que montrent les autres souverains, c'est de voir la mésintelligence qui paraît régner entre la reine de France et les princes refugiés en Allemagne. Egalement dépouillés de toute autorité et de toute prérogative, ils semblent manifester pour la jouissance de cette autorité et de cette prérogative les mêmes ombrages et la même jalousie comme s'ils en étaient déjà en possession, sans songer qu'ils ne parviendront jamais à en rétablir l'ombre, à moins d'une union intime et d'une opération sincère et parfaite. Vous pouvez, mon cher Frère, avoir sur ce triste sujet des notions encore plus amples que les miennes, et peut-être aussi ne manquez-vous pas non plus des moyens de prêcher, là où il appartient, la paix et la bonne intelligence si nécessaires pour le bien commun d'eux tous. Quoi qu'il en soit, mes intentions et mes résolutions sont les mêmes, et je compte beaucoup sur la constance des vôtres et sur les démarches et instances que je renouvelle auprès des cours de Vienne et de Berlin, afin de les déterminer à agir dans le sens favorable à nos voeux. Dans le cour de cet hiver nous saurons à quoi nous en tenir, et je ne perds pas du tout l'espoir que nos intentions bienfaisantes, nobles et aussi grandes que généreuses ne prévaillent à la fin. Ce sera un titre de plus que j'ajouterai à tous ceux que me dicte pour vous l'amitié tendre et sincère avec laquelle je suis,

Monsieur mon Frère, de votre Majesté
la bonne soeur et cousine, amie et voisine

St.-Pétersbourg, 29 Septembre 1791. Catherine.

2. Monsieur mon Frère et Cousin, En conformité de la lettre que j'ai adressée à Votre Majesté par le courrier, porteur des ratifications du traité d'alliance nouvellement conclu entre nous, je Lui dois communication de la réponse que j'ai reçue de l'Empereur sur les nouvelles ouvertures que je lui ai faites au sujet des affaires de France. Votre Majesté trouvera ci-joint copie de cette réponse, qui ne servira qu'a Lui confirmer ce qu'Elle sait déjà sur les intentions négatives de l'Empereur, sans Lui en expliquer les motifs. Ceux-ci se trouvent consignés dans une depêche très longue dont j'ai fait faire un extrait que je fais passer au comte de Stackelberg, avec ordre de la communiquer sous le sceau du secret à Votre Majesté. Elle y verra que la cour de Vienne considère comme un changement en mieux, ce qui dans le fond n'est que la consommation de ce qu'elle voulait elle-même prévenir et empêcher, en proposant, comme elle l'a fait au mois de juillet dernier, un concert entre les puissances. La proposition qu'elle fait de tenir ce concert toujours ouvert et toujours existant n'est qu'une preuve de plus de la stérilité des mesures ou plutôt des effets qu'il a produits j'usqu'ici et du peu d'espérance qu'il présente pour l'avenir, puisqu'elle ne présente aucun plan d'opération ni de moyens fixes à combiner. Quelques décourageantes que soient les dispositions que cette cour a montrées récemment sur l'objet en question, je ne me rebuterai point dans mes efforts pour l'en faire changer, et je mets encore quelque espoir dans ceux que j'emploierai à la désabuser principalement de l'idée où elle est et qu'elle allègue pour raison de son inaction; que les plans et les démarches des princes ne s'accordent pas avec ceux qu'on a adoptés et qu'on veut suivre aux Tuileries. En effet, toutes mes notions et toutes mes données se réunissent à constater le plus parfait accord qui règne entre le roi, la reine de France d'un côte, et les princes refugiés en Allemagne de l'autre. La lettre que le baron de Breteuil, qu'on croit principalement chargé du secret de son maître, m'a fait parvenir et dont le comte de Stackelberg montrera également la copie à Votre Majesté, vient à l'appui de cette vérité, car si elle n'en contient pas l'aveu, elle en porte l'esprit dans les remercîments qu'il me fait au nom du roi, de l'intérêt que j'ai marqué pour sa cause et celle de la France entière. Il partage la reconnaissance que m'a temoignée la noblesse française, et semble en quelque façon suppléer par la lettre au défaut de sa signature dans celle que cette noblesse m'a adressée. En éclairant l'Empereur sur cette vérité, peut-être parviendrai-je à ébranler ses résolutions actuelles et à les rendre plus favorables aux intentions qui nous animent, Votre Majesté et moi. J'avoue que je désire ce succès bien plus que je ne l'espèrerais si le chapitre des événements à prévoir en France ne me fournissoit une riche attente de faits plus persuasifs que les axiomes et qui obligeront la cour de Vienne tôt ou tard d'agir. Peut-être la reine de France sera-t-elle elle-même dans la nécessité de réclamer l'assistance de

son frère. Votre Majesté doit savoir mieux que moi s'il est bien difficile de l'y porter. Plus la cause que nous plaidons est digne de nos soins, plus nous devons ne rien négliger pour la faire triompher, et nous aurons, mon cher Frère, auprès de nos contemporains et de la postérité le mérite de ne pas nous être désistés d'une si belle entreprise sans avoir fait tous les efforts possibles pour surmonter les difficultés que nous avons rencontrées. C'est avec les sentimens de la plus sincère amitié et de la plus parfaite considération que je suis,

Monsieur mon Frère et Cousin, de Votre Majesté
la bonne soeur, cousine, amie, alliée et voisine

Catherine.

St.-Pétersbourg, 6 Décembre 1791.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАНЯТІЯ ЕКАТЕРИНЫ II-й *).

1877.

Въ русской исторической литературѣ до сихъ поръ нѣтъ обстоятельнаго разсказа о томъ замѣчательномъ эпизодѣ жизни Екатерины II, результатомъ котораго было изданіе *Сравнительнаго Словаря.* Въ изданной на нѣмецкомъ языкѣ книгѣ Фридриха Аделунга „Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde" (Заслуги Екатерины Великой по сравнительному языкознанію, 1815 г., въ Петербургѣ) собрано много данныхъ по этому предмету; но они въ ней разбросаны посреди разъясненій, интересныхъ для филолога, но прямо къ дѣлу не относящихся, и притомъ нынче они могутъ быть дополнены подробностями, почерпнутыми изъ источниковъ, которые не были въ рукахъ Аделунга [1]).

Интересъ къ филологическимъ соображеніямъ началъ развиваться въ Екатеринѣ еще въ то время, когда она была Великой Княгиней, конечно, благодаря особенно изученію русскаго языка. Ея наблюдательный умъ не могъ не приводить ее къ частымъ сравненіямъ новыхъ для нея словъ и формъ съ извѣстными ей въ языкахъ нѣмецкомъ и французскомъ. Уже тогда Великая Княгиня приглашала бывшаго въ Петербургѣ пасторомъ британской факторіи Дюмареска составить общесравнительный словарь, и этотъ ученый черезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно издалъ опытъ начала подобнаго труда подъ загла-

---

*) Русскій Архивъ 1877 г. кн. 4.

[1]) Извлеченіе изъ этой книги было напечатано въ *Соревнователѣ* 1818 г., ч. I.

віемъ: „Comparative Vocabulary of the Eastern Languages“ (Сравнительный словарь восточныхъ языковъ). Опытъ этотъ былъ напечатанъ въ одномъ томѣ въ 4-ку, вѣроятно, въ маломъ числѣ экземпляровъ, такъ какъ никакихъ слѣдовъ его въ библіотекахъ не осталось; но за достовѣрность извѣстія объ изданіи этой книги Аделунгу ручались заслуживающія довѣрія лица, которыя сами ее видѣли.

Мысль о составленіи общесравнительнаго словаря съ особенною живостью возобновилась въ умѣ императрицы въ такую эпоху, когда глубокая печаль заставляла ее искать развлеченія въ какомъ-нибудь новомъ и постоянномъ занятіи. Это было лѣтомъ 1784 года, послѣ смерти А. Д. Ланскаго. Она рѣшилась сама приступить къ собиранію матеріаловъ для подобнаго глоссарія. Вотъ собственный ея разсказъ о зарожденіи этого предпріятія—изъ письма ея къ доктору Циммерману отъ 9 мая 1785 года: „Ваше письмо извлекло меня изъ уединенія, въ которомъ я провела девять мѣсяцевъ почти взаперти и изъ котораго мнѣ трудно было выйти. Вы никакъ не догадаетесь, чѣмъ я въ это время занималась; для курьёза разскажу вамъ о томъ. Я составила списокъ отъ двухъ до трехъ сотъ коренныхъ русскихъ словъ и дала ихъ перевести на столько языковъ и нарѣчій, сколько могла отыскать и число которыхъ теперь переходитъ уже за вторую сотню. Каждый день я брала одно изъ этихъ словъ и записывала его на всѣхъ тѣхъ языкахъ, какіе могла набрать. Изъ этого я узнала, что слово, которое на одномъ языкѣ значитъ *небо*, на другомъ означаетъ *облако, туманъ, сводъ;* что слово *богъ* въ нѣкоторыхъ нарѣчіяхъ имѣетъ значеніе: *всевышній* или *добрый*, въ другихъ *солнце* или *огонь*. Это увлеченіе мнѣ надоѣло, когда я прочла вашу книгу объ уединеніи [2]). Но такъ какъ между тѣмъ мнѣ было бы жаль бросить въ огонь такую массу бумаги; къ тому же зала въ десять туазъ длины (туаза, французская сажень, имѣющая 6 футовъ), которая мнѣ служила кабинетомъ въ моемъ Эрмитажѣ, была довольно тепла: то я пригласила къ себѣ профессора Палласа, и послѣ точной исповѣди о моей долѣ въ этомъ грѣхѣ, мы согласились напечатать эти переводы для пользы тѣхъ, которые пожелаютъ воспользоваться чужою скукою. Для этой цѣли ожидаются еще только нѣкоторыя нарѣчія восточной Сибири. Кому угодно, тотъ извлечетъ или не извлечетъ отсюда свѣтлые выводы разнаго рода; это будетъ зависѣть отъ расположенія духа тѣхъ, которые займутся дѣломъ, и вовсе до меня не касается“ [3]).

---

[2]) Все письмо, какъ всегда писано по-французски, но эта фраза вставлена на нѣмецкомъ языкѣ: „Dieses Steckenpferdes (собственно конекъ) wurde ich überdrüssig, nachdem das Buch von der Einsamkeit durchgelesen war“.

[3]) Zimmermanns Verhältnisse mit der Kayserin Catharina II, von H. M. Marcard. Bremen 1803, стр. 309.

Въ этомъ важномъ для насъ свидѣтельствѣ самой императрицы не упомянуто, однакожъ, о томъ обстоятельствѣ, которое направило ея мысли именно къ этой работѣ. На это обстоятельство указываетъ намъ одинъ изъ сотрудниковъ Палласа по словарю, Арндтъ [4]), лицо мало у насъ извѣстное, но, какъ увидимъ ниже, заслуживающее полнаго вниманія. Екатеринѣ II поднесено было знаменитое въ ученомъ мірѣ обширное филологическое сочиненіе умершаго въ 1784 же году Куръ-де-Жебелена (Cour-de-Gébelin). Мы не знаемъ, когда именно и разомъ или постепенно оно было прислано; но извѣстно, что оно выходило отъ 1773 до 1781 года и составило 8 томовъ.

Перелистывая въ часы досуга эту книгу, Екатерина такъ увлеклась ею, что стала дѣлать изъ нея выписки. До насъ дошли слѣдующія двѣ филологическія замѣтки, написанныя по-французски рукой императрицы. Вотъ одна изъ нихъ: „О первыхъ дѣтскихъ звукахъ надо замѣтить, что они выражаютъ: 1) гласныя; 2) затѣмъ слѣдуетъ движеніе губъ, какъ то: *папа*, *мама*; 3) съ зубами являются зубныя, какъ то: *тятя*, *дядя*, и проч. Потомъ, по мѣрѣ развитія органовъ — 4) гортанныя и свистящія буквы“ [5]).

Другая замѣтка, озаглавленная *Три разряда словъ:*

1. „Слова первичныя, выражающія общія понятія, понятія, взятыя въ самомъ обширномъ смыслѣ, за которымъ прекращается всякій анализъ; таковы слова: *великій*, *крѣпкій*, *красивый*, *море*, *земля*, *духъ*“.

2. „Слова производныя, выражающія оттѣнки этихъ понятій, каковы: *величіе*, *крѣпость*, *красота*, *морской*, *земной*, *воздухъ*“.

3. „Слова, составленныя изъ другихъ, каковы: (grand-père), *укрѣпленіе*, *украшать*, *заморскій*, *подземный*, *воздушный*“ [6]). И такъ въ каждомъ языкѣ стараются узнавать, какія слова были первичныя, какія

---

[4]) Christ. Gottl. von Arndt. Ueber den Ursprung der europäischen Sprachen стр. IX.

[5]) Sur les premiers accens ou sons des enfants il est à observer qu'ils expriment: 1) les voyelles, 2) puis vient le mouvement des lèvres comme papa, maman, 3) avec les dents arrivent les dentales, comme тятя, дядя; ensuite, à mesure du développement de leurs organes, 4) les gutturales et les lettres sifflantes.

[6]) Trois classes de mots:

1) Les mots primitifs qui exprimaient les idées générales, les idées prises dans leur sens le plus vaste, le plus étendu, audelà duquel il n'y a plus d'analyse; tels sont les mots: grand, fort, beau, mer, terre, air.

2) Les mots dérivés qui expriment les nuances de ces idées, tels que: grandeur, forteresse, beauté, maritime, terrestre, aéré &c.

3) Les mots composés de plusieurs autres, tels que: grand père, renfort, embellir, outre-mer, basse-terre, bel-air.

On cherche donc à reconnaître dans chaque langue quels étaient ces mots primitifs, quels les dérivés, quels les composés, et en les rassemblant ainsi, on en formait des familles nombreuses.

производныя, какія сложныя и, собирая ихъ такимъ образомъ, составляли изъ нихъ многочисленныя группы" [7]).

Особенно заинтересовала Екатерину смѣлая мысль Куръ-де-Жебелена, что всѣ языки могутъ быть выводимы изъ одного коренного. Ей показались славянскими многія слова, которыя авторъ выдавалъ за кельтскія, и она предполагала во многихъ случаяхъ связь съ языками и нарѣчіями, употребительными въ Русской имперіи и отчасти только въ ней; а здѣсь, думалось императрицѣ, можно отыскать значительное число всѣхъ языковъ, употребительныхъ на земномъ шарѣ, и притомъ немало такихъ языковъ, которые еще неизвѣстны ученымъ. Кромѣ этой заманчивой мысли, Екатерину могло побуждать и желаніе сдѣлать для науки что-нибудь такое, что далеко превышало бы средства частнаго человѣка [8]).

Подъ вліяніемъ этихъ размышленій она отмѣтила нѣсколько словъ, которыя хотѣла узнать въ переводѣ на всѣ языки и нарѣчія, чтобы со временемъ не только повѣрить блестящую догадку Куръ-де-Жебелена, но и доставить матеріалы для разныхъ научныхъ выводовъ. Такимъ образомъ подъ перомъ ея стали составляться два основные списка будущихъ работъ: въ одинъ она заносила самыя обыкновенныя слова, выражавшія простѣйшія понятія, какъ-то: *богъ, отецъ, мать, дитя, я, да, имя* и проч.; въ другомъ отмѣчала имена народовъ, на языки которыхъ желала имѣть переводъ этихъ словъ. За такіе списки она принималась нѣсколько разъ, и, конечно, ихъ образовалось нѣсколько экземпляровъ. Иногда она къ русскимъ словамъ приписывала и переводъ, добытый тѣмъ или другимъ способомъ. Такъ въ рукахъ Аделунга былъ ея автографъ съ 289-ю русскими словами, изъ которыхъ 12 были имена числительныя, и къ 153-мъ изъ этихъ словъ былъ ею же самою приписанъ переводъ на караибскій языкъ; другой автографъ, переданный Аделунгу (какъ и первый) Палласомъ, содержалъ названія 150-ти языковъ, на которые переведены были записанныя слова. Въ библіотекѣ покойнаго Соболевскаго [9]), при названной выше книгѣ Аделунга, былъ другой, также ея рукою сдѣланный списокъ живущихъ въ Россіи народовъ, на языки которыхъ Государыня желала получить переводы отмѣченныхъ словъ. Онъ начинался такъ:

„Пустозерскіе самоѣды — Вологодской и Архангельской.
Обдорскіе самоѣды.

[7]) Въ третьемъ разрядѣ невозможно въ точности сохранить тѣ же примѣры, какіе приведены во французскомъ текстѣ. Понятно, почему и въ первыхъ двухъ разрядахъ мы не могли сохранить безъ измѣненія послѣдняго примѣра: русское слово *воздухъ*, какъ сложное, подъ первый разрядъ не подходитъ.

[8]) Arndt, стр. X.

[9]) *Русскій Архивъ* 1863, изд. 1-е, стр. 940.

Юряки — Тобольской.

Мангазейскіе самоѣды — Тобольской"...

Но главное собраніе черновыхъ работъ государыни по словарю хранится въ Императорской Публичной библіотекѣ (куда онѣ поступили изъ Эрмитажной): это 54 листа, исписанные рукою Екатерины II; на каждомъ листѣ одно русское слово переведено на всѣ имѣвшіеся въ виду языки, расположенные въ одномъ и томъ же порядкѣ, причемъ каждый списокъ состоитъ изъ двухъ столбцовъ: съ лѣвой стороны идутъ языки, съ правой переводъ слова, написанный, какъ и все прочее, русскими буквами.

Уже вскорѣ послѣ первыхъ набросковъ этого рода императрица почувствовала потребность въ посторонней помощи и обратилась за нею къ иностранному ученому, именно къ берлинскому книгопродавцу и писателю Николаи [10]), котораго и прежде уже она удостоивала своихъ порученій. Теперь она просила его составить для нея обозрѣніе всѣхъ извѣстныхъ языковъ и нужнѣйшихъ для изученія ихъ пособій. Усердно принявшись вмѣстѣ съ сыномъ своимъ за это дѣло, Николаи еще въ 1785 г. прислалъ составленный ими толстый рукописный фоліантъ подъ заглавіемъ „Tableau général de toutes les langues du monde avec un catalogue préliminaire des principaux dictionnaires dans toutes les langues et des principaux livres qui traitent de l'origine de toutes les langues, de leur étymologie et de leur affinité, fait par ordre de S. M. I. l'Impératrice de toutes les Russies". (Общее обозрѣніе всѣхъ языковъ міра съ предварительнымъ каталогомъ главныхъ словарей на всѣхъ языкахъ и важнѣйшихъ книгъ, разсматривающихъ происхожденіе всѣхъ языковъ, ихъ этимологію и сродство. Составлено по повелѣнію Ея И. В. Всероссійской Императрицы).

Этимъ рукописнымъ трудомъ Екатерина сперва сама пользовалась при составленіи своихъ списковъ, а потомъ онъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что̀ она успѣла написать по словарю, переданъ былъ академику Палласу. Но почему Екатерина, для продолженія своего предпріятія, избрала именно этого ученаго, а не такого, который по своимъ спеціальнымъ занятіямъ стоялъ бы ближе къ этому дѣлу? Выборъ этотъ можетъ быть объясненъ многими причинами: спеціалистовъ по филологіи тогда у насъ еще не было; Академія Наукъ состояла только изъ естествоиспытателей и математиковъ; въ Россійской Академіи можно было, пожалуй, остановиться на Лепехинѣ, Румовскомъ или Болтинѣ; но они въ то самое время были заняты составленіемъ рус-

[10]) Христофоръ Фридрихъ Николаи (Nicolai), полигисторъ, род. 1733, ум. 1811. Его не должно смѣшивать съ Лудвигомъ Гейнрихомъ Николаемъ (Nicolay, род. 1737 ум. 1820), который участвовалъ въ воспитаніи великаго князя Павла Петровича и навсегда остался въ Россіи, гдѣ до сихъ поръ есть его потомки, бароны Николаи; имъ принадлежитъ извѣстное имѣніе Monrepos близъ Выборга.

скаго словаря; къ тому же Екатеринѣ нуженъ былъ человѣкъ съ громкимъ европейскимъ именемъ. Палласа она лично знала, и знала его какъ ученаго, хорошо владѣвшаго иностранными языками, не лишеннаго охоты къ лингвистическимъ поискамъ и занятіямъ. Это она могла замѣтить изъ бесѣдъ съ Палласомъ; это онъ доказалъ и учеными трудами своими. Всѣ путешествовавшіе по Россіи съ научными цѣлями, начиная съ Витсена и Штраленберга, обращали вниманіе на языки встрѣчавшихся имъ въ пути инородцевъ и представляли въ своихъ запискахъ образчики этихъ языковъ и нарѣчій. Этнографія и лингвистика составляютъ одну изъ сторонъ наблюденій и у позднѣйшихъ путешественниковъ: Фишера, Миллера, Гмелина, Фалька, Лепехина, Георги. Палласъ не только не уступаетъ имъ, но занимаетъ еще болѣе видное мѣсто въ этомъ отношеніи. Кромѣ лингвистическихъ данныхъ, собранныхъ имъ въ описаніяхъ его путешествій, онъ во время первой своей экспедиціи, составлялъ значительныя коллекціи матеріаловъ этого рода по особенному поводу. Это было предпріятіе извѣстнаго петербургскаго библіографа Лудвига Бакмейстера (издателя „Russische Bibliothek“), однородное съ трудомъ, позднѣе задуманнымъ Екатериною. Именно въ 1773 г. (замѣтимъ, это годъ, когда явилось начало Monde primitif Куръ-де-Жебелена) Бакмейстеръ составилъ планъ собиранія матеріаловъ для сличенія всѣхъ языковъ земного шара, и съ этою цѣлью придумалъ рядъ такихъ фразъ, которыя передавали бы доступныя всѣмъ, даже младенческимъ, народамъ понятія и вмѣстѣ расположеніемъ словъ служили бы къ объясненію грамматическихъ формъ языка. Чтобы привлечь къ этому дѣлу ученыхъ всѣхъ странъ, Бакмейстеръ въ томъ же году издалъ брошюру „Idea et desideria de colligendis speciminibus“ (программу собиранія образчиковъ) на латинскомъ, русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, и разослалъ ее въ разные концы Европы. Тогда же онъ сообщилъ путешествовавшимъ по Россіи академикамъ, въ томъ числѣ и Палласу, еще особую обстоятельную инструкцію, по которой просилъ ихъ составлять для него образчики языковъ и замѣтки о малоизвѣстныхъ нарѣчіяхъ. Вслѣдствіе того Бакмейстеръ, въ теченіе многихъ лѣтъ, получалъ богатые по этому предмету матеріалы, изъ которыхъ многіе были доставлены и Палласомъ. Всѣми этими матеріалами, однакожъ, самъ Бакмейстеръ не воспользовался, такъ какъ трудности дѣла и другія занятія мало-по-малу охладили его усердіе къ осуществленію первоначальной мысли; но эти сообщенія послужили потомъ важнымъ пособіемъ для Палласа, когда ему пришлось быть исполнителемъ плана Екатерины II.

Конечно, порученіе это, вовсе не вязавшееся съ главнымъ предметомъ изслѣдованій Палласа, не могло быть для него особенно привлекательно; но какъ было отказаться? Оно представлялось и важ-

нымъ для науки, и въ высшей степени почетнымъ, тѣмъ болѣе, что трудъ былъ начатъ самою императрицей. Вотъ что Палласъ самъ писалъ къ Аделунгу въ послѣдній годъ своей жизни [11]): „Не мнѣ вообще слѣдовало поручать такое дѣло, но я принялъ его на себя по особенной преданности къ столь милостивой Государынѣ, и долженъ былъ спѣшить изданіемъ, чтобы не слишкомъ раздражать нетерпѣніе, съ какимъ ожидали каждаго новаго листа изъ типографіи“ [12]).

Прежде, нежели будемъ говорить о мѣрахъ, принятыхъ для собиранія матеріаловъ, укажемъ на нѣкоторые признаки того живого интереса, съ какимъ императрица около этого времени увлекалась своими филологическими занятіями. Осенью 1784 г. она писала къ Гримму: „Я прочитала съ полдюжины русскихъ лѣтописей и три тома Monde primitif. Знаете ли вы эту книгу? И я вытребовала себѣ всѣ словари, какіе могла отыскать, между прочимъ финскій, черемисскій, вотяцкій, и этимъ завалены всѣ мои столы. Кромѣ того я собрала множество свѣдѣній о древнихъ славянахъ и могу въ скоромъ времени доказать, что они сообщили названія большей части рѣкъ, горъ, долинъ, округовъ и областей во Франціи, Испаніи, Шотландіи и другихъ странахъ“. То же самое въ разныхъ формахъ повторяется и въ другихъ ея письмахъ къ Гримму. Такъ однажды она жалуется, что Герцбергъ отвергаетъ историческія истины; что онъ утверждаетъ, будто славяне никогда не жили въ Пруссіи. „О, если я разложу передъ вами свои открытія, пишетъ Екатерина: вы будете слушать меня, разиня ротъ; но такъ какъ это могло бы превратиться въ зѣвоту, то я не хочу погружать васъ въ тѣ бездны премудрости, которыя въ Фридрихсгамѣ разстраивали нервы Густава съ переломанной рукой“ [13]). Въ другой разъ она выписываетъ цѣлую тираду изъ Куръ-де-Жебелена, или сообщаетъ длинный списокъ иностранныхъ словъ и собственныхъ именъ, которыя, по однимъ случайнымъ созвучіямъ, выводитъ изъ русскаго языка. Мы видимъ въ этомъ одинъ изъ весьма обыкновенныхъ и любимыхъ пріемовъ тогдашней филологіи. То же дѣлали Татищевъ, Тредьяковскій, отчасти Ломоносовъ и даже Шлецеръ; наконецъ, еще и въ нашемъ столѣтіи особенную извѣстность такими сближеніями пріобрѣлъ Шишковъ. Въ XV-мъ томѣ *Сборника Историческаго Общества* напечатано нѣсколько замѣтокъ императрицы въ этомъ родѣ, вѣроятно, относящихся къ той же эпохѣ:

---

[11]) Палласъ † въ 1811 г. въ Берлинѣ, своей родинѣ. См его біографію въ Beiträge zur Anthropologie u. allg. Naturgeschichte von Rudolphi. Berlin, 1812.

[12]) Adelung. Catherinens der Grossen Verdienste etc., стр. 47.

[13]) Т. е. во время свиданія съ шведскимъ королемъ Густавомъ III, въ 1783 году, въ городѣ Фридрихсгамѣ. При проѣздѣ по Финляндіи, на смотру, король сломалъ себѣ руку. См. объ этомъ мою статью: „Екатерина II и Густавъ III“ въ *Древней и Новой Россіи*, 1876 г. февраль *(См. выше)*.

„Слово *баронъ*, записала она напр., не что иное, какъ *бояре*, и теперь у англичанъ всѣ судіи называются баронъ такого-то суда, и сіе для того, что саксонцы судились боярами". — „Америка, Перу, Мексика и Чили наполнены славянскими названіями". — „Названіе *Перигоръ*, во Франціи, не что иное, какъ имя, составленное изъ двухъ или даже трехъ слоговъ чисто-славянскаго происхожденія („Périgord en France, qui n'est autre chose qu'un nom composé de deux syllabes ou même de trois, tout à fait d'extraction slavonne"). Рядомъ замѣчаніе весьма справедливое, но написанное, кажется, подъ вліяніемъ такихъ же соображеній: „Кто бы сколько ни былъ ученъ, если не прилежитъ знанію славянскаго языка, не только будетъ имѣть великій недостатокъ въ начальномъ знаніи, но сверхъ того на каждомъ шагу подвергнетъ себя ежечаснымъ ошибкамъ, предубѣжденіямъ и вѣтренности, наипаче же въ познаніи языка, исторіи, законовъ, нравовъ, обычаевъ и начальныхъ основаній народныхъ, въ чемъ безъ сомнѣнія всякій опытомъ удостовѣриться можетъ".

Отовсюду Государыня выписывала себѣ матеріалы для своего словаря. Она сообщала Гримму, что маркизъ Лафайэтъ уже прислалъ ей часть своего вклада, и выражала желаніе получить какой-то словарь отъ аббата Галіани. Какъ разнообразны были источники, къ которымъ обращалась неутомимая собирательница, доказываетъ слѣдующая своеручная записка ея, вѣроятно, адресованная къ Безбородкѣ и хранившаяся у покойнаго Соболевскаго вмѣстѣ со спискомъ инородцевъ, о которомъ выше упомянуто. „Реестръ словъ отвезите къ гр. Кирилѣ Григорьевичу Разумовскому и попросите его именемъ моимъ, чтобъ онъ послалъ въ свои Копорскія деревни кого поисправнѣе и приказалъ бы у тѣхъ мужиковъ, кои себя варягами называютъ, тѣ слова на ихъ языкъ переписать, а еще лучше, буде бы сюда человѣка-другого посмышленѣе для того привезти велѣлъ" [14]).

Около того же времени, въ концѣ 1784 года, графъ Безбородко, по приказанію императрицы, отправилъ къ нашему посланнику въ Константинополѣ, Я. И. Булгакову, составленный ею списокъ 286 русскихъ словъ, съ тѣмъ, чтобъ онъ чрезъ посредство патріарховъ Антіохійскаго и Іерусалимскаго, или какимъ-нибудь другимъ путемъ, по своему усмотрѣнію, досталъ переводъ ихъ „на абиссинскій и Эѳіопскій языки и на разные ихъ діалекты, и чтобъ всѣ сіи слова написаны были не только характерами, тѣмъ языкамъ свойственными, но и русскими или латинскими буквами, для показанія, какъ которое слово читать или произносить должно. Чѣмъ скорѣе (такъ заключалъ Безбородко) сіе высочайшее повелѣніе исполнено будетъ, тѣмъ вящше послужитъ оное къ удовольствію Ея Величества" [15]).

[14]) *Русскій Архивъ*, 1863, изд. 1-е, стр. 942.

[15]) Тамъ же, 1864, изд. I, стр. 293. Письмо помѣчено 16 декабря 1784.

Все это писалось и дѣлалось прежде нежели императрица обратилась къ Палласу. Передачу всего дѣла другому она объясняла въ письмѣ къ Циммерману тѣмъ, что ей надоѣло слишкомъ большое увлеченіе однимъ и тѣмъ же занятіемъ; Гримму же она писала нѣсколько ранѣе — въ началѣ марта, что на самой себѣ замѣчаетъ отъ того перемѣну: „Первобытный міръ (Le monde primitif), первобытные языки, словари двухсотъ языковъ превратили меня въ несносное существо; я хотѣла потопить свою скуку въ этомъ хламѣ (fatras), а этотъ хламъ сдѣлалъ меня печальною и наводящею скуку (triste et ennuyeuse)“. Письмо къ Циммерману помѣчено 9-мъ мая; слѣдовательно, порученіе Палласу дано было, вѣроятно, въ апрѣлѣ. Еще до истеченія мая мѣсяца академикъ поспѣшилъ издать на французскомъ языкѣ, для свѣдѣнія всей Европы, объявленіе о задуманномъ словарѣ, напечатанное отдѣльно на большомъ листѣ въ 4-ку и тѣмъ болѣе любопытное, что оно, конечно, выражаетъ мысли самой государыни, развитыя и изложенныя многостороннимъ ученымъ. Поэтому объявленіе Палласа заслуживаетъ быть переданнымъ здѣсь почти вполнѣ. Вотъ оно съ небольшими сокращеніями:

„Остроумныя и глубокія изслѣдованія многихъ ученыхъ нашего вѣка о сродствѣ и происхожденіи языковъ, принадлежащихъ весьма отдаленнымъ другъ отъ друга народамъ, и свѣдѣнія о древней исторіи человѣка, извлеченныя многими достойными историками изъ этихъ изслѣдованій, придаютъ нынѣ особенную прелесть и болѣе рѣшительное направленіе наукѣ, которая умамъ поверхностнымъ казалась до сихъ поръ сухою, неблагодарною и даже безплодною и пустою. Просматривая сочиненіе Куръ-де-Жебелена, изумляешься блестящимъ выводамъ, которые авторъ умѣлъ извлечь изъ этого матеріала, и нельзя не пожалѣть, что такой трудолюбивый человѣкъ не могъ примѣнить той же методы ко всѣмъ языкамъ міра. По анализу и счастливому сличенію тѣхъ, которые онъ имѣлъ возможность разсмотрѣть, никто не станетъ сомнѣваться, что знакомство съ языками внутренней Азіи повело бы къ открытіямъ еще болѣе интереснымъ“.

„Русская Имперія, занимающая въ этой части Азіи обширные предѣлы, почти неизвѣстные ученымъ до временъ Петра Великаго, конечно, заключаетъ въ себѣ болѣе народовъ и народцевъ, болѣе языковъ и нарѣчій, нежели какое-либо другое государство на земномъ шарѣ. Тѣсное пространство Кавказа, населенное малочисленными, смежными одинъ съ другимъ народцами, обнимаетъ болѣе 22-хъ нарѣчій восьми или девяти разныхъ языковъ. Обширнѣйшая Сибирь представляетъ еще большее количество ихъ, и одинъ полуостровъ Камчатка, который, при открытіи его русскими, казалось, только начиналъ населяться, имѣлъ девять нарѣчій трехъ разнородныхъ языковъ“...

„Но большинство языковъ оставалось до сихъ поръ недоступнымъ для ученыхъ сокровищемъ: никто не пробовалъ даже сравнивать, по одному избранному плану, порядочнаго числа словъ, принадлежащихъ языкамъ уже извѣстнымъ. Попытки нѣкоторыхъ передавать на разныхъ языкахъ Молитву Господню или другой родъ фразъ были очень неудовлетворительны, недостаточны и представляли образцы только какой-нибудь сотни языковъ и нарѣчій, т. е. приблизительно одной лишь трети всѣхъ существующихъ. Многіе литераторы и историографы сравнивали небольшое число древнихъ или новыхъ языковъ одного и того же корня. Кромѣ пособій, доставляемыхъ лексиконами, можно также найти у новѣйшихъ путешественниковъ коекакіе отрывочные и разбросанные глоссаріи, часто очень необширные и рѣдко соотвѣтствующіе другъ другу. Но никто до сего времени не обнималъ совокупности языковъ... Это обширное предпріятіе, которое, наконецъ, можетъ привести *къ рѣшенію вопроса о существованіи одного первобытнаго языка*, было предоставлено нашему вѣку. Екатерина II удостоила посвятить часы досуга этой еще неразработанной отрасли литературы. Чтобы подготовить начало *всеобщаго сравнительнаго глоссарія* всѣхъ языковъ, Ея Императорское Величество сама составила списокъ словъ наиболѣе необходимыхъ и употребительныхъ у самыхъ малообразованныхъ народовъ. Одно ея государство могло доставить для этого глоссарія почти цѣлую треть всѣхъ употребляемыхъ на землѣ языковъ, и особенно значительное число тѣхъ изъ нихъ, которые еще неизвѣстны ученымъ“.

„При выборѣ словъ дано предпочтеніе наиболѣе нужнымъ существительнымъ и прилагательнымъ, встрѣчаемымъ даже въ самыхъ младенческихъ языкахъ и дающимъ понятіе объ успѣхахъ земледѣлія, о первоначальныхъ искусствахъ и познаніяхъ, переходящихъ отъ одного народа къ другому. Чтобы пополнить глоссарій и сдѣлать его болѣе поучительнымъ, въ немъ отчасти допущены также мѣстоименія, нарѣчія, нѣкоторые глаголы и имена числительныя, которыхъ польза для сравненія языковъ признается многими“.

„По этому превосходному образцу собраны сперва всѣ языки и нарѣчія обширнаго русскаго царства; потомъ еще бо́льшее число иностранныхъ языковъ, такъ что этотъ трудъ, хотя продолжаемый только съ начала года, является уже выше всего, что̀ было испробовано въ тѣхъ же видахъ, и безпрестанно еще пополняется матеріалами всякаго рода“.

„Ея Императорскому Величеству угодно, чтобы этотъ сборникъ былъ напечатанъ для пользы публики. Онъ будетъ такъ расположенъ, что рядомъ съ каждымъ словомъ помѣстятся переводы его на всѣ языки, какіе удалось добыть. Этимъ способомъ и при классификаціи переводовъ по ихъ соотношеніямъ, сродство языковъ сдѣлается яснѣе

и сличеніе ихъ легче. Настоящее произношеніе словъ будетъ означаемо съ величайшею точностью посредствомъ единообразнаго и опредѣленнаго правописанія. Общая таблица языковъ, какъ по ихъ соотношеніямъ, такъ и по предѣламъ ихъ распространенія [16]), будетъ служить вступленіемъ къ этому великому и нелегкому труду, который конечно будетъ по достоинству оцѣненъ учеными, особенно имѣющими въ немъ надобность".

„Такъ какъ Ея Императорское Величество соизволила возложить на меня надзоръ за печатаніемъ этого единственнаго въ своемъ родѣ произведенія, то я поспѣшилъ извѣстить о томъ публику, которой нетерпѣніе будетъ, конечно, равняться моему усердію къ исполненію драгоцѣнной воли Монархини. 22 мая 1785 года".

П. С. Палласъ.

На другой годъ изданъ былъ образчикъ собиранія словъ съ переводами ихъ (Modèle du vocabulaire qui doit servir à la comparaison de toutes les langues) — четыре листка въ 4-ку, на которыхъ напечатаны выбранныя императрицею русскія слова, переведенныя по-латыни, понѣмецки и по-французски. Этотъ образчикъ былъ разосланъ во всѣ мѣстности русской имперіи и ко всѣмъ нашимъ посланникамъ при иностранныхъ дворахъ съ просьбою доставить, какъ можно скорѣе, сколько можно болѣе переводовъ на малоизвѣстные языки. Въ Россіи ко всѣмъ губернаторамъ были отправлены циркулярныя предписанія чрезъ Императорскій Кабинетъ и притомъ наказано исполнить высочайшее повелѣніе со всевозможнымъ тщаніемъ. Вслѣдствіе того списки словъ по губерніямъ составлялись большею частью офиціальными переводчиками и были присылаемы за подписями не только ихъ самихъ, но также секретарей губернскихъ канцелярій, а часто даже губернаторовъ и намѣстниковъ. При этомъ въ особыхъ донесеніяхъ излагались иногда и способы, употребленные для исполненія монаршей воли; нѣкоторые присоединяли къ тому цѣнныя извѣстія о народахъ и языкахъ ихъ или даже цѣлые словари. Съ своей стороны, и посланники усердно пополняли матеріалы переводами на языки и нарѣчія тѣхъ странъ, гдѣ они находились; изъ Лондона, Гаги и Мадрида списки словъ были отосланы въ Китай, Сѣверную Америку и Бразилію; въ Соединенныхъ Штатахъ Вашингтонъ поручилъ это дѣло губернаторамъ. Ученые всѣхъ странъ также были приглашены къ участію въ собираніи словъ. Лицамъ, которыя путешествовали по Россіи на счетъ правительства, давно уже было вмѣнено въ обязанность собирать образцы языковъ. При отправленіи Биллингса въ сѣверовосточную Сибирь (1785 — 1794), спутнику его, естествоиспытателю Марку дана была Палласомъ инструкція, въ которой прямо

---

[16]) Такой таблицы къ изданному впослѣдствіи словарю не было приложено.

сказано, что „Ея Императорскому Величеству пріятно будетъ по приложенному образцу получить списки словъ не только по главнымъ языкамъ, но и по нарѣчіямъ ихъ, при чемъ слѣдуетъ какъ можно точнѣе означать произношеніе русскими и нѣмецкими буквами". Въ то же время Императорская библіотека, руководствуясь особенно полученными отъ Николаи указаніями, не переставала увеличивать свое и безъ того уже богатое собраніе словарей и путевыхъ записокъ; въ числѣ этихъ послѣднихъ тѣ, которыя составлены были путешествовавшими по Россіи учеными, давно представляли значительные матеріалы для словаря. Всѣ образовавшіяся такимъ образомъ обильныя пособія переданы были императрицею Палласу для редакціи, на первый случай, сборника по *азіятскимъ и европейскимъ* языкамъ; что касается языковъ *Африки и Америки*, то предполагалось заняться ими послѣ, когда и для нихъ наберется болѣе матеріаловъ.

Отдѣлъ азіятскихъ и европейскихъ языковъ долженъ былъ состоять изъ двухъ томовъ. Первый томъ, совсѣмъ отпечатанный, былъ поднесенъ императрицѣ наканунѣ ея отъѣзда въ Крымъ, 6 января 1787 года [17]); онъ тогда же вышелъ подъ заглавіемъ: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею всевысочайшей особы. Отдѣленіе первое, содержащее въ себѣ Европейскіе и Азіятскіе языки. Часть первая. Въ Санктпетербургѣ, печатано въ типографіи у Шнора 1787 года". Это же заглавіе повторено въ книгѣ на латинскомъ языкѣ; равнымъ образомъ и предисловіе, гдѣ объяснена цѣль изданія и не умолчано о личномъ участіи императрицы въ самомъ трудѣ, напечатано по-русски и по-латыни. Оно начинается указаніемъ на обширность Россіи и на обиліе имѣющихся въ ней матеріаловъ — шестьдесятъ употребительныхъ въ предѣлахъ ея языковъ — для приведенія въ дѣйствіе такого предпріятія; въ концѣ сдѣланъ обзоръ языковъ, вошедшихъ въ составъ словаря. Предисловіе это было въ рукописи представлено на предварительный просмотръ императрицѣ, и при возвращеніи его, она написала Палласу: „Возвращаю вамъ ваше предисловіе и, за исключеніемъ похвалъ, вами мнѣ воздаваемыхъ, которыя кажутся мнѣ слишкомъ лестными, ничего не могу замѣтить противъ него" [18]). Согласно съ положительно выраженною волей императрицы всѣ переводныя слова переданы русскими буквами. Точно также напечатанъ и второй томъ, вышедшій въ 1789 году.

Содержаніе и планъ словаря очень просты: для сравненія взято 285 русскихъ словъ, изъ которыхъ 130 помѣщено въ первомъ томѣ и 155 во второмъ. Каждое русское слово поставлено въ видѣ заглавія,

---

[17]) По этому поводу, конечно, Екатерина и говорила въ этотъ день о пользѣ сравнительнаго словаря, какъ отмѣтилъ въ своемъ Дневникѣ Храповицкій.

[18]) „Je vous envoie, monsieur Pallas, votre préface, et aux louanges près que vous me donnez et qui me paraissent trop flatteuses, je n' ai rien à y redire".

подъ которымъ въ одномъ и томъ же порядкѣ помѣщены переводы на 200 языковъ и при каждомъ переводѣ всякій разъ повторяется названіе языка; такъ что каждый языкъ поименованъ въ первой части 130 разъ, а во второй 155 разъ. Чтобы уяснить это, приведемъ два-три слова съ нѣсколькими переводами, напримѣръ:

1. Богъ.

1. По-славянски . . . . Богъ.
2. По-славяно-венгерски . . . . . Бугъ.
3. По-иллирійски . . . . Боогъ.
4. По-богемски . . . . Бу. и т. д.

Послѣ славянскихъ языковъ и нарѣчій, въ ряду которыхъ встрѣчаются между прочимъ малороссійское (Бигъ) и суздальское (Стодъ) [19]), слѣдуютъ переводы:

13. По-кельтски . . . . Діу, Ю.
14. По-бретански . . . . Дуэ, Доэ.
15. По-басконски . . . . Дувъ, Юнъ и проч. и проч.

Языки слѣдуютъ одинъ за другимъ въ произвольно принятой, часто ни на чемъ не основанной системѣ. Нигдѣ не представлено обзора языковъ и нарѣчій, послужившихъ къ сравненію, а только помѣщенъ, послѣ предисловія, списокъ книгъ, откуда почерпнуты слова кельтскія, готскія и англо-саксонскія, и затѣмъ еще приложено объясненіе русской азбуки.

Словарь, напечатанный въ числѣ 500 экземпляровъ, не былъ предназначенъ для продажи; только книгопродавецъ Вейтбрехтъ, получившій отъ государыни въ подарокъ 40 экземпляровъ, могъ торговать ими; нѣкоторое число было разослано въ даръ, по ея повелѣнію, иностраннымъ дворамъ и ученымъ. Ограничивъ такимъ образомъ распространеніе своего словаря, императрица, какъ кажется, руководствовалась мыслью, что это только первый опытъ, который со временемъ долженъ быть усовершенствованъ и изданъ въ болѣе полномъ видѣ: на этотъ взглядъ указываютъ и пробѣлы, оставленные при многихъ словахъ для вставки впослѣдствіи недостававшихъ переводовъ.

Съ точки зрѣнія нынѣшней науки Екатерининскій словарь конечно не выдерживаетъ критики. Самая цѣль его — служить средствомъ для отысканія первобытнаго языка, была недостижима. Далѣе,

[19]) Суздальское нарѣчіе разумѣется тутъ не въ томъ смыслѣ, какой въ наше время можетъ быть приданъ этому названію, а въ какомъ-то смѣшанномъ значеніи языка офеней и мѣстныхъ инородцевъ. Ближайшее поясненіе относится къ филологической сторонѣ дѣла, которой мы здѣсь не касаемся.

мысль перевести двѣ-три сотни словъ, хотя и умно выбранныхъ, на столько же языковъ, безъ строгаго опредѣленія родства этихъ послѣднихъ (что́ тогда было чистою невозможностью), не могла имѣть важнаго по своимъ результатамъ значенія для науки. Наконецъ, и способъ исполненія этой мысли былъ во многихъ отношеніяхъ неудобенъ и нецѣлесообразенъ, напр. русскія слова расположены въ словарѣ безъ всякаго опредѣленнаго порядка, слѣдовательно для отысканія котораго-нибудь изъ нихъ нужно каждый разъ просмотрѣть весь списокъ ихъ (не азбучный), помѣщенный въ концѣ 2-го тома; точно такое же замѣчаніе относится и къ трудности отысканія того или другого языка, на которомъ кто-либо захотѣлъ бы найти данное реченіе. Словомъ, безъ оскорбленія памяти великой виновницы этого дѣла и знаменитаго своею ученостью сотрудника ея, мы можемъ сказать, что они, при всей своей даровитости, не имѣли нужной для такого предпріятія подготовки, и потому исполненіе его не могло не носить на себѣ нѣкоторой печати дилетантизма. При всемъ томъ Петербургскій словарь, какъ первый въ своемъ родѣ и притомъ отмѣченный громкимъ именемъ Екатерины II, не могъ не возбудить вниманія въ Европѣ.

Екатерина, и безъ того зорко слѣдя за иностранной журналистикой, должна была нетерпѣливо ожидать отзывовъ о своемъ трудѣ. Они не замедлили явиться. Не смотря на слабое развитіе тогдашней филологіи, нѣкоторые недостатки словаря и въ то время не ускользнули отъ критики. Нѣтъ, кажется, надобности въ оговоркѣ, что всѣ отзывы о немъ были высказаны на иностранныхъ языкахъ, и притомъ, за исключеніемъ краткаго извѣстія Бакмейстера, за границею, а не въ Россіи. Съ наибольшимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ отозвался о словарѣ Кенигсбергскій профессоръ исторіи и политической экономіи Краусъ († 1806 г.) въ подробной рецензіи, напечатанной въ Allgemeine Literatur-Zeitung (Всеобщей литературной газетѣ) [20]). Между прочимъ онъ высказываетъ подозрѣніе въ вѣрности начертанія предлагаемыхъ словъ, особенно взятыхъ у малообразованныхъ, неграмотныхъ инородцевъ, а также и въ точной передачѣ ихъ значенія. Потомъ онъ указываетъ на неправильное разграниченіе и сближеніе многихъ языковъ и выставляетъ такія стороны языкознанія, которыя должны быть принимаемы въ соображеніе при сравненіи отдѣльныхъ языковъ, но въ Петербургскомъ сравнительномъ словарѣ совершенно упущены изъ виду. Императрица прочла эту статью, оцѣнила глубокую ученость автора и въ знакъ своего уваженія послала ему брильянтовый перстень. Нѣсколько другихъ нѣмецкихъ критиковъ ограничились въ своихъ отзывахъ частными замѣчаніями. Во Франціи извѣстный Воль-

[20]) 1787 года, № 235 — 237.

ней (впрочемъ не прежде какъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія) представилъ „Кельтской Академіи" докладъ о Екатерининскомъ словарѣ, заслуживающій вниманія [21]). Напомнивъ, что въ XVI и XVII столѣтіяхъ ученые позволяли себѣ самыя произвольныя заключенія о первоначальныхъ языкахъ, онъ усматриваетъ неизмѣримый успѣхъ въ великой мысли Екатерины дойти до справедливаго о томъ вывода путемъ изслѣдованія и сравненія языковъ, на необходимость котораго впервые указалъ Лейбницъ. Методъ расположенія словъ, равно какъ и весь сложный трудъ собиранія переводовъ на столько языковъ, вызываетъ со стороны французскаго ученаго не только похвалу, но даже удивленіе, и онъ признаетъ этотъ трудъ „великолѣпнымъ литературнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ самой блестящей способности человѣка—*слову*". Между недостатками словаря Вольней справедливо выставляетъ особенно тотъ, что русскими буквами невозможно передавать удачно произношенія всѣхъ языковъ, въ чемъ онъ прежде всего удостовѣрился, наблюдая французскія слова въ русскихъ начертаніяхъ; поэтому всѣ языки, имѣющіе такіе звуки, для которыхъ въ русской азбукѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ знаковъ, подверглись въ словарѣ столь важнымъ искаженіямъ, что нерѣдко трудно и узнать находимое въ немъ слово. Кромѣ того Вольней показалъ, что нѣкоторые глоссаріи, какъ напр. арабскій и персидскій, получены отъ лицъ, вовсе не подготовленныхъ для порученнаго имъ дѣла. Главныя причины несовершенства этого словаря онъ видитъ въ излишней поспѣшности его составленія и въ недостаточномъ числѣ свѣдущихъ сотрудниковъ; по его мнѣнію, для такого предпріятія была бы нужна цѣлая академія съ обильными средствами, которая посвятила бы ему всю свою дѣятельность, вступила бы въ обширныя сношенія и употребила на это дѣло по меньшей мѣрѣ десять лѣтъ.

Частныя поправки въ словарѣ были предложены Добровскимъ, для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, и другими учеными.

Не смотря на всѣ указанные недостатки, относительное достоинство и польза Екатерининскаго словаря были признаны даже самыми строгими ея критиками, и лучшимъ доказательствомъ этого признанія служитъ то, что одинъ изъ нихъ (Рюдигеръ) намѣревался издать словарь въ нѣмецкой переработкѣ, другой (Вольней) сбирался передѣлать его по-французски, третій хотѣлъ перепечатать его латинскими буквами. Когда кто-то объ этомъ послѣднемъ намѣреніи разсказалъ императрицѣ, то она съ улыбкой замѣтила: „Я полагаю, иностраннымъ гг. ученымъ не трудно было бы выучиться читать и русскія буквы". Общее впечатлѣніе заграничныхъ отзывовъ о сло-

---

[21]) См. Mémoires de l'Académie Celtique, годъ XIV, и Moniteur того же года № 31, 32.

варѣ на императрицу было, однакожъ, таково, что охладило ея усердіе къ довершенію труда.

Несправедливо было бы, еслибъ наше время, гордясь колоссальными успѣхами сравнительной филологіи, презрительно отрицало въ словарѣ Екатерины II всякое достоинство. Оставаясь однимъ изъ знаменательныхъ памятниковъ и великаго ума составительницы, и смѣлыхъ стремленій XVIII вѣка, онъ въ свое время принесъ и свою долю пользы наукѣ. Это было не разъ сознаваемо нѣкоторыми изъ самыхъ крупныхъ авторитетовъ новѣйшаго языкознанія. Такъ Яковъ Гриммъ находилъ, что Екатерининскій словарь, хотя и составленный на весьма неудовлетворительныхъ основаніяхъ, замѣтно содѣйствовалъ къ оживленію и успѣхамъ сравнительнаго языкоученія [22]). Такое же сужденіе было еще недавно произнесено по случаю окончанія большого Санскритскаго словаря гг. Бетлинга и Рота, изданнаго на средства нашей Академіи Наукъ. Вотъ какъ второй изъ названныхъ ученыхъ началъ свою рѣчь [23]) объ исторіи этого предпріятія: „Прежде того *Петербургскаго словаря*, о которомъ мнѣ сегодня позволено высказаться передъ вами, былъ нѣкогда другой, имя котораго какъбудто унаслѣдовано нашимъ, — тотъ своеобразный трудъ конца прошлаго столѣтія, который императрица Екатерина, мечтавшая о всемірномъ глоссаріи, повелѣла выработать, въ которомъ собраны образчики 279 языковъ [24]), странная книга, съ нашей точки зрѣнія составленная безъ методы и критики, но не оставшаяся, однакожъ, безъ вліянія на тогдашнюю науку слова. Тотъ *Петербургскій словарь* также носитъ печать своего времени, какъ я ожидаю того и отъ нынѣшняго словаря. Тогда—желаніе обнять однимъ взглядомъ неизмѣримую область человѣческаго слова, теперь — стремленіе поставить вездѣ на незыблемомъ основаніи строй языкознанія, пріобрѣтшаго для насъ твердыя очертанія. Книга императрицы была естественнымъ произведеніемъ многоязычной Россіи, гдѣ все призываетъ къ собирательному труду. Наша книга есть поздній плодъ пробужденныхъ тогда, мало-по-малу очистившихся стремленій въ области языкознанія, которыя сохранили свою жизненность въ первенствующей ученой корпораціи Русскаго государства и здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо нашли себѣ поддержку“.

---

[22]) „Ohne Zweifel wurde durch das von der Kaiserin Catharina in den Jahren 1787—90 veranstaltete Petersburger Wörterbuch, wenn es auch auf noch sehr ungenügenden Grundlagen aufgerichtet war, Sprachvergleichung wirksam angeregt und gefödert“. (Über den Ursprung der Sprache, стр. 9.

[23]) Произнесенную въ собраніи оріенталистовъ въ Инсбрукѣ, 29 сентября 1874 г. Она напечатана въ нашемъ академическомъ Bulletin, т. XXI, № 4.

[24]) Эта цифра, означающая число языковъ, заставляетъ думать, что въ рукахъ г. Рота было не 1-е изданіе сравнительнаго словаря, а 2-ое, переработанное въ алфавитномъ порядкѣ, о которомъ нами будетъ сообщено свѣдѣніе ниже.

Этимъ мы могли бы и кончить; но для полноты разсказа прибавимъ еще нѣсколько словъ о двухъ трудахъ, тѣсно связанныхъ съ Екатерининскимъ словаремъ.

Одинъ изъ нихъ можно назвать вторымъ изданіемъ словаря. Такъ какъ послѣ напечатанія перваго изданія доставленіе матеріаловъ, по прежнимъ требованіямъ, продолжалось: то, въ заботѣ объ усовершенствованіи своего труда, императрица пожелала, чтобы онъ расположенъ былъ въ алфавитномъ порядкѣ и пополненъ недостававшими языками Африки и Америки. Дѣло это опять поручено было иностранцу, извѣстному Янковичу де-Миріево, вызванному изъ Австріи для устройства народныхъ училищъ. Съ большою энергіей принялся онъ за работу, и уже въ 1790 году появилась первая часть новаго труда подъ заглавіемъ: *„Сравнительный словарь всѣхъ языковъ и нарѣчій по азбучному порядку расположенный. Часть первая. А — Д“*. Въ слѣдующемъ году изданы были и остальныя три части. Число сравниваемыхъ языковъ доходитъ здѣсь до 279; но такъ какъ изъ прежнихъ 200 устранено 7 (на какомъ основаніи, не объяснено), то значитъ, что въ обоихъ словаряхъ принято къ сравненію всего 272 языка. Странно, что Янковичъ, показавъ только, какъ нѣкоторые иностранные звуки передаются русскими буквами, не приложилъ къ своему изданію никакихъ поясненій — ни о поводѣ къ новому труду, ни о значеніи русскихъ начертаній, такъ что это изданіе было еще менѣе перваго пригодно для иностранцевъ. Но оно и для хорошо знакомаго съ русскимъ языкомъ представляло мало удобства къ употребленію: въ азбучномъ порядкѣ расположены въ немъ не русскія слова, а тѣ 60.000 слишкомъ иноязычныхъ словъ, которые вошли въ словарь, такъ что справляться съ нимъ чрезвычайно трудно. Поэтому неудивительно, что это изданіе было принято императрицею холодно; она, повидимому, осталась имъ не совсѣмъ довольна: за исключеніемъ немногихъ розданныхъ экземпляровъ, вся напечатанная тысяча долго пролежала въ кабинетѣ. Тѣмъ не менѣе однакожъ есть указаніе на то, что государыня пользовалась новымъ изданіемъ словаря. Въ октябрѣ 1790 года Храповицкій записалъ: „Изъ лексикона Янковича читали слова, начинающіяся съ Вар. и Гвар, выводя, что Варяги не отъ слова *воръ* происходятъ“ и пр. Впослѣдствіи, чуть ли уже не по смерти Янковича († 1813), словарь его поступилъ въ продажу, по низкой цѣнѣ 10 рублей асс. за всѣ четыре тома.

Другой трудъ, который происхожденіемъ своимъ также обязанъ сравнительному словарю Екатерины II, есть напечатанное уже въ нынѣшнемъ столѣтіи сочиненіе Арндта: „Über den Ursprung und die verschiedenartige Verwandtschaft der europäischen Sprachen“ (о происхожденіи и различномъ сродствѣ Европейскихъ языковъ). Книга эта издана была въ Германіи не прежде 1818 года; но что она въ

рукописи была уже извѣстна Екатеринѣ въ первоначальномъ своемъ видѣ, на французскомъ языкѣ [25]), явствуетъ изъ свидѣтельства самого Арндта и подтверждается слѣдующею запискою Государыни къ Храповицкому: „Пожалуйте возвратите Арндту. Онъ въ трехъ мѣстахъ найдетъ мои записки, не для внесенія въ его сочиненіе, но comme des réflexions qui me sont venues en lisant. Dites-lui de ma part que j'ai trouvé son ouvrage trés-intéressant, et la lecture m'en a amusée. Vous pouvez lui montrer ce billet“ [26]). (..... но какъ мысли, которыя пришли мнѣ въ голову при чтеніи. Скажите ему отъ меня, что я нашла его сочиненіе очень интереснымъ и чтеніе его доставило мнѣ удовольствіе. Можете показать ему эту записку).

Имя Арндта, служившаго переводчикомъ въ Кабинетѣ императрицы, нѣсколько разъ упоминается въ Дневникѣ Храповицкаго, подъ 1786 и 88 гг.: ему поручаемо было переводить на нѣмецкій языкъ комедіи Екатерины II: *Обманщикъ*, *Обольщенный*, *Шаманъ*, *Разстроенная Семья*, и обыкновенно онъ получалъ за этотъ трудъ по 300 рублей съ пьесы [27]).

Но изъ чего же видно, что названное филологическое сочиненіе Арндта было плодомъ занятій его по сравнительному словарю? Онъ самъ въ этомъ сознается. Сначала Палласъ пригласилъ въ помощники себѣ И. Д. Бакмейстера, младшаго библіотекаря Академіи Наукъ (родственника прежде названному Христофору Б.); но вскорѣ по отпечатаніи 1-й части Бакмейстеръ умеръ, и тогда Арндту повелѣно было, не оставляя прочихъ своихъ занятій, присоединиться къ Палласу для приведенія къ концу изданія словаря. Арндтъ, давно бывшій въ дружескихъ отношеніяхъ съ знаменитымъ академикомъ, принялся за это дѣло съ величайшею добросовѣстностью, выпросилъ себѣ изъ библіотеки императрицы самое сочиненіе Куръ-де-Жебелена, сталъ изучать всѣ доставленные для словаря матеріалы, бесѣдовалъ о нихъ съ Палласомъ, и такимъ образомъ, рядомъ съ исполненіемъ возложеннаго на него порученія, собралъ множество данныхъ для книги, которую впослѣдствіи и приготовилъ къ изданію. Она напечатана во Франкфуртѣ на Майнѣ, другомъ автора, Клюберомъ, какъ выше замѣчено, въ 1818 г. Въ ней есть и нѣсколько свѣдѣній о словарѣ Екатерины II, которыми мы воспользовались.

---

[25]) Подъ заглавіемъ „Idées sur l'origine et l'afinité des langues“. Обстоятельство это засвидѣтельствовано и въ самой книги Арндта.

[26]) Эта записка, такъ же какъ и помѣщенныя выше французскія выписки Екатерины II изъ Куръ-де-Жебелена и ея строки къ Палласу при возвращеніи ему его предисловія, хранятся въ Академической библіотекѣ. Онѣ были присланы въ Росс. Академію въ 1821 г. Гурьяновымъ по порученію гф. Каподистріи, получившаго ихъ отъ Клюбера въ бытность на Ахенскомъ конгрессѣ.

[27]) См. Дневникъ Храповицкаго, стр. 6 и д. по указателю.

Странно, что имя этого Арндта до сихъ поръ ускользало отъ всѣхъ историковъ нашего книжнаго дѣла: о немъ нѣтъ ни слова у митрополита Евгенія, а затѣмъ не упоминали о немъ и другіе наши спеціальные и энциклопедическіе словари [28]), а между тѣмъ Арндтъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и замѣчательныхъ иностранцевъ, писавшихъ въ Россіи и о Россіи. Главнымъ трудомъ его былъ *С.-Петербургскій Журналъ* (St. Petersburgisches Journal), который онъ издавалъ на нѣмецкомъ языкѣ съ 1776 по 1780 годъ [29]). Этотъ журналъ былъ посвященъ главнымъ образомъ русской исторіи и сообщалъ также всѣ вновь выходившія постановленія (онъ составилъ 10 томовъ, въ 15 — 16 листовъ каждый). Статьи историческія почти всѣ написаны самимъ издателемъ. Онъ велъ это дѣло съ большимъ умѣніемъ и незабывалъ, что пишетъ не для Берлина или Лейпцига, а для тѣхъ тысячъ нѣмцевъ, живущихъ въ Россіи, изъ которыхъ (какъ самъ онъ говорилъ) „большая часть не знаютъ иного отечества и, если исключить языкъ и религію, оказываются русскими тѣломъ и душой [30]) Поэтому журналъ Арндта былъ счастливѣе, чѣмъ большинство другихъ до него выходившихъ въ Россіи иностранныхъ журналовъ: продержался съ успѣхомъ много лѣтъ и имѣлъ довольно обширный кругъ читателей. Арндтъ участвовалъ также въ изданіи русскаго *С.-Петербургскаго Вѣстника* [31]), который, кажется, и задуманъ былъ по образцу названнаго нѣмецкаго журнала и находился въ завѣдываніи нѣсколькихъ литераторовъ. Кромѣ того, онъ былъ трудолюбивымъ

---

[28]) У Сопикова означены, однакожъ, нѣкоторыя изъ книгъ, изданныхъ Арндтомъ.

[29]) Послѣ того Арндтъ года три издавалъ еще Neues Petersburgisches Journal.

[30]) „Wenn man aber bedenkt, dass das Russische Reich, seit sehr langen Zeiten viele Tausend deutsche Einwohner zählt, von welchen die mehresten kein ander Vaterland kennen, und Sprache u. Religion ausgenommen, mit Leib und Seelen Russen sind: so lässt sich daraus leicht folgen, dass diesen vieles nützlich, merkwürdig oder unterhaltend seyn und scheinen könne, was in Deutschland wenige oder niemand interessirt, und umgekehrt“ (St.-Petersb. Journal. 8 Band. An die geneigten Leser, стр. 460).

[31]) Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ онъ; то же подтверждаетъ Бакмейстеръ въ Russische Bibliothek и Бернулли, который говоритъ объ Арндтѣ въ своемъ путешествіи. *С.-Петербургскій Вѣстникъ* издавался, какъ сказано было въ объявленіи о немъ, „обществомъ любителей наукъ“; отъ того-то происходитъ разнорѣчіе въ показаніяхъ о его издателяхъ. По самому достовѣрному извѣстію, главнымъ издателемъ былъ Брайко; Арндтъ, вѣроятно, завѣдывалъ журналомъ только временно, или былъ однимъ изъ участниковъ въ изданіи, — можетъ быть, редакторомъ отдѣла постановленій, которыя печатались и въ *Вѣстникѣ*. Свѣдѣнія объ Арндтѣ разсѣяны въ слѣдующихъ изданіяхъ: Goldbeck. Litter. Nachrichten von Preussen. Leipzig 1783.— Joh. Bernoulli's Reisen durch Brandenburg, Pommern, Preussen, Curland, Russland u. Pohlen. Leipzig 1780. — J. G. Meusel, Das gelehrte Teutschland. B. I., Lemgo 1796. — Neuer Nekrolog der Deutschen, VII Jahrgang 1829. 1 Theil. Jlmenau 1831. Наконецъ, Bacmeister, Russische Bibliothek, по указателю въ XI-мъ томѣ.

переводчикомъ, и напечаталъ на нѣмецкомъ языкѣ, между прочимъ, *Журналъ Петра Великаго* (вмѣстѣ съ Бакмейстеромъ), *Учрежденіе о губерніяхъ*, *Городовое Положеніе*, также сочиненія Сумарокова: *Стрѣлецкій бунтъ* и *Малый Московскій лѣтописецъ*.

Относительно обстоятельствъ жизни Арндта извѣстно слѣдующее. Іоаннъ Готлибъ Арндтъ (по-русски Богданъ Ѳедоровичъ), сынъ лютеранскаго пастора, родился 1743 г. въ Восточной Пруссіи (въ деревнѣ Гросъ-Швансфельдѣ), изучалъ въ Кенигсбергѣ сперва богословіе, потомъ права. Курляндскій посланникъ, случайно познакомившійся съ нимъ въ гостинницѣ за шахматами, предложилъ ему въ 1764 г. взять его съ собою въ Варшаву на избраніе короля, и молодой человѣкъ съ радостью воспользовался случаемъ попутешествовать. Изъ Варшавы онъ ѣздилъ въ Ригу и въ Митаву, а оттуда въ 1768 г. пріѣхалъ въ Петербургъ и здѣсь надолго поселился. Въ 1772 онъ поступилъ на службу почтовымъ экспедиторомъ; потомъ былъ переводчикомъ при трехъ главныхъ коллегіяхъ, а въ 1780 году, въ чинѣ коллежскаго ассесора, получилъ мѣсто при Кабинетѣ императрицы, которая вскорѣ обратила на него вниманіе, какъ на умнаго и свѣдущаго иностранца. Обладая особенными способностями къ изученію языковъ, Арндтъ, по переселеніи въ Петербургъ, скоро выучился по-русски и сталъ переводить преимущественно книги по законодательной части и по русской исторіи. Прослуживъ въ Россіи 25 лѣтъ, онъ возвратился на покой въ Германію, лѣтъ десять путешествовалъ, а съ 1802 года поселился въ Гейдельбергѣ и тамъ провелъ остальную часть жизни; онъ умеръ въ 1829 г. Во время Вѣнскаго Конгресса Императоръ Александръ увеличилъ ему пенсію, которую онъ получалъ за русскую службу. Арндтъ отличался правдивымъ и честнымъ характеромъ; у него было горячее, привязчивое сердце; онъ искренно полюбилъ Россію и до конца жизни отзывался о ней съ благодарностью. Во время пребыванія въ Гейдельбергѣ онъ издалъ книгу: „Gedanken über wichtige Angelegenheiten des Menschen und Bürgers“. (Мысли о важныхъ задачахъ человѣка и гражданина). Что касается сочиненія о происхожденіи и сродствѣ языковъ, то рукопись его въ 1810 г. выпросилъ Палласъ, по смерти котораго, въ слѣдующемъ году, она и осталась въ Берлинѣ. Не безъ труда была она отыскана тамъ впослѣдствіи Клюберомъ, который рѣшился напечатать ее вопреки желанію автора. Дѣйствительно, онъ не былъ ученымъ филологомъ, и трудъ его, послѣ явившихся позднѣе трудовъ Гримма, Боппа и др., не можетъ имѣть большаго достоинства въ смыслѣ изслѣдованія. Тѣмъ не менѣе эта книга не лишена значенія, какъ сборникъ матеріаловъ, и для своего времени составляетъ явленіе замѣчательное.

СОТРУДНИЧЕСТВО ЕКАТЕРИНЫ II ВЪ СОБЕСѢДНИКѢ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ [1]).

1877.

Около ста лѣтъ тому назадъ возникъ русскій журналъ, который въ своемъ родѣ остался единственнымъ въ лѣтописяхъ литературы. Это былъ *Собесѣдникъ любителей россійскаго слова*, основанный княгинею Дашковой весною 1783 года и издававшійся болѣе года при постоянномъ и непосредственномъ участіи Екатерины II. Это участіе не ограничивалось тѣмъ, что Государыня удостоивала журналъ помѣщенія въ немъ своихъ произведеній; нѣтъ, она дѣлила труды редакціи, просматривала рукописи, которыя ей доставляла издательница, переписывалась съ нею о многихъ изъ нихъ; наконецъ, сама участвовала въ оригинальной полемикѣ, которая завязалась между редакціей и нѣкоторыми изъ сотрудниковъ журнала.

Поводомъ къ основанію *Собесѣдника* послужила знаменитая ода Державина къ *Фелицѣ*. Около того времени между русскими литераторами начали распространяться новыя требованія отъ поэзіи: торжественныя оды въ рукахъ бездарныхъ стихотворцевъ сдѣлались невыносимы, и всѣ чувствовали, что онѣ должны быть замѣнены чѣмъ-нибудь болѣе живымъ. Даровитому поэту, какимъ былъ Державинъ, естественно было пытаться дать этому роду поэзіи новое направленіе. Съ этою мыслью ему удалось создать *Фелицу*, гдѣ въ первый разъ высокія мысли и искреннее, горячее чувство явились въ легкой и изящной формѣ, съ примѣсью добродушной, веселой сатиры и ловкой шутки. Извѣстно, какъ Екатерина была тронута изображеніемъ своей личности въ этой одѣ и какъ оригинально она выразила поэту свою благодарность. Княгиня Дашкова, незадолго передъ тѣмъ назначенная директоромъ Академіи Наукъ и уже мечтавшая о способахъ къ развитію русскаго языка и литературы, увидѣла въ этой одѣ задатки того и другого и задумала, съ помощію нѣсколькихъ даровитыхъ сотрудниковъ, издавать журналъ. Императрица встрѣтила эту мысль съ полнымъ одобреніемъ и обѣщала свое дѣятельное участіе.

Въ апрѣлѣ, вскорѣ послѣ пасхи въ газетахъ явилось объявленіе о новомъ журналѣ, а 20-го мая вышла первая книжка его, которая знаме-

---

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. 1877, т. XX, стр. 525—542. Эта статья вошла впослѣдствіи въ передѣланномъ видѣ въ Біографію Державина, VIII т. „Сочиненій“, стр. 309—317 и слѣд. *Ред.*

нательно открывалась *Фелицей* Державина. Въ краткомъ предувѣдомленіи была объяснена двоякая цѣль *Собесѣдника* служить къ распространенію просвѣщенія и къ пользѣ русскаго слова, при чемъ заявлено, что приниматься будутъ только оригинальныя сочиненія, которыя и должны быть доставляемы къ княгинѣ Дашковой. Къ двумъ означеннымъ здѣсь цѣлямъ впослѣдствіи прибавлена, какъ не разъ выражаемо было въ разныхъ статьяхъ, еще третья — исправленіе нравовъ; къ этой цѣли были между прочимъ направлены шуточныя бесѣды самой императрицы, которыя печатались подъ остроумно избраннымъ заглавіемъ: *Были и Небылицы.*

Въ то время не было другого русскаго журнала; издававшійся собраніемъ литераторовъ *С.-Петербургскій Вѣстникъ* прекратился года за два передъ тѣмъ. По малому развитію литературы и охоты къ чтенію въ ту эпоху, тогдашніе журналы наши были недолговѣчны: *С.-Петербургскій Вѣстникъ* просуществовалъ 2 1/2 года, что́ уже было сравнительно долгимъ срокомъ. *Собесѣднику* суждено было прожить еще менѣе: по неблагопріятнымъ обстоятельствамъ, о которыхъ будетъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, онъ выходилъ только годъ и 4 мѣсяца, почти постоянно являясь одною книжкою въ мѣсяцъ. Только въ октябрѣ 1783 г. ихъ вышло двѣ.

Печатался *Собесѣдникъ* при Академіи Наукъ и на ея счетъ. Всѣми дѣлами изданія завѣдывала княгиня Дашкова, а главнымъ помощникомъ ея былъ академическій совѣтникъ Козодавлевъ, который впослѣдствіи, по учрежденіи министерствъ при императорѣ Александрѣ I, занималъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ ранней молодости онъ былъ отправленъ съ другими молодыми людьми для своего образованія за границу, учился въ Лейпцигскомъ университетѣ, былъ самъ литераторомъ, писалъ, переводилъ съ нѣмецкаго и сочинялъ очень легкіе для того времени стихи. Въ его рукахъ была вся внѣшняя часть изданія. Къ сотрудничеству въ *Собесѣдникѣ* были приглашены всѣ лучшіе писатели того времени, и по исключительному положенію редакціи естественно, что это приглашеніе было охотно принято; впрочемъ прежде почти всѣ эти литераторы участвовали и въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ.* Въ то время статьи и стихи въ журналахъ являлись бо́льшею частью безъ имени, не столько по скромности, сколько потому, что многіе боялись авторствомъ повредить себѣ въ глазахъ своихъ начальниковъ. Особеннымъ врагомъ и гонителемъ литературы и искусства былъ генералъ-прокуроръ князь Вяземскій, который всякаго негоднаго чиновника называлъ не иначе, какъ стихотворцемъ или живописцемъ. Извѣстно, какъ много отъ этого воззрѣнія пострадалъ служившій при Вяземскомъ Державинъ. О томъ, какъ такой взглядъ въ высшихъ административныхъ сферахъ былъ распространенъ въ ту эпоху, свидѣтельствуетъ составленная Фонвизиномъ въ шуточномъ

тонѣ и напечатанная въ *Собесѣдникѣ Челобитная Россійской Минервѣ отъ россійскихъ писателей* (IV кн.). Здѣсь онъ прямо проситъ защиты императрицы отъ „знаменитыхъ невѣждъ“, которые воображаютъ, говоритъ онъ, что „къ отправленію дѣлъ ни въ какихъ знаніяхъ нужды нѣтъ“ и „употребляютъ во зло знаменитость своего положенія къ тяжкому предосужденію словесныхъ наукъ и къ нестерпимому притѣсненію насъ именованныхъ: они постановили между собой условіе: всякое знаніе, а особливо словесныя науки, почитать не иначе какъ уголовнымъ дѣломъ“. Въ виду той же опасности для пишущей братіи княгиня Дашкова, въ одной запискѣ, упрашивая государыню по прежнему помѣщать свои *Были и Небылицы* въ *Собесѣдникѣ*, говоритъ ей: Vous voyez, Madame, que l'opinion que j'ai des *Были и Небылицы* ne m'est point particulière et que notre journal tomberait sans eux. Je dirai même plus. L'on nous désertera davantage, et ceux qui empêchent les écrivains de nous aider se croiront plus autorisés que jamais à persécuter tous ceux qui oseront assumer de l'esprit et du goût pour la littérature... Je crains d'être l'instrument innocent des désagréments que des honnêtes gens reçoivent de leurs supérieurs. Si l'auteur des *Были и Небылицы* voulait avoir la bonté d'exprimer quelques sentiments qui encourageassent les auteurs, il obligerait l'humble éditeur, et le public en même temps“ [1]). Послѣ этого понятно, что для появленія въ журналѣ съ своимъ именемъ требовалось нѣкоторое гражданское мужество. Оттого, не смотря на покровительство, какое Екатерина II оказывала литературѣ, въ *Собесѣдникѣ* встрѣчаются только очень немногія полныя подписи; съ ними являлись: М. Муравьевъ, Богдановичъ, Павелъ Кутузовъ, Дм. Хвостовъ, большею частью все посредственные или плохіе поэты, тогда какъ большинство сотрудниковъ, и между ними самые талантливые, Державинъ, Фонвизинъ, Капнистъ, Княжнинъ, гр. Ник. Румянцовъ даже Козодавлевъ, печатали свои труды безъ всякой подписи. Нѣкоторые ставили только начальныя буквы, напр. Ер. Кост. (Ермилъ Костровъ), М. Х. (Михаилъ Храповицкій), М. С. (Марія Сушкова) и др. Были и псевдонимы: важнѣйшія критическія замѣтки были подписаны вымышленными именами *Любословъ* и *Невѣжда*. Другіе отзывы этого рода присылались отъ неизвѣстныхъ, иногда изъ провинціи, или составлялись, подъ видомъ присланныхъ

---

[1]) „Ваше Величество изволите видѣть, что не я одна такъ думаю о *Быляхъ и Небылицахъ* и что безъ нихъ нашъ журналъ упалъ бы. Скажу болѣе. Насъ совсѣмъ оставятъ, и тѣ, которые мѣшаютъ писателямъ помогать намъ, сочтутъ себя болѣе чѣмъ когда-либо въ правѣ преслѣдовать всѣхъ осмѣливающихся выказывать умъ и любовь къ литературѣ... Боюсь быть невиннымъ орудіемъ непріятностей, испытываемыхъ честными людьми отъ своихъ начальниковъ. Если бы автору *Былей и Небылицъ* угодно было сказать нѣсколько словъ въ ободреніе пишущихъ, то онъ обязалъ бы и скромную издательницу, и публику“.

издалека, въ самой редакціи. Изъ всѣхъ сотрудниковъ, если исключить императрицу и княгиню Дашкову, наибольшею извѣстностью пользовался Державинъ; онъ пріобрѣлъ ее еще тѣми стихотвореніями, которыя появились въ *С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ*, но громкая слава его началась, вмѣстѣ съ *Собесѣдникомъ*, *Фелицею*. Поэтому неудивительно, что всякую новую книжку журнала старались начинать или одною изъ его одъ, или стихами, въ которыхъ другіе выхваляли его *Фелицу* и талантъ новаго поэта, который, какъ тогда уже признавали, долженъ былъ затмить самого Ломоносова.

Нельзя, кажется, сомнѣваться, что шуточно-сатирическій тонъ *Фелицы* отозвался на господствующемъ направленіи *Собесѣдника*. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи заняли *Были и Небылицы* императрицы, которыя стали появляться со второй книжки и безъ которыхъ потомъ, въ продолженіе цѣлаго полугодія, не выходилъ этотъ журналъ. Имъ онъ, конечно, и обязанъ болѣе всего своимъ успѣхомъ.

Подъ покровомъ шутки и смѣха въ этомъ достопамятномъ произведеніи царственнаго пера скрывалась серіозная цѣль. Видя вездѣ вокругъ себя образчики человѣческихъ слабостей и недостатковъ, Екатерина хотѣла дѣйствовать на нихъ между прочимъ орудіемъ слова, но понимала, что при тогдашнемъ состояніи нашего общества нравоученіе можетъ проникать въ сознаніе его только въ пріятной и забавной формѣ. Поэтому она рѣшилась писать безсвязныя шуточныя замѣтки о нравахъ и смѣшныхъ сторонахъ современной жизни, почерпая ихъ повидимому изъ самыхъ низкихъ слоевъ общества, но въ сущности имѣя въ виду извѣстныя ей лица и отношенія, и пользуясь къ тому богатымъ запасомъ своихъ собственныхъ опытовъ и воспоминаній. Принимаясь писать, въ *Быляхъ и Небылицахъ*, Екатерина часто предупреждаетъ, что она сама не знаетъ, о чемъ будетъ говорить, что она станетъ писать все, чтó попадется на кончикъ пера, но въ сущности, въ большей части того, чтó она выражаетъ, кроется намѣреніе и планъ. Въ одномъ мѣстѣ она объясняетъ, что *Были и Небылицы* почерпнуты изъ моря естества, и тѣмъ даетъ знать, что источникомъ служитъ ей жизнь во всемъ своемъ разнообразіи, но въ другой разъ замѣчаетъ, что она касается только тѣхъ сторонъ жизни, которыя могутъ доставить пищу веселости, поэтому отказывается напр. взять на себя описаніе ябедника или лихоимца: „все, говоритъ она, влекущее за собой гнусность и отвращеніе, въ *Быляхъ и Небылицахъ* мѣста имѣть не можетъ; изъ нихъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ“ [1]) (V, 152). Въ самомъ дѣлѣ замѣчателенъ непринужденно-

---

[1]) Вотъ это мѣсто изъ подлинной рукописи: „Что же касается до совѣта, который мнѣ данъ, чтобъ я описаніе ябедника на себя взялъ, на то скажу, благодаря за похвалы, по коимъ не узнаю себя, что въ *Были и Небылицы* гнусность и отвращеніе за собой влекущее мѣсто имѣть не можетъ и что изъ *Былей и Небыли цъ*

веселый тонъ, проникающій отъ начала до конца *Были и Небылицы;* видно, что въ это время и самая жизнь государыни была спокойна и ясна; это было передъ мирнымъ присоединеніемъ Крыма, когда къ ближайшему обществу ея принадлежалъ высоко цѣнимый ею А. Д. Ланской. Знакомство, какое авторъ обнаруживаетъ съ самой скромной житейской сферой, объясняется тою простой домашней обстановкой, въ которой Екатерина провела свое дѣтство и часть молодости. Во всѣхъ своихъ изображеніяхъ она является въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, и ничто людское ей не чуждо. Поэтому можно представить себѣ, съ какимъ любопытствомъ читались *Были и Небылицы*, происхожденіе которыхъ ни для кого не было тайной. Государынѣ было хорошо извѣстно, что это сочиненіе болѣе всего другого доставляло *Собесѣднику* читателей и что при выходѣ каждой новой книжки всѣ напередъ бросались на *Были и Небылицы*. Въ самомъ журналѣ нерѣдко являлись похвалы этому сочиненію; замѣчали, напр., что въ нихъ разсѣяно множество тонкихъ, острыхъ, иногда и глубокихъ мыслей, но онѣ ни мало не украшены слогомъ громкимъ, важнымъ и высокимъ (VI кн. 175). Вообще современники смотрѣли на нихъ какъ на произведеніе совершенно въ новомъ родѣ, какъ на новое въ литературѣ явленіе, которое служило къ украшенію и поддержкѣ журнала. Поэтому неудивительно, что сочинеиіе *Былей и Небылицъ* сильно занимало императрицу и что она заранѣе подготовляла къ нимъ въ умѣ своемъ матеріалы, о чемъ сама въ шутку такъ выразилась: „На запасномъ дворѣ *Былей и Небылицъ* много различныхъ качествъ и количествъ, дѣйствительно дѣйствующихъ и еще въ дѣло неупотребленныхъ лицъ и вещей“ (V, 154). Для образчика тона и слога этой царственной шалости приведу самое начало *Былей и Небылицъ* подъ заглавіемъ:

Предисловіе: „Великое благополучіе! Открывается поле для меня и моихъ товарищей зараженныхъ болячкою бумагу марать перомъ, обмакнутымъ въ чернила. Печатается *Собесѣдникъ* — лишь пиши, да пошли, напечатано будетъ. Отъ сердца я тому радъ. Увѣряю, что хотя ни единаго языка я правильно не знаю, грамматикѣ и никакой наукѣ не учился, но не пропущу сего удобнаго случая издать *Были и Небылицы;* хочу имѣть удовольствіе видѣть ихъ напечатанными“.

Что́ придавало *Былямъ и Небылицамъ* особенный интересъ и такъ сказать пряность, были разсѣянные въ нихъ портреты извѣстныхъ государственныхъ лицъ, изображенія, которыя Государыня почерпала то изъ своихъ наблюденій надъ живыми, то изъ воспоминаній о мертвыхъ. Разительный примѣръ тому мы находимъ на первыхъ

строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ“. Въ *Собесѣдникѣ* эти строки нѣсколько измѣнены редакціею.

страницахъ *Былей и Небылицъ;* тутъ описывается *самолюбивый*, которому казалось прекраснымъ и великолѣпнымъ все, что принадлежало ему, какъ бы жалко оно ни было: деревянный полуразвалившійся домъ, глуповатая жена, шалуны дѣти, которымъ онъ приписывалъ всевозможныя дарованія, рыжая лошадь съ бѣльмомъ на глазу, „однимъ словомъ, сказано въ заключеніе, все что ему принадлежало, — мамы, няни, бани, вѣники, собаки, огородъ, пиво, полпиво, поваръ, все ему казалось отмѣнными качествами снабдено, для того только, что онъ любилъ себя и никого иного".

Не разумѣла ли тутъ императрица какое-нибудь дѣйствительное лицо? Вопросъ этотъ разрѣшается совершенно положительно, когда мы въ мемуарахъ ея читаемъ слѣдующую характеристику Чоглокова, мужа оберъ-гофмейстерины, находившейся при дворѣ Великой Княгини (мужъ и жена представляются ею въ весьма неблагопріятныхъ краскахъ). Сказавъ, что Чоглоковъ сдѣлался страстнымъ охотникомъ съ тѣхъ поръ, какъ кто-то подарилъ ему левретку, императрица продолжаетъ: „Вообще, Ч. очень склоненъ былъ думать, что все чтó принадлежало ему отличалось необыкновенными достоинствами: его жена, его дѣти, слуги, домъ, столъ, лошади, собаки, словомъ все, чтó принадлежало ему, хотя и весьма посредственное, становилось для него вопросомъ самолюбія и возбуждало его восхищеніе".

Вслѣдъ за прочитаннымъ мѣстомъ въ началѣ *Былей и Небылицъ* помѣщенъ портретъ *нерѣшительнаго*, въ которомъ, какъ послѣ сознавалась сама государыня, содержится изображеніе Ивана Ив. Шувалова, въ то время занимавшаго при дворѣ должность оберъ-камергера.

„Есть у меня сосѣдъ, говорится тутъ, который въ младенчествѣ слылъ умницею, въ юношествѣ оказывалъ желаніе умничать, въ совершеннолѣтіи каковъ? — Увидите изъ слѣдущаго: онъ ходитъ бодро, но когда два шага сдѣлаетъ направо, то одумавшись пойдетъ налѣво; тутъ встрѣчаемъ онъ мыслями, кои принуждаютъ его итти впередъ, потомъ возвращается вспять. Сосѣдъ мой отроду не говаривалъ пяти словъ и не дѣлалъ ни единаго шагу безъ раскаянія потомъ объ ономъ" и т. д.

Такъ же точно позднѣе въ *Быляхъ и Небылицахъ* осмѣивается вернувшійся недавно изъ-за границы гр. Румянцовъ въ лицѣ человѣка, который „писавъ по руски, думалъ на иностранномъ языкѣ, ибо читая по руски мысли и обороты иностраннаго языка, намъ Русакамъ кажется сунбуръ несносной" (IV, 172).

Къ сожалѣнію, въ *Быляхъ и Небылицахъ* есть много портретовъ, которыхъ значеніе для насъ, потомковъ, вѣроятно навсегда утрачено. Современники были въ болѣе благопріятномъ положеніи и угадывали или по крайней мѣрѣ старались угадывать, на кого мѣтитъ то или другое описаніе. Зная, сколько по этому поводу было толковъ при выходѣ каждой новой книжки *Собесѣдника*, императрица придумала

для своихъ *Былей и Небылицъ* особое лицо подъ именемъ *Угадаева*, съ которымъ вступила въ вымышленную переписку, увѣряя его, что „*Были и Небылицы* наполнены тѣмъ, что въ людяхъ водится, но люди тутъ безъ имени, а описывается вообще умоположеніе человѣческое; до Карпа и Сидора тутъ дѣла нѣтъ". (IV, 140).

Главныя лица, выведенныя въ *Быляхъ и Небылицахъ* для прикрытія собственныхъ размышленій автора и выраженія ихъ въ шуточномъ тонѣ, — это: во 1-хъ, дѣдушка, человѣкъ глубокомысленный и словоохотливый съ многозначительнымъ кашлемъ: хемъ, хемъ; онъ же повѣренный какихъ-то двухъ не въ ладу живущихъ супруговъ; потомъ двоюродный братъ автора, „человѣкъ веселый и проказливый". Далѣе дѣдушкина кума, дочь архангельскаго купца, высокая и толстая, воспитанная въ пансіонѣ на иностранный образецъ и выданная замужъ за отставного дворянина. Она старалась быть проворною, но по дородству своему часто падала, тѣмъ болѣе что по модѣ носила тѣсные башмаки на высокихъ тоненькихъ каблучкахъ. Описаніе ея дурного нрава даетъ случай къ насмѣшкѣ надъ масонствомъ и надъ таинственными масонскими словами, повидимому не заключающими въ себѣ никакого смысла. Дѣдушка говоритъ, что онъ ничего такъ не любитъ, какъ смѣшить другихъ, и самъ охотно смѣется. У него 15 внуковъ, передъ которыми онъ любитъ хвалить доброе старое время съ его шутовскими свадьбами, шутами и ледянымъ домомъ. Онъ самъ однакожъ сознается, что настоящее лучше. Здѣсь любопытны черты прогресса, на которыя намекаетъ государыня. Между прочимъ дѣдушка говоритъ: „мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тяжестію тайны, вдругъ яко плотина отъ сильной водополи прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока не осушивъ дна, онаго не откроетъ". Потомъ дѣдушка выставляетъ преимущество современнаго воспитанія и наконецъ прибавляетъ: „Ничему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому что къ совѣстному разбирательству повсюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ о общемъ расположеніи добрую надежду, подобно какъ пульсъ врачу о состояніи больного". Здѣсь рѣчь идетъ о совѣстныхъ судахъ, явившихся за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ съ учрежденіемъ о губерніяхъ: императрица особенно гордилась этою новою формой суда, какъ видно и изъ частной ея переписки.

Въ продолженіи *Былей и Небылицъ* вводятся еще два новыя лица два пріятеля, изъ которыхъ одинъ, ИИИ, болѣе плачетъ нежели смѣется, а другой, AAA, болѣе смѣется нежели плачетъ. ИИИ, суровый представитель крИтИкИ, совѣтовалъ печатать только серіозное, но AAA, съ своимъ веселымъ свойственникомъ, XXX, твердилъ только: пиши да пиши; его-то слушается авторъ *Былей и Небылицъ* и такъ въ этомъ сознается: „я не могу видѣть чистаго пера, чтобъ не при-

шла мнѣ охота обмакнуть онаго въ чернила; буде же еще къ тому лежитъ на столѣ бумага, то конечно рука моя очутится съ перомъ на той бумагѣ". Это тѣ, что императрица шутя называетъ *бумагомараньемъ*, а въ своихъ письмахъ къ Гримму — la passion du griffonnage или écrituromanie.

Въ формѣ *Былей и Небылицъ*, какъ и въ содержаніи ихъ, сочинительница не держится никакого порядка, безпрестанно переходя отъ одного предмета къ другому; это безсвязныя, но остроумныя рѣчи о всякой всячинѣ, обо всемъ, что взбредетъ на умъ мыслящему, наблюдательному человѣку, и кажется, образцомъ ея въ этомъ случаѣ болѣе всякаго другого автора служилъ Стернъ. Для большей свободы въ переходѣ отъ одного предмета къ другому государыня, сверхъ главнаго текста, вводитъ часто, въ видѣ отступленій, NB. и примѣчанія, и такимъ образомъ, какъ однажды было ею замѣчено, доставляетъ себѣ способъ говорить разомъ о трехъ предметахъ. Употребляя иногда тотъ же пріемъ въ своихъ письмахъ къ Гримму, она однажды говоритъ ему: „Sur les NB. et les remarques il faut que vous sachiez qu'il sort depuis quatre mois un journal russe à Pétersbourg, où les NB. et les remarques sont employés souvent à mourir de rire; en général, ce journal est un salmigondis de choses très amusantes" 16 d'août 1783 [1]).

Иногда въ *Были и Небылицы* Екатерина II вноситъ полученныя ею по связи съ ея авторствомъ письма или замѣтки. Самую замѣчательную изъ такихъ вставокъ или hors-d'oeuvre составляютъ знаменитые *Вопросы Фонвизина*. Но прежде чѣмъ остановимся на ихъ содержаніи, надобно объяснить поводъ къ ихъ появленію. При своемъ просвѣщенномъ взглядѣ на задачи литературы императрица и княгиня Дашкова не могли не понимать и пользы критики. Уже въ первой книжкѣ *Собесѣдника* издатели просили всѣхъ любителей русскаго слова и всю публику: ежели кто захочетъ написать критику на какоелибо сочиненіе, помѣщенное въ этомъ журналѣ, не искать другихъ типографій къ напечатанію такихъ критикъ или сатиръ, но присылать ихъ прямо къ княгинѣ Дашковой. Примѣръ самихъ издателей долженъ былъ поощрять и другихъ къ сатирико-полемическому характеру въ своихъ сообщеніяхъ. Такъ уже въ 1-й книжкѣ княгиня Дашкова помѣстила свое посланіе къ слову *такъ*, гдѣ нѣкоторыя очень колкія выходки могли быть приняты за личности и вызвали возраженіе, которое показалось издателямъ такъ неприличнымъ, что они сочли нужнымъ напомнить критику, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло. Въ журналѣ стали

---

[1]) „Что касается NB и примѣчаній, надо вамъ знать, что четыре мѣсяца тому назадъ въ Петербургѣ сталъ выходить журналъ въ которомъ встрѣчаются уморительныя NB и примѣчанія; вообще этотъ журналъ ералашъ изъ презабавныхъ вещей".

являться и другія полемическія замѣтки противъ того, что въ немъ же было напечатано, иногда противъ самихъ издателей. Открылось совершенно чуждое нашему времени явленіе прекаканій между редакціей и ея читателями. Со стороны первой было конечно чрезвычайно честно, что она не всегда одобряя присланныя по ея вызову критическія сужденія, все-таки, вѣрная своему обѣщанію, печатала ихъ въ своемъ журналѣ. Къ числу статей, вызванныхъ общимъ полемическимъ характеромъ *Собесѣдника*, принадлежали и не совсѣмъ скромные вопросы Фонвизина. Они появились въ 3-й книжкѣ *Собесѣдника* вмѣстѣ съ отвѣтами самой императрицы, причемъ объяснено, что издатели раздѣлили между собой понедѣльно трудъ разсматривать присылаемыя къ нимъ сочиненія, равно какъ и отвѣчать на нихъ, если понадобится.

Конечно, и самъ Фонвизинъ и княгиня Дашкова чувствовали смѣлость нѣкоторыхъ изъ вопросовъ. Есть преданіе, что Дашкова вмѣстѣ съ И. И. Шуваловымъ уговаривали Фонвизина не присылать въ журналъ своихъ вопросовъ, но онъ не послушался. Сначала они такъ непріятно поразили Екатерину, что она приписала ихъ мщенію Шувалова за насмѣшки ея надъ его нерѣшительностью; потомъ однакожъ она стала смотрѣть на дѣло спокойнѣе. Сохранилось любопытное письмо ея къ Дашковой по этому предмету: „Внимательно перечитавъ, говоритъ она, извѣстную статью, я нахожу ее не такъ предосудительною, какъ мнѣ сперва казалось. Если бъ можно было напечатать ее вмѣстѣ съ отвѣтами, сатира потеряла бы свою рѣзкость, хотя все-таки могла бы дать поводъ къ такимъ же или еще большимъ дерзостямъ. Она безъ сомнѣнія идетъ отъ оберъ-камергера въ отплату за портретъ *нерѣшительнаго* во второй части *Собесѣдника*. Замѣтьте, что 14-й пунктъ помѣщенъ два раза, можетъ быть съ тѣмъ, чтобы можно было одинъ изъ нихъ исключить, не нарушая порядка нумеровъ. Не похожа ли эта мелочная предосторожность именно на оберъ-камергера, который при всѣхъ своихъ движеніяхъ дѣлаетъ одинъ шагъ впередъ, а другой назадъ“?

По желанію императрицы вопросы Фонвизина и ея отвѣты напечатаны рядомъ въ два столбца. Отвѣты написаны большею частью въ смыслѣ защиты правительства и общества противъ нападковъ нескромнаго вопрошателя; они составлены съ большимъ умомъ, ловкостью, тактомъ и сдержанностью, иногда даже слишкомъ уклончиво.

Два пункта, отмѣченные цифрою 14, изложены слѣдующимъ образомъ:

81.

Вопросы:	Отвѣты:
„14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять	На 14. „Для того что вездѣ во всякой землѣ и во всякое время

всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ?"

родъ человѣческій совершеннымъ не родится".

„14. Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни и балагуры чиновъ не имѣли, а ныньче имѣютъ, и весьма большіе?"

На 14. „Предки наши не всѣ граматѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ *свободоязычія*, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять преждебывшихъ".

Нельзя не согласиться, что оба эти вопроса были довольно оскорбительны не только въ отношеніи къ приближеннымъ Екатерины, но и къ самой государынѣ, которой тутъ было прямо высказано, что она награждала недостойныхъ. Оттого и въ отвѣтѣ своемъ она не умѣла скрыть нѣкотораго раздраженія. Позволить себѣ такіе вопросы можно было только при большомъ довѣріи къ великодушію и либеральности монархини. Послѣдній вопросъ явно мѣтилъ на оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина, о которомъ сама она нѣкогда замѣтила, что онъ рожденъ арлекиномъ. Прочитавъ въ первый разъ вопросы Фонвизина, Екатерина сказала: „Мы отмстимъ ему", и дѣйствительно нѣкоторые изъ отвѣтовъ ея были такъ мѣтки, что Фонвизинъ призналъ себя побѣжденнымъ.

Какъ сильно, однакожъ, было впечатлѣніе, произведенное на императрицу его вопросами, видно изъ частаго ея возвращенія къ нимъ въ *Быляхъ и Небылицахъ*, но шуточный тонъ, съ какимъ она послѣ отзывалась о нихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ доказываетъ, что легкая тѣнь неудовольствія, обнаружившаяся въ нѣкоторыхъ изъ ея отвѣтовъ, не была дѣломъ серіознымъ. Въ первой же книжкѣ послѣ ихъ появленія дѣдушка въ *Быляхъ и Небылицахъ* говоритъ: „Въ наши времена никто не любилъ вопросовъ: ибо съ оными и мысленно соединены были непріятныя обстоятельства; намъ подобные обороты кажутся неумѣстны, шуточные отвѣты на подобные вопросы не суть нашего вѣка; тогда каждый поджавъ хвостъ, отъ оныхъ бѣгалъ". Потомъ дѣдушка подробно разбираетъ 14-й вопросъ и повторяетъ, прикашливая: „Отчего,— отчего?" — Ясно оттого, что въ прежнія времена врать не смѣли, а паче письменно, безъ опасенія". Затѣмъ разобравъ всѣхъ шутовъ, извѣстныхъ у насъ въ прежнее время, дѣдушка переходитъ къ шпы-

нямъ [1]), т. е. насмѣшникамъ. „Когда дѣдушка дошелъ до шпыней, говоритъ императрица, тогда разворчался необычайно, и крупно говоря: шпынь безъ ума быть не можетъ, въ шпыньствѣ есть острота: за то что человѣкъ остро что́ скажетъ, вѣдь не лишить его выгодъ тѣхъ, кои въ обществѣ даются въ обществѣ живущимъ или обществу служащимъ". Итакъ вотъ гдѣ мы находимъ настоящій отвѣтъ государыни на самый щекотливый вопросъ Фонвизина. Избравъ шутку орудіемъ для дѣйствія на нравы, она ее же употребила для отраженія казавшагося ей несправедливымъ упрека.

Екатерина гордилась тѣмъ, что въ ея время сдѣлалось возможнымъ многое, что недавно было немыслимо. Поэтому ее не могло не огорчить, что одинъ изъ передовыхъ людей ея царствованія, повидимому, не признавалъ этой безмѣрной разницы между настоящимъ и прошлымъ. Надобно помнить, что на глазахъ тогдашнихъ русскихъ людей совершилась въ духѣ правительства и общемъ настроеніи почти такая же перемѣна, какую мы видѣли у себя въ наши дни. Непризнаніе такого успѣха не могло не быть чувствительно той, которая считала себя его виновницей.

Пристыженный Фонвизинъ поспѣшилъ прислать въ журналъ извиненіе въ видѣ письма къ автору *Былей и Небылицъ*. Онъ самъ хорошо понялъ главную причину неудовольствія Екатерины и зналъ съ чего начать свое оправданіе: „Можете быть увѣрены, говоритъ онъ, что я ни вамъ и никому изъ моихъ согражданъ не уступлю въ душевномъ чувствованіи неисчетныхъ благъ, которыя въ теченіе слишкомъ 20-ти лѣтъ изливаются на благородное общество. Надобно быть извергомъ чтобы не признавать, какое ободреніе душамъ подается". Затѣмъ Фонвизинъ превозноситъ данное незадолго передъ тѣмъ разрѣшеніе заводить частныя типографіи и выражаетъ надежду, что оно „послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія". Не забылъ Фонвизинъ коснуться 14-го вопроса: „Статьею о шпыняхъ и балагурахъ, говоритъ онъ, хотѣлъ я показать только несообразность балагурства съ большимъ чиномъ"... Далѣе онъ сознается, что не умѣлъ исполнить своего добраго намѣренія и сообщить своимъ вопросамъ „приличнаго оборота", почему онъ и рѣшился не выпускать новыхъ, заготовленныхъ имъ вопросовъ, — чтобъ не давать другимъ повода къ дерзкому *свободо-*

---

[1]) Слово *шпынь*, нынче уже забытое, есть, конечно, искаженіе стариннаго, явно отъ нѣмцевъ перешедшаго *шпильманъ*, которое, въ смыслѣ игрецъ, плясунъ, встрѣчается въ разныхъ древнихъ памятникахъ, между прочимъ, въ Кормчей книгѣ 1284 г. („о шпилманѣхъ и глумціхъ"). Востоковъ, въ своемъ словарѣ, замѣчаетъ: „Нѣмецкое слово *шпильманъ* дошло къ славянамъ, можетъ быть еще въ X или въ XI в. съ приходившими отъ нѣмцевъ скоморохами". Встрѣчается оно и въ формѣ *шпиль*. (См. словарь Миклошича).

язычію, которое онъ всей душой ненавидитъ. Напечатаніе этого письма заключалъ авторъ вопросовъ, „будетъ для меня весьма лестнымъ знакомъ, что вы моимъ объясненіемъ довольны"; въ противномъ случаѣ онъ хотѣлъ „во всю жизнь за перо не приниматься".

Это оправданіе не только было напечатано въ слѣдующей книжкѣ *Собесѣдника*, но помѣщено въ самомъ составѣ *Былей и Небылицъ* вмѣстѣ съ отпущеніемъ, въ которомъ объясненіе Фонвизина названо „добровольною исповѣдью", а самъ онъ „кающимся"; но тутъ же очень тонко прибавлено: „въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ ни отъ кого иного, какъ отъ много-головой публики; мое же дѣло тутъ постороннее".

Когда началось изданіе *Собесѣдника*, Екатерина II уже серіозно заботилась о будущемъ воспитаніи своихъ малолѣтнихъ внуковъ, изъ которыхъ старшему шелъ тогда только 6-й годъ, а второму 5-й. Уже тогда она задумывала издать для нихъ маленькую педагогическую библіотеку изъ своихъ собственныхъ трудовъ, и съ этою цѣлію въ предыдущіе два года были напечатаны ею: азбука съ первоначальными нравственными правилами и двѣ нравоучительныя сказки о царевичахъ *Хлоръ и Февеѣ.* Для той же Александро-Константиновской библіотеки, какъ она сама называла этотъ родъ изданій, государыня трудилась и надъ составленіемъ русской исторіи для первоначальнаго чтенія. Обнародованіе этой исторіи въ журналѣ показалось ей лучшимъ средствомъ для распространенія этого труда въ публикѣ, и уже съ первой книжки въ *Собесѣдникѣ* стали постоянно появляться *Записки касательно россійской исторіи.* Онѣ составляли каждый разъ самый объемистый вкладъ, обыкновенно отъ 50-и до 100 и однажды даже болѣе 200 страницъ, такъ что вмѣстѣ съ *Былями и Небылицами* заняли наибольшую часть журнала. Разборъ и оцѣнка этого труда не входитъ въ планъ настоящей статьи; довольно замѣтить, что онъ проникнутъ патріотическою мыслью противопоставить безпристрастные разсказы о прошломъ Россіи тѣмъ вымысламъ и клеветамъ, которыя распространяли о ней иностранные писатели.

Обращеніе княгини Дашковой къ читателямъ съ просьбою присылать въ журналъ свои замѣчанія на помѣщаемыя въ немъ статьи не осталось безъ дѣйствія. Уже во 2-й книжкѣ выступилъ подъ именемъ *Любослова* неизвѣстный критикъ, который съ важностью заявилъ, что не находитъ въ слогѣ издателей того богатства языка, той красоты и силы, которыя „внушаются правилами россійскаго краснорѣчія"; отмѣтивъ нѣкоторыя неудачныя на его взглядъ выраженія, онъ предложилъ свои поправки. Между прочимъ онъ затронулъ двумя мелочными замѣтками и *Записки касательно россійской исторіи.* Издатели, учтиво поблагодаривъ критика, признали однакожъ его обвиненія придирчивыми и сдѣлали оговорку, явно относившуюся къ трудамъ

императрицы: „однако, было замѣчено, одинъ изъ издателей нижайше проситъ, чтобъ ему дозволено было и не всегда исправныя свои сочиненія въ *Собесѣдникъ* помѣщать, думая что честныя правила, здравый разсудокъ и пріятная шутка предпочтительны педантству". Почти всѣ задѣтые Любословомъ авторы — Капнистъ, Державинъ, Фонъ-Визинъ, княгиня Дашкова — возражали ему; за императрицу вступилась редакція. На строгаго критика стали сыпаться нападки и выражалось желаніе увидѣть никому неизвѣстныя собственныя его сочиненія. На этотъ вызовъ онъ отвѣчалъ въ VII книжкѣ *Собесѣдника* статьею: *Начертаніе о россійскихъ сочиненіяхъ и россійскомъ языкѣ*. Хотя вообще эта статья написана была въ патріотическомъ духѣ и излагала тѣ же мысли, которыя руководили издателями, но наставительный тонъ и тяжелый, запутанный слогъ автора, съ длинными періодами, мудреными выраженіями и натянутыми метафорами, послужили новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Многіе сотрудники журнала, не исключая самой императрицы, стали въ своихъ статьяхъ иронически повторять нѣкоторыя выраженія Любослова, вырванныя изъ его *Начертанія*, какъ напр. „эпоха нынѣшняго времени, лучи мысленнаго свѣта, общее средоточіе, преломленіе въ умахъ Россіянъ" и т. п.

Были въ *Собесѣдникѣ* и другія пререканія между редакціей и сторонними критиками, но эти полемическія стычки служили только къ оживленію журнала; гораздо важнѣе для него были послѣдствія маленькаго неудовольствія, которое произошло въ средѣ самой редакціи по поводу одной статьи, помѣщенной въ этомъ изданіи. Дѣло началось тѣмъ, что императрица, находя неудобнымъ высказывать отъ своего лица нѣкоторыя шутки, задумала прикрыться именемъ того изъ своихъ приближенныхъ, который считался мастеромъ шутки, т. е. своимъ оберъ-шталмейстеромъ, Л. А. Нарышкинымъ. Въ VII ч. *Собесѣдника* онъ явился, подъ псевдонимомъ *каноника*, съ отвѣтомъ на письмо, гдѣ были расхвалены *Были и Небылицы*, и уже колко задѣлъ автора этого письма, княгиню Дашкову. Между тѣмъ у нихъ уже были давніе счеты, такъ какъ Нарышкинъ явно издѣвался надъ смѣшными сторонами, которыя находилъ въ ученой княгинѣ. Когда въ октябрѣ 1783 учреждена была, подъ ея предсѣдательствомъ, Россійская академія и Дашкова произнесла тамъ свою вступительную рѣчь, то Нарышкинъ, поддѣлываясь подъ ея голосъ и пріемы, представилъ въ присутствіи императрицы пародію этой рѣчи. Дашкова, узнавъ о томъ, не могла скрыть своей досады. Но этого было мало: первыя засѣданія основанной около этого времени Россійской академіи, гдѣ разсуждалось о будущемъ словарѣ, послужили пищей для новыхъ насмѣшекъ, и въ подражаніе имъ было придумано въ ближайшемъ кругу императрицы *общество незнающихъ*, состоящее изъ двухъ палатъ: съ чутьемъ и безъ чутья, и въ *Собесѣдникѣ*, опять за подписью каноника,

напечатана статья: *Общества незнающихъ ежедневная записка* (такъ назывались въ то время протоколы). Самое названіе вымышленнаго общества показываетъ, что главное участіе въ этой шуткѣ принадлежало государынѣ: она давно любила посмѣиваться надъ людьми, которымъ стыдно признаться, что они чего-нибудь не знаютъ. Сохранившаяся часть черноваго подлинника этого сочиненія писана рукой Екатерины, — изъ чего всего вѣрнѣе можно заключить, кто его авторъ.

Въ этомъ пасквилѣ разсказывается содержаніе засѣданій, въ которыхъ дѣлаются самыя пустыя предложенія, теряется время въ нелѣпыхъ разсужденіяхъ или молчаніи, а рѣшенія по большей части заключаются въ одномъ словечѣ: *мимо*. Палатѣ безъ чутья предоставлено дѣлать предложенія, а палата съ чутьемъ должна рѣшать ихъ. Безъ всякаго толку члены переводятся изъ одной палаты въ другую. Постановляются правила пріема сочиненій и избранія членовъ, причемъ, какъ необходимое условіе, требуется въ членѣ веселость нрава и постановляется отнюдь не принимать того, кто не умѣетъ выговорить слова *не знаю*, и еще болѣе — знающихъ все и обо всемъ вдоль и поперекъ, безъ умолку разсуждающихъ, „равномѣрно тѣхъ, кои ближнему своему не даютъ выговорить ни слова". Между тѣмъ единодушно приняты сочиненія извѣстнаго каноника, которыя какъ сущій кладъ хранятся въ архивѣ общества. Наконецъ и тутъ не забытъ Любословъ, выраженія котораго осмѣиваются на нѣсколькихъ страницахъ. Впрочемъ вотъ собственный отзывъ Екатерины объ этой сатирической статьѣ, который еще болѣе утверждаетъ насъ въ мысли, что авторъ ея — сама императрица: „Pour vous égayer, пишетъ она Гримму, je voudrais vous envoyer quelques traductions des plaisanteries du journal salmigondis: entre autres, il y a là „une société des ignorants" partagée en deux chambres: la première avec *odorat* ou *tact*, car le mot russe est *tchoutio*, qui veut dire l'odorat des chiens de chasse; on pourrait dire *à bon nez*; la seconde chambre, sans odorat. Ces deux chambres traitent de tout à tort et à travers; la seconde juge d'après le bon sens et l'autre lui fournit les matières; il y a à tout cela un sérieux, une authenticité qui fait crêver de rire le lecteur, et il y a des traits qui resteront proverbes [1])".

Княгиня поддалась мистификаціи, и при первомъ случаѣ прочла мнимому автору, т. е. Нарышкину, строгое наставленіе не пускаться

---

[1]) „Чтобы позабавить васъ, мнѣ бы хотѣлось послать вамъ въ переводѣ нѣкоторыя шутки этого пестраго журнала: между прочимъ тамъ является общество незнающихъ раздѣленное на двѣ палаты; одна съ чутьемъ (такъ называется обоняніе охотничьихъ собакъ), другая — безъ чутья. Эти двѣ палаты судятъ обо всемъ вкривь и вкось; вторая рѣшаетъ по здравому смыслу дѣла, которыя первая ей представляетъ; все это ведется такъ серіозно и официально, что читатель помираетъ со смѣху, и тутъ есть выраженія, которыя останутся поговорками".

въ литературу безъ надлежащихъ къ тому качествъ. Произошла размолвка, въ которой сама императрица не могла остаться безучастною: она потребовала обратно рукопись продолженія *Былей и Небылицъ*, которая была уже доставлена ею въ редакцію для напечатанія. Къ объясненію неудовольствія императрицы присоединяется еще извѣстіе Державина, будто все, присылаемое ею, княгиня Дашкова, желая показать свой разумъ, критиковала, переправляла и даже шутила на счетъ сочинительницы не только въ присутствіи многихъ своихъ, но и иностранцевъ. Не ручаясь за достовѣрность этого не совсѣмъ вѣроятнаго извѣстія, мы имѣемъ, однакожъ, несомнѣнныя доказательства тому, что государыня дѣйствительно взяла обратно послѣдніе листы *Былей и Небылицъ*, бывшіе уже у Дашковой, но еще не напечатанные. Это доказательство заключается въ подлинной перепискѣ между Екатериною II и издательницею *Собесѣдника*. Не смотря на просьбы послѣдней, которая вызывалась печатать и продолженіе протоколовъ каноника, императрица не измѣнила своего рѣшенія, хотя и очень хорошо понимала, что прекращеніе *Былей и Небылицъ* нанесетъ чувствительный ударъ журналу Дашковой. Это видно изъ любопытныхъ отзывовъ ея о *Собесѣдникѣ* въ письмахъ къ Гримму. Кромѣ мѣста уже выше приведеннаго, мы находимъ, спустя нѣсколько недѣль (въ п. 27 сент.) слѣдующія строки: „Je trouve que vous faites un admirable emploi des remarques et NB. du journal des salmigondis de Pétersbourg; comme vous ririez si vous lisiez quantité de galimatias de ce journal, mais il ne sera plus si bon, parce que les bouffons du journal se sont brouillés avec les éditeurs; mais ceux-ci ne peuvent qu'y perdre; cela faisait la félicité de la ville et de la cour“ [1]).

Впрочемъ возможно, что происшедшій разладъ былъ для императрицы только однимъ изъ поводовъ для прекращенія *Былей и Небылицъ*, такъ какъ она уже гораздо ранѣе того, въ послѣднихъ *напечатанныхъ* главахъ ихъ выражала намѣреніе не продолжать этого сочиненія, подъ предлогомъ, что дѣдушка уѣхалъ въ деревню, другъ ИИИ отправился въ полкъ, другъ ААА усланъ за масонскими дѣлами въ Швецію, да и самъ пишущій думаетъ уѣхать изъ Петербурга, гдѣ жить слишкомъ дорого. Кажется, на рѣшеніе государыни прекратить *Были и Небылицы* имѣли вліяніе разные доходившіе до нея толки объ этомъ сочиненіи. Это можно заключить изъ послѣднихъ, сохранившихся въ рукописи листовъ его, гдѣ главнымъ дѣйствующимъ или говорящимъ лицомъ является *портной*, которому авторъ передаетъ *Были и Небы-*

[1]) „Я нахожу, что вы прекрасно пользуетесь примѣчаніями и NB петербургскаго ералашнаго журнала; какъ бы вы хохотали за чтеніемъ разныхъ въ немъ пустяковъ, но теперь онъ ужъ не будетъ такъ хорошъ, потому что шутники этого журнала разссорились съ издателями; но послѣдніе останутся въ проигрышѣ: имъ не могли нахвалиться и городъ и дворъ“.

лицы въ счетъ долга. Портной, занятый своимъ дѣломъ поручаетъ письменную работу дьячку, который *пишетъ изъ книгъ* и считаетъ законнымъ только то, что находитъ въ книгахъ. Портной, напротивъ, прислушиваясь къ сужденіямъ своей жены, требуетъ чтобы дьячокъ писалъ просто, для всѣхъ понятно, такъ, какъ всѣ говорятъ. Совершенно ясно, что Екатерина полемизируетъ тутъ противъ тѣхъ, которые находили содержаніе и языкъ *Былей и Небылицъ* слишкомъ низкими, и особенно противъ Любослова: его, повидимому, и разумѣетъ она подъ именемъ дьячка, намекая на разныя его требованія и выписывая цѣлыя фразы изъ его „Начертанія".

Тутъ же высказалась императрица и о своихъ *Запискахъ по русской исторіи*, что онѣ, хотя также написаны книжнымъ, повидимому, языкомъ, но „вразумительно, простымъ складомъ, безъ украшенія". Вообще она очень высоко цѣнила это сочиненіе, что̀, между прочимъ, видно изъ ея писемъ Гримму. Такъ, напечатавъ первыя главы этого труда въ *Собесѣдникѣ*, она ему писала (16 авг.): „J'y ai fait fourrer aussi la première époque de l'histoire de Russie, et on en est assez content: NB. ceci se dit par modestie, car le succès paraît être complet" [1]). Въ другой разъ (20-го сент.) она писала къ тому же лицу: „Cette histoire s'imprime dans un journal russe qui n'est pas de paille et qui sort tous les mois; tant de règnes par mois, cela la met dans les mains de tout le monde, et je ne puis nier qu'elle n'ait du succès; elle passe pour la plus supportable jusqu'ici, et on y trouve un zèle inculqué pour la patrie, qui chauffe le sentiment" [2]).

Не смотря, однакожъ, на этотъ отзывъ, Екатерина II очень хорошо понимала, что не *Запискамъ* а *Былямъ и Небылицамъ Собесѣдникъ* преимущественно обязанъ былъ своимъ успѣхомъ. Содержа большею частью выписки изъ лѣтописей, *Записки*, по своей серіозности и сухости, не могли привлекать читателей, и потому хотя государыня, не вполнѣ разорвавъ съ редакціей *Собесѣдника*, продолжала помѣщать въ немъ свои историческія *Записки*, это не могло спасти его отъ постепеннаго паденія. Въ ноябрской книжкѣ 1783 г. въ послѣдній разъ явились *Были и Небылицы*. Послѣ того журналъ могъ кое-какъ продержаться только полгода; съ іюня 1784 г. онъ пересталъ выходить регулярно. Въ этомъ самомъ мѣсяцѣ послѣдовала кончина Ланского, повергшая Екатерину въ глубокую печаль, и продолжительный перерывъ въ изда-

---

[1]) „Я также дала тиснуть тамъ первую эпоху русской исторіи, и ею не недовольны: NB. это говорится изъ скромности, потому что успѣхъ, кажется, полный".

[2]) „Эта исторія печатается въ русскомъ журналѣ, который постоитъ за себя и выходитъ каждый мѣсяцъ: давая столько-то княженій помѣсячно, она всѣмъ доступна, и я не могу не сознаваться въ ея успѣхѣ; ее считаютъ самою сносною изъ всѣхъ до сихъ поръ изданныхъ, и находятъ, что она проникнута любовью къ отечеству, которая согрѣваетъ душу".

ніи *Собесѣдника* могъ быть въ нѣкоторой зависимости отъ этого событія. Княгиня Дашкова, конечно, ждала продолженія *Записокъ по русской исторіи,* но не дождалась ихъ, и, наконецъ, не прежде сентября 1784 г., выпустила въ свѣтъ послѣднюю, XVI-ую книжку *Собесѣдника* съ неконченной статьею Козодавлева о причинахъ возвышенія и упадка этого журнала: здѣсь объяснены только причины его возвышенія; *Собесѣдникъ* умеръ, не успѣвъ даже досказать своей автобіографіи.

Сотрудничество Екатерины II въ этомъ журналѣ составляетъ важную главу въ исторіи умственной дѣятельности императрицы; оно бросаетъ яркій свѣтъ на ея отношенія къ приближеннымъ, на ея понятія объ общественной жизни, о литературѣ и языкѣ. Въ смыслѣ выраженія ея взглядовъ особенно замѣчательно *завѣщаніе,* которымъ оканчиваются въ *Собесѣдникѣ Были и Небылицы.* Это какъ бы *литературная исповѣдь* царственной писательницы, и мы не можемъ лучше заключить настоящей монографіи, какъ выписавъ, съ небольшими сокращеніями, этотъ характеристическій документъ, въ которомъ она излагаетъ свои мысли о томъ, какъ надобно писать. Итакъ вотъ это *Завѣщаніе*:

„Собственное мое имѣніе *Были и Небылицы* отдаю я (такому-то) съ тѣмъ, что ему самому, или кому онъ отдастъ, повѣритъ, продастъ или заложитъ, для продолженія оныхъ, не писать шероховато, либо съ трудомъ, будто подымая тягости на блокѣ.

Краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.

Кто писать будетъ, тому думать по-русски.

Иностранныя слова замѣнять русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ, ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ.

Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится.

Слова класть ясныя и, буде можно, самотеки.

Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ.

Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ.

За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться.

Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, т. е. надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріянѣе и звучнѣе обыкновенныя будутъ.

Гдѣ индѣ коснется до нравоученій, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку.

Глубокомысліе окутать ясностію, а полномысліе легкостію слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться.

На всякія мысли смотрѣть съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку пріятнѣе представится.

Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытіе и вездѣ бы было его сочиненіе, а его самого не видно было, и нигдѣ не чувствовалось, что онъ тутъ дѣйствуетъ; и для того совѣтуется ему говорить такъ, чтобъ не онъ говорилъ, а безъ того умъ его или глупость равно не способны будутъ читателямъ.

Сіе пишу въ совершенной памяти и въ полномъ здравіи".

Такъ смотрѣла геніальная женщина на обращеніе съ языкомъ и на качества хорошаго изложенія почти за десять лѣтъ до появленія Карамзина, и по нѣкоторымъ вопросамъ заранѣе рѣшала споръ между имъ и Шишковымъ.

ЗАБОТЫ ЕКАТЕРИНЫ II О НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ, ПО ЕЯ ПИСЬМАМЪ КЪ ГРИММУ [1].

1878.

Появившіяся въ „Сборникѣ" Историческаго общества письма Екатерины II къ Гримму, по богатству и разнообразію своего содержанія, еще долго будутъ представлять изслѣдователю обильный матеріалъ для изученія, разсматривать ли ихъ въ цѣлости, какъ произведеніе ума и пера царственной писательницы, или по частямъ, какъ источникъ ближайшаго ознакомленія съ той или другой стороной дѣятельности государыни, съ тѣмъ или другимъ рядомъ политическихъ событій. Въ этомъ смыслѣ, на основаніи этихъ писемъ Екатерины можетъ быть построено почти безчисленное множество монографій по самымъ разнороднымъ вопросамъ, касающимся ея царствованія или дѣлъ и людей долгаго періода, обнимаемаго ея перепиской съ Гриммомъ, именно почти всей послѣдней четверти прошлаго столѣтія.

Всѣ эти письма запечатлѣны особеннымъ характеромъ искренности и откровенности. Хотя, конечно, императрица не могла не имѣть въ виду обширныхъ связей Гримма и въ литературномъ и въ политическомъ мірѣ, его близкихъ отношеній почти ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, но съ другой стороны, ея неограниченное довѣріе къ личному характеру и чистосердечной преданности этого человѣка, ея потребность высказывать ему все, что у нея было на душѣ, и привычка

[1]) Рѣчь, произнесенная въ собраніи Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1878 года.—Напечат. въ Сборн. Отд. р. яз. и слов. 1880, т. XX, № 5, стр. 10 — 30.

писать къ нему прямо начисто, свободно предаваясь удовольствію непринужденной бесѣды, — все это заставляетъ насъ видѣть въ ея письмахъ къ Гримму вполнѣ правдивое отраженіе ея мыслей и впечатлѣній. Мало такихъ сторонъ въ ея жизни, такихъ отношеній и взглядовъ, которыхъ бы она здѣсь не касалась; о нѣкоторыхъ она, конечно, выражается только намеками, но, насколько намъ извѣстны ея думы, воззрѣнія и планы, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ полной искренности того, что содержится въ этихъ бесѣдахъ, и если исключить ея частныя письма къ Потемкину, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что нѣтъ другого источника, въ которомъ личность этой монархини выражалась бы такъ полно и вѣрно, какъ въ переПискѣ ея съ Гриммомъ.

Одну изъ сторонъ, и не изъ маловажныхъ сторонъ ея кипучей дѣятельности составляло, какъ извѣстно, авторство. Въ тотъ вѣкъ литература не была одною роскошью въ жизни правителей и государственныхъ людей. Наиболѣе способнымъ и честолюбивымъ изъ нихъ не довольно было пожинать лавры на политическомъ поприщѣ: они смѣло вступали въ соперничество съ замѣчательнѣйшими представителями умственнаго движенія своей эпохи. И едва-ли не первое мѣсто между этими вѣнценосными писателями по таланту, занимала та геніальная женщина, которая, не получивъ почти никакого воспитанія, не имѣя, такъ сказать, родного языка, 15-ти лѣтъ отроду переселилась въ Россію и здѣсь, посреди шума и тревогъ двора Елисаветы Петровны, 18 лучшихъ лѣтъ жизни провела въ самовоспитаніи, въ наблюденіи людскихъ страстей и дѣлъ, въ изученіи произведеній первыхъ умовъ XVIII-го столѣтія.

Еще при жизни славной императрицы, поэтъ, отличавшійся особеннымъ пониманіемъ ея и сочувствіемъ къ духу ея правленія, сказалъ:

„Екатерина въ низкой долѣ
И не на царскомъ бы престолѣ
Была великою женой“.

Если остановиться на этой мысли, то невольно представляется вопросъ: чѣмъ была бы Екатерина, когда бы ей суждено было оставаться на чредѣ большинства людей? Мы убѣждены, что она во всякомъ званіи заняла бы выдающееся мѣсто и снискала славу, что она была бы мудрымъ министромъ, искуснымъ полководцемъ, глубокомысленнымъ ученымъ, увлекательнымъ авторомъ. Способности, нужныя для каждаго изъ этихъ призваній, она проявила и на престолѣ;. но съ наибольшею любовію предавалась она призванію писателя, и едва-ли не въ этой дѣятельности, послѣ царственныхъ обязанностей, полагала главную свою задачу. Тяжкія заботы и многосложныя занятія правительницы необъятной имперіи не мѣшали ей постоянно посвящать

значительную долю своего времени литературнымъ трудамъ. Самыя письма ея къ разнымъ европейскимъ знаменитостямъ, и особенно письма ея къ Гримму, независимо отъ ихъ разнообразнаго значенія, прежде всего замѣчательны какъ литературное произведеніе. Кромѣ глубины, ясности и живости ума, кромѣ остроумія и непринужденной веселости, которыми они безпрерывно блещутъ, они представляютъ цѣлыя страницы, поражающія насъ то яркими описаніями, то мѣткими характеристиками, то краснорѣчивымъ выраженіемъ неподдѣльнаго чувства, — нѣжной привязанности, искренней печали, горькаго негодованія, или сердечной и трогательной радости при видѣ успѣшнаго развитія своихъ маленькихъ внуковъ. Нельзя, между прочимъ, не отмѣтить ея замѣчательныхъ оцѣнокъ графа Никиты Панина и князя Орлова, набросанныхъ бойкимъ перомъ послѣ кончины этихъ вельможъ, ни тѣхъ проникнутыхъ горечью строкъ, въ которыхъ она изливаетъ свое отчаяніе по смерти Ланского, или свое непритворное сожалѣніе о незамѣнимомъ сотрудникѣ при утратѣ Потемкина; нельзя также не припомнить ея сердечныхъ и тонкихъ похвалъ Корсакову или Мамонову. Но едва-ли не всего увлекательнѣе тѣ часто возвращающіяся мѣста, въ которыхъ она съ нѣжною любовію бабушки, съ неподражаемою прелестью и граціею излагаетъ всѣ подробности воспитанія и развитія своихъ внучковъ, особенно старшаго, Александра Павловича, не гнушаясь разсказывать подробно даже его милыя дѣтскія проказы и шаловливыя выходки. Все это — страницы, которыя вездѣ были бы признаваемы образцами ума и авторскаго таланта; и это не было плодомъ усилія или старанія: эти страницы какъ-бы сами собою неудержимо срывались со счастливаго пера царственной корреспондентки.

Намъ легко то, къ чему мы особенно способны, сказалъ Гёте, и потому нельзя не заключить, что Екатерина II отъ природы чувствовала особенное призваніе къ авторству. Недаромъ же она часто замѣчала въ шутку, что дня не можетъ прожить не писавши, что не можетъ видѣть пера, особенно вновь очиненнаго, чтобы не обмакнуть его въ чернила и не ощущать того неодолимаго влеченья къ письму, которое она называла „демономъ бумагомаранья“, и надъ которымъ сама такъ любила подшучивать. Только этою необыкновенною легкостью и страстью излагать свои мысли перомъ объясняется та удивительная масса всего, что Екатерина II успѣла написать на своемъ вѣку, между прочимъ, и эта объемистая переписка съ Гриммомъ.

Извѣстно, что Екатерина II въ развитіи своего литературнаго таланта никому не считала себя столько обязанною, какъ Вольтеру, котораго съ непритворною благодарностью называла своимъ учителемъ (113). Отношенія ея къ этому писателю, ея восторженное благоговѣніе къ этому „патріарху“ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Конечно, объясненія

такому чувству надо искать всего болѣе въ томъ наслажденіи и той пользѣ, которыя ей въ молодости доставило чтеніе Вольтера. По вступленіи своемъ на престолъ, она начала съ нимъ переписку сознаніемъ, что до знакомства съ его трудами читала одни пустые романы, но что онъ произвелъ переворотъ во всемъ ея умственномъ мірѣ и заставилъ ее полюбить серіозное чтеніе. Отсюда ясно, что сочиненія Вольтера сильно повліяли на развитіе Екатерины, и воспоминаніе о томъ сдѣлало его навсегда дорогимъ для нея. Ни о какомъ другомъ писателѣ она не говоритъ съ такою любовію, съ такимъ горячимъ энтузіазмомъ. Въ своемъ ослѣпленіи она не замѣчала его недостатковъ; ни его глумленіе надъ всѣмъ, что должно быть свято человѣку, ни его безнравственность и способность на всякую низость изъ жадности къ деньгамъ не могли повредить ему въ ея мнѣніи; до конца его жизни и послѣ она не переставала смотрѣть на него, какъ на идеалъ писателя и простирала свое уваженіе къ его памяти до какого-то обожанія.

Планъ посмертнаго изданія сочиненій Вольтера подалъ ей поводъ высказать нѣсколько мыслей, въ которыхъ мы не можемъ не удивляться ея проницательности въ пониманіи вещей, относящихся къ самымъ разнороднымъ отраслямъ человѣческой дѣятельности. Тутъ особенно замѣчателенъ ея взглядъ на необходимость издавать труды умершихъ писателей въ хронологическомъ порядкѣ. Узнавъ, что французскій книгопродавецъ Панкукъ намѣревался напечатать сперва неизвѣстныя до тѣхъ поръ сочиненія Вольтера, она писала Гримму: „Я не одобряю идеи Панкука; я бы желала все написанное покойнымъ имѣть въ хронологическомъ порядкѣ, по годамъ, когда что написано. Я педантъ, который желаетъ видѣть весь ходъ развитія автора въ его сочиненіяхъ, и повѣрьте мнѣ, что такое расположеніе гораздо важнѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ; чѣмъ болѣе вы вникните въ это, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что я права. Я бы могла написать на эту тему цѣлую диссертацію“ (105). Въ другомъ письмѣ (125) она по тому же поводу осуждаетъ расположеніе сочиненій по родамъ, принятое за основаніе Панкукомъ.

Что въ то время выработать такой взглядъ было вовсе не такъ легко, какъ можетъ казаться, видно изъ того, что самъ Гриммъ, хотя и литераторъ по профессіи, иначе понималъ дѣло, и на высказанное императрицею столь разумное требованіе отвѣчалъ иронически. Черезъ нѣсколько времени Панкукъ продалъ право на изданіе сочиненій Вольтера знаменитому Бомаршэ. Есть извѣстіе, будто причиною этого было то, что Панкукъ расчитывалъ на сильную матеріальную поддержку со стороны Екатерины, но, прождавъ напрасно долгое время, наконецъ, потерялъ терпѣніе и отказался отъ своего предпріятія. Въ справедливости этого преданія можно усомниться, такъ какъ ни о чемъ

подобномъ нѣтъ рѣчи въ перепискѣ императрицы. Видно только, что, узнавъ о задуманномъ Панкукомъ изданіи, она заранѣе подписалась на 500 экз. сочиненій своего любимаго писателя и впередъ послала книгопродавцу вексель въ 110.000 франковъ (127). Изданіе это тѣмъ болѣе интересовало ее, что въ немъ, вопреки ея желанію, предполагалось напечатать ея переписку съ Вольтеромъ. По вызову Гримма она позволила ему принять въ свое распоряженіе письма ея къ покойному (112), но при этомъ положительно высказалась противъ ихъ напечатанія. Когда же оказалось невозможнымъ помѣшать тому, то она потребовала, чтобы, по крайней мѣрѣ, выпущены были мѣста, отмѣченныя по ея порученію Гриммомъ.

По этому поводу она часто выражаетъ весьма нелестныя для Бомаршэ мнѣнія о немъ. Понятно, что этотъ писатель ни по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, ни по личному характеру не могъ внушать ей сочувствія и довѣрія, хотя она и отдавала справедливость его таланту, любила его драматическія сочиненія и особенно восхищалась его don Basilio: „Это", говорила она (106), „одинъ изъ тѣхъ глупыхъ плутовъ, которые на этомъ свѣтѣ всего болѣе забавляли меня". Совсѣмъ иначе отзывалась она о самомъ Бомаршэ. Такъ, напр. (436), прося Гримма скупить томъ Вольтера, гдѣ напечатаны ея письма, и сжечь его (что́, однакожъ, осталось безъ исполненія), она говоритъ: „Устройте, чтобы у этого негоднаго человѣка (ce vilain homme) не осталось ни одного экземпляра, а не то онъ, продавъ мнѣ этотъ томъ, можетъ перепечатать его вновь: этотъ плутъ, какъ меня увѣряли, способенъ на все". Нѣсколько разъ императрица выражала желаніе не имѣть съ нимъ никакого дѣла и избѣжать его личнаго знакомства (140, 177). Однажды онъ затѣялъ большую лотерею и по просьбѣ его Гриммъ предлагалъ Екатеринѣ принять въ ней участіе. „Не желаю имѣть его программы", отвѣчала императрица: „не люблю ни его, ни его лотерей, ни безконечныхъ его претензій: книги желаю покупать у книгопродавцевъ, и не хочу имѣть кошку въ карманѣ" (202). Мимоходомъ замѣтимъ, что она гордилась ненавистью къ лотереямъ и говорила въ одномъ письмѣ, что запретила ихъ у себя положительно, какъ туземныя, такъ и иностранныя (177).

Другой писатель, къ которому Екатерина II относилась также неблагосклонно, былъ Руссо. Тому было много причинъ: во-1-хъ, его политическіе взгляды, выраженные въ разныхъ сочиненіяхъ и особенно въ Contrat Social; вообще его сумасбродство, крайняя непослѣдовательность и парадоксальность; во 2-хъ, враждебныя выходки его противъ Россіи; еще въ 1771 г. императрица, въ одномъ письмѣ къ Вольтеру, назвала Руссо Сенъ-Бернардомъ, проповѣдующимъ противъ нея новый крестовый походъ, который, однакожъ, по ея словамъ, не удался, точно такъ же, какъ и первый (Сб. И. О. XIII, 68); въ 3-хъ,

отношенія Руссо къ Вольтеру и къ Гримму, которые давно были съ нимъ въ открытой ссорѣ. Замѣчательно, однакожъ, что въ перепискѣ ея съ Гриммомъ только одинъ разъ упомянуто о Руссо, бывшемъ его пріятелѣ, а впослѣдствіи соперникѣ и непримиримомъ противникѣ; именно, послѣ смерти Руссо (1778 г.), она многозначительно отзывалась о немъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Вы съ вашими опасеніями насчетъ пропажи писемъ походите на покойнаго Жанъ-Жака сомнительной памяти, который воображалъ, что вся Европа занята изобрѣтеніемъ козней противъ него, тогда какъ никто о томъ и не думалъ“ (117). Что касается воспитательной теоріи Руссо, то ясно, что она противорѣчила всѣмъ основнымъ понятіямъ императрицы. Не говоря уже о томъ, что его книга „Эмиль“ была проникнута безвѣріемъ и революціонными началами, за что подверглась осужденію французскимъ правительствомъ и церковью, вспомнимъ, что Руссо въ своемъ питомцѣ хотѣлъ воспитать естественнаго человѣка, сына природы, независимо отъ страны, званія и другихъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ онъ родился, внѣ признанія всякихъ авторитетовъ, даже по возможности внѣ общества и религіи, — и мы поймемъ, почему Руссо долженъ былъ казаться Екатеринѣ опаснѣйшимъ проповѣдникомъ анархіи. Въ этомъ отношеніи замѣчательно одно, сдѣланное ею въ началѣ своего царствованія распоряженіе въ собственноручной запискѣ, начинающейся словами: „Слышно, что въ Академіи Наукъ продаютъ такія книги, которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ и россійской націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены, какъ напр. Эмиль Руссо“. Далѣе выражено предположеніе, что у частныхъ книгопродавцевъ водится еще болѣе такихъ книгъ: „И тако надлежитъ приказать наикрѣпчайшимъ образомъ академіи наукъ имѣть смотрѣніе, дабы въ ея книжной лавкѣ такіе непорядки не происходили и т. д. (Сб. И. О. VII, 318). Нѣсколько лѣтъ спустя, императрица писала къ г-жѣ Бьельке, дамѣ, которую она знала съ дѣтства и которая жила въ Гамбургѣ: „Не люблю я эмилевскаго воспитанія: въ наше доброе старое время думали иначе, а такъ какъ между нами есть таки удавшіеся люди, то я и держусь этого результата“ (тамъ же, XIII, 37).

Если, не смотря на то, нѣкоторыя педагогическія правила императрицы совпадали со взглядами Руссо, то это надобно приписать тому, что самъ авторъ Эмиля часто слѣдовалъ англичанину Локку, у котораго императрица преимущественно заимствовала свои воспитательныя начала. Къ тому же иное изъ наставленій Руссо было принято Базедовомъ и другими писателями, впослѣдствіи пріобрѣтшими авторитетъ въ педагогической литературѣ.

Переписка Екатерины съ Гриммомъ раскрываетъ передъ нами много новыхъ свѣдѣній относительно ея попеченій, какъ о воспитаніи

ея внуковъ, великихъ князей Александра и Константина, такъ и вообще о народномъ образованіи въ Россіи. Личное знакомство ея съ Гриммомъ началось въ одну изъ самыхъ тревожныхъ эпохъ ея царствованія. Извѣстно, что, принадлежа къ свитѣ будущей тещи Павла Петровича, гессенъ-дармштадтской ландграфини Каролины, Гриммъ въ первый разъ пріѣхалъ въ Петербургъ ко дню празднованія совершеннолѣтія наслѣдника престола и вмѣстѣ бракосочетанія его съ принцессой Наталіей Алексѣевной. Вскорѣ послѣ Гримма прибылъ и Дидро. Въ то самое время при дворѣ стали впервые распространяться слухи о появленіи въ Оренбургскомъ краѣ Пугачева, но эти слухи, повидимому, нисколько не дѣйствовали на расположеніе духа императрицы и на заботы ея о народномъ просвѣщеніи, именно въ это время особенно ее занимавшія. Незадолго передъ тѣмъ вторично изданы были переработанные Бецкимъ, подъ ея руководствомъ, такъ называемые въ печати „учрежденія и уставы, касающіеся до воспитанія и обученія обоего пола въ Россіи" [1]). Послѣ перваго же разговора съ Гриммомъ, въ умѣ Екатерины родилась мысль воспользоваться имъ для дальнѣйшаго развитія ея плановъ въ этомъ отношеніи; ему предложено было остаться въ Россіи, взять на себя главное завѣдываніе по учрежденію и управленію училищъ. Гриммъ, окончившій свое образованіе въ лейпцигскомъ университетѣ и потомъ поселившійся въ Парижѣ, соединялъ съ преимуществами французской ловкости германскую ученость и основательность. Понятно, почему императрица въ этомъ случаѣ отдала ему предпочтеніе передъ Дидро, въ которомъ она, при первомъ же сближеніи съ нимъ, увидѣла не болѣе какъ даровитаго и краснорѣчиваго мечтателя, теоріи котораго неосуществимы на дѣлѣ. Но Гриммъ, не желая промѣнять своего положенія во Франціи на новыя невѣрныя отношенія при русскомъ дворѣ, рѣшительно отвергъ сдѣланное ему предложеніе. Нельзя при этомъ не подивиться тому довѣрію, съ какимъ Екатерина II любила обращаться къ иностранцамъ для исполненія важныхъ правительственныхъ плановъ. Въ этомъ отношеніи она была менѣе счастлива, нежели Петръ Великій, и не разъ ошибалась въ своихъ выборахъ, начиная съ вызваннаго ею въ началѣ царствованія Ла-Ривьера, который задумалъ было преобразовать по-своему всѣ отрасли управленія и кончая Сенакъ-де-Мельяномъ, предпринявшимъ съ согласія Екатерины, написать русскую исторію, вовсе не зная ни источниковъ ея, ни даже русскаго языка. Однажды императрица ошиблась въ противоположномъ смыслѣ насчетъ вызваннаго ею иностранца, именно геніальнаго Фальконета. Долго она удостоивала его особеннаго вниманія и милости, но, наконецъ, онъ сдѣ-

[1]) Въ первый разъ издано было 12-го марта 1764 г. „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола".

лался жертвою интриги, и долженъ былъ удалиться изъ Россіи прежде открытія своего величественнаго созданія, — памятника Петра Великаго. Въ перепискѣ съ Гриммомъ Екатерина очень неблагосклонно отзывалась о Фальконетѣ, жаловалась, что онъ уѣхалъ не простившись съ нею и увезъ съ собою бывшія въ его рукахъ письма Вольтера. Выписывая черезъ Гримма, между прочимъ, италіянскихъ архитекторовъ, прося его выбрать людей честныхъ и разсудительныхъ, она сдѣлала положительную оговорку, чтобы они не были въ родѣ Фальконета, чтобы они ходили по землѣ, а не летали по воздуху. Фальконетъ былъ другомъ Дидро, и Гриммъ не могъ не знать подробно, черезъ послѣдняго, всѣхъ обстоятельствъ пребыванія знаменитаго скульптора въ Россіи. Это могло имѣть рѣшительное вліяніе на непринятіе Гриммомъ предложенія перейти въ русскую службу. Принужденная отказаться отъ своей мысли, Екатерина захотѣла воспользоваться, по крайней мѣрѣ, свѣдѣніями обоихъ ученыхъ гостей своихъ, и каждому изъ нихъ поручила составить для нея проектъ организаціи народнаго образованія въ Россіи. Кромѣ того, Дидро долженъ былъ, по ея желанію, еще прежде того напечатать французскій переводъ выработанныхъ Бецкимъ уставовъ о воспитаніи юношества. Исполнивъ это въ Голландіи, Дидро возвратился въ Парижъ и занялся составленіемъ сказаннаго проекта, который и былъ вскорѣ отосланъ имъ въ Петербургъ подъ заглавіемъ Plan d'une université, pour le gouvernement de Russie ou d'une éducation publique dans toutes les sciences, при чемъ необходимо пояснить, что здѣсь слово université употреблено во французскомъ значеніи, какъ совокупность всѣхъ общественныхъ учебныхъ заведеній. Въ концѣ 1775 г. императрица писала Гримму: „Я получила трактатъ г. Дидро объ училищахъ и чистосердечно благодарю васъ обоихъ. Какъ скоро меня оставитъ болѣзнь легисломаніи (такъ называла она свои законодательные труды), я займусь этой работой; до тѣхъ поръ да хранитъ Богъ г. Эрнести“ (38). Послѣднія слова относятся къ тому, что въ проектѣ Дидро между прочимъ предполагалось ввѣрить управленіе будущихъ русскихъ училищъ славившемуся въ то время германскому педагогу, профессору классической литературы Эрнести, нѣкогда учителю Гримма въ лейпцигскомъ университетѣ. Одно это предположеніе въ проектѣ Дидро уже указываетъ на то участіе, какое принималъ въ составленіи его Гриммъ. Это легко заключить и изъ того, что весь проектъ построенъ на германской системѣ народнаго образованія, заключающей въ себѣ три степени училищъ, т. е. народныя школы, среднія учебныя заведенія и университеты. Извѣстно, что когда лѣтъ черезъ десять спустя дѣйствительно приступлено было къ учрежденію въ Россіи новыхъ училищъ, то этотъ планъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ чертахъ, былъ принятъ во вниманіе. Мысль объ основаніи трехъ университетовъ еще

не могла осуществиться, но они были проектированы уже, въ нѣмецкомъ смыслѣ, съ 4-мя факультетами. Такимъ образомъ планъ Дидро былъ очевидно плодомъ соединенныхъ трудовъ, или, по крайней мѣрѣ, соображенiй обоихъ писателей-энциклопедистовъ. Впрочемъ, Гриммъ, еще прежде Дидро, доставилъ и свой отдѣльный проектъ по тому же предмету. Въ iюнѣ 1775 г. императрица писала Гримму: „Искренно благодарю васъ за вашу прекрасную записку о школахъ, которую я тщательно буду хранить, чтобы воспользоваться ею какъ скоро окончу работу, которая у меня теперь на рукахъ, а это будетъ въ iюлѣ мѣсяцѣ“ (25). Работа эта, какъ видно изъ предыдущей переписки, заключалась въ составленiи „учрежденiя о губернiяхъ“. Этотъ важный законодательный трудъ и былъ изданъ въ ноябрѣ то же года.

Но императрица, при своемъ безусловномъ довѣрiи къ познанiямъ и опытности Гримма, не довольствовалась еще и полученными двумя записками о народномъ образованiи. Въ концѣ 1777 г. она писала ему: „Я все еще нетерпѣливо ожидаю вашихъ соображенiй объ учительскомъ ремеслѣ“ (Schulmeisterhandwerk) (69). Это ожиданiе было, конечно, слѣдствiемъ обѣщанiя, даннаго ей Гриммомъ во время вторичнаго пребыванiя его въ Петербургѣ въ 1777 г. Въ это время императрица самымъ милостивымъ образомъ возобновила ему свое прежнее предложенiе о завѣдыванiи училищами, прося прямо отвѣчать: „хочу“ или „не хочу“, и обѣщая, что въ томъ и другомъ случаѣ отношенiя между ними не измѣнятся, въ залогъ чего ему пожаловано было 5.000 р., съ правомъ употребить ихъ либо на свое обзаведенiе по новой должности, либо на возвращенiе во Францiю. Гриммъ предпочелъ послѣднее.

Между тѣмъ, однакожъ, мысль о введенiи въ Россiи общей системы народнаго образованiя продолжала сильно занимать Екатерину. Въ одномъ письмѣ ея, отъ февраля 1780 года, мы читаемъ слѣдующiя замѣчательныя строки: „Кажется, вы не знаете, что императрица часто желала бы направить дѣятельность на ту или другую часть, и что если этою частью все-таки не занимаются, то не отъ нехотѣнiя, а отъ того, что все нужное для этихъ занятiй еще не въ надлежащемъ положенiи. Та часть, для которой я желала вашего содѣйствiя, принадлежитъ къ числу такихъ занятiй. Вѣдь вамъ извѣстно, что яблоко никуда негодно, пока не созрѣетъ. А что касается проекта г. Дальберга, то онъ не исполнимъ; для объясненiя былъ бы необходимъ длинный коментарiй, а на это у меня нѣтъ времени. Но передъ Господомъ Богомъ тысяча лѣтъ — какъ одно мгновенiе; для государства одинъ лишнiй годъ бездѣлица: надо, чтобы яблоко созрѣло. Правда, что это скучно, но иначе нельзя, ибо для меня самой нуженъ по крайней мѣрѣ годъ, чтобы ознакомиться съ каждымъ дѣломъ“ (173).

Очевидно, что здѣсь рѣчь идетъ о народномъ образованiи и что императрица для окончательнаго устройства этой части не считала

еще предварительныя работы достаточно подготовленными. Вниманія заслуживаетъ тутъ, между прочимъ, имя Дальберга. Баронъ Карлъ Дальбергъ, впослѣдствіи князь и принцъ рейнскаго союза, уважаемый въ то время писатель, былъ чрезъ посредство Гримма также приглашенъ сообщить свое мнѣніе объ устройствѣ учебнаго дѣла въ Россіи. Здѣсь и разумѣется присланная имъ записка. Этотъ трудъ полученъ былъ въ концѣ 1778 г., и тогда государыня писала Гримму: „Я тотчасъ спрятала нѣмецкую рукопись барона Дальберга, не читавши ее, въ ящикъ, гдѣ покоится коллекція доставляемыхъ мнѣ записокъ о школахъ, гимназіяхъ и университетахъ, и я съ нетерпѣніемъ ожидаю всего, что вы можете еще прислать мнѣ по этому предмету, потому что въ свое время все это можно будетъ употребить въ дѣло, особенно если Господь Богъ дастъ мнѣ дожить до возраста покойнаго слуги его Мафусаила“ (115).

Рѣшительнымъ моментомъ въ этихъ заботахъ Екатерины о народномъ просвѣщеніи послужилъ пріѣздъ, по ея приглашенію, императора Іосифа II, важный вообще по перевороту, произведенному имъ въ ея политическихъ отношеніяхъ и въ ея личномъ взглядѣ на этого государя, на котораго она до тѣхъ поръ смотрѣла съ крайнимъ недовѣріемъ. Она не упустила случая изъ бесѣдъ съ этимъ просвѣщеннымъ монархомъ почерпнуть новыя свѣдѣнія и разъясненія по дѣлу, лежавшему у нея на сердцѣ. „Скажу“, писала она Гримму 25-го мая изъ Могилева, „что вчера нормальныя школы составляли одинъ изъ предметовъ нашихъ разговоровъ и что, сколько я могу судить по слухамъ, эти *нормальныя школы* — прекрасное изобрѣтеніе; но намъ нужны будутъ *нормальные учителя* (Normalschulmeister)“ (181). Нормальныя школы, о которыхъ шла рѣчь, были послѣдствіемъ цѣлаго ряда энергическихъ мѣръ, принятыхъ Маріей Терезіей для преобразованія системы общественнаго воспитанія въ австрійскихъ владѣніяхъ и составившихъ одну изъ главныхъ заслугъ ея царствованія. Извѣстно, что до того народное образованіе было тамъ совершенно въ рукахъ іезуитовъ. По окончаніи семилѣтней войны правительство рѣшилось измѣнить это положеніе дѣла. Вскорѣ была учреждена учебная комиссія (Schulcommission), чтобы дать правильное и прочное устройство всей этой части въ нѣмецкой имперіи, и въ 1774 г. изданъ былъ утвержденный Маріей Терезіей общій училищный уставъ. Низшую степень учебныхъ заведеній, по этому уставу, составляли *нормальныя школы*, имѣвшія назначеніе служить въ провинціи образцами для всѣхъ прочихъ училищъ: въ каждой провинціи полагалась одна нормальная школа для первоначальнаго обученія городского юношества необходимымъ предметамъ, а также для образованія учителей другихъ школъ. Въ каждой нормальной школѣ предназначался директоръ съ 4 — 5 учителями. Уже въ слѣдующіе два года было заведено въ Австріи множество такихъ школъ. Тогда

же комиссія, подъ руководствомъ своего просвѣщеннаго и дѣятельнаго предсѣдателя Фельбигера, составила и издала большое число учебниковъ, книгъ для чтенія и инструкцій учителямъ [1]). Такимъ образомъ, учебная часть въ Австріи дѣйствительно получила тогда превосходную организацію, достойную подражанія въ другихъ государствахъ. Екатерина однакожъ не удовольствовалась разсказами императора объ австрійскихъ училищахъ и просила Гримма сообщить ей мнѣніе Дальберга о нормальныхъ школахъ; но между тѣмъ она съ радостію приняла изъ рукъ графа Фалькенштейна (Іосифа II) всѣ относившіяся къ нимъ книги (183). Тогда же императоръ рекомендовалъ ей, для исполненія занимавшихъ ее плановъ, своего подданнаго, серба Янковича де-Миріево, директора училищъ въ Темешварѣ, который передъ тѣмъ участвовалъ въ преобразованіи учебнаго дѣла въ австрійскихъ владѣніяхъ и вскорѣ дѣйствительно былъ вызванъ ею. Таковъ былъ ходъ развитія соображеній Екатерины, приведшихъ ее къ учрежденію въ 1782 г., подъ предсѣдательствомъ Завадовскаго, по примѣру Австріи, комиссіи о народныхъ училищахъ, а потомъ къ открытію въ 1786 г., во многихъ городахъ, малыхъ и главныхъ народныхъ училищъ [2]), при чемъ конечно австрійская система была принята за образецъ только въ общихъ чертахъ, съ тѣми измѣненіями какихъ требовали различныя условія быта и образованія въ обѣихъ странахъ. Въ послѣднемъ изъ означенныхъ годовъ былъ изданъ и планъ основанія трехъ университетовъ—во Псковѣ, Черниговѣ и Пензѣ, но, какъ было уже замѣчено, время для осуществленія такого плана еще не настало.

Хотя Екатерина и показывала крайнее неблаговоленіе къ „Эмилю“ Руссо, но это сочиненіе осталось, конечно, не безъ вліянія на заботливость императрицы о народномъ образованіи. Извѣстно, какое возбужденіе книга эта вызвала во всей Европѣ, не только въ педагогическомъ мірѣ, но и во всѣхъ кругахъ общества обнаживъ ложь такъ давно господствовавшую и въ воспитаніи и въ жизни, требуя освобожденія молодежи отъ того убійственнаго тиранства, съ которымъ къ ней до тѣхъ поръ относились въ школѣ.

Всего разительнѣе обнаружилось дѣйствіе „Эмиля“ Руссо, когда въ Германіи явился планъ осуществить на дѣлѣ его воспитательныя мечты и учредить на основаніи ихъ особый институтъ колоссальныхъ размѣровъ, чтобы произвести рѣшительный переворотъ въ домашнемъ и общественномъ образованіи. Человѣкъ, взявшій на себя эту роль, самъ вовсе не отличался нравственнымъ превосходствомъ, но обла-

[1]) Ad. Beer und. Fr. Hochegger. Die Fortschritte des Unterrichtswesens in den Culturstaaten Europas. Wien 1867. I, стр. 226 — 289.

[2]) См. П. С. З. XXI, ук. 7 сент. 1782 г., также брошюру покойнаго А. С. Воронова „Ѳ. И. Янковичъ де-Миріево“. Спб. 1858. Стр. 90 — 93.

далъ удивительною энергіей, смѣлостью и беззастѣнчивой готовностію пользоваться всѣми средствами шарлатанства для достиженія своей цѣли. Таковъ былъ Базедовъ, который, задумавъ основать на новыхъ философскихъ началахъ свой космополитическій *Филантропинъ*, умѣлъ заинтересовать въ пользу этого проекта всю Европу. Извѣстно мастерское изображеніе этого восторженнаго, но грубаго и назойливаго чудака въ Dichtung und Wahrheit Гёте, котораго онъ навѣстилъ во время приготовленій къ своему опыту. Нѣсколько лѣтъ онъ обработывалъ для этого плана европейскую публику разными литературными изданіями и громкими воззваніями, обращаясь прежде всего къ императорамъ, королямъ, академіямъ, масонскимъ ложамъ и ученымъ [1]. Между прочимъ онъ предпринялъ составить обширное сочиненіе съ картинами, названное имъ Elementarwerk, назначенное какъ для дѣтскаго чтенія, такъ и для руководства наставниковъ. Самымъ безцеремоннымъ образомъ онъ повсюду собиралъ подписчиковъ на эту книгу, обѣщая чудеса отъ обученія молодежи по новымъ методамъ, которыя должны были сообщать бездну знаній въ самое короткое время и безъ всякаго напряженія учащихся, шутя и забавляя. Въ видѣ образца разосланъ былъ одинъ выпускъ готовившагося иллюстрированнаго изданія. Въ числѣ лицъ, увлеченныхъ ловкимъ, но впрочемъ добродушнымъ энтузіастомъ, была и русская императрица, пославшая въ 1771 году 1000 талеровъ на изданіе Elementarwerk; великій князь Павелъ Петровичъ тогда же пожертвовалъ на то 500 тал.; вся собранная Базедовомъ сумма достигла 15 т. тал. Въ знакъ благодарности онъ посвятилъ четыремъ монархамъ новый журналъ, который началъ издавать въ 1776 г. подъ заглавіемъ „Филантропическій Архивъ", и въ предисловіи обѣщалъ въ честь русской императрицы основать училище Catharineum для космополитокъ (für Weltbürgerinnen). Въ примѣръ довѣрія, которое предпріятія Базедова возбудили и въ ученой средѣ можно привести отвѣтъ, посланный ему нашею Академіею Наукъ на доставленный имъ экземпляръ своей книги о *Филантропинѣ*. Этотъ адресъ, составленный по-французски и подписанный Эйлеромъ, можетъ быть такъ изложенъ въ русскомъ переводѣ „Конференція признала этотъ трудъ достойнымъ ея похвалъ. Она особенно одобряетъ горячее усердіе, какимъ проникнутъ авторъ ко благу человѣчества, и такъ какъ предлагаемые имъ планъ воспитанія и методъ обученія юношества во многихъ отношеніяхъ заслуживаютъ предпочтенія передъ тѣми, которымъ до сихъ поръ слѣдовали, то Академія нисколько не сомнѣвается, что еслибы ихъ приняли въ руководство и другія заведенія, публика извлекла бы изъ того существенную пользу".

---

[1]) Schlosser. Geschichte des achtz. Jahrh. II. III. Raumer. Gesch. der. Pädagogik, II.

Въ 1774 году возникло въ Дессау самое училище *Филантропинъ*, благодаря великодушію и щедрости просвѣщеннаго ангальтъ-дессаускаго принца, который уступилъ подъ это учрежденіе одно изъ своихъ дворцовыхъ зданій: впрочемъ, институтъ явился далеко не въ тѣхъ обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ прежде мечталъ о немъ основатель. При открытіи *Филантропина*, воспитанниковъ въ немъ было очень немного; но года черезъ два, послѣ эффектнаго экзамена, на который пышныя приглашенія разосланы были множеству высокопоставленныхъ и значительныхъ лицъ, число учениковъ вдругъ увеличилось и Филантропинъ вошелъ въ моду. Этотъ успѣхъ былъ однакожъ непродолжителенъ; личный характеръ Базедова, его безпорядочный образъ жизни и безпрерывныя ссоры съ сотрудниками, а сверхъ того и неисполненіе возбужденныхъ имъ непомѣрныхъ ожиданій, привели къ тому, что заведеніе скоро упало и никогда болѣе не могло подняться. Черезъ нѣсколько лѣтъ самъ неуживчивый основатель долженъ былъ удалиться, и оно продолжало существовать до 1800 года уже въ другихъ рукахъ.

Естественно, что преобразовательные планы Базедова и его Филантропинъ должны были сильно интересовать императрицу Екатерину, колебавшуюся въ выборѣ системы народнаго образованія для Россіи. Послѣ второго пребыванія Гримма въ Петербургѣ, она ему не разъ напоминаетъ его обѣщаніе сообщить ей свои наблюденія надъ Филантропиномъ. Желаніе ея получить эти свѣдѣнія еще усилилось послѣ рожденія великаго князя Александра Павловича, и въ январѣ 1778 года она пишетъ: „Среди празднествъ я съ величайшимъ нетерпѣніемъ жду вашихъ размышленій о Филантропинѣ и К°; я уже знала, что оттуда разбѣжались наставники“. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ она опять говоритъ: „Когда же придетъ пѣсня про Филантропины (такъ какъ, кромѣ дессаускаго, возникли еще два), и уже она прибавляетъ иронически: „они успѣютъ уничтожиться прежде, нежели явятся ваши разсужденія; подумайте же: это будутъ пропащія разсужденія, если вы еще будете мѣшкать“ (87).

Гриммъ все молчалъ: въ сентябрѣ 1783 года государыня пишетъ: „Вы нарочно ѣздили въ Дессау; вы никогда мнѣ не проронили ни словечка о томъ, что вы думаете про Филантропинъ; удостойте же сказать о немъ слово“ (290). Наконецъ, Гриммъ высказался, и Екатерина отвѣчаетъ въ маѣ 1784 г.: „То, что вы мнѣ пишете о Филантропинѣ, не утѣшительно; я придерживаюсь формы нормальныхъ училищъ, которая начинаетъ пользоваться у насъ очень хорошею репутаціей“. Съ тѣхъ поръ Гриммъ, въ своихъ письмахъ къ императрицѣ, нерѣдко называетъ ее въ шутку: „Normalschulmeisterin“.

Письма Екатерины къ Гримму дали намъ возможность прослѣдить, въ главныхъ чертахъ, ту приготовительную работу мысли, чрезъ

которую прошла императрица прежде нежели рѣшилась избрать принятую ею систему народнаго образованія. Мы видѣли, какую важную роль она въ этой сферѣ первоначально предназначала Гримму. Отказавшись отъ такой чести, онъ однакожъ служилъ русской монархинѣ однимъ изъ главныхъ пособниковъ въ развитіи ея взглядовъ на правильную организацію учебнаго дѣла.

Въ высшей степени задушевный, —можно даже сказать, фамильярный, тонъ переписки ея съ этимъ человѣкомъ, конечно не разъ поражалъ васъ въ приведенныхъ мною немногихъ отрывкахъ и заставляетъ всякаго читателя задумываться надъ загадочнымъ явленіемъ такого полнаго сочувствія и неизмѣнной привязанности государыни къ иностранному корреспонденту. Она сама, въ своихъ письмахъ къ нему, не рѣдко упоминаетъ объ исключительномъ характерѣ этой переписки и отношеній своихъ къ Гримму. Нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно имѣлъ для императрицы Екатерины особенное значеніе; благодаря его посредству, она постоянно оставалась близка къ движенію западно-европейской науки и искусства, чрезъ него получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ, вызывала въ Россію архитекторовъ, дѣлала заказы разнаго рода, наконецъ имѣла въ немъ самаго ревностнаго провозвѣстника и защитника своей славы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ заслуга Гримма передъ Екатериною II велика и несомнѣнна; онъ былъ въ полномъ смыслѣ, не по одному имени, которое она усвоила ему, — ея souffre-douleur: въ своихъ письмахъ къ ней онъ неоднократно разсказываетъ, какъ его безпрерывно осаждаютъ и не даютъ ему покоя люди, желающіе обратить на себя ея вниманіе или сдѣлаться участниками ея милостей. Нельзя также не признать заслуги Гримма передъ русской исторіей, въ томъ смыслѣ, что ему, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, на опасность, угрожавшую его бумагамъ во время революціи, удалось спасти отъ утраты и уничтоженія драгоцѣнныя письма своей благодѣтельницы. Онъ зналъ всю ихъ цѣну и принялъ надежнѣйшія мѣры, чтобы свято сберечь ихъ для потомства. На время своего отсутствія изъ Франціи онъ отдавалъ ихъ на храненіе извѣстному маршалу де-Кастри, впослѣдствіи морскому министру, съ которымъ находился въ особенно близкихъ отношеніяхъ и который потомъ, при оставленіи Гриммомъ навсегда Франціи, возвратилъ ихъ ему въ полной сохранности. Изъ одного замѣчанія императрицы видно, что Гриммъ сбирался снять съ этихъ писемъ копіи и снабдить ихъ своими поясненіями. По этому поводу Екатерина однажды говорила ему: „Сожалѣю о трудѣ, который вы намѣреваетесь предпринять, хотя и увѣрена заранѣе, что ваши примѣчанія будутъ лучше всего остальнаго" (442).

Вотъ еще нѣсколько чертъ къ характеристикѣ этой единственной

въ своемъ родѣ переписки. Оба корреспондента представляютъ необыкновенныя особенности: оба — лица германскаго происхожденія, выражающіяся самою изящною французскою рѣчью, въ которую они, не безъ нѣкоторой ироніи, вставляютъ исподволь, тяжелыя нѣмецкія фразы. Съ одной стороны передъ нами — германскій ученый, переселившійся во Францію и сдѣлавшійся тамъ публицистомъ, свѣтскимъ человѣкомъ и дипломатомъ; съ другой стороны — германская принцесса, занявшая тронъ исполинской славянской державы, ставшая по религіи и симпатіямъ русскою, владѣющая столь же искусно перомъ, какъ и скипетромъ. Съ одной стороны передъ нами литераторъ, состоящій въ сношеніяхъ чуть не со всѣми коронованными главами Европы; съ другой — монархиня, не гнушающаяся общенія со всѣми лучшими представителями умственнаго міра. Такимъ образомъ эти двѣ разнородныя личности какъ-бы дополняли другъ друга. Екатерина сознавала, что никто не могъ понимать ее лучше Гримма: „вы, говорила она ему, угадываете и объясняете всѣ мои движенія лучше меня самой“ (327). Но всего болѣе конечно связывало ихъ то, что они были нужны другъ другу. Оба корреспондента не безкорыстны: для Гримма эта переписка — источникъ радости, счастья, почетнаго положенія; для императрицы это — орудіе множества умственныхъ наслажденій, звено цѣлой цѣпи, полезныхъ и интересныхъ связей. Гриммъ дорогъ Екатеринѣ какъ чрезвычайно умный и искусный комиссіонеръ: это человѣкъ практическій, смышленый, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ, довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ русской императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди самыхъ разнообразныхъ, повидимому, интересовъ, постоянно занимаетъ ее однакожъ только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою Великою и Безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и надолго повергаетъ въ несказанное волненіе. Наконецъ, почти безпрерывно шуточный и вмѣстѣ сентиментальный тонъ Гримма, его игривое остроуміе и соль въ самой лести, его иногда оригинально-смѣлыя выходки, все это должно было придавать его письмамъ особенный интересъ въ глазахъ императрицы. Судя по нимъ, мы въ правѣ предполагать, что въ самой личности Гримма, въ его живомъ юмористическомъ умѣ и вкрадчивомъ характерѣ было какое-то неотразимое обаяніе, объясняющее тайну его господства надъ мощнымъ духомъ этой необыкновенной женщины.

Мы видѣли, какъ долго и какими путями императрица Екатерина II готовилась къ избранію для Россіи лучшей системы народнаго

образованія. Не менѣе любопытно было бы прослѣдить педагогическія начала, выразившіяся въ ея воспоминаніяхъ о своей молодости и о воспитаніи ея внуковъ. Но на этотъ разъ позволю себѣ, въ заключеніе, коснуться только общаго взгляда императрицы на современное ей просвѣщеніе. Вообще она была не высокаго о немъ мнѣнія. Въ ожиданіи обѣщанной ей записки Дальберга о школахъ, она говорила: „Меня никогда не заставятъ бояться просвѣщенныхъ народовъ, но когда-то народы будутъ просвѣщены? Когда между образованными людьми не будетъ безнравственныхъ, съ кривымъ умомъ и кривымъ зрѣніемъ, и людей болѣе способныхъ портить, чѣмъ хорошо дѣйствовать?“

„Не восхищайтесь“, говоритъ она въ томъ же письмѣ, „нынѣшнимъ вѣкомъ, которому вы боитесь причинить такой вредъ, скрывая отъ него мои письма: этотъ вѣкъ такъ же глупъ, какъ и многіе другіе, а послѣдующій вѣкъ будетъ безуменъ, если Господь не умудритъ его: ибо что такое то просвѣщеніе, которое будетъ во всѣхъ родахъ сіять у васъ (во Франціи) и на всемъ югѣ?“

Въ то же время Екатерина II возлагала большія надежды на Россію. Въ одномъ письмѣ, жалуясь на скуку тогдашнихъ французскихъ комедій, она скорбитъ объ исчезновеніи таланта вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ прекраснаго и высокаго. „Теперь“, замѣчаетъ она, „все замѣняется резонерствомъ“. Потомъ, сожалѣя, что нѣтъ болѣе Вольтера, она восклицаетъ: „Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ и компаніи до той поры, когда взойдетъ звѣзда Востока: да, оттуда долженъ возсіять свѣтъ, ибо тамъ болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь хранится подъ пепломъ духа и силы!“

ЕКАТЕРИНА II ВЪ СВОЕЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРЕПИСКѢ [1].

1873.

Въ самомъ первомъ письмѣ своемъ къ Вольтеру, въ началѣ своего царствованія, Екатерина II говорила о Петрѣ Великомъ: „Я прикажу напечатать всѣ его подлинныя письма, которыя уже велѣла собирать

[1]) Читано въ чрезвычайномъ собраніи Император. Русск. Историч. Общества 25 ноября 1873 г. Напечатано въ Сборникѣ Имп. Р. Ист. Общ., т. XIII, Спб. 1874, стр. XII — XXVI.

отовсюду. Онъ въ нихъ изображаетъ самого себя. Всего прекраснѣе въ его характерѣ было то, что несмотря на его вспыльчивость, правда сохраняла надъ нимъ непреодолимую власть, и за это одно, думается мнѣ, онъ заслуживаетъ памятника".

Эти двѣ мысли великой государыни — о собраніи писемъ Петра I и о сооруженіи ему памятника, изъ которыхъ только послѣдняя вполнѣ осуществлена ею — прилагаются нынѣ потомствомъ къ ней самой. Одно изъ самыхъ отрадныхъ явленій нынѣшняго просвѣщеннаго царствованія составляетъ извлеченіе изъ-подъ спуда историческихъ документовъ минувшаго столѣтія. Благодаря предоставленной въ этомъ дѣлѣ свободѣ, въ нѣсколько лѣтъ накопилось для исторіи царствованія Екатерины II болѣе матеріаловъ, нежели прежде ихъ было напечатано въ цѣлыя три четверти вѣка. Къ усиліямъ отдѣльныхъ лицъ присоединилась вскорѣ дѣятельность цѣлаго Общества: кто не знаетъ, что содержаніе изданныхъ доселѣ 12-ти томовъ Сборника Императорскаго Историческаго Общества преимущественно посвящено памяти Екатерины II? Но этого мало: по мысли Августѣйшаго Предсѣдателя нашего Общества, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, въ 1870 году предпринято послѣдовательное изданіе хранящихся въ Государственномъ Архивѣ бумагъ мудрой императрицы. Такимъ образомъ, одновременно съ сооруженіемъ вещественнаго памятника Екатеринѣ, подготовляется другой, столь же если не болѣе еще знаменательный и несокрушимый памятникъ ея умственной дѣятельности.

Что же оказывается изо всей непомѣрной массы документовъ, вызванныхъ и вызываемыхъ изъ мрака забвенія относительно Екатерины? Теряетъ ли, затемняется ли оттого ея безсмертный образъ? Менѣе ли великою она является въ обстановкѣ подробностей своей государственной дѣятельности? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ пусть служатъ прекрасныя слова перваго издателя бумагъ Екатерины, покойнаго академика Пекарскаго: „Цѣлое столѣтіе отдѣляетъ насъ отъ славнаго вѣка; страсти успѣли утихнуть; настало время безпристрастнаго суда исторіи, того нелицемѣрнаго суда, который, по мѣрѣ обогащенія фактами, съ каждымъ днемъ яснѣе и свѣтлѣе возсоздаетъ привлекательный, величавый образъ Екатерины II".

Этотъ-то образъ, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ его, и желалъ бы я въ краткой бесѣдѣ моей возстановитъ передъ вами. Великія дѣла, законы, учрежденія, побѣды Екатерины — неисчислимы; можно сказать, что каждый день этого долговременнаго царствованія отмѣчался новымъ дѣяніемъ, новымъ успѣхомъ. Всѣ ея предпріятія сопровождались еще болѣе постоянною удачею, нежели Петровскія. Въ чемъ же преимущественно лежала тайна такого счастія? Можно сказать не обинуясь: въ мудрости Екатерины; но къ мудрости ея при-

соединялись многія качества, столь же нужныя для достиженія цѣлей на политическомъ поприщѣ. Въ дѣятельности каждаго правителя, особенно же правителя самодержавнаго, самый важный, основной элементъ есть его личность, его характеръ, умъ, образованіе. И вотъ что́ въ Екатеринѣ II составляетъ занимательнѣйшій предметъ изученія. При жизни она своею личностью очаровывала всѣхъ къ ней приближавшихся и многіе изъ нихъ оставили намъ разсказы о своихъ впечатлѣніяхъ; то же дѣйствіе производитъ она и на потомство выраженіемъ своихъ мыслей на письмѣ. Попытаюсь очертить ее съ помощію тѣхъ и другихъ свидѣтельствъ, особенно же того, что́ сама она писала.

Необъятно количество всего начертаннаго перомъ Екатерины. Въ Государственномъ Архивѣ хранится только часть ея бумагъ; остальное разсѣяно по архивамъ разныхъ вѣдомствъ и библіотекамъ. Еслибъ можно было собрать воедино все ею написанное, это само по себѣ составило бы порядочный архивъ. И какъ разнообразно то, что́ она писала! Не говоря уже о краткихъ запискахъ, распоряженіяхъ и приказаніяхъ на имя приближенныхъ лицъ или правительственныхъ мѣстъ, мы находимъ тутъ обширныя законодательныя работы, цѣлые указы, манифесты и рескрипты, подробныя инструкціи по случаю почти всѣхъ особенно важныхъ порученій, письма къ довѣреннымъ лицамъ или къ писателямъ и художникамъ, памятныя записки о разныхъ обстоятельствахъ или эпохахъ, наконецъ, педагогическіе труды и литературныя произведенія значительнаго объема, въ разныхъ родахъ. Однажды государыня, между разговорами, замѣтила своему секретарю Грибовскому, что „не пописавши нельзя и одного дня прожить". Главный источникъ такой производительности пера Екатерины заключался, конечно, въ свойствахъ ея характера и ума, въ ея неутомимомъ трудолюбіи; но къ тому присоединялось также, въ сильной степени, вліяніе духа времени, который одну изъ высшихъ заслугъ ставилъ въ занятіяхъ философа и писателя, въ дѣятельности, доставившей многимъ первостепеннымъ умамъ вѣка и новую славу и новое значеніе. Къ сближенію съ ними, къ подражанію этимъ умамъ, которые считались и сами себя считали просвѣтителями человѣчества, въ одно время съ Екатериною стремились также другіе два монарха: Фридрихъ II и король шведскій Густавъ III. Оттуда возникла и та обширная переписка, которую императрица вела сперва съ д'Аламберомъ, Дидро̀ и Вольтеромъ, потомъ съ полунѣмцемъ, полуфранцузомъ Гриммомъ и, наконецъ, съ ганноверскимъ ученымъ Циммерманомъ. Орудіемъ переписки со всѣми ими служилъ, почти исключительно, французскій языкъ. Эти сношенія имѣли многообразную цѣль: съ одной стороны Екатерина желала такимъ способомъ быть постоянно въ извѣстности обо всемъ, что́ происходило на западѣ и что́ о ней говорили; съ другой, зная обширныя связи этихъ лицъ, а также ихъ авторитетъ и вліяніе на обществен-

ное мнѣніе, она желала своими письмами къ нимъ распространять за границею вѣрныя, или, по крайней мѣрѣ, согласныя съ ея видами, свѣдѣнія о русскихъ дѣлахъ, опровергать клеветы и лживые толки, которые безпрестанно были распускаемы врагами Россіи. Къ этимъ соображеніямъ примѣшивалось, конечно, и славолюбіе, сильно возбуждавшее вообще дѣятельность Екатерины; но то было славолюбіе благородное, проистекавшее изъ уваженія къ умственному господству, изъ стремленія заслужить одобреніе просвѣщеннаго міра. Кромѣ того, естественно, что государынѣ, чувствовавшей потребность въ простомъ, задушевномъ обмѣнѣ мыслей съ умными и свѣдущими людьми, отрадно было порою сбрасывать съ себя всѣ узы придворнаго этикета, забывать стѣснительныя требованія своего сана въ сношеніяхъ съ другими и вести непринужденную бесѣду съ иностранцами, которыхъ она искренно уважала, къ которымъ могла обращаться просто, какъ человѣкъ къ человѣку.

Вотъ эта-то сторона литературной переписки Екатерины и придаетъ особенный интересъ ея письмамъ, и вотъ почему она такъ заботилась, чтобы они не попали въ печать, предостерегала своихъ корреспондентовъ противъ сообщенія ихъ въ нескромныя руки или неосмотрительной раздачи съ нихъ копій.

Указанная мною патріотическая цѣль Екатерины дѣйствовать своими письмами на общественное мнѣніе въ другихъ странахъ, входила отчасти и въ ея переписку съ двумя дамами: M-me Geoffrin, жившей въ Парижѣ, и M-me Bielke — въ Гамбургѣ. Переписка съ ними сдѣлалась извѣстною только въ недавнее время изъ Сборника Историческаго Общества. Блистательный салонъ г-жи Жофренъ имѣлъ значеніе литературнаго центра и верховнаго эстетическаго судилища, гдѣ извѣстнѣйшіе писатели и художники искали благосклоннаго приговора своимъ произведеніямъ. Письма Екатерины къ г-жѣ Жофренъ, въ первый разъ напечатанныя вице-президентомъ Историческаго Общества г. Гамбургеромъ, могутъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для характеристики вѣнценоснаго ихъ автора.

О своихъ занятіяхъ и образѣ жизни Екатерина въ одномъ изъ этихъ писемъ говоритъ: „Въ тѣ дни, когда меня менѣе безпокоятъ, я чувствую болѣе чѣмъ когда-либо рвеніе къ труду. Я поставила себѣ за правило начинать всегда съ самаго труднаго, тягостнаго, съ самыхъ сухихъ предметовъ; а когда это кончено, остальное кажется мнѣ легкимъ и пріятнымъ; это я называю—приберегать себѣ удовольствіе. Я встаю аккуратно въ 6 часовъ утра, читаю и пишу одна до 8-ми, потомъ приходятъ мнѣ читать разныя дѣла; всякій, кому нужно говорить со мною, входитъ поочередно, одинъ за другимъ; такъ продолжается до 11-ти часовъ и долѣе; потомъ Я одѣваюсь. По воскресеньямъ и праздникамъ иду къ обѣднѣ; въ другіе же дни выхожу въ

пріемную залу, гдѣ обыкновенно дожидается меня множество людей. Поговоривъ полчаса или 3/4 часа, я сажусь за столъ; по выходѣ изъ-за стола, является Бецкій наставлять меня; онъ беретъ книгу, а я свою работу. Чтеніе наше, если его не прерываютъ пакеты съ письмами и другія помѣхи, длится до 5 часовъ съ половиною; тогда или я ѣду въ театръ, или играю, или болтаю съ кѣмъ случится до ужина, который кончается прежде 11 часовъ; затѣмъ я ложусь, и на другой день повторяю то же самое, какъ по нотамъ".

Такимъ же характеромъ отличается многолѣтняя переписка императрицы съ г-жею Бьельке, которая въ годы дѣтства Екатерины была близка къ ея матери и жила въ Гамбургѣ, куда Екатерина въ то время не разъ ѣзжала гостить къ своей бабушкѣ.

Вотъ какъ императрица однажды бесѣдуетъ съ г-жею Бьельке о своемъ положеніи: „Если хотите, я занята болѣе всякаго другого, но развѣ это и не должно такъ быть? Я такъ много могу дѣлать добра; всѣ средства у меня въ рукахъ, мнѣ только остается находить къ тому случаи, что́ не особенно трудно. Я отъ природы люблю суетиться, и чѣмъ болѣе тружусь, тѣмъ бываю веселѣе. Если у меня случаются непріятности, такъ что же? Не всякій ли, въ какомъ бы положеніи онъ ни находился, подверженъ имъ, или еще и большимъ?"

Позднѣе, благодаря г-жу Бьельке за доброе мнѣніе о своихъ намѣреніяхъ, императрица прибавляетъ: „Надѣюсь, что никогда не измѣню имъ, и клянусь предъ вами, что во всю жизнь не предприму ничего, что́ было бы противно справедливости и благу человѣческаго рода".

Въ сношеніяхъ Екатерины съ знаменитыми писателями на первомъ планѣ стоитъ ея переписка съ Вольтеромъ. Ея знакомство съ этимъ авторомъ началось вскорѣ послѣ прибытія ея въ Россію, когда она, по совѣту прусскаго посланника Мардефельда, отказалась отъ празднаго препровожденія времени и принялась за чтеніе. Впослѣдствіи она сознавалась Вольтеру, что, узнавъ его сочиненія, перестала читать романы, что ему преимущественно обязана своими познаніями и предпочитаетъ его всѣмъ другимъ писателямъ. Для объясненія такого пристрастія надобно припомнить общее тогдашнее увлеченіе Вольтеромъ и необыкновенную славу его. Впрочемъ, впослѣдствіи у насъ распространилось преувеличенное мнѣніе объ отрицательномъ направленіи Вольтера. Онъ не былъ атеистомъ, какимъ его обыкновенно представляютъ себѣ, и напротивъ, во многихъ изъ своихъ сочиненій доказывалъ необходимость бытія Божія. Нельзя не согласиться съ сужденіемъ Маколея о философахъ 18 вѣка, что „они, при всѣхъ своихъ умственныхъ и нравственныхъ заблужденіяхъ, горячо желали улучшить состояніе человѣческаго рода; они всѣми средствами вели борьбу противъ того, что́ считали злоупотребленіемъ, и во многихъ

важныхъ случаяхъ становились между сильными и притѣсняемыми. Правда, они иногда нападали на христіанство съ ожесточеніемъ, недостойнымъ званія философовъ, но проповѣдывали ту самую любовь къ людямъ всѣхъ состояній, которой недоставало у ихъ противниковъ и которой требуетъ истинное христіанство". Къ тому же Екатерина, при своемъ здравомъ, возвышенномъ умѣ, не могла читать философовъ безъ критики и не увлекалась ихъ легкомысленными теоріями, на практикѣ не примѣнимыми; Руссо́ не пользовался ея расположеніемъ, и она при каждомъ случаѣ подсмѣивалась надъ его „Эмилемъ", а у Вольтера она сочувствовала только тому, что́ было достойно сочувствія. Такъ его заступничество въ дѣлахъ Каласа и Сирвена подало ей поводъ однажды писать ему: „Быть ходатаемъ за человѣческій родъ, защитникомъ угнетаемой невинности, значитъ снискивать безсмертіе. Эти два дѣла привлекаютъ къ вамъ глубокое уваженіе. Тутъ вы боролись противъ ополчившихся вмѣстѣ враговъ человѣчества — противъ суевѣрія, фанатизма, невѣжества, крючкотворства, противъ дурныхъ судей. Нужно много доблести и достоинствъ, чтобы преодолѣть такія препятствія. Вы доказали, что обладаете ими — вы побѣдили". Здѣсь похвала Екатерины Вольтеру замѣчательнымъ образомъ совпадаетъ съ приведеннымъ мною сужденіемъ англійскаго историка о заслугахъ философовъ XVIII вѣка.

Переписка Екатерины съ Вольтеромъ давно напечатана, какъ отдѣльно, такъ и въ собраніяхъ сочиненій этого писателя. Она нѣсколько разъ была переводима по-русски, но къ сожалѣнію всегда очень плохо. Теперь въ изданіи Историческаго Общества является она отчасти въ новомъ видѣ, по сохранившимся въ Государственномъ Архивѣ собственноручнымъ черновымъ письмамъ государыни; они во многомъ отличаются отъ напечатанныхъ прежде и между прочимъ представляютъ много мѣстъ, которыя при окончательной перепискѣ начисто исключались.

Тѣмъ не менѣе уже и прежде-напечатанныя письма Екатерины къ Вольтеру полны интереса и служатъ краснорѣчивымъ выраженіемъ ея возвышеннныхъ, человѣколюбивыхъ идей и пламеннаго патріотизма. Поэтому Карамзинъ, еще въ началѣ нынѣшняго вѣка, совершенно справедливо замѣтилъ: „Европа съ удивленіемъ читаетъ ея переписку съ философами, и не имъ, а ей удивляется. Какое богатство мыслей и знаній, какое проницаніе, какая тонкость разума, чувствъ и выраженій!"

Однако даже еще и при жизни Екатерины слышались иногда и другого рода сужденія о сношеніяхъ ея съ тогдашними мыслителями. Доказательствомъ тому служитъ одно, не такъ давно напечатанное письмо ея къ неизвѣстному лицу (1779 г.), гдѣ мы читаемъ любопытное самооправданіе противъ чьего-то обвиненія за эту переписку. Есть

поводъ думать, что обвинителемъ былъ московскій митрополитъ Платонъ, извѣстный врагъ энциклопедистовъ, человѣкъ, о которомъ Екатерина въ послѣднее время жизни не совсѣмъ благопріятно отзывалась. Вотъ замѣчательныя слова этого письма ея: „Менѣе всего ожидать надлежало благотворительной рукѣ отъ святительской особы, осыпанной, отличенной и возведенной щедростію и щедротами, безразсудный толкъ извѣстной переписки, которой одно злобою наполненное сердце лишь можетъ дать кривое толкованіе, понеже сама собою та переписка весьма невинна въ такое время, когда тотъ 80-лѣтній старикъ старался своими по всей Европѣ читанными сочиненіями прославить Россію, унизить враговъ ея и удержать дѣятельную вражду своихъ соотчичей, кои тогда старались распространить повсюду язвительную злобу противу дѣлъ нашего отечества, въ чемъ и предуспѣлъ. Въ такомъ видѣ и намѣреніи, письма, писанныя къ безбожнику (здѣсь Екатерина употребляетъ вѣроятно выраженіе своего обвинителя), кажется не нанесли вреда ни Церкви, ни отечеству“ *).

Итакъ, если Екатеринѣ нужно было оправданіе въ ея перепискѣ съ Вольтеромъ, то оно, по собственнымъ ея словамъ, заключалось главнымъ образомъ въ пользѣ, какую сообщенія ея приносили Россіи въ глазахъ Европы. Дѣйствительность этой пользы свидѣтельствовалъ самъ Вольтеръ. Однажды, во время первой турецкой войны, онъ писалъ Екатеринѣ: „Каждое письмо, котораго Ваше Императорское Величество меня удостоиваете, вылѣчиваетъ меня отъ лихорадки, причиняемой мнѣ парижскими вѣстями. Увѣряли, что ваши войска вездѣ потерпѣли большой уронъ, что они совершенно очистили Морею и Валахію, что въ Вашей арміи появилась чума, и что за успѣхами послѣдовали всевозможныя неудачи. Ваше Величество — мой врачъ. Вы вполнѣ возвращаете мнѣ здоровье. Я же, только что узнаю настоящее положеніе дѣлъ, сейчасъ описываю ихъ и заставляю морщиться тѣхъ, которые прежде на меня наводили тоску. Еще разъ повторяю мою просьбу: увѣдомьте меня на милость о взятіи пяти-шести городовъ, о пятишести побѣдахъ, хоть бы для того только, чтобы зажать ротъ завистникамъ“.

Еще прежде начатія переписки съ Вольтеромъ, императрица, въ самый годъ своего вступленія на престолъ, обратилась къ энциклопедистамъ д'Аламберу и Дидро̀ съ извѣстными двумя предложеніями: первый долженъ былъ заняться воспитаніемъ ея сына, а второй уйти въ Россію отъ преслѣдованія французскаго правительства и здѣсь продолжать изданіе своей энциклопедіи, для чего и Фридрихъ II приглашалъ его въ Берлинъ. Ни тотъ, ни другой вызовъ Екатерины не могли быть приняты; но они послужили началомъ сношеній, драго-

---

*) Русск. Архивъ 1866, стр. 71.

цѣнныхъ для исторіи по тѣмъ чертамъ ума Екатерины, которыя въ нихъ отразились. Ровно сто лѣтъ тому назадъ, въ исходѣ 1773 года, Дидро́ пріѣхалъ въ Петербургъ благодарить свою покровительницу за оказанную ему рѣдкую милость — покупку его библіотеки, съ тѣмъ чтобы она оставалась въ его рукахъ до смерти его. Пріемъ, сдѣланный ею этому ученому, превзошелъ всѣ его ожиданія. Отправляясь въ Петербургъ, онъ готовился прожить тамъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ. Надо будетъ, думалъ онъ, представиться императрицѣ, черезъ мѣсяцъ можетъ быть она пожелаетъ его видѣть, спроситъ о чемъ-нибудь, еще мѣсяцъ — онъ ей откланяется и уѣдетъ. Такъ (говорилъ Дидро́ своей дочери) обошлось бы дѣло при всякомъ другомъ Дворѣ кромѣ Петербургскаго. Въ продолженіе не двухъ, а пяти мѣсяцевъ, которые онъ прожилъ здѣсь, Екатерина почти ежедневно, по нѣскольку часовъ сряду, удостоивала его самой искренней, непринужденной бесѣды о всевозможныхъ предметахъ, особенно же о философіи, законодательствѣ и политикѣ. Дидро́, вообще серьёзный и задумчивый въ большомъ обществѣ, оживлялся необыкновеннымъ жаромъ съ глазу на глазъ, и предъ Екатериной чувствовалъ себя такъ свободнымъ, что послѣ самъ удивлялся смѣлости, съ которою излагалъ ей свои мысли. Екатерина, замѣчая, что иногда онъ сдерживался, просила его продолжать не стѣсняясь. Не забудемъ, что это было въ эпоху самыхъ тревожныхъ для нея заботъ Турецкой войны и Пугачевскаго бунта. Многимъ идеямъ французскаго философа государыня не могла сочувствовать, напримѣръ, когда онъ предлагалъ ей передѣлать весь строй государственной и общественной жизни Россіи; но она глубоко сочувствовала его характеру, благородству его правилъ, его убѣжденію, что безъ энтузіазма нельзя ни въ чемъ стать выше посредственности. Она писала о немъ Вольтеру: „Это необыкновенно умный человѣкъ, съ такими свойствами сердца, какія я бы желала имѣть всѣмъ людямъ". Что же касается до взглядовъ Дидро́, то Екатерина находила, что онъ иногда разсуждалъ какъ десятилѣтній мальчикъ, и однажды сказала ему: „Я съ большимъ удовольствіемъ слушала все, что́ вы говорили мнѣ по внушенію вашего блестящаго ума; но со всѣми вашими великими началами, которыя я понимаю вполнѣ, хорошо писать книги, да плохо дѣйствовать. Во всѣхъ своихъ планахъ преобразованій, вы забываете различіе нашихъ положеній. Вы имѣете дѣло съ бумагой, которая все терпитъ, между тѣмъ какъ я, бѣдная императрица, имѣю дѣло съ людьми, которые чувствительнѣе и щекотливѣе". Этотъ откровенный отзывъ Екатерины хотя и не могъ не измѣнить предмета бесѣдъ ея съ Дидро̀, но нисколько не охладилъ его благоговѣнія къ ней, и возвращаясь изъ Россіи, онъ между прочимъ такъ выражается о ея свойствахъ въ письмѣ къ роднымъ: „Непостижимая твердость въ мысляхъ, со всею обольсти-

тельностію и возможною легкостію въ выраженіи, любовь къ истинѣ, доведенная до высшей степени, знаніе быта и дѣлъ государства своего, знаніе, которое не уступитъ вашему въ домашнемъ хозяйствѣ".

Во время пребыванія Дидро́ въ Петербургѣ дѣятельно производились работы надъ памятникомъ Петру I. Изъ бумагъ государственнаго Архива видно, что когда пріискивалось мѣсто для этого сооруженія, возникла также мысль о памятникѣ Екатеринѣ. До сихъ поръ было только извѣстно, что дворянство и купечество въ Петербургѣ собрало на этотъ предметъ болѣе 52.000 руб., но что государыня отказалась отъ такой чести, обративъ собранную сумму, съ прибавленіемъ изъ собственныхъ средствъ 15.000 руб., на разныя богоугодныя и человѣколюбивыя учрежденія. Недавно въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" приведено старинное извѣстіе, почерпнутое изъ одного французскаго журнала 1780-хъ годовъ, будто въ Берлинѣ, въ тамошней королевской литейной, отлита была бронзовая колоссальная статуя русской императрицы, заказанная этою государынею въ 1782 году славному ваятелю Мейеру. Отливка, было прибавлено въ извѣстіи, произведена съ величайшимъ успѣхомъ, и десяти-футовая статуя считается совершеннѣйшею. Если это свѣдѣніе и не лишено основанія въ главномъ фактѣ, т. е. отливкѣ статуи Екатерины, то тутъ однакожъ недостаетъ необходимаго разъясненія: точно ли эта статуя была заказана самою Екатериною, а не кѣмъ-либо изъ ея приближенныхъ. Теперь оказывается, что это та самая статуя, которая въ 1846 году послужила для памятника, воздвигнутаго въ Екатеринославѣ тамошнимъ дворянствомъ. Она заказана была Потемкинымъ въ виду путешествія Екатерины II въ Южную Россію и должна была украсить временной дворецъ, построенный для пріема государыни въ названномъ городѣ (тогда селеніи Половицахъ). Но работа не поспѣла къ пріѣзду императрицы, и не прежде какъ въ 1830-хъ годахъ эта статуя была привезена въ Петербургъ, гдѣ и оставалась, пока екатеринославское дворянство не испросило, чрезъ Новороссійскаго генералъ-губернатора графа Воронцова, соизволеніе императора Николая употребить эту статую на сооруженіе памятника въ Екатеринославѣ. Съ другой стороны, независимо отъ этого, открывается, что въ 1766 году, т. е. при началѣ работъ надъ статуею Петра Великаго и прежде нежели депутаты просили императрицу принять титулъ Великой, Мудрой, Матери отечества, пріискивалось мѣсто для сооруженія ей памятника. Нѣкто Билиштейнъ, служившій въ Коммерцъ-Коллегіи, составилъ по этому предмету шесть проектовъ, съ подробнымъ описаніемъ тѣхъ мѣстностей, которыя онъ предлагалъ избрать для постановки монумента и устройства вокругъ него *Екатерининской* площади. Но всего любопытнѣе, что въ послѣднемъ изъ этихъ проектовъ онъ предлагаетъ поставить памятникъ Петру Великому на Васильев-

скомъ островѣ, площадь же между сенатомъ и адмиралтействомъ, какъ самую приличную для того сооруженія, употребить для памятника императрицѣ и переименовать ее Екатерининскою. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о судьбѣ проектовъ, подписанныхъ именемъ Билиштейна, въ Государственномъ Архивѣ не имѣется.

Въ ряду откровенныхъ бесѣдъ императрицы съ иностранными мыслителями, важное мѣсто занимаетъ ея многолѣтняя переписка съ Гриммомъ, который посѣтилъ Петербургъ въ одно время съ другомъ своимъ Дидро́. Какъ корреспондентъ многихъ государей, въ томъ же числѣ и Фридриха II, онъ писалъ извѣстія и критическія замѣтки обо всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ явленіяхъ въ литературной, художественной и общественной жизни Парижа. Сношенія императрицы съ Гриммомъ начались очень рано, но въ постоянную переписку съ нимъ она вступила только послѣ пребыванія его въ Петербургѣ, куда онъ въ первый разъ пріѣхалъ въ 1773 году, вслѣдъ за ландграфинею Гессенъ-Дармштадтскою, матерью первой невѣсты великаго князя Павла Петровича. О своихъ отношеніяхъ къ Екатеринѣ II Гриммъ оставилъ очень любопытную записку, напечатанную въ изданіи Историческаго Общества г. Бекомъ.

Здѣсь онъ между прочимъ такъ описываетъ свои бесѣды съ императрицею: „Надо было видѣть въ такія минуты эту необычайную голову, эту смѣсь генія съ граціею, чтобы понять оживлявшій ее огонь; неожиданныя мысли, у нея вырывавшіяся, острыя замѣчанія, такъ сказать, тѣснились и сталкивались, срываясь одно за другимъ, какъ свѣтлыя струи безыскусственнаго водопада. Зачѣмъ я не могъ записать слово въ слово этихъ бесѣдъ! Свѣтъ пріобрѣлъ бы драгоцѣнную, можетъ быть единственную страницу исторіи ума человѣческаго!“ Письма императрицы къ Гримму до сихъ поръ вовсе еще неизвѣстны и войдутъ въ слѣдующіе томы Сборника Историческаго Общества.

Очень замѣчательна также переписка императрицы съ ганноверскимъ докторомъ Циммерманомъ, которая, несмотря на его нѣмецкую національность, велась также по-французски. На Циммермана впервые обратилъ вниманіе Екатерины князь Григорій Орловъ, нарочно посѣтившій Ганноверъ, чтобы познакомиться съ знаменитымъ ученымъ. Приглашеніе въ Петербургъ на весьма выгодныхъ условіяхъ было отклонено Циммерманомъ. Переписка же съ нимъ императрицы началась по поводу появленія его книги „Объ уединеніи“, которая по ея собственному сознанію, много способствовала къ разсѣянію овладѣвшей ею ипохондріи. Екатерина питала глубокое уваженіе къ уму, познаніямъ и характеру Циммермана. Она съ радостію одобрила его предложеніе присылать въ Россію опытныхъ врачей и хирурговъ, и оказывала особенное покровительство тѣмъ, которые по его рекомендаціи были приняты въ русскую службу.

Позвольте мнѣ привести здѣсь часть замѣчательной исповѣди ея, которая украшаетъ одно изъ послѣднихъ писемъ Екатерины II къ Циммерману и никогда не потеряетъ своего высокаго интереса: „Если вѣкъ мой меня боялся, онъ былъ очень не правъ: я никогда никому не хотѣла внушать страха; я желала быть любимою и уважаемою, насколько того заслуживаю, и больше ничего. Я всегда думала, что на меня клеветали потому, что не понимали меня. Я видала многихъ людей несравненно умнѣе себя. Никогда я ни къ кому не чувствовала ни ненависти, ни зависти. Мое желаніе и удовольствіе состояло въ томъ, чтобы дѣлать другихъ счастливыми; но такъ какъ всякій можетъ быть счастливъ только по своему характеру, прихотямъ или понятіямъ, то въ этомъ мои желанія часто встрѣчали препятствія, для меня совершенно непонятныя. Конечно, въ моемъ славолюбіи не было злобы, но можетъ быть я слишкомъ далеко простирала свои виды, думая, что люди способны стать разсудительными, справедливыми и счастливыми. Родъ человѣческій вообще склоненъ къ неразумію и несправедливости, а съ этимъ нельзя быть счастливымъ. Если бы онъ слушался разума и справедливости, то *въ насъ* не было бы нужды; счастье же, какъ я уже сказала, каждый понимаетъ по своему... Европа напрасно опасалась моихъ намѣреній, отъ которыхъ она могла бы только выиграть. Если мнѣ платили неблагодарностію, то по крайней мѣрѣ никто не скажетъ, чтобы я не была признательна; я часто мстила своимъ врагамъ дѣлая имъ добро, или прощая имъ. Вообще человѣчество имѣло во мнѣ друга, который не измѣнялъ ему ни въ какомъ случаѣ".

Такого же рода изображеніе самой себя мы находимъ въ неизвѣстной доселѣ перепискѣ, которую императрица въ послѣдніе годы своего царствованія вела съ пріѣхавшимъ въ Россію французскимъ эмигрантомъ Сенакъ-де-Мельяномъ. Этотъ иностранецъ, авторъ нѣсколькихъ политическихъ сочиненій, прежде занимавшій высокое гражданское положеніе во Франціи, заявилъ намѣреніе написать исторію Россіи въ XVIII столѣтіи. Какъ ни странною и смѣлою находила Екатерина эту мысль въ человѣкѣ, неподготовленномъ къ такому труду и незнавшемъ даже русскаго языка, однакожъ, слѣдуя правилу ободрять таланты всякаго рода, желавшіе посвятить себя на пользу Россіи, просвѣщенная государыня вступила съ Сенакомъ въ дѣятельную переписку, которая и касалась преимущественно его литературнаго предпріятія. Впослѣдствіи однакожъ оказалось, что главною цѣлію этого эмигранта было достигнуть выгоднаго положенія, и онъ, лишившись благоволенія императрицы, долженъ былъ удалиться. Въ одномъ изъ писемъ къ нему за первое время Екатерина писала: „Вотъ вамъ приблизительно мой портретъ. Я никогда не признавала за собою творческаго ума... Меня всегда было очень легко

руководить, потому что для достиженія этого нужно было только представить мнѣ мысли, несравненно лучше и основательнѣе моихъ; тогда я была послушна какъ агнецъ. Причина этого заключается въ крайнемъ моемъ желаніи блага государству. Я была такъ счастлива, что попала на добрыя и истинныя начала, которымъ я была обязана великими успѣхами. Я испытала и большія невзгоды, происшедшія отъ ошибокъ, въ которыхъ я не имѣла никакого участія, а можетъ быть и отъ того, что предписанное мною исполнялось не въ точности. Несмотря на мою природную гибкость, я умѣла быть упрямою или твердою (какъ угодно), когда это было нужно. Я никогда не стѣсняла ничьего мнѣнія, но въ случаѣ надобности имѣла свое собственное. Я не люблю споровъ, убѣдившись, что каждый всегда остается при своемъ мнѣніи; притомъ же я не умѣю говорить особенно громко. Я никогда не была злопамятна, потому что такъ поставлена Провидѣніемъ, что не могла питать этого чувства къ частнымъ лицамъ и находила обоюдныя отношенія слишкомъ неравными, если смотрѣть на дѣло справедливо. Вообще я люблю правосудіе (la justice), но нахожу, что вполнѣ-строгое правосудіе не есть правосудіе, и что одна только справедливость (l'équité) соразмѣрна съ слабостію человѣка. Но во всѣхъ случаяхъ человѣколюбіе и снисхожденіе къ человѣческой природѣ предпочитала я правиламъ строгости, которую, какъ мнѣ казалось, часто превратно понимаютъ. Къ этому влекло меня собственное мое сердце, которое я считаю кроткимъ и добрымъ. Когда старики проповѣдывали мнѣ строгость, я, заливаясь слезами, сознавалась имъ въ своей слабости, и случалось, что иные изъ нихъ, также со слезами на глазахъ, принимали мое мнѣніе. Нравъ у меня веселый и откровенный, но на своемъ долгомъ вѣку я не могла не узнать, что есть желчные умы, которые не любятъ веселости, и не всѣ люди могутъ переносить правду и искренность".

Такъ Екатерина судила о самой себѣ, и, надобно согласиться, судила совершенно правильно. Мы видимъ въ ней удивительное сочетаніе свойствъ, украшающихъ частнаго человѣка, съ великими политическими способностями. Живость, веселость и любезность нрава, блестящее остроуміе и быстрое соображеніе сопровождались у нея, въ рѣдкой степени, глубиною и проницательностію мысли, наблюдательностію и трудолюбіемъ. Извѣстно, что она въ дѣтствѣ получила весьма ограниченное первоначальное образованіе. „Что дѣлать — говорила она однажды — дѣвица Гардель не могла выучить меня лучше. Она была старая француженка и образовала меня довольно, чтобы быть въ замужствѣ за кѣмъ-нибудь изъ нашихъ сосѣдей". Но, какъ Петръ и бо́льшая часть великихъ людей, Екатерина любознательностію и стремленіемъ къ самоусовершенствованію скоро вознаградила эти недостатки воспитанія, и съ помощію чтенія, размышленія и собственныхъ

авторскихъ занятій, стала въ уровень съ самыми образованными людьми своего вѣка. Ей были коротко извѣстны труды лучшихъ, не только современныхъ, но и древнихъ философовъ и политиковъ. На этомъ знаніи основывались ея либеральныя и филантропическія стремленія. Но вмѣстѣ съ этимъ она, какъ было показано, чуждалась всякихъ фантастическихъ несбыточныхъ теорій: твердо стоя на почвѣ дѣйствительности, она въ то же время какъ нельзя лучше понимала необходимость примѣняться къ особенностямъ и потребностямъ русскаго народа, котораго характеръ, превосходства и недостатки изучила съ изумительною прозорливостью. Замѣчательно, что она въ этомъ отношеніи приближалась къ воззрѣніямъ позднѣйшихъ славянофиловъ и говорила: „Русскій народъ есть особенный народъ въ цѣломъ свѣтѣ; онъ отличенъ догадкою, умомъ, силою. Я знаю это по двадцатилѣтнему опыту моего царствованія. Богъ далъ русскимъ особенное свойство“.

Во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ и учрежденіяхъ Екатерина руководствовалась этимъ воззрѣніемъ. Она любила русскій языкъ, русскіе народные обычаи, нравы, повѣрья, носила иногда народную одежду. Любя все величавое, необыкновенное, она гордилась громадностію Россіи и шутя писала однажды Вольтеру: „по пространству моей Имперіи, для меня цѣлый годъ какъ день одинъ“.

Имѣвъ случай еще въ молодости, при жизни императрицы Елисаветы, присмотрѣться къ борьбѣ человѣческихъ страстей въ дворскихъ интригахъ и превратностяхъ, Екатерина рано пріобрѣла глубокое знаніе людей и впослѣдствіи обнаруживала его, съ одной стороны, мастерскимъ выборомъ исполнителей своихъ предначертаній, а съ другой рѣдкимъ умѣньемъ дѣйствовать какъ на массы, такъ и на отдѣльныя лица. Въ пріемѣ ею иностранныхъ пословъ, въ сношеніяхъ съ кѣмъ бы то ни было каждое слово, каждый шагъ ея показывали необыкновенный тактъ и искусство безошибочно производить желанное впечатлѣніе. Екатерина была такой же тонкій дипломатъ, какъ и искусный администраторъ. Считаю излишнимъ припоминать здѣсь ея умѣнье поощрять своихъ министровъ и полководцевъ къ новымъ усиліямъ и заслугамъ умѣстными, чрезвычайно умно придуманными наградами, и даже въ случаѣ неудачъ ободрять ихъ то ласковымъ, снисходительнымъ словомъ, то надеждою лучшаго успѣха впереди.

На всемъ существѣ своемъ Екатерина носила печать особенной щедрости природы, излившей на нее всѣ дары свои. Величайшая женственность не исключала у нея твердости, мужества и рѣшительности, свойственныхъ обыкновенно только избраннымъ нашего пола. Но была одна мысль, одно стремленіе, которыя наполняли ея душу, проникали всѣ ея дѣйствія. Это была забота о благѣ Россіи; вѣрнѣйшимъ же путемъ къ тому она считала: просвѣщеніе, доброе воспитаніе

и добрые нравы. Къ этому она стремилась и въ законодательствѣ своемъ, и въ учрежденіяхъ и въ умственныхъ трудахъ; почти всѣ литературныя сочиненія ея имѣли педагогическую основу, поучительное направленіе. Она изучила труды всѣхъ важнѣйшихъ мыслителей запада и старалась лучшіе воспитательныя идеи ихъ примѣнять къ Россіи. При достигнутомъ ею высокомъ образованіи, ее не могли не поражать недостатки русскаго общества, и это часто выражалось въ томъ, что она писала. Существеннѣйшую же задачу педагогіи ставила она въ нравственномъ воспитаніи, въ томъ, чтобы учебнымъ заведеніямъ сообщить воспитательный характеръ, чтобы приготовить новое, болѣе просвѣщенное поколѣніе, и на эту задачу обращала главное вниманіе. Наконецъ, и собственная литературная дѣятельность Екатерины, вызванная не только духомъ вѣка, но и потребностію ея души, имѣла для тогдашней Россіи большое значеніе. Ея авторство, ея вниманіе къ возникавшей литературѣ, ея участіе къ судьбѣ писателей среди общества, вообще имѣвшаго мало умственныхъ интересовъ, дѣйствовали чрезвычайно благотворно, пробуждая любовь къ чтенію и благородное стремленіе къ творчеству въ области искусства и науки.

Екатерина любила увѣковѣчивать заслуги своихъ сподвижниковъ памятниками. Она почтила такимъ же образомъ память Петра Великаго. Теперь Россія, подъ славнымъ скипетромъ Александра II, воздаетъ дань правосудія Екатеринѣ и сооружаетъ ей монументъ, построеный русскимъ художникомъ и превосходящій по громадности размѣровъ все, что до сихъ поръ существуетъ въ этомъ родѣ. Не служитъ ли это торжественнымъ заявленіемъ признанія благихъ началъ и великихъ основъ царствованія Екатерины? Не служитъ ли памятникъ ея священнымъ залогомъ, что тѣ же начала мудрости, человѣколюбія и просвѣщенія твердо положены въ основаніе всего будущаго развитія Россіи?

Памятникъ Екатеринѣ, въ обстановкѣ главныхъ ея сподвижниковъ, становится памятникомъ всего ея царствованія. Россія гордится ихъ именами; они составляютъ украшеніе вѣка Екатерины и не будутъ забыты исторіею. Не странно ли? Почти все это люди, недостаточно подготовленные наукою для великихъ задачъ своего поприща; они были созданы духомъ ея царствованія, воспитаны въ школѣ жизни подъ вліяніемъ и руководствомъ ея генія. Среди первостепенныхъ сановниковъ и славныхъ полководцевъ мы видимъ здѣсь и писателя, изображеніемъ котораго на монументѣ великой императрицы воздана честь таланту и литературной заслугѣ. Державинъ всего блистательнѣе выполнилъ ту сторону своего призванія, на которую ему указывало глубокое пониманіе духа Екатерины и восторженное сочувствіе къ славнымъ событіямъ ея царствованія. Величавые образы, въ которыхъ онъ начерталъ ее и главныхъ ея пособниковъ, такъ-же безсмертны,

какъ и самыя дѣла ихъ. Изображая Екатерину во всѣхъ проявленіяхъ ея личности Державинъ сказалъ между прочимъ:

„Не дорожа твоимъ покоемъ,
Читаешь, пишешь предъ налоемъ,
И всѣмъ изъ твоего пера
Блаженство смертнымъ изливаешь“.

Предметомъ бесѣды моей о Екатеринѣ II и было именно воспоминаніе нѣкоторыхъ чертъ этой стороны ея дѣятельности, особенно занимающей наше Историческое Общество. Мы имѣемъ счастіе видѣть здѣсь сегодня Августѣйшаго Предсѣдателя его. Ваше Императорское Высочество! Провидѣніе даровало Вамъ неоцѣненное счастіе видѣть на дѣлѣ многія изъ обширныхъ предначертаній Екатерины уже осуществленными Августѣйшимъ Родителемъ Вашимъ. Духъ Великой Прабабки обновился въ славныхъ дѣлахъ и учрежденіяхъ нынѣшняго благословеннаго царствованія. Но пути развитія въ области бытія народовъ безконечны. Еще обильная жатва ждетъ дѣлателей и въ жизни и въ наукѣ. Много еще трудовъ предстоитъ намъ, русскимъ, по исторіи, этой отрасли знанія, успѣхами которой измѣряется степень просвѣщенія націй. Мудростію Государя Императора намъ уже дарована возможность прилежно извлекать изъ праха архивовъ живыя основы для такого изученія, а Вашему Императорскому Высочеству русская историческая наука уже обязана богатымъ приращеніемъ своихъ источниковъ. Да продолжаетъ она, подъ благотворнымъ покровительствомъ Вашимъ, обогащаться на освѣщеніе нашего прошлаго, на преуспѣяніе истины въ бытописаніяхъ, какъ и въ жизни, чтобы, при помощи собираемыхъ сокровищъ, при могущественномъ содѣйствіи Вашемъ, создалась, наконецъ, правдивая, вполнѣ достойная своего предмета исторія Екатерины Великой.

БУМАГИ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II,

ХРАНЯЩІЯСЯ ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОМЪ АРХИВѢ [1]).

1874.

При окончаніи печатанія второго тома (X-го въ составѣ *Сборника*) бумагъ императрицы Екатерины II, хранящихся въ Государственномъ

---

[1]) Предисловіе XIII тому „Сборника Русск. Историч. Общества“. Спб. 1874.

архивѣ, издатель, членъ Историческаго Общества, академикъ П. П. Пекарскій, къ общему прискорбію, былъ внезапно похищенъ смертію.

Съ соизволенія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, изданіе III-го тома Екатерининскихъ бумагъ, отчасти уже приготовленнаго къ печати Пекарскимъ, было предложено мнѣ. Принявъ на себя этотъ трудъ, я не могъ не сознавать всей разности положенія, въ какомъ буду находиться, сравнительно съ прежнимъ издателемъ, занимавшимъ должность дѣлопроизводителя въ Государственномъ архивѣ, стоявшимъ слѣдовательно у самаго источника предназначенныхъ къ изданію документовъ и притомъ уже прежде трудившимся надъ ихъ описаніемъ. Какъ постороннему для Государственнаго архива лицу, мнѣ такимъ образомъ предстояли затрудненія, которыя могли быть устранены только благосклоннымъ отношеніемъ къ дѣлу его свѣтлости князя А. М. Горчакова и радушнымъ содѣйствіемъ г. директора архива К. К. Злобина. Получивъ доступъ къ бумагамъ великой императрицы, я счелъ необходимымъ напередъ обозрѣть въ подлинникахъ всѣ какъ изданные уже, такъ и не напечатанные еще моимъ предшественникомъ документы.

При этомъ оказалось, что матеріалы, приготовленные покойнымъ Пекарскимъ для третьяго тома, требовали значительныхъ пополненій. Только по увеличеніи собранія этихъ матеріаловъ по крайней мѣрѣ вдвое, если не болѣе, можно было приступить къ печатанію ихъ. Къ числу такихъ добавленій принадлежатъ, между прочимъ, всѣ вошедшія въ настоящій томъ французскія письма императрицы къ г-жѣ Бьельке, къ Вольтеру, къ адмиралу Нользу, къ Гримму и др. (всѣ эти письма необходимо было напередъ перевести на русскій языкъ); далѣе письма, относящіяся къ Сумарокову; бумаги, писанныя по поводу перваго брака великаго князя Павла Петровича; записки къ Потемкину, наконецъ все касающееся Пугачевскаго бунта. Сверхъ того нашлись и такіе документы, которые, по времени своего происхожденія, должны были войти въ первые два тома изданія (VII и X въ составѣ *Сборника*), но безъ видимой причины остались ненапечатанными. Они помѣщены мною въ началѣ появляющагося нынѣ тома. Пропуски эти, сдѣланные такимъ внимательнымъ и опытнымъ издателемъ, каковъ былъ Пекарскій, доказываютъ совершенную невозможность избѣжать въ подобномъ изданіи недосмотровъ этого рода. Такое неудобство по необходимости связано съ избраннымъ для изданія бумагъ Екатерины, во многихъ отношеніяхъ конечно заслуживающимъ предпочтенія всякому другому, хронологическимъ порядкомъ. Соблюсти его во всей строгости чрезвычайно трудно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что хранящіяся въ архивѣ бумаги расположены тамъ по весьма многочисленнымъ и разнообразнымъ категоріямъ, а во-вторыхъ, что боль-

шое число документовъ не носитъ никакого обозначенія времени, и по содержанію ихъ часто невозможно даже приблизительно опредѣлить, къ какимъ годамъ они относятся.

Что касается правилъ изданія, то само собою разумѣется, что я въ точности слѣдовалъ тѣмъ, которыя были приняты для двухъ первыхъ томовъ. Они изложены въ предисловіи къ VII тому *Сборника*. Большая часть подстрочныхъ примѣчаній принадлежитъ нынѣшнему издателю; примѣчанія, найденныя въ бумагахъ, приготовленныхъ Пекарскимъ, означены начальными буквами его имени (П. П.). Наконецъ нѣкоторыя поясненія обязательно доставлены Г. Ф. Штендманомъ и отмѣчены буквою Ш. Имъ же составленъ помѣщенный въ концѣ тома алфавитный указатель.

О ПИСЬМАХЪ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II КЪ ГРИММУ [1]).

1878.

Императрица Екатерина II ни съ кѣмъ не вела такой многолѣтней, обширной и непринужденной переписки, какъ съ Фридрихомъ Мельхіоромъ Гриммомъ, извѣстнымъ французскимъ критикомъ, принадлежавшимъ къ кругу такъ называемыхъ энциклопедистовъ. Изъ этой переписки сохранились въ цѣлости только письма императрицы, которыя и составляютъ содержаніе настоящаго тома. Съ соизволенія Августѣйшаго Предсѣдателя Историческаго Общества они выдѣлены изъ общаго собранія бумагъ Государыни и являются особымъ томомъ.

Переписка Екатерины II съ Гриммомъ началась весною 1774 г. и продолжалась почти до самой кончины ея. Исторія сношеній его съ русской императрицей изложена имъ самимъ въ особой запискѣ, напечатанной во II-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Мы извлечемъ изъ нея ниже самыя крупныя черты, но прежде скажемъ нѣсколько словъ о болѣе раннихъ обстоятельствахъ жизни автора. Гриммъ былъ родомъ изъ Германіи; онъ родился въ 1723 году въ Регенсбургѣ и получилъ образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ между прочимъ лекціи знаменитаго Эрнести; по окончаніи же курса наукъ отправился въ Парижъ съ графомъ Шёнбергомъ въ

---

[1]) Предисловіе къ т. XXIII Сборника Импер. Русскаго Историч. Общества. Спб. 1878.

качествѣ наставника дѣтей его. Здѣсь, благодаря своему положенію въ этомъ семействѣ, онъ вскорѣ сдѣлался вхожъ въ лучшіе дома и сблизился съ извѣстнѣйшими литераторами: д'Аламберомъ, Жанъ-Жакомъ Руссо, Дидро́, Гольбахомъ и другими; но Руссо, по своему самолюбивому и раздражительному характеру, не долго былъ въ дружбѣ съ Гриммомъ и въ своихъ Confessions оставилъ явныя доказательства ненависти къ своему бывшему пріятелю. Ему же Гриммъ былъ обязанъ своимъ сближеніемъ съ M-me d'Epinay, извѣстной своими мемуарами и педагогическимъ сочиненіемъ Conversations d'Emilie, о которомъ часто упоминается въ письмахъ императрицы.

Литературная слава Гримма началась по поводу участія, принятаго имъ въ спорѣ, занимавшемъ все образованное общество Парижа, объ относительномъ превосходствѣ французской и итальянской музыки. Присоединившись къ приверженцамъ послѣдней, онъ написалъ въ защиту ея остроумную брошюру Le petit prophète de Boehmischbroda, которая обратила на него общее вниманіе.

Это было въ 1753 году. Тогда же началась другого рода дѣятельность Гримма, доставившая ему почетное имя въ ряду писателей и критиковъ XVIII вѣка. Она состояла въ „литературной корреспонденціи“, т. е. въ сообщеніи иностраннымъ дворамъ извѣстій и критическихъ замѣтокъ о новостяхъ французской литературы. Сперва извѣстія эти посылались только саксенъ-готской принцессѣ, впослѣдствіи же ихъ стали получать многіе германскіе принцы и нѣкоторые европейскіе государи, къ числу которыхъ, въ 1760 годахъ, присоединились также Фридрихъ II и русская императрица.

Во время отлучекъ Гримма изъ столицы, дѣло это бралъ на себя Дидро. „Литературная Корреспонденція“, продолжавшаяся до 1790 года, въ первый разъ издана была въ 1812 г. [1]), и послѣ того неоднократно перепечатывалась съ дополненіями; но въ изданныхъ до сихъ поръ 16 томахъ ея есть пропуски. Полный рукописный экземпляръ находится въ герцогскомъ архивѣ Готы (Cod. Chart. B. 1138) [2]).

Съ этою корреспонденціей, разсылавшеюся въ видѣ циркулярныхъ копій по два раза въ мѣсяцъ, не должна быть смѣшиваема та интимная переписка, къ которой принадлежатъ издаваемыя нынѣ письма. Поводомъ къ происхожденію ея послужило путешествіе Гримма въ Петербургъ въ 1773 году въ свитѣ ландграфини гессенъ-дармштадтской

---

[1]) Подъ заглавіемъ: Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot.

[2]) Экземпляръ „Литературной Корреспонденціи“ Гримма, бывшей въ рукахъ Екатерины II, хранится въ Московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ. Во время печатанія настоящаго тома онъ былъ обязательно доставленъ барономъ Ф. А. Бюлеромъ въ Государственный архивъ; этотъ экземпляръ полнѣе изданнаго текста, но кажется также представляетъ пропуски.

Каролины, по случаю бракосочетанія великаго князя Павла Петровича съ ея дочерью, нареченной Натальею Алексѣевной.

По словамъ Фридриха II, Гриммъ обладалъ необыкновеннымъ знаніемъ людей и тактомъ въ обращеніи съ высокопоставленными лицами. Съ перваго же представленія Екатеринѣ II, онъ, какъ самъ разсказываетъ въ своей исторической запискѣ, умѣлъ снискать полное довѣріе и сочувствіе императрицы, такъ что ему вскорѣ предложено было вступить въ русскую службу; это предложеніе и впослѣдствіи не разъ было возобновляемо, но онъ не рѣшался принять его, ссылаясь на свое совершенное незнаніе русскаго языка и свои 50 лѣтъ, въ сущности же потому, что не надѣялся на прочность новаго положенія, которое занялъ бы на чужой сторонѣ. Тѣмъ не менѣе императрица стала удостоивать его ежедневныхъ бесѣдъ, которыя отличались самымъ непринужденнымъ характеромъ и иногда продолжались по нѣскольку часовъ сряду.

При отъѣздѣ его весною 1774 года государыня изъявила ему желаніе вести съ нимъ переписку, которая и началась письмами Гримма съ дороги. Отвѣтомъ Екатерины II на письмо, полученное изъ Риги, открывается настоящій томъ Сборника. Въ концѣ 1776 года переписка эта была прервана новымъ пріѣздомъ Гримма въ Петербургъ, послѣ его путешествія по Италіи. Это вторичное пребываніе его при дворѣ Екатерины II продолжалось около года; на этотъ разъ онъ присутствовалъ при второмъ бракосочетаніи великаго князя и имѣлъ случай сдѣлаться извѣстнымъ посѣтившему Петербургъ въ 1777 году шведскому королю Густаву III, по приглашенію котораго и возвратился во Францію черезъ Швецію. Личное знакомство Гримма съ представителями искусства въ Италіи дало императрицѣ поводъ выписывать черезъ его посредство картины, камеи и другія художественныя произведенія. Огромныя суммы проходили чрезъ его руки какъ для исполненія этихъ порученій, такъ и для передачи щедрыхъ пособій лицамъ, прибѣгавшимъ къ ея благотворительности, или для награжденія присылавшихъ ей книги, рукописи и другія приношенія. Между этими лицами первое мѣсто занимала M-me d'Epinay, доставившая ей черезъ Гримма свои Conversations d'Emilie. Благодаря ходатайству императрицы предъ французскимъ посланникомъ гр. Сегюромъ, внучка этой дамы Эмилія Бельзэнсъ (Belzunce) вступила въ бракъ съ полковникомъ французской гвардіи du Bueil и принята была подъ особенное покровительство Людовикомъ XVI. Между тѣмъ самъ Гриммъ, уже баронъ Римской имперіи, удостоился получить отъ императрицы чинъ статскаго совѣтника и звѣзду 2-й степени учрежденнаго ею ордена Св. Владиміра. Кромѣ того Екатерина назначила ему содержаніе по 2 т. руб. въ годъ и нерѣдко жаловала ему особыя денежныя награды.

Во время неустройствъ, подготовлявшихъ революцію, Гриммъ видѣлъ необходимость покинуть Францію, ѣздилъ въ Германію и Нидерланды и, наконецъ, въ 1792 году окончательно удалился изъ Парижа вслѣдъ за русскимъ посланникомъ, графомъ Симолиномъ. Надобно замѣтить, что въ предшествовавшіе годы и Гриммъ принадлежалъ уже къ дипломатическому корпусу, какъ посланникъ саксенъ-готскаго двора въ Парижѣ.

По оставленіи Франціи, онъ поселился сперва во Франкфуртѣ на Майнѣ, а потомъ въ Готѣ, гдѣ получилъ отъ императрицы постъ русскаго посланника въ нижне-саксонскихъ владѣніяхъ.

Наконецъ, незадолго передъ своею кончиною, Екатерина II назначила его своимъ резидентомъ въ Гамбургѣ; въ этой должности онъ былъ впослѣдствіи утвержденъ и императоромъ Павломъ и оставался въ ней, пока жестокая болѣзнь, повлекшая за собой потерю одного глаза, не лишила его возможности продолжать свою дѣятельность; онъ умеръ въ 1807 году 84-хъ лѣтъ отъ роду.

Г-жа д'Эпинэ умерла еще въ 1783 году; когда у внучки ея, г-жи дю Бюэль, родилась сперва дочь, а потомъ сынъ, императрица была заочно ихъ воспріемницею, и въ честь ея первая была названа Katinka, а второй Catau. Это усыновленное Гриммомъ семейство вмѣстѣ съ нимъ выѣхало изъ Парижа въ Германію; на случай своей смерти онъ завѣщалъ обоихъ дѣтей императрицѣ, которая милостиво изъявила на то свое согласіе и не переставала слѣдить за ними съ сердечнымъ участіемъ.

Во время продолжительныхъ отлучекъ Гримма изъ Парижа бумаги его оставались тамъ въ вѣрныхъ рукахъ; между тѣмъ государыня стала выражать безпокойство относительно судьбы своихъ писемъ, опасаясь, чтобы они не достались врагамъ королевской власти и не были ими оглашены. Наконецъ Гриммъ, для опасенія своихъ бумагъ, нарочно отправился въ Парижъ и успѣлъ благополучно вывезти ихъ въ Германію. Однакожъ опасенія императрицы насчетъ сохраненія ея писемъ продолжались, и она нѣсколько разъ совѣтовала Гримму предать ихъ огню. Благодаря его заботливости, они не пропали для потомства: еще въ царствованіе императора Павла онъ сдѣлалъ распоряженіе, чтобы черезъ десять лѣтъ по смерти его они доставлены были великому князю Александру Павловичу. Хотя мы не отыскали относящихся къ тому документовъ, но вѣроятно завѣщаніе было въ точности исполнено, такъ какъ драгоцѣнныя письма давно хранятся въ Государственномъ архивѣ. Они заключаются въ двухъ толстыхъ переплетенныхъ тетрадяхъ и, за исключеніемъ немногихъ, попавшихъ не въ свои мѣста, расположены правильно въ хронологическомъ порядкѣ. Искренній, хотя по большей части шуточный тонъ этихъ писемъ, при разнообразномъ ихъ содержаніи, придаетъ имъ высокое

историческое значеніе. Сначала они пересылались по почтѣ, что̀ подавало августѣйшей корреспонденткѣ поводъ часто издѣваться надъ любопытствомъ почтовыхъ чиновниковъ; впослѣдствіи же, по предложенію Гримма, переписка эта велась черезъ особыхъ курьеровъ, которыхъ опредѣлено было отправлять каждые три мѣсяца. Такимъ образомъ письма обыкновенно составлялись постепенно въ продолженіе долгаго времени и получали характеръ дневника, въ которомъ императрица запросто и всегда прямо начисто сообщала свои впечатлѣнія, думы, взгляды, намѣренія, наконецъ пережитыя ею или ожидаемыя событія. Она сама часто замѣчаетъ, что никогда и никому не писала подобныхъ писемъ, и напоминаетъ, что они не могутъ быть изданы до истеченія по крайней мѣрѣ ста лѣтъ („avant cent ans révolus"). Эта мысль великой императрицы въ точности осуществляется нынѣ, такъ какъ отъ начала переписки прошло уже болѣе вѣка. Къ сожалѣнію, изъ писемъ самого Гримма сохранились только немногія: они могутъ быть напечатаны въ одномъ изъ слѣдующихъ томовъ *Сборника*. Между тѣмъ, при отсутствіи бо̀льшей части ихъ, иное въ отвѣтахъ государыни остается не совсѣмъ яснымъ. Нѣкоторыя мѣста въ нихъ темны еще и по другой причинѣ: изъ весьма понятнаго благоразумія многія лица и обстоятельства являются здѣсь подъ вымышленными или аллегорическими названіями, изъ которыхъ не всѣ могутъ быть разгаданы. Одни изъ такихъ терминовъ французскіе, другіе — нѣмецкіе. Вотъ нѣкоторые изъ тѣхъ и другихъ съ тѣмъ значеніемъ, которое: какъ кажется, должно разумѣть въ нихъ: l'homme aux deux physionomies означаетъ Іосифа II до личнаго съ нимъ знакомства; однажды онъ названъ piccolo bambino (малютка); Manman — его мать, Марія Терезія; frère Ge значитъ: англійскій король Георгъ III; Hérode—Фридрихъ II; frère Gu — сперва шведскій король Густавъ III, потомъ Фридрихъ Вильгельмъ II (Guillaume); Gegu — двое изъ названныхъ королей вмѣстѣ; Antonin и Falstaff — Густавъ III; les Secondat употребляется въ различномъ смыслѣ, напр., въ одномъ случаѣ значитъ: Фридрихъ II и Іосифъ II, въ другомъ Великій Князь Павелъ Петровичъ и его супруга; les épiciers — шведы; marchands drapiers — англичане; marabouts — турки; arme Leute — французы во время революціи; égrillarde — самая революція; purée de pois, soupe aux pois — дипломація и дипломаты (какъ неудобоваримое); Passgänger (собственно — иноходцы) — неправильно дѣйствующіе, бездарные министры, и проч. Особенно не нравились государынѣ прусскій посланникъ Гэрцъ и министръ иностранныхъ дѣлъ Герцбергъ: перваго за его холодность и скрытность, она называетъ la glace или le boutonné; имя второго, для значенія его высокомѣрія, переводится по-французски Coeur de Montorgueil; самъ Гриммъ чаще всего называется souffre-douleur, иногда же означается выраженіемъ gens de Grimme (имя округа и

города въ Саксоніи) или получаетъ названіе германскаго Соломона. Изъ приближенныхъ къ императрицѣ Корсаковъ постоянно называется Pyrrhus, roi d'Epire, а Мамоновъ — l'habit rouge. Въ перепискѣ послѣднихъ лѣтъ часто употребляется слово Köther для означенія виновниковъ анархіи во Франціи. Объясненіе этого термина, равно какъ и встрѣчающихся рядомъ съ нимъ Bärenhäuter и Bärenreiter, императрица сама даетъ въ письмахъ (стр. 609). Въ тѣ же годы подъ шотландскимъ пэромъ (pair d'Ecosse) разумѣется часто упоминаемый ею и просто шотландецъ Финдлэтеръ, жившій то во Франкфуртѣ на Майнѣ, то въ другихъ городахъ Германіи (онъ умеръ въ 1811 г. въ Дрезденѣ) и много способствовавшій къ украшенію ихъ садами. Названіе St. Nicolas или просто votre saint дается графу Николаю Петровичу Румянцову, посланнику нашему во Франкфуртѣ.

При печатаніи этихъ писемъ я держался правила не измѣнять въ нихъ ничего, кромѣ правописанія и пунктуаціи, такъ какъ императрица въ обоихъ отношеніяхъ поступала очень непослѣдовательно и произвольно, въ чемъ сама не разъ сознавалась и отъ чего мѣстами подъ перомъ ея страдала даже ясность смысла. Многочисленность встрѣчающихся въ подлинныхъ ея письмахъ орѳографическихъ неисправностей была причиною, что, несмотря на самое тщательное чтеніе корректуры, всетаки, въ нашъ текстъ вкрались нѣкоторыя опечатки. Что касается слога императрицы и такихъ ошибокъ или особенностей языка, которыя отражаются въ самомъ произношеніи словъ, то я не считалъ себя въ правѣ исправлять ихъ: такъ, напр., при условномъ союзѣ si вездѣ глаголы оставлены мною въ futur и conditionnel (si je prendrai, si vous voudriez), хотя это противно нынѣшнему французскому языку; равнымъ образомъ удержаны безъ измѣненія такія ошибочныя формы, какъ, напр., il bouille вм. il bout и многіе не совсѣмъ правильные синтактическіе обороты. При всѣхъ внѣшнихъ недостаткахъ этого рода, французскія письма Екатерины II, независимо отъ своего богатаго содержанія и высокаго интереса, обличаютъ въ авторѣ необыкновенное практическое знаніе иностраннаго языка, его духа и идіотизмовъ; любопытно, что превосходство своего изложенія сама она приписывала вліянію Вольтера. Относительно частыхъ нѣмецкихъ вставокъ въ письмахъ ея надо замѣтить, что такъ какъ родной языкъ императрицы въ эпоху дѣтства ея еще далеко не установился, то эти тирады, гораздо болѣе французскаго ея слога, страдаютъ устарѣлыми выраженіями: напр., она постоянно употребляетъ vor вм. für, ошибается въ окончаніяхъ падежей и т. п. И тутъ я позволялъ себѣ только самыя легкія поправки въ правописаніи.

Къ концу тома приложенъ азбучный указатель личныхъ именъ, къ которымъ присоединены и предметныя поясненія, насколько это было совмѣстно съ многообразнымъ содержаніемъ писемъ и самымъ родомъ заключающихся въ нихъ, большею частью бѣглыхъ замѣтокъ.

Въ заключеніе долгомъ считаю съ признательностью упомянуть о томъ радушномъ содѣйствіи, какое я находилъ въ Императорской Публичной библіотекѣ и въ библіотекѣ Академіи Наукъ со стороны почтенныхъ сочленовъ моихъ А. Ф. Бычкова, А. А. Куника и А. А. Шифнера при отысканіи матеріаловъ для составленія примѣчаній къ письмамъ, особенно въ первой половинѣ тома, гдѣ многія трудно объяснимыя выраженія и имена встрѣчались въ первый разъ и поэтому наиболѣе нуждались въ комментаріяхъ.

О ПИСЬМАХЪ ГРИММА КЪ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ II [1].

1881.

Когда я въ 1877 году приступалъ къ изданію писемъ Екатерины II къ Гримму, составившихъ XXIII томъ Сборника Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, другой половины этой переписки, т. е. писемъ Гримма къ императрицѣ, еще не было въ виду. Часть ихъ только позднѣе отыскалась въ Государственномъ архивѣ. Куда дѣвались остальныя, было неизвѣстно. Впослѣдствіи нѣкоторое число писемъ, при содѣйствіи П. И. Бартенева, передано княземъ Семеномъ Михайловичемъ Воронцовымъ въ Императорское Русское Историческое Общество. Такимъ образомъ изъ двухъ поименованныхъ источниковъ составилось то довольно значительное собраніе писемъ Гримма къ великой государынѣ, которое, съ соизволенія Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, является въ началѣ настоящаго тома. При всей неполнотѣ своей, это собраніе должно быть признано весьма важнымъ дополненіемъ къ напечатаннымъ мною прежде письмамъ императрицы къ Гримму, — дополненіемъ тѣмъ болѣе цѣннымъ, что оно во многомъ существенно поясняетъ первыя и что безъ него нельзя было бы вполнѣ понять самаго характера всей переписки.

Чтобы въ немногихъ словахъ очертить этотъ характеръ, я позволю себѣ выписать здѣсь отрывокъ академической рѣчи [2]) въ которой я, на основаніи этихъ писемъ, разсмотрѣлъ работы и занятія Екатерины II по введенію въ Россіи народнаго образованія.

---

[1]) Предисловіе къ т. XXXIII Сборника Импер. Русск. Историч. Общества, Спб. 1881.

[2]) См. Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности т. XX.—См. выше, стр. 328—329; 341—342. Не опускаемъ этихъ цитатъ, хоть это и повтореніе, такъ какъ здѣсь сведено во едино изложенное въ разныхъ мѣстахъ, и они не велики. *Ред.*

„Всѣ ея письма къ Гримму", сказано тамъ, „запечатлѣны особеннымъ характеромъ искренности и откровенности. Хотя конечно императрица не могла не имѣть въ виду обширныхъ связей Гримма и въ литературномъ и въ политическомъ мірѣ, его близкихъ отношеній почти ко всѣмъ европейскимъ дворамъ, но съ другой стороны ея неограниченное довѣріе къ личному характеру и чистосердечной преданности этого человѣка, ея потребность высказывать ему все, что у нея было на душѣ, и привычка писать къ нему прямо начисто, свободно предаваясь удовольствію непринужденной бесѣды, — все это заставляетъ насъ видѣть въ письмахъ Екатерины къ Гримму вполнѣ правдивое отраженіе ея мыслей и впечатлѣній. Мало такихъ сторонъ въ ея жизни, такихъ отношеній и взглядовъ, которыхъ бы она здѣсь не касалась; о нѣкоторыхъ она конечно выражается только намеками, но, насколько намъ извѣстны ея думы, воззрѣнія и планы, мы не имѣемъ причины сомнѣваться въ полной искренности того, что содержится въ этихъ бесѣдахъ, и если исключить ея частныя письма къ Потемкину, мы можемъ съ достовѣрностью сказать, что нѣтъ другого источника, въ которомъ личность этой монархини выражалась бы такъ полно и вѣрно, какъ въ перепискѣ ея съ Гриммомъ.

„Въ высшей степени задушевный, — можно даже сказать, фамильярный тонъ переписки ея съ этимъ человѣкомъ заставляетъ всякаго читателя задумываться надъ загадочнымъ явленіемъ такого полнаго сочувствія и неизмѣнной привязанности государыни къ иностранному корреспонденту. Она сама въ своихъ письмахъ къ нему нерѣдко упоминаетъ объ исключительномъ характерѣ этой переписки и отношеній своихъ къ Гримму. Нельзя не согласиться, что онъ дѣйствительно имѣлъ для Екатерины особенное значеніе: благодаря его посредству, она постоянно оставалась близка къ движенію западноевропейской науки и искусства, чрезъ него получала лучшія произведенія иностранныхъ писателей и художниковъ, вызывала въ Россію архитекторовъ, дѣлала заказы разнаго рода, наконецъ имѣла въ немъ самаго ревностнаго провозвѣстника и защитника своей славы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ заслуга Гримма передъ Екатериною II велика и несомнѣнна; онъ былъ въ полномъ смыслѣ, не по одному имени, которое она усвоила ему,—ея souffre douleur: въ своихъ письмахъ къ ней онъ неоднократно разсказываетъ, какъ его безпрерывно осаждаютъ и не даютъ ему покоя люди, желающіе обратить на себя ея вниманіе или сдѣлаться участниками ея милостей. Нельзя также не признать заслуги Гримма передъ русской исторіей въ томъ смыслѣ, что ему, несмотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, на опасность, угрожавшую его бумагамъ во время революціи, удалось спасти отъ утраты и уничтоженія драгоцѣнныя письма своей благодѣтельницы. Онъ зналъ всю ихъ цѣну и принялъ надежнѣйшія мѣры, чтобы свято сберечь ихъ для потомства.

„Вотъ еще нѣсколько чертъ къ характеристикѣ этой единственной въ своемъ родѣ переписки. Оба корреспондента представляютъ необыкновенныя особенности: оба лица германскаго происхожденія, выражающіяся самой изящной французской рѣчью, въ которую они, не безъ нѣкоторой ироніи, вставляютъ исподволь тяжелыя нѣмецкія фразы.

„Съ одной стороны передъ нами—германскій ученый, переселившійся во Францію и сдѣлавшійся тамъ публицистомъ, свѣтскимъ человѣкомъ и дипломатомъ; съ другой—германская принцесса, занявшая тронъ исполинской славянской державы, ставшая по религіи и симпатіямъ русскою, владѣющая столь же искусно перомъ, какъ и скипетромъ. Съ одной стороны передъ нами литераторъ, состоящій въ сношеніяхъ чуть не со всѣми коронованными главами Европы; съ другой—монархиня, не гнушающаяся общенія со всѣми лучшими представителями умственнаго міра. Такимъ образомъ эти двѣ разнородныя личности какъ-бы дополняли другъ друга. Екатерина сознавала, что никто не могъ понимать ее лучше Гримма: „вы, говорила она ему, угадываете и объясняете всѣ мои движенія лучше меня самой.“ Но всего болѣе, конечно, связывало ихъ то, что они были нужны другъ другу. Оба корреспондента не безкорыстны: для Гримма эта переписка — источникъ радости, счастья почетнаго положенія; для императрицы это — орудіе множества умственныхъ наслажденій, звено цѣлой цѣпи полезныхъ и интересныхъ связей. Гриммъ дорогъ Екатеринѣ какъ чрезвычайно умный и искусный комиссіонеръ: это человѣкъ практическій, смышленый, свѣдущій, представляющій рѣдкое соединеніе самаго изящнаго француза съ глубокомысленнымъ нѣмцемъ, довѣренный наперсникъ всѣхъ нѣмецкихъ принцевъ и принцессъ, пламенный ревнитель всѣхъ интересовъ русской императрицы. Въ письмахъ своихъ къ ней онъ, посреди самыхъ разнообразныхъ повидимому интересовъ, постоянно занимаетъ ее однакожъ только однимъ, всегда надъ всѣмъ господствующимъ, ни на минуту не сходящимъ со сцены предметомъ, именно ею самою, въ лучезарномъ сіяніи генія, могущества и славы, тою Великою и Безсмертною, какъ онъ безпрестанно ее называетъ, которой каждое письмо возноситъ его на верхъ блаженства и надолго повергаетъ въ несказанное волненіе. Наконецъ, почти безпрерывно шуточный и вмѣстѣ сентиментальный тонъ Гримма, его игривое остроуміе и соль въ самой лести, его иногда оригинально-смѣлыя выходки, все это должно было придавать его письмамъ особенный интересъ въ глазахъ императрицы. Судя по нимъ мы вправѣ предполагать, что въ самой личности Гримма, въ его живомъ юмористическомъ умѣ и вкрадчивомъ характерѣ было какое-то неотразимое обаяніе, объясняющее тайну его господства надъ мощнымъ духомъ этой необыкновенной женщины“.

ГРИММЪ И Г-ЖА Д'ЭПИНЭ [1]).

1878.

Въ 1749 году прибылъ въ Парижъ изъ Германіи молодой человѣкъ, сопровождавшій графа Шёнберга въ качествѣ наставника дѣтей его. Этому педагогу было 25 лѣтъ, онъ былъ высокаго роста, имѣлъ довольно пріятную физіономію, но держался нѣсколько криво, ходилъ, какъ говорится, бочкомъ; въ одеждѣ его была замѣтна нѣкоторая изысканность, претензія на изящество, но вмѣстѣ съ тѣмъ по всей наружности и въ походкѣ его было что-то небрежное, неловкое. По-французски онъ выражался не дурно, но не безъ нѣмецкаго акцента, и, можетъ быть, трудность вести разговоръ на иностранномъ языкѣ была причиною того, что многимъ казалось, будто онъ не обладалъ даромъ слова. Это былъ Гриммъ, въ то время еще никому не извѣстный, но которому суждено было пользоваться почетнымъ именемъ почти при всѣхъ европейскихъ дворахъ.

Родиной Гримма былъ Регенсбургъ, знаменитое мѣсто собраній имперскаго сейма; отецъ его былъ лютеранскій пасторъ, достигшій званія суперъ-интендента. Фридрихъ Мельхіоръ Гриммъ, будущій корреспондентъ Екатерины II, родился въ декабрѣ 1723 года и кончилъ свое образованіе въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ слушалъ между прочимъ лекціи незабытаго въ исторіи классической филологіи Эрнести. Еще въ гимназіи Гриммъ задумалъ трагедію, избравъ сюжетомъ азіатскую героиню Банизу, а въ университетѣ выполнилъ этотъ планъ и отправилъ свое сочиненіе къ Готшеду, который еще прежде принялъ Гримма подъ свое покровительство и впослѣдствіи напечаталъ эту пьесу, скроенную впрочемъ по обычной мѣркѣ ложно-классической драмы. Тогда же Гриммъ пробовалъ себя и въ другихъ родахъ поэзіи, но вскорѣ убѣдился, что живой воспріимчивости ко всему прекрасному и умѣнья оцѣнить всякое произведеніе искусства еще недостаточно для того, чтобы самому быть поэтомъ: онъ понялъ свое призваніе и сдѣлался превосходнымъ критикомъ.

Графъ Шёнбергъ давно зналъ семейство Гримма и, по выходѣ молодого человѣка изъ университета, взялъ его къ себѣ секретаремъ. Благодаря этому, Гриммъ имѣлъ случай присутствовать при избраніи во Франкфуртѣ на Майнѣ императора Франца I. Какъ видно изъ

[1]) Русск. Архивъ, 1878, № 8, стр. 463.

одного письма его къ Готшеду, самъ онъ считалъ тогдашнее положеніе свое полудипломатическимъ и захотѣлъ воспользоваться имъ, чтобы утвердиться во французскомъ языкѣ. Въ концѣ 1748 года онъ писалъ своему лейпцигскому аристарху, что сбирается ѣхать во Францію; графъ Шёнбергъ который везъ его туда, былъ сынъ посланника и отправлялся въ Парижъ, чтобы занять тамъ мѣсто командира нѣмецкихъ драгуновъ. „Легкость жизни", говоритъ Гетнеръ [1]), „привлекательныя внѣшнія формы, большая подвижность скоро дали ходъ двадцатипятилѣтнему молодому человѣку. Изъ воспитателя дѣтей графа Шёнберга онъ въ короткое время сдѣлался чтецомъ принца Саксенъ-Готскаго, потомъ секретаремъ графа фонъ-Фризена, молодого, пылкаго наслѣдника и племянника маршала Морица Саксонскаго. Гримма полюбили въ обществѣ знатныхъ; чрезъ посредство Клюпфеля, пастора въ домѣ принца Готскаго, онъ познакомился съ Жанъ-Жакомъ Руссо и Дидро, и уже тогда, какъ разсказываетъ Мармонтель въ своихъ запискахъ, давалъ еженедѣльно dîners de garçons, на которыхъ веселыми гостями его были молодые французскіе писатели. Въ письмѣ къ Готшеду отъ 30 ноября 1751 года Гриммъ хвалится тѣсною дружбой съ д'Аламберомъ, Дидро и роднею Вольтера. Скоро онъ и самъ смѣло выступилъ дѣятелемъ французской литературы".

Около этого времени Руссо ввелъ Гримма въ салонъ г-жи д'Эпинэ, и съ той поры въ жизни Гримма начинается новая эпоха. Какъ у M-me Geoffrin литераторы встрѣчались съ аристократическимъ обществомъ, такъ M-me d'Epinay (подобно первой, жена богатаго откупщика) соединяла у себя философовъ съ финансистами. Въ перепискѣ Екатерины II съ Гриммомъ эта дама играетъ очень видную роль, и такъ какъ она оставила любопытные мемуары, то мы отчасти воспользуемся этимъ источникомъ для біографіи Гримма, а вмѣстѣ и для характеристики самого автора мемуаровъ.

Г-жа д'Эпинэ, рожденная d'Esclavelles, дочь бригадира, родилась въ 1725 году и лѣтъ 20-ти вышла замужъ за своего двоюроднаго брата Бельгарда, принявшаго по одному изъ родовыхъ имѣній своихъ имя д'Эпинэ. По примѣру своего отца, онъ сдѣлался fermier-général (откупщикомъ). Это былъ человѣкъ не лишенный образованія, но безъ всякихъ правилъ, тщеславный и расточительный. Кромѣ деревни д'Эпинэ, лежавшей близъ Сенъ-Дени, онъ владѣлъ въ окрестностяхъ Парижа еще имѣніемъ La Chevrette, и жилъ на большую ногу то въ одномъ изъ этихъ загородныхъ мѣстъ, то въ столицѣ. Послѣ женитьбы у него было шестнадцать человѣкъ прислуги; съ утра прихожая г. д'Эпинэ наполнялась людьми всякаго рода, имѣвшими до него дѣло; являлись его секретари съ докладами, которые безпрестанно

[1]) Literaturgeschichte des achtzehnten Jahrhunderts, II, 396.

прерывались новыми лицами, а когда изъ своей спальни выходила молодая хозяйка, то передъ нею вдругъ распахивались двери, и два лакея громко возвѣщали: „Mesdames, messieurs, voilà madame!" Г-жа д'Эпинэ не была хороша собой, но въ физіономіи ея было много жизни и игры; она была невысокаго роста, худощава, но чрезвычайно стройна. Супруги жили очень открыто. Въ то время еще въ Парижѣ вставали рано, обѣдали часа въ два, а въ восемь ужинали; къ обѣду приглашали не часто, и любимою сценою интимныхъ бесѣдъ былъ ужинъ. Сначала г-жа д'Эпинэ страстно любила мужа, но мало-по-малу его легкомысліе охладило ее къ нему, и она отдала свое сердце блестящему, но теперь забытому Франкэлю (Francueil). Внучка его, г-жа Жоржъ-Сандъ, описываетъ его какъ весьма умнаго и любезнаго человѣка. Ж. Ж. Руссо, не зная чѣмъ жить, принялъ мѣсто секретаря въ домѣ тёщи Франкэля и помогалъ имъ обоимъ въ литературныхъ трудахъ. Франкэль представилъ г-жѣ д'Эпинэ Руссо какъ своего пріятеля, а Руссо однажды въ 1752 году привелъ къ ней Гримма. Эти два писателя были тогда друзьями; но рѣзкость, съ какою Гриммъ иногда выставлялъ смѣшныя стороны Жанъ-Жака, не щадя его колоссальнаго самолюбія, скоро разссорила ихъ; къ этому присоединилось и соперничество, такъ какъ влюбчивый Руссо не имѣлъ никакого успѣха въ сердцѣ г-жи д'Эпинэ, а Гриммъ скоро вытѣснилъ Франкэля. Этимъ объясняется отчасти та ненависть, съ какою Руссо въ своихъ Confessions постоянно говоритъ о Гриммѣ; нельзя конечно предполагать, чтобы и послѣдній вовсе не былъ виноватъ передъ первымъ, который, какъ дитя природы, не имѣлъ и тѣни той ловкости, съ какою счастливый соперникъ его умѣлъ овладѣвать расположеніемъ людей и выгодно устраивать дѣла свои. Но по крайней мѣрѣ надо отдать Гримму справедливость въ томъ, что онъ, хотя читалъ знаменитыя Confessions, вышедшія задолго до его смерти, всегда держалъ себя съ большимъ достоинствомъ въ отношеніи къ памяти Руссо: правда, онъ не особенно снисходительно отзывался о характерѣ бывшаго друга своего, но сохранялъ полное безпристрастіе, говоря о его талантѣ и литературныхъ заслугахъ. Долго однакожъ французская критика, подъ вліяніемъ Confessions, была предубѣждена противъ Гримма. Наконецъ, Сенъ-Бэвъ, внимательно изучивъ обоихъ писателей, рѣшилъ тяжбу между ними слѣдующимъ смѣлымъ приговоромъ: „Руссо, всякій разъ, когда задѣты его самолюбіе и болѣзненное тщеславіе, не останавливается передъ ложью, и я пришелъ къ убѣжденію, что въ своихъ разсказахъ о Гриммѣ онъ былъ просто лжецомъ" [1]).

Г-жа д'Эпинэ, въ первый разъ увидѣвъ Гримма въ другомъ домѣ,

---

[1]) Causeries du lundi VII, 227.

записала въ своемъ дневникѣ: „Разговоръ шелъ не особенно живо. Всего интереснѣе были кое-какія разсужденія о французской и итальянской музыкѣ. Я съ удовольствіемъ слушала г. Гримма. Руссо и Франкэль представили мнѣ его какъ человѣка, желавшаго со мной познакомиться; онъ не особенно легко изъясняется, но, не смотря на то, его способъ выражаться не лишенъ пріятности и занимательности. Руссо говорилъ мнѣ о немъ съ энтузіазмомъ, и оттого я разсматривала его съ такимъ любопытствомъ, какое рѣдко замѣчаю за собой въ обществѣ. Я просила его навѣщать Руссо и Франкэля, когда они будутъ въ Эпинэ; онъ отвѣчалъ мнѣ учтиво, но я сомнѣваюсь, чтобы онъ воспользовался моимъ приглашеніемъ, такъ какъ онъ не любитъ сельской жизни". Однакожъ Гриммъ не долго заставилъ ждать себя, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ того же дневника: „Г. Гриммъ былъ у меня вмѣстѣ съ Руссо; я позвала ихъ къ обѣду на другой день. Я была имъ очень довольна; онъ тихъ, вѣжливъ; я думаю, что онъ застѣнчивъ, потому что на мой взглядъ онъ на столько уменъ, что его неловкость не можетъ происходить отъ другой причины. Онъ страстный охотникъ до музыки, и мы цѣлое послѣ-обѣда занимались ею съ нимъ, съ Руссо и Франкэлемъ. Я показала ему нѣсколько пьесъ своего сочиненія и, кажется, онѣ доставили ему удовольствіе. Если что́ мнѣ въ немъ не понравилось, такъ это его преувеличенныя похвалы моимъ дарованіямъ. У него нѣтъ состоянія; его любовь къ наукамъ, искусствамъ и къ литературѣ сблизила его съ графомъ Шёнбергомъ. Глубокая его привязанность къ этому человѣку и къ графу Фризену заставила его остаться навсегда во Франціи, гдѣ онъ вполнѣ предался изученію литературы. Онъ живетъ у графа Фризена и надѣется своими трудами обезпечить себѣ положеніе въ будущемъ. Говорятъ, онъ не честолюбивъ".

Музыкальнымъ способностямъ, о которыхъ здѣсь упомянуто, Гриммъ вскорѣ послѣ того и обязанъ былъ своими первыми успѣхами въ свѣтѣ. Въ Парижѣ надѣлали тогда шуму новоприбывшіе итальянскіе пѣвцы съ невѣдомою тамъ до тѣхъ поръ музыкою. Многіе, изъ ложнаго патріотизма, не хотѣли признать ея превосходства надъ французскою; между приверженцами той и другой происходили жаркіе споры; въ одномъ театрѣ образовались партіи, le coin du roi и le coin de la reine (такъ названныя по мѣсту ихъ сходокъ подъ ложами короля и королевы). Гриммъ, какъ ревностный сторонникъ итальянской музыки, принадлежалъ къ послѣдней; изъ сочиненій его, написанныхъ имъ въ это время въ такомъ смыслѣ, особенно удалась брошюра Le petit prophète de Böhmischbroda, о которой говоритъ и Екатерина въ началѣ своей переписки съ авторомъ. До какой степени Гриммъ тогда сдѣлался уже французомъ, можно судить по впечатлѣнію, произведенному веселымъ тономъ этой книжки на Вольтера; прочитавъ ее, онъ замѣ-

тилъ: „De quoi s'avise donc ce Bohémien d'avoir plus d'esprit pue nous?“ т. е. какъ смѣлъ этотъ богемецъ (цыганъ) перещеголять насъ остроуміемъ? Въ этой брошюрѣ Гриммъ наноситъ смертельный ударъ французской музыкѣ, но за то льститъ тщеславію французовъ и превозноситъ ихъ націю какъ первую въ мірѣ, а страну ихъ какъ отечество всѣхъ лучшихъ талантовъ, куда и искусства переселились изъ Италіи.

Графъ Фризенъ, котораго называетъ г-жа д'Эпинэ въ приведенномъ отрывкѣ, былъ пріятель Шёнберга и, такъ же какъ онъ, саксонскій уроженецъ. Благодаря своей наружности, своему веселому нраву и еще болѣе родству съ Морицемъ Саксонскимъ, графъ Фризенъ былъ любимцемъ всѣхъ знатныхъ дамъ, не смотря на распущенность своего образа жизни. Поселясь въ его домѣ, Гриммъ въ іюлѣ 1753 года писалъ къ Готшеду (замѣтимъ, по-французски): „Мой адресъ: à l'hôtel de Frise, rue basse du Rempart, faubourg St. Honoré, безъ всякаго титла, потому что я ужъ болѣе не секретарь графа Фризена. Здѣшніе литераторы лучше хотятъ быть ничѣмъ, нежели состоять при комъ-нибудь; я послѣдовалъ ихъ примѣру и устроилъ себѣ небольшой доходецъ изъ одного литературнаго занятія“.

Этимъ занятіемъ, этими трудами, на которые, и по словамъ г-жи д'Эпинэ, Гриммъ возлагалъ тогда свои надежды, была его „Correspondance littéraire“. — „Что такое литературный корреспондентъ?“ сказалъ однажды аббатъ Мореллэ, желая уколоть Гримма за ироническій отзывъ о немъ, и самъ же на этотъ вопросъ отвѣчалъ: „Это человѣкъ, который за деньги взялся еженедѣльно потѣшать иностраннаго государя на счетъ того или другого лица и вообще на счетъ всякаго вновь появляющагося литературнаго труда и его автора“. Если изъ этихъ словъ исключить незаслуженный упрекъ въ умышленномъ пристрастіи, то опредѣленіе будетъ довольно вѣрно. Начало этому рукописному фельетону, который въ десяткахъ копій разлетался по европейскимъ дворамъ, положилъ въ 1747 году Рейналь, извѣстный авторъ „Исторіи обѣихъ Индій“, и сперва его литературная корреспонденція посылалась только къ Саксенъ-Готской-Альтенбургской герцогинѣ Луизѣ Доротеѣ, по вызову этой просвѣщенной и даровитой принцессы. Гетнеръ, который видѣлъ письма Рейналя въ герцогскомъ архивѣ въ Готѣ, говоритъ, что съ середины 1753 года, рядомъ съ корреспонденціею Рейналя, является тамъ и Гриммъ съ своими сообщеніями, а вскорѣ дѣло это ведется уже имъ однимъ. Мало-по-малу читателями его сдѣлались многіе германскіе принцы и нѣкоторые другіе государи; въ 1763 году къ нимъ присоединился Фридрихъ Великій, въ 1766 Екатерина II, и съ этихъ поръ имя Гримма пріобрѣтаетъ европейскую славу. Корреспонденція его разсылалась два раза въ мѣсяцъ, 1-го и 15-го числа. Поспѣшимъ однакожъ замѣтить, что

эта „Литературная Корреспонденція“ не имѣетъ ничего общаго съ тою дружескою перепиской, которую начала вести съ нимъ русская императрица десятью годами позже и которая теперь издается Императорскимъ Русскихъ Историческимъ Обществомъ. Первая доставлялась одновременно и многимъ частнымъ лицамъ за извѣстную плату (по 300 франковъ въ годъ). Общее значеніе этой дѣятельности Гримма такъ охарактеризовано Сентъ-Бэвомъ: „Прежде офиціальнаго вступленія на дипломатическое поприще, Гриммъ былъ на дѣлѣ резидентомъ и повѣреннымъ державъ при общественномъ мнѣніи Франціи, и въ то же время былъ какъ-бы представителемъ и секретаремъ французскаго esprit при державахъ. Въ отношеніи къ обѣимъ сторонамъ онъ достойно выполнилъ эту миссію“.

„Литературная Корреспонденція“ Гримма была въ первый разъ издана въ Парижѣ въ 1812 году въ 15-ти томахъ (впослѣдствіи дополненныхъ еще однимъ) подъ заглавіемъ: „Correspondance littéraire, philosophique et critique de Grimm et de Diderot“ [1]). Послѣднее имя прибавлено тутъ потому, что Гриммъ, уѣзжая на время изъ Парижа, иногда поручалъ веденіе этихъ записокъ своему пріятелю Дидро; впрочемъ по временамъ, Гримма замѣнялъ въ этомъ дѣлѣ и секретарь его Мейстеръ, какъ видно напр. изъ одного письма Екатерины II-й, которая, кажется, разумѣетъ именно часть „Литературной Корреспонденціи“, говоря о свойствахъ Мейстера (стр. 36). Есть свѣдѣнія, что и г-жа д'Эпинэ помогала Гримму въ составленіи его критическихъ замѣтокъ. Это занятіе Гримма продолжалось до 1790 года, т. е. до самой той поры, когда революція положила конецъ существованію стариннаго французскаго общества. Чтобы судить, какъ важенъ этотъ почти сорокалѣтній трудъ, сошлемся опять на отзывъ Сентъ-Бёва, который въ этомъ случаѣ, конечно, долженъ считаться лучшимъ авторитетомъ. Онъ сознается, что „Литературная Корреспонденція“ служила ему однимъ изъ главныхъ пособій для его этюдовъ надъ XVIII столѣтіемъ и видитъ въ Гриммѣ превосходнаго критика, съ умомъ твердымъ, глубокимъ, тонкимъ и съ чрезвычайно вѣрнымъ вкусомъ въ оцѣнкѣ всякаго новаго произведенія.

Показавъ литературное значеніе Гримма, возвратимся къ прерванному очерку его пребыванія во Франціи. Неожиданное обстоятельство послужило поводомъ къ усиленію привязанности г-жи д'Эпинэ къ

---

[1]) „Экземпляръ этой „Литературной Корреспонденціи“, посылавшейся императрицѣ Екатеринѣ II, хранится въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. По этой рукописи печатное изданіе можетъ быть нѣсколько пополнено, но и въ ней есть, кажется, пробѣлы. Намъ извѣстно, что одинъ французскій литераторъ занимается отысканіемъ всего, пропущеннаго въ изданномъ текстѣ. Имѣетъ ли онъ въ виду указаніе Гетнера, что въ Готѣ есть полный рукописный экземпляръ „Литературной Корреспонденціи“ Гримма? (Cod. Chart. B. 1138).

Гримму: это была смерть одной близкой ея родственницы. Между бумагами покойной не оказалось важнаго документа, касавшагося ея наслѣдства. Г-жу д'Эпинэ заподозрѣли въ истребленіи его; вся родня на нее возстала. На мужскомъ обѣдѣ у гр. Фризена произошелъ объ этомъ горячій споръ; одинъ изъ обвинявшихъ молодую женщину выразился о ней такъ неуважительно, что выведенный изъ терпѣнія Гриммъ колкимъ отвѣтомъ задѣлъ честь противника. Послѣдствіемъ была дуэль, въ которой однакожъ дѣло обошлось царапинами. Благодарность г-жи д'Эпинэ къ своему защитнику была тѣмъ живѣе, что затерявшійся документъ вскорѣ отыскался, къ чести ихъ обоихъ.

Когда вспыхнула Семилѣтняя война, французское правительство рѣшилось послать 100.000 человѣкъ въ Вестфалію для поддержки своихъ союзниковъ, Маріи Терезіи и Польскаго короля. Эта армія выступила въ походъ подъ предводительствомъ маршала д'Эстрэ (d'Estrées). Между тѣмъ графъ Фризенъ умеръ, но на одрѣ болѣзни успѣлъ представить Гримма другу своему, герцогу Орлеанскому. Это былъ Луи-Филиппъ, внукъ регента и отецъ принца, впослѣдствіи прозваннаго Philippe Egalité. Герцогъ, пригласивъ Гримма въ Сенъ-Клу, предложилъ ему мѣсто секретаря при маршалѣ. Гриммъ согласился, хотя неохотно, и сдѣлался однимъ изъ 28-и секретарей при пышномъ штабѣ этого неискуснаго полководца. Около года Гриммъ былъ въ отсутствіи, слѣдуя за безплодными и безтолковыми движеніями этой арміи и вынесъ изъ нихъ одни тяжелыя впечатлѣнія и грустные опыты жизни. „То, что́ я вижу“, писалъ онъ между прочимъ къ г-жѣ д'Эпинэ, „убѣждаетъ меня, что міръ состоитъ изъ однихъ злоупотребленій и что только безумецъ можетъ надѣяться исправить его. Строгость не возстановляетъ дисциплины: мы окружены висѣлицами и тѣмъ не менѣе видимъ, какъ убиваютъ женщинъ и дѣтей, когда онѣ не даютъ грабить своихъ домовъ. — Безъ этого похода я никогда не узналъ бы, до какихъ предѣловъ могутъ доходить бѣдствія и несправедливость людей“.

Съ другой стороны, и парижская жизнь, въ которой онъ, по окончаніи этого эпизода, снова вращался посреди друзей г-жи д'Эпинэ, представляла ему сцену хотя и другого рода, но также преисполненную борьбы человѣческихъ страстей, игры тщеславія, зависти и интригъ. Изъ этого-то водоворота жизни онъ осенью 1773 г. явился въ Петербургъ, пріѣхавъ туда съ сыномъ ландграфини Гессенъ-Дармштадтской, черезъ три мѣсяца послѣ нея самой, чтобы присутствовать на бракосочетаніи дочери ея, принцессы Вильгельмины, нареченной Наталіей Алексѣевной, съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Императрица уже знала и искренно уважала Гримма по его „Литературной Корреспонденціи“. Въ одномъ позднѣйшемъ письмѣ къ нему (стр. 172), припоминая его пріѣздъ въ Россію, она сознава-

лась, что эти листки доставляли ей пріятнѣйшее чтеніе и что послѣ нихъ ничего другого читать нельзя. „Если", продолжала она, „вы будете отзываться о нихъ дурно, знайте, что вы сами не умѣете цѣнить себя и особенно этихъ листковъ и будете имѣть дѣло со мной, я же буду защищать ихъ всѣми силами". Узнавъ Гримма лично, государыня была очарована его умомъ, свѣдѣніями, разговоромъ, и при отъѣздѣ его условилась съ нимъ, что онъ будетъ писать ей. Такъ началась изданная нынѣ переписка, изъ которой однакожъ пока напечатаны одни письма императрицы; немногія въ послѣднее время отыскавшіяся письма Гримма будутъ изданы впослѣдствіи. Но уже и по первымъ можно прослѣдить главныя обстоятельства жизни Гримма съ этихъ поръ до самой кончины Екатерины II. Важнымъ дополненіемъ къ его біографіи можетъ служить составленная имъ самимъ историческая записка о его отношеніяхъ къ императрицѣ, напечатанная во II-мъ томѣ Сборника Историческаго Общества. Изъ этихъ двухъ источниковъ мы узнаёмъ, что Гриммъ, по возвращеніи изъ Петербурга, занималъ въ Парижѣ постъ посланника Саксенъ-Готскаго герцога; когда же, въ разгаръ революціи, въ 1792 году, онъ долженъ былъ окончательно покинуть Францію и снова поселиться въ Германіи, то Екатерина назначила его своимъ посланникомъ при дворахъ Нижне-Саксонскихъ владѣній, и въ этомъ качествѣ онъ жилъ въ Готѣ. Незадолго передъ своею кончиною, она перевела его своимъ резидентомъ въ Гамбургъ; въ этомъ званіи онъ и оставался нѣкоторое время при императорѣ Павлѣ, но потомъ возвратился въ Готу, и умеръ тамъ въ глубокой старости, въ 1807 году.

Читая письма къ нему Екатерины II, мы спрашиваемъ себя: чѣмъ могъ частный человѣкъ, иностранецъ, не игравшій особенно важной роли въ политическомъ мірѣ, снискать въ такой степени довѣріе и сочувствіе великой характеромъ и дѣлами государыни? Соображая все, что́ намъ извѣстно о Гриммѣ, мы приходимъ къ заключенію, что главнымъ основаніемъ этого замѣчательнаго умственнаго союза двухъ различно поставленныхъ судьбою лицъ было сходство ихъ образа мыслей, ихъ міра воззрѣній, ихъ понятій о человѣчествѣ и человѣческихъ дѣлахъ. Оба они равно хорошо знали свѣтъ и людей, оба не отказались бы подписать извѣстные стихи Пушкина:

Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей...

Кромѣ того, въ оборотѣ ума обоихъ, въ ихъ житейскихъ и литературныхъ вкусахъ, наконецъ въ ихъ дѣтскихъ воспоминаніяхъ о родной Германіи было много общаго. Екатерина не разъ приглашала Гримма на службу въ Россію, желая употребить его въ дѣлѣ народнаго образованія. Не принявъ этихъ лестныхъ предложеній, Гриммъ

далъ новое доказательство своего ума и такта: онъ понималъ, что непосредственное личное сближеніе могло повредить полнотѣ установившихся симпатій. Но замѣчательно, что Екатерина II, отклонившая пріѣздъ Вольтера, Франклина и нѣсколькихъ другихъ лицъ, стремившихся къ ея двору, такъ настойчиво звала къ себѣ Гримма.

Сколько мы можемъ судить по многимъ мѣстамъ писемъ императрицы, а также по перепискѣ Гримма съ Фридрихомъ II, этотъ корреспондентъ государей не былъ, въ своихъ отношеніяхъ съ ними, героемъ правды. Напротивъ, онъ часто льстилъ имъ, и даже совсѣмъ не тонко, но онъ хорошо понималъ, когда можно безопасно высказать смѣлую и, повидимому, даже дерзкую правду, и едва-ли не въ этомъ особенномъ пониманіи заключалась главнымъ образомъ тайна его необыкновеннаго успѣха въ высшихъ сферахъ. Онъ очень любилъ почести и внѣшнія отличія: вѣнскій дворъ возвелъ его въ бароны; императрица пожаловала его въ статскіе совѣтники, а позднѣе послала ему Владимірскую звѣзду 2-й степени. Самые друзья его, напр. Дидро, свидѣтельствуютъ, что ему нечуждо было тщеславіе въ образѣ жизни и туалетѣ, что онъ еще въ молодости не могъ уберечься отъ нѣкоторой спѣси при своихъ успѣхахъ и что въ характерѣ его замѣтно было стремленіе господствовать. Но всѣ единодушно хвалятъ его за безпристрастіе, строгій, прямой и положительный умъ.

Подъ именемъ Гримма въ 1830 году изданы были записки, но, по многимъ признакамъ, подложныя; къ сожалѣнію, нѣкоторые писатели, не подозрѣвая ихъ происхожденія, основываютъ на нихъ весьма неблагопріятные для Гримма выводы о тайной роли, какую онъ, будто бы по собственному сознанію, игралъ въ перепискѣ съ государями. Вѣроятно ли, чтобы тайный агентъ правительствъ въ загробныхъ откровеніяхъ своихъ самъ захотѣлъ очернить свою память? Къ тому же, есть противорѣчія между показаніями этихъ приписываемыхъ ему записокъ и несомнѣнными свѣдѣніями, которыя почерпаются изъ его переписки, ничѣмъ не подтверждающей мнимаго признанія.

Теперь еще нѣсколько словъ о г-жѣ д'Эпинэ. Кромѣ ея мемуаровъ, памятникомъ ея литературнаго таланта остается „Conversations d'Emilie", книга, такъ часто упоминаемая въ письмахъ Екатерины II. Это сочиненіе первоначально появилось въ 1774 году подъ заглавіемъ „Conversations entre une mère et sa fille". Г-жа д'Эпинэ много бесѣдовала съ энциклопедистами о воспитаніи, и эта книга была опытомъ постепеннаго развитія дѣтскихъ понятій посредствомъ разговоровъ. Она была издаваема нѣсколько разъ, и въ 1783 году Французская Академія удостоила ее Монтіоновской преміи предпочтительно передъ сочиненіемъ г-жи Жанлисъ: „Adèle et Théodore". Послѣ этого успѣха г-жа д'Эпинэ прожила только три мѣсяца († 15 апрѣля 1783 г.). Она была давно очень болѣзненна и еще въ 1758 г. ѣздила въ Же-

неву лѣчиться у знаменитаго Троншена, въ домѣ котораго и поселилась. Вниманіе, оказанное ей тогда Вольтеромъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ общаго уваженія, коимъ она пользовалась. „Я провела еще день у Вольтера“, писала она Гримму, „онъ меня много разспрашивалъ о васъ, о Дидро и всѣхъ нашихъ друзьяхъ. Онъ изъ кожи лѣзъ, чтобы быть любезнымъ: это ему всегда удается. Не смотря на то, я бы предпочла жить съ Дидро, котораго, сказать въ скобкахъ, здѣсь недовольно цѣнятъ. Повѣрите ли, что всѣ говорятъ только о Дидро, когда рѣчь зайдетъ объ энциклопедистахъ. Я разсказала всю правду, какъ и слѣдовало. Впрочемъ, если бъ я и солгала, мнѣ бы все-таки повѣрили: когда я заговорю, раскрываются не одни уши, но и глаза и рты; это для меня очень ново и забавно“. Въ другомъ письмѣ: „Республика благодарила меня за услуги, оказанныя мною Руссо, и по этому поводу ко мнѣ приходила формальная депутація отъ часовщиковъ. Народъ за него благоговѣетъ ко мнѣ“. Надо припомнить, что во время пребыванія Руссо въ Парижѣ г-жа д'Эпинэ пріютила его въ своемъ Эрмитажѣ, гдѣ онъ написалъ нѣкоторыя изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній своихъ, между прочимъ Новую Элоизу. Оплакавъ г-жу д'Эпинэ, Гриммъ составилъ о ней родъ біографической записки, въ которой не забылъ упомянуть и о благодѣяніяхъ, оказанныхъ ей Екатериною II, когда, вслѣдствіе финансовыхъ реформъ, предпринятыхъ въ министерствѣ Неккера, она лишилась главной части своихъ доходовъ.

Внучка г-жи д'Эпинэ, получившая отъ императрицы брильянтовый шифръ, была именно та Emilie, для которой написаны были знаменитые въ свое время „Conversations“. Самое имя Emilie, было, кажется, вымышленное. Впослѣдствіи эта дѣвушка, не безъ содѣйствія высокой своей благодѣтельницы, вышла замужъ за полковника французской гвардіи дю Бюэля. Екатерина II была заочно воспріемницею ихъ дѣтей. По выѣздѣ Гримма изъ Франціи, супруги послѣдовали за нимъ, и государыня обѣщала ему, что въ случаѣ его смерти приметъ ихъ на свое попеченіе. Что касается дѣтей самой г-жи д'Эпинэ, то мы не имѣемъ о нихъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній; знаемъ только, что сынъ ея, котораго она не рѣшалась отдать въ общественное заведеніе, предпочитая домашнее воспитаніе, обманулъ ея надежды и пошелъ по слѣдамъ отца, умершаго въ 1782 г. Давно уже г. д'Эпинэ разошелся съ женой; послѣ того она до самой смерти своей жила съ Гриммомъ. Въ заключеніе ея характеристики напомнимъ, что заслуженный ею упрекъ въ нарушеніи чистоты семейныхъ нравовъ долженъ быть, по крайней мѣрѣ частью, отнесенъ на счетъ ея вѣка. Ея „Conversations d'Emilie“ читались еще въ первой четверти нынѣшняго вѣка. Осенью 1825 г. Карамзинъ изъ Царскаго Села писалъ къ Дмитріеву: „Въ 9 часовъ утра гуляю вокругъ прекраснаго, не ту-

маннаго озера, славимаго и въ Conversations d'Emilie". Но авторъ Conversations не видалъ этого озера. Гриммъ, возвратясь изъ Россіи, зналъ чѣмъ угодить своей могущественной покровительницѣ.

СПРЕНГТПОРТЕНЪ,

ШВЕДСКІЙ ЭМИГРАНТЪ ПРИ ЕКАТЕРИНѢ II [1]).

1885.

Общее возбужденіе, которымъ въ послѣднія десятилѣтія ознаменовалась умственная и общественная жизнь въ Финляндіи, отразилось и на ея литературѣ, между прочимъ и въ области исторіи родного края, обогатившейся многими цѣнными трудами. Въ 1873 году профессоръ Форсманъ, одинъ изъ главныхъ вожаковъ партіи финномановъ, болѣе извѣстный подъ именемъ Юрія Ко́скинена [2]), издалъ на финскомъ языкѣ самостоятельно обработанную имъ исторію Финляндіи, вслѣдъ затѣмъ явившуюся и въ переводахъ шведскомъ и нѣмецкомъ [3]).

Между дѣятелями довольно близкой къ намъ эпохи онъ обратилъ особенное вниманіе на Спренгтпортена, который въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, по поводу своихъ неудачъ въ Швеціи при Густавѣ III, переселился въ Россію и поступилъ на службу къ Екатеринѣ II. Любимою мечтою его было освобожденіе Финляндіи отъ шведскаго владычества и образованіе изъ нея независимаго государства. Признавая за Спренгтпортеномъ большія заслуги передъ Финляндіей и видя въ немъ доблестнаго патріота, г. Коскиненъ посвятилъ изображенію его дѣятельности особое сочиненіе [4]) и кромѣ того издалъ въ 1882 г. книгу подъ заглавіемъ: „Correspondance officielle de George Magnus Sprengtporten, gouverneur général de Finlande en 1808—1809". Въ нашей исторической литературѣ имя Спренгтпортена очень мало извѣстно: сколько-нибудь положительныя, хотя еще и весьма скудныя о немъ свѣдѣнія сообщилъ только профессоръ Брикнеръ въ своей

[1]) Напечат. въ Журн. Мин. Нар. Просв., 1885 г. кн. 1 (стр. 1 — 34), и 5 (стр. 1 — 33).

[2]) Это финскій переводъ шведскаго имени Forsman (koski = fors, водопадъ): такое измѣненіе фамильныхъ именъ въ Финляндіи встрѣчается нерѣдко. Нынче г. Форсманъ состоитъ членомъ финляндскаго сената. *Я. Г.*

[3]) Finnische Geschichte etc. Leipzig. 1874.

[4]) Yrjö Maunu Sprengtportista ja suomen ist enäjsyydestä.

статьѣ: „Конфедерація въ Аньяла въ 1788 году“ (Журн. Мин. Нар. Просв. 1868 г. № 3). Но въ Финляндіи существуетъ объ этомъ нѣсколько загадочномъ лицѣ уже довольно обширная литература: взглядъ г. Коскинена на его значеніе вызвалъ объемистую монографію, написанную въ полемическомъ тонѣ другимъ ученымъ, г. К. К. Тигерстедтомъ. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда статей, напечатанныхъ и еще печатающихся (начиная съ 1877 г.) въ учено-литературномъ журналѣ Finsk Tidskrift.

Полагая, что русскимъ читателямъ любопытно будетъ ознакомиться съ содержаніемъ труда о человѣкѣ, игравшемъ не маловажную роль въ исторіи присоединенія Финляндіи къ Россіи, представляю извлеченіе изъ статей г. Тигерстедта, при чемъ нѣкоторыя части ихъ передаю и въ полномъ видѣ [1]).

Въ началѣ своей монографіи авторъ рѣзко возстаетъ противъ г. Коскинена, замѣчая, что еще современники Спренгтпортена осудили побужденія, по которымъ онъ дѣйствовалъ, и что предшественникъ г. Коскинена по каѳедрѣ исторіи въ финляндскомъ университетѣ, самый безпристрастный изслѣдователь, покойный проф. Рейнъ объяснялъ поведеніе Спренгтпортена мстительностью его и своекорыстными цѣлями: планъ освобожденія Финляндіи былъ внушенъ ему, по мнѣнію Рейна, духомъ партіи и сословными интересами. Въ особенно тяжкій упрекъ г. Коскинену нынѣшній критикъ ставитъ то, что онъ превозноситъ патріотизмъ и самоотверженіе Спренгтпортена даже въ учебникѣ финляндской исторіи и, что́ еще непростительнѣе, въ краткомъ извлеченіи изъ этой книги, изданномъ для народныхъ школъ Финляндіи.

[1]) Трудъ г. Тигерстедта заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія и довѣрія, что авторъ, не довольствуясь одними шведскими и финскими источниками, пользовался и матеріалами, имѣющимися въ русской литературѣ, особенно Дневникомъ Храповицкаго, Записками Гарновскаго, письмами Екатерины II къ Потемкину, а также и „Архивомъ Государственнаго Совѣта“. Само собою разумѣется, что всѣ ссылки на русскіе источники были мною провѣрены, и выписки приведены у меня изъ подлинниковъ. Нѣкоторыя прибавлены мною при переводѣ. Кромѣ того, благодаря обязательной помощи профессора Гельсингфорсскаго университета, доктора Лагуса, я могъ представить въ старинномъ русскомъ переводѣ проектъ манифеста, составленный Спренгтпортеномъ и хранящійся на трехъ языкахъ въ библіотекѣ этого университета.

Подлинный, на французскомъ языкѣ писанный, отвѣтъ императрицы Екатерины офицерамъ финской арміи, вступившимъ въ тайные съ нею переговоры, извлеченъ мною изъ довольно рѣдкой шведской книги: „Hemliga Handlingar, hörande till Sveriges Historia efter konung Gustaf III's anträde till regeringen“ (то-есть, секретные документы, относящіеся къ исторіи Швеціи послѣ вступленія на престолъ Густава III). Stockholm. Ч. I. 1821, стр. 135.

Въ заключеніе не лишнимъ считаю упомянуть, что отдѣлы статей, начиная съ V-го, хотя у Тигерстедта и носящіе въ заглавіи имя Спренгтпортена, гораздо менѣе относятся къ его лицу, чѣмъ вообще къ началу шведской войны, составляющей одну изъ наименѣе разработанныхъ эпохъ царствованія Екатерины II. *Я. Г.*

„Сужденія Юрія Коскинена", говоритъ г. Тигерстедтъ, — „важны не только вслѣдствіе его дѣйствительно великихъ заслугъ по исторіи Финляндіи, но и потому, что онъ въ возникшей у насъ культурной борьбѣ признается главою большой партіи, которая часто безъ всякой критики принимаетъ его мнѣнія. Поэтому неудивительно, что и взглядъ его на Спренгтпортена былъ повторяемъ другими и нашелъ многихъ послѣдователей. Но величайшаго торжества удостоилась память Спренгтпортена, когда на финляндскомъ сеймѣ сословіе финскихъ крестьянъ, чрезъ своихъ выборныхъ, пріобрѣло въ вѣчную потомственную собственность составленный г. Юріемъ Коскиненомъ для народныхъ школъ учебникъ финляндской исторіи, ибо понятно, что такимъ путемъ благоговѣніе и любовь къ Спренгтпортену будутъ все болѣе укореняться и наконецъ вся нація станетъ смотрѣть на него, какъ на своего истиннаго героя".

Послѣ этихъ вступительныхъ замѣчаній, которыя казались мнѣ нужными, чтобы познакомить читателей съ положеніемъ въ самой Финляндіи вопроса о значеніи Спренгтпортена, приступаю къ изложенію собственно исторической части монографіи г. Тигерстедта.

I.

Георгій Магнусъ Спренгтпортенъ родился въ Финляндіи 16-го августа 1740 года. Отецъ его, майоръ Нюландскаго драгунскаго полка, умеръ уже въ 1744 году, а мать, рожденная Элиза Ульфспарре, прожила до 1782. Первое воспитаніе Спренгтпортенъ получилъ дома, на мызѣ Гаммельбакка близъ города Борго, подъ руководствомъ студента, который, не имѣя навыка обращаться между людьми, не могъ сообщить своему питомцу свѣтскихъ пріемовъ, о чемъ тотъ всю жизнь чрезвычайно жалѣлъ, какъ видно изъ его мемуаровъ, писанныхъ имъ 60-ти лѣтъ отъ роду: въ нихъ онъ досадуетъ, что шведскіе дворяне, хотя болѣе образованные, чѣмъ ихъ финляндскіе собратья, оказываютъ пренебреженіе къ послѣднимъ, потому что, находясь ближе ко двору и пріобрѣтая внѣшній лоскъ, считаютъ себя въ правѣ смотрѣть свысока на финляндцевъ. Изъ этихъ словъ можно заключить, что Спренгтпортенъ чувствовалъ себя неловко въ высшемъ обществѣ и что самолюбіе его сильно отъ того страдало. Уже въ 1752 году, двѣнадцати лѣтъ отъ роду, онъ поступилъ въ учрежденное королемъ Адольфомъ Фридрихомъ [1]) кадетское училище и такимъ образомъ нѣсколько приблизился ко двору, попавши въ кругъ молодыхъ сверст-

[1]) Адольфъ Фридрихъ, герцогъ Гольштинскій, двоюродный братъ Петра III, избранный въ преемники Фридриху I и затѣмъ вступившій въ супружество съ Ловизой Ульрикой, сестрой прусскаго короля Фридриха II, царствовалъ отъ 1751 до 1771 года. Густавъ III былъ его сынъ. *Я. Г.*

никовъ одного съ нимъ сословія. Но отъ этихъ новыхъ знакомцевъ пришлось ему вытерпѣть много насмѣшекъ за свой ломаный шведскій языкъ. Это, какъ самъ онъ разсказывалъ, озлобило его и навсегда внушило ему непримиримую ненависть къ Швеціи и ея народу. Но въ запискахъ своихъ Спренгтпортенъ ничего о томъ не упоминаетъ, а говоритъ напротивъ, что онъ можетъ быть уже съ молокомъ своей кормилицы, во время бѣгства въ 1742 — 1743 гг., всосалъ свою ненависть къ шведамъ. Кадетомъ онъ учился отлично, находя впрочемъ время и для любовныхъ похожденій и для столичныхъ удовольствій. Но уже въ 1756 г. военное училище, вслѣдствіе извѣстнаго заговора, было упразднено, и кадеты принуждены присутствовать при казни несчастныхъ, павшихъ жертвою интригъ Ловизы Ульрики [1]). По поводу закрытія школы 16-ти-лѣтній Спренгтпортенъ сдѣлался инженеромъ, въ слѣдующемъ году мы находимъ его въ Финляндіи, на службѣ въ Свеаборгѣ при знаменитомъ строителѣ этой крѣпости, Эренсвердѣ.

Спренгтпортенъ былъ принятъ имъ съ любовью и ласкою, и подъ его начальствомъ, въ теченіе 15-ти лѣтъ, совершенствовалъ свои врожденныя способности къ военному дѣлу. Съ своей стороны онъ вполнѣ оцѣнилъ достоинства Эренсверда и въ запискахъ своихъ свидѣтельствуетъ, что онъ былъ „aussi patriote dans ses principes que bon finnois dans l'âme". Въ померанскомъ походѣ Спренгтпортенъ вмѣстѣ съ Эренсвердомъ участвовалъ во все его продолженіе, отличаясь мужествомъ и находчивостью, особенно въ такъ называемой малой войнѣ. Два раза онъ былъ раненъ и въ 1760 г, попалъ въ плѣнъ, но уже въ 1761 г. получилъ свободу. Въ этомъ же году онъ былъ произведенъ въ капитаны арміи, съ жалованьемъ, и принятъ въ корпусъ волонтеровъ, организованный его сводным братомъ Яковомъ Магнусомъ. По окончаніи войны, онъ съ чиномъ капитана переведенъ былъ въ вербованный полкъ, состоявшій подъ начальствомъ брата его. Но съ этою должностью не было сопряжено никакой дѣйствительной службы, а можетъ быть и жалованья; поэтому онъ возвратился въ Финляндію, поселился въ Гаммельбаккѣ, женился въ 1764 г. на Аннѣ Елизаветѣ Глансенщерна и посвящалъ слѣдующіе годы дальнѣйшему самообразованію, занимаясь тактикой, военной исторіей, словесностью, рисованіемъ и музыкой. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ и по своему спеціальному званію не оставался празднымъ. Онъ помогалъ майору фонъ Германсону при рекогносцировкѣ русской границы на всемъ ея про-

[1]) Честолюбивая королева, отличавшаяся энергическимъ характеромъ, устроила заговоръ для возстановленія монархической власти, окончательно исторгнутой совѣтомъ изъ рукъ ея супруга. Но собранные въ то время государственные чины открыли этотъ заговоръ, и главные сообщники Ловизы Ульрики были осуждены на смертную казнь. Училище должно было принять участіе въ задуманномъ въ пользу короля возстаніи. *Я. Г.*

тяженіи: примѣръ и указанія такого талантливаго, свѣдущаго и опытнаго человѣка, какъ Германсонъ, не могли не принести великой пользы. И дѣйствительно, онъ вскорѣ доказалъ это, когда ему поручено было осмотрѣть норвежскую границу, и онъ въ одно лѣто съ большимъ умѣніемъ выполнилъ это порученіе. Можетъ быть, пожалованіе ему ордена меча (1767 г.) и его производство въ секундъ-майоры корпуса легкихъ финскихъ драгуновъ были наградами за успѣшное окончаніе этого дѣла.

Въ то же время Спренгпортенъ принималъ живое участіе въ тогдашней политической борьбѣ шведовъ. По своимъ убѣжденіямъ онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ и Эренсвердомъ, принадлежалъ къ партіи Шапокъ. Какъ дворянинъ, онъ присутствовалъ на сеймѣ 1771—1772 гг. и усердно отстаивалъ мнѣнія этой партіи. Особенно горячо защищалъ онъ притязанія дворянства удержать за собою преобладаніе на сеймахъ. Но когда мнѣніе податныхъ сословій восторжествовало, когда Шапки все смѣлѣе и рѣшительнѣе хотѣли пользоваться плодами и выгодами господства, тогда и братья Спренгтпортены примкнули къ королю, чтобы въ союзѣ съ нимъ ослабить силу Шапокъ.

Главнымъ дѣятелемъ при этомъ былъ Спренгтпортенъ: онъ взялся возбудить въ Финляндіи сопротивленіе государственнымъ чинамъ и затѣмъ перевести финское войско въ Швецію для поддержки короля. Это порученіе Яковъ Спренгтпортенъ выполнилъ съ успѣхомъ при помощи своего брата; но еще до ихъ прибытія въ Швецію Густавъ III столь же отважно, какъ и умно, совершилъ извѣстный переворотъ для возстановленія монархической власти.

Густавъ щедро наградилъ всѣхъ содѣйствовавшихъ ему при этомъ переворотѣ. И Георгій Спренгтпортенъ вскорѣ удостоился получить нѣсколько знаковъ милости и довѣрія короля. Уже 18-го сентября 1772 г. онъ былъ произведенъ въ полковники легкаго драгунскаго полка, а 9-го марта 1775 г. назначенъ въ должность, которая повидимому всего болѣе подходила къ роду его ума и давала ему возможность выказать свои блестящія способности: ему ввѣрено было начальство надъ Саволакскою бригадой, состоявшею изъ многихъ отличныхъ полковъ, и такимъ образомъ на него возлагалась непосредственная забота о мѣрахъ къ оборонѣ всей восточной границы. Онъ принялся за это дѣло со всею энергіей и рѣшительностью своего пылкаго характера. Любя свой край и народъ, онъ могъ достигнуть важныхъ результатовъ.

Во всей той части Саволакса и Кареліи, которая еще принадлежала шведамъ, не было никакого укрѣпленія, способнаго служить точкою опоры или оплотомъ при вторженіи непріятеля; назначенныя для защиты этой стороны войска были такъ малочисленны или разсѣяны, что не могли быть наготовѣ въ случаѣ внезапнаго нападенія. Поэтому

старанія Спренгтпортена прежде всего были направлены къ тому, чтобы съ помощью самаго населенія усилить оборонительныя средства Саволакса и Кареліи и приспособить ихъ къ природѣ края и народа. Финны смотрятъ вообще съ недовѣріемъ на распоряженія лицъ, принадлежащихъ къ сословію господъ, особенно когда нужны деньги; но Спренгтпортенъ умѣлъ убѣдить жителей, что онъ думаетъ только о ихъ пользѣ, и они безпрекословно его слушались.

Его планы для обороны Кареліи удались не вполнѣ. Онъ обвиняетъ въ томъ правительство, которое мало обращало вниманія на эту отдаленную провинцію. „И однакожъ", замѣчаетъ онъ, — „въ Кареліи водятся превосходнѣйшія лошади, какихъ только можно желать, лишь бы умѣть ими пользоваться; ея жители, принужденные почти безпрерывно воевать со своими сосѣдями, сильны и воинственны; въ три мѣсяца молодой финнъ могъ бы выучиться бѣгать въ полномъ вооруженіи, съ быстротою римскаго солдата". Тѣмъ не менѣе дѣятельность Спренгтпортена не осталась безплодною для Кареліи. При поддержкѣ духовенства онъ въ 1776 г. убѣдилъ крестьянъ взносить порядочную ежегодную подать на содержаніе корпуса егерей въ 600 человѣкъ. Сформированію этого корпуса помѣшало только опасеніе нарушить мирныя отношенія къ Россіи.

Успѣшнѣе казалась Спренгтпортену его дѣятельность въ Саволаксѣ. И здѣсь жители, которыхъ онъ хвалитъ за ихъ патріотизмъ и благородное славолюбіе, легко согласились платить новый налогъ на издержки по сборамъ войска для упражненій. Составленъ былъ резервный полкъ. Сверхъ того Спренгтпортенъ съ большимъ тщаніемъ выработалъ новый уставъ полковыхъ ученій, который, по свидѣтельству знатоковъ военнаго дѣла, отличался большою простотой и приспособленіемъ къ мѣстнымъ условіямъ; онъ былъ утвержденъ королемъ въ 1779 г. и долго оставался въ силѣ.

Для снабженія драгуновъ лошадьми Спренгтпортенъ основалъ въ Гаапаньеми конскій заводъ; а чтобы военная молодежь знакомилась съ характеромъ мѣстности, онъ заставлялъ юнкеровъ, подъ руководствомъ свѣдущихъ офицеровъ, производить рекогносцировки по выработанной имъ инструкціи; они должны были чертить карты и составлять планы военныхъ дѣйствій на случай вторженія непріятеля. Послѣ рекогносцировокъ упражненія оканчивались въ Брагелиннѣ, служебной квартирѣ Спренгтпортена. Онъ самъ то совѣтомъ, то дѣломъ участвовалъ въ этихъ трудахъ и давалъ своимъ подчиненнымъ поводъ замѣчать, что начальникъ ихъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и настоящимъ мастеромъ во всѣхъ отрасляхъ военнаго искусства.

Заведенныя имъ ежегодныя воинскія сходки получали каждый разъ болѣе и болѣе значенія; это были маленькія войны съ битвами, засадами, нападеніями врасплохъ, и мало-по-малу онѣ пріобрѣли та-

кую извѣстность, что смотрѣть ихъ для своего назиданія съѣзжались офицеры не только изъ Финляндіи и Швеціи, но и изъ Россіи. Всѣ предпринимавшіяся при этомъ движенія чертились на бумагѣ и описывались; самъ Спренгтпортенъ описалъ на финскомъ языкѣ маневры, произведенные имъ въ 1775 и 1776 гг. Ученіе, по его словамъ, должно быть просто, удобопонятно и свободно отъ всякаго педантизма, „годнаго только для парадовъ". Солдата необходимо „упражнять въ маршахъ и эволюціяхъ, чтобы въ строю развертываться и опять строиться, вотъ самое существенное для солдата". Подъ руководствомъ Спренгтпортена егеря научились искуснѣе обращаться съ знаменитыми штуцерами, изобрѣтенными его братомъ и уже прежде введенными въ употребленіе. Всего болѣе важности придавалъ онъ дисциплинѣ, помощію которой, говорилъ онъ, можно сдѣлать изъ солдата все, что угодно. У него дисциплина была постоянная и строгая, но не оскорбительная и не жестокая; онъ всегда обращался съ солдатами благодушно и терпѣливо; тяжкихъ наказаній при немъ не бывало.

Въ своихъ запискахъ онъ излагаетъ самыя человѣколюбивыя и просвѣщенныя правила объ обязанностяхъ начальника къ подчиненнымъ ему офицерамъ. Онъ не только заботился какъ отецъ о матеріальномъ положеніи бывшихъ у него въ командѣ людей, облегчая ихъ производство и помогая имъ часто изъ собственныхъ своихъ средствъ, но старался содѣйствовать и къ ихъ дальнѣйшему образованію. Хорошая библіотека его всегда была для нихъ открыта; часть 2000 риксдалеровъ, назначенныхъ ему на экипировку и обзаведеніе въ новой должности, была имъ употреблена на покупку книгъ. Отправляясь въ Стокгольмъ или въ Петербургъ, онъ бралъ съ собою на свой счетъ нѣсколько бѣднѣйшихъ офицеровъ; одного онъ даже послалъ учиться въ Страсбургъ. Наконецъ, онъ устроилъ въ Брагелиннѣ небольшое военное училище на восьмерыхъ волонтеровъ, которые безплатно пользовались уроками по фортификаціи, рекогносцировкѣ и артиллеріи; въ преподаваніи онъ самъ участвовалъ и лучшимъ изъ учениковъ раздавалъ медали и другія награды.

Эта школа сдѣлалась любимымъ его дѣтищемъ. Желая упрочить ее, онъ представилъ королю проектъ учрежденія кадетскаго училища въ Гаапаньеми на 16 волонтеровъ Саволакской бригады. Король, выразивъ ему свое удовольствіе за благую мысль, утвердилъ представленіе, и 1-го августа 1780 года предположенное военное училище было открыто въ Куопіо, а потомъ, когда въ Гаапаньеми готовы были нужныя строенія, переведено туда 1-го мая 1781 года.

Хотя собственно только военная часть въ Саволаксѣ была поручена Спренгтпортену, но онъ умѣлъ и въ другихъ отрасляхъ управленія пріобрѣсти преобладающее вліяніе и проводить свои мысли. Всѣ гражданскія должности замѣщались по его рекомендаціямъ; безъ

его участія не былъ назначаемъ ни одинъ пасторъ, ни одинъ исправникъ.

Вообще дѣятельность Спренгтпортена въ Саволаксѣ отъ 1775 по 1779 годъ имѣла огромное значеніе для подъема благосостоянія этой области во всѣхъ отношеніяхъ, не только по исходившимъ прямо отъ него мѣрамъ, но и по тому оживленію, какое онъ вызывалъ въ зависѣвшей отъ него средѣ. Его дѣятельность была такъ благородна, такъ проникнута патріотизмомъ, что мы видимъ въ ней одинъ изъ прекраснѣйшихъ эпизодовъ въ исторіи нашего края. Но, къ сожалѣнію, этотъ эпизодъ производитъ на насъ и впечатлѣніе другого рода: противъ нашей воли онъ напоминаетъ намъ, что Спренгтпортенъ, снова явившійся въ Саволаксѣ въ 1789 году, былъ уже не тѣмъ, какимъ онъ покинулъ этотъ край 1779, „aussi patriote dans ses principes que bon finnois dans l'âme“ [1]). Какъ могла произойти такая перемѣна, это мы увидимъ далѣе.

II.

Обширная власть, предоставленная Спренгтпортену въ Саволаксѣ, мало-по-малу оказала на него самого вредное вліяніе: она развила въ немъ такое высокомѣріе, что онъ, требуя отъ всѣхъ безусловнаго повиновенія, не терпѣлъ ни малѣйшаго противорѣчія и, избалованный успѣхомъ всѣхъ своихъ представленій, легко могъ разойтись съ самимъ королемъ во взглядахъ на лучшія мѣры къ благосостоянію края. Дѣйствительно, уже зимой 1776 г. расположеніе короля къ Спренгтпортену поколебалось, и послѣдній самъ разсказываетъ, что лѣтомъ этого же года какой-то завистникъ интриговалъ противъ него. Въ 1777 г. онъ былъ уже такъ недоволенъ своимъ положеніемъ, что въ декабрѣ, подъ предлогомъ болѣзни и другихъ тяжелыхъ обстоятельствъ, просилъ увольненія. На этотъ разъ Густавъ III удержалъ его, но въ слѣдующемъ году, когда Спренгтпортенъ по обыкновенію проводилъ зиму въ Стокгольмѣ, произошли опять недоразумѣнія между нимъ и королемъ по поводу того, что Спренгтпортенъ часто являлся на поклонъ къ герцогу Фридриху [2]). Несчастный раздоръ въ королевскомъ семействѣ, возникшій въ то время вслѣдствіе беременности королевы, былъ причиной недовѣрія Густава къ тѣмъ, которые были заодно съ его врагами, а къ послѣднимъ онъ причислялъ и своего бртта. Но когда Спренгтпортену удалось объясниться, Густавъ со-

---

[1]) Отзывъ Спренгтпортена объ Эренсвердѣ, строителѣ Свеаборга. См. выше стр. 381.

[2]) Фридрихъ Адольфъ, младшій братъ Густава III, мало принимавшій участія въ политическихъ дѣлахъ Швеціи, человѣкъ добродушный, но не одаренный большими способностями, ум. 12-го декабря 1803 г. въ Монпелье. *Я. Г.*

зналъ свою ошибку и великодушно извинился. „Вы сами“, сказалъ онъ, по свидѣтельству Спренгтпортена, — „часто меня подозрѣвали, но я прощалъ вамъ это; теперь мнѣ въ первый разъ случилось провиниться такимъ же образомъ предъ вами, такъ и вы можете простить меня“. Неудивительно, что Спренгтпортенъ „растаялъ отъ умиленья“. Казалось, что прежняя милость была ему вполнѣ возвращена, и онъ поспѣшилъ просить позволенія отправиться на казенный счетъ за границу для усовершенствованія себя въ военномъ дѣлѣ. Король обѣщалъ подумать.

Бывшее между Густавомъ и Спренгтпортеномъ объясненіе происходило въ апрѣлѣ 1778 года, и вскорѣ послѣ того Спренгтпортенъ возвратился къ своей должности въ Саволаксъ; лѣтомъ того же года состоялись, въ Рандасальми, самые блестящіе маневры при участіи всей подчиненной ему бригады. Но вскорѣ надъ нимъ собрались новыя тучи. Въ сентябрѣ того же года генералъ Іоаннъ Спарре производилъ инспекцію Саволакской бригады; Спренгтпортенъ оказался безупречнымъ, но возымѣвъ подозрѣніе, что генералу хотѣлось подвести его, онъ очень огорчился. Еще болѣе оскорбило его то, что изъ всѣхъ полковыхъ командировъ онъ одинъ не былъ приглашенъ на сеймъ 1778 года. Вмѣсто того Спренгтпортену было приказано отправиться, по выраженному имъ желанію, за границу и съ прусскою арміей принять участіе въ войнѣ за наслѣдство австрійскаго престола: можетъ быть, Густавъ опасался, чтобы Спренгтпортенъ, по своему безпокойному и мнительному нраву, не позволилъ себѣ какихъ-нибудь неприличныхъ выходокъ на предстоявшемъ сеймѣ, на которомъ король желалъ убѣдиться, что всѣ довольны новымъ порядкомъ вещей. Спренгтпортенъ поѣхалъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ черезъ Россію. Его дѣятельность въ Саволаксѣ и вліяніе, пріобрѣтенное имъ на тамошнее населеніе, обратили на него вниманіе сосѣдняго государства; петербургское правительство рѣшилось попытаться, нельзя ли склонить его на свою сторону. Еще въ 1776 г. зимою русскій посланникъ въ Стокгольмѣ, хитрый Симолинъ, почти ежедневно удостоивалъ его своихъ посѣщеній, хотя принимаемъ былъ холодно. Послѣ того значеніе Спренгтпортена все усиливалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ росло и желаніе русскаго правительства воспользоваться имъ. Въ проѣздъ его черезъ Россію (въ апрѣлѣ 1779 г.) ему оказанъ былъ самый лестный пріемъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы вполнѣ удовлетворить его гордость и самомнѣніе. „Въ Фридрихсгамѣ, черезъ который онъ проѣзжалъ ночью, ему представились важнѣйшіе изъ жителей; то же самое было въ Выборгѣ, гдѣ кромѣ того къ его квартирѣ приставленъ былъ почетный караулъ изъ 25 гренадеровъ; въ честь его давались балы, маскарады; въ Петербургѣ его также чествовали блестящимъ образомъ“. Такого пріема не удостоивался до тѣхъ поръ ни одинъ иностранный принцъ,

ни даже (?) Прусскій принцъ Генрихъ, братъ Фридриха Великаго, посѣтившій императрицу въ 1771 году. Въ Петербургѣ онъ изучалъ устройство и положеніе русской арміи, осматривалъ военно-учебныя заведенія и т. п. Отпустивъ своихъ спутниковъ, онъ оттуда, черезъ Курляндію, Польшу и Силезію, отправился въ Берлинъ, но по пріѣздѣ въ этотъ городъ узналъ, что между тѣмъ состоялся тешенскій миръ, и потому, побывавъ на маневрахъ въ Берлинѣ и Потсдамѣ, поѣхалъ въ Парижъ. Здѣсь онъ предался любовнымъ похожденіямъ и другимъ удовольствіямъ, такъ что всѣ деньги, полученныя имъ на путешествіе, скоро были истрачены.

На этомъ обстоятельствѣ мы должны немного остановиться, такъ какъ отсюда начинается новый поворотъ въ жизни Спренгтпортена. О количествѣ суммы, выданной ему на путевыя издержки, есть различныя показанія; но свидѣтельства нѣсколькихъ лицъ согласны въ томъ, что онъ сорилъ деньгами и не разъ прибѣгалъ къ выдачѣ векселей на короля, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одинъ былъ опротестованъ. Всего правдоподобнѣе свѣдѣніе, что Спренгтпортенъ получилъ отъ Густава III на свое путешествіе 2.000 червонцевъ [1]). Когда эта сумма истощилась, то онъ просилъ новаго пособія, а получивъ отказъ, отправилъ изъ Парижа просьбу объ увольненіи, въ надеждѣ что король, считая его незамѣнимымъ, опять не согласится на его отставку и поправитъ его финансовыя обстоятельства. Но на этотъ разъ онъ жестоко ошибся. По его собственнымъ словамъ, просьба его была удовлетворена черезъ сутки послѣ ея подачи, 7-го мая 1780 года, при чемъ ему было позволено передать свою должность за 5.000 риксдалеровъ (11.000 руб.). Такая неудача не лишила его однакожъ надежды скоро быть снова принятымъ въ шведскую службу. Съ этою цѣлью онъ явился къ королю въ Спа (въ августѣ того же года), но увидѣлъ, что Густава уже не переубѣдить. „Изъ всѣхъ сдѣланныхъ мнѣ предложеній“, разсказываетъ Спренгтпортенъ, — „онъ повидимому забылъ одно: предложеніе возвратиться въ отечество“. Объясненіе кончилось тѣмъ, что Спренгтпортенъ, еще сильнѣе раздраженный, торжественно заявилъ, что онъ никогда болѣе не станетъ служить Густаву III, ибо, по замѣчанію Ферзена, „онъ признавалъ отечествомъ только ту страну, которая будетъ кормить его: ей онъ готовъ былъ служить усердно“.

Многіе, какъ Ферзенъ и Адлеркрейцъ, обвиняютъ Густава III за то, что онъ не захотѣлъ возвратить на службу лицо, которое своими способностями могло способствовать къ прославленію его царствованія; но мы находимъ весьма естественнымъ, что король опасался человѣка, который своею мнительностью, запальчивостью, высокомѣріемъ и не-

---

[1]) Что на русскія деньги, по нынѣшнему курсу, составило бы около 9.000 руб.

насытными притязаніями неоднократно доставлялъ ему непріятности и котораго онъ разъ уже съ трудомъ упросилъ остаться на службѣ. Кромѣ того, отъ проницательности Густава не могло укрыться, что хотя бы съ Спренгтпортена и снята была опала, новый разрывъ въ скоромъ времени все-таки былъ бы неизбѣженъ; и если справедливо свидѣтельство Ферзена, что Спренгтпортенъ, не довольствуясь своимъ положеніемъ въ Саволаксѣ, придумывалъ разные способы утвердиться при дворѣ, у короля ли, или у принцевъ, то едва-ли Густавъ и могъ поступить иначе.

Аудіенція въ Спа подѣйствовала на Спренгтпортена совершенно особеннымъ образомъ. До сихъ поръ его поведеніе было во всѣхъ отношеніяхъ безукоризненно: теперь оно принимаетъ иной видъ: всѣ его стремленія обращаются въ противоположную сторону, онъ становится измѣнникомъ королю и отечеству; у него вдругъ является такая пламенная любовь къ Финляндіи, что онъ ей готовъ принести въ жертву счастье и жизнь: онъ становится пресловутымъ представителемъ финской національности.

Мы съ удивленіемъ спрашиваемъ себя: какъ произошла эта перемѣна, какія были причины этой внезапной вспышки своеобразнаго финскаго патріотизма? И по нашему убѣжденію, основанному на вышеизложенныхъ фактахъ, отвѣтъ долженъ быть такой: Спренгтпортенъ полагалъ, что ему слѣдовало получить отъ короля болѣе значительное пособіе на пребываніе за границею; разсердясь на Густава за отказъ, онъ подалъ въ отставку и, противъ ожиданія, получилъ ее; просился снова въ шведскую службу, но безуспѣшно, и затѣмъ сдѣлался финскимъ патріотомъ. Итакъ, главною причиною перемѣны всего его образа мыслей было самое низкое побужденіе: все дѣло состояло въ деньгахъ, въ какихъ-нибудь двухъ тысячахъ риксдалеровъ. Его самолюбіе было оскорблено, его гордость испытала жестокій ударъ; онъ запылалъ непримиримою ненавистью къ Густаву и поклялся отмстить ему. Спренгтпортену показалось, что всего больнѣе онъ можетъ уязвить Густава въ Финляндіи: тамъ онъ былъ извѣстенъ и пользовался вліяніемъ, оттуда не далеко было до Россіи: онъ рѣшился отторгнуть Финляндію отъ Швеціи, вовсе не заботясь о желаніяхъ излюбленной страны или о средствахъ къ ея благосостоянію.

Иначе смотритъ г. Ю. Коскиненъ на побужденія, какими руководился Спренгтпортенъ въ своемъ намѣреніи разорвать связь между Швеціей и Финляндіей въ его глазахъ это намѣреніе было вызвано образомъ дѣйствій Густава. Въ удаленіи Спренгтпортена изъ Саволакса и въ послѣдовавшей затѣмъ отставкѣ его г. Коскиненъ видитъ выраженіе недовѣрія Густава III, не къ Спренгтпортену лично, а вообще къ финнамъ. Эту мысль мы, съ своей стороны (говоритъ г. Тигерстедтъ), считаемъ величайшимъ нарушеніемъ исторической ис-

тины и въ доказательство ея невѣрности напомнимъ только, что въ царствованіе Густава не только почти всѣ должностныя лица, какъ высшія, такъ и низшія, въ администраціи, въ законодательствѣ, въ церковномъ управленіи и въ войскѣ, были родомъ изъ Финляндіи, но и многіе изъ приближенныхъ къ королю, Мункъ, Крейцъ, Аминовъ, были финны, не говоря уже объ Армфельтѣ, не имѣвшемъ соперниковъ въ милости Густава и пользовавшемся исключительною его дружбой.

Г. Коскиненъ находитъ довольно правдоподобнымъ показаніе Спренгтпортена, что онъ былъ отставленъ съ цѣлью доставить королю возможность безпрепятственно исполнять планы, придуманные имъ для угнетенія Финляндіи, успѣхи и благосостояніе которой, будто бы, всегда возбуждали зависть Шведовъ. Но г. Коскиненъ не привелъ ни одного факта, который бы указывалъ, что Густавъ III послѣ удаленія Спренгтпортена измѣнилъ въ отношеніи къ Финляндіи свою систему управленія. Исторія Густава III еще не написана и ее еще долго не будетъ. Хотя скоро и исполнится сто лѣтъ со времени его кровавой смерти, но страсти, бушевавшія вокругъ его престола, еще и до сихъ поръ кипятъ съ неменьшею силою. Никто съ такою горечью какъ онъ не страдалъ отъ потаеннаго и потому неотразимаго жала клеветы; еще и теперь его преслѣдуютъ ложь и злорѣчіе. Онъ никогда не былъ милъ такъ называемымъ „патріотамъ", потому что его любовь къ отечеству не была одною фразой; оттого-то и народъ частью сознательно, частью инстинктивно, видѣлъ въ немъ не короля только, но друга. Его внѣшняя политика уже блистательно оправдана Бесковомъ [1]; конечно, и внутренняя будетъ когда-нибудь представлена въ настоящемъ свѣтѣ. Что касается собственно Финляндіи, то онъ для нея сдѣлалъ болѣе нежели кто-либо другой со временъ Петра Браге [2]; свѣтъ отъ него исходившій, разливалъ свой теплый, животворный блескъ въ отдаленнѣйшіе концы этого края и сообщалъ жителямъ ту силу и бодрость, которыя дали имъ возможность перенести позднѣйшія испытанія.

---

[1]) Баронъ Бернгардъ Бесковъ, извѣстный шведскій писатель (род. 1796, ум. 1868 г.), издалъ между прочимъ на французскомъ языкѣ исторію Густава III, которой однакожъ не успѣлъ кончить (Gustave III, par le baron de *Beskow* Stochkolm. 1868). О его сочиненіяхъ и дѣятельности въ званіи непремѣннаго секретаря Шведской академіи см. мои „Филологическія Разысканія", т. I. *Я. Г.*

[2]) Графъ Петръ Браге (род. 1602, ум. 1680), одинъ изъ достойнѣйшихъ вельможъ при Густавѣ II Адольфѣ и его преемникахъ, прославился особенно своими заслугами въ качествѣ генералъ-губернатора Финляндіи, обязанной ему основаніемъ многихъ учебныхъ заведеній, и въ томъ числѣ Абоскаго университета. О его дѣятельности см. изданный мною „Альманахъ въ память двухсотлѣтняго юбилея Александровскаго университета" (Гельсингфорсъ 1843) *(См. I. т. „Трудовъ")*. *Я. Г.*

III.

До окончательнаго разрыва съ Густавомъ III, Спренгтпортенъ сбирался стать въ ряды французской арміи для борьбы за свободу сѣверо-американцевъ, но прострѣленная рука [1]) помѣшала ему осуществить это намѣреніе. Послѣ бурной сцены въ Спа Спренгтпортенъ поѣхалъ опять въ Парижъ. Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ Веньяминомъ Франклиномъ, посланникомъ американскихъ штатовъ, и это сближеніе не осталось безъ вліянія на образъ дѣйствій Спренгтпортена: оно утвердило его въ предпріятіи отторгнуть Финляндію отъ Швеціи. Изъ своихъ финансовыхъ затрудненій вышелъ онъ благодаря значительной ссудѣ, полученной имъ отъ шведскаго посланника въ Парижѣ, графа Густава Филиппа Крейца, и пробывъ два съ половиной года за границей, онъ воротился въ Финляндію въ августѣ 1781 года.

По пріѣздѣ туда Спренгтпортенъ, не теряя времени, началъ дѣйствовать для осуществленія своихъ плановъ. Казалось бы, что его мечты о независимости должны были встрѣтить общее сочувствіе, такъ какъ, по отзывамъ его самого и его приверженцевъ, Финляндія никогда не бывала въ такомъ угнетенномъ положеніи, какъ при Густавѣ III. Между тѣмъ огромное большинство жителей выслушивало съ негодованіемъ внушенія Спренгтпортена. По сознанію одного изъ самыхъ усердныхъ приверженцевъ его, стремленія къ самостоятельности нашли сопротивленіе „во всѣхъ крестьянахъ, которые обыкновенно бываютъ довольны настоящимъ, когда не чувствуютъ себя совершенно несчастными и съ которыми напрасно было пускаться въ подробности, превышавшія ихъ понятія“; далѣе, противниками оказались „пасторы, которые никогда не могутъ полюбить республиканскаго образа правленія“, а наконецъ и всѣ, зависѣвшіе отъ Швеціи по своимъ доходамъ, по фабричнымъ или торговымъ дѣламъ. Словомъ: со стороны всѣхъ трехъ податныхъ сословій можно было ожидать только враждебнаго отношенія къ громкой затѣѣ.

Оставалось попытаться, не болѣе ли патріотизма окажется въ финскомъ дворянствѣ, чѣмъ въ прочихъ жителяхъ края, и въ этомъ сословіи работа Спренгтпортена осталась не совсѣмъ безплодною. Въ Финляндіи, какъ и въ Швеціи вообще, дворянство питало къ королю глубокую ненависть, вызванную различными причинами, коренивши-

---

[1]) Злые языки утверждали, будто онъ самъ нанесъ себѣ эту рану, чтобъ не быть обязаннымъ итти въ походъ со своимъ полкомъ, такъ какъ онъ былъ влюбленъ въ одну парижанку и проигралъ въ карты всѣ свои деньги.

мися въ переворотѣ 1772 года [1]); но и въ средѣ дворянства никто, въ эпоху возвращенія Спренгтпортена изъ Франціи, не думалъ объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи. Тѣмъ не менѣе, при тогдашнемъ настроеніи дворянъ, нѣкоторые изъ нихъ могли быть увлечены разными приманками къ участію въ планахъ, придуманныхъ Спренгтпортеномъ для собственнаго его возвеличенія, или, какъ самъ онъ увѣрялъ, ради самобытности Финляндіи.

Поселившись на мызѣ Се́ста (въ кирхшпилѣ На́стола), имѣніи, полученномъ имъ по завѣщанію старой тетки, онъ прежде всего обратился къ сосѣдямъ землевладѣльцамъ, изъ коихъ нѣкоторые были въ родствѣ съ нимъ, и скоро склонилъ ихъ на свою сторону. Но на первыхъ порахъ число его приверженцевъ не превышало двѣнадцати. Если принять, что въ случаѣ успѣха къ нимъ присоединились бы и многіе другіе, то все-таки партія его по количеству была бы ничтожна въ сравненіи съ цѣлымъ классомъ финскаго дворянства. Но кромѣ того, надо замѣтить, что къ нему примкнули, большею частью, люди безъ особеннаго значенія, такіе, которые либо надѣялись поправить свои дѣла, либо были увлечены юношескимъ легкомысліемъ. Едва-ли кто изъ нихъ думалъ о благѣ Финляндіи. Это было нѣчто въ родѣ заговора Катилины. Важнѣе другихъ были: Де-Гэръ (De Geer), Хестеско́, Кликъ и Егерхо́рнъ.

Вступленіе въ заговоръ кюмменегордскаго губернатора, барона Роберта Вильгельма Де-Гэра, покуда остается для насъ загадкою. Въ губернаторы онъ былъ назначенъ королемъ, хотя всѣ родственники его принадлежали къ оппозиціи, и потому долженъ бы былъ всячески стараться оправдать оказанное ему довѣріе. Его поведеніе можетъ быть объяснено развѣ только тѣмъ, что родъ его издавна относился сочувственно къ Россіи и что самъ онъ одно время служилъ подъ начальствомъ Спренгтпортена, слѣдовательно находился подъ личнымъ его вліяніемъ. Однакожъ онъ не настолько былъ замѣшанъ въ планы о независимости Финляндіи, чтобы понести за то юридическую отвѣтственность. Его отношенія къ Спренгтпортену не могли укрыться отъ короля, и потому Де-Гэръ впослѣдствіи былъ первымъ изъ тѣхъ, къ кому Густавъ приложилъ дарованное ему сеймомъ право увольнять довѣренныхъ лицъ: уже 18-го мая 1789 г. онъ былъ уволенъ отъ своей должности. О немъ, какъ человѣкѣ и губернаторѣ, мнѣніе еще не установилось, но на Боргоскомъ сеймѣ (при присоединеніи Финляндіи къ Россіи) онъ съ честью исполнилъ свое дѣло, и позднѣе, принадлежа къ составу высшаго управленія Финляндіи, оказалъ ей услуги въ эту важную эпоху.

---

[1]) Подъ именемъ переворота 1772 г. въ шведской исторіи разумѣются рѣшительныя мѣры, неожиданно принятыя Густавомъ III въ началѣ его царствованія, 19-го августа, для обузданія самовластія вельможъ и возстановленія монархической власти. *Я. Г.*

Хестеско́ былъ полковникомъ Абоскаго полка, и присоединеніе его къ заговорщикамъ было бы чрезвычайно важно, еслибъ онъ могъ или хотѣлъ дѣйствовать энергически. Но будучи, по свидѣтельству Портана [1]), самымъ короткимъ пріятелемъ Спренгтпортена, онъ никогда не хотѣлъ сознаться, что принадлежалъ къ партіи, желавшей независимости Финляндіи, или хотя бы только зналъ о замыслахъ этой партіи. Повидимому, онъ едва-ли когда-нибудь и старался дѣйствовать въ этомъ смыслѣ на своихъ подчиненныхъ. Ни Крейцъ (Ма́льманенъ) [2]), ни Рейнъ не упоминаютъ вовсе объ участіи его въ заговорѣ Спренгтпортена. Юлій Коскиненъ въ своемъ учебникѣ первый причисляетъ Хестеско́ къ партіи самобытниковъ. Ясно только, что онъ всего болѣе заботился о своихъ собственныхъ выгодахъ, но такъ, чтобы этого нельзя было замѣтить, отчего и могло произойти, что онъ будучи союзникомъ Спренгтпортена, считался добрымъ роялистомъ. Впрочемъ, есть свидѣтельство, что онъ „былъ дурной человѣкъ, сутяжничалъ, барышничалъ и притѣснялъ подчиненныхъ".

Изъ приверженцевъ Спренгтпортена только двое—Кликъ [3]) и Егерхорнъ — дѣйствительно работали для цѣли заговора и для нея рисковали всѣмъ. Первый давно былъ недоволенъ правленіемъ Густава III и высказывалъ свое неудовольствіе въ газетѣ майора Лунда „Благодѣтельная свобода печати", рѣзкой оппозиціонной газетѣ 1780—1783 годовъ. Въ лигу отторженія Кликъ вступилъ побуждаемый ненавистью къ королю, благоговѣніемъ къ своему бывшему учителю Спренгтпортену, наконецъ ложною увѣренностью, будто къ послѣднему примкнула большая часть финляндскаго дворянства. Впослѣдствіи когда не удались собственныя попытки Клика къ осуществленію плановъ независимости, онъ сталъ отклонять другихъ отъ этихъ замысловъ, представляя, что они несбыточны по малочисленности ихъ приверженцевъ, и могутъ привести только къ внутреннимъ раздорамъ и бѣдствіямъ.

Изъ всѣхъ единомышленниковъ Спренгтпортена наиболѣе вниманія заслуживаетъ Егерхорнъ. Менѣе другихъ имъ руководили повидимому частные интересы и своекорыстныя цѣли, хотя и объ немъ ходитъ молва, что онъ искалъ приключеній изъ славолюбія и жадности къ деньгамъ. Онъ родился въ 1757 году и уже 14-лѣтъ поступилъ

---

[1]) Гавріилъ Портанъ (Porthan, род. 1739, ум. 1804), знаменитый профессоръ римской словесности въ Абоскомъ университетѣ, считается родоначальникомъ національнаго направленія въ финской литературѣ и оказалъ ей незабвенныя услуги своими изслѣдованіями по языку и исторіи края, собираніемъ древностей и т. п. *Я. Г.*

[2]) Подъ псевдонимомъ *Мальманенъ* финляндецъ гр. Крейцъ (впослѣдствіи абоскій губернаторъ) издалъ свое изслѣдованіе объ Аньяльской конфедераціи: Anjala-Förbundent. Stockholm 1848. *Я. Г.*

[3]) Майоръ Кликъ въ 1799 году составилъ записку для какого-то русскаго сановника, въ которой въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ изобразилъ Густава III и его отношенія къ Финляндіи *Я. Г.*

капраломъ въ Нюландскій драгунскій полкъ. За это время его описываютъ, какъ благовоспитаннаго молодого человѣка съ прекрасными наклонностями. Позднѣе его взялъ на свое попеченіе родственникъ его Спренгтпортенъ, который развилъ его воинскія способности и далъ ему мѣсто учителя въ своемъ военномъ училищѣ въ Брагелиннѣ. Егерхорна считали человѣкомъ съ свѣтлою головой, очень живымъ, пріятнымъ собесѣдникомъ и свѣдущимъ офицеромъ. Но увлекаемый причудливою фантазіей, онъ любилъ строить несбыточные планы и всякаго рода проекты. Его участіе въ заговорѣ имѣло большое значеніе по вліянію, какимъ онъ пользовался въ такъ называемомъ орденѣ Валгаллы, образовавшемся въ 1780-хъ годахъ и скоро пріобрѣвшемъ до ста членовъ; всѣ они были финскіе дворяне, разсѣянные по цѣлому краю. Въ этомъ орденѣ, центральнымъ пунктомъ котораго былъ Свеаборгъ, господствовалъ первоначально монархическій духъ, но по мѣрѣ того, какъ возрастало неудовольствіе дворянъ противъ Густава III, на сборищахъ ордена стали толковать объ обязанностяхъ государей, ссылаясь на Рейналя, Руссо и Гельвеція. Не надо однакожъ думать, чтобы благородные ораторы, когда дѣло касалось ихъ самихъ, отличались особеннымъ либерализмомъ. Они разглагольствовали противъ тираніи монарховъ и желали заключить королевскую власть въ тѣсныя границы, но никакъ не хотѣли отказаться отъ своихъ дѣйствительныхъ или воображаемыхъ правъ. Орденъ Валгаллы былъ обязанъ Егерхорну своимъ учрежденіемъ или развитіемъ и состоялъ подъ его начальствомъ или управленіемъ. Завѣдывавшіе командорствами (округами) ордена, на которые Финляндія была раздѣлена, должны были доносить главѣ его обо всемъ, что въ каждомъ изъ нихъ происходило замѣчательнаго; при этихъ сообщеніяхъ, требовавшихъ тайны, употребляли шифрованное письмо. Можетъ быть, Егерхорнъ хотѣлъ посредствомъ этого ордена дѣйствовать въ пользу плановъ Спренгтпортена, но за исключеніемъ трехъ лицъ (Глансеншерны, Клика и Ладау) [1]), упоминаемыхъ въ числѣ высшихъ дѣятелей ордена, мы не знаемъ другихъ членовъ, которые бы раздѣляли политическіе взгляды своего начальника.

Въ 1783 году начинается новый періодъ въ жизни Спренгтпортена. Въ іюнѣ мѣсяцѣ Густавъ III ѣздилъ въ Фридрихсгамъ на свиданіе съ русскою императрицей; онъ хотѣлъ удостовѣриться въ нейтралитетѣ Екатерины на случай, еслибъ Швеція задумала овладѣть Норвегіей. Сначала результатъ свиданія показался Густаву вполнѣ удовлетворительнымъ, но уже въ маѣ 1784 года онъ былъ выведенъ изъ заблужденія письмомъ Екатерины, которое въ шуточной формѣ заключало

[1]) Отставной капитанъ Лаврентій Глансеншерна, Lars Renhotd Glansenstjerna, былъ шуринъ Спренгтпортена (братъ жены его); капитанъ Густавъ Ладау (Gustaf Wihelm Ladau) былъ еще очень молодой человѣкъ.

очень серіозное содержаніе и ясно доказывало непримиримую ненависть его сосѣдки къ Швеціи. Фридрихсгамское свиданіе и предпринятое вскорѣ послѣ того заграничное путешествіе Густава, продолжавшееся почти цѣлый годъ, побудили Спренгтпортена усилить свою дѣятельность. Хотя самъ онъ и его партія презирали мнѣніе податныхъ сословій, признано было нужнымъ приготовить умы къ предстоявшимъ событіямъ. Слѣдуя правилу: цѣль оправдываетъ средства, начали распространять въ публикѣ разные тенденціозные слухи, напримѣръ будто король заложилъ Финляндію, чтобъ запастись деньгами на свое путешествіе; будто онъ намѣренъ истощить народъ непомѣрными налогами, чтобы потомъ отдать разоренный край русскимъ; будто между Россіей и Швеціей ведутся переговоры объ отдѣленіи Финляндіи съ вознагражденіемъ шведской короны Норвегіей и долею пошлины въ Зундѣ, при чемъ Финляндія была бы уступлена Россіи или объявлена независимымъ княжествомъ. Многіе повѣрили этимъ небылицамъ; даже Портанъ не усомнился въ справедливости словъ Спренгтпортена, „что Густавъ III предложилъ отдать Финляндію русскимъ, если они помогутъ ему, или по крайней мѣрѣ не помѣшаютъ завладѣть Норвегіей". Однако слухи о предстоящей независимости края или присоединенія его къ Россіи встревожили всю Финляндію. Такъ въ началѣ 1784 года одинъ почтовый комиссаръ писалъ въ Стокгольмъ къ главнокомандующему надъ почтами: „На оба событія смотрятъ какъ на величайшее для Финляндіи бѣдствіе. Русскаго владычества боятся какъ рабства, да и отъ независимости ожидаютъ того же, потому что въ такомъ случаѣ, какъ здѣсь говорятъ, Финляндія сдѣлается лакомымъ кускомъ, который Русскіе проглотятъ, какъ скоро имъ этого захочется."

Спренгтпортенъ старался и въ отсутствіи Густава пользоваться общимъ озлобленіемъ, господствовавшимъ противъ короля въ дворянскихъ кружкахъ, въ средѣ такъ называемыхъ патріотовъ, чтобы при исполненіи своихъ замысловъ опереться на ихъ помощь. Какую низость онъ предполагалъ въ этихъ патріотахъ, лучше всего доказывается безстыдствомъ, съ какимъ онъ открыто сообщалъ свои планы не только малозначущимъ лицамъ, но и такому знаменитому представителю оппозиціи, какъ Аксель Оксеншерна. Послѣдній досадуя на потерю при Густавѣ своего прежняго значенія, конечно, любилъ на старости лѣтъ отмѣчать всѣ сплетни, передаваемыя ему служившими при дворѣ членами его семейства; но при всемъ томъ онъ былъ человѣкъ вполнѣ честный, горячо преданный своему отечеству. Однакожъ, какъ ни страстно шведскіе патріоты ненавидѣли короля, они не хотѣли ради этой ненависти допустить отторженіе Финляндіи отъ Швеціи, а тѣмъ менѣе сами тому способствовать. Нѣкоторые изъ тѣхъ, кому Спренгтпортенъ открылъ свои намѣренія, совѣтовали ему

отказаться отъ предпринятаго дѣла, другіе довели его замыселъ до свѣдѣнія короля. Но Спренгтпортенъ упорствовалъ и даже становился все смѣлѣе. 6-го января 1784 г. поутру онъ явился къ герцогу Карлу [1]) и предложилъ ему, какъ отъ себя, такъ и отъ имени многихъ финновъ, принять титло великаго князя Финляндскаго, съ тѣмъ чтобы править этимъ краемъ независимо отъ Швеціи, подъ покровительствомъ Россіи. Безхарактерный герцогъ не далъ положительнаго отвѣта. Узнавъ о такихъ замыслахъ, король въ концѣ 1783 или въ началѣ 1784 года разослалъ бывшимъ въ Финляндіи полковымъ командирамъ приказъ развѣдать, точно ли существуетъ планъ сдѣлать ее независимою, и если слухи оправдаются, донести о томъ главноначальствующему генералу. Но ничего достовѣрнаго не оказалось, и въ іюлѣ 1784 года графъ Г. Ф. Крейцъ, стоявшій во главѣ правительства Швеціи на время отсутствія короля, писалъ: „Спренгтпортены совершенно неспособны внушать какое-либо иное чувство, кромѣ жалости. Настроеніе умовъ въ Финляндіи превосходное, и преданность жителей тѣмъ надежнѣе, что они боятся Россіи и ненавидятъ ее“.

Рейнъ удивляется, что Спренгтпортенъ могъ спокойно продолжать свои интриги и не былъ привлеченъ къ отвѣтственности. Но Густавъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, вообще дѣйствовалъ уклончиво, притомъ онъ зналъ, что отдавъ Спренгтпортена подъ судъ и вполнѣ уличивъ его въ измѣнѣ, онъ все-таки ничего бы не выигралъ при настроеніи, господствовавшемъ въ кружкахъ, которые руководили общественнымъ мнѣніемъ. Тогда по всей вѣроятности стали бы говорить, что король самъ сочинилъ спренгтпортенскій заговоръ, — какъ нѣсколько лѣтъ спустя Густаву приписывали починъ въ составленіи Аньяльскаго союза; извѣстно, что это мнѣніе до сихъ поръ повторяется, хотя еще Гейеръ высказался противъ него, а Крейцъ (Ма́льманенъ) ясно показалъ, какъ происходило все дѣло. Поведеніе короля объясняется еще и тѣмъ, что приверженцы Спренгтпортена были большею частію люди безъ значенія; Густавъ понималъ, что они угомонятся, какъ скоро останутся безъ вожака. Поэтому Густавъ счелъ достаточнымъ удалить Спренгтпортена добромъ, и съ 1785 г., когда готовилась война между Голландіей и Австріей, доставилъ ему мѣсто полковника при корпусѣ волонтеровъ голландской арміи. На путевыя издержки король назначилъ Спренгтпортену 1.000 червонцевъ.

Въ началѣ 1785 года Спренгтпортенъ отправился въ Голландію, но такъ какъ обстоятельства, угрожавшія войною, скоро измѣнились то онъ возвратился уже въ маѣ слѣдующаго года. Передъ выѣздомъ

---

[1]) Брату Густава III, носившему титло герцога Зюдерманландскаго, а впослѣдствіи вступившему на престолъ подъ именемъ Карла XIII. *Я. Г.*

изъ Голландіи онъ сдѣлалъ шагъ, который безповоротно рѣшилъ судьбу его. Еще съ 1781 года онъ велъ интригу противъ короля и не скрывалъ надежды достигнуть своей цѣли съ помощью Россіи. Но до сихъ поръ онъ, сколько извѣстно, не заключалъ никакого договора или союза съ вѣковымъ врагомъ Швеціи. Иное произошло во время его пребыванія въ Голландіи: въ началѣ 1786 г. онъ сблизился съ русскимъ посланникомъ въ Гаагѣ Колычевымъ и сообщилъ ему полный планъ освобожденія Финляндіи; Колычевъ переслалъ этотъ проектъ Моркову въ Стокгольмъ.

Отъѣздъ Спренгтпортена изъ Голландіи былъ ускоренъ смертью брата его, Якова Магнуса, и созваніемъ сейма въ Швеціи. Старшій Спренгтпортенъ также разошелся съ Густавомъ III, потому что считалъ себя недостаточно награжденнымъ и обманулся въ надеждѣ имѣть рѣшительное вліяніе на дѣла. Но хотя онъ, какъ устно, такъ и письменно, часто выражалъ свое неудовольствіе и, наконецъ, снѣдаемый горемъ и разочарованіемъ, почти впалъ въ помѣшательство, однако, онъ до конца (ум. 2-го апрѣля 1786 г.) былъ вѣренъ своему долгу, какъ подданный. Онъ оставилъ большое состояніе, половина котораго досталась брату его (по отцу) Георгію, хотя отношенія ихъ не были дружескія. Въ Стокгольмѣ государственные чины собрались 1-го мая того же года и обнаружили такой духъ оппозиціи, что король вовсе къ тому не приготовленный и глубоко огорченный, не рѣшился сообщить всѣхъ своихъ предложеній; да и тѣ, которыя онъ заявилъ, были большею частью отвергнуты. Сопротивленіе шло главнымъ образомъ отъ дворянства, которому на этотъ разъ удалось увлечь за собою и податныя сословія, благодаря всѣмъ ложнымъ и оскорбительнымъ обвиненіямъ, какія взводились на Густава. Представители оппозиціи въ первомъ сословіи сочли нужнымъ пріобщить къ себѣ Спренгтпортена, и онъ былъ нарочно вызванъ письмомъ барона Шернэльда. Къ нашему удивленію, онъ явился на зовъ и принялъ участіе въ законодательствѣ страны, съ заклятымъ врагомъ которой недавно заключилъ союзъ. Но онъ прибылъ въ Стокгольмъ не прежде, какъ когда время, назначенное для сейма уже близилось къ концу. Само собою разумѣется, что онъ сталъ въ ряды такъ называемыхъ „патріотовъ", но онъ не занялъ между ними выдающагося положенія и, кажется, не выражалъ особеннаго недовольства, а только позволялъ себѣ угрожать королю мщеніемъ. Только 22-го іюня, наканунѣ распущенія чиновъ, Спренгтпортенъ представилъ меморіалъ относительно Финляндіи, въ которомъ заявилъ только, что этотъ край, вслѣдствіе неурожаевъ и голодныхъ годовъ, совсѣмъ обезлюдѣлъ бы и опустѣлъ безъ помощи Россіи, и что въ немъ всякая увѣренность въ правѣ собственности уничтожена установленными въ 1778 г. правилами генеральнаго межеванія. Между тѣмъ это постановленіе, по спра-

ведливому замѣчанію Гейера, составило эпоху въ культурномъ быту Финляндіи, и упреки королю за постигшіе ее неурожайные годы служатъ только новымъ доказательствомъ, какъ шатки были основанія Спренгтпортена въ обвиненіяхъ его противъ Густава III. Между прочимъ, онъ забылъ, что король дипломатическимъ путемъ устроилъ доставку хлѣба изъ Россіи и повелѣлъ раздавать его, по мѣрѣ возможности, нуждающимся.

Но не одни дѣла сейма занимали Спренгтпортена во время его пребыванія въ Стокгольмѣ. Сношенія съ Россіей не мѣшали ему являться при дворѣ. Густавъ принималъ его такъ милостиво, что онъ, вѣроятно, уже послѣ сейма, рѣшился просить особой аудіенціи. Ему позволено было представиться. Есть извѣстіе, что онъ тутъ высказалъ, какъ много усердія и труда имъ положено на службѣ королю, какъ онъ подвергся немилости единственно по навѣтамъ своихъ завистниковъ и сколько перенесъ несправедливостей; въ заключеніе же онъ просилъ о снятіи съ него опалы. Король будто-бы отвѣчалъ, что вполнѣ признаетъ его способности и заслуги и былъ бы готовъ возвратить ему свою милость, даже назначить его главноначальствующимъ въ Финляндіи, если бы ему, Густаву, не было извѣстно, что Спренгтпортенъ ведетъ съ иностранными державами переговоры объ отторженіи Финляндіи отъ Швеціи. При этомъ король убѣждалъ его оставить преступные замыслы, прожить нѣсколько лѣтъ спокойно и доказать свою вѣрность и преданность, послѣ чего, конечно, просьба его будетъ уважена. Увидѣвъ, что королю все извѣстно, Спренгтпортенъ не долго думалъ, какъ поступить [1]. Уже черезъ нѣсколько часовъ послѣ аудіенціи онъ посѣтилъ Моркова и имѣлъ съ нимъ совѣщаніе, продолжавшееся не менѣе полусутокъ. Эти посѣщенія повторялись нѣсколько разъ. О результатѣ ихъ въ точности неизвѣстно, но можно полагать, что тутъ было положительнѣе опредѣлено, какимъ образомъ устроить освобожденіе Финляндіи и ея будущія отношенія къ Россіи.

Для Спренгтпортена оставаться въ предѣлахъ Швеціи стало теперь невозможно. Поэтому онъ рѣшился ѣхать въ Россію, чтобы оттуда уже принять дальнѣйшія мѣры. Черезъ нѣсколько дней послѣ своей долгой бесѣды съ Морковымъ онъ отправился на собственномъ своемъ кораблѣ въ Финляндію и присталъ въ Або. Здѣсь онъ посѣтилъ Пор-

---

[1] По словамъ самого автора настоящей монографіи, этотъ разсказъ подлежитъ сомнѣнію и болѣе вѣроятія заслуживаетъ свидѣтельство Эренстрема, который слышалъ отъ самого Спренгтпортена, что онъ о своемъ возстановленіи хлопоталъ черезъ генералъ-адъютанта Толля и Густавова любимца Армфельта: онъ просилъ ихъ содѣйствовать къ назначенію его главноначальствующимъ въ Финляндіи съ самою обширною властью. Переѣхавъ потомъ въ тамошнее свое имѣніе, онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ отвѣта отъ этихъ двухъ лицъ, но отвѣта не было, и тогда онъ рѣшился воротиться въ Голландію, но напередъ посѣтить Россію (*Finsk Tidscrift*, 1878, V 186) *Я. Г.*

тана и, взявъ отъ него своего сына, продолжалъ путь до своего прежняго жилища, имѣнія Гаммельбакка, половину котораго онъ получилъ въ наслѣдство по смерти своего брата.

Теперь, когда окончательно созрѣло его намѣреніе передаться Россіи, онъ считалъ уже ненужнымъ скрывать свои планы: нерѣдко разговаривалъ о нихъ съ своими знакомыми и даже показывалъ нѣкоторымъ составленный имъ письменно проектъ отторженія Финляндіи. Не смотря на то, мы почти вовсе не знаемъ, какую форму правленія онъ назначалъ новому государству. Кажется, онъ самъ въ разное время мѣнялъ свой взглядъ насчетъ устройства, которое бы наиболѣе отвѣчало его честолюбію. Въ началѣ онъ, повидимому, хотѣлъ образовать изъ Финляндіи монархію — великое княжество, — подъ покровительствомъ Россіи, какъ показываетъ помянутое выше предложеніе его герцогу Карлу. Дѣйствительно, еслибы связь Финляндіи со Швеціей должна была рушиться, то монархія, какъ единственно извѣстный народу образъ правленія, только одна и могла бы расчитывать на симпатіи края. Когда возникло сомнѣніе, согласится ли герцогъ Карлъ вступить на финляндскій престолъ, то взоры обратились на молодого еще герцога Фридриха и кто-то сочинилъ пасквиль „Странная новость", въ которомъ говорилось, что еще королева Луиза Ульрика намѣревалась объявить своего меньшого сына независимымъ княземъ Финляндіи. Но о подробностяхъ финляндскаго уложенія извѣстно только то, что сообщилъ въ письмѣ къ другу, въ 1789 г., молодой Шульцъ, состоявшій аудиторомъ при тавастгусскомъ полку и получившій это свѣдѣніе, во время тогдашней войны, отъ своихъ короткихъ пріятелей, саволакскихъ офицеровъ, горячихъ почитателей Спренгтпортена. Шульцъ пишетъ: „Правленіе будетъ монархическо-олигархо-республиканское, смѣсь разныхъ образовъ правленія; предполагается избрать короля или государя съ какимъ-нибудь другимъ титломъ. Онъ будетъ править сообща съ совѣтомъ изъ финскихъ дворянъ; мѣщане и пасторы будутъ совершенно освобождены отъ заботъ правленія, крестьяне же уравнены съ своими собратьями, состоящими подъ покровительствомъ Россіи въ Лифляндіи, Курляндіи и Польшѣ, то-есть, край будетъ подѣленъ между дворянами, а крестьяне сдѣлаются крѣпостными. Тѣ изъ дворянъ, которые не захотятъ участвовать въ заговорѣ, будутъ истреблены при выполненіи плана. За свои блестящія заслуги Спренгтпортенъ предоставляетъ себѣ начальство надъ арміею новаго государства".

Но во время пребыванія въ Голландіи, онъ, повидимому, значительно измѣнилъ свои мысли объ управленіи Финляндіей. Вѣроятно, ему казалось, что званіе главнокомандующаго финской арміей не вполнѣ соотвѣтствовало тому значенію и той власти, на которыя онъ имѣлъ право по своимъ заслугамъ. Обращеніе Финляндіи въ монархію призналъ онъ неудобнымъ; положено было образовать изъ нея республику подъ по-

кровительствомъ самодержавно управляемой Россіи; непосредственно же завѣдывалъ бы дѣлами, въ званіи протектора, самъ Спренгтпортенъ. Но относительно самой организаціи республики мы ничего не знаемъ, кромѣ того, что́ можно извлечь изъ словъ Густава III, сказанныхъ имъ совѣту 2-го сентября 1788 г. По его свидѣтельству, Спренгтпортенъ хотѣлъ ввести въ Финляндіи такой образъ правленія, какой существовалъ въ соединенныхъ Нидерландахъ или въ Швеціи во время господства Стуре. Возможно, что дѣйствительно Спренгпортенъ намѣревался принять для Финляндіи нѣкоторые пункты аристократическаго уложенія Нидерландовъ; подъ образомъ правленія временъ Стуре, вѣроятно, король также разумѣлъ нѣкоторое ограниченіе политическаго значенія дворянства. Густавъ передалъ еще своему совѣту, что Спренгтпортенъ просилъ у русской императрицы два милліона рублей въ ссуду на учрежденіе въ Финляндіи банка.

Въ Гаммельбаккѣ Спренгтпортенъ прожилъ нѣсколько недѣль проводя время въ совѣщаніяхъ со своими приверженцами и въ приготовленіяхъ къ отъѣзду въ Россію. Съ отечествомъ ничто его уже не связывало. Остававшійся еще въ живыхъ братъ его былъ преданъ королю, мать его умерла въ 1782 г., жены лишился онъ въ 1785, проживъ съ нею двадцать одинъ годъ въ супружествѣ, по его винѣ весьма печальномъ, такъ какъ онъ былъ столь же постояненъ во враждѣ, сколько легкомысленъ и перемѣнчивъ въ любви, которую понималъ только въ чувственномъ смыслѣ. Изъ двухъ бывшихъ у него законныхъ сыновей старшій умеръ малолѣтнимъ; меньшого, по имени Магнуса-Вильгельма (род. 1772 г.), отецъ рѣшился взять съ собою въ Россію, хотя король запретилъ ему это, а мальчикъ, пробывъ два года подъ руководствомъ Портана, не одобрялъ отцовскаго переселенія и даже, по слухамъ, замѣтилъ однажды, что дѣдъ его никогда бы не женился, еслибъ предвидѣлъ, что кто-нибудь изъ его потомковъ будетъ служить русскимъ. Кромѣ сына, съ Спренгтпортеномъ поѣхалъ сопровождавшій его уже въ Финляндію поручикъ Альбертъ Эренстремъ (Ehrenström), который умѣлъ снискать его довѣріе, хотя былъ преданъ королю и получилъ отъ Густава порученіе слѣдить за всѣми поступками Спренгтпортена и разузнавать его планы. Только въ 1787 году послѣдній догадался, что имѣлъ въ Эренстремѣ вѣроломнаго друга, или, говоря проще, низкаго шпіона.

8-го сентября 1786 года Спренгтпортенъ отплылъ отъ пристани Га́ммаръ въ Россію. Во время переѣзда сынъ велъ дневникъ, который сохранился. Они прибыли въ Петербургъ 20-го того же мѣсяца. Спренгтпортена приняли съ отверстыми объятіями, вельможи задавали ему пиры, императрица осыпала его милостями. 20-го октября онъ пожалованъ былъ въ камергеры, со всѣми принадлежащими этому званію правами, и получилъ 3.000 руб. на обзаведеніе; затѣмъ произ-

веденъ въ генералъ-майоры, съ присвоеннымъ этому чину жалованьемъ; а еще прежде того ему подарено было въ Бѣлоруссіи помѣстье въ 500 душъ. Мы не удивляемся, что Россія, по собственному его выраженію, сдѣлалась для него „родиною его сердца".

Достовѣрно, что Спренгтпортенъ съ согласія Густава перешелъ въ русскую службу; но чтобы онъ, какъ вообще думаютъ, освобожденъ былъ отъ принесенной Швеціи присяги, — это неправдоподобно, ибо въ такомъ случаѣ патріотическое дворянство Швеціи на сеймѣ 1789 г. не имѣло бы надобности защищать его отъ обвиненій короля, и абоскому надворному суду не было бы повода судить его за государственную измѣну.

Густавъ III вздохнулъ свободнѣе, когда злѣйшій врагъ его переселился въ Россію. „Полковникъ Спренгтпортенъ", писалъ онъ 19-го ноября 1786 г. къ Толлю, — „наконецъ принятъ въ русскую службу, чѣмъ значеніе его въ Финляндіи совершенно прекращено и мы навсегда отъ него избавились". Затѣмъ король исчисляетъ полученныя Спренгтпортеномъ отъ императрицы награды и прибавляетъ: „Дай Богъ, чтобы счастіе не перевернуло вверхъ дномъ слабой головы его. Кто бы счелъ это возможнымъ 19-го августа!"

IV.

Въ Петербургѣ Спренгтпортенъ нанялъ себѣ большой домъ и взялъ въ услуженіе двухъ камердинеровъ-французовъ, егеря и выѣзднаго лакея, хотя привезъ съ собой не болѣе 1.000 риксдалеровъ. Щедроты Екатерины однакожъ не надолго могли насыщать его расточительность, тѣмъ болѣе, что онъ какъ въ Голландіи, такъ и въ Швеціи надѣлалъ долговъ и не былъ оставляемъ въ покоѣ своими кредиторами. Были и другія обстоятельства, по которымъ пребываніе въ Петербургѣ скоро утратило для него свою первоначальную прелесть. Его уже принимали не такъ любезно, какъ прежде, по мѣрѣ того, какъ привыкали къ его физіономіи, а варварская французская рѣчь его болѣе и болѣе надоѣдала; стали замѣчать его слабости и смѣяться надъ ними.

Когда въ концѣ 1786 года г. Екатерина II рѣшила предпринять свое крымское путешествіе, Спренгтпортену было позволено или приказано принять въ немъ участіе, но онъ долженъ былъ ѣхать не въ свитѣ императрицы, а отправиться отдѣльно въ Кіевъ и тамъ дождаться ея прибытія.

Его опять сопровождалъ Эренстремъ, запискамъ котораго, хранящимся въ библіотекѣ Гельсингфорсскаго университета, мы и обязаны сообщаемыми здѣсь подробностями. Съ нимъ и со своимъ сыномъ Спренгтпортенъ выѣхалъ изъ Петербурга 12-го января 1787 года, взявъ съ

собою кухню, повара, постели и т. п. Они ѣхали день и ночь до Смоленска, куда прибыли 17-го; оттуда направились на Шкловъ, пожалованный Зоричу, и тамъ посѣтили роскошнаго владѣльца. Пріѣхавъ 20-го января въ Могилевъ, они прожили тутъ двѣнадцать дней, въ продолженіе которыхъ Спренгтпортенъ побывалъ и въ полученномъ имъ отъ императрицы имѣніи. 6-го февраля прибыли въ Кіевъ, и Спренгтпортенъ остановился у кн. Дашкова, который еще въ Петербургѣ просилъ его о томъ. Однакожъ болѣзнь, которою Спренгтпортенъ страдалъ нѣсколько недѣль, побудила его пріискать себѣ другую квартиру.

„Въ Кіевѣ пришлось ему", говоритъ Эренстремъ, — „навсегда похоронить свою добрую славу у русскихъ. Все соединилось здѣсь къ тому, чтобы испортить его репутацію. Спустя нѣсколько дней по пріѣздѣ въ этотъ городъ, онъ проигралъ всѣ свои деньги до послѣдняго рубля и долженъ былъ занимать у злѣйшихъ своихъ завистниковъ небольшія суммы — отъ пятидесяти до ста рублей, которыя не могъ возвращать въ условленные сроки.

„Привыкнувъ жить широко, русскіе не могли простить ему, что онъ изъ экономіи ѣздилъ цугомъ только на двухъ парахъ, тогда какъ, будучи генералъ-майоромъ, долженъ былъ выѣзжать шестерней. Онъ прослылъ шарлатаномъ, потому что встрѣчному и поперечному съ педантической точностью разсказывалъ исторію своихъ подвиговъ въ Саволаксѣ, и въ такихъ случаяхъ по большей части оставался безъ слушателей, или со стороны немногихъ, болѣе терпѣливыхъ, подвергался безпощаднымъ насмѣшкамъ.

„Его систематическое презрѣніе ко всему шведскому и восхваленіе всего русскаго, его безпрерывныя похвалы императрицѣ и Потемкину опротивѣли всѣмъ; неумѣстныя іереміады о понесенныхъ имъ въ Швеціи несправедливостяхъ заставляли всѣхъ избѣгать его. При постоянномъ безденежьи онъ то и дѣло посылалъ нарочныхъ къ подчиненнымъ Потемкина или Безбородки, которые, такъ же какъ и сами ихъ начальники, наконецъ наскучили просьбами неотвязчиваго пришельца и стали прогонять его посланцовъ. Ему приходилось такъ жутко, что однажды, въ теченіе цѣлой недѣли, все его хозяйство содержалъ на свой счетъ одинъ изъ его камердинеровъ, который съ великодушіемъ француза отдалъ его повару свои платья и позволилъ ему заложить ихъ".

Однакожъ финансовыя затрудненія, преслѣдовавшія Спренгтпортена въ Кіевѣ, не особенно огорчали его. Такъ какъ общественныя связи не могли поглощать всего времени его, обязательной же дѣятельности у него, повидимому, не было никакой, то онъ посвящалъ свои досуги литературнымъ занятіямъ. Между бумагами его, хранящимися въ библіотекѣ Гельсингфорсскаго университета, есть нѣсколько

статей и стихотвореній, писанныхъ въ Кіевѣ. Нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, разсужденіе: „Защита Кесаря", были вызваны противоположными взглядами его спутника, прежде нежели выяснились настоящія цѣли послѣдняго.

Въ стихахъ своихъ, писанныхъ отчасти по-французски, Спренгтпортенъ не обнаруживаетъ особеннаго поэтическаго таланта. При тогдашнемъ литературномъ настроеніи, примѣръ котораго подавали сами монархи, въ томъ числѣ и Густавъ III, писать и въ прозѣ, и въ стихахъ было дѣломъ обыкновеннымъ. Но авторскія занятія Спренгтпортена были прерваны повелѣніемъ императрицы, чтобъ онъ ѣхалъ въ Кременчугъ къ своей дивизіи, которая состояла только изъ двухъ гренадерскихъ батальоновъ, но должна была удвоиться въ своемъ составѣ. Спренгтпортенъ выѣхалъ изъ Кіева 29-го апрѣля 1787 года, вѣроятно, все еще съ Эренстремомъ. Они отправились водою по Днѣпру. Лодка была построена изъ выдолбленнаго дерева, хотя имѣла большіе размѣры; въ ней помѣстилось одиннадцать человѣкъ и множество пожитковъ. День пробыли въ Каневѣ, гдѣ польскій король, несчастный Станиславъ, дожидался императрицы. Онъ пригласилъ Спренгтпортена обѣдать и принялъ его съ почетомъ. Вечеромъ королю былъ представленъ молодой Спренгтпортенъ-сынъ, изъ записокъ котораго мы и почерпаемъ эти свѣдѣнія. Въ Кременчугъ путешественники прибыли 6-го мая, а 14-го отправились въ Херсонъ. Спренгтпортену хотѣлось ѣхать въ свитѣ императрицы и въ Крымъ, но такъ какъ онъ не могъ достать лошадей, то долженъ былъ 2-го іюня пуститься изъ Херсона обратно въ Петербургъ. На пути онъ останавливался въ Полтавѣ, гдѣ осмотрѣлъ (11-го іюня) поле сраженія, и въ Москвѣ. Пробывъ больше полугода въ отсутствіи, онъ возвратился въ Петербургъ 23-го іюля. Около того же времени, сколько извѣстно, и Эренстремъ возвратился въ Швецію, послѣ того какъ Спренгтпортенъ въ Херсонѣ, наконецъ, разгадалъ его роль.

Въ донесеніи, поданномъ Эренстремомъ королю, особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что́ говорится о замыслахъ Спренгтпортена: „Колычевъ, которому онъ сообщилъ ихъ въ Гагѣ, увѣрилъ его въ согласіи и энергической поддержкѣ своего двора, потребовалъ копію проекта и отправилъ ее въ Петербургъ. Въ этомъ проектѣ указывается особенно на необходимость для Россіи твердаго оплота противъ Швеціи, дабы первая могла безпрепятственно довершать свои завоеванія на югѣ. Наиболѣе могла бы служить къ тому Финляндія, обращенная въ самостоятельную республику, и охранять ее во всѣхъ ея дѣйствіяхъ было бы согласно съ истинными интересами Россіи. Для осуществленія плана предлагались слѣдующія условія: 1) открытое покровительство Россіи; 2) двадцать тысячъ русскаго войска на границѣ; 3) ссуда въ два милліона рублей, и наконецъ 4) уступка

крѣпостей Фридрихсгама и Нейшлота въ доказательство добраго расположенія Россіи къ Финляндіи". Но едва успѣли отослать этотъ проектъ въ Петербургъ, какъ начался сеймъ 1786 года. Спренгтпортенъ поспѣшилъ въ Стокгольмъ, и здѣсь, какъ уже было показано выше, присоединился къ оппозиціи. Въ то же время онъ по ночамъ прилежно посѣщалъ русскаго посланника Моркова. Потерявъ надежду сдѣлаться главноначальствующимъ въ Финляндіи, онъ рѣшился ѣхать въ Петербургъ, по совѣту Моркова, которому было приказано склонить къ тому Спренгтпортена.

Время прибытія его въ Россію не было благопріятно для выполненія его плановъ. Вниманіе Екатерины было поглощено польскими и особенно турецкими дѣлами; ей было не до Швеціи, почему Спренгтпортенъ и не встрѣтилъ со стороны государственныхъ людей въ новомъ своемъ отечествѣ того сочувствія къ своему дѣлу, на какое онъ расчитывалъ. Въ самый день своего пріѣзда онъ явился къ Безбородко, который, по выраженію Эренстрема „былъ въ полномъ смыслѣ первымъ министромъ, хотя и не носилъ этого имени". Безбородко принялъ его учтиво, но холодно и отозвался только, что „императрицѣ его проектъ извѣстенъ и что ему скоро доставлена будетъ возможность лично доложить это дѣло ея величеству". При новой встрѣчѣ съ тѣмъ же вельможей „у перваго буффона русскаго двора", оберъ-шталмейстера Нарышкина, „Спренгтпортенъ изобразилъ въ преувеличенномъ видѣ неудовольствіе Финляндіи и употребилъ самыя яркія краски, чтобы подѣйствовать на воображеніе и сердце министра"; но Безбородко удовольствовался отвѣтомъ: „Cela est fort bien; il faut tâcher de soutenir tout cela". Всесильный Потемкинъ долго уклонялся отъ всякаго разговора объ этомъ предметѣ; однакожъ разъ Спренгтпортенъ улучилъ минуту сказать князю: „Извѣстно ли вашей свѣтлости, съ какою цѣлію я пріѣхалъ въ Россію (votre altesse, le sujet de mon voyage en Russie vous est-il connu)?" „Господи Боже мой!" отвѣчалъ Потемкинъ: „все это — мое дѣло; этотъ проектъ придуманъ мною (Mon Dieu! monsieur, tout cela est mon ouvrage; c'est moi qui ai inventé ce projet-là)". „При этой тщеславной выходкѣ князя", прибавляетъ Эренстремъ, — „Спренгтпортенъ покраснѣлъ съ досады, но передъ Потемкинымъ надо было скрыть свои чувства. Вельможа удостоилъ его однакожъ разговора о Финляндіи, о финской арміи и ея начальникахъ, и выразилъ сомнѣніе, чтобы этотъ край былъ въ состояніи управляться отдѣльно и выдерживать постоянную войну со Швеціей, какъ неминуемое послѣдствіе своего освобожденія. Спренгтпортенъ возразилъ, что Финляндія бѣдна по винѣ правительства, и поручился, что подъ его (Спренгтпортена) управленіемъ она бы скоро поправилась". Въ концѣ бесѣды князь сказалъ, что одобряетъ проектъ и будетъ содѣйствовать его успѣху, какъ скоро это окажется возможнымъ.

Морковъ, отозванный изъ Стокгольма, также обѣщалъ свою поддержку, хотя прежде думалъ, что планъ не можетъ удасться, такъ какъ онъ, при проѣздѣ черезъ Финляндію, наблюдалъ ее „зоркимъ окомъ“ и замѣтилъ, что народъ „гнушался русскаго господства“ и находился въ такомъ настроеніи, „которое не предвѣщало бунта“ противъ шведскаго владычества; но Морковъ измѣнилъ свой взглядъ, когда Спренгтпортенъ головой поручился за успѣхъ своего замысла, лишь бы ему имѣть въ помощь отъ 6000 до 7000 человѣкъ войска и отъ 700.000 до 800.000 руб. въ ссуду. Но участіе русскихъ сановниковъ въ планахъ Спренгтпортена ограничилось обѣщаніями. Турецкія дѣла болѣе и болѣе запутывались; война съ султаномъ была неизбѣжна, и Екатерина никакъ не хотѣла, въ это время, подавать шведскому королю поводъ къ неудовольствію. Поэтому положеніе Спренгтпортена въ Россіи, если вѣрить Эренстрему, сдѣлалось въ высшей степени непріятнымъ. Это можно было заключить въ Кіевѣ изъ холоднаго съ нимъ обращенія какъ самой императрицы, такъ и ея приближенныхъ, но особенно изъ собственнаго его тревожнаго состоянія.

Вскорѣ однакожъ померкшая звѣзда его засіяла новымъ блескомъ, когда Густавъ III сталъ угрожать Россіи войной, а вскорѣ и на самомъ дѣлѣ открылъ непріязненныя дѣйствія. Теперь Екатерина могла свободно воспользоваться Спренгтпортеномъ и его вліяніемъ въ Финляндіи, чтобы въ собственныхъ владѣніяхъ Густава вызвать волненія, гораздо болѣе опасныя, чѣмъ борьба съ внѣшнимъ врагомъ; теперь и Спренгтпортенъ могъ надѣяться утолить наконецъ жажду мести и свое честолюбіе.

Оставивъ Финляндію, онъ не прекратилъ сношеній съ тамошними приверженцами своими. Осенью 1786 г. Фіандтъ (von Fieandt), офицеръ Саволакскаго пѣхотнаго полка, посѣтилъ въ Петербургѣ своего бывшаго начальника. Онъ пріѣхалъ съ порученіемъ отъ полковника Брунова и всѣхъ своихъ товарищей: они предлагали по первому требованію Спренгтпортена отдать свой полкъ въ полное его распоряженіе. Такъ разсказывалъ самъ Спренгтпортенъ Эренстрему; но Эренстремъ усомнился въ справедливости этого показанія, и въ самомъ дѣлѣ, едва-ли не вѣроятнѣе, что цѣлью пріѣзда Фіандта было получить отъ русскаго правительства субсидію для поддержанія въ Финляндіи патріотическаго настроенія въ пользу Россіи. Но такъ какъ денегъ ему не дали, то повидимому связи между Спренгтпортеномъ и его друзьями, если не рушились совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, ослабѣли. Когда война со Швеціею сдѣлалась дѣломъ рѣшенымъ, то Спренгтпортенъ, несмотря на свое самолюбіе и безпрерывную похвальбу своимъ вліяніемъ въ Финляндіи, не былъ увѣренъ въ расположеніи финновъ и даже сомнѣвался въ содѣйствіи тѣхъ, кого онъ, при отъѣздѣ въ Россію, считалъ своими пособниками. Чтобы точнѣе узнать положеніе

дѣлъ, онъ обратился за свѣдѣніями къ самому близкому изъ нихъ, майору Егерхорну, отвѣтъ котораго такъ замѣчателенъ, что мы считаемъ нужнымъ сообщить его здѣсь почти цѣликомъ.

„20-го мая 1788 г. (изъ имѣнія Мальмгордъ).

„Исполняя вашу просьбу, долгомъ считаю сообщить:

1) Что касается *нашихъ друзей*, то число ихъ несомнѣнно уменьшилось, да и оставшіеся охладѣли вслѣдствіе равнодушія, съ какимъ Россія отнеслась къ ихъ предпріятію, не позаботившись о безопасности ихъ, какъ частной, такъ и общей, тогда какъ всего-то нужна была какая-нибудь тысяча риксдалеровъ, чтобы не подвергать случайности участь множества честныхъ людей, жертвовавшихъ собой и, такъ сказать, слишкомъ безотчетно довѣрившихся сосѣду, интересы котораго должны бы быть общіе съ нашими: русскіе отказали намъ въ этой скудной помощи. Такой образъ дѣйствій могутъ одобрять только измѣнники ихъ отечества; слѣдовательно, у насъ уже нѣтъ друзей, на которыхъ мы могли бы опереться, тѣмъ болѣе что не существуетъ никакого твердаго основанія для обезпеченія будущности нашей страны.

2) *Слѣдуетъ ли намъ принять ту помощь и то спасеніе, которыя обстоятельства могутъ доставить намъ, и расположенъ ли къ тому народный духъ?*

При полномъ недовѣріи къ искренности нашего сосѣда и къ его способности съ надлежащею энергіей заняться нашимъ спасеніемъ, мы, кажется, упустили время, въ которое можно было доставить Финляндіи болѣе счастливую судьбу. Я это предсказывалъ; итакъ меня совѣсть ни въ чемъ не упрекаетъ. Мы не татары, русскимъ не для чего съ нами гримасничать, мы требуемъ дѣла. Мы хотимъ сами устроить свою судьбу, и не намѣрены принимать какъ милость свободу на словахъ, которую они будутъ по обстоятельствамъ передѣлывать и наконецъ могутъ превратить въ такое мнимо-свободное состояніе, какое они великодушно даровали Крыму. Къ тому же у насъ повидимому сдѣланы такія серіозныя снаряженія, что мы можемъ спокойно выждать окончанія предстоящей войны съ Россіей. Увѣряютъ, что съ нами въ союзѣ Англія, Пруссія и Данія; нашъ флотъ лучше русскаго и скоро выйдетъ изъ Карлскроны подъ начальствомъ отличныхъ офицеровъ; нашъ армейскій флотъ также, по всей вѣроятности, будетъ держать въ страхѣ русскую гребную флотилію; между тѣмъ наша сухопутная армія достаточно сильна для обороны границъ, и такимъ образомъ теперь устранена та неувѣренность въ самихъ себѣ, которая наиболѣе побуждала насъ искать дружбы Россіи, отвернувшейся отъ насъ въ то самое время, когда мы въ ней особенно нуждались. Изъ всего этого вы сами легко можете заключить, каково теперь настроеніе націи. Могу васъ увѣрить, что не смотря на испытанныя ею и можетъ

быть еще угрожающія ей въ будущемъ внутреннія затрудненія, она готова скорѣе встрѣтить соединенными силами могущественнаго врага, нежели вступить въ невѣрные переговоры съ сосѣдомъ, на котораго по бывшимъ уже опытамъ не можетъ полагаться.

„Итакъ, если еще можно имѣть искру надежды на успѣхъ нашего плана, то необходимо соблюдать величайшее благоразуміе: прежде всего ея императорское величество должна торжественно возвѣстить манифестомъ, что она непоколебимо рѣшилась для Финляндіи независимость и въ томъ же манифестѣ явственно и безъ всякаго двусмыслія опредѣлить поставленныя нами непремѣнныя условія, именно:

1) Что въ видѣ гарантіи предлагаемой намъ полной независимости императрица возстановляетъ нашу естественную границу съ крѣпостями Фридрихсгамомъ, Вильманстрандомъ и Нейшлотомъ, словомъ, возвращаетъ наши владѣнія въ томъ же видѣ, какъ предлагала намъ императрица Елизавета, съ тѣмъ, чтобы эти крѣпости тотчасъ же были очищены и заняты финскимъ гарнизономъ, какъ скоро финны успѣютъ вооружить свое національное войско;

2) что она всею своею властью нынѣ и впредь будетъ поддерживать нашу независимость;

3) что никогда не будетъ вступаться въ наше внутреннее особое управленіе, тѣмъ менѣе навязывать намъ какого-либо иноземнаго правителя; мы сохранимъ свою армію на морѣ и на сухомъ пути, свою торговлю, свое прежнее хозяйство и всѣ учрежденія, какія сочтемъ нужными, какъ для внѣшней нашей безопасности и обороны, такъ и для внутренняго благоденствія и преуспѣянія;

4) что никогда, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, русскія войска не перейдутъ нашей границы, покуда мы сами не начнемъ непріязненныхъ дѣйствій противъ Россіи.

„Кромѣ того, намъ необходимо немедленно получить около милліона риксдалеровъ или хоть не всю сумму разомъ, но такъ, чтобы можно было брать ее безпрекословно по мѣрѣ надобности, и притомъ не въ видѣ займа, потому что мы не въ состояніи возвратить ее. Чтобы помощь была своевременная, манифестъ вмѣстѣ съ деньгами долженъ быть безотлагательно присланъ сюда къ Глансентернѣ [1]) или ко мнѣ для употребленія согласно съ дѣйствительною потребностью.

„По моему мнѣнію, вамъ слѣдовало бы въ началѣ іюня мѣсяца или, если можно, и ранѣе лично побывать въ Саволаксѣ, или послать туда кого-нибудь изъ насъ съ надлежащими полномочіями, въ томъ случаѣ, если вы думаете что русскій флотъ успѣетъ явиться и манифестъ во-время будетъ объявленъ въ Гельсингфорсѣ; тогда саволак-

[1]) Шурину Спренгтпортена.

ское войско какъ разъ будетъ подъ ружьемъ, готовое поддержать на дѣлѣ исполненіе плана.

„Вотъ, какъ мнѣ кажется, съ чего должно начать и притомъ не теряя времени, если мы хотимъ чего-нибудь добиться; денегъ жалѣть нечего, надо ихъ раздавать щедро; это возбудитъ довѣріе и оживитъ бодрость, о чемъ теперь нужно хлопотать вдвое болѣе противъ прежняго, потому что недовѣріе къ русскимъ ужасно усилилось: съ ихъ стороны необходимы убѣдительнѣйшія доказательства, что они дѣйствуютъ искренно".

Затѣмъ слѣдуютъ увѣренія въ искренности, чистотѣ побужденій, пламенномъ патріотизмѣ и безкорыстіи, какъ единственныхъ источникахъ заботливости пишущаго и предлагаемыхъ имъ мѣръ. „Какое торжество для нашихъ душъ", восклицаетъ онъ между прочимъ въ своемъ патетическомъ заключеніи, „если намъ удастся сокрушить цѣпи, тяготѣвшія надъ цѣлымъ народомъ; но съ другой стороны, если мы своею поспѣшностью вовлечемъ этотъ народъ еще въ худшее рабство чѣмъ то, въ которомъ онъ до сихъ поръ находился, если мы подвергнемъ себя вѣчнымъ угрызеніямъ совѣсти, — какъ несчастна будетъ минута, въ которую мы впервые задумали свое, въ сущности столь великодушное предпріятіе!"

Это письмо написано, очевидно, въ наивномъ предположеніи, что Россія, угрожаемая нападеніемъ съ запада, тогда какъ вся ея армія занята войною съ турками, захочетъ обезпечить себя поддержкою партіи, стремящейся къ независимости финновъ, и безъ колебанія согласится на все, чего она потребуетъ. Оттого-то въ началѣ говорится, что эта партія уже не хочетъ имѣть никакого дѣла съ Россіей, показавшеюся ненадежною и пожалѣвшею нѣсколькихъ тысячъ риксдалеровъ для содѣйствія благому предпріятію; затѣмъ высказана даже угроза въ предстоящую войну соединиться съ непріятелемъ противъ восточнаго сосѣда; напослѣдокъ, однакожъ, Егерхорнъ объясняетъ, что финская нація, за представителя которой онъ выдаетъ себя, не прочь перейти на сторону Россіи, лишь бы эта держава напередъ торжественно гарантировала самостоятельность Финляндіи, обязалась бы никогда не вмѣшиваться ни во внѣшнія, ни во внутреннія дѣла новаго государства, уступила бы ему значительное пространство земли и, наконецъ, въ особенности не скупилась бы на деньги.

Нельзя отрицать, что Егерхорнъ выражался гордо и благородно, и что онъ заслуживалъ бы уваженія даже и тѣхъ, кто осуждалъ его планы, еслибъ только его поступки были сколько-нибудь согласны съ его словами. Но едва прошло два мѣсяца, какъ его поведеніе стало въ совершенное противорѣчіе съ этимъ письмомъ. Не дождавшись согласія Россіи ни на одно изъ предложенныхъ имъ условій, Егер-

хорнъ бросился въ ея объятія и употребилъ свою финскую родину только какъ средство, чтобъ играть роль и обратить на себя вниманіе.

Письмо Егерхорна отправилъ Глансенштерна къ Спренгтпортену съ нарочнымъ при своемъ письмѣ отъ 24-го мая 1788 года. Хотя Глансенштерна подтверждаетъ справедливость показаній Егерхорна и говоритъ, что ничего нельзя будетъ сдѣлать, если не будутъ одобрены и выполнены высшимъ правительствомъ всѣ предложенные имъ пункты и условія, однакожъ онъ смотритъ не совсѣмъ сходно съ Егерхорномъ на финляндскія дѣла и выражается гораздо откровеннѣе. Онъ отговариваетъ зятя отъ пріѣзда въ Саволаксъ потому, что „весь край на сторожѣ и такъ сказать въ полномъ броженіи". Пока не удастся раздачею денегъ успокоить умы народа и достигнуть желаемой диверсіи", онъ совѣтуетъ Спренгтпортену „держаться инкогнито на границѣ и быть готовымъ по первому призыву явиться между нами. Я увѣренъ, что тогда любезнаго зятя моего встрѣтятъ съ распростертыми объятіями и радостными кликами, и онъ тотчасъ же будетъ поставленъ въ возможность совершить свое прекрасное дѣло; иначе же и безъ такого подготовленія едва-ли было благоразумно дѣйствовать въ настоящихъ обстоятельствахъ".

Деньги, деньги и деньги (такъ заключаетъ эту главу г. Тигерстедтъ) — таково было въ то время главное средство вызвать патріотизмъ въ Финляндіи.

V.

Царствованіе Карла XII стоило народу такихъ великихъ жертвъ, что послѣ его смерти въ Швеціи не могла существовать неограниченная монархія: неудовольствіе, возбужденное его деспотизмомъ, произвело непреодолимую реакцію. Въ націи, исторія которой, по извѣстному замѣчанію, была исторіей его королей, монархъ утратилъ почти всякое значеніе; въ немъ уже видѣли не главнаго представителя націи, а скорѣе врага, котораго надо было бояться болѣе всякаго другого; „благородная свобода" была отдана подъ покровительство иностранныхъ державъ, вмѣшательство которыхъ въ дѣла отечества не считалось постыднымъ. Но это вмѣшательство имѣло свои неудобства для самихъ покровителей. Оспаривая другъ у друга вліяніе, они для пріобрѣтенія или удержанія его должны были и съ своей стороны приносить жертвы. Самымъ обыкновеннымъ средствомъ въ рукахъ ихъ были деньги. Мало-по-малу общественная нравственность въ Швеціи упала чрезвычайно низко. Представители шведскаго народа привыкли безъ зазрѣнія совѣсти соглашать свои мнѣнія съ волею того, кто имъ щедрѣе платилъ. Подкупность овладѣла особенно дворянствомъ и

сопровождалась сильною борьбою партій. Швеція погибла бы, еслибы Густавъ III не спасъ ее внезапнымъ переворотомъ 1772 года. [1]).

Его правленіе послѣ побѣды, одержанной надъ государственными чинами, доказывало, что онъ во всѣхъ дѣйствіяхъ выше всего ставилъ благо и честь государства. Это и сознавалось большинствомъ шведскаго народа. Даже введенное тогда казенное винокуреніе и всѣ связанныя съ нимъ инквизиціонныя мѣры были не въ силахъ подавить любовь народа къ королю; въ городахъ, вслѣдствіе финансовой реформы и либеральныхъ законовъ, оживилась торговля и промышленность, духовенство было такъ монархически настроено, что оппозиція хотѣла совершенно отнять у него право представительства; только дворянство сохраняло большею частью свою прежнюю непримиримую вражду. Не понимая истинной пользы отечества, живя традиціями „періода вольности", отчасти даже сожалѣя о прекращеніи подкупа, какъ одного изъ средствъ обогащенія, оно смотрѣло на короля съ недовѣріемъ, всегда подозрѣвало его въ стремленіи къ увеличенію власти, превратно толковало всѣ его слова и поступки и даже называло его тираномъ, тогда какъ онъ въ сущности былъ однимъ изъ лучшихъ представителей блестящаго, при всѣхъ своихъ недостаткахъ и заблужденіяхъ, XVIII столѣтія. Недовольные вообразили, что они одни любятъ отечество, и потому называли себя „патріотами". Но ихъ патріотизмъ часто ограничивался тѣмъ, что они выдумывали и распространяли о королѣ самыя черныя клеветы и позорные слухи, не щадя даже его частной жизни и домашнихъ отношеній.

И все это низкое злорѣчіе прикрывалось священнымъ именемъ свободы. Говорили, что онъ убилъ свободу; ее хотѣли возстановить, для нея считали всѣ средства дозволенными. Естественно, что русскіе посланники въ Стокгольмѣ сдѣлались приверженцами и союзниками этихъ друзей свободы; недовольные сходились у Симолина, у Моркова, у Разумовскаго и вели бесѣды, въ которыхъ не остался безъ участія и замѣчательнѣйшій дѣятель періода вольности, Ферзенъ [2]). Старанія Густава III сблизиться съ Екатериною II въ началѣ его царствованія были безуспѣшны, и съ 1784 года ему стало совершенно ясно, что онъ долженъ готовиться къ борьбѣ съ Россіей: иначе неминуемо рушится важнѣйшее его дѣло — государственное преобразованіе 1772 года. Но не одно это, — и самая независимость Швеціи была въ опасности, пока Россія, ссылаясь на Нейштадтскій и Або-

[1]) См. выше, примѣчаніе на стр. 391.

[2]) Въ русскомъ императорскомъ совѣтѣ 9-го іюня 1788 г. прочитана была „депеша Разумовскаго изъ Стокгольма отъ 25-го мая (1788) о дѣлаемыхъ въ Швеціи разныхъ воинскихъ пріуготовленіяхъ; о изъясненіяхъ, которыя по сему обстоятельству имѣлъ онъ, графъ Разумовскій, съ сенаторомъ графомъ Ферзеномъ" и т. д. (Архивъ Госуд. Совѣта. т. I, ч. 1, стр. 566).

скій трактаты, имѣла право требовать возстановленія государственной организаціи періода вольности и руководительства внѣшнею политикой шведскаго королевства. Дорожа славой и значеніемъ Швеціи, Густавъ съ самаго своего воцаренія считалъ первою своею обязанностью къ народу и къ самому себѣ положить конецъ притязаніямъ Россіи; когда же императрица отвергла его попытки снискать ея дружбу, то онъ твердо рѣшился при первомъ удобномъ случаѣ добыть своему государству полную политическую самостоятельность. Къ несчастію своему, Густавъ, при возстановленіи королевской власти, сдѣлалъ одну важную ошибку: такъ какъ Данія, Пруссія и Россія въ 1769 г. заключили между собою договоръ о раздѣлѣ Швеціи, если въ образѣ правленія 1720 года послѣдуетъ какая-либо существенная перемѣна, то Густавъ, вѣроятно, желая отвратить столкновенія съ этими державами, включилъ въ постановленіе 1772 г. статью (48-ю), запрещавшую королю начинать войну безъ согласія сейма. Можетъ быть, въ 1786 году представители шведскаго народа созваны были именно для отмѣны этой статьи; но оппозиція, за которою Густавъ видѣлъ сокровенную руку Россіи, была на сей разъ такъ сильна, что онъ даже и не затронулъ этого вопроса. Однакожъ, онъ не отказался отъ своихъ плановъ противъ восточнаго сосѣда и, чтобы остаться вѣрнымъ духу вновь установленной формы правленія, не побоялся отступить отъ ея буквы. Конечно, при этомъ отъ него не укрылась предстоявшая опасность: онъ вполнѣ понималъ, какое рискованное дѣло вести противъ непріятеля армію, въ которой большинство офицеровъ относилось недружелюбно къ его царствованію; можетъ быть, онъ помнилъ и слова, сказанныя его славнымъ дядей (Фридрихомъ II) вскорѣ послѣ переворота 1772 года въ письмѣ къ сестрѣ (Ловизѣ-Ульрикѣ, матери Густава III): „Если будетъ война, кто поручится, что часть шведскаго войска не перейдетъ на сторону русскихъ и что столь деморализованная нація не выдастъ имъ своего короля?“ Слова, доказывающія удивительную проницательность, еще усиленную злобой, и заключающія въ себѣ самую язвительную критику „періода вольности“. Но Густавъ вѣрилъ въ свой народъ; онъ былъ убѣжденъ, что чувство чести остановитъ всякій порывъ неудовольствія въ виду непріятеля Онъ никакъ не ожидалъ ослушанія и измѣны.

Въ сентябрѣ 1787 года вспыхнула война между Россіей и Турціей, и Густаву показалось, что настало время привести въ дѣйствіе давнишній замыселъ. Пока русская армія была занята на югѣ, онъ рѣшился напасть на Петербургъ сухопутными и морскими силами, и такимъ образомъ вынудить у императрицы согласіе на условія, которыя считалъ нужными для безопасности Швеціи. Онъ распустилъ слухъ, что Россія вооружается противъ него, отправился въ Копенгагенъ, чтобы побудить кронпринца Фридриха, управлявшаго Даніей

отъ имени своего отца, если не къ заключенію союза, то, по крайней мѣрѣ, къ соблюденію нейтралитета, велъ переговоры съ Англіей, Пруссіей и Турціей о союзахъ или субсидіяхъ и энергически готовился къ войнѣ.

29-го мая [1]) 1788 г. главный флотъ вышелъ изъ Карлскроны подъ начальствомъ герцога Карла и прибылъ въ Гангеуддъ 17-го іюня. Самъ король отплылъ 12-го іюня съ эскадрою армейскаго флота изъ Стокгольма въ Финляндію. На обоихъ флотахъ вмѣстѣ было 14.000 солдатъ и отъ 7-ми до 9.000 матросовъ. 21-го іюня король прибылъ въ Гельсингфорсъ. Еще прежде финское войско, составлявшее около 1.800 человѣкъ, было распредѣлено по разнымъ мѣстностямъ — при Гельсингфорсѣ, въ Рандасальми, Санктъ-Михелѣ и у юго-восточной границы. По двумъ причинамъ король не хотѣлъ имѣть видъ нападающаго: во-первыхъ, онъ боялся усилить раздраженіе оппозиціи, еслибъ нарушилъ помянутый выше законъ, а во-вторыхъ, онъ зналъ, что Данія, заключеннымъ съ Россіей въ 1773 г. трактатомъ, обѣщала ей свою помощь въ случаѣ нападенія со стороны Швеціи. Поэтому король съ нетерпѣніемъ выжидалъ какого-нибудь обстоятельства, которое дало бы возможность приписать Россіи нарушеніе мира. „Если русскіе сожгутъ въ шведской Финляндіи хоть одинъ клокъ сѣна", писалъ Густавъ 24-го мая къ Г. М. Армфельту [2]), — „то императрица окажется нападающею, и Данія не будетъ считать себя связанною трактатомъ. Если вашъ дядя расположитъ посты вдоль границы на спорной землѣ, нуженъ будетъ только одинъ задорный русскій офицеръ, который затѣялъ бы драку; тогда шведскій постъ отступитъ, а русскіе перейдутъ границу, вступятъ въ шведскую Финляндію, и первая запылавшая изба будетъ знакомъ объявленія ими войны, что́ получитъ большую важностъ для Даніи". Черезъ недѣлю Густавъ писалъ опять: „Теперь пора начать войну, то есть, заставить русскихъ подраться на границѣ".

Только въ Гельсингфорсѣ король получилъ чрезъ бригаднаго начальника Хастфера (Hastfehr) извѣстіе, что въ ночь съ 16-го на 17-е іюня 1788 г. отрядъ русскихъ казаковъ и егерей сдѣлалъ нападеніе при Вуоденсальни въ приходѣ Пумала, причемъ русскіе и шведская пограничная стража обмѣнялись нѣсколькими выстрѣлами. Обрадовавшись этому извѣстію, король объявилъ, что русскіе нарушили миръ, приказалъ герцогу отыскать непріятельскій флотъ, а собранной въ Финляндіи арміи велѣлъ итти къ русской границѣ. 18-го іюня Хастферъ двинулся и, занявъ 21-го числа городъ Ней-

[1]) Всѣ числа мѣсяцевъ приводятся здѣсь по старому стилю. *Я. Г.*

[2]) Густавъ Маурицъ Армфельтъ, впослѣдствіи извѣстный эмигрантъ, былъ смолоду любимцемъ короля Густава III и не долженъ быть смѣшиваемъ съ дядей своимъ Карломъ Густавомъ Армфельтомъ, главнокомандующимъ финской арміи. *Я. Г.*

флотъ, началъ блокаду крѣпости, такъ какъ, по неимѣнію артиллеріи, не могъ предпринять осады. 30-го іюня ночью полковникъ Нюландскаго пѣхотнаго полка Густавъ Маурицъ Армфельтъ перешелъ границу и остановился при Суммѣ въ 7-ми верстахъ отъ Фридрихсгама; дядя его, генералъ баронъ Карлъ Густавъ Армфельтъ, назначенный главнокомандующимъ надъ пограничною арміей, перешелъ 17-го іюля при Аньялѣ рѣку Кюмень, а за нимъ на другой день перешелъ ее и самъ король. Черезъ Лйкалу генералъ Армфельтъ 9-го іюля прибылъ въ Хӱсулу, деревню, лежащую верстахъ въ 4 — 5 отъ Фридрихсгама, который положено было атаковать со всѣхъ сторонъ. Съ моря приближался шведскій галерный флотъ съ 7.000 (или около того) десантнаго войска подъ начальствомъ генерала Сигрота. Численность войска генерала Армфельта не превышала 3.600 человѣкъ, а корпусъ его племянника состоялъ изъ 2.000.

На флотъ Густавъ возлагалъ главныя свои надежды. Но сраженіе при Гохландѣ, данное 6-го іюля, было хотя и славно для шведскаго оружія, но не рѣшительно, и потому равнялось пораженію: герцогъ не только не могъ плыть къ Петербургу, но долженъ былъ укрыться въ Свеаборгъ. Тѣмъ не менѣе эту битву праздновали во всей Швеціи какъ побѣду, и всѣмъ, сколько-нибудь отличившимся въ гохландскомъ дѣлѣ, щедро раздавались награды. Королю было однакожъ очень больно, что флотъ, бывшій предметомъ особеной его заботливости, не оправдалъ его ожиданій.

Описаннымъ здѣсь военнымъ дѣйствіямъ не было предпослано никакого извѣщенія. Правда, Густавъ передъ своимъ отъѣздомъ изъ Стокгольма приказалъ Разумовскому, черезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Оксенштерну, удалиться изъ Швеціи, такъ какъ король уже не могъ признавать его официальнаго значенія, и 1-го іюля велѣлъ доставить русской императрицѣ ноту, въ которой для сохраненія мира предъявилъ совершенно неисполнимыя требованія [1]), но только 28-го того же мѣсяца королевскій совѣтъ издалъ формальное объявленіе войны.

Императрица долго не хотѣла вѣрить разрыву съ Швеціей. Послѣ того какъ началась турецкая война, Екатерина тщательно избѣгала всякаго повода къ раздраженію западнаго своего сосѣда. 25-го октября 1787 г. въ ея совѣтѣ доложена была депеша графа Разумовскаго о

[1]) Они состояли въ слѣдующемъ: Уступленныя Россіи по Нейштадтскому и Абоскому договорамъ части Финляндіи должны быть возвращены; Разумовскій за свое вмѣшательство въ дѣла Швеціи будетъ строго наказанъ; Россія приметъ посредничество Швеціи для заключенія мира съ Турціей и откажется отъ Крыма, а затѣмъ отзоветъ свои корабли, отправленные въ Балтійское море, разснаститъ свой флотъ заставитъ свое войско отступить отъ границы, короля же допуститъ оставаться вооруженнымъ, пока не состоится миръ между Россіей и Портой (проф. *Рейнъ*. Kriget i Finland 1788 — 1790, стр. 82).

томъ, что „нѣкоторые люди, привязанные къ прежнему образу правленія въ Швеціи, открыли ему намѣреніе свое соглашаться о средствахъ къ ограниченію самовластія королевскаго, надѣяся въ томъ на пособіе здѣшнее. Совѣтъ единогласно находилъ за нужно предписать оному министру, что какъ въ разсужденіи настоящей войны неудобно намъ подкрѣпить оное предпріятіе какимъ-либо сильнымъ пособіемъ, то чтобъ ласковостію и обнадеживаніями старался онъ въ означенныхъ людяхъ питать оказываемое ими расположеніе, отклоняя однакожъ самое исполненіе намѣренія ихъ до другого способнѣйшаго для насъ времени" [1]).

Иногда однакожъ Екатерину тревожила мысль о возможности столкновенія съ Швеціей, и въ одну изъ такихъ минутъ, 11-го января 1788 года, она писала Потемкину, занятому на югѣ военными дѣйствіями противъ турокъ: „Я во флотъ Михельсона не пошлю; — Михельсонъ въ подагрѣ, да онъ же и здѣсь нуженъ, буде шведы зашалили" [2]). Не прежде какъ въ мартѣ 1788 г. слухъ о вооруженіяхъ Швеціи дошелъ до императрицы, и она по этому поводу замѣтила Храповицкому, что „императрица Анна Іоанновна въ подобномъ случаѣ велѣла сказать, что въ самомъ Стокгольмѣ камня на камнѣ не оставитъ. Сія твердость тогда подѣйствовала, а теперь Россія вдвое сильнѣе" [3]). Въ теченіе мая мѣсяца приходили какъ изъ Стокгольма, такъ изъ Даніи, новыя извѣстія о вооруженіяхъ Швеціи. Говорили, что король отъ кого-то получилъ субсидіи; Екатерина подозрѣвала въ этомъ то Англію, то Турцію, но все еще отклоняла отъ себя мысль о войнѣ съ Густавомъ. 28-го мая она сказала: „Я шведа не атакую; онъ же выйдетъ смѣшонъ". Присутствовавшій при этомъ Спренгтпортенъ замѣтилъ: „Je crois qu'il veut se défaire de la Finlande" [4]). Однакожъ Екатерина не переставала думать о шведскомъ королѣ и его планахъ. Она стала волноваться; ее видѣли опечаленною и даже въ слезахъ [5]). Она не разъ повторяла, что сама не начнетъ войны: „Мы шведа не задеремъ, а буде онъ начнетъ, то можно его проучить" [6]). 4-го іюня она спросила Храповицкаго: „Croyez-vous que ce fou m'attaquera?" и въ тотъ же день писала Потемкину, что шведы, повидимому, „останутся при демонстраціяхъ". „Остается рѣшить", прибавила она — „лишь единой вопросъ, терпѣть ли демонстраціи? Еслибъ ты былъ здѣсь, я бъ рѣшилась въ пять минутъ что́ дѣлать, переговоря съ тобою. Еслибъ слѣдовать моей склонности, я бъ флоту Грейга

[1]) Арх. Гос. Совѣта I, 1, 488.
[2]) Русская Старина, 1876 г. іюль, стр. 446.
[3]) Дневникъ Хр., стр. 70.
[4]) Тамъ же, стр. 86.
[5]) Русская Старина, 1876 г. май, стр. 22.
[6]) Дневникъ Хр., 88.

да эскадрѣ Чичагова приказала разбить въ прахъ демонстрацію; въ сорокъ лѣтъ шведы паки не построили бы кораблей; но сдѣлавъ такое дѣло, будемъ имѣть двѣ войны, а не одну. — Начать намъ и потому никакъ не должно, что естьли онъ насъ задеретъ, то отъ шведской націи не будетъ имѣть, по ихъ конституціямъ, никакой помощи; а буде мы задеремъ, то они дать должны, и такъ полагаю, чтобъ ему дать свободное время дурить, денегъ истратить и хлѣба съѣсть" [1]). Потемкинъ отвѣчалъ императрицѣ, что хорошо было бы, еслибъ „у васъ завелась прямо съ королемъ переписка, тутъ бы всему конецъ былъ: пусть онъ отъ Порты возьметъ, сколько хочетъ, то для васъ это еще выгодно, да лишь бы сидѣлъ смирно. — О, коли бы нашелся способъ намъ примириться здѣсь скорѣй, тогда бы путнымъ образомъ и стремительно можно было проучить шведскаго короля, но сіе должно остаться весьма тайно" [2]). Но совѣтъ этотъ опоздалъ и не могъ быть исполненъ. Еще и послѣ прекращенія дипломатическихъ сношеній между Россіей и Швеціей Екатерина не вовсе потеряла надежду на сохраненіе мира. 21-го іюня она сказала: „Мы гостилите не начнемъ" и съ досадой прибавила: „Надобно быть Фабіемъ, а руки чешутся, чтобъ побить шведа" [3]). Однакожъ пришлось наконецъ убѣдиться въ невозможности мирнаго исхода, когда получено было извѣстіе о взятіи Шведами Нейшлота. 30-го іюня Екатерина торжественно объявила, что шведскій король цѣлымъ рядомъ оскорбительныхъ поступковъ вынуждаетъ императрицу прибѣгнуть къ единственному остающемуся ей средству для обузданія его — отразить силу силою.

Извѣстно, какъ недружелюбно Екатерина уже и прежде относилась къ Густаву; теперь, въ отмщеніе за причиненное ей безпокойство, она въ письмахъ и разговорахъ своихъ не скупилась на презрительные о немъ отзывы и даже написала на него комическую оперу „Горе-богатырь", которая нѣсколько разъ давалась на придворномъ театрѣ, пока Потемкинъ не остановилъ этихъ представленій замѣчаніемъ, что они могутъ вызвать такія же оскорбительныя выходки на счетъ императрицы [4]).

Изливая такимъ образомъ свой женскій гнѣвъ на Густава, Екатерина въ то же время дѣятельно готовилась къ отпору. Еще въ концѣ іюня 1788 года въ Финляндіи почти совершенно не было войска; только по крѣпостямъ былъ расположенъ немногочисленный гарнизонъ. Въ Нейшлотѣ сидѣли двѣ роты егерей, а въ Фридрихсгамѣ, которому всего болѣе угрожало нападеніе шведовъ, находилось 2.400 человѣкъ. Командовавшій ими генералъ Левашевъ считалъ свое поло-

[1]) Русская Старина, 1876 г. іюль, стр. 468.
[2]) Тамъ же, стр. 470.
[3]) Дневникъ Хр., 33.
[4]) Екатерина и Густавъ III, см. выше, стр. 262 и сл.

женіе столь опаснымъ, что просилъ у Екатерины позволенія отступить, оставивъ крѣпость на произволъ судьбы; по его мнѣнію, не было другого средства спасти солдатъ, такъ какъ всѣ дома въ городѣ были деревянные и легко могли быть разрушены осадною артиллеріей шведовъ. На это государыня отвѣчала, что онъ „и для спасенія войскъ и для цѣлаго города долженъ въ ономъ остаться" [1]). Но шведы, къ удивленію русскихъ, подвигались такъ медленно, что давали намъ время оправляться. Уже въ началѣ іюля численность войска въ Выборгской губерніи простиралась, по показанію Гарновскаго, до 8.000 человѣкъ, а во второй половинѣ того же мѣсяца въ русской Финляндіи находилась 25-ти тысячная армія [2]). Итакъ, Петербургу, по крайней мѣрѣ въ близкомъ будущемъ, нечего было опасаться. Въ Кронштадтѣ также были усилены средства защиты вслѣдствіе замѣчанія Спренгтпортена, что „Шведскій король можетъ вздумать атаковать" эту крѣпость, „ибо" — сказано у Храповицкаго — „надобно сообразоваться съ его безуміемъ, чтобъ предузнать его намѣренія: пришлось (по замѣчанію императрицы) обдумывать и дурачества, дабы во всякомъ пунктѣ онъ разбилъ себѣ лобъ" [3]). Главноначальствующимъ въ войнѣ со шведами назначенъ былъ графъ Вал. Пл. Мусинъ-Пушкинъ, возвысившійся собственно придворною службой. Онъ былъ плохой полководецъ и скоро навлекъ на себя неудовольствіе императрицы [4]).

Но Екатерина въ предстоявшей борьбѣ ожидала успѣха не отъ однихъ только военныхъ дѣйствій: она надѣялась возбудить въ Швеціи внутреннія волненія, которыя охладятъ военный пылъ короля, и для этого снабдила Разумовскаго надлежащими наставленіями [5]). Особенно обращала она взоры на Финляндію, гдѣ, по настойчивымъ увѣреніямъ Спренгтпортена, броженіе умовъ было сильнѣе, нежели въ самой Швеціи. Поэтому Спренгтпортенъ сдѣлался пріятнымъ для императрицы человѣкомъ; онъ могъ помочь ей въ исполненіи ея плановъ, а чрезъ то онъ надѣялся способствовать къ осуществленію своихъ собственныхъ замысловъ.

Густаву они были хорошо извѣстны; онъ зналъ также, какую ненависть Спренгтпортенъ питалъ къ Швеціи, и понималъ всю опасность которая угрожала бы цѣлости королевства, еслибъ этотъ человѣкъ

---

[1]) Русская Старина, 1876, май, стр. 28. Зап. Гарновскаго.

[2]) Тамъ же, стр. 23 и 28.

[3]) Дневн. Хр. стр. 92—93.

[4]) Массонъ разсказываетъ, что Мусинъ-Пушкинъ, командуя въ Финляндіи, не предпринималъ ни одного движенія, не пославъ напередъ курьера къ женѣ остававшейся въ Петербургѣ, и не дождавшись отъ нея отвѣта (Mémoires secrets sur la Russie. Londres. 1802. II, 110). *К. К. Т.*

[5]) Архивъ Госуд. Совѣта, I, 1, 550.

вторгнулся въ Финляндію во главѣ русскаго войска. Поэтому король черезъ шесть дней по прибытіи въ Гельсингфорсъ, просилъ своего посланника въ Петербургѣ барона Нолькена напомнить Спренгтпортену, „что́ шведскіе законы сулятъ тому, кто подыметъ оружіе противъ своего отечества; пусть же онъ отправится къ своей бригадѣ, не думая о возвращеніи въ Швецію, что̀ ни подъ какимъ видомъ не можетъ быть допущено" [1]). Возвратиться въ Швецію въ то время, конечно, и не входило въ намѣренія Спренгтпортена; не болѣе помышлялъ онъ отправиться къ своей бригадѣ, которая, повидимому, участвовала въ турецкомъ походѣ; еще менѣе дѣла было ему до шведскаго закона объ измѣнникахъ: вѣдь онъ вступилъ въ русскую службу только для того, чтобы нанести своему прежнему отечеству какъ можно болѣе вреда. Не обративъ никакого вниманія на совѣтъ короля, Спренгтпортенъ напротивъ того выпросилъ себѣ начальство надъ отрядомъ, который изъ Олонца долженъ былъ ворваться въ шведскую Карелію, взволновать этотъ край и оттуда, вѣроятно, проникнуть въ Саволаксъ, гдѣ Спренгтпортенъ предполагалъ найти наиболѣе сочувствія какъ въ народѣ, такъ и въ арміи. Кажется, Екатерина много ожидала отъ этого предпріятія. „Есть еще", писала она Потемкину 17-го іюля 1788 г., — „маленькая штучка, которую изготовляю на сѣверѣ королю шведскому, о которой еще говорить не смѣю, но быть можетъ, что она дѣйствительнѣе будетъ многаго иного" [2]).

Спренгтпортенъ отправился въ Олонецъ въ серединѣ іюля мѣсяца 1788 г. Пока собирался корпусъ, который долженъ былъ поступить подъ его начальство, онъ составилъ въ Сердоболѣ проектъ манифеста, предназначавшагося къ обнародованію при вступленіи русскаго войска въ Финляндію. Сообщаю этотъ любопытный документъ цѣликомъ въ русскомъ переводѣ, который сохранился въ библіотекѣ Гельсингфорсскаго университета вмѣстѣ съ шведскимъ подлинникомъ и переводомъ на финскій языкъ.

Проектъ манифеста.

„Довольно извѣстно, сколько ея императорское величество наша всемилостивѣйшая государыня старалась сохранять миръ и согласіе съ королемъ шведскимъ, ея сосѣдомъ и братомъ. Ея величество при всякомъ случаѣ оказывала опыты такого образа мыслей. Безъ всякихъ намѣреній ея величество употребила всѣ средства оказывать народу дружество и уваженіе столько, что когда сей король насильнымъ образомъ распространилъ свою власть сверхъ предѣловъ, которые ея императорское величество какъ поручительница защищать была обя-

---

[1]) Konung Gustaf III-s Skrifter V, 38.
[2]) Русская Старина, 1876, авг., 576.

зана, то ея императорское величество оставила оное единственно изъ снисхожденія къ народу, котораго спокойствія ея величество нарушить не желала; словомъ, ея величество столь мало представляла возможнымъ нарушеніе мира, что не помышляла охранять собственныхъ своихъ границъ, на которыя напасть было тѣмъ легче, что ея величество всегда уповала, что святость договора есть безопаснѣйшая оборона. Но когда сей вѣроломный государь столь неожидаемымъ, столь неслыханнымъ между христіанскими державами образомъ обнаружилъ непристойный свой поступокъ, равно какъ и честолюбивыя намѣренія, не осталось нынѣ другого средства, какъ силу силою отражать. Чего для я нижеподписавшійся ея императорскаго величества моей всемилостивѣйшей государыни учрежденный генералъ-маіоръ, кавалеръ и командующій карельскимъ войскомъ, получилъ повелѣніе занять землю, непріятеля искать, уничтожить его распоряженія, дабы чрезъ то освободить вольный народъ отъ похищенной власти толь безпокойнаго сосѣда. Ея императорское величество не намѣрена причинить обывателямъ ни малѣйшаго вреда или насилія, а напротивъ того велѣно мнѣ наисильнѣйше защищать всѣхъ и каждаго, который съ достодолжнымъ упованіемъ предастъ себя всемилостивѣйшему покровительству ея императорскаго величества. Я же надѣюсь, что никто лично никакого отнюдь не учинитъ препятствія сему ея императорскаго величества великодушному намѣренію къ вольному народу, котораго вольности и права ея императорское величество тщательно сохранить съ удовольствіемъ желаетъ. Но есть ли со всѣмъ тѣмъ кто столь безразсуденъ будетъ, что самъ какъ непріятель поступитъ противъ императорскихъ войскъ, такой недоброжелательный согражданинъ долженъ самъ себя винить, что онъ того своимъ поступкомъ заслуживаетъ. Сіе-то ея императорское величество моя всемилостивѣйшая государыня повелѣла мнѣ симъ манифестомъ обнародовать, дабы всѣ и каждый по тому поступалъ, и совокупными силами способствовалъ возстановить тишину и миръ. И для того увѣщеваю васъ, други и искренные, пребыть спокойными и миролюбивыми въ вашихъ селеніяхъ и жилищахъ, при которыхъ вы будете безопасно защищаемы отъ всякаго притѣсненія малѣйшей части вашего имѣнія, пока Всевышній и Преблагій Богъ посредствомъ нашего побѣдоноснаго оружія въ семъ дѣлѣ споспѣшитъ такъ, что мы въ разсужденіи нашего вѣроломнаго врага можемъ воспользоваться желаемымъ и благополучнымъ миромъ".

Этотъ манифестъ во многихъ отношеніяхъ любопытенъ. Хотя Спренгтпортенъ безпрестанно толковалъ и устно и письменно о гнетѣ, претерпѣваемомъ финнами, хотя самъ всегда выставлялъ себя борцомъ за освобожденіе ихъ отъ шведскаго ига, но въ манифестѣ своемъ онъ не затрогиваетъ ни того, ни другого, потому ли что Екатерина не позволила ему говорить объ этомъ, или самъ онъ чувствовалъ, что его

вліяніе на финновъ не настолько сильно, чтобы они послушались его внушеній отложиться отъ шведскаго владычества. Вмѣсто того онъ, не называя ни финновъ, ни шведовъ, обращается къ господствующимъ, по его мнѣнію, чувствамъ негодованія и неудовольствія противъ шведскаго короля: онъ возвѣщаетъ, что является по волѣ императрицы какъ другъ, „дабы освободить вольный народъ отъ похищенной власти толь безпокойнаго сосѣда"; онъ убѣждаетъ жителей, подъ страхомъ наказанія, „пребыть спокойными и не препятствовать противоположнымъ поведеніемъ великодушному расположенію императрицы къ вольному народу, котораго вольности и права ея величество тщательно сохранить съ удовольствіемъ желаетъ" [1]). Цѣль войны поставляется въ томъ, чтобы „принудить короля къ миролюбію и лучшему настроенію" [2]) и достигнуть „желаемаго и благополучнаго мира". Но прежде нежели Спренгтпортенъ во главѣ своего корпуса успѣлъ тронуться съ мѣста и обнародовать свой манифестъ, онъ получилъ отъ императрицы повелѣніе немедленно возвратиться въ Петербургъ, а это сопровождалось неожиданнымъ извѣстіемъ о прибытіи туда единомышленника его, маіора Егерхорна.

VI.

Война съ Россіей тревожила и пугала существовавшую въ Швеціи оппозицію: въ случаѣ успѣха королевская власть должна была еще усилиться; послѣдствіемъ же неудачи могла быть потеря части или и цѣлой Финляндіи. Патріоты не желали ни того, ни другого. Неудовольствіе росло по мѣрѣ того, какъ выяснялось, что война начата была безъ видимаго повода: особенно роптало военное начальство, состоявшее почти исключительно изъ дворянъ и хорошо помнившее традиціи послѣдней финляндской войны и похода въ Померанію. Дворяне не признавали себя обязанными къ военной дисциплинѣ и послушанію: каждый изъ нихъ воображалъ, что онъ естественный представитель націи, который въ военное время долженъ зорко слѣдить за всѣми поступками короля и защищать права народа. Это настроеніе стало обнаруживаться только что шведское войско перевезено было въ Гельсингфорсъ: начальники арміи начали громко разсуждать, какъ бы заставить короля отказаться отъ противозаконной

---

[1]) Въ шведскомъ подлинникѣ сказано иначе: „hvars privilegier H. K. M. med nöje pominner sig jemte dess glorieusé företrädare hava garanterat att sorgfälligt bibeholla", т. е. „коего привилегіи, какъ государыня съ удовольствіемъ памятуетъ, ея императорское величество, вмѣстѣ съ достославною предшественницею своею, поручилась тщательно сохранять". *Я. Г.*

[2]) Эта фраза, слѣдующая въ подлинникѣ послѣ словъ: „силу силою отразить", также пропущена въ тогдашнемъ русскомъ переводѣ. *Я. Г.*

наступательной войны, которая вовлечетъ государство въ неисчислимыя бѣдствія. Когда же всѣ представленія оказывались безуспѣшными, то задумывали прибѣгнуть къ открытому возмущенію: повидимому, предположено было овладѣть особою короля, отвести его въ крѣпость и вынудить у него согласіе на прекращеніе войны. „Къ счастію", говоритъ одинъ современникъ, — „не нашлось такого рѣшительнаго человѣка, который бы принялъ на себя исполненіе этого плана: солдаты конечно не захотѣли бы участвовать въ замыслѣ противъ короля, и подобная попытка неминуемо привела бы къ рѣзнѣ и кровопролитію. Финскіе полки были бы конечно на сторонѣ короля". Однакожъ черезъ нѣсколько времени и финляндскіе офицеры заразились духомъ своихъ шведскихъ собратьевъ. Но вскорѣ шведское войско было отдѣлено отъ финскаго, посланнаго къ восточной границѣ. Шведскіе полки оставались въ Гельсингфорсѣ, пока имъ не было приказано сѣсть на суда гребного флота и подъ начальствомъ генерала Сигрота отплыть въ Фридрихсгамъ.

Вслѣдъ за этимъ явилось небывалое въ исторіи народовъ зрѣлище. Офицеры, одинъ за другимъ, просились въ отставку, заявляя, что они не могутъ участвовать въ войнѣ, предпринятой безъ согласія государственныхъ чиновъ. При первой такой просьбѣ король не рѣшился, какъ совѣтовалъ генералъ Толль, въ виду всей арміи разжаловать офицера, захотѣвшаго измѣнить своему долгу, и согласился на его увольненіе. Число послѣдовавшихъ его примѣру дошло по меньшей мѣрѣ до 50-ти; многихъ съ трудомъ можно было удержать отъ того же шага. Офицеры, такимъ образомъ уклонявшіеся отъ службы, возвращались въ Швецію, гдѣ, къ удивленію патріотовъ, видъ ихъ возбуждалъ негодованіе въ низшихъ классахъ народа и скоро послужилъ поводомъ къ переходу общаго настроенія въ пользу короля.

Въ той части финской арміи, которая стояла въ Хусулѣ подъ командой генерала К. Г. Армфельта, неудовольствіе стало выражаться еще рѣшительнѣе, чѣмъ въ шведскомъ войскѣ. Армфельтъ пользовался во всей Финляндіи большимъ уваженіемъ, былъ искренно преданъ королю и всегда дѣйствовалъ благородно, когда слѣдовалъ своимъ собственнымъ побужденіямъ; но, по слабости характера, онъ легко поддавался вліянію другихъ и часто дѣлалъ то, въ чемъ послѣ самъ горько раскаявался. Война была предпринята отчасти по его совѣту, но онъ считалъ ее возможною только въ такомъ случаѣ, если Пруссія и Польша также пойдутъ противъ Россіи, а Англія и Турція обѣщаютъ субсидіи на два или на три похода. Король съ особеннымъ удовольствіемъ принялъ его совѣтъ и поручилъ ему команду надъ тѣмъ войскомъ, которое должно было прежде всего перейти границу. Армфельтъ самъ чувствовалъ свою неспособность оправдать такое довѣріе, но племянникъ уговорилъ его не отказываться отъ предложен-

наго ему званія главнокомандующаго. Вслѣдъ затѣмъ однакожъ имъ овладѣло сомнѣніе въ благополучномъ исходѣ войны, и ему стало страшно за судьбу своего родного края — Финляндіи. Родившись въ 1724 году, Армфельтъ выросъ среди свѣжихъ еще воспоминаній объ ужасахъ великой сѣверной борьбы; онъ участвовалъ лично въ войнѣ 1742 года, и на его глазахъ Финляндія сдѣлалась добычею непріятеля; онъ боялся теперь, что третья война навлечетъ на его родину еще бо́льшія бѣдствія и, пожалуй приведетъ даже къ отторженію ея отъ Швеціи. Вслѣдствіе того ему стало казаться предпочтительнѣе сохраненіе мира, тѣмъ болѣе, что, по его мнѣнію, король дѣйствовалъ не такъ, какъ слѣдовало. Поэтому 29-го іюля 1788 года, черезъ нѣсколько дней послѣ выхода арміи изъ Гельсингфорса, Армфельтъ предостерегалъ короля противъ сопряженныхъ съ войною несчастій и угрожающаго арміи недостатка въ продовольствіи. Когда же Густавъ возразилъ, что война уже началась, то Армфельтъ совѣтовалъ дѣйствовать какъ можно поспѣшнѣе, пока непріятель еще не усилился. Остальные военачальники были, однакожъ, другого мнѣнія. По мѣрѣ приближенія къ русской границѣ, неудовольстіе офицеровъ все возрастало; но присутствіе короля заставляло ихъ молчать, даже и послѣ перехода границы и движенія къ Ху́сулѣ. Только по отъѣздѣ Густава въ Гельсингфорсъ 8-го іюля, вслѣдствіе сраженія при Гохландѣ, непокорность офицеровъ стала выражаться открыто и громко, тѣмъ болѣе, что Армфельтъ оставался въ совершенномъ бездѣйствіи. Преувеличивали недостатокъ въ деньгахъ, въ съѣстныхъ и военныхъ припасахъ, выставляли въ яркихъ краскахъ перевѣсъ силъ на сторонѣ Россіи и особенно жаловались на противозаконность войны.

Изъ всѣхъ, требовавшихъ мира и сейма и желавшихъ возстановленія порядковъ 1720 года, наибольшею настойчивостью отличался полковникъ Абоскаго полка Іоаннъ Генрихъ Хестеско́. Не будучи одаренъ особенными способностями, не имѣя ни большихъ свѣдѣній, ни твердаго и рѣшительнаго характера, онъ былъ спѣдаемъ непомѣрнымъ честолюбіемъ и хотѣлъ прославиться.

Его примѣромъ увлеченъ былъ полковникъ Бьёрнеборгскаго полка баронъ Себастьянъ фонъ-Оттеръ, человѣкъ честныхъ правилъ, желавшій добра отечеству, но также довольно безхарактерный. Совсѣмъ другого рода личность представлялъ полковникъ нюландскихъ драгуновъ Робертъ Монго́ммери, когда-то принадлежавшій къ партіи шапокъ. Съ энергіей и смѣлостью соединяя высокомѣріе и горячность, онъ не умѣлъ снискать довѣрія арміи. Король не любилъ его; въ глазахъ приверженцевъ Спренгтпортена онъ могъ только повредить дѣлу, за которое взялся.

Эти-то начальники дѣйствовали всѣхъ усерднѣе противъ короля въ арміи, собранной при Ху́сулѣ. Они рѣшили, что сами не только

не пойдутъ далѣе, но принудятъ короля возвратить армію на шведскую территорію и заставить его исполнить требованія аристократической партіи, въ числѣ которыхъ главнымъ было созваніе сейма, чтобы дать ходъ дальнѣйшимъ предположеніямъ.

17-го іюля король вернулся въ Хусулу для принятія приготовительныхъ мѣръ къ нападенію на Фридрихсгамъ, какъ скоро генералъ Сигротъ прибудетъ съ флотомъ. Черезъ три дня, 20-го числа, въ палатку короля явились Оттеръ и Хестеско́ и стали увѣрять его, что для веденія войны оказывается недостатокъ въ самыхъ необходимыхъ потребностяхъ, что неудовольствіе въ войскѣ растетъ, и никто не надѣется на благополучный исходъ: войны нельзя продолжать, не созвавъ сейма. Когда же король не обратилъ вниманія на эти завѣренія, то полковники представили ему, что солдаты тяготятся войною и хотятъ разойтись по домамъ. Возмущенный такою угрозой, король объявилъ, что на слѣдующій день самъ удостовѣрится въ настроеніи войска.

Тогда въ лагерѣ Абоскаго полка началась агитація особаго рода. 21-го іюля Хестеско́ пригласилъ къ себѣ многихъ офицеровъ и, передавъ имъ разговоръ съ королемъ, просилъ внушить солдатамъ, что въ случаѣ разспросовъ короля они должны заявить о нежеланіи итти далѣе, жалуясь на недостатокъ продовольствія, одежды и обуви. Хестеско́ добавилъ, что русскіе приближаются съ арміей, значительно сильнѣйшею, и даже рѣшился сказать, что король уже позволилъ ему отступить въ шведскую Финляндію.

Офицеры поспѣшили исполнить порученіе своего начальника; не разбирая средствъ для достиженія цѣли, они въ своихъ наущеніяхъ позволяли себѣ преувеличеніе, ложь и клевету насчетъ короля. При этомъ они въ помощь себѣ брали даже настроенныхъ ими въ томъ же духѣ унтеръ-офицеровъ. Такія же попытки къ возбужденію солдатъ противъ короля сдѣланы были одновременно въ Бьёрнеборгскомъ полку. Но, не смотря на всѣ старанія, офицерамъ не удалось склонить солдатъ къ ослушанію.

Въ тотъ же день полковники Хестеско́ и Маннергеймъ были приглашены къ королевскому столу; послѣ обѣда явились также Монтгоммери и баронъ Оттеръ съ новыми настояніями о необходимости вступить съ императрицею въ переговоры о мирѣ, при чемъ, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, они въ пылу объясненій выходили изъ предѣловъ должной почтительности; Хестеско́ даже схватилъ короля за руку. Густавъ, сперва озабоченный и разгнѣванный, обнаружилъ потомъ упадокъ духа и сознался, что былъ обманутъ людьми, которымъ было поручено снарядить армію къ походу, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтилъ, что честь и достоинство не позволяютъ ему пойти назадъ въ предпринятомъ дѣлѣ. Часовъ въ шесть пополудни король, назначивъ смотръ Абоскому и Бьёрнеборгскому полкамъ, выѣхалъ къ нимъ верхомъ и обратился къ солдатамъ съ слѣдующими словами:

„Храбрые финны! Вы всегда доказывали на дѣлѣ свою вѣрность; ваши предки сражались подъ предводительствомъ моихъ предковъ. Вы, достойные потомки, конечно, не оставите короля, происходящаго отъ вашихъ любимыхъ королей; у меня 5.000 войска, которое высадилось по ту сторону Фридрихсгама; хотите ли итти за мною на побѣду или на смерть, сражаясь подъ моими знаменами? я иду съ вами и съ ними, и мы сегодня же возьмемъ Фридрихсгамъ. Если согласны, отвѣчайте!“

Когда майоръ К. Г. Кремеръ повторилъ эти слова по фински, солдаты отвѣчали: „Побѣдимъ или умремъ за короля!“

Затѣмъ Густавъ вынулъ шпагу и продолжалъ:

„Эту шпагу я подымаю на защиту отечества, въ отмщеніе за нанесенныя намъ обиды; если вы мнѣ вѣрны, то поклянитесь именемъ Бога, видящаго правоту моего дѣла, что вы не покинете меня, пока я ношу этотъ мечъ для борьбы съ непріятелемъ“.

Солдаты въ одинъ голосъ прокричали: „Да, клянемся!“ Король радостно воскликнулъ: „Развѣ я не зналъ этого?“ и, обратясь къ Оттеру и Хестеско́, прибавилъ: „Вы слышите, какъ преданы мнѣ солдаты. Если они не исполнятъ своего долга, то виноваты будете вы“.

Еще не кончились знаменательныя явленія этого дня; вечеромъ повторилось зрѣлище, происходившее по утру. Многіе офицеры досадовали на солдатъ за ихъ вѣрность присягѣ и мстили имъ ругательствами и враждебными выходками противъ короля. Одинъ изъ нихъ грозилъ перебить всѣхъ, кого пощадятъ русскіе.

Противный вѣтеръ не позволилъ Сигроту высадить свое войско ранѣе 23-го іюля. Но король приказалъ ему сѣсть опять на суда и отплыть за черту русской Финляндіи, если онъ не будетъ въ состояніи въ 24 часа овладѣть крѣпостью. Причиною такого страннаго распоряженія было, вѣроятно, опасеніе короля, что офицеры стоявшей въ Ху́сулѣ арміи окажутъ неповиновеніе, хотя онъ и могъ положиться на солдатъ.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о приказаніи отступать, младшій Армфельтъ поспѣшилъ въ Ху́сулу и убѣдилъ короля собрать военный совѣтъ. По настоянію Армфельта рѣшено было 24-го іюля сдѣлать нападеніе на Фридрихсгамъ, въ чемъ и самъ онъ долженъ былъ принять участіе, но въ ночь на это число онъ опять получилъ приказаніе отступить. Причиною такой неожиданной перемѣны плана, по его же объясненію, было то, что тотчасъ по окончаніи совѣта всѣ стали уговаривать короля измѣнить свое рѣшеніе и отступить за рѣку Кюмень. Нѣкоторые начальники этимъ не удовольствовались. Есть извѣстіе, что Хестеско́, ссылаясь на трудность предпріятія, отказался отъ нападенія, которое потребуетъ безполезныхъ жертвъ; другіе офицеры также объявили, что не намѣрены сражаться. На это намекаютъ и

слова короля въ письмѣ къ Армфельту: „не скажу вамъ ничего о моемъ горѣ и отчаяніи“, и замѣчаніе его, что Хестеско́ исторгнулъ изъ рукъ его побѣду. Какъ бы то ни было, мысль о нападеніи на Фридрихсгамъ была оставлена. Армія изъ Ху́сулы должна была воротиться въ Ли́калу, гдѣ она 25-го іюля и расположилась лагеремъ; молодой Армфельтъ присоединился къ королю, перенесшему свою главную квартиру въ Кюмменегордъ.

Между тѣмъ, Густавъ не унывалъ и, распорядясь заготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ въ Аньялѣ, думалъ итти съ оставшеюся ему вѣрной частью войска на Вильманстрандъ и преградить путь генералу Михельсону. „Если будемъ побѣждены“, писалъ онъ къ Армфельту, — „то все кончено, но́ мы спасемъ свою честь; если же побѣдимъ, то я могу предложить миръ и безъ стыда явиться въ Стокгольмъ“. Скоро онъ придумалъ средство вывѣдать косвеннымъ путемъ, какъ Екатерина смотритъ на эту войну. 26-го іюля король приказалъ Армфельту обратиться съ письмомъ (посланнымъ къ нему вчернѣ) къ бригадиру князю Лобанову-Ростовскому, находившемуся въ Фридрихсгамѣ [1]), предложить ему обмѣняться плѣнными и, вмѣстѣ съ тѣмъ намекнуть отъ себя, какъ было бы желательно возстановить мирныя отношенія между королемъ и императрицей. Армфельтъ на другой же день исполнилъ приказаніе. Лобановъ отправилъ полученное имъ письмо къ Екатеринѣ, но она не обратила на него никакого вниманія, потому что ожидала внутреннихъ замѣшательствъ въ Швеціи и притомъ не хотѣла остановить вооруженій Даніи противъ Швеціи. Вслѣдъ затѣмъ ей были сдѣланы другого рода предложенія, утвердившія въ ней надежду на скорое и полное отмщеніе ненавистному врагу.

По особенной случайности, въ арміи, предводительствуемой генераломъ Армфельтомъ и стоявшей въ это время при Ли́калѣ, находилось нѣсколько самыхъ усердныхъ приверженцевъ Спренгтпортена, имѣвшихъ постоянный доступъ къ главнокомандующему. Таковы были адъютанты: Егерхорнъ, Кликъ и фонъ-Тэрне, двоюродный братъ Армфельта. Хотя въ эту пору между ними и Спренгтпортеномъ не происходило никакихъ сношеній, однакожъ, послѣ неудачи при Фридрихсгамѣ они подняли голову, въ ожиданіи, что запутанныя обстоятельства будутъ благопріятны исполненію ихъ плановъ. Всѣхъ дѣятельнѣе между ними являлся Егерхорнъ.

[1]) Командовавшему, по словамъ Храповицкаго, Псковскимъ полкомъ. Армфельтъ, между прочимъ, писалъ ему: „Pour moi, mon prince, je serais infiniment heureux, si, choisi par mon maître de porter le premier les paroles de conciliation, je puisse dater de ce jour le rétablissement d'une union et d'une harmonie qui a fait de tout temps l'objet de mes voeux et que j'ai vu avec tant de regrets rompre plus peut-être par des malentendus et de mauvais esprits que par la volonté de deux souverains unis par le lien du sang et si faits tous les deux pour s'aimer. (Дневникъ Хр., стр. 119 — 120).

Пользуясь общимъ неудовольствіемъ, онъ задумалъ отправить къ императрицѣ депутацію, которая объяснила бы ей миролюбивое настроеніе арміи и удостовѣрилась бы въ собственныхъ чувствахъ государыни. Склонивъ въ пользу этого плана и честолюбиваго Хестеско́, надѣявшагося такимъ образомъ легче добиться созванія сейма, Егерхорнъ былъ увѣренъ, что Армфельтъ и другіе его сослуживцы согласятся на его предложеніе, и потому, какъ кажется, уже заранѣе извѣстилъ начальство русской арміи о готовившейся депутаціи. Хестеско́ привлекъ на свою сторону Оттера, который условіемъ своего присоединенія къ плану поставилъ участіе въ немъ генерала К. Г. Армфельта. Неожиданнаго союзника друзья мира пріобрѣли въ подполковникѣ Бьёрнеборгскаго полка баронѣ Оттонѣ Клингспорѣ, который, по общему мнѣнію, пользовался особенною милостью короля и имѣлъ большія связи при дворѣ; но онъ былъ честолюбивъ, склоненъ къ интригѣ и хотѣлъ во что бы то ни стало возвыситься; приставъ къ замыслу Егерхорна, онъ доказалъ, что считалъ положеніе Густава отчаяннымъ.

Армфельтъ нѣсколько дней не соглашался на усиленныя просьбы Егерхорна и его товарищей принять участіе въ отправленіи къ императрицѣ письма или, какъ они выражались, ноты; но когда 27-го іюля Армфельтъ испросилъ себѣ увольненіе отъ должности главнокомандующаго (такъ какъ король былъ недоволенъ его распоряженіями въ Ху́сулѣ), и когда его зять, даровитый Кликъ, сталъ убѣждать его не отказывать въ просьбѣ офицеровъ, то Армфельтъ, наконецъ, далъ свое согласіе на задуманное ими неслыханное дѣло: верстахъ въ 50-ти отъ своего короля и верховнаго вождя, безъ его вѣдома, нѣсколько подданныхъ его вступили въ мирные переговоры съ непріятелемъ. Армфельта увѣрили, что онъ угодитъ Густаву, въ тогдашнемъ его положеніи, сношеніями о мирѣ безъ прямаго его участія; старику казалось, что онъ этимъ шагомъ спасетъ родную Финляндію отъ непріятельскаго вторженія и грабежа, отвратитъ угрожавшую арміи опасность быть отрѣзанною отъ Швеціи и погибнуть отъ голода. Впрочемъ, сговорившимся нужна была только подпись Армфельта; получивъ его согласіе, они оставили его въ покоѣ. Егерхорнъ дѣйствовалъ съ удивительною поспѣшностью, какъ-будто опасаясь, чтобъ Армфельтъ не одумался, или чтобъ не случилось чего-нибудь такого, что́ могло бы вдругъ помѣшать исполненію плана.

28-го іюля въ палаткѣ Армфельта собрались Хестеско́, Оттеръ Клингспоръ и нѣсколько другихъ, приглашенныхъ Егерхорномъ офицеровъ. Егерхорнъ заранѣе приготовилъ проектъ ноты, предназначавшейся для русской императрицы. Но такъ какъ въ этомъ проектѣ многія выраженія не могли быть одобрены, то тутъ же продиктована была Армфельтомъ, при участіи остальныхъ, другая редакція, а для

окончательнаго исправленія ея послали за Кликомъ. Послѣ того собравшіеся разошлись съ тѣмъ, чтобы снова сойтись въ 6 часовъ слѣдующаго утра. Егерхорнъ поспѣшилъ послать въ Фридрихсгамъ увѣдомленіе о предстоявшемъ. Всѣ участвовавшіе въ прежнемъ совѣщаніи были приглашены къ Армфельту въ полночь съ 28-го на 29-е іюля. Передѣланная Кликомъ нота была переписана начисто, прочитана и поспѣшно подписана присутствовавшими. Это были: генералъ-майоръ баронъ Карлъ Густавъ Армфельтъ, полковники Іоаннъ Генрихъ Хестеско́ и баронъ Себастіанъ фонъ-Оттеръ, подполковники Перъ Энейэльмъ и баронъ Отто Клингспоръ, майоры Карлъ Генрихъ Кликъ и баронъ Густавъ фонъ-Котенъ. Въ 3 часа утра 29-го іюля 1788 г. все было готово.

Такъ какъ ноту предполагалось доставить въ собственныя руки императрицы, то естественно было бы позаботиться, чтобъ эта бумага была написана на языкѣ понятномъ для государыни. До сихъ поръ и полагали, что она составлена была по-французски. Оказывается, однакожъ, что ее написали по-шведски. Есть два изданія ея, представляющія довольно существенныя различія въ выраженіяхъ. Такъ какъ одно изъ нихъ сдѣлано по копіи, которую генералъ К. Г. Армфельтъ, черезъ три дня послѣ отправленія ноты, именно 1-го (12-го) августа, препроводилъ къ королю, то мы и беремъ текстъ этой редакціи въ основаніе для перевода ноты на русскій языкъ.

„Нижеподписавшіеся, главнокомандующій и начальники находящихся здѣсь финскихъ полковъ и корпусовъ собрались для защиты предѣловъ государства отъ угрожавшаго непріятельскаго вторженія, а затѣмъ имъ было повелѣно перейти границу для занятія позицій, добровольно оставленныхъ войсками вашего императорскаго величества. Но намъ не была въ точности извѣстна цѣль этихъ распоряженій; подъ стѣнами же Фридрихсгама мы удостовѣрились, что предпринятое дѣло противно правамъ націи, которыя мы, какъ граждане столько же считаемъ своимъ долгомъ охранять, сколько и исполнять военныя обязанности.

„Это затруднительное положеніе поставило насъ въ крайнее недоумѣніе, ка́къ намъ исполнить обязанности честныхъ патріотовъ, не нарушая долга, лежащаго на насъ по званію офицеровъ. Думаемъ однако, что мы нашли средство выйти изъ такого затрудненія, рѣшившись предъ вашимъ императорскимъ величествомъ всеподданнѣйше заявить общее искреннее желаніе всей націи, чтобы между обоими сосѣдними государствами остался ненарушимымъ вѣчный миръ, который къ нашему прискорбію въ послѣднее время былъ прерванъ замыслами нѣсколькихъ безпокойныхъ головъ, подъ видомъ стремленія къ общему благу скрывающихъ корыстныя намѣренія. Имъ было тѣмъ легче вовлечь малосвѣдущихъ людей въ минутное заблужденіе, что

всѣмъ еще памятенъ тотъ недавній миръ (Абоскій, 1743 г.) съ Россіей, который, закончивъ злополучную для насъ войну, раздробилъ наши владѣнія. Посему мы осмѣливаемся повергнуть на милостивѣйшее воззрѣніе вашего императорскаго величества, не было ли бы вѣрнѣйшимъ залогомъ столь же прочнаго, какъ и полезнаго для обоихъ государствъ мира, еслибъ нашей странѣ возвращены были тѣ границы, какія она имѣла пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Тогда люди неблагонамѣренные не имѣли бы уже повода нарушать спокойствіе обѣихъ державъ, и еслибъ ваше императорское величество даровали націи такое доказательство своего благоволенія и искренняго забвенія прошлаго, то мы смѣемъ думать, что ваше императорское величество воздвигли бы себѣ прекраснѣйшій памятникъ въ сердцахъ благодарныхъ сосѣдей и преданныхъ союзниковъ.

„Чтобъ узнать милостивѣйшее мнѣніе вашего императорскаго величества, могутъ ли быть открыты въ надлежащемъ порядкѣ переговоры съ представителями финской націи, мы отправляемъ къ вамъ майора Егерхорна и будемъ не безъ тревожнаго чувства ожидать его возвращенія, такъ какъ отвѣтъ, который онъ привезетъ намъ, долженъ рѣшить, можемъ ли мы положить оружіе и возвратиться къ счастливому для государства спокойствію, или должны будемъ ополчиться во имя чести и достоинства націи, какъ подобаетъ честнымъ шведскимъ воинамъ, когда имъ извѣстно, что они для блага отечества презираютъ опасности и самую смерть“.

Эта составленная въ Ликалѣ нота должна считаться однимъ изъ самыхъ прискорбныхъ въ исторіи документовъ: она доказываетъ, какъ низко упало нравственное чувство среди борьбы партій въ такъ-называемый періодъ вольности (1721—1771 гг.). Въ ней высказалось озлобленіе аристократіи за усиленіе королевской власти, въ ней отразился тотъ духъ, который на минуту былъ подавленъ переворотомъ 1772 года, но снова ожилъ на сеймѣ 1786 г., а теперь открыто, подобострастно призывалъ иностранное правительство на защиту правъ шведской націи отъ монарха. Было одною случайностью, что только финскіе офицеры участвовали въ отправленіи ноты. Но такъ какъ они, усердствуя какъ можно скорѣе сокрушить власть короля, добиться мира и созванія сейма, чтобъ однимъ себѣ присвоить лавры патріотической доблести, напередъ не снеслись съ начальниками шведской арміи, откуда собственно исходили всѣ жалобы, то это породило недовѣріе къ намѣреніямъ финновъ, и шведы начали подозрѣвать, что обращеніе къ императрицѣ имѣло цѣлью доставить Финляндіи независимость подъ покровительствомъ Россіи. Но такое подозрѣніе было совершенно несправедливо.

Для партіи сепаратистовъ или, вѣрнѣе, для Егерхорна, который почти одинъ являлся ея представителемъ, содержаніе ноты было въ

сущности безразлично; все дѣло состояло въ томъ, чтобъ было письмо къ императрицѣ и чтобъ Егерхорну досталась честь отвезти его. Поэтому, возбудивъ вопросъ о депутаціи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ свои услуги для осуществленія этой мысли, и его предложеніе приняли охотно, потому что порученіе было трудное и щекотливое. Егерхорнъ же не разъ бывалъ въ Петербургѣ и зналъ тамошніе ходы и выходы. Но Хестеско́ впослѣдствіи сознавался, что избраніе Егерхорна въ депутаты было большою ошибкой, такъ какъ оно вызвало недовѣріе къ цѣлямъ финской арміи: политическіе взгляды Егерхорна были всѣмъ извѣстны.

Въ три часа утра 29-го іюля окончилось, какъ было упомянуто, совѣщаніе у Армфельта; къ четыремъ часамъ Егерхорнъ былъ уже готовъ къ отъѣзду. Онъ отправился изъ лагеря съ Клингспоромъ, какъ-будто къ шведскимъ форпостамъ; но, миновавъ ихъ, Клингспоръ остановился, а Егерхорнъ продолжалъ путь далѣе. Скоро раздались два пистолетные выстрѣла; это по условію значило, что Егерхорнъ благополучно достигъ русскаго отряда, высланнаго къ нему на встрѣчу изъ Фридрихсгама. Клингспоръ воротился одинъ къ пограничной стражѣ, представился крайне озабоченнымъ и, выразивъ опасеніе, какъ бы Егерхорнъ не былъ захваченъ казаками, послалъ верхомъ нѣсколько драгуновъ провѣдать его. Воротясь, они заявили только, что видѣли по дорогѣ слѣды конскихъ копытъ. Затѣмъ по всему лагерю былъ пущенъ слухъ, что Егерхорнъ взятъ въ плѣнъ. Даже старикъ Армфельтъ притворился, будто онъ очень встревоженъ; ломалъ себѣ руки и далъ на этотъ день пароль: „прискорбный случай“.

Между тѣмъ Егерхорнъ благополучно прибылъ въ Фридрихсгамъ и пробылъ тамъ нѣсколько часовъ, пославъ крестьянина въ Ли́калу за вещами, которыя забылъ взять съ собой. Въ Петербургъ Егерхорнъ пріѣхалъ 31-го іюля днемъ и отправился прямо къ главноначальствовавшему въ столицѣ графу Брюсу, но не засталъ его дома.

VII.

26-го іюля 1778 года, передъ полуднемъ, Екатерина была взволнована донесеніемъ, что Фридрихсгамъ окруженъ непріятелемъ, и что генералъ Левашевъ сжегъ предмѣстье. Тѣмъ болѣе порадовало ее полученное того же числа послѣ обѣда отъ графа Мусина-Пушкина извѣстіе о поспѣшномъ отступленіи шведовъ къ своей границѣ. Въ Петербургѣ приписали это сначала опасенію, чтобы генералъ Боуръ не атаковалъ ихъ съ тылу, но уже на другой день выборгскій губернаторъ генералъ-лейтенантъ Гинцель донесъ слышанное имъ отъ фридрихсгамскаго исправника объясненіе, что финская армія отсту-

пила по нежеланію продолжать военныя дѣйствія, объявивъ, что она готова защищать границы своего государства, но отказывается отъ веденія наступательной войны.

Итакъ, надежды императрицы исполнились: таившееся противъ Густава неудовольствіе обнаружилось на дѣлѣ. Съ большимъ нетерпѣніемъ стала она ожидать дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ дѣлъ въ Финляндіи, и когда въ сообщеніи ихъ происходила остановка, то случалось, что это дѣйствовало на ея здоровье [1]). По поводу упомянутаго выше письма Г. М. Армфельта къ Лобанову-Ростовскому она писала Потемкину: „Переговоры твердые съ вѣроломцемъ постановить трудно, а когда Финляндія откажется отъ его подданства, да шведы соберутъ сеймъ, тогда можно будетъ Фуфлыгѣ-богатырю подстричь крылья, чтобъ впредь леталъ пониже“ [2]).

31-го іюля Егерхорнъ прибылъ въ Петербургъ. Такъ какъ графа Брюса не было дома, то императрица, къ крайнему ея неудовольствію лишь нѣсколько позднѣе получила бумагу финскихъ офицеровъ, привезенную какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводѣ, сдѣланномъ въ Фридрихсгамѣ по распоряженію графа Мусина-Пушкина [3]).

Екатерина тотчасъ же повелѣла тогдашнему фавориту А. М. Мамонову призвать Егерхорна и разспросить его о цѣли его пріѣзда. Такъ какъ Мамоновъ своимъ возвышеніемъ обязанъ былъ Потемкину, то онъ предложилъ повѣренному послѣдняго, полковнику Гарновскому, присутствовать при совѣщаніи, назначенномъ въ 11 часовъ вечера. Гарновскій явился прежде Егерхорна и помѣстился за перегородкой, чтобы, оставаясь не замѣченнымъ, слушать разговоръ и записать все, что сообщитъ Егерхорнъ болѣе замѣчательнаго. Это, говоритъ Гарновскій [4]), состояло въ слѣдующемъ:

„Сколько король шведскій, наружными видами обольщенный, къ войнѣ ни склоненъ, но финны и шведы никогда не помышляли объ оной, тѣмъ менѣе вести брань съ такимъ сильнымъ народомъ, какова есть Россія, и тѣмъ паче, что война, съ какими бы успѣхами для короны шведской ведена ни была, не только никогда не можетъ быть для шведской Финляндіи, яко театра войны, полезною, но оставитъ по себѣ въ той части земли на многія лѣта весьма пагубные слѣды. Король, зная таковыя подданныхъ своихъ мысли, иначе не могъ скло-

---

[1]) Дневн. Храп., 122.

[2]) Русск. Стар. 1786, августъ, стр. 579.

[3]) 1-го іюля Храповицкій записалъ: „Сказывали камердинеры, что крѣпко мыли голову графу Брюсу за то, что, не заѣзжая домой съ утра, не видалъ курьера, его ожидавшаго и присланнаго отъ графа Мусина-Пушкина, а потому самому оставался пакетъ ея величеству не поданнымъ“. Подъ именемъ курьера здѣсь и слѣдуетъ разумѣть Егерхорна. *Я. Г.*

[4]) Записки Гарновскаго въ Р. Старинѣ, 1876, іюнь, стр. 206 — 209.

нить народъ свой, а особливо финновъ, къ поднятію противъ Россіи оружія, какъ сильными убѣжденіями, что не онъ, но Россія начинаетъ съ ними войну. Въ такомъ случаѣ и шведскіе, и финскіе полки собрались къ защищенію границъ своихъ. Когда же примѣтили, что всѣ королевскія распоряженія клонились отнюдь не къ защитѣ собственныхъ земель своихъ, но къ нападенію на чужія, какъ то сіе сдѣлалось явнымъ при нападеніи на Фридрихсгамъ, то не оставалось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что не Россія, но ихъ король виновникъ настоящей войны и вслѣдствіе сего всѣ финскіе полки объявили королю, что земли свои защищать готовы, но на чужія нападать не станутъ. Финны, возвратясь послѣ сего въ свои границы, опредѣлили отправить меня съ слѣдующимъ къ ея императорскому величеству прошеніемъ:

„1) О возстановленіи съ короною шведскою, а особливо съ финнами мира.

„2) О приведеніи шведскаго правленія въ такое положеніе, въ какомъ оно находилось до произведенной въ государствѣ нынѣшнимъ королемъ, по вступленіи имъ на престолъ, революціи; то-есть, чтобы народъ имѣлъ право собирать сеймы, распоряжать доходами, раздавать какъ воинскіе, такъ и гражданскіе чины и мѣста посредствомъ выбираемыхъ отъ народа сенаторовъ и другихъ государственныхъ чиновъ, отъ коихъ бы и королевская власть зависѣла.

„3) Чтобъ со временемъ финновъ, отдѣливъ отъ шведскаго правленія, сдѣлать независимымъ народомъ, собственное свое правленіе имѣющимъ, чего теперь на первый случай сдѣлать нельзя, дабы шведы, поступающіе при теперешнихъ обстоятельствахъ съ финнами заедино, не возревновали къ финнамъ.

„4) Чтобъ для переговоровъ употребить г. Шпренгтпортена.

„5) Чтобъ уступить финнамъ нѣкоторыя изъ завоеванныхъ нами крѣпости и мѣста, которыми финны владѣли по Нейштадтскому трактату и о коихъ они, прося еще прежде быть независимыми, всегда здѣшній дворъ просили, дабы, сколько они теперь, пользуясь милостями Екатерины, отъ нападенія ни безопасны, были таковыми и въ будущія, въ разсужденіи наслѣдниковъ русскаго престола, и въ неизвѣстныя времена.

„6) Что на сіе шведское войско, стоящее по ту сторону рѣки Кюмени, ожидало отвѣта.

„Къ сему присовокупилъ г. майоръ еще примѣчаніе, что король ихъ имѣлъ бы, можетъ быть, до сихъ поръ успѣхи, еслибъ финны политически ему въ томъ не препятствовали“.

При отъѣздѣ своемъ въ Петербургъ, Егерхорнъ отъ своихъ довѣрителей получилъ одно только порученіе — передать ноту. Но изъ рѣчей его у Мамонова видно, какъ произвольно онъ дѣйствовалъ. Онъ, конечно, не могъ не упомянуть о причинахъ, вызвавшихъ его

отправленіе, и о надеждахъ, какія возлагались на помощь императрицы, чтобы добиться мира и ограничить королевскую власть, но онъ выставлялъ особенно свою собственную цѣль — отторженіе Финляндіи отъ Швеціи, и старался обезпечить себѣ содѣйствіе русскаго правительства къ достиженію этой цѣли. Вотъ почему онъ не усомнился представить дѣла Финляндіи и тамошнее настроеніе въ такомъ свѣтѣ, какой наиболѣе отвѣчалъ его собственнымъ видамъ, и не останавливаясь передъ опасеніемъ повредить своимъ довѣрителямъ; напротивъ того, онъ надѣялся этимъ самымъ поставить ихъ въ необходимость способствовать исполненію его плановъ. Свою бесѣду съ Мамоновымъ онъ кончилъ обѣщаніемъ письменно изложить желанія финновъ.

Мамоновъ не замедлилъ донести императрицѣ о свиданіи съ Егерхорномъ; Екатерина не могла скрыть своего удовольствія, замѣтивъ Храповицкому: „Какая разница между 1-мъ августа (днемъ объясненія съ Егерхорномъ) и 1-мъ іюля“ (когда Густавомъ предложены были постыдныя для Россіи условія мира).

Когда Егерхорнъ представилъ новую записку, Екатерина пожелала узнать предварительно мнѣніе своего совѣта, которому и передана была эта записка вмѣстѣ съ нотою финскихъ офицеровъ. Та и другая разсматривались въ совѣтѣ 3-го августа.

Относительно предложеннаго въ нотѣ вопроса, не могутъ ли быть начаты переговоры съ представителями финской націи, совѣтъ находилъ, что сколь ни желательно скорѣйшее возстановленіе мира, и сколь ни полезно для насъ превращеніе шведской Финляндіи въ область независимую, однако неудобно и неприлично было бы принять предложеніе о переговорахъ съ шведскими и финскими чинами совмѣстно, ибо честь и достоинство короны, послѣ столь оскорбительныхъ поступковъ шведскаго короля, не позволяютъ входить съ нимъ теперь въ какія-либо сношенія. Да и съ самою Швеціей, еслибъ оттуда получено было предложеніе о переговорахъ, нельзя было бы податься на то, развѣ бы нація, созвавъ свой особый сеймъ, отреклась на немъ отъ войны, начатой королемъ, по которой мы должны добиться удовлетворенія. И такъ какъ соединеніе Финляндіи со Швеціей теперь да и никогда не можетъ быть намъ полезно, то главнымъ и первымъ требованіемъ въ предстоящихъ переговорахъ должно быть поставлено отдѣленіе Финляндіи отъ Швеціи, тѣмъ болѣе что предлагаемый общій сеймъ обоихъ народовъ представилъ бы неизбѣжное затрудненіе и не могъ бы состояться вскорѣ, такъ какъ исключаемый изъ него король сталъ бы всѣми средствами ему противодѣйствовать. Поэтому слѣдуетъ отвѣчать финскому депутату, что отвращеніе отъ войны его единоземцевъ, обнаруженная ими въ этомъ случаѣ откровенность и оказанная государынѣ справедливая довѣренность не могутъ быть непріятны ея величеству; что, оставаясь

неизмѣнно въ этомъ настроеніи, они могутъ быть увѣрены въ ея благоволеніи и покровительствѣ; что если они дѣйствительно желаютъ скорѣе прекратить бѣдствія войны и воспользоваться миромъ и независимостью, то должны внушеніями или другими способами побудить шведскія войска оставить Финляндію и немедленно созвать въ ней свой особый сеймъ, объявить себя на немъ независимыми и тутъ же постановить правила, которыя сами финляндскіе чины признаютъ наилучшими къ общему благу своего отечества въ предполагаемомъ новомъ образѣ правленія, ни отъ кого, кромѣ единаго Бога независимомъ; что эти принятыя ими постановленія ея величество утвердитъ навѣки своимъ торжественнымъ ручательствомъ, и что, наконецъ, если къ достиженію независимаго состоянія Финляндіи встрѣтятъ со стороны короля и шведской арміи такія препятствія, которыхъ сами финляндцы преодолѣть не могутъ, то ея величество повелитъ своимъ войскамъ подкрѣплять дѣйствіе благонамѣренныхъ сыновъ отечества. Что касается выраженной въ нотѣ просьбы возвратить уступленную русскимъ по Абоскому миру часть Финляндіи, то удовлетворить этому желанію совѣтъ считаетъ тѣмъ менѣе удобнымъ, что такимъ образомъ граница Финляндіи еще болѣе приблизилась бы къ столицѣ имперіи. Находящіяся въ этомъ участкѣ крѣпости служатъ намъ защитою отъ шведовъ, но были бы безполезны финляндцамъ, когда Россія, доставляя имъ независимость, обязуется на вѣчныя времена охранять эту самостоятельность, и слѣдовательно свою безопасность будутъ находить не въ укрѣпленіи границъ отъ Россіи, а въ могуществѣ Россійской имперіи. Въ такомъ положеніи дѣла эти крѣпости для независимой Финляндіи совсѣмъ не нужны, а для насъ напротивъ могутъ быть весьма полезны въ случаѣ еслибъ Швеціи удалось когда-нибудь возмутить Финляндію противъ Россіи. Но такъ какъ однакожъ сказанный возвратъ земли предлагается съ цѣлію укрѣпить довѣренность къ намъ финляндцевъ, то можно бы эту уступку замѣнить опредѣленіемъ какой-либо ежегодной вспомогательной суммы или доставленіемъ хлѣба, или же соглашеніемъ держать тамъ русскія войска.

Главнокомандующему, графу Мусину-Пушкину, сочтено нужнымъ предписать, чтобъ онъ, какъ сказано въ протоколѣ совѣта, „до дальнѣйшаго повелѣнія воздержался ставить твердую ногу въ шведской Финляндіи; финляндцамъ наши войска должны оказывать всякую ласковость и пощаду къ имѣнію, дабы такимъ образомъ и на дѣлѣ уже доказать ближе къ нимъ наше расположеніе“. Въ заключеніе совѣтъ выразилъ желаніе, чтобъ императрица соизволила лично принять депутата Егерхорна и, обнадеживъ его своею милостію, объявила бы ему, что онъ получитъ офиціальный отвѣтъ отъ министерства ея величества.

Императрица охотно согласилась исполнить это предположеніе: на

другой же день, 4-го августа, Егерхорнъ былъ представленъ ей Мамоновымъ и принятъ очень милостиво. Государыня ему сказала, что финляндцы могутъ надѣяться на ея помощь во всемъ, что согласно съ пользами Россіи, и повелѣла переговорить съ вице-канцлеромъ Остерманомъ. Точнѣе Екатерина не хотѣла до времени высказаться, замѣтивъ, что рѣчи Егерхорна во многомъ расходились съ содержаніемъ привезенной имъ ноты. Поэтому она считала необходимымъ напередъ убѣдиться въ достовѣрности его заявленій. Въ этомъ всѣхъ болѣе могъ ей помочь Спренгтпортенъ, почему она и повелѣла немедленно отозвать его изъ Олонецкой губерніи, куда онъ былъ посланъ для подготовленія военныхъ дѣйствій и съ этой стороны.

Егерхорнъ также съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидалъ свиданія съ Спренгтпортеномъ. Отправляясь въ Петербургъ, онъ надѣялся найти тамъ этого столь близкаго ему человѣка; обманувшись же въ своемъ ожиданіи, написалъ къ нему письмо, съ просьбою поспѣшить пріѣздомъ, извѣщая его, едва-ли бывъ на то уполномоченъ, что финская армія желаетъ стать подъ его начальство. Это письмо вполнѣ согласовалось съ собственными мечтами и вожделѣніями Спренгтпортена. Не теряя времени, онъ возвратился въ Петербургъ и, послѣ свиданія съ Егерхорномъ, удостоился (8-го августа) продолжительной аудіенціи у императрицы, которая при этомъ, повидимому, вполнѣ убѣдилась въ вѣрности показаній Егерхорна. Послѣ пріема Спренгтпортена, она, по свидѣтельству Храповицкаго, замѣтила: „Deux têtes chaudes s'entendent; dans un quart d'heure nous avons beaucoup fini". Еще прежде Остерманъ передалъ ей записку о своемъ разговорѣ съ Егерхорномъ, и теперь составилъ проектъ отвѣта финскимъ офицерамъ, который, по волѣ государыни, опять переданъ былъ на разсмотрѣніе совѣта при собственноручной ея запискѣ. Тщательно обдуманный такимъ образомъ отвѣтъ былъ написанъ по-французски отъ имени императрицы, но безъ всякой подписи: Екатерина не хотѣла уронить своего достоинства открытымъ признаніемъ сношеній съ заговорщиками; а Остерманъ боялся, чтобы этотъ отвѣтъ „какимъ-нибудь недоброхотомъ" не былъ доставленъ шведскому королю. 9-го августа онъ былъ врученъ Егерхорну. Вотъ подлинный текстъ его:

„Les intentions pacifiques de l'Impératrice à l'égard de la Suède ne peuvent être méconnues ni ignorées d'aucun suédois eclairé et impartial. La Finlande surtout, comme la voisine la plus immédiate de la Russie, a éprouvé les effets de ses dispositions favorables, lorsqu'en 1785, dans les besoins de la disette, S. M. I. lui fit ouvrir ses magasins préparés pour la subsistance de ses propres sujets. A présent même que la guerre la plus injuste et la plus destituée de tout fondement légitime lui est suscitée par le Roi de Suède, l'Impératrice a parfaitement su distinguer les mouvements du Prince d'avec ceux de ses sujets. Elle est bien

éloignée de les confondre dans le ressentiment que ce procédé doit naturellement exciter dans son âme. Elle n'a donc pu apprendre qu'avec satisfaction les sentiments qui animent l'armée finnoise, et la résolution qu'elle vient de prendre et d'exécuter, de se soustraire à la séduction qu'on a employée pour l'entrainer à une invasion dans les frontières de la Russie. Mais quelque conforme que soit ce pas aux principes d'humanité et de générosité qui guident S. M. I., il lui reste à désirer que le voeu de la nation finnoise pour le rétablissement de l'ancien bon voisinage et de l'ancienne bonne harmonie soit manifesté par la réunion d'un plus grand nombre de citoyens et revêtu de la forme représentative qui puisse lui donner une sanction légale et authentique. Pour cet effet et en considérant la délicatesse de la position actuelle des affaires, tous ceux qui participent aux intentions salutaires énoncées dans le mémoire présenté à S. M. I. par le major Iägerhorn ne doivent pas différer de se concerter ensemble et de se former en un corps représentant qui puisse traiter légitimement les intérêts de la patrie et les régler définitivement de la manière le plus analogue à son bien-être présent et à venir. Le général comte de Moussine-Pouchkine, commandant en chef des troupes de l'Impératrice en Finlande, sera autorisé non seulement de protéger cette mesure préalable, mais lorsqu'elle sera une fois exécutée, d'écouter les députés finnois qui lui seront envoyés de la part de ce corps, et d'administrer tous les secours nécessaires pour conduire à une bonne fin cette entreprise patriotique. Ce n'est qu'à cette époque que S. M. I. pourra faire éclater avec plus d'étendue tous les

---

[1]) Переводъ: „Миролюбивыя намѣренія императрицы не могутъ не быть извѣстны въ ихъ настоящемъ смыслѣ всякому образованному и безпристрастному шведу. Особенно Финляндія: какъ ближайшая сосѣдка Россіи, испытала на себѣ ея доброе расположеніе, когда въ неурожайный 1785 годъ государыня открыла финнамъ хлѣбные магазины, приготовленные для собственныхъ ея подданныхъ. Такъ и теперь, когда противъ ея императорскаго величества король Шведскій затѣялъ самую несправедливую и лишенную всякаго законнаго основанія войну, императрица ясно видитъ различіе между побужденіями короля и чувствами его подданныхъ. Она никакъ не распространяетъ на послѣднихъ того негодованія, которое такой образъ дѣйствій естественно возбуждаетъ въ душѣ ея. Поэтому ея величество не безъ удовольствія узнала о настроеніи финскаго войска, равно какъ о принятомъ и исполненномъ имъ рѣшеніи освободиться отъ обольщеній, пущенныхъ въ ходъ, чтобы склонить его къ вторженію въ предѣлы Россіи. Но какъ ни соотвѣтствуетъ поступокъ финновъ соблюдаемымъ императрицею правиламъ человѣколюбія и великодушія, ея величеству остается желать, чтобы стремленіе финской націи къ возстановленію по station старинѣ добраго сосѣдства и согласія заявлено было болѣе многочисленнымъ собраніемъ гражданъ и облечено въ форму представительства, которая дала бы оному законное и неоспоримое значеніе. На сей конецъ и въ виду трудности настоящаго положенія дѣлъ, пусть всѣ раздѣляющіе благія намѣренія, выраженныя въ представленной ея величеству майоромъ Егерхорномъ нотѣ, безъ замедленія объяснятся между собой и составятъ представительное собраніе, которое могло бы законно совѣщаться объ интересахъ отечества и притти къ заключенію, наиболѣе отвѣчающему его пользамъ какъ

sentiments magnanimes et bienveillants dont elle est animée envers la nation finnoise. Mais avant tout les troupes finnoises proprement dites doivent évacuer les frontières de la Russie.

„Il n'est pas à espérer que le Roi de Suède à la tête des siennes se détermine de bonne grâce au même parti.

„Dans ce cas la dignité de S. M. I., ainsi que le bien-être de ses sujets exigent qu'elles en soient non seulement délogées de vive force, mais même poursuivies dans leur retraite, et alors l'entrée des troupes russes en Finlande pourrait devenir nécessaire. Mais après les sentiments que quelques-uns des chefs et des officiers de l'armée finnoise viennent de témoigner, et lorsque ces mêmes sentiments se seront communiqués aux autres citoyens du grand duché de Finlande, l'entrée des troupes russes et leur séjour dans le pays, bien loin de servir à l'oppression ou au préjudice des habitants, concourront au contraire à établir et à consolider parmi eux une existence politique et civile, telle que tous les bons patriotes et les bons esprits désirent ou doivent désirer pour parvenir à un bien-étre réel et imperturbable".

„St.-Pétersbourg, ce 9 août 1788".

При разсмотрѣніи этой записки, совѣтъ императрицы находилъ, что, кромѣ письменнаго отвѣта, майору Егерхорну необходимо объяснить на словахъ, какъ несообразно требованіе финнами территоріальной уступки: такъ какъ не Россія нарушила святость договоровъ, а король шведскій нагло и вѣроломно попираетъ ихъ, то напротивъ Россія имѣетъ право требовать вознагражденія. „Ея величество" — записано между прочимъ въ журналѣ совѣта, — „соединяя великодушіе ко

въ настоящемъ, такъ и въ будущемъ. Главнокомандующему войсками императрицы въ Финляндіи графу Мусину-Пушкину будетъ повелѣно не только споспѣшествовать этой предварительной мѣрѣ, но и по приведеніи ея въ дѣйствіе выслушать финляндскихъ депутатовъ, которые будутъ посланы къ нему этимъ собраніемъ, и оказывать всякое содѣйствіе къ успѣшному окончанію сего патріотическаго дѣла. Тогда только ея императорскому величеству возможно будетъ рѣшительнѣе обнаружить тѣ чувства благоволенія и великодушія, какія государыня питаетъ къ финской націи. Но прежде всего собственно финское войско должно очистить русскіе предѣлы. Нельзя конечно надѣяться, чтобы и король шведскій въ главѣ своей арміи добровольно на то согласился. Въ такомъ случаѣ достоинство ея императорскаго величества и благо ея подданныхъ потребуютъ не только вытѣснить силою, но и преслѣдовать по пятамъ эту армію, и тогда вступленіе русскихъ войскъ въ Финляндію можетъ сдѣлаться неизбѣжнымъ. Но послѣ выраженныхъ нѣкоторыми военачальниками и офицерами финской арміи чувствъ, которыми безъ сомнѣнія проникнуты и другіе граждане великаго, княжества Финляндскаго, пребываніе русскихъ войскъ въ этомъ краю отнюдь не послужитъ къ угнетенію или ко вреду жителей, а напротивъ того будетъ содѣйствовать ко введенію и установленію между ними такого политическаго и гражданскаго быта, какого должны желать всѣ добрые патріоты и благомыслящіе люди для достиженія истиннаго и прочнаго благосостоянія".

С.-Петербургъ, 9-го августа, 1788.

всѣмъ народамъ съ обязанностію въ разсужденіи пользы и безопасности ввѣреннаго ей отъ Бога государства, вмѣсто всякаго въ настоящей войнѣ противъ короля шведскаго завоеванія, предлагаетъ сосѣднему ей великому княжеству финляндскому отдѣлить себя навсегда отъ шведской зависимости, слѣдовательно только избавить себя и отъ тѣхъ бѣдственныхъ событій, коимъ шведская политика подвергнуть ихъ можетъ, и возставя себя областію вольною, начертать форму правленія и коренныя установленія, сходныя ихъ положенію, обѣщая въ достиженіи того способствовать имъ оружіемъ и другими средствами и таковую ихъ независимость обезпечить своимъ ручательствомъ" [1]).

Въ знакъ своего благоволенія императрица пожаловала Егерхорну перстень и 500 червонцевъ. Во время своего пребыванія въ Петербургѣ онъ жилъ у графа Брюса, который оказывалъ ему большую предупредительность. Въ домахъ, куда Егерхорнъ былъ вхожъ, онъ жаловался на короля и высказывался за независимость Финляндіи, но относительно будущаго управленія этой страны выражалъ двоякое мнѣніе: то онъ хотѣлъ обратить ее въ республику, то просилъ назначить правителемъ ея девятилѣтняго внука императрицы Константина Павловича въ качествѣ великаго князя финляндскаго. Такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаютъ современныя извѣстія.

Въ самый день полученія отвѣта русскаго правительства 9-го августа, Егерхорнъ выѣхалъ изъ Петербурга вмѣстѣ съ Спренгтпортеномъ, которому поручено было вести отъ имени императрицы переговоры съ финскими офицерами и склонить ихъ въ пользу его плановъ, одобренныхъ государыней. На другой день они проѣхали черезъ Выборгъ, гдѣ къ нимъ присоединился Мусинъ-Пушкинъ. Въ Фридрихсгамѣ Спренгтпортенъ остановился, а Егерхорнъ продолжалъ путь съ надворнымъ совѣтникомъ Клэхильсомъ, у котораго онъ остановился, когда ѣхалъ въ Петербургъ.

Между тѣмъ отрядъ генерала К. Г. Армфельта 29-го іюля, въ тотъ день, когда Егерхорнъ пустился въ путь изъ лагеря, по повелѣнію короля перешелъ черезъ Кюмень обратно въ шведскую Финляндію и расположился лагеремъ къ Аньялѣ, чѣмъ и начинается второй актъ драмы, происходившей до тѣхъ поръ въ Лйкалѣ.

Такъ кончаетъ г. Тигерстедтъ первый рядъ своихъ статей, озаглавленныхъ именемъ Спренгтпортена. Вторая ихъ серія имѣетъ предметомъ Аньяльскую конфедерацію [2]).

[1]) Арх. Госуд. Совѣта, I, 1 стр. 395.

[2]) Извѣстно, что эта попытка финскихъ и шведскихъ офицеровъ прекратить войну не привела къ желанной цѣли. Хотя во время отсутствія Егерхорна заговоръ принялъ обширнѣйшіе размѣры, и королю подана была декларація, въ которой приняли участіе 113 офицеровъ; хотя Густавъ, вслѣдствіе того, возвратился въ Швецію; но война подъ главнымъ начальствомъ его брата герцога Карла, продол-

ОТЗЫВЪ ЕКАТЕРИНЫ II ОБЪ АРСЕНІИ МАЦѢЕВИЧѢ [1].

1875.

Въ перепискѣ Вольтера, напечатанной въ самомъ полномъ изданіи его сочиненій (par M. Beuchot), въ одномъ изъ писемъ къ нему Екатерины II есть замѣчательное мѣсто, не сохранившееся не только въ другихъ изданіяхъ, но и въ черновыхъ автографахъ императрицы, какъ видно изъ „бумагъ" ея, печатаемыхъ Историческимъ Обществомъ.

Въ письмѣ отъ 11-го (22-го) августа 1765 года, государыня кончаетъ свой Post-scriptum слѣдующими, неизвѣстными до сихъ поръ строками, касающимися Арсенія Мацѣевича [2]):

„Люди, подвластные церкви, страдая отъ жестокихъ нерѣдко притѣсненій, къ которымъ еще болѣе способствовали частыя перемѣщенія ихъ духовныхъ господъ, возмутились въ концѣ царствованія императрицы Елисаветы Петровны, и при моемъ вступленіи на престолъ ихъ было болѣе ста тысячъ подъ ружьемъ. Вотъ почему я, въ 1762 году, выполнила планъ — совершенно измѣнить управленіе имѣніями духовенства и опредѣлить доходы лицъ этого сословія. Арсеній, епископъ ростовскій, воспротивился тому, подстрекаемый нѣкоторыми изъ своихъ собратій, которые заблагоразсудили скрыть свои имена. Онъ отправилъ двѣ записки, въ которыхъ старался привести нелѣпое начало двоевластія. Онъ сдѣлалъ эту попытку уже при императрицѣ Елисаветѣ; тогда удовольствовались тѣмъ, что приказали ему молчать; но когда его дерзость и безуміе еще усилились, то онъ былъ судимъ митрополитомъ новгородскимъ и всѣмъ синодомъ, осужденъ какъ фанатикъ, виновный въ замыслѣ, противномъ какъ православной вѣрѣ, такъ и верховной власти, лишенъ сана и священства, и преданъ въ руки свѣтскаго начальства. Я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе".

„Les sujets de l'Eglise souffrant des vexations souvent tyranniques, auxquelles les fréquents changement de maîtres contribuaient encore beaucoup, se révoltèrent vers la fin du règne de l'impératrice Elisabeth, et ils étaient, à mon avénement, plus de cent mille en armes. C'est ce qui fit qu'en 1762 j'exécutai le projet de changer entièrement l'administration des biens du clergé, et de fixer ses revenus.

жалась еще два года, и виновные въ измѣнѣ офицеры понесли заслуженную кару: зачинщикъ заговора полковникъ Хестескò былъ казненъ смертію, а соучастники его, не успѣвшіе покинуть Швецію, поплатились ссылкою или тюрьмою. Егерхорнъ искалъ убѣжища въ Россіи; по заключеніи же мира удалился въ Лондонъ, гдѣ, принятый за французскаго шпіона, заключенъ былъ въ Тоуэръ; по присоединеніи Финляндіи къ Россіи онъ возвратился на родину и умеръ въ Борго, въ 1825 году.

[1]) Русск. Старина 1875, кн. XI.

[2]) См. „Oeuvres de Voltaire, édition Beuchot", t. LXII, p. 411.

Arsène, évêque de Rostof, s'y opposa, poussé par quelques uns de ses confrères, qui ne trouvèrent pas à propos de se nommer. Il envoya deux mémoires où il voulait établir le principe absurde des deux puissances. Il avait déjà fait cette tentative du temps de l'impératrice Elisabeth; on s'était contenté de lui imposer silence, mais son insolence et sa folie redoublant, il fut jugé par le métropolitain de Novogorod et par le synode entier, condamné comme fanatique, coupable d'une entreprise contraire à la foi orthodoxe autant qu'au pouvoir souverain, déchu de sa dignité et de la prêtrise, et livré au bras séculier. Je lui fis grâce, et je me contentai de le réduire à la condition de moine".

ЧАСОВЫХЪ ДѢЛЪ МАСТЕРЪ ПРИ ДВОРѢ ЕКАТЕРИНЫ II [1]).

1875.

Въ Женевѣ живутъ три брата Фази, правнуки часового мастера Екатерины II, Jean Fazy. Одинъ изъ нихъ доставилъ мнѣ рукопись съ разсказами изъ того, чтó извѣстно имъ о пребываніи предка ихъ въ Россіи. Это — извлеченіе изъ записокъ, составленныхъ сыномъ послѣдняго. Хотя разсказы эти и не носятъ печати большой точности и полной достовѣрности, однакожъ они любопытны, какъ случайно долетающее до насъ изъ новаго источника преданіе о достопамятной эпохѣ, и потому я намѣренъ сообщить здѣсь нѣсколько отрывковъ изъ полученной мною рукописи. Братья Фази считаютъ себя потомками стариннаго рода Bonifazio изъ Пизы. Жанъ Фази родился въ 1734 г. Расходясь съ отцомъ въ политическихъ идеяхъ, онъ рѣшился оставить родительскій домъ, получилъ пособіе отъ дяди и уѣхалъ въ Парижъ, а оттуда въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ сблизился съ наслѣднымъ принцемъ (впослѣдствіи Густавомъ III) и женился на Елисаветѣ Эрстремъ. Черезъ нѣсколько времени мы видимъ его въ Москвѣ и напослѣдокъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ вскорѣ сдѣлался однимъ изъ старшинъ французской реформатской церкви. Въ этомъ качествѣ ему пришлось выдержать процессъ съ нѣмецкимъ приходомъ о правѣ владѣнія этой церковью. Поводомъ къ тяжбѣ было истребленіе нѣмецкой церкви пожаромъ, вслѣдствіе чего нѣмцы сперва выхлопотали себѣ позволеніе отправлять богослуженіе во французской церкви, а потомъ, мало-по-малу, присвоили себѣ надъ нею право собственности. Фази выигралъ-было дѣло въ сенатѣ, но такъ какъ въ нѣмецкомъ, гораздо многочисленнѣйшемъ, приходѣ были люди съ большимъ вѣсомъ, какъ напримѣръ генералъ Боуръ и академикъ Эйлеръ, то имъ и удалось добиться у императрицы отмѣны сенатскаго рѣшенія.

Однажды, — это было 12-го декабря, когда праздновался день рожденія великаго князя Александра Павловича, — Фази, при выходѣ

императрицы изъ дворцовой церкви послѣ обѣдни, подалъ ей просьбу по этому дѣлу. „Въ то время“ — сказано въ рукописи — „водилось, что человѣка, рѣшившагося на такой смѣлый поступокъ, сажали на всю жизнь въ крѣпость. Фази былъ арестованъ двумя кавалергардами, но онъ пользовался такимъ уваженіемъ, что какъ скоро узнали, кто онъ такой, то его немедленно освободили. Дѣло, однакожъ, осталось въ томъ же положеніи: онъ три раза подавалъ о немъ записки, но никакого отвѣта не послѣдовало“.

По должности придворнаго часовыхъ дѣлъ мастера Фази получалъ тысячу рублей жалованья и квартиру близъ дворца съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и пр. Онъ былъ обязанъ разъ въ недѣлю заводить во дворцѣ часы, а когда надо было отправляться въ Царское Село, за нимъ пріѣзжала карета четверкой. При дворѣ онъ сблизился съ Бецкимъ и предложилъ ему перевезти изъ Финляндіи въ двадцать дней, съ помощью только сорока человѣкъ, огромную гранитную скалу для конной статуи Петра Великаго; онъ требовалъ только, чтобъ ему для этого предоставлены были въ полное распоряженіе казенныя кузницы. Бецкому хотѣлось принять это предложеніе, но Фази, видя, какія препятствія ему противопоставляютъ мелкіе чиновники у которыхъ онъ не хотѣлъ искать милости, отказался отъ предпріятія; и оно поручено было итальянцу, употребившему на исполненіе его шесть недѣль и три тысячи человѣкъ.

Фази пользовался особеннымъ расположеніемъ Потемкина. Послѣдній занялъ у него однажды 1.400 руб. и нѣсколько лѣтъ не платилъ ему долга. Наканунѣ отъѣзда князя на югъ, въ дѣйствующую армію, императрица пригласила его къ обѣду и вмѣстѣ съ нимъ позвала своего любимаго часового мастера. Фази захотѣлъ воспользоваться случаемъ и написалъ къ Потемкину, немножко въ республиканскомъ духѣ, письмо, которое и положилъ на его приборъ, а самъ занялъ мѣсто по другую сторону стола. Любопытство государыни было возбуждено, и она торопила вельможу вскрыть пакетъ. Пробѣжавъ письмо, Потемкинъ бросилъ на смѣльчака многозначительный взглядъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, Екатерина много смѣялась, и средство, которое придумалъ Фази для полученія своихъ денегъ, ей понравилось. Въ тотъ же вечеръ вся сумма была отвезена къ Фази, но только мѣдными грошами, которыми и наполнились цѣлыя двѣ комнаты.

Фази былъ близокъ также съ обоими Разумовскими, изъ которыхъ одинъ былъ посланникомъ въ Вѣнѣ, а другой сенаторомъ. Послѣдній отличился своею твердостью въ одномъ дѣлѣ. Императрица хотѣла провести въ сенатѣ какой-то законъ, котораго графъ не одобрялъ; нѣсколько разъ собирали голоса, но одного все не доставало. Узнавъ, что законъ не проходитъ по винѣ Разумовскаго, Екатерина позвала его къ себѣ и взяла съ него обѣщаніе согласиться, причемъ онъ

однакожъ заявилъ, что нехотя исполнитъ обязанность повиноваться государынѣ. Законъ состоялся, но черезъ нѣсколько мѣсяцевъ графъ оставилъ службу и переселился въ Москву. По его приглашенію, туда же переѣхалъ и Фази; тамъ онъ и умеръ за полгода до нашествія Наполеона. Передъ занятіемъ города французами графъ увезъ вдову его въ свою Подольскую деревню, гдѣ она и умерла съ горя по мужѣ и потерѣ всего имущества: домъ ихъ сгорѣлъ среди московскаго пожара.

ИМПЕРАТОРЪ IОСИФЪ II ВЪ РОССІИ [1]).

ДОНЕСЕНІЯ ШВЕДСКАГО ПОСЛАННИКА НОЛЬКЕНА [2]).

1883.

Его превосходительству г. государственному совѣтнику и президенту канцеляріи, графу Ульрику Шеферу [3]).

№ 1.

С.-Петербургъ (19) 30-го іюня 1780 г.

Слухъ о прибытіи ея императорскаго величества въ Царское Село [4]) не былъ еще достовѣренъ при отходѣ послѣдней почты; но теперь могу подтвердить его тѣмъ несомнѣннѣе, что я еще въ тотъ же день получилъ о томъ положительное извѣстіе, а затѣмъ въ понедѣльникъ по случаю обычнаго спектакля, самъ представлялся государынѣ.

Рядомъ съ этимъ отраднымъ обстоятельствомъ, особаго сообщенія заслуживаетъ только пріѣздъ знаменитаго путешественника, который нынѣ здѣсь находится. Третьяго дня около полудня прибылъ сюда графъ Фалькенштейнъ изъ Москвы, гдѣ онъ оставался недѣлю и куда ѣхалъ съ такою поспѣшностью, разставшись въ Смоленскѣ съ ея величествомъ, что князь Потемкинъ, ранѣе выѣхавшій оттуда съ намѣреніемъ предупредить его, но задержанный по пути въ своемъ имѣніи, пріѣхалъ позднѣе. Передъ выѣздомъ изъ Смоленска графъ Фалькенштейнъ роздалъ драгоцѣнные подарки, какъ важнѣйшимъ изъ бывшихъ тамъ генераловъ, такъ и лицамъ, принадлежавшимъ къ

---

[1]) Русск. Старина 1883, ноябрь.

[2]) Шведскій текстъ ихъ напечатанъ во 2-мъ томѣ рѣдкой нынѣ книги: „Skrifter af blandadt, dock mest politiskt och historiskt innehall, af Gustaf d'Albedyhll“. Nyköping. 1810.

[3]) Прежнее названіе министра иностранныхъ дѣлъ въ Швеціи. Свѣдѣнія о графѣ Шеферѣ можно найти въ статьѣ моей „Екатерина и Густавъ III“, въ Сборникѣ отд. р. яз. и сл., т. XVIII.—См. выше, стр. 232.

[4]) На обратномъ пути изъ Могилева, куда императрица ѣздила на свиданіе съ Іосифомъ II.

свитѣ императрицы. Изъ числа этихъ подарковъ назову табакерку въ 8.000 руб., пожалованную фельдмаршалу Румянцову, и двѣ еще болѣе дорогія вещи — князю Потемкину, именно табакерку съ вензелемъ графа Фалькенштейна и перстень съ его портретомъ. Фельдмаршалъ графъ Чернышевъ, князь Репнинъ и многіе другіе также получили подарки. Съ своей стороны, и императрица наградила сопровождавшихъ графа Фалькенштейна особъ; между прочимъ, графъ Кобенцль удостоился получить осыпанную брильянтами золотую табакерку. Въ дорогѣ графъ Фалькенштейнъ останавливался только въ имѣніи фельдмаршала Чернышева (Гіераполисѣ). Прибывъ сюда, онъ сперва занялъ помѣщеніе въ домѣ императорскаго посольства, а потомъ отправился кушать въ отель Городъ Лондонъ. Узнавъ о его пріѣздѣ, я немедленно поспѣшилъ въ посольскій домъ, чтобы представиться графу Фалькенштейну. Въ отвѣтъ на это посѣщеніе я уже вчера получилъ отъ него визитную карточку. Но ни я, ни кто-либо другой изъ моихъ товарищей не были приняты графомъ Ф., потому что онъ положилъ себѣ за правило не принимить никакихъ представленій, а напротивъ самому представляться и дѣлать первый визитъ. Другимъ доказательствомъ строгаго инкогнито, которое онъ хочетъ соблюдать, и намѣренія посвящать все свое время императорскому семейству или на осмотръ здѣшнихъ примѣчательностей, можетъ служить то, что онъ заранѣе отказался отъ всякихъ празднествъ и обѣдовъ у частныхъ лицъ; да и при дворѣ не будетъ никакихъ экстренныхъ увеселеній. Всякій разъ, когда графъ Ф. не кушаетъ съ ея величествомъ, онъ обѣдаетъ въ избранномъ на все время отелѣ, гдѣ устроена его собственная кухня, и тогда никто, кромѣ лицъ, составляющихъ свиту графа, не допускается къ его столу. Точно также во время путешествія изъ Могилева, ни одинъ изъ русскихъ вельможъ, ни даже соотечественникъ графа Ф. — Кобенцль не имѣлъ этой чести. Вчера утромъ графъ Ф. присутствовалъ на литургіи въ католической церкви, а оттуда отправился въ Академію наукъ, но тамъ ничего не могъ видѣть, такъ какъ комнаты были замкнуты. Послѣ того онъ отправился въ Царское Село, откуда возвратился вечеромъ. Сегодня онъ вѣроятно опять туда поѣдетъ на нѣмецкій спектакль, къ которому удостоились приглашенія и иностранные послы. Нолькенъ.

№ 2.

С.-Петербургъ. (19) 30-го іюня 1870 г.

Строжайшее инкогнито графа Ф. и то, что онъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ освобождаетъ себя отъ обязанностей, которымъ подчиняется всякое высокопоставленное частное лицо, всѣхъ очень удивляетъ и, кажется, производитъ вообще не совсѣмъ благопріятное впе-

чатлѣніе. Особенно рѣшеніе его не обѣдать ни у кого изъ частныхъ лицъ, во время пребыванія въ Петербургѣ, повидимому, весьма не нравится здѣшнимъ вельможамъ, которые надѣялись угощать его и щеголять роскошью своихъ пировъ и своими богатствами. Но это по всей справедливости можно извинить тѣмъ, что графъ Ф. не желаетъ терять на ежедневныя посѣщенія краткаго времени, которое ему дорого для пріобрѣтенія новыхъ званій. Вотъ почему онъ велъ и въ Парижѣ такой же образъ жизни. Но что онъ на всемъ пути отъ Кіева до Могилева не обѣдалъ съ гр. Румянцовымъ, ни даже съ гр. Броуномъ, а всегда одинъ, за исключеніемъ только одного раза, когда онъ кушалъ у князя Потемкина въ Москвѣ, и что, живя здѣсь у своего министра, онъ даже въ первый день не захотѣлъ у него обѣдать, а отправился въ отель, гдѣ стояла его свита, — все это возбуждаетъ удивленіе въ публикѣ и заставляетъ приписывать ему либо спесь, несообразную съ инкогнито, либо какую-то непонятную странность.

Какія чувства ея величество русская императрица въ душѣ питаетъ къ своему высокому гостю, объ этомъ до сихъ поръ трудно судить, такъ какъ нельзя вывести никакого заключенія изъ безконечныхъ любезностей, ему оказываемыхъ, и государыня съ такимъ искусствомъ умѣетъ скрывать то, что думаетъ. Графъ Ф., съ своей стороны, пользуется всякимъ случаемъ, чтобы лестью и удивленіемъ предъ ея совершенствами угождать и нравиться императрицѣ. Говорятъ, что до сего времени онъ въ своихъ бесѣдахъ съ нею вовсе не затрогивалъ политической струны и въ многолюдныхъ собраніяхъ превозносилъ какъ декларацію, обращенную русскимъ правительствомъ къ воюющимъ державамъ, такъ и предложеніе его нейтральнымъ государствамъ.

№ 3.

С.-Петербургъ. (26 іюня) 6-го іюля 1780 г.

Продолжая свой подробный отчетъ о пребываніи здѣсь графа Фалькенштейна, какъ о предметѣ, который, рядомъ съ состояніемъ драгоцѣннаго здоровья императорской фамиліи, наиболѣе долженъ привлекать вниманіе вашего превосходительства, имѣю честь почтительнѣйше донести слѣдующее:

Въ прошлую пятницу былъ въ Царскомъ Селѣ спектакль, о которомъ я заявилъ съ отходившею въ то время почтою. Графъ Ф., сидѣвшій въ императорской ложѣ возлѣ государыни, намѣревался сдѣлать здѣшнему дипломатическому корпусу честь посѣтить его ложу: но, будучи непрерывно занятъ разговоромъ съ императрицею, онъ не могъ ни на минуту оставить ея величество, и потому мы въ тотъ день не могли удостоиться предназначавшейся намъ чести. На другой день вечеромъ графъ Ф. прибылъ въ городъ и въ воскре-

сенье утромъ былъ у обѣдни въ католической церкви, куда онъ отправился пѣшкомъ, во фракѣ; за нимъ на далекомъ разстояніи слѣдовалъ лонлакей. Оттуда графъ пошелъ прогуляться по городу, а около обѣденнаго времени отправился въ отель. Послѣ обѣда онъ изволилъ посѣтить графиню Румянцову, занимающую домикъ въ императорскомъ саду, гдѣ и онъ хотѣлъ принять участіе въ гуляньи, обыкновенно бывающемъ въ этотъ день; но такъ какъ его узнала и стала преслѣдовать толпа, то онъ поспѣшно удалился и поѣхалъ къ г. Бецкому, у котораго и пробылъ полтора часа. Оттуда онъ отправился къ фельдмаршальшѣ Голицыной [1]), но не былъ принятъ и воротился въ отель. Въ понедѣльникъ утромъ графъ Ф. поѣхалъ въ Царское Село, и такъ какъ въ тотъ день ея императорское величество была не совсѣмъ здорова, то онъ кушалъ у ихъ высочествъ. Нездоровье императрицы доставило ему честь бесѣдовать съ нею во время спектакля, на которомъ ея величество не могла присутствовать, почему и онъ засталъ только конецъ представленія. Прибывъ туда, онъ тотчасъ же посѣтилъ двѣ ложи дипломатическаго корпуса и пожелалъ быть представленнымъ г-жѣ Гаррисъ [2]) и моей женѣ, а также и каждому изъ насъ: вниманіе, которымъ мы были тѣмъ болѣе польщены, что графу Фалькенштейну угодно было присоединить къ тому самыя любезныя и милостивыя слова. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выразилъ сожалѣніе, что долженъ такъ скоро оставить насъ, такъ какъ пьеса въ то самое время кончилась, а ему хотѣлось посѣтить еще ихъ императорскія высочества [3]), въ ложѣ которыхъ онъ и пробылъ до конца балета. Ночь провелъ онъ въ Царскомъ Селѣ, на слѣдующее же утро возвратился сюда въ Петербургъ, въ обществѣ государыни и кушалъ съ императорскою фамиліею въ Лѣтнемъ дворцѣ. Послѣ обѣда онъ отправился домой, чтобы вернуться во дворецъ около 6-ти часовъ, и оставался у императрицы во все время карточной игры, послѣ чего опять отъѣхалъ къ себѣ.

Въ прошедшую среду графъ Ф. сопровождалъ ея величество въ Киккерики [4]) на освященіе церкви, которой основаніе положено было за три года передъ тѣмъ графомъ Готландскимъ [5]) вмѣстѣ съ импе-

---

[1]) Супруга князя Александра Михайловича, рожденная княжна Дарья Алексѣевна Гагарина (Кн. Долгор. Родословная книга I, 289).

[2]) Супруга англійскаго посла Джемса Гарриса Мальсбери, который занималъ этотъ постъ при русскомъ дворѣ съ 1777 по 1783 г. Депеши его изъ Петербурга, см. въ Русскомъ Архивѣ 1866 и 1874 гг.

[3]) Т. е. великаго князя Павла Петровича и супругу его, Марію Ѳеодоровну.

[4]) Собственно Кекерекексино, финское названіе, въ переводѣ „лягушечье болото", на 7-й верстѣ бывшаго царскосельскаго шоссе.

[5]) Т. е. шведскимъ королемъ Густавомъ III, который подъ этимъ названіемъ въ 1777 году гостилъ при петербургскомъ дворѣ. См. выше, статью: „Екатерина II и Густавъ III", стр. 226.

ратрицею и которая по этимъ двумъ обстоятельствамъ вѣчно будетъ достопамятна. Церковь была названа по имени Іоанна, празднуемаго въ этотъ день [1]), и Киккерики, со всѣми своими принадлежностями переименовано Чесмою въ память бывшаго въ этотъ же день [2]) знаменитаго морского сраженія. По окончаніи этой церемоніи графъ Ф. кушалъ съ императорскою фамиліей въ Чесмѣ, откуда онъ отправился въ монастырь благородныхъ дѣвицъ (Смольный) на праздникъ, который ежегодно бываетъ тамъ въ этотъ день, какъ день именинъ г. Бецкаго, почтеннаго начальника монастырскаго института. Императрица не изволила присутствовать на этомъ празднествѣ, но ихъ императорскія высочества приняли въ немъ участіе. Приглашенныхъ было очень не много, но дипломатическій корпусъ имѣлъ удовольствіе принадлежать къ этому числу, и такъ какъ я довольно рано явился въ пріемную залу, то графъ Ф., прибывшій вслѣдъ за мною, удостоилъ меня бесѣды, продолжавшейся четверть часа, какъ объ учрежденіи, для осмотра котораго онъ пріѣхалъ, такъ и о многихъ другихъ предметахъ, возбудившихъ его любопытство. Праздникъ, данный собственно для г. Бецкаго, начался прологомъ въ честь его; затѣмъ представлена была на сценѣ, устроенной въ саду, комическая опера L'Amant déguisé. Послѣ балета, которымъ окончился спектакль, можно было, прогуливаясь по саду, встрѣчать на каждомъ шагу танцовавшія группы, или сцены, въ которыхъ игрались пословицы (Proverbes). Между 8-ю и 9-ю часами вечера дѣвицы сѣли ужинать вдоль нѣсколькихъ столовъ, и, по ихъ приглашенію, ихъ императорскія высочества также расположились у приготовленнаго для нихъ стола, у котораго и намъ отведены были мѣста. Графъ Ф. никогда не ужинаетъ и потому только прогуливался вокругъ столовъ, а потомъ сѣлъ позади стула великой княгини. Подъ впечатлѣніемъ талантовъ и прелести молодыхъ дѣвицъ, графъ Ф. не могъ не выражать имъ своего искренняго одобренія, своего полнаго сочувствія къ такому превосходному учрежденію. Его похвалы, при необыкновенной вѣжливости и привѣтливости этого знаменитаго путешественника, естественно, внушали всѣмъ присутствовавшимъ живѣйшія чувства радости и благодарности. Позвольте къ этому прибавить, въ доказательство неизгладимаго впечатлѣнія, произведеннаго графомъ Готландскимъ [3]) на этихъ молодыхъ дѣвицъ, какъ и на всѣхъ, кто его здѣсь видѣлъ, — что какъ ни счастливы онѣ были присутствіемъ въ ихъ средѣ одного изъ славнѣйшихъ въ мірѣ государей и его благоволеніемъ, но тѣмъ не менѣе

---

[1]) Рождество Іоанна Крестителя 24-го іюня.

[2]) 24-го іюня (6-го іюля) 1770 года.

[3]) Густавомъ III, также посѣтившимъ Смольный монастырь въ 1777 году. См. выше, статью „Екатерина II и Густавъ III“, стр. 226.

онѣ нѣсколько разъ невольно выражали мнѣ со всею живостію ихъ возраста свой энтузіазмъ къ графу Готландскому; сожалѣніе о незабвенномъ прошломъ, повидимому, отравляло ихъ радость въ настоящемъ. Послѣ того вся императорская фамилія, вмѣстѣ съ графомъ Фалькенштейномъ, присутствовала на прекрасномъ фейерверкѣ, устроенномъ по обыкновенію передъ Лѣтнимъ дворцомъ. Вчера высокій путешественникъ кушалъ съ императрицею въ Эрмитажѣ, а послѣ обѣда, сохраняя полнѣйшее инкогнито, былъ на ежедневномъ ученіи здѣшняго кадетскаго корпуса. Сегодня весь дворъ отправляется въ Петергофъ, и императрица, по обыкновенію, проѣздомъ остановится у оберъшталмейстера Нарышкина [1]). Въ Петергофскомъ дворцѣ, на будущей недѣлѣ, даны будутъ обычные въ эту пору празднества.

№ 4.

С.-Петербургъ, 3 (14) іюля 1780 г.

Петергофскія празднества, о которыхъ я упомянулъ въ предыдущемъ донесеніи, теперь миновались, но они заслуживаютъ болѣе подробнаго описанія по новому блеску, который имъ придало присутствіе высокаго путешественника. Въ прошлое воскресенье праздновалось восшествіе на престолъ ея императорскаго величества большимъ выходомъ и весьма оживленнымъ баломъ. Новый французскій посолъ, маркизъ де Веракъ, недавно прибывшій, въ этотъ самый день представлялся императорской фамиліи. Во время выхода обращала на себя общее вниманіе продолжительная бесѣда между императрицею и графомъ Ф., отличавшаяся, какъ всегда, взаимною задушевностью, а также не менѣе замѣтная внимательность графа къ ихъ императорскимъ высочествамъ, какъ и вообще его невыразимая привѣтливость ко всѣмъ присутствовавшимъ. Тѣ же явленія пріятно занимали любопытство публики на слѣдующій день, въ тезоименитство его высочества великаго князя; три года тому назадъ, на торжествѣ по этому случаю присутствовалъ графъ Готландскій. И нынче роскошный садъ былъ великолѣпно иллюминованъ съ разными украшеніями; между прочимъ изъ фонарей составлена была памятная графу Готландскому надпись: Soyez le bien venu!“ (добро пожаловать). Садъ былъ наполненъ множествомъ масокъ; болѣе не могло бы умѣститься во дворцѣ. Иногда графъ Ф. смотрѣлъ на танцующихъ и многихъ удостоивалъ разговора; когда же императрица изволила сѣсть за карточный столъ, то онъ уже не отходилъ отъ нея. Я также подошелъ къ этому столу, чтобы поклониться ея величеству. Тогда графъ Ф. обратился ко мнѣ

[1]) Дача эта была на 6-й верстѣ отъ Петербурга. См. выше статью: „Екатерина II и Густавъ III“, стр. 230.

съ большою любезностію: онъ выразилъ свое искреннѣйшее уваженіе и дружелюбіе къ нашему всемилостивѣйшему королю и самымъ лестнымъ образомъ отозвался о счастливыхъ его подданныхъ, при чемъ отличилъ особенно обоихъ графовъ Шеферъ, также государственнаго совѣтника графа Ферзена, о которыхъ замѣтилъ, что хорошо ихъ знаетъ, и отдалъ имъ полную справедливость. Онъ спросилъ меня, сколько нужно времени, чтобы изъ Кронштадта доѣхать до Стокгольма, на что я отвѣчалъ, что министръ Римскаго императора графъ Кауницъ и графъ Ласси совершили это путешествіе въ трое сутокъ. Затѣмъ графъ Ф. изъявилъ величайшее сожалѣніе о томъ, что отсутствіемъ его королевскаго величества лишенъ удовольствія лично съ нимъ познакомиться. Съ большимъ интересомъ разспрашивалъ онъ о предпринятомъ его величествомъ путешествіи и о цѣли его, при чемъ выразилъ желаніе, чтобы кромѣ драгоцѣннаго здоровья короля, такою цѣлію было посѣщеніе вѣнскаго двора, который всегда желалъ этого и льстился надеждой, что это желаніе осуществится еще во время перваго заграничнаго путешествія его королевскаго величества; но тогда надежда эта была разрушена смертью короля Адольфа Фридриха. Хотя я и мало знакомъ съ этими обстоятельствами, однакожъ смѣю думать, что поступилъ согласно съ видами его королевскаго величества, отвѣтивъ на эти дружественные разспросы графа Ф. живѣйшими завѣреніями его желанія при первомъ благопріятномъ случаѣ посѣтить дворъ, къ которому влечетъ его какъ дружба, такъ и восторженное уваженіе къ обѣимъ царствующимъ тамъ особамъ [1]). Я прибавилъ, что подданные его королевскаго величества ласкаются надеждой въ будущемъ октябрѣ мѣсяцѣ привѣтствовать возвращеніе своего короля и отца; но что во всякомъ случаѣ его королевское величество съ величайшимъ удовольствіемъ принялъ бы у себя графа Фалькенштейна, котораго заимствованное имя не можетъ скрыть прирожденныхъ ему достоинствъ и блестящихъ качествъ, а слѣдовательно и измѣнить соотвѣтственнаго имъ чествованія. Описываемое празднество длилось очень долго.

На слѣдующее утро вся императорская фамилія съ графомъ Ф. отправилась въ Ораніенбаумъ, гдѣ имѣла обѣденный столъ и показала своему гостю всѣ мѣстныя примѣчательности. Въ тотъ же вечеръ графъ Ф. возвратился въ городъ, чтобы въ среду осмотрѣть всѣ предметы, еще заслуживавшіе его вниманія. Въ этотъ день онъ посѣтилъ сенатъ, адмиралтейство, академію, монетный дворъ и галерную гавань; вездѣ его принимали съ тѣмъ отличіемъ, какое только было совмѣстно съ его инкогнито, и обо всѣхъ этихъ учрежденіяхъ онъ отзывался съ тою же похвалою, которую имъ воздаютъ всѣ знатоки и съ

---

[1]) Т. е. къ Іосифу II и его матери, Маріи Терезіи.

которою неразрывно связано благоговѣніе къ великой ихъ покровительницѣ. Въ академіи онъ оставилъ гравированный на мѣди, весьма похожій портретъ свой съ подписью: графъ Фалькенштейнъ и съ означеніемъ 1-го іюля, какъ дня этого посѣщенія [1]). Такое же вниманіе оказалъ онъ монетному двору, гдѣ ему поднесена была выбитая по этому случаю медаль съ его пояснымъ изображеніемъ и съ тѣмъ же числомъ. Вчера онъ отправился въ Шлюссельбургъ, откуда вернется, вѣроятно только сегодня; вечеромъ онъ будетъ въ большой итальянской оперѣ, для которой сюда пріѣхала и ея императорское величество. Въ воскресенье назначенъ опять выходъ въ Петергофѣ, вѣроятно послѣдній, на которомъ будетъ присутствовать графъ Ф. Полагаютъ, что на слѣдующій день или во вторникъ онъ намѣренъ уѣхать. Объ этомъ думаю донести на ближайшей почтѣ.

№ 5.

С.-Петербургъ, 3-го (14) іюля 1780 г.

Разговоръ, котораго удостоилъ меня императоръ и о которомъ я донесъ въ сегоднашней депешѣ [2]), конечно тѣмъ болѣе будетъ пріятенъ вашему превосходительству, что онъ обратилъ на себя вниманіе всѣхъ присутствовавшихъ: стоявшіе тѣснымъ кружкомъ около карточнаго стола императрицы, вблизи отъ графа и меня, не могли проронить ни одного слова изъ этой бесѣды. Произошла она вслѣдствіе разговора моего съ государыней, въ продолженіе котораго ея величество два раза произнесла: „Le Roi de Suède!“ Послѣ того императоръ тотчасъ же подошелъ ко мнѣ и отозвался съ особеннымъ уваженіемъ и дружелюбіемъ о его королевскомъ величествѣ, и высказалъ много лестнаго о шведской націи, употребивъ между прочимъ слѣдующее выраженіе: „J'aurais été enchanté de voir un pays, où il y a des citoyens et des hommes“ (мнѣ было бы крайне пріятно увидѣть страну, гдѣ есть граждане и люди). Эту похвалу можно было понять

[1]) Директоръ академіи наукъ С. Г. Домашневъ встрѣтилъ высокаго гостя на крыльцѣ кунсткамеры; и тутъ же представилъ ему тѣхъ академиковъ, которые должны были показывать ему рѣдкости этого кабинета. Особенное вниманіе обратилъ гр. Фалькенштейнъ на статую Петра В. и на французскій автографъ Наказа. Домашневъ поднесъ ему экземпляръ Наказа, напечатанный на четырехъ языкахъ. Потомъ онъ повелъ императора въ академическое собраніе, гдѣ подалъ ему списокъ всѣхъ академиковъ и записку о назначенныхъ къ чтенію въ этотъ день диссертаціяхъ. При представленіи ему академиковъ, гр. Фалькенштейнъ съ нѣкоторыми изъ нихъ разговаривалъ. Осмотрѣны были и разныя учрежденія академіи, гдѣ императору поднесены золотая медаль, собраніе описаній всѣхъ путешествій по Россіи, разные планы, карты, эстампы и рисунки, при чемъ на переплетахъ и портфеляхъ были выгравированы гербъ и вензель его. (С.-Петерб. Вѣдомости 1780 г., № 53, отъ 3-го іюля) *Я. Г.*

[2]) См. выше, стр. 445.

въ смыслѣ не совсѣмъ благопріятнаго сужденія о жителяхъ той земли, гдѣ императоръ теперь находится.

Графъ Фалькенштейнъ много выигрываетъ отъ ближайшаго съ нимъ знакомства, и можно сказать, что здѣсь онъ внушилъ самое выгодное о себѣ мнѣніе. Онъ чрезвычайно вѣжливъ, особливо къ прекрасному полу, и въ разговорѣ съ дамами примѣтно оживляется. Въ обращеніи его виденъ болѣе военный человѣкъ, нежели придворный, въ рѣчахъ онъ не многословенъ и простъ, въ доказательство чего я могу привести его фразу, когда онъ выражалъ мнѣ свое желаніе побывать въ Швеціи: съ самой добродушной миной, въ которой видна была искренность, онъ сказалъ мнѣ: „Si le Roi était à Stockholm, je serais diablement tenté de faire ce voyage" (еслибъ король былъ въ Стокгольмѣ, мнѣ бы дьявольски хотѣлось съѣздить туда). И онъ конечно исполнилъ бы это желаніе, еслибъ король не былъ въ чужихъ краяхъ. По словамъ графа Броуна [1]) императоръ во время путешествія изъ Вѣны въ Могилевъ нѣсколько разъ говорилъ ему то же самое и выражалъ сильное желаніе познакомиться съ его королевскимъ величествомъ.

№ 6.

С.-Петербургъ, 10-го (21) іюля 1780 г.

Ваше превосх. можете представить себѣ, какъ встревожили и озаботили не только меня, но и все петербургское общество извѣстія о болѣзни, постигшей его королевское величество въ дорогѣ.

Что касается здѣшняго двора, то имѣю честь доложить, что вся императорская фамилія находится въ вожделѣнномъ здравіи и ничто иное не огорчаетъ ея, кромѣ недавняго отъѣзда графа Фалькенштейна и помянутыхъ извѣстій изъ Стокгольма. Городъ не имѣлъ счастья, въ прошедшую пятницу, увидѣть въ стѣнахъ своихъ на нѣсколько часовъ царское семейство, какъ всѣ надѣялись. Этому помѣшало кратковременное, уже миновавшееся нездоровье императрицы; равнымъ образомъ и графъ Фалькенштейнъ не могъ быть въ театрѣ, удержанный болѣе пріятнымъ препровожденіемъ времени у ея величества. Субботу онъ также провелъ въ Петергофѣ. Въ воскресенье онъ былъ у обѣдни здѣсь въ городѣ, но по окончаніи службы тотчасъ же уѣхалъ назадъ, чтобы присутствовать на выходѣ. Когда я занятъ былъ игрою въ карты съ ихъ импер. высочествами, графъ подошелъ къ моему стулу и съ большимъ безпокойствомъ спросилъ меня о состояніи здоровья короля, про болѣзнь котораго онъ слышалъ отъ императрицы. Ничего еще не зная тогда объ этомъ прискорбномъ обстоятельствѣ, я могъ отвѣчать только изъявленіемъ бла-

---

[1]) Принадлежавшаго къ свитѣ гр. Фалькенштейна.

годарности за столь живое участіе графа. Позднѣе графъ Панинъ подтвердилъ мнѣ тревожное извѣстіе. Въ понедѣльникъ утромъ графъ Фалькенштейнъ отправился въ Кронштадтъ для осмотра достопримѣчательностей этого города. Вечеромъ онъ вмѣстѣ съ ея импер. величествомъ присутствовалъ на спектаклѣ, бывшемъ въ Петергофѣ; при этомъ случаѣ дипломатическій корпусъ въ послѣдній разъ имѣлъ честь видѣть высокаго путешественника. Вторникъ прошелъ въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, который и состоялся въ слѣдующій день, т. е. въ прошедшую среду, вечеромъ [1]); графъ поѣхалъ на Вѣну черезъ Ригу и Львовъ. Изъ числа новыхъ милостей, которыхъ онъ передъ отъѣздомъ удостоилъ нѣкоторыхъ изъ здѣшнихъ лицъ, назову слѣдующія, сдѣлавшіяся мнѣ извѣстными: великолѣпная золотая табакерка, украшенная портретомъ Римскаго императора, пожалована графу Панину; драгоцѣнный перстень — графу Остерману, богатыя табакерки — генералъ-прокурору кн. Вяземскому и вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи графу Ивану Чернышеву. Не знаю, заслуживаетъ ли вниманія вашего превосходительства, что я въ прошлую субботу имѣлъ удовольствіе принять у себя къ обѣденному столу трехъ кавалеровъ свиты графа Фалькенштейна, именно: графа Броуна, полковника Ланга и подполковника Цехентера; но смѣю надѣяться, что ваше превосходительство благосклонно одобрите усердное мое желаніе выразить по крайней мѣрѣ этимъ лицамъ какъ благодарность, такъ и энтузіазмъ, внушенные мнѣ высокимъ ихъ спутникомъ.

№ 7.

С.-Петербургъ, 24-го іюля (4 августа) 1780 г.

По отъѣздѣ императора изъ Петербурга ежедневно становится болѣе и болѣе замѣтнымъ, какое неблагопріятное впечатлѣніе его величество произвелъ на большинство здѣшнихъ жителей: всякій разъ, когда зайдетъ о немъ рѣчь, начинаютъ разбирать и осуждать его свойства и поступки во время пребыванія въ Петербургѣ. Недавно почтенный генералъ Бецкій сказалъ мнѣ: „Votre roi a été bien sincérement et généralement chéri ici, aprés que nous avons eu le bonheur de le posséder; mais je puis vous assurer qu'après la visite de l'empereur on l'aime encore vingt fois davantage“ [2]). Послѣ того я провелъ нѣсколько часовъ у названнаго генерала; и самъ онъ, и жена его горько жаловались на холодность и высокомѣріе императора, на поспѣшность, съ какою онъ осматривалъ все, что ему показывали, быстро переходя

---

[1]) 8-го іюля.

[2]) Т. е. „вашего короля всѣ здѣсь искренно полюбили послѣ того, какъ мы имѣли счастье видѣть его у себя; но могу васъ увѣрить, что его полюбили еще въ двадцать разъ болѣе послѣ посѣщенія императора“.

отъ одного предмета къ другому, на равнодушіе и пренебреженіе, которыя онъ обнаруживалъ вездѣ, гдѣ надѣялись удовлетворить его любознательность. Особенно замѣтили это, когда онъ былъ въ кадетскомъ корпусѣ: онъ показалъ явное нетерпѣніе, неожиданно сокративъ и перервавъ военныя упражненія кадетъ поспѣшнымъ отъѣздомъ. Будучи избалованы милостивымъ обращеніемъ императрицы, и помня, какое любезное вниманіе оказывалъ имъ также графъ Готландскій, эти молодые дворяне были удивлены и недовольны тѣмъ, что графъ Фалькенштейнъ ни одного изъ нихъ не удостоилъ ласковымъ словомъ, особенно жаловался императрицѣ на это графъ Бобринскій [1]), котораго ему при всякомъ случаѣ подводили и представляли. Естественно было, что онъ главнымъ образомъ старался быть пріятнымъ императрицѣ и ихъ высочествамъ; но какъ могъ графъ Фалькенштейнъ совершенно упустить изъ виду средство тѣмъ вѣрнѣе понравиться императрицѣ и упрочить произведенныя имъ на этихъ особъ впечатлѣнія? Средство это состояло бы въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе расположить и привязать къ себѣ массу. Вмѣсто того русскіе не могли не обидѣться спесью, которую онъ имъ показывалъ и которая рѣзко выдавалась въ сравненіи съ его подобострастіемъ передъ императрицею: оно превышало всякую мѣру и даже роняло его санъ. Приведу тому примѣръ, бывшій на глазахъ всего дипломатическаго корпуса: каждый разъ, когда государыня появлялась на выходахъ, графъ Фалькенштейнъ выскакивалъ впередъ и становился въ ряды камергеровъ, камеръ-юнкеровъ и стражи,—любезность, которою всѣ были непріятно поражены.

Поистинѣ осыпанный знаками вниманія и благосклонности графа Ф., я весьма неохотно и только для исполненія своего долга счелъ нужнымъ передать вашему превосходительству все, что касается этого высокаго лица. Но я съ особеннымъ удовольствіемъ и притомъ съ полною правдивостью повторяю въ заключеніе приговоръ общества о двухъ посѣтившихъ здѣшній дворъ высокихъ гостяхъ, приговоръ, который служитъ къ чести графа Готландскаго во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, — сколько по его уму и талантамъ, по привлекательнымъ свойствамъ, которыми онъ отличается, столько же и по достоинству и приличію, какими здѣсь сопровождались всѣ его дѣйствія.

Въ дополненіе къ этимъ свѣдѣніямъ о пребываніи Іосифа II въ Петербургѣ, помѣщаю здѣсь краткій обзоръ его царствованія и характеристику его личности, пользуясь преимущественно обширнымъ историческимъ трудомъ Георга Вебера.

[1]) Извѣстно, что молодой графъ А. Г. Бобринскій, передъ отправленіемъ его въ путешествіе, воспитывался въ кадетскомъ корпусѣ. См. о томъ Р. Арх. 1866 (изд. 2), стр. 893, и обстоятельную статью о Бобринскомъ въ томъ же изданіи 1876, т. III, стр. 5 и д.

Сынъ Маріи Терезіи родился въ 1741 году и обязанъ былъ образованіемъ болѣе своей любознательности, чѣмъ воспитанію: главный наставникъ его былъ суровый военный человѣкъ, который хотѣлъ строгою дисциплиною обуздать его пылкій нравъ; ученіе велось педантически и сухо; самое сильное на него вліяніе имѣлъ профессоръ естественнаго права Мартини, который внушилъ ему мысль, что законы разума и правильнаго государственнаго устройства должны итти впереди существующаго, установленнаго исторіею порядка, и эта мысль отразилась впослѣдствіи во всей дѣятельности Іосифа; уже въ мальчикѣ можно было видѣть всѣ тѣ свойства, которыми опредѣлился его историческій характеръ. Ловкій, проворный въ своихъ движеніяхъ, съ тѣлесною крѣпостью, развитою гимнастическими упражненіями, онъ соединялъ чувствительное сердце, согрѣтое любовью къ человѣчеству, воспламененное мечтою сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа, но рядомъ съ этимъ и нетерпѣливую поспѣшность и склонность къ самовластію. Его страсть дѣйствовать, разрушать и строить, его стремительность, которая однакожъ легко и отступала передъ неожиданными затрудненіями, все это выражалось уже въ его быстрой поступи, въ его живыхъ пріемахъ, но еще болѣе въ его своенравіи и строптивомъ противодѣйствіи своимъ наставникамъ, что дало Маріи Терезіи поводъ замѣтить: „Сынъ мой Іосифъ не умѣетъ повиноваться“.

Къ важнѣйшимъ средствамъ къ его образованію послужили путешествія. Онъ объѣхалъ многія страны Европы, и не для увеселенія или разсѣянія, а для изученія свѣта и людей. Подъ именемъ графа Фалькенштейна онъ безъ всякой пышности и безъ большой свиты посѣтилъ всѣ значительнѣйшіе города Европы. Въ Парижѣ онъ свелъ знакомство съ знаменитѣйшими представителями литературной и политической жизни и всѣхъ удивлялъ своимъ умомъ, любезностью и начитанностью. Послѣ свиданія съ нимъ въ Нейштадтѣ Фридрихъ В. былъ въ восторгѣ отъ пытливаго ума молодого принца, умѣвшаго освободиться отъ предразсудковъ своего дома и восхищавшагося Вольтеромъ. Очень хотѣлось Іосифу и самому побывать у фернейскаго мудреца, но Марія Терезія рѣшительно запретила ему это. Въ Италіи и въ Испаніи онъ ознакомился съ искусствомъ и общественною жизнью.

Послѣ смерти своего отца Франца I въ 1765 году, Іосифъ сдѣлался соправителемъ своей матери въ наслѣдственныхъ австрійскихъ владѣніяхъ, бывъ избранъ также и Римскимъ императоромъ, но пока жила Марія Терезія, кругъ дѣйствія его ограничивался собственно военною частью. Въ послѣдніе годы ея жизни болѣе и болѣе обнаруживалось несогласіе въ ихъ взглядахъ. Марія Терезія слѣдовала по преимуществу консервативной системѣ, тогда какъ Іосифъ стоялъ во главѣ оппозиціи и, увлекаемый примѣромъ Пруссіи, хотѣлъ ввести

новѣйшую систему государственнаго единства въ средневѣковую машину своей державы.

Въ ноябрѣ 1780 г. скончалась Марія Терезія, женщина высокихъ достоинствъ не только какъ государыня, но и какъ супруга и мать. Сыну ея было 39 лѣтъ, когда онъ такимъ образомъ сдѣлался самодержцемъ одной изъ первостепенныхъ державъ Европы. Его по справедливости называютъ истиннымъ сыномъ своего вѣка, такъ какъ въ немъ отпечатлѣлись всѣ черты его времени. Въ немъ какъ и въ XVIII вѣкѣ соединились непримиримыя повидимому противорѣчія — съ одной стороны филантропія и гуманность, съ другой своего рода жесткость и самовластіе, мечты о свободѣ и рядомъ наклонность къ деспотизму, высокое сознаніе права и пренебреженіе къ праву, вѣротерпимость и неспособность мириться съ чужимъ мнѣніемъ. Іосифъ однажды самъ о себѣ выразился, что онъ исполненъ фанатизма ко благу государства, и между тѣмъ видѣлъ въ подвластныхъ ему разноплеменныхъ народахъ какъ-бы лишенную воли массу, съ которою можно обращаться по своему произволу; онъ не понималъ, что одни и тѣ же законы не могутъ годиться для всѣхъ странъ и всѣхъ людей. Понятія военной централизаціи и объединенія, къ которымъ онъ привыкъ, завѣдуя арміей при Маріи Терезіи, сталъ онъ теперь прилагать къ государственному организму, и какъ монархъ-философъ старался соединить свои народы узами одного законодательства и управленія. Въ этомъ духѣ приступилъ онъ немедленно къ цѣлому ряду реформъ, которыя касались какъ церкви, такъ и гражданскихъ отношеній и судопроизводства.

Въ отношеніи къ церкви, онъ издалъ достопамятный законъ о вѣротерпимости, которымъ предоставилъ свободу богослуженія и равныя съ католиками политическія права послѣдователямъ протестантскихъ исповѣданій и греческой церкви. Затѣмъ онъ уменьшилъ число монастырей на цѣлую треть, упразднивъ около 700 монастырей и отъ 30 до 36.000 монашествующихъ. Сбереженныя такимъ образомъ суммы онъ обратилъ на улучшеніе учебнаго дѣла, на учрежденіе новыхъ приходовъ, училищъ и благотворительныхъ заведеній, какъ то больницы, института глухонѣмыхъ и т. п. Далѣе онъ сократилъ разные внѣшніе обряды, напр. процессіи, велѣлъ переводить библію на народные языки и ввелъ въ церквахъ пѣніе нѣмецкихъ псалмовъ; ограничилъ вліяніе папы и сообщенія духовенства съ Римомъ и проч. Тщетно папа Пій VI прибѣгнулъ къ необычайному средству образумить императора, предпринявъ путешествіе въ Вѣну. Іосифъ принялъ его съ величайшимъ почетомъ; какъ самъ онъ, такъ и его придворные всячески оказывали ему свое глубокое уваженіе, но о дѣлѣ, для котораго собственно пріѣхалъ папа, рѣчи не было, и онъ долженъ былъ воротиться въ Римъ безъ успѣха.

Къ важнѣйшимъ преобразованіямъ Іосифа принадлежало уничтоженіе крѣпостного состоянія, равномѣрное обложеніе податями гражданъ всѣхъ сословій на основаніи новаго размежеванія недвижимой собственности, уравненіе всѣхъ передъ судомъ и дарованіе равноправности евреямъ. Онъ заботился также объ улучшеніи земледѣлія, скотоводства и промышленности; запретилъ ввозъ заграничныхъ винъ и мануфактурныхъ издѣлій, строго преслѣдовалъ контрабанду, открылъ австрійской торговлѣ путь къ Черному морю посредствомъ договоровъ съ Турціею и пр.

Большая часть его реформъ возбуждала общее неудовольствіе. Духовенство и дворянство негодовали за нарушеніе своихъ правъ, національное чувство подвластныхъ народовъ было оскорблено. Іосифъ обращалъ слишкомъ мало вниманія на установившіеся изстари порядки, обычаи и предразсудки; намѣренія его и стремленія были самыя благородныя и потомство всегда будетъ отдавать ему въ этомъ отношеніи справедливость, но онъ дѣйствовалъ слишкомъ поспѣшно и необдуманно. Его стараніе уничтожать церковныя злоупотребленія и распространять образованіе въ народѣ приписывалось невѣрію и вольнодумству; въ его стремленіи ввести повсюду единство въ управленіи и судопроизводствѣ видѣли самовластіе и деспотизмъ.

Неудовольствіе, возбужденное крутыми мѣрами Іосифа, достигло крайнихъ предѣловъ въ Нидерландахъ и Венгріи и наконецъ обратилось тамъ въ открытое возстаніе. Напрасно австрійское войско старалось укротить бунтъ силою: нидерландскія провинціи провозгласили себя независимыми и учредили въ Брюсселѣ конгрессъ. Подобныя же событія готовились и въ Венгріи, гдѣ населеніе съ самаго начала царствованія Іосифа было недовольно тѣмъ, что онъ не захотѣлъ по древнему обычаю короноваться въ Пресбургѣ, а велѣлъ перенести завѣтную венгерскую корону въ Вѣну и тѣмъ отклонилъ отъ себя присягу на охраненіе венгерской конституціи; затѣмъ онъ не созвалъ сейма, поселилъ на венгерской землѣ нѣмецкихъ колонистовъ и вмѣсто латинскаго языка ввелъ въ дѣлопроизводство нѣмецкій, обязавъ всѣхъ мадьяръ учиться ему. Все это вмѣстѣ съ другими прежде упомянутыми преобразованіями произвело въ странѣ такое волненіе, что Іосифъ, въ то время занятый турецкою войною, принужденъ былъ въ концѣ жизни отмѣнить большую часть своихъ нововведеній какъ въ Венгріи, такъ и въ Нидерландахъ. Такая неудача въ самыхъ великодушныхъ намѣреніяхъ, общее непризнаніе или даже вѣрнѣе превратное ихъ объясненіе глубоко огорчали пылкаго государя; къ этому присоединилось гибельное дѣйствіе военныхъ тревогъ и самаго пребыванія въ нездоровой мѣстности по берегамъ нижняго Дуная, и вскорѣ Іосифъ сдѣлался жертвою неизлѣчимой болѣзни: онъ скончался (9-го) 20 февраля 1790 года.

Перейдемъ теперь къ началу сношеній между Екатериною и Іосифомъ. Въ первую четверть своего царствованія, находясь въ союзѣ съ Фридрихомъ II, Екатерина смотрѣла весьма недовѣрчиво на Марію Терезію и ея сына, и въ перепискѣ съ Гриммомъ отзывалась о нихъ иронически, называла первую Mamman, а Іосифа Янусомъ, подозрѣвая его въ двуличности. Но по мѣрѣ того, какъ Екатерина разочаровывалась въ Фридрихѣ и переставала вѣрить въ его искренность и доброжелательство, она стала болѣе и болѣе склоняться въ пользу Іосифа. Хотя его намѣреніе пріѣхать въ Россію для свиданія съ императрицею сначала и пугало ее, однакожъ когда, въ 1780 г. Екатерина, желая осмотрѣть новопріобрѣтенный ею Бѣлорусскій край, рѣшилась предпринять туда путешествіе, то къ этому присоединилась и политическая цѣль личнаго знакомства съ Іосифомъ. 24-го мая оба монарха дѣйствительно съѣхались въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Это свиданіе было важно не только по союзу, къ которому оно привело, но и потому, что Іосифъ здѣсь подробно объяснилъ императрицѣ систему учебнаго дѣла, незадолго передъ тѣмъ введенную въ австрійскихъ владѣніяхъ Маріей Терезіей, и принятую Екатериною за образецъ для будущихъ русскихъ училищъ. На другой день послѣ перваго свиданія съ Іосифомъ она писала къ Гримму и разсказала ему свою бесѣду съ императоромъ, который уже сообщилъ ей и планы своихъ будущихъ преобразованій. 27-го числа государыня пишетъ къ тому же лицу: „Отсюда (т. е. изъ Могилева) мы ѣдемъ, графъ Фалькенштейнъ и я, въ шестимѣстной каретѣ, другъ возлѣ друга въ Смоленскъ... Оттуда онъ отправится въ Москву и вернется къ себѣ черезъ Петербургъ, гдѣ я буду его ожидать“. Помѣщенный выше подробный отчетъ о его пребываніи въ нашей столицѣ тѣмъ болѣе любопытенъ, что онъ составленъ очевидцемъ, который не по однимъ слухамъ зналъ о всѣхъ подробностяхъ пріема и въ интересѣ котораго было собирать объ этомъ самыя точныя свѣдѣнія. Правдивость его разсказа не подлежитъ никакому сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что при явномъ желаніи умалить успѣхъ посѣщенія римскаго императора въ сравненіи съ впечатлѣніемъ, какое за нѣсколько лѣтъ до того произвелъ своимъ пріѣздомъ шведскій король Густавъ III, баронъ Нолькенъ не можетъ защититься отъ обаянія высокой личности и достоинствъ Іосифа.

Особенно яркій свѣтъ на отношенія Екатерины къ императору бросаетъ переписка, изданная въ 1869 году въ Вѣнѣ г. Арнетомъ. Мы узнаемъ изъ нея, что желаніе обоюднаго сближенія было впервые выражено Іосифомъ. Послѣ того, какъ они лично объяснились и вполнѣ оцѣнили важность взаимной дружбы, уже въ 1781 году зашла между ними рѣчь о заключеніи оборонительнаго и наступательнаго союза, направленнаго, по самому положенію дѣлъ въ ту эпоху, главнымъ образомъ противъ Турціи. Эта переписка между прочимъ любопытна

въ томъ отношеніи, что изъ нея первый разъ вполнѣ выяснилось, въ чемъ именно заключались планы Екатерины по восточному вопросу, въ чемъ собственно состоялъ знаменитый „греческій проектъ". Въ виду приближавшейся второй турецкой войны, уже въ сентябрѣ 1782 г. императрица, считая успѣхъ ея, при слабости Оттоманской Порты, несомнѣннымъ, выражаетъ, на случай ея пораженія, два главныхъ желанія: во 1-хъ, для устраненія будущихъ столкновеній между Австріей, Россіей и Турціей создать подъ древнимъ именемъ Дакіи независимое государство, образовавъ его изъ дунайскихъ княжествъ Бессарабіи и поставивъ во главѣ его православнаго государя, безусловно преданнаго Россіи и Австріи. Во 2-хъ, распространить границы Россіи до Чернаго моря, и предоставить ей Очаковъ съ его округомъ между Бугомъ и Днѣстромъ, и сверхъ того одинъ или два острова въ Архипелагѣ для охраненія и развитія русской торговли. Въ дополненіе къ этому Екатерина высказывала надежду, что въ случаѣ, если соединеннымъ силамъ обѣихъ державъ удастся изгнать турокъ изъ Константинополя, то Іосифъ поможетъ ей возстановить греческую имперію подъ управленіемъ внука ея Константина.

Въ отвѣтномъ письмѣ своемъ Іосифъ, изъявляя согласіе на эти условія, съ своей стороны требовалъ: уступки Хотина съ небольшою областью, которая служила бы оплотомъ Галиціи и Буковины, затѣмъ части Валахіи и побережья Дуная по обѣ его стороны отъ Бѣлграда до Никополя со включеніемъ этихъ двухъ городовъ и, кромѣ того, Орсовы и Виддина. Наконецъ, императоръ желалъ еще получить венеціанскія владѣнія на материкѣ, Истрію и Далмацію. Таковы были, сто лѣтъ тому назадъ, скромныя требованія Австріи, которая впослѣдствіи на дѣлѣ осуществила нѣкоторыя изъ нихъ, а въ наше время ловко достигла успѣха и въ дальнѣйшихъ своихъ притязаніяхъ. Екатерина, одобривъ первыя условія императора, рѣшительно воспротивилась урѣзанію владѣній Венеціанской республики, содѣйствіе которой считала необходимымъ въ борьбѣ противъ Порты. Оскорбленный отказомъ, Іосифъ писалъ Кауницу, что Екатерина хочетъ обойти своего союзника, но что онъ не дастся въ обманъ. Вотъ единственный случай, когда мы въ перепискѣ обоихъ монарховъ видимъ тѣнь недовѣрія и неудовольствія. Но это чувство вскорѣ изгладилось въ Іосифѣ, и когда Екатерина, готовясь къ своему крымскому путешествію, выразила желаніе, чтобы императоръ ей сопутствовалъ, то онъ, хотя и неохотно, поспѣшилъ принять ея приглашеніе. Такимъ же образомъ онъ, несмотря на прежнее нерасположеніе свое къ войнѣ съ Турціей, съ какимъ-то энтузіазмомъ согласился на участіе въ борьбѣ Россіи съ Портой и самъ съ своею арміей явился на берегахъ Дуная. Совершившееся между тѣмъ отпаденіе нидерландскихъ провинцій такъ сильно потрясло его, что уже ничѣмъ нельзя было остановить раз-

витія въ немъ смертельной болѣзни. Трогательно послѣднее письмо его къ русской императрицѣ. Передъ тѣмъ Екатерина, изъявляя ему свое соболѣзнованіе по поводу нидерландскихъ событій и опасеній его со стороны Пруссіи, вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщала ему дѣятельную помощь.

„Ваше довѣріе ко мнѣ, писала она, вполнѣ заслужено тою добросовѣстностію, съ какою я привыкла исполнять свои обязательства, и сознаніемъ моего долга отплатить вамъ за ту честную и энергическую поддержку, которую вамъ угодно было мнѣ оказать въ двухъ важныхъ случаяхъ, когда дѣло шло о пользѣ и славѣ моей имперіи. Мнѣ отрадно будетъ исполнить эту обязанность".

Вотъ что Іосифъ отвѣчалъ Екатеринѣ за четыре дня до своей кончины:

„Вѣна, 16-го февраля 1790 года. Государыня сестрица. Въ то время, когда, подавленный болѣзнію, я долженъ ежеминутно ждать смерти, мнѣ приносятъ письмо вашего императорскаго величества. Оно произвело на меня неизъяснимое дѣйствіе, давъ мнѣ силы начертать вамъ слабою рукою еще эти строки.

„Никогда не было писано подобнаго письма, и только вы однѣ, государыня, способны такъ чувствовать, желать и поступать, какъ вы говорите. Ваши слова священны. Какъ отрадно въ моемъ ужасномъ положеніи завѣщать такую опору моему брату, за образъ мыслей котораго я ручаюсь; ожидаю его съ часу на часъ.

„Примите послѣднюю просьбу самаго вѣрнаго изъ вашихъ друзей и самаго искренняго изъ почитателей вашихъ: сохраните моему брату и моему государству тѣ же чувства и ту же могущественную помощь, которыя вы мнѣ обѣщаете. Я имѣлъ добрыя намѣренія; всѣ тягости и всѣ опасности падаютъ на мое государство.

„Итакъ, мнѣ уже не видать почерка руки вашего величества, который меня болѣе всего счастливилъ, и я невыразимо скорблю, что послѣдній разъ приношу вамъ увѣреніе въ нѣжной моей дружбѣ и высокомъ уваженіи".

Смерть Іосифа произвела на императрицу Екатерину глубокое впечатлѣніе. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ она писала Гримму: „Я очень довольна, что вы отдаете справедливость Іосифу II. Я чувствовала къ нему искренно дружеское расположеніе, и онъ меня тоже любилъ. Не могу вспомнить о немъ безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо: я тотчасъ же отвѣчала ему, но мое письмо пришло слишкомъ поздно". Окончательно Екатерина такъ отозвалась объ этомъ государѣ: „Не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ, бывъ рожденъ и воспитанъ для своего высокаго званія, бывъ одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ дурно? Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха: онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ!"

Это заключеніе великой императрицы о Іосифѣ невольно наводитъ насъ на сравненіе между обоими историческими дѣятелями, и мы не ошибемся, если признаемъ за Екатериною все противоположное тому, что она такъ мѣтко высказала о Іосифѣ: ея долгое царствованіе представляетъ непрерывный рядъ доказательствъ геніальнаго пониманія трудныхъ задачъ правленія; всѣ ея предпріятія столько же отличались глубокою обдуманностью, сколько Іосифовы были поспѣшны и несоразмѣрны съ требованіями дѣйствительности. Наконецъ, всѣ ея дѣла увѣнчивались необычайнымъ успѣхомъ, и она сошла въ могилу вовремя, начавъ въ послѣдніе годы своего царствованія переживать себя. Какъ человѣкъ и просвѣщенный сынъ своего вѣка, Іосифъ стоялъ можетъ быть не ниже Екатерины; но ему недоставало именно того, что составляетъ ея величіе въ исторіи — высокаго государственнаго ума. Скажемъ болѣе: ему недоставало не только политической мудрости, но и простого житейскаго благоразумія. Извѣстна эпитафія, которую онъ въ одномъ разговорѣ самъ себѣ предназначалъ: „Здѣсь покоится государь, который, при самыхъ чистыхъ намѣреніяхъ, имѣлъ несчастіе во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ встрѣчать полнѣйшую неудачу". Но рядомъ съ этими словами должно быть приведено и то, что́ онъ за годъ до своей смерти произнесъ передъ торжественнымъ причащеніемъ св. таинъ въ дворцовой церкви: „Предъ присущимъ здѣсь Господомъ, на судъ котораго я скоро предстану, завѣряю, что все мною сдѣланное въ десятилѣтнее мое царствованіе было задумано для блага моихъ подданныхъ. Если я ошибался, то Господь Богъ, во вниманіи къ моимъ намѣреніямъ и къ человѣческой слабости, которой не чуждъ ни одинъ смертный, будетъ ко мнѣ милосердъ!"

КЪ ИСТОРІИ ШВЕДСКОЙ ВОЙНЫ ВЪ 1788 ГОДУ [1].

1869.

Графъ Андрей Кирилловичъ Разумовскій. — Русскіе плѣнные въ Швеціи.— Дипломатическая полемика.

Когда въ Стокгольмѣ начались настоящія приготовленія къ войнѣ, то Густавъ III приказалъ объявить датскому министру, что они пред-

[1]) Извлечено изъ шведскихъ источниковъ, преимущественно изъ Достопамятностей Барфода (Märkvärdigheter rörande Sveriges förhällanden 1788 — 1792, Stockh. 1846).

приняты въ обезпеченіе противъ замысловъ Россіи. Графъ Равентлау тотчасъ же сообщилъ это русскому посланнику графу Разумовскому, который вслѣдъ затѣмъ, $^5/_{16}$ іюня, подалъ королю рѣзкую и оскорбительную ноту, обращаясь въ ней къ верховному суду націи и всѣхъ: участвующихъ въ государственномъ управленіи, онъ нарочно отдѣлялъ короля отъ подданныхъ и увѣрилъ шведскій народъ въ дружелюбіи и благосклонности русской императрицы. $^{12}/_{23}$ іюня графъ Оксенштерна отвѣчалъ на это декларацією, въ которой значилось, что послѣ такого поступка Разумовскій уже не можетъ почитаться посломъ и, превысивъ свои обязанности, лишается всѣхъ своихъ правъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему дано знать, чтобы онъ болѣе не являлся ко двору и въ скорѣйшемъ времени оставилъ бы Швецію, на что онъ однакожъ отвѣчалъ, что долженъ дождаться повелѣній своего правительства.

Когда Густавъ III въ 1784 г. находился въ Неаполѣ, русскимъ посломъ при тамошнемъ дворѣ былъ тотъ же графъ (впослѣдствіи князь) Разумовскій; по инструкціямъ своего правительства, онъ въ то время всячески старался угождать шведскому королю, и умѣлъ своимъ характеромъ и обширными познаніями внушить ему особенное къ себѣ расположеніе. Въ 1786 году русскій посланникъ въ Стокгольмѣ Морковъ былъ отозванъ Екатериною по жалобѣ Густава на его вмѣшательство въ дѣла шведскаго сейма: тогда король просилъ назначить на этотъ постъ Разумовскаго, который и былъ переведенъ туда изъ Копенгагена, гдѣ онъ до тѣхъ поръ занималъ должность полномочнаго министра. Въ Стокгольмѣ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и тонкостью; являлся гордымъ при дворѣ и крайне любезнымъ въ частныхъ домахъ, нерѣдко приглашая къ себѣ на карты многочисленныхъ гостей. Изъ своихъ оконъ видѣлъ онъ, какъ снаряжались

Авторъ, умершій около 1820 г. хотя и занималъ скромное мѣсто въ шведской гражданской службѣ, имѣлъ обширныя связи съ лицами, игравшими роль въ политическихъ событіяхъ, велъ съ нѣкоторыми изъ нихъ переписку и притомъ обладалъ основательными свѣдѣніями въ исторіи. Г. Брикнеръ въ прекрасной статьѣ своей („Конфедерація въ Яньяла" Журн. Мин. Н. Пр., 1868, мартъ) напрасно называетъ Барфода секретаремъ Спренгтпортена (689). Въ томъ мѣстѣ книги: „Anjala-Förbundet", на которое онъ при этомъ ссылается, сказано: „Одинъ изъ его (Спренгтпортена) современниковъ, секретарь Барфодъ". Названіе же *секретарь* употребляется въ Швеціи вообще какъ титулъ незначительнаго чиновника, не имѣющаго опредѣленнаго званія. Замѣчу кстати, что имя Мальманенъ, выставленное въ заглавіи монографіи „Anjala-Förbundet" есть псевдонимъ, подъ которымъ скрылъ себя графъ Крейцъ. Предпринявъ этотъ трудъ въ 40-хъ годахъ, онъ только-что кончилъ съ отличіемъ курсъ въ Гельсингфорсскомъ университетѣ и, помнится, ѣздилъ не только въ Стокгольмъ, но и въ Петербургъ для собиранія въ архивахъ матеріаловъ къ своему изслѣдованію. Въ настоящемъ очеркѣ я отчасти пользовался также книгою покойнаго профессора Рейна: Kriget i Finland åren 1788, 1789 och 1790, „изд. въ Гельсингфорсѣ 1860 г. — Настоящая статья напечатана была въ „Русск. Архивѣ" 1869, кн. 1, стр. 111.

къ войнѣ, и часто проѣзжалъ мимо лагеря, причемъ обнаруживалъ необыкновенную вѣжливость, раскланиваясь съ офицерами. Когда ему отказано было отъ двора, онъ нарочно сталъ показываться на гульбищахъ и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ собиралась публика. То же дѣлалъ онъ, когда началась война; когда же отнятые въ морскихъ сраженіяхъ русскіе флаги были вывѣшены передъ дворцомъ, онъ явился въ толпѣ на внутренней дворцовой площади. Наконецъ узнали, что онъ имѣетъ частыя совѣщанія съ оппозиціонной партіей, и ему объявлено, чтобъ онъ въ назначенный день удалился, если желаетъ избѣгнуть большихъ непріятностей.

Разумовскій принадлежалъ къ числу тѣхъ иноземныхъ пословъ, которые наиболѣе вредили Швеціи; его происки производили самыя гибельныя дѣйствія. Мѣсто русскаго посла въ Стокгольмѣ издавна считалось почетнымъ; такъ какъ оно сопровождалось удвоеннымъ жалованьемъ, и притомъ лицо, занимавшее этотъ постъ, могло располагать еще значительными суммами для подкуповъ, не будучи связано никакою отчетностью. О размѣрѣ этихъ суммъ можно судить по тому, что генералъ Кейтъ, въ званіи выборгскаго губернатора, въ теченіе одного года, истратилъ 23.000 рублей на уплату шпіонамъ. Какія же нужны были средства для удовлетворенія цѣлой партіи? Послѣ русскаго посольства въ Варшавѣ самымъ выгоднымъ было стокгольмское, въ составъ котораго входила цѣлая канцелярія съ совѣтниками, секретаремъ, переводчикомъ и актуаріусомъ.

Съ этой многочисленной свитой графъ Разумовскій наконецъ, 11 августа н. ст. 1788 г., пустился въ море: самъ онъ сѣлъ на прекрасно устроенную яхту, а его подчиненные размѣстились на двухъ казенныхъ судахъ; ихъ повезли на Любекъ въ отплату за то, что шведскій посолъ въ Петербургѣ, баронъ фонъ Нолькенъ, долженъ былъ отправиться черезъ Польшу. 15-го августа графъ Андрей Кирилловичъ стоялъ еще у острова Даларэ, чтобы, подъ предлогомъ противнаго вѣтра, познакомиться съ важнѣйшими изъ его жителей. 21 августа онъ присталъ въ Висби, страдая морскою болѣзнію, которая однакожъ прошла при выходѣ на берегъ, такъ что онъ могъ спокойно прогуливаться по городу, разспрашивая подробно о состояніи и оборонительныхъ средствахъ Готланда. На это горожане стали жаловаться; тогда ему предложили, не возьметъ ли онъ, для избѣжанія непріятностей, артиллерійскаго офицера въ провожатые; но онъ отвѣчалъ, что скорѣе подвергнется всякому насилію, нежели согласится ходить съ конвоемъ. Когда графъ выразилъ желаніе предпринять поѣздку для обозрѣнія острова, то народъ просилъ губернатора удалить опаснаго путешественника. Начальнику этого транспорта, маіору Дюбордьё (Dubordieu), многіе серьёзно напоминали, что пора продолжать плаваніе. Ночью большая толпа собралась передъ квартирою

графа, гдѣ въ собственной комнатѣ его не рѣшались зажигать свѣчъ. Хозяину грозили, что истребятъ его домъ, если онъ не выпроводитъ непріятныхъ гостей. Это ускорило отъѣздъ изъ Висби, 22-го послѣ полудня. 26-го августа вышли на берегъ въ Карлсгамнѣ; здѣсь графъ Разумовскій велъ себя уже осторожнѣе и встрѣтилъ болѣе учтивое обращеніе. Такъ какъ яхта требовала починки, то онъ прожилъ нѣсколько дней въ лоцманскомъ домѣ у пристани и только 31-го числа вышелъ прогуляться по городу, магистратъ котораго предложилъ ему коекакое угощеніе (тамошній бургомистръ былъ изъ семейства, всегда принадлежавшаго къ партіи Шапокъ). 3-го сентября суда отправились уже прямо въ Любекъ, а оттуда графъ Разумовскій продолжалъ путь въ Вѣну. [1]).

При русскомъ дворѣ многіе считали войну съ Швеціей несвоевременною и поэтому были крайне раздражены противъ Разумовскаго, ускорившаго разрывъ своими интригами: даже родной его братъ отнесся къ нему враждебно. Русскіе купцы, которые въ силу трактатовъ издавна имѣли товарные склады въ Стокгольмѣ и тѣмъ совершенно устраняли шведовъ отъ торговли произведеніями Россіи, получили позволеніе продать свои запасы и произвести взысканія по своимъ претензіямъ, послѣ чего они были отправлены вмѣстѣ съ русскимъ посольствомъ. Это внезапное перемѣщеніе было имъ тяжко: старшіе изъ нихъ совершенно водворились въ Швеціи, а младшіе по большей части тамъ выросли. Нѣкоторые изъ нихъ просили было предоставить имъ право гражданства, но по военнымъ обстоятельствамъ желаніе ихъ не могло быть исполнено.

Только что императрица получила извѣстіе о стокгольмскихъ событіяхъ, шведскому министру при петербургскомъ дворѣ предписано было немедленно удалиться. Баронъ Фридрихъ фонъ Нолькенъ, отецъ котораго уже занималъ этотъ постъ при началѣ шведской войны въ 1741 году, самъ находился въ томъ же званіи съ 1773 г. и въ Петербургѣ женился на лифляндской графинѣ Мантейфель. Положеніе посла въ этой столицѣ требовало большихъ издержекъ, и онъ прожилъ все женино имѣніе. До сихъ поръ поведеніе его вполнѣ одобрялось дворомъ и правительствомъ Швеціи; но когда возникла война, онъ тотчасъ подвергся осужденію недовольныхъ; люди же безпристрастные, но малосвѣдущіе, думали, что онъ ложными извѣстіями о военныхъ силахъ Россіи внушилъ королю излишнюю самонадѣянность.

[1]) Здѣсь Барфодъ, кажется, ошибочно прибавляетъ, что въ Вѣнѣ Разумовскій *вскорѣ* женился на богатой графинѣ фонъ Тунъ; въ біографіи этого вельможи, помѣщенной въ словарѣ Бантыша-Каменскаго (СПБ. 1847 г., Ш) сказано, что онъ женился въ Вѣнѣ гораздо позднѣе, именно въ 1816 г., и притомъ на графинѣ Тюргеймъ (ум. 1829); первою же супругой его была княжна Лигновская.

Поводомъ къ такому предположенію послужилъ перевѣсъ Россіи на морѣ, тогда какъ прежде ходили слухи, что она терпитъ недостатокъ въ морякахъ и особенно въ искусныхъ офицерахъ. Въ этомъ противорѣчіи баронъ Нолькенъ, однакожъ, не былъ виноватъ. Онъ доставилъ вѣрный списокъ русскимъ судамъ съ подробными свѣдѣніями о ихъ вооруженіи и количествѣ экипажа на каждомъ, но эти показанія не были тогда обнародованы. Людей дѣйствительно не доставало въ той части русскаго флота, которой предназначалось оставаться въ Балтійскомъ морѣ; не полонъ былъ бы составъ экипажей и на судахъ, отправлявшихся въ Средиземное море, еслибъ въ распоряженіи у императрицы не было множества англичанъ для подкрѣпленія не столь искусныхъ въ морскомъ дѣлѣ русскихъ.

Министру и секретарю шведскаго посольства было приказано ѣхать либо моремъ изъ Кронштадта, либо сухимъ путемъ черезъ Польшу. Первое было неисполнимо, потому что, хотя посолъ предлагалъ 10.000 рублей, нельзя было достать нейтральнаго судна для переѣзда въ шведскую гавань; итакъ надобно было рѣшиться на послѣднее. Посольство выѣхало изъ Петербурга 14-го іюля. Путешествіе черезъ Псковъ и Полоцкъ было крайне тягостно по сильному зною и въ высшей степени непріятно, такъ какъ манифестъ о войнѣ съ Швеціей, только-что обнародованный, возбудилъ въ массѣ жителей большое озлобленіе. Но путешественниковъ охранялъ офицеръ, сопровождавшій ихъ до самой границы. За нею они очутились на польской землѣ. Дороги были въ жалкомъ положеніи, и можно было подвигаться не иначе, какъ съ фурманами изъ евреевъ, которые за все брали втридорога. Во всей Польшѣ господствовала общая вражда противъ русскихъ, и въ одной Литвѣ можно было набрать цѣлую армію изъ людей, готовыхъ напасть на безпокойныхъ сосѣдей. 7-го августа баронъ Нолькенъ прибылъ въ Варшаву, гдѣ король-вассалъ не допустилъ его къ себѣ. Между вельможами было большое броженіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчалось въ нихъ такое колебаніе, что многіе, обнаруживавшіе неудовольствіе противъ русскаго правительства, впослѣдствіи оказывали ему преданность. 15-го августа посольство представлялось прусскому королю въ Лигницѣ. Онъ изъявилъ много дружелюбія къ королю шведскому и желанія блага его государству. Во всѣхъ русскихъ областяхъ народъ показывалъ рѣшительную непріязнь къ русскимъ. Потомъ баронъ Нолькенъ продолжалъ путь черезъ Берлинъ и Стральзундъ въ Швецію.

Пропускаю подробности военныхъ дѣйствій и останавливаюсь на разсказѣ о плѣнныхъ и о переговорахъ между обоими государствами.

Русскіе военноплѣнные были сперва перевезены въ Або, а оттуда на нѣсколькихъ судахъ, подъ прикрытіемъ казенной яхты, отправлены въ Швецію. 1-го сентября прибыли они въ Стокгольмъ и на слѣдую-

щій день высадились на берегъ передъ собравшеюся огромною толпой народа. Матросовъ и солдатъ было до 980, все рослые, дюжіе ребята: назначавшаяся въ Архипелагъ экспедиція составляла цвѣтъ русскихъ морскихъ силъ. Плѣнные были отвезены въ Гагу (загородное мѣсто близъ Стокгольма) для работъ, съ содержаніемъ по 4 шилл. въ день, и размѣщены въ нарочно построенныхъ для этой цѣли баракахъ. Они не могли жаловаться на свое положеніе и въ свободные часы забавляли публику пляской, которою однажды любовалась королева, оставившая имъ въ подарокъ 100 риксдалеровъ. Любопытно, что между этими военноплѣнными оказалось нѣсколько переодѣтыхъ женщинъ, которыхъ пришлось отправить въ родильный домъ. Къ числу офицеровъ, кромѣ бригадира Берга, принадлежали: 1 подполковникъ, 1 маіоръ, 1 капитанъ-поручикъ, 8 поручиковъ, 3 баталіонные поручика, 4 прапорщика и 15 кадетъ (гардемариновъ). Изъ Стокгольма ихъ черезъ нѣсколько времени перевели въ Упсалу, гдѣ кадеты могли продолжать свои военныя упражненія. Замѣчательно, что всѣ эти мальчики были очень некрасивы собой и что почти всѣ офицеры говорили только по-русски. Къ этому современному извѣстію шведа о нашихъ плѣнныхъ присоединю то, что одинъ изъ нихъ въ старости самъ припоминалъ о своемъ пребываніи въ Швеціи. Это былъ покойный Ив. Петр. Бунинъ (умершій въ 1858 году, 86-ти лѣтъ отъ роду). Передъ самымъ началомъ военныхъ дѣйствій, два нашихъ фрегата, шедшіе изъ Ревеля, во время густого тумана, очутились вдругъ посреди непріятельской эскадры и послѣ непродолжительной перестрѣлки были взяты въ плѣнъ. На одномъ изъ этихъ фрегатовъ находился съ нѣсколькими товарищами гардемаринъ Бунинъ. Его посадили сначала въ свеаборгскій казематъ, гдѣ онъ, лежа на соломѣ, получалъ пищу сквозь отверстіе въ потолкѣ. На четвертыя сутки вошелъ къ нему комендантъ крѣпости, прося отъ имени короля извиненія въ такомъ жестокомъ обращеніи, которое будто бы произошло по ошибкѣ. Плѣнныхъ отвезли на фрегатъ короля, стоявшій передъ Гельсингфорсомъ. Густавъ III очень милостиво разговаривалъ съ плѣнными (черезъ переводчика, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не говорилъ по-французски) и объявилъ имъ, что въ вознагражденіе за то, что́ они вынесли, онъ пошлетъ ихъ учиться въ университетскіе города — однихъ въ Або, а другихъ въ Упсалу. Но, замѣтивъ, что одинъ молоденькій гардемаринъ плачетъ, и узнавъ, что причиной тому предстоящая разлука съ товарищами, король согласился всѣхъ ихъ отправить въ Упсалу. Между тѣмъ на берегу раскинута была палатка, и плѣнныхъ позвали туда обѣдать.

Въ Упсалѣ они приняты были очень радушно: имъ назначено было по 900 риксдалеровъ (около 300 р. сер.) на посѣщеніе лекцій въ университетѣ и сверхъ того суточное содержаніе. Но такъ какъ имъ,

по незнанію шведскаго языка, невозможно было пользоваться тамошними лекціями, то это распоряженіе, съ позволенія короля, вскорѣ было измѣнено, и плѣннымъ офицерамъ предоставлено обучать гардемариновъ военнымъ наукамъ, причемъ однакожъ разъ назначенное содержаніе было всѣмъ имъ сохранено. Такъ прожили они въ Упсалѣ два съ половиной года и только при размѣнѣ плѣнныхъ возвратились на родину.

Съ плѣнными шведами въ Россіи, по свидѣтельству Барфода, также обращались человѣколюбиво. Но вслѣдствіе попытокъ нѣкоторыхъ къ бѣгству, всѣ они изъ Петербурга были удалены во внутреннія губерніи, отчасти въ Москву. Изъ нижнихъ чиновъ многіе успѣли, однакожъ, съ опасностью жизни освободиться и достигнуть отечества. Они не могли свыкнуться съ пищей, которую получали наравнѣ съ нашими солдатами. Изъ шведовъ, бывшихъ тогда въ русскомъ плѣну, особенно извѣстенъ графъ Вахтмейстеръ, котораго у насъ ошибочно называютъ адмираломъ. На шведскомъ кораблѣ *Принцъ Густавъ*, взятомъ русскими въ сраженіи при Гохландѣ, было два графа Вахтмейстера: одинъ, командиръ его, подполковникъ графъ Гансъ (Іоаннъ) Вахтмейстеръ, а другой, начальникъ авангарда, полковникъ Класъ (Николай) Вахтмейстеръ, меньшой братъ перваго, храбрый морякъ, отличавшійся во французской кампаніи какъ въ Америкѣ, такъ и въ Вестъ-Индіи. Отплывая въ послѣдній разъ отъ Гельсингфорса, онъ сказалъ, что не отдастся въ плѣнъ живымъ. Это и было бы имъ исполнено, еслибъ пороховая камера не слишкомъ налилась водою, такъ что не могла вспыхнуть, когда его братъ хотѣлъ зажечь ее. Такъ какъ графъ Класъ Вахтмейстеръ, въ качествѣ начальника авангарда, поднялъ вице-адмиральскій флагъ, то русскіе и оказали ему особенный почетъ, и сама императрица отличила его особеннымъ вниманіемъ [1]). Впослѣдствіи король пожаловалъ ему за храбрость командорскую ленту ордена меча.

Военныя дѣйствія были уже въ полномъ ходу, а объявленія войны еще не послѣдовало. На первый случай король, тотчасъ по прибытіи въ Финляндію, отправилъ капитана Деламиль (De la Myle) къ русскому двору съ ультиматумомъ, который 12-го іюня переданъ былъ секретаремъ шведскаго посольства Шлафомъ русскому вицеканцлеру графу Остерману. Въ этой нотѣ Густавъ предлагалъ миръ, но съ тѣмъ, чтобы Россія, въ вознагражденіе военныхъ издержекъ, возвратила тѣ части Финляндіи, которыя пріобрѣла по мирнымъ трактатамъ нюстадскому и абовскому; далѣе онъ требовалъ, чтобы графъ Разумовскій былъ строго наказанъ за свое поведеніе въ Швеціи; чтобы Екатерина приняла посредничество этого государства для мира съ

---

[1]) Ср. въ Сочин. Державина, 2-е акад. изд., т. I, стр. 211.

Портою и отказалась отъ Крыма; чтобы, наконецъ, она отозвала всѣ отправленные ею въ Балтійское море корабли, разоружила свой флотъ, велѣла отступить своимъ войскамъ отъ границы, а королю позволила бы остаться вооруженнымъ, пока будетъ заключенъ миръ между Россіей и Портой. Отвѣтомъ былъ, какъ легко догадаться, гордый отказъ. Послѣ того Густавъ разослалъ къ иностраннымъ дворамъ изъ Гельсингфорса, декларацію отъ 21 іюля, въ которой исчислилъ причины, побудившія его вооружиться: продолжительныя старанія Россіи нарушить спокойствіе Швеціи и произвести разладъ между правительствомъ и народомъ, дѣйствія Разумовскаго, переходъ Спренгтпортена въ службу къ императрицѣ, путешествіе, предпринятое русскимъ генераломъ Ангальтомъ, въ концѣ 1786 г. въ Финляндію, чтобы разузнать состояніе и образъ мыслей тамошнихъ жителей; король прибавлялъ, что онъ готовъ возстановить миръ, если Россія приметъ предложенныя ей условія. Эта декларація Густава была напечатана въ Петербургѣ (въ сентябрѣ 1788) съ обширными, весьма рѣзкими, возраженіями и съ приложеніемъ относившихся къ дѣлу документовъ.

Въ этихъ примѣчаніяхъ и объясненіяхъ [1]) важна особенно ссылка на статью нюстадскаго договора, которою Россія гарантировала Швеціи образъ правленія 1721 года статью, ловко придуманную вождями шведской аристократіи, чтобы съ иноземною помощью подавлять по обстоятельствамъ всякое сопротивленіе своей власти. Обвиненіямъ Густава петербургскій кабинетъ противопоставляетъ, съ своей стороны, двѣ жалобы: 1) король пытался побудить лифляндское дворянство къ возстанію, обѣщая однимъ принять ихъ въ шведскій государственный совѣтъ, а другимъ дать орденъ серафимовъ; 2) герцогъ Карлъ съ флота послалъ курляндскому дворянству воззваніе съ предложеніемъ избрать его владѣтельнымъ герцогомъ. По мнѣнію Барфода, только первое изъ этихъ двухъ обвиненій заслуживаетъ вниманія. Онъ оправдываетъ попытку Густава тѣмъ, что въ Лифляндіи господствовало общее неудовольстіе. „Учрежденіемъ новаго земскаго управленія, говоритъ Барфодъ, древнее устройство этого края было совершенно измѣнено, и, что̀ еще хуже, права городского сословія нарушены съ отмѣною главныхъ его льготъ и преимуществъ. Возбужденный этимъ въ городахъ ропотъ еще усиливался вслѣдствіе того, что при путешествіи императрицы въ Крымъ съ нихъ были произведены, подъ видомъ добровольныхъ приношеній, огромные поборы, которые были

[1]) Полное заглавіе брошюры: „Примѣчанія и историческія объясненія на объявленіе короля шведскаго, изданное въ Гельсингфорсѣ въ 21 день іюля 1788 года, съ приложеніями“. Въ нашихъ рукахъ сдѣланное тогда же французское изданіе этихъ бумагъ: „Observations et Eclaircissements historiques sur la declaration de S. M. le Roi de Suède en date de Helsingfors du 21 juillet 1788. Avec des Annexes“.

разложены на имущество всѣхъ торгующихъ. Сверхъ того Лифляндія, наравнѣ съ цѣлымъ государствомъ, была истощена расходами на военныя потребности. Крестьяне этого края, стеная подъ игомъ помѣщичьей власти, съ отчаяніемъ ждали своего освобожденія и были готовы, при первой надеждѣ на помощь, возстать на своихъ притѣснителей. Оттого тамошнее дворянство жило въ безпрестанномъ страхѣ, и правительство старалось какъ можно долѣе скрывать отъ народа вспыхнувшую со Швеціей войну, такъ что подъ опасеніемъ смертной казни запрещено было говорить о какой-либо съ этой стороны опасности. Поэтому высадка въ Лифляндіи, о которой въ то время были толки и здѣсь, не осталась бы, конечно, безъ дѣйствія; но на помощь дворянства нельзя было расчитывать. Охраняемое русскимъ правительствомъ, оно не захотѣло бы перейти подъ власть шведской короны, подъ которою всѣ сословія пользуются равными правами. Какъ упомянутый отвѣтъ, такъ и нота русскаго правительства къ иностраннымъ посламъ и самое объявленіе войны, обращенное къ собственнымъ его подданнымъ, написаны слогомъ, обыкновенно неупотребительнымъ между коронованными особами; все это дышетъ особенною непріязнью противъ короля лично, тогда какъ народу заявляется даже расположеніе и дружелюбіе".

„Въ этомъ, говоритъ Барфодъ, явно выражается озлобленіе графа Остермана противъ шведскаго королевскаго дома. Этотъ вельможа къ счастью своему, былъ русскимъ посломъ въ Стокгольмѣ при кончинѣ императрицы Елисаветы, которой вступленіе на престолъ ознаменовалось паденіемъ отца его. Послѣ шведской революціи (1772) онъ былъ отозванъ для назначенія въ должность вицеканцлера, которую отецъ его нѣкогда занималъ такъ долго и такъ блистательно. Во время послѣдняго пребыванія своего въ Швеціи, онъ совершенно овладѣлъ партіей Шапокъ и принудилъ дворъ отдаться въ руки Шляпъ, т. е. той партіи, которая въ 1756 году такъ оскорбила королевское семейство. По его же проискамъ, во время сейма 1765 г. состоялись тѣ вредныя постановленія, которыя такъ разстроили горную и мануфактурную промышленность въ Швеціи, что нѣсколько тысячъ голодныхъ работниковъ были вынуждены искать убѣжища въ Россіи, гдѣ они много способствовали къ улучшенію горныхъ заводовъ: русское желѣзо стало соперничать съ шведскимъ. Въ 1772 году Остерманъ всячески старался склонить свой дворъ къ тому, чтобы, въ силу старинной гарантіи, новый образъ правленія былъ отмѣненъ при пособіи Пруссіи, которая въ то время соблюдала согласіе съ русскимъ дворомъ. Однакожъ, ударъ былъ отведенъ тогдашнимъ первымъ министромъ графомъ Панинымъ, который былъ долго посланникомъ въ Швеціи; онъ умѣлъ снискать тамъ уваженіе и двора и народа и навсегда сохранилъ память о томъ. Въ упомянутомъ отвѣтѣ своемъ

русскій дворъ ссылается на тогдашнее бездѣйствіе свое; но оно было вынуждено необходимостью, вслѣдствіе разорительной, хотя и славной, войны съ турками, къ которой присоединился еще грозный пугачевскій бунтъ. Въ такихъ обстоятельствахъ новое столкновеніе съ Швеціей могло казаться опаснымъ, тѣмъ болѣе, что помощь Пруссіи была ненадежна: ибо хотя Фридрихъ II въ своихъ сочиненіяхъ и не обнаруживаетъ большой пріязни къ лицу Густава III, однакожъ онъ никогда не могъ бы серьёзно дѣйствовать во вредъ своему племяннику, въ угожденіе Россіи, въ которой самъ долженъ былъ видѣть опаснѣйшаго себѣ врага“.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПУГАЧЕВСКАГО БУНТА.

I.

БУМАГИ КАРА И БИБИКОВА [1]).

1862.

Пушкинъ, для своей „Исторіи Пугачевскаго бунта", пользовался почти исключительно однѣми бумагами, принадлежащими архиву инспекторскаго департамента Военнаго министерства и составляющими сравнительно только незначительную часть источниковъ для разработки этой эпохи [2]). Послѣ изданія своей книги онъ обратился и къ Государственному архиву, но не успѣлъ уже дополнить и передѣлать этотъ трудъ. Занимаясь, по совершенно другому литературному предпріятію, нѣкоторыми эпизодами Пугачевщины, я имѣлъ случай обозрѣть огромныя собранія относящихся къ ней бумагъ и убѣдился, что добросовѣстное разрѣшеніе задачи, которую пытался выполнить Пушкинъ, но въ сущности только затронулъ, потребовало бы нѣсколькихъ лѣтъ напряженнаго труда. Желая хоть сколько-нибудь облегчить его будущимъ изслѣдователямъ, я рѣшился исчислить здѣсь главные изъ этихъ матеріаловъ и указать мѣста, гдѣ они находятся. Считаю при этомъ нужнымъ назвать и нѣкоторые акты другого содержанія, попавшіе въ однѣ книги съ документами, касающимися Пугачевщины, но между которыми никто не вздумалъ бы искать ихъ.

Драгоцѣннѣйшіе источники для исторіи Пугачевскаго бунта хранятся въ архивахъ Военно-топографическаго депо и Государственномъ.

Въ томѣ X каталога архива Военно-топографическаго депо сюда относятся слѣдующіе №№: 2649, 2650, 2651 (планы сраженій и аттакъ крѣпостей), 26.049 (указъ о возмущеніи Пугачева) и 26,598 (толстая книга in f⁰). Главное содержаніе послѣдняго №, важнѣйшей части этого собранія, составляютъ:

1) Именные указы къ губернаторамъ.

---

[1]) Въ приложеніи (№ 4) къ I-му тому Записокъ Имп. Академіи Наукъ, Спб. 1862.

[2]) Нѣсколько книгъ, содержащихъ главнымъ образомъ переписку Военной коллегіи и президента ея гр. Чернышева, по Пугачевскому бунту. Ближайшія объ этомъ свѣдѣнія см. въ „Матеріалахъ для біографіи Пушкина" въ Русскомъ Вѣстникѣ нынѣшняго года.

2) Бумаги о Яицкихъ казакахъ.

3) Рескриптъ Бибикову и другія бумаги о его назначеніи.

4) Большая часть донесеній Бибикова Императрицѣ.

5) Рескрипты кн. Ѳ. Ѳ. Щербатову и кн. П. М. Голицыну.

6) Донесенія кн. Ѳ. Ѳ. Щербатова, Я. Л. Бранта, П. С. Потемкина и кн. П. М. Голицына.

Наконецъ № 43.860, подъ заглавіемъ „Театръ военныхъ дѣйствій" и проч., заключаетъ въ себѣ описаніе, составленное г. Фрейгангомъ, вскорѣ послѣ смерти Пушкина, на основаніи исчисленныхъ здѣсь матеріаловъ.

Въ послѣднее время служащій въ Генеральномъ штабѣ г. полковникъ Д. Г. Анучинъ, который радушно содѣйствовалъ мнѣ въ моихъ разысканіяхъ, написалъ отчасти по этимъ источникамъ весьма любопытную статью о Яицкихъ казакахъ, напечатанную въ Современникѣ.

Наибольшее богатство источниковъ для исторіи Пугачевскаго бунта представляетъ Государственный архивъ, куда однѣ изъ этихъ бумагъ перешли изъ Военно-топографическаго депо, другія изъ Сената, многія изъ бывшаго при Министерствѣ юстиціи архива старыхъ дѣлъ, а нѣкоторыя изъ Московскаго Сенатскаго архива [1]).

I. *Бумаги изъ Военно-топографическаго депо.*

Книга подъ № 26.601 (Г. А. шкапъ 18) [2]) съ надписью: Военно-топографическое депо, совершенно подобная вышеописанной (подъ № 26.598). Она заключаетъ въ себѣ: собственноручные указы и резолюціи Екатерины II по дѣламъ о Пугачевѣ и о Московской чумѣ, разныя бумаги относительно первой Турецкой кампаніи, особливо переписку императрицы съ гр. Румянцовымъ и гр. П. И. Панинымъ, донесенія ихъ обоихъ, кн. Репнина и кн. В. М. Долгорукаго. Изъ

[1]) Нынѣшній Государственный архивъ при Министерствѣ иностранныхъ дѣлъ существуетъ съ 1832 г. Прежде были архивы: государственный старыхъ дѣлъ при Министерствѣ юстиціи, сенатскій и тайной экспедиціи, которая учреждена была при Сенатѣ по уничтоженіи въ 1762 г. тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи и оставалась въ дѣйствіи до 1802 г. Государственный архивъ старыхъ дѣлъ былъ учрежденъ въ 1780 г. для храненія дѣлъ упраздненныхъ присутственныхъ мѣстъ; въ 1810 г. поступили въ него и дѣла изъ архива тайной экспедиціи. Бумаги всѣхъ трехъ архивовъ хранились въ нижнемъ этажѣ зданія 12-ти коллегій и тамъ много пострадали отъ сырости и еще болѣе отъ неоднократныхъ наводненій. Въ 1830 г. была учреждена временная комиссія для разбора архивовъ старыхъ дѣлъ и сенатскаго. По разборѣ этихъ архивовъ переданы во вновь образованный Государственный архивъ, какъ всѣ вообще секретныя дѣла, такъ и дѣла, имѣющія особенную историческую важность. Туда же обращены дѣла Верховнаго тайнаго совѣта (1726—1730), дѣла бывшей при Высоч. дворѣ конференціи (1756—1762) и наконецъ дѣла статсъ-секретарей.

[2]) Само собою разумѣется, что означая здѣсь *нынѣшнее* размѣщеніе рукописей я не могу отвѣчать за вѣрность этихъ указаній въ будущемъ.

донесеній Панина по Пугачевщинѣ здѣсь находятся только весьма не многія, и то принадлежащія уже къ 1775 г. Далѣе тутъ же указъ комиссіи строенія Москвы и Петербурга, показаніе Яицкаго казака Синельникова, бумаги подъ названіемъ: Сенявинская экспедиція и нѣкотор. др.

Особенно важна, для послѣдняго періода исторіи Пугачевскаго бунта, большая связка подъ № 26.429 (Г. А. шкапъ 18). Происхожденіе ея видно изъ слѣдующей надписи на отдѣльномъ, вложенномъ въ эти бумаги ярлыкѣ: „Письма, полученныя тайнымъ совѣтникомъ кн. М. М. Щербатовымъ изъ собственныхъ Ея Императорскаго Величества рукъ въ 774 г. по экспедиціи графа П. И. Панина". Это тѣ самыя бумаги, о которыхъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ (страница 107), разсказывая, что кн. Щербатовъ пожелалъ узнать его лично, „получивъ отъ Государыни его реляціи для сохраненія въ архивѣ". Дѣйствительно въ числѣ этихъ бумагъ нашелся въ подлинникѣ длинный оправдательный рапортъ Державина къ гр. Панину съ 13-ю приложеніями, содержащими переписку перваго съ разными лицами; сверхъ того тутъ есть, въ другомъ мѣстѣ, еще рапортъ Державина (П. С. Потемкину) [1] и объ этомъ лицѣ часто упоминается не только въ донесеніяхъ гр. Панина и въ разныхъ другихъ бумагахъ, но и въ самыхъ собственноручныхъ письмахъ Екатерины (по поводу его дѣйствій въ Саратовѣ). Бумаги этой связки, которыя, по объясненной причинѣ, могутъ быть названы Щербатовскими, занимаютъ 506 полулистовъ; онѣ лежатъ каждая отдѣльно и означены нумерами, которыхъ тутъ всего 229. Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ вообще важныхъ документовъ:

Донесенія гр. Панина (числомъ около 40); объявленія его къ жителямъ ввѣренныхъ ему губерній; ордера его Суворову, кн. Голицыну, Михельсону, Галахову, Цыплетеву и другимъ лицамъ; офиціальныя письма его и мнѣнія; рапорты ему отъ многихъ военныхъ начальниковъ.

Собственноручные отвѣты императрицы на донесенія Панина, съ рескриптами Суворову и Михельсону. Рескриптъ Румянцову.

Нѣсколько донесеній кн. Волконскаго, кн. Голицына, П. С. Потемкина, Царицынскаго коменданта Цыплетева и Нижегородскаго губернатора Ступишина.

Рапорты Суворова, Симонова, Харчева, Бардовскаго и др. и вообще бумаги, относящіяся къ поимкѣ Пугачева.

---

[1]) Оба рапорта были мнѣ уже извѣстны по копіямъ, сохранившимся въ бумагахъ Державина, и напечатаны въ Матеріалахъ для біографіи его (Уч. Записки 2-го Отд. А. Н., книга VII).

I. *Бумаги изъ архива старыхъ дѣлъ и изъ Московскаго Сен. архива.*

(Бумаги изъ обоихъ этихъ источниковъ здѣсь показаны вмѣстѣ потому, что мнѣ было бы трудно съ точностью опредѣлить, которыя именно поступили изъ каждаго архива порознь. Дѣла Московскаго архива вытребованы были въ началѣ 1826 года).

Нѣсколько папокъ съ надписью: *О мятежахъ и самозванцахъ* (шкапъ 18), и именно:

Подъ № 1. Описаніе мятежа, происходившаго въ войскѣ Яицкомъ 1772 г.; о началѣ Яицкихъ неспокойствъ и ежедневная записка во время Оренбургской осады въ 1773 г. (послѣдняя занимаетъ цѣлую книжку). Тутъ же дѣло о бунтѣ Беневскаго въ Камчаткѣ.

Подъ № 2. Четыре собственноручныя донесенія Бибикова императрицѣ; частное письмо П. С. Потемкина о разореніи Казани Пугачевымъ; два подлинные манифеста Пугачева; письмо его къ женѣ Устиньѣ Петровой и разныя другія бумаги; „дневная записка о Пугачевѣ, веденная города Оренбурга церкви Благовѣщенской, что на гостиномъ дворѣ, священникомъ Иваномъ Осиповымъ", и „исторія о происхожденіи самозванца, сочиненная г. Оренбурга Троицкой церкви священникомъ Иваномъ Полянскимъ".

Въ той же папкѣ переплетенная книга съ надписью на корешкѣ: I. O. DD. Минист. Юстиціи Уголовн. Секрет. о Пугачевѣ 1773—1775. Ч. 2, архивъ Гос. Кол. Иностр. Дѣлъ. (1-й части не оказалось). Въ книгѣ этой заключаются: Рескрипты Бибикову, гр. П. И. Панину, П. С. Потемкину, кн. Щербатову, кн. Голицыну, губернаторамъ Рейнсдорпу и Бранту; донесенія гр. Панина 1764, 1770 и 1774 годовъ (изъ донесеній послѣдняго года тутъ помѣщены только первыя по назначеніи Панина главнокомандующимъ; остальныя въ другомъ мѣстѣ, см. ниже); почти всѣ многочисленныя донесенія П. С. Потемкина; оффиціальная переписка Панина съ Рейнсдорпомъ, Фрейманомъ и др. лицами; „краткое описаніе несчастнаго по Москвѣ въ дополненіе къ чумѣ отъ бунтовщиковъ происшествія, начавшагося въ четвергъ ввечеру съ 8 часовъ, 15 числа нынѣ идущаго мѣсяца".

Подъ № 3. Производство дѣла о Пугачевѣ и его сообщникахъ, съ оглавленіемъ на особомъ листѣ. Тутъ особенно важны Сенатскіе журналы по суду надъ Пугачевымъ и двѣ тетради, изъ которыхъ одна, очень толстая, на 177 полулистахъ, содержитъ: экстрактъ изъ слѣдственнаго о Пугачевѣ дѣла и скрѣплена по листамъ оберъ-секретаремъ С. И. Шешковскимъ; а другая, на 10 полулистахъ, носитъ заглавіе: „Различеніе важности преступленія способниковъ злодѣйскихъ, примѣченное каждаго раскаяніе по свойству ихъ".

Въ той же папкѣ переплетенная книга, на заглавномъ листѣ ко-

торой означено, что она передана на всегдашнее сохраненіе въ рукописную библіотеку Московскаго архива бывшимъ начальникомъ его Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, 17-го августа 1808 года [1]). Назову нѣкоторыя изъ бумагъ этого собранія: описаніе Оренбургской осады, соч. Рычкова, и взятіе Казани, соч. Платона Любарскаго,— два документа, напечатанные Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ его исторіи Пугачевскаго бунта; опредѣленія Казанскаго дворянства; два письма императрицы къ Бибикову; множество писемъ архимандрита Платона Любарскаго къ Бантышъ-Каменскому; слово на погребеніе Бибикова, говоренное 24 апрѣля 1774 г. тѣмъ же архимандритомъ; дѣло о пожертвованіи Московскаго дворянства; печатное объявленіе гр. Панина о запрещеніи продажи хлѣба по дорогимъ цѣнамъ; нѣсколько манифестовъ Пугачева; солдатская пѣснь о злодѣяніяхъ и казни его и проч.

Подъ № 4. Объявленіе гр. Панина къ жителямъ ввѣренныхъ ему губерній; указъ о самозванцѣ солдатѣ Григоріи Кремневѣ (1766 г.); два отношенія кн. Вяземскаго о самозванцѣ крестьянинѣ Іовѣ Мосякинѣ (1774); дѣло объ однодворцѣ Иванѣ Сергѣевѣ (1776 г.); экстрактъ изъ дѣла о Пугачевѣ, въ Оренбургѣ произведеннаго.

III. *Сенатскія дѣла.*

Дѣла, производившіяся въ сенатѣ по поводу Пугачевскаго бунта, занимаютъ въ Г. А. цѣлый шкапъ подъ № 107. Между ними четыре переплетенныя книги, изъ которыхъ особенно двѣ, № 136 и 137, отличаются своей необыкновенной толщиною; онѣ содержатъ журналы и опредѣленія сената, переписку его съ главнокомандующими и съ мѣстными властями и т. п. Далѣе подъ № 138, 139 и слѣдующими идутъ непереплетенныя кипы связокъ съ разными дѣлами, возникавшими изъ обстоятельствъ бунта. Отдѣльно лежатъ 12 пачекъ, въ которыхъ собраны бумаги, отчасти уже очень пострадавшія отъ сырости въ прежнемъ Сенатскомъ архивѣ, гдѣ онѣ долго находились. При каждой пачкѣ есть особый реестръ. № 5 заключаетъ въ себѣ экстракты Казанской и Оренбургской секретныхъ комиссій. Въ томъ же шкапу надобно замѣтить отдѣльную связку подъ лит. Д., содержащую между прочимъ черновыя донесенія кн. Щербатова и Потемкина.

---

[1]) Здѣсь разумѣется нынѣшній Московскій главный архивъ (Министерства иностранныхъ дѣлъ). Названная рукопись вытребована изъ Москвы вслѣдствіе письма Пушкина къ Д. А. Полѣнову въ 1835 г. Это письмо вѣроятно будетъ напечатано П. П. Пекарскимъ, которому приношу при этомъ случаѣ искреннюю мою признательность за помощь его, какъ архиваріуса, въ полученіи сообщаемыхъ здѣсь свѣдѣній.

IV. *Дѣла изъ архива Тайной экспедиціи.*

Въ концѣ 1809 и въ началѣ 1810 г., по распоряженію министровъ Юстиціи Лопухина и Дмитріева, архивъ бывшей Тайной экспедиціи, находившійся при Департаментѣ министерства, переданъ былъ въ архивъ старыхъ дѣлъ [1]). Такимъ образомъ нынѣшній Государственный архивъ пріобрѣлъ изъ этого источника еще 95 дѣлъ, относящихся къ Пугачевскому бунту, которыя, въ концѣ описи всей этой части архива, исчислены особо и хранятся въ шкапахъ 108 и 109-мъ. Здѣсь, между прочимъ, собственно по производству дѣла о Пугачевѣ, находится 6 толстыхъ кипъ, названныхъ въ описи томами, изъ которыхъ 2 относятся къ 1773 г. и 4 къ 1774 году (всего 1957 листовъ). Изъ остальныхъ бумагъ этого разряда замѣтимъ, напримѣръ, слѣдующія: № 12, связка 20, о разглашенной отъ Пугачева бумагѣ; № 13, св. 4, о Самарскихъ попахъ и проч.; св. 62, о выдачѣ Шешковскому 1000 руб.; св. 93, три допроса Яицкимъ казакамъ, произведенные Мавринымъ; св. 94, экстракты, присланные отъ Бибикова о рѣшеніяхъ по Казанской секретной комиссіи.

Представивъ такимъ образомъ краткое обозрѣніе имѣющихся въ Петербургскихъ архивахъ источниковъ для исторіи Пугачевскаго бунта, я намѣренъ сообщить здѣсь постепенно тѣ изъ нихъ, которые показались мнѣ особенно важными или любопытными, или же были мнѣ нужны по связи съ занимавшимъ меня спеціальнымъ предметомъ. Хотя, по сравненію съ цѣлою массою относящагося къ дѣлу матеріала, выписки мои могутъ составить только незначительную часть его, однакожъ я надѣюсь и этимъ оказать нѣкоторую услугу тѣмъ, которые пожелаютъ ознакомиться покороче, въ самыхъ источникахъ, съ событіями кровавой эпохи или даже захотятъ обратиться къ подлинникамъ. Многіе документы, разсѣянные не только въ разныхъ отдѣлахъ бумагъ, но и въ различныхъ архивахъ, явятся здѣсь собранными въ одно мѣсто и притомъ въ такомъ видѣ, въ которомъ всякому легко ими пользоваться, тогда какъ въ подлинныхъ рукописяхъ чтеніе многихъ изъ нихъ даже и для привычнаго глаза сопряжено съ большою трудностію и потерею времени. Для начала предлагаются бумаги Кара и Бибикова.

Дѣятельность Кара въ первое время Пугачевскаго бунта извѣстна намъ только изъ краткаго разсказа Пушкина и изъ напечатаннаго имъ указа объ увольненіи этого генерала. Но чѣмъ рѣшительнѣе былъ

[1]) См. переписку о томъ въ тетради, содержащей опись дѣламъ бывшей Тайной экспедиціи съ 1733 по 1803 годъ.

судъ, произнесенный о немъ императрицею и обвиняющій его передъ потомствомъ, тѣмъ нужнѣе знать всѣ обстоятельства его дѣйствій. Самовольная отлучка его отъ арміи въ самую критическую минуту была безъ сомнѣнія поступкомъ во всякомъ случаѣ крайне неосторожнымъ и неблагоразумнымъ, но происходила ли она дѣйствительно отъ трусости — отъ „слабости духа", по выраженію указа, — это вопросъ, который можно рѣшить лишь на основаніи подлинныхъ документовъ. Пушкинъ говоритъ только о болѣзни, какъ поводѣ къ отъѣзду Кара; но изъ переписки его съ графомъ З. Г. Чернышевымъ видно, что сперва онъ думалъ ѣхать въ Петербургъ для совѣщанія о средствахъ къ устраненію встрѣчавшихся ему затрудненій. Эти затрудненія, заключавшіяся главнымъ образомъ въ недостаткѣ войска и военныхъ снарядовъ, были въ самомъ дѣлѣ велики. Бибикову, вслѣдствіе распоряженій, сдѣланныхъ правительствомъ уже по представленіямъ Кара, было гораздо легче дѣйствовать; но и онъ во всѣхъ своихъ донесеніяхъ въ первое время жаловался на тѣ же препятствія. Отнюдь не берусь оправдывать Кара; но, предлагая въ подлинникѣ его донесенія, желаю дать свѣдущимъ читателямъ средства взвѣсить его поведеніе безпристрастно и основательно. Сколько мнѣ извѣстно, г. полковникъ Анучинъ занимается уже и этимъ вопросомъ, для рѣшенія котораго необходимо знаніе военнаго дѣла и соображеніе всего прежняго малоизвѣстнаго поприща Кара. Конечно Екатерина, избравъ его для усмиренія мятежа, уже принимавшаго грозные размѣры, имѣла къ тому важныя основанія.

Обманувшись въ своихъ ожиданіяхъ, она рѣшилась удалить Кара. Но еще прежде официальнаго его увольненія назначенъ былъ на его мѣсто Бибиковъ, недавно пріѣхавшій изъ Польши въ Петербургъ съ тѣмъ чтобы отправиться въ турецкую армію.

Рескриптомъ 29 ноября 1773 года ему поручались слѣдственныя дѣла о сообщникахъ Пугачева, какъ уже содержимыхъ въ Казани, такъ и впредь могущихъ открыться. Для этого командировались къ нему капитанъ Измайловскаго полка Лунинъ [1]) и еще два офицера гвардіи, выборъ которыхъ предоставлялся самому главнокомандующему; сверхъ того, въ помощь имъ, былъ назначенъ опытный въ подобныхъ дѣлахъ секретарь Тайной экспедиціи Зряховъ [2]). Въ концѣ рескрипта было умомянуто, что эти лица должны быть отправлены въ скорѣйшемъ времени.

Избранные Бибиковымъ въ эту такъ называемую секретную комиссію офицеры были: капитанъ-поручикъ Сава Мавринъ и подпору-

[1]) Переписку Бибикова съ Лунинымъ см. Р. Арх. 1866 стр. 377. Тамъ и біографическій очеркъ о Лунинѣ (*Поздн. примѣчаніе Я. К. Г.*).

[2]) Въ Сенатѣ были двѣ тайныя экспедиціи: одна въ Петербургѣ, при 1-мъ департаментѣ, съ извѣстнымъ оберъ-секретаремъ С. И. Шешковскимъ, другая въ Москвѣ при 6-мъ департаментѣ; тамъ былъ секретаремъ Сергѣй Ѳедоровъ.

чикъ Василій Собакинъ. Мавринъ, впослѣдствіи отправленный въ Яицкій городокъ, производилъ тамъ первый допросъ выданному своими сообщниками Пугачеву. Къ этимъ офицерамъ Бибиковъ, конечно съ разрѣшенія императрицы, присоединилъ черезъ нѣсколько дней еще подпоручика Преображенскаго полка Державина, который самъ явился къ нему съ просьбою быть принятымъ въ эту комиссію [1]). Рескриптъ о секретной комиссіи былъ полученъ Бибиковымъ въ самый день, когда онъ состоялся, въ 7 часовъ вечера. Главный же, болѣе обширный рескриптъ, опредѣлявшій весь кругъ и образъ дѣйствія Бибикова, и помѣченный также 29 ноября, былъ доставленъ ему только 1 декабря. Тутъ императрица повелѣвала ему самому отправиться въ Казань, собрать на мѣстѣ всѣ свѣдѣнія о движеніяхъ и планахъ Пугачева и, дождавшись прибытія всѣхъ войскъ, начать наступательныя противъ него дѣйствія.

Особый указъ того же 29 числа уполномочивалъ Бибикова употреблять деньги по усмотрѣнію, изъ наличныхъ сборовъ Казанской и Нижегородской губерній.

30 ноября подписанъ дополнительный рескриптъ о назначеніи ему на время дѣйствій противъ Пугачева 5 т. р. столовыхъ, „которые", сказано было въ этой бумагѣ, „и имѣете вы получать въ числѣ чрезвычайныхъ суммъ изъ тамошнихъ доходовъ ежемѣсячно".

Избраніе полководца, хорошо извѣстнаго въ Казанскомъ краю своей дѣятельностію во время бывшихъ тамъ за 10 лѣтъ безпорядковъ, произвело самое благопріятное впечатлѣніе на умы тамошняго населенія. При одномъ извѣстіи о скоромъ прибытіи Бибикова многіе жители Казани, отъ страху уже удалившіеся, начали возвращаться въ городъ. Еще 12 декабря архимандритъ Платонъ Любарскій писалъ оттуда къ Николаю Николаевичу Бантышъ-Каменскому [2]): „Здѣсь,

---

[1]) Въ запискахъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова и въ Запискахъ Державина показаны состоявшими при главнокомандующемъ еще слѣдующіе офицеры: кн. Волконскій, Кошелевъ и Горчаковъ. Но Волконскій и Кошелевъ служили волонтерами въ войскахъ, и по смерти Бибикова отпросились назадъ въ свои полки; Горчаковъ вмѣстѣ съ Волоцкимъ, назначенъ былъ не прежде лѣта 1774 г. и притомъ сначала въ Москву, а потомъ уже въ Казань. Журналы Кизанской секретной комиссіи, при жизни Бибикова, подписывались Лунинымъ, Мавринымъ и Собакинымъ и скрѣплялись Зряховымъ. При Бибиковѣ находились еще: офицеръ Преображенскаго полка Кологривовъ и флигель-адъютантъ штаба главнокомандующаго Бушуевъ. Послѣдній, у котораго былъ красивый почеркъ, переписывалъ официальныя донесенія своего начальника императрицѣ. Семенъ Борис. Волоцкой умеръ въ августѣ мѣсяцѣ въ Казани.

[2]) Платонъ Любарскій (ум. 1811 г. Екатеринославскимъ архіепископомъ), авторъ *краткаго извѣстія* о сожженіи Пугачевымъ Казани, напечатаннаго Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ исторіи Пугачевскаго бунта, былъ архимандритомъ Спасо-Казанскаго монастыря. Какъ подлинникъ этого извѣстія, такъ и множество писемъ архимандрита Платона къ Бантышъ-Каменскому вшито между разными бумагами, относящимися къ Пугачевщинѣ, въ толстую книгу, которая хранится въ папкѣ 3 Госуд. архива.

слава Богу, все спокойно по прежнему и бѣглецы возвращаются". Но не такъ отрадно для Казани было появленіе нѣкоторыхъ изъ подчиненныхъ Бибикова и особенно старшаго изъ офицеровъ секретной комиссіи, Лунина. „На сихъ дняхъ, продолжаетъ Платонъ, прибылъ сюда г. капитанъ Лунинъ съ канцеляріею и командою для строжайшаго по Оренбургскимъ дѣламъ слѣдствія; для комиссіи и содержанія секретныхъ колодниковъ занялъ насильно семинарію и тѣмъ насъ не мало утѣснилъ, да чуть-ли и совсѣмъ скоро не выживетъ. Онъ не смотритъ ни на какія привилегіи и состоянія. Скоро ожидаемъ подъ командою Бибикова полковъ двухъ пѣхотныхъ, коннаго карабинернаго, гусарскаго и чугуевскаго казацкаго съ 6-ю полевыми орудіями" (письмо помѣчено: изъ Котла [1]).

Въ ночь съ 25 на 26 декабря, т. е. на второй день праздника, прибылъ въ Казань и самъ главнокомандующій, выѣхавшій изъ Петербурга 9-го числа. Пять дней, съ 13-го по 18-е, прожилъ онъ въ Москвѣ, гдѣ еще свѣжи были слѣды недавней моровой язвы и гдѣ не совсѣмъ успокоившаяся чернь опять волновалась съ явнымъ сочувствіемъ къ самозванцу. Здѣсь Бибиковъ занятъ былъ распоряженіями объ отправкѣ къ Казани бывшихъ въ Москвѣ полковъ и разсылкою въ разныя мѣста показаній о движеніи войскъ въ ту же сторону [2]). Пріѣздъ Бибикова въ Казань окончательно успокоилъ городъ: всѣ стали вѣрить, что опасность миновалась и что „благоразуміе и храбрость героя" (какъ говорилъ Платонъ въ одномъ письмѣ) скоро положатъ конецъ мятежу. Эта увѣренность жителей Казани въ безопасности ихъ города продолжалась почти до самаго разгрома его Пугачевымъ. Между тѣмъ у Бибикова еще не было войска, которое, какъ онъ самъ писалъ женѣ своей (урожденной Козловой), начало сходиться только 29 декабря, и медленность, съ какою собирались полки, крайне его тревожила при безпрерывно получаемыхъ извѣстіяхъ объ усиленіи Пугачева и распространеніи ужаснаго мятежа. Безпокойство и нетерпѣніе военачальника безпрестанно выражалось какъ въ письмахъ къ женѣ,

[1]) Казань по-татарски значитъ котелъ.

[2]) Въ одномъ примѣчаніи къ Запискамъ Державина въ Русск. Бесѣдѣ была выражена догадка, не дожидался ли Бибиковъ въ Москвѣ отпечатанія манифеста церковными буквами; но изъ дѣла видно, что онъ привезъ въ Казань только манифестъ, напечатанный уже въ Петербургѣ 29 ноября гражданскимъ шрифтомъ въ числѣ 1.200 экземп., о распространеніи котораго онъ тогда же получилъ слѣдующее повелѣніе, приписанное собственной рукой императрицы къ данному на его имя рескрипту: „Александръ Ильичъ! вы имѣете манифестъ мой вамъ данный приказать публиковать въ Оренбургской и Казанской губерніи, въ Екатеринбургской провинціи, въ Астраханской губерніи, на Дону и Иртышской линіи, на первый случай, а за симъ гдѣ за нужно и надобно сами разсудите". Упомянутый здѣсь манифестъ, напечатанный въ приложеніяхъ къ Исторіи Пугачевскаго бунта Пушкина, невѣрно отнесенъ тамъ къ 23-му декабря.

такъ и въ донесеніяхъ императрицѣ. Онъ ясно видѣлъ всю опасность, въ какой находился тотъ край, не скрывалъ ея отъ государыни и понималъ великость своей отвѣтственности. Самъ Пугачевъ въ то время былъ, конечно, еще далеко: овладѣвъ всѣми крѣпостями между Яицкимъ городомъ и Оренбургомъ, онъ осаждалъ оба эти важные пункта. Но шайки его разливались все выше по Волгѣ и прилегающимъ къ ней съ восточной стороны областямъ. Эти неистовыя толпы врывались въ села и города, и устрашенные жители принимали ихъ съ покорностію. Буйные башкирцы поднялись поголовно, производили грабежи и убійства въ селеніяхъ и на заводахъ и окружили городъ Уфу; калмыки также взбунтовались. Но особенно тревожило Бибикова своеволіе черни, которая частью по невѣжеству и обольщенію, частью по склонности къ буйству переходила къ Пугачеву и не только не оказывала сопротивленія, даже и самымъ ничтожнымъ шайкамъ его, но шла къ нему толпами на встрѣчу. Но смятеніе было не въ одной черни: воеводы и другіе начальники спасались бѣгствомъ. „Гарнизоны, писалъ Бибиковъ женѣ, всего боятся, никуда носа не смѣютъ показать, сидятъ по мѣстамъ какъ сурки и только что рапорты страмные присылаютъ“. По плану Бибикова войска должны были сходиться къ Казани со всѣхъ сторонъ: изъ Тобольска, Малороссіи, Польши и даже изъ Петербурга, чтобы потомъ подъ собственнымъ его главнымъ начальствомъ итти къ Оренбургу и не дать Пугачеву проникнуть съ одной стороны во внутреннія губерніи, а съ другой въ сѣверовосточный край, гдѣ онъ могъ соединиться съ башкирцами и заводскими крестьянами.

Въ рескриптѣ 29 ноября Бибикову между прочимъ было поручено „созвать къ себѣ все въ Казани и въ окрестностяхъ сего города находящееся дворянство“, объявить ему благоволеніе государыни, изобразить живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго края вмѣстѣ съ угрожающею ему опасностію и стараться подвигнуть его къ пожертвованіямъ, „къ вооруженію по возможности нѣкотораго числа людей своихъ“. Бибиковъ съ большою ловкостью умѣлъ въ короткое время исполнить во всей точности волю императрицы. Ни Державинъ, ни впослѣдствіи Пушкинъ не знали, что Бибиковъ въ этихъ распоряженіяхъ слѣдовалъ буквально ея повелѣніямъ [1]). По пріѣздѣ въ Казань онъ чрезъ предводителя дворянства объявилъ, чтобъ всѣ мѣстные дворяне собрались въ городъ къ новому году. Конечно онъ между тѣмъ и самъ старался приготовить ихъ къ требуемымъ пожертвованіямъ и не даромъ впослѣдствіи предводитель дворянства Макаровъ писалъ ему: „Съ самаго начала благоразумные ваши поданные намъ совѣты и побужденія причиною были усерднѣй-

[1]) Авторъ Записокъ о жизни и службѣ Бибикова умолчалъ о томъ.

шихъ нашихъ жертвъ [1])". Этимъ только можно объяснить то собраніе дворянъ, которое, по Запискамъ Державина, происходило 29 декабря, въ самый день отправленія его въ Самару. Рано утромъ услышалъ онъ (такъ онъ разсказываетъ) повѣстку отъ полиціи, чтобъ всѣ граждане сбирались въ соборъ, и потомъ часу въ 10-мъ звонъ въ большой соборный колоколъ. По прочтеніи въ церкви манифеста и отслуженіи молебна объ успѣхѣ оружія приглашены были въ квартиру главнокомандующаго преосвященный Веніаминъ и всѣ дворяне. Тутъ-то Державинъ получилъ приказаніе ѣхать немедленно въ Самару и слѣдовательно не видѣлъ, чѣмъ кончилось собраніе. Вѣроятно оно было въ тѣсной связи съ окончательнымъ собраніемъ 1 января 1774 года, которое упомянуто въ Запискахъ о жизни и службѣ Бибикова. Въ соборѣ послѣ молебна опять прочитанъ былъ манифестъ 29 ноября и Веніаминъ произнесъ слово; потомъ всѣ присутствовавшіе дворяне созваны были на домъ къ главнокомандующему, и онъ обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой, представивъ всѣ бѣдствія, ожидающія ихъ въ случаѣ ниспроверженія законнаго порядка, грозилъ наказаніемъ за измѣну, обѣщалъ награды за вѣрность и усердіе, и вызывалъ дворянство на содѣйствіе правительству. Собраніе, выразивъ большое одушевленіе, приступило въ тотъ же день къ общему между собою совѣщанію и единодушно опредѣлило выставить на свой счетъ вооруженный конный корпусъ — по одному человѣку съ двухсотъ душъ. Опредѣленіе это было окончательно изготовлено 3 января и тогда же препровождено къ Бибикову при письмѣ отъ имени дворянства всего Казанскаго уѣзда.

Екатерина, узнавъ о томъ изъ донесенія Бибикова отъ 5 числа, отвѣчала ему двумя рескриптами: благодарственнымъ отъ 16 января и другимъ отъ 20, въ которомъ назвала себя *Казанскою помѣщицею* [2]).

По объявленіи перваго рескрипта въ торжественномъ собраніи дворянства 30 числа, предводитель его Макаровъ, въ домѣ котораго происходило собраніе, прочиталъ передъ портретомъ императрицы рѣчь, написанную Державинымъ, въ видѣ обращенія къ ней, отъ имени всего дворянства. Бибиковъ представилъ эту рѣчь при донесеніи Екатеринѣ 5 февраля, не называя однако же имени автора, который въ заглавіи былъ означенъ только какъ „Казанскій дворянинъ."

Екатерина, вслѣдствіе того, изъявила свое благоволеніе Казанскому дворянству [3]) манифестомъ 22 февраля 1774 года, который приказала

[1]) 13 марта при отправленіи къ Бибикову экземпляра манифеста 22 февраля. Арх. Воен. топ. депо (№ 26.598).

[2]) См. Матеріалы для біографіи Державина, стр. 10 Уч. Зап. II отд. А. Н. кн. VII.

[3]) Примѣру Казанскаго уѣзда послѣдовали также уѣзды Пензинскій, Симбирскій и Свіяжскій: манифестъ относился и къ нимъ. Мѣщане города Казани приняли и съ своей стороны участіе въ составленіи конныхъ ополченій.

прочесть во всѣхъ церквахъ той губерніи и положить въ архивѣ каждаго города въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Этотъ манифестъ прибылъ въ Казань тогда, когда Бибиковъ уже готовился къ отъѣзду. Прочитанный дворянству безъ него въ собраніи 12 марта, онъ былъ розданъ тѣмъ изъ дворянъ, которые участвовали въ опредѣленіяхъ о пожертвованіи. Поэтому предводитель Макаровъ препроводилъ по экземпляру его, чрезъ нарочнаго, подполковника Бутлерова, при поздравительномъ письмѣ, какъ къ самому Бибикову, такъ и къ состоявшему при немъ Державину.

Бибиковъ не имѣлъ причины долѣе оставаться въ Казани: склонивъ дворянъ къ пожертвованію, какого желала императрица, и дождавшись войскъ, которыя онъ по прибытіи ихъ немедленно отправлялъ по тремъ дорогамъ къ Оренбургу, онъ могъ считать свое дѣло въ Казани оконченнымъ. Дурныя вѣсти съ Уральскихъ заводовъ грозили задержать его въ этомъ городѣ, но получивъ успокоительныя донесенія отъ посланнаго имъ туда храбраго маіора Гагрина, онъ ожидалъ только пріѣзда князя Щербатова, чтобы передать ему дѣла Казанскія. Наконецъ 7 марта прибылъ Щербатовъ, и Бибиковъ на другой день выѣхалъ по Оренбургской дорогѣ въ намѣреніи остановиться въ Кичуевскомъ шанцѣ [1]) или въ Бугульмѣ, чтобъ быть между обоими корпусами своей арміи.

Однимъ командовалъ князь Петръ Михайловичъ Голицынъ, бывшій при Бибиковѣ уже въ Польшѣ. Ему теперь поручено было очищеніе края къ сторонѣ Оренбурга. Другой корпусъ былъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Павла Дмитріевича Мансурова, который изъ города Самары долженъ былъ дѣлать поиски вверхъ по рѣкѣ того же имени, по такъ называемой Самарской линіи до крѣпости Бузулука, назначенной сборнымъ мѣстомъ для провіанта и фуража [2]). Оба корпуса должны были соединиться въ Сорочинской крѣпости по Самарской линіи и оттуда вмѣстѣ итти къ Оренбургу.

Но Бибикову не суждено было доѣхать до Оренбурга. Горячка, слѣдствіе непомѣрныхъ трудовъ и продолжительнаго небреженія къ здоровью, остановила его въ Бугульмѣ. Адъютантъ штаба его Бушуевъ сообщалъ Державину въ самомъ началѣ апрѣля: „Онъ крайне боленъ и вчерашній вечеръ были мы въ крайнемъ смущеніи о его жизни, но сегодня смогъ онъ подписать всѣ мои бумаги съ великимъ трудомъ. Онъ приказалъ о семъ таить, однакожъ я по преданности моей къ

[1]) Крѣпостца близъ рѣчки Кичуя, принадлежавшая къ Закамской линіи крѣпостей, простиравшейся по направленію къ Оренбургу почти до рѣки Ика и нынѣ уже несуществующей.

[2]) Самарскою линіею назывался рядъ крѣпостей вдоль рѣки Самары почти до самаго Оренбурга. Средоточіе составляла крѣпость Бузулукъ; далѣе шли Тоцкая, Сорочинская, Новосергіевская и Переволоцкая.

вамъ не могу того отъ васъ скрыть, съ тѣмъ только, чтобъ никому не сказывать. Машмейеръ (докторъ) увѣряетъ насъ, что онъ чрезъ нѣсколько дней встанетъ, и самъ изъ крайняго смущенія сдѣлался веселъ." Поводомъ къ этой перемѣнѣ расположенія духа было только что полученное извѣстіе о побѣдѣ Голицына при Татищевой. Оно оживило больного, но не надолго.

Машмейеръ ошибся, а искуснѣйшаго врача не было; въ отдаленномъ селеніи не могло быть и всѣхъ нужныхъ медицинскихъ пособій. Бибиковъ самъ уже зналъ, что долженъ умереть, и въ послѣднемъ донесеніи императрицѣ, за два дня предъ смертію, онъ дрожащею рукой приписалъ на поляхъ: „Si j'avais un seul habile homme, il m'aurait sauvé; mais hélas, je me meurs sans vous voir" [1]). Екатерина, получивъ эту бумагу 20 апрѣля, въ тотъ же день написала начальнику Москвы князю Волконскому [2]):

„Князь Михаилъ Никитичъ! Александръ Ильичь такъ сильно занемогъ въ Бугульмѣ, что не былъ въ силахъ подписать послѣднюю реляцію отъ 7 апрѣля. Хотя надо опасаться, чтобъ всякая отселѣ помощь не пришла поздно; однако, дабы сколь будетъ возможно подать способъ къ облегченію его, прошу васъ наискорѣе отправить къ нему, съ симъ посланнымъ, извѣстнаго лѣкаря Самойловича, находящагося въ Москвѣ при здравительной комиссіи, снабдивъ его, не въ зачетъ, третнымъ жалованьемъ, дабы онъ не мѣшкавъ ѣхалъ къ Бибикову, и посмотрѣлъ, не можно ли какъ-нибудь возстановить здравіе сего генерала, столь нужное въ теперешнихъ тамошнихъ обстоятельствахъ. Съ нынѣшнимъ праздникомъ васъ поздравляю и желаю вамъ проводить оный въ радости, а меня сокрушаетъ вѣсть, сегодня полученная о болѣзни Бибикова".

Но уже 9-го числа его не стало [3]). Впечатлѣніе, произведенное этой внезапной утратой на всѣхъ, видно изъ писемъ приближенныхъ его. „Вообрази жъ, мой другъ, писалъ напримѣръ офицеръ Преображенскаго полка Кологривовъ къ сослуживцу своему Державину, что я потерялъ, исключая мои великіе интересы; да къ крайнему моему огорченію, я разстался съ нимъ противъ его воли за мѣсяцъ до его кончины и прискакалъ уже къ нему мертвому и теперь оплакиваю столь драгоцѣнную жизнь, которая для многихъ была полезна, и можно безъ лести сказать, и все общество потеряло много, лишась столь великаго мужа". Бушуевъ писалъ 12 іюня изъ Оренбурга: „Нѣтъ Александра Ильича, нѣтъ и предстателя о благополучіи

[1]) См. приложенный къ этой статьѣ снимокъ.

[2]) Москвит. 1845, № 9. Собственноручныя письма Екатерины II.

[3]) Его отецъ, тогда уже 76-лѣтній старикъ, жилъ еще ровно 10 лѣтъ (до 6-го апрѣля 1784).

нашемъ. Кажется до сихъ поръ, что все съ нимъ унеслося". Сознаніе въ важности этой утраты выражается и въ письмахъ постороннихъ. Архимандритъ Платонъ Любарскій, сказавшій слово на погребеніе его (24 апрѣля), писалъ чрезъ нѣсколько дней Бантышъ-Каменскому: „О Бибиковѣ я уже писалъ; теперь нечего; ибо объ немъ или много, или уже ничего лучше не упоминать. О Бибиковъ! или бы онъ вѣчно жилъ, или ужъ его никогда на свѣтѣ не было! тѣло его здѣсь еще до упаденія въ Волгѣ воды" (по желанію семейства покойнаго, оно должно было отвезено быть въ его имѣніе). Жена Новгородскаго губернатора Якова Сиверса писала мужу своему 24 апрѣля изъ Петербурга: „Впрочемъ новостей никакихъ, кромѣ смерти бѣднаго генерала Бибикова, котораго мнѣ очень жаль, потому что онъ былъ прекрасный человѣкъ. Бѣдная жена и дѣти остались въ незавидномъ положеніи: у нихъ нѣтъ состоянія, какъ ты знаешь, и сверхъ того долги" [1]. Легко представить себѣ, какъ это событіе поразило императрицу и всю Россію. По блестящему началу дѣятельности Бибикова всѣ ожидали скораго окончанія мятежа. Думали, что Пугачевъ, бѣжавъ къ башкирцамъ или киргизамъ въ совершенномъ разстройствѣ, уже не въ состояніи будетъ оправиться, что ничего не будетъ стоить „поймать или истребить его съ коренемъ", какъ писалъ Платонъ. „Мы", заключалъ онъ, „о семъ здѣсь уже мало и думаемъ, слава Богу!... За непомѣрнымъ разлитіемъ рѣкъ", говорилъ онъ же въ другомъ письмѣ, „достать Пугачева трудно, однако скоро, думаю, рѣшится его судьбина" [2].

Какъ обманчивы однако были надежды, возбужденныя этою побѣдой, оказалось очень скоро; вышло, что теперь только начинались ужасы Пугачевщины.

Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Щербатовъ, оставшійся, какъ мы видѣли, старшимъ послѣ Бибикова и написавшій императрицѣ о смерти его, получилъ 8 мая (въ рескриптѣ отъ 1 числа) приказаніе принять главную надъ войсками команду, однакожъ съ оговоркою: „впредь до новыхъ повелѣній" и при томъ съ значительнымъ ограниченіемъ власти: онъ могъ распоряжаться только военной силой, дѣйствуя и тутъ по соглашенію съ губернаторами. О секретной комиссіи, къ которой принадлежалъ Державинъ, не было ничего упомянуто въ рескриптѣ и напротивъ въ первоначальномъ его проектѣ было даже сказано: „Комиссія, изъ офицеровъ гвардіи нашей въ Казани составленная, имѣетъ оставаться особенно отъ васъ въ нынѣшнемъ ея поло-

[1]) Ein russ. Staatsmann, II, 23.

[2]) Въ томъ же письмѣ было слѣдующее извѣстіе о наградахъ по случаю побѣды при Татищевой: „Оренбургскій губернаторъ (Рейнсдорпъ) получилъ Александровскую кавалерію, а Фрейманъ и Мансуровъ Анненскія, Голицынъ 2000 душъ Польскихъ" (т. е. въ Бѣлоруссіи).

женіи.“ Въ окончательной редакціи эти слова исчезли вмѣстѣ съ нѣкоторыми выраженіями, которыя могли бы показать слишкомъ высокое мнѣніе о Щербатовѣ, какого императрица въ самомъ дѣлѣ не имѣла. Касательно секретной комиссіи Екатерина намѣревалась подчинить ее особому начальнику и вскорѣ избрала въ эту должность Павла Сергѣевича Потемкина; до назначенія же его два отдѣла комиссіи, одинъ въ Казани, другой въ Оренбургѣ, поручены были каждый [1]) мѣстному губернатору (Бранту и Рейнсдорпу).

Щербатовъ, находя, что Казанская губернія окончательно успокоена и что для лучшаго распоряженія войсками присутствіе его будетъ полезнѣе въ Оренбургѣ, передалъ устроеніе Казанскаго края губернатору Бранту, а самъ 10 мая выступилъ съ 300 малороссійскихъ казаковъ и на другой день съ дороги написалъ свое первое донесеніе императрицѣ (до тѣхъ поръ онъ посылалъ рапорты въ Военную коллегію). Оставивъ казаковъ въ Бузулукѣ, онъ 19 числа прибылъ въ Оренбургъ; этимъ онъ конечно исполнилъ планъ Бибикова, но по измѣнившимся обстоятельствамъ ему нужнѣе было бы остаться въ Казани, какъ вскорѣ и обнаружилось.

Кончина Бибикова повлекла за собою нѣкоторыя перемѣны и въ штабѣ главнокомандующаго. Почти весь штабъ покойнаго былъ распущенъ по желанію фаворита Потемкина, пріобрѣтавшаго все болѣе и болѣе силы [2]). Служившіе при Бибиковѣ гвардейскіе офицеры просились назадъ въ свои полки подъ предлогомъ, что главная опасность миновалась, и уже на другой день послѣ прибытія въ Оренбургъ Щербатовъ писалъ императрицѣ, что по поданнымъ ему настоятельнымъ просьбамъ онъ уволилъ четырехъ офицеровъ [3]). Сверхъ того

---

[1]) По освобожденіи Оренбурга оказалось въ немъ много колодниковъ, и тогда Бибиковъ представилъ императрицѣ объ учрежденіи и тамъ секретной комиссіи. Екатерина утвердила это рескриптами 26 апрѣля къ Щербатову, Бранту и Рейнсдорпу, съ тѣмъ, чтобы каждая изъ двухъ комиссій состояла въ вѣдѣніи мѣстнаго губернатора. Въ то же время повелѣно было отправить въ Оренбургъ изъ Казани капитана Лунина и капитанъ-поручика Маврина съ секретаремъ и писцами, на мѣсто же выбывшихъ прислать въ Казань изъ Москвы другихъ двухъ гвардіи оберъ-офицеровъ (Волоцкаго и Горчакова. См. Москвит. 1845, № 9, письмо III Екатерины къ кн. Волконскому). Причиною этого послѣдняго распоряженія приведено то, что въ Казанской секретной комиссіи по 12 апрѣля содержалось 169 колодниковъ, и что число это должно было еще увеличиться вслѣдствіе новыхъ сраженій. Обоимъ губернаторамъ при этомъ поручалось: „конфирмовать чинимыя по дѣламъ рѣшенія, наказуя злодѣевъ по мѣрѣ ихъ преступленія и соображая наказанія съ природнымъ намъ человѣколюбіемъ; экстракты изъ дѣлъ присылать въ тайную при Сенатѣ экспедицію“ (Г. А. папка 2, кн. I. О. DD).

[2]) Письмо Бушуева къ Державину отъ 12 іюня.

[3]) Это были: Великолуцкаго полка полковникъ Бибиковъ, Преображенскаго капитанъ Толстой и Коннаго секундъ-ротмистры князь Волконскій и Кошелевъ. Полковникъ Бибиковъ былъ, кажется, племянникъ Александра Ильича. О послѣднихъ

Кологривовъ былъ отставленъ полковникомъ и сбирался въ Петербургъ. „Вотъ судьба какова!" писалъ онъ Державину, „человѣку и счастіе превращается въ несчастіе... Спѣшу скорѣй уѣхать изъ сего мѣста, дабы сколько-нибудь опомниться отъ горести."

— —

ПРИЛОЖЕНІЯ.

БУМАГИ КАРА.

I.

(Гос. Арх. папка 2, книга I. O. DD.).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Увѣщевательные манифесты и повелительное письмо В. И. В. о поступлении съ воромъ Пугачевымъ, когда оный въ рукахъ моихъ будетъ, съ всеподданническою покорностію моею счастье имѣлъ получить въ Вышнемъ Волочкѣ октября 18 числа. Слѣдобъ (sic) мнѣ въ пути моемъ быть поспѣшнѣе. но настоящаго времени распутица и весьма худая дорога останавливаетъ меня въ искреннемъ моемъ желаніи какъ наискорѣе возможно исполнить В. И. В. повелѣніе, а мою всеподданническую должность.

Вашего Императорскаго Величества
рабъ
Василей Каръ.

Октября 18 числа
1773 г.
Вышній Волочекъ.

II.

(Гос. Арх. Сен. дѣла, книга № 136).

Всепресвѣтлѣйшей Державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ и Самодержицѣ Всероссійской

генералъ-маіора Кара всеподданнѣйшій рапортъ.

По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества повелѣнію къ ввѣренной мнѣ экспедиціи, на границу Казанской губерніи въ Кичуевскій фельдшанцъ, я вчерашній день пріѣхалъ, и по учиненнымъ господиномъ Ка-

трехъ главнокомандующій, въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ, отзывался съ особенной похвалой. Толстой и князь Волконскій отличились въ дѣлѣ при Сакмарскомъ городкѣ. Адъютантъ Романъ Александровичъ Кошелевъ, служившій при А. И. Бибиковѣ еще въ Польшѣ и особенно имъ любимый, въ началѣ дѣйствій противъ Пугачева былъ въ отрядѣ полковника Бибикова, а потомъ, такъ какъ и Волконскій, находился безотлучно при Голицынѣ. Въ сраженіи подъ Татищевою онъ былъ раненъ пулею въ ногу (А. В. т. депо, книга № 26.598). Впослѣдствіи, уже при императорѣ Александрѣ, Кошелевъ занималъ должность оберъ-гофмейстера.

занскимъ губернаторомъ распоряженіямъ нашелъ въ сборѣ военныхъ силъ дѣйствительно уже слѣдующихъ по новой Московской къ Оренбургу дорогѣ, армейскихъ до шести сотъ, гарнизонныхъ до восьми сотъ, конныхъ вооруженныхъ служилыхъ Татаръ, экономическихъ и дворцовыхъ крестьянъ и изъ отставныхъ поселенныхъ до трехъ сотъ, по Самарской линіи преслѣдовавшихъ до Бузулука, подъ командою полковника и Симбирскаго коменданта Чернышева, гарнизонныхъ шесть сотъ сорокъ шесть, казаковъ и Калмыкъ двѣсти три; да для закрытія Казанской губерніи по границѣ въ разныхъ мѣстахъ расположено гарнизонныхъ восемьдесятъ четыре, изъ отставныхъ поселенныхъ шесть сотъ пятьдесятъ два, дворцовыхъ и экономическихъ крестьянъ и дворянскихъ людей пятьдесятъ восемь; всего въ помянутыхъ мѣстахъ не съ большимъ до трехъ тысячъ человѣкъ оружейныхъ людей считается; а въ добавокъ къ онымъ Уфимской канцеляріи нарядъ сдѣланъ собрать при Стерлитамацкой и Бугулчанской пристаняхъ къ соединенію слѣдуемымъ по Московской дорогѣ регулярнымъ командамъ, Башкирцевъ до двух тысячъ. Почему я, видя все то уже до меня сдѣланнымъ, что было только можно, и не находя откуда больше получить людей, оставляю вовсе на томъ же основаніи. А самъ, всемилостивѣйшая Государыня, теперь отправлюсь по Московской дорогѣ къ передовымъ командамъ (которыя дошли до деревни Кутлумбетовой, разстояніемъ отъ Оренбурга менѣе двух сотъ верстъ), ожидая между тѣмъ отправленной сюда изъ Москвы, подъ прикрытіемъ пятидесяти рядовыхъ, трехъ орудій артиллеріи, въ коей по малости здѣсь крайняя настоитъ нужда, и надѣюсь въ скорости прибудетъ, то всю возможную поспѣшность употреблю дойтить до собранной злодѣйской толпы и не теряя ни малѣйшаго времени ее атакую. Опасаюсь только того, что сіи разбойники, свѣдавъ о приближеніи командъ, не обратились бы въ бѣгъ, не допустя до себя оныхъ, по тѣмъ же самымъ мѣстамъ, отколь они появились! чего для полковнику Чернышеву и предписалъ, чтобъ онъ какъ возможно наискорѣе состоящею на самомъ ихъ пути Татищеву крѣпость занялъ; какъ скоро господинъ генералъ-маіоръ Фрейманъ пріѣдетъ, то еще отдѣля отъ себя человѣкъ до трехъ сотъ пѣхоты и изъ Башкирцевъ половинное число (если оныя со мною соединятся) отправлю для подкрѣпленія его полковника Чернышева. Съ увѣщательнаго же манифеста печатные экземпляры по положенію господиномъ Казанскимъ губернаторомъ разосланы для публикованія во всѣ здѣшнія окрестныя мѣста, да и въ самую толпу (какъ зная по послѣднимъ извѣстіямъ стоитъ подъ Оренбургомъ по рѣкѣ Сакмарѣ до Сакмарскаго казачьяго городка) нѣсколько экземпляровъ стараться буду изъ ближнихъ жительствъ переслать.

Всемилостивѣйшая Государыня
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Василей Каръ.

Октября 31-го дня 1773 года [1]).
Кичуевскій фельдшанцъ.

---

[1]) Отъ того же числа Каръ послалъ письмо къ гр. Чернышеву и рапортъ въ Воен. коллегію, см. Инсп. Деп. I, 189—192.

III.

(Исп. Деп. книга I, стр. 193).

Отвѣтъ графа Чернышева.

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 15 дня 1773 года.

Государь мой Василій Алексѣевичъ!

Возвращая вручителя сего, приношу я вамъ признательную благодарность за почтенное ко мнѣ письмо отъ 31 минувшаго октября, а на рапортъ вашъ отъ того же числа препровождаю здѣсь указъ изъ Военной коллегіи.

Весьма изрядно учинить вы изволили, предписавъ Синбирскому коменданту преградить у плутовской толпы путь на случай ихъ бѣгства по услышаніи о приближеніи къ нимъ военныхъ командъ, и я надѣюся что и впрочемъ ни малѣйшаго упущено вами не будетъ, что послужитъ только къ желаемому совершенію порученной вамъ коммисіи и къ захваченію въ руки самаго бездѣльника Пугачева; что жъ когда происходить у васъ будетъ, прошу сколь чаще можно меня увѣдомлять.

Пребывать честь имѣю съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

VI.

(И. Д. I, 194).

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 15 дня 1773 года.

Указъ къ генералъ-маіору Кару.

Рапортъ вашъ г. генералъ-маіора отъ 31 минувшаго Октября съ приложеніемъ его исправно здѣсь полученъ. Возвращая симъ вручителя его, не можетъ Коллегія обойтиться, чтобъ по важности предмета не подтвердить вамъ еще о приложеніи всего старанія своего и употребленія всѣхъ тѣхъ средствъ, кои въ возможности только быть могутъ, къ исполненію порученной вамъ коммисіи и захваченію самого злодѣя Пугачева, не давъ ему уклониться бѣгствомъ.

Хотя Коллегія надѣется что теперь уже вы извѣстны, какія командующимъ въ Сибири войсками господиномъ генералъ-поручикомъ и кавалеромъ Деколонгомъ по полученнымъ о помянутомъ злодѣѣ извѣстіямъ сдѣланы со стороны его распоряженія, однакожъ не оставляетъ и здѣсь приложить вамъ для свѣдѣнія съ двухъ полученныхъ отъ него 13 сего мѣсяца рапортовъ копіи, о томъ же, что по высочайшему именному Ея Императорскаго Величества соизволенію вы отсюда отправлены, ему господину генералъ-поручику изъ Коллегіи знать дано.

V.

(И. Д. I, 213).

Въ Государственную военную коллегію

отъ генералъ-маіора и кавалера Кара рапортъ.

Хотя я отправленнымъ 2 числа сего мѣсяца въ Государственную военную коллегію послѣднимъ моимъ рапортомъ и доносилъ, что слѣдующему по но-

вой Московской дорогѣ премьеръ-маіору фонъ-Варнстеду, по распоряженію моему, должно было занять тогда деревню Сарманаеву; но какъ противъ росписанія по почтовому календарю оказалось въ верстахъ великое излишество, а въ добавокъ того настали жесточайшіе морозы, и гдѣ я полагалъ одинъ маршъ сдѣлать, тутъ уже сохраняя солдатъ, чтобъ не перезнобились, принужденъ на двое оные дѣлить; но и въ семъ случаѣ нѣсколько человѣкъ оставилъ больныхъ, слѣдовательно и не можно было такъ поспѣшить, какъ я надѣялся; а потому до сего числа я насилу могъ только занять деревни Мустафину и Сарманаеву; между же тѣмъ по полученнымъ о злодѣйской толпѣ извѣстіямъ услышалъ, что бездѣльникъ Пугачевъ съ надежными своими разбойниками прижался въ уголъ къ устью Сакмары рѣки, пониже Бердинской слободы, верстахъ въ двухъ подлѣ Ахтубинской горы, около озера, какъ видно съ намѣреніемъ бѣжать Заяицкою степью; чего для я въ разсужденіи малоселеніевъ, а командъ пріумноженія, запасаюсь теперь на нѣсколько дней провіантомъ, и поджидая сзади гранодеръ и прибывшей еще 1 ноября въ Казань артиллеріи, въ коей, какъ отъ меня уже Государственной военной коллегіи донесено, больше людей настоитъ нужда: однакожъ все, хотя помаленьку, да подаюсь впередъ и буду стараться, не уважая если и слѣдуемыя въ назначенную мною деревню Бихкулову Башкирцы и Мещеряки не успѣютъ со мною соединиться, наступать прямо на сего злодѣя, почему и опасаюсь, чтобъ онъ, не дождавшись меня, не бросился по Яицкой линіи, или, перебравшись за рѣку, не пошелъ Киргизскою степью; то къ пресѣченію сего его злодѣйскаго побѣга посланнымъ 4-го числа, съ нарочнымъ курьеромъ, идущему по Самарской линіи и занявшему уже Сорочинскую крѣпость полковнику и Синбирскому коменданту Чернышеву ордеромъ предписалъ: елико можно скоряе войти въ Татищеву крѣпость и, будучи уже въ такомъ положеніи готовымъ ко всегдашнему нападенію на сихъ бродягъ, слѣдовать съ должною по воинскимъ регуламъ предосторожностію въ Чернорѣченскую крѣпость, назирая между тѣмъ съ крайнимъ тщаніемъ движенія сихъ злодѣевъ: и какъ они уже не въ состояніи по довольной его пѣхотѣ и артиллеріи на него нападенія съ успѣхомъ сдѣлать, а также, какъ думать надобно, будутъ уклоняться и отъ него, и, имѣя свободной только себѣ проходъ въ Киргизскую степь, станутъ перебираться за Яикъ, то въ семъ случаѣ рекомендовалъ ему Чернышеву не оставить всякій вредъ и нападеніе на сихъ злодѣевъ сдѣлать; ибо если я не успѣю поспѣшить, то по крайней мѣрѣ для преслѣдованія въ тылъ вышлется и изъ города Оренбурга за ними корпусъ, почему ему въ сихъ обстоятельствахъ, уже слѣдуя по правой сторонѣ Яика, чинить симъ измѣнникамъ всѣми силами всевозможной вредъ и истребленіе; а я не премину подкрѣпить его людьми и снабжать провіантомъ и фуражемъ, дабы въ преслѣдованіи томъ ни въ чемъ недостатка ему не было. Получа жъ тотъ ордеръ, велѣлъ ему Чернышеву меня рапортовать, во сколько дней, употребя всю возможную поспѣшность, въ назначенное послѣднее ему мѣсто надѣется дойти, чтобъ я потому могъ расположить и мой маршъ, дабы первымъ моимъ наступленіемъ не отогнать сего злодѣя отъ теперешняго мѣста, чрезъ что въ преслѣдованіи подвержены будемъ лишнимъ затрудненіямъ; а чтобъ и господинъ Оренбургской губернаторъ былъ о маршѣ моемъ свѣдомъ и въ случаѣ атаки услыша пальбу могъ высылкою изъ города мнѣ вспомоществовать, съ нарочными Татарами, если могутъ они пройти въ городъ, послалъ извѣстіе; о кочующихъ же Башкирцахъ, обитающихъ близь Стерлитамацкой пристани, я уповаю Государственная военная коллегія чрезъ его высокопревосходительство господина Казанскаго губернатора уже получила свѣдѣніе о присланномъ къ нему изъ Уфимской провинціальной канцеляріи увѣдомленія, что они, въ командированіи ихъ для

отнятія у везущихъ съ Овзяно-петровскаго Демидова заводу крестьянъ, артиллеріи, пороху, и ядеръ, поступили весьма предосудительно, и подали случай тѣмъ злодѣямъ въ толпу все то безпрепятственно довезть, которой презрительной поступокъ видя, а изъ онаго и худую располагая въ нихъ надежду, писалъ я къ находящимся на Стерлитамацкой пристани у сбору сихъ людей коллежскому ассесору и Уфимской Канцеляріи воеводскому товарищу Богданову; а особливо вызванному Казанскимъ господиномъ губернаторомъ для уговариванія сихъ народовъ и утвержденія въ вѣрности секундъ-маіору Тевкелеву, чтобы они трудились поощрять ихъ къ надлежащему исполненію вѣрноподданнической должности обнадеживаніемъ всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества благоволенія; а напротивъ того неисполнителямъ представили бъ угрожаемую имъ совершенную за то гибель, чего для старались бы и они показать свои заслуги отличною службою, за которую не только получатъ въ проступкѣ своемъ прощеніе, но такъ же какъ и прочіе не лишены будутъ высочайшей Ея Императорскаго Величества милости; въ чемъ и надѣюсь, что секундъ-маіоръ Тевкелевъ, подражая покойному отцу своему, не оставитъ опытомъ своей вѣрности и усердія во всемъ томъ успѣть; и какой изъ того плодъ будетъ, впредь донесть не премину. Въ заключеніе же сего, въ какомъ числѣ людей теперь моя по Московской дорогѣ команда состоитъ, объ ономъ включаю у сего къ свѣдѣнію подробный рапортъ [1]).

Генералъ-маіоръ Василей Каръ.

Ноября 6 дня 1773 года
д. Сарманаева.

VI.

(И. Д. I, 217).

Въ Государственную военную коллегію

генералъ-маіора и кавалера Кара рапортъ.

Отъ 6 числа сего Ноября, отправленнымъ изъ деревни Сарманаевой съ нарочнымъ курьеромъ рапортомъ Государственной военной коллегіи доносилъ, что я въ разсужденіи малоселеніевъ, а командъ пріумноженія запасаться началъ на нѣсколько дней провіантомъ; и во ожиданіи артиллеріи и второго гранодерскаго полку гранодеръ намѣренъ былъ помаленьку подаваться впередъ, чая при томъ всегдашняго съ собою соединенія слѣдуемыхъ изъ Уфы въ назначенную мною деревню Бихкулову Башкирцевъ и Мещеряковъ, слѣдовательно и располагалъ такъ мои мѣры. А между тѣмъ 7 числа отъ находящагося на Стерлитамацкой соляной пристани коллежскаго ассесора и Уфимскаго воеводскаго товарища Богданова получилъ я рапортъ, что бѣжавшій изъ Оренбурга ссыльный разбойникъ Хлопуша (который, какъ слухъ носится, не только состоитъ у злодѣя Пугачева въ ближнихъ, но иногда и подобнымъ ему себя представляетъ предъ народомъ во время допущенія сей черни къ рукѣ, для закрытіа рваныхъ своихъ ноздрей и знаковъ на щекахъ надѣваетъ сѣтку, а иногдя рукавомъ будто бы отъ холоду закрываетъ себѣ носъ) пробирается въ толпу съ Овзяно-петровскаго Демидова завода съ возмутившимися крестьянами подъ

---

[1]) Изъ этого рапорта видно, что у Кара было всего на лицо армейскихъ и гарнизонныхъ чиновъ 1369, да нерегулярныхъ 96 человѣкъ. Артиллеріи: единороговъ 1, пушекъ 4, ящиковъ съ снарядами 11, патронныхъ 3, артиллерійскихъ служителей всего 25 человѣкъ.

препровожденіемъ пяти сотъ человѣкъ Башкирцевъ, и везетъ пушки и мортиры, и что онъ Богдановъ послать за сими злодѣями Башкирцевъ не надеженъ, потому что въ препровожденіи сихъ крестьянъ Башкирцы жъ (то де они другъ противъ друга поиску учинить не могутъ, а опасно чтобъ и сами къ нимъ не пристали): я услыша о злодѣяхъ оныхъ хотѣлъ перехватить ихъ въ деревнѣ Имангуловѣ, состоящей по Московской дорогѣ за Бихкуловской станицей, въ десяти верстахъ къ сторонѣ Оренбурга, почему того жъ числа я приказалъ Нижегородскихъ баталіоновъ секундъ-маіору Шишкину съ четырмя стами рядовыхъ и двумя пушками, выступя изъ Мустафиной, занять деревню Юзееву, а самъ съ господиномъ генералъ-маіоромъ Фрейманомъ, прибывшимъ лишь тогда ко мнѣ, и съ премьеръ-маіоромъ фонъ-Варнстедомъ съ достальными людьми изъ Сарманаевой пятьдесятъ пять верстъ за нимъ въ Юзееву жъ старался перейти; но на дорогѣ верстахъ въ пятнадцати недоходя Юзеевой помянутой секундъ-маіоръ Шишкинъ меня рапортовалъ, что авангардъ его, состоящій въ числѣ семидесятъ пяти рядовыхъ пѣхоты и конныхъ Казанскихъ служилыхъ Татаръ тридцати двухъ, поселенныхъ двадцати четырехъ и экономическихъ крестьянъ тридцати шести, подъ самой Юзеевой деревней злодѣйская партія стахъ въ четырехъ или болѣе атаковала; при чемъ тотчасъ осьмнадцать человѣкъ Татаръ къ злодѣямъ безъ малѣйшаго сопротивленія предались, по поводу которому и прочимъ кричали о таковой же сдачѣ съ разными обѣщаніями; но вмѣсто того отъ пѣхоты отвѣтствовано было выстрѣлами; почему, а особливо увидя по дорогѣ слѣдующаго секундъ-маіора Шишкина, убитыхъ и раненыхъ своихъ подхватя въ бывшія при нихъ сани, ускакали за деревню; въ которомъ происшествіи и съ нашей стороны легко ранено поселенный капралъ одинъ, гарнизонный рядовой одинъ; я вступя въ Юзееву часа четыре уже ночи и учредя ихъ пѣхоты пикеты, а за малоимѣніемъ и совершенною неспособностію оставшей у меня конницы въ разъѣзды и присмотръ ни подъ какимъ видомъ употребить было некого, то для учиненія надъ тѣми злодѣями поиску ожидалъ свѣту; а 8 числа на зарѣ оказалось ихъ и предо мною сотъ до шести съ одною трехъ-четвертною пушкою; и въ подъѣзжаніи къ оставшимъ нашимъ коннымъ уговариваны они были, чтобъ признавъ свое заблужденіе отстали отъ чинимаго ими злодѣянія; при чемъ и увѣщательный манифестъ приняли: однакожъ ни малѣйшаго дѣйствія въ нихъ то не произвело, а отвѣтствовали только съ бранью что ихъ манифесты правѣе, и начали стрѣлять изъ пушки, но по нѣсколькихъ выстрѣлахъ изъ нашей артиллеріи совсѣмъ исчезли; а въ полуночное время часовыми услышаны позади меня верстахъ въ десяти выстрѣла четыре пушечныхъ, почему я, видя сихъ злодѣевъ у себя уже за спиною и тѣмъ комуникацію мою подверженною опасности, а къ тому надеженъ былъ прибытія тогда къ себѣ второго гранодерскаго полку съ поручикомъ Карташевымъ команды (какъ онъ напередъ съ присланнымъ ко мнѣ подпоручикомъ Татищевымъ рапортовалъ, что она состояла всего въ числѣ субалтернъ офицеровъ четырехъ, унтеръ офицеровъ пяти, капраловъ девяти, гранодеръ сташестидесятъ двухъ, съ имѣющимися въ томъ счетѣ слабыми тремя гранодерами да отъ жестокихъ морозовъ познобленными унтеръ-офицеромъ однимъ, капраломъ однимъ, гранодерами осмнадцатью), при томъ же и Башкирцевъ нѣсколько сотъ ожидалъ къ себѣ въ скорости въ соединеніе, то чтобъ не послѣдовало отъ сихъ злодѣевъ какого тѣмъ заднимъ моимъ командамъ притѣсненія, а къ тому по колеблемости Башкирцевъ и Мещеряковъ, опасаясь и совсѣмъ ихъ потерять, тотчасъ велѣлъ готовиться къ маршу; и какъ лишь вышелъ изъ деревни, построясь ко всегдашнему отпору, то во время сего слѣдованія со всѣхъ сторонъ, а особливо изъ деревни Юзеевой отъ Оренбурга, наскакало сихъ злодѣевъ на меня верхами болѣе двухъ тысячъ человѣкъ, и, подвезя артиллеріи девять орудій,

начали стрѣлять ядрами и гранатами, которыя подыманы были пушечныя двѣнадцати, шести и трехъ-фунтовыя, а единорожныя гранаты и ядра осьми-фунтовыя; но какъ по неимѣнію при мнѣ легкихъ войскъ не можно мнѣ было ничего съ ними сдѣлать кромѣ что отстрѣливаться по ихъ батареямъ изъ имѣвшагося со мною одного осьмифунтоваго единорога, подъ которымъ на послѣдокъ подбили лафетъ, и четырехъ трехъ-фунтовыхъ пушекъ, изъ коихъ три весьма безнадежныя, а изъ ружей стрѣлять кромѣ отобранныхъ стрѣлковъ, которые только подходя изъ-за пригорковъ нѣсколько человѣкъ изъ подъѣзжающихъ убили и ранили, никому не доставалось, потому что сіи разбойники гикая вокругъ по степи на пушечный выстрѣлъ разсыпались весьма рѣдко; и такъ я по множеству случившихся дефилеевъ маршируя семнадцать верстъ отстрѣливался восемь часовъ, во время котораго нападенія сколько побитыхъ и тяжело раненыхъ людей, при семъ включаю подробную вѣдомость; изъ конныхъ же моихъ, какъ скоро сильная канонада началась, то тридцать одинъ человѣкъ экономическихъ крестьянъ тотчасъ ускакали въ злодѣйскую шайку; да и солдаты вслухъ кричать начинали что бросятъ ружья; что, какъ я примѣчаю, произошло больше отъ того, что люди собранные изъ разныхъ командъ и то либо очень стары, или недавно изъ рекрутъ, а офицеры отъ большой части молодые и небывалые на сраженіяхъ: слѣдовательно и насилу могли мы съ г. генералъ-маіоромъ Фрейманомъ и премьеръ-маіоромъ фонъ-Варнстедомъ, бросаясь во всѣ стороны, ободрить ихъ; Мещеряковъ же и Башкирцевъ во время еще начала сего происшествія съ подпоручикомъ княземъ Ураковымъ было ста полтора въ деревнѣ Сарманаевой, которые, услыша пушечную стрѣльбу, не только чтобъ постарались придти ко мнѣ въ сикурсъ, но не слушая его, князя Уракова, уѣхали въ сторону, верстъ за тридцать; о чемъ Государственная военная коллегія изъ приложеннаго при семъ оригиналомъ его князя Уракова рапорта яснѣе усмотрѣть соизволитъ, а потому и можно видѣть какой отъ нихъ надежды ожидать. Сіи всѣ обстоятельства соображая вмѣстѣ, и видя изъ регулярныхъ своихъ командъ второго гренодерскаго полку поручика Карташева со всѣми гранодерами (кромѣ присланнаго напередъ подпоручика Татищева), по полученному чрезъ выбѣгшихъ отъ измѣнниковъ двухъ Татаръ, бывшихъ въ подводчикахъ, извѣстію, захваченнаго злодѣями, кои столь ѣхали оплошно, что, пренебрегая данныя во время наѣзду на нихъ на дорогѣ отъ меня и отъ г. генералъ-маіора Фреймана, о имени всякой воинской предосторожности ордера, не довольно ружей заряженныхъ не имѣли, но и каждой въ своихъ саняхъ спалъ; и какъ были отъ злодѣевъ атакованы, то съ четырехъ пушечныхъ выстрѣловъ отдались, изъ которыхъ семь человѣкъ убито, а офицеры всѣ переколоты; въ сіи жъ два дни не только выстрѣлялся я ядрами, коихъ осталось у всѣхъ орудій сто шестьдесятъ семь, но и канонеровъ, кромѣ одного изъ Казанскихъ, знающихъ не находится, ибо одинъ изъ его сотоварищей убитъ, а другой тяжело раненъ; почему, какъ для призванія къ себѣ Башкирцевъ и удобнаго доставленія провіанта, такъ обожданія идущей артиллеріи и двухъ ротъ гранодеръ, къ тому жъ и истребованія изъ Казани снарядовъ, да изъ артиллерійскихъ штабъ-офицера одного, оберъ-офицера одного жъ, съ нѣсколькими искусными канонерами, принужденнымъ нашелся сдѣлать изъ малоселеніевъ уже три марша и дошелъ теперь до деревни Дюсметевой, гдѣ явилось ко мнѣ при старшинѣ Юсупѣ Надыровѣ пятьдесятъ семь человѣкъ Тархановъ и Башкирцевъ; да при сотникѣ Суюшѣ двадцать человѣкъ Мещеряковъ, въ коихъ, хотя для чиненія объѣздовъ крайняя настоитъ нужда; ибо солдаты отъ часу болѣе по умножающимся жесточайшимъ морозамъ не довольно одряхлѣли, но многіе и перезнобились, да и я самъ отъ чрезвычайной сей стужи дни три какъ лихорадку имѣю: а пользовать некому,

затѣмъ что взятой изъ Казани лѣкарь убитъ; для жъ сохраненія солдатъ отъ дальнѣйшаго по жесточайшимъ морозамъ изнуренія весьма нужно покупить на нихъ шубы, онучи и лапти, что я и приказалъ. Государственной же военной коллегіи сверхъ сего осмѣливаюсь въ разсмотрѣніе представить, какъ злодѣйская измѣнническая толпа до такого усиленія дошла, что имѣетъ у себя до семидесятъ орудій артиллеріи; пороху жъ и ядеръ изъ крѣпостей и заводовъ побрала премножество; а сверхъ того бомбъ и ядеръ на Овзянопетровскомъ Демидова заводѣ наливъ довольное число провезли въ сію жъ злодѣйскую шайку; то по такому усиленію и раззоренію близь-лежащихъ къ ней жительствъ, какъ то мнѣ случилось, что опасаясь сихъ измѣнниковъ слишкомъ за полтораста верстъ отъ Оренбурга, обыватели забравъ своихъ женъ и дѣтей отъ приходу моихъ командъ разбѣжались по степи и покинули деревни почти совсѣмъ пустыми; изъ оставшихъ же нѣкотораго числа самыхъ стариковъ сколько не увѣщалъ я, чтобъ возвращались въ домы, но безъ успѣха; слѣдовательно ни хлѣба ни подводъ уже у нихъ достать нельзя; и если по собраніи опять впередъ идти, не имѣя легкихъ войскъ съ собою, то тѣ злодѣи не допустятъ трехъ маршей на себя сдѣлать чтобъ не понудить меня выстрѣлить по нихъ всѣ мои заряды почти безъ всякой пользы; а не отвѣчать имъ на ихъ выстрѣлы, какъ я выше доносилъ Государственной военной коллегіи, что люди не тверды а можетъ самымъ дѣломъ побросаютъ ружья, а оттерпливаться молча не станутъ. И такъ, когда совсѣмъ сихъ измѣнниковъ искоренить, то непремѣнно надобно, чтобъ въ прибавокъ ко всѣмъ наряженнымъ командамъ присланы были сюда цѣлой полкъ, а не команды пѣхотной, да полки жъ карабинерной и гусарской съ одними сѣдлами и оружіемъ на почтовыхъ подводахъ, подъ которыхъ у Башкирцевъ легче можно достать лошадей нежели надѣяться отъ нихъ вѣрности, потому болѣе что они совсѣмъ драться доброй воли не имѣютъ. Но неминуемо также потребна артиллерія со всѣми служителями, кузнецами, плотниками и двойнымъ комплектомъ зарядовъ шести-фунтоваго калибра, пушекъ восемь и четыре двѣнадцати-фунтовые единорога, безъ сего жъ съ одною пѣхотою по совершенной на Башкирцевъ безнадежности совсѣмъ способу нѣтъ дѣйствовать для того, что сіи злодѣи ничего не рискуютъ, а чиня всякія пакости и смертныя убивства какъ вѣтеръ по степи разсѣваются, а артиллеріею своею чрезвычайно вредятъ; отбивать же ее атакою пѣхоты также трудно, да почти и нельзя, потому что они всегда стрѣляютъ изъ нея, имѣя для отводу готовыхъ лошадей, и какъ скоро приближаться пѣхота станетъ, то они, отвезя ее лошадьми далѣе на другую гору, и опять стрѣлять начинаютъ: что весьма проворно дѣлаютъ и стрѣляютъ не такъ какъ бы отъ мужиковъ ожидать должно было; о Калмыкахъ же я уповаю Государственная военная коллегія извѣстна что оные всѣ въ толпу отдались. По таковой перемѣнѣ моихъ распоряженій, и къ полковнику и Синбирскому коменданту Чернышеву посланнымъ 10 числа ордеромъ предписалъ, чтобъ онъ далѣе уже Переволоцкой крѣпости не ходилъ и остановясь сколько можно укрѣпился, стараясь при томъ запастись провіантомъ и фуражемъ, учредя оному безопасной къ себѣ провозъ, а въ случаѣ какой либо непредвидимости и опасности его комуникаціи въ подвозѣ провіанта, въ томъ отдалъ на его распоряженіе: опять ли до Сорочинской отступить, или тутъ держаться, если можно; дабы прикрывать Самарскую линію и о состояніи его приказалъ ему почаще меня рапортовать. Подробныхъ же о злодѣйской толпѣ свѣдѣній никакими обѣщаніями посланнымъ шпіонамъ, достать по сіе время не могу, кромѣ что съ моими записками прямо къ измѣнникамъ являются и объ нашемъ состояніи все сказываютъ; что изъ переговоровъ въ подъѣздѣ съ нашими казаками одного злодѣйскаго начальника всѣ мои извѣстія, какъ господину

Оренбургскому губернатору, такъ и къ полковнику Чернышеву посланныя, отъ слова до слова точно пересказаны; и такъ, въ семъ случаѣ, Оренбургу нынѣ скорое вспомоществованіе доставить только можно той части войскамъ, которыя съ Сибирской линіи сбираются въ Озерной крѣпости съ бригадиромъ Корфомъ (у коего въ корпусѣ, по увѣдомленію меня господиномъ Казанскимъ губернаторомъ, состоитъ четыреста человѣкъ присланныхъ изъ Сибири линейныхъ казаковъ, и кромѣ собранныхъ гарнизонныхъ, три легкія полевыя команды и не малое число артиллеріи). Сей же часъ отъ выбѣгшаго изъ захваченныхъ злодѣями коннаго поселеннаго солдатскаго сына Поваляева получено извѣстіе, что онъ, будучи отвезенъ ими въ деревню Бихкулову, слышалъ отъ измѣнниковъ что гранодеръ взятыхъ отослали къ предводителю ихъ, находящемуся въ Пречистенской крѣпости, и повидимому оные злодѣи расположились отъ Бердинскаго городка въ Каргалинской слободѣ въ Сакмарѣ, въ Тимашева селѣ Никольскомъ и въ Пречистенской крѣпости, да въ деревняхъ Бихкуловой и Имангуловой и въ прочихъ вокругъ себя верстъ за восемьдесятъ жительствахъ по умноженію своему разсыпались.

Генералъ-маіоръ Василей Каръ.

Ноября 11 дня 1773 г.
д. Дюсметева.

VII.

(И. Д. I, 224).

Милостивый государь графъ Захаръ Григорьевичъ! [1])

Изъ отправленнаго съ симъ курьеромъ въ Государственную военную коллегію моего рапорта ваше сіятельство яснѣе усмотрѣть соизволите, въ какихъ я теперь обстоятельствахъ нахожусь; чего для покорнѣйше прошу сколько можно скоряе усилить меня артиллеріею, полкомъ пѣхоты, а особливо карабинерами и гусарами; ибо безъ того съ успѣхомъ поиску къ истребленію бездѣльника Пугачева никакого способу не остается сдѣлать; да и въ прошедшемъ съ ними дѣлѣ, когда бъ я имѣлъ вѣрной только конницы человѣкъ пятьсотъ, то бы непремѣнно всѣхъ ихъ истребилъ и артиллерію отнялъ. Почему теперь принужденъ только маячить, а къ Оренбургу идти, то надобно всю собранную горстку людей отъ морозовъ и злодѣйской кононады безплодно только потерять; въ полѣ вышины занимать не можно; и въ деревняхъ, по рѣдкости ихъ и по состоянію все въ ямахъ, окружаемыхъ горами, никакъ держаться нѣтъ средствъ; для того что по чрезмѣрной стужѣ людей тотчасъ всѣхъ перезнобишь, безъ провіанту и безъ выстрѣловъ останешься, и если ваше сіятельство не соизволите уважить представляемыхъ мною резоновъ, то по генеральному въ семъ краю колебанію и застращиванію народовъ кудыбъ сей злодѣй не пошелъ, вездѣ принятъ будетъ; и когда присылкою тѣхъ требуемыхъ мною войскъ и артиллеріи поспѣшить не соизволите, въ такомъ случаѣ возгорѣвшееся сіе пламя надобно много уже трудиться утушать; пришествіе жъ оныхъ войскъ и артиллеріи, хотя тѣ части здѣшнихъ мѣстъ въ надеждѣ на успѣхи поисковъ надъ сими злодѣями держать станетъ, да и сами разбойники, услыша противъ себя надежныя легкія войска, неминуемо въ колеблемость придутъ и принуждены будутъ собраться къ совершенной своей гибели въ кучу; ибо оные, при первой встрѣчѣ, все преимущество наше оче-

[1]) Чернышевъ, президентъ Военной коллегіи.

видно усмотрятъ, а сраженіе нынѣшнее и пуще головы сихъ злодѣевъ развратило, потому что они себя видѣли въ безопасности; донеся жъ о семъ, надѣюсь что по прозорливости вашего сіятельства тѣ мои представленія, какъ весьма нужныя, принять соизволите, и во ожиданіи на оныя соотвѣтствія, съ моимъ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію пребуду и проч.

Ч. 11 ноября 1773 году
д. Дюсметева.

P. S.

Пока еще слѣдуемыя сюда войска сбираются, учредивъ все нужное, по обстоятельствамъ, въ которыхъ мы есть, для переговору съ вашимъ сіятельствомъ о многихъ сего края подробностяхъ, поруча команду г. генералъ-маіору Фрейману (которой мнѣ кажется человѣкъ хорошій и ничего нужнаго къ исполненію не упуститъ) намѣренъ я отъѣхать въ Петербургъ, ибо то время, которое употреблю на ѣзду свою и съ возвратомъ, здѣсь безъ всякихъ предпріятіевъ протечетъ! чего для вашего сіятельства, какъ моего милостивца, и покорно прошу объ ономъ пріѣздѣ моемъ предупредить, всѣ жъ тѣ повелѣнія, которыя придти сюда на мое имя могутъ, прикажу распечатывать и исполнять ему жъ генералъ-маіору Фрейману.

Василей Каръ.

VIII.

(И. Д. I, 226).

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 25 дня 1773 года.

Государь мой Василій Алексѣевичъ!

Сейчасъ получаю рапортъ и письмо ваше отъ 11 сего мѣсяца и предоставляя себѣ отвѣтствовать на содержаніе оныхъ съ отправляемымъ вслѣдъ сего курьеромъ, чрезъ теперешняго нарочнаго скажу только вамъ, что изъявленное въ постскриптѣ помянутаго письма намѣреніе ваше, чтобъ оставя порученную команду ѣхать сюда, учинили вы неосмотрительно, и буде оное исполните, то поступите точно противу военныхъ регулъ, а для того, симъ предупреждая, рекомендую вамъ отнюдь команды своей не оставлять и сюда ни подъ какимъ видомъ не отлучаться; а буде уже въ пути сюда находитесь, то гдѣ бъ вы сіе письмо не получили, хотя бы то подъ самымъ Петербургомъ, изволите тотчасъ съ того мѣста, не ѣздя далѣе, возвратиться, и какъ наискорѣе ѣхать къ порученной вамъ командѣ, куда всемѣрно не замедлится доставлена вамъ быть вся требуемая нынѣ и впредь по представленіямъ вашимъ резолюція.

Пребывать честь имѣю съ совершеннымъ почтеніемъ
вашего превосходительства покорный слуга
Графъ З. Чернышевъ.

IX.

(И. Д. I, 228).

въ С.-Петербургѣ, Ноября 25 дня 1773 года.

Къ главнокомандующему въ Москвѣ князю Волконскову.

Милостивый государь мой князь Михайло Никитичъ!

Я имѣлъ честь исправно получить почтеннѣйшее писаніе вашего сіятельства отъ 20 сего Ноября и непремину о нужной прибавкѣ къ сторонѣ Орен-

бурга войскъ стараться спосп҃ѣшествовать, въ чемъ теперь и упражняюсь, между тѣмъ же, усмотря изъ письма ко мнѣ генералъ-маіора Кара неосмотрительное намѣреніе его, чтобъ оставя команду ѣхать сюда для нѣкоторыхъ по порученной ему комиссіи изъясненій, отправляю сего нарочнаго съ письмомъ къ нему, чтобъ отнюдь команды не оставлялъ и сюда бы не ѣздилъ; и буде уже въ дорогѣ, то бъ съ того жъ мѣста, гдѣ письмо мое получитъ, къ командѣ возвратился; на случай же, если бы курьеръ съ нимъ какъ нибудь разъѣхался, включаю у сего съ онаго моего письма дупликатъ, и покорнѣйше вашего сіятельства прошу оной ему, какъ скоро онъ въ Москву пріѣдетъ, вручить, приказавъ наблюсти на почтовомъ дворѣ и гдѣ слѣдуетъ, чтобъ онъ, не бывши у вашего сіятельства, Москвы проѣхать не могъ.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершеннѣйшею преданностію на всегда пребываю

вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Гр. З. Чернышевъ.

X.

(Н. Д. I, 311).

Въ Государственную военную коллегію

генералъ-маіора и кавалера Кара рапортъ.

Ея Императорскаго Величества указъ изъ оной коллегіи отъ 4 числа сего ноября подъ № 433 объ отправленіи ко мнѣ дву двѣнадцати-фунтовыхъ орудій со всѣми принадлежащими къ нимъ зарядами, артиллерійскими служителями и фурлейтами, при одномъ артиллеріи оберъ-офицерѣ, я сего числа по новой Московской дорогѣ въ деревнѣ Кутлумбетевой чрезъ нарочнаго курьера Шестова получилъ. На который Государственной военной коллегіи осмѣливаюсь еще представить, что и за доставленіемъ сихъ орудій сюда, будетъ въ артиллеріи недостатокъ, какъ я уже объ ономъ отъ 11 числа сего Ноября рапорттомъ моимъ доносилъ; и если тѣхъ требуемыхъ мною шести-фунтовыхъ восьми пушекъ и двѣнадцати-фунтовыхъ четырехъ единороговъ, да особливо цѣлаго пѣхотнаго полка, и по полку карабинеръ и гусаръ прислано сюда въ скорости не будетъ, то съ собранною нынѣ разныхъ командъ пѣхотою не только атаковать всю злодѣйскую толпу, но и отдѣленныя отъ оной для грабительствъ и раззореній съ пушками партіи прогонять способу нѣтъ; ибо сіи разбойники, видя, по неимѣнію противъ ихъ конницы, свои авантажи, до такой наглости дошли, какъ я сей же часъ отъ бывшаго въ селѣ Ждановѣ, лежащемъ между Бузулуцкой крѣпостью и Богорусланской слободой на пикетѣ, Казанскихъ баталіоновъ капитана Токмовцова получилъ рапортъ, что 13 сего Ноября по полудни въ 10 часу изъ злодѣйской толпы Казаковъ и Калмыковъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ съ двумя пушками уже въ село Жданово вступили, и находящихся въ деревнѣ Игнашкиной поручика Шинкарева и прапорщика Вильканца съ командами, также и ѣдущаго отъ меня къ господину полковнику и Синбирскому коменданту Чернышеву курьера, да посланнаго отъ него Токмовцова къ поручику Шинкареву солдата захватили къ себѣ: а онъ Токмовцовъ, видя себя не въ силахъ, принужденнымъ нашелся ретироваться въ Богорусланъ, гдѣ подпоручикъ Самохваловъ съ тридцатью человѣками вооруженныхъ поселенныхъ, съ коимъ по соединеніи набралось старыхъ солдатъ семь, да поселенныхъ восемьдесятъ два, чего для и проситъ отъ меня вспоможенія, котораго по неимѣнію кавалеріи подать ему съ успѣхомъ я не въ силахъ, ибо хотя высланный изъ Уфы подпоручикъ князь Ураковъ на сихъ дняхъ съ

Башкирскими и Мещерятскими старшинами у меня явился и старшины обѣщали свою команду представить въ скорости, но и до сего, чрезъ четыре дни, слишкомъ изъ тысячи на силу съ пятьсотъ человѣкъ явилось, и хотя увѣряютъ что они служить готовы, однакожъ съ трудомъ могъ выпроводить ихъ стать въ двадцати отъ меня верстахъ для чиненія разъѣздовъ, потому что какъ старшины, такъ и рядовые неотступно просили остаться при той деревнѣ, гдѣ моя пѣхота и пушки, соглашаясь и въ лагерѣ стоять; однакожъ для пробы, отдѣля изъ нихъ половину при двухъ стахъ пѣхоты съ двумя пушками, для поиска надъ показанною измѣнническою партіею отправлю: только опасаюсь чтобъ не сдѣлали того жъ, что и первая партія, слѣдующая къ деревнѣ Бихкуловой, слишкомъ же въ тысячѣ человѣкахъ подъ командою капитана князя Уракова и старшины Алибея Мурзагулова учинила: какъ то вчерашній день выбѣгшій изъ той партіи самъ-пять на деревню Кутлумбетеву Байлярской волости сотникъ Абдулъ Сырметьевъ показалъ, что сія партія 10 числа сего мѣсяца, то есть въ воскресенье, въ вечеру попалась въ плѣнъ къ злодѣямъ, а онъ отъ нихъ отшатясь и степью пробрался сюда; изъ сего Государственная военная коллегія усмотрѣть соизволитъ что какъ а представлялъ о ненадежности на сихъ народовъ, такъ и пошло открываться; ибо тысяча человѣкъ конныхъ, не видя себѣ никакого притѣсненія, поддались въ открытой степи безъ всякаго сопротивленія; то какимъ же ихъ образомъ въ настоящемъ дѣлѣ при пушечныхъ выстрѣлахъ удержать отъ того можно будетъ; почему я теперь сбирающіяся ко мнѣ достальныя Мещерятскія и Башкирскія команды и принужденъ имѣть за собою, самъ съ пѣхотою ихъ прикрываю, дабы держать оныя хотя въ видѣ на нашей сторонѣ войска коннаго до прибытія требуемыхъ отъ Государственной военной коллегіи карабинеръ и гусаръ; въ разсужденіи жъ возвышающихся отъ часу жесточайшихъ морозовъ, по отправленіи раненыхъ и трудно больныхъ въ Казань, не нахожу болѣе что дѣлать, какъ итти изъ малоселеніевъ до Богулминской слободы, въ которой, прикрывая границы Казанской губерніи, и расположиться на все сіе жестоко холодное зимнее время, потому что съ одною пѣхотою предпріять ничего не можно безъ совершеннаго ея изнуренія безъ всякаго успѣха.

Генералъ-маіоръ Василей Каръ.

Ноября 15 дня 1773 года.
д. Кутлумбетева.

XI.

(И. Д. II, 308).

Милостивый государь графъ Захаръ Григорьевичь!

Несчастіе мое со всѣхъ сторонъ меня преслѣдуетъ, и вмѣсто того, что я намѣренъ былъ для нужныхъ донесеній и переговору съ вашимъ сіятельствомъ о настоящихъ обстоятельствахъ по корпусу моему, на то время пока никакъ дѣйствовать не можно и не кѣмъ, осмѣлиться отъѣхать въ С.-Петербургъ, подхватилъ меня во всѣхъ костяхъ нестерпимый ломъ, и сколько ни старался перемочь себя, но тщетно, и будучи въ чрезвычайной слабости, принужденъ былъ, поруча корпусъ въ полную власть г. генералъ-маіору Фрейману, 18 Ноября, не доходя Бугульмы семдесятъ верстъ, отъѣхать для излѣченія въ Казань, гдѣ, по осмотрѣ лѣкарскомъ, открылась къ несчастію моему еще фистула, которую безъ операціи никакъ излѣчить не можно, къ тому жъ въ бытность мою здѣсь не только облегченія ни малѣйшаго не получилъ, а время отъ времени больше лишь умноженіе той моей болѣзни слѣдуетъ. По неимѣнію же здѣсь нужныхъ

лѣкарствъ и искусныхъ медиковъ, вышедъ изъ терпѣнія и опасаясь бо́льшаго отъ застарѣлости мученія, рѣшился для произведенія сей операціи ѣхать въ Москву, уповая на милость вашего сіятельства, что вы, между тѣмъ, по посланному отъ меня въ Государственную военную коллегію рапорту, требуемую мною о позволеніи семъ резолюцію прислать соизволите, дабы тѣмъ, въ случаѣ иногда отъ моихъ злодѣевъ въ другую сторону толковъ, отвратить было можно могущій вредъ; во ожиданіи которой вашего сіятельства милости, съ моимъ глубочайшимъ высокопочитаніемъ и преданностію пребуду,

милостивый государь, вашего сіятельства
всенижайшій слуга
Василей Каръ.

Ч. 21 ноября [1]) 1773 года. Казань.

XII.

(И. Д. I, 453).

Къ гр. З. Г. Чернышеву.

Сіятельнѣйшій графъ милостивый государь!

Какъ я уже вашему сіятельству честь имѣлъ отъ 21 числа сего мѣсяца доносить, что господинъ генералъ-маіоръ и кавалеръ Каръ по болѣзни его пріѣхалъ въ Казань. А теперь еще въ дополненіе онаго за долгъ почитаю къ свѣдѣнію вашего сіятельства чрезъ сіе покорнѣйше объявить, что онъ, побывъ здѣсь двои сутки, и по неимѣнію искусныхъ лѣкарей, а притомъ и нужныхъ медикаментовъ, не видя себѣ отъ обдержимой болѣзни облегченія, кромѣ ежечаснаго оной умноженія, 23 числа отправился отсель въ Москву. Затѣмъ съ моимъ наисовершеннѣйшимъ высокопочитаніемъ и преданностію за честь себѣ ставлю быть,

милостивый государь, вашего сіятельства
покорнѣйшій слуга
Іаковъ фонъ-Брантъ.

25 ноября 1773 года. Казань.

XIII.

(И. Д. 1, 334).

Въ С.-Петербургѣ, Ноября 30 дня 1773 года.

Указъ господину генералъ-маіору Кару [2]).

Рапорты ваши отъ 28 (sic) и 21 сего мѣсяца изъ Казани исправно въ Коллегіи получены, и Ея Императорскому Величеству всеподданнѣйше представлены были. Ея Императорское Величество, высочайше усматривая изъ оныхъ, что въ самое то время, когда предсталъ подвигъ должному вашему къ службѣ усердію и мужеству, когда высочайшей Ея довѣренности надобно вамъ было соотвѣтствовать ревностію своею къ отечеству и когда не насиліе только нѣкоторое здоровью своему сдѣлать обязывали васъ долгъ и присяга, но въ

[1]) Въ этотъ самый день Каръ прибылъ въ Казань, какъ видно изъ письма тамошняго губернатора Бранта къ Гр. Чернышеву, И. Д. I, 300.

[2]) Такого же содержанія собственноручный указъ императрицы напечатанъ Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ Ист. Пуг. 6.

случаѣ неизбѣжимости не щадить и живота своего, вы, о болѣзненномъ себѣ сказавши припадкѣ, оставили самимъ вамъ извѣстной важности постъ, сдали тотчасъ порученную вамъ команду и самовольно отъ оной удалились; а по таковой слабости духа въ персонѣ званія вашего, примѣромъ для подчиненныхъ своихъ быть долженствующей, и не находитъ Ея Императорское Величество прочности въ васъ къ Ея службѣ, высочайше повелѣвая Военной коллегіи изъ оной васъ уволить и дать вамъ абшидъ.

XIV.

(И. Д. I, 381).

Милостивый государь мой графъ Захаръ Григорьевичь!

Почтеннѣйшее письмо вашего сіятельства отъ 25 нынѣшняго Ноября я чрезъ нарочнаго курьера получить честь имѣлъ. Генералъ-маіоръ Каро (sic) съ тѣмъ посланнымъ къ нему курьеромъ отъ Москвы въ тридцати верстахъ на дорогѣ встрѣтился, сюда вчера прибылъ, а по вечеру братъ его родной и докторъ Андреянъ у меня были, объявляютъ что онъ шестнадцать день горячкою боленъ. Отъ того слабъ и ѣхать не можетъ. И какъ я еще по бывшей у меня подагрѣ съ двора не съѣзжаю, то самъ его видѣть не могъ, а письмо вашего сіятельства ко мнѣ присланное ему отослалъ.

Съ моимъ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію навсегда пребываю и пр.

Ноября 30 дня 1773 года. (?) Бибиковъ [1]).

Москва.

P. S. (Собственноручно). Пріѣздъ сюды г. Кара худыя толкованія въ публикѣ здѣсь произвелъ какъ въ положеніи Оренбургскихъ дѣлъ, такъ и его персоны, что я сердечно сожалѣю, ожидая теперь отъ вашего сіятельства что будетъ отправлено въ Казань, дабы я могъ заранѣе подставу поставить отъ Москвы до Нижегородской губерніи. Если кавалерію послать изволите, то я бы думалъ на Тихвинъ и Ярославль.

XV.

(И. Д. II, 279).

Въ Государственную военную коллегію

отъ генералъ-маіора и кавалера Кара рапортъ.

Ея Императорскаго Величества указъ изъ оной Коллегіи Декабря отъ 14 числа по № 576 мною полученъ, которымъ требуется во первыхъ на выданныя деньги 1000 р. при отправленіи къ порученной предъ симъ коммисіи на прогоны и на прочія путевыя надобности. Второе, и что при отъѣздѣ

---

[1]) Въ бумагахъ, относящихся къ Пугачевщинѣ, встрѣчаются, сверхъ Александра Ильича Бибикова, еще три лица этого имени: авторъ приведеннаго здѣсь письма, остававшійся въ Москвѣ, подписи котораго нельзя было разобрать вполнѣ; далѣе полковникъ Юрій Богдановичъ, отряженный въ январѣ 1774 на подкрѣпленіе Фреймана и отличившійся пораженіемъ мятежниковъ около Мензелинска, и наконецъ полковникъ же Василій Ѳедоровичъ, дѣйствовавшій въ сторонѣ Екатеринбурга. До сихъ поръ я не могу еще съ точностью опредѣлить, въ какомъ отношеніи всѣ эти Бибиковы находились къ Александру Ильичу.

моемъ отъ корпуса въ Казань, принято господиномъ генералъ-маіоромъ Фрейманомъ отъ меня на экстраординарные расходы денегъ 3434 р. и предписано сколько и откуда на сіе употребленіе денегъ мною получено, и изъ того числа сколько жъ въ расходъ поступило, и на что именно, и затѣмъ дѣйствительно на лицо осталось и кому отданы — подать обстоятельную вѣдомость. На что оной Коллегіи покорнѣйше доношу, на первое: какъ оныя деньги тысяча рублей выданы были мнѣ изъ оной при отправленіи къ порученной коммисіи на прогоны и на прочія путевыя надобности, изъ которыхъ я и употребилъ на покупку какъ для себя, такъ и при мнѣ бывшихъ офицеровъ и писарей, экипажей, и въ пути многократно перемѣнялъ и чинилъ отъ худой дороги ломавшіяся еще до Москвы повозки, а въ оную пріѣхавъ, и совсѣмъ принужденъ былъ къ дальнему пути новыя купить, за что по скорости времени платилъ двойныя и далѣе цѣны. Изъ Москвы жъ отправившись слѣдовалъ до Казани, и по скорости ѣзды таковыя жъ въ покупкѣ повозокъ за изломаніемъ бывшихъ имѣлъ трудности расходы. А сверхъ того по тягости для поспѣшенія бралъ излишнихъ почтовыхъ лошадей, платя двойные и тройные прогоны, и въ разсужденіи сего не токмо изъ тѣхъ денегъ ничего на осталось, но еще издержано моихъ собственныхъ. На второе: по пріѣздѣ моемъ въ Кичуевской фельдшанцъ и вступя въ командованіе тамъ войскъ находящихся, и не имѣя никакихъ денегъ на чрезвычайные расходы, требовалъ отъ Казанской губернской канцеляріи 5000 р., которые были и выданы изъ оной подъ росписку штатной Казанской роты поручика Сорокина, а оный изъ нихъ по повелѣніямъ моимъ разныя выдачи дѣлалъ, на кои отъ пріемщиковъ имѣетъ и росписки. Я жъ подробностей тѣхъ расходовъ припомнить не могу, а по отъѣздѣ моемъ оставшіяся деньги отданы господину генералъ-маіору Фрейману. Чего для, Государственной военной коллегіи представя, покорно прошу, ту подробную расходу вѣдомость, чтобъ благоволила требовать отъ вышепоказаннаго поручика Сорокина.

Василей Каръ.

Декабря 26 дня 1773 года.

БУМАГИ БИБИКОВА [1].

Два рескрипта, данные Бибикову 29 Ноября 1773 года.

I.

(Г. А. папка 2, книга I. О. DD.).

Извѣстно намъ, что содержатся въ Казани нѣсколько пойманныхъ разглашателей о самозванцѣ Пугачевѣ; почему препоручая какъ оныхъ, такъ и впредь къ сей же матеріи касающіяся дѣла въ полное ваше вѣдомство, приказали мы для оныхъ отправить съ вами нашей лейбъ-гвардіи Измайловскаго полку капитана Лунина, къ которому имѣете прибавить еще двухъ офицеровъ гвардіи

---

[1]) Здѣсь помѣщаются только такія бумаги Бибикова, которыхъ нѣтъ въ книгѣ Военно-топографическаго депо (см. выше, № 26.598), гдѣ собраны въ порядкѣ почти всѣ донесенія Бибикова о ходѣ военныхъ дѣйствій. Извлеченія изъ нихъ, одобренныя государыней, печатались въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1774 года. Съ кончиною Бибикова прекратилось обнародованіе извѣстій по этому предмету.

Для производства же повелѣли мы придать привыкшаго къ симъ дѣламъ Тайной экспедиціи секретаря Зряхова. Для ускоренія же въ производствѣ сихъ дѣлъ и для узнанія, не откроется ли иногда начало сего смятенія, имѣете ихъ отправить какъ наискорѣе.

Екатерина.

Ноября 29 1773 г.

(Получено 29 Ноября по полудни въ 7 часовъ).

II.

(Г. А. папка 2, книга I. O. DD.).

Божіею милостію мы Екатерина вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская и прочая, и прочая, и прочая.

Нашему генералу и лейбъ-гвардіи маіору Александрѹ Бибикову.

Вамъ извѣстно уже настоящее положеніе дѣлъ въ Оренбургской губерніи и степень неустройства, до котораго тамъ гражданское наше правленіе доведено измѣною и бунтомъ появившагося подъ именемъ покойнаго императора Петра третьяго, самозванца изъ бѣглыхъ Донскихъ казаковъ Емельяна Пугачева.

Чѣмъ болѣе интересуетъ общее Имперіи благо, безопасность, да и самую цѣлость оной, скорое и совершенное прекращеніе сего важнаго зла до послѣднихъ его источниковъ, тѣмъ надежнѣе избираемъ мы васъ къ тому, яко истиннаго патріота, коего усердіе къ особѣ нашей, любовь и вѣрность къ отечеству, ревность къ нераздѣльной службѣ онаго и нашей, также отличныя качества, способности и дарованія испытаны уже нами во многихъ случаяхъ [1]).

Военной коллегіи дано уже отъ насъ повелѣніе снабдить васъ въ самой скорости какъ достаточнымъ числомъ войскъ, такъ и всѣмъ нужнымъ къ составленію почтительнаго корпуса. Остальное время пребыванія вашего при дворѣ нашемъ послужитъ вамъ къ самоличному и кратчайшему сношенію и постановленію съ оною Коллегіею поспѣшнѣйшемъ и непремѣнномъ на извѣстные сроки доставленіи вамъ и того и другого, дабы у васъ по собраніи въ удобнѣйшемъ мѣстѣ по собственному вашему усмотрѣнію всѣхъ частей назначенныхъ въ команду вашу войскъ, послѣ къ прямому съ оными дѣйствованію ни въ чемъ остановки и недостатка быть не могло.

Самое же употребленіе тѣхъ войскъ, равно какъ и всѣхъ другихъ пособій къ достиженію желаемаго предмета, ввѣряя на основаніи государственныхъ нашихъ гражданскихъ и военныхъ законовъ съ полною довѣренностію собственному вашему благоразумію и усмотрѣнію впредь на мѣстѣ прямого теченія дѣлъ, восхотѣли мы между тѣмъ, для преподанія вамъ заранѣе всѣхъ отсюда зависящихъ удобностей, снабдить васъ при семъ: 1-е) отверзтымъ за подписаніемъ нашимъ указомъ ко всѣмъ нашимъ духовнымъ, военнымъ и гражданскимъ властямъ, дабы каждый изъ нихъ по требованіямъ вашимъ чинилъ скорое и точное исполненіе; 2-е) печатнымъ манифестомъ для открытія глазъ ослѣпленной черни, и для испытанія, не удастся ли симъ способомъ кротости и надеждою совершеннаго въ мимошедшемъ прощенія, обратить на истинный

[1]) Это введеніе вошло впослѣдствіи отъ слова до слова и въ рескриптъ графу П. И. Панину.

путь если не всѣхъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторую часть сообщниковъ самозванца Пугачева [1]).

Разсѣяніе сего манифеста между толпами бунтовщиковъ и въ ихъ окрестностяхъ имѣетъ натуральнымъ образомъ быть долгомъ перваго вашего попеченія, слѣдовательно же и предшествовать приготовляемому на нихъ удару всѣми вамъ порученными силами, дабы между тѣмъ въ духи ихъ вселить къ самозванцу презрѣніе, а другъ къ другу взаимную недовѣрку, чѣмъ они скорѣе всего сами собою разсыпанію и истребленію своему способствовать могутъ.

Для сего, для полученія безпосредственнымъ образомъ вѣрныхъ свѣдѣній о происходящемъ, для лучшаго по онымъ размѣра и расположенія рѣшительныхъ вашихъ мѣръ, и для удобнѣйшаго совокупленія и обращенія въ ту сторону, гдѣ бо̀льшая надобность будетъ, назначенныхъ въ команду вашу войскъ, полагаемъ мы, что на первый случай приличнѣе всего вамъ будетъ отправиться отсюда прямо въ Казань, и ожидая тамъ прибытія войскъ, наблюдать бдительнымъ окомъ всѣ движенія и предначинанія возмутителей, дабы познавъ прямо их силы, ихъ связь въ землѣ, ихъ ресурсы въ пропитаніи, ихъ внутреннее между собою управленіе, словомъ физическое и моральное ихъ положеніе во всѣхъ частяхъ онаго, послѣ съ тѣмъ большими выгодами поднять на нихъ оружіе и дѣйствовать наступательно съ тою поверхностію, каковую мужество, просвѣщеніемъ и искуствомъ руководствуемое, долженствуетъ всегда имѣть предъ толпою черни, движущеюся однимъ бурнымъ фанатизма духовнаго или политическаго вдохновеніемъ и помраченіемъ.

Между тѣмъ для употребленія въ пользу и для благовременнаго на всякій непредвидимый случай приготовленія всѣхъ въ существѣ вещей возможныхъ пособій, поручаемъ мы вамъ созвать къ себѣ все въ Казани и въ окрестностяхъ сего города находящееся дворянство, и объявя оному въ корпусѣ Монаршее наше благоволеніе, изобразить тутъ же живыми красками настоящее бѣдственное состояніе сосѣдственнаго ихъ края, опасныя изъ онаго родиться могущія слѣдствія, какъ для общей тишины, такъ и для частной ихъ самихъ безопасности, слѣдовательно же и надобность, чтобъ каждый по состоянію своего званія, силъ и достатка воспособствовалъ дѣйствительнымъ образомъ прекращенію толь вреднаго бунта и злодѣйства, присовокупляя далѣе отъ собственнаго вашего имени и лица, что какъ благородное дворянство есть во всякомъ великомъ обществѣ такой корпусъ, который всю свою отличность и знатность предъ народомъ взаимствуетъ отъ единой существительной общей надобности непремѣннаго обузданія и содержанія онаго въ порядкѣ, и который лично каждымъ членомъ онаго не инако пріобрѣтенъ, какъ въ праведное и достойное воздаяніе оказанныхъ имъ самимъ или предками его услугъ въ службѣ и защищеніи отечества, слѣдовательно же, по самому существу сего званія его, и не можетъ ни въ какихъ другихъ обстоятельствахъ настоять для него толь близкаго и свойственнаго долга и обязательства, какъ въ такомъ случаѣ внутренняго раздора и мятежа, гдѣ чернь, низвергая съ себя законное Государю и верховной его власти повиновеніе, дерзаетъ явно и вооруженною рукою возставать противу оной: то и вамъ нынѣ, яко отъ насъ уполномоченному, къ прекращенію настоящаго бѣдствія не меньше надѣяться

[1]) Этотъ манифестъ, начинающійся словами: „Нѣтъ да и не можетъ быть въ свѣтѣ общества“ помѣщенъ въ приложеніяхъ какъ въ „Запискамъ о жизни и службѣ Бибикова“, такъ и въ „Исторіи Пуг. б.“, но въ обѣихъ книгахъ ошибочно отнесенъ къ 23 числу декабря: онъ подписанъ 29 ноября и напечатанъ въ числѣ 1.200 экземпляровъ (Г. А. сенат. дѣла, книга № 136).

и ожидать должно, что и они, сколько подражая достохвальному примѣру предковъ своихъ, столько же и сами горя къ отечеству истинною любовію и непоколебимою вѣрностію, потщатся оказать себя истинными сынами и защитниками онаго, чрезъ вооруженіе по возможности нѣкотораго числа людей своихъ и чрезъ снабденіе себя всякими припасами, дабы по первому вашему въ случаѣ крайней нужды призыву, каждый изъ нихъ могъ къ вамъ явиться съ готовыми людьми, съ готовымъ оружіемъ и съ готовымъ пропитаніемъ для отраженія и пресѣченія опаснаго и поноснаго бунта черни, тѣмъ больше, что въ семъ случаѣ интересованы въ вышнемъ степени собственная ихъ и семей ихъ личная безопасность, безопасность ихъ имѣній, да и самая цѣлость дворянскаго корпуса: ибо не можетъ имъ быть закрыто, что дворяне и чиновны люди, попадшіеся донынѣ по несчастію въ руки мятежниковъ, всѣ безъ изъятія и безъ малѣйшей пощады преданы лютѣйшей и поносной смерти, котораго жребія натурально и они всѣ одинъ по другомъ ожидать долженствуютъ, если бъ, отъ чего Боже сохрани, возстаніе и мятежъ черни при самозванцѣ Пугачевѣ иногда собственнымъ ихъ нерадѣніемъ и небреженіемъ могъ переступить предѣлы Оренбургской губерніи и заразить ядомъ своимъ Казанскую.

Впрочемъ, повторяя, что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностію ввѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію возрастающихъ теперь безпокойствъ, по лучшему вашему на мѣстѣ усмотрѣнію представляющихся тамъ удобностей, и во всемъ пространствѣ государственныхъ нашихъ военныхъ и гражданскихъ законовъ, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя публикаціи, если вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности.

Да будетъ вамъ благодать Всевышняго спутникомъ и руководителемъ. Мы же усердно объ оной моля, пребываемъ вамъ за тѣмъ императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ С.-Петербургѣ ноября 29 дня 1773 года.

Екатерина.

Полученъ 1 декабря 1773 года.

III.

(И. Д. I, 353).

Въ военной коллегіи по справкѣ.

Прошлаго 1773 года ноября 30 дня рапортомъ генералъ-аншефъ и кавалеръ Бибиковъ представилъ, что по случаю отправленія его въ первую армію съ полками взято имъ въ Варшавѣ изъ экстраординарной суммы денегъ пять тысячъ червонныхъ, изъ которыхъ на оные полки ужъ нѣсколько и издержано, но въ остаткѣ имѣетъ онъ слишкомъ четыре тысячи червонныхъ, просилъ повелѣнія, куда оныя деньги употребить.

На который, посланнымъ къ нему указомъ предписано, чтобъ оставшія за расходомъ отъ взятыхъ въ Варшавѣ изъ экстраординарной суммы деньги, слишкомъ четыре тысячи червонныхъ, взялъ съ собою, которыя и употреблять при случаяхъ надобности на чрезвычайные расходы для войскъ ему ввѣренныхъ.

Съ боку приписано: „Оный г. генералъ-аншефъ по именному указу опредѣленъ былъ къ корпусу войскъ, къ сторонѣ Оренбурга находящемуся, главнымъ командиромъ.“

IV.

(И. Д. I, 396).

Указъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской изъ Государственной военной коллегіи господину генералъ-аншефу и кавалеру Александру Ильичу Бибикову.

Присланною въ Военную Медицинская коллегія промеморіею требуетъ о производженіи командированному къ вамъ г. генералъ-аншефу и кавалеру лѣкарю Роману Стефановичу жалованья въ годъ по 180 р. и о выдачѣ для исправленія въ пути нуждъ впередъ на треть, а въ случаѣ надобности и прогонныхъ денегъ, по которому изъ Медицинской коллегіи требованію для надлежащаго исполненія и онаго лѣкаря удовольствія на счетъ полевыхъ полковъ Главнаго коммиссаріата въ контору указомъ изъ Военной коллегіи предложено.

Декабря 2 дня 1773 года.

Два собственноручныя письма Бибикова къ гр. З. Г. Чернышеву съ дороги.

V.

(И. Д. II, 126).

Милостивый государь гр. Захаръ Григорьевичь!

Податель сего привезетъ къ вамъ новыя вѣсти, а самовидцы скажутъ и детали. Худо еще въ прибавокъ то, что Киргизцы начинаютъ бѣситься. Разбить каналію считаю навѣрно да отвратить разореніе потребно конныхъ людей больше: кажется, посланные изъ Новороссійской губерніи гусары къ сему всего таперь ловчае. Чтобъ по крайней мѣрѣ закрыло отъ разбойническихъ сихъ волковъ набѣговъ, пѣхоты довольно да съ нею поспѣвать не можно за симъ вѣтромъ. Я пріѣхалъ сюда 14 поутру, поѣду 17-го. Полку второго гренадерскаго баталіонъ велѣлъ вести на подводахъ. Какъ говорятъ, онъ послѣ завтре сюда будетъ.

Впрочемъ поруча себя въ милость вашу съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностію останусь и проч.

Декабря 15 дня 1773 г. Москва.

VI.

(И. Д. II, 128).

Милостивый государь графъ Захаръ Григорьевичь!

Въ самый моментъ отъѣзда моего отсель получилъ я подателя сего сержанта Брюхачева отъ князя Михаила Никитича: чтобъ узнать содержаніе писемъ и обстоятельства генералъ-поручика Колонга, я ихъ распечаталъ и прочолъ. Изъ нихъ увидѣлъ, что Башкирцы всѣ вообще взбѣсились и потому предвижу, что для усмиренія ихъ, тожъ и для предохраненія съ другой стороны отъ Киргизцовъ, конныхъ легкихъ войскъ о умноженіи въ команду мою помыслить надобно. Окончавъ сіе, сажусь въ сани и отъѣзжаю. Баталіонъ гренадеръ везенный на подводахъ вчера ввечеру сюда прибылъ.

Вашего сіятельства милостиваго государя
покорнѣйшій слуга
Александръ Бибиковъ.

Декабря 18 дня. 1773. Москва.

VII.

(И. Д. II, 301). *Секретной.*

Въ Государственую военную коллегію отъ генерала-аншефа и кавалера Бибикова репортъ.

Ея Императорскаго Величества изъ Государственной военной коллегіи указъ отъ 13 сего мѣсяца подъ № 575 и при немъ приложенную копію съ репорта, присланнаго въ Правительствующій сенатъ отъ подполковника Симонова, въ Яицкомъ городкѣ находящагося, я вчерашняго числа по прибытіи моемъ въ Нижній-Новгородъ получилъ, который повелѣваетъ мнѣ подать скорое вспоможеніе оному подполковнику Симонову. Не извѣстенъ еще будучи совершенно о всѣхъ подробностяхъ тамошняго дѣла, не могу я здѣсь и прежде пріѣзду моего въ Казань удобнаго распоряженія о семъ сдѣлать; но поспѣшая туда не оставлю я тотчасъ по прибытіи моемъ сіе Государственной военной коллегіи повелѣніе исполнить. Александръ Бибиковъ.

Декабря 22 дня 1773 года. Нижній-Новгородъ.

VIII.

(Г. А. Сен. дѣла, книга № 136).

Милостивый государь мой, князь Александръ Алексѣевичь!

Письмомъ вашимъ отъ 15 Декабря ваше сіятельство увѣдомить меня изволили, что Пр. Сенатъ возложилъ на мое разсужденіе, дабы присланныхъ въ Казань изъ разныхъ мѣстъ поселенцевъ сыскалъ я способъ, не отправляя по прежде состоявшемуся указу на прежнія ихъ жилища, распредѣлить по близости въ здѣшнихъ мѣстахъ и чтобъ я нужное для сего распоряженіе сдѣлалъ, по сношенію съ господиномъ губернаторомъ фонъ-Брантомъ. Сходно съ содержаніемъ письма вашего получилъ я здѣсь указъ Пр. сената изъ 5 Департамента, въ слѣдствіе котораго, какъ и письма вашего сіятельства, увѣдомился я отъ губернатора, что онъ, во исполненіе прежде насланнаго къ нему указа, приведенныхъ сюда поселенцевъ отправилъ уже въ жилища ихъ 3717 душъ мужеска и женска пола, а за симъ числомъ имѣетъ еще здѣсь неотправленныхъ мужеска и женска полу 911 и потому о сихъ только послѣднихъ долженъ я повелѣнное мнѣ распредѣленіе сдѣлать, что немедленно, конечно, и исполню и тогда вашему сіятельству буду имѣть честь донести, оставшись съ непремѣннымъ почтеніемъ

вашего сіятельства милостиваго государя моего

покорный и вѣрный слуга

Александръ Бибиковъ.

Декабря 30 дня 1773 года. Казань [1]).

---

[1]) Здѣсь слѣдовало бы помѣстить письмо къ гр. Чернышеву отъ того же числа; но оно уже напечатано въ приложеніяхъ къ „Исторіи Пуг. б.“. Надобно только замѣтить, что тамъ въ собственноручной припискѣ Бибикова пропущено; въ „Серпуховѣ“ послѣ словъ: „по приключившейся ему (т. е. Мансурову) горячкѣ пролежалъ онъ“. (Ср. И. Д. II, 524).

IX.

(Г. А. Сен. дѣла, книга № 136).

Милостивый государь мой князь Александръ Алексѣевичь!

Указомъ Пр. Сената отъ 22 Декабря прошлаго 1773 года и письмомъ ваше сіятельство того жъ мѣсяца 15 числа сообщить ко мнѣ изволили, чтобъ присланныхъ въ Казань изъ разныхъ мѣстъ поселенцевъ по лучшему моему о здѣшнихъ обстоятельствахъ свѣдѣнію, на прежнее жилище, такъ какъ прежде указомъ Сенатскимъ велѣно, возвращать не велѣть, а распредѣлить по близости въ тамошнихъ мѣстахъ; если жъ къ тому никакихъ способовъ не найдется, то бъ тогда уже ихъ и отправить на прежнее жилище; до прибытія жъ моего въ Казань, отъ здѣшняго г. губернатора и кавалера фонъ-Бранта нѣкоторыя партіи поселенцевъ на прежнія жилища уже были отправлены, а нѣкоторую часть я здѣсь засталъ, изъ которыхъ, равно и изъ остановленной въ Чебоксарахъ партіи, чрезъ нарочно посланнаго отъ меня лейбъ-гвардіи офицера, годныхъ въ службу выбрано 218 человѣкъ, да послѣ того изъ здѣшнихъ 11, итого 239 человѣкъ, которые по командамъ и распредѣлены; о остановленныхъ же поселенныхъ партіяхъ, Балахонскаго уѣзда въ селѣ Городцѣ въ 247-ми, Нижегородской губерніи въ селѣ Лысковѣ при капитанѣ Сенцовѣ мужеска и женска полу въ 243-хъ, да Арзамаскаго уѣзда въ селѣ Новомъ 433-хъ человѣкахъ состоящихъ, сообщилъ я къ Нижегородскому губернатору г. Ступишину, чтобъ онъ чрезъ нарочно посланныхъ штабъ- или оберъ-офицеровъ приказалъ изъ тѣхъ партій также выбрать годныхъ въ службу и причислилъ бы въ Нижегородскій баталіонъ, а если въ комплектѣ баталіонъ состоитъ, то бъ тѣхъ выбранныхъ отправилъ въ Москву къ его сіятельству князю Михайлѣ Никитичу Волконскому къ причисленію въ баталіоны; касалось же (sic) до оставшихъ поселенцевъ въ службу неспособныхъ и по нынѣшнимъ обстоятельствамъ за неудобность къ пересылкѣ ихъ въ Сибирь, коихъ по счисленію оставалось въ здѣшнихъ въ Казанѣ партіяхъ 698, да въ Чебоксарахъ мужеска и женска полу съ малолѣтними дѣтьми 1061, то я лучшаго средства избрать не могъ, какъ сообщилъ же къ здѣшнему г. губернатору, чтобъ онъ приказалъ: 1) Казанской губерніи государственныхъ и помѣщиковыхъ людей возвратить тѣмъ же самымъ владѣльцамъ, а государевыхъ дворцовыхъ и ясачныхъ тѣмъ селеніямъ, отъ кого они на поселеніе отданы были съ женами и дѣтьми; 2) другихъ же, кои не здѣшней губерніи между поселенцами находятся, отдать въ государевы дворцовыя и ясачныя волости, дабы оные въ нихъ приняты и поселены были, яко коронѣ принадлежащіе, а чтобъ оные охотнѣе приниманы и въ тѣхъ селеніяхъ содержаны и обзавоживаны были, то объявлено бъ имъ было, что они до будущей ревизіи подушныхъ денегъ и всякихъ податей платить не будутъ, ибо подати съ нихъ въ тѣхъ селеніяхъ, откуда они отданы, въ государственные сборы вступать будутъ; 3) распредѣленнымъ же нынѣ въ военную службу изъ суммы имѣющей на тѣхъ поселенцевъ благоволилъ бы приказать же отпустять то, что обыкновенно при отдачѣ на рекрута дается, а чтобъ жены и дѣти ихъ на первый случай нужды терпѣть не могли, то бъ изъ той же суммы отпущено было на каждую жену по рублю, а на дѣтей по полтинѣ, кои по командамъ и доставятся; а отданнымъ по государевымъ волостямъ поселенцамъ на разведеніе ихъ выдано бъ было на сей годъ мужикамъ по два рубли, а женамъ ихъ и дѣтямъ каждому по рублю, или по разсмотрѣнію его, сколько изъ той суммы достаточно быть можетъ, а о поступленіи на такомъ же точно основаніи о вышепомянутыхъ

партіяхъ и къ Нижегородскому губернатору отъ меня писано жъ и пр. Сенату объ ономъ донесено, а и вашему сіятельству изъясня съ истиннымъ моимъ къ вамъ почитаніемъ пребуду и проч.

Александръ Бибиковъ.

Января 28 дня.
1774 года.

X.

(И. Д. II, 296).

Въ С.-Петербургѣ, января 4 дня 1774 года.

Указъ господину генералъ-аншефу и кавалеру Александру Ильичу Бибикову.

Оказавшійся въ предѣлахъ Оренбургской губерніи извѣстный уже разбойникъ, бѣглый изъ-подъ караула Донской казакъ Емельянъ Пугачевъ, дерзнувъ принять на себя имя покойнаго Петра третьяго, присылаетъ во многія мѣста злодѣйскія свои письма къ обольщенію подъ тѣмъ именемъ разными нелѣпыми обѣщаніями простого народа; сего ради и предписывается вамъ г. генералу, дабы приказали вы всѣ таковыя получаемыя куда либо отъ помянутаго бездѣльника разбойника Пугачева письма на площадяхъ тотчасъ, какъ получены или найдены будутъ, сжечь чрезъ палачей, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то чрезъ профосовъ, а какого тѣ письма содержанія будутъ, давать знать въ Военную коллегію. О исполненіи чего и ко всѣмъ Казанскимъ, Оренбургскимъ, Астраханскимъ, и Воронежскимъ военнымъ командамъ не оставите вы господинъ генералъ учинить предписанія.

XI.

(И. Д. II, 439).

Милостивый государь графъ Захаръ Григорьевичъ!

Въ предыдущемъ моемъ письмѣ имѣлъ я честь ваше сіятельство увѣдомить, что командиру 24-й легкой полевой команды маіору Муфелю приказалъ я занявшую городъ Самару злодѣйскую шайку атаковать и оттуда выгнать. Сіе онъ ревностно и достохвально исполнилъ. Атаковалъ онъ ихъ въ Самарѣ, нѣсколько побилъ и человѣкъ до 200 захватилъ, отнявъ какъ бывшія тутъ 6, такъ и привезенныя злодѣями двѣ пушки, что изъ отправленной при репортѣ моемъ копіи съ репорта маіора Муфеля усмотрѣть изволите. Похваляетъ онъ въ исполненіи должностей своихъ подчиненныхъ, между прочимъ и команду польскихъ казаковъ, кои съ нимъ быть случились. Для одобренія сихъ послѣднихъ весьма бы кстати, если бы начальнику ихъ тутъ бывшему медаль исходатайствовать изволили, да и для другихъ впредь тако себя отличившихъ нѣсколько ко мнѣ прислано было, дабы сихъ вѣрныхъ и неколеблющихся ободрять и отличать мнѣ было тотчасъ при заслугѣ можно.

Жду съ нетерпѣніемъ прибытія полковъ, о которыхъ послѣднія извѣстія имѣю я, что гусарскій Изюмскій дни черезъ четыре сюда вступитъ, а за нимъ и второй баталіонъ гранадерскаго полку. Архангелогородскій же карабинерный и Володимірскій 4 числа быть имѣли въ Нижній. Считаю что и генералъ-маіоръ Мансуровъ на сихъ дняхъ съ двумя достальными легкими командами въ Самару прибудетъ. Нетерпѣніе мое въ ожиданіи полковъ и командъ тѣмъ болѣе умножается, что злодѣйскія шайки часъ-отъ-часу наглѣе становятся и по получаемымъ здѣсь ежедневно извѣстіямъ сія сволочь отъ стороны Башкиріи разными своими толпами заводы и деревни грабятъ, селенія устращи-

ваютъ, берутъ фуражъ и провіантъ, разсѣваютъ злодѣйскіе манифесты, глупую чернь обольщая приводятъ въ колебаніе и уже около Кунгура показавшіеся разграбили множество и пресѣкли сообщеніе съ симъ городомъ, а по полученному оттуда отъ магистрата репорту, изъ самого города воевода и всѣ начальники, какъ и изъ другихъ многихъ, разбѣжались и городъ Кунгуръ теперь самъ ожидаетъ ихъ посѣщенія, ибо безъ воинскихъ командъ никто противиться не отваживается.

Въ Богульмѣ, Заинскѣ, Кичуевскомъ фельдшанцѣ, Мензелинскѣ и другихъ мѣстахъ стоящіе наши посты, состоящіе изъ одной пѣхоты, не могутъ воспрепятствовать, чтобъ злодѣйская сволочь сближеніями своими при ближнихъ селеніяхъ не разъѣзжали, которые, сбирая фуражъ и провіантъ, тожъ и людей, умножаютъ толпу злодѣйскую, и убивства и грабежи повсюду продолжаются. Изъ сего ваше сіятельство легко представить можете бѣдственное состояніе здѣшняго краю, а потому и теперешнее мое положеніе, доколѣ не придутъ войски и доколѣ я сильно воздѣйствовать не буду въ состояніи.

Въ подкрѣпленіе занятыхъ Фрейманомъ постовъ сегодни отправляю я полковника Бибикова съ четырьмя ротами гранадеръ и со ста лошадьми гусаръ и двумя пушками, купивъ здѣсь какъ для оныхъ пушекъ, такъ и прибывшихъ на подводахъ эскадроновъ лошадей, чтобъ ободрить тамъ безъ всякаго дѣйствія стоящаго Фреймана, отогнать сблизившуюся злодѣйскую сволочь и очистить коммуникацію.

Не могу умолчать вашему сіятельству, сколько терзаетъ меня Фрейманово недѣйствіе, а изъ репортовъ его примѣчаю, что и отряжаемые имъ начальники медленностію своею и робостію не поиски надъ злодѣями дѣлать стараются, но только дерзость сихъ злодѣевъ умножаютъ, какъ мнѣ уже присылаемые репорты довольно открыли.

Крайняя здѣсь мнѣ надобность состоитъ въ ружьяхъ, сабляхъ, карабинахъ и пистолетахъ, о чемъ и прежде ваше сіятельство покорнѣйше просилъ, и нынѣ тожъ повторяя нижайше прошу какъ наискоряе дать повелѣнія, чтобъ сюда были отправлены.

Провіантъ на Яикъ къ Симонову подрядившіеся поставщики изъ Сызрани повезли безъ всякаго эскорту, ибо дать было не изъ чего. Желательно крайне чтобъ онъ туда доставленъ быть могъ, и къ сему утѣсненному посту прибылъ благовременно.

Въ Самарѣ приказалъ я съ крайнимъ поспѣшеніемъ таковой же заготовить, чтобъ доставить его по собраніи войскъ въ Оренбургъ.

Спѣшите, милостивый государь, доставленіемъ мнѣ легкихъ войскъ тушить зловредный и на толикомъ пространствѣ горящій пожаръ, ибо зло сіе весьма далеко возрасло и обширно распространилось. Между тѣмъ употреблю я всѣ способы, какіе только представятся, чтобъ остановить сіе бѣдствіе. Пребывая съ непремѣннымъ высокопочитаніемъ и преданностію и проч.

Александръ Бибиковъ.

P. S. (Собственноручно). Приложенный пакетъ покорнѣйше прошу Ея Величеству поднести.

Января 5 дня 1774 года. Казань.

XII.

(И. Д. II, 414).

Милостивый государь мой Александръ Ильичъ!

Имѣя честь предыдущимъ моимъ письмомъ донести о полученіи почтеннѣйшаго вашего отъ 30 Декабря, симъ приношу за оное признательную бла

годарность; что же касается до требуемаго вашимъ высокопревосходительствомъ числа ружей, карабиновъ, пистолетъ и прочаго, то все оное, какъ оружейной канцеляріи, такъ и господину генералъ-кригсъ-коммиссару велѣно отправить въ Казань какъ наискорѣе на почтовыхъ подводахъ и отдать въ вѣдомство господина оберъ-коменданта Лецкаго. Я покорнѣйше вашего высокопревосходительства прошу для лучшаго мнѣ поданія способности въ споспѣшествованіи доставленія вамъ нужнаго писать формально въ Военную коллегію, изъ которой и не оставлю я того жъ часа давать куда надобно надлежащія повелѣнія.

Между прочими мѣръ принятіями къ искорененію злодѣйствъ Пугачева не безполезно кажется быть можетъ и обѣщаніе нѣкотораго награжденія тѣмъ, кто его живаго взявъ приведетъ къ Оренбургскому ли губернатору или же къ военнымъ нашимъ командирамъ. Таковое обѣщаніе помянутымъ господиномъ губернаторомъ дѣйствительно и учинено; но какъ оно слишкомъ умѣренно, то пишу я теперь къ господину Рейнсдорпу и находящемуся въ Яицкомъ городкѣ подполковнику Симонову, дабы учинили они публикацію, что за приведеніе означеннаго самозванца живаго дано будетъ въ награжденіе десять тысячъ рублей.

Упомянутый въ предъидущемъ моемъ письмѣ Яицкій казакъ [1]), ѣдущій съ письмами отъ Яицкаго коменданта подполковника Симонова, вчера сюда прибылъ и подтвердилъ то о выгнаніи изъ Самары злодѣевъ извѣстіе, которое имѣлъ я честь вашему высокопревосходительству въ ономъ моемъ письмѣ сообщить, а для подробнѣйшаго усмотрѣнія включаю у сего копію съ учиненнаго имъ здѣсь же показанія.

Съ истиннымъ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію на всегда пребываю

Вашего высокопревосходительства покорнѣйшій слуга

Гр. З. Чернышевъ.

Сейчасъ пріѣхалъ сюда отправленный отъ вашего высокопревосходительства съ письмами, Казанскаго гарнизона фурьеръ Степанъ Котовъ, также и получилъ курьера изъ Смоленска, что 7 нынѣшняго мѣсяца Чугуевскій полкъ оттуда выступилъ.

Число 14 января 1774 года.

XIII.

(Г. А. папка 2, книга I. О. DD).

Объявленіе.

Я нижеподписавшійся главнокомандующій войсками Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей нашей Государыни генералъ-аншефъ, лейбъ-гвардіи маіоръ и разныхъ орденовъ кавалеръ объявляю чрезъ сіе, что какъ все бѣдствіе, угнетающее нынѣ Оренбургскую губернію огнемъ и мечемъ и пролившее уже потоки крови собственныхъ нашихъ собратій и согражданъ, происходитъ единственно отъ самозванца Емельяна Пугачева, бѣглаго съ Дону казака и въ Польшѣ немалое время скитавшагося, который въ буйствѣ своемъ дерзнулъ безъ всякаго подобія и вѣроятности взять на себя высокое названіе покойнаго Императора Петра третьяго, то онъ паче всѣхъ и заслуживаетъ,

[1]) Синельниковъ; подлинное показаніе его находится И. Д. II, 420—424; а копія въ Г. А. кн. 26.601.

для пресѣченія внутренняго междоусобія и для возвращенія любезному отечеству драгоцѣннаго покоя, воспріять достойную злодѣйству и измѣнѣ его казнь, дабы инако отъ продолженія оныхъ другіе изъ одного невѣжества погрѣшившіе равному жребію подверженными не были, когда его постигнетъ месть озлобленныхъ имъ божественныхъ и человѣческихъ законовъ. Почему я, съ моей стороны, по ввѣренной мнѣ власти, желая спасти сихъ послѣднихъ и обратить зло на главу истиннаго его виновника самозванца Емельяна Пугачева, какъ изверга рода человѣческаго и недостойнаго имени Россіянина, обѣщаю симъ тому или тѣмъ, кто изъ усердія къ отечеству, поймавъ его, приведетъ ко мнѣ, или къ кому ни есть изъ подчиненныхъ моихъ и отдастъ подъ стражу живого, дать въ награжденіе [1]).

(Письмо Бибикова къ гр. Чернышеву отъ 17 января, которое здѣсь слѣдовало бы помѣстить, уже напечатано Пушкинымъ; но въ концѣ приписки вмѣсто словъ: „деревни Кувицкой и...“ должно читать: „деревни Кувицкой-Анштеряковой“. (Ср. И. Д. II, 551).

XIV.

(Г. А. сенат. дѣла, книга № 136).

Милостивый государь мой князь Александръ Алексѣевичь!

Вчера чрезъ присланнаго курьера, при почтеннѣйшемъ письмѣ вашего сіятельства, имѣлъ я счастіе получить высочайшій Ея Императорскаго Величества именной указъ, отъ 12 числа января, по которому, конечно, исполненіе въ точности сдѣлано будетъ и, по выправкѣ объ оставшихся послѣ несчастныхъ женахъ и дѣтяхъ, собравъ вѣдомости всеподданнѣйше донесу.

Касательно до подполковника Лазарева, чтобъ употребить его къ усмиренію Башкиръ, вашему сіятельству донесть честь имѣю. Господинъ Лазаревъ здѣсь; я сейчасъ съ нимъ о дѣлѣ усмиренія Башкирцевъ говорилъ; охотно онъ пріемлетъ на себя сію коммисію и требуетъ чтобъ отправленъ былъ въ Екатеринбургъ, откуда удобнѣе считаетъ войтить въ уговоры и въ дѣло, требуетъ притомъ нѣсколько сабель и разноцвѣтнаго сукна, чтобъ тѣмъ дарить склонившихся, объявляя, что сими подарками ихъ обласкать и привлечь можетъ, а между тѣмъ станетъ онъ писать ко всѣмъ своимъ знакомымъ и надежнымъ людямъ. Все сіе я ему куплю и въ Екатеринбургъ отправлю, только за опасностію въ дорогѣ долженъ онъ будетъ взять путь на Хлыновъ, Солькамскую и Верхотурье, ибо о Кунгурѣ еще послѣ 10 числа извѣстія нѣтъ, а тогда знали, что онъ злодѣями окруженъ, но оборонялся; послана отъ меня команда съ двумя пушками на подводахъ; ежели поспѣетъ, то надѣюсь, отгонитъ проклятую саранчу; тогда и Лазареву ближе проѣхать будетъ можно, я отправленіемъ его конечно не замедлю. О сженіи злодѣйскихъ Пугачева сочиненій имѣлъ я уже указъ изъ коллегіи Военной, а нынѣ при письмѣ вашемъ изъ Сената получаю.

О присылкѣ въ коммисію секретную писцовъ и теперь вашего сіятельства прошу: нѣтъ возможности исправиться и офицеры сами съ Зряховымъ день и ночь пишутъ, потому что колодниковъ умножается. Сіе сказавъ, окончу моимъ истиннымъ почтеніемъ и особою преданностію

Вашего сіятельства милостиваго государя моего
покорный и вѣрный слуга
Александръ Бибиковъ.

P. S. Приложенную реляцію всепокорнѣйше прошу поднесть Ея Императорскому Величеству.

Отъ 21 января 1774 года. Казань.

---

[1]) Здѣсь, въ отпускѣ, сумма не означена, но она видна изъ предыдущей бумаги.

XV.

(Г. А. дѣла тайн. эксп. № 15, свяв. 3, № 94).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Дерзость злодѣя Пугачева и его злодѣйскихъ сообщниковъ дошла до послѣдней крайности, что вступающія какъ въ секретную коммисію, такъ и ко мнѣ присылаемыя ежедневно письменныя сочиненія открываютъ; а приводимые въ секретную коммисію изъ злодѣйскихъ шаекъ захваченные и для разглашенія и разсѣянія посланные колодники подтверждаютъ. Старался я при многихъ ежечасныхъ отправленіяхъ нѣсколько дѣлъ разсмотрѣть, и чтобъ чѣмъ ни есть остановить буйство, наглость и злодѣйственныя убійства, по данной мнѣ высочайше отъ Вашего Императорскаго Величества власти, рѣшился наконецъ одного бунтовщика, злодѣя и жестокаго убійцу помѣщицы своей подпоручицы Пополутовой крестьянина Леонтія Назарова, который добровольно признался во всемъ, здѣсь съ публичными обрядами велѣть повѣсить, съ прописаніемъ его вины, съ подтвержденіемъ, дабы прочіе таковые за злодѣйства и бунтъ того же страшилися, нѣкоторыхъ же при висѣлицѣ опредѣлилъ высѣчь кнутомъ, поставя клеймы значущія злодѣя, бунтовщика и измѣнника, другихъ же наказать плетьми. Къ сей крайности приступилъ я въ надеждѣ, что рѣдкость таковой казни устрашитъ колеблющихся къ самозванцу склонностію и остановитъ начальниковъ убійства. О рѣшеныхъ же коммисіею дѣлахъ приведенныхъ колодниковъ къ высочайшему усмотрѣнію экстрактъ подношу.

Секретная коммисія, трудясь, такъ сказать, день и ночь, почти не успѣваетъ приводимыхъ распрашивать, ибо ихъ время отъ времени умножается.

При выгнаніи злодѣевъ изъ Самары маіоръ Муфель репортуетъ меня, что духовенство тамошнее при приближеніи злодѣевъ пошли къ нимъ на встрѣчу съ колокольнымъ звономъ и со кресты, что и изъ найденнаго злодѣйскаго предводителя Арапова репорта усмотрѣть можно, который по несказанной дерзости и наглости сихъ извергoвъ, такъ какъ и другія найденныя письма онъ ко мнѣ прислалъ, изъ которыхъ нѣкоторыя при семъ для высочайшаго усмотрѣнія подношу, другія же для справокъ впредь отдамъ въ секретную коммисію. Самарскихъ поповъ, кои и въ эктеніяхъ высокое имя Ваше во время пребыванія злодѣя исключить дерзнули, я всѣхъ посланному нарочно лейбъ-гвардіи Преображенскому полку подпоручику Державину допросить велѣлъ, а показавшихъ къ злодѣямъ склонность жителей генералъ-маіору Мансурову, разсмотря, публично наказать велѣлъ, подтвердя въ вѣрности вновь къ Вашему Императорскому Величеству присягою. Здѣшнему же архіерею сообщилъ, чтобъ онъ сихъ Самарскихъ поповъ немедленно перемѣнить другими приказалъ, а въ прикосновенныхъ къ оному селеніяхъ жителей, кои добровольно поддались злодѣямъ, начинщиковъ высѣчь при собраніи жителей, и подъ смертною казнію подтвердить, чтобъ они впредь отъ злодѣйскихъ и измѣнническихъ шаекъ и ихъ внушеній хранились и ловя ихъ приводили и отнюдь какъ пропитанія, такъ и людей по требованіямъ ихъ не давали, и присяги въ непоколебимой къ Вашему Императорскому Величеству вѣрности не нарушали, а злодѣя Пугачева почитали за измѣнника и самозванца, инако же сами яко злодѣи огнемъ и мечемъ накажутся.

Въ Башкирію и въ самую толпу злодѣевъ подъ Оренбургъ отправилъ я восемь человѣкъ надежныхъ Татаръ, которые еще вообще въ вѣрности своей къ Вашему Императорскому Величеству не поколебались, со внушеніемъ въ Башкиріи и вездѣ прилѣпившимся къ злодѣю, какъ о ихъ заблужденіи и об-

манѣ Пугачева, такъ чтобъ они, пришедъ въ раскаяніе, обратились и употребили себя при войскахъ Вашего Императорскаго Величества на истребленіе сего злодѣя, для того переведя манифестъ на татарскій языкъ и объявленіе мое по-русски и съ татарскимъ переводомъ съ ними же для разъсѣянія послалъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! слѣпота, невѣжество въ здѣшнемъ краю по большой части жителей превосходитъ, кажется, всякое понятіе. Сіе примѣчаю не только въ самой черни, но и въ здѣшнихъ краяхъ живущихъ отставныхъ офицерахъ, какъ то въ экстрактѣ, при семъ подносимомъ, изъ показанія подпоручика Мызникова усмотрѣть изволите, то жъ и изъ репорта, поданнаго злодѣю Арапову по вступленіи его съ шайкою въ Самару отъ поручика Ильи Щепачева, котораго я арестовавъ сюда же прислать подъ карауломъ велѣлъ. Также велѣлъ я арестовать и бѣгущаго изъ Самары двоекратно за коменданта капитана Балахонцова.

По сіе время къ удержанію злой сей заразы и къ остановленію успѣховъ злодѣйскихъ, и къ удержанію глупой черни отъ его прилѣпленія, не вижу я иныхъ еще способовъ, какъ воинская сила. Но между тѣмъ однакожъ испытаю всевозможныя средства къ пресѣченію зла, столь далеко возростшаго. Счастливымъ себя почту, если возмогу, тѣмъ или другимъ способомъ, показать Вашему Императорскому Величеству, и при сей высочайше ввѣренной мнѣ экспедиціи, съ какою непоколебимою вѣрностію пребываетъ

Всемилостивѣйшая Государыня! Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій [1]) Александръ Бибиковъ.

Января дня 1774 года. Казань.

XVI.

(Тамъ же).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшій указъ отъ 10 января имѣлъ я счастіе получить 17 дня, которымъ высочайше повелѣть мнѣ соизволили, дабы показаніемъ жены и дѣтей извѣстнаго злодѣя самозванца Пугачева, когда они сюда изъ Донскихъ селеній привезутся, ослѣпленнымъ крайнимъ невѣжествомъ его сообщникамъ открыть могъ глаза, и извлечь ихъ изъ заблужденія и легковѣрія. Не оставлю я, Всемилостивѣйшая Государыня, при удобномъ и наилучшемъ случаѣ исполнить въ точности высочайшее Ваше повелѣніе. Какимъ же образомъ сіе произойдетъ, въ свое время всеподданнѣйше донесеніе сдѣлаю.

Всемилостивѣйшая Государыня! и проч.

Александръ Бибиковъ.

Января 21 дня 1774 года. Казань.

XVII.

(Г. А. дѣла тайн. экспед. № 13, связка 4).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Здѣсь всеподданнѣйше подношу экстрактъ произведенныхъ дѣлъ въ тайной коммисіи, изъ которыхъ нѣкоторыя рѣшены мною обще съ коммисіею, а на

---

[1]) Замѣтимъ здѣсь, что Бибиковъ всегда такимъ образомъ подписывался подъ своими донесеніями, никогда не употребляя тутъ слова *рабъ*, которое постоянно встрѣчается въ подписяхъ его преемниковъ, П. С. Потемкина и графа П. И. Панина.

другія осмѣливаюсь испросить высочайшаго Вашего указа, какъ-то о протопопѣ и попахъ Самарскихъ и Заинскомъ, и о трехъ офицерахъ — Щепачевѣ, Черемисиновѣ и Воробьевскомъ, равно и о подпрапорщикѣ Буткевичѣ. Изъ рѣшенныхъ же примѣтить изволите, что нѣкоторыхъ опредѣлилъ я съ публичными обрядами повѣсить въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они преступниками жили и злодѣйствовали, а гарнизоннаго солдата въ Казани на Арскомъ полѣ, чтобъ сдѣлать страхъ не только другимъ, но и самымъ гарнизоннымъ, изъ коихъ по разнымъ мѣстамъ нѣкоторые прегнусными предателями и злодѣями себя показали. Строгость сія неминуемою по здѣшнимъ обстоятельствамъ показалась. Дабы повсюду раздалась казнь, злодѣямъ и бунтовщикамъ исполняемая, умѣряю я число сихъ сколько можно меньше, хотя они всѣ по строгости законовъ сему безъ изъятія подвергаются. Человѣколюбивое Вашего Императорскаго Величества сердце и образъ Вашихъ мыслей всегда за сихъ извергову и противъ строгости законовъ предстательствуютъ.

Дерзостныя и глупыя злодѣйскія сочиненія и всѣ допросы показываютъ, что злодѣи кромѣ буйности и злости никакихъ правилъ и ума не имѣютъ; но при всемъ томъ злыя ихъ внушенія и чрезъ нескладный слогъ въ черномъ народѣ дѣйствуютъ, и тѣмъ болѣе что рѣдко найдешь въ семъ краю и между чиновниками людей съ просвѣщеніемъ и разумомъ, а срамные гарнизонные офицеры, буде смѣю сказать, своею мрачною глупостію способствуютъ, какъ изъ допросовъ Черемисинова и Щепачева, тожъ и Буткевича усмотрѣть соизволите. Злодѣйскія сочиненія здѣсь при послѣдней экзекуціи сожжены палачемъ, а значки ихъ, такъ называемыя знамена, имъ же изорваны. То жъ самое велѣно отъ меня дѣлать по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ оныя письма и знаки случатся.

Здѣсь для одного только любопытства осмѣливаюсь приложить оригинальный приказъ отъ вора и злодѣя Ивашки Чернышева, такъ называемаго графа, тожъ и подлинное увѣщаніе, присланное въ Кунгурскую канцелярію съ двумя злодѣями отъ воровской же шайки. Изъ сего, Всемилостивѣйшая Государыня, примѣтна забытая, но чаянная дерзость сихъ извергову рода человѣческаго.

Между прочимъ приказъ злодѣя Чернышева доказываетъ, что г. Уфа еще 14 числа сего мѣсяца былъ не въ ихъ рукахъ, ибо онъ данъ въ деревнѣ Чесноковкѣ, въ 10 верстахъ отъ Уфы лежащей.

Всемилостивѣйшая Государыня и проч.

Александръ Бибиковъ.

Января 29 дня 1774 года. Казань.

XVIII.

(Г. А. папка 2, кн. I. O. DD.).

Нашему генералъ-аншефу Бибикову.

Присланную отъ васъ, отъ 13 числа Января, реляцію и приложенный при оной экстрактъ о отставномъ сержантѣ Бабаевѣ, мы разсматривали, описанные въ экстрактѣ, учиненные имъ злодѣянія, въ коихъ самъ онъ признался, ничѣмъ извинить его не могутъ, а посему и долженъ сей преступникъ, не только за одно то, что онъ нарушилъ учиненную имъ предъ Богомъ клятву въ вѣрности къ намъ и отечеству, но что симъ его злодѣйствомъ многимъ нашимъ вѣрноподданнымъ причинилъ, къ соболѣзнованію нашему, невозвратную гибель, а другихъ привелъ къ нарушенію должной къ намъ и отечеству вѣрности, за что сей преступникъ и злодѣй достоинъ восчувствовать всю строгость государственныхъ нашихъ законовъ, чего ради и повелѣваемъ вамъ онаго преступника наказать по вашему разсмотрѣнію, но какъ не можемъ безъ примѣчанія оставить сего злодѣя старости, то и за нужное нашли вамъ

напомянуть чтобъ наказаніе преступнику было сдѣлано съ соображеніемъ лѣтъ его и съ тою желаемою надобностію, отъ которой бы подобныя злодѣянія отвращены, а зараженные выдуманною имъ Бабаевымъ лжею приведены были къ познанію совершенной истины и чистосердечномъ раскаянію. Впрочемъ съ нашею милостію мы вамъ пребываемъ

Екатерина.

Село Царское. Подписано февраля 4, 1774 года.

XIX.

(Г. А. папка 2, книга 1. О. DD.).

Нашему генералъ-аншефу Бибикову.

Реляцію вашу отъ 29 числа Января и приложенные при оной экстракты города Самары о протопопѣ Андреѣ Ивановѣ, попахъ Никифорѣ Ивановѣ, Ѳедорѣ Никитинѣ, Алексѣѣ Михайловѣ, Васильѣ Михайловѣ, Данилѣ Прокофьевѣ, Максимѣ Ивановѣ, дьяконахъ Степанѣ Яковлевѣ, Петрѣ Ивановѣ, Васильѣ Никифоровѣ, отставномъ поручикѣ Ефимѣ Воробьевскомъ, Ставропольскаго батальона поручикѣ Ильѣ Щепачевѣ, Тобольскаго третьяго батальона прапорщикѣ Иванѣ Черемисиновѣ, отставномъ подпрапорщикѣ Богданѣ Буткевичѣ, пригорода Заинска попѣ Прокофьѣ Андреевѣ, мы разсматривали. О всѣхъ вышесказанныхъ преступникахъ учиненные въ секретной вѣдѣнія вашего коммисіи сентенціи нашли съ государственными законами, по происшедшимъ отъ нихъ злодѣяніямъ, согласными, но при всемъ томъ однакоже повелѣваемъ съ оными преступниками поступить по вашему разсмотрѣнію, и сколько польза и благосостояніе Имперіи по нынѣшнимъ въ тамошнемъ краю обстоятельствамъ того требуютъ. Впрочемъ съ нашею милостію мы вамъ пребываемъ

Екатерина.

Подписанъ февраля 15 дня 1774 года. С. П. Б.

XX.

(Г. А. дѣла тайн. эксп. № 15, связ. 3, № 94).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашему Имп. Величеству всеподданнѣйше подношу экстрактъ рѣшеныхъ въ секретной коммиссіи дѣлъ, изъ котораго усмотрѣть соизволите, что въ Тобольскѣ изъ Челябинскихъ преступниковъ одного велѣлъ я повѣсить, а прочихъ пересѣчь публично для того болѣе, чтобъ подать тамо страхъ и удержать злыя сердца отъ подобнаго вѣроломія, ибо г. губернаторъ Чичеринъ пишетъ ко мнѣ, что злодѣи бунтовщики наѣзжаютъ и на трактъ лежащій къ Сибири, приказывая жителямъ ловить курьеровъ и отсылать къ нимъ въ толпу; также велѣлъ я повѣсить изъ другихъ преступниковъ въ Билярскѣ и Ставрополѣ по одному человѣку, какъ то усмотрѣть соизволите изъ сего же экстракта. Всемилостивая Государыня! вѣдаю я, что сія строгость не соотвѣтствуетъ человѣколюбивому Вашему сердцу, но что дѣлать! невозможно безъ оной обойтиться. Я осмѣливаюсь здѣсь приложить копіи съ полученныхъ въ Челябинскѣ злодѣйскихъ писемъ, изъ коихъ изволите усмотрѣть, коль великое зло обитаетъ въ буйственныхъ ихъ душахъ.

Всемилостивая Государыня и проч.

Александръ Бибиковъ.

Февраля 15 дня 1774 года. Казань.

XXI.

(Г. А. дѣла т. эксп. № 13, св. 4).

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ слѣдствіе всевысочайшаго Вашего Императорскаго Величества именного указа о содержащихся въ секретной коммиссіи поручикахъ Щепачевѣ и Воробьевскомъ и прапорщикѣ Черемисиновѣ учинено слѣдующее: лишены они всѣхъ чиновъ и написаны въ солдаты вѣчно, а потомъ сего Марта 6 ч. Щепачевъ по важности его преступленія гоненъ здѣсь спицъ-рутенъ чрезъ тысячу человѣкъ шесть разъ, Черемисиновъ публично предъ полкомъ высѣченъ батоги, и оба оные назначены въ дальніе Сибирскіе баталіоны съ тѣмъ, чтобъ оттуда ихъ никогда не отлучать, куда они и отправлены быть имѣютъ. Воробьевскій же, въ разсужденіи увядшаго въ немъ отъ престарѣлости его лѣтъ мужества и бодрости духа, а равно и для того, что онъ, такъ какъ отставной, не имѣлъ никакой команды, паче же изъ единаго матерняго Вашего Императорскаго Величества человѣколюбія и милосердія, отъ наказанія избавленъ и по успокоеніи отпустится въ домъ его. О Самарскихъ же попахъ и о прочихъ, въ сходственность всевысочайшаго указа, достодолжное исполненіе учинено быть имѣетъ въ удобное время. Всемилостивѣйшая Государыня! хотя въ прежде отправленномъ отъ меня о рѣшенныхъ въ секретной коммисіи дѣлахъ экстрактѣ и назначена была одному преступнику Татарину Уразаеву смертная казнь въ деревнѣ, но я послѣ разсудилъ за лучшее сдѣлать оную здѣсь въ городѣ, которая и исполнена сего Марта 6 числа съ публичными обрядами, а въ тоже самое время и извѣстному преступнику Бабаеву вторичное наказаніе кнутомъ учинено.

Всемилостивѣйшая Государыня и проч.

Александръ Бибиковъ.

Марта 8 дня 1774 г. Казань.

XXII.

(Г. А. папка 2, кн. I. O. DD.).

Всемилостивѣйшая Государыня! [1]).

По всевысочайшему Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшему указу отъ 22 февраля сего года, дошедшему до меня предъ самымъ моимъ отъѣздомъ въ ближніе къ Оренбургу мѣста: приложенные при немъ манифесты того же дня мною вручены Казанскому губернатору, предводителю дворянства и городскому головѣ. Полученное мною сей день отъ предводителя Казанскаго дворянства письмо осмѣливаюсь приложить въ копіи къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, которымъ объявляетъ, что при чтеніи всемилостивѣйшаго манифеста каждый день изъ дворянъ проливалъ радостныя слезы, благословляющія промыслъ Вашъ объ нихъ, что восклицанія чтеніе ихъ прерывали, и что наконецъ матернее сіе къ нимъ снисхожденіе Ваше приняли они, какъ нѣкоторый всякую цѣну превосходящій клейнодъ для себя и потомства своего въ роды и роды.

Къ Пензинскому, Симбирскому и Свіяжскому предводителямъ тогда же

---

[1]) Это донесеніе принадлежитъ къ ряду тѣхъ, которыя сшиты вмѣстѣ въ книгѣ арх. военно-топограф. Депо подъ № 26.598, но по ошибкѣ не попало въ тотъ сборникъ, а потому и помѣщается здѣсь.

отъ меня сей толико лестный имъ залогъ благоволенія вашего посланъ для повсемѣстнаго, равно какъ и въ Казани, обнародованія.

Изъ подносимаго при семъ же всеподданнѣйшаго моего особаго донесенія усмотрѣть изволите: что дворянства Казанскаго корпусъ 8 числа сего мѣсяца явилъ уже первый опытъ достохвальныя своея ревности къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, поразивъ и прогнавъ подъ начальствомъ своего шефа не малое сонмище злодѣевъ при деревнѣ Стерлитамакѣ. Симбирское дворянство составило уже во всемъ подобный тому корпусъ воинства, къ вооруженію котораго все нужное отъ меня отправлено, и назначенъ ему подвигъ на Самарскую линію. Благородные люди Саранскаго уѣзда простираются съ крайнею поспѣшностію въ составленіи такого же корпуса, какъ увѣдомляетъ меня предводитель ихъ генералъ-маіоръ Сипягинъ.

Всемилостивѣйшая Государыня! окомъ милосердія удостоили вы воззрѣть на сію чистую сердецъ ихъ жертву; за таковое возмездіе нѣтъ трудностей. которыхъ бы душа благородная не превозмогала; нѣтъ и быть не можетъ препятствій во исполненіи соизволенія Вашего. Я собою собственно истину сію доказывать съ положеніемъ живота моего никогда не пристану.

Всемилостивѣйшая Государыня и проч.

Александръ Бибиковъ.

№ 16.
Марта 15 дня
1774 года.
Кичуевскій фельдшанцъ.

Четыре своеручныя донесенія Бибикова.

(Г. А. папка 2).

XXIII.

Всемилостивѣйшая Государыня!

По отправленіи послѣднихъ моихъ всеподданнѣйшихъ Вашему Императорскому Величеству донесеній, января отъ 29 числа, ожидая отвсюду извѣстій и репортовъ, не имѣлъ я еще счастія принесть всеподданнѣйшую благодарность за всемилостивѣйшія собственноручныя письма отъ 16 и 20 января. Примите теперь, Великая Государыня, всенижайшее признаніе за высочайшую Вашу милость и купно слѣдующія мои Вашему Императорскому Величеству донесенія: всѣ отряженные деташаменты безъ изъятія теперь не уступаютъ похвальному поступку маіора Муфеля; злодѣи вездѣ, гдѣ ни найдены, побиты, разогнаны и разсѣяны. Наглости и стремленію ихъ донынѣ были конечно причиною бывшія удачи отступленія г. Кара, и объятая тщетнымъ страхомъ и стоящая неподвижно гарнизонная негодница.

Войски Вашего Императорскаго Величества съ разныхъ сторонъ ко гнѣзду злодѣя четырьмя дорогами поспѣваютъ; нѣтъ сомнѣнія, чтобъ при благости Господней сего злодѣя съ буйною его толпою они не поразили. Главнѣйшая трудность состоитъ въ поспѣшномъ маршѣ.

А причина тому бездорожица и глубокіе снѣга, то жъ подвозъ пропитанія степными мѣстами слишкомъ на триста верстъ. Но нѣтъ трудности, которую вѣрныя и усердныя Вамъ войски не преодолѣли. Я за нихъ и за себя дерзаю ручаться, что если успѣхъ равенъ будетъ усердію, то увѣнчается и дѣло желаемымъ концомъ. Ни о чемъ такъ не прошу Всевышняго, чтобъ благословилъ пробавить Онъ пропитаніе Оренбургу! Что всего опаснѣе. Злодѣй конечно не страшенъ своими силами, но духъ, такъ сказать, всеобщаго въ здѣшнемъ краю

замѣшательства разнородной и разнообразной черпи не малаго труда стоитъ успокоить. Но не отчаяваюсь въ томъ, Всемилостивѣйшая Государыня! пораженные вездѣ злодѣи разсыпаться начали, а упившіеся буйствомъ, прелестьми и обольщеніями злодѣйскими стихать и въ повиновеніе приходить начинаютъ. Забранные ими въ такъ-называемые казаки (будто по неволѣ) въ домы свои возвращаться начали.

Тайная коммисія и я съ нею, сколько обстоятельства дозволяютъ, конечно сообразуемся съ милосердыми и человѣколюбивыми правилами Вашего Величества и елико возможно умѣряемъ строгость всеобщихъ на злодѣевъ законовъ, ибо число казненныхъ было бъ чрезвычайное. А чтобъ познали изверги свое заблужденіе и почувствовали сколь дерзость ихъ чрезмѣрна, нужда заставляетъ, для пораженія злодѣйскихъ сердецъ, въ разныхъ мѣстахъ изрѣдка показать примѣрное наказаніе. Не познаютъ звѣрскіе нравы, не имѣющіе первыхъ понятій человѣческихъ, должностей и обязательствъ къ Богу, государю и ближнему безъ строгаго обузданія, а страхомъ одной лишь казни. Способъ, конечно, жестокій, но въ настоящей крайности неминуемъ.

Злодѣйскія сочиненія вездѣ жгутся публично палачемъ. Подлинно, Всемилостивѣйшая Государыня! что кромѣ необузданной дерзости и казачьяго ума въ нихъ примѣтить не можно, да и быть иному нечему, ибо по достовѣрному моему освѣдомленію нѣтъ въ толпѣ злодѣя иныхъ совѣтниковъ и правителей, какъ только одни воры Яицкіе казаки, а подозрѣніе на чужестранныхъ совсѣмъ неосновательно.

Имѣю я извѣстіе, что поѣхавшіе изъ Петербурга извѣстные Вашему Величеству казаки Герасимовъ и Перьфильевъ туда прибыли, но внушенія ихъ и поступки не отвѣчаютъ тому намѣренію, съ каковымъ они отправились. Герасимовъ, поѣхавъ внизъ по Яику на нижніе форпосты, возмутилъ и достальныхъ казаковъ, пребывающихъ до того въ спокойствіи, а Перфильевъ открылъ самому злодѣю причину своего пріѣзда и по объявленію выходцевъ считается первымъ у злодѣя любимцемъ. Нуженъ конечно крайній присмотръ и за оставшими двумя въ Петербургѣ, добра отъ нихъ ожидать не можно, сколько они ни притворствуютъ.

По разбитіи Калмыкъ, приказалъ я генералъ-маіору Мансурову отъ имени его написать къ нимъ письмо, которое по особливости его достойно кажется свѣдѣнія Вашего Величества: оно сочинено находящимся при мнѣ гвардіи Преображенскаго полку поручикомъ Державинымъ, котораго нарочно для того посылалъ въ Самару, яко свѣдущаго на Ставропольскихъ Калмыкъ нравы и образъ мыслей.

По полученнымъ репортамъ Чугуевскій полкъ на сихъ дняхъ сюда ожидаю, а С.-Петербургскій 20 января былъ уже въ Смоленскѣ. Неизвѣстно только теперь, когда назначенные по высочайшему Вашему повелѣнію прибудутъ 5 эскадроновъ гусаръ, Малороссійскіе и Донскіе казаки съ полковникомъ Денисовымъ. Ожиданіе сихъ войскъ отнюдь не задержитъ меня поспѣшить на пораженіе злодѣя, считая и тѣхъ, кои дѣйствительно прибыли сюда къ тому довольно. Но ожидаемые нужны ко утушенію на толикомъ пространствѣ разлившейся возмущенія заразы.

Дворяне всѣхъ провинцій Казанской губерніи по истинѣ достойны высочайшаго Вашего Императорскаго Величества благоволенія. Они вооруженіемъ войскъ къ исполненію всемилостивѣйшаго Вашего соизволенія другъ предъ другомъ наперерывъ ревнуютъ. Приложенныя при реляціи № 10 отъ предводителей распоряженія суть тому доказательствомъ. Всемилостивѣйшее письмо отъ 20 января, слѣдуя высочайшему повелѣнію, объявилъ я здѣшнему дворянству въ ихъ собраніи. Они, принявъ сей новый знакъ материнскаго Вашего

объ нихъ благоволенія, наполнены были неописанною радостію и благоговѣніемъ. Говоренную въ собраніи дворянскомъ рѣчь дворяниномъ Казанскимъ [1]) отъ лица всѣхъ предъ портретомъ Вашего Императорскаго Величества при семъ подношу; признаюсь, всемилостивѣйшая Государыня, что претительно подносить сочиненіе, гдѣ дворянство почтило и меня хвалами, но всѣ сіи хвалы относятся, какъ главному источнику, Вашему Императорскому Величеству. Дворянство жъ о поднесеніи сего убѣдительно меня просило, такъ равно и о засвидѣтельствованіи ихъ вѣрноподданнической раболѣпной благодарности и признанія.

Великая Государыня! Если помѣщица Казанская [2]) благоволила присоединить и своихъ собственныхъ рекрутъ къ вооружаемому корпусу дворянъ здѣшнихъ, то я, бывъ по высочайшему соизволенію всемилостивѣйшей Монархини вождь сихъ войскъ, дерзаю у Вашего Императорскаго Величества испросить для устроенія и командованія ихъ офицеровъ. Снабдить ими меня не трудно, если только высочайшее будетъ на то соизволеніе. Полковникъ гвардіи многое имѣетъ число дворянъ, служащихъ въ чинахъ унтеръ-офицерскихъ. Извѣстно мнѣ, что въ одномъ Измайловскомъ полку таковыхъ около 400 считается, и ежели только съ разсмотрѣніемъ и по достоинству выпущены будутъ, съ надеждою могутъ заступить мѣста субалтеръ-офицеровъ.

Отпусти, великая Государыня! вѣрному рабу Вашему, дерзнувшему столь обширно распространиться и обременить въ настоящемъ письмѣ разными донесеніями Ваше Величество. Истинное усердіе и непоколебимая вѣрность сего были виною, съ которыми, доколѣ живъ, останусь и пр.

Февраля 5 дня 1774 года. Казань.

XXIV.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Въ 19-й день текущаго мѣсяца удостоился получить высочайшія повелѣнія Вашего Императорскаго Величества и за нихъ приношу всеподданнѣйшую благодарность: за первое счастіе почитаю я, всемилостивѣйшая Императрица, что исполненіе возложеннаго на меня дѣла находитъ высочайшую Вашу благодарность.

Маіору Попову о всемилостивѣйше пожалованномъ отъ Вашего Императорскаго Величества полковничьемъ чинѣ того жъ дня въ Кунгуръ писалъ, такъ какъ и къ побужденію другихъ, чтобъ подражали ревности и усердію сего достойнаго штабъ-офицера во всѣ команды далъ знать. Собственно я не имѣлъ случая узнать и въ лицо г. Попова и здѣсь уже его не засталъ; онъ, еще до прибытія моего, въ Кунгуръ для набору рекрутъ былъ командированъ; въ Казани знатоковъ на него нѣтъ, ибо онъ прошедшею только осенью изъ первой арміи прибылъ, отставленъ будучи въ здѣшніе гарнизоны. По формулярному же списку считается отъ роду ему 39 лѣтъ, изъ оберъ-офицерскихъ дѣтей, въ службѣ съ 753 г. Не оставлю я сего офицера узнать ближе и, отобравъ его желаніе, помѣщу въ такую службу, гдѣ бъ онъ съ прочностію и пользою далѣе Вашему Императорскому Величеству служить могъ. Впрочемъ то истина, что отличился онъ дѣлами и расторопностію своею въ здѣшнихъ обстоятельствахъ. Не перестаю я и не перестану, всемилостивѣйшая Государыня! исправлять развращеніе здѣшнихъ гарнизоновъ, чтобъ вложить въ нихъ душу прямой службы, считая то собственнымъ моимъ долгомъ вѣрности

[1]) Сочиненіе Державина.

[2]) Названіе, которое государыня дала себѣ въ рескриптѣ 20 января.

къ Вашему Императорскому Величеству. Жаль только того, что многое въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ сею негодницею попорчено и время потеряно. При удобномъ случаѣ, гдѣ только увижу кстати, не упущу показать строгой примѣръ съ сими недостойными званія военнаго людьми, считая таковыхъ за сущихъ святотатцевъ и развратителей добраго порядка или прямою чумою военной службы: такъ какъ и не оставлю представлять ко всемилостивѣйшему воззрѣнію и монаршей щедротѣ о таковыхъ, кои достойны будутъ всемилостивѣйшаго воздаянія, и тѣмъ болѣе, что изъ послѣдне полученнаго повелѣнія примѣчаю точную на то Вашего Величества волю.

Не теряю по истинѣ, всемилостивѣйшая Государыня! ни малѣйшаго времени къ пресѣченію подлинно (по словамъ Вашимъ) сихъ поносныхъ хлопотъ и къ стыду отечества нашего случившихся; но употребляю все, что только въ человѣческой есть возможности, къ прекращенію сего зла, считая и самыя минуты драгоцѣнными. Счастливымъ себя почту, когда только успѣхъ усердію и ревности моей отвѣчать будетъ.

О военныхъ дѣйствіяхъ побѣдоносныхъ войскъ Вашихъ изъ особливаго донесенія высочайше усмотрѣть изволите. А здѣсь только то присовокупить могу, что разныя распоряженія и приготовленія къ снабженію войскъ, такъ какъ и стеченіе отовсюду переписокъ, донынѣ удерживали меня самого въ здѣшнемъ городѣ; теперь, ежели Сибирскій край не сдѣлаетъ какой остановки, отправлюсь я къ приближающимся къ Оренбургу полкамъ и командамъ и всѣ мѣры употреблю къ исторженію корени самаго зла.

Февраля 22 дня 1774. Казань.

XXV.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Высочайшія повелѣнія, наполняемыя всегда ко мнѣ Вашего Императорскаго Величества милостію и благоволеніемъ, бываютъ первѣйшимъ и главнымъ моимъ здѣсь ободреніемъ въ заботахъ; таково было и послѣднее отъ 16 Февраля, которое принять удостоился. Сколько усердіемъ и благодарностію наполненное сердце къ Вамъ, великая Монархиня, ни стремится по достоянію возблагодарить за высочайшія милости, но не нахожу довольно словъ къ изъявленію моихъ чувствованій; день и ночь только о томъ пекуся и всѣ мои мысли обращаю къ тому, чтобъ дѣйствія явили, съ какою вѣрностію и усердіемъ стараюсь исполнить порученное дѣло.

Наборъ и вооруженіе дворянскихъ эскадроновъ во всѣхъ провинціяхъ (гдѣ есть дворяне) съ крайнимъ успѣхомъ продолжается, тожъ и присланный сюда отъ дворцовой канцеляріи экзекуторъ Елагинъ съ поспѣшностію исполняетъ. Всемилостивѣйше пожалованные изъ гвардіи офицеры весьма кстати поспѣвать будутъ, изъ которыхъ у меня двое уже и явились. А я за особливое счастіе почитаю, что представленіе мое удостоено высочайшей Вашей благоугодности. Не могу и я иначе сказать, всемилостивѣйшая Государыня! чтобъ войскъ къ сокрушенію злодѣя не было достаточно, а особливо когда и всѣ назначенныя подоспѣютъ. Не могъ бы продолжиться злодѣй со всею его злодѣйскою сволочью, еслибъ держался онъ съ нею въ одномъ только, гдѣ нибудь углу, какъ бы сія злая саранча, впрочемъ, была ни многочисленна; но главная трудность настоитъ въ великой обширности и отдаленіи мѣстъ, гдѣ злоба успѣла посѣять духъ возмущенія, а преклонность черни по обольщеніямъ злодѣйству способствуетъ. Не стоятъ они и стоять не могутъ противъ побѣдоносныхъ войскъ Вашихъ, но успѣваютъ въ тожъ время дѣлать развратъ, мятежъ и разореніе въ другомъ краю, когда одинъ отъ сего очищается.

Уговоры, объясненія, самое милосердое прощеніе Ваше донынѣ никакого дѣйствія произвести не могли и обольщенные не прежде, какъ страхомъ оружія успокоиваются, къ должному повиновенію приводятся.

Въ то время, какъ окрестности Казанскія къ сторонѣ Оренбурга и Уфы и Кунгурской уѣздъ очищены, то успѣли они ворваться въ мѣста вѣдомства Екатеринбургскаго, и духомъ бунта заразить тамошнія селенія и собравъ толпы грабить заводы и жительства.

О извѣстныхъ двухъ Яицкихъ козакахъ доносилъ я Вашему Императорскому Величеству не по внушеніямъ казаковъ стороны послушной, но вѣдаю по добровольному хотѣнію отъ вышедшихъ отъ злодѣя людей постороннихъ и Яицкимъ казакамъ непринадлежащихъ. Они всѣ единогласно увѣряютъ, что одинъ подлинно у злодѣя въ первыхъ любимцахъ, а другой возмутилъ нижніе Яицкіе форпосты. Впрочемъ и то истина, что онъ былъ схваченъ; но скоро послѣ того свободился и успѣлъ произвести свое злодѣйство. Желательно, чтобъ сіи плуты обратили на добро всѣ ихъ дѣйствія! Признаюсь предъ Вами, всемилостивѣйшая Государыня! что не имѣю я отнюдь доброй мысли, ниже заключаю что либо хорошее и о такъ называемой послушной стороны казакахъ: дѣйствія ихъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ тому не отвѣчаютъ. И съ вѣроятностію заключить можно, что они болѣе со злодѣями связаны и сообщаются нежели должно. Въ сей мысли утверждаетъ меня болѣе то, что къ сближившимся къ Яику войскамъ изъ нихъ ни одного выходца нѣтъ. Какая жъ бы злодѣямъ была возможность такъ удержать благонамѣренныхъ, вѣдь рѣку Яикъ окружить не такъ удобно, какъ Оренбургъ. Однако нѣтъ ни одного выходца.

Всемилостивѣйше пожалованныя шпаги здѣшняго магистрата первостатейнымъ купцамъ семи человѣкамъ, усердствующимъ въ наборѣ и вооруженіи эскадрона, высочайшимъ именемъ Вашимъ роздалъ, объявя и монаршее благоволеніе за усердіе ихъ и ревность. Въ Кунгуръ купцу Хлѣбникову и въ Челябинскъ бургомистру и головѣ Семену Боровинскому при первомъ случаѣ отправлю. Сей день здѣшнее купечество отправляетъ благодарственное Всевышнему моленіе о дражайшемъ здоровіи Вашего Императорскаго Величества.

Изъ особаго донесенія высочайше увидать изволите, что находящіеся въ Кунгурѣ подполковникъ Поповъ и секундъ-маіоръ Гагринъ, отогнавъ злодѣевъ изъ окружностей Кунгура, распространили свои войски далѣе надъ ними, очищая Пермскую провинцію дошли до Красноуфимска, въ сраженіяхъ разсыпая злодѣевъ, наконецъ и Красноуфимскъ исторгнули изъ рукъ злодѣйскихъ. Отнявъ всего 10 пушекъ съ припасами, подполковникъ Поповъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ всемилостивѣйше уже награжденъ за его вѣрную и отличную службу, но теперь дерзаю я испросить таковое же маіору и кавалеру Гагрину. По примѣчанію моему заслуживаетъ и онъ отлично всемилостивѣйшаго Вашего на службу его воззрѣнія. Ибо съ того времени, какъ онъ съ двусотною командою въ Кунгуръ прибылъ, то злодѣйскія многолюдныя шайки не только близко у Кунгура, но и въ отдаленіи многократно разбиты, а въ разныхъ сраженіяхъ 28 пушекъ отъ нихъ имъ взято.

Два конной гвардіи извѣстные Вашему Императорскому Величеству вороны [1]) уже нѣсколько тому дней, какъ въ путь свой одинъ послѣ другаго полетѣли. О первомъ я имѣю уже извѣстіе, что онъ въ Берду (злодѣйское гнѣздо) прибылъ и тамъ содержится въ особой землянкѣ, а о другомъ еще не знаю, чѣмъ окончится ихъ теченіе, время покажетъ. По тѣсному союзу и дружбѣ знаю,

---

[1]) Р. Архивъ 1866, стр. 389. Тамъ же и частные отвѣты Екатерины II Бибикову. *(Позднѣйшее примѣчаніе Я. К. Г.)*

что по другѣ Вашемъ Мустафѣ III ни Вы, ни дворъ Вашъ шестинедѣльнаго траура носить не изволите, а всеусердно желаю, чтобъ сорокапятилѣтній тюремщикъ Абдулгаметъ начало своего правленія ознаменилъ полезнымъ для Васъ и имперіи Вашей миромъ, и чтобъ по всѣхъ случившихся Вашему Величеству трудахъ и заботахъ, обратили Вы вниманіе Ваше единственно къ просвѣщенію и блаженству вѣрноподданныхъ Вашихъ, чего желать дерзаетъ съ непоколебимою до конца дней вѣрностію пребывающій и проч.

Марта 2 дня 1774 года. Казань.

XXVI.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Отъѣзжая изъ Казани далъ я полное наставленіе тайной коммисіи какъ поступать въ теченіи дѣлъ, и если откроются какія важныя злодѣйскія намѣренія, которыя скоро предупредить будетъ нужно, о таковыхъ съ нарочными присылать ко мнѣ. Изъ бумагъ, сообщенныхъ ко мнѣ отъ г. Чичерина [1]), которыя всеподданнѣйше приложилъ, между прочимъ усмотрѣть изволите, что главный недостатокъ и въ тамошнихъ гарнизонахъ есть негодное собраніе офицеровъ. Отъ каковыхъ и весь здѣшій край претерпѣлъ. И у самого г. Рейнсдорфа(sic) силы сначала было достаточно къ отраженію злодѣйской толпы отъ Оренбурга, но жаловался и онъ на худобу офицеровъ.

Странному поведенію г. генерала Колонга или лѣты его или вкоренившаяся сибирская косность причиною: онъ по требованію Оренбургскаго губернатора и по моему сообщенію не только ни мало не подвинулся къ утѣсненному городу или бы подалъ какую либо ему помочь, но бывъ въ Верхояицкой крѣпости, пошелъ назадъ по линіи къ Троицкой крѣпости, а оттуда въ Челябинскъ. Въ Челябинскѣ простоялъ безъ дѣйствія и наконецъ, не отогнавъ злодѣевъ, взялъ воеводу и другихъ съ денежною казною съ собою, оставилъ городъ. Странно и то, что онъ, отправляяся на Оренбургскую линію, запретилъ подчиненнымъ ему комендантамъ дѣлать о дѣйствіяхъ и обстоятельствахъ Оренбургскихъ какія-либо увѣдомленія, что̀ изъ репорта г. генералъ-маіора Скалона и полковника Эстко примѣтить можно. Признаюся, всемилостивѣйшая Государыня! я бы лучше желалъ, чтобъ сей генералъ на нынѣшнее время тамъ не былъ, и если бы возможно кого надежнѣйшаго отправить а его отозвать, то бы весьма казалось быть полезнѣе. Сего самъ собою сдѣлать не отваживаюсь, тѣмъ болѣе, что онъ указомъ Военной коллегіи мнѣ и не подчиненъ, а только ему содѣйствовать велѣно, слѣдовательно перемѣна его отъ высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества зависитъ.

По дошедшимъ до меня вѣрнымъ извѣстіямъ злодѣй Емелька Пугачевъ дѣлалъ на Яицкую крѣпость два тщетныя приступа съ великою потерею злодѣевъ, — и ознаменилъ свою на Яикѣ бытность женитьбою на дочери казацкой, называемой Устинья Петрова, за которую и въ церквахъ молиться отъ злодѣя приказано. Набранныя въ услуги ея казацкія жены и дочери называются фрелины. Но съ Божіею помощію скоро, скоро пройдетъ сего изверга въ здѣшнемъ краю возношеніе. Ропотъ между злодѣями начинается въ великомъ стремленіи. Бѣдствіе свое и крайность въ главной толпѣ познавать начинаютъ. Войски Ваши, которыми я командовать честь имѣю, свойственныя имъ вѣрность, усердіе и храбрость непоколебимо сохраняютъ, не смотря на всѣ трудности. О побѣдахъ надъ злодѣями кажется нѣтъ сомнѣнія, жаль только того, что между тѣмъ ослѣпленная чернь сама себя разоряя истребляетъ.

Кичуй. Марта 15 дня 1774 года.

---

[1]) Сибирскаго губернатора.

XXVII.

(Г. А. папка 2, книга I, О. DD).

Рескриптъ къ генералу Александру Бибикову.

Съ обыкновеннымъ къ вамъ благоволеніемъ получили мы последнюю реляцію вашу отъ 15 Марта съ ея приложеніями, изъ которой съ удовольствіемъ усматриваемъ продолженіе ревностныхъ и усердныхъ трудовъ и распоряженій вашихъ къ вящшему пораженію злодѣевъ Оренбургской губерніи. Всѣхъ дѣйствовавшихъ противъ ихъ вѣрныхъ сыновъ отечества имѣете вы обнадежить монаршею нашею милостію и воззрѣніемъ на ихъ заслуги. Съ другой стороны, какъ вы тутъ же описываете неизвѣстность поведенія генералъ-поручика де-Колонга и странность даваемыхъ отъ него повелѣній своимъ подчиненнымъ, то мы симъ подтверждаемъ вновь одиножды ввѣренную вамъ главную власть во всемъ томъ, что токмо можетъ имѣть какое либо прикосновеніе къ тамошнему злодѣйскому возмущенію.

На случай же неспособности того генералъ-поручика къ исполненію отъ васъ ему предписываемаго отправленъ будетъ къ вамъ немедленно генералъ-поручикъ Суворовъ, которымъ вы того смѣнить и употреблять какъ того, такъ и другаго можете тамо, гдѣ вы по соображенію обстоятельствъ и по усмотрѣнію пользы за благо разсудите: если жъ для удобнѣйшаго успѣха потребенъ вамъ еще генералъ-маіоръ, то и оный по первому отъ васъ о томъ отзыву отправленъ къ вамъ будетъ. Но и до прибытія ихъ ничто не возбраняетъ вамъ находящихся въ ввѣренныхъ вамъ войскахъ и краю командировъ перемѣнять такъ, какъ вы сами за полезнѣйше признаете. Впрочемъ мы не сомнѣваемся, что на извѣстія Сибирскаго губернатора обратите вы все ваше вниманіе и употребите все же въ человѣческой возможности состоящее, къ недопущенію усиливаться тамо злодѣйскимъ возмущеніямъ. Благоразумію и испытанной вашей ревности къ службѣ нашей и отечества поручаемъ мы съ полною и единожды данною вамъ довѣренностію спасеніе отъ внутреннихъ злодѣевъ части имперіи нашей, пребывая къ вамъ навсегда Императорскою милостію благосклонны. Данъ въ Царскомъ Селѣ, 29 марта 1774 года.

Екатерина.

XXVIII.

Окончаніе послѣдняго донесенія Бибикова [1]).

(Арх. В. т. депо, № 26, 598).

Поспѣшилъ бы я, всемилостивѣйшая Государыня, прибытіемъ моимъ въ Оренбургъ, если бъ приключившаяся мнѣ жестокая болѣзнь меня здѣсь не остановила, которою въ такое изнеможеніе и слабость приведенъ, что не имѣю почти никакого движенія, такъ что едва только могу приказывать находящемуся при мнѣ г. генералъ-маіору Ларіонову, который повелѣнія мои подписывая, въ разныя мѣста разсылаетъ и служитъ мнѣ органомъ всемилостивѣйше возложеннаго на меня дѣла. Утѣшаюсь я, что нашелъ его въ семъ

---

[1]) Донесеніе это не помѣщается здѣсь вполнѣ, потому что принадлежитъ къ ряду нетронутыхъ мною бумагъ Бибикова. Отрывокъ же этотъ предлагается по связи его съ разсказомъ о болѣзни и смерти Бибикова и для объясненія приложеннаго снимка его почерка. Извлеченіе изъ этого донесенія было напечатано въ прибавленіи къ № 34 СПб. Вѣдомостей 1774.

случаѣ столь для меня полезнымъ; онъ, по изъявленію Вашему Императорскому Величеству особливаго своего усердія при разбитіи злодѣевъ, пришедшихъ изъ-подъ Уфы великою толпою, въ деревнѣ Стерлитамакѣ и при крѣпости Бакалахъ, командуя корпусомъ съ отмѣннымъ искуствомъ и благоразуміемъ, чѣмъ и окончилъ экспедицію почти сего корпуса, также заболѣлъ, почему и раздѣлилъ я сей корпусъ, поруча надъ другою частію команду подполковнику Михельсону.

Въ заключеніе сего осмѣливаюсь всеподданнѣйше поднести именной списокъ отличившихся усердіемъ своимъ въ службѣ Вашей при пораженіи злодѣевъ въ Татищевой крѣпости штабъ- и оберъ-офицеровъ. Къ первымъ дерзаю всенижайше просить высочайшаго благоволенія и милости, а офицерамъ по всемилостивѣйше отъ Васъ, великая Государыня, данному мнѣ дозволенію не оставлю объявить по мѣрѣ каждаго услуги.

Si j'avais un seul habile homme, il m'aurait sauvé. mais hélas je me meurs sans vous voir.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданѣйшій

Александръ Бибиковъ.

Богульма.
Отъ 7 Апрѣля
1774 года.

II.

ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II СЪ ГРАФОМЪ П. И. ПАНИНЫМЪ [1]).

Дѣятельность гр. П. И. Панина до выѣзда его изъ Москвы.

1863.

Прежде свѣдѣній о порученіи графу П. Й. Панину усмиренія Пугачевскаго бунта, представимъ нѣсколько извлеченій изъ переписки его съ императрицей Екатериной II во время первой турецкой войны. Выступивъ въ походъ въ сентябрѣ 1769, онъ 10 апрѣля слѣдующаго года благодарилъ Екатерину за разрѣшеніе представлять ей прямо о награжденіи подчиненныхъ его орденомъ св. Георгія. Черезъ недѣлю, находясь въ Харьковѣ, откуда писано и предыдущее донесеніе, онъ такъ увѣдомляетъ государыню объ увеличеніи своего семейства: „Вышнему промыслу вчерась благоугодно стало низпослать въ ро-

[1]) Въ Приложеніи (№ 4) къ III тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ СПб. 1863.

Снимокъ съ приписки Бибикова на послѣднемъ его донесеніи Екатеринѣ II.

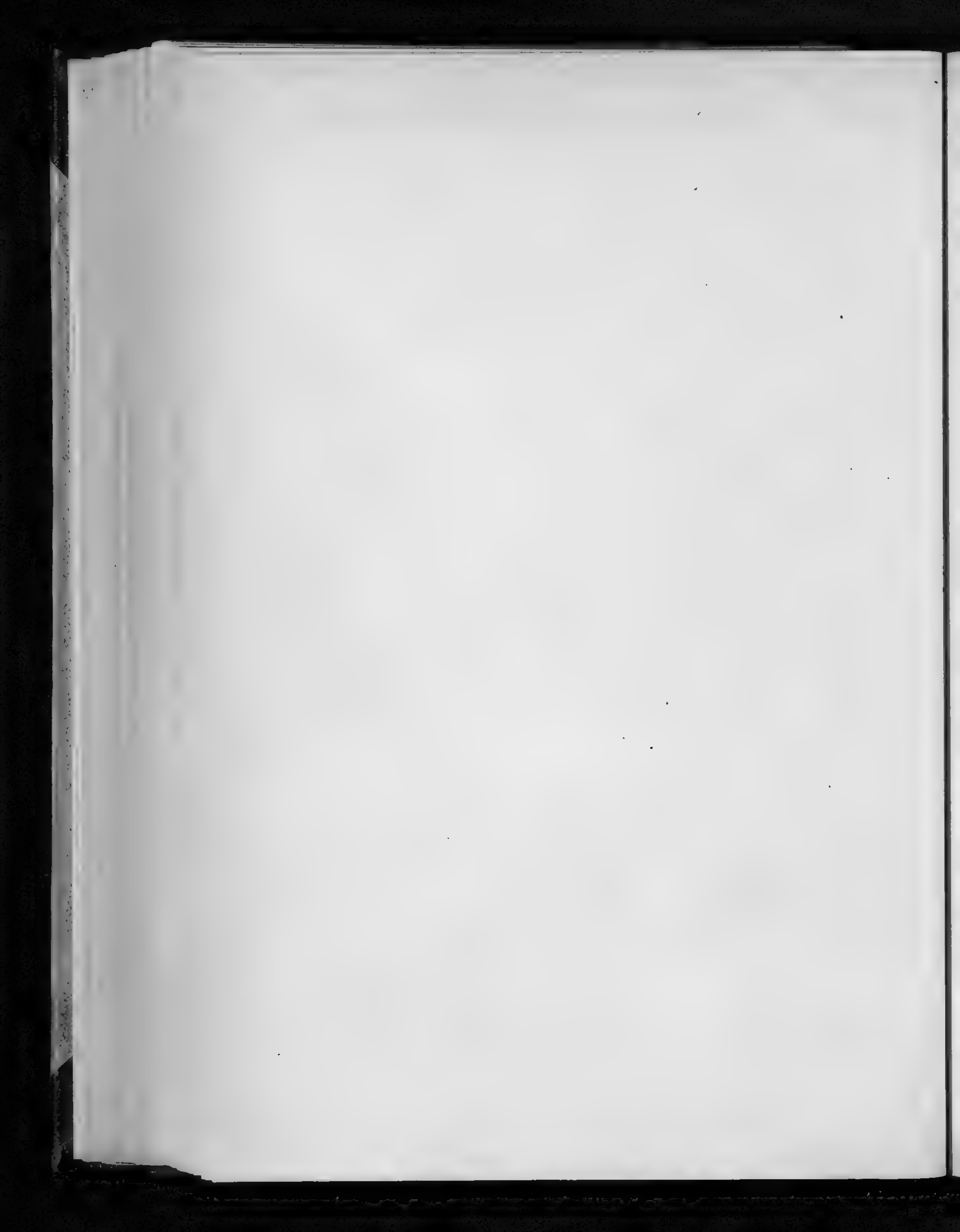
(Къ стр. 478 и 518).

Si j'avais un seul
habille home, je
m'aurais sauvais.
mais helas je me meure
sans avoir vous revue

№ 19

Богульма
"7" апреля
1774 года.

Александръ Бибиковъ



жденномъ моемъ сынѣ всеподданнѣйшаго раба Вашему Императорскому Величеству, котораго, отправляясь я теперь противу враговъ Вашего Императорскаго Величества, къ посвященію моего живота и остальнаго весьма дряхлаго и безнадежнаго на продолженіе жизни здоровья, оставляю въ первоначальномъ, а и сестру его въ сущемъ еще младенчествѣ и съ матерью, во окруженіи завистниковъ моей тридцатипятилѣтней счастливой и безковарной Вашему Императорскому Величеству и Имперіи службы, въ такомъ конечно по безкорыству недостаточномъ и отъ ихъ только небогатыхъ предковъ доставшемся состояніи, что при лишеніи ихъ со мною получаемаго отъ службы жалованья, будутъ онѣ совершенно ввержены и въ претерпѣніе настоящей бѣдности".

Затѣмъ Панинъ повергаетъ всѣхъ своихъ въ „милосердное монаршеское призрѣніе", а себя во „всемилостивѣйшее предохраненіе отъ непріятелей, обыкновенно завистію вооружающихся на довѣренности монаршескія" съ надеждою, „что Екатерина II сколько велика во всемъ своемъ монаршескомъ совершенномъ сіяніи, столь же всеконечно справедлива и великодушна" и проч. Въ отвѣтѣ на это письмо Екатерина (1 мая) писала между прочимъ Панину: „Чрезъ сіе вамъ повелѣваю ему объявить (т. е. новорожденному) чинъ корнета конной гвардіи и надѣюсь, что вы не оставите въ немъ вселить всѣ тѣ же чувствія къ отечеству и ко мнѣ, кои вы всегда старалися заслугами оказать". Благодаря императрицу за эту милость и опять называя ее великою и премудрою, Панинъ шуточно изъявляетъ сожалѣніе, „что нынѣшнее невинное невниманіе и неповиновеніе" сына его не допускаетъ отца со всею точностію исполнить Высочайшее повелѣніе, но „при первоначальной перемѣнѣ такого его не въ батюшку своенравія" онъ обѣщаетъ „вмѣстѣ съ младенческою пищею внѣдривать въ ребенка самую непорочную подданническую вѣрность" и т. п.

Послѣ Чесменскаго дѣла Екатерина собственноручно увѣдомила Панина объ этой побѣдѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ спросила насчетъ Бендеръ словами: „не умеръ ли медвѣдь (si l'ours est mort)". Отвѣчая на это письмо, Панинъ поздравляетъ ее съ столь знаменитою побѣдою русскаго флота, „возведеннаго въ сію степень верховной славы великою Екатериною, о коей сегодня состоящее ея оружіе подъ стѣнами Бендерскими своимъ звукомъ, а по городу ядрами и бомбами производитъ молебственное Богу благодареніе". Затѣмъ онъ доноситъ о побѣдѣ и надъ сухопутными турецкими силами подъ Очаковомъ; но, прибавляетъ онъ: „къ моему еще несчастію не могу другаго о томъ отвѣтствовать: *si l'ours est mort?* какъ *non pas encore*; однакожъ, сколь оной въ Бендерахъ ни свирѣпъ, но обнадеживаю себя" и проч. Надежда не обманула Панина: уже черезъ два дня, 16 сентября, онъ пишетъ новое донесеніе и начинаетъ его словами: „L'ours est mort и сколь онъ Бендерскую мерлогу (sic) ни крѣпку, а ногтей почти

больше егерей имѣлъ и сколь ни безпримѣрно свирѣпъ и отчаянъ былъ, но Великой Екатерины отправленныхъ на него егерей стремленіе соблюсти достоинство славы оружія ея со врожденными въ нихъ вѣрностію и усердіемъ къ своему Государю, храбрость съ бодрствіемъ нашли способъ, по лѣстницамъ перелѣзть чрезъ стѣны его мерлоги и совершенно сокрушить всѣ его челюсти, вслѣдствіе чего не простительно бъ согрѣшилъ предъ моею Государынею, еслибъ того не сказалъ: что предвиденные мною на сію охоту ея егери справедливо достойны Высочайшей милости Великой Екатерины; въ которую и дерзаю совокупно съ ними и себя повергнуть".

Получивъ эту вѣсть чрезъ бригадира Броуна, 3 октября, а вслѣдъ за ней и подробную реляцію о побѣдѣ, привезенную камергеромъ Талызинымъ, Екатерина при собственноручномъ рескриптѣ 5 октября послала Панину крестъ военнаго ордена 1-й степени и въ то же время пожаловала ему 2.500 душъ. Этотъ рескриптъ могъ дойти до Панина 22 октября. Уже черезъ 6 дней онъ отправилъ къ императрицѣ просьбу о своемъ увольненіи. Причиною такого внезапнаго рѣшенія было конечно неудовлетворенное честолюбіе, которому полученныя награды казались несоразмѣрными съ заслугою. Хотя Панинъ въ просьбѣ своей и не высказываетъ прямо своего неудовольствія, однакожъ оно довольно ясно проглядываетъ сквозь нѣкоторыя выраженія. Напримѣръ, онъ говоритъ: „Наисчастливѣйшимъ сіе войско поставлять стану, когда оно и впередъ подъ лучшайшимъ предводительствомъ мужество, храбрость" и проч. „еще знаменитѣе оказывать случаи имѣть можетъ". Потомъ онъ говоритъ, что истратилъ свое здоровье „чрезъ 36 лѣтъ продолженія все безпрерывно въ военной службѣ, проходя трудности оной отъ самаго солдатства", напоминаетъ, что уже *во другорядъ* подъ скипетромъ Екатерины предводительствуетъ войсками *въ званіи главнаго военнаго чиноначальника*, и прибавляетъ, что разстроенное „увѣчными болѣзненными припадками здоровье его до того уже тѣлесныя его силы обременило, а духъ разными приключеніями стѣснило", что онъ видитъ себя „совсѣмъ лишеннаго возможности не только въ наступающую компанію въ полѣ, но и ни въ какомъ другомъ званіи болѣе продолжать свою службу".

По свидѣтельству Бантышъ-Каменскаго, императрица неохотно согласилась на увольненіе Панина, и рескриптъ ея о томъ написанъ 27 ноября того же года, т. е. ровно черезъ мѣсяцъ послѣ отправленія просьбы Панина.

Объ обстоятельствахъ назначенія Панина, черезъ $3^1/_2$ года, для распоряженія дѣйствіями противъ Пугачева, мы до сихъ поръ знаемъ только изъ біографическаго словаря Бантышъ-Каменскаго, но никакихъ источниковъ по этому предмету еще не было обнародовано. Разсказъ Бантышъ-Каменскаго недавно повторенъ и г. Лебедевымъ.

Мы имѣемъ передъ глазами ненапечатанное доселѣ письмо гр. П. И. Панина къ императрицѣ, писанное за три дня до его назначенія. Хотя изъ этого письма и не видно обстоятельствъ, предшествовавшихъ самому избранію новаго полководца однакожъ и оно указываетъ на посредничество или участіе Никиты Ивановича въ этомъ дѣлѣ. „Сего утра (26 іюля) въ 6-мъ часу отъ брата моего графа Никиты Ивановича Панина предварило меня съ нарочнымъ увѣдомленіе, пущенное 22 числа сего мѣсяца, что Вашему Императорскому Величеству благоугодно стало Всемилостивѣйше избрать меня ко употребленію на пресѣченіе внутренняго во Имперіи Богомъ вамъ порученной Пугачевскаго смятенія. Сіе хотя нашло меня въ крайней здоровья слабости отъ мучившей жестокой лихорадки съ волнованіемъ во всемъ корпусѣ моемъ летучей подагры, отчего однакожъ по счастію на другой день стало нѣсколько легче, но совсѣмъ тѣмъ оживотворило мой духъ вновь, и я какъ всегда былъ, такъ и теперь всею душею“ и проч... „Повелѣвайте, Всемилостивѣйшая Государыня, и употребляйте въ семъ случаѣ всеподданнѣйшаго и вѣрнаго раба своего по вашей благоугодности: я теперь, мысленно павъ только къ стопамъ вашимъ съ орошеніемъ слезъ приношу мою всенижайшую благодарность за всемилостивѣйшее меня къ тому избраніе, и дерзаю всеподданнѣйше испрашивать той полной ко мнѣ Императорской довѣренности и власти въ снабженіи и способіи, которыхъ требуетъ настоящее положеніе сего важнаго дѣла“.

Распространившисъ потомъ о страхѣ, въ который повержена Москва, гр. Панинъ, жившій тогда въ этой столицѣ, а не въ деревнѣ, какъ думалъ Пушкинъ, подаетъ Екатеринѣ нѣсколько совѣтовъ о движеніи войскъ. Но особенно замѣчательно окончаніе письма, доказывающее предусмотрительность Панина. Слабость здоровья и случающіяся съ нимъ „увѣчныя припадки“ заставляютъ его опасаться, чтобы его дѣятельность не была внезапно прервана болѣзнію или даже смертію“: „то чтобы въ таковомъ случаѣ не могли произойти слѣдствія подобныя послѣ покойнаго генерала Бибикова; для того повелите, Всемилостивѣйшая Государыня, снабдить меня такимъ генераломъ, который бы съ надежною властію и съ соотвѣтственнымъ чиномъ въ такомъ приключеніи могъ занять мое мѣсто и съ тою же властію и довѣренностію всѣми подчиненными и мѣстами тотчасъ повелѣвать и управлять, какую вы мнѣ высочайше довѣрить изволите, а притомъ могъ бы онъ мнѣ привести какъ скоро возможно самоличныя Вашего Императорскаго Величества изустныя повелѣнія и довѣренность. Я бы почиталъ теперь вѣрнымъ своимъ долгомъ представиться для того самъ предъ Ваше Императорское Величество, но истинно нѣтъ естественной силы на такую скоростижную переѣздку, а паче еще боюсь отбытіемъ отсель больше повредить настоящее здѣшнее положеніе,

наносимое злодѣйскимъ приключеніемъ, нежели его поправить; для того буду ожидать здѣсь высочайшихъ повелѣній".

Назначеніе Суворова было отвѣтомъ на просьбу, заключавшуюся въ этихъ строкахъ [1]). Оно послѣдовало 30 іюля, т. е. на 4-й день послѣ отправленія письма Панина изъ Москвы. Прежде и онъ получилъ на 4-й же день (26 іюля) увѣдомленіе, отправленное братомъ его 22-го числа. Это даетъ намъ понятіе о степени скорости тогдашнихъ сообщеній между Петербургомъ и Москвою. Слѣдовательно извѣстный указъ 29 іюля о назначеніи Панина (напечатанный Пушкинымъ), написанъ былъ до полученія отвѣта его на письмо Никиты Ивановича по этому дѣлу. Вотъ почему о Суворовѣ и не могло быть упомянуто въ томъ же указѣ, и императрица на другой день поспѣшила особо написать о немъ Панину, который тотчасъ отправилъ къ нему въ Кіевъ нарочнаго курьера съ предложеніемъ прибыть къ полкамъ гусарскимъ и пикинернымъ, отряженнымъ изъ 2-й арміи подъ начальство Панина. Припомнимъ, что около того времени былъ заключенъ миръ съ Турціей, развязывавшій Екатеринѣ руки въ борьбѣ съ Пугачевымъ. За нѣсколько дней до окончательнаго назначенія Панина, она увѣдомляла объ этомъ радостномъ событіи князя Петра Михайловича Голицына, исправлявшаго временно должность главноначальствующаго въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ возмущенія.

Одновременно съ упомянутымъ указомъ сенату, данъ былъ самому Панину рескриптъ, точнѣе обозначавшій предѣлы власти его по этому порученію. Этимъ рескриптомъ ему подчинены были не только всѣ войска, но и мѣстныя власти и управленія военнаго, гражданскаго и духовнаго вѣдомствъ въ трехъ губерніяхъ: казанской, нижегородской и оренбургской; причемъ ему разрѣшалось брать и употреблять по усмотрѣнію своему на мѣстѣ всѣхъ, какъ находящихся въ дѣйствительной службѣ, такъ и отставныхъ чиновъ военныхъ и гражданскихъ, которыхъ онъ будетъ находить особенно способными къ чему-либо. Рескриптъ оканчивается такимъ образомъ: „Повторяя напослѣдокъ, что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностію ввѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію продолжающихся безпокойствъ, по лучшему вашему усмотрѣнію представляющихся удобностей, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того

---

[1]) Впрочемъ Екатерина еще 28 іюля писала кн. Волконскому: „Я приказала фельдмаршалу прислать наискорѣе къ вамъ ген.-пор. Суворова" (Москвитянинъ 1845 г., № 5). Изъ книги Пушкина и статей г. Лебедева извѣстно, что военная коллегія еще въ мартѣ мѣсяцѣ вызывала Суворова изъ турецкой арміи для участія въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, но Румянцовъ рапортомъ 15 апрѣля уклонился отъ исполненія этого требованія. Мы имѣли случай видѣть и письмо Екатерины отъ 29 марта, въ которомъ она писала Бибикову, что вслѣдствіе его жалобъ на Деколонга къ нему немедленно будетъ посланъ Суворовъ.

дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя объявленія, если вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности".

Императрица думала приложить къ этому рескрипту проектъ манифеста къ жителямъ Москвы съ приглашеніемъ ихъ къ пожертвованіямъ. Предполагалось предоставить Панину публиковать этотъ манифестъ тогда же или впослѣдствіи и сдѣлать въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Но въ черновомъ рескриптѣ мѣсто, въ которомъ говорилось объ этомъ манифестѣ, отчеркнуто и на поляхъ рукою Екатерины написано: „Сей манифестъ на сей часъ оставляется".

Въ то же время изданъ манифестъ, которымъ предписывалось всѣмъ начальствамъ „по всѣмъ требованіямъ или приказаніямъ гр. Панина чинить, безъ всякаго отлагательства, упущенія или отговорки, скорое непремѣнное исполненіе, подобно какъ бы оныя собственно и непосредственно отъ насъ происходили".

Изъ донесеній гр. Панина видно, что ему разрѣшено было даже производить въ низшіе чины до маіорскаго чина, но мы въ документахъ не нашли слѣдовъ даннаго ему на то полномочія.

Въ одинъ день съ указомъ о назначеніи Панина состоялся другой слѣдующаго содержанія: „Всемилостивѣйше жалуемъ вамъ на исправленіе и на подъемъ вашъ 5 т. р., да на случающіеся по комиссіи вашей чрезвычайные канцелярскіе расходы 5 т. р., которыя деньги и имѣете вы получить по сему нашему указу отъ генерала кн. Михайла Волконскаго" [1]).

Назначая гр. Панина главноначальствующимъ, императрица однакожъ не подчинила ему секретной комиссіи, завѣдываніе которой при покойномъ Бибиковѣ соединялось съ должностію главнокомандующаго. По смерти этого генерала секретная комиссія раздѣлилась на двѣ: на казанскую и оренбургскую [2]), и каждая сначала состояла въ вѣдѣніи мѣстнаго губернатора, но вскорѣ обѣ онѣ получили особаго начальника, Павла Сергѣевича Потемкина, который по дѣламъ ихъ и находился въ Казани.

Въ дѣлахъ сохранилась слѣдующая записка: „1) Надлежитъ сообщить генералу гр. Панину всѣ наставленія, данныя покойному генералу Бибикову и двумъ учрежденнымъ въ Казани и Оренбургѣ секретнымъ комиссіямъ, равно какъ и полученныя отъ нихъ до сихъ поръ доношенія и рапорты".

Противъ этого пункта собственноручная отмѣтка Екатерины: *При сихъ комиссіяхъ находится особенный отъ насъ опредѣленный генералъ-*

---

[1]) Такія же пособія и въ томъ же размѣрѣ были пожалованы Бибикову при его назначеніи противъ Пугачева.

[2]) О чемъ онъ еще представлялъ незадолго передъ смертію.

маіоръ Потемкинъ. Онъ, что впредь происходить будетъ, сообщитъ нужныя свѣдѣнія.

„2) Для лучшей удобности и для избѣжанія могущихъ повстрѣчаться разныхъ коллизій не повелѣно ли будетъ препоручить оныя комиссіи въ вѣдомство гр. Панина?“

Резолюція императрицы: „*Нѣту, для того что оная подо мною*“.

Въ этой запискѣ былъ еще 3-й пунктъ, содержавшій вопросъ о томъ, какія денежныя средства должны быть предоставены гр. Панину. На этотъ пунктъ не сдѣлано отмѣтки, но мы уже видѣли, какъ онъ былъ разрѣшенъ.

Указы 29 іюля, вмѣстѣ съ собственноручнымъ письмомъ императрицы [1]), повезъ къ Панину капитанъ гвардіи Александръ Михайловичъ Лунинъ, членъ секретной комиссіи, поѣхавшій еще съ Бибиковымъ въ Казань, но теперь находившійся въ Петербургѣ. Немедленно по полученіи этихъ бумагъ, 2 августа, Панинъ вступилъ въ должность и на другой день отвѣчалъ государынѣ письмомъ, изъ котораго видно, что она сама опасалась за Москву и повелѣла Панину — съ полками, которые онъ получитъ отъ кн. Волконскаго, идти на встрѣчу Пугачева. „Сколь ни малочисленна“, писалъ Панинъ, „команда, на первый случай отдѣляемая кн. Михаиломъ Никитичемъ въ мое предводительство, готовъ я однакожъ съ величайшею радостью встрѣтить съ нею на отраженіе злодѣевъ, еслибъ они подлинно покусились на здѣшній первопрестольный городъ, отчизну всего Россійскаго царедворства“. Вмѣстѣ съ тѣмъ Панинъ обѣщаетъ исполнить волю императрицы — „всячески имѣть согласіе и сношеніе съ кн. Михаиломъ Никитичемъ [2]). Завѣряя, что онъ въ дѣла по службѣ никогда не вмѣшивалъ и не будетъ мѣшать личныхъ чувствъ вражды или мщенія, онъ прибавляетъ: „Съ кн. Михаиломъ Никитичемъ отъ самой нашей молодости не имѣли мы и не имѣемъ ничего развращающаго пріятельскій союзъ нашъ, который по Высочайшей воли Вашей сохранить я еще сугубѣе всячески тщиться буду“.

Прежде всего нужно было принять мѣры на случай нападенія Пугачева на Москву, и гр. Панинъ имѣлъ по этому предмету нѣсколько конференцій съ кн. Волконскимъ.

Между тѣмъ 8 августа явился въ Петербургъ къ кн. Г. Г. Орлову яицкій казакъ Астафій Трифоновъ съ письмомъ отъ извѣстнаго сообщника Пугачева, Перфильева и другихъ казаковъ, всего 324-хъ человѣкъ, которые вызывались выдать Пугачева живаго и въ награду

---

[1]) Это письмо напечатано въ Москвитянинѣ 1845, № 5, стр. 42. Лунинъ былъ впослѣдствіи полоцкимъ губернаторомъ и наконецъ сенаторомъ; см. о немъ *Чт. въ Общ. Ист. и Др.*, 1860, кн. II.

[2]) Тотъ же совѣтъ въ отношеніи къ Панину императрица подала и кн. Волконскому. См. тамъ же стр. 43.

требовали по сту рублей на каждаго. Императрица, велѣвъ представить себѣ Трифонова, тотчасъ приказала объявить имъ ея согласіе и отослать ихъ депутата съ паспортомъ; для пріема же Пугачева она въ тотъ же день отправила капитана преображенскаго полка Галахова съ тѣмъ, чтобы онъ явился въ Москвѣ къ Панину и Волконскому, получилъ отъ генералъ-маіора Чорбы команду, а потомъ поѣхалъ въ Муромъ и, дождавшись тамъ казаковъ съ Пугачевымъ, доставилъ бы его въ Москву.

Увѣдомляя объ этихъ распоряженіяхъ какъ кн. Волконскаго такъ и гр. Панина, императрица сообщаетъ послѣднему любопытное показаніе казака Трифонова, „что въ заговорѣ о поимкѣ самозванца находящіе*(ся)* яицкіе казаки дѣйствительно его къ Нижнему не допустили и отъ Москвы отвели и стараются его держать въ изобильныхъ мѣстахъ подъ видомъ откормленія лошадей и дабы время дать убрать мужикамъ хлѣбъ съ поля, а между тѣмъ получить отселѣ отвѣтъ, куда его привести“. При этомъ Екатерину не могла не поразить мысль, отчего казаки, желая выдать Пугачева, не изберутъ *легчайшаго къ тому способа*: переправиться съ нимъ черезъ Волгу и *доставить его въ руки ближайшимъ воинскимъ командирамъ*. Она объясняла себѣ это тѣмъ, что „буйственный ихъ умъ, невѣжество и притомъ простота и злость дѣлаетъ ихъ не*(до)*вѣрчивыми“. Впрочемъ, она прибавляла: „Мысли мои таковыя я вамъ сообщаю какъ гаданье, на которое однакожъ положиться нельзя съ точностію“. Дѣйствительно, впослѣдствіи оказалось, какъ увидимъ, что Трифоновъ былъ обманщикъ.

Графъ Панинъ не хотѣлъ отдаляться отъ Москвы до тѣхъ поръ, пока планъ движеній Пугачева не обозначится яснѣе.

Въ самый день полученія бумагъ о своемъ назначеніи гр. Панинъ отправилъ нарочныхъ къ подчиненнымъ ему губернаторамъ и начальникамъ корпусовъ и отрядовъ съ предложеніями и предписаніями — всего въ двѣнадцати разныхъ мѣстъ и приказалъ имъ присылать ему рапорты по два раза въ недѣлю. Между прочимъ онъ предписалъ Михельсону продолжать непрерывно, въ общей связи съ Муфелемъ и гр. Меллиномъ, преслѣдованіе Пугачева, всячески препятствуя прорваться къ Москвѣ какъ самому ему, такъ и какимъ-либо отряженнымъ отъ него толпамъ. Еще гораздо прежде, по первому извѣстію, что Пугачевъ неожиданно обратился къ сторонѣ Вятки, Екатерина отправила въ Москву генерала Чорбу и нѣсколько полковъ [1]), велѣла Волконскому предложить московскимъ дворянамъ вооружить своихъ людей и послала Румянцову приказаніе поскорѣе отправить въ Москву

---

[1]) Вологодскій пѣхотный, донскій казацкій и Владимірскій драгунскій изъ Вязьмы, а черезъ нѣсколько времени еще л. гв. кирасирскій изъ Новгорода; всего было тогда въ распоряженіи Волконскаго 7 полковъ (Письма Императрицы къ Волконскому. Москвитянинъ 1845, № 5). Послѣ прислано было еще нѣсколько полковъ.

Суворова. Волконскій поручилъ Чорбѣ охранять Москву отъ всякаго покушенія по всѣмъ дорогамъ между рѣками Москвою и Клязьмою. Гр. Панинъ, получивъ начальство надъ всѣми войсками, приказалъ Чорбѣ доставлять ему ежедневныя увѣдомленія, чтобъ въ случаѣ надобности онъ самъ могъ подоспѣть къ этому войску съ полками, которыхъ еще ожидалъ. На бывшемъ у него съ кн. Волконскимъ совѣщаніи рѣшено было гр. Панину не удаляться съ полками отъ занятой Чорбою позиціи, пока Пугачевъ не перейдетъ за Оку или пока въ Москву не придутъ новые полки, достаточные для ея обезпеченія.

Опасенія за Москву были не безъ основанія. 1 августа Михельсонъ, не зная еще о смѣнѣ Щербатова Голицынымъ, а потомъ Панинымъ, писалъ къ первому изъ села Мамлеева, что Пугачевъ хотѣлъ итти на Арзамасъ и для того занять деревню Починки; но, узнавъ о близости его, Михельсона, поворотилъ къ югу на Саранскъ и Пензу [1]). Впрочемъ еще и гораздо позже, 19 августа, Голицынъ доносилъ Панину, что изъ допросовъ пойманныхъ сообщниковъ Пугачева видно, что онъ не оставлялъ намѣренія итти на Москву. Панину казалось, что въ тогдашнихъ обстоятельствахъ не такъ важно было истребить или поймать самого Пугачева, какъ укротить духъ возмущенія въ народѣ, и для того онъ считалъ нужнымъ, пользуясь заключеннымъ съ Турціею миромъ, обратить соразмѣрныя части войскъ съ ихъ генералами на устрашеніе и обузданіе черни во всѣхъ губерніяхъ, зараженныхъ бунтомъ. Панинъ при этомъ разсуждалъ такимъ образомъ: никто въ войскѣ лично не знаетъ Пугачева, и послѣ его пораженія, въ скопищѣ всегда будетъ легко другому принять на себя его имя и роль; слѣдовательно надо стараться до такой степени усмирить и исправить чернь, „чтобы каждый не только не способствовалъ къ возмущенію сего злодѣя, но чтобы всякій, ужаснувшись и его имени, восхотѣлъ каждаго появившагося въ званіи его и подсылки отъ онаго истреблять и ловить для представленія къ начальствамъ В. И. В.“ Поэтому-то „предосторожность отъ прокрадыванія малыхъ подсыльныхъ отъ злодѣевъ частей“ къ возбужденію черни была въ глазахъ Панина важнѣе „сильнаго пораженія большой злодѣйской толпы [2]).

[1]) Михельсонъ, желая пресѣчь Пугачеву всѣ пути на Арзамасъ и Москву, 30 іюля пошелъ на Починки (въ 60 верстахъ отъ Саранска, между этимъ городомъ и Арзамасомъ); но услыша, что Пугачевъ уже направляется къ Арзамасу, свернулъ вправо и хотѣлъ пресѣчь ему путь 60 верстами выше. Однако Пугачевъ, узнавъ о томъ, пошелъ къ Пензѣ, передовые же его уже были въ Починкахъ, гдѣ находился казенный конскій заводъ конной гвардіи. На другой день Михельсонъ, узнавъ, что партія злодѣевъ въ 30 человѣкъ дѣлаетъ покушеніе на Починки, отрядилъ противъ нея офицера, который и успѣлъ разогнать ее, взявъ 7 человѣкъ въ плѣнъ.

[2]) Тутъ же гр. Панинъ упомянулъ, что Волконскій считаетъ нужнымъ оставить въ Москвѣ, для защиты ея и обузданія Московской черни, 5 полковъ и 2 эскадрона

Этому діаметрально противоположно то, что Панинъ черезъ нѣсколько времени (24 августа) писалъ въ ордерѣ кн. Голицыну: „Но при всемъ томъ (т. е. при ужасномъ положеніи дѣлъ) представляется мнѣ, еслибъ Богъ помогъ главнаго бунтовщика и самозванца намъ совсѣмъ низложить, то тогда бъ все прочее упало и доставило бъ намъ легкія удобности преодолѣвать все то, что теперь намъ повсемѣстно встрѣчается почти неудобнымъ къ пресѣченію".

30 іюля Екатерина отвѣчала милостиво на письмо, которымъ Панинъ благодарилъ ее за свое избраніе. Извѣщая ее о полученіи этого отвѣта, Панинъ 4 августа представляетъ императрицѣ, что задача усмиренія бунта еще и теперь не такъ легка, какъ ей кажется: правда, что число полковъ, обращаемыхъ противъ мятежниковъ, „не только имъ да и сосѣдямъ было страшно", но за то „на какомъ великомъ пространствѣ они (т. е. полки) и какими многими раздѣльными частями дѣйствовать принуждены и съ какого весьма дальнѣйшаго отстоянія должны подоспѣвать къ требующимся мѣстамъ отряженные полки послѣ происшествія уже подъ Казанью и сколько онымъ времени еще надобно, чтобъ дойтить до самыхъ тѣхъ мѣстъ, куда настоящее положеніе ихъ требуетъ". Далѣе онъ прибавляетъ: „по приватнымъ свѣдѣніямъ мнѣ уже извѣстно, что теперь отъ самой Оренбургской губерніи до здѣшняго мѣста нѣтъ нигдѣ такого соединеннаго корпуса, который бы удобно было подвинуть съ потребною скоростью въ средину той стороны, въ кою бунтовщикъ перенесся"... Между тѣмъ должно опасаться, чтобы злодѣй не успѣлъ составить опять большую толпу для новаго какого-либо злодѣянія: есть достовѣрныя извѣстія, „что изъ селеній, имъ собственно и его партіями проходимыхъ, забраны ими съ собою всѣ молодые люди".

Увѣдомляя императрицу о приходѣ нѣкоторыхъ полковъ въ Москву, Панинъ говоритъ, что между ними есть два пикинерныхъ. „Долгъ истинной моей вѣрности", прибавляетъ онъ, „заставилъ меня напомянуть, что изъ сихъ званій полковъ при командированіи мною 2-й арміи, былъ одинъ въ возмутительномъ преступленіи, который мною и усмиренъ; да и всѣ они о превращеніи ихъ изъ казачьихъ въ пикинерные немалое негодованіе оказывали, а и вновь предъ войною сдѣланное объ нихъ учрежденіе о содержаніи себя собственно съ своихъ селеній не было таково, чтобы они довольно себя почитали". Замѣтивъ потомъ, что они вовремя были уведены на войну въ отдаленіе отъ своихъ жилищъ и удовлетворялись какъ полевымъ жало-

---

гусаръ, такъ что въ распоряженіе Панина поступали только одинъ драгунскій, одинъ казачій, два пѣхотные полка, 2 эскадрона гусаръ и одна полевая команда. 7 августа Панинъ показывалъ число состоявшихъ въ его вѣдѣніи войскъ въ 3.162 человѣкъ (Великолуцкій пѣхотный, Венгерскій гусарскій въ 2-хъ эскадронахъ, Володимірскій драгунскій и казацкій Краснощекова).

ваньемъ и изъ экстраординарной суммы пособіемъ, такъ и добычею отъ непріятеля, Панинъ заключаетъ, что онъ не смѣетъ надѣяться „чтобы они тѣми отъ войны выгодами могли истребить совсѣмъ прежній свой ропотъ, удобный теперь быть вновь поощренъ бунтовщиковыми происками и примѣрами“.

Донося 7 августа о прибытіи въ Москву послѣдняго пѣхотнаго полка, Панинъ свидѣтельствуетъ о хорошемъ состояніи, въ какомъ полки доведены, несмотря на поспѣшный маршъ, „а особливо полковникъ Древицъ съ безпримѣрнымъ сбереженіемъ строевыхъ лошадей и поспѣшностію сдѣлавъ переходъ въ 700 почти верстъ отъ Петербурга съ 25 числа минувшаго мѣсяца къ 3-му числу нынѣшняго за 20 верстъ подъ Москвою на растагъ по повелѣнію кн. М. Н. Волконскаго“. Панинъ думаетъ не скоро еще оставить Москву, полагая вмѣстѣ съ градоначальникомъ ея, что Пугачевъ, заведя преслѣдующіе его отряды на отдѣленныя отъ него вновь возмутившіяся шайки и утомивъ погоню, внезапно бросится къ Москвѣ или вообще туда, гдѣ онъ можетъ ожидать большихъ выгодъ.

По извѣстію, что Михельсонъ задерживается въ маршѣ своемъ вновь возмущенными шайками, которыя онъ долженъ разгонять, Панинъ въ подкрѣпленіе его отрядилъ венгерскаго полка полковника Древица, приказавъ ему разглашать по всѣмъ городамъ и большимъ селеніямъ, что вслѣдъ за нимъ идетъ самъ Панинъ съ 10 т. войска, для котораго заготовляются въ городахъ небольшіе проходные магазины. Прилагая къ донесенію объ этомъ рапорты отъ кн. Голицына и графа Меллина, Панинъ обращаетъ вниманіе императрицы, до какого раздробленія дошли войска, прежде употребленные на усмиреніе мятежа, и какъ изнурены преслѣдующія Пугачева партіи, которыя, проходя по раззоренным имъ мѣстамъ, должны беречь поселянъ и показывать себя ихъ охранителями, тогда какъ злодѣй позволяетъ себѣ для своего продовольствія самыя безчеловѣчныя средства. На этой недѣлѣ Панинъ намѣренъ выступить, когда изъ переписки съ кн. Голицынымъ и Михельсономъ увидитъ, куда именно долженъ направиться сообразно съ намѣреніями Пугачева. Въ подкрѣпленіе своей команды, которую онъ находитъ недостаточною, Панинъ проситъ императрицу указать пѣхотнымъ ротамъ, въ Смоленскѣ состоящимъ, и воинскимъ командирамъ въ новопріобрѣтенныхъ губерніяхъ маршировать ближними дорогами на Оболенскъ, Калугу, держась къ Шацку, а между тѣмъ разослать нарочныхъ офицеровъ по всѣмъ дорогамъ, откуда могутъ теперь притти войска, съ разглашеніемъ, что имъ поручено „приготовленіе проходныхъ магазиновъ для войскъ, поспѣшающихъ отовсюду на совершенное низложеніе государственнаго врага“ и на заслуженное наказаніе всѣхъ измѣнниковъ. По поводу рапорта гр. Меллина съ отзывомъ о частыхъ измѣнахъ „духовнаго

чина", Панинъ проситъ государыню повелѣть Синоду издать и обнародовать, гдѣ нужно, увѣщанія съ угрозою, что виновники будутъ немедленно лишаемы священнаго и всякаго духовнаго рукоположенія и подвергаемы гражданскому суду и наказанію. 17 августа Панинъ повторяетъ предположеніе, чтобы пока поспѣютъ войска во всѣ города, „ѣхать на почтѣ впередъ изъ назначенныхъ въ тамошнія мѣста или въ близость на квартиры подчиненному генералитету, хотя съ небольшими при себѣ конвойцами для виду распоряженія скоро прибывающихъ туда войскъ, а между тѣмъ, еслибъ какіе первоначальные въ черни отзывы предусматривали, тобъ заводчиковъ схватывая, имѣли власть ко устрашенію примѣрно карать. Я ласкаю себя, что и поспѣшное проявленіе повсемѣстно единыхъ мундировъ войскъ в. и. в. и знатныхъ чиновниковъ можетъ сдѣлать великую пользу въ предупрежденіе совершеннаго бунта". Для воронежской и бѣлгородской губерній могла бы много способствовать къ тому 2-я армія, а для московской губерніи отрядъ изъ новопріобрѣтенныхъ губерній и отъ стороны Петербурга.

Галаховъ прибылъ въ Москву 12 августа въ 6 часовъ утра съ собственноручнымъ письмомъ государыни къ Панину. Панинъ въ тотъ же день съѣхался съ Волконскимъ; они положили отправить Галахова до отрядовъ, находящихся всего ближе къ Пугачеву.

Ближайшему къ Москвѣ Чорбѣ велѣно препроводить Галахова до Древица, Древицу же эскортировать его форсированнымъ маршемъ къ одному изъ отрядовъ Михельсона, Муфеля и Меллина и дать ему эскадронъ гусаръ для соединенія съ тѣмъ или другимъ изъ этихъ отрядовъ, которые имѣютъ исполнять требованія Галахова.

На такомъ основаніи Панинъ, снабдя Галахова во всѣ мѣста строжайшими повелѣніями, снарядилъ къ отъѣзду съ разсвѣтомъ 13 августа: „оставалось ему только получить повелѣнную сумму денегъ, которой въ поспѣшной перемѣнѣ на золотую монету употребляютъ всѣ труды".

Панинъ еще ждетъ въ Москвѣ возвращенія курьеровъ, отправленныхъ къ передовымъ отрядамъ, однакожъ сбирается во всякомъ случаѣ выѣхать на этой недѣлѣ, чтобы на перемѣнныхъ лошадяхъ догнать еще у Шацка отрядъ Чорбы.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Рескриптъ къ генералу графу Панину (черновой съ поправками императрицы).

Божіею Милостію Мы Екатерина II

Нашему генералу графу Петру Панину.

(Признавая по испытанію отличныя ваши, яко истиннаго патріота, качества усердія къ особѣ нашей, любви и вѣрности къ отечеству, равно какъ и ревности къ нераздѣльной службѣ онаго и нашей, пріемлемъ мы за благо всемилостивѣйше вамъ поручить усмиреніе возставшихъ отъ нѣкотораго времени смятенія и бунта въ нѣдрахъ Имперіи нашей подъ предводительствомъ самозванца и злодѣя Пугачева, а совокупно съ онымъ и возстановленіе общей тишины и порядка государственнаго въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оное замѣшательство настоитъ) [1].

Въ слѣдствіе сего опредѣляемъ мы въ главную вашу команду всѣ тѣ войска, кои дѣйствительно уже противу Пугачева употребляемы были со всѣми гарнизонами и другими разными деташаментами, въ тѣхъ окрестностяхъ находящимися. Но какъ намѣреніе наше въ порученіи вамъ отъ насъ сего государственнаго дѣла, не въ томъ одномъ долженствуетъ состоять, чтобъ поражать, преслѣдовать и истреблять злодѣевъ, оружіе противу насъ и верховной нашей власти всприявшихъ; но паче въ томъ, чтобъ по-елику возможно сокращая пролитіе крови заблуждающихъ, кое для матерняго и человѣколюбиваго нашего сердца толь оскорбительно, возвращать ихъ на путь исправленія, чрезъ истребленіе мглы, духи помрачившей, возстановлять вездѣ повиновеніе, покой и безопасность внутренняго гражданскаго общежитія, и приводить опять всѣ разстроенныя части государственнаго правленія въ прежній ихъ порядокъ; то для соединенія въ одну цѣль сего сугубаго предмета, отдаемъ мы равно въ главную вашу команду губернаторовъ Казанскаго, Оренбургскаго и Нижегородскаго со всѣми ихъ провинціальными и уѣздными правленіями, яко такія три губерніи, въ которыхъ уже развратъ и неустройство духовъ явнымъ образомъ открылось; а сверхъ сего еще снабжаемъ васъ слѣдующимъ здѣсь за подписаніемъ собственной нашей руки отверстымъ указомъ, дабы всѣ и каждый безъ изъятія, кому принадлежитъ по должности и званію какая-либо часть власти духовнаго, воинскаго и гражданскаго правленія нашего, вездѣ неукоснительно и безъ всякаго отлагательства исполняли всѣ ваши до сего сугубаго предмета относящіяся требованія и приказанія. Находившись толь долгое время при исправленіи знатнѣйшихъ должностей воинскихъ и гражданскихъ службы государственной, не можете вы не знать всѣхъ оныхъ коренныхъ узаконеній, и для того несумнѣнно и ожидаемъ мы отъ васъ, что вы при употребленіи ввѣренной вамъ отъ насъ сей полной власти предохраните цѣлость ихъ; въ протчемъ же употребленіе во всякомъ случаѣ къ статѣ и ко времени дѣйствительнѣйшихъ мѣръ предаемъ мы съ полною довѣренностію

---

[1]) Въ чистомъ рескриптѣ мѣсто это замѣнено началомъ рескрипта, даннаго Бибикову съ прибавленіемъ слова: *и казанской губерніяхъ* послѣ наименованія *оренбургской*. Заимствованіе идетъ до словъ: *во многихъ случаяхъ* включительно (см. выше, Бумаги Бибикова, стр. 496).

собственной вашей разборчивости и лучшимъ на мѣстѣ усмотрѣніямъ, удостовѣряясь на передъ, что патріотической вашъ духъ не упуститъ конечно собою никогда ничего такого, что только къ скорѣйшему исполненію возложеннаго на васъ важнаго государственнаго дѣла нѣкоторымъ образомъ способствовать можетъ. Мы не хотимъ да и не можемъ опредѣлить вамъ теперь мѣста, гдѣ бы вамъ на первой часъ взять пребываніе ваше, ибо сіе долженствуетъ зависѣть отъ обстоятельствъ, слѣдовательно же и отъ собственнаго вашего по онымъ усмотрѣнія;

(а между тѣмъ дабы преподать вамъ всѣ отсюда возможныя пособія, повелѣли мы присовокупить къ сему форму манифеста, на жителей губерніи московской адресованнаго. Изъ содержанія его постигнете вы намѣреніе наше; но въ то же время оставляемъ мы опредѣлить вамъ самимъ, теперь ли сей манифестъ безпосредственно обнародовать, или же отложить еще публикацію онаго до усматриваемаго вами впредь удобнѣйшаго момента, не надобенъ ли еще сей же самой манифестъ и для жителей губерніи нижегородской, какъ ближе опасности подлежащихъ, такъ же и не найдете ли вы сверхъ того за нужное сдѣлать въ немъ какую либо перемѣну прибавленіемъ или убавленіемъ нѣкоторыхъ израженій или мыслей. Рѣшите вы сами подробности и употребите манифестъ такъ и тогда, какъ то для пользы дѣлъ лучше быть можетъ) [1]).

При толь обширной коммиссіи, какова есть поручаемая нынѣ отъ насъ патріотическому вашему усердію, и соединяющая въ себѣ всѣ части политическаго, военнаго и гражданскаго управленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулась зараза Пугачевскаго злодѣйства, или же которыхъ оная приближаться станетъ, конечно нужны вамъ будутъ хорошія и надежныя орудія, чего ради и позволяемъ мы вамъ брать и употреблять по усмотрѣнію вашему на мѣстѣ всѣхъ тѣхъ, какъ изъ находящихся при должностяхъ и въ дѣйствительной службѣ, такъ и изъ отставныхъ всякихъ чиновъ обоего званія военнаго и гражданскаго, коихъ вы отмѣнно способными къ чему либо находить будете, приглашая ихъ къ добровольному себя употребленію въ толь нужномъ государственномъ случаѣ.

Повторяя на послѣдокъ, что мы вамъ съ полною и неограниченною довѣренностію ввѣряемъ изысканіе и употребленіе всякихъ средствъ и мѣръ къ прекращенію продолжающихся безпокойствъ по лучшему вашему усмотрѣнію представляющихся удобностей, уполномочиваемъ мы васъ сверхъ того дѣлать отъ себя и собственнымъ вашимъ именемъ всякія письменныя и печатныя объявленія, естьли вы когда въ томъ нужду признаете для пользы и поспѣшествованія порученнаго вамъ дѣла толикой важности.

Да будетъ вамъ благодать всевышняго спутникомъ и руководителемъ, мы же усердно о томъ Его моля, пребываемъ вамъ Императорскою нашею милостію благосклонны. Данъ въ Петергофѣ іюля 29 дня 1774 г.

Письма и донесенія гр. П. И. Панина и отвѣты на нихъ Екатерины II.

I.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Вашего Императорскаго Величества собственноручное писаніе всемилостивѣйше ко мнѣ отъ 26 минувшаго мѣсяца пущенное и милосерднѣйшее взысканіе меня поздравленіемъ съ праздникомъ Христова воскресенья, я имѣлъ щастіе получить 4-го числа нынѣшняго мѣсяца съ благоговѣннѣйшимъ подобострастіемъ

[1]) Рукой Екатерины на поляхъ отмѣчено: Сей манифестъ на сей часъ оставляется".

и съ преисполненною благодарностію, которую, чрезъ сіе повергнувшись къ стопамъ вашего императорскаго величества, дерзаю всеподданнѣйше и съ наичувствительнѣйшимъ признаніемъ приносить. А высочайшее въ немъ повелѣніе о донесеніи собственно вашему Императорскому Величеству всякой разъ, когда кто изъ порученныхъ въ мое предводительство чиновъ представится достойнымъ къ пріобрѣтенію по изданнымъ правиламъ ордена святаго Георгія, пріемлю какъ въ знакъ распространяемой высочайшей ко мнѣ довѣренности, такъ въ новой себѣ залогъ и подтвержденіе моей всегда со всею непорочностію сохраняемой къ вашему Императорскому Величеству и Государству вѣрности, по которой особливо въ дѣлахъ, съ высочайшею монаршескою славою и Государственною безвредностію сопряженныхъ, а по службѣ, жизнь на смерть и увѣчныя приключеніи приносимой, всякое пристрастіе и собственныя виды помѣщать поставляю я, всемилостивѣйшая Государыня! за измѣну обязательства присяги и собственной чести. На семъ же основаніи щастіе мое единственно въ томъ поставлять и буду, когда кто изъ предводимыхъ мною чиновъ истинными своими по онымъ правиламъ отличностями, преподадутъ случаи представляя ихъ къ высочайшему вашего Императорскаго величества благоволѣнію. Пребывая всегда до послѣдняго момента жизни, со всею непорочною моею всеподданнѣйшею вѣрностію и благоговѣннѣйшимъ подобострастіемъ

В. И. В. всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Панинъ.

10 апрѣля 1770 г. Харьковъ.

II.

Письмо Императрицы отъ 1 мая 1770.

Графъ Петръ Ивановичъ! Изъ письма вашего отъ 18 апрѣля усмотрѣла я что Богъ вамъ даровалъ сына, съ которымъ васъ поздравляю, и какъ вы мнѣ онаго поручаете, дабы отъ нынѣ начать мое объ немъ попеченіе, и поставить его наискорѣе на путь славы, подавъ ему случаи нетеряя времени научиться военнаго ремесла, чрезъ сіе вамъ повелѣваю и т. д. (см. выше стр. 519). Впрочемъ желаю вамъ здравствовать и имѣть щастливой успѣхъ въ военныхъ предпріятіяхъ.

III.

Вс. Г. Въ самое то время, когда я хотя нѣкоторымъ образомъ облегчилъ свое смущеніе составленіемъ чрезъ Днѣпръ моста, продолжалъ свою ѣзду съ погруженнымъ однакожъ огорченіемъ, по случаю получаемыхъ съ переди извѣстій о оказующихся заразительныхъ въ завоеванныхъ провинціяхъ болѣзняхъ, затрудняющихъ еще больше медлительной чрезъ оную рѣку переправы мое ревнительнѣйшее всеподданническое стремленіе, по всей человѣческой возможности, къ точному и скорѣйшему достиженію до исполненія возложенныхъ на меня противу непріятеля дѣйствъ, настигъ меня курьеръ съ такимъ Всемилостивѣйшимъ отъ Вашего Императорскаго Величества письмомъ, пущеннымъ отъ 1-го числа нынѣшняго мѣсяца, и знакомъ отличнаго ко мнѣ монаршескаго милосердія, изъявленнаго сколь Всемилостивѣйшимъ пожалованіемъ недавно рожденнаго моего сына Лейбгвардіи въ конной полкъ корнетомъ, столь больше еще во образѣ изображенія онаго, которое, лишивъ радостію всѣхъ другихъ чувствъ, объяло и преисполнило всю душу и сердце мое всеподданническимъ признаніемъ и благодарностію, съ коими чрезъ сіе дерзаю, повергнувшися къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, хотя заочно

обмыть ихъ благодарнѣйшими слезами, съ тѣмъ изъ самой искренно вѣрноподданнической души произношеніемъ.

Всеконечно счастливъ весь россійской народъ, получивъ отъ вышней десницы на обладаніе себя Екатерину вторую, сколь велику и премудру во всѣхъ Ея дѣлахъ и промыслахъ о истинномъ народа своего благоденствіи, столько же въ раздаяніяхъ монаршескихъ къ подданнымъ своимъ милосердей, разпространяя и дѣтей ихъ, а не меньше того и въ привлеченіяхъ сердецъ къ себѣ признаніемъ и благодарностію, между коими теперь я, счастливо случившейся, долженъ, Всемилостивѣйшая Государыня! сожалѣть о томъ единственно, что нынѣшнее невинное невниманіе и неповиновеніе сего моего столь благополучно рожденнаго сына не допускаетъ меня съ тою точностію исполнить Высочайшее Ваше повелѣніе на объявленіе ему всемилостивѣйше пожалованнаго чина и на обученіе не терявъ времяни военнаго ремесла, принуждая оное отнести, за недостаткомъ своего, на супруги моей, а ево матери велерѣчіе; съ какою конечно я, при первоначальной перемѣнѣ такова ево не въ батюшку своенравія, непремину вмѣстѣ съ младенческою пищею внѣдривать въ него самую непорочную подданническую вѣрность къ своему Государю, благодарность къ Екатеринѣ второй, безкорыстную любовь къ Отечеству и стремительнѣйшее усердіе трудами настоящей своей службы здѣлать достойнымъ себя рабомъ великой Екатерины и Ея премудро устрояемой имперіи; поставляя за первое свое щастіе, такъ какъ и его отецъ, жизнь свою и все собственное посвящать ихъ службѣ, пребывая же съ благоговѣйнѣйшимъ подобострастіемъ и непорочною вѣрностію до послѣдняго конца, обще съ своимъ отцомъ всегда непоколебимо и проч.

Маія 15 дня 1770 года.
Крѣпость святыя Елисаветы.

IV.

Вс. Г.! Съ преисполненнымъ сердцемъ всерадостнѣйшаго чувствія и всеподданнѣйшаго признанія, повергнувшись къ монаршимъ Вашего Императорскаго Величества стопамъ, всеусерднѣйше поздравляю съ столь знаменитою одержанною надъ турецкими морскими силами побѣдою флотомъ россійскимъ, возведеннымъ въ сію степень верховной славы Великою Екатериною! о коей сего дни состоящее ея оружіе подъ стѣнами Бендерскими своимъ звукомъ, а по городу ядрами и бомбами производитъ молебственное Богу благодареніе, всеподданнѣйше благодаря за всемилостивѣйшее меня своеручнымъ объ ономъ увѣдомленіемъ взысканіе, которое вечеръ съ глубочайшимъ подобострастіемъ получить удостоился. Имѣя жъ счастіе симъ препровождать всеподданнѣйшее увѣдомленіе о преподанной отъ благословляющей оружіе Вашего Императорскаго Величества Вышней руки побѣдѣ-жъ и надъ сухопутными при Очаковѣ собравшимися было турецкими силами; но къ моему еще несчастію не могу другого о томъ отвѣтствовать Si l'Ours est mort? какъ non pas encore, однакожъ сколь оной въ Бендерахъ ни свирѣпъ, но обнадеживаю себя, что ожидаемой глобъ декомпресіонъ [1]) сдѣлаетъ въ утробѣ и его такое отверстіе, въ которое храброе оружіе Великой Екатерины либо найдетъ способъ вселиться, либо сокрушитъ всѣ свои силы на достойное соблюденіе Высочайшей ея славы, ибо всѣ носящія теперь сіе драгоцѣнное оружіе подъ мерлогою такова освирѣпѣвшаго звѣря, всѣми естественными силами тщатся соблюсти безвредное

[1]) См. Бантышъ-Каменскаго *Словарь достопамятныхъ людей*, М. 1836, ч. IV, стр. 114.

достоинство имяни рабовъ Великой Екатерины, а совокупно съ ними съ глубочайшимъ подобострастіемъ и всеподданнѣйшею вѣрностію до послѣдняго издыханія и я пребываю

В. И. В. Всемилостивѣйшая Государыня

всеподданнѣйшій рабъ

Графъ Петръ Панинъ

Сентября 14 дня 1770 года.
Изъ лагеря предъ стѣнами Бендеръ.

V.

Отвѣтъ Императрицы отъ 5 октября.

Гр. П. І. Третьево дня получила я чрезъ господина бригадира Броуна пріятную отъ васъ вѣсть о покореніи милостію Божіею мужествомъ вашимъ, храбростію и твердостію войскъ нашихъ генеральнымъ штурмомъ города Бендера послѣ весьма отчаянной съ непріятельской стороны обороны; вчерашной же день поутру камергеръ Александръ Талызинъ привезъ ко мнѣ и обстоятельную о томъ произшествіи отъ васъ реляцію, за что я за первой долгъ почла приносить Всемогущему въ браняхъ достодолжное благодареніе вчерась въ полъденъ при пушечной пальбѣ съ обѣихъ крѣпостей. Сіе произшествіе тѣмъ важнѣе, что оно соотвѣтствуетъ славѣ оружія и дѣлъ нашихъ. Въ знакъ же моего удовольствія за оказанную вами въ семъ случаѣ мнѣ и государству услугу, усердіе и твердость, сходственно установленнымъ штатутамъ военнаго ордена С: побѣдоносца Георгія, посылаю я къ вамъ крестъ кавалера перваго класса. Каковъ же посему случаю мною данъ указъ Сенату, при семъ прилагаю копію. Всѣмъ при васъ находящимся какъ генералитету, такъ и нижнимъ чинамъ объявите мое признаніе за мужественное и отлично храброе ихъ подъ предводительствомъ вашимъ поведеніе; молю Бога да хранитъ васъ всѣхъ здраво и невредимо. Остаюсь къ вамъ какъ и всегда доброжелательна.

VI.

Вс. Г. За благоугодное монаршее признаніе заслугъ, оказанныхъ войскомъ, моему предводительству на взятье бендерской крѣпости порученнымъ, и за всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества обнадеживаніе воздаянія по мѣрѣ каждаго заслугъ, а равномѣрно и за взысканіе меня собственно награжденіемъ военнаго ордена и пожалованіе двухъ тысячь пяти сотъ душъ крестьянъ, повергнувшись къ стопамъ, приношу мое всеподданнѣйшее благодареніе, и наищастливѣйшимъ сіе войско поставлять стану! когда оно и впередъ подъ лутчайшимъ предводительствомъ мужество, храбрость и усерднѣйшую свою Вашему Императорскому Величеству службу еще знаменитѣе оказывать случаи имѣть можетъ. Собственно же самъ по тѣмъ никогда ненарушаемымъ откровенности и вѣрности, кои я въ совершенной святости предъ своими монархами сохраняю, принужденъ, всемилостивѣйшая государыня! съ наивеличайшимъ души моей оскорбленіемъ признаться: что истраченное мое чрезъ тридцать шесть лѣтъ продолженія все безпрерывно въ военной службѣ, проходя трудности оной отъ самого солдатства по всѣмъ степенямъ чиновъ до нынѣшнего моего званія, въ которомъ уже имѣю щастіе вдругоредь подъ скипетромъ Вашего Императорскаго Величества въ полѣ противу непріятеля предводительствовать войски въ званіи главнаго военнаго чиноначальника, увѣчными болѣзненными припадками здоровье до того уже тѣлесныя мои силы обременило, а духъ разными приключеніями стѣснило, что вижу себя совсѣмъ лишеннаго возможности, не только въ наступаюшую кампанію въ

полѣ, но и ни въ какомъ другомъ званіи болѣе продолжать мою всеподданнѣйшую Вашему Императорскому Величеству и государству службу; то опасаюсь, чтобъ нашолся въ состояніи войски, уже раздѣлившія въ службѣ Вашего Императорскаго Величества свою жизнь и честь собственно моими, хотя расположить и снабдить на безопасное и довольственное ихъ продержаніе въ зимнихъ квартирахъ. А какъ важность оныхъ положенія, найпачеже возложенная на меня и еще съ Крымомъ недовершенная татарская негоціація, къ толикой вышней пользѣ государства и собственной славѣ Вашего Императорскаго Величества обращающаяся, требуетъ внимательнаго надъ собою наблюденія; для того принужденнымъ нашолся симъ всеподданнѣйше представить, дабы къ предъупрежденію прекращающихся моихъ силъ, кои ежеминутно угрожаютъ меня совсѣмъ лишить вдругъ возможности теперичное столь важное званіе отправлять, высочайше избрать и отправить къ принятію отъ меня оного, кого Вашему Императорскому Величеству благоугодно быть можетъ, а мнѣ всемилостивѣйше дозволить, малой и дряхлостію уже обременной остатокъ своей жизни окончить въ свободности отъ всякой службы, и въ высочайшемъ Вашего Императорскаго Величества монаршемъ призрѣніи, въ кое повергнувшись со всеглубочайшимъ и рабскимъ подобострастіемъ, до послѣдняго момента пребуду, [1])

Всемилостивѣйшая Государыня!
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшій рабъ
Графъ Петръ Панинъ.

Октября 28 дня 1770 года
въ крѣпости святыя Елисаветы.

VII.

Державнѣйшая Императрица Самодержица Всероссійская, Вс. Г.! [2]).

Высочайшія В. И. В. мнѣ повелѣнія за собственноручнымъ подписаніемъ, отправленныя въ 29 день минувшаго мѣсяца съ лейбъ гвардіи капитаномъ Лунинымъ, удостоился я получить вчера между полуднемъ и одинадцатымъ часомъ, одно о возложеніи на меня съ предписанными наставленіями пересѣченія возженнаго возмущенія и измѣнническихъ вредностей самозванца и государственнаго злодѣя Емельки Пугачева съ его бунтовщичьими сообщниками и къ возстановленію въ заразившихся сею зловредностію губерніяхъ покоя и безопасности внутренняго гражданскаго общежитія, и возвращенія всѣхъ внутреннихъ частей государственнаго правленія опять въ прежній порядокъ, со всемилостивѣйшимъ порученіемъ въ главное мнѣ начальство всѣхъ войскъ и гарнизоновъ, въ тѣхъ окрестностяхъ находящихся, равно и Губернаторовъ Нижегородскаго, Казанскаго и Оренбургскаго съ ихъ губерніями; три равногласныхъ отверзтыхъ В. И. В. указа о препорученной мнѣ всемилостивѣйшей власти къ произведенію предположенныхъ предметовъ, для неукоснительнаго исполненія всякаго званія и чина людямъ требованія и приказанія моего, относящихся до тѣхъ предметовъ, и одинъ о всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ на подъемъ къ служенію 5000 рублевъ денегъ, и толикожъ на случающіеся по

[1]) По Бантышъ-Каменскому, согласіе императрицы на эту просьбу было изъявлено 27 ноября того же года.

[2]) Въ слѣдующихъ донесеніяхъ мы для сокращенія мѣста будемъ опускать это обращеніе, равно какъ и подпись всегда одинаковую.

оному чрезвычайные канцелярскіе расходы; за всѣ высочайше изъявленныя ко мнѣ во оныхъ Императорскія милости и довѣренности, павъ предъ стопы В. И. В., приношу всеподданнѣйшее мое благодареніе. Усердіе мое и напряженіе къ скорѣйшему и удобьвозможному исполненію В. И. В., по сей возложенной на меня коммисіи, повелѣній внушили мнѣ первымъ долгомъ не пропустить еще вчерашняго дня безъ отправленія отъ меня нарочныхъ съ потребными предложеніями и наставленіями ко всѣмъ тѣмъ Губернаторамъ, и къ каждому порознь частному предводителю корпусовъ и деташаментовъ, теперь въ мое начальство вступившихъ, и сдѣлать конференцію съ князь Михайломъ Никитичемъ о условленіи и сношеніяхъ, предписанныхъ ко мнѣ въ своеручномъ В. И. В. писаніи. Предложенія мои я еще вчера съ нарочными курьерами съ разными, по извѣстнымъ мнѣ обстоятельствамъ и полученнымъ отъ князь Михайла Никитича свѣденіямъ, наставленіями и предписаніями по существу и надобности каждаго частнаго командира, отправилъ въ двѣнадцать мѣстъ, между прочими изъ ближайшихъ послѣдователей самого главнаго злодѣя и бунтовщика Пугачева, подполковнику Михельсону предписалъ я по способнѣйшей извѣстной мнѣ его марша удобности, чтобъ онъ отнюдь не пресѣкаясь продолжалъ свой поискъ въ общей связи съ подполковникомъ Муфелемъ и маіоромъ графомъ Мелинымъ на совершенное истребленіе скопища, и на собственную поимку онаго изверга рода человѣческаго; но только, чтобъ превратилъ себя въ такой маршъ и позицію, чрезъ которуюбъ онъ совсѣмъ закрывалъ всѣ удобности прорваться безъ пораженія отъ него не только самому самозванцу со всѣмъ его скопищемъ, ниже и отряженнымъ какимъ либо отъ него толпамъ, на какое либо поврежденіе здѣшняго города безвредности и безопасности, кои теперь въ немъ сохраняются, и чтобъ всѣ они трое преслѣдователи, какъ съ возвращеніемъ нарочно отправленныхъ отъ меня къ нимъ, такъ и впередъ по дважды въ недѣлю съ нарочными рапортовали ко мнѣ прямо о всѣхъ производимыхъ ими надъ злодѣями поискахъ и объ обращеніи оныхъ.

По сегоднишней день, всемилостивѣйшая Государыня! не пришли еще сюда изъ вновь отряженныхъ полковъ въ сію експедицію, кромѣ какъ володимерскаго драгунскаго и казачьяго Донскаго Краснощокова. Прежде еще моего вступленія къ сему дѣлу Князь Михайло Никитичъ поставилъ ужѐ на позицію для обезпечиванія Московской безопасности въ командѣ генералъ-маіора Чорбы означенные два конные полка и три ста человѣкъ мушкатеръ съ осмью пушками, поручивъ ему предохранять и не допущать злодѣйскаго на здѣшнія мѣста покушенія по всѣмъ дорогамъ, слѣдующимъ между рѣками Клязмою и Москвою, отъ той стороны, гдѣ самъ злодѣй главное свое пребываніе по послѣднимъ извѣстіямъ обращалъ; онаго генералъ маіора и съ сею позиціею отдалъ онъ въ мое начальство. Я къ нему вчера же послалъ отъ себя потребныя повелѣнія, на случай, естьлибъ злодѣй подлинно къ покушенію на здѣшнее мѣсто приближаться сталъ, преподавать мнѣ вседневныя увѣдомленія, дабы въ томъ случаѣ могъ я самъ подоспѣть съ приспѣвающими сюда пѣхотнымъ однимъ полкомъ и венгерскими гусарскими ескадронами, на отраженіе такого злодѣйскаго покушенія подъ собственнымъ моимъ предводительствомъ. Вступленіе великолуцкаго пѣхотнаго полку и венгерскихъ гусаръ ожидается сюда завтра.

По держанной вчера же съ князь Михайломъ Никитичемъ мною конференціи условилися мы, чтобъ на первой случай отдѣлить ему подъ мое начальство пѣхотной великолуцкой, драгунской, владимирской и казачей Краснощокова полки; но чтобъ мнѣ со оными съ держанной теперь генералъ маіоромъ Чорбою позиціи не отдаляться прежде развѣ настоящаго полученія свѣденія о дѣйствительномъ иногда переходѣ Оки рѣки самого главнаго злодѣйскаго сонмища, и чтобъ здѣшняго

города не обнажать изъ подъ той позиціи прежде, пока онъ совсѣмъ будетъ обезпеченъ своею безопасностію, или когда столько подоспѣетъ въ него изъ слѣдующихъ полковъ, сколько онъ надобнымъ быть поставляетъ къ совершенному обезпечиванію Москвы одними оными. Ибо, Всемилостивѣйшая Государыня! теперь представляется не столько нужды въ сильномъ пораженіи большой злодѣйской толпы, нежели въ предъосторожности отъ прокрадыванія малыхъ подсыльныхъ отъ злодѣевъ частей, въ воспламененію отзывающейся и въ здѣшней черни колеблемости, страха и мятежныхъ волнованій, то дабы оная имѣла всегда предъ глазами свое присутственное воинскими командами обузданіе.

Естьли только разрушенное мое здоровье и всѣ напрягаемыя мною пособія будутъ во всемъ соотвѣтствовать моей вѣрности, ревности и неусыпному бдѣнію по возложенному на меня В. И. В. порученію, то конечно ничто упущено не будетъ, что только въ человѣческихъ силахъ возможно на обезпеченіе совершенною безопасностію здѣшняго города и на всеудобьвозможной поискъ надъ злодѣемъ преслѣдующими за нимъ войскъ В. И. В. партіями, но только по моей преположенной всегда откровенности предъ своею Государынею долженъ я признаться въ моихъ по послѣднему разумѣнію воображеніяхъ, что не столько нужды и важности теперь ужъ настоитъ самого злодѣя Пугачова совсѣмъ истребить, или къ заслуженному наказанію поимать; понеже никто его изъ войскъ В. И. В. самолично не знаетъ, то въ заговорномъ его злодѣйскомъ скопищѣ всегда будетъ оставаться способъ каждому изъ нихъ въ случаѣ надобности принимать имя самозванца Пугачева: сколько бъ возмогло произойти существительной пользы, когда бъ всѣ заразившіеся духи въ черни симъ злодѣйскимъ извергомъ рода человѣческаго возвратились на такой путь исправленія, чрезъ истребленіе мглы духи ихъ поразившей, чтобъ каждой не только не способствовалъ къ возмущенію сего злодѣя, но чтобъ всякой, ужаснувшись и его имяни, восхотѣлъ каждаго появившагося въ званіи его и подсылки отъ онаго истреблять и ловить, для представленія къ начальствамъ В. И. В. а къ сему лучшимъ и надежнѣйшимъ средствомъ быть представляется, какъ и князь Михайло Никитичъ со мной на конференціи тожъ утверждалъ, дабы пособіемъ доставленнаго мудрымъ и материнскимъ В. И. В. попеченіемъ и побѣдоноснымъ оружіемъ весьма благополучнаго и полезнаго для Россіи мира съ Оттоманскою Портою, а славнаго на весь вѣкъ скипетру Вашему, размѣрныя части войскъ съ ихъ генералами, на устрашеніе и присутственное обузданіе всей черни, введены были, сколь скоро время позволять можетъ, во всѣ тѣ губерніи, гдѣ оная зараза духовъ черни и заблужденія ея достигнуть могли.

Князь Михайло Никитичъ полагаетъ необходимо надобными, для всегдашняго обузданія Московской черни и обезпечиванія въ безвредности сего города, быть безотлучно въ Москвѣ двумъ полкамъ пѣхотнымъ, одному кирасирскому, двумъ полкамъ казацкимъ и двумъ ескадронамъ гусаръ; почему изъ всѣхъ вновь наряженныхъ и слѣдующихъ уже сюда полковъ останется ко вступленію въ мое начальство всего токмо одинъ драгунской, одинъ казачей, два пѣхотные полка, два ескадрона гусаръ и одна полевая команда. Онъ и распоряжаетъ такимъ образомъ: по-елику будетъ наполняться здѣсь его вышедонесенное полкамъ предположеніе, потолику онъ излишнихъ за тѣмъ въ мое начальство отправлять будетъ.

№ 1.

Августа дня 1774 года. Москва.

VIII.

Вс. Г.! Высочайшее В. И. В. собственноручное писаніе, пущенное 30-го числа минувшаго мѣсяца, удостоился я воспріять чрезъ штафетъ сего дни по

полудни; весьма щастливымъ себя поставляю, что поднесенное отъ меня В. И. В-ву письмо братомъ моимъ, удостоено Вашей монаршей благоугодности. Я за оное пріемлю смѣлость чрезъ сіе приносить всеподданническое и наипризнательнѣйшее благодареніе.

Безпрекословно всеконечно, Всемилостивѣйшая Государыня! что толикое число побѣдительныхъ В. И. В-ва полковъ, какое уже теперь упражняется и вновь отряженными поспѣшаетъ къ пораженію и истребленію производимаго измѣнническаго возмущенія, не только имъ да и сосѣдямъ было страшно; но я единственно дерзаю испрашивать Всемилостивѣйшаго обозрѣнія, на какомъ великомъ пространствѣ они, и какими многими раздѣльными частями дѣйствовать принуждены, и съ какого весьма дальнѣйшаго отстоянія должны подоспѣвать къ требующимся мѣстамъ отряженные полки послѣ произшествія уже подъ Казанью, и сколько онымъ времени еще надобно, чтобъ дойтить до самыхъ тѣхъ мѣстъ, куда настоящее положеніе ихъ теперь требуетъ. Хотя я со вступленія моего къ начальству на сею експедиціею токмо съ третьеводнишнева дни не могъ еще получить прямо къ себѣ отъ всѣхъ раздробленныхъ сего войска командъ рапортовъ, но по приватному свѣденію уже мнѣ извѣстно, что теперь отъ самой Оренбургской губерніи, до здѣшняго мѣста, нѣтъ нигдѣ такого соединеннаго корпуса, которой бы удобно было подвинуть съ потребною скоростію въ средину той стороны, въ кою бунтовщикъ злодѣйскимъ своимъ поискомъ перенесся, и въ которой по слѣдамъ своимъ возжегъ пламя и разсѣялъ искры злодѣянія своего, чтобы отъ онаго возможно было отдѣлять различныя части на утушеніе тѣхъ и на отвращеніе, дабы сей государственной врагъ всеконечно не предъуспѣлъ составить опять большую толпу, для новаго какого либо злодѣянія, въ которомъ представляются тѣ сомнѣнія, что изъ селеній, имъ собственно и его партіями проходимыхъ, забраны ими съ собою всѣ молодые люди, о чемъ есть здѣсь приватныя подлинныя извѣстіи; ибо, Всемилостивѣйшая Государыня! о черни праваго берега рѣки Волги пріобрѣтенныя слухи въ Казани знатно не вѣрны; какъ В. И. В. соизволите усмотрѣть по вложенной здѣсь выпискѣ изъ послѣднеполученныхъ увѣдомленій князь Михайломъ Никитичемъ: да сверхъ того здѣсь проносится жъ, что нѣкоторые помѣщики получили изъ деревень тѣхъ сторонъ извѣстіи, что оныя отъ послушанія имъ и прежняго надъ ними начальства отказались.

Изъ полковъ вновь отряженныхъ, послѣ прибывшихъ сюда Владимирскаго драгунскаго и казацкаго Краснощокова, первымъ еще будетъ вступать завтре Венгерской гусарской, и то только въ трехъ стахъ отборныхъ лошадей, которыя, какъ полковникъ ихъ меня увѣдомилъ, требуютъ же отъ скораго переходу нѣсколькихъ дней отдохновенія; великолуцкой пѣхотной сего дни будетъ еще ночевать за тридцать верстъ отсюда. Со всѣмъ тѣмъ, Всемилостивѣйшая Государыня! вѣрность и усердіе всеподданническія мои къ В. И. В. не внушаютъ мнѣ ничего другаго, какъ напрягать всѣ силы радѣнія моего исполнить по возложенной на меня экспедиціи все то, что только человѣчески возможно; и во что не пощажу я ни здоровья ни жизни моей, ожидая прочаго съ надеждою отъ руки Господней, благословляющей всѣ дѣянія В. И. Вел-ва. По высочайшему В. И. В. предписанію ко мнѣ о вновь отряженныхъ полкахъ находятся два пикинерныя: долгъ истинной моей вѣрности заставилъ меня напомянуть, что изъ сихъ званій полковъ, при командованіи мною второй арміи, былъ одинъ въ возмутительномъ преступленіи, которой мною и усмиренъ; да и всѣ они о превращеніи ихъ изъ казачьихъ въ пикинерные не малое негодованіе оказывали, а и вновь предъ войною здѣланное объ нихъ учрежденіе о содержаніи себя собственно съ своихъ селеній не было таково, чтобъ они довольными себя почитали; къ пресѣченію всего того лутчее предъуспѣяніе

здѣлалось, что ихъ въ самое тожь время вывели на войну во отдаленіе отъ своихъ жилищъ гдѣ и удовлетворялись они какъ полевымъ жалованьемъ и изъ экстраординарной суммы подмогою въ ихъ снабженіяхъ, такъ и добычею отъ непріятеля. Не дерзаю, всемилост. Г-ня! совсѣмъ обнадежиться, чтобъ они тѣми изъ войны выгодами могли истребить со всѣмъ прежній свой ропотъ, удобной теперь быть вновь поощренъ бунтовщиковыми происками и примѣрами: сіе примѣчаніе повергаю я въ собственное В. И. В. монаршее предусмотрѣніе, какъ и себя въ высочайшую милость, пребывая съ глубочайшимъ благоговѣніемъ до послѣдней минуты жизни моей...

Августа 4 дня 1774 года. Москва.

IX.

По вступлении вчерась въ Москву послѣдняго великолуцкаго пѣхотнаго полку изъ числа, удѣленнаго въ мое начальство князь Михайломъ Никитичемъ Волконскимъ, должностію моею поставилъ я у сего поднести всеподданнѣйшій рапортъ, въ какомъ числѣ оной и гусарскія два ескадрона по наличному своему состоянію сюда вошли, и въ какомъ же по наличности состояніи вступили въ мое вѣденіе володимерской драгунской и Краснощекова казацкой полки, содержащіяся теперь подъ вѣденіемъ генералъ-маіора Чорбы по позиціи предъ Москвою для пресѣченія всѣхъ дорогъ къ прокрадыванію злодѣйскому, на здѣшнее мѣсто отъ стороны, гдѣ теперь еще онъ по послѣднимъ извѣстіямъ обращается. Сіи ескадроны и пѣхотной полкъ смотрѣлъ я самъ и долженъ предъ В. В-мъ принесть ту справедливость, что полковники довели оныя съ такимъ поспѣшнымъ маршемъ весьма въ хорошемъ состояніи, а особливо полковникъ Древицъ съ беспримѣрнымъ збереженіемъ строевыхъ лошадей и поспѣшностію, здѣлавъ переходъ въ 700 почти верстъ отъ Петербурга съ 25 числа минувшаго мѣсяца къ третьему числу нынѣшняго за 20 верстъ подъ Москвою на растагъ, по повелѣнію князь Михайлы Никитича Волконскаго; здѣсь теперь сіи ескадроны и полкъ снабжаются провіантомъ, а завтра гусарскія ескадроны, послѣ завтрежъ великолуцкой полкъ выступятъ на соединеніе къ генералу Чорбѣ, а оттуда будутъ слѣдовать куда нужнѣйшее обстоятельство востребуетъ по поставленіи въ настоящую безопасность здѣшняго города, о которой прямаго удостовѣренія ожидаю я теперь съ нетерпѣніемъ, и всечасно уже чрезъ курьеровъ, отъ меня отправленныхъ къ деташементнымъ командирамъ преслѣдующихъ и назирающихъ злодѣя съ его сонмищемъ.

Увѣренъ я, что В. И. В. изъ отправленныхъ сего дни отъ князь Михайлы Никитича донесеній, полученныхъ имъ вчерась, изволите высочайше усмотрѣть послѣднее о злодѣевомъ обращеніи увѣдомленіе, требующее еще нѣкоторой предъосторожности, дабы онъ, заведя преслѣдующія за собою деташементы во упражненіе на представляемыя имъ отдѣленныя отъ себя вновь возмутившіяся шайки, и приведя ихъ въ усталь лошадьми, не могъ броситься скоропостижно дорогою шацкою, или какою другою, отъ той стороны на поискъ здѣшнему городу; во уваженіи чего и нельзя еще такъ скоро, какъ бы я желалъ, отдалиться мнѣ съ подоспѣвшими подъ мое вѣденіе означенными войсками, ибо, Всемил. Госуд., догнать оными злодѣя уже ни какъ невозможно, естьли его преслѣдующія деташементы и подоспѣвшія на пресѣканіе отъ стороны Воронежской губерніи не остановятъ, а въ томъ случаѣ весьма достаточно оныхъ однихъ будетъ злодѣя низложить, изъ того же, что по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ онъ проходитъ, и по прилежащимъ къ нимъ на не малое отъ онаго отстояніе, оказывается чернь возстающею противу своихъ начальствъ, заключать можно, что злодѣево главное въ томъ и упражненіе, чтобъ оную, гдѣ только возможно ему, собою и посланнымъ отъ себя подсыльными возму-

тить, и когда она войски, на истребленіе его отряженныя, за собою развлечетъ, то тогда обратиться ему туда, гдѣ больше будетъ обнажено, и гдѣ онъ лучшія себѣ выгоды предвозвѣщать можетъ, въ чемъ князь Михайло Никитичъ согласно со мной разсуждаетъ, и чего теперь должность наша требуетъ больше всего предъостеречъ. На оное, такъ какъ и на все прочее, что къ наилучшему по моему разумѣнію служить можетъ предъохраненію и точнѣйшему исполненію всемилостивѣйше возложеннаго на меня служенія, обращу я всѣ мои силы и не пощажу собственно въ себѣ ничего, повергаяся въ монаршее В. И. В. всемилостивѣйшее благоволеніе. Самъ съ глубочайшимъ благоговѣніемъ до конца жизни пребуду...

№ 2.

1774 года Августа 7 дня.

Всеподданнѣйшій Рапортъ.

Въ коликомъ числѣ какихъ чиновъ полки пѣхотной великолуцкой и венгерской вступили въ Москву, первой вчерась, послѣдней третьева дни, а драгунской володимерской, и Краснощокова казацкой содержатъ теперь позицію при Гуслицкой волости до 70 верстъ отъ Москвы, 7 дня 1774 года.

П О Л К И.	Ч И Н Ы			
	Штабъ-Офицеровъ.	Оберъ-Офицеровъ.	Унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ всѣхъ чиновъ.	И Т О Г О.
Великолуцкаго пѣхотнаго . . .	4	42	1581	1627
Венгерскаго гусарскаго въ двухъ ескадронахъ, слѣдующихъ въ походъ	2	10	292	304
Володимерскаго драгунскаго . .	1	20	723	744
Казачьяго Краснощокова всѣхъ чиновъ	1	„	„	486
Всего во всѣхъ полкахъ	8	72	3082	3162

Гр. Петръ Панинъ.

X.

Вчерась изъ дошедшихъ ко мнѣ увѣдомленій отъ князь Михайлы Никитича Волконскаго, полученныхъ имъ о деташементѣ, преслѣдующемъ бунтовщика и врага государственнаго, предводимомъ подполковникомъ Михельсономъ, спознавъ я, что сей неутомленной штабъ офицеръ и съ его содѣйственниками пресѣкаются и задерживаются въ своей потребной на пораженіе онаго поспѣшности встрѣчающимися съ ними и въ окружности ихъ прохода вновь возмущенными составленными отъ злодѣя бунтовщичьими скопищами, производящими мучительныя убійства надъ своими начальниками, помѣщиками и надъ пребывающими въ вѣрности подданными В. И. В., коихъ они безъ разогнанія

и безъ вспоможенія ко избавленію отъ мучительства попавшимся имъ въ руки совсѣмъ преминовать не могутъ, какой тотъ же часъ отрядъ я здѣлалъ, съ какими намѣреніями и видами венгерскаго полку полковнику Древицу, съ какимъ числомъ команды, изъ столь малочисленнаго еще состоянія подоспѣвшаго изъ вновь отряженныхъ войскъ подъ мое начальство, тому для высочайшаго усмотрѣнія В. И. В. всеподданнѣйше подношу копію съ даннаго отъ меня ему полковнику ордера, съ присовокупленіемъ моего объяснснія о семъ.

Разглашеніе и объявленіе въ городахъ и большихъ селеніяхъ о маршированіи подомною, въ слѣдъ за симъ полковникомъ, по всѣмъ тѣмъ дорогамъ, которыя идутъ на Москву отъ стороны, гдѣ теперь главное злодѣяніе происходитъ, съ десятью тысячами войска и о заготовленіи про нихъ небольшихъ проходныхъ въ городахъ магазейновъ, приказалъ я ему дѣлать, чтобъ онымъ въ ужасъ приводить сколько злодѣйское сонмище, столь больше чтобъ удержать распространяющееся дерзновеніе въ проходимыхъ имъ окрестностяхъ скапливаться на послѣдственныя бунтовщику злодѣяніи вновь возмущаемымъ имъ скопищамъ.

Должностію моею поставилъ здѣсь же поднести къ монаршему В. И. В. всемилостивѣйшему просмотрѣнію копіи сообщенныхъ ко мнѣ сего дни отъ князь Михайла Никитича, и имъ полученныхъ рапортовъ отъ генералъ маіора князя Голицына и маіора графа Мелина. Они объявляютъ, до которыхъ мѣстъ достигло и до какой степени возвысилось бунтовщичье злодѣяніе прежде еще нежели мнѣ отъ В. И. В. пресѣченіе онаго поручено. Во оныхъ же изволите высочайше усмотрѣть, до какого раздробленія прежде употребленныя войска на прекращеніе сей зловредности разняться были принуждены, потому что и самъ ихъ оставшейся до меня главной начальникъ генералъ маіоръ князь Голицынъ, напрягая всѣ свои силы и ревность къ собственному своему поспѣшенію на усиливаніе преслѣдователей злодѣя, не могъ однакожъ на первоначальное движеніе болѣе употребить, какъ только одинъ ескадронъ гусаръ и сто казаковъ; а сколь являются быть изнеможены преслѣдующія за злодѣемъ партіи, то видно изъ рапорта графа Мелина, и нельзя, Всемилостивѣйшая Государыня, не полагать, чтобъ и всѣ прежде упражненныя на сего злодѣя войска, гонявшись за нимъ по такъ великому пространству земли и во всякое безъ изъятіе суровое годовое время, не могли уже быть гораздо въ слабомъ состояніи, особливо лошадьми, и не пришлибъ они въ крайнее изнуреніе по поспѣшному теперь перенесенію себя къ тѣмъ мѣстамъ, куда злодѣй уже достигнулъ, къ поправленію же и снабженію себя не могли они имѣть другихъ средствъ, какъ по раззоренньмъ злодѣемъ уже мѣстамъ, кромѣ таковыхъ, которыя бы поселянъ утверждать могли, что войска В. И. В. сохранители ихъ цѣлости и безвредности. Насупротивъ того злодѣй Пугачевъ, нещадя ничего, ниже самой жизни невинныхъ людей, снабжается и помогаетъ себѣ всѣмъ тѣмъ, что у кого гдѣ ему вознадобится, такими самыми безчеловѣчными средствами и безчестнымъ пораженіемъ глупыхъ и малодушныхъ въ черни душъ.

Теперь онъ, всемилостивѣйшая Государыня, въ краю довольно обнаженномъ усиливается и снабжается. Противу сего долгъ вѣрности къ В. И. В. отъ всѣхъ, а особенно отъ меня теперь требуетъ всеудобьвозможныя силы и пособіи на то обратить. Дабы составить неизнуренныхъ войскъ сколько можно въ сердцѣ того края, куда главныя бунтовщичьи злодѣяніи нынѣ пренесены, дабы отъ онаго была вѣрная способность надежныя части въ потребныя мѣста отряжать на усмиреніе распространяемаго отъ него возмущенія, а остаткомъ, естьлибъ, отъ чего Боже сохрани, злодѣй при ослабленіи гнавшихся за нимъ партій могъ которую нибудь изъ нихъ преодолѣть и, ободрившись онымъ, столько къ

себѣ сообщниковъ набрать, чтобъ дерзость взять опять силою своею произвесть какое новое важное намѣреніе, быть въ состояніи здѣлать ему нетолько самой надежной отпоръ, но и совершенное низложеніе.

Извѣстно В. И. В., что за вышепрописаннымъ отъ меня отрядомъ изъ вновь подоспѣвшихъ подъ мое начальство войскъ, осталось теперь только на позиціи у господина генералъ маіора Чорбы четыре драгунскихъ ескадрона, 270 казаковъ, за откомандированіемъ изъ оныхъ еще до меня двухъ сотъ въ Нижней Новгородъ, и одного пѣхотнаго полку, вчерась отсель туда отправившагося по снабженіи себя провіантомъ и исправленіи необходимаго по столь скоромъ и дальномъ переходѣ.

Я и съ числомъ сей команды напрягаю всѣ свои силы, какъ можно скорѣй, и надѣюсь конечно на сей недѣли, маршировать къ удобнѣйшимъ мѣстамъ въ содѣйствіе возложеннаго на меня отъ В. И. В. служенія, къ чему означенія настоящаго мѣста ожидаю я изъ переписки моей съ генералъ маіоромъ княземъ Голицынымъ и отъ подполковника Михельсона.

Дерзаю Вашего Импер. Вел. всемилостивѣйшему воззрѣнію представить, достаточна ли сія предводимая мною теперь въ наличности команда на тѣ вѣрныя предъупрежденіи, которыя здѣсь имѣлъ я долгомъ В. И. В. донести.

Не соизволите ли, всемилостивѣйшая Государыня! указать пѣхотнымъ ротамъ, какъ я приватно слышу въ Смоленскѣ состоящимъ, совсѣмъ снабженнымъ, и находящимся воинскимъ командамъ въ новопріобрѣтенныхъ губерніяхъ маршировать ближними дорогами на Оболенскъ, Калугу, державшись къ Шацку, а мѣста ихъ наполнять предстоитъ теперь кажется при благословенномъ мирѣ удобность изъ польскаго корпуса, а онаго изъ заду перьвой арміи; между тѣмъ не благоугодно ли, быть можетъ, разослать нарочныхъ офицеровъ по всѣмъ дорогамъ, откуда удобность есть, по теперешнему положенію всѣхъ полевыхъ войскъ В. И. В., поспѣшать имъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ теперь бунтовщичье главное злодѣяніе происходитъ, и малодушныя сердца въ страхъ и колеблемость приводитъ ради устрашенія оныхъ и ко одобренію стремящихся пребывать въ ненарушимой вѣрности, дѣлать разглашеніи видомъ пріуготовленія проходныхъ магазиновъ для войскъ поспѣшающихъ отъ всюду на совершенное низложеніе государственнаго врага и на заслуженное караніе всѣхъ тѣхъ, кто отступили и дерзаютъ отступать отъ вѣрноподданнической къ В. И. В. и къ своему отечеству должности.

Изъ копіи съ рапорта графа Мелина по отзыву о духовномъ чинѣ, не соизволите ли повелѣть Правительствующему Синоду издать, и въ тамошнія мѣста ко обнародованію прямо доставить, увѣщаніи и угроженіи, чтобъ духовной чинъ особливо не дерзалъ впадать и сообщаться въ таковыя злодѣяніи, и что несохраняющія себя даже до претерпѣнія смерти по подражанію Христу Спасителю и Апостоломъ въ непремѣнной вѣрности къ благочестивой своей церкви, къ В. И. В. и къ Имперіи, въ самой тотъ часъ, въ которой кто изъ нихъ поползнется приступить не только въ сообщество, но и къ какимъ бы то ни было способіямъ къ злодѣйственнымъ бунтовщикамъ и врагамъ благочестивой своей Церкви и Государыни, лишается властію Синода священническаго и всякаго духовнаго рукоположенія, и подвергается гражданскому суду и наказанію.

Естьли, всемилостивѣйшая Государыня, чѣмъ нибудь я здѣсь выступилъ изъ должныхъ мнѣ предѣловъ, ко излишнему Монаршему обезпокоенію, въ томъ всеподданнѣйше прошу прощенія и всемилостивѣйшаго воспріятія онаго истиннымъ залогомъ моей безпредѣльной къ В. И. В. вѣрности, рвенію наиудобьвозможнѣйшимъ образомъ скорѣй исполнить возложенное на меня служеніе, должностію, которую я наисвятѣйше поставляю въ непорочномъ чисто-

сердечіи и, по понятію моему, всякаго дѣла истинномъ откровеніи предъ моею Монархинею, пребывая на всю жизнь съ благоговѣніемъ...

№ 3.

Августа 10 дня 1774 года.

XI.

Вчерашній день въ собственноручномъ написаніи Вашего И. В. къ князю Михаилу Никитичу, удостоясь воззрѣть на Монаршеское Ваше повелѣніе о достойномъ сердцами и устами всѣхъ вѣрныхъ вашихъ подданныхъ торжествованіи вѣчнаго съ Оттоманскою портою мира, сего неоцѣненнаго вашего къ нимъ залога, промысла и премудрости вашей дерзаю принести отъ наичистѣйшаго моего и безграничнаго къ вамъ усердія всеподданническое мое поздравленіе съ симъ спасительнымъ для всей Имперіи вашей происшествіемъ. О! сколь блаженны, о! сколь достойны суть неумолкаемыя никогда славы и примѣтнѣйшаго благоволенія вашего тѣ отличныя чада отечества, кои сподобилися послужить вамъ къ тому орудіями.

Таже Божеская десница, преподавшая оное Россіи чрезъ державнѣйшую вашу надъ нею десницу, да ускоритъ возстановленіемъ и внутреннаго ея совершеннаго успокоенія и благоденствія, яко единыя истинныя цѣли всѣхъ великихъ вашихъ дѣйствій и намѣреній.

Августѣйшая Монархиня! со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ повергаю себя ко освященнымъ вашимъ стопамъ, и по самый послѣдній жизни моея вздохъ останусь...

Августа 10 дня 1774 года.

XII.

Отвѣтъ Императрицы на письма гр. П. И. Панина № 1 (отъ 4 Авг., № 2 и № 3 (отъ 3, 4, 7, и 10 августа).

Графъ Петръ Івановичъ.

Отправленное мое къ вамъ письмо отъ 8 числа сего мѣсяца съ гвардіи капитаномъ Галаховымъ, надѣюсь, уже до рукъ вашихъ дошло и не сумнѣваюсь, что вы всѣ надлежащія мѣры взяли дабы помоществовать успѣху сего дѣла, чего теперь ожидать будемъ, не ослабѣвая въ прочихъ расположеніяхъ для искорененія настоящаго зла, письмы же ваши отъ 3, 4, 7 и двухъ (sic) отъ 10 Августа мною получены. Изъ перваго, отъ 3 числа, усмотрѣла я что мои повѣленіи, отправленныя съ капитаномъ Лунинымъ, къ вамъ доставлены и что вслѣдствіе сихъ вы вступили въ дѣйствительное производство вамъ порученнаго мною дѣла и не теряя ни малѣйшаго времени здѣлали всеудобьвозможныя распоряженіи столь для охраненья города Москвы и недопущенія къ оному бунтовщичьихъ скопищъ, какъ и для истребленія и преслѣдованія оныхъ и что дважды въ недѣлю вы приказали ото всѣхъ вамъ ввѣренныхъ командъ прислать къ вамъ репорты. Все сіе усердное ваше стараніе и точность производства вашего, также согласное ваше сношеніе и условленье въ нужныхъ случаяхъ съ княземъ Михайломъ Никитичемъ Волхонскимъ, служитъ къ немалому моему удовольствію; сердечно желаю чтобъ Богъ подкрѣпилъ силы ваши тѣлесныя и душевныя и возвратилъ бы вамъ при толикихъ трудахъ для успокоенія знатной части Імперіи, страждущей отъ ослѣпленія черни въ невѣжествѣ погруженной, здравіе для подъятія сего великаго дѣла, въ которомъ подкрѣплять васъ какъ вообще, такъ и вподробности буду, о чемъ оставайтеся благонадежны. Изъ письма вашего отъ 4 числа усматриваю я трудности, кои предстояли тогда вамъ въ собраніи отряженныхъ войскъ тѣхъ кои

подъ командою князя Щербатова прежде находились, но я надѣюсь что сіе обстоятельство теперь пооблегчилось, ибо по новѣйшимъ Казанскимъ извѣстіямъ и по письмамъ самого ген: маі: князя Голицына не малая часть оныхъ шла къ Волгѣ да и нѣкоторыя уже дѣйствительно переправились нетокмо черезъ сію рѣку, но и по слѣдамъ злодѣя идутъ; чтоже касается до наряженныхъ къ вамъ пикинерныхъ двухъ полковъ, на которыхъ вы мало полагаете надѣянья, то негодованье ихъ при начатіи войны болѣе приписывалось непорядкамъ полковыхъ командировъ нежели имъ самимъ: сіи войски въ продолженіи всей войны безпорочно служили и нынѣ не подаютъ ни малѣйшаго сумнѣнія въ ихъ вѣрности а для сего же дѣла онѣ войски наиспособнѣйшія, но теперь какъ княземъ обѣимъ арміямъ велѣно итти назадъ, то и всѣ полки не замедлятъ.

Письмо ваше отъ 7 числа мнѣ увѣдомляетъ о приходѣ отправленныхъ отселѣ полковъ къ Москвѣ и какія имянно и въ какомъ числѣ вы ихъ приняли въ свое начальство; раченье полковниковъ и доброе состоянье какъ людей, такъ и лошадей, о коемъ вы свидѣтельствуете при поспѣшномъ приводѣ сихъ полковъ чрезъ толикое разстоянье, достойно всякой похвалы. Осторожность, съ которой вы тогда положили не спѣшить отдаленьемъ сихъ полковъ отъ столицы, весьма благоразумна: конечно никакъ не можно предвидѣть было куда наклоненье бунтовщичьихъ скопищъ оборотится: кажется, извѣстія приложенныя при письмѣ вашемъ отъ 10 сего мѣсяца отъ графа Мелина что подаются къ Пензѣ весьма сходствуютъ со сказками казака Трифонова что въ заговорѣ о поимкѣ самозванца находящія Іаицкія казаки дѣйствительно его къ Нижнему не допустили и отъ Москвы отвели и стараются его держать въ изобильныхъ мѣстахъ подъ видомъ откормленья лошадей и дабы время дать убрать мужикамъ хлѣбъ съ поля, а между тѣмъ получить отселѣ отвѣтъ куда его привести, и какъ у нихъ въ письмѣ написано чтобъ его ко мнѣ представить, то видя какъ они съ нимъ кружатъ и когда мнѣ на умъ приходитъ перебираются ли онѣ какъ ни наесть къ мѣстамъ кои на здѣшную сторону имъ способность даютъ перейти съ нимъ, буйственной ихъ умъ, невѣжество и притомъ простота и злость дѣлаетъ ихъ невѣрчивыми и слѣдственно не дозволяетъ имъ избирать легчайшей способъ доставить злодѣя въ руки ближайшимъ воинскимъ командирамъ. Мысли мои таковыя я вамъ сообщаю какъ гаданье, на которое однакожъ положиться нельзя съ точностію, но чего я безъ сердечнаго сожалѣнія видѣть не могу есть великое разоренье и варварство, которое по всюду злодѣями дѣлается, пресѣченію которыхъ весьма желаю чтобъ скорѣя можно было дѣло довести. Изъ ордера вашего къ полковнику Древицу вижу я что вы къ сему и готовитеся и въ народѣ распускаете слухъ о маршѣ вашемъ съ знатнымъ корпусомъ за нимъ, хотя при васъ находящіеся войски не въ великомъ числѣ, для чего вы мнѣ предлагаете чтобъ пѣхотнымъ ротамъ изъ Смоленска и командамъ и новопріобрѣтенныхъ губерній приказать маршировать на Оболенскъ и Калугу къ Шатску, но какъ уже смоленскому конному полку послано повелѣнье идти къ Москвѣ, то сей замѣнитъ вами требуемыя роты и команды, кои въ раздробленіи по разнымъ мѣстамъ отъ куда ихъ собрать бы надлежало. О порочномъ поведеніи духовна чина и о преступленіи Архимандрита Александра сего же дня пошлю сказать Синоду, которой не оставитъ возобновить и въ Воронежской и Нижегородской губерніи свои увѣщеваніи, кои однако хотя и давно посланы въ Казанской и Оренбургской, но мало дѣйства тамо имѣли, а теперь и самъ архіепископъ казанской, которой на бунтовщиковъ первую клятву положилъ, подъ сумнѣньемъ, ибо разбойнической полковникъ на него показываетъ что онъ подъ Казань къ Пугачеву прислалъ три тысячи рублей, обстоятельства непохвальныя, которыя однако прошу содержать до времяни въ вышнемъ секретѣ.

Наконецъ не могу окончить сіе письмо, неупоминая и о томъ письмѣ вашемъ, въ которомъ вы мнѣ столь искренно поздравляете съ благополучнымъ заключеніемъ мирныхъ условій, чего мнѣ весьма пріятно было. Будьте увѣрены что я къ вамъ пребываю съ отличнымъ благоволеніемъ.

XIII.

Ниже часа неудерживая отправленнаго къ Высочайшему двору Вашего И. В. отъ генералъ маіора князя Голицына курьера, должностію моею нахожу препроводить съ нимъ до Монаршихъ вашихъ рукъ присланныя отъ него ко мнѣ увѣдомленія, привлекающія особливое на себя вниманіе по существу отчаянныхъ средствъ, на которыя поступаетъ Божій и человѣчества врагъ, къ развращенію несмысленныя черни, къ разлитію повсюду яда мятежничества и къ возращенію числа обольщающихся безумцевъ несовмѣстною своею со здравымъ разсудкомъ химерою.

Въ наиглубочайшемъ благоговѣніи по самую послѣднюю минуту жизни моей останусь...

№ 4.
Августа 15 дня 1774 г.
изъ Москвы.

XIV.

По всеподданнѣйшему моему вниманію Вашего Императорскаго Величества собственноручнаго ко мнѣ предписанія, пущеннаго 30 числа минувшаго Іюля на приношеніе мое о Генералѣ къ войску, всемилостивѣйше мнѣ въ предводительство порученному, высочайшее въ немъ ознаменованіе что соизволили указать ко оному войску отрядить изъ первой арміи генералъ-поручтика Суворова, принялъ я, чтобъ оному быть дѣйствительно въ моемъ предводительствѣ, въ слѣдствіе чего по усердію моему, чтобъ непропустить ни самаго малѣйшаго времени къ способствованію всѣми удобьвозможными средствами въ возложенной на меня коммисіи, тотъ же день съ нарочнымъ курьеромъ и предварилъ я въ Кіевъ сего генералъ-порутчика моимъ предложеніемъ, чтобъ онъ по удобности своего слѣдованія прибылъ къ полкамъ гусарскимъ и пикинернымъ, отряженнымъ въ мое предводительство изъ второй арміи и, взявъ оныхъ въ свою команду, по доходимымъ о государственномъ злодѣѣ извѣстіямъ, что онъ наклоняется къ воронежской губерніи и къ рѣкѣ Медвѣдицѣ, вступилъ бы со оными полками въ содѣйствіе со мною и способствовалъ бы ко окруженію сего злодѣя отъ той стороны на совершенное его низложеніе и поимку. Теперь, всемилостивѣйшая Государыня, усмотрѣлъ я у постороннихъ изъ дошедшей репортиціи всего генералитета и войскъ вашего Императорскаго Величества по дивизіямъ и мѣстамъ, что прочіе генералъ маіоры, состоящіе наряженными къ войску моего предводительства, отмѣчены остаться подъ моимъ вѣденіемъ, а генералъ порутчикъ Суворовъ поставленъ безъ всякой отмѣтки при Московской дивизіи; сего ради всеподданнѣйше симъ испрашивая всемилостивѣйшаго мнѣ наставленія, не здѣлалъ ли я погрѣшенія отправленнымъ моимъ къ нему генералъ порутчику означеннымъ предложеніемъ и не долженъ ли я его изъ подъ начальства моего исключить...

Августа 13 дня 1774 года. Москва.

XV.

Отвѣтъ Императрицы на письма Графа Панина № 4, 5 и 6 (отъ 12 и 13 авг.).

Графъ Петръ Івановичъ. Письмы ваши, одно отъ 12, а два отъ 13 сего мѣсяца подъ № 4, 5, и 6, вчерашной день вдругъ получила и со всѣми приложеньями; незнавъ имѣете ли вы свѣденіи о письмѣ Князя Голицына ко мнѣ, какъ оное содержитъ разныя извѣстія, распоряженіи и обстоятельства нужныя вамъ, то въ оригиналѣ при семъ включаю его письмо и съ приложеніями, не смотря на то что быть могутъ излишными. Вы усмотрите изъ оныхъ что его намѣренье есть идти на Корсунъ и естьли Арзамаскія извѣстія о взволновавшейся черни правильны и до него дойдутъ, то кажется ему унимать ихъ по дорогѣ. Вашимъ письмомъ подъ № 5 увѣдомляете меня что гвардіи капитанъ Галаховъ къ вамъ пріѣхалъ и что вы, перемѣняя сходственно съ обстоятельствами его маршъругъ, однако всѣ возможныя мѣры взяли чтобъ ему доставить способъ исполнить порученное, въ чемъ осталось желать только добраго успѣха. Присланныя вами полученныя извѣстія изъ Переславля рязанскаго хотя и суть новаго рода и доказываютъ диспозицію народную къ волнованію въ той провинціи, но маршъ полковника Древица чаю перемѣнитъ мысли сей непослушливой черни, и думать надобно что злодѣй сей способъ чрезъ своихъ подсылателей употребляетъ дабы симъ отвесть войски отъ главной его кучи и скрыть свои обороты. Нужды нѣтъ на сей случай снабдить васъ новыми повелѣніями, ибо въ инструкціи вашей сказано что вамъ ввѣряется политическое, военное и гражданское управленія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ коснулась зараза Пугачевскаго злодѣйства или же которыхъ оная приближаться станетъ. Что же по новѣйшимъ извѣстіямъ злодѣй бѣжитъ къ Петровску и слѣдственно къ Медвѣдицѣ и приближается къ донскимъ станицамъ, сіе бъ при теперешнемъ случаѣ желательно было, ибо отъ донскихъ казаковъ ему ожидать кромѣ пораженья нечего; тому третій день какъ конной гвардіи ротмистръ Осиповъ, которой отъ мнѣ (sic) въ Черкаскъ посыланъ, оттуда возвратился и привезъ отъ сего войска наиусерднѣйшее увѣренье о непоколебимой вѣрности и недреманномъ остереженьи отъ злодѣйскихъ покушеній. Сей разумной офицеръ нашелъ что имя Пугачева въ омерзеньѣ у старшинъ и казаковъ и онѣ даже и станицу, гдѣ родился сей извергъ, переводить желаютъ на другое мѣсто. Чтоже касается до ген. порутчика Суворова, то непремѣнно моя воля есть чтобъ до утушенья бунта подъ вашимъ начальствомъ свое пребыванье имѣлъ, о чемъ я сама къ фельдмар: Румянцову писала, но о семъ забвеньемъ военной Коллегіи не дано было знать до вчерашного дня, и такъ онъ въ мирномъ росписаньѣ войскъ въ дивизію вписанъ былъ. Впрочемъ остаюсь...

III.

П. С. ПОТЕМКИНЪ ВО ВРЕМЯ ПУГАЧЕВЩИНЫ [1]).

1870.

Изъ бумагъ, собранныхъ мною по исторіи пугачевщины нѣсколько лѣтъ тому назадъ, были напечатаны въ Запискахъ Академіи Наукъ [2]):

---

[1]) Русская Старина, 1870 т. II, кн. 10.

[2]) Т. I и III, см. выше, предыдущія статьи.

1) бумаги Кара и Бибикова, и 2) часть переписки императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. Малое распространеніе академическаго изданія было причиною, что большая часть лицъ, которыя послѣ того писали объ этой эпохѣ, не воспользовались помянутыми документами. Содержаніе ихъ не было принято къ свѣдѣнію даже при второмъ изданіи „Записокъ о жизни и службѣ А. И. Бибикова", появившемся въ Москвѣ въ 1865 году. Только г. Анучинъ, помѣстившій въ Русскомъ Вѣстникѣ 1868 и 1869 гг. рядъ замѣчательныхъ статей объ участіи Суворова и гр. Панина въ усмиреніи бунта, не оставилъ безъ вниманія и обнародованныхъ Академіею Наукъ матеріаловъ. Однакожъ и отъ него ускользнула одна изъ относящихся сюда статей, именно напечатанная мною въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ [1]) подъ заглавіемъ: „Державинъ и графъ Петръ Панинъ", основывающаяся на архивныхъ актахъ, которыхъ я не имѣлъ еще въ виду при изданіи „Матеріаловъ для біографіи Державина", бывшихъ также въ рукахъ Д. Г. Анучина. Въ названной статьѣ моей разсмотрѣны подробно причины гнѣва графа Панина противъ Державина и показано, что взаимныя отношенія этихъ двухъ лицъ были въ связи съ разладомъ между другими дѣятелями по усмиренію бунта въ той же мѣстности, къ числу коихъ съ одной стороны, кромѣ гр. Панина, принадлежали: астраханскій губернаторъ Кречетниковъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, а съ другой, кромѣ Державина, графъ П. С. Потемкинъ и начальникъ конторы саратовскихъ колонистовъ Лодыжинскій. Князь П. М. Голицынъ также болѣе склонялся къ этой сторонѣ. Кречетниковъ своими донесеніями въ Петербургъ успѣлъ бросить на Державина тѣнь въ глазахъ самой императрицы, а одно ея замѣчаніе о послѣднемъ въ письмѣ къ Панину тотчасъ возстановило суроваго главнокомандующаго противъ слишкомъ заносчиваго офицера, который, несмотря на свой маленькій чинъ, дѣйствовалъ рѣшительно и настойчиво. Совершенно справедливо замѣтивъ, что Державинъ ошибался насчетъ настоящихъ причинъ неудовольствія противъ него графа Панина, г. Анучинъ однакожъ и самъ не имѣлъ возможности вполнѣ объяснить эти причины. Но такіе частные недосмотры и немногія неточности нисколько не уменьшаютъ значенія превосходныхъ статей г. Анучина, отличающихся безпристрастнымъ изслѣдованіемъ обстоятельствъ по подлиннымъ документамъ и особеннымъ умѣньемъ группировать событія.

Во всѣхъ до сихъ поръ появившихся монографіяхъ по пугачевщинѣ замѣчается важный пробѣлъ — это недостатокъ извѣстій объ одномъ изъ главныхъ лицъ, избранныхъ Екатериною II для подавленія мятежа, именно о Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ (впослѣдствіи

[1]) 1863 г., № 210.

графѣ). Въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго помѣщено нѣсколько свѣдѣній о его служебной и литературной дѣятельности, но о роли, какую онъ игралъ во время пугачевщины, упоминается тамъ только въ немногихъ словахъ. Пушкинъ едва мимоходомъ называетъ генералъ-маіора Потемкина, какъ начальника тайной комиссіи, учрежденной по дѣлу Пугачева. Болѣе узнали мы о немъ изъ записокъ и особенно изъ переписки Державина, въ которой Потемкинъ является начальникомъ доброжелательнымъ и любезнымъ. Но оцѣнка дѣятельности и значенія его еще впереди. Предлагая часть бумагъ его, относящихся ко времени пугачевщины, скажу напередъ нѣсколько словъ о немъ самомъ.

П. С. Потемкинъ обратилъ на себя вниманіе въ первую турецкую войну, которой окончаніе совпало съ полнымъ разгаромъ мятежа. Получивъ образованіе въ московскомъ университетѣ, онъ любилъ заниматься литературой, переводилъ Руссо и Вольтера и написалъ, между прочимъ, цѣлую драму въ 5-ти дѣйствіяхъ на подвиги русскихъ въ Архипелагѣ. Во время бунта онъ составилъ „Исторію о Пугачевѣ", до сихъ поръ еще не изданную. Позднѣе онъ занималъ мѣсто генералъ-губернатора саратовскаго и кавказскаго, и литературнымъ плодомъ этой дѣятельности его было „Описаніе кавказскихъ народовъ", также остающееся въ рукописи. Бантышъ-Каменскій говоритъ, что одно событіе, послѣдовавшее въ Кизлярѣ, въ 1786 году, съ несчастнымъ братомъ шаха персидскаго, помрачило славу Павла Потемкина. Обстоятельство это, сопряженное, сколько извѣстно, съ погибелью принца, искавшаго убѣжища у русскихъ, и съ завладѣніемъ его сокровищами, конечно, будетъ разъяснено въ біографическихъ свѣдѣніяхъ о Потемкинѣ, ожидаемыхъ Русскою Стариною отъ М. Н. Лонгинова. „Словарь достопамятныхъ людей" прибавляетъ, что Потемкинъ скончался скоропостижно послѣ свиданія съ Шешковскимъ 29 апрѣля 1796 года; но это преданіе опровергается очень просто временемъ смерти Шешковскаго, котораго уже въ 1794 г. не было въ живыхъ, какъ видно изъ письма ко вдовѣ его отъ графа Самойлова (Русскій Архивъ 1866, стр. 263). Такъ точно опровергнуто недавно и другое подобное преданіе о другомъ дѣятелѣ въ борьбѣ съ Пугачевымъ, князѣ П. М. Голицынѣ, умершемъ въ самый годъ казни этого мятежника и будто бы нечестно убитомъ на дуэли Шепелевымъ по наущенію завидовавшаго красотѣ его Потемкина-Таврическаго (Р. А. 1867, стр. 479).

Послѣ неожиданной кончины А. И. Бибикова 9 апрѣля 1774 г., императрица была въ затрудненіи, кому передать всѣ обширныя полномочія, предоставленныя ею покойному. Поручивъ на время главное начальство надъ войсками старшему по немъ въ чинѣ, князю Ѳедору Ѳедоровичу Щербатову, она предоставила ему только власть рас-

поряжаться военными дѣйствіями, да и то по соглашенію съ губернаторами. Что же касается до „секретной комиссіи", которая была также въ зависимости отъ Бибикова, и теперь, по его же представленію, раздѣлилась на двѣ, на казанскую и оренбургскую, то по смерти его Екатерина подчинила эти двѣ секретныя комиссіи мѣстнымъ губернаторамъ, — Бранту въ Казани и Рейнсдорфу въ Оренбургѣ. Вскорѣ однакожъ, понимая необходимость связи въ ихъ дѣйствіяхъ, она назначила одного надъ обѣими начальника въ лицѣ Павла Потемкина, троюроднаго брата быстро возвышавшемуся въ то время любимцу. Особой, составленной при этомъ случаѣ, инструкціей государыня поручила ему сверхъ того изслѣдовать причины возмущенія, придумать мѣры къ устраненію ихъ и установить прочный порядокъ въ яицкомъ народѣ [1]).

I. **Инструкція нашему генералъ-маіору Павлу Потемкину**. Извѣстны уже вамъ происшедшіе бунты на Яикѣ и въ Оренбургской губерніи, для угашенія коихъ посланы туда войска, которыя, такъ какъ и все сіе дѣло, поручены были въ главное предводительство и управленіе покойному генералъ-аншефу Бибикову. Въ слѣдствіе чего и учреждена имъ въ Казани по нашему повелѣнію секретная коммиссія, для произведенія разбирательства и слѣдствія надъ пойманными злодѣями. По разбитіи же Пугачева и по освобожденіи Оренбурга учреждена и тамо по повелѣнію нашему такая же коммиссія подъ вѣдѣніемъ губернатора. Равномѣрно и казанская, по смерти генерала Бибикова, поручена отъ насъ казанскому же губернатору. Нынѣ же дѣла тамошняго края возымѣли такой оборотъ, что оба тѣ губернатора долженствуютъ быть единственно упражняемы внутренними гражданскими дѣлами своихъ губерній: то мы имѣвъ достаточное испытаніе о вашей ревности и раченіи въ службѣ нашей, заблагоразсудили васъ опредѣлить главнымъ къ обѣимъ тѣмъ коммиссіямъ яко нераздѣлимую между собою по дѣламъ, связь имѣющимъ. Того ради повелѣваемъ вамъ:

Первое, отправиться отсюда въ Казань и въ Оренбургъ съ включенными здѣсь отъ насъ указами къ обоимъ тѣмъ губернаторамъ, по силѣ которыхъ и должны вы принять отъ нихъ подъ свое вѣдомство тѣ коммиссіи со всѣми въ

---

[1]) Касательно преданія о смерти Павла Потемкина замѣчу, что оно опровергается также свидѣтельствомъ извѣстнаго читателямъ „Русской Старины" Болотова который подъ февралемъ 1796 года говоритъ: „Онъ все еще былъ боленъ очень въ Москвѣ и отлынивалъ отъ суда. Говорили всѣ, что онъ опился ядомъ и медленно скончаетъ и умираетъ. О возраженіяхъ сочиненныхъ на его стихи: „Гласъ невинности", говорили что было ихъ три: одно сочинено Державинымъ и умѣренно, а оба другія ужасно ѣдки и дерзки" ...Далѣе подъ 7-ми апрѣля: „Наконецъ рѣшилась судьба сего знаменитаго человѣка! и весь этотъ громкій судъ надъ нимъ прежде кончился начала его — его смертію! Онъ умеръ отъ своей болѣзни, такъ какъ ожидали того всѣ въ Москвѣ; и вся его непомѣрная алчность къ богатству легла съ нимъ во гробъ". (Памятникъ протекшихъ временъ или краткія Историческія записки о бывшихъ происшествіяхъ и носившихся въ народѣ слухахъ. Ч. I. 1796. Въ Богородицкѣ. Рукопись, 2-я часть которой была напечатана съ пропусками въ „Русскомъ Архивѣ" 1864). *Я. Г.*

нихъ находящимися лейбъ-гвардіи офицерами, и съ принадлежащими къ отправленію тѣхъ дѣлъ разными офицерами и служителями.

Второе, равномѣрно принять отъ помянутыхъ губернаторовъ насланныя отъ насъ къ нимъ имянныя наши, повелѣнія по тѣмъ обѣимъ коммиссіямъ; а отъ офицеровъ лейбъ-гвардіи нашей — данные коммиссіи отъ насъ указъ, ордеры и наставленія покойнымъ генераломъ Бибиковымъ. То и другое долженствуетъ вамъ служить настоящимъ руководствомъ въ производствѣ дѣлъ на первой случай, слѣдовательно вы и имѣете во всемъ поступать точно по тѣмъ нашимъ имяннымъ повелѣніямъ.

Третіе, при производимыхъ допросахъ и слѣдствіяхъ поручаемъ вамъ главнѣйшимъ попеченіемъ: 1) узнать и открыть истинное познаніе о тѣхъ прямыхъ причинахъ и междоусобной оныхъ связи, кои произвели толикое зло въ той части имперіи нашей, а особливо въ яицкихъ жилищахъ, яко въ первоначальномъ гнѣздѣ онаго; 2) изыскать на мѣстѣ лучшія и удобнѣйшія средства къ совершенному искорененію тѣхъ вредныхъ причинъ, и 3) изобрѣсть новыя и надежнѣйшія для переду положеніи, на которыхъ можно бы было впредь основать и установить поселянскій порядокъ и повиновеніе возмутившагося яицкаго народа.

Четвертое, къ отправленію коммиссіи вашей нужны вамъ быть могутъ разныя свѣдѣнія и вспоможеніи отъ казанскаго и оренбургскаго губернаторовъ; вы оныя имѣете отъ нихъ въ свое время, по настоящимъ надобностямъ, требовать.

Пятое, для удобнѣйшаго исполненія намѣренія нашего, съ которымъ мы васъ отправляемъ, имѣете вы принять и содержать въ особенномъ вашемъ вѣдомствѣ и командѣ всѣхъ возвратившихся и возвращающихся въ повиновеніе яицкихъ казаковъ, и не дѣлая еще никакого рѣшительнаго и новаго съ ними положенія, устроить однакожъ въ запасъ между ими и въ ихъ жилищахъ повиновеніе, тишину и спокойство до того времени, пока отъ насъ рѣшительное впредь положеніе о нихъ учинено будетъ, въ слѣдствіе того, что вы по точному разсмотрѣнію объ ономъ за полезнѣйшее нашедъ, намъ донесете; а дабы тѣмъ охотнѣе сіи казаки къ законному повиновенію возвращались, можете вы сдѣлать отъ имени вашего объявленіи, въ подтвержденіе данныхъ о томъ отъ насъ манифестовъ, въ тамошнемъ краю публикованныхъ.

Шестое, по вступленіи вашемъ въ дѣло, повидимому нужнѣйшее въ томъ состоять будетъ, чтобъ вы, персоною своею произведя къ себѣ въ яицкихъ казакахъ уваженіе и довѣренность, поселили въ нихъ духъ кротости и истинное раскаяніе о прежнихъ преступленіяхъ. Къ способствованію же вамъ во всемъ семъ дѣйствіи гражданской политики, естьли вамъ какое вспоможеніе нужно будетъ и отъ командировъ войскъ нашихъ въ тамошнемъ краю обращающихся, вы можете онаго отъ нихъ требовать, о чемъ и указъ нашъ туда къ главному командиру генералъ-порутчику князю Щербатову отправленъ будетъ.

Седьмое, точнаго и особливаго пребыванію вашему мѣста мы вамъ предписывать не хотимъ, а имѣете вы обращаться и въ томъ, и въ другомъ мѣстѣ по вашему усмотрѣнію, гдѣ и когда дѣла ваши требовать того будутъ. На отправленіе же ваше отсюда всемилостивѣйше вамъ жалуемъ двѣ тысячи рублей; а на коммиссію расходы пять тысячъ рублей. Впрочемъ всѣ ваши доношеніи имѣете вы отправлять прямо къ намъ, и мы уповая, что вы благоразумнымъ вашимъ исполненіемъ сего вамъ порученнаго и толь важнаго для спокойства отечества дѣла наивяще себя достойнымъ сдѣлаете нашего монаршаго благоволенія, съ которымъ къ вамъ благосклонными пребываемъ. Дана въ С.-Петербургѣ 11 іюня 1774 года. Екатерина.

II. **Донесеніе изъ Казани** отъ 8 іюля 1774 года. Всемилостивѣйшая государыня. Въ пріѣздъ мой въ Казань [1]), нашелъ я городъ въ толь сильномъ уныніи и ужасѣ, что весьма трудно было мнѣ удостовѣрить о безопасности города. Ложныя по большой части извѣстіи о приближеніи къ самой Казани злодѣя Пугачева привели въ неописанную робость, начиная отъ начальника, почти всѣхъ жителей, такъ что почти всѣ уже вывозили свои имѣнія, а фамиліямъ дворянъ приказано было спасаться: я не хотѣлъ при началѣ моего пріѣзда оскорбить начальника [2]), но представлялъ имъ, что городъ совершенно безопасенъ и, благодаря Бога имѣлъ счастіе ихъ удостовѣрить и успокоить.

Точнаго извѣстія о стремленіи злодѣя донести в. в. не могу, понеже и самъ г. губернаторъ вѣрныхъ извѣстій не имѣетъ, но сіе вѣрно, что г. подполковникъ Михельсонъ идетъ въ слѣдъ за злодѣйскою толпою, состоящею въ семи тысячахъ всякаго народа. Сіе извѣстіе прислано отъ помянутаго подполковника съ Вятки.

Я не могу представить, всемилостивѣйшая государыня, какимъ чуднымъ образомъ могъ злодѣй прокрасться въ сію сторону, и будучи разбитъ подъ Троицкой крѣпостію, успѣлъ обмануть всѣхъ вокругъ себя военно-начальниковъ, пробраться къ Осѣ, взять маіора Скрыпицына со 100 человѣками гарнизона и 8 пушками, а оттуда прошелъ къ заводамъ, которые разорилъ и взялъ 12 пушекъ, а полковника Рензеля [3]) повѣсилъ. Изъ всѣхъ надзирающихъ движенія Пугачева одинъ только подполковникъ Михельсонъ успѣлъ узнать о его обращеніяхъ. Сказываютъ, что г-да маіоры Жолобовъ и Гагринъ поворочены были Деколономъ для надзиранія надъ Оренбургомъ. Сожалительно что Михельсонъ, будучи обремененъ больными и ранеными, а паче для снабденія себя провіантомъ, долженъ былъ зайти въ Уфу, безъ чего всеконечно бы не допустилъ онъ толикаго разоренія краю сему.

Я предлагалъ г. губернатору, что естьли онъ имѣетъ хотя малой деташаментъ, то пріемлю я на себя итти на встрѣчу злодѣю: но по недостатку военныхъ людей, съ нуждою набрать можно до 500 человѣкъ, которыхъ отдѣлить далеко не можно, дабы не обнажить города. Все сіе однакожъ не воспрепятствуетъ, по первому извѣстію о приближеніи его отъ Вятки къ Казани, чтобъ я не выступилъ съ помянутымъ деташаментомъ, и дерзаю в. в. удостовѣрить, что прежде я погибну, нежели допущу городъ атаковать.

Сіи обстоятельства принудили меня здѣсь остановиться до точнаго разрѣшенія по вѣрнымъ извѣстіямъ, гдѣ находится злодѣй. По всевысочайшему изволенію в. в. манифестъ завтра будетъ отъ меня объявленъ. Боже дай успѣхъ въ дѣлахъ моихъ, соотвѣтствующій ревности моей къ службѣ священной в. в. особѣ: и я не пощажу ни трудовъ, ни самой жизни моей къ пріобрѣтенію желаннаго спокойствія въ народѣ.

Я, повергая себя къ освященнымъ стопамъ вашего величества, имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. вѣрнѣйшій подданный Павелъ Потемкинъ.

III. **Письмо П. С. Потемкина къ графу Г. А. Потемкину изъ Казани** отъ 12 іюля (1774 [4]). Вчера по утру непріятель атаковалъ Казань и мы его ото-

---

[1]) Онъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за 4 дня до нападенія Пугачева. *Я. Г.*

[2]) Губернатора, генералъ-аншефа Якова Ларіоновича Бранта. *Я. Г.*

[3]) У Пушкина начальникъ заводовъ названъ Венцелемъ. *Я. Г.*

[4]) Здѣсь сохранены ороографія и пунктуація собственноручнаго подлинника. *Я. Г.*

гнали. А сегодня поутру вторично атаковалъ съ четырехъ сторонъ такъ что чрезъ (о)враги пробравшись отрѣзали высланной отъ меня съ двумя пушками авангардъ, но я поскакавъ туда соединилъ ихъ съ моею командою, которая состояла изъ 400. Я ласкалъ себя что буду имѣть въ командѣ 600 пѣхоты и 300 конницы: но тщетная моя была надежда: тотъ самый день какъ я къ вамъ писалъ полковникъ Толстой стоящій въ 20 верстахъ со сто пѣхоты и со сто конницы, которой струсивъ отдался съ конницей и заколонъ. Наша пѣхота чрезъ то пришла въ робость, однако я ихъ подкрѣплялъ и ободрилъ: но только успѣлъ я мой авангардъ выручить какъ увидѣлъ съ правой и съ лѣвой стороны злодѣевъ вошедшихъ въ городъ. Слѣдуя каремъ ввелъ я своихъ внутрь рогатокъ и отдѣлилъ на каждую сторону по 60 человѣкъ; съ правой стороны было уже поздно: а съ лѣвой стороны держали переднихъ, но какъ уже они прорвались въ одинъ садъ и зашли въ тылъ то солдаты побѣжали: а злодѣи ворвавшись отовсюду вбѣгали въ улицы. Народъ будучи преданъ по большей части злодѣямъ итти не препятствовали, а татаръ находящихся у меня половина злодѣямъ отдались, и такъ осталось мнѣ съ имѣющимися при мнѣ двумя пушками къ крѣпости пробиваться, что и удалось мнѣ сдѣлать: въ крѣпость ввелъ я 300 человѣкъ пѣхоты съ крайней трудностью. Теперь защищаемся мы въ крѣпости: уповаютъ что Михельсонъ севодни будетъ, однако трудно ему будетъ въ городѣ ихъ поражать: сказываютъ что Гагринъ [1]) и Жолобовъ дни черезъ три будутъ; я въ жизнь мою такъ нещастливъ не бывалъ: имѣя губернатора ничего неразумѣющаго и артиллерійскаго генерала дурака, долженъ былъ, по ихъ распоряженію къ защитѣ самой скверной, помогать на семи верстахъ дистанціи. Теперь остается мнѣ умереть защищая крѣпость, и если Гагринъ, Михельсонъ и Жолобовъ не будетъ, то не уповаю долѣе семи дней продержать, потому что съ злодѣемъ есть пушки и крѣпость очень слаба. И такъ мнѣ осталось одно средство—при крайности пистолетъ въ лобъ, чтобъ съ честію умереть какъ вѣрному подданному ея величеству, которую я богомъ почитаю. Повергните меня къ ея священнымъ стопамъ, которыя я отъ сердца со слезами лобзаю. Богъ видитъ сколь ревностнымъ и усердно я ей служилъ: прости, братецъ, ежели Богъ доведетъ насъ къ крайности. Воспоминайте меня какъ самаго искреннаго вамъ человѣка. П. П.

самое главное нещастіе
que le peuple n'est pas sûr [2]).

Вотъ, братецъ, каково быть командиромъ войскъ незнающему человѣку въ губерніи, которая вся готова была възбунтовать; оставилъ одинъ гарнизонъ и команда моя была изъ разныхъ полковъ оставленныхъ за негодностью и черкесъ съ шестью казаками держалъ три дня пикеты.

IV. **Дальнѣйшія донесенія изъ Казани:** 1) отъ 26 іюля. Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая великая государыня императрица и самодержица всероссійская Екатерина Алексѣевна, государыня всемилостивѣйшая!

Послѣ послѣдняго отправленнаго мною къ в. и. в. всеподданнѣйшаго донесенія, губернаторъ казанской сдѣлался отчаянно боленъ, такъ, что никакой надежды о жизни его нѣтъ; а какъ здѣшняя губернія и при настоящемъ правителѣ весьма растроена, о чемъ я уже имѣлъ счастіе в. и. в. донести, то при

[1]) Нарвскаго пѣхотнаго полка премьеръ-майоръ, о которомъ князь П. М. Голицынъ упоминаетъ въ своемъ журналѣ (см. Приложеніе къ Ист. Пуг. б.). За дѣйствіе подъ Кунгуромъ въ началѣ марта Бибиковъ испросилъ ему чинъ подполковника („Матеріалы" въ Зап. Акад. Н., т. I, см. выше). *Я. Г.*

[2]) Т.-е., что на народъ нельзя положиться.

настоящихъ обстоятельствахъ требуетъ необходимо правителя, который бы могъ сколько нибудь поправить испорченное [1]). Генералъ-порутчикъ князь Щербатовъ по обстоятельствамъ, равно какъ и я, вступаемся въ нѣкоторыя дѣла, требующія скораго рѣшенія, но правленіе настоящее по губерніи претерпѣваетъ, что́ почелъ я за долгъ мой в. и. в. всеподданнѣйше донести, имѣя за первой предметъ въ жизни моей благо общества и вѣрность къ священной особѣ вашей, съ которою вѣрностію пребуду во всю жизнь мою, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. вѣрнѣйшій подданный Павелъ Потемкинъ.

2) *Отъ 17-го августа.* Всемилостивѣйшая государыня! Высочайшее в. и. в. повелѣніе о всемилостивѣйшемъ воззрѣніи на ревность и службу в. в. вѣрныхъ рабовъ, объявилъ я со всевозможнымъ объясненіемъ важности онаго милосердія. Монаршее благоволеніе возбудило вящую ревность въ сердцахъ преданныхъ и безъ того в. в. Я не престаю возглашать долгъ каждаго и неоцѣненныя в. в. щедроты; и кажется успѣваю нѣсколько въ желаніи моемъ. Чернь вся въ крайнемъ невѣжествѣ погруженная познаваетъ свое заблужденіе, и возъимѣя ко мнѣ довѣренность являются ежедневно человѣкъ по сту и болѣе съ разными жалобами. А какъ повидимому приучили ихъ къ тому, чтобы они праздны не являлися, то часто приходя ко мнѣ привозятъ они подарки, такъ что отрекаясь принимать оные принужденъ я былъ сдѣлать объявленіе, что я примѣчая многія мздоимства публикую, что по первому свѣдѣнію кто будетъ касаться ко взяткамъ, таковыхъ ту минуту буду наказывать, да и самые тѣ кто подноситъ не останутся безъ наказанія. Первый опытъ оному учиненъ обличеніемъ одного офицера казанскаго гарнизона, который былъ посланъ съ командою для усмиренія бунтующихъ чувашъ, и который бралъ деньги съ самыхъ бунтовщиковъ и отпускалъ ихъ.

Я не пропускаю ничего, что только въ силѣ моей способности мои допускаютъ, чтобы привести народъ въ надлежащее познаніе ихъ долгу: наказывая преступниковъ по мѣрѣ важности вины, уменьшаю наказанія чистосердечно въ раскаяніи приходящимъ, ободряю вѣрныхъ вашего величества рабовъ и всевóзможное прилагаю стараніе привести ихъ развращенныя сердца въ порядокъ.

3) Въ послѣднемъ моемъ всеподданнѣйшемъ донесеніи в. и. в. изволили усмотрѣть о подломъ поступкѣ саранскаго и пензенскаго воеводъ, которые изъ единой слабости душъ оставили ввѣренные имъ города на жертву злодѣю отечества. Оба помянутые градоначальники не избѣжали мнимымъ ихъ средствомъ побѣга поносной, мучительной и безчестной смерти отъ варвара Пугачева. Саратовскій комендантъ [2]) еще хуже ихъ учинилъ: когда свѣдали они о приближеніи злодѣя къ ихъ краю, то положено было по совѣту обложить Саратовъ валомъ, и учрежденіе сіе было подписано всѣми находящимися въ Саратовѣ штабъ-офицерами: но однакожъ комендантъ не хотѣлъ дать на то работниковъ и мѣшкая день отъ дня дождались того, что злодѣй овладѣлъ Саратовомъ [3]). Неизвѣстно еще, всемилостивѣйшая государыня, что учинено злодѣемъ въ семъ несчастномъ городѣ и что спаслось отъ свирѣпой руки его,

[1]) По смерти Бранта, казанскимъ губернаторомъ былъ назначенъ князь Платонъ Степановичъ Мещерскій. Брантъ умеръ 3 августа. Наканунѣ Потемкинъ писалъ императрицѣ: „Весьма ослабно пекся губернаторъ о соблюденіи города; но столько жъ слабо командиръ воинскій (Щербатовъ?) пекся соблюсти пространство имперіи, въ которую теперь впустили злодѣя“. *Я. Г.*

[2]) Бошнякъ.

[3]) Источникомъ этихъ извѣстій служили Потемкину рапорты Державина, который пользовался полнымъ его довѣріемъ (см. т. V-й Сочиненій Державина). *Я. Г.*

но я имѣю рапортъ, что какъ скоро соединенные деташаменты подполковника Муфеля и ревностнаго Мелина приближились, такъ скоро злодѣй оставилъ Саратовъ и пошелъ далѣе къ Царицыну. Партія его, переправясь на луговую сторону, произвели нѣкоторыя варварства въ Малыковкѣ: но донской есаулъ Богатыревъ съ командою своею ихъ разбилъ и нѣсколько взялъ въ плѣнъ Хотя уповательно, что ополченіе злодѣя гораздо умножилось какъ въ разсужденіи людей, такъ и числа пушекъ по взятіи имъ Саратова, однако уповаю, что деташаменты его преслѣдующіе настигнутъ сего злодѣя: полковникъ Михельсонъ, сказываютъ, съ двумя первыми соединился, а генералъ-маіоръ князь Голицынъ, столь усердствующій къ службѣ вашего императорскаго величества, соединясь въ Сызранѣ съ г. Мансуровымъ, поспѣшаетъ съ другой стороны настичь злодѣя, дѣлая каждый день маршъ по 70 верстъ.

Что касается до здѣшнихъ мѣстъ, вокругъ Казани и до самой Камы все спокойно; не утишаются одни только башкирцы и самая малая часть между Табинска и Бугульмы; отрядивъ туда часть войскъ изъ деташамента полковника Якубовича, приказалъ я истребить шатавшуюся шайку разбойниковъ: а башкирцамъ послалъ листы, объявляя имъ, что естьли они къ октябрю не усмирятся, тогда в. и. в. изволите прислать запорожцевъ и арнаутъ къ истребленію ихъ [1]). Я прошу в. и. в. простить мнѣ смѣлость сію. Разные способы нужны ко усмиренію сего народа. Одинъ изъ старшинъ башкирскихъ, по повелѣнію моему, поймалъ самаго главнѣйшаго сообщника Пугачеву, Канзафера, за котораго заплатилъ я сто рублей и послалъ показанному старшинѣ Кидрясу медаль, повелѣвъ ему искать оставшихъ двухъ Кораная и Салавата и обѣщавъ за каждаго по ста рублей.

Въ разсужденіи самаго злодѣя хотя неосмѣлюсь я удостовѣрить ваше величество въ поимкѣ его, но имѣю однакожъ немалую надежду: скоро должно открыть исполненіе онаго или тщетное мое упованіе.

Ежели Богъ воззритъ на усердіе мое, то уповаю, что всѣ дѣла будутъ итти въ угодность в. и. в. и въ пользу отечества. Нѣтъ для меня святѣе ничего, какъ опытами моихъ дѣлъ в. в. усмотрѣть соизволили, колико сердце мое исполнено той священной ревности къ службѣ в. и. в., которая дѣлаетъ подданныхъ высокаго благоволенія достойными и съ которою непремину я жертвовать жизнію моею для славы и пользы в. и. в. при всякомъ случаѣ. Имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

4) *Отъ 17-го же августа.* Всемилостивѣйшая государыня! Донесенный допросъ в-му и. в. отъ генералъ-порутчика Ступишина [2]) сходствуетъ съ тѣмъ, который я чрезъ Григорія Александровича имѣлъ честь всеподданнѣйше в. в. представить; но показаніе сего злодѣя Аристова [3]) не имѣетъ точнаго основанія: во первыхъ, онъ въ допросѣ его учиненномъ въ Нижнемъ городѣ показалъ, якобы онъ находился въ толпѣ злодѣя и поутру рано въ самый день приключившагося несчастія Казани, то есть 12 числа іюля, видѣлъ прислан-

---

[1]) Впослѣдствіи П. С. Потемкинъ доносилъ императрицѣ, что къ нему явились 12 башкирскихъ старшинъ съ повинною и что онъ одного изъ нихъ отправилъ къ Г. А. Потемкину. *Я. Г.*

[2]) Алексѣя Алексѣевича, нижегородскаго губернатора. *Я. Г.*

[3]) Пугачевскаго полковника, который взвелъ на казанскаго архіепископа Веньямина ложное обвиненіе въ сношеніи съ Пугачевымъ. Объ этомъ см. въ послѣдней статьѣ Д. Г. Анучина, Р. Вѣстн. 1869, № 6, стр. 369. Тамъ же помѣщено извлеченіе изъ письма Веньямина къ гр. Панину; ниже мы сообщаемъ это письмо цѣликомъ. *Я. Г.*

наго семинариста: но сего ему видѣть было невозможно. Понеже сей злодѣй содержался въ Казанской секретной коммиссіи и былъ присланъ въ Воронежскую губернію отъ донскаго полковника Серебрякова; точно потому, что онъ разглашалъ тамо о самозванцѣ. Коль скоро онъ сюда привезенъ, такъ скоро онъ изобличенъ во лжи: однакожъ онъ утверждалъ, что отъ преосвященнаго было всеконечно прислано показанное число денегъ въ подарокъ злодѣю; чего для расковавъ его водили въ церковь, тогда какъ преосвященный церемоніально служилъ и вся свита его преосвященства при немъ находилась, но ни одного изъ оныхъ семинаристовъ онъ не узналъ. Я намѣренъ былъ подъ другимъ видомъ призвать въ секретную коммиссію всѣхъ семинаристовъ; но злодѣй Аристовъ сдѣлался отчаянно боленъ и потому опасаюсь я, чтобы смерть его не скрыла зла, которое надлежитъ вывесть наружу. Ибо хотя неимѣю больше подозрѣнія на человѣка толь высокого степени духовнаго, которому бы надлежало лучше въ обличеніи при крайности злодѣевъ во грѣхахъ ихъ погибнуть и принять чрезъ то вѣчную ангельскую и безсмертную славу, нежели толь подло думать для продолженія жизни, которая и безъ того кратковременна: однако, соображая всѣ дѣла, нашелъ я нѣкоторую причину къ сумнѣнію, о чемъ в-му и. в. изустно податель всеподданнѣйшаго моего донесенія донесетъ. Но до времени не приступаю я ко изобличенію, по малымъ сумнѣніямъ ко изобличенію, дабы напрасно не оскорбить толь великаго сана.

Теперь приступлю вывести всю исторію и начало самозванца и злодѣя Пугачева, которую выполнить долженъ привезенный вчера въ Казань главный наперсникъ злодѣя называвшійся графомъ Чернышевымъ [1]).

Впрочемъ, всемилостивѣйшая государыня, податель сего всеподданнѣйшаго донесенія, видѣвъ здѣшнихъ дѣлъ нѣкоторые примѣры, донесетъ объ нихъ в. и. в. Онъ желалъ быть при генералъ-маіорѣ князѣ Голицынѣ, но отпустить его туда было опасно въ разсужденіи шатавшихся малыхъ партій между Симбирска и Саратова.

Въ заключеніе всего повергая себя къ освященнымъ в. и. в. стопамъ, со всеглубочайшимъ повиновеніемъ пребываю, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

5) *Отъ 17-го сентября.* Всемилостивѣйшая государыня! При отправленіи всеподданнѣйшаго мною донесенія получилъ я изъ Яика отъ капитана-поручика гвардіи в. и. в. Маврина рапортъ, въ которомъ увѣдомляетъ онъ, что раздачею Яицкимъ казакамъ тысячи четвертей муки столь сильно были тронуты милосердіемъ в. в. яицкіе казаки, что воздымая руки къ небесамъ со слезами приносили теплыя молитвы о драгоцѣнномъ здравіи вашемъ и прославляли в. и. в. щедроту.

Яицкій казакъ Савинъ, бывшій въ толпѣ злодѣйской, раскаяся въ беззаконіи своемъ, явился въ Яицкомъ городкѣ и допросъ онаго всеподданнѣйше подношу. К.-п. Мавринъ увѣдомляетъ меня по объявленію показаннаго Савина, что всѣ находящіеся казаки въ толпѣ злодѣя чувствуютъ уже свое преступленіе и весьма раскаиваются, но не смѣютъ, по многимъ злодѣйствамъ, явиться съ повинностію. Слышно также, что многіе вышедшіе изъ толпы злодѣйской укрываются на хуторахъ и страшася должной себѣ за измѣну казни, не являются. Я предписалъ помянутому к.-п. Маврину, чтобы онъ до времени ни одному являющимся казакамъ не дѣлалъ наказанія, дабы тѣмъ привлечь остальныхъ, а опредѣлить къ нимъ должное надзираніе, и послѣ разсматривая каждое

[1]) Написанный на этомъ основаніи разсказъ вѣроятно и составляетъ ту исторію о Пугачевѣ, которая, по словамъ Бантышъ-Каменскаго, сохранилась между рукописями П. С. Потемкина. *Я. Г.*

дѣло и положа сентенцію на высочайшую конфирмацію, в. и. в. всеподданнѣйше представлю.

Теперь, по предписанію моему, чинится на Яикѣ всѣмъ казакамъ опись, дабы тѣмъ удобнѣе предписать имъ основательное положеніе и уповаю, что она вскорѣ совершена будетъ.

Я принялъ дерзновеніе, всемилостивѣйшая государыня, высочайшимъ именемъ в. и. в. объявить монаршее благоволеніе ваше всѣмъ тѣмъ казакамъ, кои въ настоящее смятеніе пребыли въ вѣрности подданнической непоколебимы, увѣщевая оставшихъ къ обращенію. Пріѣзжающіе по часту ко мнѣ яицкіе казаки утверждаютъ, что грызеніе совѣсти виновныхъ весьма велико и, по изъясненію всѣхъ, коимъ я непрестанно внушать стараюсь ихъ важность прегрѣшенія, ту казнь каковую они за преступленіе заслуживали и образъ милосердія, уподобляющаго в. в. самому божеству, съ каковымъ милосердіемъ благоугодно в. в. обращать всѣхъ преступниковъ къ раскаянію, льщуся я довести ихъ къ совершенному повиновенію.

Въ собранныхъ мною справкахъ о причинахъ возмущенія нахожу я, всемилостивѣйшая государыня, не изъ послѣдней причины суевѣрство яицкихъ казаковъ. По повелѣнію моему к.-п. Мавринъ слѣдовалъ, отъ чего начало возымѣла молва о слезахъ Спасителева образа; но какъ уже главныхъ возмутителей на лицо нѣтъ и всѣ почти погибли, то болѣе найтить не могли какъ то, что и сама Глухова, у которой сей найденъ образъ, сумнѣвается нынѣ подлинно ли образъ плакалъ. Къ яснѣйшему изображенію ихъ суевѣрствія копію съ рапорта при семъ прилагаю, а показанную вдову Глухову приказалъ наказать и образъ отъ нее отнявъ поставить въ церковь.

Шесть священниковъ въ Яицкомъ городкѣ, не исполнившіе не только долгу по званію своему въ увѣщеваніи смущеннаго народа, но явно сами прилѣпившіеся къ сонмищу злодѣевъ во время когда злодѣй Толкачовъ осаждалъ яицкій ретрашаментъ, отреклись они войти во оной, гдѣ святая цѣрковь взывала къ небесамъ о изверженіи злодѣевъ и бунтовщиковъ, богоненавистное производили служеніе: поминая злодѣя именемъ Петра Третьяго, душа сихъ священниковъ не трепетала, — совершая святая святыхъ предъ престоломъ Божіимъ, гдѣ сердце и помыслъ долженъ быть истиннаго христіанина чистъ и непороченъ,—приносить молитвы о самозванцѣ, которыя десница Божія отвергала, вѣнчали изверга человѣческаго рода Пугачева съ Устиньею, называя ихъ императорскими титлами, нечувствуя, что Провидѣніе гнушалось мерзкимъ бракомъ ихъ и доброхотствовали во все время чудовищу сему, а за всѣ оныя преступленія повелѣлъ я объявить ихъ вину всенародно, заклепать ихъ въ оковы и по порядку вины и сентенціи представить. На мѣсто-жъ ихъ я сегодня требовалъ другихъ отъ его преосвященства, но не раскольниковъ.

Употребляя всѣ способы къ приведенію конца по дѣламъ мнѣ высочайшимъ изволеніемъ в. и. в. порученнымъ, не пощажу я жизни моей гдѣ возмогу, жертвуя оною, достойно пріобрѣсти пользу службѣ в. в., имѣя въ сердцѣ и въ памяти единое то правило, чтобъ быть достойнымъ рабомъ великія Екатерины, пребывая съ достодолжнымъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

6) *Донесеніе изъ Симбирска отъ 2-го октября.* Всемилостивѣйшая государыня! Несравненныя щедроты в. и. в. обнадеживаютъ меня принять дерзновеніе, павъ къ освященнымъ стопамъ в. в., всеподданнѣйше просить снять съ меня секретную коммиссію. Я долго удерживался отъ сего дерзновенія, но множество причинъ, преодолѣвъ все, къ сей смѣлости меня отважили.

Никогда бы не дерзнулъ я отрекаться служить въ какомъ бы не было случаѣ, гдѣ высочайшая есть воля в. и. в., и чѣмъ труднѣе служба, тѣмъ съ

большею охотою принять желалъ оное, ибо твердо знаю колико долгъ каждаго сына отечества къ службѣ насъ обязываетъ и совершенно чувствую что служить подъ скипетромъ великой Екатерины есть сугубая слава.

Но, всемилостивѣйшая государыня! чѣмъ болѣе ревность моя къ службѣ в. в. возбуждаетъ сердце мое, тѣмъ болѣе тщуся я служить отъ всей души. Сохраняя всю пользу оной по вся дни вѣка моего къ службѣ премудрой и милосердой государыни, твердо уповаю, что истина возымѣетъ прибѣжище у священнѣйшаго престола в. в. и яко милосердой матери въ томъ упованіи осмѣливаюсь открыть причины поостряющія меня къ прошенію моему.

В. и. в. изволите быть извѣстны, что ввѣряя мнѣ коммиссію, высочайше повелѣть соизволили независѣть ни отъ кого, развѣ единыя священныя особы вашея. Исполняя высочайшія повелѣніи в. в. не пропустилъ я ничего по должности на меня возложенной, но теченіе дѣлъ перемѣнилось переходомъ за Волгу бывшаго злодѣя. Не оставилъ я представить главнокомандующему [1]) что не получаю я никакого на преступника допроса въ коммиссію и усматривалъ, что представленія мои оставались..., а можетъ быть тѣмъ я только раздражалъ его. По разбитіи послѣднемъ злодѣя подъ Чернымъ Яромъ требовалъ я отъ коммиссіи изъ Царицына число колодниковъ важныхъ и не важныхъ. Требованія мои отосланы и просьба моя о присылкѣ важныхъ колодниковъ осталась въ тунѣ и коммиссіи по нынѣ неизвѣстно сколько и какихъ людей тамо взято. Наконецъ по представленію моему о высочайшемъ повелѣніи в. и. в., которое мѣлъ я счастіе получить, чтобы каждаго преступника допросъ подносить . в. для усмотрѣнія умоначертанія народа, прислано ко мнѣ: воеводскій товарищъ Овсянниковъ, да въ отбытіе мое изъ Казани шестеро, о какихъ еще я неизвѣстенъ. Коммиссія остается не въ своей силѣ, а представленіями моими можетъ быть раздражая я вяще его сіятельство, почитаю повидимому яко бы я тѣмъ уменьшаю власть и довѣренность его, но я ничего не дѣлалъ и не буду дѣлать кромѣ оной должности и оную исполняю со всякимъ приличнымъ почтеніемъ къ особѣ высокой степени.

Всего горшѣе, всемилостивѣйшая государыня! что при самомъ первомъ свиданіи г. генералъ-поручтика Суворова и моего, его сіятельство удостоилъ предъ цѣлымъ народомъ изъяснить благодарность господину Суворову, священнымъ именемъ вашего величества и всей имперіи, яко бы Суворовъ поймалъ злодѣя Пугачева, съ такою холодностію ко мнѣ изъявляемая, что не трудно было видѣть въ немъ внутренную ко мнѣ досаду. Можетъ быть сіе происходитъ отъ того что не скрылъ я отъ его сіятельства какимъ образомъ въ самомъ дѣлѣ злодѣй былъ пойманъ, а господинъ Суворовъ не устыдился при всѣхъ зрителяхъ цѣловать шесть разъ въ руки и въ полы одобрителя.

Я не осмѣлюсь, всемилостивѣйшая государыня, всеконечно никогда произнесть того, что много участвовалъ въ поимкѣ злодѣя, но какъ истинѣ не заграждаетъ устъ премудрое правленіе ваше, то осмѣлюсь сказать, что имѣлъ болѣе участія нежели господинъ Суворовъ.

Искавъ только дѣлами моими оправдать совѣсть мою, сопряженную усердіемъ съ клятвою въ вѣрности къ в. и. в., не ищу ничьего лживаго одобренія и честолюбіе мое не на пристрастныхъ хвалахъ основаніе имѣть ищетъ: предметъ моего блаженства быть достойнымъ высочайшаго благоволенія и заслужить тѣ неизреченныя милости, коими в. и. в. меня взыскать соизволили; однакожъ воскипѣло сердце мое, слышавъ предъ всѣмъ народомъ пространнаго города отдаваемую похвалу несправедливую, гдѣ самолюбіе одного и низость другаго оскорбляло бы сердце всякаго, благородныя чувства питаемое.

---

[1]) Графу П. И. Панину, назначенному въ эту должность 29 іюля 1774 г.

Сіи суть причины принуждающія меня отважиться употребить подданническую просьбу мою в. и. в. Припадая къ стопамъ в. в. и лобызая ихъ, осмѣливаюсь повторить всеподданнѣйшее прошеніе мое тѣмъ паче, что и коммиссія не имѣетъ теперь почти дѣла. Развѣ естьли откроются по допросу самаго злодѣя какіе неизвѣстные источники, окончанія которыхъ я всеконечно исполнять не оставлю.

Впрочемъ, привыкнувъ разбирать сердца и свойства людей, ясно вижу, что много пріобрѣтаю злобы, сколь ни умѣренно поступаю.

Всемилостивѣйшая государыня! имѣя себѣ въ вѣрной службѣ моей предстателемъ Провидѣніе, и защитницей в. и. в. не устрашусь я ничьихъ гоненій. Но сколь ни свята истина, не избѣгаетъ она сѣтей вражды, которыхъ стократно я опасаюсь болѣе нежели въ сраженіи непріятелей.

Открывая внутренность сердца моего, яко истинной и премудрой матери, всеподданнѣйше повергаюсь къ престолу в. в. имѣя счастіе быть в. и. в., всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

7) *8-го октября изъ Симбирска.* Всемилостивѣйшая государыня! Учиненный допросъ злодѣю Пугачеву въ Яицкомъ городкѣ имѣю честь в. и. в. поднести въ оригиналѣ; а новый, который учиненъ здѣсь, уповаю что его сіятельство графъ Петръ Ивановичъ съ симъ курьеромъ препровождаетъ къ высочайшему усмотрѣнію в. в.

Я поспѣшаю теперь въ Казань отправиться. Получа отъ секретной коммиссіи извѣстіе, что показаніе Аристова справедливо и искомый семинаристъ найденъ и признался, равно же и тотъ, который отправлялъ съ подаркомъ именемъ архипастыря, діаконъ былъ въ коммиссію призыванъ и признался остается теперь извѣдать истину отъ его преосвященства; но какъ показанные утверждаютъ, что сіе сдѣлано отъ единаго страху и въ самой тотъ часъ, когда злодѣи ворвались въ форштатъ казанскій, оно неуповательно, чтобы слѣдствіе изъ онаго какое либо вышло, тѣмъ паче, что уже зло пресѣчено. И такъ дерзаю, всемилостивѣйшая государыня, всеподданнѣйше просить монаршаго вашего повелѣнія, какимъ образомъ поступать мнѣ со впадшимъ въ преступленіе, недопуская до соблазна, употребляя всевозможныя мѣры, чтобы скрыть сіе отъ народа, дабы явно не былъ вмѣшанъ человѣкъ толь высокаго сана въ дѣла разбойника.

Въ заключеніе сего повергаясь къ освященнымъ стопамъ в. и. в. имѣю счастіе быть со вседолжнымъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, вашего императорскаго величества, всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

8) *15-го октября изъ Казани.* Всемилостивѣйшая государыня! Проѣзжая изъ Симбирска въ Казань, получилъ я высочайшее в. и. в. повелѣніе быть мнѣ въ Москву для изслѣдованія, подъ дирекціею князя Михаила Никитича Волконскаго, начала, происхожденія и конца дѣлъ самозванца и злодѣя Пугачева, и оставить произведенія послѣдующихъ дѣлъ нестоль важныхъ секретную коммиссію, которую благоугодно было в. и в. ввѣрить мнѣ. Сію высочайшую повѣренность пріемлю я съ достодолжнымъ благоговѣніемъ и всеподданнѣйше принесть благодареніе дерзаю за оную.

Теперь поспѣшаю *я,* въ силу высочайшаго указа в. в., собрать всѣ дѣла, а равно записки дошедшія постороннимъ образомъ къ свѣдѣнію моему, дабы чрезъ оныя лучше изслѣдовать до самаго источника производимаго самозванцомъ зла.

Оренбургская коммиссія со всѣми тамо находящимися колодниками прибыла сегодня въ Казань; Чика съ Шигаевымъ, яко начальные пособники самозванца, со всѣми товарищами нужными къ слѣдствію готовя къ отправленію; на сихъ дняхъ ожидаю изъ Яицкаго городка главнѣйшихъ плутовъ Пер-

фильева и Творогова; всѣ они будутъ отправлены въ слѣдъ за самимъ злодѣемъ, дабы подъ прикрытіемъ тѣхъ же командъ, которыя безопасный проѣздъ съ самозванцемъ будутъ охранять, можно было обезопасить препровожденіе и гнусной свиты злодѣя. Сколько же всѣхъ оныхъ будетъ отправлено, тотъ самой часъ при всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ къ высочайшему свѣдѣнію в. и. в. поднести непремину имянной списокъ имъ.

Прочіе сообщники злодѣя, находившіеся въ Яицкомъ городкѣ, коихъ числомъ до 200 человѣкъ, уповаю, находятся уже въ дорогѣ. Я отдѣлилъ ихъ изъ сообщества яицкихъ казаковъ до полученія высочайшей в. в. конфирмаціи на донесеніе мое объ нихъ, они до того останутся въ Оренбургѣ, а всѣмъ казакамъ яицкимъ послалъ увѣщавательной листъ, объявляя имъ, что я по всевысочайшей волѣ в. и. в. отозванъ въ Москву и чтобы они пребывали во всякой тишинѣ, сохраняя должное повиновеніе. А когда благоугодно будетъ в. в. возвратить меня для окончанія новыхъ и нужныхъ имъ положеній, то исполню оное сохраняя пользу службы в. и. в. безъ нарушенія выгодъ ихъ, но ко благоустройству дѣлъ, колико способности малыя мои къ тому могутъ удобными быть.

В. и. в. соблаговолили включить указъ къ Казанскому губернатору о выдачѣ денегъ. Сей указъ при семъ всеподданнѣйшемъ донесеніи моемъ возвращаю, а равно и отправленный со мною въ Екатеринбургское вѣдомство, понеже въ деньгахъ не только недостатку нѣтъ, но еще и осталось довольно.

Съ пріѣзда моего въ Казань принялъ я отъ покойнаго губернатора 5.000 рублей, которые при разореніи форштата или сгорѣли или пограблены. Потомъ по второму в. в. указу принято мною 15.000 рублей. Изъ сихъ денегъ велъ я на всѣ чрезвычайные случаи расходы, содержалъ коммиссію и разослалъ на содержаніе колодниковъ во всѣхъ мѣстахъ, и издержано по нынѣ 7685 рублей. Изъ оставшихъ же 7315 рублей оставляю въ коммиссіи 2000, на дорогу колодникамъ до 500 рублей, а объ оставшихъ, куда внести, буду ожидать в. и. в. повелѣнія.

Въ заключеніе сего повергаясь къ освященнымъ стопамъ в. в. имѣю счастіе быть, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

9) *30 октября изъ Казани.* Всемилостивѣйшая государыня! Изъ допроса самозванца Пугачева соизволили в. и. в. усмотрѣть, что онъ дѣйствительно получилъ два камня отъ одного купца, сказавшагося, якобы онъ привезъ къ злодѣю подарокъ изъ Петербурга. Показанія мещерятскаго старшины Канзаферы изобличаютъ во ономъ точно Астафья Трифонова Долгополова. Съ сего представлялъ я о сыскѣ онаго Долгополова во Ржевѣ-Володимировѣ. Прочихъ же пособниковъ злодѣйскихъ показаній относятся, что сей купецъ много поводомъ былъ къ соблазну невѣждъ, а наконецъ, всемилостивѣйшая государыня, нашлись и два камня въ кошелькѣ самозванца, точно какъ онъ объявлялъ. Первый изъ нихъ бѣлой восточнаго хрусталя, сердца имѣетъ фигуру, а другой четвероугольный желтоватой и весь изцарапанъ. Точно ли тѣ камни, которые Канзаферъ видѣлъ, изобличиться при слѣдствіи можетъ; но сколько они по себѣ ни подложны, однакожъ слѣдствія изъ сего весьма были вредны.

Я осмѣлюсь доложить, всемилостивѣйшая государыня, что изъ сего выдти должно: или Долгополовъ условливался съ самозванцомъ о сей выдумкѣ, или подъ видомъ сего не было-ль подсылки отъ раскольниковъ, яко первыхъ источниковъ произведеннаго зла.

При взятіи злодѣя и самозванца въ Яицкомъ городкѣ отобрано отъ него денегъ 139 разныхъ сортовъ червонныхъ, 480 рублей сер., медаль на погре-

беніе покойнаго государя Петра Третьяго, и турецкая монета серебряная. Сіи деньги хранимы будутъ въ секретной коммиссіи доколѣ высочайшее повелѣніе в. и. в. послѣдуетъ, куда ихъ употребить. Я имѣю счастіе быть со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ, всемилостивѣйшая государыня, в. и. в. всеподданнѣйшимъ рабомъ Павелъ Потемкинъ.

—

V. **Письмо архіепископа Веніамина къ графу П. И. Панину** отъ 7 ноября изъ Казани [1]). Высокосіятельнѣйшій графъ Петръ Ивановичъ, милостивѣйшій мой государь и величайшій патронъ. Надѣясь на высокопатронскую вашего высокографскаго сіятельства ко мнѣ милость и покровительство, пріемлю смѣлость трудить ваше высокографское сіятельство покорною просьбою моею въ слѣдующемъ горестномъ и несносномъ моемъ обстоятельствѣ: совсѣмъ по невѣроятному дѣлу оклеветанъ я здѣшнія Казанскія Б-цкія церкви отъ діакона Алексія Іонина, а на него по доносу какихъ-то другихъ людей, и минувшаго октября съ 13 числа отъ учрежденной здѣсь секретной коммиссіи арестованъ, а имѣніе мое опечатано, и съ того времени нахожусь въ келіи моей подъ крѣпкимъ карауломъ, слѣдовательно сталъ быть лишенъ священнослуженія и епаршескаго правленія; клевета жъ на меня состоитъ въ томъ, что яко бы я въ тотъ самый день, когда злодѣйское на Казань было нападеніе то есть прошедшаго іюля 12 числа, посылалъ къ злодѣю Пугачеву золотою монетою денегъ до трехъ тысячь рублей, для того будто, чтобъ мой загородной домъ, называемой воскресенскій монастырь, не былъ вызженъ; но сіе показаніе совсѣмъ невѣроятное и несбыточное и я клянусь небомъ и землею и всѣмъ тѣмъ что есть свято, что въ сей клеветѣ, какъ предъ Богомъ такъ и предъ ея императорскимъ величествомъ, совѣстію моею чистъ и нимало не виноватъ и сего Богу и закону противного поступка ниже въ мысли моей не имѣлъ; но какъ вѣрно усердной и всеподданнѣйшей ея величества рабъ въ прошедшія экстренныя обстоятельства по долгу моему во отвращеніи отъ присоединенія къ злодѣю Пугачеву народа, прилагалъ всевозможное стараніе, о чемъ всей публикѣ извѣстно, и его злодѣя Пугачева также и сообщниковъ его проклиналъ въ соборѣ всенародно и предалъ вѣчному проклятію; хотяжъ я съ самого моего аресту многократно требовалъ отъ секретной коммиссіи, чтобъ дана была мнѣ съ доносителемъ очная ставка, но и по нынѣ оной мнѣ не даютъ; также на послѣдокъ требовалъ я, чтобъ хоть спросили самого злодѣя Пугачова, когда онъ еще содержался по поимкѣ въ Синбирску, что во время злодѣйскаго его на Казань нападенія не было-ль ему отъ кого какого подарку, въ какое время и за что имянно, и въ чемъ оный состоялъ, но и сего не сдѣлано, изъ чего я и примѣчаю, что сіе дѣло на меня навѣтное и явная клевета; и для того прибѣгая подъ покровительство вашего высокографскаго сіятельства, всепокорно прошу меня безвинно страждущаго и продолжавшаго службу безпорочно и притомъ уже и нагбеннаго бременемъ старости, отъ напраснаго оклеветанія избавить, и повелѣть то оклеветанное на меня дѣло и доносителя діакона взять на благоразумное вашего высокографскаго сіятельства разсмотрѣніе въ Синбирскъ, также и мнѣ дозволить по свободѣ изъ подъ аресту явиться для оправданія моего въ моей невинности предъ лицо вашего высокографскаго сіятельства; на что имѣю ожидать высокомилостиваго вашего графскаго сіятельства благоволенія и пребуду навсегда вашего высокографскаго сіятельства покорный слуга и богомолецъ смиренный Архіепископъ Казанскій.

---

[1]) См. выше стр. 554, прим. 3-е къ донесенію П. С. Потемкина.

VI. **Письмо П. Потемкина** 6 октября, 1791 г., изъ Яссъ. В. г-ня! Богу угодно было наказать всѣхъ принадлежащихъ князю Григорію Александровичу Потемкину Таврическому, взятіемъ его отъ сей жизни. Я, будучи болѣе тридцати лѣтъ къ нему привязанъ и почитая въ немъ не только старшаго въ фамиліи, но какъ отца, орошая горестными слезами толь чувствительную для себя утрату, дерзаю пасть ко священнымъ стопамъ в. и. в. и всеподданнѣйше просить, яко мать и благотворительницу того кого мы оплакиваемъ, да удостоите въ память его имени, которое я ношу, принять меня подъ сѣнь собственнаго вашего монаршаго благоволенія.

Моля Всемогущаго Бога да откроетъ онъ способы усугубить ревность мою къ службѣ в. и. в. и проч. Павелъ Потемкинъ.

IV.

1774 ГОДЪ. БУМАГИ, ОТНОСЯЩІЯСЯ КЪ ПОСЛѢДНЕМУ ПЕРІОДУ МЯТЕЖА И КЪ ПОИМКѢ ПУГАЧЕВА [1]).

1875.

Въ *Запискахъ Академіи Наукъ* (т. I и III; *см. выше*) напечатаны нѣкоторые изъ тѣхъ матеріаловъ для исторіи Пугачевскаго бунта, которые были собраны мною въ разныхъ архивахъ во время приготовительныхъ занятій по изданію сочиненій Державина и составленію его біографіи. Это были бумаги, относившіяся къ дѣйствіямъ Кара и Бибикова, и часть переписки императрицы Екатерины II съ графомъ П. И. Панинымъ. Впослѣдствіи сообщилъ я въ *Русской Старинѣ* 1870 г. (т. II) изъ того же собранія матеріаловъ нѣкоторые документы, касавшіеся дѣятельности Павла Сергѣевича Потемкина въ ту же эпоху.

Такъ какъ изданные мною такимъ образомъ документы оказались не безполезными при разработкѣ одного изъ важнѣйшихъ эпизодовъ царствованія Екатерины II, что̀ доказываютъ ссылки на нихъ въ появившихся за послѣднее время историческихъ монографіяхъ, то я рѣшился напечатать еще извлеченія изъ запаса моихъ матеріаловъ. Они списаны еще въ 1861 и 1862 годахъ большею частію въ Государственномъ архивѣ, при просвѣщенномъ содѣйствіи тогдашняго директора его, покойнаго Ф. И. Гильфердинга, и архиваріусовъ, сперва В. И. Ламанскаго, а потомъ П. П. Пекарскаго. Значительнѣйшее число этихъ матеріаловъ принадлежало тогда къ особому собранію бумагъ, имѣвшему надпись: „Письма, полученныя тайнымъ совѣтникомъ княземъ М. М. Щербатовымъ изъ собственныхъ Ея Величества рукъ въ 1774 г, по экспедиціи графа П. И. Панина“. Это были тѣ самыя бумаги,

---

[1]) Въ Приложеніяхъ (№ 4) XXV-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ. Спб. 1875.

о которыхъ Державинъ упоминаетъ въ своихъ Запискахъ (*Соч.* его, VI, 524), разсказывая, что извѣстный историкъ кн. Щербатовъ пожелалъ узнать его лично, „получивъ отъ Государыни его реляціи для сохраненія въ архивѣ". Предлагаемые теперь документы относятся большею частью къ послѣднему періоду мятежа и къ поимкѣ самозванца. Часть ихъ была сообщаема мною Д. Г. Анучину при составленіи имъ статей о Пугачевщинѣ, напечатанныхъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* 1868 и 1869 годовъ [1]).

Кстати позволю себѣ здѣсь сказать нѣсколько словъ о двухъ замѣчаніяхъ г. Анучина относительно разсказовъ Пушкина. Какъ ни маловаженъ предметъ, котораго касаются мои поправки, считаю ихъ нелишними для возстановленія истины. По поводу кончины Бибикова, Пушкинъ пишетъ: „Умирая, говорилъ онъ, не жалѣю о дѣтяхъ и женѣ: государыня призритъ ихъ; жалѣю объ отечествѣ". По мнѣнію автора статьи: „Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины", „трудно допустить, чтобы Бибиковъ, постоянно писавшій о хорошемъ ходѣ дѣлъ, сказалъ напыщенную фразу, приведенную Пушкинымъ со словъ Державина". Дѣло въ томъ, что Пушкинъ въ этомъ случаѣ основался не на однихъ словахъ, которыя, какъ самъ онъ прибавляетъ въ примѣчаніи, сохранены Державинымъ въ одѣ его на смерть Бибикова:

„Жаль отца, жену и чадъ,
Но награждающа заслуги
Екатерина призритъ ихъ;
Отечество жалѣю больше".

У Пушкина былъ тутъ авторитетъ болѣе важный, историческій, именно „Записки о жизни и службѣ А. И. Бибикова", изданныя сыномъ покойнаго. Что они были извѣстны Пушкину, видно изъ собственныхъ словъ и ссылокъ его (см. особенно примѣч. 16 въ главѣ 1 *Ист. П. б.*). Въ Запискахъ же этихъ (стр. 320 перваго изданія, 1817 г.) сказано: „Когда предстоящіе при смертномъ одрѣ (Бибикова) напоминали ему о женѣ и дѣтяхъ, коихъ оставлялъ въ недостаткѣ, онъ отвѣчалъ: Милосердая государыня конечно ихъ призритъ; но болѣе жалѣю и стражду, оставляя въ бѣдствіи отечество". Это свѣдѣніе дополняется еще поясненіемъ Державина при его Читалагайскихъ одахъ, что приведенныя слова были сказаны покойнымъ, когда бывшіе съ нимъ стали представлять ему, чтобъ онъ просилъ монархиню о неоставленіи семьи его (*Соч. Держ.* I, 22).

Въ другомъ мѣстѣ г. Анучинъ выражаетъ сомнѣніе въ вѣрности выраженія Пушкина: „Пугачевъ сидѣлъ въ деревянной клѣткѣ на двуколесной телѣгѣ", и ссылается на разсказъ Рычкова, что „сдѣлана

---

[1]) „Участіе Суворова въ усмиреніи Пугачевщины" въ № 11-мъ 1868 г. и „Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины" въ №№ 3, 4, 5 и 6-мъ 1869 г.

была на подобіе клѣтки особливая на двухъ колесахъ телѣга, куда онъ посаженъ по рукамъ и по ногамъ скованный". Тутъ все дѣло въ словахъ: естественно, что такое помѣщеніе можно было назвать клѣткою, хотя конечно и не была употреблена особая клѣтка, построенная съ обыкновеннымъ назначеніемъ. Преданіе, которое повторилъ Пушкинъ, было право, что́ подтверждается и положительнымъ показаніемъ Записокъ Державина: „привезенъ съ Яику въ клѣткѣ генераломъ Суворовымъ". (*Соч. Держ.* VI, стр. 155, въ прим. Еще т. V, изд. 2-ое, 218).

Само собою разумѣется, что эти замѣчанія вовсе не имѣютъ цѣлію, да и не могутъ умалить достоинство упомянутыхъ статей Д. Г. Анучина, который, пользуясь богатыми матеріалами, во многихъ другихъ случаяхъ дѣйствительно исправляетъ или дополняетъ Пушкина, работавшаго надъ этой эпохой тридцатью слишкомъ годами ранѣе и при условіяхъ, далеко не столь благопріятныхъ, какъ было въ 1860-хъ годахъ, когда писалъ свои монографіи г. Анучинъ.

Извѣстно, что не смотря на безпрерывные успѣхи Пугачева во время приближенія его къ Казани, начальство этого города всячески удаляло отъ себя мысль объ опасности и не принимало нужныхъ мѣръ. Вотъ что тогда писалъ командовавшій Казанскимъ ополченіемъ или, какъ онъ назывался, шефъ Казанскаго дворянскаго корпуса, генералъ-маіоръ Александръ Ларіоновъ въ поданномъ имъ „Мнѣніи". На бумагѣ сдѣлана вверху надпись: „Подано іюля 2-го (1774 г.) по полудни въ 1-мъ часу". Припомнимъ, что нападеніе Пугачева на Казань послѣдовало черезъ десять только дней послѣ того. Сколько намъ извѣстно, Ларіоновъ былъ въ родствѣ съ Бибиковымъ и это ему вѣроятно способствовало къ видному его назначенію; но Ларіоновъ не оправдалъ оказаннаго ему довѣрія. Уже и прежде, при Бакалахъ, онъ такъ медлилъ, что долженъ былъ сдать команду Михельсону. При появленіи же Пугачева около Казани, онъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ, предоставивъ храброму полковнику Н. В. Толстому честь быть убитымъ въ главѣ коннаго дворянскаго легіона. (*Зап. о ж. и сл. Бибикова*, стр. 136, и Прилож., стр. 57).

1. Мнѣніе генерала Ларіонова о положеніи Казани.

Приступая къ разсужденію о оказавшихся якобы опасностяхъ отъ извѣстнаго злодѣя городу Казани, согласенъ я взять мѣры ко укрѣпленію сего города; но какъ не предусматриваю я ни скорой къ тому и ниже отчаянной опасности (то и желалъ бы, чтобъ произнесшіеся о семъ слухи не потревожили живущихъ въ здѣшнемъ городѣ и во окрестностяхъ онаго всякаго званія и рода людей и не привели бы въ замѣшательство нынѣшняго земледѣльства): по 1-му, что послѣднія извѣстія даютъ намъ свѣдѣніе о движеніяхъ сего злодѣя, который, сжегши Ижевскій заводъ, обратился къ Сарапулу, разстояніемъ около 350 верстъ; въ преслѣдованіи за нимъ, извѣстно, изъ Екатеринбурга маіоры: кавалеръ Гагринъ и Жолобовъ отъ 23-го числа прошедшаго

мѣсяца выступили на подставныхъ подводахъ; уповательноуже, если оные къ злодѣю не приближились, то конечно отъ него не въ дальнемъ разстояніи; къ тому жъ войски, находящіяся въ Башкиріи и по близости Камы рѣки, яко то деташаментъ подполковника Михельсона и полковника Якубовича, которые, извѣстно, отряжены на то, чтобъ наблюденіе имѣть за нимъ: то никакъ сего ожидать не можно, чтобъ по сіе время имъ было неизвѣстно злодѣйское его обращеніе, слѣдовательно они и приближиться къ нему должны, а съ другой стороны точныхъ извѣстіевъ не имѣемъ мы, чтобъ онъ шелъ на Казань, гдѣ, совершенно и ему должно быть знаемо, безъ войскъ быть никакъ не можно: то и можно надѣяться, сей разбойникъ безъ всякаго дальновиднаго намѣренія, слѣдуя одной удачѣ, въ мѣстахъ неукрѣпленныхъ войсками и безоборонныхъ стремленіе свое и варварство продолжитъ.

Соболѣзнуя духомъ патріотическимъ о безоборонныхъ бѣдныхъ края того поселянахъ, и паче если ожидать набѣгу его на Казань, то на разстояніи отъ Казани до Сарапула предаемъ мы на семъ пространствѣ всю землю его злодѣйскому варварству, и тѣтъ самымъ пріумноженію злодѣйской его толпы, не испытавъ могущихъ средствъ всѣми послѣдними нашими силами (и безъ всякаго сумнѣнія ожидаемой помощи отъ главнокомандующаго надъ находящимися въ здѣшнемъ краѣ войсками генерала) отвратить.

Взирая на всѣ вышеписанныя достойно соболѣзнованія и неминуемо подвергнувшія слѣдствія, представить бы я осмѣливался, не соизволите ли, не обнажа однакожъ городъ сей какъ войсками такъ и артилеріею, отправить встрѣчу корпусъ (не полагаю я числомъ, по неизвѣстности, какія войски и коликое число здѣсь находится) съ надежнымъ штабъ-офицеромъ, придавъ ему и поселянъ вооруженныхъ сколько возможно, который можетъ приступить столь близко, сколько его безопасность позволитъ, или по крайней мѣрѣ до мѣста, гдѣ бъ могъ обсервовать его движеніе, на Казань ли, или на Вятскую провинцію стремленіе его окажется, не вступая никакъ въ сраженіе съ нимъ, а обсервовать только одни движенія, и давая какъ въ Казань, такъ и всѣмъ воинскимъ командамъ, куда, только возможетъ, ежедневное о наблюденіяхъ своихъ свѣдѣніе (въ случаѣ жъ пришедшихъ отъ войскъ подкрѣпленіевъ, и въ дѣйствительную оборону поселянъ или и пораженіе злодѣя со онымъ вступить можетъ), а между тѣмъ, какъ по учрежденію его высокопревосходительства генералъ-аншефа и казанскаго губернатора и кавалера Якова Ларіоновича фонъ-Бранта укрѣпленіе города уже назначено, то, приступя со всею возможностію ко исполненію сего важнаго дѣла, изберемъ недостатокъ сего выкомандированнаго деташамента наполнить выбранными изъ сограждан, и людей барскихъ вооружа, распредѣлить по командамъ и, сколько время допуститъ, пріобучить ихъ къ дѣйствію.

Неминуемо въ ближайшее мѣсто, гдѣ только воинская команда есть, дать ордеръ, а особливо въ Богульмѣ находящемуся господину полковнику Кожину, какъ извѣстно что въ деташаментѣ его конницы до 400 человѣкъ и полкъ Томскій весь, чтобъ отдѣля отъ себя половинное число, приступилъ къ Камѣ, по способности между Казанью и злодѣемъ противъ Вятскаго устья, въ немедленномъ времени, и обозрѣвалъ злодѣйскія движенія, и если найдетъ онъ покушеніе злодѣйское на Казань, то бъ онъ какъ наипоспѣшнѣйше къ оной слѣдовалъ, чѣмъ самымъ отвратилъ отъ свободнаго проходу его за Каму или и покушенія на Вятскую провинцію, а между тѣмъ не можно думать, чтобъ разными способами не доставлена была въ скорости отъ войскъ помощь.

Какъ мы имѣемъ еще время о положеніи послѣднихъ средствъ ко оборонѣ, то, смотря по обстоятельствамъ, не упуская однакожъ полезнаго и ни одного часу, избрать удобнѣйшіе въ разсужденіи укрѣпленія города высылкою

неполезнаго или паче неспособнаго ко оборонѣ многолюдства и приумноженіемъ отколь возможно артилеріи.

Наконецъ подвергаю я какъ сіе общему собранію [1]) въ высокое разсмотрѣніе, такъ и прошу достаточно взять во уваженіе, всѣ сіи злодѣйскія происшествія дѣйствительно ли подвергаютъ городъ опасности: если, сверхъ вѣроятности и мнѣ непредвидимыми случаями, совершенно подпасть можетъ оный, то осмѣливаюсь я представить, чтобъ не умедля ни единыя минуты дать ордеръ во всѣ воинскія ближайшія команды, подъ чьимъ бы вѣдомствомъ оныя ни состояли, чтобъ оныя, не взирая ни на какія данныя имъ отъ кого бъ то было наставленія, въ разсужденіи опасности сего важнаго города имперіи, благовременно могли, себя изготовя, при случаѣ помощь подать, и таково жъ, если отъ воображенія сія опасность представляется, то вывесть городъ изъ сумнѣнія и страха дѣйствительными доказательствами, почему изъяты мы оной и что принятыя нынѣ пріуготовленія клонятся къ единой только ихъ вѣрной безопасности и къ наблюденію воинской осторожности.

Генералъ-маіоръ Александръ Ларіоновъ.

Іюля 1 дня 1774 года.

Въ статьѣ моей, напечатанной въ одномъ изъ приложеній къ III тому *Записокъ Академіи* (см. выше), изложены первыя распоряженія графа П. И. Панина по пріѣздѣ въ Москву и сообщены извлеченія изъ тогдашнихъ его донесеній императрицѣ. Между прочимъ онъ, увѣдомляя ее о прибытіи туда всѣхъ назначенныхъ подъ его начальство войскъ, съ особенною похвалою отзывался о полковникѣ Венгерскаго полка Древицѣ, который „съ безпримѣрнымъ сбереженіемъ строевыхъ лошадей и поспѣшностію“ сдѣлалъ переходъ отъ Петербурга до окрестностей Москвы. Черезъ два дня послѣ этого донесенія, именно 9-го августа, Древицъ былъ отправленъ въ подкрѣпленіе Михельсону, котораго задерживали въ маршѣ скоплявшіяся на пути его шайки мятежниковъ. Ниже помѣщается данный Древицу ордеръ, содержаніе котораго только вкратцѣ было передано мною, а потомъ нѣсколько подробнѣе г. Анучинымъ. Напечатанныя въ томѣ VI *Сборника Историческаго Общества* бумаги графа Панина состоятъ почти исключительно изъ переписки его съ императрицею. Эти самыя бумаги были, вмѣстѣ съ другими, списаны мною въ 1862 г. по подлиннымъ донесеніямъ Панина и собственноручнымъ черновымъ отвѣтамъ Екатерины II, хранящимся въ Государственномъ архивѣ. Тѣ и другіе почти совершенно согласны съ появившимися въ *Сборникѣ*. Вотъ замѣченныя мною, при сравненіи текстовъ, отличія. *Сб.* стр. 113, строка 5: заключительныя; *ркп.:* злоключительныя. *Сб.* 116: 5 августа (*донесеніе № 9*); *ркп.:* 25 августа. *Сб.* 119, строк. 7 снизу: понимающихъ; *ркп.:*

---

[1]) Т. е. собранію мѣстныхъ властей. Мы знаемъ, что во время Пугачевщины и въ другихъ городахъ случались такія собранія, какъ, напр., въ Саратовѣ, гдѣ по поводу приближенія Пугачева участвовали въ совѣщаніи этого рода комендантъ Бошнякъ, начальникъ колоній Лодыженскій и членъ секретной комиссіи Державинъ.

почитающихъ. *Сб.* 121, строка 19: къ городамъ; сіе явно; *ркп.*: къ городамъ и по торгамъ, какъ сіе явно. *Сб.* 135, строка 12 снизу: удивительнымъ; *ркп:* удовольственнымъ. *Сб.* 136, строка 12: послѣдніе его воровскіе указы; *ркп.*: послѣдніе его отъ васъ присланные воровскіе указы. *Сб.* 151, строка 2: тѣ токмо; *ркп.*: не токмо. *Сб.* та же стран. строка 22: преступленье приписать, *ркп.*: преступленье должно приписать.—Приложенія къ донесеніямъ Панина печатаются здѣсь въ первый разъ.

2. Ордеръ гр. П. Панина полковнику Древицу отъ 9 августа [1]).

По дошедшему ко мнѣ сего утра рапорту отъ нижегородскаго г. губернатора и съ полученнаго имъ отъ подполковника г. Михельсона, преслѣдующаго государственнаго злодѣя, пущенному 3 числа сего мѣсяца, увѣдомленъ я: 1) что сей государственной измѣнникъ и неслыханной тиранъ прошелъ уже городъ Саранскъ; 2) что Михельсонъ хотя всячески за нимъ и спѣшитъ, но крайне задерживаться принужденъ, и оное число быть между сего города и Арзамаса въ селѣ Починкахъ, гдѣ конной гвардіи конской заводъ содержится, потому что въ тамошней окрестности возмущенная онымъ злодѣемъ чернь, выступивъ изъ законнаго повиновенія, производитъ таковые жъ какъ самъ злодѣй мучительства и убійства надъ своими помѣщиками и всякими начальниками; чего онъ, Михельсонъ, безъ нѣкотораго усмиренія и безъ возможнаго спасенія попадающихся невинныхъ сыновъ отечества симъ злодѣямъ въ руки проминовать не можетъ, а тѣмъ самымъ какъ задерживается въ своей за злодѣемъ поспѣшности, такъ и при безостановочныхъ проходахъ таковыхъ мѣстъ остающаяся въ заду его возмущается чернь не только не обращается къ своему повиновенію, но еще смѣлѣе умножаютъ свою дерзость, отъ которой наносимыми убійствами вѣрныхъ сыновъ россійскихъ всеконечно содрагается сердце у всѣхъ подданныхъ и служащихъ Россіи частныхъ людей, особливо же избранныхъ и присягою обязанныхъ къ поспѣшному искорененію сей государственной чувствительной вредности, между которыми я и ваше высокоблагородіе теперь сами находимся.

Я, по извѣстнымъ мнѣ изъ практическихъ испытаній въ вашемъ высокоблагородіи весьма знаменитымъ и отличнымъ военнымъ качествамъ избравъ въ васъ поспѣшнѣйшее орудіе на искорененіе и отторженіе онаго зла въ означенномъ краю и содѣйствіе преслѣдующихъ тамъ за злодѣемъ трехъ деташаментовъ гг. подполковниковъ Михельсона, Муфеля и маіора графа Меллина, ко исполненію онаго предписываю вамъ слѣдующее:

1. Предложилъ я г. генералъ-маіору Чорбѣ, чтобъ въ прибытіе ваше на его позицію отрядилъ онъ къ вашимъ гусарскимъ двумъ эскадронамъ одинъ эскадронъ володимерскаго драгунскаго полку съ двумя того полку пушками и 30 человѣкъ Донскихъ казаковъ съ старшиною, да снабдилъ бы васъ на чрезвычайные расходы денегъ изъ находящейся у него суммы тысячью рублями.

2. Здѣсь прилагаю отверстое отъ меня повелѣніе, по данной мнѣ отъ Ея Императорскаго Величества полной мочи и власти, ко всѣмъ безъ изъятія правительствамъ, начальствамъ и всякаго званія людямъ, кому вы оное для

[1]) Съ копіи, представленной императрицѣ Панинымъ при донесеніи 10 августа 1774 года.

споспѣшествованія только порученнаго вамъ дѣла объявлять за нужно найдете о исполненіи во всѣхъ случаяхъ вашихъ требованій и повелѣній.

3. Получа все оное, извольте ваше высокоблагородіе, ничего не мѣшкавъ выступя съ той позиціи, гдѣ генералъ-маіоръ Чорба теперь стоитъ, производить свой маршъ съ удобьвозможною поспѣшностію напередъ черезъ Переславль Рязанской, потомъ на городъ Сапожекъ, Шацкъ, къ рѣкѣ Цнѣ.

4. Какъ скоро перейдете вы текущую на семъ пути рѣку Оку, то при продолженіи здѣсь назначеннаго вамъ пути извольте отрядомъ отъ себя надзирать и предостерегать дорогу отъ Танбова къ Москвѣ, слѣдующую на Козловъ, Ряскъ, Скопинъ и Зарайскъ. Понеже первымъ и главнымъ предметомъ вамъ препоручается, чтобъ злодѣй или его какія отряженныя шайки отнюдь допущены и прокрасться не могли безъ вашего пораженія на зловредность свою къ Москвѣ, а ежели бъ паче чаянія все злодѣйское сонмище или въ числѣ такомъ, котораго вы своимъ однимъ деташаментомъ обратить въ ничто нашлись не въ состояніи, объявилось предъ вами, или предъ вашими отрядами идущее къ Москвѣ, то въ томъ случаѣ имѣете тотчасъ увѣдомить какъ генералъ-маіора Чорба, такъ и меня, куда, по какимъ дорогамъ и проходамъ они походъ свой направляютъ и съ какою поспѣшностію; тогда отъ вашего воинскаго искуства и прозорливости съ истинными вѣрностію и усердіемъ къ Ея Императорскому Величеству зависѣть будетъ оное злодѣйское сонмище, не выпуская изъ глазъ своихъ, такимъ образомъ котоировать, чтобъ всѣми удобьвозможными средствами и препятствіями задерживать его на дорогѣ, заслоняя собою сколько возможно московское положеніе и такъ чтобы вы своимъ деташаментомъ могли быть безпрепятственно усилены мною на совершенное злодѣя низложеніе и превращеніе въ ничто такой его попытки.

5. Съ того самаго времени какъ Оку прейдете, извольте по дорогамъ Танбовской, Шацкой, Касимовской, идущей къ Саранску извѣщать, что я получа отъ Ея Императорскаго Величества полную мочь и власть и команду надъ всѣми отряженными войсками ко истребленію совсѣмъ самозванца, государственнаго бунтовщика и злодѣя Пугачева съ его сообщниками и къ смертному наказанію всѣхъ тѣхъ, кто сдѣлали измѣну Ея Величеству нашей всемилостивѣйшей Государынѣ, а особливо тѣхъ, кто по возмущенію сего злодѣя дерзнули выйти изъ подданническаго повиновенія Ея Императорскому Величеству и изъ-подъ власти своихъ помѣщиковъ и начальниковъ и кто теперь дерзаетъ производить онымъ убійства и грабительства, поспѣшаю въ слѣдъ вашъ тѣми дорогами съ 10.000 мнѣ врученныхъ войскъ, а того бъ ради на всѣхъ тѣхъ дорогахъ въ большихъ жительствахъ имѣли въ готовности фуража для проходу на 6.000 лошадей на одни сутки, а во всѣхъ по тѣмъ дорогамъ городахъ, приказали покупкою заготовить въ магазейны провіанту на 10.000 человѣкъ, сѣна и овса на 6.000 лошадей для проходу и перваго случая на трои сутки въ каждомъ городѣ.

6. Когда приближитесь къ переходу рѣки Цны, то по переправѣ чрезъ оную противу Шацка надобно уже вамъ будетъ пріобрѣсть свѣдѣніе посыланными отрядами и всякими удобными людьми, гдѣ подлинно въ то время находиться будетъ злодѣй Пугачевъ съ слѣдующею при немъ собственно толпою и гдѣ же преслѣдующіе его вышеприсанные наши три деташамента обращаются.

7. Изъ того по обстоятельствамъ имѣете вы подвиги свои такимъ образомъ располагать, чтобъ въ заду деташаментовъ Михельсона и вашемъ чернь въ новыя сколища допущена нигдѣ не была, но вы бъ ее всегда разгоняли и поражали; и ежели законная нужда востребуетъ къ надежнѣйшему обузданію оной и къ скорѣйшему удержанію производимыхъ ими убійствъ надъ помѣ-

щиками и своими начальниками, то даю вамъ полную власть первыхъ тому заводчиковъ и измѣнническихъ себя предателей изъ подданничества нашей Августѣйшей Государыни къ бунтовщику, карать и публичною смертію, а прочихъ на тѣлѣ наказывать, не употребляя только онаго безъ самой законной нужды, такъ какъ вы въ томъ по совѣсти своей предъ Господомъ Богомъ, вѣдущимъ все, отвѣтъ дать должны и сколько можно сообразуясь съ милосердіемъ нашей Всемилостивѣйшей Государыни и съ человѣчествомъ.

8. Потомъ полагается же вамъ въ предметъ, сколько сила и возможность ваши и обстоятельствы по усмотрѣнію на мѣстѣ дозвалять могутъ, приложить все ваше усердіе и прозорливое военное искуство въ содѣйственное съ тѣми послѣдующими деташаментами послѣднее пораженіе и совершенное истребленіе, а коли возможно, на поимку живого или на доставленіе мертвымъ самого злодѣя Пугачева. Симъ ваше высокоблагородіе сдѣлать можете заслугу предъ Ея Императорскимъ Величествомъ и предъ всею имперіею важности въ самой вышней степени на воздаяніе не только вамъ, но и потомкамъ вашимъ, на благодарность отъ всѣхъ сыновъ россійскихъ и на прославленіе имени вашего дотолѣ, доколѣ сія имперія стоять будетъ. А ко мнѣ сдѣлаетесь вы не подчиненнымъ, но обязательнымъ навсегда другомъ.

9. Какъ всѣмъ вашимъ подчиненнымъ равнымъ образомъ изволите отъ меня со обнадеживаніемъ честнаго моего слова, такъ и всякаго званія въ вѣрности пребывающимъ сынамъ россійскимъ объявить въ имяни Ея Императорскаго Величества моей всемилостивѣйшей Государыни, что всякой тотъ или тѣ, кто самозванца Емельку Пугачева поимавъ къ командѣ представитъ живымъ, тотъ сверхъ денежнаго награжденія, составляющаго не только его или ихъ самихъ, но и дѣтей ихъ счастіе получитъ отъ Ея Императорскаго Величества къ себѣ и потомкамъ своимъ по мѣрѣ степени своей достойное возвышеніе въ чести и на всегдашнее время въ выгодахъ и преимуществахъ, а состоящіе въ какихъ-либо государственныхъ податяхъ всегдашнюю отъ оныхъ и семьи ихъ отъ рекрутскихъ наборовъ свободу, а если кто сего злодѣя доставитъ и мертвымъ, то и такой или таковые получатъ отъ Ея Императорскаго Величества высочайшую милость и денежное награжденіе такія, которыя сдѣлаютъ навсегда счастливыми не только ихъ, но и все ихъ семейство.

10. При сближеніи вашего высокоблагородія со всѣми деташаментами, какъ вновь отправленными, такъ и уже преслѣдующими изъ войскъ вѣдѣнія моего къ сему же надъ государственнымъ злодѣемъ намѣренію, всѣмъ командирамъ оныхъ силою сего повелѣнія на то время доколѣ они въ общей связи продолжаются, быть безпрекословно всегда въ безмолственномъ военномъ послушаніи и дисциплинѣ у того между ими командира, кто чиномъ своимъ или старшинствомъ старѣе быть случится.

11. Не имѣю я нужды по истинной моей вѣрѣ и почтенію къ вашему военному качеству распространяться о содержаніи надъ подчиненными вашими должной и строгой дисциплины, увѣренъ будучи, что ваше высокоблагородіе сами ничего наилучшаго въ томъ не пропустите, а не оставляю лишь сіе присовокупить, что истинное усердіе и вѣрность къ настоящему нашему дѣлу повелѣваютъ намъ содержать подчиненныхъ въ той дисциплинѣ, чтобы при проходахъ и оборотахъ ихъ всѣ земскіе жители чувствовали, что оныя ихъ сохраняютъ, а злодѣя Пугачева раззоряютъ и истребляютъ.

12. Желаю я, если когда только непреодолѣемыя препятствіи не возбранятъ получить отъ васъ рапорты о всѣхъ вашихъ обращеніяхъ по послѣдней мѣрѣ каждую недѣлю однажды, а что чаще, то лучше, особливо о знатныхъ какихъ происшествіяхъ и вашихъ примѣчаніяхъ безъ упущенія времяни.

Засимъ вручаю васъ и всѣ подвиги ваши десницѣ Вышняго, благосло-

вляющей всегда во благое дѣянія и намѣренія нашей всемилостивѣйшей Государыни. Она будетъ вамъ спутницею и руководительницею, а я всегда оставаться буду съ отличнымъ почтеніемъ и искренностію.

Еще до назначенія гр. Панина Михельсонъ сдѣлался грозою Пугачева и пріобрѣлъ громкую извѣстность многократнымъ пораженіемъ его шаекъ. Панинъ уже въ первыхъ донесеніяхъ своихъ Екатеринѣ выражалъ большое довѣріе къ этому „неутомимому штабъ-офицеру", и получивъ отъ него извѣстіе о паденіи Саратова, тотчасъ же отправилъ къ нему ордеръ, печатаемый здѣсь съ копіи, приложенной къ донесенію Панина императрицѣ отъ 17-го августа.

3. Ордеръ гр. П. Панина Михельсону отъ 15 августа.

Къ великому прискорбію получилъ я чрезъ сего вручителя сейчасъ свѣдать, что саратовская крѣпость и столько не задержалась, дабы вы ко избавленію тамъ погибшихъ людей и воинскихъ снарядовъ подоспѣть могли, и что гг. подполковники Муфель съ маіоромъ графомъ Меллинымъ, слѣдуя въ близости за злодѣемъ, не могли поспѣвать на пораженіе и недопущеніе его усиливаться при такихъ онаго обращеніяхъ, что во многихъ мѣстахъ дни по три и по четыре онъ задерживаяся, производилъ наибезчеловѣчнѣйшія убійства и мученія подданнымъ той Государыни, у которой въ службѣ они состоятъ, а напослѣдокъ и соединенными обѣими своими силами не предприняли его подъ крѣпостію атаковать и въ ничто обратить, хотя уже и имѣли они предъ своими глазами храбрый примѣръ въ вашемъ высокоблагородіи, показавшій имъ подъ Казанью и въ другихъ разныхъ мѣстахъ сколь многимъ превосходнѣйшую силу злодѣева сонмища передъ тою, съ какою онъ передъ ними нынѣ шелъ и передъ ихъ почти глазами Саратовъ силою взялъ, съ какимъ малымъ числомъ вашего деташемента вы всю злодѣйскую силу и съ бо̀льшимъ числомъ пушекъ разбивали и въ ничто опровергали. Видно, что десница Вышняя, снабдившая васъ превосходными предъ ними дарованіями и мужествомъ, приготовляетъ вашей же прославившейся рукѣ сдѣлать послѣднее пораженіе сему злѣйшему врагу Россіи, и я ласкаю себя, что между симъ уже вы оное, къ умноженію безсмертной вашей славы, и произвесть изволили. Но буде бы оное еще не произведено по принятымъ какимъ мѣрамъ, по военному искуству на всеконечную поимку сего врага государственнаго, то я основываяся на томъ, нахожу вамъ симъ сказать:

Всеконечно полезнѣе бъ всего быть могло, когда сей извергъ рода человѣческаго по счастію привязался бы въ семъ пріобрѣтенномъ гнѣздѣ нѣсколько себя задержать, то услуга бы ваша могла быть знаменитѣйшею, если бы вы, по усмотрѣнію на мѣстѣ всѣхъ положеній и потребныхъ вамъ способій, могли сыскать возможность и средствы его во ономъ всѣми вашими тремя деташементами блокировать, съ искуснымъ расположеніемъ и созиданіемъ земляныхъ по удобнымъ мѣстамъ, для запертія его, укрѣпленій. А между тѣмъ бы стали къ вамъ подоспѣвать какъ генералъ-маіоръ Мансуровъ, полковникъ Древицъ, генералъ-маіоръ князь Голицынъ, съ ихъ деташементами, такъ и войски, въ пути съ генералъ-маіоромъ Чорбою находящіяся, а мною завтра на постѣ послѣдуемыя; да къ тому жъ могъ бы еще къ вамъ конечно скоро подоспѣть лейбъ-гвардіи капитанъ Галаховъ, собственно отъ Ея Императорскаго Величества отправленной съ нѣкоторымъ средствомъ, обѣщающимъ удобно бъ получить самаго злодѣя въ наши руки.

Все сіе однакожъ не предписываю я въ непремѣнное вамъ правило, чего мнѣ по заочности сдѣлать никакъ невозможно, не зная ни удобности тамошняго мѣстоположенія, ни основаній, къ пропитанію вашихъ войскъ и безропотному во всемъ ихъ на такое время удовольствію, такъ равномѣрно, какія у злодѣя силы и пособія, сколько на прерываніе сквозь вашу блокаду особливо первовременную конечно на малочисленные и безсильные посты по нужному вашему ко объятію всей блокады раздѣленію, столько жъ и на пропитаніе его толпы изъ пріобрѣтеннаго имъ въ сей крѣпости несомнѣнно магазейна, и такія же обстоятельства найдутся въ разсужденіи васъ и въ разсужденіи злодѣя отъ тамошнихъ колонистовъ и другихъ поселянъ.

Для того все оное оставляю въ единственную и полную вашу волю по усмотрѣнію и всего соображенію, что ознаменовавшійся нашъ герой Михельсонъ конечно не оставитъ, по всей своей силѣ, по возможностямъ и по истиннымъ вѣрности и усердію къ своей великой Императрицѣ, произвесть на пораженіе и низложеніе злодѣя самое лучшайшее по своей храбрости и военному искуству. О слѣдствіяхъ сего буду я ожидать ежеминутнаго увѣдомленія гораздо пріятнѣйшаго для нашей Августѣйшей Государыни, нежели отъ Муфеля и графа Меллина, предъ глазами которыхъ злодѣй не только усиливался и снабжался, но и обороняемую крѣпость силою преодолѣлъ.

Когда вы уже послѣ сего писать ко мнѣ будете, то дѣлайте отправленія чрезъ Пензу на Шацкъ; когда же вамъ усиливаніе востребуется отъ генералъ-маіоровъ Мансурова и князя Голицына, то надобно вамъ отыскивать перваго, слѣдующаго отъ Яика къ Сызрану, а оттуда къ соединенію, князя Голицына отъ Казани на Саранскъ, полковника Древица, переходящаго рѣку Цну подъ Шацкомъ и обращенія свои направляющаго по полученнымъ извѣстіямъ къ содѣйствію съ вами, а Чорбу чрезъ Пензу къ Шацку.

Однимъ изъ немногихъ замѣчательныхъ военачальниковъ со стороны правительства во время Пугачевщины былъ царицынскій комендантъ Цыплетевъ. Во все время опасности онъ бодрствовалъ и готовился къ отпору. Еще въ началѣ мятежа ему, по важности пункта, которымъ онъ командовалъ, даны были точныя инструкціи: ему поручено было между прочимъ дѣйствовать вверхъ по Волгѣ, стараться захватить самого самозванца, не давать ему перейти на правый берегъ и быть готовымъ подать помощь вездѣ, гдѣ она потребуется. Узнавъ о взятіи Пугачевымъ Саратова, Цыплетевъ послалъ звать къ Царицыну командовавшаго калмыками князя Дондукова и генералъ-маіора Багратіона. Въ нижеслѣдующемъ рапортѣ онъ увѣдомляетъ военную коллегію о своихъ распоряженіяхъ. Всѣ рапорты Цыплетева свидѣтельствуютъ о его разумной предпріимчивости, но въ то же время непріятно поражаютъ читателя крайнею запутанностью изложенія и неумѣніемъ выражаться.

4. Рапортъ Цыплетева въ военную колегію отъ 12 августа.

Извѣстной злодѣй и разбойникъ Пугачевъ, какъ изъ Казани г. подполковникомъ Михельсономъ выгнатъ, отъ того времени получая о разливающемся перешедъ черезъ Волгу отъ его слодѣйствѣ разныя и многія свѣдѣнія, ни по которому не видя, гдѣ бъ онъ былъ препятствованъ, на короткихъ же дняхъ

разными партіями въ одни числа, въ Воронежской губерніи, городъ Нижній Ломовъ, а Казанской — Петровскъ, не въ дальномъ разстояніи сей послѣдній Астраханской губерніи къ городу Саратову, разорены, — приняты мною мѣры въ разсылаемыхъ въ зависимыя отъ моего посту мѣста подавать о томъ свѣдѣнія, и чиня переписку на Донъ, какъ въ Черкаскъ, такъ и г. генералъ-маіору князю Багратіону, просить онаго, дабы не оставилъ съ деташаментомъ своимъ выступить къ здѣшней сторонѣ на отраженіе и истребленіе сего изверга; отъ войсковой Донскаго войска канцеляріи требовать о выкомандированіи изъ войскъ къ находящемуся на стражѣ Кубанской степи съ Калмыцкими войсками г. полковнику князю Дундукову, чтобъ и онъ учинилъ то жъ, отрепортуя г. астраханскому губернатору обо всемъ, отъ котораго поспѣшило ему, Дундукову, подтвержденіе и объявлено мнѣ, что съ своей стороны и онъ г. губернаторъ къ Багратіону уже сообщалъ, предписывая въ мое распоряженіе Дундукова подвигъ, который вчерашній день къ Царицыну тысячахъ въ трехъ прибылъ, а я, уже имѣя о злодѣѣ отъ саратовскаго коменданта отъ 8 числа увѣдомленіе, что 6 числа на Саратовъ нападеніе учинено толпами тысячахъ въ четырехъ: по измѣнѣ бывшихъ у него, коменданта, Донскихъ, Волжскихъ, Саратовскихъ казаковъ и фузелерныхъ ротъ артилерійскихъ, баталіоннаго командира секундъ-маіора Салманова съ солдатами, оной городъ взятъ, малое число солдатъ удержась съ офицерами, прошедъ сквозь всю толпу вооруженною рукою, слѣдуетъ къ Дмитріевску. Я, по сему видя на глазахъ уже злодѣя, сообщилъ къ нему, князю Дундукову, слѣдовать на Дмитріевскъ, придавъ легкую полевую команду и артилерію снабдя и предписывая бденно стеречь о непропускѣ сего злодѣя къ сторонѣ Дона и чтобъ не могъ, его князя стороною обойдя, въ низовыя города пробраться, а донскіе поиски поспѣшали бъ ударить сего измѣнника съ боку, прямо слѣдовали бъ къ Волгѣ; сообщено отъ меня съ нарочнымъ г. полковнику Серебрякову и просилъ г. генералъ-маіора князя Багратіона о поспѣшеніи къ Царицыну, нужду имѣя въ постороннихъ людяхъ на устрашеніе моего города. Что оказался злодѣй, артилерійской команды канониръ явно проговаривалъ о работѣ по причинѣ малаго числа прибавочныхъ батарей: на что де трудятся напрасно, вскорѣ же достанется батюшкѣ Пугачеву, и при взятіи его другіе артилеристы пять человѣкъ у маіора Гревса отбить старались; заключаемое изъ того не объ однихъ оныхъ, но и о прочихъ сотоварищахъ къ измѣнѣ согласіе предпринимаемыхъ. Имѣя отъ него г. Багратіона отъ 6 числа на маршѣ его за 400 верстъ ко мнѣ увѣдомленіе, дабы эскадронъ или два для поспѣшенія впредь себя наскорѣ отправить не оставить, оный же измѣнникъ безъ всякаго слѣдствія заслужилъ лишенія жизни, что̀ на нынѣшній случай въ страхъ другихъ всемѣрно исполнить слѣдовало бъ; но я имѣя главнаго командира въ Астрахани, представилъ въ разсмотрѣніе, а собою учинить не смѣлъ; что̀ и государственной военной коллегіи донесть не упускаю, а притомъ за нужно почитаю по здѣшнему пограничному городу и важному моему посту для бываемыхъ многихъ нужныхъ переписокъ, кромѣ нынѣшняго случая, а нынѣ и болѣе и важнѣе оныхъ происходитъ, на отправленіе курьеровъ снабдить экстраординарной суммы деньгами, хотя до 1000 рублей, по неимѣнію оныхъ когда требую отъ воеводской прогоны, а когда принуждено средства искать и безъ прогонъ, отъ чего не другое какъ и отъ однихъ съ воеводскою переписокъ нѣкоторое дѣлается промедленіе; что̀ и предаю государственной военной коллегіи въ соизволеніе. Августа 12 дня 1774 года.

Полковникъ Иванъ Цыплетевъ.

Свидѣтельствовалъ: графъ Панинъ.

Въ связи съ упомянутыми въ предыдущей бумагѣ распоряженіями Цыплетева князь Дондуковъ отправилъ къ нему слѣдующую за симъ бумагу. Въ ней излагаются обстоятельства, предшествовавшія проигранному Пугачевымъ сраженію на рѣкѣ Пролейкѣ (ср. *Р. Вѣстникъ* 1869 г., № 3, стр. 636 и 647).

5. Сообщеніе полковника князя Дондукова Цыплетеву отъ 15 августа.

По отправленіи послѣдняго къ вашему высокоблагородію сообщенія, я, слѣдуя къ городу Дмитріевску, вчерашняго числа извѣстился, что сей городъ еще третьяго дня занятъ злодѣйскою партіею, а потомъ оставалось мнѣ сохранить Волжскаго войска селенія; но сего числа, имѣя маршъ къ Балыклеевской станицѣ, по полудни въ пять часовъ разстояніемъ отъ оной верстъ съ пять, какъ посланные впередъ и по сторонамъ партіи, такъ и я со всѣми войсками, усмотрѣли по ту сторону станицы пыль, отъ множества конскаго топоту подымающуюся, которую признавъ быть отъ злодѣйской толпы, отправилъ ко изслѣдованію истины нарочныхъ; а какъ отъ оныхъ получилъ свѣдѣніе, что злодѣи къ станицѣ показываться уже начали, то желая освободить изъ ихъ рукъ по крайней мѣрѣ сію станицу, откомандировалъ къ ней при поручикѣ Климовѣ казаковъ и Калмыковъ до 400 человѣкъ, но вмѣсто того, чтобы ихъ принять охотно, жители свои станицы постановя на яру, въ коемъ примкнуто обиталище, имѣющіяся у нихъ четыре пушки, начали по нихъ палить, каковую сущую видя измѣну, принуждены казаки и Калмыки отступить, а между тѣмъ злодѣйскія толпы стали вбираться въ станицу, чего и предудержать способа не осталось, потому что наступала ночь, а легкая полевая команда съ артилеріею находилась позади верстахъ въ 15-ти; ближе станицы лагерь занять мнѣ было не можно, ибо хотя и есть по Балыклейкѣ вода, однакожъ съ такимъ топкимъ мѣстомъ, что и близъ берегу подъѣхать способу нѣтъ, а станицу атаковать, какъ за темнотою ночи, такъ и по открытности къ оной степи, опасно по той причинѣ, что состоитъ на пригоркѣ; за тѣмъ, не вдаваясь въ сію опасность, принужденъ со всѣмъ войскомъ ретироваться къ рѣчкѣ Пролейкѣ, и перешедъ на другую сторону, расположился при оной на самой проѣзжей дорогѣ, разставя по всѣмъ въ окружности мѣстамъ, также и къ станицѣ, караулы, буду ожидать утра и, смотря по обстоятельствамъ, постараюсь къ пресѣченіямъ злодѣйскаго предпріятія надлежащія принять мѣры; а между тѣмъ заблагоразсудилъ о семъ въ краткихъ терминахъ дать вашему высокоблагородію знать; но показаннымъ же поручикомъ Климовымъ захваченъ отъ злодѣйской партіи войска Яицкаго казакъ Иванъ Туминъ, которой между прочимъ на вопросъ показалъ, что измѣнникъ Пугачевъ по переправѣ съ луговой на нагорную рѣки Волги сторону выше Казани при городѣ Цивильскѣ, не болѣе какъ въ 400 человѣкахъ, идетъ на нихъ, разоряя города и прочія жилища и противящихся ему умерщвляя, намѣреніе имѣетъ пробраться къ Терсу и далѣе въ горы водянымъ путемъ; слѣдуютъ два его судна съ хлѣбнымъ запасомъ, а съ денежною казною таковаго жъ, якобы перенять не могли, а уплыло внизъ. Войска злодѣйскаго, къ военнымъ дѣйствіямъ исправленнаго, состоитъ съ лишнимъ 6.000, въ томъ числѣ Яицкіе, взятые изъ Саратова, и изъ Дмитріевска тамошніе и Царицынскіе, бывшіе въ Дмитріевскѣ казаки, Ставропольскіе Калмыки и деревенскіе мужики; орудій 27; въ бытность де ихъ въ Саратовѣ пріѣзжали къ Пугачеву изъ Дубовки два казака съ извѣстіемъ о слѣдованіи въ здѣшнія мѣста противъ его россійскихъ и калмыцкихъ

войскъ, коихъ казаковъ онъ Туминъ послѣ уже не видалъ, да и назадъ, тому четвертой день, прибылъ и еще съ такимъ же увѣдомленіемъ. Дубовской же казакъ, которой изъяснилъ къ тому, что все Волжское войско охотно его Пугачева ожидаетъ, и сей де послѣдній казакъ и донынѣ въ злодѣйской толпѣ остался, прочія жъ станицы добровольно къ нему Пугачеву склонились; а понеже изъ находящихся теперь при мнѣ того Волжскаго и Донскаго войскъ казаковъ, кромѣ походнаго полковника Кутейникова и нѣкоторыхъ старшинъ, многіе въ ихъ къ Ея Императорскому Величеству вѣрности оказываются сумнительны, какъ то человѣкъ до 10, въ сію ночь скрывшись, передались къ воровскому собранію, для чего покорно ваше высокородіе прошу обѣщанными войски меня постараться какъ наискорѣе подкрѣпить; ибо я, кромѣ регулярной команды и Калмыкъ, на казаковъ совсѣмъ надежды не полагаю, а опасаюсь дабы въ самомъ съ злодѣемъ дѣйствіи не сдѣлать чрезъ такихъ вѣроломцевъ интересу Ея Императорскаго Величества вящшаго предосужденія и, о семъ его превосходительству г. Астраханскому губернатору прошу отъ себя донесть; а я за краткостію времяни особливаго рапорта написать не успѣлъ. За тѣмъ съ достодолжнымъ почтеніемъ имѣю честь пребыть

Вашего высокоблагородія,

Милостиваго государя моего, покорный слуга

полковникъ князь Алексѣй Дондуковъ.

Отъ 15 августа 1774 года.

6. Донесеніе П. Потемкина Императрицѣ отъ 24 августа.

По смерти Бибикова императрица поручила начальство надъ секретными комиссіями Павлу Потемкину, выдѣливъ эту часть изъ вѣдѣнія главнокомандующаго, графа П. Панина. Потемкинъ прибылъ въ Казань въ ночь на 8 іюля, слѣдовательно за четыре дня до попытки Пугачева. Замѣчательнѣйшія изъ первыхъ донесеній его государынѣ напечатаны мною въ *Русской Старинѣ* (т. II, стр. 402 и д.; *см. выше*). Въ этомъ же изданіи позднѣе (т. IV, стр. 574) помѣщены М. Н. Лонгиновымъ біографическія свѣдѣнія о Потемкинѣ. 24 августа онъ отправилъ въ Петербургъ слѣдующее:

Всемилостивѣйшая Государыня!

Получа извѣстіе изъ Саранска, что находящійся тамо архимандритъ не устыдился, забывъ страхъ Божій и должную вѣрность къ Вашему Императорскому Величеству, при всей древности лѣтъ своихъ, сдѣлать торжественное срѣтеніе государственному злодѣю Емелькѣ Пугачеву, послалъ я тотчасъ въ Саранскъ для взятія помянутаго архимандрита въ секретную комисію. Все сіе исполнено, и его вчера привезли въ Казань; допросъ ему слѣланный и мнѣніе мое на высочайшую конфирмацію Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйше подношу.

Возвратившійся офицеръ изъ Саранска привезъ мнѣ рапортъ отъ правящаго тамо воеводскую должность, что въ окрестностяхъ сего города во многихъ мѣстахъ чернь, выступя изъ должнаго повиновенія, возмущаясь, скопляются, что̀ подтвердилъ мнѣ и посыланный офицеръ. Я не преминулъ отрядить того жъ числа для усмиренія въ тѣхъ мѣстахъ возмущенной черни, под-

полковника Неклюдова, давъ ему 50 человѣкъ пѣхоты съ одной пушкой и 40 человѣкъ казаковъ, давъ ему наставленіе о исполненіи препорученнаго ему дѣла, съ котораго копію дерзаю Вашему Величеству представить; въ содѣйствіе жъ съ нимъ повелѣлъ я маіору Голубѣ, посланному предъ симъ съ эскадрономъ Бахмутскихъ гусаръ и (?) человѣками Малороссійскихъ казаковъ, оставя въ Нижегородской губерніи послѣднихъ, итти на Саранскъ въ соединеніе съ показаннымъ подполковникомъ Неклюдовымъ, и уповаю, что сего довольно будетъ ко приведенію въ надлежащее повиновеніе смущенную чернь того края.

Генералъ-маіоръ князь Голицынъ увѣдомляетъ меня, что онъ отрядилъ отъ себя подполковника Бедрягу съ 200 казаковъ и съ Пензинскими уланами къ Пензѣ для таковыхъ же причинъ.

Раздѣляя силы мои повсюду, гдѣ нужда требуетъ, не пропускаю я всѣми образы сохранять тишину въ окружности Казани, и, благодаря Бога, въ томъ успѣваю донынѣ. Главное безпокойство наносятъ Киргизцы. Сначала думалъ я, что ихъ набѣги простираются для отогнанія одного скота, и совѣтовалъ было губернатору оренбургскому ихъ не раздражать; но, получая извѣстія отовсюду, что набѣги ихъ простираются почти до Волги, что они плѣняютъ много людей, писалъ я къ губернатору, чтобъ онъ въ содѣйствіе посланныхъ отъ меня командъ отрядилъ отъ себя и повелѣлъ бы также послать изъ Яика полковнику Симонову, и предписалъ полковникамъ Якубовичу и Кожину послать на подводахъ команду къ Бугулчанамъ; на мѣсто жъ сей отряженной команды послалъ изъ Казани, для сохраненія новомосковской дороги, маіора Черносвитова съ 50 гусарами и толикимъ же числомъ казаковъ, а ставропольскому коменданту приказалъ выслать команду къ Самарѣ; сверхъ того послалъ съ письмомъ къ хану, гдѣ, объявляя ему о заключенномъ мирѣ, толь славномъ для Россіи, съ Портою, просилъ его, чтобъ онъ запретилъ дѣлать скаковые набѣги по доброй и сосѣдственной дружбѣ, и послалъ къ нему въ подарокъ черныхъ лисицъ: надѣюся, что и то и другое споспѣшествуетъ скоро пресѣчь ихъ набѣги.

О злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ — послѣднее извѣстіе, что онъ уже былъ въ Камышевкѣ. Для лучшаго разсмотрѣнія, Вашему Императорскому Величеству подношу копію съ рапорта полковника Михельсона. Къ несказанному порадованію имѣю я извѣстіе, что Калмыки, пребывая въ твердой вѣрности къ службѣ Вашего Императорскаго Величества, готовятся встрѣтить сего злодѣя вооруженною рукою, и князь Дондуковъ отмѣнно ревнуетъ имѣть честь представить самаго злодѣя Вашему Величеству. Боже, укрѣпи сердце и усердіе сего народа! а если съ обоихъ сторонъ сего примутъ злодѣя, то уповательно плоды и успѣхъ ревности вѣрныхъ рабовъ Вашего Величества докажутся.

Наконецъ, повергая себя къ священнымъ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, со вседушнымъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть

Вашего Императорскаго Величества,

Всемилостивѣйшая Государыня,

всеподданнѣйшій рабъ Павелъ Потемкинъ.

24 августа 1774 года. Казань.

6. Рапортъ Михельсона гр. П. Панину отъ 22 августа.

Вверху надпись: „Полученъ 29 августа 1774 года".

Рапортомъ моимъ отъ 19-го вашему сіятельству имѣлъ честь доносить о полученныхъ дурныхъ извѣстіяхъ первой легкой полевой команды. Сія несчастная выкомандировка сдѣлала не только что вся сія команда съ ихъ маіоромъ

Дицомъ безъ остатку погибла, артилерія попалась въ злодѣйскія руки, но и городъ Царицынъ, ежели бъ я не поспѣлъ, былъ въ крайнѣйшей опасности а легкомысленные Калмыки, называемые Дербетевскіе, всѣ передались къ злодѣю, числомъ 3000 человѣкъ, равномѣрно жъ не малое число Донскихъ казаковъ, Дундуковскіе же Калмыки съ ихъ княземъ убѣжали. Злодѣй, будучи ободренъ своимъ счастіемъ, пошелъ въ Дубовку, забравши и тамъ до двухъ сотъ человѣкъ казаковъ; вчерашняго числа по полудни подступилъ къ Царицыну, гдѣ было набрано съ линіи и Дону не малое число Донскихъ казаковъ, изъ коихъ нѣкоторые дѣлали долгъ свой, а многіе передались въ злодѣйскую толпу; однако храбростію здѣшняго коменданта г. полковника Цыплетева отъ городу былъ удержанъ съ урономъ. Я, между тѣмъ, не уважая силъ злодѣйскихъ, изнуренную мою по большей части отъ недостатка корму конницу, слѣдуя повелѣніямъ вашего сіятельства, употреблялъ всевозможныя силы къ достиженію варваровъ; вчерашняго числа поутру прибылъ въ Дубовку, гдѣ имѣлъ удачу схватить человѣкъ до 40 злодѣйской толпы казаковъ, а сего числа поутру надѣялся застать и всю толпу подъ Царицыномъ; однако сіи варвары, какъ скоро узнали о моемъ приближеніи, не дождавъ меня, оставя свое намѣреніе атаковать Царицынъ съ слабѣйшей стороны отъ берегу Волги, съ крайнимъ поспѣшеніемъ пошли внизъ по Волгѣ. Симъ случаемъ не оставилъ пользоваться здѣшній г. комендантъ и доброжелательные старшины съ ихъ казаками, которые, напавъ на злодѣйскія оставшія партіи, и обозъ оныхъ отбили и плѣнили. Я, не будучи въ состояніи сего числа далѣе итти, остановился, и набравъ себѣ всѣхъ найденныхъ здѣсь Донскаго войска старшинъ и казаковъ, о коихъ представляю рапортъ при имянномъ спискѣ о старшинахъ, — съ полуночи оставя своихъ больныхъ въ Царицынѣ, пойду въ слѣдъ измѣнниковъ; равномѣрно жъ я взялъ къ себѣ посланнаго сюда корпуса г. генералъ-маіора князя Багратіона, Московскаго легіона ротмистра Савельева съ 96 Малороссійскими казаками, а онъ г. генералъ-маіоръ князь Багратіонъ съ Московскимъ карабинернымъ полкомъ и 300-ми Малороссійскими казаками, три дня тому назадъ, находился позади рѣки Дону, чрезъ которую уже и были переправлены два эскадрона разстояніемъ отселѣ въ 80 верстахъ. Я къ нему представилъ, не соблаговолитъ ли держаться къ рѣкѣ Дону; а о Пугачевѣ считаю, что навѣрное, ежели не пойдетъ за Волгу, побѣжитъ Некрасовскимъ путемъ; слышно и то, что имѣетъ намѣреніе итти къ Астрахани и оттоль бѣжать на судахъ; я не оставлю, пока силъ и возможностей моихъ будетъ, онаго достигать и тѣмъ сдѣлаться достойнымъ милости вашего сіятельства. Теперь у меня происходитъ драка на Волгѣ, на которой находится два судна съ деньгами, и 400 злодѣевъ съ двумя пушками; ежели мнѣ ночь не помѣшаетъ, то надѣюсь оныхъ поймать, о чемъ вашему сіятельству покорнѣйше доношу.

Полковникъ Иванъ Михельсонъ.

Августа 22 дня 1774 года.
Въ Лагерѣ подъ Царицыномъ.

Изъ слѣдующихъ за симъ еще трехъ рапортовъ Михельсона первый напечатанъ г. Анучинымъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, но воспроизводится здѣсь въ болѣе точномъ видѣ. Одно изъ донесеній Цыплетева также приложено къ статьѣ: *Графъ Панинъ, усмиритель Пугачевщины*, по копіи доставленной мною автору. Это—подробное изложеніе обстоятельствъ отраженія Пугачева отъ Царицына. Другое же, наканунѣ писанное донесеніе Цыплетева, отъ 25-го августа, сообщается здѣсь вслѣдъ за рапортами Михельсона.

8. Рапортъ Михельсона гр. П. Панину отъ 25 августа.

Повелѣніе вашего сіятельства отчасти помощію Божіею имѣлъ счастіе исполнить, злодѣя Пугачева сего числа на разсвѣтѣ атаковалъ и съ небольшимъ урономъ съ нашей стороны, о коемъ за невозвратомъ всѣхъ командъ точно донести не могу, совершенно разбилъ; всѣ пушки, числомъ 19, единороговъ 4, мортиръ пудовую 1 и весь обозъ отнялъ; на мѣстѣ побитыхъ болѣе 2000, живыхъ взято тысячъ шесть, въ числѣ коихъ вся Саратовская и оставшая легкой полевой команды. Обо всѣхъ прочихъ обстоятельствахъ отправленный съ симъ маіоръ Дуве, коего осмѣливаюсь какъ храбраго штабъ-офицера препоручить въ милость вашего сіятельства, словесно донести можетъ; злодѣй съ малымъ числомъ бѣжитъ; вся моя конница онаго преслѣдуетъ, о чемъ вашему сіятельству покорнѣйше донеся, не замедлю представить обстоятельный рапортъ.

Полковникъ Иванъ Михельсонъ.

Августа 25 дня 1774 года.
Въ степи во стѣ верстахъ отъ Царицына.

9. Рапортъ Михельсона гр. П. Панину отъ 29 августа.

По отправленіи моихъ плѣнныхъ злодѣйской толпы, 24-го числа продолжая маршъ мой, по полудни въ 5-мъ часу получилъ рапортъ отъ своей передовой команды, что показывается злодѣйская партія отъ меня верстахъ въ 10, которая, какъ видно, умножается. Я приказалъ моимъ передовымъ, ежели способно будетъ, на оную ударить, а самъ поспѣшалъ въ подкрѣпленіе онымъ. Отошедъ верстъ 5, меня вторично рапортовали, что сія партія человѣкахъ въ 1000 остановилась за буеракомъ, позади коего великая пыль; съ полчаса спустя стали показываться великіе огни, изъ чего я довольно могъ заключить, что тамъ вся злодѣйская толпа, и взялъ намѣреніе на разсвѣтѣ оную остановить, а чтобъ злодѣи о моемъ прибытіи или мѣстѣ, гдѣ я остановился, не могли узнать, запретилъ раскладывать огни. Злодѣи, между тѣмъ узнавъ о преслѣдованіи ихъ, еще съ вечера построились къ бою и ожидали меня, имѣвъ и то намѣреніе ночью на меня сдѣлать нападеніе; однако, не знавъ мѣста моего расположенія, сіе оставили. Разстояніе мое отъ злодѣйской толпы хотя и не было болѣе 6 или 7 верстъ, однако, будучи принужденнымъ обходить великій буеракъ неподалеку злодѣйскаго мѣста, который меня могъ привести въ разстройку, я поднялся съ полуночи и на самой зарѣ сталъ на пушечный выстрѣлъ противу злодѣйской толпы, ожидающей меня во всякой готовности. Я примѣтя намѣреніе варваровъ, надѣющихся на свое многолюдство меня окружить, раздѣлился на колонны; укрѣпя фланговыя колонны своею конницею, приказалъ маіору Харину и графу Меллину ударить на злодѣйской лѣвой флангъ, а самъ пошелъ на средину, имѣвъ съ собою 100 человѣкъ конницы. Первые три выстрѣла были сдѣланы съ нашей стороны, на которые намъ отвѣчено было со всѣхъ пушекъ, бывшихъ у злодѣя. Я между тѣмъ приближался къ злодѣйской толпѣ, не давъ имъ времени долго думать; по продолженіи огня не болѣе получаса, какъ скоро мои боковыя колонны поравнялись противъ ихъ фланговъ, со всею кавалеріею ударился на варварскую толпу. Злодѣи, сколько не усиливались и старались удерживаться при своихъ пушкахъ, коихъ по всѣмъ мѣстамъ имѣли, однако, помощію Божіею были опрокинуты въ бѣгъ; пѣшіе жъ между тѣмъ злодѣи еще и тутъ старались намъ вредить изъ пушекъ, въ числѣ коихъ себя отличила Саратовская

артилерійская команда; однако храбростію и расторопностію гг. пѣхотныхъ штабъ-офицеровъ, полковника Муфеля маіора графа Меллина, коимъ я при семъ случаѣ долженъ отдать справедливость, подоспѣвъ въ тотъ же часъ съ своею пѣхотою, принудили ихъ къ сдачѣ. Злодѣй Пугачевъ между тѣмъ неоднократно съ своими конными сколь ни старался останавливаясь усиливаться, однако всякій разъ былъ опрокинутъ и напослѣдокъ прогнатъ позади его обозу, гдѣ разсыпался во всѣ стороны; болѣе 2000 человѣкъ кинулись въ буераки и займищи возлѣ Волги, куда мною тотъ же часъ отряженъ былъ маіоръ графъ Меллинъ съ его колонною, а злодѣй человѣкъ 1000 побѣжалъ нагорною стороною, коего преслѣдовала вся моя конница съ маіоромъ Харинымъ; бывшіе жъ въ злодѣйской толпѣ Калмыки, при началѣ сраженія потерявъ нѣсколько человѣкъ, ударились въ степь. Злодѣй Пугачевъ, отскакавъ верстъ до 40, вновь остановился противу преслѣдующихъ его: но видя свои неуспѣхи, отскакалъ еще до 40 верстъ, не имѣвъ у себя болѣе двухъ сотъ человѣкъ, ударился на Волгу, гдѣ, нашедъ лодокъ съ 5, кинувшись на оныя съ своими ближними, сталъ переправляться; прочіе ударились вплавь, и по большей части будучи окружены богатствомъ, всѣ перетонули, а самъ варваръ человѣкахъ въ 30 имѣлъ счастіе попасть на островъ, съ коего уже пошелъ вплавь чрезъ Волгу на другую сторону берега.

Маіоръ Харинъ, не имѣя никакихъ лодокъ, и утомленные кони не позволили ему за нимъ броситься въ рѣку; бывшіе на здѣшней сторонѣ по ихъ упорству злодѣи поколоты, человѣкъ съ полтораста, разбѣжавшіе въ томъ мѣстѣ по островамъ и по берегу, взяты живые и отправлены въ Черный Яръ, и получена совершенная побѣда надъ злодѣями, коихъ на мѣстѣ сраженія, въ догонку и въ лѣсу надъ Волгою побито и потоплено до 2000 человѣкъ или болѣе, въ числѣ коихъ 4 изъ первыхъ злодѣйскихъ сообщниковъ; живыхъ взято болѣе 6000, въ числѣ коихъ и двое маленькихъ дѣвокъ Пугачевы дочери, мать же ихъ съ лучшимъ богатствомъ, нѣсколько часовъ передъ сраженьемъ будучи отправлена впередъ, скрылась или успѣла ускакать; орудіевъ взято 24, въ томъ числѣ мортира пудовая 1, единороговъ 4, ящиковъ и сундуковъ съ снарядами и безъ снарядовъ 22; съ нашей стороны убитыхъ 24-й легкой полевой команды прапорщикъ Федоръ Небольсинъ, разныхъ командъ унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 15, ранено казацкаго полуэскадрона прапорщикъ Звѣринской, прочихъ командъ нижнихъ чиновъ 73 человѣка, лошадей убитыхъ 39, раненыхъ 40, а какихъ полковъ и командъ и какая утрачена амуниція, при семъ представляю вѣдомость. При семъ же случаѣ я имѣлъ пріятнѣйшее удовольствіе освободить изъ рукъ варварскихъ 41 человѣкъ, несчастливыхъ дворянскихъ дѣвицъ 14.

За долгъ мой считаю отдать справедливую похвалу и препоручить въ милость вашего сіятельства цѣлый мой деташаментъ, а особливо отличившихся при семъ случаѣ своимъ мужествомъ и храбростію подполковника и кавалера Муфеля, маіоровъ Дуве, Харина и графа Меллина, ротмистровъ: Изюмскаго гусарскаго — Кардашевскаго, Чугуевскаго — Демьянова, Санктпетерубргскаго карабинернаго — Домогацкаго, Архангелогородскаго — князя Енгалычева, капитановъ: Володимерскаго пѣхотнаго — Олсуфьева, 2-го гренадерскаго — Ашарутова, поручиковъ отъ кавалеріи: Санктпетербугскаго — фонъ-Матиса, Тутолмина, Фукса и барона Игелштрома, Архангелогородскаго — Вита, Изюмскихъ гусаръ — Зелинскаго, Шибоженкова, который, не получа еще совершенную свободу отъ полученной подъ Казанью тяжелой раны, не оставилъ и при семъ случаѣ себя отличить, легкой полевой команды — фонъ Гартена, Чугуевскаго полка — полковаго квартермистра Яковлева, отъ пѣхоты Томскаго пѣхотнаго — Венгерскаго и Квашнина, артилеріи подпоручиковъ:

Амбразацыева и Сабурова, Томскаго пѣхотнаго полка — Блохина и Свѣчина, 2-го гренадерскаго — Быкова, корнетовъ: Санктпетербургскаго — Селиванова и Пятина, изъ коихъ первый себя неоднократно отличалъ въ передовыхъ войскахъ, и второй уже два раза былъ раненъ, Чугуевскаго полка прапорщика Иванова, какъ отмѣнно храбраго офицера, Изюмскаго гусарскаго — Рыкова, Томскаго пѣхотнаго — Ржевскаго, вахмистра Архангелогородскаго — Ларіонова, сержантовъ Томскаго пѣхотнаго — Сапожникова и Нармацкаго, 24-й легкой полевой команды — Верховскаго, 2-го артилерійскаго полка Нармана. Не менѣе осмѣливаюсь испросить милость вашего сіятельства опредѣленнымъ изъ польской службы къ Казанскому гусарскому полуэскадрону порутчику Скупинскому и прапорщику Звѣринскому, изъ коихъ послѣдній при нынѣшнемъ сраженіи получилъ тяжелую рану. Сіи храбрые офицеры, съ самаго начала здѣшнихъ безпокойствъ служа безъ жалованья и безъ патентовъ, при всякомъ случаѣ себя отмѣнно отличали, также находящійся отпущенный со мной передъ недавнымъ временемъ изъ Казани волонтеръ Пулавской съ отмѣннымъ усердіемъ показывалъ свою ревность. Я не могу оставить отдать достойную похвалу за оказанную ревность къ службѣ Ея Императорскаго Величества и Донскаго войска прибывшимъ ко мнѣ въ Царицынъ начальникамъ, во-первыхъ линейному походному атаману Василью Перфилову и полковнику Варламу Денисову, какъ и прочимъ полковникамъ Михайлѣ и Карпу Денисовымъ, Василью Манкову, Григорью Поздееву, Василью Грекову и есаулу Петру Фомину, который, не имѣвъ у себя болѣе 5 человѣкъ вѣрныхъ людей, съ прочими злодѣями въ Саратовѣ не сообщился, и потерявъ все, отъ нихъ укрывался, а какъ скоро я въ Саратовъ прибылъ, ко мнѣ явился и со мной не только пошелъ, но и оказывалъ при сраженіи отмѣнное мужество; въ чемъ себя отличили и Волжскаго войска старшина Осипъ Терской, какъ того же (?) войска есаулъ Тихонъ и Афанасій Денисовы, Донскаго войска полковникъ Поповъ, хотя и не поспѣлъ къ сраженію, однако довольно показалъ свое усердіе къ службѣ Ея Императорскаго Величества, получа на Дону мое сообщеніе, собравъ 50 человѣкъ, со оными скакалъ часовъ въ 30, около 130 верстъ подоспѣлъ разсыпанныхъ злодѣевъ догонять.

Служащихъ со мною столь долгое время съ отмѣннымъ усердіемъ старшинъ, во-первыхъ башкирскаго Валишу Шарыпова и мещеряцкаго Мендена Муслюмова, равномѣрно жъ препоручаю въ милость вашего сіятельства.

Всѣхъ плѣнныхъ и артилерію я за конвоемъ до 200 человѣкъ конныхъ и роты гренадеръ съ капитаномъ Ашарумовымъ отправилъ въ Царицынъ, а самъ за неимѣніемъ фуража и провіанта и въ разсужденіи что къ Царицыну подоспѣли войски, о переправѣ коихъ за Волгу мною еще въ день сраженія г. полковнику и коменданту Цыплетеву сообщено, подвинулся къ Черному Яру, а сего числа отъ переправленныхъ моихъ на ту сторону получаю рапортъ, что найденъ нѣкоторый слѣдъ къ сторонѣ Царицына, куда я и переправилъ, оный отыскивать и злодѣя преслѣдовать маіора графа Меллина съ его деташаментомъ, кромѣ бывшихъ у него гренадеръ, кои пошли съ плѣнными и 40 человѣкъ Чугуевскихъ казаковъ, вмѣсто коихъ съ нимъ послалъ Донскаго войска полковниковъ Карпа и Михаила Денисовыхъ и Григорья Поздеева съ ихъ полками, всего болѣе 200 человѣкъ; чрезъ что злодѣй, ежели не пошелъ въ степь, будучи исканъ переправленною подъ Царицынымъ командою, долженъ попасться оной, или графу Меллину, а подполковника и кавалера Муфеля, придавъ ему равномѣрно жъ въ подкрѣпленіе его команды Донскаго войска полковниковъ Василья Манкова и Варлама Денисова съ 200 казаками, отправилъ въ Черный Яръ, предписавъ стараться узнавать о побѣгѣ злодѣйскомъ, и ежели повернетъ къ Астрахани, Оренбургу или Яику, онаго преслѣ-

довать; однако я болѣе думаю, что онъ человѣкахъ въ нѣсколько ежели не попадется, побѣжитъ на Иргизъ и станетъ тамъ укрываться; я жъ въ разсужденіи того, что по здѣшнимъ пустымъ мѣстамъ и тѣхъ войскъ, кои здѣсь находятся и остаются, достаточно быть можетъ, возвращаюсь къ Царицыну для примѣчанія тамошней околичности, и не допущу колебаться Дону и Дербетевскимъ Калмыкамъ, о коихъ, гдѣ нынѣ съ ихъ княземъ Ценденомъ находятся, точнаго свѣдѣнія не имѣю, а думаю, что около Дону, гдѣ дѣлали по объявленію мнѣ отъ старшинъ великія грабительства; между злодѣями пойманъ и бывшій въ Казани подъ карауломъ знаменитый злодѣй Тарновъ, какъ и маіоръ Салмановъ и сержантъ Иванъ Абузовъ, кои у злодѣя были полковниками, и у меня содержатся подъ карауломъ, а изъ другихъ измѣнниковъ, какъ изъ Донскаго и Волжскаго войска, по представленію начальниковъ, въ страхъ другихъ приказалъ повѣсить шесть человѣкъ; на Донъ я приказалъ отпустить со всѣхъ полковъ по нѣскольку человѣкъ для подкрѣпленія мыслей колебающихся; о чемъ вашему сіятельству покорнѣйше доношу.

Полковникъ Иванъ Михельсонъ.

Августа 29 дня 1774 года.

Въ степи въ 25 верстахъ отъ Чернаго Яру.

10. Рапортъ Михельсона гр. П. Панину отъ 30 августа.

Пойманный злодѣй Тарновъ, приведенный ко мнѣ изъ-за Волги, въ допросѣ своемъ показалъ, что злодѣй Пугачевъ, не имѣвъ съ собою болѣе 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ только 20 человѣкъ вооруженныхъ, переплывъ чрезъ Волгу отскакавъ нѣсколько верстъ съ своими сообщниками, весьма плакалъ и молился Богу; потомъ, всеобще посовѣтовавъ, положили бѣжать степью безводнымъ мѣстомъ 70 верстъ, обнадеживали себя найтить воды, а въ камышахъ звѣрей, которыхъ хотѣли стрѣлять и сушить, между тѣмъ питаться коими; въ камышахъ говорили пробыть недѣлю, куда же отселѣ хотѣли иттить и сколь далеко сіи камыши, о томъ онъ неизвѣстенъ. Я послалъ къ маіору графу Меллину ордеръ — не взирая ни на что варвара преслѣдовать; Царицынской комендантъ полковникъ Цыплётевъ меня увѣдомилъ, что 27 числа по сообщенію моему отправилъ за Волгу Донскаго войска полковника Иловайскаго къ преслѣдованію и сыску варвара, о чемъ вашему сіятельству доношу.

Полковникъ Иванъ Михельсонъ.

Августа 30 дня 1774 года.

Изъ степи въ 25 верстахъ отъ Чернаго Яру.

11. Донесеніе Цыплетева Императрицѣ отъ 25 августа.

Всемилостивѣйшей державнѣйшей Великой Государынѣ Императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, Самодержицѣ Всероссійской Государынѣ Всемилостивѣйшей

Отъ полковника и царицынскаго коменданта Цыплетева

всеподданнѣйшее подношеніе.

Разливающееся злодѣйство отъ изверга, государственнаго возмутителя Пугачева узнавъ іюля въ 27 день, что уже есть въ Казанѣ, а потомъ 3 августа о переходѣ чрезъ Волгу, тотъ же день началъ производить свои переписки

къ войскамъ Вашего Императорскаго Величества, дабы оному чудовищу, государственному злодѣю учинить отраженіе: писалъ на Донъ въ станицы и въ ихъ войсковую канцелярію, къ находящемуся при закрытіи съ кубанской стороны донскихъ границъ г. генералъ-маіору князю Багратіону, а здѣшнюю сторону полковнику князю Дундукову, у котораго его Калмыки съ полкомъ Донскихъ казаковъ въ собраніи были, къ Астраханскому г. губернатору о нарядѣ другихъ калмыцкихъ владѣльцовъ, и видя, что Донскіе казаки начали сбирать свои силы, г. Багратіонъ оборотилъ деташаментъ свой къ Царицыну. Умножилъ я переписки къ нимъ; давая знать гдѣ злодѣйство происходитъ, требуя отъ нихъ споспѣшествованія за отечество.

А между тѣмъ распорядя укрѣпленіе крѣпости и для очищенія берега надъ близкими къ стѣнамъ дифилеями назнача батареи съ полисадникомъ и рогатками, а притомъ узнавъ злодѣйскій ходъ и водою, то и на судахъ четыре орудія поставилъ. Началась поспѣшная работа и во всемъ укрѣпленіи, заботясь недостаточную команду раздѣлить, дабы всѣ мѣста обнять можно, употребя на помощь вооруженныхъ купечество и обывателей, притомъ чтобъ и работа съ успѣхомъ кончилась, уговаривая дабы всѣ бодрствовали, но примѣчать началъ противное, что приписные къ городу живущіе по разнымъ селеніямъ отъ работъ отказались; слухъ носился о ихъ намѣреніи передаться къ злодѣю, да и въ городѣ увѣдано, кто усердствуетъ, а кто толкуетъ развратное: то дабы въ семъ неистовствѣ не постигло зло, принялся за способы: первое, въ приказѣ отдалъ до полученія извѣстія что съ Туркомъ миръ заключенъ, но оныя оказали себя невѣроятными; а какъ получилъ отъ г. Багратіона подлинное о мирѣ, тотчасъ въ церкви публиковано въ команды, и къ Донскимъ полковникамъ, чтобъ ободряли людей своихъ разослано; съ царицынской линіи, какъ она противъ сего малолюдна, забравъ въ крѣпость артиллерію и Донскихъ казаковъ, дабы ихъ злодѣй къ себѣ не получилъ, а притомъ удобнѣе вводить и въ нихъ единомысліе, сіе первое нѣсколько помогло, но маіоръ Гревсъ поймалъ идущаго бомбандира (sic), который проговаривалъ о работахъ, что производятся напрасно и все оное не поможетъ, называя злодѣя отцомъ: какъ онъ придетъ, то всѣ къ нему пойдутъ и служить можетъ все укрѣпленіе во вредъ командирамъ; принуждено взявъ его подъ караулъ прочимъ прибавить ласки, обѣщевая (опасаясь, по примѣру саратовскихъ солдатъ и артилеристовъ, что измѣнили) высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества именемъ милость и награжденіе деньгами, состояніе ихъ поправить, притомъ уговаривалъ и увѣщевалъ, давъ наставленія баталіоннымъ командирамъ, дабы съ ротными командиры и прочими офицеры солдатъ увѣщевали жъ, которое и продолжилось, выведя зарань порядочно къ стѣнамъ въ лагерь, гдѣ и были солдаты, и отъ нихъ начальники денно и нощно неотлучны: толковано имъ о злодѣѣ подробно, что измѣнникъ и разбойникъ, только дѣлаетъ смертныя убивствы и разоренія, а притомъ командиры ласкали и довольствовали изъ своего кошту, какъ-то и маіоръ Тимашевъ содержалъ за недѣлю на довольствіи до 70 человѣкъ, а воеводскій товарищъ маіоръ Фатьяновъ съ своей стороны для обывателей простиралъ подобныя увѣщанія, ночуя на батареѣ неотступно къ ихъ одобренію, чѣмъ приведены и стали въ единодушіи.

Но какъ злодѣй былъ при разореніи Петровска, потомъ въ Саратовѣ подтверждая въ войски, мои требовали дабы шли какъ наискорѣе Багратіону съ Дундуковымъ на встрѣчу, а Донскимъ съ ихъ тракту на злодѣя въ бокъ, изъ которыхъ князь Дундуковъ, имѣя уже отъ г. губернатора наставленіе, пришелъ съ Калмыками, съ Донскимъ полкомъ ранѣе; у него было болѣе 3.000 человѣкъ, а потому первая, легкая полевая команда съ нимъ отъ г. губерна-

тора отряжена, и пошли какъ уже злодѣй былъ въ Дмитріевскѣ, что на Камышенкѣ, чтобъ придерживать его движеніе, идучи Волжскимъ войскомъ оное сохранить, но оказалось въ войскѣ отъ большой части измѣна, занялъ онъ Антиповскую и Караваинскую и знать не дали, а какъ Балыклеевскую станицу надлежало нашимъ отряднымъ отъ деташамента занять, то ихъ отъ станицы отбили живущіе тутъ казаки изъ пушекъ, и злодѣйскую партію при нихъ встрѣтили и ввели въ станицу, изъ которой отрядъ схватилъ Яицкаго казака Ивана Тулина и допрашивалъ его маіоръ Куткинъ накрѣпко, который всенародно признавалъ самозванца ложнымъ, что онъ Донской казакъ, и они вѣдая чинятъ для прельщенія народа объ немъ увѣреніе, будто государь, да и самъ онъ, Емелька, проситъ ихъ Яицкихъ, чтобъ ему въ сей мечтѣ помогали, то онъ Куткинъ въ казачьемъ кругу передъ Донскими Кутейникова полку казаками велѣлъ ему все заблужденіе изъяснить, который такимъ же образомъ съ клятвою казаковъ увѣрилъ, такъ сей благоразумный Куткина поступокъ оказалъ дѣйствіе, что здѣсь стали признавать злодѣя самозванцемъ и съ Дону по извѣстію отъ возвратившихся казаковъ, на него тронулись съ охотою. Уничтожили пронырства и письменныя его вора приласканія; но какъ къ той Балыклеевской станицѣ злодѣй близко осмотрѣнъ, въ то время князь Дундуковъ отошелъ въ способное мѣсто ночевать при рѣчкѣ Пролейкѣ, а поутру часу въ 9-мъ, 16 августа онъ, Дундуковъ, и атакованъ превеликимъ фронтомъ, тысячъ до шести разной сволочи, большая половина черни. Началось сраженіе чрезъ нашихъ казаковъ подъ предводительствомъ маіора Куткина и Донскаго полковника Федора Кутейникова, который отлично поступалъ, и съ ними царицынскаго гарнизона поручикъ Иванъ Климовъ, совокупясь съ драгунскою командою при поручикѣ Денисьевѣ, меньше 400 человѣкъ, напали на злодѣевъ и болѣе 2.000 крыло отбили, истребя до 400 человѣкъ до смерти, но по усиливанію множества ихъ хотя и три раза сбивали и въ послѣднее прогнали даже за пушки, такъ что брать ихъ злодѣйскія батареи слѣдовало, но притомъ Калмыцкое войско, устрашась пушечныхъ выстрѣловъ, всѣ побѣжали и нигдѣ не останавливались, и такъ свободное злодѣйское крыло обошедъ полевую команду ихъ, казаковъ, начали однихъ всѣми силами окружать и отъ полевой команды совсѣмъ отрѣзали и преодолѣли, то они и принуждены ретироваться, окружены будучи злодѣями, не могши примкнуть къ полевой командѣ, которая на мѣстѣ и взята въ плѣнъ; полевой командиръ и офицеры поколоты, а нижнихъ чиновъ и одного больнаго прапорщика Лаптева соблюли; князь Дундуковъ, собирая Калмыкъ, еще остановился и стоялъ въ ожиданіи войскъ, и по причинѣ нападенія на ихъ улусы Дербетевыхъ Калмыкъ, принужденъ возвратиться для защищенія себя отъ оныхъ сосѣднихъ злодѣевъ.

Послѣ сего въ Дубовкѣ, гдѣ Волжскаго войска правленіе, принуждены увидя у себя внутреннихъ измѣнниковъ войсковой атаманъ Василій Персицковъ съ старшиною и нѣсколькими казаками уходить въ Царицынъ, гдѣ и находятся, а безъ нихъ злодѣю встрѣча была съ церковною церемоніею, съ образами и съ звономъ и съ войсковыми знаменами; главные при встрѣчѣ Волжскіе старшины, депутатъ Венеровской да Поляковъ, и депутатъ Астраханскихъ казаковъ сотникъ Василій Горской; сей присоединился въ толпу, а Венеровской, учиня присягу, предоставленъ начальникомъ надъ войскомъ.

Взятый въ плѣнъ легкой полевой команды прапорщикъ Лаптевъ и команда около Царицына начали сыскивая способъ уходить, и явилось унтеръ-офицеровъ драгунъ, солдатъ и егерей до 200 человѣкъ, о чемъ Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доношу, повергая въ Высочайшую матернюю милость и благоволеніе оказавшихъ въ вышеписанное сраженіе искуство, маіора

Куткина, а особливо храбраго и мужественнаго Донскаго войска полковника Федора Кутейникова.

Вашего Императорскаго Величества Всемилостивѣйшей Государыни

Всеподданнѣйшій и нижайшій рабъ полковникъ и Царицынскій комендантъ Іоанъ Цыплетевъ.

25 августа 1774 г.
Царицынъ.

12. Донесеніе П. С. Потемкина Императрицѣ отъ 29 августа.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Послѣ моего послѣдняго донесенія Вашему Императорскому Величеству получилъ я изъ двухъ мѣстъ извѣстія, что за Камою оказались вдругъ двѣ толпы злодѣевъ, по которымъ немедленно учиненъ былъ мною отрядъ изъ войскъ Вашего Величества, здѣсь въ вѣдомствѣ моемъ оставленныхъ, и главнѣйшую толпу изъ оныхъ, состоящую до 500 человѣкъ, поразили. Начальникъ оныя, называющійся атаманомъ, взятъ, который по допросу объявляетъ, что онъ отъ главнѣйшаго врага отечеству и самозванца посланъ былъ съ тѣмъ, чтобы въ здѣшнемъ краю возмущать чернь и разглашая разныя лжи препятствовать возстановленію спокойствія, доколѣ онъ будетъ производить варварства свои на правомъ берегу Волги. Но по счастію звѣрскія его намѣренія не имѣли успѣха, и сія толпа истреблена при началѣ своего сборища. А какъ сей злодѣйскій атаманъ съ богомерзкою своею сволочью перебрался съ горной стороны на луговую подъ селомъ Тетюшинымъ, гдѣ не только не препятствовали ихъ переправѣ, но и знать о томъ не дали, то послалъ я въ оное село забрать всѣхъ для наказанія. Сверхъ онаго пойманъ еще старый знакомецъ Емельки Пугачева, крестьянинъ Демидова изъ села Котловки, который названъ былъ отъ злодѣя полковникомъ и ему повелѣно было въ окружности своей дѣлать въ поселянахъ возмущеніе. Сей сообщникъ изверга давно оглашался предательствомъ и по богатству имѣлъ въ околоткѣ первенство, итакъ легко было ему обольщать невѣжество простодушія, но по многому старанію сысканъ.

Отъ Киргизскаго хана ожидаю я скоро на письма мои отвѣта, а Башкирцамъ разосланныя объявленія, уповаю, произведутъ желаемое дѣйствіе.

Изъ Яика получилъ рапортъ, что всѣ Яицкіе казаки единодушно заклинаются заслужить за оскорбленіе Вашему Императорскому Величеству, обѣщая предъ самимъ Богомъ, что если злодѣй коснется ихъ предѣловъ, то предать его въ руки или до послѣдней капли крови защищаться. Боже! вкорени толь истинное раскаяніе въ сердца всѣхъ виновниковъ!

Я осмѣлюсь, Всемилостивѣйшая Государыня, доложить, что если бы доставало времени, чтобы каждому дать чувствовать цѣну щедротъ Вашего Величества, если бы свободно было вразумить, какую великую Государыню оскорбляютъ буйствомъ, то не могло бы зло столь далеко простираться, но предупреждать зло гораздо свободнѣе, нежели его удерживать; со всѣмъ тѣмъ большая часть здѣшняго народа познаютъ вину свою. Самъ Богъ, споспѣшествуя высокимъ и праведнымъ намѣреніямъ Вашего Императорскаго Величества, всеконечно соединитъ сердца къ обращенію на путь истинный.

Я повергаю себя къ священнымъ стопамъ Вашего Величества и съ глубочайшимъ благоговѣніемъ имѣю счастіе быть,

Всемилостивѣйшая Государыня,

Вашего Императорскаго Величества

всеподданнѣйшимъ рабомъ

Павелъ Потемкинъ.

29 августа 1774 года.
Казань.

Генералъ-маіоръ Павелъ Дм. Мансуровъ, по назначеніи Бибикова, начальствовалъ надъ однимъ изъ двухъ корпусовъ, бывшихъ въ распоряженіи главнокомандующаго. Ему поручено было прикрывать Самарскую линію и доставлять съ Волги провіантъ Оренбургу и Яицкому городку. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ овладѣлъ этимъ послѣднимъ пунктомъ и снабжалъ его продовольствіемъ, очистивъ всю окрестную часть Оренбургской губерніи до Волги. Оттуда, вслѣдствіе извѣстій объ успѣхахъ Пугачева, онъ направился къ Сызрани, и здѣсь, готовясь къ встрѣчѣ Пугачева, разбилъ шайку Воронова, схвативъ его самого и болѣе четырехъ сотъ мятежниковъ. (О дѣятельности Мансурова см. *Соч. Держ.*, V и VI по указателямъ). Послѣ ухода Пугачева изъ Саратова гр. Панинъ поручилъ Мансурову наказать за измѣну тамошнюю артилерійскую команду. Слѣдующія за симъ два рапорта Мансурова знакомятъ насъ съ дальнѣйшими его распоряженіями по прибытіи къ Царицыну.

13. Рапортъ Мансурова гр. Панину отъ 19 августа.

Вверху надпись; „Полученъ сентября 5 дня 1774 году".

При отправленіи съ деташаментомъ моимъ отъ 16 августа отъ г. генералъ-маіора и кавалера князя Голицына изъ стороны Сызрани перешелъ я до Царицына 650 верстъ въ 13 дней, и на маршѣ моемъ истреблено, поймано и разсѣяно злодѣйскихъ шаекъ въ разныхъ мѣстахъ до 2000 человѣкъ. Какъ же скоро увѣдомился я, что корпуса моего г. полковникъ Михельсонъ разбилъ злодѣя, тотчасъ переправилъ я въ луговую сторону 100 Яицкихъ казаковъ для примѣчанія оборотовъ злодѣя и поимки бѣгущихъ отъ разбитой толпы, также и отъ здѣшняго храбраго коменданта г. полковника Цыплетева. До прибытія моего въ ту жъ сторону черезъ Волгу переправленъ Донской полковникъ Иловайской съ его полкомъ, отъ котораго, какъ скоро вступилъ я при Царицынѣ въ лагерь, полученъ рапортъ, что пойманъ имъ мальчикъ, который объявилъ что онъ изъ шайки, состоящей во стѣ человѣкахъ, гдѣ будто и самъ варваръ Пугачевъ. 28-го числа надъ вечеръ, бывъ сія шайка въ одномъ новомъ селеніи, называемомъ Заплавномъ, для взятья хлѣба отъ Царицына прямо въ луговой сторонѣ верстахъ въ сорока пошелъ въ степь, склоняя побѣгъ свой по видимому къ Камышъ-Самарѣ или къ Узенямъ, и потому тотчасъ отрядилъ я маіора, Яицкаго старшину Бородина еще со ста человѣкъ Яицкихъ же казаковъ и приказалъ ему, взявъ прежде отправленныхъ 100, соединясь съ полковникомъ Иловайскимъ, взять или поразить сего злодѣя.

Павелъ Мансуровъ.

Лагерь при городѣ Царицынѣ.
Августа 29 дня 1774 года.

14. Рапортъ Мансурова гр. Панину отъ 1 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ сентября 7 дня 1774 году"

Сейчасъ рапортуетъ мнѣ г. полковникъ Михельсонъ отъ 31 августа, что злодѣй Пугачевъ, будучи всею его конницею преслѣдованъ до самой рѣки Волги, въ 5-ти тамъ нашедшихъ лодкахъ съ своими ближними сталъ

переправляться,- но попавъ на островъ, съ онаго пошелъ вплавь, а другіе изъ самаго берега кидались переплыть рѣку, но почти всѣ потонули. переправленные жъ его г. полковника рапортовали, что нашли слѣдъ къ сторонѣ Царицына; одинъ же изъ пойманныхъ воровъ увѣрялъ, что злодѣй имѣлъ намѣреніе скрываться въ какихъ-то камышахъ, гдѣ хотѣлъ питаться звѣрями и пробыть недѣлю, имѣвъ съ собою только 50 человѣкъ, въ числѣ коихъ не болѣе 20 вооруженныхъ, и потому онъ, г. Михельсонъ, переправилъ въ слѣдъ маіора графа Меллина съ его деташаментомъ, придавъ ему 200 человѣкъ Донскихъ казаковъ, а подполковника и кавалера Муфеля съ его легкою командою и столькимъ же числомъ казаковъ отправилъ въ Черной Яръ для примѣчанія злодѣйскихъ оборотовъ; а самъ съ достальнымъ войскомъ слѣдуетъ къ Царицыну.

Предъ прибытіемъ сего жъ курьера получилъ я отъ жителей Заплавнаго городка извѣстіе, что въ той сволочи, у нихъ бывшихъ для взятья хлѣба, о которыхъ вашему графскому сіятельству прошедшаго августа отъ 29 числа рапортовать честь имѣлъ, что имъ указывано было между прочими на двѣ хари, изъ которыхъ одну называли Петромъ Федоровичемъ, а другую Емельяномъ Пугачевымъ, изъ чего я заключаю, что не дѣйствительно ли самозванецъ въ той шайкѣ находится и чрезъ посланную отъ меня къ достиженію ихъ и истребленію партію полковника Иловайскаго и маіора Бородина, которымъ наистрожайше предписано его поймать или истребить, не взирая на всѣ препятства! Надѣюсь получить желаннаго успѣха, тѣмъ болѣе что въ то же время получатъ другое свѣдѣніе, что та злодѣйская шайка, состоящая по примѣчанію около двухъ сотъ человѣкъ, тянулась луговою стороною рѣки Волги изъ степи къ Дубовской станицѣ, но видя себѣ преграду отъ идущихъ отъ меня трехъ партій вверхъ оной рѣки нагорной, ударились противъ оной Дубовки въ степь въ луговыя жъ стороны.

Тѣмъ тремъ помянутымъ партіямъ предписаны мѣста для наблюденія перелазовъ злодѣйскихъ на сію сторону, а именно: въ Камышинскѣ гвардіи поручикъ Мельгуновъ съ его Казанскими уланами и Мещеряками, состоящихъ въ 150 человѣкъ, придавъ ему роту 22-й легкой полевой команды драгунъ, въ станицахъ Балыклейской ротмистръ Нолькенъ, въ Дубовской поручикъ Потуловъ съ каждымъ по эскадрону Архангелогородскихъ карабинеръ и по 50 человѣкъ Донскихъ казаковъ; равно и г. генералъ-маіора и кавалера князя Голицына просилъ я, чтобъ къ удержанію злодѣйскаго на сію сторону перелаза и связи тѣхъ помянутыхъ трехъ мѣстъ, отдеташировалъ и онъ команду въ село Золотово, лежащее по нагорной сторонѣ на берегу Волги жъ между Саратовомъ и Камышенкою, что совершенною преградою бунтовщикамъ служить будетъ, также и способность отъ Саратова къ Иргизу требуетъ большого вниманія.

Не имѣвъ я самъ теперь ни одного человѣка конницы, остался съ одною пѣхотою въ Царицынѣ для распоряженія присланныхъ сюда и здѣсь пойманныхъ плѣнныхъ, которыхъ простирается болѣе 7000 человѣкъ.

Павелъ Мансуровъ.

Городъ Царицынъ.
Сентября 1-го дня 1774 году.

Окончательное назначеніе Суворова къ участію въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева послѣдовало по поводу полученнаго императрицею извѣстія о переходѣ Пугачева черезъ Волгу. Повелѣніе о присылкѣ знаменитаго полководца изъ арміи было дано Румянцову 28-го іюля.

Гр. Панинъ поручилъ Суворову ѣхать къ передовымъ войскамъ и вмѣстѣ съ ними стараться окружить злодѣя, разбить и поймать [1]). 25-го августа Суворовъ прискакалъ къ Панину въ село Ухолово (нынѣш. Рязан. губ., Ряжскаго уѣзда), слѣдовательно не прежде какъ въ самый день рѣшительнаго пораженія Пугачёва. Только 2-го сентября онъ прибылъ въ Царицынъ. Отсюда-то написаны имъ три печатаемыя ниже бумаги. Первая—собственноручная записка, безъ всякой помѣты, о порученіи, данномъ Галахову, который пріѣхалъ въ Царицынъ за день до Суворова. Упоминаемое въ этой запискѣ лицо — царицынскій купецъ Качаловъ, какъ оказывается изъ акта „Различеніе важности преступленія способниковъ злодѣйскихъ“ (9-й сортъ), который также будетъ напечатанъ въ настоящемъ собраніи матеріаловъ.

15. Собственноручная записка Суворова.

Гвардіи капитанъ Галаховъ отправляется на случай при дет: (*деташментъ*) г. Михельсона, достигая голову слѣдующихъ партіевъ за Пугачевымъ.

Онъ въ сей вечеръ арестуетъ одного здѣшняго обывателя (который останется на рукахъ у ком: Цыплетева); отъ онаго, какъ сообщника Пугачева, развѣдано: что сей разбойникъ послѣ его послѣдняго ..... [2]) за Царицыномъ отъ Михельсона пораженія увѣдомлялъ его, что онъ побѣжитъ въ верхъ по Волгѣ луговой стороной, накопится снова (какъ? не извѣстно) и переправится опять будто бы сіи страны на нагорную сторону.

А. Суворовъ.

Послѣ сего г. Галаховъ заблагоразсудилъ того обывателя для политическихъ причинъ не арестовать, а вовсе утаить понеже онъ знакомецъ сущему съ нимъ [3]) ради непредательства.

16. Рапортъ Суворова гр. Панину отъ 3 сентября.

Его сіятельству

высокопревосходительному г. генералъ-аншефу, главному повелителю войскъ, отряженныхъ на истребленіе внутренняго смятенія, и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

Рапортъ.

По всходѣ моемъ въ городъ *Царицынъ* обвѣстили мнѣ здѣсь гг. генералъ-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ и полковникъ Михельсонъ о пораженіи всеобщаго возмутителя, разбойника и государственнаго измѣнника, всей его сволочи и что онъ успѣлъ самъ съ сообщниками своими убѣжать за Волгу вверхъ, для чего къ излѣдованію (sic) его истребить или же заключить отъ всѣхъ мѣстъ въ таковой зѣвъ, котораго бъ не могъ миновать, предположено отъ меня первоначально вступающему сего числа сюда съ деташаментомъ г. полковнику Михельсону слѣдовать завтра за рѣку Волгу, настигая по слѣдамъ

---

[1]) Авучинъ, *Р. В.* 1868, № 11, стр. 12.

[2]) Здѣсь пропущено неразобранное слово.

[3]) Т. е. сопровождавшему Галахова мнимому казаку Астафію Трифонову, о чемъ ниже.

укрывательство злодѣя, при коимъ и я отправлю себя: г. генералу-маіору и кавалеру князю Голицыну дано отъ меня знать объ отрядѣ моемъ семъ, и чтобы онъ переносился тожъ за рѣку съ своей стороны, не допустить внутрь имѣть ему убѣжище и распространеніе злодѣйства. Г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ по тому жъ расположится въ *Дмитровскѣ*, простирая постъ свой къ *Саратову*. Г. же генералъ-маіоръ князь Багратіонъ по сообщенію моему уставить долженъ себя въ Царицынѣ, располагая 7 эскадроновъ гусарскихъ при немъ находящихся около Голубинской станицы и сообщаясь постами къ *Дмитріевску* и *Чернояру*, гдѣ г. подполковнику и кавалеру Муѳелю (sic) повелѣно остаться и дѣлать примѣчанія о семъ злодѣѣ, коего по способности и поражать. И какъ уже партіи отъ г. Михельсона при г. графѣ Меллинѣ съ деташаментомъ въ прибавокъ къ оному 200 казаковъ посланы 31 августа прошедшаго мѣсяца, но въ то время не могъ онъ по недостатку судовъ переправиться какъ только и то что могъ при *Черномъ Яру*. Да отъ г. генералъ-маіора Мансурова отряженны отсюда Донской полковникъ Иловайской съ 300 казаковъ и старшина Яицкой Бородинъ съ 200 казаками Яицкими, 29 августа, Пугачева измѣнника преслѣдовать по той сторонѣ рѣки однако досель нѣтъ извѣстія, а каковы полученны будутъ, не допущу донесть вашему сіятельству. Между тѣмъ же по тому моему распоряженію пріуготовитъ всякая часть къ установленію себя, что все къ апробаціи вашему сіятельству подношу. При отправленіи сего здѣшнихъ шелковыхъ заводовъ офицеръ Рычковъ, прибывъ сего числа донесъ, что онъ былъ для провожанія посланной къ истребленію самозванца и его шайки съ Яицкимъ старшиною маіоромъ Бородинымъ, которой своею командою злодѣевъ отрѣзываетъ отъ *Елтонскаго* озера къ Узенямъ и вчера надлежало ему быть противъ Дмитревска.

Генералъ-поручикъ Александръ Суворовъ.

Сентября 3 дня 1774 года.

Г. Царицынъ.

17. Рапортъ Суворова гр. Панину отъ (?) сентября.

Увѣряемое извѣстіе едно по другому утверждало мнѣніе преслѣдовать побѣгъ разбойника Пугачева послѣ разбитія его за Царицыномъ, къ рѣкамъ Узенямъ, куда онъ бѣжалъ (какъ о томъ изъ Саратова отъ г. генералъ-аудитора лейтенанта Савельева извѣщаемо было), о чемъ и вашему сіятельству донесено и отъ меня; что жъ и пойманные 3 человѣка, отъ Узень къ Волгѣ слѣдующіе, а въ его шайкѣ находящіеся то жъ увѣряютъ, что онъ по прибытіи къ Узенямъ въ 30 человѣкъ находился, какъ о томъ богомольцы шатающіеся по рѣкѣ объявили имъ, что часа за три уѣхалъ предъ ними дней тому отнынѣ 8 или 9, а куда именно, не знаютъ. Я, сдѣлавъ диспозицію расположа войски ввѣренныя мнѣ въ нагорномъ берегу Волги къ охраненію берега поручилъ г. генералъ-маіору и кавалеру Мансурову и г. генералъ-маіору князю Багратіону, слѣдую самъ съ деташаментомъ г. маіора графа Меллина дѣлать поискъ надъ помянутымъ разбойникомъ, оставя позади себя г. полковника Михельсона деташаментъ и достичь сей день рѣки первой Узень учинилъ учрежденіе: деташаменту на 4 части раздѣлясь, двумъ слѣдовать по обоимъ сторонамъ рѣки первой Узень къ устью ея до озера; а двумъ послѣднимъ частямъ къ большой Узени, гдѣ и я присутствовать имѣю, обнявъ по обоѣ (sic) стороны ея каждой частью жечь камышъ, укрывающій разбойника: но буде бы и тамъ еще не отыскался, такъ по слѣ-

дамъ его настигать постараюсь, превозмогая во всемъ усталость, даже и самого города Ейска. И какъ г. генералъ-маіоръ князь Голицынъ увѣдомляетъ меня, что онъ слѣдовать будетъ на Иргизъ, къ тому жъ и вся луговая сторона Волги препоручена ему для поиску злодѣя, гдѣ бы онъ не оказался: то прорѣзываюсь не къ Сызрану, степью предпріемлю маршъ; когда другаго мнѣ дѣла не будетъ и обстоятельства не перемѣнятъ, ожидать буду инако предварительнаго повелѣнія.

При окончаніи сего встрѣтили меня рапорты къ г. генералъ-маіору Мансурову отъ Донскаго полковника Иловайскаго и Яицкаго старшины Бородина. Надежда блистаетъ. Сейчасъ со всѣмъ деташаментомъ г. Меллина иду къ другому или большому Узеню. Какъ оба рапорты что до того въ одной силѣ, то влагаю вашему сіятельству одинъ оригинальной. Г. Михельсону то жъ подтвердилъ слѣдовать за мною весьма поспѣшно.

Генералъ-поручтикъ Александръ Суворовъ.

Ч. (число?) сентября 774 года.

Рѣка Узень малой.

18. Рапортъ Галахова гр. Панину отъ 1 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ сентября 7 дня 1774 году".

Его сіятельству, г. генералъ-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

От лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку капитана Галахова

Рапортъ.

Отправясь 20 числа минувшаго августа изъ города Шацка, старался со всевозможною торопливостію г. полковника Михельсона съ деташаментомъ нагнать, который уже злодѣя Пугачева иногда верстахъ во сто и меньше преслѣдовалъ. Я употреблялъ всѣ мѣры съ онымъ соединиться; однакожъ за чрезвычайною отдаленностію и за неимѣніемъ по дорогѣ почтовыхъ лошадей, а больше по причинѣ бунтующихъ жителей, никакъ не могъ успѣть его настигнуть. Между тѣмъ г. полковникъ Михельсонъ, столкнувшись съ вышеупомянутымъ варваромъ, атаковалъ его и разсыпалъ въ разныя стороны, и разогнавъ всю его толпу, иные скитаясь по степи ищутъ убѣжища, коихъ однакожъ повседневно кучами казацкія партіи приводятъ, другіе бросились за Волгу, куды, какъ г. полковникъ Михельсонъ увѣдомляетъ, и самъ злодѣй съ малою толпою Яицкихъ казаковъ переплылъ и ищетъ спасенія укрыться въ широкихъ и необитаемыхъ степяхъ. Теперь осмѣливаюсь вашему сіятельству донести, что послѣ разбитія злодѣя никто точнаго свѣдѣнія не имѣетъ, куды дѣйствительно онъ путь свой устремилъ и гдѣ соберется опять съ зловредными своими сообщниками. Его превосходительство г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Павелъ Дмитріевичъ Мансуровъ, по пріѣздѣ моемъ въ Царицынъ, далъ мнѣ знать, что имѣетъ извѣстіе, только не весьма обстоятельное, отъ прибѣжавшаго изъ-за Волги мужика, который объявилъ, что онъ былъ въ партіи самаго злодѣя, и утверждаетъ яко бы злодѣй съ самымъ малымъ числомъ прямо отъ Царицына пустился въ широту степи, куды съ тѣмъ же бѣглецомъ его превосходительство Донскаго войска г. полковника Галаванскаго [1]) съ надежнѣйшими казаками, а другую партію вверхъ по Волгѣ, состоящую изъ Яицкихъ казаковъ, отправилъ. Г-нъ же полковникъ Михельсонъ по той же сторонѣ

[1]) Т. е. Иловайскаго.

Волги г. маіора графа Меллина послалъ злодѣя искать, а самъ обратно къ Царицыну слѣдуетъ. Я честь имѣю вашему сіятельству донести, что я въ Царицынѣ и ожидаю отъ вышеупомянутаго г. маіора графа Меллина и г. полковника Галаванскаго [1]) точнаго о варварѣ извѣстія, а между тѣмъ осмѣливаюсь требовать отъ вашего сіятельства наиполезнѣйшаго наставленія.

Капитанъ Александръ Галаховъ.

Сентября 1 дня 1774 году.

Городъ Царицынъ.

Слѣдующій за симъ любопытный документъ показываетъ, какъ Панинъ не умѣлъ безпристрастно относиться къ заслугамъ подчиненныхъ ему лицъ, когда самолюбіе его и начальническая гордость или формализмъ были задѣты малѣйшимъ нарушеніемъ служебныхъ порядковъ. Ордеръ достойному Цыплетеву, проникнутый досадой на то, что онъ осмѣлился посылать свои рапорты въ Петербургъ, можетъ быть поставленъ рядомъ съ извѣстнымъ отвѣтомъ Панина Державину [2]), котораго вина также состояла главнымъ образомъ въ слишкомъ самостоятельныхъ распоряженіяхъ.

19. Ордеръ гр. Панина Цыплетеву отъ 4 сентября.

Рапорты вашего высокоблагородія, ко мнѣ отправленные отъ 25-го, 26-го и послѣдній отъ 30-го минувшаго мѣсяца, одинъ по другомъ, всѣ въ свое время къ полученію моему дошли.

Какъ вы о храброй вашей оборонѣ крѣпости, вамъ ввѣренной, отъ злодѣйскаго нападенія, состоящаго изъ бѣглыхъ казаковъ и толпы крестьянской, а продолжающагося по вашему собственному увѣдомленію отъ 2 по полудни до 7-го часа, изволили равное же моему сдѣлать увѣдомленіе чрезъ Москву и въ Санктпетербургъ со ознаменованіемъ подробнаго почти о каждомъ подчиненномъ вашемъ и собственно о себѣ толикаго мужества и неутомленности въ трудахъ, что оныхъ уже конечно въ нихъ оставаться не могло и на тотъ случай, если бъ крѣпость вамъ ввѣренная атакована была настоящею и продолжительною осадою какого-либо регулярнаго непріятеля, то воздаяніе и одобреніе такъ великой заслуги относится теперь вамъ на ожиданіе изъ Санктпетербурга. Но елико касается ко всемилостивѣйшему отъ Ея Императорскаго Величества довѣренію мнѣ прекращенія бунта, производимаго симъ врагомъ государственнымъ, который на вашу крѣпость покушался, препоручено оное до всѣхъ тѣхъ мѣстъ ея имперіи, до которыхъ его злодѣйство простираться будетъ, то я потому:

Объявляю вашему высокоблагородію собственно, и всѣмъ вашимъ подчиненнымъ, внутри крѣпости оборонившимся, мою благодарность и похвалу за то единственно, что не послѣдовали примѣру презрительнаго малодушія и не допустили крѣпость вашу безъ сопротивленія, а впрочемъ гораздо бъ мнѣ пріятнѣе и сообразнѣе съ военнымъ искуствомъ было, если бъ: 1-е, по свѣдѣнію вашему, что беретъ покушеніе на вашу крѣпость похититель, не имѣю-

---

[1]) Т. е. Иловайскаго.

[2]) См. *Соч. Держ.* V, 251.

щій никакой возможности укрѣпленнаго мѣста при обыкновенной оборонѣ взять; 2-е, что за нимъ гонятся войски, прибывшія съ малымъ числомъ въ самомъ большемъ его разбивать, вы помышляли не о томъ, какъ сего малодушнаго злодѣя отъ крѣпости отвратить, но какъ-бы его къ оной приманя и не почитая достойнымъ выстрѣловъ по себѣ изъ крѣпости, прежде какъ развѣ бъ сталъ приближаться приставливать лѣстницы на штурмъ, задержать онымъ до приспѣнія гонящихъ его войскъ, и во время атаки его оными, чтобъ вышедъ съ гарнизономъ и со всѣми собравшимися къ крѣпости нерегулярными войсками возспособствовать столь великаго врага государственнаго общимъ окруженіемъ совсѣмъ сокрушить. 3-е, Когда бъ вы совсѣмъ не посылали впередъ отъ своей крѣпости изъ собравшихся къ вамъ полевыхъ войскъ иныхъ отрядовъ какъ только на одно примѣчаніе не проходитъ ли онъ вашу крѣпость мимо, то бъ малая полевая команда напрасно не погибла; а и Калмыки, бывши удержанными въ закрытіи для сраженія подъ пушками вашей крѣпости, конечно бъ къ злодѣю не передались, и всѣ бъ они, съ тою погибшею командою и со всѣми къ вамъ собравшимися вѣрными и храбрыми Донскими казаками, были достаточнымъ орудіемъ на пріобрѣтеніе ваше той славы, чтобъ вы были главнымъ способствованіемъ храброму и неутомимому г. полковнику Михельсону на совершенное и въ собственной персонѣ низложеніе столь язвительнаго врага государства нашего; и 4-е, если бы вы всѣ приспѣвшія полевыя команды и войски, до прибытія подъ крѣпость вашу сего злодѣя, задержали въ близости по разнымъ закрытымъ мѣстамъ на означенное его пораженіе во общее содѣйствіе съ преслѣдующими за нимъ войсками; то бъ заслуга и слава ваша была несравненно еще превосходнѣе. Потому что теперь остаются они только въ томъ что вы оборонили крѣпость отъ казаковъ и мужиковъ, не имѣющихъ при себѣ болѣе, какъ въ натурѣ оказалось, девятнадцати худо служоныхъ пушекъ и одной мортиры, а пороху, чаю, конечно меньше нежели обыкновенно требуется и на десятую часть регулярной осады, для которой крѣпости сооружаются и комендантамъ ввѣряются.

Донскаго войска всѣмъ полковникамъ, старшинамъ и казакамъ, въ усердной вѣрности къ Ея Императорскому Величеству пребывшимъ и оказавшимъ противу государственнаго злодѣя важную заслугу, а особливо полковникамъ Кутейникову, Луковкину и Иловайскому за оказанныя ихъ отличную храбрость и твердость объявить высочайшимъ Ея Императорскаго Величества именемъ всемилостивѣйшее благоволеніе и обнадеживаніе о призрѣніи той ихъ заслуги. А отъ меня сказать имъ благодареніе и признаніе достойнѣе ихъ къ полученію отъ всемилостивѣйшей Государыни регулярныхъ штабскихъ чиновъ, нежели какъ оной носитъ полковникъ Серебряковъ, искавшій, при такомъ злодѣйскомъ и на ихъ собственныя жилища покушенія, спасенія своего обще съ женою въ Новохоперской крѣпости, бывши рожденнымъ Донскимъ казакомъ, коимъ отнюдь не свойственно сокрытіе въ крѣпостяхъ, но единственно поле ихъ — слава, честь и спасеніе.

Я увѣренъ, что ваше высокоблагородіе всѣмъ бывшимъ на тотъ случай въ командѣ вашей войскамъ, объявите сіе мое признаніе письменно; впрочемъ я со усердіемъ всегда и проч.

Въ перепискѣ гр. П. Панина съ Галаховымъ нельзя не замѣтить, со стороны перваго, большой осторожности и старанія не подать вида, будто онъ отъ своего лица даетъ предписанія этому офицеру, который имѣетъ особыя инструкціи непосредственно отъ самой императрицы.

Извѣстно, что когда сообщникъ Пугачева Перфильевъ и другіе Яицкіе казаки, въ числѣ 324-хъ человѣка, прислали въ Петербургъ мнимаго Астафія Трифонова съ письмомъ, въ которомъ притворно вызывались выдать Пугачева (о чемъ см. *Записки Академіи Наукъ*, т. III, см. выше, стр. 524—525), то Екатерина II, повѣривъ имъ, хотя не безъ подозрѣнія въ обманѣ, 8-го августа 1774 года отправила капитана Преображенскаго полка Галахова въ Муромъ, съ тѣмъ, чтобы онъ тамъ принялъ злодѣя и привезъ его въ Москву. Объ этомъ-то порученіи гр. Панинъ и упоминаетъ въ своей бумагѣ. Подробности см. въ запискахъ Рунича (*Русск. Старина* 1870 г., особенно стр. 321 и д.).

20. Ордеръ гр. Панина Галахову отъ 9 сентября.

На рапортъ вашего высокоблагородія, пущенной 1-го числа сего мѣсяца изъ Царицына [1]), мною вчерась полученной, симъ отвѣтствую:

Когда бывшее государственнаго злодѣя Пугачева усилившееся-было положеніе причиненныя имъ на своемъ проходѣ государству разоренія и возженныя собою и разметанными искрами бунтовщичьи воспламененія никакъ не допустили васъ со всею вашею ревностію и неутомленностію и съ поверженіемъ себя въ опасности достигнуть до приближенія къ злодѣю, прежде нежели онъ уже сталъ совсѣмъ разбитъ и бросился искать спасенія своего по неизвѣстнымъ еще намъ мѣстамъ въ степи, и когда жъ угроженія, чтобъ онъ тамъ весьма много усилившимся сонмищемъ не могъ между тѣмъ похитить или Царицына, или Дона, или Астрахани съ тамошнею на удобнѣйшія его злодѣянія морскою гаванью, не дозволили мнѣ оставить его безъ такого побѣдоноснымъ Ея Императорскаго Величества оружіемъ пораженія, то къ требованію вами отъ меня себѣ наставленія не преподаю я вамъ онаго ни малымъ чѣмъ ко отступленію вашему отъ того, которыя вы собственно отъ Ея Величества и Двора имѣете, но единственно на случай настоящей въ положеніи злодѣя оной перемѣны, до полученія собственно вами высочайшихъ Ея Императорскаго Величества повелѣній, не имѣю иного за лучшее предусматривать, какъ держаться вамъ при его превосходительствѣ г. генералъ-порутчикѣ Суворовѣ, теперь главноначальствующемъ надъ самыми моими передовыми произведеніями, и освѣдомляясь ежевременно отъ него о повелѣніи, гдѣ самозванецъ, и о лучшей когда представившейся способности къ настоящему исполненію возложеннаго на васъ отъ Ея Императорскаго Величества дѣла, если между тѣмъ сей государственный злодѣй оружіемъ Ея Величества не будетъ приведенъ къ намѣренному концу, а происшедшее силъ онаго разбитіе кажется мнѣ въ томъ случаѣ еще лучше въ вашемъ дѣлѣ воспособствуетъ, нежели то состояніе, въ которое онъ было возросъ между отбытія порученнаго вамъ человѣка и между способу приближенія вашего къ злодѣю, потому что оставшихъ теперь при злодѣѣ наперсниковъ состояніе, если онъ гдѣ объявится, будетъ еще хуже того, при каковомъ вамъ ввѣренной человѣкъ по разбитіи его подъ Казанью употребился и которое, можетъ быть, единственно было причиною ихъ предположенія, но котораго бъ и имъ самимъ, еслибъ они и подлинно вѣрными пребыли, не оставалось уже способу произвести съ вѣрнымъ успѣхомъ при такомъ злодѣя умноженіи своихъ силъ и разныхъ надеж-

[1]) См. выше, стр. 587.

ныхъ прельщеній къ возвышенію онаго. Я не оставилъ на таковомъ основаніи о вашемъ высокоблагородіи предложенія сдѣлать и его превосходительству Александру Васильевичу Суворову, не оставлю жъ по временамъ преподавать вамъ извѣщенія, если какія будутъ представляться лучшія удобности къ произведенію вашего дѣла; изъ вновь получаемыхъ рапортовъ стану между тѣмъ ожидать и отъ васъ увѣдомленія о мѣстахъ, гдѣ и когда вы ко оному предмету себя содержать будете.

Печатаемый ниже „воровской указъ" Пугачева относится ко времени его стремленія отъ Казани къ Саратову, но помѣщается здѣсь потому, что найденъ мною въ Щербатовскихъ бумагахъ между настоящими документами.

21. Манифестъ Пугачева.

Божіею милостію мы, Петръ Третій, Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій
и протчая и протчая и протчая.

Объявляется во всенародное извѣстіе.

Жалуемъ симъ имяннымъ указомъ съ монаршимъ и отеческимъ нашимъ милосердіемъ всѣхъ находившихся прежде въ крестьянствѣ и въ подданствѣ помѣщиковъ быть вѣрноподданными рабами собственно нашей коронѣ, и награждаемъ древнимъ крестомъ и молитвою, головами и бородами, вольностію и свободою и вѣчно казаками, не требуя рекрутскихъ наборовъ, подушныхъ и протчихъ денежныхъ податей, владѣніемъ землями, лѣсными, сѣнокосными угодьями и рыбными ловлями и солеными озерами безъ покупки и безъ оброку, и свобождаемъ всѣхъ прежде чинимыхъ отъ злодѣевъ дворянъ и грацкихъ мздоимцовъ судей крестьянамъ и всему народу налагаемыхъ податей и отягощеніевъ и желаемъ вамъ спасенія душъ и спокойной въ свѣтѣ жизни, для которой мы вкусили и претерпѣли отъ прописанныхъ злодѣевъ дворянъ странствіе и не малыя бѣдства; а какъ нынѣ имя наше властію Всевышней десницы въ Россіи процвѣтаетъ, того ради повелѣваемъ симъ нашимъ имяннымъ указомъ: кои прежде были дворяне въ своихъ помѣстьяхъ и водчинахъ, оныхъ противниковъ нашей власти и возмутителей имперіи и раззорителей крестьянъ ловить, казнить и вѣшать и поступать равнымъ образомъ такъ, какъ они, не имѣя въ себѣ христіанства, чинили съ вами крестьянами, по истребленіи которыхъ противниковъ и злодѣевъ дворянъ всякой можетъ возчувствовать тишину и покойную жизнь, коея довѣка придержаться будемъ. Данъ іюля 31 дня 1774 году.

Петръ.

Князь Петръ Мих. Голицынъ, прославившійся въ эпоху этого мятежа особенно тѣмъ, что одержалъ при Татищевой первую значительную побѣду надъ Пугачевымъ, былъ и во все время однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ военачальниковъ. Послѣ пораженія самозванца близъ Чернаго Яра, онъ рѣшился мѣшать его движенію къ рѣкѣ Иргизу и вмѣстѣ съ Суворовымъ способствовалъ къ ускоренію развязки. Панинъ

въ своихъ донесеніяхъ императрицѣ отзывался съ равною похвалою необыкновенномъ самоотверженіи обоихъ полководцевъ, называя Голицына „всегда единымъ, а напослѣдокъ и главнымъ начальникомъ первоотряженныхъ сюда полковъ" и свидѣтельствуя, что „въ семъ генералѣ Ваше Императорское Величество и Россійская имперія получаетъ достойнаго наслѣдника въ военачальство покойному фельдмаршалу его дѣду" [1]), т. е. знаменитому сподвижнику Петра Великаго.

22. Рапортъ князя П. М. Голицына гр. П. Панину отъ 10 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 14 сентября 1774 году".

Его сіятельству высокопревосходительному г. генералу-аншефу, сенатору и разныхъ орденовъ кавалеру графу Петру-Ивановичу Панину

От генералъ-маіора и кавалера князя Голицына

Репортъ.

Изъ предыдущаго моего репорта отъ 7 сего сентября ваше сіятельство извѣстны быть изволите о переправѣ предводимаго мною деташемента на луговую сторону Волги. А чрезъ сіе имѣю честь донести, что вчерашняго числа переправился и я на сей берегъ, и отрядя тотчасъ для нужныхъ примѣчаній по Иргизу партіи, продолжаю и самъ вверхъ рѣки путь свой, перешедъ уже по отправленіи сего до пятидесяти верстъ.

При семъ препровождаю къ свѣдѣнію вашего сіятельства присланную ко мнѣ отъ г. генерала-маіора Потемкина копію съ допроса, учиненнаго вышедшему изъ киргизъ-кайсацкаго плѣну астраханскому жителю Бѣляеву, изъ которой усмотрѣть изволите, по какимъ побужденіямъ варвары Киргизъ-кайсаки производятъ въ здѣшнихъ мѣстахъ грабительства и злодѣйства.

Между тѣмъ получилъ я репортъ отъ Донскаго полковника Иловайскаго, отъ 16 сего сентября, которымъ увѣдомилъ меня, что прибылъ онъ того числа изъ Царицына съ Яицкимъ старшиною маіоромъ Бородинымъ въ Покровскую слободу, лежащую на луговомъ противъ Саратова берегу, поймавъ въ слѣдованіе свое сею дорогою отставшихъ отъ злодѣйской толпы 24 человѣка, которые объявили, что нечестивой самозванецъ, по пораженіи за Царицынымъ полковникомъ Михельсономъ, вознамѣрился снискать себѣ укрываться на рѣчкахъ Узеняхъ, имѣя въ шайкѣ своей только до 200 человѣкъ. Въ слѣдствіе чего помянутые полковникъ Иловайскій и маіоръ Бородинъ того жъ дня и положили отправиться съ своими командами изъ той слободы для достиженія онаго изверга. Я не оставилъ симъ казацкимъ начальникамъ наиприлежнѣйше подтвердить, чтобъ они всевозможныя силы къ тому употребили и преслѣдовали бы его во всѣхъ мѣстахъ, куда онъ варварское свое стремленіе ни обратилъ, а притомъ и я съ своей стороны способствовать имъ могу, потому что движенія мои по Иргизу клонятся къ сему жъ единственному предмету.

Оканчивая сіе, имѣю честь донести, что ордеръ вашего сіятельства отъ 3 сего сентября вѣрно мною полученъ. И я по приложенному при ономъ предположенію, въ которомъ назначены правила къ возстановленію прежняго спокойствія и тишины и къ изысканію и наказанію главныхъ возмутителей и ихъ послѣдователей, не премину надлежащаго при встрѣчающихся случаяхъ чинить исполненія, наиточнѣйше о томъ же предписавъ всѣмъ деташементнымъ начальникамъ, подъ командою моею состоящимъ.

---

[1]) *Сборн. Ист. Общ.* VI, 188 и 190.

По изготовленіи сего моего репорта возвратился ко мнѣ адъютантъ мой Ершовъ, произведенный вашимъ сіятельствомъ въ поручтики, чрезъ котораго получа я вашъ ордеръ отъ 5 сего мѣсяца, приношу вашему сіятельству покорнѣйшую мою благодарность за то, что ваше сіятельство, принявъ во вниманіе учиненное отъ меня въ пользу сего офицера одобреніе, изволили его настоящимъ новымъ чиномъ осчастливить, котораго по предписанію вашему приказавъ я привесть къ присягѣ, не замедлю опредѣлить по моему разсмотрѣнію и въ полкъ.

Генералъ-маіоръ князь Петръ Голицынъ.

10 сентября 1774.
Деревня Криволуцко
на рѣкѣ Иргизѣ.

23. Рапортъ Суворова гр. Панину отъ 10 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 17 сентября 1774“.

Его сіятельству высокопревосходительному г. генералъ-аншефу, главнокомандующему войсками, отряженными на истребленіе внутренняго смятенія, и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу Петру Ивановичу Панину

От генералъ-порутчика Суворова

Рапортъ.

Послѣ отправленнаго отъ меня къ вашему сіятельству вчерашняго числа рапорта съ мѣста, состоящаго въ степи при рѣчкѣ Еруслан ѣ, я при деташаментѣ секундъ-маіора графа Мелина походу сдѣлалъ съ 80 верстъ и слѣдую къ Узенямъ, куда достигнуть осталось съ 90 верстъ, о чемъ вашему сіятельству и донесть честь имѣю.

Генералъ-порутчикъ Александръ Суворовъ.

Ч. 10 сентября 1774 года.
Въ маршѣ степи при рѣкѣ Тунгурѣ (sic) [1]).
По полудни 5 часовъ.

24. Рапортъ Бородина Мансурову отъ 11 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 12 сентября 1774 года, при рѣкѣ маломъ Узенѣ“.

Высокородному и превосходительному г. генералъ-маіору и разныхъ орденовъ кавалеру Павлу Дмитріевичу Мансурову

Премьеръ-маіора Бородина

Рапортъ.

Сего числа я обще Донскаго войска съ полковникомъ Иловайскимъ на большую Узень къ урочищу Чертанлинскому устью благополучно прибыли, гдѣ и найдены нами живущія при томъ устьѣ двѣ женки, которыя показали, что 7 числа сего жъ бывшій у нихъ изъ шайки изверга Пугачева казакъ Петръ Пустобаевъ, кой у него злодѣя находился за полковника, и между разговоровъ оной сказалъ, что они ѣдутъ прямо къ Яицкому городу; а притомъ и то изъяснилъ, что они вышеписаннаго изверга хотятъ поймавъ при-

[1]) Читай: *Торгуни.*

весть въ городъ и отдать правительству, коихъ и слѣдъ оказался къ Яицкому городу; да и прибывшіе сего жъ числа изъ Яицкаго города казаки Иванъ Протопоповъ съ товарищи, которые отправлены до здѣшнихъ рѣчекъ Узеней отъ г. полковника Симанова, съ тѣмъ чтобъ кроющіеся по Узени всякаго званія люди являлись прямо въ Яицкой городокъ; объявили, что повстрѣтились имъ изъ шайки изверга Пугачева казаковъ Иванъ Туминъ съ товарищи, всего 4 человѣка, которые имъ сказали, что они ѣдутъ прямо въ городъ для объявленія себя; да прежде оныхъ при рѣчкѣ Чижѣ ближе къ Яицкому городу слѣды жъ оными казаками предусмотрѣны; почему мы, не увѣрясь сей день по оной рѣкѣ какъ вверхъ и внизъ, такъ и по лежащей къ Яицкому городу дорогѣ, дѣлали разъѣзды, гдѣ кромѣ какъ по дорогѣ къ городу, такъ и сверху на оную жъ дорогу значущіеся слѣды нигдѣ никакихъ не предвидится; да по преусильнѣйшимъ нынѣ дождямъ тѣхъ слѣдовъ ясно и разобрать не можно; почему мы по тѣмъ слѣдамъ, да и по вышеписанному объявленію и имѣемъ слѣдовать съ крайнимъ поспѣшеніемъ на ту рѣчку Чижу; а что́ впредь происходить будетъ, о томъ вашему превосходительству донести не оставлю.

От армiи маіоръ и войсковой старшина
Мартемьянъ Бородинъ.

Сентября 11 дня 1774 года.
Рѣка Узень Большая.

25. Рапортъ Галахова гр. Панину отъ 12 сентября.

На отправленной мною 1 сентября рапортъ съ отмѣннымъ ожиданіемъ желалъ отъ вашего сіятельства попользоваться наставленіемъ, которое 11 числа честь имѣлъ получить.

Ваше сіятельство, изливая мнѣ самой полезнѣйшій совѣтъ, указывать мнѣ онымъ изволите направить свои слѣды соединясь, держаться его превосходительства г. генералъ-порутчика и разныхъ орденовъ кавалера Александръ Васильевича Суворова, которой начальствуетъ надъ передовыми вашего сіятельства произведеніями. Осмѣливаюсь теперь донесть, что я какъ будто предчувствовалъ, моимъ расположеніемъ трафилъ дѣйствительно на мысль вашего сіятельства и изъ Царицына переправился вмѣстѣ съ его превосходительствомъ чрезъ Волгу; стремили свои предпріятія къ селу Николаевскому, которое прямо противъ города Дмитріевска указывается; во ономъ за нужное почелъ я открыть ввѣренному мнѣ человѣку [1]), что путь нашъ лежитъ къ Узенямъ и Яику, гдѣ дѣйствительно укрывательство злодѣя Пугачева всѣ полагаютъ, что то же мнѣніе и его превосходительство поставляетъ. Повѣренная мнѣ особа, на которую уже и Ея Императорское Величество всемилостивѣйшая Государыня предположить изволила свое увѣреніе, удержалъ оставить слѣдъ къ Узенямъ и Яику его превосходительству, мнѣ же свой совѣтъ подалъ, увѣряя притомъ, что самозванецъ Пугачевъ единственно для того уклоняется къ Узенямъ и Яику, чтобъ отвесть наши войски вправо, дабы между тѣмъ очистить себѣ путь влѣво къ Башкирцамъ и Татарамъ, гдѣ его съ вѣрнѣйшими своими сообщниками и весьма малою толпою порознь подъ защищеніе примутъ и скрываться дозволятъ до времени, въ которое онъ усмотритъ удобной случай въ тѣхъ краяхъ опять разбросать зловредной жаръ и мерзкое обольщеніе въ простонародное невѣжество. Наконецъ заключилъ свой совѣтъ предложе-

[1]) Мнимому Астафію Трифонову.

ніемъ, чтобъ изъ Саратова непремѣнно его отпустить, увѣряя, что злодѣя Пугачева скорѣе всѣхъ онъ сыщетъ и доставитъ въ городъ Изранскъ (sic) [1]) чрезъ весьма малое время. Я осмѣливаюсь вашему сіятельству донесть, что онъ меня увѣрялъ и обнадежилъ якобы самозванецъ никакъ отъ его рукъ не скроется, ибо ему всѣ слѣды, по которымъ варваръ спасенія съ самымъ малымъ числомъ своихъ сотоварищей искать будетъ, и точныя его плута пристанища и въ которыхъ его мѣстахъ возстановители и кто ему дѣйствительно преданы, столько же и ему извѣстны какъ и самому плуту Пугачеву. Я не зналъ на что рѣшиться и что начать при столь разсыпанныхъ обстоятельствахъ, разсуждалъ послѣдовать ли моему предложителю, или держаться его превосходительства: наконецъ сообразилъ, что если злодѣй дѣйствительно стремится къ Узенямъ и Яику, то осмѣливаюсь обнадежить и вашего сіятельства, что его превосходительство Александръ Васильевичъ непремѣнно самозванца настигнетъ и по малой съ онымъ злодѣемъ шайкѣ разсыплетъ остатокъ его толпы, или, если Богъ благословитъ и самого плута Пугачева поймать, надежда увѣряетъ.

Я утвердясь на семъ точно, зная притомъ, что намѣреніе Ея Императорскаго Величества и общественная польза есть прямо въ томъ, чтобъ поймать злодѣя, дабы тѣмъ распространившееся зло и потемнѣлую мысль въ простонародіи очистить; а кто бъ его ни доставилъ, высокому намѣренію Ея Императорскаго Величества и отечеству польза равная, и для того слѣдъ къ Узенямъ и Яику оставилъ я его превосходительству; а самъ, чтобъ между тѣмъ не допустить злодѣя скрыться межъ подобными же ему въ варварствѣ Башкирами и Татарами, не смѣлъ проронить наставленіе моего предложителя: бросился къ Саратову, изъ коего снабдя наставленіями и пашпортомъ ввѣреннаго мнѣ человѣка, 10-го числа отпустилъ настигать злодѣя. Не оставляю также вашему сіятельству изъяснить, что отъ 7-го числа увѣдомляетъ г. премьеръ-маіоръ Бородинъ о бывшей толпѣ злодѣйской въ Красномъ Яру, что дѣлаетъ разстояніемъ отъ Саратова 120 верстъ; былъ ли въ оной самъ плутъ Пугачевъ, не упоминаетъ, а по объявленію жителей извѣстился, что оная толпа потянулась къ Узенямъ; сіе также увѣряетъ и обнадеживаетъ что оная прямо встрѣтится съ деташаментомъ его превосходительства.

Между тѣмъ честь имѣю донесть, что я отправился 12-го числа въ городъ Изранскъ [2]), куды, осмѣливаюсь вашего сіятельства просить, удостойте полезнѣйшими извѣщеніями снабдевать, я же послалъ г. маіора Рунича, который персонально вашему сіятельству о всемъ донесетъ; а въ предыдущихъ случаяхъ и извѣстіяхъ не оставлю съ усерднѣйшимъ и должнымъ моимъ почтеніемъ вашему сіятельству доносить.

Капитанъ Александръ Галаховъ.

Сентября 12-го дня 1774 года.

Городъ Саратовъ.

Въ слѣдующемъ за симъ рапортѣ Симонова упоминается о начальникѣ Калмыковъ *Рычковѣ*. Къ сожалѣнію, мы не можемъ положительно сказать, кто именно былъ этотъ Рычковъ. Въ сочиненіи Пе-

[1]) Читай Сызрань.

[2]) Т. е. опять Сызрань: ср. Записки Рунича, *Русск. Старина* 1870 г. стр. 329 и 330.

карскаго *Жизнь и лит. переписка П. И. Рычкова* нѣтъ данныхъ для отвѣта на этотъ вопросъ. Не былъ ли это сынъ ученаго, капитанъ Николай Петровичъ, составившій описаніе удаленія Калмыковъ изъ Россіи, и авторъ „Дневныхъ записокъ путешествія въ Киргизъ-Кайсацкой степи“? (См. *Сборникъ Отд. р. яз. и сл.* т. I, по Указателю, и *Словарь свѣт. писателей* митр. Евгенія).

26. Рапортъ Симонова П. С. Потемкину отъ 14 сентября.

Высокородному и превосходительному г. генералъ-маіору, двора Ея Императорскаго Величества камеръ-юнкеру и кавалеру Павлу Сергѣевичу Потемкину

Полковника Симанова

Покорный рапортъ.

Во исполненіе вашего превосходительства повелѣнія командированной отъ меня для преслѣдованія воровскихъ Киргизъ-Кайсакъ на Иргизъ и внизъ рѣки Волги, въ числѣ 100 человѣкъ, здѣшнихъ Калмыкъ начальникъ Рычковъ при рапортѣ доставилъ сюда пойманныхъ имъ по рѣчкѣ Деркулу и при Камышлацкихъ вершинахъ изъ первыхъ извѣстнаго злодѣя Пугачева предводителей, казака Афанасья Перфильева съ товарищи, 37 человѣкъ, которые де взяты изъ-за производимой съ нимъ оружейной стрѣльбы и показываютъ здѣсь, что по совершенномъ ихъ войсками Ея Величества ниже Царицына пораженіи и по перелазѣ Волги рѣки злодѣй былъ въ числѣ собравшихся къ нему здѣшнихъ казаковъ 150-ти человѣкъ и другихъ постороннихъ нѣкоторой малой части мужиковъ, и намѣреніе имѣлъ ѣхать вверхъ по Волгѣ сперва на Камышенку, а потомъ, доставши тамъ, на перемѣну усталыхъ своихъ лошадей, свѣжихъ и способныхъ, и получа въ запасъ хлѣба, котораго при нихъ совсѣмъ ничего не было, на Елтонскую соль, а оттоль на Узени, съ Узеней же де или на здѣшніе Яицкіе форпосты, а съ оныхъ забравъ казаковъ, на морскія ватаги, или, не занимая уже тѣ форпосты, прямо въ море и изъ числа де ихъ 6 человѣкъ, ѣдучи съ нимъ Пугачевымъ къ Волгѣ въ намѣреніи на Камышенку, усмотря по обоимъ сторонамъ оной рѣки Волги огнища, по разбитіи ихъ, въ первую ночь отъ него отстали, а куда де уже онъ въ самомъ дѣлѣ пойдетъ, не знаютъ, а другіе 21 человѣкъ будто бы по переправѣ чрезъ Волгу, не соединяясь съ нимъ, раскаявшись ѣхали прямо сюда въ Яицкой городъ въ надлежащемъ себя объявить; однакожъ на семъ ихъ показаніи утвердиться весьма не можно, тѣмъ паче что они при поимкѣ ихъ не точію къ чинившему надъ ними поискъ начальнику Рычкову надлежащаго покоренія не оказали, но и сопротивленіе чинили, изъ-за чего и переловлены, а хотя бы и надлежало ихъ по сей важности пристрастно распросить, но какъ они для обстоятельныхъ распросовъ отосланы въ учрежденную здѣсь по всевысочайшему Ея Императорскаго Величества имянному указу слѣдственную комисію, тотъ же начальникъ Рычковъ теперь отправился далѣе ко Узенямъ, гдѣ по показаніямъ сихъ пойманныхъ и еще также ихъ злодѣйской партіи около лежей (?) нѣкоторое число людей имѣется, почему и прежде командированному на нижнія крѣпости сотнику Харчеву со здѣшними казаками съ 50 человѣками велѣлъ съ нимъ же Рычковымъ соединиться, о чемъ вашему превосходительству съ покорностію моею доношу.

Сентября 14-го дня 1774 года.

Яицкой городъ.

27. Рапортъ Симонова П. Потемкину отъ 14 сентября.

Въ ночи на 14-е сего Чаганскаго форпоста казакъ изъ Татаръ Аметь Султяевъ прискакалъ въ городъ (что сказкою показалъ, со оной у сего копію представляю), почему я тотъ же часъ приказалъ старшинѣ Акутину отправить на тотъ Чеганской форпостъ изъ здѣшнихъ казаковъ 20 человѣкъ, дабы тѣхъ пойманныхъ изъ злодѣйской шайки воровъ сюда привесть и обстоятельно чрезъ нихъ развѣдать, коихъ онъ наредя и препроводилъ до перевозу, гдѣ явились у него отъ самого злодѣя и бывшіе предводители: изъ Илецкихъ Твороговъ, а изъ Яицкихъ Федоръ Чумаковъ, и подтвердили то подлинно, что воръ Пугачевъ у нихъ связанъ и что везутъ они его сюда въ городъ подъ совокупнымъ присмотромъ всѣхъ тѣхъ Яицкихъ казаковъ, кои съ нимъ подъ Царицыномъ остались, и теперь де оставшіе ихъ товарищи съ нимъ злодѣемъ на Бударинскомъ форпостѣ будутъ и что посланной отъ меня сотникъ Харчевъ съ ними жъ соединился, коихъ онъ, Акутинъ, и представилъ прямо къ г. капитану-порутчику Маврину, а я ихъ не видя, но со словъ его, Акутина, доношу.

Сентября 14-го дня 1774 года.

Яицкой городъ.

28. Показаніе („сказка") казака Султаева [1]), приложеніе къ № 27.

1774 года сентября 13 дня во управляющей войскомъ Яицкимъ комендантской канцеляріи пріѣхавшій съ Чаганскаго форпоста изъ Татаръ казакъ Аметь Султаевъ сказкою показалъ:

Сего числа пріѣхавъ къ намъ съ Кошъ-яицкаго форпоста казакъ Федотъ Красниковъ объявилъ, что пріѣзжалъ выше того форпоста въ Песчаные хутора къ живущимъ тутъ отставнымъ казакамъ невѣдомо чей казакъ же, спрашивалъ что можно ль ему въ городъ ѣхать явиться, правда ли что прощаютъ тѣхъ, которые являются съ повинною къ матушкѣ Всемилостивѣйшей Государынѣ и не сажаютъ ли тамъ подъ караулъ? На что ему отъ того отставнаго сказано, чтобъ онъ ѣхалъ, не опасался, а какъ тотъ казакъ отъ него уѣхалъ, тогда онъ, пришедъ на упомянутой форпостъ, сотнику о пріѣздѣ къ нимъ того казака и объявилъ, съ чѣмъ онъ Красниковъ къ намъ и присланъ, по объявленію котораго и командировался съ нашего форпоста для сыску того казака съ Кожевникова хутора сотникъ Андрей Силишневъ въ числѣ четырехъ человѣкъ казаковъ, гдѣ и найдены три человѣка, казаки жъ: одинъ Калмыковъ, а двухъ чьи таковы и какъ ихъ всѣхъ зовутъ, не знаю, которые намъ объявили, что самозванецъ на рѣчкахъ Узеняхъ пойманъ казаками Челноковымъ въ числѣ 150 человѣкъ, которые де конечно 15-го сего въ городъ его самозванца привезутъ, въ чемъ оттоль и посланы, которые у насъ при форпостѣ содержатся подъ карауломъ, въ чемъ и подписался и проч.

---

[1]) Или *Султяева*, какъ онъ названъ въ другихъ двухъ бумагахъ.

29. Отношеніе Симонова къ Бородину отъ 14 сентября.

Вверху надпись: „По секрету“.

Высокородный и высокопочтенный господинъ маіоръ и войска Яицкаго войсковой старшина

Государь мой.

Сего числа явился у меня команды вашей казакъ Борисъ Михайловъ, а письменнаго отъ васъ извѣстія никакого не имѣетъ, точію объявилъ яко посланъ онъ былъ сюда отъ вашего высоблагородія съ товарищи, точію де будучи въ пути испужавшись Калмыкъ команды пятидесятника Рычкова разбѣжались всѣ врозь и гдѣ теперь находятся, не знаетъ, котораго я паки къ вамъ возвращаю съ полученнымъ здѣсь извѣстіемъ, что на 14-е сего въ ночи сперва прибѣжавъ съ Чаганскаго форпоста изъ Татаръ казакъ Аметь Султяевъ, объявилъ: что пойманные сотникомъ Силишнинымъ въ Кожевниковыхъ хуторахъ казаки три человѣка ему, Силишникову (sic), сказали, что государственной злодѣй Пугачевъ на рѣчкахъ Узеняхъ казаками пойманъ, но какъ сіе происходило, подъ тотъ же самой случай пріѣхали съ раскаяніемъ казаки же: здѣшній Федоръ Чумаковъ, Илецкой Иванъ Твороговъ; въ злодѣйской толпѣ Яицкіе казаки пришли въ раскаяніе и реченнаго злодѣя самозванца Пугачева дѣйствительно поймали и везутъ чрезъ нижніе Яицкіе форпосты сюда, только ва несвязаннаго, и представили на Бударинскомъ форпостѣ. Того ради и я вашего высокородія прошу постараться какъ можно наискорѣе со всею своею командою сюда поспѣшить и прямо на Чаганской форпостъ, и тутъ ихъ комуникацію перерѣзать и всѣмъ тѣмъ находившимся въ злодѣйской его толпѣ объявить высочайшее Ея Императорскаго Величества благоволеніе, что они казаки не только въ винахъ своихъ отъ Ея Императорскаго Величества прощаются, но имѣютъ ожидать всѣ до единаго и всемилостивѣйшаго награжденія. Въ подтвержденіе чего и препровождаю у сего печатной экземпляръ, которой имъ съ яснымъ истолкованіемъ прочесть, а затѣмъ связаннаго его самозванца подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ напередъ и на перемѣнныхъ лошадяхъ доставить. Впрочемъ имѣю честь быть

Вашего высокоблагородія
Государя моего
покорной слуга
полковникъ Иванъ Симановъ.

Сентября 14-го дня 1774 года.

30. Приписка Суворова, отъ 15 сентября, на предыдущей бумагѣ.

Какъ то кончитца? однако, призвавъ Бога, беру смѣлость. Поздравляю ваше высокографское сіятельство! Рука дрожитъ отъ радости. На походѣ 60 верстъ отъ Яицкаго городка, спѣшу туда.

Александръ Суворовъ.

Сентября 15-го дня 1774.

5 часовъ пополудни.

31. **Рапортъ капитанъ-поручика Маврина П. Потемкину отъ 14 сентября.**

Чрезъ сіе вашему превосходительству имѣю счастіе донесть, что злодѣй Пугачевъ связанъ и сегодня ко мнѣ будетъ представленъ; а я при отправленіи сего допрашиваю тѣхъ людей, кои сего злодѣя скрутили, а именно Федора Чумакова и Ивана Творогова. Было сіе такимъ образомъ: когда Емелька послѣдній разъ получилъ отъ вѣрныхъ Ея Величества войскъ пораженіе, оставались при немъ только Яицкіе казаки, 150 человѣкъ; сперва уговаривалъ злодѣй оставшихъ при немъ на Каспійское море и оттуда въ Турецкую область; однакожъ казаки уговорили чтобъ ѣхать въ Узени въ то мѣсто, гдѣ скрываются всегда разбойники. Когда жъ туда пріѣхали, то изъ первыхъ его любимцевъ объявленной Федоръ Чумаковъ, приглася другихъ, сдѣлалъ заговоръ, и тотчасъ связали, а причина тому та: свѣдали, что здѣсь приходящихъ съ повиновеніемъ прощаютъ и милостиво съ ними поступаютъ; такъ льстя себя, что и они воспользоваться пощадою могутъ выдачею злодѣя. Злодѣй теперь отсель въ 50-ти верстахъ, и я послалъ встрѣтить изрядной корпусъ, теперь же для такого гостя приготовляю домъ, гдѣ бъ можно со всею при немъ свитою вмѣстить. Какъ скоро злодѣй сюда привезется, то отправлю къ вашему превосходительству другого курьера, и тогда буду испрашивать чтó прикажете дѣлать.

Сентября 14 дня 1774 года.

Яицкой городъ.

32. **Рапортъ Яицкаго сотника Харчева Симонову отъ 15 сентября.**

10-го сего командированъ я былъ отъ вашего высокородія на нижніе яицкіе форпосты съ командою, въ числѣ 50 человѣкъ, съ даннымъ наставленіемъ, въ которомъ предписать соизволили: како де извѣстной злодѣй самозванецъ Пугачевъ ниже Царицына при Купецкой ватагѣ со всею его злодѣйскою шайкою будучи въ прахъ разбитъ и намѣренъ переправиться на луговую сторону, дабы де въ такомъ случаѣ не могъ оной злодѣй пробраться за рѣку Яикъ на бухарскую сторону, рекомендовано будучи тамо стараться смотрѣть, дабы онъ злодѣй Пугачевъ конечно не могъ пробраться за рѣку Яикъ, и если гдѣ о приближеніи къ линіи его злодѣя или сволочи онаго увѣдано будетъ, то соединенными силами напавъ на нихъ истреблять, а особливо самого злодѣя поймать и пр. Во исполненіе котораго я на оные форпосты и командировался, и въ пріѣздъ мой на Кошъ-яицкой форпостъ сотникъ Породновъ меня рапортовалъ, что изъ Песчаныхъ хуторъ отставной казакъ Портновъ чрезъ нарочнаго ему далъ знать, что пріѣзжали къ нимъ въ хуторъ три человѣка казаковъ и объявили, что они изъ толпы злодѣя Пугачева и спрашивали, можно ли имъ явиться въ городъ; но какъ де отъ него Портнова было сказано, чтобъ ѣхали безъ всякаго опасенія, которые де тогда жъ отъ него и поѣхали, почему я того жъ часу въ тѣ хутора и командировался и отобравъ отъ помянутаго отставного казака по пріѣздѣ ихъ и паки въ предпринятомъ пути обстоятельствы, вслѣдъ отправился, но будучи въ томъ поискѣ при урочищѣ Чаганскаго яру того жъ Кошъ-яицкаго форпоста чрезъ нарочнаго казака, а къ нимъ по увѣдомленію съ Бударинскаго форпоста отъ есаула Чеснокова дано знать, что злодѣй самозванецъ Пугачевъ

съ своею шайкою приближается на Бударинской форпостъ, почему я, оставя за помянутыми казаками поискъ, тотчасъ обратилъ свой походъ къ предписанному Бударинскому форпосту, и продолжаясь во ономъ, по минованіи Коловертнаго яру, повстрѣчались мнѣ толпы реченнаго злодѣя, казаки: Яицкой — Федоръ Чумаковъ, Илецкой — Иванъ Твороговъ, а съ ними и предписанной Бударинской сотникъ Чесноковъ, которые объявили, что они ѣдутъ отъ своего государя, то есть отъ извѣстнаго злодѣя самозванца Пугачева въ Яицкой городъ съ раскаяніемъ, да и злодѣйскій самозванецъ у нихъ пойманъ и ведется, чтобъ его въ городѣ встрѣтили съ честію и отвели бъ квартиру; но я, видя какъ Чумаковъ рѣчи употребляетъ весьма сумнительныя тотчасъ снявъ съ него бывшую на немъ злодѣя Пугачева шашку съ серебряною оправою, съ Творогова саблю и съ обѣихъ по туркѣ (?) патронницу подъ серебромъ, сто сорокъ одну россійскихъ золотыхъ червонцевъ, серебряною монетою тринадцать рублевъ, потомъ его съ казакомъ Горбушинымъ къ Яицкому городку отправилъ, самъ паки къ Бударинскому форпосту помаршировалъ, но какъ приближился къ оному, уже наступила ночь, почему я не доѣзжая онаго остановился и для отобранія извѣстія командировалъ на тотъ форпостъ нарочныхъ, которые возвратясь рапортовали, что злодѣй самозванецъ съ толпою въ томъ форпостѣ находится, что̀ я получа паки на тотъ форпостъ въ тое злодѣйскую толпу, къ полковнику ихъ Фидулеву послалъ съ тѣмъ, если они ѣдутъ съ повиновеніемъ Ея Императорскому Величеству, то бъ злодѣя самозванца ко мнѣ хотя непримѣтнымъ шайкѣ его образомъ доставилъ, но онъ напротивъ того тѣмъ посланнымъ объявилъ, что они того злодѣя не отдадутъ, а поведутъ въ городъ сами, съ чѣмъ и предостался, и поутру на другой день какъ они съ нимъ злодѣемъ съ форпоста отправились въ путь, тогда и я напротивъ ихъ съ командою выѣхалъ, съ коими съѣхавшись данной мнѣ экземпляръ имъ объявилъ и притомъ паки его злодѣя, которой былъ у нихъ въ прежнемъ почтеніи и не связанной, отдачею себѣ требовалъ, однако они и при томъ отдать не отваживались и также объявили, что они его сами доставятъ; что̀ все я уважая, путь свой съ ними даже до Коловертной лощины и продолжалъ; но коснуться ему по великости ихъ толпы опасался, по прибытіи жъ на оную, уже осмѣлившись, во первыхъ съ помощію его злодѣйскаго полковника Фидулева снялъ съ него злодѣя одежу и притомъ его во обличеніе бывшихъ съ нимъ казаковъ рекомендовалъ, что онъ воръ, разбойникъ Донской казакъ Емелька Пугачевъ, а не государь, чѣмъ всѣмъ тѣхъ казаковъ отъ него злодѣя и отвратилъ и привелъ въ существенное раскаяніе и потомъ доѣхавъ до Кошъ-яицкаго форпоста взялъ отъ нихъ подъ свой караулъ и заклепавъ въ колодку къ вашему высокородію доставилъ; о чемъ симъ нижайше доношу. Сентября 15-го дня 1774 году.

33. Рапортъ Маврина князю П. М. Голицыну отъ 15 сентября.

Вверху надпись: „Получено 16 сентября 774 года въ маршѣ къ Яицкому городку“.

Вашему сіятельству за счастіе почитаю чрезъ сіе донесть, что государственной злодѣй Емелька Пугачевъ ко мнѣ въ руки доставленъ. Извергъ, по претерпѣніи величайшаго удара на нижней сторонѣ Царицына, въ нѣкоторомъ числѣ своей сволочи перебрался черезъ Волгу; тутъ держалъ сперва совѣтъ съ Яицкими казаками, коихъ у него еще оставалось 150, чтобъ пройти въ Сибирь и тамъ проливать еще потоки человѣческой крови; но способники его

туда не согласились, а подзывали въ Узени: сіе мѣсто такого положенія, кое всю мятежническую тварь въ себя вжираетъ, а потомъ уже отрыгаетъ пагубнѣйшими извергами естества человѣческаго. По многомъ супротивленіи злодѣй на то принужденъ былъ согласиться; а въ проѣздъ до того гнѣзда уговаривалъ сообщниковъ, чтобъ взбунтовать паки по нижней Яицкой дистанціи казаковъ, взять Гурьевъ, сѣсть на суда (хотя и не имѣлъ) и плыть моремъ въ неподвластныя Россіи орды, подбить оныя и паки вселиться въ сердце своего отечества (проговорился), его адъ отрыгнулъ для сроднаго жъ себѣ безчеловѣчія. Когда жъ пріѣхали въ Узени и нашли тутъ бѣглыхъ шпіоновъ, чрезъ коихъ удостовѣрились казаки, что въ Яицкомъ городкѣ по власти его, превосходительства Павла Сергѣевича Потемкина я властелинъ надъ злодѣями; и признаться вашему сіятельству долженъ, что многихъ злодѣевъ распустилъ безъ дальняго уваженія, а изъ нихъ же самыхъ и подговорилъ число не малое во всѣ стороны метаться и сказывать: если кто пріидетъ въ раскаяніе и ко мнѣ явятся, таковыхъ прощу, а кто Емельку свяжетъ, тотъ еще и награжденіемъ воспользуется. Промыслъ видно Божеской помогъ, что сіе точно подѣйствовало, и проникла милость, мною оказанная, раздачею оставшимъ здѣсь и злодѣйскимъ женамъ хлѣба, коимъ ѣсть нечего, и въ Узени; а злодѣи, то есть бывшіе при Пугачевѣ Яицкіе казаки, какъ видно, давно уже отъ очарованія Емелькина начали выздоравливать; поставя въ предметъ и то, якобы я и всѣхъ прощать могу, послали сперва отъ себя шпіоновъ въ городокъ точно о милосердіи извѣститься, а потомъ Емельку заарестовали, и по присылкѣ сперва адвокатовъ ко мнѣ просить о прощеніи, а потомъ и злодѣй при помощи отсель высланной команды, не въ важномъ числѣ состоящей, самъ въ величайшей колодкѣ ко мнѣ, можно сказать, на головахъ принесенъ. Спрашивать его успѣлъ только что на словахъ; сей злодѣй неустрашимъ ни мало, но отнюдь важнаго имя не употребляетъ; на спросъ мой съ перваго раза, какъ говорено было: что за человѣкъ? отвѣчалъ: Донской де казакъ Емельянъ Ивановъ сынъ Пугачевъ; а въ продолженіи дальнихъ разговоровъ говорилъ: что согрѣшилъ окаянной предъ Богомъ и Ея Императорскимъ Величествомъ и такъ далѣе.

Включаю вашему сіятельству просьбу для присылки солдатъ; оныхъ здѣсь весьма мало, а колодниковъ человѣкъ 200, да и еще ежечасно прибываютъ изъ бѣговъ; чаять же надобно, что злодѣй повезенъ будетъ отсель далѣе: такъ потребенъ и конвой. Болѣе вашему сіятельству по неимѣнію время распространить не могу, хотя и есть должность моя подносить обстоятельнѣйшія описанія; а спѣшу также и къ его сіятельству графу Петру Ивановичу Панину о семъ доносить; но какъ не знаю гдѣ изволитъ обрѣтаться, то покорнѣйше прошу, когда есть удобность, хотя копію съ онаго рапорта доставить, неравно отъ меня посланной замедлитъ.

Гвардіи капитанъ-поручтчикъ Савва Мавринъ.

Сентября 15 дня 1774 года.
Яицкой городокъ.

34. Рапортъ Маврина П. С. Потемкину отъ 15 сентября.

Вашему превосходительству имѣю счастіе донесть, что злодѣй Емелька сейчасъ посланною отъ меня партіею Яицкихъ казаковъ подъ командою сотника Харчева взятъ изъ рукъ его сообщниковъ, тѣхъ самыхъ кои его свя-

зали, и ко мнѣ представленъ. Описать того невозможно сколь злодѣй бодраго, духа, однакожъ безъ наименованія себя тѣмъ именемъ, коимъ до сего часа такъ дерзко себя называлъ. Не дѣлая ему, по скорости сего отправленія письменнаго допроса, а на словахъ выспрашивая, вначалѣ говоритъ, что виноватъ предъ Богомъ и предъ Ея Императорскимъ Величествомъ, и заслужилъ всѣ тѣ муки, кои на меня возложены будутъ, и снесу де ихъ за мое прегрѣшеніе терпѣливо; потомъ продолжаетъ исторію свою, ту самую, которая и чрезъ Яицкихъ казаковъ Закладнова, Караваева и Шигаева вамъ извѣстна. Имя Государя Петра Третьяго принялъ онъ на Таловскомъ уметѣ, въ домѣ пахотнаго солдата Степана Оболяева (онъ же и Еремина Курица). Изъ Казани ушелъ онъ при помощи бѣжавшаго съ нимъ купца Дружинина: сего купца малолѣтной сынъ на данныя отъ Емельки деньги купилъ лошадь съ кибиткою; а какъ сія была въ готовности, то отпросились изъ-подъ караула къ попу, и побывъ тамо, вышли на то мѣсто, гдѣ стояла лошадь, сѣли въ кибитку Емелька, Дружининъ съ сыномъ и два солдата, изъ коихъ одному несогласному къ побѣгу зажали ротъ, чтобы не кричалъ, и поскакали на Арское поле, гдѣ несогласнаго къ побѣгу солдата, остановясь, били на смерть, и оставя онаго на мѣстѣ, поскакали далѣе. Пріѣхали въ одну деревню, не помнитъ какую, гдѣ Емелька отъ товарищей своихъ ушелъ, и гдѣ они находятся, не знаетъ; жилъ у одного мужика шесть недѣль, покудова продолжались поиски; потомъ на имѣющіяся при немъ деньги (оныхъ было у него поболѣе 50-ти рублей собственныхъ, да собралъ въ разное время, въ тюрьмѣ будучи, отъ подаянія не помнитъ сколько, въ отобраніи жъ не были, а для чего не знаетъ) купилъ пару лошадей и пріѣхалъ на Таловской уметъ къ объявленному солдату, называющемуся Еремкина Курица, гдѣ и пришло ему въ голову принять на себя царское названіе, вѣдая притомъ въ Яицкомъ городкѣ несогласія между казаками, и разсудилъ склонить ихъ на свою сторону, въ чемъ и предуспѣлъ; а какъ сіе происходило, точно значится въ допросѣ Дениса Караваева; выговариваетъ при томъ смѣлыми словами, что онъ не столько виновенъ какъ Яицкіе казаки, ибо они хотя сперва и были нѣсколько увѣрены что онъ государь, но послѣ, уповаетъ, примѣтили его невѣжество, а особливо въ неумѣніи грамотѣ; также и въ смертныхъ казняхъ, кои у сего изверга были въ употребленіи, отводитъ главную причину на Яицкихъ казаковъ, какъ на первыхъ своихъ друзей, ибо противъ ихъ представленіевъ противиться онъ никакъ не могъ, и они до сего великаго зла его доводили своими разными доводами. Что жъ принадлежитъ до его предпріятіевъ завладѣть всѣмъ, въ томъ и самъ удивляется, что былъ сперва очень счастливъ, а особливо при началѣ, какъ онъ показался у Яицкаго городка, было только согласниковъ у него сто человѣкъ, а не схватили; почему и уповаетъ, что сіе попущеніе Божеское къ несчастію Россіи. Что жъ до намѣренія его итти въ Москву и далѣе, тутъ другихъ видовъ не имѣлъ какъ то: если пройдетъ въ Петербургъ, тамъ умереть славно, имѣя всегда въ мысляхъ что царемъ быть не могъ, а когда не удастся того сдѣлать, то умереть на сраженіи: вѣдь все де я смерть заслужилъ, такъ похвальнѣй быть со славою убиту. Въ Москву и въ Петербургъ шпіоновъ отъ себя никогда и съ никакимъ намѣреніемъ не посылалъ; равнымъ образомъ и посторонней помощи окромѣ своего ухищренія ни отъ кого не имѣлъ и получить не чаялъ, да и на что де мнѣ? я и такъ столько людей имѣлъ, сколько для меня потребно, только людъ не регулярной. Злодѣйскіе пасквили вмѣсто его подписывали по-русски писари его, а по-латыни и на другихъ языкахъ бывшій въ толпѣ его какой-то офицеръ, взятой въ плѣнъ изъ корпуса генерала-маіора Кара, думать надобно, что Швановичъ. Завтрашній день представлю его съ потребною предосторожностію предъ его способниковъ Яицкихъ казаковъ, кои, упова-

тельно, и по сю пору еще въ мысляхъ объ немъ очарованы, то есть тѣ, кои его вязали, какъ и изъ приложеннаго при другомъ рапортѣ допроса усмотрѣть изволите; а прочіе всѣ мною давно уже въ желаемыя мысли доведены и никакъ въ нихъ не сумнѣваюсь. Въ заключеніи сего злодѣй уповаетъ и на милосердіе Ея Величества, говоря при томъ, что онъ слуга доброй, и заслужить всячески въ состояніи. Будьте, ваше превосходительство, увѣрены, что всякаго рода предосторожности отъ меня въ содержаніи его сохранены будутъ, а къ тому и поступки въ обхожденіи съ нимъ яко съ точнымъ злодѣемъ присовокупятся, дабы злую заразу, елико есть возможность, истребить въ легковѣрномъ здѣшнемъ народѣ.

Подноситель сего посланъ отъ меня былъ на встрѣчу, какъ везли въ городъ злодея, и малой весьма усердной, коего въ протекцію вашу подвергаю.

Гвардіи капитанъ-поручикъ Мавринъ.

Сентября 15 дня 1774 года.
Яицкой городокъ.

35. Рапортъ Симонова князю Голицыну отъ 15 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 16 сентября 1774 года въ маршѣ къ Яицкому городку".

Повелѣніе вашего сіятельства отъ 8 сего и съ приложеніемъ дубликата отъ 6-го чрезъ казака Коровина получитъ сей день, а какъ онаго дубликата на оригиналъ чрезъ присланныхъ тогда Яицкихъ казаковъ Сомоева и Антонова, обратно къ вашему сіятельству отсель отправленныхъ, отъ 10 сего жъ я уже репортовалъ, то уповаю исправно и получить изволили.

Равно же и въ касательномъ до злодѣя Пугачева, что онъ теперь содержится подъ крѣпкимъ карауломъ въ оковахъ, объ ономъ чрезъ посланной сего числа рапортъ ваше сіятельство потому жъ изволите быть извѣстны; точію къ дополненію сего представляю копію съ рапорта сотника Харчева, которой отъ меня по повелѣнію вашего сіятельства въ числѣ 50 человѣкъ казаковъ отправленъ былъ на нижніе Яицкіе форпосты (коимъ образомъ онъ разбойника Пугачева подъ караулъ свой взявъ, сюда доставилъ), а также и со сказки присланнаго предъ тѣмъ отъ него Харчева со словеснымъ рапортомъ казака Ивана Косарева, по коей и отправленнаго отъ меня для поспѣшнаго привозу сего злодѣя съ рапорта сержанта Бардовскаго; и какъ Харчевъ съ командою, такъ и сержантъ Бардовской по справедливости заслуживаютъ по мѣрѣ службы своей милостиваго вашего сіятельства покровительства, коихъ въ благоволеніе чрезъ сіе съ покорностію и представляю. Изверга жъ Пугачева шайка, составляющая число изъ однихъ здѣшнихъ казаковъ 114 человѣкъ, потому жъ командою реченнаго сотника Харчева въ сей день сюда доставлена и въ ретрашаментѣ подъ карауломъ содержится.

Что жъ касается до Киргизцовъ то ихъ воровскія покушенія не умолкаютъ: какъ то подъ случай сей прибывшій сюда изъ Оренбурга съ почтою здѣшній казакъ Мостовщиковъ сказкою объявилъ: со оной у сего копію представляю.

А какъ по начавшемуся теперь здѣсь спокойствію и въ разсужденіи по городу великаго недостатка въ хлѣбѣ, которой принуждено награждать изъ

казеннаго и роздано уже близь тысячи четвертей: не соизволите ль ваше сіятельство повелѣть въ окрестныя присутственныя мѣста, дабы охочіе люди на продажу сюда хлѣбъ везли.

Полковникъ Иванъ Симановъ.

Сентября 15 дня 1774 года.

Изъ Яицкаго ретрашамента.

36. Рапортъ Симонова Суворову отъ 16 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 16 сентября 1774 г."

Вашего высокопревосходительства ордеръ, пущенной отъ 15 сего, съ достодолжнымъ почтеніемъ получилъ 16 числа, по коему во исполненіе нижайше доношу, что государственной воръ и злодѣй Пугачевъ теперь содержится у меня въ ретраншаментѣ подъ крѣпкимъ карауломъ въ оковахъ, которой на 15 число въ самую полночь сюда чрезъ сотника Харчева доставленъ, а какимъ образомъ онъ получилъ сего изверга, съ рапорта у сего копію представляю [1]) впрочемъ по городу тишина и вчерашній же день злодѣя Пугачева шайки 114 человѣкъ здѣшнихъ казаковъ того жъ сотника командою сюда доставлены, кои всѣ содержатся подъ карауломъ; а засимъ благополучнаго прибытія вашего превосходительства имѣю съ вожделѣннымъ усердіемъ ожидать.

Полковникъ Иванъ Симановъ

Сентября 16 дня 1774 года.

Изъ Яицкаго ретрашамента.

37. Рапортъ Суворова графу Панину отъ 16 сентября.

Подлинныя, полученныя мною при моемъ приближеніи сюда, вашему высокографскому сіятельству прилагаю. Не уповаю, чтобъ вашему высокографскому сіятельству противно быть могло, когда я выпроваженіемъ отсюда разбойника Пугачева поспѣшу. Л. гвардіи капитанъ-поручикъ Мавринъ увѣрилъ меня, что послѣзавтра до него дѣла не будетъ. Между тѣмъ натянетъ сюда оставшая назади меня большая часть отъ деташемента г. Меллина, коему я, какъ и г. Михельсону, о поспѣшности предписалъ. Сему послѣднему (не имѣю отъ него извѣстія, кромѣ что изъ близости еще Царицына) здѣсь оставлю я ордеръ, чтобъ онъ уже времянно, впредь до повелѣнія, съ его деташементомъ здѣсь и околичностяхъ оставался, приводя край сей въ послѣднее успокоеніе. А самъ я съ деташементомъ г. Меллина, Яицкимъ старшиною маіоромъ Бородинымъ и Донскимъ полковникомъ Иловайскимъ, намѣренъ взять поспѣшную дорогу на Сызранъ степью во ожиданіи дальнѣйшаго повелѣнія вашего высокографскаго сіятельства, уповая вашей особѣ обрѣтаться тамо не въ отдаленности. Въ предосторожность предписалъ я г. генерелъ-маіору Мансурову приказать занять Сызранъ достаточною командою, ежели иныхъ войскъ тамо нѣтъ, и учинить тамо чрезъ Волгу перевозъ множественнымъ числомъ судовъ исправныхъ. Отъ здѣшняго коменданта г. полковника Симанова мнѣ объявлено, что и г. генералъ-маіоръ князь Голицынъ сюда же слѣдуетъ. Разбойникъ Емелька Пугачевъ всѣмъ здѣсь явно и добровольно признался.

Генералъ поручикъ Александръ Суворовъ.

Ч. 16 сентября 1774 году.

Яицкой городокъ.

---

[1]) См. № 31.

38. Рапортъ князя П. Голицына графу Панину отъ 17 сентября.

Сіятельнѣйшій графъ,

Милостивый государь!

Изъ послѣдняго моего репорта отъ 15 сего сентября, препровожденнаго съ маіоромъ Пушкинымъ, ваше сіятельство изволили извѣститься о поимкѣ злодѣя Пугачева. А послѣ сего отправленія каковы получилъ я репорты отъ Яицкаго коменданта полковника Симонова и лейбъ-гвардіи отъ капитана поручика Маврина, оныя при семъ въ оригиналѣ имѣю честь представить, изъ которыхъ ваше сіятельство изволите усмотрѣть, что оный извергъ привезенъ уже въ сей городокъ.

И такъ я для должныхъ потому учрежденій поспѣшилъ сюда прибыть въ минувшую ночь. Но поелику его превосходительство Александръ Васильевичъ Суворовъ находится уже здѣсь, и къ надлежащимъ распоряженіямъ приступилъ, то въ разсужденіи окончившихся теперь уловленіемъ помянутаго варвара всѣхъ несчастій и бѣдствій, пользуясь я симъ благополучіемъ, отправляюся въ Синбирскъ, и тѣмъ самымъ исполню повелѣніе вашего сіятельства, во многихъ ордерахъ мнѣ предписанное, чтобъ прибыть въ генеральную вашу квартиру.

Впрочемъ имѣю честь чрезъ сіе повторить покорнѣйшее мое вашему сіятельству поздравленіе съ настоящимъ благоуспѣшнымъ происшествіемъ, въ самомъ существѣ прекращающимъ всѣ бывшія внутреннія неустройства и злоключеніи, и пребуду съ совершеннымъ высокопочитаніемъ

Вашего сіятельства

Милостиваго государя

всепокорнѣйшій и вѣрный слуга

Голицынъ.

17 сентября 1774 г.

Яицкой городокъ.

Слѣдующая засимъ бумага составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ, которые должны быть въ виду историка при обсужденіи безпорядковъ, происходившихъ между Яицкими казаками передъ Пугачевскимъ бунтомъ. Произведенное Мавринымъ слѣдствіе было тогда же изложено имъ въ подробномъ отчетѣ, представленномъ Потемкинымъ въ подлинникѣ при настоящемъ донесеніи. Этотъ отчетъ уже напечатанъ во II томѣ *Памятниковъ новой русской исторіи* (стр. 251—285). Донесеніе П. Потемкина служитъ существеннымъ къ нему дополненіемъ. Помѣщенныя при этомъ донесеніи подстрочныя примѣчанія принадлежатъ къ составу подлинной бумаги.

39. Донесеніе П. С. Потемкина Императрицѣ отъ 15 сентября.

Всепресвѣтлѣйшая державнѣйшая Великая Государыня Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица Всероссійская,

Государыня Всемилостивѣйшая!

При отправленіи меня къ секретной комисіи, въ данной мнѣ инструкціи Ваше Императорское Величество повелѣть соизволили изслѣдовать начальныя причины родившагося возмущенія въ Яицкихъ казакахъ, яко виновниковъ толь великаго зла. Но понеже по перемѣнившимся обстоятельствамъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, что я изъ Казани отлучиться не могъ, то для изслѣдованія вредныхъ источниковъ мятежа Яицкихъ казаковъ посланъ былъ отъ меня съ надлежащимъ наставленіемъ гвардіи Вашего Императорскаго Величества капитанъ порутчикъ Мавринъ. Сей достойный и ревностный къ службѣ Вашего Величества офицеръ, сбирая всѣ обстоятельства, по-елику могъ за разграбленіемъ всѣхъ дѣлъ и по причинѣ, что главнѣйшіе сообщники злодѣйскаго умысла погибли, изслѣдовалъ оное, которое слѣдствіе въ оригиналѣ Вашему Императорскому Величеству на Высочайшее разсмотрѣніе подношу, дерзая при ономъ, яко вѣрный подданный Вашего Величества, пріобщить къ докладу слѣдующее:

Сколь ни злодѣйственны замысли были Яицкихъ казаковъ, о чемъ Ваше Императорское Величество изъ допросовъ Чики и Ульянова усмотрѣть изволите, сколь ни пагубны дѣянія ихъ, но какъ каждое дѣйствіе имѣетъ въ приключеніяхъ причины, то и въ ономъ богопротивномъ злѣ усмотрите пріуготовленные къ оному злѣйшему произведенію зла издавна, пути и способы.

Ваше Императорское Величество изволите вѣдать, что начало и происхожденіе Яицкихъ казаковъ было, такъ сказать, гнѣздо разбойниковъ, причиняющихъ многимъ грабежи и погибель. Яицкіе казаки изъ давныхъ лѣтъ поселеніе имѣли въ Яицкомъ городкѣ, и владѣютъ правымъ берегомъ рѣки Илека до самаго Каспійскаго моря, со впадающими въ оную рѣками и протоками. А какъ грамоты на всѣ ихъ выгоды съ давнихъ лѣтъ утрачены; то и невозможно знать, какія точно съ начала самого имѣли они привилегіи. Они объявляютъ, что отъ самыхъ древнихъ временъ, по образу ихъ нарѣчія, имъ Яицкимъ казакамъ крестомъ и бородою невозбранно пользоваться пожаловано отъ царей, но бывало ли когда о крестѣ и бородѣ въ грамотахъ упоминаемо, неизвѣстно. Ибо они грамотъ не имѣютъ, а утверждаютъ сіе яко раскольники и въ невѣжествѣ самымъ грубымъ образомъ погруженные люди. Обряды Яицкихъ казаковъ суть людей праздныхъ, буяновъ, къ пьянству и грабежамъ склонныхъ; поелику природа ихъ отъ того проистекаетъ, и смежность съ Киргизцами ко взаимному грабительству пріучаетъ. Хлѣбопашества вовсе они не имѣютъ, да и совершенно исправлять оное не могутъ, привыкнувъ къ праздности и пріобрѣтая деньги гораздо легчайшими способами, пользуясь рыбною ловлею, приносящею имъ величайшій прибытокъ. Служба ихъ состоитъ охранять простирающуюся по Яицкой линіи, начиная отъ Иртецкаго форпоста [1]) до самаго Каспійскаго моря; въ сихъ форпостахъ содержали они безсмѣнно 1000, да въ Гурьевѣ городкѣ 100 человѣкъ, изъ коихъ послѣдніе

---

[1]) У сего форпоста оканчивалось расположеніе драгунскихъ полковъ, стрегущихъ таковже линію отъ самой Звенигородской и до Разсыпной крѣпости.

получают по сенатскому указу по 20 рублей на человѣка въ годъ. Сверхъ онаго въ 769 году отправлено изъ нихъ въ Кизляръ 500 казаковъ [1]), которые и понынѣ тамъ находятся, но и остальные должны были всегда выходить на службу, когда будетъ указано. Но сіе, какъ видно, неохотно они исполнять желали. Жалованье имъ присылалось на все войско ежегодно, по переписи, учиненной полковникомъ Захаровымъ въ 723 году, полагая на состоящихъ въ то время на 3189 человѣкъ 1500 рублей, а хотя по послѣднимъ переписямъ людей являлось и болѣе, но жалованья производимо было то же число. Оную жалованную сумму принимая яко милость Монаршую со всѣмъ должнымъ благоговѣніемъ, раскладывали они поровну на всѣхъ; да за хлѣбъ на толикое же число людей опредѣлялось на каждаго человѣка, не исключая и старшинъ, по осминѣ. За сіе выдаваемо было имъ деньгами, по справочной цѣнѣ съ продажи хлѣба въ Самарѣ, а потому и получали Яицкіе казаки за хлѣбъ деньгами неровное число, но и слагая съ жалованьемъ сію дачу, то никогда выше рубля каждому приходить не могло.

Будучи вѣрны Россійской коронѣ, нерѣдко, какъ сказывали они, искали подтвержденія себѣ грамотъ на всѣ ихъ привилегіи. Управлялись они войсковымъ атаманомъ и старшинами, коихъ они сами въ общемъ кругу всего народа общимъ приговоромъ избирали, что́ хотя отъ нѣкоторыхъ временъ и начали у нихъ изъ употребленія выводить, но до желаннаго предмета весьма не доведено, ибо какъ на многія ихъ просьбы бывали снисхожденія, то всѣ новыя учрежденія не только не оставались безъ дѣйствія, но и безпокойныя головы самымъ тѣмъ воспользоваться умѣли: раздражая народъ, старались внушать онымъ неудовольствія. Всякое повелѣніе не исполнивъ, посылали они просителей въ Петербургъ, а тѣмъ своевольство и непослушаніе вящше и вящше вкоренилось въ сердца буяновъ, имѣющихъ правила, основанныя на сущемъ расколѣ, который въ Яицкомъ народѣ находится въ высшемъ градусѣ и требуетъ особливаго вниманія яко корень всего зла и невѣжества. Главные начальники, какъ то: войсковой атаманъ и всѣ старшины, суть равные невѣжды и суевѣры. А понеже всѣ важныя дѣла и самые старшины (какъ выше показано) рѣшились и выбирались по общимъ въ кругу голосамъ, то и стоило дерзостному буяну, прибавя къ себѣ нѣсколько подобныхъ буяновъ и крича во все горло, воспротивиться благонамѣренному учрежденію и одержать сторону сумасброднаго мнѣнія. А симъ образомъ правленія были они къ должному повиновенію высшей власти неспособными, потому что всякое отъ высшаго начальства полученное повелѣніе должно было объявить собранному войсковому кругу, который, выслушавъ рѣшилъ общимъ голосомъ *любо намъ*, или *нелюбо*, и естьли скажутъ *не любо*, то уже оставалось безъ исполненія, правительству же приносили отговорки, вымышляя на то разныя невозможности. Симъ-то пользуясь, взбродныя головы ради разныхъ видовъ умѣли въ народѣ заводить вражды и несогласія; ихъ старшины и начальники корыстолюбіемъ причину подали къ пущему несогласію, а судіи, не возгнушаясь, какъ видно, также де корыстію, допустили распространяться злу и довершить оное.

Я уже имѣлъ честь Вашему Императорскому Величеству выше сего упомянуть, что войско Яицкое получало изъ казны жалованье и принимало оное со всякимъ должнымъ благоговѣніемъ, доколѣ раздѣлялось оное жалованье по рукамъ; но какъ при атаманѣ Бородинѣ ввелось отъ злоупотребленія, что деньги получаемыя на жалованье зачитали въ уплату взятаго вой-

---

[1]) Сія пятисотенная команда отправлена, когда уже зло готовилось воспламениться, но дышало подъ спудомъ.

скомъ на откупъ Гурьевскаго учуга и прочихъ войсковыхъ расходовъ, то и потеряли почтеніе, которое до того сохраняли свято яко къ Монаршей милости.

Расходы войсковые суть разны, а именно: подмога посылаемымъ съ Яика станицами въ столицу въ награжденіе повѣренннымъ, плата остающимся, во время рыбной ловли, для карауловъ и охраненія городка казакамъ и проч. Сіе установленіе по общему приговору въ войсковомъ кругу послѣдовало, и платили въ войсковую казну съ привозимой рыбы, какъ въ изслѣдованіи Ваше Величество усмотрѣть соизволите, а за тѣмъ сборы: 1-й за соляной откупъ десятая рыба; 2-й съ продажи вина, а 3-й съ вѣсовъ, на которыхъ пріѣзжающіе съ хлѣбомъ мужики муку и прочее вѣсятъ. Всѣ вышеписанные сборы долженствовали, по установленію, вступать въ войсковую сумму, изъ коей всѣ такожде и расходы употреблялись. Но сколь велико число вступало въ приходъ денегъ, того по дѣламъ бывшей войсковой канцеляріи отыскать не могли; не меньше извѣстно, что расходъ былъ употребляемъ безпорядочно, ибо атаманъ съ старшинами сбираемыми деньгами пользовались по прихотямъ своимъ, такъ что иногда и на самые нужные для войска расходы денегъ недоставало. Наконецъ дошло уже, что съ прошлаго 766 года не стали производить казакамъ жалованье по 770 годъ, отговариваясь всегда, что за чрезвычайными войсковыхъ нуждъ расходами войсковая канцелярія онаго выдавать не могла; войско потребовало отъ старшинъ во всѣхъ сборахъ отчету, но не получило онаго: сіе было первымъ основаніемъ неудовольствія между войскомъ и старшинами. А между тѣмъ атаманъ и старшины чрезъ происки стали выводить въ чиновные сродственниковъ своихъ и согласныхъ себѣ, прибирая и умножая дл корыстей партіи, а примѣтя и почувствуя притѣсненія старшинъ, войсковая сторона начала оказывать негодованіе. Непріятели атаманскіе, усматривая способные случаи, внушали простакамъ, что старшинская сторона ихъ обидитъ раздражали сердца, неудовольствіемъ тронутыя, судили дѣла и поступки старшинъ, увеличивали разсказами доходы; исчисляли незаконныя издержки, противили умы къ безпокойству и злобѣ. Такимъ образомъ произрастала межд начальниковъ и войсковой стороны ненависть, и какъ отъ сей, такъ и атамана Бородина (который умре), завелись ябедники и непослушаніе корень сво положило. Сказанные ябедники начали ѣздить въ столицу, собирая съ войска на расходы деньги. Атаманъ съ старшинами, для защищенія своего сбирая также деньги, приносили жалобу на ослушниковъ, обѣ стороны питали мздоимцовъ; настоящаго изслѣдованія не исполнено, виновные прямо не были наказаны, а злость цѣль свою возымѣла далѣе.

Между раздорами, бывшій старшина Иванъ Логиновъ (сосланъ въ ссылку) [1], пославъ на лѣтнюю ловлю рыбы, именуемую по обычаю Яицкаго войска *плавнею* своихъ сообщниковъ, велѣлъ казакамъ внушать и уговаривать, чтобъ возвратяс къ городу съ рыбою, положеннаго по войсковымъ голосамъ денежнаго сбор въ казну не платили [2]; а дабы основательнѣе къ сему непослушанію найтить предлогъ, то раствердить онъ умѣлъ народу, что атаманъ на платежъ обыкновенныхъ войсковыхъ расходовъ и безъ того денегъ имѣетъ довольно и что онъ, атаманъ, и въ тѣхъ еще деньгахъ отчету, по требованію войска, не далъ [3].

[1]) О семъ значится въ допросѣ Кандашцева подъ № 3.

[2]) Сей сборъ чинимъ былъ, когда войско возвращалось съ рыбою въ городокъ.

[3]) Ясно видно, что сей Логиновъ дѣлалъ таковое возмущеніе, желая мстить атаману, но сколь ни дурно дѣлалъ Логиновъ, не меньше дурной примѣръ оказалъ атаманъ, не принявъ указа военной коллегіи о пожалованіи сего Логинова въ стар-

Сіе намѣреніе перваго начальника (Логинова) раздоровъ совершенный успѣхъ возымѣло, да и могла ль корысть не возбудить сердца простыхъ людей, когда оная лучше, нежели казаковъ, ослѣпляетъ? какъ только войско, ѣдущее съ рыбной ловли, начало показываться близко къ городку, то сей коварный возмутитель *Логиновъ* выѣхалъ встрѣчу къ войску и кричалъ, чтобъ войско сбору обыкновеннаго съ возовъ не платило, что онъ, будучи самъ старшиною, точно вѣдаетъ о числѣ денегъ, находящихся въ сборѣ и безъ того со избыткомъ, и утверждалъ, что новый сборъ атаманъ Бородинъ дѣлаетъ только къ разоренію ихъ, не давъ и въ прежнихъ расходахъ войску отчета. Слова сего плута приняты были гласомъ ангельскимъ, и войско, будучи, какъ видно, заранѣе пріуготовлено, а притомъ видя случай отбыть отъ платежа, согласилось на оныя и денегъ платить отреклось. Атаманъ *Бородинъ*, узнавъ о упорствѣ войска, со всѣми старшинами выѣхалъ, но не только не поступилъ съ приличною важностію начальника, дабы, не дѣлая непристойнаго шума, объявить войску, что непослушаніе ихъ произведетъ непріятныя слѣдствія, растолковать бы имъ, сколь важное есть преступленіе не повинующихся начальству, обѣщая имъ дать чистой отчетъ, чего всякой человѣкъ честный и требовать долженъ, чтобъ тѣмъ лучше отъ подозрѣнія быть избавлену; но онъ, Бородинъ, по видимому не о совѣсти, но о деньгахъ помышлялъ, и встрѣтясь съ войскомъ, началъ браниться съ старшиною Логиновымъ, и мысля подкрѣпить всякой изъ нихъ свое право непристойной бранью, безъ всякаго должнаго разрѣшенія онаго разъѣхались. А войско, не заплатя сбору, въѣхало въ городокъ, будучи исполнено признаніемъ къ Логинову и почитая его своимъ защитникомъ.

Тогда по вящшимъ причинамъ атаманъ *Бородинъ* началъ набирать къ себѣ единомысленниковъ, дабы по его мнѣнію изобличить ослушниковъ, по самому существу дѣла, такъ сказать, перекричать войсковую сторону. А напротивъ того Логиновъ, будучи пронырливъ, внушилъ правость требованія войсковой стороны и умножилъ еще сообщниковъ. Такимъ образомъ каждый отъ себя послали въ военную коллегію протесты, а чтобъ большее найтить преимущество, то каждая сторона старалась послать большее число денегъ. Позвольте, Всемилостивѣйшая Государыня, остановиться мнѣ на семъ словѣ. Получая оныя свѣдѣнія, вострепетала во мнѣ душа, что въ премудрое правленіе Вашего Императорскаго Величества, дерзнули дать проискамъ убѣжище, ибо по просьбѣ обоихъ сторонъ выходило такъ, что не истину мыслили защитить и наказать преступленіе, но держали равновѣсіе между обоихъ причинъ, а тѣмъ-то и поострили каждую сторону къ грубой враждѣ.

Первый для разбирательства ихъ тяжбы посланъ былъ 762 генералъ-маіоръ *Брахвильтъ* и полковникъ *Ушаковъ*: оные разбиратели не учинили никакого рѣшенія; чрезъ то войсковая сторона возмнила, что они похлебствовали старшинамъ. Брахвильтъ и Ушаковъ невѣдомо по какой причинѣ были отосланы, а на ихъ мѣсто присланъ былъ въ 763 году генералъ-маіоръ Потаповъ; сей сдѣлалъ войску кругъ, отдѣлилъ старшинскую сторону отъ войсковой, переписалъ просителей поимянно, а симъ самымъ какъ будто сказалъ имъ, что войско должно быть раздѣлено, но естьли бы помянутый генералъ-маіоръ,

---

шины. Въ самомъ дѣлѣ, чудно, что военная коллегія могла пожаловать въ старшины такого человѣка, который не только съ одобреніемъ голосовъ пріѣхалъ (какъ то всегда у нихъ бывало), но и безъ всякаго отъ начальства вида; но какъ бы то ни было войско озорничало противу старшинъ, а атаманъ не повиновался указу военной коллегіи.

не переписывая именъ, рѣшилъ дѣло, поелику самая истина путь открывала, и наказавъ винныхъ, защитилъ бы правость, то все смущеніе было бы тогда окончено. Я не смѣю подумать, чтобы было какое поползновеніе отъ человѣка, удостоеннаго такой повѣренности, но какія бы ни были причины, неосторожность оная утвердила вкорененную давно между обоихъ сторонъ ненависть, и Яицкіе казаки раздѣлились явно на двѣ партіи, которыя, дѣлая многимъ указамъ противности и ослушанія, назывались наконецъ и симъ ненавистнымъ наименованіемъ, старшинская сторона *послушною*, а войсковая *непослушною*. Но какъ возможно было помыслить, чтобы такое гнусное названіе терпимо было подъ скипетромъ Великія Екатерины?

Генералъ-маіоръ *Потаповъ*, производя слѣдствіе, въ которомъ, какъ извѣстно мнѣ отъ капитана-порутчика Маврина, точно значится, что атаманъ Бородинъ и прочіе старшины изобличены были въ употребленіи непозволеннымъ образомъ до 10.000 рублей; и по самому екстракту о винныхъ видно, что атаманъ Бородинъ, въ бытность неоднократно въ Петербургѣ, истратилъ оные якобы для исходатайствованія въ пользу войсковую поводомъ изъ Сибири тысячной команды, а 500-мъ человѣкамъ отпускъ въ домы; да на прочія казацкія выгоды 3944 рубли. Кому жъ тѣ деньги подарены, того комисія Потапова не вывела, а для чего, неизвѣстно. А какъ нынѣ того Бородина на свѣтѣ нѣтъ, то уже и свѣдѣнія сего сыскать не можно, но сверхъ того онъ же, часто поминаемой атаманъ Бородинъ, употребилъ войсковой казны, по множеству мелочныхъ расходовъ, не малую сумму, и по видимому точно въ свою пользу. По дѣламъ означается, что содержалъ онъ соляной откупъ въ своемъ вѣдомствѣ три года, не давая въ томъ никакого отчету, и хотя собираемыхъ въ оной откупъ денегъ не только на заплату учужнаго, но и солянаго откуповъ, казалося быть довольно, не смотря на то, налагали еще на народъ сборы; сіи сборы хотя народу не весьма были тягостны, но замерзѣлыя души грубостію и буйствомъ Яицкихъ казаковъ, имѣли предлогомъ себѣ называть всякое повелѣніе притѣсненіемъ и обидою, а старшины и слѣдователи не только не разрушили узы, спутующія совѣсти непослушныхъ, но болѣе и болѣе подавали на то причины.

Бывшій войсковой есаулъ, что́ нынѣ старшиною *Акутинъ*, также по бытности своей въ Москвѣ истратилъ 2220 рублей $34^1/_4$ копѣйки, а куда и кому въ наполненіе кошелька, не сказано, и нынѣ на вопросъ отвѣтствовалъ, что онъ сіи деньги употребилъ въ пользу войска и удовлетворилъ жаждущія души корыстію, а кого дарилъ, за многопрошедшимъ временемъ не упомнитъ, но большою частію секретарямъ и подьячимъ. За сіи подарки выходилъ онъ на волжско-учужной откупъ, содержанной до того астраханскими купцами, тою же суммою исходатайствовалъ и соляной сборъ въ вѣчное содержаніе. На сіе смотря, и всѣ уже старшины, кто только могъ подписывать приговоры о расходѣ денегъ, расточали войсковую сумму въ пользу прихотей своихъ: сіи траты столь превзошли мѣры, что господинъ *Потаповъ*, норовя старшинамъ (какъ то видно изъ его жъ слѣдствія), приговорилъ однакожъ атамана лишить чиновъ и атаманства на годъ. А деньги разочтя съ его части взыскать, равно всѣхъ старшинъ, похитившихъ народную казну, положилъ наказать лишеніемъ чиновъ и взысканіемъ съ нихъ расхищенныхъ денегъ. За сіе опредѣленіе войско, не смотря на прочее, полюбило *Потапова* и почитало его совершенно честнымъ человѣкомъ и благодѣтелемъ своимъ.

Напротивъ того, выбранные отъ старшины Логинова и двухъ тысячъ восьмисотъ казаковъ повѣренные, до 40 человѣкъ, для доказательства на Бородина въ беззаконныхъ расходахъ, хотя и доказали ясно справедливость иску своего и что атаманъ со старшинами корыстовался ихъ деньгами, одна-

кожъ г. *Потаповъ*, не мысля, какъ видно, о пользѣ службы и правотѣ, подвергнулъ ихъ строгому наказанію; но не за ту наглость *Логинова* и за непослушаніе войска, за которыя наказать было должно и которыя въ самодержавномъ правленіи терпимы быть не могутъ; а прямо, какъ видно, изъ пристрастія, ибо онъ началъ свою сентенцію такъ: „что всѣ вышеписанные, то есть Бородинъ съ товарищи, впали въ преступленія до Всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества 762 сентября 22 дня указа“, описывая при томъ, якобы винность атамана и прочихъ его сообщниковъ не такая была, „чтобъ они нагло или изъ корысти должность свою презрили, а только де оказались въ опущеніи войсковой экономіи, и нѣсколько напрасно ее тратили, да и то де большею частію на исходатайствованіе для общества полезныхъ привилегій“. Коль поносно для человѣка такого званія сказать сіе послѣднее слово, какъ будто привилегіи не иначе, какъ деньгами, покупать должно! Симъ мнѣніемъ г. Потаповъ подалъ поводъ военной коллегіи въ винахъ учинить послабленіе, какъ ниже сего Ваше Величество усмотрѣть соизволите. Но непостижимо мнѣ то, какъ военная коллегія могла снести слово, что тратятъ казаки деньги на исходатайствованіе привилегій. Потомъ продолжаетъ г. Потаповъ, „да послѣ де Всемилостивѣйшаго указа впали въ преступленія“: рѣчь сія заключаетъ разумъ, что сіи послѣдніе оказались виновными, то есть всѣ просителевой стороны доказатели и подлежатъ жестокому наказанію. А потомъ начинаетъ описывать преступниковъ съ казака Андрея Осипова и старшины Ивана Логинова (сего горлана, который возбудилъ развратъ въ войскѣ, но праведно однакожъ искалъ разграбленной казны), присуждаетъ его къ множеству смертей, выписка выводитъ его вину съ 752 году и для большаго уваженія его преступленій росписалъ оныя въ 95-ти пунктахъ, изъясняя послѣ, что онъ возмутилъ войско (чтó и справедливо), а что доказалъ онъ непозволенную трату атаманомъ войсковыхъ денегъ, о томъ не упомянулъ ни слова, чего ради и приговоренъ сей *Логиновъ* въ кнуту, и вырѣзавъ ноздри, отосланъ на каторгу. Старшину Алексѣя *Митрясова* (оной Митрясовъ умре), якобы помощника Логинова, написать въ казаки; сего вины ни мало не значится, ибо онъ въ противности и въ ослушаніи не оказался, а только доносилъ въ тратѣ денегъ, въ чемъ и самъ Бородинъ признался. Сверхъ того положено взысканіе съ Митрясова денегъ, хотя совсѣмъ не въ той матеріи, о чемъ процесъ шелъ: положено за то, что нерачительно надзиралъ войсковые расходы, а онъ самъ на атамана въ томъ доносилъ. Съ ними жъ приговорены многіе сотники подъ кнутъ и подъ плети, кои подписались подъ челобитныя, а они, какъ утверждаютъ казаки, грамотѣ не знали. Положа такову сентенцію, г. Потаповъ отъѣхалъ въ Петербургъ, оставя при войскѣ начальникомъ премьеръ-маіора Романа *Новокрещенова*; когда жъ въ военной коллегіи послѣдовала конфирмація, то исполненіе по оной досталось чинить оному Новокрещенову.

Сколь ни пристрастно г. Потаповъ прибиралъ дѣло, но конфирмаціею видно еще больше погрѣшено, и хотя велѣно Бородина лишить атаманства, оставя ему чины, но о числѣ имъ издержанной суммы (которая не вся и въ перечень положена) не упомянувъ ни слова, что оныя деньги, по бытности въ Петербургѣ, безъ отчету *Бородинымъ* издержаны, взыскать велѣно съ него Бородина только третью часть, ссылаяся паки на Высочайшій 762 года Вашего Императорскаго Величества указъ, который до избавленія *Бородина* и его сообщниковъ въ расхищеніи войсковой казны ни мало не принадлежалъ, ибо тѣмъ указомъ прощаются казенныя, а не партикулярныя взысканія, да и то таковыя только, кои невѣдѣніемъ погрѣшили и кои дѣйствительно платить не въ состояніи начетовъ, а войсковыя деньги отнюдь не были казенныя, но точно войсковыя и разобранныя такъ сказать по карманамъ. Да и похитители

оной казны были тогда всѣ на лицо и могущіе заплатить взятое! Потомъ опредѣлено старшину *Мостовщикова* (который умре), не лишая чину, отставить отъ службы: онъ, *Мостовщиковъ*, какъ означилось до сего еще опредѣленія, самъ отставки просилъ. Войсковаго дьяка *Суетина* (при убійствѣ Траубенберга отъ мятежныхъ казаковъ убитъ) написать въ есаулы и взыскать съ него 1 руб. 25 копѣекъ, хотя сей *Мостовщиковъ*, будучи секретаремъ, больше всѣхъ воровалъ и обманывалъ не только войско, но и старшинъ безграмотныхъ; прочимъ же старшинамъ подтверждая въ сходствіе Всемилостивѣйшаго указа 762 года, лишить велѣно по одному чину, и то таковыхъ, кои къ козачьей службѣ были способны, а кто продолжать оную былъ не въ состояніи, тѣхъ оставить тѣми же чинами (всѣхъ оныхъ нынѣ въ живѣ нѣтъ), въ числѣ коихъ былъ есаулъ *Акутинъ*, издержавшій въ Москвѣ помянутую не малую денежную сумму, и приговоренъ былъ къ такому жъ наказанію, а объ издержанныхъ въ Москвѣ деньгахъ паки ни слова не сказано.

Коль скоро сія конфирмація въ Яицкомъ городкѣ получена, тогда корыстолюбивой душѣ маіора *Новокрещенова* была совершенная пища; а какъ конфирмація имѣла двоякій смыслъ: напримѣръ, *буде старшина годенъ продолжать службу, то лишить по одному чину, да и то естьли казаки того хотятъ, а кто негоденъ, такого старшиною въ отставку отпустить*, то и явилась оная конфирмація въ пользу жаждущему корыстію *Новокрещенову*, тѣмъ паче, что въ старшины обыкновенно выбирались люди не молодые, то сія отставка не точію не была имъ въ тягость, но каждый желалъ лучше жить набоготясь спокойно, нежели быть обруганнымъ лишеніемъ чина, почему и были оные старшины не токмо (*не*) наказаны, но такъ сказать удовлетворены. Ибо наказаніемъ должно бы почесть, когда за бездѣльствы даютъ отъ службы апшитъ, но тѣмъ кто душу имѣетъ благородную; а Яицкіе казаки таковыхъ чувствованій во всякое время были чужды. Слѣдовательно, взирая на сіе опредѣленіе, *Новокрещеновъ* рѣшилъ дѣла такимъ образомъ, чтобъ польза государственная не перевѣсила тягость его кошелька, и старался весьма о томъ, чтобы на рѣшенія его со стороны старшинской не было ропщущихъ. Исполненіе его раздражило паче роптаніе войска, и мщеніе въ сердцахъ сего грубаго народа проростало. Новокрещеновъ, какъ видно, военную коллегію рапортовалъ по пристрастію своему, и получилъ отъ оной особое благоволеніе съ награжденіемъ жалованья, взятаго изъ войсковой же казны не въ зачетъ.

Съ противной стороны заводчикъ ослушниковъ старшина *Логиновъ* лишенъ былъ чиновъ и написанъ въ Оренбургскіе казаки, съ употребленіемъ во внутреннія службы, но сіе уже не сходствовало наказаніе толь легкое тому, чье преступленіе описано въ 95 пунктахъ. Ибо смертной казни мало бы было таковому грѣшнику, естьли наблюдать правосудіе!

Товарищи *Логинова*, какъ выше упомянуто, за то что ослушниками явились и возмутителями спокойствія, но за то что смѣшанно доказывали на расхитителей изъ казны, въ чемъ бы ихъ по незнанію ихъ не только юриспруденціи, но и грамотѣ, можно бы извинить, однако многіе наказаны плетьми, а одинъ, то есть Петръ Копѣечкинъ, написанъ въ солдаты. Прочіе же изъ числа сорока въ кругу биты были палками, и посланы были въ Гурьевъ на годъ безъ очереди и безъ обыкновенной казацкой подмоги. Все сіе исполнено *Новокрещеновымъ*, который, какъ видно, имѣлъ душу сообразную своей фамиліи и мало просвѣщенную и не вникалъ разбирать состояніе людей и правду, а слѣдовалъ слѣпо къ чему влекла его мысль.

Сіе раздражило казаковъ до ожесточенія, и тогда-то ябедники правость своихъ повѣренныхъ старались внушить народу, изображая, что они были наказаны не въ силу законовъ. Просьба негодующихъ обновилась, и присланъ

былъ разбирать ихъ дѣла полковникъ Полозовъ, но скоро былъ смѣненъ, а на мѣсто его въ 767 году генералъ-маіоръ Череповъ. Сего должность была, чтобы, соглася обѣ стороны, выбрать войсковаго атамана и устроить порядокъ; но его превосходительство мыслилъ весьма строптиво; собравъ кругъ, читалъ онъ войску указъ и, не разбирая ни свойства, ни нравовъ людей, не мысля имъ объяснить должность ихъ, хотѣлъ уважить свою особу силою оружія. Но весьма забылъ, что слѣдствія таковыхъ случаевъ и важны и вредны! Ваше Императорское Величество въ приложенномъ *изслѣдованіи* изволите найтить, что войско, при всемъ грубомъ поведеніи своемъ, не совсѣмъ еще было тогда испорчено, ибо когда г. Череповъ приказалъ стрѣлять, то казаки, павъ въ ноги, кричали: помилуй. Но горячность г. *Черепова* превзошла мѣры; сіе доказываетъ, что казаки были устрашены, и былъ свободный способъ растолковать ихъ вину и наказать праводушно обидчиковъ, а тѣмъ рѣшить бы и всю вражду, но онъ не имѣлъ предметомъ прекратить вражду, но умножилъ злость народа. Убито въ то время въ самомъ дѣлѣ трое, и шесть ранено.

Тогда-то войско возмнило совершенно, что оно притѣснено. *Череповъ* опомнился на завтрее, что сдѣлалъ худо; а чтобъ прикрыть непростительный поступокъ, хотѣлъ предупредить взысканіе и написалъ въ Оренбургъ, что войско взбунтовало. Всѣ казаки Яицкіе, находящіеся въ городкѣ, единогласно утвердили, что войско ни мало не смыслено противиться ему, а только не скоро соединили голоса къ выбору атамана, но сею вольностію они издревле пользовались. А какъ видно по объясненіямъ, что *Череповъ* раздражился за то, что войско не хотѣло принять въ атаманы предлагаемаго г-мъ Череповымъ, то и хотѣлъ всѣхъ оружіемъ къ тому принудить; послѣ того Череповъ изъ Яицкаго городка скоро уѣхалъ.

Видно по таковыхъ происшествіяхъ, въ которыхъ особы, съ повѣренностію посылаемыя, столь мало помышляли о пользѣ службы Вашего Императорскаго Величества и никто прямаго долгу не исполнилъ, но не менѣе жъ того уже ожесточенные казаки приготовляли злые замыслы. Ваше Императорское Величество узрите, что показатели въ допросѣ своемъ подъ № 1-мъ утверждаютъ, якобы въ скорости послѣ онаго происшествія командированы были въ наказаніе Яицкихъ казаковъ два полка, но по дѣламъ въ войсковой канцеляріи, чтобъ тѣ два полка были подлинно командированы, не найдено, а сіе доказываетъ, что не спокойныя головы поджигали сердца робкія, но и затѣмъ отъ Яицкаго войска были еще посланы съ просьбою въ военную коллегію.

По просьбѣ оной, чрезъ казаковъ Герасимова и Бочкарева присланъ былъ ихъ слѣдовать гвардіи капитанъ *Чебышевъ*. Сей, согласивъ въ кругу голоса, выбралъ имъ атаманомъ Танбовцова, предоставя нѣкоторыя малыя къ порядку наставленія и поруча Танбовцову войско удовольствовать жалованьемъ: хотя въ наличности на оное денегъ не было, отъѣхалъ въ Петербургъ, умолчавъ о взысканіи со старшинъ расхищенной казны; войско не было довольно толь малымъ правосудіемъ.

По отъѣздѣ его атаманъ Танбовцовъ объявилъ войску, что денегъ въ сборѣ на удовольствіе ихъ жалованьемъ нѣтъ. Войско оскорбилось еще болѣе, при раздачѣ пороха атаманъ выдалъ оный зарядами. Сей новый обрядъ былъ предлогомъ озлобленному войску сказать, что оно не понимаетъ слова зарядовъ; но это неправда: множество казаковъ имѣютъ дробовики, къ которымъ заряды потребны, а потому и доказано, что войско раздражалось день отъ дня болѣе. Виновники большаго раздора, ябедники, пользуясь простотою невѣждъ, довели до того, что вся войсковая сторона возненавидѣла атамана *Танбовцова*

и почитала его предателемъ. Вскорѣ послѣ того присланъ былъ указъ, чтобы выбрать годныхъ казаковъ въ легіонъ — новый способъ для мятежниковъ вооружить сердца противу власти: растолковано было отъ оныхъ войску, что въ атаманство *Танбовцова* послѣдуютъ всякія новыя завѣдыванія, что всѣ Яицкіе казаки будутъ солдатами и лишатся бородъ, — ужасная казнь для раскольниковъ! Итакъ требуемыхъ 334 человѣкъ въ легіонъ не дали, а чтобы прикрыть ослушаніе свое, то вымышляли, будто бы оныхъ людей взять велѣно со старшинской стороны, яко (по ихъ мнѣнію) съ виновныхъ. Подбирая къ тому плутовскіе предлоги, что сіе число берутъ въ замѣну погибшихъ отъ безвременнаго походу двухъ полковъ изъ Оренбурга посланныхъ, и которыхъ командировка въ самомъ дѣлѣ была ли, не видно. *Танбовцовъ*, стараясь поспѣшить исполненіемъ указа, принуждалъ къ исполненію онаго, и ослушныхъ по должности и справедливости бралъ подъ стражу, а ослушники, которыхъ была очередь, разбѣжались. Въ наказаніе за таковое ослушаніе Танбовцовъ отказалъ отъ рыбной ловли и объявилъ всѣмъ, что не допуститъ до ловли, доколѣ по наряду не дадутъ полнаго числа. А между тѣмъ нѣсколько человѣкъ съ послушной стороны отправилъ, дабы симъ примѣромъ побудить остальныхъ.

Когда имяннымъ Вашего Императорскаго Величества указомъ Яицкіе казаки отъ легіонной службы свобождены, то въ ономъ указѣ между прочимъ сказано, чтобы впредь отправлять службы имъ по прежнему обыкновенію: то сіе затвердя въ памяти, не хотѣли они отправить команды въ Кизляръ, ссылаясь на указъ и что они до того въ Кизлярѣ никогда не служили. Атаманъ *Танбовцовъ* отправилъ оную команду почти всѣхъ съ послушной стороны, но войсковую къ тому принудить не могъ: кромѣ малаго числа захваченныхъ и которыхъ сковавши, туда отправилъ. Ослушники твердили къ извиненію своему, что еще на просьбы ихъ удовольствіе не учинено, что конфирмація военной коллегіи повелѣвала старшинъ всѣхъ лишить чиновъ, взыскать положенной штрафъ и заслуженное ими жалованье за пять лѣтъ имъ выдать. А какъ атаманъ удовольствія таковаго имъ сдѣлать не могъ, то собралось множество казаковъ, изъ коихъ первенствующій былъ сотникъ *Кирпишниковъ*, и поѣхали въ Петербургъ съ новою просьбою.

По сей просьбѣ, по имянному Вашего Императорскаго Величества указу присланы были генералъ-маіоръ *Давыдовъ* и гвардіи Вашего Величества капитанъ *Дурновъ*. Они начали дѣла разбирать съ порядкомъ, но ослушники нашли и тогда внушить простякамъ, что судіи согласны со старшинами. Главное ихъ было негодованіе въ томъ: Дурновъ требовалъ отъ войска повѣренныхъ, при которыхъ бы можно было старшинъ въ суммѣ войсковой счесть, а присутствующихъ отъ присутствія не перемѣнилъ: вотъ причина ихъ неудовольствія. Въ самомъ дѣлѣ, должно было бы, Всемилостивѣйшая Государыня, ради кратчайшаго способа ко успокоенію, судей войсковой канцеляріи смѣнить; но показанный капитанъ *Дурновъ* не смѣнилъ ихъ для того, что оные судьи были выбраны войскомъ, слѣдовательно считалъ ихъ не подозрительными. Между тѣмъ принуждалъ ихъ къ отправленію команды въ Кизляръ; но войско, дыша уже, такъ сказать, злобою, возмечтало, что не смѣняетъ онъ судей отъ пристрастія, а команду кизлярскую почитало новымъ заведеніемъ службы и отреклось повиноваться; а отправило новое прошеніе, не оставя сдѣлать новый сборъ со всего войска. Толь частые поборы со всѣхъ, и которыми рѣдкіе пользовались, усугубляли ожесточеніе Яицкихъ казаковъ. Ябедники, корыстуясь таковыми сборами, несмысленныхъ грабили и разоряли. Изъ числа сихъ посланныхъ главнымъ былъ тотъ же Кирпишниковъ; а какъ усмотрѣли ихъ въ Петербургѣ неосновательную просьбу, то повелѣно было ихъ ловить и брать

подъ стражу. Казаки, укрываясь въ Петербургѣ отъ поимки, какъ объявляютъ они, прибѣгнули къ защищенію графа Ивана Григорьевича Орлова. Я не осмѣлюсь повѣрить, Всемилостивѣйшая Государыня, объявленію казаковъ, чтобы человѣкъ толь близкій къ престолу Вашего Величества, вѣдая обряды и законы, хотѣлъ попустить невѣждъ къ своевольству и коснулся къ дѣламъ, до него не принадлежащимъ; но казаки сказываютъ, якобы графъ Орловъ далъ Кирпишникову письмо къ *Дурн ову*, которымъ защищаясь онъ могъ, укрывшись отъ поисковъ, пройтить на Яикъ: военная коллегія, свѣдавъ о побѣгѣ Кирпишникова, разослала указы, чтобы на заставахъ Яицкихъ казаковъ не пропускать, а забирать ихъ подъ караулъ. Но Кирпишниковъ пробрался съ имѣющимся у его письмомъ домой. Когда пойманные въ Петербургѣ Яицкіе казаки содержались подъ карауломъ, тогда Кирпишниковъ, съ его нѣсколькими товарищами прибывъ въ Яицкой городокъ, явился къ Дурнову. Алкая злобою и отмщеніемъ, разгласилъ войску, что имѣлъ онъ охранительный указъ и копію съ того самаго указа, которымъ капитану *Дурнову* повелѣвалось исполнить точно по сентенціи генералъ-маіора *Потапова*. Не имѣлъ онъ труда симъ возбудить злость въ мятежникахъ! Такимъ образомъ войско приступило къ *Дурнову* требовать, чтобы конечно онъ исполнилъ по оному приговору и за пять лѣтъ выдалъ бы имъ жалованья. Дурновъ требовалъ для доказательства повѣренныхъ. Войско предлагало, что они повѣренныхъ не могутъ дать для того, что всегда повѣренные ихъ были наказываемы. Генералъ-маіоръ *Траубенбергъ*, прибывшій на мѣсто *Давыдова*, обще съ капитаномъ *Дурновымъ* приказали, въ силу указа военной коллегіи, ослушниковъ ловить, стричь бороды и посылать въ Оренбургъ. Тогда-то ожесточеніе, соединяся съ суевѣрствомъ, попустилось на крайность дерзновенія, и возстало уже прямое возмущеніе. Кирпишниковъ въ бѣшенствѣ, какъ сущій злодѣй, научалъ войско поступить дерзостной рукою. Взявъ святыя иконы, въ томъ числѣ образъ Спасителевъ, якобы предъ напастьми войска плачущій [1]). Пошло войско къ генералъ-маіору *фонъ-Траубенбергу* и къ капитану *Дурнову*, сказывая якобы тѣмъ лучше думали ихъ умилостивить. Въ самомъ дѣлѣ, условились они сіе въ надеждѣ той, что самъ Богъ поможетъ имъ въ намѣреніи ихъ; ибо звѣрство сего народа укрѣплялось суевѣрствомъ, на расколѣ утвержденномъ. Да и не можно было имъ быть просвѣщеннѣе, нежели священники ихъ выбирались по ихъ одобренію, слѣдовательно самые главные раскольники. Я не постигаю, должно ли было архипастырю допускать простираться ереси въ такомъ мѣстѣ, гдѣ всякаго нечестія и зла и по невѣжеству и дальности мѣста ожидать должно было. А невѣдѣніемъ о расположеніи сердецъ Яицкаго народа оправдываться его преосвященству, кажется, грѣшно. Заразясь злобою и суевѣрствомъ, считали возмущенные казаки принудить правомъ сильнаго къ исполненію просьбы ихъ. Когда съ образами войско шло, Кирпишниковъ кричалъ вслѣдъ: *поступай какъ Богъ наразумитъ*, что и доказали самымъ дѣломъ. Ибо въ то время какъ Вашему Императорскому Величеству извѣстно, послѣдовало смертоубійство генералъ-маіору *фонъ-Траубенбергу*, атаману *Танбовцову* и многимъ старшинамъ. Капитанъ *Дурновъ* былъ прибитъ смертельно, съ бывшаго атамана *Бородина* деньги, въ платежѣ же, въ коихъ подозрѣвали его, взыскали. А равнымъ образомъ поступили и со всѣми, на которыхъ начету быть думали. А въ семъ бѣшенствѣ продолжали бунтъ свой. Ибо когда для усмиренія ихъ приближался генералъ-маіоръ Фрейманъ, то шли они противъ его всѣмъ войскомъ, вооруженною рукою забравъ всю артилерію, но были прогнаны. Сіе достовѣрно, Всемилостивѣйшая Госуда-

[1]) Допросъ о плачущемъ Спасителевѣ образѣ подъ № 4 при слѣдствіи.

рыня, что пагубное сіе возмущеніе послѣдовало отъ помянутаго Кирпишникова, а естьли бы онъ не прокрался изъ Петербурга и былъ бы наказанъ съ прочими, то онаго воспослѣдовать не могло. За разграбленіе при убійствѣ денегъ и прочаго велѣно съ нихъ взыскать безотговорочно, что комендантъ Яицкаго городка Симоновъ и началъ было исполнять, но послѣднее возмущеніе воспрепятствовало; а какъ раскладка ко взысканію денегъ была учинена не по состоянію имущества, и сіе доказывается понеже комисія требовала отъ комендантской канцеляріи, сколько до кого имянно было положено ко взысканію, то комендантъ въ рапортѣ своемъ (оной подъ № 7) отозвался, что канцелярія, по бывшему въ ретраншаментѣ во время осады отъ злодѣя утѣсненію, занята была многолюдствомъ, и письменныя дѣла вынесены были подъ колокольню, которая злодѣями подорвана, и что то расписаніе со всѣмъ погибло. Наконецъ, Всемилостивѣйшая Государыня, выводя всѣ причины сего пагубнаго происшествія и возмущенія Яицкихъ казаковъ, должностію ставлю себѣ всеподданнѣйше донести, что сколь ни виновны казаки, но повидимому нетолько искали средство утушить при началѣ ихъ озорничества и привести порядкомъ ихъ къ повиновенію; но слѣдствіями, которыя никогда не были совершенно кончены, злость надеждъ усугубляли, и послѣдняя раскладка показалась Яицкимъ казакамъ совершеннымъ притѣсненіемъ, такъ что кромѣ тѣхъ, кои были въ заговорѣ съ извергомъ рода человѣческаго Емелькою Пугачевымъ [1]), прочіе не мыслили разбирать о его состояніи, слѣпо шли къ соединенію съ нимъ, льстяся пріобрѣтеніемъ выгодъ. Явившійся собою *Почиталинъ*, отецъ того злодѣя, который самозванцемъ названъ былъ думнымъ дьякомъ злодѣйской коллегіи, при допросѣ своемъ откровенно признался, что никакая другая причина не принуждала ихъ къ соединенію съ самозванцемъ, какъ только, чтобы избѣжать притѣсненій и взысканія несноснаго денегъ.

Наконецъ должностію ставлю я, Всемилостивѣйшая Государыня, донести что какъ сіи стекавшіеся источники зла должно было г-ну коменданту Яицкаво городка Симанову вѣдать; то не можно было пропускать и малѣйшаго объ нихъ подозрѣнія, а какъ по допросамъ злодѣйскимъ сообщниковъ явствуетъ, что послѣ бытности сего сына погибели *Емельки Пугачева* въ Яицкомъ городкѣ у казака Пьянова тотчасъ пронесся слухъ, что появился на Яикѣ государь и что отъ коменданта было послано *Пьянова* взять подъ караулъ, но онъ скрылся, то сіе значитъ великая неосторожность; ибо таковыя дѣла толь слабымъ изысканіемъ не пресѣкаются. И съ сей стороны весьма погрѣшилъ г. Симановъ, такъ какъ казанская губернская канцелярія, во упущеніи злодѣя, о чемъ Вашему Величеству при слѣдствіи дѣла представить не оставлю.

Поднося Вашему Императорскому Величеству, при слѣдствіи о Яицкихъ казакахъ, сей всеподданнѣйшій докладъ, собравъ справки, по елику было возможно, осмѣлился я объяснить дѣла такъ точно, какъ я ихъ находить могъ, имѣя предметомъ себѣ единую истину и вѣрность къ службѣ Вашей. Ибо заклинался я предъ священной особою Вашего Императорскаго Величества, не взирая ни на какія противоположенія, донести Вамъ все, что я открыть могу. Исполнивъ въ семъ Высочайшую волю Вашего Величества, готовлю я теперь положеніе для Яицкихъ казаковъ, дабы впредь могли они, пребывая спокойно и безмятежно, загладить должною подданническою ревностію вину свою.

Въ заключеніе сего, повергая къ стопамъ Вашего Величества себя и помянутаго капитана-поручика Маврина, трудящагося съ особливой ревностію къ службѣ Вашей, принося искреннія желанія, да благословитъ Богъ дни

[1]) О семъ Ваше Императорское Величество изъ допроса Чики усмотрѣть изволите.

драгоцѣннаго намъ вѣка Вашего къ благосостоянію Россіи и къ пользѣ тѣхъ, которые имѣютъ славу и честь служить Вашему Императорскому Величеству, я имѣю счастіе быть съ неизреченнымъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшимъ рабомъ
Павелъ Потемкинъ.

Сентября 15 дня 1774 года.

40. Рапортъ Маврина П. С. Потемкину отъ 21 сентября.

Вашему превосходительству препровождаю при семъ учиненной мною самозванцу допросъ [1]), изъ котораго конечно видѣть можно, что злодѣй не всѣ свои злыя дѣла открылъ, хотя и въ неважности состоящія. Противъ словеснаго показанія, есть нѣкоторая отмѣна: увѣрялъ между тѣмъ, что помнится-де я того не говорилъ; а сіе, видно, потому, чтобъ въ случаѣ его пощады можно было укрытіемъ истины до того достигнуть; однакожъ главное, въ чемъ надлежитъ, все отобрано. Мое сумнѣніе въ томъ, что конечно онъ по бытности еще въ Яицкомъ городкѣ у Дениса Пьянова задумалъ назвать себя государемъ, а потомъ и въ Казани во время содержанія въ острогѣ тѣ же имѣлъ мысли; но какъ въ томъ не признался, то и передаю на прозорливое вашего превосходительства примѣчаніе. Прилагаю при семъ допросъ и жены его Софьи, который за скорымъ препровожденіемъ такъ спѣшилъ, что и переписать не приказывалъ, а сіе для того, чтобъ предувѣдомить ваше превосходительство о Емелькиныхъ дѣяніяхъ. Прочимъ же всѣмъ Емелькинымъ способникамъ допросы учинены и набѣло переписываются. А какъ болѣе здѣсь я дѣла уже по комисіи моей не предвижу, того ради не прикажете ли, ваше превосходительство, быть мнѣ въ Казань?

Гвардіи капитанъ-порутчикъ Савва Мавринъ.

Сентября 21 дня 1774 года.
Яицкой городокъ.

41. Донесеніе П. Потемкина Императрицѣ отъ (?) сентября.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Всемилостивѣйшимъ Вашего Императорскаго Величества указомъ опредѣленной въ здѣшнюю губернію въ губернаторы г. порутчикъ князь Мещерскій [2]) третьяго дня сюда прибылъ и вступилъ уже въ правленіе дѣлъ своихъ; но болѣзнь моя не дозволяетъ еще мнѣ сдать ему тѣхъ, кои по кончинѣ г. фонъ Брандта я запечаталъ. О семъ всеподданнѣйшею должностію почелъ Вашему Императорскому Величеству донесть, оставаясь до конца дней моихъ съ безпредѣльною вѣрностію и глубочайшимъ благоговѣніемъ,

Всемилостивѣйшая Государыня,
Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшимъ рабомъ
Павелъ Потемкинъ.

Сентября дня 1774 года.
Казань.

---

[1]) Напечат. въ *Чтен. Общ. Ист. и Др.* 1858, кн. II.

[2]) Платонъ Степановичъ, впослѣдствіи (1780 г.) назначенный генералъ-губернаторомъ симбирскимъ и казанскимъ. О немъ часто упоминаетъ Державинъ въ своей перепискѣ (см. т. V *Сочин. Держ.*).

42. Рапортъ кн. Багратіона гр. Панину отъ 23 сентября.

Вверху надпись: „Полученъ 30 сентября 1774 года."

Высокое повелѣніе вашего сіятельства, данное мнѣ отъ 18 сентября, я сего числа получилъ, на которое доношу. Г. полковникъ и Царицынской комендантъ Цыплетевъ отъ 21 сего мѣсяца писалъ ко мнѣ о конвоеваніи плѣнныхъ, и требовалъ пришедшаго изъ Кубани Донскаго войска полковника Платова, которой тогда жъ ему и отданъ. Я отъ второй арміи не былъ отряженъ, а былъ у закрытія верховыхъ станицъ рѣки Дону отъ набѣговъ татарскихъ и стоялъ на рѣкѣ Салѣ отъ Дону въ тридцати верстахъ.

Августа жъ 1-го ордеровалъ меня Воронежской губерніи губернаторъ г. генералъ-порутчикъ и кавалеръ Шетневъ, что злодѣй Пугачевъ выжегъ Казань, я жъ, перешедъ рѣку Донъ, пошелъ, единственно чтобъ народъ чего бы вреднаго не вздумалъ, маленькими переходами, съ Ростовскимъ карабинернымъ полкомъ и съ малороссійскими казаками вверхъ по Дону, рапортовавъ объ томъ предводителя второю арміею, и 19 августа пришелъ къ Пятиизбянской станицѣ. 20-го получилъ ордеръ отъ г-на генералъ-порутчика и кавалера графа Мусина-Пушкина, что злодѣй въ Воронежѣ, и чтобъ мнѣ иттить туда, однако 21 за полдень получилъ отъ г. полковника и царицынскаго коменданта Цыплетева, что злодѣй близко Царицына, я, перебравшись черезъ Донъ, пошелъ 22 числа къ Царицыну и не доходя онаго въ тридцати верстахъ освѣдомилъ меня г. полковникъ Михельсонъ, что злодѣй, устрашась его прибытія, побѣжалъ, а мнѣ бъ обратно иттить на Донъ и закрыть оной, куда я и пошелъ.

Сего жъ сентября 5 числа г. генералъ-маіоръ и кавалеръ Мансуровъ велѣлъ мнѣ словесно чрезъ присланнаго офицера иттить на Хоперъ и Медвѣдицу, куда я и пошелъ, однако г. генералъ-порутчикъ и кавалеръ Суворовъ приказалъ мнѣ расположиться, начавъ отъ Царицына до Чернаго Яру и до Дмитріевска, гдѣ постъ мой съ 12 сего мѣсяца и содержу. Данные жъ мнѣ повелѣнія и освѣдомленія при семъ вашему сіятельству въ копіяхъ подношу.

Генералъ-маіоръ князь Иванъ Багратіонъ.

Сентября 23 дня 1774 г.

Городъ Дубовка.

Инструкція Императрицы Галахову, вчернѣ писанная собственною ея рукою [1]), была напечатана еще Пушкинымъ въ приложеніяхъ къ *Исторіи Пугачевскаго Бунта* (изд. Анненкова, VI, стр. 258). Впослѣдствіи, когда Пугачевъ, хотя и не тѣми казаками и не въ ожидаемое время, а позже, дѣйствительно былъ выданъ въ руки правительства и привезенъ въ Симбирскъ, графъ Панинъ далъ Галахову приказъ, сохранившійся въ отпускѣ безъ означенія числа, но относящійся очевидно къ 1-му или 2-му октября. 3-го числа Панинъ донесъ Екатеринѣ, что такъ какъ Галаховъ ожидалъ его въ Симбирскѣ и представилъ ему инструкціи Императрицы, то онъ и счелъ своею обязанностью „сего преступника ввѣрить и отдать подъ стражу капитану Галахову съ подтвер-

---

[1]) См. *Сборникъ Ист. Общ.* XIII, 433.

жденіемъ, что въ упущеніи и въ поврежденіи его имѣетъ онъ животомъ своимъ предъ престоломъ Вашего Императорскаго Величества отвѣтствовать [1]). Вотъ приказъ, полученный Галаховымъ отъ Панина и не напечатанный въ *Сборникѣ Историческаго Общества* при донесеніи главнокомандующему, гдѣ объ этой бумагѣ упомянуто.

43. Приказъ гр. Панина капитану Галахову.

Усмотря изъ даннаго вамъ за собственноручнымъ подписаніемъ высочайшаго указа, что Ея Императорское Величество всемилостивѣйше вамъ довѣрять изволила, при случаѣ полученія въ руки ваши государственнаго злодѣя Пугачева, хранить его подъ вашею стражею, къ чему снабжены вы командою лейбъ-гвардіи: для того, онаго въ ваши руки подъ сохраненіе я теперь и вручаю, съ тѣмъ что по важности причиненныхъ имъ государству злодѣйствъ, имѣете вы предъ престоломъ Ея Величества отвѣтствовать собственною вашею жизнію въ невредженномъ онаго въ рукахъ вашихъ сохраненіи, какъ на мѣстѣ, такъ и въ доставленіи туда, куда будетъ отъ меня приказано, а къ тому предписываю еще слѣдующее:

1. Чтобъ сей злодѣй былъ всегда прикованнымъ къ стѣнѣ; а отъ замка той цѣпи ключъ хранился бы всегда у васъ, и никуда бъ онъ и никто къ нему безъ моего повелѣнія отъ сего времяни допускаемы не были.

2. Сверхъ часовыхъ гвардіи, только гдѣ по разсужденію вашему потребно быть можетъ, содержать вамъ отъ армейскихъ полковъ; а въ покоѣ при самомъ злодѣѣ часовому не имѣть никакого при себѣ ружья, кромѣ шпаги и то не обнаженной, но сверхъ онаго быть тутъ же безвыходно, для надзиранія надъ нимъ, по одному оберъ- и по одному унтеръ-офицеру армейскихъ, для чего тѣхъ и другихъ приказалъ я отъ дежурства къ вамъ нарядить по четыре человѣка.

3. Недреманно смотрѣть, чтобъ сей злодѣй никоимъ образомъ себя умертвить и повредить не могъ; кормить его обыкновенною подлому человѣку пищею и употреблять на оную каждый день по 15-ти копѣекъ изъ имѣющейся у васъ суммы; потребнымъ платьемъ и обувью для наступившей стужи и на неближнюю дорогу снабдить его изъ той же суммы, но употребляемыя подлыми, а не знатными людьми.

4. Жену сего злодѣя и сына не допускать къ свиданію съ нимъ и содержать, чтобъ никакимъ образомъ утечки, особливо сынъ его, сдѣлать не могли; для пищи имъ употреблять на всякій день по десяти копѣекъ каждому; равнымъ образомъ, если и каждая одежда имъ для наступившей стужи востребуется, то оную искупить, употребляя на то имѣющіяся у васъ деньги.

5. Всякій день поутру въ во́семь часовъ, а ввечеру по пробитіи зори, рапортовать меня самого о цѣлости сихъ вамъ ввѣренныхъ колодниковъ.

6. Какъ та комисія, которая вамъ была отъ Ея Императорскаго Величества препоручена, и для коей вы снабжены знатною суммою казенныхъ денегъ, получила свое окончаніе безъ употребленія оныхъ, то имѣете вы нынѣ же подать ко мнѣ рапортъ, сколько откуда вы оной суммы приняли, сколько изъ нея куда имянно въ расходъ издержано и что́ затѣмъ у васъ дѣйствительно на лицо теперь состоитъ, изготовя излишество ея отъ опредѣляемаго вамъ

---

[1]) *Сборникъ Ист. Общ.* VI, 156.

по мѣрѣ теперешней потребности расхода ко внесенію въ экстраординарную здѣсь Ея Императорскаго Величества казну; о чемъ я и дамъ на тотъ вамъ рапортъ настоящее повелѣніе.

На это Галаховъ въ самый день полученія приказа отвѣчалъ слѣдующимъ рапортомъ, на которомъ означено: „отъ 2-го числа сего мѣсяца“.

44. Рапортъ Галахова гр. Панину отъ 2 октября.

На полученный мною сего числа отъ вашего сіятельства приказъ симъ имѣю честь донести, что по собственному Ея Императорскаго Величества повелѣнію отпущена мнѣ въ точное мое распоряженіе сумма 25.000 рублей, которую я отъ его сіятельства г. генералъ-аншефа и разныхъ орденовъ кавалера князь Михайлы Никитича Волконскаго, равномѣрно какъ и изъ Петербурга 9.400 рублей, врученныя мнѣ его сіятельствомъ князь Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ, получилъ, изъ которой отправленнаго Яицкаго войска казака Астафья Трифонова снабдилъ я тремя тысячами стами рублями; на нужныя издержки мною употреблено 1,700 рублей, остальную же петербургскую сумму, числомъ 4.600 рублей, впредь на всякія непредвидимыя надобности при себѣ оставляю, а о вышеупомянутой московской суммѣ, числомъ 25.000 рубляхъ, для внесенія оной въ экстраординарную имѣющуюся здѣсь при вашемъ сіятельствѣ Ея Императорскаго Величества казну, ожидаю отъ вашего сіятельства повелѣнія, по предписанію вашему жъ о содержаніи злодѣя исполнить въ самой точности долженствую.

45. Циркулярный ордеръ гр. Панина губернаторамъ Казанскому, Воронежскому, Сибирскому, Оренбургскому и Нижегородскому отъ 3-го октября.

Какой данъ Правительствующему Сенату высочайшій имянной Ея Императорскаго Величества указъ о дѣланныхъ мною распоряженіяхъ и Ея Величеству донесенныхъ, по тѣмъ селеніямъ, кои сопричаствовали измѣнническому бунту и дерзновенному выступленію изъ-подъ повиновенія законной власти, на обузданіе и впредь черни въ подданническомъ повиновеніи, съ различіемъ противу тѣхъ, которые оному измѣнничеству послѣдовали; съ того копію, если еще по настоящей дорогѣ изъ правительствующаго сената въ полученіи нѣтъ, здѣсь прилагаю съ моимъ засвидѣтельствованіемъ; а къ точному и непремѣнному исполненію высочайшаго Ея Императорскаго Величества онаго указа присовокупляю сіе:

1. Чтобы при всѣхъ безъ изъятія тѣхъ городахъ и всякаго званія селеніяхъ, которые дерзали при нынѣшнемъ государственнаго злодѣя Пугачева возмущеніи бунтовать и выходить изъ должнаго подданническаго повиновенія какъ канцеляріямъ и начальникамъ, поставленнымъ отъ Ея Императорскаго Величества, такъ и изъ послушанія своимъ помѣщикамъ, поставлены непремѣнно при большихъ дорогахъ висѣлицы, колеса и глаголи, и впредь до указу содержаны были, а при какихъ именно селеніяхъ за такое точно бунтовщичье

оказательство поставлены будутъ тѣ на смертную впредь казнь пріуготовленія, объ оныхъ прислать ко мнѣ какъ можно скорѣе обстоятельныя вѣдомости за рукою вашею.

2. Съ сего времени впредь до особливаго Ея Величества указу, во всѣхъ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ оныя пріуготовленія для смертной казни поставлены будутъ, не только по преступленіямъ бывшаго отъ злодѣя Пугачева бунта, но и по тѣмъ прочимъ заслуживающимъ смертную казнь, оную надъ злодѣями и преступниками подлаго состоянія, а не надъ дворянами и имѣющими офицерскіе и выше чины производить по указаннымъ слѣдствіямъ самымъ исполненіемъ государственныхъ законовъ тѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которымъ власть надъ смертною казнію по онымъ законамъ прежде было предписано, не останавливаяся за изданными о удержаніи надъ преступниками смертной казни всемилостивѣйшими указами какъ покойною въ Бозѣ опочивающею Государынею Императрицею Елисаветъ Петровною, такъ и нынѣ владѣющею надъ нами нашею всемилостивѣйшею Самодержицею; а о дворянахъ и чиновныхъ людяхъ, въ смертныя преступленія впадающихъ, представлять на рѣшенія къ высшимъ надлежащимъ мѣстамъ.

3. Въ тѣхъ же городахъ и селеніяхъ, которые не были причастны нынѣшнему государственному возмущенію и бунту, но всегда пребывали въ должномъ повиновеніи законной власти, при которыхъ, яко въ подданнической вѣрности къ Ея Императорскому Величеству пребывшихъ, въ различіе отъ тѣхъ, кои въ измѣнническое преступленіе впадали, не ставить ни висѣлицъ, ни колесъ, ни глаголей, и со впадающими изъ оныхъ селеній преступниками подъ смертную казнь по обыкновеннымъ государственнымъ законамъ, оную отъ исполненія удерживаться, но поступать съ ними по всемилостивѣйше изданнымъ отъ Ихъ Императорскихъ Величествъ указамъ въ Бозѣ почивающей покойной Государыни Елисаветъ Петровны и нынѣ благополучно державствующей надъ нами всеавгустѣйшей великой Государыни Императрицы Екатерины Второй.

Для удобнѣйшаго и скорѣйшаго вступленія къ настоящему нашему исполненію всемилостивѣйшаго Ея Императорскаго Величества указа о доставленіи достаточнаго прокормленія не только войскамъ, но и всѣмъ здѣшнимъ обывателямъ, которые въ томъ сущій недостатокъ имѣть могутъ, извольте, ваше превосходительство, прибыть въ мою генеральную квартиру къ 25-му числу сего мѣсяца.

Меня уже и такъ удивляетъ, что ваше превосходительство не приняли первою должностію своею отъѣхать въ тѣ города, и онымъ ко мнѣ приблизиться, которые были въ похищеніи злодѣйскомъ и требуютъ возстановленія надлежащаго въ своемъ правленіи порядка, и хозяйскаго присутственнаго обозрѣнія, особливо по тому извѣстному мнѣ собственному Ея Величества примѣчанію, что правленіе, въ ея государствѣ производимое спустя рукава, подобно вреду, производимому злодѣемъ Пугачевымъ, повелѣвая мнѣ оное во всѣхъ мѣстахъ по теперешнему моему служенію исправить изъ перваго его источника.

46. „Преположеніе", т. е. проектъ мѣръ, составленный гр. Панинымъ по соглашенію съ губернаторами, 28 октября.

Ея Императорскому Величеству благоугодно было всемилостивѣйше возложить на учрежденнаго трехъ здѣшнихъ губерній начальника, между прочими упражненіями, не меньше по причинѣ неурожая въ Нижегородской, Казан-

ской и Оренбургской губерніяхъ хлѣба, попеченіе въ продовольствіи въ семъ краю не токмо войскъ Ея Императорскаго Величества, но въ пропитаніи обитателей, употребляя на то по усмотрѣнію его денежныя суммы изъ сихъ же и къ нимъ прилежащихъ Воронежской, Слободской Украинской, Сибирской и прочихъ губерній; равно какъ изъ тѣхъ же вспомоществовать и доставленіемъ хлѣба натурою; въ слѣдствіе чего позваны были въ главную квартиру Нижегородскій и Казанскій гг. губернаторы, коимъ во первыхъ сдѣлано письменное о семъ предположеніе, дабы каждый, по лучшему о губерніи своей свѣдѣнію и ко исполненію настоящихъ своихъ званій, вошедъ въ разсужденіе сдѣлали общее преположеніе, что они гг. губернаторы исполня, 26-е сего октября въ общемъ собраніи по довольномъ разсужденіи симъ протоколомъ и преположили обще съ главнымъ начальникомъ:

1.

Какъ изъ числа тѣхъ войскъ, кои назначены были расположеніемъ ихъ на непремѣнныя квартиры въ сіи губерніи, въ разсужденіи генеральнаго неурожая хлѣба извѣстно, что Ея Императорское Величество соизволила повелѣть не спѣшить ко вступленію въ оныя, то тѣмъ заготовляемое про нихъ продовольствіе весьма уже облегчается, а только однѣ нынѣ здѣсь расположенныя на обоихъ берегахъ рѣки Волги требуютъ неотлагательнаго попеченія къ вѣрному заготовленію имъ пропитанія, наипаче жъ озабочивается оное по повсемѣстному совершенному неурожаю овса, для чего во-первыхъ и сдѣлано въ положеніе рацей строевой и подъемной лошади вычисленіе слѣдующимъ правиломъ.

(Опуская здѣсь исчисленіе количества корма, опредѣленнаго къ отпуску строевымъ и подъемнымъ лошадямъ, а также и распоряженія, собственно до войскъ относящіяся, переходимъ къ слѣдующимъ за тѣмъ пунктамъ).

3.

Казанскому г. губернатору для пропитанія обитателей, сходно его представленію и по довольно извѣстному неимуществу въ Пензѣ и Саранскѣ съ ихъ уѣздами, закупить и въ тѣ мѣста доставить до 30.000 четвертей мукою или зерномъ, въ которое число и пріисканной здѣсь у синбирскихъ купцовъ хлѣбъ до 10.000 четвертей купить въ цѣнахъ, соображаясь вышеписанному преположенію и усердію сберегать казну сколько возможно, прочую жъ закупку производить не въ тѣхъ городахъ и уѣздахъ, куда хлѣбъ теперь доставляется, но въ другихъ, гдѣ по довольности его онъ, г. губернаторъ, собственно и чрезъ комисіонеровъ свѣдаетъ.

4.

Въ Нижегородскую губернію для раздачи хлѣба жителямъ, въ сущій голодъ вверженнымъ, по объясненію г. губернатора, подрядомъ и покупкою нынѣ жъ заготовить въ города Нижній, Арзамасъ и Алатырь съ ихъ уѣздами, въ каждый по 20.000, а въ Курмышъ, Ядринъ, Балахну и Юрьевецъ Повольскій по 10.000, а во всѣ мѣста 100.000 четвертей, стараясь буде всего не можно, то однакожъ большею частію зерномъ и держась вышеописанной цѣны 2 рублей 70 копѣекъ, но и при семъ подрядѣ или закупкѣ равномѣрно предостеречь, во-первыхъ, то жъ самое чтобъ закупка была не въ тѣхъ губерніяхъ и городахъ, въ которые сей хлѣбъ доставляется, и во-вторыхъ, чтобъ тотъ, которой

промышленники законтрактовали въ казну или и безъ того сплавомъ на судахъ везется въ Санктпетербургъ или въ Москву, отнюдь не было, дабы тѣмъ паче всего не сдѣлать возвышенія на хлѣбъ цѣнъ и недостатку въ первопрестольныхъ городахъ.

5.

Какъ московской всѣмъ извѣстный знатный капиталистъ Гусятниковъ прислалъ ко мнѣ своихъ комисіонеровъ, извѣстившись, что въ здѣшнемъ краю заботятся о прокормленіи народа угрожающагося голодомъ, то больше по своему усердію воспомоществовать въ сей государственной нуждѣ нежели самому воскорыстоваться, чтобъ онѣ взялись подрядомъ поставить куда востребуется весьма знатное количество хлѣба, для того гг. губернаторамъ, разсмотрѣвъ ихъ предложенія, если они могутъ быть казнѣ полезны и способны къ заготовленію оныхъ магазиновъ, то сдѣлать съ ними контракты, ежели жъ не изобрѣтутъ въ нихъ надобности, то имъ отказать.

6.

Въ то время когда хлѣбъ будетъ приготовленъ и поселяне востребуютъ по точному своему голоду, то раздачу имъ чинить на первый случай до усмотрѣнія избыточества по удовольствію и болѣе требователей, такимъ образомъ, чтобъ въ каждое селеніе, которое совершенный по удостовѣренію недостатокъ имѣть будетъ, давать считая на каждую ревижскую мужеска полу душу отъ дву до трехъ четвериковъ, а не больше, и сей отпускъ производить подъ росписки самимъ помѣщикамъ, а въ небытность ихъ прикащикамъ и старостамъ, а такимъ же образомъ въ дворцовыя и экономическія волости за наличныя деньги по цѣнамъ, казнѣ обошедшимся; но когда денегъ у кого не будетъ, то ссудою казенною и со обязательствомъ вѣрнаго возврату деньгами по той цѣнѣ, въ какую сей хлѣбъ казнѣ сталъ, или по новомъ урожаѣ хлѣбомъ, но тогда онымъ не по сей уже цѣнѣ, а по чему будетъ настоять ему тогда цѣна, съ такимъ расчисленіемъ, чтобъ казна въ поворотѣ за него противъ будущихъ цѣнъ никакого убытка не имѣла; при всемъ томъ всѣми удобными средствами гг. губернаторамъ своими наставленіями предостеречь, дабы при раздачѣ хлѣба не могло произойти отъ тѣхъ людей, у которыхъ оной на рукахъ будетъ, какого злоупотребленія.

7.

Ежели бы случилась необходимая нужда въ развозѣ хлѣба по мѣстамъ, для необходимаго жъ употребленія, нынѣшнимъ зимнимъ путемъ, въ такомъ случаѣ подводы употреблять уѣздныя, за которыя, хотя плакатомъ и положено платить въ зимнее время по деньгѣ на лошадь на версту, но пріемля во уваженіе совершенный нынѣшній недостатокъ въ провіантѣ и фуражѣ, на сей только одинъ случай платежъ производить тѣмъ же плакатомъ положенный на лѣтніе мѣсяцы, по копѣйкѣ на версту, а что принадлежитъ до раздаваемаго крестьянамъ хлѣба, оный отвозить имъ на своихъ подводахъ безъ всякой платы.

Съ сего протокола взять гг. губернаторамъ за общею закрѣпой копіи, и по онымъ приступить и произвесть во всемъ точное и неупустительное исполненіе по лучшимъ своимъ усердіямъ, вѣрности и радѣніямъ, употребляя на то деньги изъ доходовъ своихъ губерній, по имѣющимся у нихъ собственно имяннымъ Ея Императорскаго Величества на сей случай указамъ, записывая

въ расходъ на ссудныя для обывателей магазейны во особливо заготовленныя на то книги, а ежели бъ гдѣ денегъ доставать не стало, то о томъ заблаговременно представлять къ главному начальнику.

Графъ Петръ Панинъ.
Алексѣй Ступишинъ.
Князь Платонъ Мещерской.

Подписано при главной квартирѣ въ Синбирскѣ въ 28 день октября 1774 года.

47. Дополнительный протоколъ къ предположенію гр. Панина и губернаторовъ.

28-го октября въ общемъ съ главнымъ начальникомъ второмъ собраніи, Нижегородскій и Казанскій гг. губернаторы, при подписаніи протокола, касательно продовольствія расположенныхъ въ семъ краю войскъ Ея Императорскаго Величества, такъ какъ по совершенному неурожаю хлѣба и сихъ губерній въ голодъ вверженныхъ обитателей, имѣвъ разсужденіе согласно съ нимъ, главнымъ начальникомъ, положили еще въ пополненіе слѣдующее:

1. Какъ генеральной почти неурожай всякаго хлѣба принудилъ принять описанныя въ помянутомъ протоколѣ не токмо войскъ Ея Императорскаго Величества, но и поселянъ въ пропитаніи мѣры, а затѣмъ въ будущую весну, когда земледѣльцы не будутъ имѣть къ посѣву яроваго поля сѣмянъ, то и ожидать будетъ нечего, исключая помѣщиковъ, которые собственно о себѣ и о своихъ крестьянахъ пекутся, прочіе, то есть дворцовые, экономическіе, государственные и черносошные, первые хотя бъ зависѣли отъ распоряженія коллегіи экономіи съ ихъ казначеями, а дворцовые отъ ея канцеляріи и управителей, но тѣмъ и другимъ сдѣлана быть можетъ не инако какъ казенная ссуда, послѣднимъ же и паче оная нужна; а изъ жатвы будущаго, неминуемо потребенъ овесъ ради прокормленія лошадей, еслибъ и не войскъ теперь здѣсь находившихся, то полковъ, назначенныхъ дивизіей въ здѣшнія губерніи на обыкновенныя квартиры, для того опредѣляется по собственному гг. губернаторовъ распоряженію въ магазины, кои теперь для поселянъ къ ихъ пропитанію наполненіемъ полагаются, закупить овса и ячменя по такой пропорціи сколько они заблагоразсудятъ или и однимъ овсомъ Казанскому 50, а Нижегородскому 40 тысячъ четвертей, употребляя на сію закупку деньги и постановляя сему яровому хлѣбу цѣны, равно какъ произвожденіе закупки не въ мѣстахъ сихъ губерній, но въ прочихъ во всемъ, такъ и ссуду для посѣву онаго согласно въ нынѣ подписанномъ протоколѣ положенію, а чѣмъ для казны выгоднѣе, тѣмъ лучше, что́ и зависитъ отъ извѣстнаго ихъ гг. губернаторовъ усердія.

2. Понеже вся сія казенная въ разсужденіи обитателей ссуда происходитъ изъ высочайшаго Ея Императорскаго Величества къ подданнымъ милосердія, но сею воспользоваться должны прямо къ пропитанію своему ничего не имѣющіе обитатели, а не тѣ, которые и безъ того имѣютъ довольное число хлѣба, не токмо себѣ, но и своихъ одни крестьянъ, а другіе собратій къ пропитанію, и дабы изъ числа сихъ, наипаче распродавъ имущество онаго дорогими цѣнами, не вошли послѣ сами въ казенную ссуду и тѣмъ не сдѣлали сущаго лоупотребленія, для того во-первыхъ во всѣхъ городахъ и мѣстахъ симъ утверждаются продажному хлѣбу цѣны сообразно съ предписанными, прото-

коломъ утвержденными, чтобъ оныя на торгахъ и при всякомъ законтрактованіи не токмо были отнюдь не свыше, но еще буде бы гдѣ можно и съ пониженіемъ; во-вторыхъ чтобъ сдѣлать возможное ограниченіе и удержаніе въ томъ, дабы корыстолюбцы не имѣли поползновенія подъ предлогомъ скудости получить себѣ ссуду изъ казенныхъ магазиновъ на продажу, потомъ, возвышенными цѣнами имъ бы распродавъ таковые избытки собственно своего, потомъ выманивать изъ казенныхъ магазиновъ себѣ хлѣбную ссуду, о чемъ главный начальникъ и предположилъ сдѣлать отъ себя пристойное обнародованіе.

Съ сего пополнительнаго протокола гг. губернаторамъ за общею закрѣпою взять точныя копіи, и исполненіе чинить во всемъ такъ, какъ и въ первомъ протоколѣ 8 пунктовъ окончательно предписаннаго, равно какъ для свѣдѣнія имъ же и съ данныхъ гг. полковымъ командирамъ о прокормленіи строевыхъ и подъемныхъ лошадей приказа копіи жъ у сего прилагаются.

Графъ Петръ Панинъ.
Алексѣй Ступишинъ.
Князь Платонъ Мещерской.

Въ томъ же донесеніи Панина, откуда выше (стр. 618) приведенъ отрывокъ, говорится о послѣдствіяхъ бывшаго въ годъ Пугачевщины неурожая: во всѣхъ мѣстахъ Воронежской, Нижегородской и Казанской губерній, гдѣ онъ проѣзжалъ, „уже съ сентября мѣсяца обыватели инаго хлѣба не ѣдятъ какъ съ лебедою, съ желудьми, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и съ мохомъ“. Вслѣдствіе того императрица указомъ 16-го октября, возложивъ на Панина заботу о прокормленіи тамошняго края, повелѣла, по его ходатайству, не вводить болѣе войскъ въ названныя губерніи и уменьшить вывозъ хлѣба. „Что же касается до снабженія и заготовленія магазиновъ въ нужду терпящія мѣста, то молю Бога“, прибавляла Екатерина въ своемъ письмѣ къ Панину отъ 19-го октября, „чтобы вы способъ нашли оные исполнить“ [1]). Это побудило Панина разослать слѣдующій циркуляръ:

48. Объявленіе.

Ея Императорскаго Величества Великой Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской отъ полнаго генерала главнаго начальника надъ губерніями Нижегородскою, Казанскою, Оренбургскою, и кавалера трехъ Россійскихъ орденовъ

Всѣмъ владѣльцамъ, жителямъ и поселянамъ оныхъ губерній симъ дается знать:

Почти отъ большей части черни сихъ губерній, сколь ни велики оказаны были законопреступническія злодѣянія, испроверженіе подданнической вѣрности къ Ея Императорскому Величеству и дерзновенное выступленіе изъ повиновенія законной власти, и сколь правосудіе ни обращало Монаршее ея сердце на гнѣвъ за оное, но ничто не возмогло преодолѣть въ великой ея душѣ жалости, человѣколюбія и материнскаго милосердія ко врученному отъ

---

[1]) *Сбор. Ист. Общ.* VI, 160 и 162.

Бога подъ скипетръ ея народу, ибо при усматриваніи бѣдствія, ниспосланнаго на оный отъ десницы Вышней конечно въ правосудное же наказаніе умножившимся въ немъ злодѣйскимъ преступленіямъ, чрезъ всеобщій въ странѣ сей хлѣбный недородъ, угрожающій бѣдныхъ и самою отъ голода смертію, Ея Императорское Величество, будучи воздвигнута по такому приключенію материнскимъ о народѣ своемъ соболѣзнованіемъ, презрѣвъ всѣ оказанныя отъ него противу Монаршей власти злодѣйскія дерзновенія, человѣколюбно присовокупила къ возсылаемымъ своимъ теплымъ молитвамъ ко Господу Богу о удержаніи праведнаго Его гнѣва на ея народъ, и высочайше соизволила указать мнѣ приложить всеудобьвозможное попеченіе къ преподанію помощи ввергающимся въ сущее претерпѣніе голоду, заведеніемъ по мѣстамъ здѣшней страны хлѣбныхъ казенныхъ магазейновъ, всемилостивѣйше удѣля на то денежную сумму изъ доходовъ государственныхъ, крайне жъ расхищенныхъ и пресѣченныхъ чрезъ возмущеніе самаго того народа, о которомъ ея человѣколюбивое сердце всегда подвизается милосердіемъ и попеченіемъ о его истинномъ благосостояніи. Я, по всеподданнической должности къ непремѣнному исполненію высочайшаго мнѣ сего повелѣнія и по всему усердію и способствованіи единоплеменному со мною народу, на предохраненіе онаго, сколько возможно, отъ предстоящаго ему бѣдствія чрезъ всеобщій неурожай здѣсь хлѣба, хотя и обращаю всѣ мои на то силы и удобныя пособія, но никакъ не буду въ состояніи по желанію своему во ономъ предуспѣть, если всѣ безъ изъятія владѣльцы и жители страны здѣшней, изобилующіе отъ прошлыхъ лѣтъ остатками и промышляющіе хлѣбомъ, не восхотятъ совокупить своего усердія съ моимъ попеченіемъ, на равное жъ вспомоществованіе ко отвращенію угрожаемаго народу сего бѣдствія. Но какъ пріуготовленіе пищи при настояніи голода первый способъ всеобщему спокойствію, такъ насупротивъ того недостатокъ оной производитъ ужасныя слѣдствія; то я въ несумнѣнной о томъ надеждѣ, что никто изъ россійскихъ вѣрныхъ сыновъ въ такомъ случаѣ не восхощетъ быть извергомъ рода человѣческаго, чтобъ предпочесть ненасытность корысти своей, при гладномъ бѣдствіи своихъ соотечественниковъ, предъ умѣренными и Богомъ благословенными прибытками отъ своей жатвы и промысловъ, соразмѣрными только трудамъ своимъ и вспоможенію въ голодѣ собственнымъ своимъ собратіямъ; на томъ основаніи, по довольномъ разсужденіи въ общемъ со мною засѣданіи гг. губернаторовъ Нижегородскаго и Казанскаго, положили и утвердили, чтобъ съ сего времени до новаго хлѣбнаго урожая не допускать нигдѣ подымать цѣнъ на всемъ правомъ берегу Волги: аржаной мукѣ выше 2-хъ рублей 70 копѣекъ, крупѣ 3-хъ рублей 50 копѣекъ, овсу 1-го рубля 10 копѣекъ четверть, а на лѣвомъ берегу оной рѣки муки аржаной 1-го рубля 80 копѣекъ, крупѣ.... [1]) овесъ 80 копѣекъ четверть, сѣна повсемѣстно не выше 6 копѣекъ пудъ и чтобы всеудобь-возможными средствами отъ того воздержать, дабы изъ учреждаемыхъ казенныхъ магазейновъ никто отнюдь не дерзалъ, имѣющій собственное пропитаніе до новаго урожая или распродавшій свое избыточество, въ собственную корысть выманивать выдачу себѣ изъ оныхъ магазейновъ, подъ видомъ своихъ въ хлѣбѣ недостатковъ, на необходимое свое пропитаніе, или на продажу принятаго изъ тѣхъ магазейновъ въ собственную себѣ корысть; я объ ономъ преположеніи симъ всѣмъ и каждому объявляю, присовокупляя:

1. Да не дерзаетъ никто выше преположенныхъ цѣнъ продавать ни въ казну, ни въ народѣ свое хлѣбное и фуражное избыточество, и да не выпускаетъ

[1]) Слѣдующія за симъ числа остались не разобранными.

никто безъ дозволенія правительства хлѣбные свои избытки на продажу въ другія мѣста, кромѣ собственныхъ своихъ губерній, подъ неупустительнымъ не только безденежнымъ конфискованіемъ всего продаваемаго, но и будетъ таковой признаніемъ во обществѣ изверженъ изъ вѣрныхъ сыновъ во враги отечества своего; а если кто изъ благоусердныхъ сыновъ Россіи станетъ продавать въ народъ и въ казенныя для снабденія онаго магазейны, свои хлѣбные и фуражные избытки ниже вышепреположенныхъ цѣнъ, тотъ будетъ признанъ и предъ престоломъ Монаршимъ, и отъ всего общества за особливо усерднаго сына своему отечеству, вѣрнаго раба всемилостивѣшей Монархинѣ и благотворительнаго собрата своихъ единоплеменныхъ.

2. Да не дерзаетъ никто быть такимъ злохищнымъ извергомъ, чтобъ подъ видомъ сущаго своего голода выманивать изъ казенныхъ магазейновъ выдачу на себя, или на постороннія имена, хлѣба для продажи онаго въ насыщеніе жаднаго своего корыстолюбія, или при распродажѣ своихъ хлѣбныхъ избытковъ чтобъ пропитать себя потомъ тѣмъ выманеннымъ изъ казенныхъ магазейновъ хлѣбомъ, которыхъ на всѣхъ безъ изъятія сей страны обитателей наполнять, ни казны ни въ натурѣ хлѣба достать никакъ будетъ невозможно; кто воономъ паче чаянія обличится, съ тѣмъ безъ всякой пощады поступлено будетъ не только въ наказаніи, но и въ казни какъ со вредителемъ имперіи и народнаго спокойствія. Изданъ въ Синбирскѣ 1774 года [1]).

Графъ Петръ Панинъ.

49. Журналъ присутствія въ московскомъ Сенатѣ 31 декабря.

1774 года декабря 31 дня, среда. Въ назначенное въ Правительствующемъ Сенатѣ собраніе прибыли:

Николай Борисовичъ Самойловъ	въ 1/2 8-го часа.
Александръ Борисовичъ Самойловъ	
Матвѣй Григорьевичъ Мартыновъ	въ 8 часовъ.
Михайла Михайловичъ Салтыковъ	
Членъ Синода протоіерей Андрей	въ началѣ 9-го
Архимандритъ Новоспасскій Іоаннъ	
Петръ Ивановичъ Вырубовъ	
Михайло Федотовичъ Каменской	
Михайло Купріяновичъ Лунинъ	
Алексѣй Александровичъ Яковлевъ	
Князь Александръ Алексѣевичъ Вяземской	въ 1/2 9-го.
Князь Петръ Михайловичъ Волконской	
Лукьянъ Ивановичъ Камынинъ	
Иванъ Ивановичъ Мелиссино	
Графъ Федоръ Андреевичъ Остерманъ	въ исходѣ 9-го.
Акимъ Ивановичъ Опухтинъ	
Дмитрій Васильевичъ Волковъ	
Иванъ Ивановичъ Козловъ	
Михайло Яковлевичъ Масловъ	
Графъ Валентинъ Платоничъ Мусинъ-Пушкинъ	въ началѣ 10-го.
Александръ Матвѣевичъ Херасковъ	
Князь Иванъ Андревичъ Вяземской	
Всеволодъ Алексѣевичъ Всеволожской	

[1]) Вѣроятно въ концѣ октября или въ первыхъ числахъ ноября.

Князь Михайло Никитичъ Волконской Иванъ Ивановичъ Давыдовъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ	въ 1/2 10-го.
Александръ Ивановичъ Глѣбовъ Преосвященный Крутицкій Самуилъ Яковъ Яковлевичъ Протасовъ Григорій Григорьевичъ Протасовъ	въ исходѣ 10-го.
Василій Савичъ Перекусихинъ Преосвященный Суздальскій Геннадій Павелъ Сергѣевичъ Потемкинъ	въ 10 часовъ.

Слушано.

1. Журналъ декабря 30 дня, который апробовавъ подписали.

2. Донесеніе Михайлы Яковлевича Маслова, Іоанна архимандрита Новоспасскаго и Матвѣя Григорьевича Мартынова, что злодѣя Емельки Пугачева сообщниковъ о написанныхъ въ выпискѣ дѣяніяхъ ихъ они спрашивали, и каждой изъ нихъ утвердили произведенные ими допросы и оказали свои признанія такъ, что ни одинъ ни допроса своего не противурѣчилъ, ни въ пополненіе ничего не показалъ. Приказали сіе донесеніе сообщить къ производимому дѣлу.

3. Г. генералъ-прокуроръ и кавалеръ предъявилъ собранію заготовленные пункты злодѣю Емелькѣ Пугачеву, чтобы въ слѣдствіе учиненнаго собраніемъ вчерашняго дня опредѣленія спросить его такими словами: 1) Ты ли Зиновейской станицы бѣглой Донской казакъ Емелька Ивановъ сынъ Пугачевъ? 2) Ты ли, по побѣгѣ съ Дону шатаясь по разнымъ мѣстамъ, былъ на Яикѣ и сначала подговаривалъ Яицкихъ казаковъ къ побѣгу на Кубань, потомъ назвалъ себя покойнымъ Государемъ Петромъ Феодоровичемъ? 3) Ты ли содержался въ Казани въ острогѣ? ты ли, ушедъ изъ Казани, принялъ публично имя покойнаго императора Петра Третьяго, собралъ шайку подобныхъ злодѣевъ и съ оною осаждалъ Оренбургъ, выжегъ Казань и дѣлалъ разныя государственныя разоренія, сражался съ вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками, и наконецъ артелью твоею связанъ и отданъ правосудію Ея Величества, такъ какъ въ допросѣ твоемъ обо всемъ обстоятельно отъ тебя показано? 5) Не имѣешь ли сверхъ показаннаго тобою еще чего объявить? 6) Имѣешь ли чистосердечное раскаяніе во всѣхъ содѣянныхъ тобою преступленіяхъ? Собраніе оные пункты апробовали; почему тогда же введенъ былъ злодѣй Емелька Пугачевъ, и падъ предъ собраніемъ въ ноги, на помянутые вопросы, читанные ему г-мъ генералъ-прокуроромъ и кавалеромъ, во всемъ признался, объявя что сверхъ показаннаго въ допросахъ ничего объявить не имѣетъ, сказавъ наконецъ: „Каюсь Богу, Всемилостивѣйшей Государынѣ и всему роду христіанскому". Собраніе приказали оное записать въ журналъ.

4. По выводѣ злодѣя г. генералъ-прокуроръ и кавалеръ предложилъ собранію приличные законы и сочиненный Павломъ Сергѣевичемъ Потемкинымъ краткой экстрактъ о винахъ злодѣя Пугачева и его сообщниковъ, дабы, прослушивая оные къ постановленію сентенціи, сперва о главнѣйшемъ бунтовщикѣ самозванцѣ и злодѣѣ Емелькѣ Пугачевѣ положеніе сдѣлать, а равняясь тому и о всѣхъ его сообщникахъ рѣшиться можно было, и по выслушаніи законовъ и экстракта собраніе разсудило Емельку Пугачева четвертовать, голову взоткнуть на колъ, части тѣла разнести по четыремъ частямъ города и положить на колеса, а послѣ на тѣхъ мѣстахъ сжечь. Что жъ слѣдуетъ до

его сообщниковъ и прочихъ подъ слѣдствіемъ находившихся людей, то главнѣйшихъ способствующихъ въ его злодѣяніяхъ, Яицкаго казака Афанасья Перфильева четвертовать въ Москвѣ, Яицкому казаку Ивану Чикѣ, онъ же и Зарубинъ, отсѣчь голову въ Уфѣ и взоткнуть ее на колъ, а трупъ сжечь, Яицкаго казака Максима Шигаева, оренбургскаго казачьяго сотника Подурова и оренбургскаго неслужащаго казака Василья Торнова повѣсить въ Москвѣ. Яицкихъ казаковъ Василья Плотникова, Дениса Караваева, Григорья Закладнова, мещерятскаго сотника Канзафера Усачева и ржевскаго купца Долгополова высѣчь кнутомъ, поставить знаки и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу, и изъ нихъ Долгополова сверхъ того содержать въ оковахъ. Яицкаго казака Ивана Почиталина, Илецкаго Максима Горшкова и Яицкаго Илью Ульянова высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, сослать на каторгу, Яицкихъ казаковъ Тимофея Мясникова, Михайлу Кожевникова, Петра Кочурова, Петра Толкачева, Ивана Харчева, Тимофея Скачкова, Петра Горшенина, Панкрата Ягунова, пахотнаго солдата Степана Оболяева и ссыльнаго крестьянина Афанасья Чучкова высѣчь кнутомъ и, вырвавъ ноздри, послать на поселеніе. Отставнаго гвардіи фурьера Михайлу Голева, саратовскаго купца Федора Кобякова и раскольника Пахомія высѣчь кнутомъ, Голева и Пахомія въ Москвѣ, а Кобякова въ Саратовѣ, да саратовскаго жъ купца Протопопова высѣчь плетьми, подпоручика Михайлу Швановича, лишивъ чиновъ и дворянства ошельмовать, переломя надъ нимъ шпагу. Инвалидной команды прапорщику Ивану Юматову, для старости лѣтъ, наказаніе уменьшить, и именно лишить его чиновъ, Астраханскаго коннаго полку сотника и депутата Василья Горскаго лишить депутатскаго достоинства и названія. Илецкаго казака Ивана Творогова да Яицкихъ Федора Чумакова, Василья Коновалова, Ивана Бурнова, Ивана Федулева, Петра Пустобаева, Якова Почиталина, Семена Шелудякова и Козьму Кочурова, въ силу высочайшаго Ея Императорскаго Величества милостиваго манифеста, отъ всякаго наказанія освободить и о семъ сдѣлать имъ особое объявленіе чрезъ отряженнаго изъ собранія члена въ назначенный для того день, при всенародномъ зрѣлищѣ предъ Грановитою палатою, гдѣ и снять съ нихъ оковы. Отставнаго подпоручика Гринева, царицынского купца Василья Качалова, добрянскаго купца Петра Кожевникова, малороссіянина Осипа Коровку, Донскихъ казаковъ Лукьяна Худякова, Андрея Кузнецова, Яицкаго казака Ивана Понамарева, онъ же и Самодуровъ, раскольниковъ Василья Щолокова, Ивана Седухина крестьянина Василья Попова и Семена Филипова освободитъ, ибо они оказались невиновными, а изъ нихъ же еще крестьянина Филипова, яко доносителя въ Малыковкѣ о начальномъ прельщеніи злодѣя Пугачева, оставить о награжденіи его на разсмотрѣніе Правительствующаго Сената. Женъ самозванца, первую Софью, дочь Донскаго казака Дмитрія Никифорова, вторую Устинью, дочь Яицкаго казака Петра Кузнецова, и малолѣтныхъ отъ первой жены сына и двухъ дочерей, какъ всѣ они ни въ какихъ преступленіяхъ не участвовали, отдалить безъ наказанія, куда благоволитъ Правительствующій Сенатъ. Равномѣрное же предоставляется къ тому же разсмотрѣнію назначеніе мѣстъ и содержаніе осужденныхъ на каторгу и на поселеніе; впрочемъ же, какъ изъ вышеписанныхъ казакъ Подуровъ находился депутатомъ избраннымъ въ комисію сочиненія проекта новаго уложенья и, по его злодѣяніямъ, по силѣ обряда выбора депутатовъ долженъ быть лишенъ сего названія, то собраніе положили въ сентенціи депутатомъ его не именовать, а при томъ какъ объ немъ, такъ и о Горскомъ названіе ихъ депутатами въ комисіи и въ томъ мѣстѣ, гдѣ они избраны, уничтожить, о чемъ и особой приговоръ тогда же подписанъ.

По окончаніи сего, Святѣйшаго Синода члены объявили, что они, видя собственное злодѣевъ признаніе, согласуются что достойны они жесточайшей казни, и слѣдовательно, какая заключена будетъ сентенція, отъ оной не отрицаются. Но поелику они духовнаго чина, то къ подпискѣ сентенціи приступить не могутъ. Приказали оное записать въ журналъ и припечатать при сентенціи [1].

Изъ собранія вышли въ часъ по полудни. При чемъ генералъ-прокуроръ и кавалеръ предлагалъ, что остается установить о злодѣяхъ и виновникахъ сентенцію избраннымъ отъ собранія членамъ, и какъ предузнать не можно, къ которому дни оная изготовится, то когда паки собраніе, о томъ чрезъ полицію повѣщено будетъ.

Сенаторъ Михайла Михайловичъ Измайловъ, синодальной членъ Успенскаго собора протоіерей Александръ и члены собранія графъ Петръ Ивановичъ Панинъ, Павелъ Матвѣевичъ Олсуфьевъ, президентъ Хитровъ увѣдомили, что сего 31 числа въ собраніи за болѣзнію быть не могли.

50. „Равличеніе важности преступленія способниковъ злодѣйскихъ, примѣченное каждаго раскаяніе по свойству ихъ“.

1-й сортъ.

Яицкій казакъ Афанасій *Перфильевъ* подъ № 30. Сей добровольно предложилъ свое желаніе уговорить Яицкихъ казаковъ, способниковъ злодѣйскихъ, отстать отъ самозванца и предать его въ руки правосудія; но ѣдучи еще въ Оренбургъ, поколебнулся въ намѣреніи своемъ, а прибылъ въ толпу злодѣйскую, подъ Бердой находившуюся, по совѣту Овчинникова открылъ намѣреніе свое самому злодѣю Пугачеву и съ тѣхъ поръ пребылъ вѣренъ злодѣю, содѣйствовалъ ему во всѣхъ злодѣяніяхъ, тиранствовалъ надъ многими несчастными, попавшимися ему въ руки, и старался склонять подъ Оренбургомъ вѣрныхъ Яицкихъ казаковъ въ толпу злодѣйскую и не хотѣлъ и при послѣднемъ времени отдаться въ руки правосудія. Не дуракъ, свойства самаго злѣйшаго, нѣсколько разъ бывалъ въ Петербургѣ.

2-й сортъ.

Яицкіе казаки:

Максимъ *Шигаевъ*.	весьма не глупъ, твердъ и былъ нѣсколько разъ въ Петербургѣ.
Иванъ *Чика*, названный графомъ *Чернышевымъ*.	великой плутъ.
Оренбургскихъ казаковъ депутатъ *Подуровъ*.	весьма не глупъ и довольно разумѣющь.
Мещерякъ Канзаферъ Усаевъ.	не глупъ, но легкомысленъ.
Персіяниновъ, онъ же и Торновъ.	великой плутъ.

Вины ихъ:

Шигаевъ былъ изъ начальныхъ способниковъ злодѣйскихъ съ Караваевымъ разглашалъ о злодѣѣ, при открытіи его былъ поводомъ многаго соблазна другимъ, былъ злодѣйскимъ любимцемъ и начальствовалъ толпою подъ Орен-

[1]) Она напечатана въ приложеніяхъ къ *Исторіи Пугачевскаго бунта*, Пушкина.

бургомъ, когда злодѣй отлучался къ Яицкому городку и казнилъ несчастныхъ людей. Взятъ послѣ разбитія злодѣя подъ Татищевой подъ № 1.

Чика былъ также изъ первыхъ способниковъ злодѣйскихъ; при самомъ открытіи самозванства скрылъ Пугачева отъ поиску на хуторахъ, былъ такожъ любимцемъ злодѣя, начальствовалъ отдѣльной толпою; производилъ великіе грабежи, разоренія заводамъ и селеніямъ и казнилъ многихъ. Не безнужно, чтобъ казнить его въ Уфѣ, понеже весь край тотъ злости его исполненъ.

Подуровъ былъ виновникомъ многаго развращенія легкомысленнаго народа, которые по уму и достоинству депутатскому къ нему имѣли почтеніе, старался склонять вѣрныхъ Яицкихъ казаковъ къ злодѣю и писалъ многія письма. Взятъ послѣ разбитія злодѣевъ подъ Сакмарою.

Канзаферъ двоекратно былъ въ толпѣ злодѣйской: въ первый разъ взятъ былъ съ Башкирцами, а когда попался въ руки войскъ, былъ съ билетомъ отпущенъ, то встрѣтясь съ Долгополовымъ, по прельщенію его вторично преклонился къ бунтовщикамъ, купленъ за 100 рублевъ чрезъ старшину башкирскаго Кидряса, ибо имя его весьма славно было между бунтующими Башкирцами; нужно, чтобъ смерть его равно была учинена въ Уфѣ для Башкирцовъ.

Торновъ двоекратно былъ въ злодѣйской толпѣ, добровольно взялъ Нагайбакъ и чинилъ въ тѣхъ мѣстахъ великія разоренія и смертоубивства.

3-й сортъ.

Яицкіе казаки:

Денисъ *Караваевъ*. Василій *Плотниковъ*.	Оба весьма не глупы, тверды, но *Караваевъ* больше злѣйшаго сложенія. Были изъ первыхъ разгласителей о самозванцѣ между Яицкаго войска, оба взяты подъ караулъ прежде нежели злодѣй подходилъ къ Яицкому городу и утаили о злодѣ, изъ доброжелательства всеконечно, хотя не признаются, понеже смыслъ ихъ не могъ допустить вѣрить самозванцу. *Караваевъ* же дѣлалъ соблазну простакамъ, разсказывая, что онъ на самозванцѣ видѣлъ царскіе знаки.
Григорій *Закладновъ*.	простъ; самый первый, кому злодѣй объявилъ самозванство; разглашалъ многимъ о самозванцѣ; въ толпѣ былъ, но не сражался съ войсками и убивствъ не чинилъ.

4-й сортъ.

Яицкіе казаки:

Яковъ *Почиталинъ*.	простодушенъ.
Тимофей *Мясниковъ*.	
Михайла *Кожевниковъ*.	
Петръ *Кочуровъ*.	простъ.
Козьма *Кочуровъ*.	не глупъ.
Иванъ *Харчевъ*.	не глупъ.

Петръ *Толкачевъ.*	всѣ родомъ плуты и злодѣи.
Тимофей *Скачковъ.*	
Петръ *Горшенинъ.*	
Панкратъ *Ягуновъ.*	
Раскольничій старецъ *Пахомій.*	плутъ и крайній суевѣръ.
Пахотный солдатъ Степанъ *Обаляевъ,* прозванной Ерёминой курицой.	простъ, но великой плутъ.
Ссыльной крестьянинъ Афанасій *Чучковъ.*	весьма простъ.

Яковъ *Почиталинъ*, по увѣренію *Караваева* и *Шигаева*, повѣрилъ о самозванцѣ и послалъ къ нему для производства письменныхъ дѣлъ сына своего Ивана и одежду самозванцу, но послѣ изданныхъ отъ меня [1]) манифестовъ, въ которыхъ прописано было священнымъ именемъ Ея Императорскаго Величества, что всѣ возвращающіеся изъ толпы злодѣйской съ повинною, останутся не вредны, самъ явился.

Тимофей *Мясниковъ* былъ у злодѣя сотникомъ отъ самаго его начала, и до разбитія злодѣевъ подъ Сакмарою сражался съ войсками, но смертоубивствъ особенно не дѣлалъ.

Кожевниковъ, тотъ къ которому на хуторъ *Чика*, называющійся графомъ Чернышевымъ, привезъ злодѣя, былъ взятъ подъ караулъ тогда какъ изъ города поискъ высланъ былъ по первому слуху о самозванцѣ, но онъ утаилъ объ немъ, а сказалъ изъ подъ пристрастнаго допроса и тогда, какъ уже зналъ, что злодѣй имѣлъ время скрыться въ другое мѣсто.

Петръ *Кочуровъ* былъ у злодѣя на Усихѣ и разглашалъ объ немъ въ городкѣ, и тотъ самый день взятъ подъ караулъ; при допросѣ объявилъ о самозванцѣ, по которому объявленію и поискъ, сказанный выше сего, былъ посланъ, работалъ въ ретраншаментѣ и не покушался передаться къ злодѣю.

Козьма *Кочуровъ* былъ въ толпѣ у злодѣя, сражался съ войсками, но особенно убивствъ не дѣлалъ; по разбитіи злодѣевъ подъ Яицкимъ городомъ отсталъ отъ толпы и явился самъ, когда свѣдалъ, что являющимся съ повинною престали дѣлать истязанія.

Харчевъ о самозванцѣ слышалъ, что онъ проявился на Таловой, но никому о томъ не разглашалъ и не доносилъ, сказывая якобы по простотѣ. Былъ въ ретраншаментѣ и защищался противъ злодѣевъ болѣе мѣсяца, потомъ отпущенъ былъ изъ города на ловлю рыбы и захваченъ злодѣйскимъ атаманомъ Толкачевымъ, гдѣ пребывалъ до разбитія злодѣевъ подъ Яицкимъ городомъ, и тогда явился къ коменданту. Братъ его весьма вѣрный человѣкъ.

Толкачевъ. Братъ самаго главнаго злодѣя Толкачева, который осаждалъ Яицкій ретраншаментъ и въ Оренбургѣ повѣшенъ. Былъ въ толпѣ злодѣйской по разбитіи оной подъ Сакмарою, сражался многократно съ войсками но въ убивствѣ и злодѣйствахъ болѣе сего не обличенъ.

Скачковъ захваченъ въ толпу къ злодѣю нечаянно, но служилъ ему вѣрно, былъ при всѣхъ грабительствахъ и разореніяхъ до самаго послѣдняго разбитія. Сказываетъ, якобы хотѣлъ самъ явиться съ повинною, но пойманъ въ Саратовѣ и присланъ въ тайную экспедицію отъ его сіятельства графа Петра Ивановича Панина.

Ягуновъ показалъ то же, что и вышесказанный.

[1]) Т. е. П. С. Потемкина, какъ начальника секретныхъ комисій.

Пахомій, яко сущій суевѣръ, болѣе укрываетъ вины своей нежели въ самомъ дѣлѣ, поелику онъ сообщникъ Филарету, первому наставнику Пугачева.

Абаляевъ изъ первыхъ самыхъ, которому злодѣй назвался государемъ, былъ пойманъ на Иргизѣ, когда злодѣй съ нимъ купно пріѣзжалъ и укрылся, но *Абаляевъ* о намѣреніи злодѣя утаилъ; по разсужденіямъ своимъ больше толковенъ нежели его уму и состоянію прилично, о которыхъ Ея Императорскому Величеству донесено. Достоинъ нѣкотораго лишняго наказанія.

Чучковъ былъ свидѣтелемъ первому сходбищу, когда злодѣй дерзнулъ назваться покойнымъ государемъ Петромъ третьимъ, не донесъ по простотѣ почитая его подлинно государемъ. Былъ конюхомъ у злодѣя и подъ Яикомъ взятъ.

5-й сортъ.

Яицкіе казаки:

Федоръ *Чумаковъ*, *Твороговъ*, *Коноваловъ*, *Бурновъ*, *Федулевъ*, *Пустобаевъ* *Шелудяковъ*, *Ульяновъ*.

Чумаковъ самый первый, который восчувствовалъ раскаяніе въ совѣсти своей, видя простираемые злодѣйства извергомъ, и тогда еще какъ подъ Татищевой крѣпостью сонмнище злодѣевъ въ первый разъ было разбито. По допросамъ многихъ и по свидѣтельству Григорья Бородина извѣстно, что когда сей Бородинъ нашелъ случай изъ толпы злодѣйской бѣжать, то совѣтовалъ съ *Чумаковымъ* злодѣя связать, но казакъ Горловъ тогда донесъ злодѣю и тѣмъ воспрепятствовали то исполнить, ибо злодѣй изъ числа заговорившихся одного повѣсилъ, а прочихъ ужаснулъ. Сей *Чумаковъ* былъ любимъ между всѣми товарищами своими, но какъ объявляетъ онъ, что совершенное прилагалъ вѣроятіе злодѣю въ имени имъ похищенномъ, утверждаетъ что онъ неоднократно любопытствовалъ вывѣдать у злодѣйской жены Софьи, подлинно ль она жена его, но она отрицалась, говоря что она жена Пугачева; возможно ли де мнѣ быть женой государевой? Наконецъ, услышавъ отъ Донскихъ казаковъ подлинно о Пугачевѣ наканунѣ разбитія подъ Чернымъ Яромъ, условился во-первыхъ съ Твороговымъ и потомъ съ Федулевымъ и Бурновымъ, чтобы отнюдь уже не сражаться съ вѣрными Ея Императорскаго Величества войсками, а надзирать чтобы злодѣя не выпустить изъ рукъ, что и исполнили. По переходѣ на Яицкія степи злодѣй уговаривалъ ихъ итти въ Сибирь (?) [1]), но они подъ видомъ дальности отреклись. Злодѣй потомъ звалъ ихъ на Каспійское море, но они сказали, что противъ отечества своего съ чужими ордами воевать не могутъ, и не только уговорили злодѣя итти на Узени, но и не допускали уже соединяться съ собою приставающимъ разнаго званія людямъ, а пріѣхавъ на Узени, первой объявилъ злодѣю о томъ, что его связать казаки вознамѣрились, и первой съ Твороговымъ привезли вѣдомость въ отдѣленную секретную комисію, на Яикѣ находившуюся, о поимкѣ злодѣя. Впрочемъ пребывалъ у злодѣя почти съ самаго начала.

Твороговъ попался въ толпу къ злодѣю, когда всѣ Илецкіе казаки измѣнили, атамана своего прозваніемъ Портнова предали въ руки самозванцу, и злодѣй его повѣсилъ. Сдѣлался любимцемъ злодѣйскимъ потому, что извергъ ночевалъ въ домѣ *Творогова*, какъ въ лучшей квартирѣ изо всего Илека. Съ того времени былъ при злодѣйской названной коллегіи, подписывалъ всѣ лжесоставленныя бумаги, называя манифестами и указами, равно давалъ подорожные билеты и охранительные листы. Сомнѣніе о злодѣѣ возымѣлъ въ то

[1]) Неразборчиво написанное слово.

время, когда злодѣй велѣлъ изъ Дубовки послать манифестъ на Донъ и называлъ его имяннымъ указомъ. Слово имяннаго указа остановило *Творогова* подписаться; онъ представилъ самозванцу, что имянные указы подписываютъ сами государи, а какъ злодѣй не могъ подписать, то *Твороговъ* отвергъ сердце свое отъ злодѣя и примѣчалъ съ тѣхъ поръ его поступки, а усмотря что злодѣй отъ Донскихъ казаковъ укрывалъ рожу свою, то сообщилъ свои мысли Чумакову, который объявляетъ что онъ весьма былъ радъ тому, ибо самъ, мысля о томъ же, опасался открыться въ своемъ мнѣніи, и съ тѣхъ поръ совѣщались уже они о поимкѣ злодѣя. Когда жъ самозванецъ второй разъ ушелъ было, то *Твороговъ* его догналъ, сшибъ съ лошади, и потомъ обще съ Чумаковымъ первые явились сами съ извѣстіемъ о поимкѣ злодѣя въ Яицкомъ городкѣ.

Коноваловъ. О злодѣѣ слышалъ тогда еще, какъ былъ онъ въ самой первый разъ у Пьянова, и потомъ зналъ когда онъ былъ на рѣчкѣ Усихѣ, но не доносилъ о томъ по простотѣ своей, съ самаго начала былъ при толпѣ злодѣйской, но послѣ по соглашенію Чумакова и Творогова изъ первыхъ согласниковъ былъ въ поимкѣ злодѣя.

Бурновъ. Былъ въ толпѣ злодѣйской палачомъ, но изъ числа надежныхъ сообщниковъ къ преданію злодѣя въ руки правосудія: и когда злодѣй по поводу казака Маденова схватилъ саблю и пистолетъ, хотѣлъ вооружась усилиться, онъ схватилъ сзади руки злодѣя.

Федулевъ. Съ начала самаго былъ въ злодѣйской толпѣ есауломъ и во всѣхъ мѣстахъ служилъ ему вѣрно, но по уговору Чумакова согласился злодѣя связать; а когда самозванецъ, вооружась, велѣлъ было старшинъ вязать, то онъ первой кинулся на злодѣя съ саблею.

Пустобаевъ. Сначала былъ съ вѣрной страны, но попался къ злодѣямъ въ руки, будучи посланъ изъ Яика въ Оренбургъ отъ коменданта, и съ тѣхъ поръ во-первыхъ принужденно, а потомъ и охотно служилъ самозванцу; наконецъ, когда злодѣй былъ разбитъ подъ Чернымъ Яромъ, то онъ, отдѣляся при Перфильевѣ съ 32 человѣками, согласилъ другихъ итти въ Яицкій городъ съ повинною, увѣривъ ихъ что тамо не только жестокость пресѣклась, но и награждаютъ бѣдныхъ хлѣбомъ, на что всѣхъ и склонилъ.

Шелудяковъ. Былъ съ вѣрной стороны противъ злодѣя, но когда отъ коменданта посланъ былъ за лошадьми, злодѣями схваченъ силою, и въ его толпѣ былъ малое время, злодѣйствъ никакихъ не чинилъ, явился самъ, но своякъ злодѣю.

Ульяновъ. Былъ захваченъ при самомъ началѣ въ злодѣйское скопище съ нижнихъ форпостовъ, потомъ набралъ разнаго званія людей въ свою команду и соединился съ Чикою подъ Уфою, не утверждаетъ что злодѣя совершенно признавалъ, яко государя, но льстился при удачѣ его быть великимъ человѣкомъ, пойманъ вмѣстѣ съ Чикою, при допросѣ изъявилъ совершенное признаніе и раскаяніе, и первый открылъ всю хищность Яицкихъ бунтующихъ казаковъ.

6-й сортъ.

Иванъ *Почиталинъ.*	дуракъ.
Максимъ *Горшковъ.*	плутъ.
Подпоручикъ *Швановичъ*	простъ, и шаль.

Швановичъ. Былъ взятъ въ толпу злодѣйскую при разбитіи генерала-маіора Кара, названъ злодѣемъ атаманомъ, переводилъ лжесоставный манифестъ на имя оренбургскаго губернатора Рейнсдорпа, и потомъ письмо най-

денное у рейтара конной гвардіи, который, побуждаемъ вѣрностію къ службѣ Ея Величества, воспріялъ было исполнить благонамѣренное дѣло, а по тому переводу сказанный рейтаръ былъ повѣшенъ.

Горшковъ. Былъ при производствѣ письменныхъ дѣлъ, составлялъ злодѣйскіе манифесты и указы, подписывался подъ оными, взятъ послѣ истребленія первой злодѣйской названной военной коллегіи, злодѣйствъ никакихъ не дѣлалъ, но развращенія много.

Почиталинъ. Самый первый, который употребленъ къ письмамъ злодѣйскимъ и былъ до взятья злодѣйской коллегіи. Сей отсѣкъ голову саблею бригадиру Билову.

7-й сортъ.

Отставной ундеръ-офицеръ гвардіи *Голевъ*, Ржева Володимерова купецъ *Долгополовъ.*

Саратовскіе купцы:

Дмитрій *Протопоповъ и* Федоръ *Кобяковъ.*

Голевъ. По пьянству своему пустословіемъ чинилъ великіе соблазны въ народѣ, ибо по простотѣ своей поселяне прилагали ему вѣроятія, почитая, что онъ, служа въ гвардіи, всеконечно знаетъ достовѣрно самозванца.

Долгополовъ. Сей самый, который сказался якобы онъ былъ присланъ отъ Ихъ Высочествъ съ подарками, и учинилъ тѣмъ невѣроятное прельщеніе въ народѣ, такъ что съ появленія въ Казанской и Оренбургской губерніяхъ до самаго разбитія злодѣевъ подъ Казанью въ народѣ объ немъ твердили. Онъ тотъ, который столь дерзновенно пріѣхавъ въ Петербургъ, отважился предстать къ высочайшей особѣ съ ложнымъ представленіемъ, по коему и былъ съ капитаномъ Галаховымъ отправленъ; но узнавъ о поимкѣ злодѣя, отъ Галахова ушелъ и унесъ 3000 рублей казенныхъ денегъ, но пойманъ во Ржевѣ Володимеровѣ, и въ допросахъ разнословилъ.

Протопоповъ. По рапорту Бошняка, коменданта саратовскаго, его сіятельство графъ Петръ Ивановичъ Панинъ извѣщалъ, что сей *Протопоповъ* соглашался со всѣмъ купечествомъ предать городъ злодѣямъ, и посылали Кобякова въ толпу злодѣйскую; здѣсь оный заперся, но сіе извѣстно по всѣмъ обстоятельствамъ, что купечество въ Саратовѣ измѣнило.

Кобяковъ. Самый тотъ, который якобы по приказу коменданта ѣздилъ на переговоръ съ злодѣями; сіи пагубные переговоры къ сожалѣнію были употреблены во всѣхъ мѣстахъ; однако онъ не токмо былъ на переговорѣ, но бывъ въ толпѣ, изъ оной присланъ былъ съ злодѣйскимъ манифестомъ и паки уѣхалъ въ толпу, хотя комендантъ, изорвавъ манифестъ, его звалъ возвратиться.

8-й сортъ.

Города Петровска инвалидной команды прапорщикъ *Юматовъ.* Изъ трусости повиновался злодѣю; къ сожалѣнію общему, подобныхъ ему было весьма много; но названъ однако за то былъ отъ злодѣя полковникомъ, каковымъ званіемъ подписывался въ даваемыхъ имъ разныхъ билетахъ; объявляетъ, якобы иначе подписываться опасался злодѣя, статься можетъ по расположенію его души свойственной къ гнусной трусости.

Дубовскихъ казаковъ депутатъ *Горской*, весьма острый человѣкъ. Объявляетъ якобы онъ вшелъ въ толпу злодѣйскую, имѣя намѣреніе убить самого злодѣя, и всегда искалъ къ тому случая; но понеже всѣ Дубовскіе казаки

самопроизвольно шли въ толпу злодѣйскую, видно и сей не противясь соединился. Первый подалъ извѣстіе въ Черноярской крѣпости о разбитіи злодѣевъ, откуда посланъ былъ въ Астрахань, и тамо губернаторскимъ товарищемъ при допросѣ сѣченъ нещадно плетьми.

9-й сортъ.

Яицкій казакъ Иванъ *Пономаревъ*, онъ же и *Самодуровъ*.
Царицынскій купецъ Василій *Качаловъ*.
Раскольникъ Василій *Щолоховъ*.
Раскольникъ Иванъ *Седухинъ*.
Подпоручикъ *Гриневъ*.
Раскольникъ *Кожевниковъ*, купецъ Добрянскій.

Донскіе казаки:

Лукьянъ *Худяковъ*.
Раскольникъ Андрей *Кузнецовъ*.
Малороссіянинъ раскольникъ Осипъ *Коровка*.
Писатель письма злодѣю крестьянинъ Василій *Поповъ*.
Донощикъ на злодѣя крестьянинъ Семенъ *Филиповъ*.

Пономаревъ или *Самодуровъ*. Изъ-подъ пристрастнаго допроса въ Оренбургѣ показалъ, что онъ зналъ о злодѣѣ съ самаго начала; но сговорилъ сіе, и очной ставкой съ самыми злодѣями утверждено, что онъ его никогда не зналъ, да и въ толпѣ злодѣйской никогда не бывалъ, пойманъ на Узеняхъ и укрывался для того, что отца его искали.

Качаловъ. Взятъ по объявленію Долгополова въ томъ, якобы злодѣй, отправляя его изъ толпы злодѣйской, велѣлъ себя искать въ Царицынѣ въ домѣ сего купца, но самозванецъ оправдываетъ, что онъ велѣлъ себя искать въ случаѣ разбитія въ домѣ Полякова, который ему знакомъ сдѣлался, когда онъ ѣхалъ изъ Добрянки на Иргизъ, и его, *Качалова*, не знаетъ.

Щолоховъ. Взятъ по подозрѣнію на раскольниковъ, которое означенилось послѣ инаково; злодѣй зналъ, что *Щолоховъ* знакомъ Филарету, просилъ его о ходатайствѣ свободы, когда злодѣй содержался въ Казани; *Щолоховъ* обѣщалъ, но не въ такомъ разумѣ какъ изъ жалости, и далъ ему однажды 5 рублей денегъ.

Седухинъ. Купецъ, котораго просилъ злодѣй переслать письмо свое къ Филарету, лгавъ ему въ своемъ избыточномъ иждивеніи, но сей никакого зла не сдѣлалъ.

Подпоручикъ *Гриневъ*. По обнадеживанію одного бѣглаго солдата послалъ злодѣй письмо къ *Гриневу* въ томъ разумѣ, что сказанный солдатъ говорилъ такъ: я де *Гринева* знаю, онъ человѣкъ доброй и вѣрно къ вамъ склонится; но злодѣй никогда его не зналъ и отвѣта отъ него не имѣлъ; показаніе сіе вошло въ Новороссійской губерніи отъ одного посланнаго изъ злодѣйской толпы съ манифестами, именемъ Неустроева, который изъ-подъ пристрастныхъ допросовъ чрезъ нѣсколько дней умеръ.

Кожевниковъ. Купецъ Добрянскій, по первому допросу злодѣйскому весьма былъ важенъ, но онъ на очной ставкѣ обличилъ злодѣя во лжи, и сами злодѣи сговорили слова свои, а вся вина нынѣ состоитъ въ томъ, что онъ Филарету приказывалъ поклонъ.

Худяковъ и *Кузнецовъ*, *Коровка*. Всѣ оные были по первому допросу самозванца важны, но каждой изъ нихъ обличилъ злодѣя во лжи.

Василій *Поповъ*. Вина его состоитъ, что онъ отъ злодѣя, якобы у него находилось у Филарета 470 руб. денегъ, пріѣхавъ домой написалъ письмо къ Филарету со угроженіями, что ежели онъ сихъ денегъ не возвратитъ, такъ по общему дѣлу погибнутъ, но онъ наказанъ за то, ибо предъ приходомъ злодѣя къ Саратову доносилъ, что Малороссійской слободы жители готовятся предаться злодѣю. Ему не вовсе начальники повѣрили, и тамъ содержался онъ подъ карауломъ до тѣхъ поръ какъ злодѣи овладѣли Саратовомъ; тогда тѣ на коихъ онъ доносилъ, изрубили его такъ, что онъ нѣсколько недѣль отчаянъ былъ жизни, и въ ранахъ его завелись черви; впрочемъ великой плутъ и пьяница.

Семенъ *Филиповъ*. Самый тотъ, который, слыша въ Яицкомъ городѣ злодѣйскія прельщенія, подговаривалъ казаковъ въ Малыковкѣ донесть. Взятъ былъ для изобличенія злодѣя.

Подано отъ генералъ-маіора
Потемкина.

51. Вѣдомость

сколько, гдѣ и когда разбито бунтовщичьихъ шаекъ оружіемъ Ея Императорскаго Величества войскъ, предвождаемыхъ генераломъ и кавалеромъ графомъ Панинымъ.

Число шаекъ.

1. Отрядою г. полковника Михельсона Саранскаго уѣзда въ селѣ Починкахъ низложена 1 августа злодѣйская толпа; 30 человѣкъ предались сами, а прочіе побиты или разогнаны.
2. Отряженной имъ же, полковникомъ Михельсономъ, маіоръ Харинъ Саранскаго уѣзда въ селѣ Сучкинѣ разбилъ злодѣйскую толпу сего 1774 года августа 3 дня, состоящую въ двухъ стахъ человѣкахъ подъ предводительствомъ Донскаго казака Александра Суходольскаго, называвшагося злодѣйскимъ полковникомъ, которой съ 50 человѣками взятъ въ плѣнъ, а прочіе всѣ побиты.
3. Нижегородскаго гарнизона капитанъ Алексѣевъ въ Курмышскомъ уѣздѣ подъ селомъ Хоршевашами сего года 6 августа, былъ четыре раза атакованъ семью стами Чувашъ, но многихъ изъ нихъ убилъ, а прочіе всѣ ушли.
4. Онъ же, капитанъ Алексѣевъ, и капитанъ Томскаго полку Дурновъ въ Ядринскомъ уѣздѣ въ Ягункинѣ околоткѣ нашедъ въ 700 человѣкахъ злодѣйскую толпу, сего 1774 года августа 11 дня оную разбили и больше 100 человѣкъ положили на мѣстѣ.
5. Подъ Саратовомъ маіоромъ графомъ Меллинымъ сего года 11 августа поражена злодѣйская толпа. Побито болѣе 100, плѣнено 60 человѣкъ, при чемъ и наперсникъ Пугачевъ Яицкой казакъ Митрясовъ убитъ.
6. Донской старшина Лощилинъ сего года августа 19 дня разбилъ въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ подъ селомъ Губярами злодѣйскую толпу въ трехъ тысячахъ.
7. Подчиненной подполковника Архарова подпоручикъ Кабановъ сего 1774 года августа 17 въ Краснослободскомъ уѣздѣ по деревнѣ Акашевой и Барашевъ разбилъ злодѣйскую толпу.
8. Пензинскаго дворянства уланскаго корпуса шефъ Чемесовъ сего жъ

года 8 августа разбилъ злодѣевъ въ Пензинскомъ уѣздѣ, отъ города въ 30 верстахъ, болѣе нежели въ 3000 человѣкахъ, подъ начальствомъ Пензинскаго жъ уѣзда крестьянскаго сына Ивана Иванова, названнаго по-злодѣйски полковникомъ. Убито до 300, въ томъ числѣ и главнаго бунтовщика помянутаго Иванова братъ, называвшійся подполковникомъ. Захвачено 167 человѣкъ да 7 пушекъ, 2 мортиры и 1 барабанъ.

9. Маіоръ Стефановъ при темниковскомъ винокуренномъ заводѣ сего 1774 года августа 14 дня разбилъ злодѣйскую сволочь въ трехъ тысячахъ человѣкахъ.
10. Князь Дундуковъ отъ Царицына во 100 верстахъ августа 16 дня разбилъ великую злодѣйскую толпу и погубилъ до 500 человѣкъ.
11. Разбита бунтовщичья шайка 21 августа въ Танбовскомъ уѣздѣ фабричными купцовъ Тулина и Олисова, состоящая въ 300 конныхъ да черни человѣкъ до 1000; при чемъ взято 3 чугунныя пушки.
12. Отрядою отъ генералъ-маіора князя Голицына войска разбито злодѣйское скопище августа 23 дня въ Саранскомъ уѣздѣ въ селѣ Печеурахъ.
13. Въ томъ же уѣздѣ и тѣмъ же воинствомъ въ селѣ Березовкѣ августа 26 еще разсѣяна врозь куча злодѣевъ.
14. Саранскаго жъ уѣзда въ селѣ Чесахъ настижена была отрядами князя Голицына 18 августа злодѣйская партія съ атаманомъ Михайломъ Ивановымъ, изъ которыхъ нѣкоторые побиты, а другіе и съ атаманомъ своимъ захвачены.
15. Того жъ уѣзда при окружности деревни Сосновки 20 августа разбито и переловлено множество злодѣевъ.
16. Капитанъ Акшарумовъ за рѣкою Бѣлою 9 числа августа разбилъ Башкирцовъ, изъ которыхъ на мѣстѣ положилъ до 120 человѣкъ.
17. Походной атаманъ Луковкинъ 11 августа при Етеревской станицѣ близъ рѣки Медвѣдицы разбилъ злодѣйскую толпу, состоящую въ 500 человѣкахъ.
18. При нападеніи 17 августа на городъ Керенскъ, уѣзднымъ дворянствомъ, собравшимся для того нарочно въ городъ, и воеводскимъ товарищемъ Перскимъ съ прочими чинами отражено было великое сборище злодѣевъ съ немалымъ ихъ урономъ.
19. Ротмистръ Веденяпинъ, нагнавъ отъ Керенска отбитыхъ злодѣевъ, того жъ 17 августа низложилъ ихъ и разсѣялъ совершенно; между убитыми имъ при томъ нашелся злодѣйской начальникъ Спиридонъ Степановъ, убито же да поймано 32 человѣка, и 8 взято небольшихъ пушекъ.
20. Башкирской старшина Кидрясъ Малакаевъ поймалъ въ Башкиріи за рѣкою Икомъ 4 августа злодѣйскаго полковника, мещеряцкаго сотника Канзафера Усаева со многими Мещеряками.
21. Полковникъ Михельсонъ сего 1774 года 21 августа въ Дубовкѣ разбилъ толпу, плѣнилъ 40 человѣкъ злодѣевъ.
22. Полковникъ Бедряга близъ Нижняго Ломова 29 августа разбилъ и загналъ въ лѣса великое злодѣевъ скопище.
23. Подполковникъ Архаровъ въ городѣ Троицкѣ сего года 30 августа низложилъ злодѣйскую толпу близъ 300 человѣкъ.
24. Отряженное Уланскаго корпуса шефомъ Чемесовымъ 19 августа войско въ Пензинскомъ уѣздѣ близъ села Студенцовъ разбило злодѣйскую толпу въ 300 человѣкахъ, изъ которыхъ на мѣстѣ положено 40 человѣкъ, а прочіе разбѣжались, при чемъ взяты 3 пушки.

25. Гвадіи капитанъ Лунинъ 3 сентября сего 1774 года разбилъ злодѣйскую шайку въ городѣ Наровчатѣ, состоящую въ 4000. Побито изъ нихъ 200, плѣнено сотъ до четырехъ крестьянъ и взята одна пушка.
26. 30-го августа сего года близъ рѣки Медвѣдицы разбита злодѣйская толпа Донскаго войска старшиною Луковкинымъ и полковникомъ Иловайскимъ. Умерщвлено злодѣевъ до 500, въ плѣнъ взято 100 человѣкъ, а прочіе разбѣжались.
27. Полковникъ Михельсонъ между Царицына и Чернаго Яру близъ рѣки Волги 25 августа сего года разбилъ главное Пугачева скопище. Побито и потоплено до дву тысячъ человѣкъ, живыхъ взято болѣе 6000, въ числѣ коихъ и двѣ малолѣтныя Пугачева дочери. Освобождено изъ его, Пугачева, варварскихъ рукъ болѣе 1000 человѣкъ, отнято 19 пушекъ, 4 единорога и 4 мортиры.
28. Отряды генералъ-маіора князя Голицына, полковникъ Денисовъ, на рѣкѣ Медвѣдицѣ, напавъ 28 августа на злодѣйскую шайку, состоящую въ 730 человѣкахъ, разбилъ безъ остатку, захватя въ плѣнъ 250, а прочихъ на мѣстѣ положилъ.
29. Отряженной полковникомъ Михельсономъ маіоръ Дуве въ царицынской степи отъ Царицына въ 5 верстахъ разбилъ 23-го августа великую шайку злодѣевъ, умерщвлено до 40 человѣкъ.
30. Донской полковникъ Федоръ Кутейниковъ 22 августа недалеко отъ Дубовки по рѣчкѣ Пролейкѣ изъ злодѣйской толпы пokолoлъ болѣе 500 человѣкъ.
31. Походной атаманъ Луковкинъ въ Етеревской станицѣ 18 августа разбилъ скопище злодѣевъ, до 200 положилъ на мѣстѣ и не малое число плѣнилъ и взялъ двѣ хорунги.
32. Отряженной полковникомъ Древицемъ маіоръ Пазоръ за рѣкою Хопромъ верстахъ въ 30, 5 сентября сего 1774 года нагнавъ толпу злодѣевъ, убилъ на мѣстѣ до 200 человѣкъ, а прочіе разбѣжались.
33. Начальства полковника Древица капитанъ Гезелевской въ пяти верстахъ отъ города Нижняго Ломова 30 августа разбилъ злодѣйскую толпу, болѣе 500 человѣкъ, убито болѣе 100 и нѣсколько плѣнено, при чемъ взято 30 пушекъ и 1 барабанъ.
34. Подполковникъ Неклюдовъ въ Корсунѣ 26 августа сего года побилъ злодѣевъ болѣе 100 человѣкъ, да въ плѣнъ взялъ 50, и 1 пушку.
35. Донскіе полковники Лощилинъ, Вуколовъ, атаманъ Луковкинъ и Чугуевскаго полку порутчикъ Пасмуровъ 12 сентября Пензинскаго уѣзда въ Баландинскомъ городкѣ разбили толпу злодѣевъ, болѣе 1000 человѣкъ. Побито на мѣстѣ сраженія болѣе 300 человѣкъ, въ плѣнъ взято болѣе 100 человѣкъ и 6 пушекъ.
36. Маіоръ Голубь въ окружности Саранска недалеко отъ села Березниковъ разбилъ 4 сентября злодѣйское скопище. Побито до 80 человѣкъ, да въ плѣнъ взято 56.
37. Атаманъ Луковкинъ за Молодейскою станицею 19 августа разбилъ злодѣйскую толпу, пokолoлъ болѣе 100 человѣкъ, а прочіе разбѣжались.
38. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ сего 1774 года генералъ-маіоръ Мансуровъ, слѣдуя отъ Сызрана до Царицына, по разнымъ мѣстамъ побилъ и переловилъ до 2-хъ тысячъ злодѣевъ.
39. Того жъ сентября генералъ-маіоръ Фрейманъ, слѣдуя изъ Верхояицкой крѣпости къ Зелаиру и къ Преображенскому заводу, многія срѣтающіяся ему злодѣйскія башкирскія партіи низложилъ.
40. Маіоръ Швейковской того жъ сентября за вершиною рѣки Яика раз-

билъ злодѣйскую башкирскую толпу и положилъ на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ, а прочіе разбѣжались.

41. Изюмскаго гусарскаго полку капитаномъ Краевичемъ, порутчикомъ Ровневымъ и ротмистромъ Туминымъ сего 1774 года въ сентябрѣ мѣсяцѣ поражены великія башкирскія злодѣйскія скопища.
42. Отправленной отъ капитана Карташева Донскаго войска сотникъ Птахинъ 15 сентября въ Пензинскомъ уѣздѣ у села Шкафта разбилъ злодѣйскую шайку, убито 20 человѣкъ, а прочіе съ атаманомъ своимъ Фирсомъ Ивановымъ разбѣжались.
43. Онъ же, Птахинъ, октября 10 дня сыскавъ помянутыхъ злодѣевъ внизъ по рѣкѣ Сурѣ, въ селѣ Чуманинѣ разбилъ помянутаго атамана Фирса Иванова и со многими разбойниками поймалъ.
44. Гвардіи подпоручикомъ Кабановымъ и прапорщикомъ Колунчановымъ въ Краснослободскомъ уѣздѣ близъ деревни Акашевой 17 августа злодѣйское скопище разбито.
45. Августа 26 дня капитаны Елешинъ и Жуковскій разбили въ Тамбовскомъ уѣздѣ внизъ по Хопру въ селѣ Перепесенки не малую злодѣйскую шайку.
46. А 27 близъ той же рѣки Хопра помянутые капитаны разбили злодѣевъ подъ селомъ Макаровымъ въ 700 человѣкахъ; на мѣстѣ положено человѣкъ до 50 и взято 3 пушки.
47. Новохоперскаго баталіона капитанъ Бутремовичъ, порутчикъ Хрущовъ и Донскаго войска Есаулъ Устиновъ 30 августа Шацкаго уѣзда въ селѣ Чернавкѣ разбили злодѣйское скопище и нѣсколько человѣкъ положили на мѣстѣ.
48. Полковникъ Михельсонъ 24 августа разбилъ великое число ѣдущихъ на судахъ по Волгѣ злодѣевъ и плѣнилъ 190 человѣкъ.
49. Князь Дундуковъ выше Селитрянаго городка на луговой сторонѣ рѣки Волги 31 августа разбилъ злодѣйское скопище и многихъ положилъ на мѣстѣ.
50. Донскаго войска полковникъ Иловайской близъ Грачевской крѣпости за рѣчкою Мечетною августа 29 разбилъ злодѣйскую толпу въ 300 человѣкахъ, многихъ покололъ, 100 человѣкъ плѣнилъ, а прочіе разбѣжались.
51. Онъ же Иловайской съ премьеръ-маіоромъ Бородинымъ 5 числа октября за Волгою близъ города Саратова ризбили двѣ злодѣйскія шайки, множество побили и плѣнили.
52. Отряженный полковникомъ Михельсономъ карнетъ Селивановъ 22 іюля неподалеку отъ Чебоксаръ разбилъ злодѣйскую шайку близъ 100 человѣкъ.
53. Того жъ числа и въ тѣхъ же мѣстахъ гвардіи порутчикомъ Мельгуновымъ разбито злодѣевъ до 200 человѣкъ.
54. 25 числа іюля разбита около Ядрина злодѣйская шайка маіоромъ Хариным въ 200 человѣкахъ [1]).
55. Августа 2 числа разбито злодѣйское скопище корнетомъ Селивановымъ во стѣ человѣкахъ.
56. Уфимской провинціи города Бирска канцеляристъ Иванъ Гурьевъ 28 сентября сего 1774 года вверху Буя рѣки за деревнею Сняком

[1]) Сіи три пораженія злодѣйскихъ скопищъ хотя и происходили до моего начальства, но получены рапорты по моемъ уже въ оное вступленіи.

разбилъ злодѣйскую шайку имѣющеюся при немъ рекрутскою и обывательскою командою, въ 500 человѣкахъ, съ немалымъ урономъ; въ добычу получилъ главныхъ начальниковъ семейства Еркей Кадырметова и деревни Уткиной Юманкула.

57. Маіоръ Горичъ и капитанъ князь Козловской въ деревнѣ Козловкѣ 26 сентября разбили злодѣйскую толпу, поймали человѣкъ до 40, въ томъ числѣ и атамана Захлиста.

58. Сентября 28 дня старшина и депутатъ Акутинъ между Бударинскаго и Кожехаровскаго форпостовъ, при урочищѣ Мырсѣевой станицы, разбилъ Киргизъ-кайсаковъ до 200 человѣкъ; нѣсколько побито, и плѣнныхъ россійскихъ отнято обоего пола 140 человѣкъ.

59. Посланный отъ гвардіи поручтика Державина (которой и самъ при томъ находился) польской службы подполковникъ Гогель 2 сентября, при вершинахъ рѣки Караманъ, разбилъ злодѣйское киргизъ-кайсацкое скопище до 1000 человѣкъ; 48 положено на мѣстѣ. Избавлено отъ варварской неволи колонистовъ 811 да Малороссіянъ 23.

60. Августа 30 дня за рѣкою Бѣлою и Амзою при деревнѣ Музякиной премьеръ-маіоромъ Иваномъ Штеричемъ разбита злодѣйская толпа въ 2000 человѣкахъ подъ предвожденіемъ именитыхъ злодѣйскихъ начальниковъ Аита Сеитова, Байкита Акіева, Еркея Кирдеметова. 200 умерщвлено, положено до 150, между которыми и одинъ изъ помянутыхъ начальниковъ Аитъ Сеитовъ.

61. Сентября 4 дня имъ же маіоромъ Штеричемъ при деревнѣ Ивановой разбито великое злодѣйское скопище, болѣе нежели въ полуторыхъ тысячахъ человѣкахъ состоящее, подъ начальствомъ славнаго наѣздника Силатки. На мѣстѣ положено 100 человѣкъ, а прочіе прогнаны.

62. Сентября 6 имъ же, г-мъ Штеричемъ, и при той же деревнѣ низложена куча измѣнниковъ, болѣе нежели въ 3000 человѣкахъ; сотъ до двухъ побито, а прочіе разбѣжались. Предводителемъ у злодѣевъ былъ Еркей Кирдеметевъ.

Всего, на всѣхъ сихъ пораженіяхъ измѣнниковъ отъ нашихъ храбрыхъ войскъ побито . . . . 10000 человѣкъ.

Плѣнено . . . . 9000 „

Избавлено вѣрныхъ Ея Императорскаго Величества подданныхъ изъ злодѣйскихъ пугачевскихъ дворянъ, благородныхъ женъ и дѣвицъ и всякаго званія людей 1280

Пушекъ отбито 64

Единороговъ 4

Мортиръ 6

52. Показаніе убитымъ и раненымъ изъ войска мною предводимаго на всѣхъ сихъ низложеніяхъ злодѣевъ, и также захваченнымъ въ ихъ плѣнъ.

Августа 11 дня въ Ядринскомъ уѣздѣ подъ Ягункинымъ околоткомъ ранены 3 ядринскіе купца.

Августа 19 при сраженіи съ злодѣями въ Борисоглѣбскомъ уѣздѣ въ селѣ Губаряхъ захвачены 2 наши казака.

Августа 17 въ Темниковскомъ уѣздѣ въ Новокрещенской деревнѣ Барашевой раненъ 1 казакъ, а подъ другимъ убита лошадь.

Августа 8 числа подъ городомъ Пензою 2 улана тяжело ранены.

Августа 16 дня подъ Царицыномъ побито нѣсколько казаковъ и Калмыковъ и въ плѣнъ взято всего человѣкъ до 50.

Мѣсяца августа 25 между Царицына и Чернаго Яру побито съ нашей стороны человѣкъ до 100 рядовыхъ.

30-го августа подъ Троицкимъ острогомъ убиты 3 казачьи лошади.

28 августа подъ пригородомъ Корсуномъ убитъ синбирскій комендантъ Рычковъ.

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ убито Изюмскаго гусарскаго полку порутчикъ Банческулъ, гусаръ 30, да переранено 28 человѣкъ.

24 августа подъ Царицыномъ раненъ 1 егерь.

25 между Царицына и Чернаго Яру побито прапорщикъ Небольсинъ, унтеръ-офицеровъ и рядовыхъ 15; ранены прапорщикъ Звѣринской, рядовыхъ 73. Лошадей перебито 39, ранено 40.

Сентября 3 дня подъ городомъ Наровчатомъ ранены подпорутчикъ Далакинъ и 1 гусаръ.

19-го августа подъ Малодейскою станицею убито казаковъ 6, ранено 5.

Графъ Петръ Панинъ.

53. Вѣдомость перечневая, сколько какихъ званій людей злодѣями разными образами умерщвлено, и сколько какимъ храмамъ Божіимъ касались своими неистовствами.

	Число людей.
Страдальческими смертьми замучено:	
Дворянъ	67
Ихъ женъ	90
Обоего пола дѣтей	94
Перебито до смерти:	
Дворянъ	232
Ихъ женъ	103
Младенцовъ	49
Повѣшено:	
Дворянъ	335
Ихъ женъ	231
Обоего пола дѣтей	99
Застрѣлено:	
Дворянъ	76
Ихъ женъ	16
Обоего пола дѣтей	29
Потоплено:	
Дворянскихъ младенцовъ	15

Заколото:

Дворянъ	43
Ихъ женъ	13
Обоего пола дѣтей	16

Изрублено:

Дворянъ	43
Ихъ женъ	21
И того дворянъ, ихъ женъ и дѣтей разными смертьми умерщвлено	1572

Повѣшено:

Священниковъ	102
Да въ ризахъ и съ крестами	4
Ихъ женъ	47
Дьяконовъ	25
Причетниковъ	59
И того священно- и церковно-служителей съ ихъ женами истреблено	237
Унтеръ-офицеровъ и прочихъ нижнихъ чиновъ	118
Ихъ женъ	14
Разночинцовъ	716
Ихъ женъ	105
Обоего пола дѣтей	39
Канцелярскихъ служителей	45
И того унтеръ-офицеровъ, разночинцовъ и приказныхъ служителей съ ихъ женами и дѣтьми истреблено	1037
Всего дворянъ и прочихъ чиновъ истреблено	2791

Разными неистовствами осквернено и разорено:

Монастырей	14
Церквей	63

Подлинная подписана тако:

Графъ Петръ Панинъ.

До отправленія сего не подоспѣли еще требованныя о семъ же вѣдомости изъ 14-ти городовыхъ канцелярій отдаленныхъ.

54. Вѣдомость сколько пограблено злодѣями денежной казны и прочаго.

Приготовленной къ отправленію въ Москву въ разныя присутственныя мѣста мѣдными изъ числа 260 боченковъ лежащей въ кладовой подъ колокольнею 136, въ коихъ положены были мѣшки съ пятаками.

Затѣмъ въ остаткахъ 124 бочки и 8 мѣшковъ, въ коихъ большею частію состоитъ денежками.

Да сверхъ того пограблено жъ лежащей подъ тою же колокольнею ассигнаціями 300 рублевъ.

Въ мѣшкахъ мѣдной монеты оставшихъ отъ довольствія принимаемыхъ по бывшему разбору церковниковъ 305 рублевъ 47 копѣекъ.

Оставшихъ отъ оной же суммы отъ прогоновъ 14 рублевъ 57 копѣекъ.

Принятыхъ по рекрутскому 773 году и по другимъ прежде бывшимъ наборамъ на рекрутъ жалованныхъ провіантскихъ и за соль деньгами 1657 рублевъ 50 коп.

Тѣми жъ злодѣями взято пороху, которой лежалъ подъ соборною церквою, 16 пудъ, да собранныхъ за проданной порохъ денегъ 150 рублевъ, и затѣмъ того пороху ничего не осталось.

Артилеріи 6 пушекъ, въ томъ числѣ мѣдныхъ 4, чугунныхъ 2, ядеръ пушечныхъ и картечь 2 воза, фитилю 9 пудъ, свинцу 60 пудъ.

Приготовленныхъ для улановъ сапоговъ 21 пара, 4 шпаги, пикъ 26.

Штатной команды солдатскихъ 3 ружья, 4 съ патронами сумы, да 3 шпаги.

Крѣпкой водки описной на фабрикѣ Тавлѣева въ большой бутыли съ ведро.

А затѣмъ состоящая въ кладовыхъ у подушнаго сбору, подушная подъ соборною жъ церквою канцелярская инвалидная, да въ питейной компанейской конторѣ принятая отъ компанейщиковъ выборными; питейная денежная казна, коя состоитъ за печатьми казеннаго приходчика и счетчиковъ, осталась въ цѣлости, но сколько всего числомъ и до которыхъ мѣстъ оная принадлежитъ, за отлучкою изъ города Пензы канцеляристовъ подушнаго сбору Лутохина, расходчика Дрындина познать не можно.

Подлинную подписалъ секретарь Тихонъ Андреевъ.

V.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ПУГАЧЕВЩИНЫ *).

1877.

Недавно въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ (IX и X кн. 1876 г.) помѣщена была статья графа Саліаса: „Поэтъ Державинъ, правитель намѣстничества“. Этотъ дѣльный и живой обзоръ дѣятельности Державина въ качествѣ губернатора, сперва въ Петрозаводскѣ, а потомъ въ Тамбовѣ, отличается рѣдкимъ въ отношеніи къ нему безпристрастіемъ. Авторъ умѣлъ уберечься отъ всякаго предубѣжденія: осуждая въ Державинѣ одно, онъ хвалитъ другое и признаетъ, что его мѣсто въ исторіи русской литературы не есть уже спорный вопросъ. Предлагаемый нами эпизодъ находится также въ связи съ біографіей Державина, но относится къ болѣе ранней эпохѣ его жизни.

Отдавая полную справедливость таланту, съ какимъ написана статья графа Саліаса, мы однакожъ далеко не во всемъ согласны съ нимъ и не можемъ не пожалѣть, что иногда онъ какъ будто слишкомъ легко обращается съ своимъ предметомъ. Такъ, сказавъ, что сдѣланное Державинымъ во время пугачевщины не имѣло большого значенія,

*) Древняя и Новая Россія, 1877 г. № 3, стр. 229.

авторъ прибавляетъ: „Кромѣ смѣшного столкновенія съ комендантомъ города Саратова, Бошнякомъ, котораго онъ хотѣлъ заставить насильно возвести укрѣпленіе въ городѣ, не имѣя никого для ихъ защиты, мы не находимъ ничего интереснаго“.

Правда, что дѣятельность Державина въ эту эпоху не привела къ особенно виднымъ результатамъ, но нельзя, однакожъ, не согласиться, что онъ, исполняя порученія Бибикова, Щербатова, Голицына, Павла Потемкина, выказалъ необыкновенную энергію, предпріимчивость и отвагу. Не онъ одинъ испытывалъ при этомъ неудачи: военачальники съ значительными силами долго не имѣли успѣха въ борьбѣ съ Пугачевымъ, если исключить немногія частныя побѣды, одинъ Михельсонъ былъ счастливѣе.

Предположивъ себѣ въ біографіи Державина представлять его дѣятельность въ рамкѣ общаго хода событій, мы намѣрены сообщить здѣсь тотъ эпизодъ изъ пугачевщины, который ознаменовался пререканіями властей въ Саратовѣ и, вслѣдствіе этихъ несогласій, паденіемъ города. Весь разсказъ нашъ будетъ основанъ на подлинныхъ актахъ, отысканныхъ нами въ разныхъ архивахъ, столичныхъ и мѣстныхъ. Въ запискахъ Державина объ этой эпохѣ нѣтъ ни одного показанія, которое не было бы провѣрено нами по источникамъ, къ числу которыхъ принадлежитъ и его современная переписка.

Для ясности послѣдующаго изложенія напомнимъ читателю, что при назначеніи Бибикова главнокомандующимъ по усмиренію мятежа, Державинъ, въ то время подпоручикъ преображенскаго полка, принятъ былъ имъ въ секретную слѣдственную комиссію, учрежденную въ Казани, и вскорѣ заслужилъ полное его довѣріе. Бибиковъ, приблизивъ къ себѣ свѣдущаго и расторопнаго офицера, употреблялъ его не только по письменнымъ дѣламъ, но и по разнымъ порученіямъ, требовавшимъ особенной сноровки и распорядительности. Въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ человѣкъ, подобный Бибикову, не могъ не быть до крайности строгимъ въ выборѣ исполнителей своихъ распоряженій. Между тѣмъ, къ главнокомандующему въ Казань явился крестьянинъ-раскольникъ Серебряковъ, вызываясь стеречь Пугачева въ селѣ Малыковкѣ (что нынѣ городъ Вольскъ [1]) на Волгѣ, выше Саратова) и стараться схватить его: такъ какъ онъ разъ уже былъ тамъ пойманъ, то предполагалось, что онъ снова будетъ искать убѣжища у тамошнихъ раскольниковъ. Бибиковъ не рѣшился отвергнуть этого предложенія и отдалъ Серебрякова, вмѣстѣ съ его товарищемъ

---

[1]) Названіе этого города обыкновенно производятъ отъ имени Волги и пишутъ „Волгскъ“ или „Волжскъ“; это неправильно. Для объясненія достаточно замѣтить, что первоначально предполагалось назвать этотъ городъ Екатериновольскомъ (т. е. построеннымъ по волѣ Екатерины). До Саратова отсюда около 140 верстъ.

Герасимовымъ, въ вѣдѣніе Державина, которому и велѣлъ ѣхать въ Малыковку. Въ этой мѣстности онъ провелъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ (отъ начала марта до половины іюля 1774 года), принимая всевозможныя мѣры для исполненія порученнаго ему дѣла и для содѣйствія военачальникамъ въ ихъ распоряженіяхъ. Бибиковъ между тѣмъ умеръ (9 апрѣля); преемники его, сперва князь Щербатовъ, а потомъ Голицынъ, одобрили всѣ дѣйствія Державина, стали оказывать ему такое же довѣріе и просили его поступать и впредь на тѣхъ же основаніяхъ. Во все это время онъ безпрестанно получалъ отъ названныхъ лицъ самые лестные отзывы о своей дѣятельности и изъявленія благодарности (подлинныя бумаги уцѣлѣли). Но случившійся въ Малыковкѣ пожаръ и доходившія туда извѣстія о ходѣ событій заставили Державина въ половинѣ іюля мѣсяца переѣхать въ Саратовъ. Здѣсь-то и начинается нить слѣдующаго за симъ болѣе обстоятельнаго разсказа.

1. П. С. Потемкинъ въ Казани.

Въ Саратовѣ Державинъ получилъ отъ сызранскаго воеводы Иванова сообщеніе о бѣдствіи, постигшемъ его родную Казань. Пугачевъ, съ уральскихъ заводовъ бросившись къ Камѣ, овладѣлъ на этой рѣкѣ пригородомъ Осою. Вѣсть о томъ заставила Щербатова двинуться изъ Оренбурга къ Казани; чтобы скорѣе поспѣть туда, онъ на пути отдѣлился отъ войска и прибылъ въ Богульму на почтовыхъ. Здѣсь онъ узналъ о разореніи Казани. Пугачевъ, ворвавшись въ городъ, опустошилъ большую половину его огнемъ и мечемъ, но не могъ овладѣть крѣпостью, гдѣ заключались городскія власти и множество жителей. Михельсонъ не успѣлъ нагнать его до Казани, но подошелъ къ ней уже въ вечеру того же дня. Услышавъ о его приближеніи, Пугачевъ встрѣтилъ его въ 7 верстахъ отъ города близъ села Царицына, и здѣсь былъ совершенно разбитъ, чтó повторилось на другое утро на Арскомъ полѣ, а черезъ два дня опять около Царицына. Послѣ этихъ пораженій самозванецъ устремился вверхъ по Волгѣ; думали, что онъ пойдетъ на Москву, и уже тамошній главнокомандующій кн. Волконскій готовился встрѣтить его; но Пугачевъ у Кокшайска переправился черезъ Волгу и обратился на югъ, только не къ Дону, какъ того ожидали, а по нагорному берегу Волги; понятно, что онъ не хотѣлъ слишкомъ удаляться отъ низовыхъ областей и Яика, чтобы въ случаѣ неудачи имѣть куда укрыться. Вѣсть о несчастіи Казани была очень важна для Саратова, и Державинъ поспѣшилъ передать ее тамошнимъ властямъ.

Почти въ то же время онъ получилъ другое, лично для него многозначащее извѣстіе. На сцену дѣйствія вступалъ новый человѣкъ, и въ немъ еще новый начальникъ для Державина. Екатерина II,

назначая кн. Щербатова главнокомандующимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ, не подчинила ему секретныхъ комиссій, а отдала ихъ въ вѣдѣніе губернаторовъ — Бранта въ Казани и Рейнсдорпа въ Оренбургѣ. Между тѣмъ, однакожъ, понимая необходимость связи въ дѣйствіяхъ обѣихъ комиссій, она пріискивала человѣка, которому могла бы поручить ихъ съ полнымъ довѣріемъ, и выборъ ея остановился на молодомъ генералъ-маіорѣ Павлѣ Сергѣевичѣ Потемкинѣ, внучатномъ братѣ любимца, который въ это самое время сталъ быстро возвышаться. Павелъ Потемкинъ былъ человѣкъ свѣтскій, получившій порядочное образованіе (по преданію, въ моск. университетѣ), большой почитатель Вольтера и Руссо, которыхъ онъ переводилъ, обходительный, любезный, но безъ особенныхъ способностей и безъ твердыхъ нравственныхъ правилъ. Его литературные труды, между прочимъ, драма въ 5-ти дѣйствіяхъ на подвиги русскихъ въ Архипелагѣ, давно забыты. Только что кончившаяся турецкая война, въ которой онъ отличился, доставила ему георгіевскій крестъ и генеральскій чинъ. Вызвавъ его изъ дѣйствующей арміи, императрица инструкціей 11 іюня возложила на него весьма важныя обязанности и, кромѣ начальства надъ секретными комиссіями, поручила ему: изслѣдовать причины возмущенія, изыскать на мѣстѣ лучшія средства къ искорененію этихъ причинъ и придумать новыя основанія, на которыхъ можно впредь установить „поселянскій порядокъ“ и повиновеніе возмутившагося „яицкаго народа“. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ долженъ былъ принимать въ свое вѣдѣніе казаковъ, возвращавшихся съ раскаяніемъ, и „персоною своею“ внушая яицкимъ казакамъ уваженіе и довѣріе умиротворять ихъ.

Прибывъ въ Казань въ ночь на 8-е іюля, слѣдовательно, за четыре дня до нашествія Пугачева, Павелъ Потемкинъ принялъ начальство надъ стоявшими тамъ полками, но ничего не могъ сдѣлать къ спасенію города: 12-го числа, какъ онъ послѣ доносилъ императрицѣ, онъ вышелъ съ отрядомъ изъ 400 человѣкъ навстрѣчу мятежниковъ, но былъ не въ силахъ остановить ихъ и едва успѣлъ укрыться въ крѣпости. На другое утро онъ выступилъ оттуда только тогда, когда Михельсонъ, разбивъ Пугачева, на разсвѣтѣ занялъ Арское поле и далъ знать о своемъ приближеніи казанскимъ властямъ. Здѣсь Потемкинъ, по словамъ самого Михельсона, „своимъ присутствіемъ былъ свидѣтель вторичной побѣдѣ надъ Пугачевымъ“, слѣдовательно, самъ въ ней не участвовалъ [2]).

---

[2]) Послѣ этого выраженія и послѣ другихъ донесеній Михельсона, для насъ несовсѣмъ понятенъ отзывъ Екатерины II въ одномъ письмѣ къ А. Г. Орлову: „О пугачевскихъ обстоятельствахъ только теперь сіе вамъ скажу, что Павелъ Потемкинъ послѣ послѣдней той шайкой большой проказы, его совершенно разбилъ“ (Сб. Р. Ист. Общ. I, 99). Вѣроятно, это писано до полученія донесеній, по слухамъ.

Вскорѣ опредѣлились отношенія Державина къ Потемкину. Щербатовъ, узнавъ о прибытіи въ Казань послѣдняго, поспѣшилъ отправить къ нему всѣ рапорты Державина и другія бумаги, относившіяся къ дѣятельности этого офицера, о которомъ въ то же время отозвался съ большой похвалою. Вслѣдъ за тѣмъ и Потемкинъ сталъ переписываться очень благосклонно съ своимъ новымъ подчиненнымъ. „Разсматривая дѣла, вами произведенныя, писалъ онъ, съ особливымъ удовольствіемъ находилъ я порядокъ оныхъ, образъ вашего намѣренія и связь его съ дѣлами, а потому вамъ не лестно скажу, что таковый помощникъ много облегчитъ меня при обстоятельствахъ, въ какихъ я наѣхалъ въ Казань". Нѣсколько позже Потемкинъ сообщаетъ Державину о мѣрахъ, принятыхъ противъ Пугачева: Михельсонъ его преслѣдуетъ, графу Меллину приказано отрѣзать его отъ московской дороги, а Мюфелю — идти съ третьей стороны, отъ Симбирска. „Какъ по таковымъ обстоятельствамъ",— продолжаетъ онъ:—„можетъ быть, принужденъ будетъ злодѣй обратиться на прежнее гнѣздо, то представляется вамъ пространное поле къ усугубленію опытовъ ревности вашей къ службѣ нашей премудрой монархини. Я увѣренъ, что вы знаете совершенно цѣну ея щедротъ и премудрости. Способности же ваши могутъ измѣрить важность дѣла и предстоящую вамъ славу, ежели злодѣй устремится въ вашу сторону и найдетъ въ сѣти, отъ васъ приготовляемыя. Не щадите ни трудовъ, ни денегъ: двадцать тысячъ и болѣе готовы наградить того, кто можетъ сего варвара, разорителя государственнаго, представить. Увѣдомляйте меня чаще какъ возможно, какіе объ немъ слухи есть въ вашей сторонѣ. Здѣсь многіе думаютъ, что онъ пробирается на Донъ, но я не думаю, а думаю, что если не усилитъ онъ своей толпы, то пойдетъ или на Яикъ, или къ вамъ (т. е. въ Малыковку). За лишнее почитаю подтверждать вамъ, что трудъ вашъ будетъ имѣть должное воздаяніе: вы извѣстны, что ея императорское величество прозорлива и милостива, а по мѣрѣ и важности дѣлъ вашихъ, будучи посредникъ дѣлъ, не упущу я ничего представлять ея величеству съ достойной справедливостью, и могу удостовѣрить васъ, что хотя не имѣлъ случая васъ знать, но, видя дѣла ваши, съ совершеннымъ признаніемъ пребываю вашего высокоблагородія искренній слуга Павелъ Потемкинъ". Послѣ такихъ доказательствъ высокаго мнѣнія начальниковъ о дѣятельности Державина, насъ не должно удивлять, если онъ иногда придавалъ ей слишкомъ большую важность и выходилъ изъ границъ, которыя ему предписывало его служебное положеніе.

2. Саратовскія пререканія.

Посмотримъ, что происходило между тѣмъ въ Саратовѣ. Это былъ въ то время важнѣйшій городъ обширной Астраханской губерніи, распо-

ложенной по объ стороны Волги: граница ея начиналась на сѣверѣ отъ устья Самары, а на югѣ обнимала все теченіе Терека. Въ губернскомъ городѣ Астрахани было немного болѣе 3.500 жителей, тогда какъ населеніе Саратова простиралось почти до 7.000.

При отправленіи Кречетникова на губернаторство послѣ Бекетова, ему приказано было оставаться въ Саратовѣ, какъ менѣе отдаленномъ мѣстѣ. Не смотря на то, Кречетниковъ, неизвѣстно по какимъ побужденіямъ, 25 іюня уѣхалъ въ Астрахань и цѣлый мѣсяцъ оставался въ дорогѣ. Можетъ быть, онъ думалъ, что Пугачевъ, потерпѣвъ нѣсколько пораженій, уже не опасенъ: послѣдствія показали недальновидность этого соображенія. Уѣхавъ такъ не во-время, онъ оставилъ Саратовъ на жертву несогласій двухъ начальниковъ, не хотѣвшихъ подчиняться другъ другу. Полковникъ Бошнякъ, бывшій тамъ комендантомъ съ 1771 года и исправлявшій вмѣстѣ должность воеводы, считалъ себя выше Лодыжинскаго, чиновника гражданскаго и притомъ „человѣка новаго“, какъ самъ онъ называлъ себя по недавнему своему опредѣленію въ настоящую должность. Тѣмъ не менѣе Лодыжинскій, будучи бригадиромъ [3]), слѣдовательно по чину старше Бошняка и, нося званіе главнаго судьи опекунской конторы, смотрѣлъ на себя, какъ на первое въ городѣ лицо. Такого же мнѣнія о немъ былъ и Державинъ.

Лодыжинскій не зависѣлъ отъ губернатора; по одному этому Кречетниковъ не могъ быть особенно расположенъ къ нему, а съ Державинымъ онъ уже прежде имѣлъ столкновенія. Уѣзжая изъ Саратова, Кречетниковъ поручилъ охраненіе города коменданту, но съ тѣмъ, чтобы онъ совѣщался съ другими начальниками и дѣйствовалъ съ общаго согласія [4]). Въ этомъ распоряженіи заключалось уже сѣмя раздора. Когда получено было извѣстіе о разореніи Казани и о направленіи, взятомъ Пугачевымъ, то Лодыжинскій, по предложенію Державина, рѣшился созвать совѣтъ для обсужденія мѣръ къ оборонѣ города. Извѣстно, что такія совѣщанія въ тогдашнихъ обстоятельствахъ происходили и въ другихъ городахъ.

24-го іюля Лодыжинскій пригласилъ въ свою контору коменданта, нашего пріѣзжаго офицера и еще Кикина, своего товарища по должности. Комендантъ былъ того мнѣнія, что надо укрѣпить Саратовъ и дожидаться нападенія; Державинъ же, а за нимъ и другіе находили, что по обширности и положенію города, укрѣпить его въ короткое время невозможно, притомъ нѣтъ въ достаточномъ количествѣ

---

[3]) Лодыжинскій былъ собственно статскимъ совѣтникомъ, но назывался бригадиромъ, точно такъ же, какъ и до сихъ поръ гражданскихъ чиновниковъ высшаго разряда зовутъ генералами. Онъ былъ собственно начальникомъ *конторы опекунства иностранныхъ*, управлявшей дѣлами колоній.

[4]) Рапортъ астрах. губернатора сенату 7 авг., № 249.

ни войска, ни артиллеріи для занятія такого значительнаго пространства. Поэтому положено было, въ случаѣ приближенія мятежниковъ, итти къ нимъ вооруженною силою на встрѣчу, а чтобъ укрыть казенныя деньги и тѣхъ жителей, которые неспособны носить оружіе, — построить земляное укрѣпленіе близъ города на берегу Волги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся конторскіе магазины и казармы. Лодыжинскій, служившій прежде по инженерному вѣдомству, составилъ уже и планъ такого укрѣпленія. Для постройки его Бошнякъ, имѣвшій въ своемъ вѣдѣніи и полицію, согласился въ одинъ изъ ближайшихъ дней прислать работниковъ съ инструментами. Онъ обѣщалъ также отдать артиллерійской командѣ, для исправленія, городскія пушки, поврежденныя отъ пожара.

Державинъ, съ своей стороны, вызвался отрядить, изъ бывшихъ въ распоряженіи его казаковъ, 50 человѣкъ для разъѣздовъ, а въ случаѣ приближенія Пугачева, отдать и всю свою двухсотенную команду.

На другой день Державинъ, совершенно успокоенный, поскакалъ обратно въ Малыковку, чтобы приготовить вооруженныхъ крестьянъ для встрѣчи Пугачева или поимки его въ случаѣ бѣгства, и дѣйствительно, ему удалось собрать толпу тысячи въ полторы обывателей, которую онъ и поручилъ своему повѣренному, Герасимову.

Но между тѣмъ, уже въ день отъѣзда Державина Бошнякъ объявилъ, что не исполнитъ опредѣленія, наканунѣ постановленнаго. Поводомъ къ тому былъ только что привезенный отъ кн. Щербатова отвѣтъ на выраженныя ему изъ Саратова опасенія. Увѣдомляя коменданта о побѣдахъ Михельсона, о стремленіи Пугачева къ Курмышу и о преслѣдованіи его, главнокомандующій заключалъ такъ: *„Городу же Соратову опасности быть не можетъ,* потому что отъ стороны Симбирска и Самары приказалъ я обратить, для перехваченія сего изверга, стоящія тамъ войска". Воротившійся съ этой бумагой офицеръ (Мосоловъ) сообщилъ въ дополненіе слухъ, будто Пугачевъ бѣжитъ такъ стремительно, что почти всѣхъ своихъ оставляетъ на дорогѣ, а самъ убирается на перемѣнныхъ лошадяхъ [5]).

Въ этихъ извѣстіяхъ Бошнякъ увидѣлъ желанный предлогъ отступиться отъ опредѣленія, подписаннаго имъ неохотно. Онъ положительно отказался дать рабочихъ людей и не слушалъ никакихъ убѣжденій Лодыжинскаго и другихъ лицъ, которыя понимали, что „опасность не только не миновалась, но еще умножилась" [6]). Между тѣмъ и Бошнякъ долженъ былъ такъ же хорошо понимать это, потому что онъ, въ одинъ день съ ордеромъ кн. Щербатова, получилъ изъ

[5]) П. Новосильцова къ Державину отъ 26 іюля.
[6]) Тамъ же.

Пензы офиціальное извѣстіе, что Пугачевъ съ толпою изъ 2.000 человѣкъ уже въ пятидесяти верстахъ отъ Алатыря, откуда до Саратова менѣе 400 верстъ. Не смотря на то, Бошнякъ въ тотъ же день написалъ Кречетникову, что, вслѣдствіе увѣдомленія кн. Щербатова, онъ впредь до новыхъ извѣстій рѣшился предположеннаго земляного укрѣпленія не дѣлать. Лодыжинскій и его сторонники, не имѣя возможности безъ согласія Бошняка добыть работниковъ, сочли нужнымъ прибѣгнуть къ энергической помощи Державина. Новосильцовъ и Свербѣевъ[7]) тотчасъ написали ему въ Малыковку обо всемъ происходившемъ въ Саратовѣ. „Всѣ здѣшніе господа медлители", сообщалъ Свербѣевъ, „состоятъ въ той же нерѣшимости, а пречестные усы (Бошнякъ) въ бытность свою вчера здѣсь (т. е. въ конторѣ) благоволили обеззаботить всѣхъ насъ своимъ упрямствомъ, причемъ нѣкоторые съ пристойностью помолчали, нѣкоторые пошумѣли, а мы, будучи зрителями, послушали и, пожелавъ другъ другу покойнаго сна, разошлись, и тѣмъ спектакль кончился. Пріѣзжай, братецъ, поскорѣе и нагони на нихъ страхъ: авось подѣйствуютъ всего лучше ваши слова, и тѣмъ успокоятся жители".

По этимъ письмамъ Державинъ 30 іюля воротился въ Саратовъ и узналъ тамъ слѣдующее:

По поводу извѣстій о приближеніи Пугачева, 27 числа было новое совѣщаніе, на этотъ разъ при участіи мѣстнаго купечества и членовъ низовой соляной конторы. Здѣсь первоначальное опредѣленіе было возобновлено, но Бошнякъ не подписалъ его. Купечество дало отъ себя работниковъ, и въ продолженіе двухъ дней нѣсколько сотъ человѣкъ трудились надъ укрѣпленіемъ. Между тѣмъ пришло извѣстіе, что Пугачевъ уже въ Алатырѣ и идетъ къ Саранску. Бошнякъ началъ убѣждаться въ необходимости какихъ-нибудь предосторожностей. Онъ соглашался имѣть около провіантскихъ магазиновъ небольшое укрѣпленіе, но считалъ все-таки нужнымъ возобновить валъ, окружавшій городъ, поставивъ на немъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ батареи. Объ этомъ прислалъ онъ Лодыжинскому 28 числа особое мнѣніе, объясняя, что онъ, какъ комендантъ, не можетъ оставить города и церквей, остроговъ и складовъ вина на расхищеніе злодѣямъ.

Неудобство плана сдѣлать укрѣпленіе вокругъ всего города было признано уже на первомъ совѣщаніи, и потому лица, подписавшія тогда опредѣленіе, отправились 29-го къ коменданту и старались переубѣдить его. Бошнякъ не только не принялъ ихъ мнѣнія, но на слѣдующій день уже находилъ всякое укрѣпленіе около провіантскихъ магазиновъ излишнимъ, такъ какъ они лежатъ въ ямѣ, и предлагалъ перевезти провіантъ въ городъ подъ защиту задуманнаго имъ укрѣпленія, а также и лагерь перемѣстить оттуда на большую дорогу,

---

[7]) Служившіе въ „конторѣ опекунства иностранныхъ" пріятели Державина.

расположивъ его „передъ самымъ городомъ близъ каменной часовни, гдѣ и воды было бы довольно". Съ этимъ мнѣніемъ Бошнякъ 30-го числа поѣхалъ въ опекунскую контору и вмѣстѣ съ тѣмъ объявилъ только-что полученный отъ Кречетникова ордеръ, чтобы всѣ бывшіе въ городѣ воинскіе чины отданы были въ распоряженіе коменданта. Но съ мыслію его о способѣ укрѣпленія Саратова Лодыжинскій не соглашался, находя, что провіантскіе магазины во всѣхъ отношеніяхъ удобнѣйшее для укрѣпленія мѣсто, тѣмъ болѣе, что тамъ сложено болѣе 20.000 четвертей муки и немалое количество овса. Въ этомъ смыслѣ Лодыжинскій и Державинъ, только-что вернувшійся въ Саратовъ, сильно оспаривали Бошняка. Но онъ, не склоняясь на ихъ сторону, въ тотъ же день началъ строить укрѣпленіе по своему собственному плану и написалъ обо всемъ этомъ Кречетникову, увѣдомивъ его вмѣстѣ съ тѣмъ, что онъ требуетъ изъ Царицына на помощь маіора Дица съ его отрядомъ. Дица звалъ въ Саратовъ и Державинъ.

Тогда же сильно раздраженный упорствомъ Бошняка, Державинъ рѣшился высказать ему откровенно свои мысли и написалъ къ нему длинное и заносчивое письмо, въ которомъ, сославшись на свое полномочіе, язвительно осмѣиваетъ доводы Бошняка, какъ вовсе не знакомаго съ инженернымъ дѣломъ, грозитъ донести обо всемъ П. С. Потемкину, объявляетъ, что онъ со всѣми подписавшими опредѣленіе беретъ на себя отвѣтственность въ принятомъ рѣшеніи, и, наконецъ, снова настаиваетъ на постройкѣ укрѣпленія по мысли Лодыжинскаго. (Это письмо Державина можно найти въ V томѣ сочиненій его подъ № 151). Письмо въ томъ же родѣ было наканунѣ послано къ Бошняку и Лодыжинскимъ, который выражался еще безцеремоннѣе своего пріятеля и просто дразнилъ коменданта своими грубыми выходками.

1-го августа Державинъ внесъ въ магистратъ предложеніе, чтобы укрѣпленіе было безотлагательно построено въ томъ или другомъ мѣстѣ; онъ требовалъ: приложить къ тому всѣ силы, не исключая ни одного человѣка, способнаго къ работѣ, и приготовиться къ защитѣ до послѣдней капли крови, а ежели кто обнаружитъ недостатокъ усердія, тотъ будетъ признанъ измѣнникомъ и немедленно отосланъ, скованный, въ секретную комиссію. Въ подкрѣпленіе этого приговора онъ взялъ съ жителей подписку, которою они, въ случаѣ колебанія или перехода къ Пугачеву, сами себя обрекали на смертную казнь.

Предложеніе Державина магистрату привело къ тому, что въ тотъ же день состоялось собраніе всѣхъ бывшихъ въ городѣ офицеровъ. Видя продолжавшееся упорство коменданта, тутъ же присутствовавшаго, всѣ единодушно соединились противъ него и составили опредѣленіе, подъ которымъ для выигранія времени согласились подписываться безъ соблюденія старшинства, кому какъ случится. Въ этомъ опредѣленіи было, между прочимъ, сказано, что „какъ комендантъ, съ

24-го іюля продолжая почти всякій день непонятныя отговорки, понынѣ почти ни на чемъ не утвердился потому къ безопасности здѣшняго города никакого начала не сдѣлано и время почти упущено, то всѣ нижеподписавшіеся согласно опредѣлили: не смотря на несогласіе означеннаго коменданта, по вышеписанному учрежденію дѣлать непремѣнно исполненіе", т. е. поспѣшно строить укрѣпленіе по плану Лодыжинскаго. Изъ этого общаго приговора видно, что ссора Державина съ Бошнякомъ вовсе не была частнымъ между ними дѣломъ, какъ можно бы заключить изъ записокъ поэта, а составляла только одинъ изъ эпизодовъ общей борьбы саратовскаго общества противъ упрямаго коменданта. По послѣднему опредѣленію, работы надъ укрѣпленіемъ возобновились, но черезъ два дня опять были прекращены. Послали спросить полицеймейстера (Мальцова), что это значитъ. Онъ отвѣчалъ, что наканунѣ получилъ отъ коменданта приказаніе объявить народу черезъ сотскихъ и десятскихъ, что никто на работы не наряжается, но что желающіе могутъ итти отъ себя. Державинъ кипѣлъ гнѣвомъ и негодованіемъ: немедленно онъ опять написалъ въ магистратъ, строго требуя отчета въ нарушеніи даннаго письменно обязательства. По праву члена секретной комиссіи, онъ настаивалъ, чтобы воеводская канцелярія прислала къ нему зачинщиковъ ослушанія.

Бошнякъ между тѣмъ не уставалъ жаловаться Кречетникову на дѣйствія своихъ противниковъ, между прочимъ и на поданное въ магистратъ предложеніе Державина, прося внушить имъ, чтобы они прекратили споры, которые производятъ въ народѣ волненіе. „Въ происшедшихъ спорахъ, писалъ онъ въ одномъ изъ своихъ рапортовъ, они, а особливо г. поручикъ Державинъ, всячески меня ругательными и весьма безчестными словами поносили и бранили, и онъ г. Державинъ намѣрялся меня, яко совсѣмъ, по ихъ мнѣнію, осужденнаго, арестовать, въ чемъ я при теперешнемъ весьма нужномъ случаѣ вашего превосходительства и не утруждаю, а послѣ буду просить должной по закону сатисфакціи... Да и какъ я тому бригадиру Лодыжинскому паки про полученный мною отъ вашего превосходительства ордеръ напомянулъ, токмо онъ и на то мнѣ объявилъ, что онъ хотя и читалъ, но не помнитъ, да и контора де у губернатора не подъ властію". Наконецъ, Бошнякъ жаловался, что офицеры, подписавшіе послѣднее опредѣленіе (маіоры Бутыркинъ, Салмановъ, Зоргеръ, Быковъ и Тимонинъ), созваны были безъ его вѣдома, хотя и отъ имени его, и „отобрали у него команду", почему и просилъ новыхъ приказаній о мѣрахъ, какія слѣдовало принять.

Кто былъ правъ? кто виноватъ? Мы не знаемъ, чѣмъ кончилось бы дѣло, еслибъ принято было предложеніе Державина итти на встрѣчу Пугачеву и сразиться съ нимъ въ полѣ, но знаемъ, что послѣдствія не оправдали мнѣнія и поступковъ Бошняка: вмѣсто того, чтобы, по

желанію самого губернатора, энергически дѣйствовать заодно съ другими, комендантъ посылалъ за нѣсколько сотъ верстъ просить разрѣшенія у своего начальника. Отвѣты Кречетникова получены были уже послѣ занятія Саратова Пугачевымъ; послѣдній ордеръ его даже и писанъ былъ только тогда, когда мятежники уже были въ этомъ городѣ. Именно, въ день ихъ прихода, 6 августа, онъ писалъ коменданту, что одобряетъ его предположеніе о городскомъ валѣ и что должно тотчасъ же приступить къ постройкѣ его „всѣмъ гражданствомъ". Еще позднѣе Кречетниковъ просилъ сенатъ подтвердить Лодыжинскому, чтобъ онъ въ приготовленіяхъ къ оборонѣ Саратова поступалъ согласно съ распоряженіями коменданта, которому онъ, губернаторъ въ своемъ отсутствіи поручилъ охраненіе города, какъ первому тамъ военному начальнику; при этомъ онъ не забылъ сослаться на указъ 1764 г., по которому губернаторы въ смутное время „берутъ надъ всѣми въ губерніи своей главную команду", но прибавилъ, что ему, Кречетникову, по крайнему недостатку людей, никакъ нельзя притти на помощь Саратову. Разумѣется, сенатъ ничего уже не могъ сдѣлать по этому представленію. Эти обстоятельства еще разъ доказываютъ, какъ несостоятельны были по большей части правительственныя лица, которымъ пришлось дѣйствовать во время пугачевщины.

Пока Бошнякъ жаловался на своихъ противниковъ Кречетникову, Державинъ то же дѣлалъ въ своей перепискѣ съ Павломъ Потемкинымъ. „Комендантъ, писалъ онъ въ рапортѣ, который впослѣдствіи былъ доставленъ въ руки императрицы, явнымъ дѣлается развратителемъ народа и посѣваетъ въ сердца ихъ интригами недоброжелательство... чернь ропщетъ и указываетъ, что имъ комендантъ не велитъ". „Къ крайнему оскорбленію", отвѣчалъ Потемкинъ, „получилъ я вашъ рапортъ, что г. полковникъ и саратовскій комендантъ Бошнякъ, забывая долгъ свой, не только не вспомоществуетъ благому учрежденію вашему къ охраненію Саратова, но и препятствуетъ укрѣплять оной: того для объявите ему, что я именемъ ея императорскаго величества объявляю, что ежели онъ что-либо упуститъ къ воспріятію мѣръ должныхъ, какъ на пораженіе злодѣя, стремглавъ бѣгущаго отъ деташаментовъ маіора гр. Меллина и подполковника Муфеля, такъ и на укрѣпленіе города Саратова по положенію условному, о коемъ вы мнѣ доносили: тогда я данною мнѣ властію отъ ея величества по всѣмъ строгимъ законамъ учиню надъ нимъ судъ".

Разумѣется, что и это письмо опоздало. Мы увидимъ впослѣдствіи, что тѣмъ дѣло не кончилось: Бошнякъ, благодаря Кречетникову, нашелъ сильнаго заступника въ графѣ П. И. Панинѣ, въ глазахъ котораго Державину сильно повредила его ссора съ комендантомъ. Князь Голицынъ, какъ и Потемкинъ, былъ совершенно на сторонѣ нашего поэта, но это тѣмъ болѣе вооружило противъ него Панина, нерасположеннаго къ обоимъ.

3. Экспедиція въ Петровскъ.

Пока въ Саратовѣ происходили описанные споры, Пугачевъ быстро приближался къ этому городу. Никогда еще его злодѣйства не были такъ многочисленны и ужасны. Устрашенные жители встрѣчали его съ покорностью, и города сдавались одинъ за другимъ. Въ Саратовѣ уже знали, что онъ 1 августа вступилъ въ Пензу. Державинъ писалъ Потемкину, что тамъ онъ „взялъ довольно пороху и пушекъ, да болѣе 200.000 казенныхъ денегъ. Вотъ ему помощь — прибавлялъ Державинъ — еще производить злодѣянія его. Мы его покупаемъ за 20.000, а онъ за насъ, уповаю, не пожалѣетъ всѣхъ 200.000". Державинъ продолжалъ принимать дѣятельныя мѣры, для огражденія Саратова. Еще прежде онъ поставилъ противъ Сызрани, на луговой сторонѣ, сотню изъ казаковъ, остававшихся на Иргизѣ, и велѣлъ этому отряду дѣлать разъѣзды до Самары, а другую сотню расположилъ въ Малыковкѣ съ тѣмъ, чтобы и она разъѣзжала какъ до Сызрани, такъ и къ сторонѣ Пензы. Теперь онъ приказалъ на большомъ протяженіи свести суда съ нагорнаго берега на луговой или затопить ихъ. Но этого казалось ему еще мало: онъ жаловался Потемкину на недостаточность своей власти и просилъ подтвердить мѣстнымъ начальствамъ, чтобы его слушались.

Наконецъ, пришло извѣстіе, что Пугачевъ идетъ на Петровскъ (крѣпость на р. Медвѣдицѣ), откуда до Саратова только сто сорокъ верстъ. Тамошній воевода, полковникъ Зимнинскій, бѣжалъ черезъ Саратовъ въ Астрахань. Секретарь его Яковлевъ также искалъ спасенія въ Саратовѣ, гдѣ, однакожъ, впослѣдствіи былъ убитъ мятежниками. Въ Петровскѣ не было принято никакихъ мѣръ, успѣли только вывезти казну въ Сызрань. Жители бунтовали.

Еще на первомъ совѣщаніи, происходившемъ въ Саратовѣ 24-го іюля, Державинъ обязался дать свою команду для разъѣздовъ къ сторонѣ Петровска и, въ случаѣ приближенія Пугачева, присоединить ее къ саратовскому отряду. Когда обстоятельства того потребовали, онъ, правда, не могъ дать команды, которая оставалась въ Малыковкѣ, но зато вызвался ѣхать лично въ Петровскъ, выпросивъ изъ опекунской конторы сто человѣкъ донскихъ казаковъ съ есауломъ Фоминымъ. Цѣлью Державина при этомъ было вывезти изъ Петровска казну, пушки, порохъ и дѣла, узнать силы Пугачева и подать саратовскимъ властямъ примѣръ рѣшимости. Съ вечера 3 числа онъ послалъ впередъ свой отрядъ [8]), приказавъ по станціямъ заготовить себѣ лошадей. Проведя почти всю слѣдующую ночь безъ сна, онъ написалъ къ

---

[8]) 80 человѣкъ, по словамъ капитана саратовскаго баталіона Ивана Сапожникова, отправленнаго, послѣ взятія Саратова, изъ Царицына въ Петербургъ, и составившаго, по требованію Панина, записку о саратовскихъ происшествіяхъ.

Потемкину рапортъ обо всемъ, что видѣлъ въ Саратовѣ, и о предпринятомъ дѣлѣ. Тогда-то разгоряченному воображенію поэта явилось видѣніе, о которомъ онъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ. Стоя середи своей комнаты (въ крестьянской избѣ) и разговаривая съ Лодыжинскимъ, Новосильцовымъ и Свербѣевымъ, онъ посмотрѣлъ нечаянно въ маленькое боковое окно и увидѣлъ въ немъ голову остова, бѣлую, будто она вся была изъ тумана; ему казалось, что она, вытаращa глаза, хлопала губами. Хотя, говоритъ онъ, трудно было, при этомъ, защититься отъ суевѣрнаго страха, однакожъ онъ не отложилъ своей поѣздки и никому не сказалъ о видѣніи, которое всякій счелъ бы за дурное предзнаменованіе.

4-го числа, рано утромъ Державинъ пустился въ путь вмѣстѣ съ маіоромъ Гогелемъ, офицеромъ польской службы, который, по поводу переселенія польскихъ выходцевъ на Иргизъ, жилъ въ колоніяхъ [9]) и добровольно присоединился къ нему. Верстахъ въ 15-ти отъ Петровска возвращавшійся курьеръ Бошняка сказалъ имъ, что Пугачевъ верстъ за тридцать по ту сторону города и будетъ въ немъ ночевать. Державинъ надѣялся еще поспѣть туда во-время, чтобы, по крайней мѣрѣ, заклепать пушки и затопить порохъ; но, проѣхавъ еще пять верстъ, онъ услышалъ отъ встрѣченнаго имъ мужика, что мятежники уже только въ пяти верстахъ отъ Петровска. Нечего было дѣлать: Державинъ остановился, чтобы послать за отправленными впередъ казаками. Гогель вызвался ѣхать къ нимъ самъ, желая развѣдать, въ какомъ числѣ приближающаяся толпа. Нагнавъ казаковъ, онъ отрядилъ четырехъ человѣкъ къ Петровску. Долго они пропадали; наконецъ, только двое вернулись, сознаваясь, что они были у Пугачева, который уже въ городѣ. Тогда и прочіе казаки объявили есаулу, что они поѣдутъ къ мнимому государю. Гогель, примѣтивъ, что они и его самого хотятъ схватить, поспѣшилъ удалиться, а есаулъ прибѣгнулъ къ хитрости и сказалъ имъ: „Ну, ребята, когда вы не слушаетесь меня, то я съ вами; только дайте мнѣ попридержать или заколоть офицеровъ“. Они его отпустили. Державинъ между тѣмъ отправилъ къ гр. Меллину малыковскаго крестьянина съ письмомъ объ ускореніи помощи Саратову, но едва онъ успѣлъ отпустить его, какъ увидѣлъ скачущаго во весь духъ Гогеля и за нимъ Фомина; они кричали: „Казаки измѣнили, спасайтесь“. Державинъ вмѣстѣ съ ними поскакалъ къ Саратову. Самъ Пугачевъ съ нѣсколькими изъ своихъ сообщниковъ гнался за ними верстъ десять. Они уже были у него въ виду, но, бла-

[9]) Лодыжинскій въ одномъ изъ своихъ писемъ называетъ Гогеля вызывательскимъ повѣреннымъ; кн. Голицынъ въ рапортѣ Панину говоритъ про Гогеля: „яко находящійся при правленіи колонистскихъ дѣлъ“. По словамъ Державина, онъ былъ крейсъ-комиссаромъ (т. е. завѣдывалъ однимъ изъ округовъ колоній).

годаря прыткости своихъ лошадей, не были настигнуты. Въ руки мятежниковъ попалъ только слуга Державина, нанятый имъ въ Казани гусаръ изъ польскихъ конфедератовъ. Когда Державинъ ускакалъ верхомъ, этотъ человѣкъ остался назади въ кибиткѣ его съ ружьями и пистолетами, и былъ захваченъ людьми Пугачева. Ниже увидимъ, какую роль онъ позднѣе взялъ на себя въ отношеніи къ своему бывшему господину.

Нѣкоторые критики нашего времени находили это бѣгство постыднымъ для Державина, но ничего другого не оставалось ему предпринять для своего спасенія, когда онъ съ ничтожнымъ отрядомъ очутился почти лицомъ къ лицу передъ толпой въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. Начать сопротивляться значило бы вступать безъ надобности въ неравный бой, тѣмъ болѣе, что вслѣдъ за Пугачевымъ могла явиться цѣлая шайка. Поэтому Державинъ могъ говорить объ этомъ случаѣ безъ стыда, и добросовѣстно передалъ въ своихъ запискахъ подробности дѣла. Мы дополнили ихъ по подлиннымъ актамъ. Графу Панину онъ писалъ впослѣдствіи: „Здѣсь признаться должно вашему сіятельству, что я, Гогель и есаулъ до Саратова спаслись бѣгствомъ, но и въ сей необходимости я не позабылъ своего долга“ [10]).

4. Пугачевъ въ Саратовѣ.

Державинъ возвратился въ Саратовъ въ четвертомъ часу утра 5 августа. Опасность сдѣлалась неминуемой, а между тѣмъ войска въ городѣ было очень мало: около 300 артиллеристовъ, 270 казаковъ (волжскихъ и саратовскихъ), да человѣкъ 120 гарнизонныхъ солдатъ. Пушекъ было всего 12, но вполнѣ исправныхъ между ними только четыре (въ томъ числѣ одна мортира).

Лодыжинскій и Державинъ рѣшились еще разъ попытаться склонить коменданта къ принятію ихъ плана обороны. Они пригласили его въ контору. Отказавшись сначала ѣхать, онъ, однакожъ, прибылъ туда часу въ 7-мъ утра, но ничего положительнаго не обѣщалъ. Черезъ часъ Лодыжинскій вновь отправился къ нему, взявъ съ собою своихъ сослуживцевъ Кикина и Батурина, артиллерійскаго маіора Семанжа, а также и Державина, „яко очевиднаго свидѣтеля всѣмъ происшествіямъ“. Послѣдній при этомъ случаѣ возобновилъ свое смѣлое предложеніе итти со всѣми силами, какія есть, навстрѣчу Пугачеву; когда же на это не соглашались, то онъ подалъ такое мнѣніе, къ которому присталъ и Лодыжинскій: такъ какъ вслѣдъ за Пугачевымъ идутъ наши войска, которыя должны подоспѣть не позже какъ дня черезъ три послѣ него, то нужно придумать средство, какъ бы про-

---

[10]) См. т. V, соч. Держ., стр. 240; также 168.

держаться до того времени, а для этого можно построить на первый случай грудной оплотъ (или ретраншаментъ) изъ кулей муки и извести и за нимъ отсидѣться подъ прикрытіемъ пушекъ. Однакожъ и этотъ планъ не былъ признанъ удобоисполнимымъ [11]).

Комендантъ рѣшился дѣйствовать по собственному усмотрѣнію: послѣ полудня, часу въ третьемъ, на московскую (петровскую) дорогу выведено было около двухсотъ пѣшихъ солдатъ, вооруженныхъ одними кольями, безъ огнестрѣльнаго оружія; они были расположены поперекъ дороги влѣво отъ Соколовой горы. Такое распоряженіе, по мнѣнію противной партіи, было чрезвычайно необдуманно: Соколова гора, господствуя надъ всѣмъ городомъ, представляла непріятелю самое удобное для батареи мѣсто: съ нея можно обстрѣливать и городской валъ, отдѣлявшійся отъ нея только буеракомъ, за которымъ кое-гдѣ было поставлено по жалкой пушкѣ. Спереди, по описанію Державина [12]), были рвы, которые могли служить мятежникамъ вмѣсто траншей, съ одной стороны названная гора, съ другой открытое поле, а сзади строеніе, куда атакующіе безопасно могли отступить, въ случаѣ неудачи; люди не были размѣщены въ опредѣленномъ количествѣ. „Жители", продолжаетъ Державинъ, „безъ начальника и толпы безъ присмотра собирались гдѣ хотѣли... тутъ я вообразилъ, что это ратуетъ на Тамерлана нѣкакій древній воевода: нарядный былъ безпорядокъ! Хотя Пугачевъ и грубіянъ, но, какъ слышно, и онъ умѣлъ пользоваться всегда таковыми выгодами. Сего не довольно. Маіоры Зоргеръ и Бутыркинъ сказывали мнѣ, что городовыя пушки заколочены ядрами и что ежели де мы сего не усмотрѣли, то можетъ-быть со всѣми сіе случилось. Услышавъ сіе, я ужаснулся! Пошелъ къ коменданту и спросилъ его съ учтивостію, въ присутствіи бригадира и прочихъ объ ономъ; онъ отвѣчалъ, что это бездѣлица и что это пушкари, учившися, изъ шалости сдѣлали".

Своими настойчивыми спорами Державинъ до такой степени возстановилъ противъ себя Бошняка, что еще наканунѣ петровской экспедиціи послѣдній могъ объявить ему приказаніе губернатора немедленно удалиться на Иргизъ, какъ мѣсто, собственно назначенное для его пребыванія [13]). Хотя послѣ этого Державинъ имѣлъ полное право не дожидаться нападенія Пугачева на Саратовъ, тѣмъ болѣе, что онъ, пріѣхавъ сюда на время съ особою цѣлью, безъ воинской команды, вовсе не былъ обязанъ участвовать въ защитѣ Саратова по плану, который горячо оспаривалъ, однакожъ, по чувству чести русскаго офицера, онъ

---

[11]) Тѣмъ не менѣе изъ письма Лодыжинскаго видно, что онъ въ два дня успѣлъ сдѣлать половину такого ретраншамента.

[12]) Рапортъ гр. П. И. Панину отъ 5 октября 1774 г.

[13]) Ордеръ объ этомъ Кречетникова Бошняку см. соч. Державина, т. V, стр. 149.

рѣшился раздѣлить опасность съ жителями города: выпросилъ себѣ у маіора Семанжа роту, не имѣвшую офицера, и уже взялъ ее въ свою команду, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство потребовало его присутствія въ другомъ мѣстѣ. Поздно вечеромъ того же дня, находясь у Лодыжинскаго вмѣстѣ съ Семанжемъ, онъ получилъ отъ своего повѣреннаго Герасимова очень тревожное извѣстіе. Припомнимъ, что Державинъ успѣлъ собрать въ Малыковкѣ до 1.500 вѣрныхъ крестьянъ, которыхъ, по его распоряженію, Герасимовъ долженъ былъ привести на помощь Саратову. Они уже были на пути, но въ селѣ Чардынѣ, услышавъ объ измѣнѣ казаковъ подъ Петровскомъ и неудачѣ Державина, отказались итти безъ него далѣе и требовали, чтобъ онъ, если еще живъ, самъ повелъ ихъ. „То не изволите ли", писалъ Герасимовъ, „пріѣхать къ намъ поспѣшнѣе сами и ободрить проклятую чернь собою? Недалеко отъ сего село Усовка бунтуетъ, да и всѣ жительства не надежны, и мы съ ними хотѣли драться... кричатъ по улицамъ во весь народъ, что де батюшка нашъ Петръ Федоровичъ близко, и онъ де васъ всѣхъ перевѣшаетъ. Боюсь, чтобы и наши тогожъ не затѣяли: извольте поспѣшить къ намъ поскорѣе". Такого требованія Державинъ не могъ оставить безъ исполненія: рѣшился ѣхать, о чемъ и сообщилъ Лодыжинскому, умолчавъ, однакожъ, о волненіи крестьянъ, чтобъ не произвести еще большаго смятенія въ Саратовѣ. Желая, напротивъ, ободрить жителей, онъ обѣщалъ просить Мансурова итти изъ Симбирска на помощь Саратову, и для этого онъ, дѣйствительно, отправилъ къ названному генералу другого своего повѣреннаго, Серебрякова [14]). Самъ же онъ выѣхалъ изъ Саратова въ ночь на 6-е августа, черезъ нѣсколько часовъ по полученіи письма Герасимова и часовъ за пятнадцать до прихода туда Пугачева. По нагорной сторонѣ уже слишкомъ опасно было ѣхать среди бунтующаго народа, и потому онъ переправился черезъ Волгу въ село Покровское (лежащее на другомъ берегу рѣки, противъ Саратова). Въ ожиданіи здѣсь лошадей онъ написалъ длинный рапортъ Потемкину, гдѣ отдалъ ему отчетъ и въ своей поѣздкѣ подъ Петровскъ, и въ позднѣйшихъ обстоятельствахъ.

Между тѣмъ начальствующіе въ Саратовѣ, въ виду предстоявшей опасности, заботились о заблаговременномъ вывозѣ оттуда казенныхъ денегъ и бумагъ. Въ день возвращенія Державина изъ-подъ Петровска, Лодыжинскій, отправясь къ Бошняку рано утромъ, просилъ помочь ему въ прісканіи судовъ и доставить черезъ полицію извозчиковъ для

[14]) Это порученіе сдѣлалось гибельнымъ для Серебрякова: въ дорогѣ, на иргизской степи, онъ попалъ въ руки шатавшейся шайки и былъ убитъ — очень кстати говоритъ Державинъ въ своихъ запискахъ, какъ для самого себя, такъ и для замѣшаннаго съ нимъ въ уголовное дѣло Максимова и для многихъ сенатскихъ чиновниковъ. Впослѣдствіи оказалось, что убійцы Серебрякова были бѣглые солдаты; главный изъ нихъ, Иванъ Григорьевъ, былъ повѣшенъ Державинымъ.

перевозки на суда денежной казны. Бошнякъ обѣщалъ, но ничего не сдѣлалъ. Къ вечеру казначей, поручикъ Стихеусъ, насилу могъ достать одно судно и, не имѣя лошадей, долженъ былъ прибѣгнуть къ караульнымъ и случившимся въ Саратовѣ колонистамъ для переноса на рукахъ мѣдной монеты, которой было въ конторѣ около 27.000 руб. Они проработали до 4-го часа пополудни слѣдующаго дня, т. е. до той минуты, когда мятежники уже начали вступать въ городъ. Тогда на это же судно сѣлъ самъ Лодыжинскій съ Кикинымъ и Батуринымъ; они отплыли въ Царицынъ и прибыли туда благополучно на шестыя сутки (11 августа) [15]).

Для удаленія конторскихъ дѣлъ и остальной монеты (15.000 мѣдью и серебромъ) было взято судно съ невыгруженною еще мукою; но оно было не такъ счастливо, какъ первое: его разграбили въ пути дворцовые крестьяне; бывшіе на немъ чиновники и служители подверглись истязаніямъ и были отвезены къ Пугачеву, конвой же и купцы отпущены въ Саратовъ. Бошнякъ также успѣлъ отправить водою дѣла воеводской канцеляріи и казну ея, составлявшую болѣе 50.000 руб., съ воеводскимъ товарищемъ Телегинымъ и служителями. Они прибыли въ Царицынъ въ одинъ день съ судномъ Лодыжинскаго. Но въ Саратовѣ оставалась еще порядочная сумма казенныхъ денегъ (26.000 руб.), которая попала въ руки мятежниковъ.

По показанію Бошняка, къ нему уже въ 9 часовъ утра 6-го числа пришелъ маіоръ Семанжъ и объявилъ, что Лодыжинскій уѣхалъ. Наканунѣ вечеромъ начальникъ опекунской конторы приказалъ Семанжу: присоединивъ казаковъ къ артиллерійской командѣ, выступить въ ночь на встрѣчу мятежникамъ; если же отразить ихъ окажется невозможнымъ, то примкнуть къ командѣ, составленной Бошнякомъ за городскимъ валомъ и быть у него въ подчиненіи. Въ ночь на 6-е Семанжъ, дѣйствительно, двинулся по петровской дорогѣ съ 300 рядовыхъ и 27-ю офицерами, и въ двухъ верстахъ отъ Саратова расположился лагеремъ. Поутру посланные Семанжемъ въ разъѣздъ волжскіе казаки (62 человѣка) бѣжали къ Пугачеву, стоявшему уже только въ трехъ верстахъ отъ города. Вернулся одинъ есаулъ Тарариновъ; казаки за нимъ погнались, и онъ едва спасся, заколовъ двухъ изъ нихъ [16]). Между тѣмъ комендантъ вывезъ на встрѣчу самозванца свои 10 пушекъ, поставилъ въ боевой порядокъ всѣхъ воинскихъ людей по валу, по обѣимъ сторонамъ московскихъ воротъ, а остальныхъ казаковъ и саратовскихъ

---

[15]) Описаніе этого переѣзда, сдѣланное самимъ Лодыжинскимъ, см. въ т. V Соч. Держ.

[16]) См. о немъ прим. въ т. V, стр. 9, гдѣ, однакожъ, невѣрно сказано, что это произошло во время петровской экспедиціи.

жителей, вооруживъ ихъ чѣмъ только могъ, протянулъ отъ праваго фланга до буерака [17]).

Вскорѣ Семанжу дано было знать комендантомъ, что мятежники уже врываются въ Саратовъ съ другой стороны. Семанжъ поспѣшилъ въ городъ и, донеся обо всемъ Бошняку, сталъ съ нимъ въ одинъ полигонъ за валомъ. Они обложились рогатками и, гдѣ удобно было, поставили пушки. Жители стали вдоль вала группами, въ небольшомъ разстояніи одна отъ другой. Пугачевъ приближался. Пушкинъ говоритъ, что съ нимъ было до 10.500 человѣкъ, въ томъ числѣ 300 яицкихъ казаковъ, да около 150 донскихъ, которые перебѣжали къ нему уже изъ Саратова; остальную массу составляли калмыки, башкирцы, татары и всякая сволочь. По показанію же Бошняка, вся толпа самозванца не превышала тутъ 4.000 человѣкъ. Они подъѣхали къ валу и стали разговаривать съ казаками. Тогда же многіе изъ городского войска стали перебѣгать къ мятежникамъ. По совѣту бывшаго бургомистра, купца Матвѣя Протопопова, жители послали къ Пугачеву первостатейнаго купца Кобякова для переговоровъ о сдачѣ города. Бошнякъ велѣлъ Семанжу дать выстрѣлъ изъ пушки картечью. Окружавщіе маіора долго его останавливали; когда же онъ, не смотря на то, наконецъ, выстрѣлилъ, то стали кричать, что онъ сгубилъ лучшаго человѣка (разумѣя Кобякова). Особенно саратовскіе казаки съ большимъ азартомъ кричали на Семанжа и, стащивъ съ лошади есаула Винокурова, такъ что онъ упалъ замертво, всѣ передались. Съ такимъ же озлобленіемъ жители, особенно Протопоповъ, бранили Бошняка за то, что онъ велѣлъ стрѣлять, не дождавшись возвращенія посланнаго. Между тѣмъ, Кобяковъ вернулся съ запечатаннымъ письмомъ. Бошнякъ разорвалъ бумагу, не распечатывая конверта, и растопталъ ее [18]).

Но обыватели продолжали говорить, что не хотятъ драться съ Пугачевымъ; офицеры и солдаты дурно исполняли свою обязанность. Тѣмъ временемъ мятежники открыли огонь изъ восьми пушекъ, изъ которыхъ, впрочемъ, только одна доставала въ укрѣпленіе. Послѣ 10-го выстрѣла часть жителей съ оружіемъ побѣжала въ толпу; другая, именно все купечество, бросилась въ городъ. Оборону продолжали только артиллеристы и баталіонные солдаты, окинувшись рогатками. Мятежники съ крикомъ поскакавъ съ Соколовой горы, поставили пушки противъ редута, и въ половинѣ 2-го ч. пополудни началась съ обѣихъ сторонъ пушечная пальба, продолжавшаяся около часу; но убитъ былъ только одинъ фузелеръ. Семанжъ отчасти строгостью, отчасти лаской успѣлъ два раза удержать солдатъ отъ бѣгства. Наконецъ, однакожъ, вся артиллерійская команда, внезапно поднявшись вмѣстѣ съ своими

[17]) Изъ записки капитана Сапожникова.

[18]) Объ этомъ поступкѣ Бошняка упоминается только въ собственномъ рапортѣ его.

офицерами, также ушла въ толпу. Бошнякъ велѣлъ отступать. Но едва успѣли вывезти два орудія и, сомкнувшись съ остававшимися еще при знаменахъ солдатами саратовскаго баталіона (человѣкъ до 70), вышли изъ укрѣпленія, какъ новая измѣна разстроила въ самомъ началѣ правильное отступленіе. Баталіонный командиръ, секундъ-маіоръ Салмановъ, которому приказано было, построивъ солдатъ въ каре, итти съ половиною строя, вдругъ поворотилъ со всѣми бывшими при немъ и ушелъ къ Пугачеву, оставя Бошняка и Семанжа только съ 60-ю человѣками офицеровъ и рядовыхъ. Этотъ небольшой отрядъ продолжалъ отступленіе подъ выстрѣлами мятежниковъ, отстрѣливаясь изъ своихъ ружей и вездѣ отражая нападавшихъ, которые преслѣдовали эту горсть храбрыхъ верстъ шесть, пока не стемнѣло. Продолжая свой маршъ внизъ по Волгѣ, они верстахъ въ 35 отъ Саратова сѣли въ лодку и 11 августа прибыли благополучно въ Царицынъ „со знаменами и со всею воеводскаго вѣдомства казною“, какъ доносилъ Бошнякъ Кречетникову и Панину.

Подъ вечеръ 6-го августа Пугачевъ въѣхалъ въ Саратовъ съ частію своихъ людей; остальныя толпы его расположились по Улѣшамъ. Въ соборной церкви, куда онъ прежде всего отправился, всѣ жители, какъ самаго города, такъ и окрестностей, были приведены къ присягѣ. По обыкновенію, начались грабежи и убійства; между жертвами были нѣсколько оставшихся офицеровъ. Нѣкоторые изъ жителей успѣли бѣжать, въ томъ числѣ и членъ соляной конторы генералъ-аудиторъ лейтенантъ Савельевъ, который, со своими подчиненными и служителями, цѣлыхъ пять сутокъ скитался въ лѣсу. Отъ смерти избавился также гарнизонный капитанъ Мосоловъ, но артиллеріи капитанъ князь Баритаевъ былъ впослѣдствіи изрубленъ въ Камышенкѣ. Одинъ изъ передавшихся Пугачеву казаковъ, пятидесятникъ Уфимцевъ, назначенъ саратовскимъ комендантомъ. Изъ острога были выпущены всѣ колодники, винные погреба разграблены, амбары открыты для безденежной раздачи хлѣба. На другой день Пугачевъ съ шестью сообщниками пріѣхалъ къ Троицкой церкви, гдѣ спрятана была часть денежной казны опекунской конторы, и велѣлъ сложить ее на возы. Денежная казна соляной конторы находилась на суднѣ, не успѣвшемъ отплыть. Оно было задержано со всѣми бывшими на немъ людьми. Пониже Улѣшей Пугачевъ велѣлъ этимъ людямъ раздѣться и плыть черезъ Волгу, а своихъ заставилъ стрѣлять по нимъ изъ ружей: несчастные всѣ до одного погибли.

9-го числа, въ субботу, Пугачевъ со своими толпами ушелъ внизъ по Волгѣ, приказавъ слѣдовать за собой и захваченному судну съ деньгами. По уходѣ его, въ соборной церкви былъ отслуженъ молебенъ съ колокольнымъ звономъ. 11-го августа въ Саратовъ прибыли Муфель и гр. Меллинъ. Они остановились было въ 50-ти верстахъ, не считая

себя довольно сильными для пораженія мятежниковъ; но узнавъ, что Пугачевъ уже выступилъ, продолжали путь. Отставшая въ городѣ шайка была истреблена Меллиномъ, казаки же Муфеля на слѣдующее утро разбили другую въ полѣ. 14-го числа пришелъ и Михельсонъ; они отправились вслѣдъ за Пугачевымъ. Начальство надъ городомъ временно поручено названному выше лейтенанту Савельеву.

5. Поѣздка въ Сызрань.

Мы оставили Державина въ Покровской слободѣ, гдѣ онъ по выѣздѣ изъ Саратова, долженъ былъ ждать лошадей и провелъ ночь за рапортомъ къ П. Потемкину. Потерявъ столько времени, онъ уже не успѣлъ, какъ намѣревался, присоединиться къ собраннымъ крестьянамъ: услышавъ о разореніи Саратова, онъ боялся, чтобъ они не передались Пугачеву, а потому и счелъ благоразумнѣйшимъ распустить ихъ. Послѣ этого онъ провелъ два дня въ ближайшихъ колоніяхъ, надѣясь чрезъ обывателей узнать, куда направился Пугачевъ,— на Яикъ или внизъ по Волгѣ. Остановившись у своего пріятеля крейсъ-комиссара Вильгельми, онъ едва не попалъ въ руки бунтовщиковъ. Бывшій его слуга изъ польскихъ конфедератовъ, схваченный, какъ выше было разсказано, подъ Петровскомъ, взялся за 10,000 руб. доставить ускользнувшаго офицера Пугачеву. Онъ прибылъ въ колоніи съ прокламаціей, успѣлъ привлечь къ себѣ многихъ колонистовъ и разослалъ нарочныхъ искать обреченнаго на гибель. 8-го числа Державинъ услышалъ объ угрожающей ему опасности. Его спасъ егерь капитана Вильгельми: посланный, чтобъ подробнѣе развѣдать въ чемъ дѣло, этотъ слуга поспѣшно воротился съ извѣстіемъ, что шайка, ищущая Державина, завтракаетъ въ сосѣдней колоніи. Державинъ взялъ лошадь, примчавшую егеря, поскакалъ въ Сызрань, до которой было 90 верстъ, къ Мансурову, и благополучно пріѣхалъ въ этотъ городъ 15 августа. Самъ Мансуровъ прибылъ туда только наканунѣ. Извѣщеніе, посланное Державинымъ изъ подъ Петровска объ опасности Саратова, было получено генераломъ за недѣлю, при переправѣ черезъ Волгу. Но Мансуровъ, вопреки всѣмъ ожиданіямъ, не думалъ итти на помощь Саратову, имѣя при себѣ только слабый отрядъ, состоявшій большею частью изъ ненадежныхъ яицкихъ казаковъ, которые прежде сами участвовали въ бунтѣ. Вмѣстѣ съ Мансуровымъ Державинъ рѣшился дождаться въ Сызрани кн. Голицына.

Этотъ генералъ, отправленный Щербатовымъ изъ Оренбурга въ Башкирію, дѣйствовалъ тамъ съ большимъ успѣхомъ и очистилъ край по обѣ стороны рѣки Бѣлой до Уфы. Послѣ несчастія Казани онъ приблизился къ Мензелинску, откуда могъ продолжать слѣдить за башкирцами. Здѣсь, въ послѣднихъ числахъ іюля, получилъ онъ неожиданно рескриптъ императрицы о принятіи отъ кн. Щербатова главнаго на-

чальства надъ войсками. 8-го іюля, слѣдовательно, еще до разоренія Казани, Екатерина подписала какъ этотъ рескриптъ, такъ и другой на имя кн. Щербатова съ повелѣніемъ ему „немедленно возвратиться ко двору для изустнаго донесенія о настоящихъ того края обстоятельствахъ". Мы видѣли, что она уже при назначеніи Щербатова не вполнѣ довѣряла его способностямъ; естественно было еще болѣе усомниться въ нихъ послѣ новыхъ успѣховъ Пугачева. Впрочемъ, кн. Голицынъ очень не долго оставался преемникомъ Щербатова: уже черезъ три недѣли послѣ того какъ состоялся упомянутый рескриптъ, именно 29-го іюля, главное начальство по усмиренію бунта было ввѣрено графу П. И. Панину. 30-го іюля Голицынъ, по вызову Щербатова, прибылъ въ Казань, 1-го августа принялъ команду надъ войсками, а 8-го, находясь еще въ Казани, получилъ увѣдомленіе гр. Панина о назначеніи послѣдняго главнокомандующимъ. Въ ночь на 10-е августа онъ оставилъ Казань, чтобы, направясь внизъ по Волгѣ, быть ближе къ наступательнымъ движеніямъ противъ Пугачева. Изъ Симбирска онъ отправился на соединеніе съ Мансуровымъ и 16-го числа доносилъ Панину [19]), что въ два дня прошелъ болѣе 160 верстъ. Главною цѣлью его, какъ онъ писалъ, было помѣшать Пугачеву пробраться опять въ тамошнія мѣста; онъ надѣялся настигнуть его въ Саратовѣ и атаковать съ двухъ сторонъ. Но изъ предыдущаго разсказа намъ уже извѣстно, что этотъ планъ не могъ удасться, такъ какъ Пугачевъ былъ въ Саратовѣ уже 6-го августа.

Съ Мансуровымъ и Державинымъ Голицынъ свидѣлся въ селѣ Колоднѣ, близъ Сызрани, и отъ нихъ узналъ о послѣднихъ событіяхъ. Мансуровъ, по его приказанію, долженъ былъ, взявъ подъ свою команду отряды Муфеля и Меллина, отправиться съ ними для преслѣдованія Пугачева. Державинъ же пробылъ нѣсколько дней при князѣ, чтобы дождаться отъ П. Потемкина, изъ Казани, повелѣнія: что предпринять и куда обратиться, такъ какъ въ мѣстахъ, порученныхъ его наблюденію, уже не для чего было оставаться послѣ того, какъ чрезъ нихъ прошелъ Пугачевъ.

6. Происшествія въ Малыковкѣ и въ колоніяхъ.

Малыковка, по близости своей къ Саратову, не могла избѣгнуть той же участи. Державинъ предвидѣлъ это и, не смотря на свое опасное положеніе при проѣздѣ чрезъ колоніи, имѣлъ столько присутствія духа, что принялъ важную предосторожность: онъ послалъ въ Малыковку приказаніе казначею и управителю увезти казну и бумаги на какой-нибудь островокъ на Волгѣ и тамъ окопаться. Тишинъ и Шишковскій въ точности исполнили это, взявъ съ собою своихъ женъ, лучшихъ крестьянъ и десятка два солдатъ.

---

[19]) Изъ села Томашева, отъ Сызрани 40 верстъ ближе къ Саратову.

9-го августа толпа малыковскихъ обывателей, услышавъ о приближенiи мятежниковъ, поѣхала къ нимъ навстрѣчу. Семнадцать сообщниковъ Пугачева, ворвавшись въ село, велѣли искать управителя и казначея, расхитили ихъ имущество, выпустили на волю около 15 колодниковъ и, разбивъ питейный домъ, заставили народъ пить за здоровье государя Петра Федоровича: многiе присоединились къ нимъ.

Неподалеку, въ селѣ Воскресенскомъ, стоялъ отрядъ донскихъ казаковъ; есаулъ Богатыревъ послалъ часть ихъ въ Малыковку, но изъ этой партiи четверо, бросивъ копья и ружья, тотчасъ же пристали къ бунтовщикамъ. Прочiе успѣли схватить девять человѣкъ изъ этихъ послѣднихъ и отвести ихъ къ Богатыреву. Остальные восемь мятежниковъ стали разъѣзжать по селу, били крестьянъ плетьми и вѣшали непокорныхъ, таскали соль изъ амбаровъ и грабили деньги. Къ вечеру всѣ они лежали пьяные предъ кружаломъ. Обыватели, перешедшiе на сторону самозванца, поставили при нихъ караулъ, и ночь прошла спокойно. Но утромъ опять полилась кровь, вслѣдствiе неосторожности казначейши. Живя на островѣ и не подозрѣвая, что Малыковка уже въ рукахъ мятежниковъ, она уговорила мужа съѣздить къ оставленнымъ дома дѣтямъ.

По указанiю безжалостнаго лодочника, супруговъ схватили, мучили, били плетьми и, наконецъ, застрѣливъ, повѣсили на мачтахъ; потомъ отыскали дѣтей и также убили. Послѣ разныхъ другихъ неистовствъ, злодѣи, взявъ на селѣ пятьдесятъ лошадей, со всѣми приставшими къ нимъ крестьянами и судорабочими разбѣжались разными дорогами внизъ по Волгѣ. Богатыревъ послалъ за ними погоню, и нѣкоторые были переловлены. Затѣмъ Малыковки болѣе не тревожили: Шишковскiй и бывшiе при немъ солдаты спокойно воротились въ село.

Было уже сказано о возмущенiи бóльшей части колонистовъ. Въ Сызрани Державинъ, извѣстивъ о томъ Мансурова, далъ ему подписать воззванiе къ нимъ, составленое по-нѣмецки капитаномъ Вильгельми и переведенное по-русски Державинымъ. Въ этой бумагѣ, названной манифестомъ, генералъ обращается къ колонистамъ какъ „къ разсудительнымъ европейцамъ“ и приглашаетъ ихъ усмириться, обѣщая поспѣшить на защиту ихъ; упорнымъ же угрожаетъ жестокою казнiю. Тутъ же объявлено, что за доставленiе Пугачева живымъ будетъ выдано 25.000 руб., а за мертваго половина этой суммы. Обнародованiе этого воззванiя принялъ на себя писавшiй его Вильгельми, съ тѣмъ, чтобъ ему дали 80 казаковъ для обороны отъ нападавшихъ киргизовъ.

Слухи о набѣгахъ этихъ инородцевъ дошли до кн. Голицына. Нужно было принять мѣры для возстановленiя въ колонiяхъ спокойствiя и безопасности. Такъ какъ отрядъ Голицына былъ очень не великъ, а притомъ часть его отправлена въ другую сторону, къ Пензѣ и Сызрани, то ему самому не съ чѣмъ было итти на помощь разоряемымъ селенiямъ.

Тогда-то Державинъ, не получая отвѣта отъ Потемкина, вызвался предпринять съ крестьянами поискъ на киргизъ-кайсаковъ, прося дать ему въ подкрѣпленіе лишь небольшое число военныхъ людей. Голицынъ согласился.

Здѣсь мѣсто нѣсколько ближе ознакомить читателя съ заволжскими колоніями, гдѣ Державинъ жилъ не разъ во время пугачевщины, гдѣ онъ на досугѣ занимался поэзіей и написалъ свои извѣстныя „Читалагайскія оды".

Уже въ началѣ своего царствованія Екатерина II прибѣгнула къ вызову иностранцевъ для заселенія нѣкоторыхъ малолюдныхъ мѣстностей Россіи, для содѣйствія успѣхамъ земледѣлія и промышленности. Такъ возникли, лѣтъ за десять до пугачевщины, нѣмецкія колоніи по обѣимъ сторонамъ Волги, около Саратова. Онѣ состоятъ изъ четырехъ группъ— двухъ на нагорномъ и двухъ на луговомъ берегу рѣки. Мы должны коснуться только послѣднихъ, и именно той группы, которая, начинаясь въ 35 верстахъ отъ Саратова колоніею Екатеринштадтъ, тянется верстъ на пятьдесятъ вверхъ по Волгѣ, почти до впаденія въ нее Иргиза, или до окрестностей города Вольска (бывшаго села Малыковки). Въ этой группѣ 41 колонія; онѣ раздѣлены на четыре крейса, или округа. На сѣверѣ крайняя къ Иргизу колонія называется Шафгаузенъ; на югѣ же онѣ кончаются Тонкошкуровскимъ округомъ, который вдается клиномъ въ обширную Уральскую степь, по обѣ стороны рѣки Большаго Карамана [20]).

Первоначальные поселенцы собрались почти изъ всѣхъ странъ Германіи, даже изъ Эльзаса и Лотарингіи, изъ Швейцаріи и Нидерландовъ. Болѣе всего высельниковъ было, однакожъ, изъ Гессена и Швабіи. Сборнымъ мѣстомъ ихъ для отправленія въ Россію былъ Регенсбургъ. По прибытіи первой партіи въ Кронштадтъ, Екатерина милостиво привѣтствовала своихъ гостей въ Ораніенбаумѣ. Число первыхъ поселенцевъ къ 1770 году составляло около 27.000 душъ или 8.000 семей; но послѣ пугачевщины оставалось лишь съ небольшимъ 23.000 душъ или 5.500 семействъ [21]). Нынче всѣ жители колоній говорятъ по-русски, но въ быту сохраняютъ особенности своего происхожденія.

---

[20]) Нынче эти колоніи принадлежатъ частью къ Николаевскому, частью къ Новоузенскому уѣзду. Первоначально всѣхъ колоній было 102; около 1850 г. было образовано еще 15 выселковъ изъ разныхъ колоній. Число всѣхъ колонистовъ простирается нынѣ за 100.000. Въ однѣхъ колоніяхъ населеніе протестантское, въ другихъ католическое, и замѣчательно, что послѣднія далеко отстали отъ первыхъ въ промышленности и благосостояніи. Названія колоній не однѣ и тѣ же по-нѣмецки и по-русски: такъ Панинская у нѣмцевъ Schönchen, Тонкошкуровка—Marienthal.

[21]) Численныя показанія относительно колонистовъ основываются на бывшей въ рукахъ моихъ неизданной исторіи саратовскихъ колоній, составленной на нѣмецкомъ языкѣ г. Шнейдеромъ. На его отвѣтственности и оставляю эти показанія.

Преданія о пугачевщинѣ до сихъ поръ живы между колонистами: „Когда я,— писалъ намъ въ 1860-хъ годахъ г. Пундани, бывшій пасторъ колоніи Баратаевки,— опредѣлился сюда лѣтъ сорокъ тому назадъ, нѣкоторые сторожилы Шафгаузена разсказывали мнѣ про пугачевщину и говорили, что тамъ стояли двѣ пушки, которыя потомъ отправлены были на Иргизъ". Отъ первыхъ же поселенцевъ идетъ преданіе, что при холмѣ, въ чертѣ Баратаевки, когда-то стояло войско, и теперь еще тамъ видны остатки укрѣпленій.

Недолго иностранцы, поселившіеся за Волгой, наслаждались спокойствіемъ. Уже въ 1771 году пришли изъ-за яицкихъ степей киргизъ-кайсаки и опустошили двѣ верхнія колоніи. Слухъ о всеобщей неурядицѣ во время пугачевскаго бунта вызвалъ ихъ на новые грабежи: они повторили свой набѣгъ лѣтомъ 1774 года, но, возвращаясь, наткнулись близъ Яика на казаковъ и принуждены были бросить часть добычи и плѣнныхъ. 15 августа, въ день Успенія, колонія Тонкошкуровка опять подверглась такому вторженію. Киргизы напали на нее въ то время, когда жители были въ церкви; многихъ перебили, другихъ потащили въ плѣнъ. Разбѣжавшіеся по лѣсамъ вечеромъ возвратились, но нашли свои дома разграбленными и отправились въ Покровскую слободу искать себѣ тамъ убѣжища.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого набѣга, Державинъ взялся итти на киргизовъ съ крестьянами, которыхъ онъ надѣялся набрать въ Малыковкѣ и другихъ селеніяхъ. По его желанію, кн. Голицынъ обѣщалъ дать ему сверхъ того часть казаковъ изъ отряда Мансурова и 25 бахмутскихъ гусаръ; наконецъ, капитанъ Вильгельми вызвался набрать для него 300 колонистовъ. Начальство надъ послѣдними предполагалось поручить упомянутому выше Гогелю, также изъявившему готовность участвовать въ этой экспедиціи, которую Голицынъ, въ данной Державину бумагѣ, назвалъ „столь благороднымъ для общества дѣломъ".

21-го августа Державинъ выступилъ съ гусарами. На пути онъ долженъ былъ остановиться въ двухъ селахъ для совершенія казней. Князь Голицынъ отправилъ съ нимъ восемь колодниковъ, виновныхъ въ задержаніи курьера и отсылкѣ его къ Пугачеву. Главный изъ нихъ и былъ повѣшенъ въ томъ самомъ селѣ (Поселкахъ), гдѣ это случилось. Въ другомъ селѣ (Сосновѣ) такому же наказанію подвергся одинъ изъ солдатъ, оказавшихся убійцами Серебрякова. Чтобы правильно судить объ этихъ и подобныхъ казняхъ въ эпоху пугачевщины, не надобно забывать тогдашнихъ необыкновенныхъ обстоятельствъ: устрашеніе народа жестокостью наказаній входило въ общій планъ дѣйствій правительства; самъ даже мягкій въ высшей степени Бибиковъ видѣлъ необходимость прибѣгать къ этому средству.

Прибывъ въ Малыковку, Державинъ нашелъ ее еще подъ впечатлѣніемъ совершившихся тамъ недѣли за двѣ передъ тѣмъ ужасовъ.

Когда тамъ провѣдали о приближеніи его съ частію отряда Голицына, то обыватели, боясь заслуженнаго наказанія за предательство, схватили участниковъ въ убіеніи семейства Тишиныхъ и посадили ихъ подъ караулъ. Державинъ тотчасъ допросилъ ихъ и, по данной ему власти, приговорилъ къ смерти. Одинъ изъ нихъ принадлежалъ къ извѣстной впослѣдствіи купеческой фамиліи; это былъ Семенъ Сапожниковъ, который въ современныхъ актахъ поименованъ между экономическими крестьянами, поѣхавшими изъ Малыковки навстрѣчу къ бунтовщикамъ. Этою казнью Державинъ желалъ какъ можно сильнѣе подѣйствовать на колебавшійся народъ, и потому, созвавъ всѣхъ обывателей села, обставилъ ее особенною торжественностью, о чемъ подробно разсказано въ его запискахъ [22]). Зачинщики были повѣшены, а 200 человѣкъ высѣчены плетьми.

Затѣмъ, по требованію Державина, въ Малыковкѣ набрано было 700 конныхъ вооруженныхъ ратниковъ съ обозомъ изъ ста телѣгъ. Во время остановки въ этомъ селѣ получено было имъ нѣсколько важныхъ бумагъ, въ томъ числѣ извѣстный циркуляръ новаго главнокомандующаго гр. Панина о мѣрахъ строгости для обузданія народа [23]), потомъ разрѣшеніе П. Потемкина Державину пріѣхать въ Казань и два приказа кн. Голицына о производствѣ слѣдствій и казней въ селахъ. Въ одной изъ этихъ бумагъ князь повторялъ свое обѣщаніе прислать въ подкрѣпленіе 50 яицкихъ казаковъ, но Державинъ не дождался ихъ и 30 августа переправился чрезъ Волгу. Дѣйствительно, надо было спѣшить: пока Державинъ шелъ въ степь, киргизы еще разъ опустошили нѣсколько колоній: 28 августа они въ числѣ 50—60 человѣкъ ворвались въ Тонкошкуровку, захватили всѣ табуны, увлекли до 200 несчастныхъ, большею частью женщинъ и дѣтей, между прочимъ, однакожъ, и католическаго патера. Объ этомъ Вильгельми на другой день писалъ Державину [24]); не знаемъ, получилъ ли тотъ во-время письмо его.

Остановясь въ селеніи Красный-Яръ, на Иргизѣ, Державинъ написалъ Голицыну, что онъ „еще третьяго дня могъ бы съ киргизъ-кайсаками имѣть дѣло, но сіи вѣтреные воры бѣгаютъ съ мѣста на мѣсто по степи и не даютъ наказать себя". Въ Красномъ-Ярѣ сдѣлалъ онъ привалъ, чтобы добыть съѣстныхъ припасовъ и сождать крестьянъ, еще собиравшихся изъ нѣкоторыхъ селъ, а также казаковъ кн. Голицына. Что же касается допроса и наказанія виновныхъ, то онъ писалъ: „Алексѣевскихъ жителей мнѣ было пересѣчь некогда... Когда буду возвращаться, то вашего сіятельства приказъ исполню. Малыковскіе жители, грабившіе приказчика Смирнова, разберутся также какъ я возвращуся, и что отъ нихъ отобрано будетъ, приказчику возвращу".

---

[22]) Соч. Державина Т. VI, стр. 505.
[23]) См. Т. V. Соч. Держ., стр. 210.
[24]) См. тамъ же, стр. 195.

Въ колоніяхъ къ Державину присоединился Гогель, но безъ людей, которые нужны были дома для охраненія своихъ жилищъ и семей. Въ отрядѣ былъ еще офицеръ, поручикъ саратовскаго баталіона Зубрицкій. Все ополченіе состояло изъ 700 крестьянъ и 25 гусаръ; ни казаки, ни поджидаемые еще крестьяне во-время не явились. Оставя сотню крестьянъ на Иргизѣ для прикрытія тамъ селеній, Державинъ 1-го сентября выступилъ изъ Краснаго-Яра и пошелъ степью, по направленію къ Узенямъ. Трое сутокъ подвигался отрядъ, не встрѣчая тѣхъ, кого искалъ. Только въ четвертый день, на разсвѣтѣ, завидѣли съ пригорка облако пыли, которое, какъ послѣ оказалось, скрывало болѣе тысячи киргизовъ. Это было на вершинахъ рѣки Малаго Карамана. Державинъ тотчасъ раздѣлилъ своихъ гусаръ на два отряда и, поручивъ одинъ Гогелю, а другой Зубрицкому, велѣлъ имъ атаковать шайку съ фланговъ, а самъ, прикрывъ свою пушку и сдѣлавъ изъ обоза вагенбургъ, сталъ противъ центра. Завязалась стычка, и скоро киргизы, бросая добычу, ударились въ бѣгство. На мѣстѣ осталось ихъ убитыми 48 человѣкъ, въ плѣнъ взято только шестеро („ибо, говоритъ Державинъ, люди разгоряченные легче кололи, нежели брали въ плѣнъ"); по мнѣнію Державина, разбитая партія состояла изъ 1.000 человѣкъ, „и я бы всѣхъ не упустилъ", писалъ онъ, „еслибъ воины мои были не мужики, и лошади были у нихъ, какъ у киргизовъ, легкія". Но всего важнѣе было то, что у киргизовъ отбито 811 колонистовъ, 20 покровскихъ малороссіянъ и трое русскихъ [25]). Нельзя описать радости освобожденныхъ: они на колѣняхъ благодарили своихъ избавителей, помогали другъ другу, подбирали вещи и складывали ихъ на телѣги. Люди, имущество и скотъ были поручены Гогелю для доставленія въ колоніи. Онъ повелъ также и плѣнныхъ киргизовъ; часть взятыхъ лошадей отдана была гусарамъ. По прибытіи въ колоніи, Державинъ собралъ крейсъ-комиссаровъ и сдалъ имъ какъ освобожденныхъ людей, такъ и отбитый скотъ. Возвратившіеся колонисты нашли свои дома разграбленными, отчасти разоренными; все было пусто: даже спасшіеся отъ киргизовъ люди разбѣжались и лишь понемногу приходили назадъ на свои пепелища. Набѣги киргизовъ оставили по себѣ глубокіе слѣды въ восьми колоніяхъ по Большому Караману; онѣ много лѣтъ не могли сравняться съ другими, расположенными по Волгѣ. Чтобы оградить разоренныя жилища отъ повторенія подобныхъ опустошеній, Державинъ разставилъ по колоніямъ посты и учредилъ разъѣзды изъ жителей. Съ того времени военная команда съ орудіями оставалась въ колоніяхъ до тѣхъ поръ, пока не была построена линія укрѣпленій отъ Оренбурга до Астрахани. Въ Тонкошкуровкѣ и Екатеринштадтѣ возведены были даже шанцы съ батареями. Однакожъ, хищные сосѣди не тревожили болѣе колонистовъ которые уже просили-было переселить ихъ на Кавказъ.

---

[25]) Рапортъ кн. Голицына Панину 7 окт.

Немедленно по возвращеніи въ колоніи, Державинъ написалъ къ кн. Голицыну рапортъ объ успѣшномъ окончаніи своего предпріятія, прибавляя, что онъ готовъ былъ продолжать маршъ еще далѣе въ степь, за той киргизской партіей, которая шла впереди другихъ и успѣла увесть около 150 поселенцевъ; но онъ не могъ этого сдѣлать по большому числу отбитыхъ имъ плѣнныхъ, которые нуждались въ одеждѣ и пищѣ и были такъ измучены, что надо было везти ихъ на лошадяхъ. Наконецъ, Державинъ въ своемъ письмѣ къ князю Голицыну горячо хвалилъ своихъ сподвижниковъ, Гогеля и Зубрицкаго, особенно перваго, „яко болѣе всѣхъ при семъ случаѣ рачившаго и трудившагося". Недаромъ и въ колоніяхъ до сихъ поръ сохранилась память о Гогелѣ, какъ спасителѣ ихъ отъ киргизовъ. Вѣроятно, ходатайство о немъ Державина не осталось безъ удовлетворенія: въ апрѣлѣ слѣдующаго года Вильгельми писалъ поэту: „Итакъ, Гогель въ Польшѣ и не доволенъ 2.000 рублей; боюсь, что жалобы не принесутъ ему никакой пользы". Рапортъ свой Державинъ отправилъ къ кн. Голицыну съ Герасимовымъ, прося, для поощренія другихъ крестьянъ, наградить его званіемъ мѣщанина. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послалъ къ князю и двухъ оставшихся въ живыхъ плѣнныхъ киргизовъ (прочіе умерли отъ ранъ), которые показывали, что товарищи ихъ сдѣлали набѣгъ безъ вѣдома хана, по наущенію киргизскаго владѣльца Короная.

Какъ извѣстіе объ этомъ успѣхѣ порадовало кн. Голицына, видно изъ отвѣта его Державину (отъ 7 сентября):

„Я не въ состояніи описать моего удовольствія, получа вашъ рапортъ, въ которомъ нашелъ, что вы надъ киргизъ-кайсаками одержали совершенную побѣду, освободя отъ неволи болѣе осьми сотъ несчастныхъ колонистовъ, которые были въ оковахъ. Однимъ словомъ, чрезъ хорошее ваше учрежденіе совсѣмъ привели вы тамошній край въ спокойствіе и безопасность. Признаться должно, что ваша побѣда не столь велика бы была, когда бы вы имѣли команду военныхъ людей, но тѣмъ болѣе пріобрѣли вы себѣ чести, одержавъ побѣду такими людьми, которые ни образа нашей битвы, ни малѣйшей привычки не имѣютъ. За все сіе приношу вамъ искреннее мое благодареніе, равно какъ и соучаствовавшимъ съ вами: г. Гогелю и поручику Зубрицкому, а командѣ вашей вы объявите, что безъ награжденія не останется. Я же спѣшу о столь достохвальныхъ вашихъ подвигахъ донести главнокомандующему г. генералъ-аншефу и трехъ россійскихъ орденовъ кавалеру графу П. Ив. Панину [26]) и т. д.

---

[26]) Въ то же время и князь Иванъ Баратаевъ, вѣроятно адъютантъ князя Голицына, писалъ къ Державину: „Какъ вы насъ обрадовали присланнымъ, что такимъ войскомъ, какое у васъ, прогнали киргизцовъ, съ ихъ урономъ, и освободили пропадшихъ душъ изъ неволи. Богомъ клянусь, князь этому такъ доволенъ, по всему свѣту эхо пойдетъ".

Въ тотъ же день кн. Голицынъ, стоявшій тогда на луговой сторонѣ Волги, въ селѣ Широкомъ Буеракѣ, поспѣшилъ донести гр. Панину о подвигѣ Державина. Передавъ подробно содержаніе полученнаго отъ него рапорта, генералъ ссылается на его отзывъ „о лютости киргизъ-кайсацкихъ тиранствъ въ иностранныхъ селеніяхъ“ (такъ выражается князь Голицынъ) и выписываетъ слѣдующія слова Державина: „Какъ щедродарная рука премудрой нашей императрицы тщилась ихъ насаждать (т. е. насаждать колоніи), такъ варварство свирѣпствовало преобратить оныя съ пустыню. Кто охотникъ до просвѣщенія, тотъ заплачетъ, глядя на ученыхъ людей книги; кто домостроитель, тотъ потужитъ о сокрушеніи домоводства; а кто человѣкъ, тотъ содрогнется и возрыдаетъ, смотря на тѣла, по частямъ изорванныя и избіенныя, гдѣ и младенцы пощажены не были, которыхъ при одной колоніи Маріенталѣ собралъ я двадцать восемь и предалъ погребенію“ [27]). Далѣе Голицынъ приводитъ мнѣніе Державина, что киргизъ-кайсаки дѣйствовали по наущенію Пугачева, „отъ котораго по объявленію плѣнныхъ присыланы были въ ихъ орду бѣглые изъ татаръ съ Яику казаки“.

Упомянувъ потомъ о засвидѣтельствованіи Державина въ пользу Гогеля и Зубрицкаго, кн. Голицынъ такъ выражается: „Я препоручая сихъ офицеровъ въ протекцію вашего сіятельства, за долгъ себѣ поставляю особливо рекомендовать начальника ихъ г. Державина, который, по его усердію и ревности къ службѣ ея императорскаго величества, удостоивается (т. е. становится достойнымъ) за свои подвиги монаршаго благоволенія“. Гр. Панинъ, въ отвѣтѣ кн. Голицыну, приказалъ выразить Державину свою благодарность и обѣщалъ донести о немъ императрицѣ; но между тѣмъ до Панина уже начали доходить со стороны астраханскаго губернатора наговоры на Державина по саратовской исторіи, которые должны были возбудить въ главнокомандующемъ предубѣжденіе противъ этого офицера. Изъ всѣхъ современныхъ свидѣтельствъ оказывается, что смѣлое предпріятіе Державина противъ киргизъ-кайсаковъ было оцѣнено какъ начальствомъ его, такъ и окрестнымъ населеніемъ. Тотчасъ по возвращеніи его изъ степи, Вильгельми писалъ ему: „Благодареніе Богу и вамъ, что вы освободили нашихъ плѣнныхъ“. Еще черезъ годъ опекунская контора сочла нужнымъ выразить ему свою благодарность за спасеніе стольких людей и имущества, „о чемъ“, прибавлено въ бумагѣ, „и канцелярія опекунства иностранныхъ (центральное учрежденіе, въ вѣдѣніи котораго находилась контора) давно уже увѣдомлена“. Дѣло съ киргизъ-кайсаками распространило извѣстность Державина: о немъ услышалъ Суворовъ; яицкій комендантъ, доблестный Симоновъ, особымъ письмомъ выразилъ жела-

---

[27]) Въ черновомъ рапортѣ Державина, изъ котораго отрывки напечатаны въ V томѣ нашего изданія, нельзя было вполнѣ разобрать этихъ строкъ. См. тамъ стр. 210.

ніе сблизиться съ Державинымъ: „слыша, писалъ онъ, отъ всѣхъ бывшихъ здѣсь генераловъ объ отличныхъ вашихъ свойствахъ,... полагалъ я въ сердцѣ моемъ всегда обязанность, чтобъ удостоиться вашего знакомства“ [28]).

Не смотря, однакожъ, на общія похвалы себѣ, которыя слышалъ Державинъ, добрыя отношенія его къ начальствующимъ лицамъ должны были измѣниться, вслѣдствіе назначенія графа П. Панина. Но прежде нежели перейдемъ къ изложенію обстоятельствъ этой перемѣны, взглянемъ на послѣднія порученія, возложенныя на Державина кн. Голицынымъ.

25 августа Пугачевъ былъ окончательно разбитъ настигнувшимъ его полковникомъ Михельсономъ при Черномъ Ярѣ, во 100 верстахъ за Царицыномъ. Сначала не знали, куда онъ бѣжалъ послѣ этого пораженія; кн. Голицынъ думалъ, что онъ направился вверхъ по луговой сторонѣ Волги. Узнавъ потомъ о бѣгствѣ его къ Узенямъ, генералъ просилъ Державина послать туда „вѣрныхъ подлазчиковъ“: „теперь, писалъ онъ, предстоитъ намъ случай совсѣмъ его сокрушить... я на васъ полную надежду возлагаю, что вы не пропустите всего того, что можетъ служить къ пользѣ нашего предпріятія“. Самъ онъ шелъ на Иргизъ съ тѣмъ, чтобъ оттуда итти къ Яицкому городу, и назначилъ Державину свиданіе въ Красномъ Ярѣ.

Въ распоряженіи Державина оставались еще малыковскіе крестьяне, съ которыми онъ ходилъ въ степь. Выбравъ изъ нихъ сто самыхъ надежныхъ, онъ рѣшился отправить ихъ какъ будто для преслѣдованія киргизовъ, а въ самомъ дѣлѣ съ тѣмъ, чтобы они, приставъ къ шайкѣ Пугачева, старались поймать его. Чтобы возвысить духъ ихъ и предупредить всякое покушеніе къ измѣнѣ, онъ приказалъ имъ въ полночь собраться въ лѣсу, и поставивъ въ ихъ кругъ священника съ евангеліемъ на налоѣ, привелъ ихъ къ присягѣ, а чтобы подѣйствовать на нихъ и страхомъ, совершилъ тутъ же казнь надъ преступникомъ: именно повѣсилъ того изъ убійцъ Тишина, который въ свое время успѣлъ скрыться и избѣгнулъ казни, постигшей его сообщниковъ въ Малыковкѣ. Крестьяне, оставивъ въ залогъ своихъ женъ и дѣтей и получивъ по 5 руб. на каждаго, обѣщали употребить всѣ усилія, чтобы привести Пугачева живого или мертваго, и отправились подъ начальствомъ избраннаго ими же старшины. Вслѣдъ за ними, рано утромъ 10 сентября, князь съ своимъ корпусомъ пошелъ къ Яицкому городу, чтобы въ случаѣ нападенія защитить это открытое мѣсто; Державинъ же съ остальными крестьянами остался на Иргизѣ, въ слободѣ Мечетной, съ тѣмъ, чтобы, по порученію Голицына, наблюдать за всѣми по этой рѣкѣ лежащими селеніями. „Присутствіе ваше здѣсь, говорилъ

[28]) Т. V, стр. 229.

князь, за необходимое почитаю до тѣхъ поръ, пока не откроются точные замыслы самозванца". Кромѣ того, онъ поручалъ Державину постоянно имѣть свѣдѣнія отъ стороны Узеней и смотрѣть за всѣми командами, расположенными въ колоніяхъ, гдѣ еще было вовсе не спокойно: и послѣ пораженія Пугачева бродили еще бунтующія шайки, да и между колонистами являлись измѣнники.

15-го числа, разосланные по степи подзорщики возвратились, правда, не съ пустыми руками, но и не съ Пугачевымъ: они привели бывшаго при немъ полковникомъ заводскаго крестьянина Мельникова, который разсказалъ чрезвычайно важную новость: Пугачевъ былъ схваченъ своими сообщниками на Узеняхъ и увезенъ въ Яицкій городокъ для передачи бывшему тамъ отъ секретной комиссіи офицеру Маврину; посланный Державинымъ отрядъ опоздалъ двумя днями на мѣсто, гдѣ казаки связали самозванца. Извѣстіе о поимкѣ Пугачева подало Державину мысль немедленно увѣдомить объ этомъ счастливомъ событіи Потемкина.

Въ это самое время надъ головою нашего поэта стали собираться тучи. До сихъ поръ онъ по своей командировкѣ имѣлъ нѣсколько непріятныхъ столкновеній только съ мѣстными властями, всѣ же начальники показывали ему особенное расположеніе. Теперь онъ вдругъ увидѣлъ совсѣмъ другое со стороны новаго главнокомандующаго, съ которымъ еще не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ.

О СПЕРАНСКОМЪ.

1.

КЪ ИСТОРІИ ССЫЛКИ СПЕРАНСКАГО [1]).

1871.

Въ обширномъ и любопытномъ изслѣдованіи М. П. Погодина о Сперанскомъ (Р. Арх. 1871, вып. 7 и 8) сказано, между прочимъ: „Отъ гр. Закревскаго я слышалъ однажды, что въ одно время съ Сперанскимъ, Магницкимъ и Бологовскимъ былъ сосланъ нѣкто Воейковъ“ (стр. 1159). Въ примѣчаніи къ этому мѣсту П. И. Бартеневымъ пояснено: „Флигель-адъютантъ, состоявшій при военномъ министрѣ Барклаѣ, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ. Ему, какъ слышно по преданію, государь поручилъ съѣздить къ Сперанскому и взять отъ него обратно планъ будущей кампаніи противъ Наполеона. Преданіе объ участи Воейкова, можетъ быть, разъяснится его потомками“.

Такъ какъ Воейковъ былъ въ перепискѣ съ Державинымъ, то еще при изданіи VI-го тома сочиненій нашего лирика мною собрано было о немъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній, которыя и помѣщены въ этой книгѣ (стр. 244). Я обязанъ за нихъ его почтенной вдовѣ, Вѣрѣ Николаевнѣ, дочери извѣстнаго Н. А. Львова, друга Державина. По поводу приведенной замѣтки изъ статьи о Сперанскомъ, я снова обращался къ Вѣрѣ Николаевнѣ, и спѣшу сообщить то, что узналъ отъ нея.

Воейковъ сблизился съ Магницкимъ еще въ Московскомъ университетѣ, гдѣ оба они были студентами. Короткое знакомство ихъ, прерванное службою на двухъ разнородныхъ поприщахъ, возобновилось въ Петербургѣ; вмѣстѣ съ Магницкимъ Воейковъ занимался составленіемъ морского устава и управлялъ канцеляріею Барклая-де-Толли, у котораго сдѣлался домашнимъ человѣкомъ. Чрезъ Магницкаго Воейковъ познакомился и съ Сперанскимъ. Когда Ѳедоръ Петр. Львовъ, служившій при послѣднемъ, однажды устроилъ у себя въ честь его обѣдъ, то онъ пригласилъ и Воейкова, какъ человѣка, пріятнаго Сперанскому (здѣсь-то Вѣра Николаевна, племянница хозяина, въ первый разъ увидѣла своего суженаго). По паденіи Сперанскаго, въ Петербургѣ распространился ложный слухъ (который, какъ видно изъ пока-

[1]) Русскій Архивъ 1871 г. № 12, стран. 2073 — 2078.

занія г. Погодина, и до сихъ поръ находитъ отголоски), будто Воейковъ также сосланъ. Одни говорили, что у него пропалъ планъ расположенія русскихъ войскъ; другіе утверждали даже, что онъ участвовалъ въ доставленіи этого плана Наполеону и за это будто бы получилъ милліонъ. По другимъ толкамъ, Магницкій тайно похитилъ у него этотъ планъ. Вся эта исторія о планѣ была чистою выдумкою; никакого плана не могло быть, такъ какъ вступленіе Наполеона въ предѣлы Россіи послѣдовало совершенно неожиданно, послѣ того какъ доставленные Чернышевымъ документы о приготовленіяхъ Бонапарта не обратили на себя должнаго вниманія правительства. Когда послѣ удаленія Магницкаго, Воейковъ навѣстилъ жену его, то она едва вѣрила глазамъ своимъ, бывъ убѣждена, что онъ также сосланъ. Барклай, узнавъ, что онъ продолжаетъ ѣздить въ домъ Магницкаго, совѣтовалъ ему прекратить эти посѣщенія, но получилъ въ отвѣтъ, что по своимъ прежнимъ отношеніямъ къ опальному онъ не можетъ оставить жену его. Вскорѣ послѣ того Александръ Павловичъ, вѣроятно, находясь въ нерѣшимости относительно Воейкова, спросилъ Барклая, какъ онъ доволенъ своимъ подчиненнымъ. Генералъ отозвался, что не можетъ сказать о немъ ничего дурного, но что онъ дѣйствительно служитъ не такъ усердно съ тѣхъ поръ, какъ сдѣлался женихомъ. Узнавъ о томъ, Воейковъ выразилъ начальнику свое удивленіе и напомнилъ, что онъ попрежнему является къ нему каждый день въ 9 часовъ утра, а уѣзжаетъ въ 3, и только не остается у него обѣдать, какъ было прежде. Барклай сознавался, что не особенно хвалилъ его, потому что въ противномъ случаѣ могъ бы и самъ навлечь на себя подозрѣніе; притомъ, вслѣдствіе его засвидѣтельствованія, государь далъ Воейкову почетное назначеніе, именно поручилъ ему команду надъ бригадой, когда онъ былъ еще только въ чинѣ полковника; а это, по мнѣнію Барклая, было особенною милостью. Но Воейковъ, который не просилъ объ увольненіи отъ первой должности, смотрѣлъ на дѣло иначе [2]). Въ отечественную войну Кутузовъ отдавалъ ему полную справедливость, тѣмъ болѣе, что считалъ себя ему обязаннымъ [3]).

Главнымъ подвигомъ Воейкова была защита Шевардинскаго редута при Бородинѣ, когда изъ двухъ полковъ, которыми онъ тутъ командовалъ, осталось всего 400 человѣкъ; ядра и пули свистѣли вокругъ

[2]) Нѣкоторые изъ родныхъ спрашивали въ то время у Вѣры Николаевны, неужели она рѣшится выйти за человѣка, которому угрожала ссылка. Державинъ поручилъ Балашеву спросить государя, пріятно ли ему будетъ, если племянница его, Державина, сдѣлается женою Воейкова. Александръ велѣлъ отвѣчать, что онъ не входитъ въ семейныя дѣла и что впрочемъ Воейкову дана бригада, — доказательство, что онъ не находится подъ гнѣвомъ.

[3]) См. въ т. VI Державина, стр. 244, разсказъ о бывшемъ къ тому поводѣ.

него, истребляя цѣлые ряды, и только по какому-то чуду ни самъ онъ, ни лошадь его не были ранены. Была минута, когда французскій уланъ уже занесъ надъ нимъ свою пику, уцѣпившись за его воротникъ, но самъ палъ отъ русской пули и, падая, разорвалъ сюртукъ Воейкова. Чинъ генерала и двѣ шпаги „за храбрость", полученныя Воейковымъ во время этой и послѣдующихъ кампаній за границею, а также и милостивое обращеніе съ нимъ государя въ Силезіи, не могли примирить Воейкова съ мыслію, что онъ пострадалъ невинно. Какъ скоро походъ окончился взятіемъ Парижа, онъ, даже не побывавъ въ этой такъ называемой всемірной столицѣ, поспѣшилъ въ Россію, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Получивъ высшее образованіе, продолжая и на службѣ серіозныя занятія, изучая постоянно военное дѣло, онъ теперь стремился въ сельское уединеніе, чтобы посвятить себя практической дѣятельности мыслящаго землевладѣльца.

Когда Сперанскій извѣстнымъ рескриптомъ императора Александра въ 1816 году былъ назначенъ Пензенскимъ губернаторомъ, то Воейковъ отправился въ Великополье привѣтствовать стараго знакомца; но при свиданіи откровенно выразилъ свое удивленіе, какъ могъ Сперанскій принять это назначеніе, когда въ рескриптѣ сказано, что, по пересмотрѣ поступковъ его, къ подозрѣніямъ не найдено убѣдительныхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему дается способъ усердною службою вполнѣ *очистить себя.* Сперанскій отвѣчалъ, что онъ въ одномъ считаетъ себя дѣйствительно виноватымъ, и при этомъ разсказалъ своему гостю слѣдующее.

Въ октябрѣ 1811 года Магницкій нѣсколько разъ ѣздилъ къ нему съ неотступною просьбою отъ имени Балашева и Армфельта [1]) принять ихъ, хотя на одинъ часъ, для какого-то объясненія. Сперанскій упорно отказывалъ въ томъ, говоря, что не имѣетъ съ ними ничего общаго; но, наконецъ, однакожъ уступилъ и согласился, чтобъ они у него побывали. Въ чемъ же состояло объясненіе? Армфельтъ и Балашевъ представили ему, что такъ какъ всѣ дѣла восходятъ къ государю черезъ него, то они желали бы передъ каждымъ его докладомъ имѣть съ нимъ свиданіе и соглашеніе. Сперанскій, самымъ рѣшительнымъ образомъ, съ негодованіемъ, отвергъ это предложеніе и, прося ихъ забыть о томъ, торжественно обѣщалъ и самъ покрыть ихъ поступокъ вѣчнымъ молчаніемъ. Послѣ того государь нѣсколько мѣсяцевъ не только принималъ Сперанскаго по прежнему, но одинъ разъ въ недѣлю (по понедѣльникамъ) удерживалъ его у себя еще послѣ доклада и бесѣдовалъ долѣе обыкновеннаго. Что же это значило? При послѣднемъ свиданіи съ Сперанскимъ, когда уже рѣшено было

---

[1]) Неправильно писать *Армфельдъ*; это — шведское имя (Armfelt).

удалить его, государь между прочимъ сказалъ ему: „Ты предлагалъ Балашеву и Армфельту дѣйствовать за одно съ тобой“. Сперанскій отвѣчалъ, что не онъ имъ, а они предлагали ему съѣзжаться передъ каждымъ изъ его докладовъ. „Зачѣмъ же, возразилъ ему Александръ, ты не открылъ мнѣ этого? Вѣдь это былъ бы тріумвиратъ“. Въ неудовольствіи государь прибавилъ, что давно уже ожидалъ его сознанія, что съ прискорбіемъ видитъ свою ошибку, такъ какъ Сперанскій обманулъ его довѣріе и показалъ неискренность. Тогда Сперанскій отвѣчалъ, что, лишившись довѣрія, понимаетъ необходимость просить увольненія. — Возвратясь домой изъ Великополья, Воейковъ разсказалъ все слышанное отъ Сперанскаго супругѣ своей а Вѣра Николаевна впослѣдствіи передала это де-Санглену.

Въ 1824 году императоръ Александръ былъ мимоѣздомъ въ Тамбовѣ. Воейковъ поспѣшилъ туда, чтобы представиться государю. Александръ, проходя мимо его, произнесъ только слова: „Что, весело жить въ деревнѣ?“ и не пригласилъ его, въ числѣ другихъ высшихъ чиновъ, къ столу своему. Воейковъ зналъ о тайномъ распоряженіи относительно престолонаслѣдія, и думалъ снова поступить на службу въ царствованіе Николая; но умеръ въ іюнѣ 1825 года, въ с. Разсказовѣ, близъ Тамбова на пути въ свое имѣніе Ольшанку.

2.

ЕЩЕ О СПЕРАНСКОМЪ И ВОЕЙКОВѢ [1]).

Въ доставленный мною разсказъ В. Н. Воейковой вкрались небольшія неточности, которыя нужнымъ считаю исправить. Магницкій и Воейковъ были товарищами не въ Московскомъ университетѣ, а въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, откуда оба они вышли съ отличіемъ [2]). Сверхъ того оказывается, что они впослѣдствіи, служа въ Петербургѣ, вмѣстѣ трудились не надъ морскимъ уставомъ, а надъ составленіемъ условій по военному министерству, когда Магницкій, въ 1810 году съ званіемъ статсъ-секретаря, получилъ должность директора учрежденной съ этою цѣлью комиссіи [3]). Въ дополненіе къ моей замѣткѣ я получилъ еще нѣсколько свѣдѣній отъ барона М. А. Корфа, у котораго запасъ матеріаловъ относительно Сперанскаго далеко

---

[1]) Русскій Архивъ 1871 г., № 12, стран. 2121—2124.

[2]) Н. В. Сушкова *Московскій университетскій благородный пансіонъ*, М. 1858, стр. 89.

[3]) *Девятнадц. Вѣкъ*, кн. I, стр. 236.

не истощился напечатанною о немъ книгою. Съ позволенія барона сообщаю здѣсь изъ этихъ матеріаловъ выписку о Воейковѣ, которая въ подробностяхъ нѣсколько расходится съ показаніями его вдовы.

„Какъ женихъ, Воейковъ былъ безпрестанно въ домѣ Державина, у котораго жила его невѣста [1]) и почти ежедневно тамъ обѣдалъ; но 16 марта, въ воскресенье, прощаясь, сказалъ, что въ понедѣльникъ не будетъ, потому что приглашенъ къ Магницкому на присланную ему дикую козу, на которую назвался и Сперанскій. Вдругъ однакожъ въ этотъ понедѣльникъ онъ нежданно является къ Державинымъ. На немъ не было лица: въ ночь тайно схватили и увезли и Магницкаго и Сперанскаго...

„Нѣсколько дней спустя, Воейковъ былъ призванъ къ военному министру. Старецъ очевидно смущенный, объявилъ ему, что имъ, по обстоятельствамъ, нельзя болѣе служить вмѣстѣ и что государь посылаетъ его, Воейкова, въ армію командовать бригадою. Напрасно Воейковъ домогался узнать причину такой немилости. Барклай уклонялся отъ всякаго отвѣта. Уже только гораздо позже первому сдѣлалось извѣстнымъ, что государь спрашивалъ тогда военнаго министра, доволенъ ли онъ правителемъ своей канцеляріи. — „Прежде, отвѣчалъ Барклай, я не могъ имъ нахвалиться, но теперь съ тѣхъ поръ, что онъ женихъ, начинаю замѣчать въ немъ нѣкоторую разсѣянность и небреженіе". — „Ну, такъ и кстати, сказалъ Александръ: послѣ удаленія друзей его, Сперанскаго и Магницкаго, неловко его здѣсь оставлять: отправимъ его въ армію".

„Такъ сохранилось сказаніе объ этомъ событіи въ семействѣ Воейкова. Но въ современной публикѣ думали и говорили иначе. Разсказываютъ, будто бы военный министръ, возвратясь однажды отъ государя, всѣ доложенныя бумаги отдалъ по обыкновенію, Воейкову, который, также по обыкновенію, привезъ ихъ къ себѣ на домъ. Случилось, что въ тотъ же самый день заѣхалъ къ нему Магницкій и, не заставъ его, остался ждать. Кабинетъ былъ отпертъ, и Магницкій, какъ старый пріятель, не затруднился туда войти. Здѣсь, увидя на столѣ портфель, онъ, отъ нечего дѣлать, или изъ *особаго* любопытства, заглянулъ въ него и нашелъ бумаги глубочайшей тогдашней тайны, относившіяся къ военнымъ приготовленіямъ и планамъ, о которыхъ ни онъ, Магницкій, ни Сперанскій не имѣли положительныхъ и полныхъ свѣдѣній. Первымъ порывомъ Магницкаго было, захвативъ эти бумаги, броситься съ ними тотчасъ къ своему патрону. Потомъ, когда

[1]) Дѣвицы Львовы лишились отца въ 1803, а матери въ 1807 году и съ этихъ поръ жили въ домѣ Державина. Старшая изъ нихъ, Елизавета, вышла за Ѳ. П. Львова, а меньшая — Прасковья за К. М. Бороздина. Вѣра Николаевна, средняя изъ дочерей Н. А. Львова, пережила и сестеръ своихъ и братьевъ (Соч. Державина, т. II, стр. 460).

послѣдній пробѣжалъ ихъ содержаніе, онѣ были опять немедленно отвезены на свое мѣсто. Воейкова все еще не было дома. Сперанскій, съ своей стороны, вслѣдъ за прочтеніемъ бумагъ отправился къ государю и съ жаромъ началъ порицать и опровергать выведенныя изъ нихъ предположенія. Это будто бы обратилось въ одну изъ главныхъ причинъ къ гнѣву на него, а вмѣстѣ и къ удаленію Воейкова, какъ не умѣвшаго хранить ввѣренныхъ ему тайнъ, хотя послѣдній вовсе не зналъ, какъ онѣ вышли изъ его кабинета.

„Справедливъ ли этотъ разсказъ или нѣтъ, но въ семействѣ Воейкова сохранился одинъ документъ, свидѣтельствующій, что о немъ точно была распространена въ то время какая-то дурная молва и что въ публикѣ тяготѣли надъ нимъ таинственныя нареканія, которыя и ему самому оставались не безызвѣстными. Участвовавъ потомъ съ отличіемъ въ отечественной войнѣ, онъ приготовилъ письмо къ фельдмаршалу князю Смоленскому, которое 12-го сентября 1812 года, изъ подъ Тарутина, отправилъ въ проектѣ на предварительный просмотръ къ Державину, и это-то письмо и составляетъ упомянутый документъ. „По несчастному и неожиданному для меня случаю (писалъ Воейковъ) общее мнѣніе обвиняетъ меня безвинно въ важнѣйшихъ преступленіяхъ, чрезъ что начальники мои колеблются въ довѣріи ихъ ко мнѣ, подчиненные мои осмѣливаются предпочитать себя предо мною въ усердіи къ службѣ, и наконецъ, товарищи мои язвительными намеками раздражаютъ честолюбіе. Тяжело въ таковомъ положеніи быть полезнымъ въ службѣ; но я все преодолѣвалъ для выполненія высочайшей воли, объявленной мнѣ военнымъ министромъ, чтобъ отличіемъ на войнѣ заглушить народную молву, и похвалы начальниковъ, заслуженныя мною въ пяти жарчайшихъ сраженіяхъ (при Красномъ, двое сутокъ въ Смоленскѣ, двое сутокъ на лѣвомъ флангѣ при Бородинѣ, и во многихъ авангардныхъ дѣлахъ) подаютъ мнѣ смѣлость просить у вашей свѣтлости особеннаго на сей предметъ вашего обо мнѣ представленія, или отправить меня курьеромъ въ Петербургъ отъ арміи дабы я при семъ случаѣ могъ лично всеподданнѣйше просить у Государя Императора снисхожденія къ моей невинности, и возвращеніемъ мнѣ прежняго высочайшаго благоволенія перемѣнить общее мнѣніе“.

„Но Державинъ, которому вѣроятно ближе были извѣстны обстоятельства, совѣтовалъ удержаться до времени этимъ шагомъ. Потомъ Воейковъ, видно, самъ перемѣнилъ свое намѣреніе“.

Прибавлю, что это писано въ 1847 году и, что кромѣ В. Н. Воейковой и сына ея, въ сообщеніи этихъ свѣдѣній М. А. Корфу участвовалъ покойный Конст. Матв. Бороздинъ; слухъ же о поступкѣ Магницкаго переданъ барону Козьмой Григ. Рѣпинскимъ (которому разсказывалъ о томъ Батенковъ со словъ самого Сперанскаго) и П. С. Кайсаровымъ.

НЕИЗВѢСТНОЕ СОЧИНЕНІЕ О РОССІИ ПРИ ПЕТРѢ I [1].

1888.

Въ недавно вышедшей книжкѣ сборника статей шведскаго литературнаго общества въ Финляндіи напечатана составленая профессоромъ Шюбергсономъ біографія финляндца Мальма, или, въ дворянствѣ, Эренмальма, Ehrenmalm (род. въ 1688, ум. 1774 г.). Для насъ онъ замѣчателенъ тѣмъ, что, попавъ въ плѣнъ при взятіи Выборга въ 1710 г., онъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи и написалъ сочиненіе о состояніи ея при Петрѣ Великомъ. Окончивъ курсъ въ абоскомъ университетѣ, Мальмъ въ 1708 г. занялъ должность аудитора при финляндской артиллеріи и въ этомъ качествѣ сопровождалъ армію во время несчастнаго похода генерала Любскера въ Ингерманландію. По взятіи Выборга онъ, вмѣстѣ съ офицерами и гарнизономъ, отведенъ былъ въ Петербургъ, не смотря на данное Апраксинымъ обѣщаніе свободнаго пропуска. Озлобленный этимъ обстоятельствомъ, Мальмъ въ своемъ описаніи Россіи выставляетъ поступокъ Апраксина какъ доказательство вѣроломства русскихъ. Изъ Петербурга онъ былъ перевезенъ въ Москву, гдѣ провелъ 1711-й и часть 1712 года, послѣ чего, получивъ свободу, возвратился черезъ Тверь въ Петербургъ, а затѣмъ, въ 1714 году, переѣхалъ въ Стокгольмъ, гдѣ и поступилъ въ гражданскую службу. Достигнувъ, впослѣдствіи, должности абоскаго и бьернеборгскаго губернатора, онъ занималъ ее недолго и, выйдя въ отставку въ 1747 году, остальное время жизни провелъ спокойно въ Финляндіи.

Обширное сочиненіе Мальма о Россіи не было до сихъ поръ извѣстно; оно сохранилось въ библіотекѣ упсальскаго университета въ двухъ, не совсѣмъ сходныхъ между собою спискахъ. Профессоръ Шюбергсонъ (Schybergson) подробно излагаетъ содержаніе его. Къ сожалѣнію, Мальмъ смотритъ на все съ тѣмъ предубѣжденіемъ, которое было естественнымъ слѣдствіемъ постигшей его судьбы; притомъ, не зная русскаго языка, онъ не могъ въ короткое время усвоить себѣ достаточнаго знакомства съ предметами и лицами, о которыхъ пишетъ. Тѣмъ не менѣе, сочиненіе его любопытно и въ частностяхъ заключаетъ въ себѣ, конечно, много такихъ замѣтокъ, которыя въ устахъ современнаго свидѣтеля не могутъ быть лишены значенія.

---

[1]) Русскій Вѣстникъ, 1888 г., августъ, стран. 350—354.

Сочиненіе Мальма раздѣлено на семь книгъ, а книги дѣлятся на главы. Въ первой книгѣ разсматривается населеніе Россіи; нравы народа описаны въ самыхъ мрачныхъ краскахъ; недостатки русскихъ, по мнѣнію автора, гораздо многочисленнѣе ихъ добрыхъ качествъ. Хвалитъ онъ только ихъ трудолюбіе, терпѣніе, хитрость и переимчивость. Вторая книга содержитъ описаніе природы и естественныхъ произведеній Россіи, — отдѣлъ, который Шюбергсонъ признаетъ неудовлетворительнымъ. Третья книга посвящена мануфактурной промышленности. Здѣсь авторъ отдаетъ справедливость неутомимой энергіи Петра, особенно его заботамъ о вызовѣ иностранныхъ работниковъ и механиковъ, но и тутъ онъ не упускаетъ случаевъ выставлять неблагопріятныя для прочнаго успѣха стороны. Между прочимъ, онъ упоминаетъ, что иноземцы не могутъ свободно выѣзжать изъ Россіи, а должны оставаться часто противъ своей воли и вопреки заключеннымъ съ ними условіямъ. „Россію, говоритъ онъ, можно сравнить съ адомъ, въ который легко попасть, но откуда трудно найти выходъ". Иностранцы, по его словамъ, страдаютъ отъ обмана, весьма распространеннаго въ торговлѣ: „въ муку кладутъ известку, къ маслу примѣшиваютъ сало, къ меду муку, къ хмѣлю щебень и т. д.".

Четвертая книга трактуетъ о торговлѣ Россіи. Въ началѣ авторъ разсуждаетъ о важности торговли и примѣрами изъ исторіи доказываетъ, что она можетъ процвѣтать въ самодержавной монархіи точно такъ же, какъ въ республикѣ. Но въ Россіи торговлю захватили въ свои руки иностранцы: они какъ комары сосутъ кровь изъ русскаго народа, а потомъ улетаютъ въ другіе края. Однимъ изъ главныхъ препятствій развитію туземной торговли онъ считаетъ систему монополій. Весь вывозъ хлѣба, напримѣръ, отданъ въ полное распоряженіе Меншикову. Въ пятой книгѣ авторъ занимается доходами государства, но самъ сознается, что мало знакомъ съ этимъ предметомъ, тѣмъ болѣе, что все, касающееся финансовъ, тщательно скрывается отъ иностранцевъ.

„Нельзя, замѣчаетъ Шюбергсонъ, винить Мальма за пристрастіе въ сужденіяхъ о Россіи. Онъ смотритъ на ея положеніе такими же глазами, какъ другіе западные писатели того времени, находившіе, что русскій исполинъ, недавно пробудившійся отъ сна, еще недалеко ушелъ отъ азіатскаго варварства. Но отъ вниманія Мальма не ускользнули великіе задатки въ развитіи Россіи: это видно изъ уваженія, съ какимъ онъ въ шестой книгѣ изображаетъ военное могущество, какого достигла Россія подъ руководствомъ Петра. Эта книга распадается на два отдѣла, изъ которыхъ въ одномъ разсматривается сухопутное войско, а въ другомъ флотъ. Во введеніи авторъ замѣчаетъ, что своимъ изумительнымъ ростомъ въ военномъ отношеніи государство обязано громадному населенію, которое позволяетъ царю выставлять сотни тысячъ войска, и еще тому, что содержаніе офицеровъ и солдатъ въ

Россіи обходится дешевле, чѣмъ въ другихъ странахъ. Офицеры, большею частью вышедшіе изъ сословія князей и бояръ, получаютъ со своихъ имѣній такіе большіе доходы, что могутъ довольствоваться скуднымъ жалованьемъ; въ пищѣ и питьѣ они не избалованы. Солдаты еще болѣе пригодны для службы въ походахъ. Это рослые, подвижные, трудолюбивые люди, смолоду привыкшіе къ послушанію и ко всякой тяжелой работѣ. Вслѣдъ за этими замѣчаніями высказано однакожъ странное сужденіе, которое не говоритъ въ пользу наблюдательности автора: *„хотя русскій солдатъ отъ природы не храбръ* (!), онъ можетъ, управляясь подъ руководствомъ хорошихъ офицеровъ, пріучиться ходить безстрашно въ огонь, такъ что тому дивились даже шведы, у которыхъ храбрость составляетъ прирожденную добродѣтель“.

Дѣлая потомъ очеркъ исторіи русской арміи при Петрѣ Великомъ, Мальмъ ловко набрасываетъ портреты нѣсколькихъ генераловъ, особенно Шереметева, князей М. М. Голицына, Репнина, Долгорукаго и Меншикова, а также Апраксина. Справедливо оцѣнивая достоинства двухъ первыхъ, онъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ своего сочиненія, строго отзывается о Меншиковѣ. По его словамъ Меншиковъ не имѣетъ необходимыхъ полководцу свѣдѣній и обходится безъ нихъ только благодаря своей смѣлости, изворотливости и присутствію духа. Онъ всячески старается привлекать къ себѣ генераловъ и другихъ высшихъ офицеровъ, но при всей своей ловкости и осторожности не можетъ прикрывать тѣхъ ошибокъ и промаховъ, въ которые ежедневно впадаетъ по военной службѣ. Его завистливость и козни служатъ однимъ изъ главныхъ препятствій дальнѣйшему развитію русской арміи. Его интриги противъ фельдмаршала Шереметева поселили между этими двумя военачальниками вражду, которая умѣряется только вліяніемъ царя. Меншиковъ же своими навѣтами добился удаленія изъ Россіи фельдмаршала Огильви, много способствовавшаго окончательной организаціи военныхъ силъ Петра. Въ послѣдніе годы царь не могъ не замѣтить проступковъ Меншикова и нѣсколько ослабилъ его власть, но несмотря на то, онъ все еще злоупотребляетъ своимъ положеніемъ.

Въ седьмой книгѣ, наконецъ, авторъ старается показать, „какимъ сильнымъ и опаснымъ врагомъ Россія сдѣлается для Швеціи, если царь сохранитъ тѣ выгоды, которыми онъ теперь обладаетъ“. Поэтому для Швеціи было бы несчастіемъ заключить миръ съ Россіей на предлагаемомъ царемъ условіи уступки ему Выборга, Петербурга и всей Ингерманландіи. Стенбокъ своимъ примѣромъ показалъ, что Швеція еще довольно сильна для защиты своихъ владѣній. Въ подкрѣпленіе такого взгляда авторъ прилагаетъ краткое описаніе Петербурга. Онъ объясняетъ положеніе этого города и раздѣляетъ его на четыре главныя части: крѣпость, русскую слободу, слободу нѣмецкую и Васильевскій

островъ, перечисляетъ главные домà и приходитъ къ заключенію, что Швеція, лишившись этого города, потерпѣла бы невознаградимый вредъ.

Петербургъ разросся бы въ большой торговый городъ и положилъ бы конецъ торговлѣ Швеціи на окрестныхъ водахъ. Но, чтó хуже всего, царь могъ со стороны моря нападать нá Швецію, пользуясь при томъ помощію своей союзницы, Даніи. „Изъ сказаннаго очевидно, — заключаетъ Мальмъ, — кàкъ не безопасна будетъ Швеція съ зависящими отъ нея областями, пока этотъ разбойничій вертепъ будетъ оставаться въ предѣлахъ Россіи".

Таково, въ главныхъ чертахъ, содержаніе сочиненія Мальма, извлеченное нами изъ статьи Шюбергсона. Можно ли, говоритъ послѣдній, почерпнуть изъ этого описанія какія-либо существенно-новыя свѣдѣнія о времени Петра Великаго, пусть рѣшатъ спеціальные изслѣдователи. Во всякомъ случаѣ, это сочиненіе, по мнѣнію автора статьи, имѣетъ немалое литературное достоинство по живости изложенія, по удачнымъ портретамъ многихъ лицъ и по общему понятію, какое оно даетъ о состояніи тогдашней Россіи. Въ послѣднемъ отношеніи, сколько мы можемъ судить по изложенію Шюбергсона, трудно согласиться съ его заключеніемъ. Враждебное чувство и предвзятыя понятія, съ какими Мальмъ противъ своей воли попалъ въ Россію, мѣшали ему относиться безпристрастно къ тому, что онъ видѣлъ. Онъ намѣревался издать это сочиненіе, и въ 1716 году уже получилъ на то разрѣшеніе короля. Трудъ остался ненапечатаннымъ потому, вѣроятно, какъ думаетъ Шюбергсонъ, что изданіемъ его опасались произвести непріятное впечатлѣніе въ Россіи.

КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

О ТРУДѢ Н. И. ГРИГОРОВИЧА.

(Отчетъ о присужденіи преміи графа Н. А. Кушелева-Безбородки за біографію Канцлера Князя А. А. Безбородки [1]).

1878.

Въ октябрѣ 1856 года графъ Н. А. Кушелевъ-Безбородко пожертвовалъ 5.000 руб., съ тѣмъ, чтобы какъ изъ этого капитала, такъ и изъ процентовъ съ него учреждена была при Академіи Наукъ премія за лучшее жизнеописаніе государственнаго канцлера князя Александра Андреевича Безбородки. При этомъ было постановлено, что въ сочиненіи должно быть изложено, съ надлежащею полнотою, все, что касается не только частной жизни князя Безбородки, но и дѣятельности его какъ государственнаго человѣка, въ связи съ духомъ времени и съ тѣми обстоятельствами, въ которыхъ онъ находился: авторъ долженъ принять въ основаніе своего труда не одни печатные, русскіе и иностранные источники, но и архивные и вообще еще неизданные матеріалы. Всѣ представленные авторомъ главные факты и соображенія должны быть подкрѣплены указаніемъ на источники, которыми онъ пользовался. Важнѣйшіе же изъ неизданныхъ документовъ должны быть присоединены къ сочиненію, въ видѣ приложенія къ оному.

Срокомъ для представленія сочиненій на этотъ конкурсъ на первый разъ было назначено 1-е декабря 1874 г. Въ случаѣ, если къ этому сроку будетъ доставлено хотя одно сочиненіе, Академія приступитъ къ его разсмотрѣнію, и буде оно признается достойнымъ награды, то отчетъ объ этомъ присужденіи будетъ прочтенъ въ публичномъ засѣданіи Академіи 6-го апрѣля 1875 г., въ память дня кончины канцлера князя А. А. Безбородко, послѣдовавшей 6-го апрѣля 1799 года. Въ случаѣ же неполученія Академіею къ вышеозначенному сроку ни одного сочиненія или неудовлетворительности представленныхъ ей сочиненій, конкурсъ будетъ возобновляться ежегодно до тѣхъ поръ, пока не явится сочиненіе, которое удостоится преміи.

Вся сумма, какая составится изъ капитала, пожертвованнаго для сей цѣли покойнымъ графомъ Н. А. Кушелевымъ-Безбородкою въ

---

[1]) Составленъ академикомъ Я. К. Гротомъ и читанъ имъ въ публичномъ засѣданіи Академіи Наукъ 6 апрѣля 1878 г.—Сборникъ Отд. рус. яз. и сл. 1878 т. XVIII.

1856 году, и изъ процентовъ, которые съ того времени нарастутъ на этотъ капиталъ по день присужденія преміи, назначается автору въ награду за его трудъ и на покрытіе расходовъ по изданію въ свѣтъ сочиненія и приложенныхъ къ нему документовъ; она будетъ уплачена автору не прежде, какъ по представленіи имъ въ Академію печатнаго экземпляра его сочиненія.

Князь Безбородко, не смотря на роль, которую онъ игралъ въ событіяхъ и политикѣ царствованія Екатерины II, до сихъ поръ обращалъ на себя мало вниманія въ нашей исторической литературѣ. Можно даже сказать, что заслуги его и значеніе еще не были вполнѣ оцѣнены. О немъ ходило нѣсколько анекдотовъ, которые приводились въ доказательство его необыкновенной памяти и находчивости, говорилось о его участіи въ присоединеніи Крыма и въ заключеніи ясскаго мира, но обстоятельства его жизни не были достаточно извѣстны и, кромѣ двухъ-трехъ краткихъ и поверхностныхъ очерковъ его жизнеописанія, не было ни одной посвященной ему монографіи. Н. И. Григоровичъ, рѣшившись пополнить этотъ недостатокъ свѣдѣній объ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ дѣятелей въ исторіи Россіи за вторую половину XVIII столѣтія, употребилъ около 10-ти лѣтъ на самое тщательное изученіе его жизни и характера. Такимъ образомъ произошелъ объемистый трудъ, представленный на судъ Академіи Наукъ подъ заглавіемъ: *Канцлеръ князь Александръ Андреевичъ Безбородко въ связи съ событіями его времени.* Рукописный текстъ этого изслѣдованія занимаетъ два большіе тома въ листъ, къ которымъ присоединяются еще приложенія въ трехъ такихъ же томахъ. Комиссія, назначенная Академіею Наукъ для разсмотрѣнія его и состоявшая изъ академиковъ: А. Ф. Бычкова, Я. К. Грота, А. А. Куника, И. И. Срезневскаго и М. И. Сухомлинова, нашла трудъ г. Григоровича вполнѣ соотвѣтствующимъ условіямъ, постановленнымъ учредителемъ преміи за лучшее жизнеописаніе князя Безбородки. Заключеніе это было одобрено общимъ собраніемъ Академіи въ засѣданіи 31 минувшаго марта.

Благодаря труду г. Григоровича нравственный и политическій обликъ знаменитаго государственнаго мужа является намъ теперь въ весьма полномъ и опредѣленномъ очертаніи; это цѣльный, очень характеристическій образъ, возникающій изъ подробнаго разсмотрѣнія общественной и частной его жизни. Чтобы показать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, мы представимъ обзоръ какъ плана, которому онъ слѣдовалъ, такъ и содержанія его монографіи. Но прежде остановимся на источникахъ, которыми онъ пользовался.

Само собою разумѣется, что для доставленія возможной полноты и достовѣрности своимъ изслѣдованіямъ, г. Григоровичъ старался не

упустить ни одного изъ тѣхъ матеріаловъ, которые ему представляли не только печатные документы на русскомъ и иностранныхъ языкахъ, но и въ особенности хранящіеся въ архивахъ государственныхъ и частныхъ. Ему были открыты архивы сената, синода, государственнаго совѣта, министерства иностраннныхъ дѣлъ въ С.-Петербургѣ и Москвѣ, почтоваго вѣдомства, главнаго штаба въ обѣихъ столицахъ и императорскаго кабинета. Изъ частныхъ архивовъ онъ имѣлъ доступъ къ бумагамъ: кн. Сергѣя Викторовича Кочубея, гр. Григорія Александровича Кушелева-Безбородки, гр. Алексѣя Ивановича Мус.-Пушкина, гр. Григорія Александровича Милорадовича и Петра Аркад. Кочубея.

Изъ архивовъ частныхъ лицъ первое мѣсто, по обилію извлеченныхъ свѣдѣній, занимаетъ Диканьскій, принадлежащій князю Кочубею, внуку кн. Бебзородки. Посѣтивъ въ 1869 г. Диканьку по приглашенію просвѣщеннаго хозяина, г. Григоровичъ нашелъ въ немъ драгоцѣнныя письма Безбородки къ отцу и матери, также къ другимъ родственникамъ и къ графамъ Александру и Семену Романовичамъ Воронцовымъ. Интимное содержаніе этихъ писемъ, говоритъ г. Григоровичъ, ставитъ ихъ въ рядъ весьма важныхъ источниковъ для обоихъ царствованій 2-й половины XVIII стол. Политика наша въ ту эпоху и придворныя интриги живо и откровенно описаны кн. Безбородкою что и заставляло его весьма нерѣдко просить того или другого изъ братьевъ Воронцовыхъ сжигать его письма; но, къ счастью, участь эта миновала ихъ. Изъ писемъ же графовъ Воронцовыхъ къ нему сохранились весьма немногія. Большая часть ихъ, вѣроятно, сожжена самимъ Безбородкою, который чистосердечно сознавался въ этомъ графу Семену Романовичу. Столь же важное историческое значеніе имѣютъ письма Безбородки къ Потемкину, особенно за время, когда послѣдній былъ вдали отъ двора, т. е. за время 2-й турецкой войны и шведской кампаніи. Изъ писемъ, адресованныхъ къ Безбородкѣ, особенно интересны писанныя Викт. П. Кочубеемъ изъ Турціи, гдѣ онъ занималъ постъ посланника. Въ пополненіе сокровищъ, почерпнутыхъ изъ Диканьскаго и Рѣшетиловскаго архивовъ, г. Григоровичъ имѣлъ возможность снять копіи съ писемъ и бумагъ канцлера, хранящихся у гр. А. И. Мусина-Пушкина, доставшихся ему послѣ смерти гр. Г. А. Кушелева-Безбородко, графа Г. А. Милорадовича и кн. П. В. Кочубея.

Кромѣ того, г. Григоровичу были доставлены: весьма важныя письма князя Безбородки, адресованныя къ другу его Николаю Александровичу Львову, — составителемъ этого отчета; матеріалы, собранные изъ государственнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, — сенаторомъ А. А. Половцовымъ; изъ Рѣшетиловскаго архива — вице-предсѣдателемъ Императорскаго Одесскаго Общества исторіи и древностей Н. Н. Мурзакевичемъ, а также академикомъ А. Ѳ. Бычковымъ, М. И.

Семевскимъ, Н. Ѳ. Дубровинымъ, Г. Н. Александровымъ, П. И. Бартеневымъ и П. В. Киселевымъ.

Можно надѣяться такимъ образомъ, что изъ доступныхъ въ настоящее время въ предѣлахъ Россіи рукописныхъ источниковъ для біографіи Безбородки, весьма немногіе развѣ не были въ рукахъ г. Григоровича. Всѣ документы, которые служили ему источниками, указаны имъ и отчасти сообщены въ извлеченіяхъ или цѣликомъ въ приложеніяхъ къ біографіи, тщательно собранныхъ въ заключеніи труда, вмѣстѣ съ дополнительными къ тексту примѣчаніями. Изданіе однихъ этихъ документовъ, представляющихъ, между прочимъ, цѣлыя коллекціи писемъ, государственныхъ актовъ, докладовъ и другихъ трудовъ Безбородки, само по себѣ составило бы уже не малую заслугу для пополненія источниковъ русской исторіи прошлаго вѣка.

Г. Григоровичъ не имѣлъ возможности воспользоваться только тѣми извѣстіями о кн. Безбородкѣ, которыя разбросаны въ заграничныхъ архивахъ; но такъ какъ извлеченіе свѣдѣній изъ этихъ отдаленныхъ родниковъ исторіи всегда бываетъ сопряжено съ особенными затрудненіями для частныхъ лицъ, то отсутствія ихъ и нельзя ставить въ упрекъ автору настоящаго изслѣдованія, которое, и при этомъ недостаткѣ, всетаки представляетъ на первый случай значительную степень полноты по богатству собранныхъ въ отечествѣ и въ иностранной литературѣ матеріаловъ.

Біографія, разработанная г. Григоровичемъ, состоитъ изъ 23-хъ главъ, расположенныхъ частью въ хронологическомъ порядкѣ обстоятельствъ жизни Безбородки, частью по различнымъ отраслямъ его дѣятельности и сторонамъ жизни. Къ послѣднему роду отдѣловъ относятся, напримѣръ, слѣдующіе: отношенія къ писателямъ и къ просвѣщенію,—домашняя жизнь въ Петербургѣ. Одно краткое оглавленіе сочиненія г. Григоровича даетъ уже понятіе о высокомъ интересѣ его содержанія, и надо отдать справедливость автору, что ожиданіе, возбуждаемое этимъ оглавленіемъ, вполнѣ удовлетворяется прочтеніемъ самаго изслѣдованія.

Прослѣдимъ нѣкоторые моменты дѣятельности Безбородки по труду г. Григоровича, большею частью собственными словами біографа.

Въ годъ празднованія въ Москвѣ Кучукъ-кайнарджискаго мира Безбородко былъ опредѣленъ ко двору Екатерины II, на должность секретаря ея для принятія челобитныхъ. По пріѣздѣ его изъ Москвы въ Петербургъ, въ январѣ 1776 года, трудолюбіе и способность на лету схватывать распоряженія императрицы и облекать ихъ въ форму высочайшихъ повелѣній скоро доставили Безбородкѣ видное положеніе.

Въ концѣ 1778 года о служебныхъ занятіяхъ своихъ онъ писалъ къ отцу въ Малороссію: „Служба наша пріятна и видна, но нескоро полезна бываетъ, а представлять у двора приличную функціи фигуру

довольно надобно иждивенія въ такомъ мѣстѣ, гдѣ что шагъ ступить, то и платить надобно. Впрочемъ, я не могу довольно нахвалиться пребываніемъ своимъ здѣсь. Ея Императорское Величество отъ дня въ день умножаетъ ко мнѣ свою повѣренность. Для собственнаго вашего знанія скажу, дабы не причли сего въ самохвальство, что тамо вся публика и дворъ видитъ меня, яко перваго ея секретаря, потому черезъ мои руки идутъ дѣла: сенатскія, синода, иностранной коллегіи, не исключая и самыхъ секретнѣйшихъ, адмиралтейскія, учрежденія намѣстничествъ по новому образцу, да и большая часть дѣлъ собственныхъ". Современники Безбородки: дипломаты и лица, близко стоявшія къ дѣламъ, видѣли въ немъ дѣльца, выходившаго изъ ряда тогдашнихъ секретарей Екатерины.

Обильная служебная дѣятельность Безбородки за первые годы жизни его въ столицѣ не отвлекала его и отъ ученыхъ занятій. Въ періодъ съ 1776 по 1779 годъ онъ составилъ: а) обширную историческую записку о татарахъ; б) участвовалъ въ составленіи лѣтописи Малой Россіи, изданной Рубаномъ, и в) составлялъ, по повелѣнію государыни, „Хронологическую таблицу замѣчательнѣйшихъ событій царствованія Екатерины II", которая, къ сожалѣнію, составителемъ біографіи не отыскана.

Въ концѣ 1780 года Безбородко подалъ государынѣ записку, извѣстную подъ названіемъ „Меморіала по дѣламъ политическимъ". По словамъ С. М. Соловьева, „записка эта имѣла весьма важное дипломатическое значеніе: въ авторѣ высказался тонкій и дальновидный дипломатъ; она, почти слово во слово, была переслана въ Вѣну, въ формѣ предложенія нашего двора".

Въ запискѣ Безбородко говоритъ, что, при условіи заключенія договора съ императоромъ Іосифомъ II, для Россіи нужно имѣть: 1) Очаковъ, 2) Крымскій полуостровъ и 3) одинъ или два острова въ Архипелагѣ. Австрія могла получить: Бѣлградъ съ частію Сербіи и Босніи, но въ томъ случаѣ, если бы вѣнскій дворъ согласился относительно дальнѣйшаго жребія Оттоманской Порты. При этомъ предполагалось, что „ежели обѣ державы, находя продолженіе войны для себя весьма убыточнымъ, а завоеванія ненадежными, предпочли бы заключеніе мира безъ разрушенія Турецкаго государства, въ такомъ случаѣ, сверхъ обоесторонних пріобрѣтеній, полезно было бы имъ условиться и постановить, чтобъ Молдавія, Валахія и Бессарабія, подъ именемъ своимъ древнимъ Дакіи, учреждена была областію независимою, въ которую владѣтель назначенъ былъ бы закона христіанскаго, тамъ господствующаго, если не изъ здѣшняго Императорскаго дома, то хотя другая какая-либо особа, на которой вѣрность оба союзника могли бы положиться; новая сія держава не можетъ быть присоединена ни къ Россіи, ни къ Австріи".

Въ концѣ того же 1780 г. Безбородко былъ причисленъ къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ „полномочнаго для всѣхъ негоціацій", и въ тотъ же день произведенъ въ генералъ-маіоры.

Вскорѣ послѣ причисленія къ коллегіи иностранныхъ дѣлъ онъ пріобрѣлъ полное, обстоятельное знакомство съ внѣшними политическими дѣлами и сталъ оказывать на ходъ ихъ вліяніе. Это какъ нельзя лучше подтверждаютъ депеши англійскаго посланника Гарриса.

Изъ многихъ его отзывовъ достаточно привести здѣсь одинъ, чтобы видѣть, какое Безбородко имѣлъ значеніе въ политикѣ при началѣ вступленія своего на дипломатическое поприще. „Единственный человѣкъ, доносилъ Гаррисъ своему двору, отъ кого я могъ надѣяться получить нѣкоторую выгоду, былъ частный секретарь императрицы, и то только потому, что это личность честная и незараженная предразсудками, и съ нимъ, съ однимъ, императрица разсуждаетъ объ иностранныхъ дѣлахъ. Безбородко ежедневно возвышается въ ея уваженіи".

Въ концѣ 1782 года Екатерина, оцѣнивъ многообразныя заслуги своего секретаря, отличила его вмѣстѣ съ первѣйшими сановниками государства: 22-го сентября государыня, празднуя годовщину двадцатилѣтія своего коронованія и въ память этого дня учредивъ орденъ Св. Равноапостольнаго князя Владиміра, статутъ котораго былъ составленъ Безбородкою, сама возложила на него звѣзду и ленту ордена.

Обширныя предпріятія Екатерины, какъ по распространенію предѣловъ Россіи, такъ и по внутреннимъ учрежденіямъ, истощали государственные доходы, которыми далеко не покрывались расходы. Государственный дефицитъ правительство обыкновенно покрывало новыми выпусками ассигнацій; но уже въ концѣ 1782 года было замѣчено, что ассигнаціи вымѣнивались съ платежемъ лажа, что́ возбудило опасеніе и принудило изыскивать другія болѣе разумныя мѣры для улучшенія финансовъ.

Для достиженія этой цѣли была образована особая комиссія изъ членовъ, которымъ больше другихъ сановниковъ были знакомы наши финансы. Выборъ этихъ лицъ, какъ кажется, возложенъ былъ на Безбородку, и вскорѣ онъ сдѣлался въ этой комиссіи главнымъ дѣйствующимъ лицомъ.

Еще не кончила своихъ работъ финансовая комиссія, какъ онъ призванъ былъ къ новому труду по изысканію лучшихъ мѣръ къ переселенію въ Россію ногайскихъ ордъ.

Въ то самое время, когда обсуждался финансовый вопросъ и вопросъ о татарахъ, 31-го марта 1783 года, умеръ графъ Н. И. Панинъ, еще за два года до кончины своей удалившійся отъ дѣлъ по разногласію съ княземъ Потемкинымъ. Мѣсто умершаго занялъ графъ И. А. Остерманъ съ званіемъ вице-канцлера. Всѣ иностранные агенты видѣли

въ новомъ вице-канцлерѣ „только занимаемое имъ мѣсто“. Кауницъ называлъ его „автоматомъ“, императоръ Іосифъ — „соломенной чучелой“ (homme de paille). Именемъ вице-канцлера управляла его канцелярія, во главѣ которой стоялъ талантливый и дѣятельный Безбородко, при поддержкѣ князя Потемкина, любившаго вмѣшиваться во всѣ политическія дѣла. Съ удаленіемъ Панина, Потемкинъ сталъ дѣйствовать еще самостоятельнѣе и вмѣстѣ съ Безбородкою приготовилъ присоединеніе къ Россіи Крыма. Мысль о присоединеніи Крыма, какъ было сказано, секретарь Екатерины высказалъ еще въ 1776 г., въ исторической запискѣ своей о Татарахъ. „Остался одинъ только Крымъ, — писалъ тогда Безбородко, — и подвластные ему Татары, отъ которыхъ Россія уже съ двѣсти тому лѣтъ какъ страждетъ и раззоренія претерпѣваетъ“. Эти обстоятельства побудили его совѣтовать правительству: „принять добрыя мѣры противъ сихъ нашихъ вѣчныхъ непріятелей, дабы единожды навсегда привести себя отъ нихъ въ безопасность и чрезъ то доставить отечеству нашему надежное навсегда спокойствіе“. Послѣдующія событія и разсказъ Безбородки въ автобіографической запискѣ его о дипломатическихъ трудахъ за первые годы своей службы при Екатеринѣ и о дѣятельности по присоединенію Крыма, ясно наводятъ на мысль, что „Записка его о Татарахъ“ была извѣстна императрицѣ, и что мысли его, выраженныя въ ней, достигли блестящихъ, небывалыхъ въ исторіи результатовъ. „Еще въ концѣ 1777 года“, читаемъ въ автобіографической запискѣ, „когда государынѣ угодно было употребить меня въ дѣла политическія, я предлагалъ г. Бакунину, которому отъ Ея Величества поручено было сочиненіе наставленія фельдмаршалу, что независимость Татаръ въ Крыму ненадежна для насъ и что надобно помышлять о присвоеніи сего полуострова; тогда еще о Кубани не было дѣла. Идея наша отчасти апробована была, и близко было дѣлать исполненіе. Все однакоже осталось не по нашимъ желаніямъ, для того что мы, отложа попеченіе о нашихъ собственныхъ дѣлахъ, вмѣшались въ постороннія. Французы захватили въ руки нашу негоціацію, много испортили, однако насъ изъ хлопотъ вывели. Съ перваго момента понялъ я, что намѣреніе государыни о греческой монархіи серьезно и ощутилъ въ полной мѣрѣ, что сей проектъ достоинъ великаго духа, а при томъ, что онъ конечно и исполненъ быть можетъ, ежели не станутъ выпускать его изъ виду, будутъ принаравливать всѣ дѣйствія и пользоваться счастливыми обстоятельствами. Для сего я сошлюся на самую государыню. Когда Порта сдѣлала затрудненіе въ разныхъ выгодахъ по торговлѣ и въ дѣлѣ консула бухарестскаго, я, спрося Ея Величество, серьезно ли держаться того вида, и получа на то ея повелѣніе съ повтореніемъ, чтобъ вездѣ дѣйствовать гласомъ твердости ей свойственнымъ, присвоилъ себѣ всѣ сіи дѣла, велъ ихъ такъ, какъ съ волею Монаршею

было сходно и для интересовъ Россіи полезно, чѣмъ нажилъ неудовольствіе многихъ. Въ системѣ нейтральной, въ недопущеніи ввести ее въ морскую войну, немало я участвовалъ; а что принадлежитъ до связи съ Австрійскимъ домомъ, то въ архивѣ секретномъ и теперь служитъ документомъ планъ мой, данный три дня спустя послѣ извѣстія о смерти императрицы-королевы (Маріи-Терезіи). Онъ былъ апробованъ, и вся перемѣна нынѣшняя есть слѣдствіе его. Сколько моего труда было по коммерческому съ Портою трактату и по Крымскому дѣлу! Скажутъ, что я только исполнялъ волю государыни и дѣйствовалъ по ея генеральнымъ видамъ и намѣреніямъ; тутъ ясно, что были прежде меня министры, но было и то, что или не умѣли, или не очень хотѣли то приводить къ исполненію. Собственныя уваженія оныхъ превозмогли надъ всѣмъ прочимъ, а я боролся съ трудностями, не уважалъ непріятелей, не боялся, что много и страха, и всего было. Я посылаюсь на князя Потемкина, сколько моихъ стараній и работы было въ дѣлахъ нынѣшнихъ; онъ не запирался, что мысль о Крымѣ была наша общая и что къ исполненію ея были мы равными побудителями".

Въ октябрѣ 1783 года Безбородко избранъ былъ членомъ Россійской Академіи. Этимъ объясняется, что въ малой конференцъ-залѣ Академіи Наукъ находится портретъ Безбородки, копія съ подлинника Лампи.

12 октября 1784 г. Екатерина писала своему довѣренному секретарю: „Труды и рвеніе привлекаютъ отличіе. Императоръ даетъ тебѣ графское достоинство. Будешь comes! Не уменьшится усердіе мое къ тебѣ. Сіе говоритъ *Императрица. Екатерина* же дружески тебѣ совѣтуетъ и проситъ не лѣниться и не спѣсивиться за симъ".

Преимущественному вліянію Безбородки на дѣла немало способствовало также и то, что онъ, занимая должность секретаря, ближе и ранѣе могъ знать о существѣ дѣлъ, нежели Остерманъ, и прежде послѣдняго могъ слышать о нихъ мнѣнія государыни. Перевѣсъ его надъ вице-канцлеромъ былъ такъ замѣтенъ, что сдѣлался извѣстенъ самой Екатеринѣ, которая однакожъ не отдаляла отъ себя Безбородку, какъ способнѣйшаго и преданнаго ей дипломата. Недаромъ она въ письмахъ своихъ къ Гримму, часто упоминая о его участіи въ исполненіи ея порученій, постоянно называетъ его не иначе какъ factotum.

Такъ смотрѣли на него и всѣ близко знакомыя съ дѣлами того времени лица. Министръ Генуэзской республики, патрицій Риварола, говоритъ: „Наибольшимъ вліяніемъ пользуется графъ Безбородко, секретарь кабинета Ея Величества: онъ ежедневно въ положенные часы докладываетъ ей о текущихъ дѣлахъ по всѣмъ министерствамъ и вмѣстѣ съ ней предварительно разбираетъ ихъ. Въ отсутствіе вице-канцлера онъ принимаетъ иностранныхъ посланниковъ и ведетъ съ

ними переговоры. Онъ бы могъ быть вице-канцлеромъ при возвышеніи въ канцлеры графа Остермана; но пользуясь одинаковымъ содержаніемъ, предпочитаетъ свое положеніе блеску вице-канцлерскому. Дѣятельный, мягкаго характера, старающійся, по мѣрѣ возможности, угодить всякому, онъ считается искуснымъ дипломатомъ и ловкимъ царедворцемъ".

Графъ Сегюръ, посолъ Франціи при нашемъ дворѣ, свидѣтельствуетъ что, политическія тайны того времени оставались въ вѣдѣніи Екатерины, Потемкина и Безбородки. Разсказывая затѣмъ, что Екатерина, „диктуя своимъ министрамъ важнѣйшія бумаги, обращала ихъ въ простыхъ секретарей", онъ говоритъ между прочимъ о Безбородкѣ, что „онъ скрывалъ тонкій умъ подъ тяжелою наружностью" и болѣе другихъ пользовался довѣріемъ императрицы". Еще точнѣе отозвался о графѣ Безбородкѣ Сардинскій чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ, маркизъ де-Парело. Въ донесеніяхъ своему двору онъ писалъ, что „относительно дѣлъ важныхъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ, все состоитъ въ зависимости отъ трехъ, много четырехъ лицъ, пользующихся полнымъ довѣріемъ монархини, именно: отъ князя Потемкина, графа Безбородки, князя Вяземскаго и Бакунина". Окончивъ разсказъ о Потемкинѣ, маркизъ сравниваетъ его съ Безбородкою и при этомъ говоритъ, что послѣдній ровностью своего характера, кротостью и даже, можетъ быть, застѣнчивостью, какъ и небрежною простотою костюма, представляетъ странный контрастъ съ пышностью, самоувѣренностью и горделивою осанкою упомянутаго министра. Судя по наружности, можно бы подумать, что графъ пользуется второстепеннымъ кредитомъ при дворѣ и играетъ роль подчиненнаго, но если всмотрѣться поглубже, нельзя не замѣтить тотчасъ, что онъ стоитъ выше въ мнѣніи государыни, чѣмъ первый, вся сила котораго зависитъ единственно отъ убѣжденія ея въ томъ, что онъ необходимъ... Изъ всѣхъ однакожъ лицъ, находящихся въ составѣ министерства, я гораздо больше вѣрую въ его честность, чѣмъ всякаго иного, и если бы у меня было какое либо важное дѣло, мнѣ кажется, лучше всего было бы обратиться къ нему. Онъ умѣетъ цѣнить такое доказательство довѣрія, и это средство помогло уже многимъ, имъ пользовавшимся".

Въ первую половину царствованія Екатерины почтовое дѣло Россіи вѣдалось „Почтовымъ Департаментомъ", однимъ изъ трехъ департаментовъ „Публичной экспедиціи коллегіи иностранныхъ дѣлъ". Безбородко сталъ въ близкое отношеніе къ почтовымъ дѣламъ съ самаго опредѣленія своего ко двору. Уже съ этой поры онъ докладывалъ дѣла почтовыя императрицѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ резолюціи, писанныя его рукою на докладахъ по почтовымъ дѣламъ, и указы. Во время своихъ докладовъ Безбородко, вѣроятно, хорошо ознакомился съ состояніемъ почтъ въ Россіи, а потому и былъ назначенъ

завѣдывать непосредственно этимъ вѣдомствомъ: указомъ 20 декабря 1781 года Почтовый Департаментъ порученъ былъ „въ точное вѣдѣніе и наблюденіе генералъ-маіору Безбородкѣ". Сослуживецъ его Малиновскій, въ рукописномъ своемъ сочиненіи говоритъ, „что для Безбородки почтовое правленіе, всегда зависѣвшее отъ вице-канцлеровъ, отдѣлилось отъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ".

До него почтовое управленіе въ Россіи складывалось и расширялось подъ вліяніемъ отдѣльныхъ и притомъ случайныхъ указаній опыта, да и въ такомъ видѣ оно удовлетворяло лишь самымъ общимъ потребностямъ государственной и частной жизни. Безбородко внесъ въ почтовое управленіе систему обдуманнаго усовершенствованія. Онъ произвелъ въ немъ весьма важныя улучшенія и измѣненія, какихъ требовало быстрое развитіе, сообщенное Екатериною II всѣмъ отраслямъ государственнаго быта, и которыя послужили началомъ преобразованій, отчасти продолжающихся и въ наше время.

Г. Григоровичъ посвятилъ трудамъ его по почтовому вѣдомству отдѣльную главу.

Съ наступленіемъ 1786 года, почти одновременно, состоялись два высочайшія повелѣнія, изъ которыхъ однимъ графъ Безбородко назначался членомъ „Комиссіи о дорогахъ въ государствѣ", а другимъ — „Совѣта при Ея Императорскомъ Величествѣ". Разсматривая дѣятельность Безбородки по званію члена Совѣта, нельзя не замѣтить, что дѣятельность эта была обширна и касалась предметовъ первостепенной государственной важности. Но, важная по предметамъ, къ которымъ относилась, она представляется еще болѣе вліятельною по тому значенію, какое графъ Безбородко имѣлъ въ Совѣтѣ, какъ членъ и въ особенности какъ постоянный докладчикъ верховной власти со дня поступленія своего въ него по день смерти.

Почти за годъ до поѣздки въ Крымъ императрицы, начались приготовленія къ этому „историческому путешествію въ Тавриду". Главнымъ, чуть-ли не единственнымъ исполнителемъ повелѣній Екатерины былъ опять Безбородко.

Труды, предпринятые имъ по этому поводу, были безпрерывны и разнообразны. Большая часть указовъ, подписанныхъ Екатериною въ теченіе полугодового путешествія, были писаны самимъ Безбородкою. Даже мелочи проходили чрезъ его руки. Особенное вниманіе къ своему ближайшему секретарю, исполнявшему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, путешествующая императрица выражала тѣмъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ удостоивала своимъ посѣщеніемъ его имѣнія. И теперь, 3 іюня, она остановилась ночевать въ слободѣ Анновкѣ, принадлежавшей Безбородкѣ. Затѣмъ, во время своего пребыванія въ Москвѣ, наканунѣ выѣзда изъ нея въ Петербургъ, императрица пожаловала ему домъ графа Бестужева-Рюмина.

Тревожныя политическія обстоятельства во всей Европѣ, особенно крайне неблагопріятное отношеніе къ намъ Турціи, которая не могла забыть блестящихъ побѣдъ Румянцова-Задунайскаго и видѣть равнодушно отложеніе Крыма отъ ея владычества, заставляли Россію зорко слѣдить за событіями въ Портѣ. Безбородко, понимавшій тогдашнее положеніе дѣлъ, нерѣдко писалъ о нихъ князю Потемкину и лондонскому послу нашему графу Воронцову.

Наши первые шаги въ войнѣ съ Турціею были неудачны: севастопольскій флотъ былъ разбитъ бурею, Потемкинъ упалъ духомъ, медлилъ осадой Очакова и молчалъ. Послѣднимъ обстоятельствомъ Безбородко весьма тревожился. Свои мысли о тогдашнемъ положеніи дѣлъ онъ высказалъ въ письмѣ къ графу Воронцову: „Ваше сіятельство съ симъ нарочнымъ получите довольно важную экспедицію, а могу сказать и трудную, потому что у насъ часто не легко отгадать чего мы желаемъ; теперь же еще къ сожалѣнію и больше оказывается, что и во внѣшнихъ дѣлахъ думаютъ такъ точно править, какъ во внутреннихъ. Я полагаю, что графъ Фалькенштейнъ, разговаривая со мною въ 1780 году, въ Смоленскѣ, и по новости своей, а отчасти и министра своего, считая меня въ связи съ покойнымъ графомъ Панинымъ, превознося сего послѣдняго похвалами, сказалъ, что управленіе иностранными дѣлами тѣмъ труднѣе предъ внутренними, что тутъ имѣемъ дѣло съ подчиненными и подданными, а тамъ съ людьми, которые эдиктовъ не слушаютъ, и коихъ ни краснорѣчіемъ, ни нравоученіемъ никогда съ собою не согласимъ. У насъ напротивъ того считаютъ, что всѣ по нашей дудкѣ плясать должны, и если бы не привычка иногда и съ огорченіемъ переносить все и воздерживать первую пыль съ твердостію, то Богъ знаетъ какъ бы иное и пошло. Надежда вся на ваше искусство въ поручаемыхъ вамъ объясненіяхъ; а я долгомъ службы и дружества поставлю сказать вамъ искренно, что въ мое понятіе вмѣщается... Не смотря на всѣ ласкательства Франціи, здѣсь, конечно, неохотно поддадутся на какую-либо тѣсную съ ними связь, развѣ бы настали два обстоятельства: первое, возможность исполнить извѣстный большой планъ, и второе, явное недоброжелательство Англіи къ намъ или союзнику нашему; но первое я считаю вещію совсѣмъ удаленною, не столько еще по политическимъ соображеніямъ, сколько по нашему состоянію нѣкоторыхъ внутреннихъ частей, а прямо сказать, одной военной. Второе можетъ быть вамъ удастся объясненіями вашими удалить также, и потому есть надежда, что мы войну нынѣшнюю успѣемъ кончить, не связавшися и не имѣвъ нужды связаться ни съ Версальскимъ, ни съ Лондонскимъ дворами. Дружественные поступки, взаимные между нами и Франціею, и самое оказательство податливости нашей наружное на ихъ предложеніе, не должны бы были безпокоить Англію, если она къ интересамъ нашимъ

доброхотна; а что мы, конечно, не рѣшимся противъ ея инако, какъ по ея развѣ вызову, въ томъ нѣтъ ни малаго сомнѣнія. Самъ императоръ, который имѣетъ меньше насъ нужды менажировать Англію, того мнѣнія, чтобъ удержать Францію въ благихъ расположеніяхъ, не дѣлать ей слишкомъ дальнихъ откровеній, а болѣе заставлять ее говорить; да и въ крайнемъ случаѣ нужды съ нею связаться, поставить себя и насъ нейтральными противъ Англіи, хотя, въ замѣну нейтралитета Франціи въ войнѣ турецкой. Мы располагаемся на сихъ дняхъ сдѣлать отвѣтъ Франціи учтивый, не отгоняющій ихъ, но и насъ ничѣмъ не обязующій.

„Съ императоромъ у насъ также происходятъ перекоры, чтобъ онъ зачалъ дѣйствія, а онъ говоритъ, чтобъ мы зачали, какъ воюющіе, а онъ тотчасъ и свои откроетъ; но, между тѣмъ, надѣлалъ онъ, правду сказать, много лишнихъ и новыхъ вопросовъ. У него есть точныя съ нами условія; на случай диверсіи прусскаго короля, вздумалъ онъ предложить еще случай, буде король рѣшится чѣмъ-либо овладѣть изъ Польши. Что мы тутъ пассивны не останемся, и что составимъ общее дѣло, за симъ отвѣтомъ не стало бы; но онъ требуетъ, какія мѣры мы возьмемъ тогда, какія войска и гдѣ они, да еще чтобъ и постановить о томъ актъ. Вопросы и сами по себѣ затруднительны, а настояніе объ актѣ и для того неудобнымъ считаю, что самъ же бы онъ, увѣрясь въ мѣрахъ, зачалъ бы задирать Прусскаго короля, котораго удерживать пассивнымъ на время войны нашей требуетъ наша польза. Я постараюся составить тутъ отвѣтъ, сходный со доброю вѣрою государыни, съ достоинствомъ и пользою Имперіи, и который бы отчасти успокоилъ Вѣнскій дворъ на всѣ случаи. Мнѣніе мое и въ Совѣтѣ и у Ея Величества уже апробовано, и я теперь работаю надъ сего матеріею, неся тягость, что сочиненіе русское никто со мною не раздѣляетъ.

„Ваше сіятельство согласитеся со мною, конечно, что весьма нужно, дабы нынѣшняя война скорѣе кончилася. Думали прежде, что финансы наши всего менѣе ее вынесутъ; но тутъ теперь оказалось, что два года можемъ вести войну, не прибѣгая къ налогамъ. О, ежели бы и военная часть могла равняться съ сею частію! Тогда не уважали бы мы на всѣ другія околичности. Но полгода слишкомъ проходитъ въ пріуготовленіяхъ. Взявъ со ста душъ рекрута, наполнили только армію, а болѣе 30.000 недостаетъ въ пограничныхъ однихъ гарнизонахъ. Теперь еще только готовымъ имѣемъ порохъ и снаряды, довольствуяся тѣмъ, что одной полевой большой артиллеріи въ одной арміи 200, а въ другой 90 орудій, да осадной въ одной 128, въ другой 40 орудій. Что мѣшало, я не говорю объ Очаковѣ, сдѣлать какое либо покушеніе или поискъ? Даже и теперь сущей дряни за Бугомъ и по Днѣстру премного, которую побивъ, дали бы лучшій покой и себѣ и Польшѣ, да и на весну себя много бы облегчили. Вы сами хорошо знаете сію часть и здраво объ ней судили.

„Слухи о начальникахъ напрасные. Они все тѣ же и перемѣны нѣтъ. Графъ Румянцовъ бодрствуетъ и дѣлами военными правитъ, какъ человѣкъ, который не впервые командуетъ. Имя его ободрило въ Молдавіи, гдѣ насъ ждутъ нетерпѣливо, и гдѣ Арнауты Турковъ хорошо поколотили. Союзникъ нашъ на него весьма считаетъ и, кажется, хочетъ комбинировать свои операціи съ его арміею. Я видѣлъ о семъ письма Принца де-Линія.

„Трудно себѣ представить мои работы. Я разумѣю не то, чтобъ или времени, или силъ недостаетъ, но то, что о многомъ надобно брать ad referendum (на донесеніе, т. е. посылать за совѣтомъ къ князю Потемкину) въ Новороссійскую губернію, а оттуда ни на что не добьешься не скораго, но уже и никакого отвѣта. Время ближится къ высылкѣ флота нашего, а дѣло стало за войсками и генераломъ. По мѣсяцу почти курьеровъ не имѣемъ. Въ случаѣ неудачъ ожидаю навѣрное, что тутъ и негодованіе на насъ, а главнѣйшее на меня обратится, при пособіи всякихъ коварныхъ происковъ, кои опять здѣсь умножаться стали. Я истинно ихъ не уважаю, но нельзя не заботиться, что подобныя происшествія публикою и свѣтомъ относимы будутъ на недосмотрѣніе министерства, у котораго ни силы, ни способовъ дѣлать лучше недостаетъ. Если бы можно было только вершить войну безъ потери и хотя съ весьма умѣренными выгодами, направилъ бы я тогда всю возможность свою не допускать разрушать покой иногда легкомысленно, вѣдая, что онъ для насъ всего полезнѣе, а при упрямствѣ, по крайней мѣрѣ, пожелая добраго успѣха, своимъ покоемъ поспѣшу воспользоваться“. Попросивъ затѣмъ Воронцова принять „все сіе за опытъ искренней преданности и сжечь письмо“, Безбородко прибавляетъ: „Если бы я не крѣпко корячился, во многихъ случаяхъ, не уважая, что и сердятся, не огрызался и не слаживалъ дѣла, то система наша съ Вѣнскимъ дворомъ въ ничто бы обратилася. Государыня не склонна къ Прусской системѣ, но меньшой дворъ въ рукахъ тамъ совершенно. Вице-канцлеръ, слѣдуя вездѣ за Англіею, не прочь и теперь съ Берлиномъ чтобъ сойтися, лишь бы Англія хотѣла“.

Когда обнаружились приготовленія Швеціи къ войнѣ съ Россіею, на графа Безбородко легла новая тяжесть. 4 апрѣля 1788 года онъ писалъ между прочимъ гр. С. Р. Воронцову: „Трудъ я несу тотъ же, и одинъ всю тягость бремени выдерживаю, съ тою разницею, что и положеніе дѣлъ гораздо заботливѣе, чѣмъ то, коему вы были свидѣтелемъ въ 1783 году. Прибавьте къ сему, что я, который шелъ всегда прямою дорогою и, кромѣ службы, не зналъ иного пути пріобрѣсть и имя значущее и благосостояніе не послѣднее, теперь долженъ заботиться обороною противу интригъ самыхъ пакостныхъ, противъ нападеній клеветливыхъ и противъ всѣхъ усилій людей случайныхъ. Сперва хотѣли сложить на насъ подозрѣніе, будто мы употребляемъ

разные происки противу князя Потемкина; но когда сей послѣдній засвидѣтельствовалъ, что онъ мною совершенно доволенъ и свою довѣренность даже до собственныхъ видовъ ко мнѣ имѣетъ, тогда напали на насъ съ графомъ Александромъ Романовичемъ (Воронцовымъ) образомъ самымъ оскорбительнымъ. Дѣла и дѣйствія самыя насъ оправдали, но клевета на насъ была ясная, а оправданіе безъ явной репараціи можетъ ли удовлетворить чести оскорбленныхъ? Я буду ждать конца войны и тѣмъ кончивъ время свое, не втуне употребленное, примуся за собственныя дѣла, оставляя всѣ пакости съ презрѣніемъ".

Пока шли разсужденія о войнѣ и о необходимости заключенія мира съ одною изъ воюющихъ державъ, при дворѣ явилось новое лицо, оказавшее вліяніе на послѣдующую судьбу графа Безбородки,— секундъ-ротмистръ Платонъ Александровичъ Зубовъ. Объ этомъ событіи не замедлилъ и Безбородко сообщить своему другу С. Р. Воронцову: „О вступившемъ на мѣсто его сказать ничего нельзя. Онъ мальчикъ почти. Поведенія пристойнаго, ума недалекаго, и я не думаю, чтобъ былъ долговѣченъ на своемъ мѣстѣ. Но меня сіе не интересуетъ. Дѣла наши идутъ не слишкомъ хорошо". Возвышеніе Зубова росло съ каждымъ днемъ и, подобно случаю Мамонова, было неблагопріятно для графа Безбородки.

Интриги двора и политическія событія шли своимъ чередомъ. Миръ съ враждебными державами представлялся необходимымъ для Россіи, тѣмъ болѣе, что Австрійскій и Берлинскій дворы существенно затрогивали интересы наши и Польшу, въ которой дѣла, казалось, принимали тревожное для Россіи направленіе.

Пушечный громъ сраженія при островѣ Сескарѣ, въ маѣ 1790 г., послышался въ самомъ Петербургѣ. Храповицкій въ своемъ дневникѣ свидѣтельствуетъ о тревожномъ состояніи Екатерины и ея ближайшаго секретаря, съ которымъ она раздѣляла трудныя минуты. „Великое безпокойство, почти ночь не спали. Графъ Бебзородко плакалъ". „Таятся и не веселы". Однако Екатерина не теряла присутствія духа и утѣшала Безбородку, которому писала, „чтобы взяли примѣръ съ покойнаго короля Прусскаго, бывшаго не разъ множествомъ окруженнымъ".

Во время приготовленій нашего флота къ новымъ нападеніямъ на шведскій, въ августѣ 1790 г., было получено извѣстіе о заключенномъ мирномъ „оборонительномъ и наступательномъ союзѣ" съ королемъ шведскимъ, подписанномъ 3 августа въ Верельской долинѣ, на берегахъ Кюмени. Густавъ обязался не вмѣшиваться въ дѣла Россіи съ Турціею; Екатерина съ своей стороны согласилась признать установленный имъ въ Швеціи образъ правленія и заплатить ему значительную сумму, въ видѣ вспоможенія, чтобъ отвлечь его отъ союза съ Пруссіею.

По поводу этого мира Безбородко сказалъ: „Мы свое кончили, пусть князь Потемкинъ свое кончитъ."

За труды по шведской войнѣ Екатерина наградила Безбородку со свойственною ей щедростію. Въ росписи наградъ, подписанной ею 8 сентября 1790 года, между прочимъ сказано: „Гофмейстеру графу Безбородку, котораго труды и упражненія въ отправленіи порученныхъ ему дѣлъ Ея Величество ежедневно сама видитъ, всемилостивѣйше жалуется чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и оставаться ему при его должностяхъ". 29 декабря въ Петербургѣ было получено столь же радостное, какъ заключеніе мира съ Швеціею, извѣстіе, о взятіи крѣпости Измаила. Съ извѣстіемъ этимъ являлась прочная надежда на скорый миръ и съ Турціею.

Неожиданная вѣсть о кончинѣ Потемкина достигла столицы 12-го октября, въ 5 часовъ пополудни, а къ 8 часамъ вечера члены Совѣта приглашались повѣстками собраться во дворецъ. Необыкновенный часъ собранія указывалъ, что случилось что-то чрезвычайное. Въ началѣ засѣданія Безбородко объявилъ, что императрица въ этотъ самый вечеръ „получила нечаянное извѣстіе о кончинѣ генералъ-фельдмаршала князя Г. А. Потемкина-Таврическаго, и потому указать изволила, чтобы Совѣтъ представилъ свое мнѣніе относительно распоряженій по этому случаю, какъ по начальству надъ арміей, такъ и по мирной съ Турками негоціаціи". Къ этому Безбородко присовокупилъ, что еще до своей смерти фельдмаршалъ поручилъ начальство надъ войскомъ генералъ-аншефу Каховскому, и что относительно мирныхъ переговоровъ онъ, Безбородко, „осмѣлился представить Ея Величеству готовность свою отправиться въ Яссы для руководства и произведенія оныхъ въ дѣйство чрезъ уполномоченныхъ отъ покойнаго фельдмаршала, которое представленіе Ея Величество и изволила принять за благо". Совѣтъ нашелъ нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя распоряженія, относящіяся до войска; а о посылкѣ Безбородки опредѣлилъ: „что возложеніе на него означеннаго столь важнаго служенія есть тѣмъ удобнѣе, что онъ здѣсь, подъ высочайшимъ Ея Императорскаго Величества руководствомъ, сіи дѣла производилъ; но, дабы подъ присмотромъ его могли мирные переговоры безъ упущенія времени принять надлежащее теченіе, то нужно его туда немедленно отправить и, снабдя его полною мочью и сославшись на данныя покойному фельдмаршалу инструкціи, подтвердить о неотложномъ доведеніи къ концу той негоціаціи, дабы заранѣе знать можно было, какія потомъ мѣры, сходно достоинству Ея Императорскаго Величества и благу государства, заблаговременно принять надлежитъ".

Данный по этому случаю Безбородкѣ рескриптъ поименовываетъ прежніе рескрипты по этой негоціаціи на имя князя Потемкина и подтверждаетъ неотлагательно кончить мирные переговоры съ удержа-

ніемъ въ пользу императрицы „всего возможнаго на основаніи ультимата“ и часто увѣдомлять о ходѣ дѣла для принятія надлежащихъ мѣръ, согласныхъ съ ея достоинствомъ“. Сообщая за тѣмъ о распоряженіяхъ данныхъ генералу Каховскому, назначенному начальникомъ „надъ арміею и надъ морскими на Черномъ морѣ силами“, рескриптъ заканчивается словами: „Да управитъ Всевышій путь вамъ и да поможетъ вамъ совершить подвигъ вашъ ко благоугодности нашей и на добро Отечеству“.

На поѣздку и на издержки Императрица собственноручнымъ указомъ назначила Безбородкѣ „десять тысячъ золотою и серебряною монетою“. 14 октября Екатерина подписала ему „полномочіе“, причемъ назвала Безбородку „нашъ любезновѣрный“, а 16 октября 1791 г. передъ полуднемъ преемникъ Потемкина по заключенію мира съ Турціею выѣхалъ изъ Петербурга. Какъ ни поспѣшенъ былъ отъѣздъ Безбородки въ Яссы среди неожиданныхъ обстоятельствъ, которыми онъ былъ вызванъ, враги обвинили его въ медлительности и провозглашали его „тяжелымъ и безполезнымъ“. Не такъ судила Екатерина. Вскорѣ по отъѣздѣ его, въ письмѣ къ В. С. Попову, она говоритъ: „О содержаніи турецкихъ полномочныхъ, по представленію Лошкарева, я писала къ графу Безбородку сегодня и надѣюсь, *что тутъ ничего не будетъ проронено*“. Неаполитанскій посланникъ при Петербургскомъ дворѣ, дюкъ де-Серра Капріола, въ письмѣ къ графу Лудольфу, отъ 1 (12) ноября, ласкаетъ себя надеждою, „что новое открытіе конгресса вскорѣ воспослѣдуетъ; а какъ сей министръ (Безбородко) соединяетъ къ себѣ тысячу хорошихъ свойствъ, къ тому жъ чрезъ его руки проходили всѣ производимыя здѣсь негоціаціи, то и можно ожидать, что онъ не замедлитъ рѣшить разныя спорныя статьи“. Съ отъѣздомъ Безбородки въ Яссы, между нимъ и императрицею начинается частая переписка, раскрывающая и великія мысли Екатерины, и дѣятельность ея ревностнаго секретаря. Ознакомившись съ ходомъ, переговоровъ, которые, на двухъ конференціяхъ, состоявшихся до его пріѣзда въ Яссы, ведены были Самойловымъ, Рибасомъ и Лошкаревымъ, Безбородко убѣдился, что дѣло не подвинулось впередъ ни на шагъ: уполномоченные строго и точно выполняли лишь всѣ церемоніи этикета и исключительно трактовали объ устраненіи этихъ церемоній изъ будущихъ засѣданій. „Метода негоціаціи, — писалъ Безбородко Екатеринѣ, — тутъ употребленная, совсѣмъ не надежна для поспѣшнѣйшаго ея окончанія. Сообщая туркамъ артикулъ за артикуломъ, теряется лишь время, и особливо ежели они, по трудности своей, или по недостатку наставленій, должны будутъ брать на донесеніе къ визирю, цѣлые мѣсяцы, и по крайней мѣрѣ до срока перемирія, будутъ потеряны. Въ отвращеніе сего, собравъ сегодня полномочныхъ нашихъ на совѣтъ ко мнѣ, преподалъ я имъ ту самую методу, которая уже не

одинъ разъ съ пользою употреблена была и которая, являя рѣшимость нашу на скорое однимъ или другимъ образомъ дѣло, произведетъ въ туркахъ совсѣмъ иное впечатлѣніе. Я разумѣю, чтобъ на будущей въ субботу (т. е. 8 ноября) конференціи предложить вдругъ всѣ артикулы мирнаго договора и, давъ имъ нѣсколько дней на размышленіе, потомъ рѣшительно съ ними разобрать всѣ оные. Тутъ, хотя и могутъ они взять на донесеніе къ визирю, но меньше трехъ недѣль отвѣтъ получатъ, и тогда ясно учинится, чего ожидать должно. Два главныя примѣчанія дѣлаю я полномочнымъ: *Первое*, чтобъ въ разговорахъ и пересылкахъ остерегалися касаться до перемирія и срока оному, для того, что оно спокойнымъ фельдмаршаломъ, по точной волѣ Вашего Величества, не было утверждено; слѣдовательно намъ должно и оставить себя господами рѣшиться, въ случаѣ разрыва, по обстоятельствамъ и по усмотрѣніямъ и возможностямъ со стороны главнаго военнаго начальства, такъ какъ, напротивъ того, и угрозы, что мы не почитаемъ сильнымъ перемиріе, безвременно дѣлать не полезно. *Второе*, чтобъ держалися основаній, на каковыхъ покойный фельдмаршалъ изъяснялся съ визиремъ въ перепискѣ его, при удобномъ случаѣ внушая туркамъ, чтобъ они отнюдь не считали настоящихъ переговоровъ за обыкновенно производимые на конгрессахъ, но чтобъ вѣдали заранѣе, что противу объявленнаго всему свѣту ультимата вашего ни малѣйшее смягченіе мѣсто имѣть не можетъ. Если турецкіе министры сами собою на подписаніе договора не рѣшатся, а представятъ визирю, я долженъ буду тогда написать къ нему письмо, доказывающее основательность нашихъ требованій, крайнюю черту составляющихъ и, для внушенія и на словахъ тому сообразнаго, отправлю подполковника Бароцци. Въ домѣ, гдѣ конференціи производятся, назначилъ я себѣ возлѣ залы конференціи особую камеру, гдѣ бы я могъ быть во время переговоровъ инкогнито и удобнѣе преподавать наставленія полномочнымъ".

Крѣпко настаивая на денежномъ удовлетвореніи и на принятіи турецкими уполномоченными сепаратнаго артикула, оставленнаго ими на столѣ конференціи, Безбородко не считалъ однако денежнаго удовлетворенія существеннымъ пунктомъ переговоровъ: онъ придавалъ ему первенствующее значеніе въ ряду мирныхъ пунктовъ съ расчитанною цѣлію — сосредоточить на немъ все упорство турецкихъ уполномоченныхъ и отвлечь это ихъ упорство отъ другихъ важнѣйшихъ пунктовъ. Первый уполномоченный Россіи, получивъ утвердительный отвѣтъ турецкихъ уполномоченныхъ на вопросъ: принята ли статья или нѣтъ, попросилъ ихъ подождать немного, вышелъ и, возвратясь, объявилъ, что сейчасъ придетъ графъ Безбородко". Съ этого момента зала конференціи обращается для Безбородки въ мѣсто дипломатическаго торжества. Моменты этого торжества сжато и офи-

ціально записаны въ протоколѣ, а Безбородко оживленно передаетъ ихъ въ донесеніи къ императрицѣ отъ 29 декабря. „Какъ скоро мнѣ донесено было (что турки приняли и обѣщали подписать врученный имъ русскими артикулъ о кубанскихъ границахъ), то я велѣлъ просить ихъ, чтобы дождалися меня въ залѣ конференціи. Вошедъ въ оную, въ сопровожденіи многочисленнаго собранія, при растворенныхъ дверяхъ въ залѣ, сказалъ я имъ, въ изумленіи на ногахъ бывшихъ, что радуюся, видя благоразумное ихъ соглашеніе на артикулъ, мною предложенный, отвращающій разрывъ и дальнее пролитіе крови, и что въ доказательство великодушія и рѣдкаго въ свѣтѣ безкорыстія, каковымъ Ваше Величество обыкли руководствоваться, объявляю имъ, что главныя Ваши намѣренія были одержать пункты необходимо нужные для безопасности предѣловъ Вашихъ и способствующіе отдаленію ссоръ и самой войны; что, окончивъ теперь всѣ пункты сего рода, не требуете никакого денежнаго удовлетворенія и даруете миръ многочисленнымъ милліонамъ людей, Вашу и Оттоманскую имперіи населяющимъ. Едва успѣлъ драгоманъ Порты сказать имъ мои слова, какъ всѣ полномочные турецкіе и секретари ихъ въ одинъ голосъ заговорили, прославляя великодушіе Ваше. Присовокупивъ, чтобъ теперь приступили они къ окончанію, обще съ товарищами ихъ, сего спасительнаго дѣла, я вышелъ въ свою камеру; а они, условився подписать 29 декабря трактакъ, попросили у меня дозволенія войти въ мою комнату и повторить чувствуемое ими удовольствіе. Сіе они исполнили съ великимъ вниманіемъ, и второй изъ нихъ, духовная особа, между прочими привѣтствіями сказалъ, что Ваше Величество велики въ войнѣ и мирѣ и во всѣхъ Вашихъ дѣлахъ. Удовольствіе всеобщее разнеслося по всему городу въ мгновеніе". 1 февраля, въ письмѣ къ Я. И. Булгакову Безбородко извѣщалъ, что размѣръ взаимныхъ государскихъ ратификацій учиненъ 29 минувшаго января. „Дней черезъ десять—продолжаетъ Безбородко — отправляюся въ Петербургъ, имѣя дозволеніе для собственныхъ моихъ надобностей заѣхать въ Москву".

Къ этому письму Безбородко присоединилъ списокъ подарковъ, которыми русскіе размѣнялись съ турками.

Пока Безбородко былъ занятъ этой перепиской, 30 января въ Петербургъ изъ Яссъ пріѣхалъ генералъ-поручикъ Самойловъ, еще только съ ратификаціями главноуполномоченныхъ. „Это было во время собранія (въ Эрмитажѣ). Всѣхъ отпустили и съ Самойловымъ плакали". записалъ Храповицкій въ своемъ дневникѣ. Въ этотъ же самый день государыня наградила Безбородку 50-ю тысячами рублей денегъ и орденомъ Св. Андрея Первозваннаго. Здѣсь нѣтъ надобности долго останавливаться на разъясненіи услугъ, оказанныхъ графомъ Безбородкою Екатеринѣ и Россіи заключеніемъ Ясскаго мира. Безбородко, съ одной стороны, вполнѣ зналъ сущность тогдашнихъ политическихъ

отношеній и потребностей, а съ другой, при такомъ знаніи, былъ неусыпенъ до конца, устраняя самыя трудныя и самыя сложныя препятствія. Масса собственноручныхъ бумагъ, написанныхъ Бебзородкою во время заключенія Ясскаго мира, способна изумить своею громадностью всякаго изслѣдователя давноминувшихъ событій. Кромѣ того, отличаясь точностью и замѣчательной для своего времени чистотою изложенія, приближающагося мѣстами къ складу нынѣшней рѣчи, каждая изъ множества бумагъ Безбородки носитъ на себѣ печать строгой обдуманности и разносторонней сообразительности, приложенныхъ авторомъ къ ея содержанію. „Труды и искусство", оказанные Безбородкою при заключеніи Ясскаго мира, говоря словами Екатерины, „въ полной мѣрѣ оправдали ея къ нему довѣренность, явили отечеству знаменитую услугу и пріобрѣли по всей справедливости вящее благоволеніе къ нему" императрицы. Эти слова великой Екатерины, сказанныя среди разгара сильной придворной интриги противъ Безбородки, служатъ вѣскимъ подтвержденіемъ доставляемаго изученіемъ историческихъ памятниковъ факта, что заключеніе почетнаго и выгоднаго мира съ Турціею въ Яссахъ вполнѣ принадлежитъ дипломатическому искусству графа Безбородки. Безбородко возвратился въ Петербургъ 10 марта 1792 г. На другой же день императрица поручаетъ ему написать указъ о пожалованіи П. А. Зубова въ генералъ-поручики и генералъ-адъютанты. Храповицкій объяснялъ это порученіе „дѣйствіемъ графскаго пріѣзда". И дѣйствительно, въ Зубовѣ Безбородко нашелъ полнаго и притомъ окрѣпшаго соперника по вліянію при дворѣ. Всѣ дѣла, которыя, до отъѣзда Безбородки въ Яссы, производились въ его канцеляріи, теперь шли черезъ руки Зубова. Зубовъ сдѣлался такимъ же могущественнымъ совѣтникомъ Екатерины, какимъ прежде былъ Безбородко, съ тою разницею, что тотъ заслужилъ довѣренность своими многолѣтними трудами, а Зубову въ то время было всего 26 лѣтъ отъ роду. Не обладая ни опытностью, ни государственнымъ умомъ, Зубовъ, по необходимости, долженъ былъ отдаться, въ веденіи дѣлъ, чьему нибудь руководству. Такимъ совѣтникомъ сталъ для него А. И. Морковъ, бывшій пріятель и сослуживецъ Безбородки по коллегіи иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онъ занялъ мѣсто П. В. Бакунина, т. е. третьяго члена. Въ новыхъ рукахъ дѣла не могли идти тѣмъ твердымъ и разумнымъ порядкомъ, какъ они шли при Безбородкѣ: обнаружились колебанія и противорѣчія. Такъ, по польскому дѣлу, для котораго съ такою поспѣшностью Безбородко отозванъ былъ изъ Яссъ, чтобы „учинить съ польскими вельможами рѣшительное положеніе", у Зубова пущены были въ ходъ и давно оставленный планъ князя Потемкина, и измышленія самого Моркова. Зубовъ стѣснялся Безбородкою, избѣгалъ его, но по наружности отдавалъ ему первенство и помимо его никого не опредѣлялъ ко двору.

Собственно говоря, положеніе дѣлъ было такое, какого Безбородко давно желалъ для себя. Изъ его вѣдѣнія оказалась изъятою хлопотливая обязанность докладовъ по всѣмъ дѣламъ, что̀ взялъ на себя Зубовъ; а за нимъ осталась честь являться въ важнѣйшихъ случаяхъ къ государынѣ, въ тѣхъ именно, когда требовались испытанный государственный умъ и преданнѣйшая вѣрность. Естественно въ то же время допустить, что Безбородко, увидѣвъ свои дѣла и обязанности въ рукахъ Зубова, почувствовалъ невольное огорченіе. Въ слѣдъ за Зубовымъ выдвинулись при дворѣ и новые люди, которые не раздѣляли воззрѣній Безбородки и его друзей. Это обстоятельство уже не могло не возбуждать въ немъ сожалѣнія о прежнемъ значеніи и непріязни къ сопернику. Сдержанная вражда между молодымъ фаворитомъ и заслуженнымъ секретаремъ усилилась и перешла въ открытую борьбу. Можно предполагать, что дѣло уладилось бы само собою, если бы одинъ изъ соперниковъ подалъ другому руку. Но Зубовъ, не смотря на свою неопытность, не хотѣлъ первый обратиться за совѣтомъ къ Безбородкѣ. Послѣдній, въ свою очередь, считалъ для себя унизительнымъ обнаружить искательство передъ новымъ любимцемъ придворнаго счастія, когда и къ покойному князу Потемкину „не учащалъ", даже во время „самаго тѣснаго согласія съ нимъ". Между тѣмъ Екатерина искренно желала, чтобы старый преданный дѣлецъ Безбородко взялъ подъ свое руководство молодого царедворца, изъ котораго она хотѣла создать энергическаго дипломата: она не разъ намеками предлагала графу поговорить съ Зубовымъ о томъ или другомъ дѣлѣ. Но соперники были уже непримиримы. Понятно, что такая сильная борьба, поведенная Безбородкою противъ порядковъ, установленныхъ новымъ фаворитомъ въ его отсутствіе, не могла бытъ пріятна Екатеринѣ. Какъ ни скроменъ и уклончивъ, даже какъ ни правдивъ, по словамъ Воронцова, былъ Зубовъ, но при своихъ близкихъ и постоянныхъ отношеніяхъ къ императрицѣ онъ едва-ли воздерживался отъ наговоровъ на Безбородку. Сама Екатерина, по всей вѣроятности, была тревожима тѣмъ, что старый царедворецъ отказывался уступить свое мѣсто молодому ея фавориту и безъ сомнѣнія чувствовала досаду на отсутствіе въ Безбородкѣ прежней безусловной поспѣшности къ исполненію ея приказаній. Всѣ эти обстоятельства послужили поводомъ къ тому, что у Екатерины зародилось неудовольствіе на своего стариннаго совѣтника и довѣреннѣйшаго секретаря.

Наступившій 1793 годъ Безбородко рѣшился провести въ Москвѣ, служившей убѣжищемъ для недовольныхъ вельможъ. Пока онъ ѣздилъ въ Москву, въ Петербургѣ разнесся слухъ, что онъ намѣренъ даже уѣхать за границу. Поѣздка въ Москву оказалась неудачной для Безбородки: четыре недѣли онъ провелъ здѣсь въ тяжкой болѣзни, отъ которой едва оправился. По возвращеніи въ Петербургъ Безбородко

ясно увидѣлъ, что онъ находится, выражаясь его словами, „въ весьма непристойной роли, которую онъ составляетъ въ публикѣ". Интрига враговъ его дошла до крайнихъ предѣловъ: „дискредитированіе" пыталось навести тѣнь на честное имя Безбородки, на его свѣтлый умъ и его извѣданную добросовѣстность. Въ такомъ критическомъ положеніи онъ прибѣгнулъ къ послѣдней мѣрѣ для разъясненія своихъ отношеній съ Екатериною. Онъ рѣшился чистосердечно изложить государынѣ свои мысли по поводу „тѣсно ограниченной сферы дѣлъ", въ которой онъ очутился. Съ этою цѣлію Безбородко представилъ государынѣ обширную записку, обозначивъ на заглавномъ ея листѣ: „Къ собственному Вашего Императорскаго Величества прочтенію". Эту записку графъ Безбородко подалъ 30 іюня 1793 г., въ Царскомъ Селѣ, по совѣту Храповицкаго, чрезъ камердинера Зотова. На другой день, 1 іюля, Храповицкій записалъ: „Поутру записка читана со вниманіемъ, никому не показывана, и съ отвѣтомъ на трехъ страницахъ запечатана, и къ графу Безбородку возвращена. Зотовъ сказывалъ, что ни при чтеніи, ни при писаніи отвѣта не сердились, но задумчивость была примѣтна. Графъ, получа сей отвѣтъ, уѣхалъ въ городъ".

Содержаніе отвѣта Екатерины занесено Храповицкимъ въ дневникъ его: „Графъ Безбородко далъ мнѣ прочитать отвѣтъ на записку его собственноручный Ея Величества. Въ немъ изображена: ласка, похвала службы и усердія". Отвѣтъ, которымъ Екатерина удостоила записку Безбородки, далъ ему почувствовать, что положеніе его государыня вполнѣ понимаетъ и находитъ естественнымъ, а обидчивость его на стѣсненіе предоставленной ему сферы дѣлъ несправедливою; но въ этомъ же отвѣтѣ ясно слышится тонъ старинной высокой покровительницы, считающей Безбородку столь къ себѣ близкимъ, что передъ нимъ и можно и стòитъ оправдывать себя въ новомъ, непривычномъ и тяжеломъ для него положеніи. Екатерина продолжала цѣнить и дарованія и службу Безбородки, и интригѣ не удалось поколебать ея взглядовъ въ этомъ отношеніи. Съ другой стороны, въ отвѣтѣ такъ же ясно просвѣчивался намекъ на то, что приближеннѣйшимъ къ себѣ лицомъ, и даже по дѣламъ, императрица имѣетъ еще другого человѣка.

Вполнѣ милостивое расположеніе Екатерины къ Безбородкѣ обнаружилось 2-го сентября 1793 года, въ день, когда совершилось давно уже предназначенное празднованіе заключеннаго Безбородкою съ турками Ясскаго мира. Въ росписи наградъ, объявленныхъ по случаю этого празднованія, между прочимъ, читаемъ: „Дѣйствительному тайному совѣтнику графу Безбородку, за службу его въ заключеніи мира, всемилостивѣйше жалуется похвальная грамота и масличная вѣтвь, да притомъ деревня".

Въ послѣдующіе годы царствованія Екатерины хотя и возстанови-

лись прежнія отношенія Безбородки къ императрицѣ, но уже довѣренный секретарь не имѣлъ того вліянія на дѣла, хотя и видимо былъ отличаемъ отъ другихъ царедворцевъ. Екатерина поручила ему быть шаферомъ великой княжны Александры Павловны, сдѣлала его оберъ-гофмейстеромъ, и наконецъ предсѣдателемъ комитета по перечеканкѣ мѣдной монеты, учрежденнаго по проекту Зубова.

Насколько имѣлъ графъ Безбородко вліянія на внутреннія дѣла, видно уже изъ огромнаго количества актовъ и документовъ, прошедшихъ черезъ его руки. Безъ преувеличенія можно повторить слова академика Устрялова, что „рѣдкое изъ внутреннихъ учрежденій въ Имперіи было издаваемо безъ совѣта и поправокъ Безбородки“.

Манифестъ 6 ноября 1796 года возвѣщалъ русскому народу, что „къ крайнему прискорбію всего императорскаго дома, отъ сея временныя жизни, по 34-хъ лѣтнемъ царствованіи, переселилась въ вѣчность Императрица Екатерина II“, и что на престолъ взошелъ ея сынъ и наслѣдникъ императоръ Павелъ I. Обласканный новымъ государемъ, Безбородко не переставалъ оплакивать монархиню: ни увѣренія Павла въ благосклонности, ни лестный его отзывъ о немъ, конечно, переданный ему Растопчинымъ, не могли утѣшить убитаго горемъ оберъ-гофмейстера.

Павелъ вступилъ на престолъ на 43-мъ году отъ роду, съ накопившеюся жаждою къ работѣ, съ стремленіемъ къ педантической исполнительности и съ рыцарскою честностію. Качества эти онъ выработалъ въ гатчинскомъ уединеніи, отстраненный совершенно отъ государственныхъ дѣлъ. Онъ зналъ, что ими заправляли сановники его матери, утомленные дѣлами, привыкшіе къ покою и сибаритству. Явились, потому, новые любимцы и довѣренныя лица: Куракины, Ростопчинъ, Нелидова, Кутайсовъ и еще нѣсколько человѣкъ, не боявшихся гатчинской скуки. Ближе другихъ стали къ государю Нелидова, Ростопчинъ и Безбородко. Прочія лица пользовались непродолжительнымъ довѣріемъ Павла. За новыми назначеніями на высшія должности быстро слѣдовали увольненія отъ нихъ. Причина такихъ быстрыхъ перемѣнъ заключалась, безъ сомнѣнія, въ горячности характера государя, а быть можетъ, и въ интригахъ лицъ, окружавшихъ его. И. И. Дмитріевъ въ своихъ запискахъ именно говоритъ, что царедворцы строили ковы другъ противъ друга, выслуживались тайными доносами и возбуждали недовѣрчивость въ государѣ. Жизнь двора и высшаго круга столицы совершенно измѣнилась съ воцареніемъ новаго императора: нѣжившіеся до полудня въ будуарахъ вельможи въ 7-мь часовъ утра должны были являться къ государю. Роскошная и праздная жизнь, къ которой особенно привыкли царедворцы въ послѣдніе годы жизни Екатерины, замѣнилась скрытностію и опасеніемъ за одно слово попасть изъ дворца въ деревню и въ Си-

бирь. Одинъ только графъ Безбородко умѣлъ сохранить довѣріе Павла до самой своей смерти. Государь цѣнилъ въ немъ его короткое знакомство съ государственными дѣлами.

9 ноября 1796 года Павелъ возвелъ Безбородку въ первый классъ и повелѣлъ остаться ему при прежнихъ должностяхъ.

Очутившись такимъ образомъ вновь въ кругу самой разнообразной дѣятельности, Безбородко сталъ теперь приближеннѣйшимъ къ престолу царедворцемъ. По словамъ Болотова, „говорили и писали около сего времени, что при государѣ только два человѣка, Безбородко и Трощинскій: одинъ министръ, а другой секретарь, что всѣ другіе докладчики замолчали", и что Безбородко, какъ „первый министръ", долженъ былъ являться къ государю всякое утро. Въ концѣ марта дворъ переѣхалъ въ Москву. Торжественный въѣздъ Павла изъ Петровскаго дворца въ Кремль и оттуда въ Слободской дворецъ совершился въ Вербное Воскресенье. Безбородко употребилъ всѣ усилія къ блистательному пріему высочайшихъ особъ, избравшихъ его московскій домъ мѣстомъ для своего пребыванія. „За недѣлю до коронаціи", писалъ Безбородко къ своей матери, „когда Ихъ Величества имѣли торжественный въѣздъ въ Москву и въ мой домъ на пребываніе прибыли, пожаловали мнѣ: Его Величество портретъ на голубой лентѣ, а Государыня Императрица перстень съ ея портретомъ".

На коронаціи, 5-го апрѣля, въ первый день Пасхи, Безбородко былъ однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ письмѣ къ своей матери, Безбородко разсказывая, что онъ получилъ по этому случаю еще значительную недвижимую собственность, прибавляетъ: „Когда я пришелъ на тронъ для принесенія всеподданнѣйшей благодарности, то былъ пораженъ новымъ и всякую мѣру превосходящимъ знакомъ монаршаго благоволенія, о которомъ и предваренъ я не былъ. Тутъ прочтенъ былъ указъ Сенату, коимъ Его Величество возводитъ меня въ княжеское Россійской имперіи достоинство, присвояя мнѣ титулъ свѣтлости и жалуя, сверхъ того, еще 6 т. душъ въ потомственное владѣніе въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ я самъ выберу".

Въ началѣ апрѣля 1797 года 72-лѣтній канцлеръ графъ Остерманъ былъ уволенъ въ отставку, а на его мѣсто былъ назначенъ князь Безбородко. Борьба съ Наполеономъ западной Европы поглощала въ то время политику нашего двора, которая не мало обязана дипломатическому генію князя Безбородки. Онъ въ правѣ былъ потому сказать молодымъ дипломатамъ: „не знаю, какъ будетъ при васъ, а при насъ ни одна пушка въ Европѣ, безъ позволенія нашего, выпалить не смѣла".

Усилившаяся болѣзнь привела Безбородку къ необходимому убѣжденію, оставить службу и ѣхать за границу; среди сборовъ онъ скончался на 52 году своей жизни, 6-го апрѣля 1799 года, въ своемъ

петербургскомъ домѣ, въ которомъ теперь помѣщается Почтовый Департаментъ.

Авторъ біографіи въ заключеніе своего труда говоритъ: „Разсказъ мой о жизни канцлера князя Безбородки конченъ. Эта жизнь полна дѣяній замѣчательныхъ, важныхъ, полезныхъ и славныхъ. Говоря полнѣе, Безбородко былъ геніально-умный человѣкъ, научно и художественно образованный царедворецъ, искуснѣйшій дипломатъ, прекрасно понимавшій тогдашнія международныя отношенія, и находчивый министръ, ясно видѣвшій положеніе Россіи, любящій родственникъ, преданный другъ, всѣмъ доступный сановникъ, всегдашній радѣтель о благѣ отечества, неутомимый работникъ на службѣ и изящный сибаритъ въ часы отдыха. Нельзя его потому ставить идеаломъ нравственности для будущихъ поколѣній, но по неутомимости въ работѣ, по сочувстію къ наукѣ и искусствамъ и по государственнымъ заслугамъ онъ всегда будетъ звѣздою, къ которой пристально будетъ присматриваться потомство".

Уже эти немногія извлеченія изъ составленной г. Григоровичемъ біографіи могутъ дать нѣкоторое понятіе о томъ, какъ много этотъ трудъ представляетъ новыхъ драгоцѣнныхъ свѣдѣній. Правда, что значительная часть заключающихся въ этомъ трудѣ свѣдѣній сообщена авторомъ подлинными словами документовъ, особенно писемъ Безбородки, но это, по нашему мнѣнію, никакъ не составляетъ недостатка, а напротивъ придаетъ представленнымъ фактамъ особенный интересъ, и мы не можемъ не согласиться съ приведенными въ предисловіи г. Григоровича словами кн. Вяземскаго, что „письмо — это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ", и что „самыя полныя, самыя искреннія записки (мемуары) не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какимъ дышатъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда, или по крайней мѣрѣ на ту минуту, проговаривающеюся рукою". Поэтому-то, прибавимъ мы, живой интересъ, заключающійся въ подобныхъ документахъ, никакъ не можетъ быть замѣненъ какимъ бы ни было тщательно и умно обработаннымъ изложеніемъ содержащихся въ нихъ фактовъ и мыслей. И авторъ біографіи совершенно правъ, говоря: „Въ письмахъ своихъ Безбородко высказывается весь, со всею накопившеюся на его сердцѣ болью и горечью жизни; только изъ нихъ можно уяснить до нѣкоторой степени привлекательный образъ и своеобразный отличительный отъ другихъ личностей характеръ Безбородки".

Мы признаемъ весьма существенною заслугою г. Григоровича неутомимыя старанія, благодаря которымъ ему удалось собрать такое множество писемъ и другихъ писанныхъ самимъ Безбородкою бумагъ, хотя онъ и сознается, что имъ не выяснено и не найдено многое для подтвержденія фактовъ, очевидно совершившихся. Нѣтъ сомнѣнія,

что будущимъ изслѣдователямъ остается дополнить тѣ пробѣлы, которые не могутъ не оказаться въ трудѣ г. Григоровича и на которые самъ онъ въ разныхъ мѣстахъ его добросовѣстно указываетъ; но мы полагаемъ, что имъ сдѣлано все, чего въ настоящее время можно справедливо требовать, для выполненія предпринятой имъ задачи.

Г. Григоровичъ своею монографіей съ одной стороны положилъ твердое и прочное начало дальнѣйшему изученію плодотворной жизни и дѣятельности Безбородки, а съ другой внесъ важный вкладъ въ литературу исторіи Россіи XVIII вѣка. Поэтому Академія считаетъ особенно отраднымъ обстоятельствомъ представляющійся нынѣ случай увѣнчать разсмотрѣнное сочиненіе преміею гр. Кушелева-Безбородки. Въ ожиданіи появленія въ свѣтъ этого труда, къ изданію котораго г. Григоровичъ обѣщаетъ приложить портретъ канцлера и нѣкоторыя другія иллюстраціи, а также указатель, нельзя въ заключеніе не пожелать ему полнаго успѣха въ довершеніи предпріятія, веденнаго имъ съ такимъ примѣрнымъ тщаніемъ и постоянствомъ, и не присоединить къ тому еще и другого желанія: чтобы въ нашей ученой литературѣ являлось болѣе и болѣе тружениковъ, оживленныхъ такою же любовію къ наукѣ и такимъ же серьезнымъ стремленіемъ къ обогащенію ея основательными трудами.

ЗАМѢТКА ПО ПОВОДУ ОДНОЙ СТАТЬИ [1]).

1877.

Статья „Герцогиня Кингстонъ“, помѣщенная въ XVIII-мъ томѣ „Русской Старины“ изд. 1877, стр. 79—108, составляетъ цѣнное дополненіе къ монографіямъ по исторіи царствованія Екатерины II. Въ числѣ матеріаловъ, которыми авторъ пользовался, онъ добросовѣстно указываетъ на мои примѣчанія къ „Сочиненіямъ Державина“, чтó не всегда дѣлается тѣми, которые изъ этого источника почерпаютъ тѣ или другія печатаемыя ими свѣдѣнія; между тѣмъ въ изданіи Державина съ величайшею строгостью проведено правило означать въ точности, изъ какихъ рукъ получены сообщаемыя подробности. Приводя одно изъ примѣчаній, помѣщенныхъ мною подъ одой „Ко второму сосѣду“, (Т. I, стр. 440), Е. П. Карновичъ говоритъ, что оно не подтверждается свѣдѣніями, найденными имъ въ подлинномъ дѣлѣ объ отдачѣ подъ судъ Гарновскаго. При этомъ, однакоже, г. Карновичъ не обратилъ вниманія на то, что выписанное имъ (къ сожалѣнію, не совсѣмъ точно) примѣчаніе принадлежитъ не мнѣ, а самому Державину, на котораго и падаетъ отвѣтственность за его вѣрность. Составляя свой комментарій большею частію на основаніи собственныхъ моихъ разысканій, я, въ случаѣ неимѣнія стороннихъ матеріаловъ, извлекалъ свои примѣчанія изъ объясненій самого поэта на его сочиненія и всѣ такія заимствованія означалъ поставленными въ скобкахъ начальными буквами: Об. Д. Къ числу такихъ примѣчаній принадлежитъ и приведенное г. Карновичемъ („Русская Старина“ 1877 г. т. XVIII, 107), которое въ подлинныхъ Объясненіяхъ Державина изложено слѣдующимъ образомъ: „Поелику сей Гарновскій былъ любимецъ кн. Потемкина, чрезъ котораго во время турецкой войны переводились изъ Петербурга въ армію великія денежныя суммы, и онъ отчетовъ не давалъ, то и было подозрѣніе, что онъ употреблялъ ихъ незаконно; а для того, когда воцарился императоръ Павелъ, сколько по нелюбви къ Потемкину, столько и по вышесказанному подозрѣнію, Гарновскій былъ посаженъ въ крѣпость, и домъ чрезъ публичную продажу дошелъ въ казну, въ которомъ и помѣщены были конногвардейскія конюшни“. Объясненія Державина напечатаны въ концѣ III-го тома „Сочиненій“ его. Само собою разумѣется, что по мѣрѣ раскрытія и оглашенія историческихъ документовъ, нѣкоторыя изъ

---

[1]) Русская Старина 1877 г., мартъ, стран. 417 — 418.

показаній Державина, какъ и всякаго другого современнаго свидѣтеля событій, могутъ подвергаться дополненіямъ и поправкамъ.

Вотъ еще примѣръ подобнаго случая. Въ примѣчаніи къ стихамъ о Чупятовѣ (въ одѣ „Вельможа“) приведено мною, между прочимъ, свидѣтельство С. Глинки о томъ, что онъ, воспитываясь въ кадетскомъ корпусѣ, однажды тамъ видѣлъ этого чудака. По обстоятельствамъ, упоминаемымъ въ его разсказѣ, это могло быть не прежде 1794 или 1795 года. На это свидѣтельство указалъ и Л. Н. Майковъ въ статьѣ своей о Чупятовѣ („Русскій Архивъ“ 1873 г., стр. 1685). Вскорѣ послѣ того, одинъ неизвѣстный критикъ (г. П—въ въ „Бирж. Вѣд.“ 1873 г., № 272) упрекнулъ насъ обоихъ въ томъ, что мы повѣрили разсказу Глинки, тогда какъ критикъ, бродя въ концѣ пятидесятыхъ годовъ по Смоленскому кладбищу, видѣлъ тамъ могилу Чупятова съ надписью, которая гласила, что онъ умеръ на 64-мъ году жизни, 17-го сентября 1792 года. Но случайное открытіе г. П—ва не было оглашено имъ. Г. Майковъ и я не имѣли повода сомнѣваться въ показаніи Глинки, да и повѣрить его не было никакой возможности, тѣмъ болѣе, что приведенная надгробная надпись впослѣдствіи исчезла, и свѣдѣніе о годѣ смерти Чупятова едва-ли бы можно было гдѣ-нибудь найти: извѣстно, какъ въ этомъ отношеніи бѣдны наши біографическія пособія; Чупятовъ же не такое историческое лицо, которое могло бы имѣть право на особенно внимательное изученіе всѣхъ обстоятельствъ его жизни.

О КНИГѢ ПЕНГО [1]).

Les Français en Russie et les Russes en France. L'ancien régime—L'émigration—Les invasions. Par Leonce Pingaud, professeur d'histoire moderne à la Faculté des lettres de Besançon. Paris. 1886. Perrin et C-ie. XX+482.

1886.

Объемистый томъ, изданный подъ выписаннымъ заглавіемъ, принадлежитъ къ ряду тѣхъ явленій, которыя вызваны пробудившимся недавно у французовъ вниманіемъ къ Россіи и русской литературѣ. Авторъ возымѣлъ счастливую мысль прослѣдить, начиная со временъ Петра Великаго, всѣ сколько-нибудь замѣчательныя сношенія между двумя націями обитающими на противоположныхъ концахъ Европы и издавна питающими взаимное сочувствіе, основанное на всемъ духовномъ и физическомъ существѣ той и другой, на ихъ склонностяхъ и свойствахъ народнаго характера. Но равномѣрно исполнить эту двойственную задачу было невозможно, такъ какъ вліяніе французовъ въ Россіи и значеніе русскихъ во Франціи представляютъ двѣ несоизмѣримыя величины, особенно въ отношеніи къ вопросамъ цивилизаціи и литературы. Поэтому г. Пенго и не рѣшился обработать свой сюжетъ по системѣ, которая вытекала бы изъ идеи выраженной въ заглавіи его книги. Цѣлію его было, какъ онъ заявляетъ въ предисловіи, начертать исторію французской цивилизаціи въ Россіи, опредѣлить ея характеръ, ея ходъ отъ кончины Людовика XIV до паденія Наполеона I, разсмотрѣть, кто были на этомъ отдаленномъ поприщѣ главные представители, какой слѣдъ они по себѣ оставили, въ какой мѣрѣ и въ какихъ отношеніяхъ русскіе воспользовались ихъ трудами и подчинились ихъ вліянію. Посвященная этимъ вопросамъ, книга состоитъ изъ трехъ главныхъ отдѣловъ, по тремъ эпохамъ, на которыя естественно распадается обнимаемое ею пространство времени: періодъ до Екатерины II — Екатерина, Павелъ и революція — Александръ I и Наполеонъ. Каждый изъ этихъ отдѣловъ содержитъ въ себѣ по нѣскольку главъ, а главы разбиты на коротенькія статьи, изъ которыхъ каждая носить особый заголовокъ. Напримѣръ, глава III (Французы въ Россіи при Екатеринѣ II): 1) Философы и экономисты, 2) Художники и купцы. 3) Колонисты и военные. 4) Учителя (Outchiteli). 5) Иллюминаты и іезуиты. Или глава XIV (и послѣдняя): 1) Изгнаніе іезуитовъ. 2) Конецъ французской эмиграціи. 3) Русскіе

---

[1]) Московскія Вѣдомости 1866, № 248.

во Франціи послѣ 1815 года. 4) Французы въ Россіи послѣ 1815 года. При такомъ распредѣленіи крайне интереснаго содержанія, книга читается съ особенною легкостью. Въ концѣ помѣщено нѣсколько любопытныхъ приложеній и алфавитный указатель упоминаемыхъ въ текстѣ личныхъ именъ.

Чтобы судить о степени достовѣрности сообщаемыхъ авторомъ фактовъ, необходимо прежде всего обратить вниманіе на источники, которыми онъ пользовался. Изъ подстрочныхъ ссылокъ, постоянно сопровождающихъ текстъ, видно, что онъ въ основаніе своего труда положилъ весьма обильный матеріалъ и почерпалъ свои свѣдѣнія не только изъ западно-европейской, но и изъ русской исторической литературы. Особенно важными пособіями служили ему изданія нашего Историческаго Общества, *Русскій Архивъ*, *Архивъ Князя Воронцова*, *Русская Старина*, *Историческій Вѣстникъ* и другіе сборники. Кромѣ того, изъ многихъ его замѣчаній можно заключить, что онъ знакомъ и съ сочиненіями лучшихъ нашихъ писателей: онъ цитуетъ Ломоносова, Карамзина, Крылова, Пушкина, кн. Вяземскаго, не говоря уже о новѣйшихъ нашихъ романистахъ. Что касается французскихъ его источниковъ, то исчисленіе ихъ составило бы обширный библіографическій списокъ; между прочимъ ему доступны документы, хранящіеся въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ въ Парижѣ, и онъ часто заимствуется изъ неизданныхъ депешъ французскихъ посланниковъ при русскомъ дворѣ.

При обиліи матеріаловъ новѣйшей русской исторіи, сдѣлавшихся общимъ достояніемъ въ послѣднія три десятилѣтія, многое, что́ мы находимъ въ книгѣ г. Пенго, для насъ уже не можетъ быть ново, но оно тѣмъ не менѣе представляетъ живой интересъ въ той группировкѣ, въ какой у него являются факты, и притомъ наши свѣдѣнія не рѣдко дополняются подробностями, которыя онъ ловко извлекаетъ изъ рукописныхъ или мало извѣстныхъ печатныхъ источниковъ. Конечно, отъ француза и католика трудно ожидать, чтобъ онъ всегда съ должнымъ безпристрастіемъ и объективностью относился къ дѣятельности своихъ соотечественниковъ въ Россіи: можно замѣтить, что г. Пенго иногда преувеличиваетъ ихъ значеніе въ событіяхъ нашей исторіи. Это особенно бросается въ глаза при оцѣнкѣ имъ пребыванія у насъ Жозефа де-Местра и іезуитовъ; но нѣкоторая односторонность въ сужденіяхъ иностраннаго писателя не можетъ вредить достоинству его книги, если онъ не искажаетъ фактовъ, въ чемъ нельзя упрекнуть г. Пенго. Надо отдать ему справедливость, что даже и въ тѣхъ частяхъ своего сочиненія, гдѣ онъ наиболѣе увлекается патріотизмомъ, онъ остается вѣренъ истинѣ въ изложеніи фактовъ, насколько они ему извѣстны по бывшимъ въ его распоряженіи матеріаламъ.

Особенно любопытны свѣдѣнія сообщаемыя имъ о томъ наплывѣ

французовъ въ русскую службу, который былъ вызванъ революціей въ концѣ царствованія Екатерины II и въ послѣдующіе годы. Но уже и ранѣе выселенія изъ Франціи въ Россію происходили въ большихъ размѣрахъ. У императрицы Екатерины было между прочимъ предположеніе основать въ низовьяхъ Волги, около Саратова, колонію изъ жителей Эльзаса и Лотарингіи. Женевецъ Пиктэ и при немъ два француза были главными посредниками для вербованія выходцевъ оттуда. Но энергическія мѣры Шуазеля помѣшали успѣху этого дѣла, и въ то время какъ 12.000 нѣмцевъ были переселены въ Саратовскій край, очень не многіе изъ уроженцевъ названныхъ двухъ провинцій приняли вызовъ; но жизнь въ колоніяхъ скоро имъ опротивѣла, и они промѣняли новое свое положеніе на учительскія мѣста. Не лучше удалась попытка императрицы навербовать полкъ въ Корсикѣ вскорѣ послѣ присоединенія ея ко Франціи. Военный министръ Людовика XV воспротивился исполненію этого плана, которое принялъ на себя какой-то Перетти. Вообще французское правительство очень неблагосклонно смотрѣло на повторявшіяся нерѣдко старанія Екатерины привлекать его подданныхъ на службу въ Россію. Предъ Турецкою войной 1787 года нашъ посланникъ Симолинъ успѣлъ уговорить въ Парижѣ нѣсколькихъ инженеровъ поступить въ армію Потемкина; они потомъ прослыли на Дунаѣ великими знатоками своего дѣла, не смотря на ихъ невѣжество и промахи. Нѣкоторые французы, которыхъ авторъ исчисляетъ поименно, достигли въ русской службѣ почетнаго положенія. Изъ нихъ Дюбоскэ обратилъ на себя особенное вниманіе, благодаря его сношеніямъ съ молодымъ соотечественникомъ, впослѣдствіи знаменитымъ, но въ то время еще неизвѣстнымъ, который также искалъ счастія въ Россіи. Это былъ авторъ не забытаго еще и теперь романа *Paul et Virginie*. Побуждаемый своимъ пылкимъ воображеніемъ и мечтой о славѣ совсѣмъ иного рода, чѣмъ та, какую онъ снискалъ позднѣе, Бернарденъ де-Сенъ-Пьеръ пустился въ Россію съ намѣреніемъ основать въ ней, гдѣ-нибудь на пустынномъ берегу, республику въ родѣ братской общины Пенна. Послѣ множества приключеній ему удалось достигнуть Москвы. Его покровитель Дюбоскэ доставилъ ему мѣсто инженернаго подпоручика, и начальнику артиллеріи Вильбуа вздумалось противопоставить этого щеголеватаго и сентиментальнаго француза фавориту Орлову. Онъ былъ представленъ императрицѣ и надѣялся воспользоваться этою аудіенціей, чтобъ изложить свои планы колонизаціи и поднести особую о томъ записку. Но не тутъ-то было: Екатерина удостоила его лишь разсѣяннаго взгляда, а проектъ его переданъ былъ на разсмотрѣніе Орлову, то-есть навсегда похороненъ [1]. Пробывъ въ Россіи четыре года, Сенъ-Пьеръ поспѣшилъ удалиться.

[1] Въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Гримму (отъ 1-го марта 1780) императрица сравниваетъ какіе-то неразумные планы съ проектами Сенъ-Пьера. „Denn das ist

Говоря о страстной охотѣ, съ какою русскіе издавна стремились въ Парижъ, г. Пенго приводитъ анекдотъ, разсказанный масономъ. Многіе молодые люди знали этотъ городъ лучше тѣхъ, которые весь свой вѣкъ били въ немъ баклуши. Какой-то графъ Бутурлинъ такъ хорошо изучилъ мѣстность всемірной столицы, что могъ выдержать съ однимъ парижаниномъ самый подробный разговоръ о тамошнихъ спектакляхъ, улицахъ, гостиницахъ и памятникахъ. Французъ не могъ надивиться, когда его собесѣдникъ ему признался, что никогда не бывалъ во Франціи. Въ числѣ русскихъ, посѣщавшихъ Парижъ, конечно, не забыты Фонвизинъ и Карамзинъ; изъ писемъ обоихъ приводятся извлеченія, но нашъ авторъ большею частію ихъ отзывомъ не доволенъ. Извѣстно, что Фонвизинъ, передавая свои путевыя впечатлѣнія, не щадитъ французовъ; это навлекаетъ на него упрекъ въ „славянскомъ тщеславіи чрезъ мѣру возбужденномъ отдаленіемъ“ (отъ отечества?) и подаетъ поводъ къ замѣчанію, что Фонвизинъ съ лихвой отплатилъ французамъ за слишкомъ откровенныя сужденія аббата Шаппа. Автору не нравится и строгость, съ какою Карамзинъ осуждаетъ совершавшіяся на его глазахъ явленія революціи; однакожъ г. Пенго отдаетъ справедливость его дальновидности: и приведя нѣсколько строкъ изъ его писемъ, говоритъ: „Такъ въ 1790 году проницательный иноземецъ предвидѣлъ 1793 и инстинктивно произнесъ фразу, которую ужасный опытъ исторгъ позднѣе Vergniaud: революція, какъ Сатурнъ, пожираетъ собственныхъ своихъ дѣтей“. Но вслѣдъ затѣмъ авторъ, разобравъ отзывы нашего путешественника, приходитъ къ заключенію, что онъ не понимаетъ смысла революціи и служитъ вѣрнымъ представителемъ русскаго на нее взгляда. Автору кажется страннымъ что „для приверженцевъ власти Россія должна остаться крѣпостью и примѣромъ. Русскій Царь, замѣчено тутъ, первый задумаетъ священный союзъ, а Карамзинъ напишетъ тогда, какъ манифестъ реакціи и народныхъ предразсудковъ, исторію своего отечества“. Этими словами кончается глава, озаглавленная именемъ нашего исторіографа.

Съ большимъ тщаніемъ обработаны главы о тѣхъ лицахъ, которыя, переселясь въ Россію, играли въ ней замѣтную роль на томъ или другомъ поприщѣ общественной дѣятельности. Здѣсь на первомъ мѣстѣ мастерски очерченъ Сегюръ, какъ стоявшій во главѣ тѣхъ „блестящихъ дворянъ, которые, накапунѣ революціи, будучи утомлены суетными развлеченіями двора и видя въ Екатеринѣ будущую избавительницу Греціи, стремились принять участіе въ борьбѣ съ Турціей“. Недавно они сражались въ Америкѣ за права человѣка, теперь они

---

eben so raisonnable wie die Projecte des Abts von St.-Pierre“. (*Сборн. Истор. Общ.* т. XXIII стр. 175.)

шли воевать за интересы государственные и религіозные, которые вмѣстѣ съ тѣмъ были интересами философіи и просвѣщенія. За Сегюромъ слѣдуютъ: Roger de-Damas съ его романическою біографіей, принцъ Нассау-Зигенъ, Ланжеронъ, герцогъ Ришелье, Сенъ-При, Траверсе; являются также принадлежащіе къ другой категоріи дѣятелей аббатъ Николь и братья Жозефъ и Ксавье де-Местръ. Изо всѣхъ этихъ лицъ, на характеристикѣ которыхъ мы не будемъ останавливаться, менѣе другихъ извѣстенъ Роже-Дама. Этотъ молодой французъ знатной фамиліи, живя въ провинціи, случайно узналъ изъ газетъ о готовившейся между Россіей и Турціей войнѣ и съ юношескимъ пыломъ полетѣлъ искать опасностей и славы. Въ Елисаветградѣ онъ явился къ принцу де-Линь, который представилъ его Потемкину, и чрезъ двѣ недѣли получено было отъ императрицы разрѣшеніе принять его въ русскую службу. Онъ отличился рѣдкою отвагой при взятіи Очакова и штурмѣ Измаила. Около того же времени прибылъ на берега Чернаго моря принцъ Нассау-Зигенъ, нѣмецъ, натурализованный во Франціи. Увидѣвъ этого уже прославившагося своею храбростью иностранца въ генеральскомъ мундирѣ, Потемкинъ, послѣ нѣкотораго колебанія, рѣшился отдать въ его распоряженіе свою флотилію. „Такъ называлось безобразное сборище множества негодныхъ суденковъ всѣхъ возможныхъ формъ и всякаго размѣра, управляемыхъ людьми, которые не были ни матросы, ни солдаты, ни офицеры, но были русскіе или по крайней мѣрѣ служили русскимъ и кипѣли отвагой“. Кавалеръ Россетъ, тоже французъ, подалъ записку о способѣ употребленія этой флотиліи: она должна была маневрировать въ устьяхъ Днѣпра и мѣшать турецкому флоту подвозить Очакову провіантъ. Русскій флотъ, при всѣхъ своихъ успѣхахъ, не могъ еще равняться съ флотами другихъ европейскихъ державъ и повсюду искалъ себѣ начальниковъ, какъ во время Вильбуа и Петра Великаго. Тогда-то Поль-Джонсъ прибылъ изъ Англіи, Рибасъ изъ Неаполя, Варежъ и Ворбуа изъ Франціи. При Измаилѣ отличались между прочими Ришелье и Ланжеронъ. На другой день послѣ приступа послѣдній былъ представленъ Суворову. „Онъ взялъ меня за руку, — такъ разсказываетъ Ланжеронъ въ своихъ запискахъ, — и спросилъ, гдѣ я получилъ Георгія. Я отвѣчалъ ему: въ Финляндіи вмѣстѣ съ принцемъ Нассау. — „Нассау! Нассау! вскрикнулъ Суворовъ: — это мой другъ!“ и онъ бросился мнѣ на шею. Послѣ минутнаго молчанія онъ продолжалъ „Знаете ли вы по-русски?“. — Нѣтъ, отвѣчалъ я. — „Тѣмъ хуже: это прекрасный языкъ.“ И онъ продекламировалъ нѣсколько стиховъ изъ Державина, которыхъ я, разумѣется, не понялъ; потомъ онъ прибавилъ: „Вы, господа французы, изъ волтеріанизма впали въ жанъжакизмъ, потомъ въ рейнализмъ, а оттуда въ мирабонизмъ, и это; хуже всего“. Замѣтивъ, что я хромаю, онъ спросилъ меня о причинѣ;

я объяснилъ, что повредилъ себѣ ногу при паденіи съ крѣпостного вала. Тогда онъ схватилъ меня въ охапку, взвалилъ себѣ на плечи, и снеся внизъ по лѣстницѣ, оставилъ меня въ грязи, не простившись со мной".

По мѣрѣ приближенія къ новѣйшему времени, къ эпохѣ борьбы Россіи съ Франціей, интересъ книги г. Пенго постоянно возрастаетъ. Удерживаясь отъ отрывочныхъ изъ нея выписокъ, которыя дали бы слишкомъ неполное понятіе о содержаніи цѣлаго сочиненія, остановимся на заключеніи, гдѣ авторъ старается подвести итогъ результатамъ сближенія въ разныя эпохи между обѣими странами. „Въ два пріема, говоритъ онъ, Франція вторгалась въ Россію: при Екатеринѣ II идеями, при Александрѣ I оружіемъ. На этой послѣдней почвѣ въ 1812, 1814 и 1815 годахъ были съ обѣихъ сторонъ побѣды и пораженія, не оставившія по себѣ никакого чувства мести или даже непріязни. Первоначально французское вліяніе обнаруживалось только въ легкой формѣ, путемъ модъ и привычекъ общества. Вслѣдствіе сношеній, созданныхъ случаемъ или прихотью и поддерживаемыхъ суетностью, въ Россіи мало-по-малу возникали новые обычаи, полезныя искусства, плодотворныя идеи. Эти идеи то приходили издалека, то приносились самими философами и эмигрантами. Благодаря Вольтеру и его ученикамъ, слова: вѣротерпимость и гуманность получили, если не непосредственное примѣненіе, то по крайней мѣрѣ понятный смыслъ въ этомъ московскомъ мірѣ (dans ce monde moscovite), до тѣхъ поръ замкнутомъ и сосредоточенномъ въ самомъ себѣ. Въ свою очередь и роялисты-эмигранты расширили, принесенными ими новыми идеями, кругозоръ русскаго общества. Они познакомили его не съ одною только геройскою отвагой и величіемъ души такихъ людей, какъ Роже-Дама и Ришелье; они подали примѣръ рыцарскаго духа и гордости въ повиновеніи". Припомнивъ сказанное въ началѣ нашей замѣтки о нѣкоторыхъ предубѣжденіяхъ автора разбираемой книги, читатель не удивится, встрѣтивъ рядомъ съ приведенными словами слѣдующія: „Такимъ же образомъ латинскіе священники вносили вѣротерпимость, когда они множествомъ потаенныхъ путей проникали въ тѣ сокровенныя части высшаго общества, гдѣ уже существовали инстинктъ и потребность духовной жизни. Тамъ совершали мы внѣ Франціи самыя важныя, истинныя завоеванія нашего 1789 года. Помощію этихъ-то необычайныхъ защитниковъ, на московской почвѣ принялась свобода критики, выражавшаяся какъ въ живомъ словѣ, такъ и въ печати, свобода мнѣній и исповѣданій, все что до тѣхъ поръ было чуждо системѣ іерархіи и молчанія; и совершилось это безо всякой примѣси того разрушительнаго духа, который впослѣдствіи явился подъ именемъ нигилизма. Что касается воздаянія за такой подъемъ цивилизаціи, продолжаетъ нашъ авторъ, то объ этомъ не

можетъ быть рѣчи: идеи не товаръ, ввозимый подъ условіемъ соразмѣрной платы. Когда литераторы восемнадцатаго столѣтія льстили Екатеринѣ, когда они желали ей побѣдъ въ ущербъ французскимъ интересамъ, они не были подъ исключительнымъ вліяніемъ низкой корысти, ищущей матеріальныхъ выгодъ, не побуждались и ненавистью къ своей странѣ: ихъ увлекала филантропія, которая, какъ христіанская любовь, была въ глазахъ ихъ выше любви къ отечеству. Послѣ нихъ эмигранты создали Александру часть его славы: строили ему города, завоевывали области, командовали его флотами или арміями. Французъ соорудилъ Александровскую колонну по образцу аустерлицкой; на царскосельской тріумфальной аркѣ начертана русскимъ царемъ французская надпись въ память его побѣдъ надъ французами [1]). „Позднѣе, когда мы воевали съ русскими на Черномъ морѣ, не находили ли мы повсюду слѣды нашихъ соотечественниковъ на противопоставленныхъ намъ твердыняхъ, — воспоминанія о Ренкурѣ въ Севастополѣ, о Траверсе въ Николаевѣ, о Ришелье въ Одессѣ? По странной случайности, французское ядро ударилось въ статую Ришелье, какъбы въ наказаніе человѣку, который своею великодушною недальновидностью усилилъ державу страшную для его отечества. Итакъ, мы здѣсь, какъ и вездѣ, являлись народомъ легкомысленнымъ и смѣлымъ, не расчитывающимъ ни того что́ онъ дастъ, ни того что́ теряетъ. То же самое мы прежде дѣлали для Америки. Наши дворяне сражались за независимость Соединенныхъ Штатовъ, не заботясь о томъ что нація, которой они помогали, можетъ нѣкогда обратиться въ опасную намъ соперницу; наши священники положили и тамъ, какъ іезуиты въ Россіи, основаніе водворенію католичества; и тамъ и здѣсь всѣ шли впередъ ради величайшаго блага человѣчества или высшаго прославленія Бога; спрашивать у нихъ, чего они ожидали въ обмѣнъ, значило бы не понимать ихъ. Таковъ духъ француза, истрачивающій себя на пользу другихъ, не требуя награды, ни даже благодарности. Пускай же Германія радуется, что доставила правительству царей множество колонистовъ и слугъ, ставшихъ богатыми, сильными, трудолюбивыми орудіями деспотизма (!) и завоеванія. Намъ достаточно знать, что геній Франціи имѣлъ долю участія (l'esprit français est pour quelque chose) въ движеніи Россіи къ истинной цивилизаціи и истинной свободѣ".

Эта длинная выписка казалась намъ тѣмъ болѣе умѣстною, что въ ней вполнѣ выражена основная точка зрѣнія автора, который, несмотря на нѣкоторыя естественныя съ его стороны увлеченія, заслуживаетъ полной нашей благодарности за серіозный трудъ, имѣющій

---

[1]) „A mes chers compagnons d'armes", надпись на наружной сторонѣ воротъ Царскосельскаго сада.

не только достоинство заманчиваго изложенія любопытныхъ для насъ фактовъ, но и существенно пополняющій въ частностяхъ отдѣлъ исторіи, которому посвящено его содержаніе.

Крупныхъ промаховъ, столь обычныхъ у иностранныхъ писателей, когда дѣло идетъ о Россіи, мы не замѣтили въ этомъ трудѣ; не можемъ однакожъ не упомянуть объ одномъ странномъ недоразумѣніи, въ которое впалъ авторъ. На стр. 111 онъ полагаетъ что Кутузовъ, учившійся въ Страсбургѣ около конца прошлаго столѣтія, былъ знаменитый впослѣдствіи побѣдитель Наполеона или, какъ выражается г. Пенго, „le futur vaincu d'Austerlitz". Уже по одному своему возрасту въ данное время это не могъ быть Кутузовъ-Смоленскій (род. въ 1745 г.); вѣроятно тутъ надо разумѣть Алексѣя Михайловича Кутузова, посланнаго за границу отъ московской ложи по масонскимъ дѣламъ. Впрочемъ, не имѣя подъ рукой справочныхъ пособій, мы не можемъ положительно опредѣлить, кто былъ этотъ Кутузовъ.

Будущій продолжатель г. Пенго въ разработкѣ избранной имъ задачи разскажетъ о новомъ движеніи, совершающемся въ современной намъ французской литературѣ къ основательнѣйшему изученію Россіи, къ усвоенію произведеній русскихъ писателей и можетъ быть признаетъ пророческимъ извѣстный стихъ Вольтера:

„C'est du Nord aujourd'hui que nous vient la lumière"

СТАРИННЫЙ ДАТСКІЙ ДОКУМЕНТЪ О РАЗОРЕНІИ ПЕЧЕНГСКАГО МОНАСТЫРЯ ВЪ 1589 ГОДУ [1]).

1890.

Въ норвежскомъ государственномъ архивѣ, въ отдѣленіи Groends reguleringen P. 27 L. J., хранится документъ, относящійся до разгрома Печенгскаго монастыря шведами въ 16 стол. Помощникъ начальника сего архива г. H. J. Huitfeldt-Kaas обязательно сообщилъ нашему консулу въ сѣверной Норвегіи копію сего документа съ примѣчаніемъ, что подлинникъ по всей вѣроятности представляетъ собою донесеніе, посланное изъ Вардэ тогдашнимъ губернаторомъ (Lensherre) Jórgen Kaas въ Копенгагенъ датскому дворянину Meilgaard'у, бывшему комендантомъ замка съ 1587 по 1596 г. Въ 1851 году документъ этотъ былъ возвращенъ въ Норвегію при общей передачѣ дѣлъ датскаго секретнаго архива въ норвежскій государственный архивъ.

Означенный документъ, писанный на старомъ норвежскомъ языкѣ, представляетъ собою тетрадку въ 4 листа и содержитъ списокъ жертвъ разгрома, произведеннаго на Сѣверѣ шведами въ 1589 году.

На первой страницѣ записаны имена убитыхъ шведами лопарей: 5 мужчинъ, 3 мальчиковъ, 5 женщинъ и 4 дѣвушекъ и затѣмъ прибавлено замѣчаніе, что въ Волоковой губѣ (Bommenj) были убиты 10 женщинъ съ дѣтьми, но именъ ихъ фогедъ записать не могъ, такъ какъ на мѣстѣ въ живыхъ никого не оказалось.

На страницѣ 2-й записаны имена убитыхъ: 4 мужчинъ, 3 мальчиковъ, 1 женщины и 2 дѣвушекъ съ примѣчаніемъ, что названные лопари платили дань его величеству королю датскому и русскому великому князю.

Затѣмъ записано имя Syckum Thudessen, платившаго подати датскому королю и королю шведскому и русскому великому князю.

Далѣе на страницѣ 3-й приведено слѣдующее замѣчаніе:

Фогедъ изъ Вардехуса не могъ собрать никакой подати, такъ какъ въ тотъ годъ лопари были ограблены шведами, отнявшими у нихъ все, что тѣ имѣли. Ни королю норвежскому и датскому, ни королю

---

[1]) Сборникъ Отд. р. яз. и сл., т. 51, Спб. 1890, Приложеніе къ Протоколамъ Отдѣленія, стр. XIV — XIX. Этотъ документъ былъ доставленъ Я. К. Гроту почетнымъ членомъ Академіи барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ, получившимъ его отъ нашего консула въ сѣверной Норвегіи Д. Н. Островскаго. Настоящее сообщеніе о немъ было подъ редакціей Я. К. напечатано въ „Сборникѣ".

Ред.

шведскому, ни великому князю русскому подати не могли быть собраны. Лопари говорили шведамъ, что за сборомъ податей его в. королю датскому придетъ фогедъ изъ Вардехуса и чтобы они этихъ податей не брали, но шведы отвѣчали, что для нихъ все одно, кому предназначается дань, и отняли у лопарей большую часть оленей, такъ что, когда пріѣхалъ фогедъ, то онъ по недостатку оленей долженъ былъ остановиться за четверть пути до того мѣста, до котораго онъ обыкновенно доѣзжалъ, собирая подати.

Со страницы 4-й начинается поименный списокъ убіенной шведами братіи Печенгскаго монастыря (Pessanntt). Первымъ записано имя игумена Гурія и 3-хъ іеромонаховъ (prester):

Пахомія (Packum).
Іосифа (Josep).
Іоны (Jionno).

Конецъ 4-й страницы и почти вся 5-я заняты 38 именами убіенной братіи (muncker). На страницѣ 6-й начинается именной списокъ находившихся въ монастырѣ рабочихъ и, вѣроятно, богомольцевъ (arbedtz folck). Записано ихъ всего 51 человѣкъ и, сверхъ того, записаны еще имена двухъ женщинъ Акулины и Афимьи, жившихъ на монастырскомъ скотномъ дворѣ и также убитыхъ шведами.

Страница 7-я заканчивается слѣдующею замѣткою:

„Всѣхъ ихъ шведы сожгли вмѣстѣ съ монастыремъ. Сожгли они также всѣ постройки, церковь, большую часть имущества, скотный дворъ и мельницу. Сожгли также поселокъ подъ названіемъ Викитъ (Wickitt), гдѣ была монастырская гавань, всѣ карбасы и лодки, а находившіяся въ гавани суда изрубили на части".

Стр. 8: „И такъ отъ монастыря не осталось ни одного строенія, кромѣ бани, стоявшей невдалекѣ, да двухъ землянокъ, находившихся на двухъ маленькихъ островкахъ, куда шведы не могли проникнуть. Вардэхусъ 7 августа года 90".

Вѣрность копіи съ подлинникомъ засвидѣтельствована г. Гюйфельдтомъ Косъ, помощникомъ начальника архива, въ Христіаніи 4 мая 1889 года [1]).

---

[1]) Тутъ въ „Сборникѣ" приводится и самый документъ въ датскомъ подлинникѣ, воспроизводить который здѣсь считаемъ излишнимъ. *Ред.*

ЗАМѢТКА О КНИГѢ ЦИГНЕУСА[1]).

1850.

Bidrag till de Nordeuropeiska folkslagens historia etc., utgifna af Fredr. Cygnaeus. 1-a Delen. Helsingfors, 1848 [2]). (Матеріалы къ Исторіи Сѣверныхъ народовъ, собранные во Франціи и въ Италіи, Ф. Цигнеусомъ).

Эта книга вообще заслуживаетъ вниманія изслѣдователей исторіи, а для насъ она тѣмъ любопытнѣе, что заключаетъ въ себѣ предметы, частію прямо, частію косвенно относящіеся къ исторіи отечественной. Г. Цигнеусъ, доцентъ исторіи въ Александровскомъ университетѣ, отправленный на счетъ монаршихъ щедротъ за границу, нѣсколько лѣтъ отыскивалъ въ южной Европѣ новыхъ матеріаловъ для исторіи Сѣвера и возвратился на родину съ обильною жатвою, собранною имъ въ архивахъ Италіи и Франціи. Университетъ, по порученію котораго предпринятъ былъ трудъ этотъ, взялъ на себя и издержки печатанія результатовъ его, и такимъ образомъ вышла въ свѣтъ первая часть названной нами книги. Къ изданнымъ нынѣ матеріаламъ г. Цигнеусъ присоединилъ довольно много собственныхъ замѣчаній и объясненій, обѣщая въ слѣдующихъ частяхъ еще болѣе заняться *обработкою* другихъ найденныхъ имъ документовъ, какъ предметомъ, къ которому онъ чувствуетъ несравненно болѣе призванія, нежели къ сухимъ трудамъ простого собирателя.

Всѣ акты, вошедшіе въ составъ разсматриваемой книги, изданы въ подлинникѣ и почти всѣ на французскомъ языкѣ. Главную часть ихъ составляетъ переписка Людовика XIV и его министра Торси съ маркизомъ де-Бонакомъ, французскимъ посломъ при дворѣ Карла XII. Въ этихъ письмахъ дѣло идетъ преимущественно объ отношеніяхъ Франціи къ знаменитому шведскому королю во время его войны въ Польшѣ. Людовикъ XIV, вовлеченный въ борьбу почти со всею Западной Европой, чрезвычайно дорожитъ дружбою сѣвернаго героя и всячески старается склонить его къ союзу съ Франціею или по крайней мѣрѣ убѣдить его перенести оружіе въ Саксонію. Карлъ, соблюдая наружный видъ нейтральности, между тѣмъ въ душѣ желаетъ униженія могущественной Франціи и тайно сносится съ врагами ея. Замѣчательно, какое неуваженіе онъ оказываетъ къ иноземнымъ

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1850, т. 65, отд. VI, стр. 46.

[2]) Полное заглавіе: „Bidrag till de Nordeuropeiska folkslagens historia, hämtade ur Sydeuropeiska källor: urkunder och bearbetningar af dessa; utgifna af Fredr. Cygnaeus. Första Delen. Helsingfors, 1848“.

посламъ, не исключая и французскаго, такъ что даже доступъ къ шведскому королю для нихъ чрезвычайно труденъ, и де-Бонакъ не разъ жалуется на это обстоятельство. Съ другой стороны, также любопытно видѣть, какъ блистательный повелитель Франціи, прежде не знавшій преградъ своему властолюбію, теперь, въ старости, унижается предъ кичливымъ юношей, который одною безпримѣрной отвагой приводитъ въ трепетъ всю Европу. Эти отношенія между дворами французскимъ и шведскимъ во время великой Сѣверной войны составляютъ въ Исторіи Карла XII такую сторону, которая до сихъ поръ наименѣе была извѣстна. Отъ того сообщеныя г. Цигнеусомъ депеши, донесенія и письма пріобрѣтаютъ особенную цѣну. Мы видимъ, что дѣятельность Карла, въ началѣ его воинскаго поприща, гораздо болѣе, нежели обыкновенно полагаютъ, была въ связи съ политическими обстоятельствами Франціи. Четыре записки. (mémoires), писанныя вскорѣ по смерти Людовика XIV, показываютъ, какъ въ это время Парижскій кабинетъ, отбросивъ всякую благовидность, старался только извлечь возможную для себя пользу изъ неудачъ и ослабленія Швеціи.

Но для насъ гораздо важнѣе и любопытнѣе пятый *мемуаръ*, составляющій длинное донесеніе неизвѣстнаго лица подъ заглавіемъ: „Mémoire concernant la Livonie et la Courlande, l'estat des forces des Suédois dans ces provinces, les dispositions de leurs frontières et les projets qu'ils font pour continuer la guerre“. Между множествомъ интересныхъ фактовъ, заключающихся въ этомъ документѣ, есть и подробное изложеніе двухъ плановъ вторженія въ Россію, изъ которыхъ въ одномъ цѣлію перваго нападенія избранъ Псковъ, а въ другомъ Архангельскъ. Составитель мемуара не одобряетъ ни того, ни другого проекта. Это лицо, которое, по мнѣнію г. Цигнеуса, не кто иной, какъ упомянутый маркизъ де-Бонакъ, авторъ многихъ другихъ, тутъ же представленныхъ донесеній, вообще обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ извѣстіяхъ, сужденіяхъ и взглядахъ умъ проницательный, дальновидный и много дѣльности. Дѣйствительно, такимъ и является де-Бонакъ во всѣхъ бумагахъ, нѣсомнѣнно принадлежащихъ ему. Касательно военныхъ дѣйствій Карла, послѣ Нарвскаго сраженія, мы въ мемуарѣ читаемъ, между прочимъ слѣдующее: „Cette grande diversion que le Roy de Suède sera obligé de faire de ses troupes, s'il entreprend la guerre contre la Pologne, avant d'avoir réduit les Moscovites à lui demander la paix, ou d'avoir assuré ses frontières de son costé par la prise de quelques places, m'avait fait penser que ce Prince tournerait d'abord tous ses efforts contre les Moscovites, ce qu'il peut faire avec d'autant plus de succès qu'il peut y employer, pour ainsi dire, toutes ses troupes, n'ayant pas à craindre que la République se détermine au moins si tôt à luy déclarer la guerre, et n'étant pas ainsy obligé de

laisser pour la garde de ses frontières de ce costé-là un si grand nombre de troupes que celuy qu'il faudra qu'il employe, si laissant les Moscovites en repos, il s'attache d'abord à poursuivre le Roy de Pologne. Mais ce Prince est assez animé contre luy, et a une assez grande idée de ses forces pour préférer ce sentiment à l'autre. M. le comte de Guiscard croyait avant l'arrivée du dernier transport, qui doit être avec ce qu'on attend encore de 6800 hommes, qu'il n'y avait qu'environ 30.000 hommes de troupes Suédoises dans ce pays; ce qui, joint au dernier transport, ferait 36 à 37000 hommes. Les listes qu'on m'a données depuis que je suis ici sont beaucoup plus fortes et se montent à 48.000 hommes et au delà".

Въ высшей степени занимательны свѣдѣнія, сообщаемыя какъ въ этомъ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ актахъ, о личности, характерѣ, образѣ жизни шведскаго героя, и о войнѣ его, насчетъ котораго въ одномъ мѣстѣ сказано: „La discipline militaire n'est observée dans aucun pays avec plus d'exactitude et de régularité que parmy les Suédois; la subordination y est extrême et il est presque inouy d'entendre murmurer le soldat, quelque chose qu'il souffre... Aussy le Roy de Suède ne veut-il pas qu'on leur montre cette partie de l'exercice qui leur apprend de se retirer en ordre. Il y a aussy une grande piété parmy ses troupes. Le soldat qui prononcerait seulement le nom du diable ou ferait le moindre serment serait puny avec sévérité".

Съ другой стороны, и г. Цигнеусу должно отдать полную справедливость въ томъ, что онъ, пользуясь собранными имъ извѣстіями, представилъ нѣсколько новыхъ и отчасти весьма остроумныхъ мыслей для исторической оцѣнки Карла XII. Въ этомъ отношеніи, приговоры издателя безпристрастны и строги, не смотря не его, можно сказать, энтузіастическое уваженіе къ качествамъ Карла, какъ героя. Конечно, эти сужденія финляндца не могутъ понравиться шведамъ, которые, какъ ни пагубны для ихъ отечества были послѣдствія предпріятій Карла XII, до сихъ поръ боготворятъ память этого державнаго воина. Есть въ книгѣ и другія мѣста, не обѣщающія ей благопріятнаго пріема въ Швеціи, гдѣ національное самолюбіе вообще развито въ сильной мѣрѣ: оно не проститъ издателю ни его безпристрастія въ отношеніи къ Россіи, ни того, что онъ прибавилъ нѣкоторыя новыя черты къ той сторонѣ шведской исторіи, которая всего менѣе можетъ льстить народной гордости людей, называющихъ эту исторію отечественною.

Обстоятельства, сопровождавшія сверженіе польскаго короля Августа II и избраніе ему преемника, составляютъ другой предметъ, о которомъ сообщенные г. Цигнеусомъ документы заключаютъ въ себѣ весьма подробныя свѣдѣнія. Въ послѣднемъ отдѣленіи своей книги издатель помѣстилъ нѣсколько актовъ, не имѣющихъ между собою общей связи и относящихся къ разнымъ государствамъ Сѣверной

Европы. Тутъ мы находимъ: 1) Articuli Privilegiorum, quos Regia Majestas Sueciæ Serenissimo Christianissimoque Gallorum Rege officiose et amice petit.

2) Réponse du Roy de Suède aux articles du Roy de France 1543.

3) Lettre du Roy de Suède au Roy de Pologne, 1582 (письмо писано по-латыни; на немъ отмѣчено: C'est un deffy en suite des menaces du R. de Pologne qui prétendait lui faire restituer ce qu'il avait *conquis sur la Moscovie*).

4) Дипломатическая нота отъ имени шведскаго короля Іоанна III къ королю французскому Карлу IX. — Здѣсь особенно замѣчательна дальновидность, съ какою Іоаннъ проникнулъ стремленіе московскаго двора распространить свои владѣнія до береговъ Балтійскаго моря. „...Ante biennium Moscorum Princeps nulla sana data occasione, nulloque denunciato bello, in Livoniam et Regni Sueciæ Ducatum Finlandiam irruptionem fecit, et civitatem Revaliam, aliaque in Livonia loca, quæ suae Majestatis subdita sunt regno ad octo menses obsedit. Haec autem in hunc finem a Moschorum Principe acta esse comperta sunt, *ut omnes occasiones captet, quomodo praedictas suae Majestatis terras sibi astutia et vi subjicere et consequenter totius maris Baltici dominus fieri possit*". Итакъ, замѣчаетъ г. Цигнеусъ, Густавъ Адольфъ не первый изъ шведскихъ королей ясно понималъ опасность, которою политика Россіи угрожала народу, прежде утвердившемуся на берегахъ Балтійскихъ водъ. Какъ мы уже видѣли, Карлъ XII былъ совершенно лишенъ этой ясности взгляда. Та же Швеція, которая впослѣдствіи научилась бояться всего, ничего не умѣла бояться долгое время послѣ того, какъ продиктовала миръ Вестфальскій".

Пропустя нѣсколько актовъ, менѣе замѣчательныхъ, упомянемъ о грамотѣ датскаго короля, данной въ 1629 году въ пользу французскихъ купцовъ, проходящихъ чрезъ Зундъ для торговли съ Россіею (pour trafiquer en Moscovie). За симъ слѣдуетъ любопытное донесеніе французскаго посланника Шаню (Chanut) о пріемѣ королевою Христиною московскаго посольства, прибывшаго къ ней 1646 г., съ извѣщеніемъ о вступленіи на престолъ царя Алексія Михаиловича. Въ помѣщенномъ тутъ же письмѣ: „à M. de Gremonville", читаемъ слѣдующій интересный разсказъ, свидѣтельствующій о добродушіи бывшихъ въ Стокгольмѣ русскихъ пословъ: „Deux hommes ayant esté condamnés à mort en mesme jour de la semaine passée, l'un d'eux estant mené au supplice au bout de la huictaine qu'on leur avait accordée pour se préparer à mourir, et voyant l'appareil, prit si grand estonnement que ne jugeant pas qu'il fust en estat de finir avec assez de jugement pour disposer de sa conscience, il s'advisa de dire qu'on l'avait ennivré et qu'il ne lui restait pas assez de force en l'esprit pour mourir Chrestiennement. On le reconduisit à la prison et sans difficulté on lui

accorda quatre jours pour le mieux préparer, au bout desquels il est mort de bonne grace.

„La fortune de l'autre a esté fort différente. Il estait amoureux d'une fille avec laquelle il estait en dessein de mariage; pendant ces huict jours de delay elle le visite en la prison, et tous deux présentent requeste à la justice à fin qu'il leur fust permis de se marier, non obstant la condamnation de mort. On en communique aux Ecclesiastiques qui après contestation respondent qu'en conscience les parties pouvaient contracter et accomplir le mariage. La requeste est portée à la Reine qui permet deux jours devant celuy qui estait destiné au supplice. Apres ces deux jours de jouissance les pauvres amans demandent un second delay de quatre jours. La Reine le leur accorde; toute la cour s'empresse à supplier la Reine pour donner la vie au criminel. Elle demeure ferme dans le refus, pour ce qu'en effet l'action du condamné avait esté tres noire. La veille du jour qu'on luy devait trancher la teste, les Moscovites eurent leur dernière audience, et sans autre interest que celuy de la rareté du faict demanderent la vie de ce pauvre homme avec tant d'affection que la Reine se laissa vaincre aux prières de ces Ambassadeurs et leur accorda cette grace".

Наконецъ изъ рукописи того же Шаню приведено мѣсто, важное для объясненія первоначальнаго повода къ посольству, въ свитѣ котораго посѣтилъ Россію знаменитый Олеарій. Содержаніе этого отрывка такъ занимательно, что мы рѣшаемся, въ заключеніе нашихъ выписокъ, представить здѣсь бо̀льшую часть его: „La chose estait qu'en 1638 le roy d'Espagne, le Roy de Dannemark et le Duc d'Holstein formèrent un dessein de ruiner le commerce des Provinces unies des Paisbas et en même tems conquerir la Suède à armes communes. Pour le commerce des Hollandois ils pensèrent qu'il serait diminué de la moitié en fermant la mer Baltique à leurs flottes, ce qui auroit esté fait si le Roy de Dannemark se fût rendu maistre de la Suède à l'aide des Espagnoles, car la convention estait que cette conqueste luy demeurerait, et d'autre part pour retrancher aux mesmes Hollandois le commerce du Levant, ils crurent à la persuasion d'un Allemand appelé Brokman, qui avait demeuré plusieurs années en Espagne, qu'on pouvait destourner le commerce des soyes avec le Persien par un chemin plus seur et plus court, en faisant passer les marchandises au travers des Estats du Moscovite, qui confine la Perse, et que ce pouvait se faire par les rivières avec grande facilité jusques à la mer Baltique, où estant embarqués on proposait de les conduire en l'Océan non pas par le destroit de Sund, qui est d'un long circuit, mais par un canal, qu'on ouvrirait dans le Holstein, et qu'en effet on commença alors pour donner communication entre l'océan et la mer Baltique. Sur ce plan ces trois Princes travaillèrent à l'exécution chacun de son costé. Le Duc Fredric d'Holstein envoya Brokman

et le colonel Reusner en ambassade vers le Roy de Perse avec quelques uns des siens, auxquels il n'avait rien confié de cette affaire dont Brokman estait l'instrument, comme estant le principal entremetteur en cette affaire, et qu'on descouvrit aussy à Reusner pour ce qu'on le voulait pour second au cas que l'autre vint à mourir au voyage, et le desirait gaigner entièrement à cause qu'il avait pris, estant en Hollande, quelque connaissance avec les Envoyés du Roi de Perse. Toute l'Allemagne fit raillerie de cette Ambassade et tint l'action du Duc pour une extravagance. On s'estonnait aussy de la grande despense qu'il faisait à commencer d'ouvrir ce canal sur une espérance de commerce si peu fondée. Les Ambassadeurs néanmoins pénétrèrent jusques en Perse; leur proposition y fut bien receue, et en repassant ils offrirent au Grand Duc dix tonnes d'or, qui sont trois millions, annuellement pour la liberté du passage dans ses Estats, et pour ce que pour arriver jusques à la mer Baltique il faut passer la Livonie tenue par les Suèdois, ils presentèrent à cette couronne quatre tonnes d'or pour avoir le chemin libre. On ne respondit rien en Suède à cette proposition qu'on tenait pour ridicule; mais le Chancelier Oxenstiern disait toujours que le Duc d'Holstein estant un Prince sage il fallai qu'il eust quelque chose de mystérieux en ce dessein qu'il ne pouvait descouvrir. Le Roy de Dannemark de son costé assembla des troupes sous divers pretextes, et bien qu'il les tint divisées pour diminuer les soupçons de ses voisins, on sceut qu'elles montaient à près de vingt mille hommes et outre cela il faisait travailler à tous ses ports et tenir ses navires en estat de servir. Comme toutes choses furent préparées de ce costé là, le Roy d'Espagne envoya cette grande flotte en 1639 qui devait mettre les nouveaux soldats dont elle estait chargée dans les garnisons de Flandres, et prendre des vieilles troupes pour passer le Sund et aller faire descente pres de Stocholm, où le Roy de Dannemarc se devait aussy rendre avec une armée de terre au mesme temps. Il est certain que si ce dessein eut esté ainsy executé à l'improviste, la Suède eut esté exposée à un trés grand péril; mais la flotte d'Espagne ayant esté arrestée et deffaite aux Dunes d'Angleterre par l'admiral Trompe, tout ce grand projet s'esvanouit".

Приведенными извлеченіями желали мы обратить вниманіе русскихъ изслѣдователей исторіи на изданное г. Цигнеусомъ собраніе актовъ и въ то же время показать, какъ интересны въ отношеніи къ самой русской исторіи многія изъ сообщенныхъ имъ свѣдѣній. Съ нетерпѣніемъ будемъ ожидать продолженія трудовъ его, въ которомъ онъ обѣщаетъ, между прочимъ, представить хранящееся въ Венеціи описаніе Полтавской битвы, на латинскомъ языкѣ, присланное Республикѣ Венеціанской самимъ Петромъ Великимъ. Много новыхъ матеріаловъ найдено издателемъ касательно королевы Христины послѣ ея отреченія отъ шведскаго престола, и уже въ первомъ томѣ онъ мимо-

ходомъ упоминаетъ о неизвѣстномъ доселѣ фактѣ, что она домогалась польской короны, когда Янъ Казиміръ сложилъ съ себя санъ королевскій.

Можно бы замѣтить г. Цигнеусу, что собственное изложеніе его, по прежнему, нѣсколько тяжело и что онъ, увлекаясь обиліемъ мыслей своихъ, не всегда умѣетъ владѣть ими, такъ что періоды у него часто бываютъ довольно запутанные. Можно бы еще прибавить, что во вступленіи своемъ онъ едва-ли не слишкомъ долго останавливается на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ его поиски по архивамъ, и на другихъ подробностяхъ, прямо не относящихся къ дѣлу. Но, какъ сущность труда г. Цигнеуса заключается въ самыхъ документахъ, имъ изданныхъ, то мы, вполнѣ сознавая важность услуги, оказанной имъ наукѣ, удерживаемся отъ всякихъ упрековъ по предмету, собственно чуждому главной цѣли настоящаго изданія.

ЗАМѢТКА О КНИГѢ ТОПЕЛІУСА [1]).

1851.

Hertiginnan of Finland. Romantiserad berättelse, jemte en historisk skildring af Finska kriget åren 1741—1743. Of Topelius. Helsingfors, 1850 (Герцогиня Финляндская. *Романтизированный* разсказъ, съ историческимъ описаніемъ Финляндской войны 1174—1743 годовъ. Соч. Топеліуса. Гельсингфорсъ, 1850).

Исторія войнъ между Россіею и Швеціею, веденныхъ въ Финляндіи и имѣвшихъ столь важные результаты для обоихъ государствъ, мало извѣстна въ нашемъ отечествѣ. Причины тому очевидны: бо́льшая часть источниковъ этой исторіи писана туземцами, слѣдовательно на языкѣ, не понятномъ для русскихъ. Правда, что и въ нашей собственной исторической литературѣ есть драгоцѣнные матеріалы для описанія этихъ войнъ — особливо двухъ главныхъ, изъ которыхъ одна кончилась миромъ Нейштатскимъ, а другая Фридрихсгамскимъ; но эти матеріалы слишкомъ не многочисленны въ сравненіи съ изданными на шведскомъ языкѣ. О войнѣ же, заключившейся миромъ Абовскимъ и раздвинувшей границы Россіи до рѣки Кюмени (1743 г.), мы не пользововались до сихъ поръ почти никакими другими извѣстіями, кромѣ переданныхъ Манштейномъ въ его запискахъ. Между тѣмъ и эта война, чрезвычайно важная по своимъ послѣдствіямъ, заслуживаетъ тщательнаго изученія, которое возможно только при критическомъ сличеніи разработанныхъ уже нами матеріаловъ съ свѣдѣніями, находимыми какъ у современныхъ повѣствователей финляндскихъ, такъ и въ архивахъ Швеціи. Въ концѣ прошедшаго года, въ Гельсингфорсѣ, появилась книга, которой содержаніе прямо относится къ этой войнѣ и составитъ интересное дополненіе къ литературѣ ея исторіи. Даровитый литераторъ, г. Топеліусъ, воспользовался однимъ любопытнымъ эпизодомъ войны 1741—1743 годовъ и взялъ его въ основаніе вышеупомянутой повѣсти, которая съ увлекательною интригою соединяетъ достоинство вѣрности въ изображеніи нравовъ, обычаевъ и понятій той эпохи. Передъ этою повѣстью авторъ помѣстилъ историческое описаніе войны, которое занимаетъ почти половину всей книги и основано на добросовѣстномъ изученіи всѣхъ до сихъ поръ напечатанныхъ документовъ, касающихся этого предмета.

Что значитъ *романтизированный* разсказъ? Этимъ эпитетомъ авторъ, конечно, хотѣлъ выразить, что въ его повѣсти не должно искать стро-

---

[1]) Журн. Мин. Нар. Просв., 1851, т. 71, VI отд., стр. 31.

гой исторической истины и что онъ своему разсказу придалъ характеръ романа. Но еще загадочнѣе можетъ показаться титулъ: *Герцогиня Финляндская.* Правда, что шведскій король Густавъ Ваза возвелъ сына своего Іоанна въ званіе Герцога Финляндскаго; но героиня разсматриваемой нами повѣсти вовсе не была особою такого высокаго сана. Подъ этимъ — въ свое время насмѣшливымъ прозваніемъ — живетъ до сихъ поръ въ преданіи народномъ у финляндцевъ бѣдная дѣвушка *Эва Мéртенъ,* находившаяся въ Або при вступленіи туда русскихъ войскъ. Главнокомандующимъ съ нашей стороны былъ тогда, въ отсутствіи Ласси, знаменитый генералъ Яковъ Кейтъ, родомъ шотландецъ, человѣкъ, умѣвшій съ строгостію военачальника соединить рѣдкое благодушіе и искренно любимый не только подчиненными своими, но и жителями странъ, куда онъ являлся непріятелемъ. Какъ прежде въ Малороссіи, такъ сдѣлался онъ теперь предметомъ общаго уваженія и въ Финляндіи, гдѣ и гражданское управленіе было ему ввѣрено до заключенія мира. Въ біографіи Кейта, составленной нѣмецкимъ писателемъ Фарнгагеномъ-фонъ-Энзе, находимъ слѣдующее извѣстіе. „Въ Або Кейтъ узналъ молодую сироту Эву Мертенсъ [1]), дочь честныхъ родителей гражданскаго сословія, которую во время военныхъ дѣйствій солдаты привели къ нему вмѣстѣ съ шведскими плѣнными. Онъ взялъ эту прекрасную дѣвушку къ себѣ, нанялъ для нея учителей и полюбилъ ее. Она навсегда осталась у него и онъ на ней женился бы, еслибъ общественныя предубѣжденія не помѣшали тому. Онъ съ нею прижилъ дѣтей, которыхъ нѣжно любилъ и которымъ далъ самое заботливое воспитаніе“. Въ концѣ своего труда біографъ Кейта возвращается къ Эвѣ Мертенъ и говоритъ: „Она была собой прекрасна, имѣла стройный станъ и съ необыкновеннымъ умомъ, съ благородствомъ возвышеннаго духа соединяла великую пріятность въ обращеніи. По-нѣмецки говорила она не безъ затрудненія, но по-французски изъяснялась превосходно, читала Тацита въ подлинникѣ и вообще умѣла пріобрѣсти отличное образованіе... Впослѣдствіи (по смерти Кейта) она вышла замужъ за Страсбургскаго коменданта Рейхенбаха и жила съ нимъ счастливо. Но память Кейта всегда была для нея дорогà, и прекрасный портретъ его она не согласилась уступить даже и королю за огромную сумму, которую онъ ей предлагалъ“. Здѣсь рѣчь идетъ о Фридрихѣ Великомъ, принявшемъ Кейта въ свою службу по оставленіи имъ Россіи. „Она“ — продолжаетъ Фарнгагенъ — „пользовалась общимъ уваженіемъ; ее цѣнили даже почетнѣйшія лица; особливо принцъ Генрихъ Прусскій оказывалъ ей большое вниманіе и писалъ ей чрезвычайное лестныя письма, которыя однакожъ — такъ

---

[1]) Merthens — такъ Фарнгагенъ пишетъ ея имя; но г. Топеліусъ узналъ изъ сохранившихся актовъ, что ея настоящая фамилія была *Мертенъ* (Merthen).

какъ и всѣ письма его и самого короля къ Кейту — были сожжены по ея желанію. Она достигла глубокой старости и, продолжая вести суровую жизнь (она купалась зимой въ самой холодной водѣ), сохранила крѣпость силъ и веселость духа; особенно хвалятъ ея живые, проницательные глаза. Она умерла не прежде, какъ въ 1811 году, въ Стральзундѣ". Фарнгагенъ ошибается, называя прекрасную Эву, съ которою Кейтъ познакомился въ Финляндіи, сиротою; отецъ ея умеръ только въ 1743 году, и при занятіи Або русскими онъ былъ въ этомъ городѣ бургомистромъ. Сдѣлавшись предметомъ особенной благосклонности непріятельскаго, по тогдашнимъ отношеніямъ, генерала, молодая финляндка обратила на себя вниманіе цѣлаго города, вѣроятно даже всего окрестнаго края, и титулъ *Герцогини Финляндской*, данный ей въ ироническомъ смыслѣ, былъ выраженіемъ общаго о ней мнѣнія. Изъ всего этого видно, что Эва Мертенъ есть лицо въ высшей степени интересное для романиста, и нельзя не признать идею г. Топеліуса — выбрать ее героинею исторической повѣсти — чрезвычайно счастливою. Надобно также отдать ему справедливость, что онъ очень хорошо умѣлъ примирить несомнѣнно-возвышенную сторону ея личности съ унизительнымъ положеніемъ, къ которому привели ее обстоятельства. Еще до появленія русскихъ авторъ представляетъ ее дѣвушкою, которой несносна была чопорная принужденность тогдашняго общества и которая съ смѣлостію, для многихъ оскорбительною, ставила себя выше требованій свѣта, стѣснительныхъ для характера живого и бойкаго. Мало-по-малу Эва Мертенъ обратила на себя жало злословія, и наконецъ клевета заставила общество презрительно отвернуться отъ нея. Между тѣмъ пришли русскіе: случай сблизилъ ее съ Кейтомъ и она, безъ вины отвергнутая родиною, нашла въ его сердцѣ, въ его привязанности единственную для себя опору и утѣшеніе. Но вмѣсто того, чтобы мстить своимъ личнымъ врагамъ, она умѣла прекрасно воспользоваться своимъ новымъ положеніемъ: живя у Кейта, она сдѣлалась посредницею между нимъ и своими согражданами — предстательницею всѣхъ въ немъ нуждавшихся, заступницею невинно пострадавшихъ. Такъ загладила она свою вину предъ свѣтомъ и родиною, такъ обратила она прежнюю ненависть къ себѣ въ любовь, клевету — въ благословенія. Вотъ общая идея содержанія исторической повѣсти г. Топеліуса. Здѣсь не мѣсто входить въ подробнѣйшій разборъ произведенія такого рода, на которое мы указали только по тѣсной связи его съ историческимъ трудомъ того же автора. Вотъ что говоритъ онъ между прочимъ въ предисловіи къ этому труду: „Война 1741 года составляетъ одну изъ самыхъ мрачныхъ картинъ въ исторіи Швеціи и Финляндіи. Мало было примѣровъ, чтобы оружіе, ознаменованное многими славными подвигами, покрылось вдругъ такимъ изумительнымъ пятномъ. Но подробности такого посрамленія

и несчастія, хранящіяся во множествѣ современныхъ документовъ, особливо судебныхъ актовъ, мало извѣстны и еще не собраны въ одно цѣлое — можетъ быть потому, что ни одинъ новѣйшій историкъ не имѣлъ духу выставить передъ свѣтомъ столь горестныя воспоминанія. Напрасно: чрезвычайно интересно было бы показать, какъ *такая* война со стороны шведовъ была возможна. Современники тогдашнихъ событій были пристрастными судьями въ своемъ дѣлѣ: ихъ судъ долженъ быть повѣренъ потомствомъ". Нѣсколько лѣтъ тому мы упоминали, что другой финляндскій литераторъ, Г. Цигнеусъ, приступилъ къ изслѣдованію всѣхъ обстоятельствъ, относящихся къ войнѣ 1741 года; мы тогда привели даже нѣсколько отрывковъ изъ брошюры, изданной имъ въ видѣ вступленія къ этому труду [1]). Съ тѣхъ поръ онъ собралъ уже много матеріаловъ для своего предпріятія и обѣщаетъ подробное ученое изложеніе помянутой войны, которое должно заключать въ себѣ много новыхъ фактовъ. Въ ожиданіи этого важнаго сочиненія, нельзя не быть благодарнымъ и г. Топеліусу за его описаніе шведской войны, почерпнутое по большей части изъ однихъ *печатныхъ* источниковъ.

---

[1]) См. Современникъ, т. XXXIII.

ЧЕРТЫ ИЗЪ ЖИЗНИ КНЯГИНИ ЕКАТЕРИНЫ РОМАНОВНЫ ДАШКОВОЙ [1]).

1. Ея записки и ихъ происхожденіе.

Въ 1840 году изданы въ Лондонѣ на англійскомъ языкѣ „Записки княгини Дашковой“, ею самою составленныя въ послѣднюю эпоху ея жизни (она скончалась въ 1810 г.). Два или три отрывка изъ нихъ были уже помѣщены въ русскихъ журналахъ [2]); мы также намѣрены извлечь нѣсколько любопытныхъ мѣстъ изъ этой книги.

Издательница ея г-жа Бредфордъ (Bradford), которая въ 1803 году, бывъ еще дѣвицею (Miss Wilmot), пріѣхала въ Россію изъ родины своей, Ирландіи, чтобы провести нѣсколько лѣтъ въ домѣ знаменитой княгини, вотъ какъ объясняетъ происхожденіе этихъ „Записокъ“.

„Слушая разсказъ о событіяхъ, случившихся въ молодости княгини, я иногда изъявляла удивленіе, что она не напишетъ исторіи своей собственной жизни. Она улыбалась и говорила, что часто уже слышала это замѣчаніе, но никогда не могла преодолѣть своей неохоты приступить къ такому труду. Осенью перваго года, который я проводила у княгини (въ 1804), возобновила я тотъ же разговоръ и стала убѣждать ее приняться за работу, представляя, что хотя и безъ того ея занятія очень разнородны (она сама была свой дворецкій, управитель, главный садовникъ, каменщикъ), но съ ея искусствомъ и дѣятельностью у нея все еще остается много часовъ свободныхъ и домашнее горе [3]) тяжело лежитъ на сердцѣ. Наконецъ мнѣ удалось уговорить ее —и она, къ величайшему моему удивленію объявила, что трудъ свой посвятитъ мнѣ, съ тѣмъ, чтобы я когда-нибудь издала его въ свѣтъ.

Тогда она съ обыкновенною своею поспѣшностію начала Записки въ тотъ самый день, въ который согласилась приняться за нихъ; и съ этой минуты, хотя тетрадь лежала на ея бюро, и она каждый день прибавляла что-нибудь, однакожъ повидимому, этотъ трудъ такъ мало занималъ ее, что остановки ее вовсе не безпокоили, и она никогда не отказывалась выслушивать безчисленныя просьбы, съ кото-

---

[1]) Современникъ, 1845, т. XXXVII, стр. 5.
[2]) Москвитянинъ, 1842, №№ 1 и 2.
[3]) Въ чемъ оно состояло, того Записки вполнѣ не объясняютъ.

рыми къ ней обращались: казалось, что она не старается сберечь ни единой минуты для своей работы.

Она записывала наскоро, что̀ внушала ей память, и почти никогда не вычеркивала и не перемѣняла своихъ выраженій. Въ немногихъ случаяхъ, когда послѣ припоминала какое-нибудь обстоятельство, пропущенное въ своемъ мѣстѣ, она приписывала его въ концѣ тетради, подъ заглавіемъ: *пропускъ*, съ означеніемъ страницы, гдѣ бы оно должно находиться; но, кажется, такихъ пропусковъ у нея было не болѣе семи, или осьми. Это можетъ служить объясненіемъ нѣкоторыхъ неточностей въ показаніи времени событій. — Она вовсе не назначала этихъ Записокъ къ оправданію своего характера, и я увѣрена, что еслибъ кто-нибудь выразилъ такую мысль, она бы съ гордымъ презрѣніемъ положила перо. Въ самомъ дѣлѣ, таково было ея собственное понятіе о своемъ характерѣ, что, по ея мнѣнію, каждое слово ея уже носило въ себѣ очевидность истины.

Когда она опереживала меня нѣсколькими страницами, я начинала переписывать приготовленное ею. Иногда она брала у меня перо изъ рукъ и сама вписывала въ тетрадь мою двѣ-три строки. Такимъ образомъ подвигались Записки. Она брала ихъ съ собою, когда мы на зиму переѣзжали въ Москву (изъ деревни), и тамъ поступала точно такъ же. Кажется, онѣ были готовы года въ два.

Подъ конецъ, говоритъ г-жа Бредфордъ въ другомъ мѣстѣ, она устала — и, къ крайнему сожалѣнію моему, слишкомъ уже спѣшила. Не разъ я спрашивала ее, зачѣмъ она не записываетъ тѣхъ любопытныхъ разсказовъ, которые я отъ нея слышу — и она всегда отвѣчала: мой другъ, у меня нѣтъ авторскаго самолюбія; вы сами можете, или въ предисловіи, или въ концѣ, писать обо мнѣ все, что вамъ вздумается сказать про вашу *Русскую маменьку*".

Въ самомъ дѣлѣ, издательница присоединила къ Запискамъ княгини Дашковой какъ свои письма изъ ея дома, такъ и письма сестры своей, которая также гостила у нея нѣсколько времени: тѣ и другія составляютъ часто занимательное дополненіе къ Запискамъ.

II. Княгиня Дашкова вступаетъ въ должность директора Академіи Наукъ.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и необыковенныхъ явленій въ жизни Дашковой было ея назначеніе директоромъ Академіи Наукъ. Мы сообщимъ увлекательный разсказъ ея объ этомъ событіи и его послѣдствіяхъ.

„Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ (въ декабрѣ 1782) былъ при Дворѣ балъ. Ея Величество, обошедши обычный кругъ и удостоивъ своимъ разговоромъ нѣсколькихъ фрейлинъ и иностранныхъ министровъ, обрати-

лась опять ко мнѣ: „Я должна сказать вамъ кое-что особенное, княгиня, но теперь, какъ вижу, неудобно". Потомъ она удалилась отъ меня и, еще поговоривъ съ нѣкоторыми министрами на другомъ концѣ залы, вдругъ остановилась посреди небольшого круга, образовавшагося между обѣими половинами собраннаго общества, и, кивнувъ головою, подозвала меня къ себѣ. Я приблизилась, и еслибъ въ самомъ дѣлѣ упала съ облаковъ, то не могла бы почувствовать большаго изумленія, какъ когда Ея Величество предложила назначить меня директоромъ Академіи Художествъ и Наукъ.

Мое молчаніе (я сначала не могла произнести ни слова въ отвѣтъ) заставило Ея Величество повторить предложеніе, которое она подкрѣпила множествомъ милостивыхъ и лестныхъ словъ.

„Нѣтъ, Государыня", отвѣчала я, собравшись наконецъ съ силами. „не могу принять должности, для исполненія которой у меня вовсе нѣтъ нужныхъ качествъ, и еслибъ я не думала, что Вашему Величеству угодно шутить, я бы сказала, что хоть бы сама и не побоялась сдѣлаться смѣшною, однакожъ никогда бы не согласилась повредить славѣ Вашего Величества принятіемъ должности, къ которой я во всѣхъ отношеніяхъ не способна".

Чтобы побѣдить мои опасенія, императрица подала видъ, будто принимаетъ отказъ мой какъ знакъ уменьшенія той преданности къ ней, какую я изъявляла. Конечно, всякій, кто имѣлъ счастіе быть близкимъ къ ея особѣ, испыталъ болѣе или менѣе вліяніе того могучаго краснорѣчія, того искусства, которыя всегда были во власти ея, когда дѣло шло о убѣжденіи кого-нибудь.

Со мною государынѣ не нужно было употреблять ни того, ни другого, потому что я, по чувству приверженности, столь же неизмѣнной, какъ и безкорыстной, во всякое время была готова повиноваться ея приказаніямъ. Но въ этомъ случаѣ власть ея оставалась безъ дѣйствія. „Назначьте меня", возразила я, „директрисою прачекъ Вашего Величества, и Вы увидите, съ какимъ усердіемъ я буду умѣть служить Вамъ".

„Не я", замѣтила государыня, „а вы шутите, выпрашивая себѣ такое смѣшное званіе".

„Ваше Величество", сказала я, „изволите полагать, что хорошо знаете мой характеръ, и однакожъ отъ вниманія Вашего скрылось, какъ много гордости въ моемъ вызовѣ. По моему мнѣнію, человѣкъ облагораживаетъ свое званіе, и еслибъ я по Вашей волѣ сдѣлалась начальницею прачекъ, на меня бы смотрѣли какъ на лицо, занимающее одно изъ самыхъ почетныхъ и самыхъ завидныхъ мѣстъ при Дворѣ. Правда, я не посвящена въ искусство мыть бѣлье, но ошибки, какія проистекаютъ отъ незнанія въ этомъ дѣлѣ, не могутъ имѣть важныхъ послѣдствій, тогда какъ, напротивъ, всякій промахъ, сдѣ-

ланный директоромъ Академіи Наукъ, былъ бы не только унизителенъ для него самого, но бросалъ бы невыгодный свѣтъ и на виновницу его назначенія“.

Ея Величество, не смотря на мои возраженія, настаивала, приводя мнѣ на память тѣхъ людей, которые прежде занимали эту должность, и заставляя сознаться, что они по способностямъ и качествамъ своимъ были ниже меня.

„Тѣмъ хуже для тѣхъ“, отвѣчала я, „кто такъ мало себя уважаетъ, что принимается за дѣло, котораго не можетъ исполнить съ честію“.

„Хорошо“, сказала государыня, „пусть будетъ по вашему, хотя отказъ вашъ только утверждаетъ меня въ томъ мнѣніи, что я никого не могу избрать достойнѣе васъ“.

Я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидала окончанія бала, чтобы тотчасъ, по возвращеніи домой, написать государынѣ и еще рѣшительнѣе изложить причины моего отказа. Пріѣхавъ къ себѣ, я тотчасъ сѣла писать письмо, въ которомъ между прочимъ сказала, что природа, создавъ меня женщиною, тѣмъ самымъ отказала мнѣ въ возможности управлять Академіею Наукъ, и что я, чувствуя ничтожество своихъ литературныхъ занятій, никогда не искала чести быть принятою въ какое бы ни было ученое общество, даже когда въ Римѣ имѣла случай купить это отличіе за нѣсколько червонцевъ.

Была почти полночь, когда я кончила письмо. Нельзя было послать его тогда же къ государынѣ. Но, не будучи въ состояніи цѣлую ночь терпѣливо ожидать рѣшенія этого дѣла, я поѣхала къ князю Потемкину, у котораго еще ни разу не была во всю мою жизнь, и велѣла доложить ему, что непремѣнно должна его видѣть, хотя бы онъ уже былъ въ постели.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ легъ уже. Я пересказала ему разговоръ мой съ императрицею въ тотъ вечеръ.

„Я уже слышалъ о томъ отъ Ея Величества“, сказалъ онъ, „и знаю ея мнѣніе по этому предмету. Она твердо вознамѣрилась ввѣрить Академію Наукъ вашему попеченію“.

„Мнѣ никакъ не возможно“, прервела я, „принять такую дожность вопреки всѣмъ обязанностямъ къ самой себѣ. Вотъ письмо, которое я написала къ Ея Величеству, съ рѣшительнымъ моимъ отказомъ. Прочтите его, князь: тогда я его запечатаю и оставлю въ вашихъ рукахъ съ тѣмъ, чтобы вы потрудились передать его государынѣ поутру, какъ скоро она встанетъ“.

Князь Потемкинъ, пробѣжавъ письмо, изорвалъ его на мелкіе лоскутки. Въ крайнемъ удивленіи и гнѣвѣ я спросила, какъ онъ смѣлъ разорвать бумагу, назначенную мною для Ея Величества?

„Успокойтесь, княгиня“, сказалъ онъ, „и выслушайте меня. Вы

искренно преданы государынѣ; никто въ томъ не сомнѣвается. Зачѣмъ хотите вы огорчать ее по дѣлу, которое въ послѣдніе два дня исключительно занимало ея мысли и совершенно овладѣло ея сердцемъ? Если вы въ самомъ дѣлѣ неумолимы, вотъ вамъ перо, чернила и бумага — напишите письмо ваше сызнова; но повѣрьте, княгиня, что я, убѣждая васъ, только играю роль человѣка, желающаго вамъ добра. Я долженъ, сверхъ того, прибавить, что государыня, уговаривая васъ принять предлагаемое мѣсто, имѣетъ въ виду еще и другую цѣль: Она желаетъ упрочить ваше пребываніе въ Петербургѣ, чтобы чаще видѣться съ вами".

Гнѣвъ мой, который рѣдко бываетъ продолжителенъ, уже прошелъ. Я согласилась написать болѣе умѣренное письмо, которое камердинеръ мой долженъ былъ отнести во дворецъ для доставленія императрицѣ при самомъ ея пробужденіи поутру. Я убѣдительно просила князя вмѣстѣ со мною стараться всѣми мѣрами отклонить Ея Величество отъ такого страннаго назначенія.

Только-что я возвратилась домой, я начала новое письмо къ государынѣ. Событія вечера до того взволновали и разстроили меня, что я, продолжая писать, до самаго утра даже и не подумала скинуть платье, въ которомъ была при Дворѣ. Въ семь часовъ отослала я свое письмо, и въ отвѣтъ получила отъ государыни записку, въ которой, послѣ замѣчанія, что я встаю ранѣе Ея Величества, помѣщено было множество лестныхъ и обязательныхъ выраженій, но не сказано ни слова о моемъ отказѣ, который какъ будто остался незамѣченъ.

Въ тотъ же день подъ вечеръ я получила письмо отъ графа Безбородка, и при немъ копію указа, уже препровожденнаго въ сенатъ, объ опредѣленіи меня директоромъ Академіи Наукъ и упраздненіи, вмѣстѣ съ тѣмъ, комиссіи, которая въ послѣднее время завѣдывала дѣлами ея вслѣдствіе жалобы всѣхъ профессоровъ и другихъ состоявшихъ при ней лицъ на поступки бывшаго директора, г. Домашнева.

Смущенная и отъ безпокойства едва помня себя, я приказала никого не принимать, и стала ходить взадъ и впередъ по комнатамъ, размышляя обо всѣхъ трудностяхъ и заботахъ, которымъ подвергнетъ меня новая должность. Въ числѣ самыхъ непріятныхъ послѣдствій ея представляла я себѣ и то, что она подастъ поводъ ко множеству недоразумѣній между государынею и мною.

Въ письмѣ графа Безбородка между прочимъ было сказано: „Ея Величество приказала мнѣ увѣдомить васъ, что вы можете, когда вамъ угодно, поутру или вечеромъ объясниться съ нею по всему, что относится къ подвѣдомственной вамъ части, и что она всегда будетъ готова устранить всякое затрудненіе, или препятствіе, какое вамъ встрѣтится при исполненіи обязанностей вашихъ".

Положеніе мое точно было въ высшей степени затруднительно. Я вовсе не знала, какими основаніями мнѣ руководствоваться въ своихъ дѣйствіяхъ. Къ моему облегченію не было оставлено даже и комиссіи, о которой я сейчасъ говорила, и которая, въ первое время, могла бы служить мнѣ существеннымъ пособіемъ.

Первымъ дѣломъ моимъ было — послать въ Академію списокъ указа съ требованіемъ, чтобы комиссія еще два дня оставалась въ дѣйствіи, и чтобы мнѣ немедленно донесли объ устройствѣ всѣхъ частей заведенія и о ходѣ дѣлъ типографіи, доставивъ также имена библіотекарей и завѣдывающихъ различными кабинетами; наконецъ, чтобы въ слѣдующій день начальники по всѣмъ вѣтвямъ управленія доложили мнѣ о своихъ обязанностяхъ и о предметахъ, состоящихъ въ вѣдѣніи каждаго. Въ то же время просила я членовъ комиссіи сообщить мнѣ всѣ подробности, какія они могли собрать, касательно должности и обязанностей директора, чтобы я могла составить себѣ общее понятіе о томъ, что́ мнѣ слѣдовало дѣлать прежде, нежели приступлю къ самому ничтожному дѣйствію; а въ заключеніе я просила этихъ господъ быть самимъ убѣжденными и увѣрить остальныхъ членовъ Академіи, что я первою и священнѣйшею обязанностью сама уже предписала себѣ ко всякому члену этого ученаго сословія хранить въ полной мѣрѣ то уваженіе и ту довѣренность, какихъ заслуживаютъ разнородныя ихъ достоинства.

Я надѣялась, что такимъ образомъ успѣю въ самомъ началѣ удалить всякой поводъ къ зависти и неудовольствію въ этомъ отношеніи.

На другое утро я была допущена къ императрицѣ при волосочесаніи. Въ то же время всѣ секретари Ея Величества и управляющіе отдѣльными частями принимали Высочайшія повелѣнія. Между ними я съ удивленіемъ увидѣла и г. Домашнева, который подошелъ ко мнѣ съ предложеніемъ услугъ своихъ для наставленія меня насчетъ моей новой должности. Какъ ни была я поражена его храбростью однакожъ вѣжливо отвѣчала ему, что при охраненіи выгодъ и чести Академіи я намѣрена неизмѣнно держаться одного правила, именно — дѣйствовать безпристрасно, и при раздачѣ наградъ ея и почестей не принимать въ уваженіе ничего иного, кромѣ заслугъ; въ разсужденіи же всего прочаго, прибавила я, я нахожусь въ такомъ совершенномъ невѣдѣніи, что сбираюсь прибѣгнуть къ собственному руководству Ея Величества и къ помощи, которую она милостиво мнѣ обѣщала.

Онъ сбирался было начать какое-то возраженіе, какъ вдругъ государыня отворила дверь. Замѣтивъ насъ, она въ ту же минуту заперла ее, позвонила и черезъ дежурнаго камеръ-лакея приказала мнѣ явиться въ комнату Ея Величества.

„Очень рада, что вижу васъ, княгиня", сказала императрица при

входѣ моемъ. „Но скажите, какую надобность могъ до васъ имѣть этотъ — Домашневъ?“

„Онъ хотѣлъ“, отвѣчала я, „дать мнѣ нѣкоторыя наставленія насчетъ моихъ новыхъ обязанностей, при исполненіи которыхъ я въ добросовѣстности, можетъ быть, буду надежнѣе его, но въ учености, боюсь, должна ему уступить, и потому сравненіе съ нимъ будетъ для меня невыгодно. Я не знаю“, продолжала я, „должно ли мнѣ благодарить Ваше Величество за этотъ знакъ добраго мнѣнія обо мнѣ, или, напротивъ, сѣтовать на странное и неслыханное опредѣленіе женщины директоромъ Академіи Наукъ“. . . . . .

Государыня увѣрила меня, что она не только вполнѣ довольна сдѣланнымъ выборомъ, но даже гордится имъ.

„Это въ высшей степени лестно“, сказала я; „но трудъ вести слѣпца скоро сдѣлается обременительнымъ для Вашего Величества“.

„Довольно“, возразила Екатерина, „прошу васъ, перестаньте смотрѣть на это дѣло съ такой смѣшной стороны, и болѣе не говорите со мною такимъ образомъ“.

Выйдя изъ комнаты, я встрѣтила оберъ-гофмаршала. Онъ сказалъ мнѣ, что наканунѣ вечеромъ государыня велѣла ему пригласить меня сегодня къ обѣденному столу Ея Величества, за которымъ я и впредь всегда буду принимаема съ удовольствіемъ; что однако же мнѣ предоставляется полная свобода соображаться въ этомъ отношеніи болѣе съ собственнымъ моимъ удобствомъ и моею охотою, нежели съ желаніями Ея Величества.

Я услышала множество привѣтствій и поздравленій по случаю явнаго доказательства милости и дорѣренности царской. Но нѣкоторые изъ моихъ знакомыхъ, видя, что я вовсе не обрадована нежданымъ отличіемъ, были такъ догадливы, что избавили меня отъ выраженій, которыя могли только увеличить мое замѣшательство. Однакожъ вообще это назначеніе возбудило въ высшей публикѣ зависть. Всѣмъ казалось, что для столь почетнаго мѣста совсѣмъ не годится особа съ такими непридворными пріемами и нравомъ, какъ я.

На третій день послѣ моего назначенія (въ воскресенье), принимала я у себя профессоровъ и другихъ чиновниковъ Акáдеміи. Я сказала имъ, что намѣреваюсь завтра посѣтить Академію, и просила ихъ помнить, что всегда, когда они пожелаютъ объясниться со мною по какому-нибудь дѣлу, домъ мой открытъ для нихъ.

Весь тотъ вечеръ я читала разныя представленныя мнѣ донесенія, съ твердымъ намѣреніемъ отыскать нить для лабиринта, въ который я попала, и въ совершенномъ убѣжденіи, что каждый шагъ мой будетъ предметомъ строгой критики, и что малѣйшая ошибка съ моей стороны подвергнетъ меня порицанію.

Я ознакомилась также съ именами важнѣйшихъ членовъ Академіи,

и на другое утро, прежде, нежели отправилась туда, посѣтила я знаменитаго Эйлера, который зналъ меня уже нѣсколько лѣтъ и всегда оказывалъ мнѣ особенное благорасположеніе. Въ негодованіи на поступки Домашнева онъ совсѣмъ пересталъ ѣздить въ Академію, развѣ когда представлялась возможность противодѣйствовать, заодно съ другими, вреднымъ распоряженіямъ бывшаго директора, о которыхъ онъ не разъ письменно представлялъ государынѣ.

Этотъ ученый былъ, безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ математиковъ своего вѣка. Сверхъ того, онъ былъ свѣдущъ почти во всѣхъ наукахъ; а сила его духа и постоянная дѣятельность такъ были необыкновенны, что онъ, даже потерявъ зрѣніе, вовсе не ослабилъ своихъ умственныхъ трудовъ. Съ помощію г. Фусса, мужа его внуки, который читалъ ему вслухъ и писалъ по его диктовкѣ, онъ готовилъ множество матеріаловъ, служившихъ къ обогащенію изданія Академіи, даже въ продолженіе многихъ лѣтъ послѣ его смерти.

Я просила его не оставлять меня въ то утро, чтобы мнѣ при первомъ вступленіи моемъ въ должность начальницы ученаго общества имѣть нѣкоторую опору въ его сопутствіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ я обѣщала, что, если ему неудобно, или тягостно сопровождать меня, то я въ случаяхъ обыкновенныхъ не буду его безпокоить. Моя просьба, казалось, польстила ему. Его проводилъ до моей кареты сынъ его, непремѣнный секретарь академическихъ засѣданій, котораго я также пригласила съ собою. Къ намъ еще присоединился внукъ его, на которомъ лежала обязанность вести знаменитаго слѣпца.

Вошедши въ залу засѣданій, я тотчасъ обратилась къ собравшимся тамъ профессорамъ и членамъ, и изъявила сожалѣніе о скудости собственныхъ моихъ ученыхъ заслугъ, но сослалась на глубокое уваженіе, какое питаю къ наукѣ, замѣтивъ, что самымъ вѣрнымъ залогомъ этого можетъ служить присутствіе г. Эйлера посреди тѣхъ, которыхъ я просила сопровождать меня при посѣщеніи Академіи.

Послѣ этого краткаго привѣтствія я заняла свое мѣсто и увидѣла, что г. Штелинъ, профессоръ аллегоріи, какъ его звали, сѣлъ на кресла рядомъ съ директорскими креслами. Этотъ человѣкъ, котораго ученость, можетъ быть, согласовалась съ наименованіемъ, его отличавшимъ, получилъ свой необыкновенный титулъ въ царствованіе Петра III, и вмѣстѣ съ тѣмъ произведенъ былъ въ статскіе совѣтники. Гордясь чиномъ, соотвѣтствующимъ генералъ-маіорскому, онъ полагалъ, что имѣетъ право на первенство между членами Академіи. Поэтому я, обратясь къ г. Эйлеру, сказала: „сядьте, гдѣ вамъ угодно; какое мѣсто вы ни займете, *ваше* мѣсто вездѣ будетъ первымъ".

Эта неприготовленная дань почтенія къ его дарованіямъ произвела самое благопріятное дѣйствіе—и не на однихъ его родственниковъ. Между присутствовавшими профессорами не было ни одного

(за исключеніемъ профессора аллегоріи), который бы не раздѣлялъ ихъ удовольствія и со слезами на глазахъ не отдавалъ справедливости заслугамъ и превосходству благороднаго старца.

Изъ залы собраній я отправилась въ канцелярію, гдѣ ведется переписка по всѣмъ дѣламъ, касающимся финансовой и хозяйственной части Академіи. Здѣсь ожидали меня всѣ чиновники, каждый на своемъ мѣстѣ. Я имъ замѣтила, что весь городъ говоритъ объ упущеніяхъ и безпорядкахъ, которые завелись при бывшемъ директорѣ и не только истощили доходы Академіи, но еще обременили ее долгами.

„Съ этихъ поръ", сказала я, „мы должны общими силами стараться уничтожить эти злоупотребленія; и такъ какъ ни одной части управленія не надобно дать придти въ упадокъ, то самымъ прямымъ и дѣйствительнымъ къ тому средствомъ будетъ — обращать исключительно на нужды и пользы Академіи всѣ способы, какими она располагать можетъ. Съ этою цѣлью я рѣшилась ни самой не обогащаться на ея счетъ, ни позволять кому-либо изъ моихъ подчиненныхъ малѣйшаго присвоенія казенной собственности; и еслибъ только мнѣ удалось склонить каждаго къ строгому соблюденію этого правила, то я бы въ самомъ скоромъ времени могла наградить усердныхъ и достойныхъ, кого производствомъ, кого прибавкою жалованья".

Журналъ который прежде ежегодно издавался при Академіи двумя книжками въ четвертку, впослѣдствіи сжался въ одну, а теперь и совсѣмъ былъ прекращенъ за неимѣніемъ потребныхъ литеръ для печатанія. Типографію нашла я въ величайшемъ разстройствѣ. За совершеннымъ недостаткомъ всѣхъ принадлежностей станки оставались безъ дѣйствія. Одною изъ первыхъ моихъ заботъ было — привести ихъ въ порядокъ и снабдить годными литерами. Такимъ образомъ вскорѣ опять вышли двѣ книжки журнала Академіи, составленныя большею частію, изъ статей г. Эйлера.

Князь Вяземскій, какъ генералъ-прокуроръ Сената, испрашивалъ Высочайшаго разрѣшенія, нужно ли привести меня къ присягѣ, требуемой отъ всякаго, кто вступаетъ въ государственную службу.

„Непремѣнно", отвѣчала императрица; „вѣдь Я не секретно назначила княгиню Дашкову директоромъ Академіи, и хотя Я конечно не имѣю надобности въ новомъ подтвержденіи ея вѣрности Мнѣ и отечеству, однако жъ обрядъ этотъ будетъ тѣмъ пріятенъ для Меня, что придастъ ея опредѣленію всю ту гласность и торжественность, какой Я желаю въ этомъ случаѣ".

Князь Вяземскій прислалъ своего секретаря сказать мнѣ, что на другой день онъ будетъ ожидать меня въ Сенатѣ для принятія обычной присяги. Я не безъ нѣкотораго смущенія думала объ этомъ публичномъ обрядѣ, хотя и знала, что всѣ, отъ высшаго до низшаго, при поступленіи въ службу, призываются къ клятвенному произне-

сенію обѣта вѣрности. На слѣдующій день я въ назначенный часъ явилась въ Сенатъ. Чтобы попасть въ церковь, мнѣ надобно было пройти черезъ комнату, гдѣ сенаторы собираются для своихъ совѣщаній, и я увидѣла, что всѣ они сидятъ на своихъ мѣстахъ. Они встали, когда я вошла, и тѣ, съ которыми я была короче знакома, выступили впередъ, чтобы принять меня.

„Вы удивляетесь, милостивые государи“, сказала я имъ; „я и сама не менѣе вашего дивлюсь причинѣ моего появленія между вами — тому, что я должна присягать государынѣ, которая такъ давно уже владѣетъ всѣми лучшими чувствами моего сердца. Но обязанность, предписанная для всѣхъ, необходимо должна быть выполнена и мною, и вотъ отъ чего происходитъ странность, что женщина очутилась въ стѣнахъ вашего святилища“.

Когда кончился обрядъ, въ продолженіе котораго я, какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, мучима была самымъ тягостнымъ чувствомъ неловкости и застѣнчивости“ — то я попросила генералъ-прокурора доставить мнѣ всѣ бумаги, какія къ нему поступили на счетъ неудовольствій Академіи при моемъ предмѣстникѣ. „Надѣюсь“, прибавила я, „что, узнавъ, въ чемъ заключались съ одной стороны жалобы, поданныя на эксъ-директора, а съ другой объясненія, представленныя имъ въ свое оправданіе, я буду въ состояніи рѣшить хотя отчасти, какъ мнѣ вести себя.

III. Академія Наукъ при княгинѣ Дашковой.

Сочинительница продолжаетъ:

„Чрезвычайно трудно было мнѣ разобрать счеты по двумъ родамъ суммъ, составлявшихъ доходы Академіи. Къ первому принадлежали суммы экономическія, проистекавшія изъ ея сбереженій и оборотовъ, а ко второму — штатныя. Какъ тѣ, такъ и другія были истрачены, и счеты ихъ, которые должны бы по обоимъ родамъ быть особые, смѣшаны были въ величайшемъ безпорядкѣ.

Академія была должна разнымъ книгопродавцамъ въ Россіи, Франціи и Голландіи. Не желая просить у Ея Величества экстреннаго пособія на удовлетвореніе ихъ требованій, я придумала къ тому другое средство — предложила продавать книги, напечатанныя въ академической типографіи, тридцатью процентами ниже установленной цѣны. Эта мѣра вскорѣ поставила меня въ возможность уплатить тѣ долги, и такъ какъ доходъ, отсюда проистекавшій, постепенно увеличивался, то я назначила достаточный капиталъ для замѣны остававшихся за казною штатныхъ суммъ, которыя находились въ рукахъ государственнаго казначея, упомянутаго князя Вяземскаго. Деньги,

такимъ образомъ накоплявшіяся, могли бы при другихъ обстоятельствахъ служить къ приращенію экономическихъ способовъ, которые, какъ плодъ заботливости директора, состояли въ полномъ его распоряженіи и обыкновенно обращались на расходы непредвидѣнные, а потому и не внесенные въ первоначальную смѣту, какъ-то: на награды, на покупку новыхъ изобрѣтеній, на пополненіе недостатковъ суммъ штатныхъ, а также и на издержки, какія могутъ представиться въ случаѣ внезапнаго возвышенія цѣнъ на разные предметы.

Въ училищѣ было только семнадцать учениковъ, а число молодыхъ художниковъ, воспитывавшихся на счетъ Академіи, не превышало двадцати одного. Мнѣ удалось увеличить количество первыхъ до пятидесяти, а послѣднихъ до сорока. По моему старанію, при Академіи остался г. Фуссъ (молодой человѣкъ, о которомъ я говорила, внукъ г. Эйлера, просившій увольненія), и ему прибавлено жалованья, такъ же, какъ и г. Георги, не менѣе его достойному такого отличія.

Не прошло еще года, какъ я успѣла увеличить оклады профессоровъ и завести три новые курса лекцій по части математики, геометріи и естественной исторіи, которыя всѣмъ желавшимъ преподавались безденежно русскими профессорами на отечественномъ языкѣ. Я сама часто посѣщала эти лекціи и съ удовольствіемъ видѣла, какъ сыновья нѣкоторыхъ небогатыхъ дворянъ и многіе изъ молодыхъ офицеровъ гвардіи усердно пользовались публичнымъ преподаваніемъ. Каждый профессоръ, по окончаніи курса, получалъ въ вознагражденіе по двѣсти рублей изъ экономическихъ суммъ". —

IV. Неудовольствія съ княземъ Вяземскимъ.

„При отправленіи должности моей", разсказываетъ княгиня Дашкова въ другой главѣ, „я скоро испытала много непріятностей со стороны генералъ-прокурора князя Вяземскаго. То онъ оставлялъ безъ вниманія мои представленія въ Сенатъ о производствѣ членовъ Академіи, заслужившихъ отличія, то онъ вовсе не присылалъ мнѣ бумагъ, которыхъ я требовала касательно границъ между губерніями имперіи, намѣреваясь издать точныя ландкарты. Наконецъ, онъ однажды не посовѣстился спросить моего казначея, почему онъ, принося ему всякій мѣсяцъ отчетъ въ употребленіи штатныхъ суммъ, не представляетъ такого же отчета о суммахъ экономическихъ? Немедленно послѣ этого я въ письмѣ къ Ея Величеству просила объ увольненіи меня, изъясняя, что князь Вяземскій хочетъ подвергнуть меня такой отвѣтственности, какой никогда, отъ самаго основанія Академіи, не было возлагаемо на директора, ни даже на моего предмѣстника, хотя его честность была болѣе нежели сомнительна. Вмѣстѣ съ тѣмъ представила я государынѣ, что я сама, по особенному усердію, испросила

позволеніе ежемѣсячно доносить объ экономическихъ суммахъ непосредственно Ея Величеству, а за цвѣтущее состояніе ихъ не разъ удостоивалась изъявленія Высочайшаго удовольствія; почему я и просила Ея Величество вѣрить, что никогда я не позволю генералъ-прокурору присвоять себѣ права директора, необходимыя для благосостоянія Академіи, а тѣмъ еще менѣе допущу, чтобы честность мою оскорбляли малѣйшимъ сомнѣніемъ.

Вслѣдствіе этого князь Вяземскій получилъ отъ государыни выговоръ, а мнѣ Ея Величество велѣла не думать болѣе объ его затѣяхъ. Надобно сознаться, что это былъ человѣкъ дѣловой съ дарованіями, въ службѣ отличался онъ точностію и порядкомъ, но былъ необразованъ и чрезвычайно мстителенъ. Онъ долго не могъ мнѣ простить, что я приняла подъ свое начальство такихъ людей, которыхъ онъ преслѣдовалъ и, лишивъ мѣстъ, оставилъ безъ куска хлѣба. Было еще обстоятельство, которое не мало способствовало къ его ожесточенію противъ меня. Академія издавала новый журналъ, въ которомъ сама государыня иногда наполняла нѣсколько страницъ. Я также работала для него. Изъ другихъ сотрудниковъ особенно дѣятеленъ былъ адвокатъ Козадавлевъ, помѣщавшій въ немъ и прозу и стихи. Во всякой статьѣ, сколько-нибудь отзывавшейся сатирою, князь Вяземскій непремѣнно видѣлъ намеки на себя, или на свою жену, особливо послѣ того, какъ онъ узналъ, что и Державинъ участвовалъ въ этомъ журналѣ. Державинъ, по его старанію, отставленъ былъ отъ должности; потому можно было предполагать, что онъ, какъ поэтъ, котораго всѣ читали и хвалили, не упуститъ воспользоваться легкимъ способомъ мести, бывшимъ въ рукахъ его.

И послѣ я во многихъ случаяхъ терпѣла тягостныя послѣдствія неприязни князя Вяземскаго. Однажды раздраженный, онъ не переставалъ уже противодѣйствовать всѣмъ моимъ намѣреніямъ, клонившимся къ общему благу, стараясь препятствовать даже и такому несомнѣнно полезному дѣлу, каково было изготовленіе новыхъ исправныхъ картъ губерніямъ, которыхъ границы еще не были означены на бумагѣ со времени послѣдняго раздѣленія имперіи. Учрежденіе о губерніяхъ, первый рѣшительный шагъ ко введенію порядка и образованности внутри государства, было подвигомъ, истинно достойнымъ Великой Екатерины. Благодаря этому постановленію, дороги сдѣлались безопасны и удобны. Внутренняя торговля оживилась, и приращеніе частнаго богатства вскорѣ обнаружилось въ улучшившемся состояніи городовъ. Въ губернскихъ городахъ построены были, на иждивеніи общественномъ, церкви и великолѣпныя зданія для губернаторовъ. Но всего важнѣе, что государыня (которая не могла примириться съ стариною русскою пословицею: *до Бога высоко, до Царя далеко* — т. е. когда дѣло идетъ объ отысканіи правосудія) учредила въ губерніяхъ

суды разнаго рода и гражданскую полицію, чѣмъ утвердила общественную безопасность и благосостояніе — блага, которыя были несовмѣстны съ существовавшею до того времени необходимостію ѣхать за двѣ, за три тысячи верстъ, чтобы найти правосудіе.

Вмѣсто того, чтобы снабжать меня нужными документами къ облегченію мнѣ изданія картъ — чего можно бы было ожидать, судя по должности, какую онъ занималъ, — онъ поставилъ себѣ правиломъ останавливать, или задерживать всѣ тѣ свѣдѣнія, которыя губернаторы, по просьбѣ моей, препровождали въ Академію. Но такъ какъ я не хотѣла безпрестанно утруждать государыню жалобами, то я въ такихъ случаяхъ призывала на помощь терпѣніе".

На этотъ разъ мы не пойдемъ далѣе. Для насъ было бы легче изложить своими словами сущность представленныхъ отрывковъ; но мы предпочли труднѣйшую работу, въ увѣренности, что для читателя гораздо занимательнѣе нашего будетъ собственный разсказъ княгини Дашковой, хотя и въ переводѣ.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Абдулгаметъ 516.
Абузовъ, пугачевецъ 579.
Августъ II, польск. кор. 723.
Августъ-Фридрихъ, герц. Голштейнъ-Ольденб., еп. Любскій 198, 251, 252.
Августъ, сынъ Георга Людв., герц. Ольденбург. 266 (Таблица).
Августъ, герц. Ольденб., сынъ Петра I 266 (Таблица).
Аделунгъ, нѣм. учен. 41, 291, 292, 294, 297.
Адельгейда, супр. Августа, герцога Ольденб. 266 (Таблица).
Адлеркрейцъ 387.
Адлерфельтъ 168.
Адольфъ-Фридрихъ, шведскій король (отецъ Густава III) 212, 252, 266 (Табл.), 287, 380, 445.
Адодуровъ Василій 201, 202.
Акіевъ Байкитъ, пугачевецъ 641.
Акшарумовъ (Ашарумовъ), капитанъ 577, 578, 638.
Акутинъ, старшина 597, 610, 612, 641.
Александра Павловна, вел. кн. 235, 705.
Александровъ Г. Н. 687.
Александръ I Павловичъ 180, 183—186, 235, 236, 310, 312, 330, 334, 340, 362, 437, 481, 675—678, 711, 716, 717.
Александръ II 356.
Александръ, архимандритъ 544.
Александръ, протоіерей Успенскаго Собора 630.
Алексѣевъ, капитанъ 637.
Алексѣй Антоновичъ, принцъ 180, 182.
Алексѣй Михайловичъ, царь 43, 52, 53, 56, 70, 93, 118, 724.
Алексѣй Петровичъ, царевичъ, сынъ П. В. 167.
Альбедиль 161, 163—169, 232, 245.
Альбертина-Фридерика, принц. Баденъ-Дурлахская 193, 266 (Табл.).
Альвендаль 161, 163.
Амбразацыевъ, подпоручикъ 578.
Аминовъ 389.
Анастасіусъ Даніилъ 57—60.
Андреевъ Прокофій, свящ. 509.
Андреевъ Тихонъ, 644.
Андрей, протоіерей 627.
Ангальтъ, генер. 463.
д'Анкарсвердъ (d'Ankarsvärd), командиръ судна 270, 275.
Анкарстремъ, убійца Густава III 261.
Анна Іоановна, имп. 189, 413.
Анна Леопольдовна 180.
Анна Петровна, дочь П. В. 193, 266 (Табл.).
Анненковъ, изд. Пушкина 618.
Ансгарій, св. 8.
Антоновъ, яицк. казакъ 603.
Антонъ-Ульрихъ, герцогъ Брауншвейгскій 180, 181.
Анучинъ Д. Г. 467, 472, 547, 554, 562, 563, 565, 575.
Аполлодоръ, пис. 107.
Аппельгренъ 137, 138.
Апраксинъ, адмиралъ 111, 680, 682.
Араповъ, пугачевецъ, 506, 507.
Аристовъ, пугачевецъ 554, 555, 558.
Армфельтъ Густавъ Маврикій, баронъ 240, 243, 272, 389, 397, 411, 412, 423, 428, 676, 677.
Армфельтъ Карлъ Густавъ, бар., главнокомандующій 411, 412, 419, 420, 422—425, 427, 434.
Арндтъ Іоаннъ Готлибъ 145, 293, 307—310.
Арнетъ, нѣм. учен. 453.
Архаровъ, подполковникъ 637, 638.
Арцыбашевъ, рус. истор. 27.
Афанасьевъ, авт. 119.
Афцеліусъ, врачъ 242.

Б.

Бабаевъ, пугачевецъ 508—510.
Багратіонъ, князь 570, 571, 575, 580, 586, 618.
Бадендикъ Петръ, рижскій бюргеръ, 162.
Базедовъ, писатель-педагогъ 333, 339, 340.

Байеръ, академикъ 66.
Бакмейстеръ, И. Д., помощн. библіотекаря Имп. Академіи Наукъ 308.
Бакмейстеръ Лудвигъ Христофоръ, библіографъ 296, 304, 308—310.
Бакунинъ П. В. 690, 692, 702.
Балаханцовъ, капитанъ 507.
Балашевъ 675, 676, 677.
Бандгольцъ, маіоръ 140, 141.
Банѐръ Густавъ Карлсонъ, швед. сановникъ 50.
Бантышъ-Каменскій Д. Н. 180, 185, 459, 520, 533, 535, 548, 555.
Бантышъ-Каменскій Н. Н. 470, 473, 479.
Банческулъ, поручикъ 642.
Баратаевъ князь, капитанъ 662, 670.
Бардовскій, сержантъ 468, 603.
Баркгусенъ 47, 49, 52, 56, 57, 59, 62, 63.
Барклай де Толли 674, 675, 678.
Бароніусъ Кесарь, авторъ 204.
Бароцци, подполковникъ 700.
Барри, корнетъ 135, 204.
Барсовъ Ал. 107.
Бартеневъ П. И. 365, 674, 687.
Барфодъ, швед. авторъ 456, 457, 459, 462—464.
Басмановъ 31, 37.
Батенковъ 679.
Батуринъ 657, 660,
Бауеръ, В. проф. 117.
Бауэръ (Бауръ), генер. (Екатер. врем.) 241, 427, 437.
Бедряга, полковн. 574, 638.
Безбородко князь Ал. Андр. 242, 243, 264, 298, 401, 403, 684—708, 736.
Безсоновъ, П. А. 112, 118, 262—265.
Бейль 204.
Бекетовъ, губерн. 649.
Беккеръ, историкъ 122.
Бековичъ, князь 126.
Бекъ 352.
Беллигъ (Boellig), музыкантъ, 196.
Бельгардъ (д'Эпинэ) 369.
Бельзэнсъ Эмилія (Belzunse), въ замуж. Du Bueil 361, 377.
Беневскій 469.
Бенкендорфъ, генеральша 235.
Бергенгеймъ 1-й, шт.-кап. 73.
Бергіусъ Николай 64.
Бергманъ Б., авт. 115, 124.
Бергъ, бригадиръ 461.
Бергъ, г-жа (урожд. Бадендикъ) 162.
Беранрденъ де Сенъ-Пьеръ 713.
Берни, кардиналъ 248.
Бернсторфъ, гр. 187.
Бернулли, учен. 309.
Берхгольцъ, кам.-юнк. 117.
Беръ Мартинъ 22—27, 29, 30, 32—39.
Бесковъ Бернгардъ, баронъ 389.
Бестужевъ-Рюминъ гр. Алексѣй Петр., канцлеръ 198, 199, 205, 208, 209, 693.
Бестужевъ-Рюминъ, гр. Мих. Петр. 133.
Бестужевъ-Рюминъ гр. Петръ Михайл. 164, 178.
Бетлингъ, акад. 306.
Бецкій И. И. 227, 228, 334, 335, 347, 438, 442. 443, 448.
Бибикова, рожд. Козлова, жена А. И. Бибикова. 474.
Бибиковъ (?) 494.
Бибиковъ Александръ Ильичъ 466, 467, 469—481, 494—500, 502, 503, 505, 507—511, 515, 517, 518, 521—524, 530, 547—550, 552, 561—563, 573, 583, 645, 646, 667.
Бибиковъ Василій Ѳеодоровичъ 480, 494.
Бибиковъ Юрій Богдановичъ 494.
Билиштейнъ 351, 352.
Биллингсъ, учен. путеш. 301.
Биловъ, бригадиръ 635.
Биргеръ, кор. шв. 72.
Блохинъ, подпоруч. 578.
Бобринскій графъ А. Г. 449.
Богатыревъ, дон. есаулъ 554, 665.
Богдановичъ, поэтъ 313.
Богдановъ, кол. асс. 485, 486.
Бокъ, ротмистръ 140, 141.
Бологовской 674.
Болотниковъ 37.
Болотовъ, авт. запис. 549, 706.
Болтинъ, акад. 90, 295.
Бомаршэ 331, 332.
де-Бонакъ, маркизъ 721, 722.
Боппъ, филол. 310.
Боргенштерна (Borgenstjerna) 280.
Боровинскій Семенъ 515.
Бородинъ, маіоръ (яицкій старшина) 583, 584, 586, 587, 592—595, 598, 604, 607—611, 615, 633, 640.
Бороздина П. Н., рожд. Львова 678.
Бороздинъ К. М. 678, 679.
Боуръ, ген. (при Петрѣ В.) 139, 140.
Бочкаревъ, казакъ 613.
Бошнякъ, сарат. комендантъ 547, 553, 565, 635, 645, 649—656, 658—662.
Браге Петръ, графъ 61, 62, 80, 389.
Брайко, издат. 309.
Брантомъ, авт. записокъ 204.
Брантъ Я. Л. 467, 469, 480, 493, 500, 501, 549, 553, 564, 617, 647.
Брахвильтъ, ген.-маіоръ 609.
Брашъ, пасторъ 185.
Бредфордъ (Bradford), рожд. miss Welmot 732, 733.
Бретель (Breteuil) баронъ 260, 290.
Брикнеръ, проф. 211, 262, 378, 457.
Бринкъ, швед. адъют. 134, 142.
Брокманъ 725, 726.
Броунъ, бригадиръ 520, 534.
Броунъ графъ 441, 447, 448.
Бруновъ 404.
Брюсъ графъ, генер. (при Петрѣ В.) 125, 148.
Брюсъ, квартирмейстеръ 151, 152.
Брюсъ гр. Я. А. 223, 272, 273, 280, 283, 427, 428, 435.
Брюхачевъ, сержантъ 499.
Будбергъ Гатгардъ-Іоаннъ 66, 68.
Бужинскій 95, 107.
Булгаковъ Я. И. 298, 701.

Бунинъ Ив. Петр. 461.
Бургè (Bourguet) 115.
Бурновъ Иванъ, пугачевецъ 629, 633, 634.
Буссау (Буссъ, Буссовъ) Конрадъ 26—39.
Буткевичъ Богданъ, подпрапорщ. 508, 509.
Бутковъ, акад. 16.
Бутлеровъ, подполковн. 477.
Бутремовичъ, капит. 640.
Бутурлинъ, графъ 714.
Бутыркинъ, маiоръ 653, 658.
Бушуевъ, флиг.-адъют. 473, 477, 478, 480.
Быковъ, маiоръ 653.
Быковъ, подпоручикъ 577.
Бычковъ А. Ф. 14, 48, 121, 365, 685, 686.
Бьельке, г-жа, корреспондентка Екатерины II 216—220, 333, 346, 347, 358.
Бьельке Густавъ, швед. посолъ 41, 46.
Бьельке, сенаторъ 270.
Бьельке Стенъ 61.
Бѣлосельскій кн. 280, 281.
Бѣляевъ, астрах. житель 592.
Bärenhäuter и **Bärenreiter**, терм. Екатерины (въ ея перепискѣ) 364.
Бюлау 163, 169.
Бюлеръ Ф. А. 360.
Бюсси-Рабютинъ графъ 161, 163.
Бюшингъ 162, 163, 168, 172, 175.
Бюффонъ 201.
дю-Бюэль (du Bueil) 361, 362, 377.

В.

Вагнеръ, пасторъ 196, 197.
Вальвикъ Андреасъ 50.
Варѐжъ 715.
фонъ-Варнстедъ 484, 486, 487.
Вахтмейстеръ баронъ 269.
Вахтмейстеръ баронъ, вице-адмиралъ (при Петрѣ В.) 156.
Вахтмейстеръ Іоаннъ гр. 462.
Вахтмейстеръ Николай графъ 462.
Вашингтонъ 301.
Веберъ 161, 163, 169, 170.
Веберъ Георгъ, ист. 449.
Веденяпинъ, ротмистръ 638.
Вейдемейеръ 189, 254.
Вейтбрехтъ, книгопрод. 303.
Венгерскій, офиц. 577.
Венеровской, волжск. старшина 581.
Веніаминъ, архіепископъ 476, 554, 560.
Венцель 551.
де-Веракъ маркизъ 444.
Верженъ 231, 248.
Верньо (Vergniaud) 714.
Веселевская Катерина-Лиза (во второмъ бракѣ Дуклясъ) 178, 179.
Веселевская Марія-Анна 164.
Веселевскій Андрей 178.
Веселевскій Янъ 178.
Веселовскій Авраамъ 109.
Вестринъ 66, 67.
Видекинди, исторіографъ 57.
Вильбуа (Villebois), адмиралъ 162, 163, 715.
Вильбуа, генер. 713.
Вильгельми, капит. 663, 665, 667, 668, 670, 671.
Вильгельмина, принцесса (в. кн. Наталія Алексѣевна) 374.
Вильканецъ, прапорщ. 491.
Вильямсъ, англ. посланн. 205, 206.
Виніусъ 94, 107.
Винокуровъ, есаулъ 661.
Витсенъ 110, 296.
Витъ, поручикъ 577.
Вишневецкій Адамъ 30, 31.
Владиславова Праск. Никитична 205.
Владиславъ, польск. королевичъ 28.
Воейкова Вѣра Николаевна 674—679.
Воейковъ А. В. 674—679.
Возницынъ, посолъ 108.
Волковъ Дм. Вас. 627.
Волконскій князь, генер. (при Петрѣ I) 132.
Волконскій кн., секундъ-ротм. 473, 480, 481.
Волконскій князь Мих. Ник. 468, 478, 480, 490, 499, 501, 522—529, 536—541, 543, 558, 620, 627, 646.
Волконскій князь, П. М. 627.
Волоцкой С. Б. 473, 480.
Волынскій Василій 42.
Вольней 304, 305.
Вольтеръ 161, 168, 203, 204, 213—215, 218—220, 238, 330—333, 335, 342, 343, 345, 347—350, 355, 358, 364, 369, 371, 376, 377, 436, 450, 548, 647, 716.
Вольфеншильдъ(Вульфеншильдъ), ландратъ 166, 172.
Ворбуа̀ 715.
Вороблевскій В. 114.
Воробьевскій Ефимъ, офицеръ 508, 509, 510.
Вороновъ, пугачевецъ 583.
Воронцовъ графъ, новоросс. генер.-губ. 351.
Воронцовъ гр. Ал. Ром. 686, 697.
Воронцовъ князь (архивъ его) 208.
Воронцовъ князь Сем. Мих., 365.
Воронцовъ гр. Сем. Ром. 686, 694, 696, 697, 703.
Востоковъ 321.
Врангель баронесса 270.
Врехъ (Wreech), капит. 122, 129.
Врихтъ (Wricht), панъ 269.
Всеволожской Всев. Алекс. 627.
Вуколовъ, полк. 639.
Вурмбъ, учит. 161.
Вырубовъ П. Ив. 627.
Вяземскій князь Александръ Алексѣевичъ, ген.-прокур. 312, 448, 470, 620, 627, 692, 740—743.
Вяземскій князь Ив. Андр. 627.
Вяземскій князь П. А. 707, 712.

Г.

Гавенъ 162, 164.
Гавріилъ, митрополитъ 227.

Гагаринъ князь, сибир. губерн. 127, 135.
Гагринъ, маіоръ 477, 515, 551, 552, 563.
Гадорфъ, антикварій 57.
Галаховъ, капитанъ 468, 525, 529, 543, 546, 569, 585, 587—590, 594, 595, 618—620, 635.
Галіани, аббатъ 250, 284, 298.
Галль, ротмистръ 124.
Гальманъ Вольдемаръ, пасторъ 32.
Гамбургеръ 346.
Гамильтонъ графъ (comte Hamilton) 269, 672.
Гамильтонъ Фр. баронъ (baron Fr. Hamilton) 269.
Гансбукъ, посолъ 21.
Ганъ Вильгельмъ 178.
Ганъ Доротея 164, 178.
Ганъ Мерхертъ 178.
Ганъ Софія 178.
Гардель, д-ца 354.
Гарновскій 379, 415, 428, 709.
Гаррисъ Мальсбери Джемсъ, англ. посолъ 442.
Гаррисъ, супруга Джемса Гарриса Мальсбери 442.
Гарсдорфъ, проф. 181.
фонъ-Гартенъ, офиц. 577.
Гедвига Элеонора, королева швед. 70.
Гедвига сестра Карла XII 266 (Табл.).
Гедвига Елисавета Шарлотта, супруга Карла XIII 266 (Табл.)
Гезелевской, капитанъ 639.
Гейеръ (Гейэръ) 41, 213, 214, 237, 238, 242, 248, 395, 397.
Гельбигъ 198.
Гельвецій 393.
Гельмфельтъ С. В. 47, 51.
Генденбергъ 178.
Гендрикова графиня 167, 170, 172.
Гендриковъ графъ 174.
Геннадій, архіепископъ 628.
Генрихъ, принцъ прусскій 221, 387, 729.
Генрихъ IV, король фр. 204.
Георги 296, 742.
Георгъ III, кор. англ. 363.
Георгъ-Людвигъ, герц. (дядя Екатерины II) 252, 266 (Табл.).
Герасимовъ, казакъ 512, 613.
Герасимовъ, повѣренный Державина въ дѣйствіяхъ прот. Пугачева 646, 650, 659, 670.
Гербинусъ Іоаннъ, магистръ 63.
Геренъ 28, 41.
фонъ-Германсонъ 381, 382.
Германъ Эрнстъ, д-ръ 28, 33, 37, 41, 190, 499, 257.
Герсъ, прапорщ. 147, 148, 151, 152, 154.
Герцбергъ 297, 363.
Герье В. 115.
Гессенштейнъ гр. (comte d'Hessentein) 269.
Гёте, поэтъ 330, 339.
Гёте, кап.-лейтенантъ 156.
Гетнеръ 369, 372, 373.
Гецеліусъ 80, 81.
Гиленстольпе (Gyllenstolpe) 269.
Гильдебрандъ, шв. антикварій 12, 16.
Гильфердингъ Ф. И. 561.
Гинцель, генер.-лейтен. 427.
Гиппингъ 72, 73.
Глансеншерна Анна Елисавета 381.
Глансеншерна Лаврентій 393, 406, 408.
Глинка С. 710.
Глухова 556.
Глѣбовъ Ал. Ив. 628.
Глюкъ 161—163, 170.
Гмелинъ, учен. путешеств. 296.
Гогель, маіоръ 641, 656, 657, 667, 669—671.
Годунова Ксенія 23.
Годуновъ Борисъ 17, 22, 23, 26—30, 33, 36, 39, 91.
Годуновъ Степанъ 30.
Голевъ Михаилъ 629, 634.
Голиковъ, истор. 115, 118, 122, 124.
Голицына княгиня Д. А., (рожд. кн. Гагарина) 442.
Голицынъ князь Алекс. Мих. 442.
Голицынъ князь А. Н. 185.
Голицынъ князь Дм. Мих. 107, 116.
Голицынъ кн. Мих. Мих. 116, 134, 139, 154, 155, 682.
Голицынъ кн. П. 110.
Голицынъ князь П. М. 467—469, 477—481, 552, 526—528, 541, 542, 544—548, 552, 554, 555, 569, 570, 574, 583, 584, 586, 587, 591—593, 600, 603—605, 638, 639, 645, 646, 654, 663—668, 670—671.
Голубь, маіоръ 574, 639.
Гольбахъ 360.
Гольстейнъ Хр. Фридр. 159.
Гольцгусенъ Петръ 59.
Горбушинъ, казакъ 600.
Гордонъ 93, 167.
Горичъ, маіоръ 641.
Горловъ, пугачевецъ 633.
Горнъ, графиня (comtesse Clas Horn) 270.
Горнъ, баронъ 132, 135, 146.
Горнъ Бенгтъ, швед. посолъ 50, 51, 56
Горнъ, ген.-маіоръ 154, 156.
Горнъ графъ (comte Horn) 269.
фонъ Горнъ Іоаннъ (v. Gorn) 43.
Горской Василій, сотникъ 581, 629, 635.
Горчаковъ князь А. М., 358.
Горчаковъ, офиц. 473, 480.
Горшенинъ Петръ 629, 632.
Горшковъ Максимъ, пугачевецъ 629, 634, 635.
Гостомыслъ 5.
Готлундъ, проф. 48.
Готландскій гр. (Густавъ III) 224—226, 228—230, 241, 273, 276, 277, 280, 444, 449.
Готшедъ 368, 369, 372.
Гранцовъ, авт. 181, 182, 183, 184, 186.
Гревсъ, маіоръ 571, 580.
Грейгъ 413.
Грейфенгеймъ 196.
Грековъ Василій, полковн. 578.
Гремонвиль (de Gremonville) 724.
Грибергъ (Griberg) 269.
Грибовскій, секрет имп. Екат. II 345.

Григоровичъ Н. И. 684—687, 693, 707, 708.
Григорьевъ Иванъ, пугачевецъ 659.
Гриммъ Фридрихъ-Мельхіоръ 195, 196, 203, 218, 245, 250, 297—299, 318, 324—326, 328—338, 340—342, 345, 352, 358—363, 365—378, 453, 455, 691, 713.
Гриммъ Яковъ 306, 310.
Гриневъ, подпоручикъ 629, 636.
Губеманъ Германъ 24, 32.
Гульдбергъ 181, 182.
Гульдынашульдъ (т. е. Вульфеншильдъ, см. это имя) 172.
Гультъ, прапорщ. 147.
Гупель, истор. 162, 166—169.
Гурій, игуменъ 720.
Гурьевъ Иванъ, канцеляристъ 640.
Гурьяновъ 308.
Густавъ Ваза 56, 729.
Густавъ II Адольфъ 74, 75, 78, 79, 265, 389, 724.
Густавъ III 46, 64, 163, 168, 210—223, 225—242, 244—291, 345, 361, 363, 378, 380, 382, 385—397, 399, 400, 402, 404, 408—415, 420—424, 428, 430, 435, 437, 442, 443, 453, 456, 457, 461—463, 465, 697.
Густавъ IV Адольфъ 224, 235.
Густавъ, принцъ шведскій 23, 25, 33, 37, 38.
Гусятниковъ, купецъ 623.
Гёпкенъ, уч. (comte d'Höpken) 269.
Гёрцъ, прусск. послан. 363.
Де-Геръ Антонъ, баронъ (de Geer) 270.
Де-Геръ Робертъ Вильгельмъ 391.
Гёте Свенъ, капит. 60.
Гюбнеръ, ист. 161.
Гюискаръ гр. (comte de Guiscard) 723.
Гюлленборгъ гр. 197, 202, 214.

Д.

Давыдовъ, ген.-маіоръ 614, 615, 628.
Далакинъ, подпоруч. 642.
Д'Аламберъ 345, 349, 360, 369.
Далинъ, писат. 214.
Дальбергъ (Dahlberg), врачъ 269.
Дальбергъ, графъ 132.
Дальбергъ Карлъ, баронъ 336—338, 343.
Дальбергъ, прапорщ. (племянн. предыдущаго) 132.
Дама̀ (Roger de-Damas) 715, 716.
Даниловъ Иванъ, тульск. воевода 97.
Дашкова княгиня Ек. Ром. 90, 117, 242, 243, 311—314, 318, 319, 322, 323, 325, 327, 722—744.
Дашковъ князь 401.
Девьеръ, полиціймейстеръ 85.
Деколонгъ, генер.-поручикъ 483, 499, 516, 517, 522, 551.
Делагарди, гр. Магнусъ Гавріилъ 56.
Делагарди Яковъ 73, 74.
Деламиль (De la Myle) 462.
Демидовъ, крестьян. 582.
Демьяновъ, ротмистръ 577.
Денисовъ Афанасій, есаулъ 578.
Денисовъ Варламъ, полковн. 512, 578, 639.
Денисовъ Карпъ, полковн. 578.
Денисовъ Михаилъ, полковн. 578.
Денисовъ Тихонъ, есаулъ 578.
Денисьевъ, поручикъ 581.
Державинъ Г. Р. 116, 190, 262, 311—314, 323, 325, 356, 357, 468, 473—481, 506, 512, 513, 547, 548, 553, 561—563, 565, 588, 617, 741, 644—646, 648—659, 663—675, 678, 679, 709, 710, 715, 743.
Дидро 191, 250, 334—336, 345, 349—352, 360, 369, 373, 276, 377.
Димитрій Самозванецъ 24, 25, 28, 31, 37.
Дицъ, маіоръ 575, 652.
Дмитріевъ И. И. 377, 471, 705.
Добровскій Іосифъ, славистъ 305.
Долгополовъ, пугачевецъ 559, 629, 631, 635, 636.
Долгорукій князь В. М. 467.
Доргорукій князь, воевода 54, 71.
Долгорукій-Крымскій князь Ю. В. 217.
Долгорукій князь, сынъ его 217.
Долгорукій князь Як. Ѳед., сенат. 108, 116, 147, 148, 149, 682.
Домашневъ, акад. 225. 228, 229, 446, 736—739.
Домогацкій, ротмистръ 577.
Дондуковъ (Дундуковъ) князь 570—574, 580, 581, 638, 640.
Дохтуровъ Герасимъ, дьякъ 50.
Древицъ, полковникъ 528, 529, 539, 541, 544, 546, 565, 566, 569, 570, 639.
Дружининъ, купецъ 602.
Дрындинъ, канцеляристъ 644.
Дубровинъ Н. Ѳ., акад. 687.
Дуве, маіоръ 576, 577, 639.
Дугласъ графъ, генер. (изъ швед. плѣнн.) 134, 135.
Дуклясъ-Лавринъ, мѣщанинъ 178, 179.
Дуклясъ Симонъ, сынъ предыдущ. 179.
Дурновъ, капитанъ 614, 615, 637.
Дуэ, швед. послан. 12.
д'Эпинэ (d'Epinay) г-жа, рожденная d'Esclavilles 360—362, 368—378.
д'Эпинэ (Бельгардъ) см. это имя.
Дюбарри г-жа 215.
Дюбенъ, 145, 146.
Дюбордье (Dubordieu), маіоръ 458.
Дюбоска̀, 713.
Дюмарескъ, пасторъ 291.

Е.

Евгеній, митрополитъ 309, 596.
Евдокія, царица 53.
Евреиновъ Тимофей, камердинеръ Екатерины II 205.
Егерхорнъ, маіоръ 391—393, 405, 407, 408, 418. 423—436.
Екатерина I, импер. 161—169, 178, 179.

Екатерина II, импер. 64, 113, 180, 181, 184, 185, 189—369, 371—379, 393, 400, 403, 407, 409, 412—417, 423, 427—430, 432, 436—438, 442, 453—457. 462, 467. 468, 472, 476, 480. 496, 498, 509, 515. 517—523, 525, 530, 531, 533, 534, 547. 549, 550, 556, 557, 561, 565, 569, 579, 590, 610, 618, 621, 625, 646, 647, 664. 666, 687—693, 697—699, 701—705, 709, 711, 713, 714, 716, 717, 734—743.
Екатерина Антоновна, принцесса 180—187.
Екатерина Павловна, в. к. 266 (Табл.).
Елагинъ, дворц. экзекуторъ 223, 514.
Елешинъ, капитанъ 640.
Елисавета Антоновна, принцесса 180, 182, 183.
Елисавета Петровна, импер. 90, 133, 135, 166, 180, 189, 193, 199, 200, 201, 205, 207, 208, 209, 212, 266 (Табл.), 329, 355, 406, 436. 437, 464, 621.
Елисавета Сакс.-Альтенб. 266 (Табл.).
Енгалычевъ князь, ротмистръ 577.
Еремина Курица, прозв. Степ. Оболяева (см. это имя).
Ермакъ, покорит. Сибири 22.
Ернсвердъ баронъ (d'Ernsvärd) 269.
Ернсвердъ баронъ Карлъ 269.
Ершовъ, поручикъ 593.
Ефимовская графиня 167, 173, 174.

Ж.

Жанлисъ г-жа 190, 376.
Жолобовъ, маіоръ 551, 552, 563.
Жоржъ-Сандъ 370.
Жофренъ (Geoffrin) г-жа 346, 369.
Жуковскій, капитанъ 640.

З.

Забѣлинъ И. 114, 115, 117.
Завадовскій 338.
Задлеръ К. 119.
Заклядновъ Григорій, казакъ 602, 629, 631.
Закревскій графъ 674.
Залескій Яковъ 179.
Зарубинъ Иванъ Чика, см. это имя.
Захлистъ, атаманъ 641.
Звѣринской, прапорщикъ 577, 578, 642.
фонъ-Зенцъ Филиппъ, полковн. 116.
Зелинскій, поручикъ 577.
Зимнинскій, полковн. 655.
Злобинъ К. К. 185, 358.
Зоргеръ, маіоръ 653, 658.
Зоричъ, полковн. 233, 234, 279, 280, 282, 401.
Зотовъ, камердинеръ Екатерины II, 704.
Зотовъ, учитель Петра В. 83, 108, 111.
Зряховъ, 472, 473, 496, 505.
Зубовъ Пл. Ал. 697, 702—704.
Зубрицкій, офиц. 669, 670, 671.

И.

Ивановъ Андрей, протопопъ 509.
Ивановъ Иванъ, пугачевецъ 638.
Ивановъ Никифоръ, попъ 509.
Ивановъ Максимъ, попъ 509.
Ивановъ Михаилъ, атаманъ 638.
Ивановъ Петръ, дьяконъ 509.
Ивановъ, прапорщикъ 578.
Ивановъ, сызран. воевода 646.
Ивановъ Фирсъ, атаманъ 640.
Иверсенъ Б. 162, 163.
Иверсенъ Ю. Б. сынъ предыдущаго 162.
Игельштромъ бар., поручикъ 577.
Ида, 2-я супр. Августа, герц. Ольденб. 266 (Табл.).
Изендорфъ, подполковникъ 129.
Измайловъ Мих. Мих., сенат. 630.
Измайловъ, Моск. комендантъ 145.
Иловайскій, полковникъ 577, 583, 584, 586—589, 592, 593. 604, 639, 640.
Ире, швед. пис. 214.

I.

Іоакимъ, герц. всѣхъ Ангальтск. зем. 266 (Табл.).
Іоанна Елисавета, мать Екатерины II. 193, 194, 197, 199, 212, 266 (Табл.).
Іоаннъ Антоновичъ 180.
Іоаннъ, архимандр. 627, 628.
Іоаннъ, герц. Ангальтъ-Цербст. 266 (Таблица).
Іоаннъ Людвигъ, герц. Анг.-Церб., сынъ его 266 (Табл.).
Іоаннъ Людвигъ, герц. Анг.-Церб., сынъ предыдущ. 266 (Табл.).
Іоаннъ, герц. Финляндскій 729.
Іоаннъ, принцъ Датскій 23.
Іоаннъ III, кор. шведскій 724.
Іоаннъ III, царь 22, 52, 57, 92.
Іоаннъ IV Грозный 22—24, 26, 30, 52, 82, 92.
Іовъ 107.
Іона („Ionno“), іеромон. 720.
Іонинъ Алексій, діаконъ 560.
Іосифъ, архимандритъ 180, 185.
Іосифъ I, импер. 251, 286, 288.
Іосифъ II, импер. 98, 210. 225, 226, 239, 244, 249, 261, 337, 338, 363, 439—465, 688, 690.
Іосифъ („Iosep“), іеромон. 720.
де-Йерта (de Hierta) 269.
Йэрне (Hjärne), д-ръ, шведскій ученый 40, 42, 48, 49, 52, 53, 56, 57, 59, 63, 65.

К.

Кабановъ, подпоручикъ 637, 640.
Кайсаровъ П. С. 679.
Калмыковъ, казакъ 597.
Каменской Михаилъ Ѳедот., сенаторъ 627.

Камынинъ Лукьянъ Иван., сенаторъ 627.
Кандашцевъ, пугачевецъ 608.
Канзаферъ (Усачевъ), пугачевецъ 554, 559, 629—631, 638.
Капнистъ, писатель 313, 323.
Каподистрія гр. 308.
Караваевъ Денисъ, яицк. казакъ 602, 629—632.
Караджичъ В. С, 7.
Карамзинъ Н. М. 16, 17, 21—23, 25—27, 29, 31, 36, 39, 73, 90, 117, 328, 348, 377, 712, 714.
Кардашевскій, ротмистръ 577.
Кардель г-жа, воспитательница Екатерины II 195—197.
Карлейль лордъ, англійскій посолъ 54.
Карлъ, герцогъ голштинскій, дядя Екатерины II (женихъ Елизав. Петровны) 167, 193. 266 (Табл.).
Карлъ IX, кор. швед. (сперва какъ герцогъ) 16, 17, 20, 21, 28, 35, 38, 204.
Карлъ IX, кор. франц. 724.
Карлъ X, кор. швед. 66.
Карлъ XI, кор. швед. 66—68, 70.
Карлъ XII, кор. швед. 46, 57, 76, 80, 122, 123, 126, 130, 131, 157, 167, 211, 254, 264, 266 (Табл.), 277, 408, 721—724.
Карлъ XIII, кор. швед. (братъ Густава III) 395, 398, 411, 435, 463.
Карлъ-Фридрихъ, отецъ Петра III 193, 266 (Табл.).
Карновичъ Е. П. 709.
Каролина, ландграфиня гессенъ-дармштадтская 334, 361, 374.
Карташевъ, поручикъ 486, 487.
Карташевъ, капитанъ 670.
Каръ Андреянъ, докторъ 494.
Каръ Василій, генералъ 466, 471, 472, 481—483, 485, 489—495, 511, 547, 561, 602, 634.
Кастера (I. Castera) 213.
де-Кастри, маршалъ 341.
Кауницъ, министръ 90, 445, 454, 690.
Каховскій, генералъ 698, 699.
Качаловъ Василій, купецъ 585, 629, 636.
Квашнинъ, офицеръ 577.
Кейтъ Яковъ, генералъ 458, 729, 730.
Кельхъ, авторъ 26, 27, 38, 39.
Кидрясъ (Малакаевъ), башкирск. старшина 554, 631, 638.
Кикинъ, офицеръ 649, 657, 660.
Кингстонъ, герцогиня 709.
Кирдеметовъ (? Кадырметовъ) Еркей, пугачевецъ 641.
Кирилловъ 111.
Кирпишниковъ, сотникъ 614—616.
Кирѣевскій П. В. 121, 262.
Киселевъ П. В. 687.
Кликъ, шведскій офицеръ 391—393, 423 425.
Климовъ Иванъ, поручикъ 572, 581.
Клингспоръ баронъ Оттонъ, 424, 425, 427.
Клэхильсъ, надв. сов. 435.
Клюберъ 308, 310.
Клюпфель, пасторъ 369.
Княжнинъ, писатель 313.
Кобенцель, 264, 440.
Кобяковъ Федоръ, сарат. купецъ 629, 635, 661.
Кожевниковъ Михаилъ, пугачевецъ 629, 631, 632.
Кожевниковъ Петръ, купецъ 629, 636.
Кожинъ, полковн. 564, 574.
Козловскій 107.
Козловской кн., капитанъ 641.
Козловъ Ив. Ив. 627.
Козодавлевъ 312, 313, 327. 743.
Кологривовъ, офицеръ 473, 478, 481.
Колотовъ 189.
Колунчановъ, прапорщикъ 640.
Колычевъ, ворон. комендантъ 127.
Колычевъ, посланникъ въ Гаагѣ 396, 402.
Коноваловъ Василій, казакъ 629, 633, 634.
Константинъ Павловичъ, вел. кн. 334, 435, 454.
Копьевичъ 107, 108.
Копѣечкинъ Петръ, пугачевецъ 612.
Коранай (Коронай), пугачевецъ 554, 670.
Коровинъ, казакъ 603.
Коровка Осипъ, малороссъ-пугачевецъ 629, 639.
Корсаковъ 330, 364.
Корфъ, бригадиръ 489.
Корфъ баронъ М. А. 677, 679.
Косаревъ Иванъ, казакъ 603.
Коскиненъ Юрій (Форсманъ) 378, 379, 380, 388, 389, 392.
Коскуль баронъ (baron Nils Koskul) 269, 272, 275.
Коскуль баронъ, полковникъ 163.
Коскуль (m-lle Koskul) 270.
Костомаровъ Н. И. I—10, 164.
Костровъ Ермилъ, писат. 313.
Косъ (Iorgen Kaas), губерн. 719.
Косъ Гюйтфельдтъ (H. I. Huitfeldt Kaas) 719, 720.
фонъ Котенъ баронъ Густавъ, 425.
Котовъ Степанъ, фурьеръ 50 .
Котошихинъ 40. 42—45, 47—57, 59—65. 246.
Кохенъ, резидентъ 41.
Кохъ 254.
Кочубей кн. Викт. П. 686.
Кочубей Петръ Арк. 686.
Кочубей кн. Серг. Викт. 686.
Кочуровъ Козьма, казакъ 629, 631, 632.
Кочуровъ Петръ, пугачевецъ 629, 631,
Кошелевъ, офицеръ 473, 480, 481.
Краевичъ, капитанъ 640.
Красниковъ Федотъ, казакъ 597.
Краусъ, проф. 304.
Крейцъ графъ Густавъ Филиппъ 214. 215, 231, 238, 239, 244, 248, 268, 389, 390, 392, 395, 457.
Крекшинъ, авт. записокъ 114.

Кремеръ К. Г. 422.
Кречетниковъ, астрах. губернат. 547, 649, 651—654, 658, 662.
Крижаничъ, Ю. 82, 95, 96, 116, 118.
Крока Олавъ Петри, швед. капелланъ 63.
Кроликъ Өеофилъ, монахъ 109.
Крузе г-жа 205.
Крузе, лифл. дворянинъ 22.
Крузенштернъ 41.
Крыловъ И. А. 712.
Ксенія (Годунова) 23.
Кузнецовъ Андрей, донск. казакъ 629, 636.
Кузнецовъ Петръ, казакъ 629.
Куникъ А. А. 121, 365, 685.
Куракинъ 705.
Куракинъ, новгород. воевода 51.
Курсель, капралъ драбантовъ 134.
Куръ-де-Жебеленъ (Cour de Gébelin) 293, 294, 296, 297, 299, 308.
Кутайсовъ 705.
Кутейниковъ Федоръ, полковн. 573, 581, 582, 589, 639.
Куткинъ, маіоръ 581, 582.
Кутузовъ Ал. Мих. 718.
Кутузовъ Павелъ 313.
Кутузовъ Смоленскій 675, 679, 718.
Кушелевъ-Безбородко графъ Гр. Ал. 686.
Кушелевъ-Безбородко графъ Н. И. 684, 708.
Köther (терм. Екатерины для обозначенія виновниковъ анархіи во Франціи) 364.
Кюстинъ, писатель о Россіи 119.

Л.

Лабенскій 119.
Лагербрингъ, истор. 162, 168.
Лагусъ, проф. 379.
Ладау Густавъ, капитанъ 393.
Лазаревъ, подполковн. 505.
Ламанскій В. И. 9, 561.
Ламши, художн. 691.
Лангъ, полковникъ 448.
Ланжеронъ 715.
Ланской А. Д. 242, 243, 292, 315, 326, 330.
Лантингсгаузенъ графиня (comtesse Lantingshausen) 270.
Лаппъ, поручикъ 146, 150.
Лаптевъ, прапорщ. 581.
Ла-Ривьера 334.
Ларіоновъ Александръ, генер.-маіоръ, 517, 563, 565.
Ларіоновъ, вахмистръ 578.
Ласси, графъ, испанскій министръ 226, 445.
Ласси генер. 729.
Лауренцкій, шляхтичъ 171.
Лафайэтъ, маркизъ 298.
Лебедевъ, авт. 520, 522.
Левашевъ, генер. 414, 427.
Леве, пасторъ 25.
Левенгауптъ баронъ Севастьянъ (baron Sebastian Löwenhaupt) 269.
Левенгауптъ графиня (comtesse Löwenhaupt) 270.
Левенгауптъ графъ Адамъ (comte Adam Löwenhaupt) 269.
Левенгауптъ графъ Казиміръ (comte Casimir Löwenhaupt) 269.
Левенгауптъ графъ Клясъ (comte Clas Löwenhaupt) 269, 275, 276.
Левенгауптъ графъ, швед. генер. 123, 128, 139.
Лейбницъ 84, 115, 305.
Лекбергъ (Leckberg) 271.
Леклеркъ, истор. 117.
Лексель, астрономъ 229.
Лепехинъ, акад. 295, 296.
Лербергъ, истор. 16.
Лефортъ 93, 117, 189.
Лецкій, об.-коменд. 504.
Лжедимитрій 23, 27.
Лигновская княжна 459.
Лидбомъ, 135.
Лиліемаркъ Энохъ, переводчикъ 57.
Лиліенгофъ, ассес. 66, 68.
Лиліенскіольдъ, полковн. 183, 186, 187.
Лилienталь, резидентъ 41, 44, 61.
Линдау, корнетъ 141, 142.
Линдбергъ, пасторъ 146.
де-Линь, принцъ 201, 696, 715.
Лихуда 107.
Лобановъ-Ростовскій князь 423, 428.
Ловиза-Ульрика, королева 212, 213, 266 (Табл.), 380, 381, 398, 410.
Логиновъ Иванъ, старшина 608—611.
Лоде, учит. танцевъ 201.
Лодыжинскій, нач. конт. сарат. колонистовъ 547, 565, 649—654, 656—660.
Локкъ, филос. 333.
Локсеніусъ 57.
Ломоносовъ М. В. 89, 106, 264, 297, 314, 712.
Лонгиновъ М. Н. 548, 573.
Лопатинскій, рект. акад. 107.
Лопухинъ Иларіонъ Дмитріев. 53.
Лопухинъ, мин. юст. 471.
Лопухинъ Никита Васильевичъ 53.
Лопухинъ Өедоръ Авраамовичъ 53.
Лоранъ, учит. Екатерины II 196.
Лошкаревъ 699.
Лощилинъ, дон. старшина 637, 639.
Лудольфъ графъ 699.
Луиза-Доротея, герц. Сакс.-Готско-Альтенбургская 372.
Луи-Филиппъ, герц. Орлеанскій 374.
Лука, капитанъ 154.
Луковкинъ, полковникъ (атаманъ) 589, 638, 639.
Лундъ, маіоръ 392.
Лунинъ А. М., капитанъ 472—474, 480, 495, 524, 535, 543, 639.
Лунинъ Мих. Купр., сенат. 627.
Лутохинъ, канцеляристъ 644.
Львова Елизавета Николаевна 678.
Львова Прасковья Никол., въ замуж Бороздина 678.

Львовъ Н. А. 674, 678, 686.
Львовъ Ѳ. П. 674, 678.
Любарскій Платонъ 470, 473, 474, 479.
Любснеръ, генер. 153, 680.
Людовикъ XIV 233, 711, 721, 722.
Людовикъ XV 713.
Людовикъ XVI 215, 248, 256, 261, 361.
Лютеръ 86, 197.

М.

Мавринъ Сава, капит.-поручикъ 471—473, 480, 555, 556, 597, 599—601, 603—606, 610, 616, 617, 673.
Магницкій 674—679.
Магнусъ, шведскій король 11, 13, 23.
Майковъ Л. Н. 710.
Майковъ, воевода 144.
Макаровъ А. В., кабинетъ-министръ 111, 170, 171, 173—178.
Макаровъ, предвод. двор. 475—477.
Макартней, англ. посолъ 189.
Макіавели 191.
Маколей 347.
Максимовъ 659.
Малакаевъ Кидрясъ, см. Кидрясъ.
Малиновскій 693.
Маллинъ, ротмистръ 135.
Мальманенъ (псевдон. гр. Крейца) 392. 457.
Мальмъ (или въ двор. Эренмальмъ) 680—683.
Мальсбери Джемсъ Гаррисъ 442, 689.
Мальцовъ, полиціймейстеръ 653.
Мамоновъ А. М. 264, 330, 361, 428—430, 432, 697.
Манковъ Василій. полковн. 578.
Маннергеймъ, полковникъ 421.
Мансуровъ Пав. Дм. 477, 479, 500, 502, 506, 512, 554, 569, 570, 583—587, 593, 604, 618, 659, 663—665, 667.
Мантейфель графиня 459.
Манштейнъ 728.
Мардефельдъ, прусскій посланн. 198, 200. 347.
Марина (Мнишекъ) 23.
Марія, жена Анастасіуса (толмача) 57, 58, 60.
Марія-Терезія, импер. 233, 337, 363, 374, 445, 450, 451, 453, 691.
Марія Федоровна, императр., супруга Павла I 225. 442.
Марко, капитанъ 154, 155, 301.
Мармонтель 215, 226, 369.
Мартини, проф. 450.
Мартыновъ Матв. Григ. 627, 628.
Маршалкъ, генер. 134.
Масловъ Мих. Яковл., сенат. 627, 628.
Массонъ 195. 415.
Матвѣевъ Арт. Серг. 71, 119.
фонъ-Матисъ, поручикъ 577.
Мацѣевичъ Арсеній 436, 437.
Машмейеръ, докторъ 478.
Мейерфельтъ графиня (comtesse Meyerfelt) 270.
Мейеръ, ваятель 351.
Мейльгордъ (Meilgaard), дворян. 719.
Мейстеръ, секрет. Гримма 373.
Меландеръ, капит. 146—148, 150—153.
Мелиссино Ив. Ив. 627.
Меллинъ гр., маіоръ 525, 528, 529, 536, 541, 542, 544, 554, 566, 569, 570, 576—579, 584, 586—588, 593, 604, 637, 648, 654, 656, 662—664.
Мельгуновъ Ал. Петр. 584, 628, 640.
Мельниковъ, крестьян. 673.
Менцель, ист. 119.
Меньшиковъ кн. 93, 123, 139, 149, 681, 682.
Мертенъ (Merthen) Ева (иначе Мертенсъ, Merthens) 729, 730.
де-Местръ Жозефъ 712, 715.
де-Местръ Ксавье 715.
Мещерскій кн. Плат. Степ. 553, 617, 624, 625.
Микулинъ Левъ, сержантъ 176, 177.
Миллеръ, акад. 66, 73, 76, 126, 296.
Милорадовичъ графъ Гр. Ал. 686.
Милорадовичъ Мих., серб. полковн. 108, 171.
Милославскій И. Д. 54.
Митрясовъ Алексѣй, старш. 611, 637.
Михайловъ Алексѣй, попъ 509.
Михайловъ Борисъ, казакъ 598.
Михайловъ Василій, попъ 509.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь 24, 35, 74.
Михаэлисъ, докторъ 129.
Михельсонъ, генер. 413, 423, 468, 518, 525, 526, 528, 529, 536, 540, 542, 551, 552, 554, 563—567, 569, 570, 574—576, 579, 583—587, 589, 592, 604, 618, 637—640, 645—648, 650, 663, 672.
Моклеръ, пасторъ 195.
Монгоммери Робертъ 420, 421.
Монтань Петръ Іоаннъ 165.
Монтескье 202, 205.
Морелла, аббатъ 372.
Морепа́ (Maurepas) графъ 225, 278.
Морицъ Елисавета, въ замуж. Рабе 162, 165.
Морицъ Саксонскій, марш. 369, 372.
Морковъ А. И., русск. посолъ въ Швеціи 396, 397, 403, 404, 409, 457, 702.
Мортонъ, подполк. 146.
Мортонъ г-жа, жена предыдущаго.
Мосоловъ, офиц. 650, 662.
Мостовщиковъ, казакъ 603, 612.
Мосякинъ Іовъ, крестьянинъ 470.
Моцениго 249.
Мункъ (de Munk) 230, 231, 269, 270, 282, 389.
Муравьевъ М. 313.
Мурзагуловъ Алибей, старшина 492.
Мурзакевичъ Н. Н. 686.
Мусинъ-Пушкинъ гр. Ал. Ив. 686.
Мусинъ-Пушкинъ гр. Вал. Пл. 415, 427, 428, 431, 433—435, 618, 627.
Мусинъ-Пушкинъ, управл. монаст. приказ. 110, 111, 121.
Муслюмовъ Менденъ, старшина 578.
Мустафа III 516.
Муфель, подполковн. 502, 506, 511, 525,

529, 536, 554, 566, 569, 570, 577, 578, 584, 586. 648, 654, 662—664.
Мызниковъ, подпоруч. 507.
Мэрнеръ (Mörner), генер. 269.
Мясниковъ Тимоѳей, пугачевецъ 629, 631, 632.

Н.

Надыровъ Юсупъ, старшина 487.
Назаровъ Леонтій, крестьян. 506.
Наполеонъ I 439, 674, 675, 706, 711, 718.
Нарманъ, офиц. 578.
Нармацкій, офицеръ 578.
Нартовъ 85, 89, 115, 227.
Нарышкина Анна Никитична (рожд. Румянцова) 230.
Нарышкинъ Ал. Ал. 230.
Нарышкинъ Дм. Л. 229.
Нарышкинъ Л. А. 226, 229, 242, 243, 320, 323, 324, 403, 444.
Нассау-Зигенъ, принцъ 715.
Наталія Алексѣевна, принцесса 334, 361, 374.
Нащокинъ Б. И. 50.
Небольсинъ Федоръ, прапорщикъ 577, 642.
Неволинъ, истор. 52.
Недбергъ, авт. 169.
Неккеръ, министръ 377.
Неклюдовъ, полковникъ 574, 639.
Нелидова, приближ. при дворѣ Павла I 705.
Несторъ 1—6, 9, 10.
Неустроевъ, пугачевецъ 636.
Никитинъ Ѳедоръ, попъ 509.
Никифоровъ Василій, дьяконъ 509.
Никифоровъ Дмитрій, казакъ 629.
Николаи Лудвигъ-Гейнрихъ, воспитат. Павла Петр. 295.
Николаи бароны 295.
Николаи Христофоръ-Фридрихъ, полигисторъ 295, 302.
Николай I Павловичъ, импер. 351.
Николь, аббатъ 715.
Новокрещеновъ Романъ, премьеръ-маіоръ 611, 612.
Новосильцовъ П. 650, 651, 656.
Нользъ, адмир. 358.
фонъ-Нолькенъ баронъ Фридрихъ, швед. посолъ 221, 223—225, 268, 271—273, 276—278, 416, 439, 440, 453, 458—460.
Нолькенъ, ротмистръ 584.
Нордбергъ, истор. 130, 131, 145, 146, 148—150, 156, 162, 167, 168.
Нордстремъ, проф. 12.
Норинъ (въ дворян. Норденсвердъ), капит. 131, 132.

О.

Оболяевъ Степанъ, солдатъ (онъ же Еремина Курица) 602, 629, 632, 633.
Овсянниковъ 557.
Овчинниковъ Козьма Афанасьевъ 42.
Овчинниковъ, пугачевецъ 630.
Огильви, фельдмаршалъ 94, 682.
Оксеншерна гр. Аксель 74, 75, 394, 412, 457, 726.
Оксеншерна графъ Густавъ 66, 68, 69, 71.
Олеарій 35, 38, 39, 725.
Олисовъ, купецъ 638.
Олсуфьевъ Пав. Матв., капитанъ 577, 630.
Опухтинъ Акимъ Ив., сенат. 627.
Орбини 108.
Ордынъ-Нащокинъ, А. Л. 43, 45, 46, 50—56.
Ордынъ-Нащокинъ, Воинъ, сынъ предыдущаго 56.
Орловъ гр. А. Г. 219, 647.
Орловъ графъ Ив. Гр. 615.
Орловъ князь Григорій Григ. 241, 330, 352, 524, 713.
Осиповъ Андрей, пугачевецъ 611.
Осиповъ Иванъ, священникъ 469.
Осиповъ, ротмистръ 546.
Остенъ-Сакенъ баронъ Ѳ. Р. 719.
Остерманъ графъ И. А. 217, 221, 226, 231, 432, 448, 462, 464, 689, 691, 692, 706.
Остерманъ графъ, Ф. А. сенат. 627.
Островскій Д. П. консулъ 719.
Отрепьевъ Григорій 30.
фонъ-Оттеръ баронъ Себастьянъ, 420—422, 424, 425.

П.

Павелъ I Петровичъ, импер. 225, 251, 253, 287, 295, 334, 339, 352, 358, 361—363, 374, 375, 442, 705, 706, 709, 711.
Пазоръ, маіоръ 639.
Палласъ, акад. 227, 229, 292—297, 299, 301, 302, 308, 310.
Паленъ, генер. 258.
Пальмквистъ, путешеств. 41, 66, 67, 70, 71.
Панинъ графъ Н. И. 166, 217, 223—226, 231, 232, 241, 268, 278, 330, 448, 464, 521, 522, 540, 689, 690, 694.
Панинъ графъ П. И. 467—470, 496, 507, 518—532, 534, 535, 543, 546, 547, 554, 557, 558, 560, 561, 565, 566, 569, 571, 573—576, 579. 583, 585—594, 601, 604, 605, 618—621, 624, 625, 627, 630, 632, 635, 637, 642, 643, 654—658, 662, 664, 668, 670—672.
Панкукъ, книгопродав. 331, 332.
де-Парело маркизъ, сардин. послан. 692.
Пасмуровъ, поручикъ 639.
Пастельбергеръ, капитанъ 138—140, 142—144.
Паткуль, швед. выход. 94.
Пахомій („Packum“), іеромон. 720.
Пахомій, раскольникъ-пугачевецъ 629, 632, 633.
Пацъ Христофоръ 55.
Пейронъ (Peyron) 269.
Пекарскій П. П. 106, 115, 121, 202, 205, 344, 358, 470, 561, 595.

Пенго́ (Leonce Pingaud) 711, 712, 714, 716, 718.
Пеннъ 713.
Пенъ (Antoine Pesne), художн. 198.
Перар̃ъ (Pérard), проповѣдникъ 195.
Перекусихинъ Вас. Сав., сенат. 628.
Перетти 713.
Перефиксъ (Hardouin de Beaumont de Péréfixe), акад. 204.
Перри 95.
Персицковъ Василій, атаманъ 581.
Персіяниновъ (онъ же Торновъ), каз.-пугачевецъ 630.
Перфильевъ Аѳанасій, казакъ-пугачевецъ 511, 534, 558, 578, 590, 596, 629, 630, 634.
Петрей, швед. посолъ 24—26, 28, 33—39.
Петровъ П. 114.
Петръ Антоновичъ, принцъ 180, 183.
Петръ I Великій 43, 52, 53, 63, 72, 76, 77, 81—166, 189, 197, 200, 204, 205, 211, 221, 228, 236, 266 (Табл.) 299, 310, 334, 335, 343, 344, 351, 354, 356, 438, 446, 680—683, 711, 715, 726.
Петръ II Алексѣевичъ 169, 179.
Петръ III 115, 190, 191, 193, 197, 201, 209, 253, 266 (Табл.), 380, 496, 502, 504, 556, 560, 584, 591, 602, 628, 633, 659, 665, 739.
Петръ I, герц. Ольденбург. 253, 266 (Таблица).
Петръ Фридрихъ Вильгельмъ, герц. Ольденбург. 266 (Таблица).
Петръ II, герц. Ольденбург. 266 (Табл.).
Петръ Георг., принцъ Ольденбург. 266 (Таблица).
Пиктэ 713.
Пиперъ графъ Густавъ Абрамъ 124, 130, 137, 144, 145, 148.
Пиперъ гр. Карлъ 270, 273.
Пирръ (Pyrrhus, roi d'Epire) (прозвище Корсакова) 364.
Пистольшельдъ, корнетъ 124.
Пій VI, папа 451.
Платовъ, полковн. 618.
Платонъ, митрополитъ 349.
Платонъ, филос. 204.
Плессенъ графъ 159.
Плицеръ Мартынъ 151.
Плотниковъ Вас., пугачевецъ 629, 631.
Плутархъ 202.
Поваляевъ, солдат. сынъ 489.
Погодинъ М. П. 1, 118, 674, 675.
Подуровъ, пугачевецъ 629, 630, 631.
Поздеевъ Григорій, полковн. 578.
Поликратовъ 186.
Поликарповъ, дир. моск. типогр. 108, 110, 111, 121.
Половцовъ А. А. 686.
Полозовъ, полковн. 613.
Поль-Джонсъ 715.
Полѣновъ Д. А. 470.
Поляковъ, старшина 581, 636.
Полянскій Иванъ, священ. 469.
Пономаревъ Иванъ (Самодуровъ), казакъ 629, 636.
Поповъ Василій, крестьян. 629, 636, 637.
Поповъ В. С. 699.
Поповъ, маіоръ 513, 515, 578.
Пополутова, ж. подпоручика 506.
Породновъ, сотникъ 599.
Портанъ, проф. 16, 392, 394, 397, 399.
Портновъ, казакъ 599, 633.
Посошковъ 96, 97, 118.
Поссе графъ Морицъ 224, 269, 272, 283.
Поссе графъ Нильсъ 269.
Посссльтъ, Dr. 213.
Поссельтъ М. 117.
Потаповъ, ген.-маіоръ 609, 610, 611, 615.
Потемкинъ графъ Г. А. 227, 231, 241, 242, 244, 247, 261—267, 282, 329, 330, 351, 358, 366, 379, 401, 403, 413, 414, 416, 428, 438—441, 507, 551, 554, 561, 686, 689—692, 694, 696—699, 702, 703, 709, 713, 715, 735.
Потемкинъ графъ П. С. 467—470, 480, 523, 524, 546—549, 551, 553—556, 558—561, 573, 574, 582, 592, 596, 597, 599, 601, 605, 606, 617, 628, 632, 637, 645—648, 652, 654—656, 659, 663, 664, 666, 668, 673.
Потуловъ 584.
Почиталинъ Иванъ, пугачевецъ 616, 629, 632, 634, 635.
Почиталинъ Яковъ, пугачевецъ 631, 632.
Прасковья Ѳедоровна, царица 103.
Прокофьевъ Данила, попъ 509.
Протасовъ Як. Як., сенат. 628.
Протасовъ Гр. Гр., сенат. 628.
Протопоповъ Дмитрій, купецъ 629, 635.
Протопоповъ Иванъ, казакъ 594.
Протопоповъ Матвѣй, купецъ 661.
Прютцъ 41.
Птахинъ, сотникъ 640.
Пугачева Софья, перв. жена самозванца (рожд. Никифорова) 617, 629, 633.
Пугачева Устинья Петрова, втор. жена самозванца (рожд. Кузнецова) 469, 516, 556, 629.
Пугачевъ Ем. 266, 334, 467—475, 479, 481, 483—485, 489, 495—498, 502, 504—507, 516, 520, 522—530, 535—537, 541, 544, 546, 548, 549, 551, 553—561, 563, 565, 567—577, 579, 582—587, 590, 591, 593—605, 616—621, 628, 630, 633, 637, 639, 645—665, 667, 671, 672, 675.
Пуговичниковъ, совѣтн. 205.
Пулавской, волонтеръ 578.
Пундапи, пасторъ 667.
Пурспиліонъ (Purspillon) 269.
Пустобаевъ Петръ, пугачевецъ 593, 629, 633, 634.
Пуффендорфъ 95, 107, 120.
Пушкинъ, А. С. 94, 375, 466, 467, 470—475, 493, 505, 521, 522, 548, 551, 562, 563, 618, 630, 661, 712.
Пушкинъ, маіоръ 605.
Пьяновъ, пугачевецъ 616, 617, 634.
Пѣвцовъ, офиц. 148.
Пятинъ, корнетъ 578.

Р.

Рабе Іоаннъ Рейнгольдсонъ 162, 163, 165, 166, 168, 170.
Рабе Кастенъ, учитель 163.
Рабе Рейнгольдъ Іоансонъ, капитанъ 165.
Рабе Свенъ Рейнгольдъ 165.
Рабеніусъ, пасторъ 124.
Равентлау графъ 457.
Равингіусъ, пасторъ 165.
Рагоци Георгій, князь 41.
Рагузинскій Савва 108.
Разинъ Стенька 54.
Разумовскій графъ Анд. Кир. 249, 409, 412, 415, 438, 456—459, 462, 463.
Разумовскій гр. К. Гр., сенат. 298, 438.
Рамбо 65, 191, 192.
Раммель бар. (baron de Rammel) 269.
Раумеръ 189, 206, 209.
Ребиндеръ баронъ (baron Rehbinder) 270.
Ребиндеръ, генер. 206.
Рейналь, истор. 372, 393.
Рейнсдорпъ, губернаторъ 469, 479, 480, 504, 516, 549, 634, 647.
Рейнъ, проф. 379, 392, 395, 457.
Рейснеръ (Reusner), полков. 726.
Рейтлингеръ (Ритленгеръ) Христофоръ, врачъ 36.
Рейхенбахъ, страсбург. коменд. 729.
Ренатъ, офиц. 65.
Рензель, полковн. 551.
Ренкуръ 717.
Реншильдъ гр. 124, 145.
Репнинъ князь Ан. Ив. 171—178, 231, 282, 440, 467, 682.
Репнинъ Иванъ, капитанъ 44.
Ржевскій, офиц. 578.
Рибасъ 699, 715.
Риббингъ, графиня (comtesse Ribbing) 270.
Риварола, министръ 691.
Риддерборгъ, ротмистръ 124.
Риддершанцъ д-ца 133.
Ришелье, герцогъ 715—717.
Ровневъ, поручикъ 640.
Розенблутъ, переводчикъ 107.
фонъ-Розенъ, подполковн. 161, 168.
Роламбъ баронъ (baron Râlamb) 270.
Ромодановскій В. Г. 44.
Роселинъ Іоаннъ, переводчикъ 63.
Россетъ 715.
Ростовскій, староста 174.
Ростопчинъ гр. 705.
Ротфельтъ прапорщикъ 147.
Ротъ, филологъ 306.
Рубанъ, авт. 688.
Рудбекъ Олавъ, проф. 62, 63.
Рудольфъ, герц. Ангальт.-Цербст. 266 (Таблица).
Румовскій, акад. 295.
Румянцова графиня 205, 442.
Румянцовъ Задунайскій гр. П. А. 227, 440, 441, 467, 468, 522, 525, 584, 694, 696.
Румянцовъ гр. Ник. Петр. 313, 316, 364.
Рунель Эрикъ, секрет. швед. архива 57.
Руничъ 590, 595.
Руссо Ж. Ж. 214. 332, 333, 338, 348, 360, 369, 370, 371, 377, 393, 548, 647.
Рыковъ, офиц. 578.
Рычковъ 470, 562, 586, 595, 596, 598, 642.
Рѣпинскій Козьма Григ. 679.
Рюдбергъ О. С., швед. учен. 11, 14, 15, 65.
Рюдигеръ 305.
Рюль, капитанъ 134.
Рюрикъ 6.
Рюсенстенъ, камергеръ 185.
Рязановъ, комендантъ 144.

С.

Сабининъ 7.
Сабуровъ, подпоруч. 578.
Савельевъ, ротмистръ 575. 586, 662, 663.
Савинъ, пугачевецъ 555.
Салаватъ, пугачевецъ 554.
Саліасъ графъ 644.
Салмановъ, секундъ-маіоръ 571, 579, 653, 662.
Салтыковъ Мих. Мих., сенат. 627.
Самаринъ Ю. Ѳ. 105, 121.
Самойловичъ, лѣкарь 478.
Самойловъ графъ А. Б. 548, 627, 699, 701.
Самойловъ графъ Н. Б. 627.
Самохваловъ, подпоруч. 491.
Самуилъ, архіепископъ 628.
де-**Сангленъ** 677.
Сапожниковъ, сержантъ 578, 655, 661, 668.
Свербѣевъ 651, 656.
Свѣчинъ, подпоруч. 578.
Севинье г-жа 203.
Сегюръ гр. 201, 262, 264, 265, 361, 692, 714, 715.
Седерфельтъ 269, 272, 275, 276.
Седерштрёмъ баронъ (baron Bror Cederström) 270.
Седеръельмъ графиня (comtesse de Cederhielm) 270.
Седеръельмъ, секрет. 145.
Седухинъ Иванъ, раскольникъ 629, 636.
Сеитовъ Аитъ, пугачевецъ 641.
Селивановъ, корнетъ 578, 640.
Селицкій І. А. (т. е. Котошихинъ) 47, 49, 56—60, 63, 64.
Семанжъ, маіоръ 657, 659—662.
Семевскій М. И. 686.
Сенакъ-де-Мельянъ 334, 353
Сенцовъ, капитанъ 501.
Сенъ-Бэвъ 370, 373.
Сенъ-При 219, 715.
де-Сенъ-Пьеръ Бернарденъ 713.
Сергѣевъ Иванъ, однодворецъ 470.
Серебряковъ, крестьянинъ-раскольникъ 645, 659, 667.
Серебряковъ, полковникъ 555, 571, 589.

де-Серра-Капріола, дюкъ 699.
Сецилія, 3-я супр. Августа, герц. Ольденбург. 266 (Таблица).
Сибо́, миссіонеръ 227.
Сиверсъ Яковъ, Новгород. губернаторъ 479.
Сигизмундъ III, король польскій 18, 20, 21, 31, 35.
Сигротъ, генер. 412, 419, 421, 422.
Силатка, пугачевецъ 641.
Силицкій, свящ. 174.
Силишневъ Андрей (тоже Силишнинъ), сотникъ 597, 598.
Сильверстольпе, швед. учен. 65.
Сильверъельмъ, подполковн. 139.
Симолинъ, рус. послан. 231, 362, 386, 409, 713.
Симоновъ, полковникъ 468, 500, 503, 504, 574, 594—599, 603—605, 616, 671.
Синельниковъ, казакъ 468, 504.
Синеусъ 6.
Синклеръ, маіоръ 138.
Сипягинъ, ген.-маіоръ 511.
Скалонъ, ген.-маіоръ 516.
Скарга, іезуитъ 204.
Скачковъ Тимофей, пугачевецъ 629, 632.
Скавронская (Скаворонская) графиня 170.
Скавронская Софья, дочь ея 170.
Скавронскій графъ 167—170.
Скавронскій Карлусъ, Самуиловъ сынъ 171, 173.
Скавронскій Дирихъ, Самуиловъ сынъ 170.
Скавронскій Самуилъ, лифл. крестьян. 162, 164, 168, 170.
Скавронскій Фридрихъ 177.
Скавронская, жена его 177.
Скопинъ-Шуйскій 73.
Скрыпицинъ, маіоръ 551.
Скупинскій, поручикъ 578.
Смирновъ, приказчикъ 668.
Смитъ, проф. 14, 181.
Снегиревъ, авт. 22.
Собакинъ Василій, подпоруч. 473.
Соболевскій С. А. 294, 298.
Соловнъ (von Solown) Петръ 79.
Соловьевъ М. 246.
Соловьевъ С. М. 3, 41, 52, 55, 56, 64, 91, 94, 96, 115, 118, 120, 163, 164, 193, 688.
Соловьевъ С. В. 63, 64.
Сомоевъ, казакъ 603.
Сорокинъ, поручикъ 495.
Софія-Августа-Фридерика - Екатерина II 194 и сл., см. Екатерина II.
Софія-Магдалина, дат. принц. (супр. Густава III) 222, 266 (Таблица).
Софія-Шарлотта, королева прусская 115.
Софія-Шарлотта Гольштейнъ-Бекская, супр. Георга Людв. Ольденб. 266 (Таблица).
Софія Гольштейнъ-Готторпская, супруга Іоанна, герц. Ангальтъ-Цербтск. 266 (Таблица).
Спарвенфельтъ, швед. славистъ 63.
Спарре Аксель 62.
Спарре баронъ (baron de Sparre) 269.
Спарре бар. Бенгтъ, (bar. Bengt Sparre) 269.
Спарре баронъ Фр. (baron Fr. Sparre) 269.
Спарре графъ Ив. (comte Jean de Sparre) 271—273, 386.
Сперанскій 674, 676, 679.
Сперлингъ, губернат. 81.
Спренгпортенъ Георгій Магнусъ, швед. эмигрантъ 254, 378—435, 457, 463.
Спренгтпортенъ Магнусъ Вильгельмъ, сынъ эмигранта 399.
Спренгтпортенъ Яковъ Магнусъ 381, 382, 396.
Срезневскій И. И. 685.
Сталь г-жа 190.
Сталь-фонъ-Гольстейнъ Георг., капит., впосл. баронъ 132.
Станиславъ Понятовскій, король польскій 402.
Стедингъ (Stedingk), швед. маіоръ 270.
Стедингъ, швед. посолъ 265.
Стенбокъ гр. 269, 272, 275, 276, 682.
Степановъ Спиридонъ, пугачевецъ 638.
Стернъ 318.
Стефановичъ Романъ, лѣкарь 499.
Стефановъ, церковникъ 186.
Стефановъ, маіоръ 638.
Стефанъ Баторій, король польскій 27.
Стихеусъ, поручикъ 660.
Страленбергъ, капитанъ 136.
Стрекаловъ 243.
Стриндбергъ 65.
Строгановъ гр. 243.
Струэнзе 218, 232.
Ступишинъ А. А., Нижегород. губерн. 468, 501, 554, 624, 625.
Стуре 399.
Суворовъ А. В. 257, 468, 517, 522, 526, 545—547, 557, 562, 563, 584—587, 590, 591, 593—595, 598, 604, 605, 618, 671, 715.
Суетинъ, дьякъ 612.
Султаевъ Аметь, казакъ 597, 598.
Сумароковъ, писат. 189, 310, 358.
Суходольскій Александръ, каз.-пугачевецъ 637.
Сухомлиновъ М. И. 685.
Сушкова Марія, писат. 313.
Суюшъ, сотникъ 487.
Сырметьевъ Абдулъ, сотникъ 492.

Т.

Тавлѣевъ 644.
Талейранъ 190.
Талызинъ, камергеръ 520, 534.
Тамерланъ 658.
Танбовцовъ, атаманъ 613—615.
Тарновъ, пугачевецъ 579.
Тарариновъ, есаулъ 660.
Татищевъ, историкъ 104, 297.

Татищевъ, подпор. 486—487.
Таубе бар. 241, 244, 247, 283.
Таубе, лифлянд. двор. 22, 42, 44—47, 49, 50, 52, 55.
Тацитъ 205, 729.
Твороговъ Иванъ, пугачевецъ 559, 597—600, 629, 633, 634.
Тевкелевъ, секундъ-маіоръ 485.
Телегинъ 660.
Тереза Насс., супр. принца П. Г. Ольденбург. 266 (Таблица).
Терентьевъ, о. Ефимъ 80.
Терской Осипъ, старшина 578.
Тессинъ гр. 212.
Тигерстедтъ К. К., учен. 379, 380, 388, 408, 435.
Тизенгаузенъ баронъ, Гансъ Генрихъ, эстл. ландратъ 66, 68.
Тизенгаузенъ, подполковникъ 161, 163.
Тимашевъ, маіоръ 580.
Тиммерманъ 84, 93.
Тимонинъ, маіоръ 653.
Тишинъ, казначей 664, 668, 672.
Тодорскій Симонъ, преподав. Екатерины II 201.
Тойрасъ Рапенъ, истор. 195.
Токмовцовъ, капитанъ 491.
Толкачовъ Петръ, пугачевецъ 556. 629, 632.
Толль, ген.-адъют. 397, 400, 419.
Толстой, капитанъ 480, 481.
Толстой, полковникъ 552, 563.
Толстой П. А., дипlom. 108.
Топеліусъ, финлянд. литераторъ 728. 730, 731.
Торвигъ (de Torvigg) 270.
Торкель-Кнутсонъ, маршалъ 72, 73.
Торновъ (тоже Персіяниновъ), пугачевецъ 629—631.
Торси, министръ 721.
Траверсе, морск. мин. 715, 717.
Траубенбергъ 612, 615.
Тредьяковскій 264, 297.
Трейеръ, шв. литер. 26—28, 36—39.
Трифоновъ Астафій (Долгополовъ), пугачевецъ 524, 525, 544, 559, 585, 590, 594, 620.
Тролле, адмир. (Troll) 223, 242, 244, 249, 267, 268, 272, 275, 276, 283.
Тромпе, адмир. 726.
Троншенъ, докторъ 377.
Трощинскій 706.
Труворъ 6.
Тудессенъ (Syckum Thudessen) 719.
Тулинъ Иванъ, казакъ 581.
Тулинъ, купецъ 638.
Туминъ Иванъ 572, 573, 594.
Туминъ, ротмистръ 640.
фонъ Тунъ графиня 459.
Тутолминъ, поручикъ 577.
фонъ Тэрне, адъютантъ 423.
Тюргеймъ графиня 459.

У.

Уггла бар. (baron d'Uggla) 269.
Уггла (d'Uggla) 269.
Укертъ, истор. 28, 41.
Ульрика-Элеонора, королева 131.
Ульрика-Фридерика Гесс.-Касс. 266 (Таблица).
Ульфспарре Элиза (въ зам. Спренгтпортенъ) 380.
Ульяновъ Илья, пугачевецъ 606, 629, 633, 634.
Унгернъ баронъ, поручикъ 138, 139, 178.
Уразаевъ, пугачевецъ 510.
Ураковъ князь, подпоручикъ 487, 491.
Ураковъ кн., капитанъ 492.
Устиновъ, есаулъ 640.
Устряловъ, акад. 24—27, 29, 31, 32, 36, 37, 39, 94, 705.
Уфимцевъ, пугачевецъ 662.
Ушаковъ, полковникъ 609.

Ф.

Фази (Jean Fazy) 437—439.
Фальконетъ 334, 335.
Фалькенштейнъ гр. (т. е. Іосифъ II) 278, 338, 439—465, 694.
Фалькъ, учен. путешеств. 296.
Фарнгагенъ-фонъ Энзе, нѣм. писат. 729, 730.
Фаустъ Іоаннъ 232.
Фатьяновъ, маіоръ 580.
Федуловъ Иванъ, пугачевецъ 629, 633, 634.
Фельбигеръ 338.
Фелькерзамъ, маіоръ 178.
Ферзенъ гр. Аксель (comte Axel Fersen) 269.
Ферзенъ графъ (comte Fersen) 269, 387, 388, 409, 445.
Ферзенъ графиня (comtesse Fersen) 270.
фонъ-Ферзенъ Германъ, маршалъ 70.
Фидлеръ Фридрихъ 31, 37.
Фидулевъ, полковн. 600.
Фикъ 125.
Филаретъ, пугачевецъ 633, 636, 637.
Филиппъ Egalité, принцъ 374.
Филиповъ Семенъ, крестьян. 629, 636, 637.
Финдлэтеръ 364.
Фитингофъ, Курл. губернаторъ 132, 163.
Фишеръ, учен. путешеств. 296.
Фіандтъ (v. Fieandt), офиц. 404.
Флемингъ, ингерманл. губернаторъ 21, 75.
Фоминъ Петръ, есаулъ 578, 655, 656.
Фонвизинъ 312, 313, 318—323, 714.
Форсманъ, проф. 378.
Форстеръ, истор. 195.
Франклинъ 376, 390.
Франкэль (Franceuil) 370, 371.
Франкъ, докторъ 129.
Францъ I, императ. 287, 368, 450.

Фрейгангъ 467.
Фрейденталь, полковн. 141.
Фрейманъ 469, 479, 482, 486, 487, 490, 492, 494, 495, 503, 615, 639.
Френъ (Fren), капитанъ 274.
Фридерика Виртенб., супр. Петра I Ольденбург. 266 (Таблица).
Фридерика Ангальтъ - Бернбург. 266 (Таблица).
Фридрихъ-Августъ, братъ Екатер. II 194, 200, 266 (Табл.).
Фридрихъ-Августъ, герц. Ольденбург. дядя Екатер. II. 266 (Таблица).
Фридрихъ-Адольфъ, герц., бр. Густава III 385, 398.
Фридрихъ I, имп. 380.
Фридрихъ II, имп. 23, 193, 195, 197—200. 210, 212, 213, 217—219, 261, 266 (Таблица) 345, 349, 352, 360, 361, 363, 372, 376, 380, 387, 410, 450, 453, 465, 729.
Фридрихъ-Вильгельмъ II 363.
Фридрихъ, принцъ, сынъ Фридриха V 182, 184, 187, 410.
Фридрихъ V, кор. датскій 181, 253, 286, 287.
Фридрихъ, герцогъ голштинскій 41, 266 (Таблица), 725.
Фридрихъ IV, герц. Голшт. 266 (Табл.).
фонъ-Фризенъ графъ 369, 371, 372, 374.
Фризіусъ (въ дворянствѣ Фризенгеймъ) 76.
Фрюксель, истор. 21.
Фуксъ, поручикъ 577.
Функъ, подполковн. 139.
Фуссъ, внукъ Эйлера 739, 742.

Х.

Харинъ, маіоръ 576, 577, 637, 640.
Харчевъ Иванъ, сотникъ 468, 596, 597, 599, 601, 603, 604, 629, 631, 632.
Хастферъ (Hastfehr), бригадн. начальн. 411.
Хвостовъ Дм. 313.
Хельманъ (Helman) 269.
Хемницъ 57.
Херасковъ Ал. Матв. 627.
Хестеско Іоаннъ Генрихъ, полковн. 391, 392, 420—425, 427, 436.
Хилковъ кн. Андрей 70.
Хитровъ, сенаторъ 630.
Хлопуша, пугачевецъ 485.
Хлѣбниковъ, купецъ 515.
Хмельницкій Богданъ 41.
Хованскій кн., поручикъ 125.
Хоткѣвичъ 35.
Храповицкій А. В. 254, 255, 262—264, 266, 302, 307, 308, 313, 379, 413, 415, 423, 428, 430, 432, 697, 701, 702, 704.
Христина, королева шведская 41, 57, 79, 80, 266, 724, 726.
Христина Элеонора Сакс.-Цейц. 266 (Таблица).
Христіанъ-Августъ Ангальтъ-Цербстскій, отецъ Екатерины II 193, 200, 266 (Таблица).
Христіанъ-Августъ, епископъ Любскій дѣдъ Екатерины II 193, 266 (Таблица).
Христіанъ Альбрехтъ, герц. Голшт. 266 (Таблица).
Христіанъ, принцъ датскій 187.
Хрущова д-ца 229.
Хрущовъ, поручикъ 640.
Худяковъ Лукьянъ 629, 636.

Ц.

Цехентеръ, подполковн. 448.
Цигнеусъ, проф. 721—724, 726. 727, 731.
Циммерманъ, докторъ 292, 299, 345, 352, 353.
Цицеронъ 202.
Цыплетевъ, Цариц. коменд. 468, 570—572, 575, 578, 579, 582, 583, 585, 588, 618.

Ч.

Чарторыскій князь 185.
Чебышевъ, капит. 613.
Чекинъ Ѳедоръ 171.
Челноковъ, казакъ 597.
Чемесовъ, генер. 637, 638.
Черемисиновъ Иванъ, прапорщикъ 508—510.
Череповъ 613.
Черкасовъ баронъ 206.
Черкасскій князь, Я. К. 54, 55.
Чернецкій, гетманъ 55.
Черносвитовъ, маіоръ 574.
Чернышевъ графъ З. Г. 198, 440, 466 472, 483, 488—491, 493, 499, 500, 504 505.
Чернышевъ графъ Ив. Гр. 226, 229, 242, 243. 448.
Чернышевъ, полковн., спмб. коменд. 482, 484.
Чернышевъ графъ-Ивашка или Иванъ Чика 508, 555, 630.
Чернышевъ 675.
Чертковъ 243.
Чесноковъ, есаулъ 599, 600.
Чика Иванъ (Зарубинъ), т. н. „графъ Чернышевъ" 508, 555, 558, 606, 616, 629, 630, 631, 634.
Чистовичъ, проф. 120, 121.
Чичаговъ, адм. 414.
Чичеринъ, губерн. 509, 516.
Чоглоковъ 316.
Чорба, ген.-маіоръ 525, 526, 529, 536, 539, 542, 566, 567, 569, 570.
Чумаковъ Федоръ, пугачевецъ 597—600, 629, 633, 634.
Чупятовъ 710.
Чучковъ Афанасій, пугачевецъ 629, 632, 633.

Ш.

Шаню (Chanut), франц. посланн. 724, 725.

Шаппъ, аббатъ 714.
Шарыповъ Валиша, старшина 578.
Шафарикъ П. 6.
Шафировы 108.
Швановичъ Мих., подпоруч. 602, 629, 634.
Швейковскій, маіоръ 639.
Шверинъ гр. (comte Schwerin) 269.
Шекспиръ 221.
Шелудяковъ Семенъ, казакъ 629, 633, 634.
Шенкъ, оберъ-камергеръ 182, 183.
Шенфельдъ 160.
Шепелевъ 548.
Шереметевъ, воевода 68.
Шереметевъ Бор. Петр., генер. и фельдмаршалъ 116, 170, 682.
Шернэльдъ, баронъ 396.
Шестовъ, курьеръ 491.
Шетневъ, генер.-поручикъ 618.
Шефферъ Карлъ-Фридрихъ 214, 216, 445.
Шефферъ Петръ 232.
Шефферъ гр. Ульрихъ 216, 223, 224, 231—233, 244, 247, 269, 272, 273, 439, 445.
Шешковскій С. И. 469, 471, 472, 548.
Шибоженковъ, поручикъ 577.
Шигаевъ Максимъ, пугачевецъ 558, 602, 629, 630, 632.
Шиллингъ 108.
Шимкевичъ, филологъ 7.
Шинкаревъ, поручикъ 491.
Ширренъ 41.
Шифнеръ А. А. 365.
Шишкинъ, секундъ-маіоръ 486.
Шишковскій 664, 665.
Шишковъ, адм. 297, 328.
Шлафъ, секрет. швед. пос. 462.
Шлецеръ, истор. 200, 239, 297.
Шлитернъ, купецъ 146.
Шлоссеръ, истор. 119, 190, 191.
Шмидтъ-Физельдекъ 161, 163.
Шноръ 302.
Штакельбергъ гр., русск. уполномоченный 258, 259, 260, 290.
Штакельбергъ, шв. генер. 269.
Штелинъ, истор. 115, 118, 121, 227, 739.
Штендманъ Г. Ф. 359.
Штеричъ, маіоръ 641.
Штернфельдъ, полковн. 115.
Штраленбергъ, учен. путеш. 296.
Штрокирхъ д-ца (m-elle Strockirch) 270.
Шуазель 220, 713.
Шубертъ, генер.-маіоръ 73.
Шуваловъ гр. Ив. Ив. 221, 316, 319.
Шуйскій Василій Ивановичъ 23, 28, 31, 37, 38, 41.
Шульцъ, офиц. 398.
Шумахеръ, акад. 202.
Шэнбергъ гр. 359, 368, 369, 371, 372.
Шюбергсонъ (Schybergson) 680, 681, 683.
Шютте (Skytte), братья 41.

Щ.

Щепачевъ Илья, поручикъ 507, 509, 510.
Щербатовъ князь М. М., истор. 87, 116, 117, 468, 561, 562.
Щербатовъ князь Ѳ. Ѳ., генер. 467, 469, 470, 477, 479, 480, 526, 544, 548, 550, 553, 645—648, 650, 651, 663, 664.
Щолоховъ Василій, раскольникъ 629, 636.

Э.

Эберсъ, резидентъ 41, 42, 45—47, 55, 56.
Эбершэльдъ, швед. посланн. 61, 69.
Эйлеръ, акад. 229, 339, 437, 739, 740, 742.
Экъ 283.
Энейэльмъ Перъ, подполковн. 425.
Эннесъ, авт. 122, 126, 127, 129, 135, 136.
Эосандеръ Самуилъ, переводч. 70.
Эренсвердъ, строит. Свеаборга 381, 385.
Эренстремъ Альб., поручикъ 397, 399—404.
Эрикъ XIV 23, 40.
Эрманъ, авторъ 115.
Эрнести, учен. проф. 335, 359, 368.
Эрншэльдъ, баронесса (baronne Örnsköld) 270.
д'Эсклавель (d'Esclavelles), см. г-жа д'Эпинэ 369.
д'Эстре́ (d'Estrées) 374.
Эстремъ Елизавета, въ замуж. Фази 437.
Эссенъ бар. (baron d'Essen) 269.
Эстерикъ Гансъ, русск. толмачъ 58.
Эстко, полковн. 516.

Ю.

Юліана-Марія, королева датская 181, 182, 184.
Юлій Цесарь 24.
Юманкулъ 641.
Юматовъ Иванъ, прапорщикъ 629, 635.
Юмъ, филос. 214.
Юрій Даніиловичъ, новгород. князь, 11, 13, 14.
Юрьевъ Ефимъ, дьякъ 50.
Юсуповъ кн. 281.

Я.

Яворскій Стефанъ 106, 121.
Ягужинскій 109.
Ягуновъ Панкратъ, пугачевецъ 629, 632.
Яковлевъ Ал. Алекс., сенат. 627.
Яковлевъ, секрет. 655.
Яковлевъ, офицеръ 577.
Яковлевъ Степанъ, дьяконъ 509.
Якубовичъ, полковникъ 554, 564, 574.
Янковичъ-де-Миріево 307, 338.
Янъ-Казиміръ, кор. польскій 727.

Ѳ.

Ѳедоровъ Сергѣй, секрет. тайн. экспед. 472.
Ѳеофанъ Прокоповичъ 82, 84, 85, 96, 99, 101, 103—106, 111, 115, 120, 121.
Ѳеофанъ, іеромонахъ 180, 186, 187.
Ѳеодоръ Алексѣевичъ, царь 91.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь 16, 17, 22, 28.

УКАЗАТЕЛЬ МѢСТНЫХЪ ИМЕНЪ.

А.

Аахенъ, 256.
Або (Åbo) 79, 134, 154, 240, 241, 270, 397, 460, 461, 729.
Австрія 206, 248, 307, 337, 338, 395, 454, 688.
Азія 9, 236, 299.
Акашева, деревня 637, 640.
Аландское море 155, 270.
Алатырь 622, 651.
Алентака (часть Эстляндіи) 75.
Альтранштадтъ (Altranstadt) 286, 288.
Америка 245, 298, 301, 302, 307, 462, 714, 717.
Амза, рѣка 641.
Амстердамъ 76, 86, 107.
Англія 3, 30, 36, 54, 84, 206, 218, 220, 233, 247, 257, 289, 405, 411, 413, 419, 694—696, 715, 726.
Андрусово 43.
Анновка, слобода 693.
Антиповская станица 581.
Аньяла 412, 423, 435.
Арзамасъ 526, 566, 622.
Арзамасскій уѣздъ 501.
Архангельская губ. 124, 294.
Архангельскъ 129, 130, 132, 722.
Архипелагъ 454, 461, 548, 748, 688.
Астраханская губ. 124, 474, 571, 648.
Астрахань 109, 126, 571, 575, 578, 590, 636, 649, 655, 669.
Аустерлицъ 718.
Африка 302, 307.
Ахтубинская гора 484.

Б.

Байлярская волость 492.
Бакалы, крѣпость 518, 563.
Баландинскій городокъ 639.
Балахна 622.
Балахонскій уѣздъ 501.
Балтійское море 3, 4, 10, 41, 74, 92, 460, 462, 724, 725.
Балыклеевская станица 572, 581, 584.
Балыклейка, рѣчка 572.
Баратаевка, колонія 667.
Барашева, деревня 637, 642.
Барезундъ (Baresund) 271.
Бендеры 133, 519, 533, 534.
Берда 515, 630.
Бердинская слобода 484.
Березники, село 639.
Березовка, село 638.
Берлинъ 11, 193—195, 198, 214, 219, 222, 289, 309, 310, 349, 351, 387, 460, 696.
Бессарабія 454, 688.
Билярскъ 509.
Биржи 84.
Бирскъ, г. 640.
Бихкулова, деревня 484, 485, 489, 492.
Бихкуловская станица 486.
Блокгусъ, мысъ 224, 270.
Богорусланская слобода 491.
Богорусланъ 491.
Богульма (Бугульма) 477, 478, 492, 503, 554, 564, 646.
Богульминская слобода 492.
Большой Караманъ, рѣка 666, 669.
Борго 272, 380, 436.
Борисоглѣбскій уѣздъ 637, 641.
Бородино 675, 679.
Боросъ, гор. 165.
Боснія 688.
Ботническій заливъ 260.
Брагелиннъ 383, 384, 393.
Бразилія 301.
Бранденбургъ 309.
Брауншвейгъ 194, 197.
Британія 3.
Брюссель 452.
Брянскъ 31.
Бугулчанская пристань 482.
Бугъ 454, 695.
Бударинскій форпостъ 597—600.
Бузулукъ 477, 480, 482.
Бузулуцкая крѣпость 491.
Буй, рѣка 640.
Буковина 454.
Бѣлая, рѣка 638, 641, 366.
Бѣлградъ 454, 688.
Бѣлоруссія 31, 79, 400, 479.

В.

Валахія 349, 454, 688.
Валлисаари, деревня 50, 51.
Вайвара, кирхшпиль 75.

Ваксгольмъ (Vaxholmen) 270.
Ванэйа (Wanäjâ) 10.
Вара, кирхшпиль 170.
Вардехусъ 719, 720.
Вардэ 719.
Варшава 310, 458, 460, 498.
Варяжское море 2.
Вебю (Wäby), селеніе 164.
Везувій 250, 284.
Великополье 676, 677.
Венгрія 140, 452.
Веневъ 130.
Венеція 248, 249, 284. 454, 726.
Веприкъ, гор. 137.
Вереле 257.
Верельская долина 697.
Верхотурье 130, 505.
Верхояицкая крѣпость 516, 639.
Вестготландія 162, 165, 166. 168.
Вестфалія 24, 32. 285, 286, 288, 374.
Вестъ-Индія 462.
Веттеръ, озеро 165.
Виддинъ 454.
Византія 92.
Викитъ (Wickitt), поселокъ 720.
Вильгельмзундъ (Wilhelmsund) 270.
Вильманстрандъ 76, 406, 423.
Висби 458, 459.
Владиміръ 130.
Волга 479, 525, 538. 544, 557, 570—572, 574, 575, 577—579, 583—588, 592, 594, 596, 600. 604, 622, 639. 640, 645, 646, 649, 650, 659, 662—669, 671. 672, 713.
Вологда 130, 134, 144, 145, 171.
Вологодская губ. 142, 294.
Волокова губа (Bommenj) 719.
Волынь 139, 141.
Вольскъ 645, 666.
Воронежская губ. 539, 544. 545, 555, 571, 618, 622, 625.
Воронежъ 618.
Ворскла 138, 139.
Воскресенское, село 665.
Воскресенскъ 130.
Вуоденсальми 411.
Выборгъ 14, 72, 81, 242, 243, 295, 386, 435. 680. 682.
Вышній Волочекъ 481.
Вѣна 56. 90, 109. 289. 290, 438, 447, 448, 451—453, 455, 459.
Вязьма 525.
Вятка 525, 551.
Вятская провинція 564.

Г.

Гаапаньеми 383, 384.
Гага (близъ Стокгольма) 461.
Гага 301, 396, 402.
Гадячъ 171.
Галиція 454.
Галицкая провинція 171.
Галичъ 130, 132, 142. 143.
Галле 129.
Гамбургъ 133, 194, 197, 202, 333, 346, 362. 375.
Гаммаръ 399.
Гаммельбакка. мыза 380, 381, 398, 399.
Гангудъ (Hangöudd) 271, 411.
Ганноверъ 352.
Гатчино 230.
Гевле (Gefle) 260.
Гейдельбергъ 310.
Гельсингмальмъ 272.
Гельсингфорсъ 64, 272, 279, 406, 411, 416, 418—420, 461—463, 721, 728.
Гезуэзская республика 691.
Германія 30, 36, 75, 92, 126, 191, 192, 194, 198, 200, 204, 239, 251, 258, 260, 289, 290, 307, 310, 338, 359, 362. 364, 368, 375, 666, 717, 726.
Гермундередъ, хуторъ 165.
Гессенъ 666.
Гіераполисъ, имѣніе 440.
Голландія 84, 87, 97, 107, 119, 335, 395—398, 400, 726, 741.
Голубинская станица 586.
Голштинія 41, 197, 219, 251, 253, 266 (Табл.), 285—287, 725, 726.
Городецъ, село 501.
Городище 130.
Горсенсъ 180—182, 185, 187.
Гота 362, 372, 373, 375.
Готенбургъ 165.
Готландъ 458.
Гохландъ 412, 462.
Грачевская крѣпость 640.
Греція 3, 92, 154, 714.
Грипсхольмъ (Gripsholm) 282.
Гросъ-Швансфельдъ, деревня 310.
Губяры (Губары), село 637, 641.
Гурьевскій учугъ 608.
Гурьевъ 601, 606, 612.
Густавсвердъ (Gustafsvärd) 271.

Д.

Дакія 454, 688.
Даларэ, остр. 458.
Далмація 454.
Данія 180, 187, 217—219, 223. 232, 239, 242, 247, 248, 251, 253, 255, 286, 287, 405, 410, 411, 413, 423, 683, 725.
Данцигъ 56, 86, 233.
Двина, р. 3, 4.
Дельменгорстъ 219, 251, 253, 285—287.
Деркулъ, рѣка 596.
Дерптскій округъ 161.
Дерптъ 22, 50, 162.
Дессау 340.
Диканька 686.
Дмитріевскъ 571, 572, 581, 586, 594, 618.
Днѣпръ 54, 136, 139, 140, 141, 402, 453, 532, 715.
Днѣстръ 454, 695.
Добрянка, с. 636.
Догабенъ, деревня 171.
Донъ 474, 504, 571, 575, 578—581, 590, 618, 628, 634, 646, 648.
Дрезденъ 35, 364.

Дротнинггольмъ 215, 231, 359, 280, 286—288.
Дубно 174.
Дубовка 572, 575, 581, 584, 634, 638, 639.
Дубовская станица 584.
Дунай 108, 452, 454, 713.
Дюсметева, деревня 487, 489, 490.

Е.

Еве (Ieve), кирхшпиль 75.
Европа 9, 63, 66, 82, 87, 90, 92—94, 98, 104, 107, 116, 136, 190, 207, 211—215, 218—223, 233, 239, 241, 247—249, 256, 259, 282, 296, 299, 304, 333, 338, 339, 342, 348, 349, 353, 367, 450, 451, 694, 706, 721, 722, 724.
Ейскъ 587.
Екатеринбургская провинція 474.
Екатеринбургъ 494, 505, 563.
Екатеринославъ 351.
Екатеринштадтъ 666, 669.
Елисаветградъ 715.
Св. Елисаветы крѣпость 533, 535.
Елтонское озеро 586, 596.
Еруслань, рѣка 593.
Етеревская станица 638, 639.

Ж.

Жданово, село 491.
Женева 376, 437.

З.

Запискъ 503, 509.
Заплавное, село 583.
Зарайскъ 130, 567.
Зелаиръ 639.
Зиновейская станица 628.
Золотово, село 584.
Зундъ 394, 724—726.
Зюнгарія 65.

И.

Ивангородъ 19, 42, 73, 74, 78, 79.
Иванова, деревня 641.
Игнашкина, деревня 491.
Ижевскій заводъ 563.
Измаилъ, крѣпость 698, 715.
Илекъ, рѣка 606, 633.
Ильмень, озеро 4, 5, 9.
Икъ, рѣка 477, 638.
Имангулова, деревня 486, 489.
Ингрія 77.
Ингерманландія 73—75, 77—81, 93, 128, 80, 682.
Инсбрукъ 306.
Иргизъ, рѣка 579, 584, 587, 591—593, 596, 633, 636, 655, 656, 666—669, 672.
Ирландія 732.
Иртецкій форпостъ 606.
Исландія 10.
Испанія 30, 57, 297, 450, 725, 726.
Истрія 454.
Италія 30, 247—249, 281, 284, 361, 372, 450, 721.

К.

Кавказъ 299, 669.
Казанская губ. 124, 473, 480—482, 492, 498, 501, 512, 544, 571, 621, 625, 535.
Казанскій уѣздъ 476.
Казань 125, 126, 130, 134, 469, 470, 472—477, 479, 480, 484, 487, 488, 492—495, 497, 500, 501, 503—505, 507—511, 513, 514, 516, 523, 524, 527, 538, 544, 549, 551, 554, 555, 557—560, 563, 564, 569, 570, 572—574, 577—579, 582, 590, 591, 602, 606, 617, 618, 628, 635, 636, 645—649, 657, 663, 664, 668.
Калкуна, мыза 178.
Калуга 25, 29, 32, 33, 130, 528, 542, 544.
Кама 554, 564, 582, 646.
Каменецъ 174.
Камчатка 299, 469.
Камышенка, р. и с. 574, 581, 584, 596, 662.
Камышинскъ 584.
Камышлацкія вершины 596.
Камышъ-Самара 583.
Каневъ 402.
Караваинская станица 581.
Караманъ Малый, рѣка 641, 669.
Караманъ Большой, рѣка 666, 669.
Каргалинская слобода 489.
Кардисъ 53, 66, 78.
Карелія 4, 72, 75, 77, 78, 81, 383, 416.
Карлсгамнъ 459.
Карлскрона 405, 411.
Каспійское море 66, 599, 606, 633.
Кашира 130.
Кведурки, деревня 138.
Кегему, деревня 172.
Кекерекексино (Киккерики), дача 226, 442, 443.
Кексгольмъ 21, 72, 75.
Кенигсбергъ 84, 310.
Керенскъ 638.
Кизляръ 548, 607, 614.
Киль 194.
Кинбурнъ 266.
Китай 227, 301.
Киргизская степь 484.
Кичуевскій шанцъ 477, 481, 482, 495 503.
Кичуй 477, 516.
Кіевъ 92, 108, 400—402, 404, 441, 522, 545.
Клинъ 124, 130, 134.
Клиссова 193, 266 (Табл.).
Клязьма 526, 536.
Кобеляки 139.
Кожевниковъ хуторъ 597, 598.
Козельскъ 32, 33.
Козловка, деревня 641.
Козловъ 567.

Кокшайскъ 646.
Колконпе (Kolkonpää), селеніе 153.
Коловертный яръ 600.
Колодень, село 664.
Коломна 130.
Константинополь 41, 79, 108, 133, 219, 298, 454.
Копенгагенъ 14, 159, 163, 181, 410, 457, 719.
Копорье 73—75.
Корпоштремъ (Korpoström) 270.
Корсика 713.
Корсунъ 546, 639, 642.
Корела, г. (Кексгольмъ) 19, 21.
Кострома 130, 142.
Котловка, село 582.
Кошъ-яицкій форпостъ 597, 599, 600.
Крапивна, имѣніе 28, 29.
Красное 679.
Краснослободскій уѣздъ 637, 640.
Красноуфимскъ 515.
Красный Яръ 595, 668, 669, 672.
Крейцбургъ 164.
Кременчугъ 402.
Криволуцко, деревня 593.
Кронслотъ (Kronslott) 268.
Кронштадтъ 149, 151, 154, 224, 275, 276, 415, 445, 448, 460, 666.
Крыжборгъ 178, 179.
Крымскій полуостровъ 688.
Крымъ 240, 244, 315, 402, 405, 412, 463, 535, 585, 690, 691, 693, 694.
Кубань 618, 628, 690.
Кубанская степь 571.
Кунгурскій уѣздъ 515.
Кунгуръ 503, 505, 513, 515, 552.
Куопіо 384.
Купецкая ватага 599.
Курляндія 4, 178, 179, 233, 281, 309, 387, 398, 722.
Курмышскій уѣздъ 637.
Курмышъ 622, 650.
Кутлумбетова, деревня 482, 491, 492.
Кюмень, рѣка 412, 422, 435, 697, 728.
Кюмменегордъ 423.

Л.

Ладожское озеро 72—74.
Ландскрона 72, 73.
Ла-Шевретъ (Za Chevrette) 369.
Лейпцигъ 209.
Ливонія 32, 43. 93, 109, 722, 724, 726.
Ливонское королевство 22.
Лигницъ 460.
Ликала 412, 423, 426, 427, 435.
Лиманъ 266.
Литва 1, 5, 7, 9, 10, 137, 173—175, 460.
Лифляндія 28, 30, 51, 128, 162—166, 168—171, 174—176, 398, 463, 464.
Лифляндцы польскіе 173, 175, 178.
Ліонъ 281.
Ловать 4.
Лондонъ 86, 214, 301, 436, 732.
Лотарингія 666, 713.
Луггенхузенъ 75.
Лысково, село 501.
Львовъ 448.
Любекъ 43, 44, 76, 136, 285, 287, 288, 458, 459.

М.

Мадридъ 214, 301.
Макарово, село. 640.
Малодейская станица 642.
Малороссійская слобода 637.
Малороссія 54, 92, 108, 475, 687, 688, 729.
Малый Караманъ, рѣка, см. Караманъ.
Малыковка 554, 629, 637, 645, 646, 648, 650, 651, 655, 659, 664—668, 672.
Мальмгордъ 405.
Мамлеево, село 526.
Маріенбургъ 170.
Маріенталь, колонія 666, 671.
Медвѣдица, рѣка 545, 546, 618, 638, 639, 655.
Мекленбургъ 233.
Мексика 298.
Мемель 132.
Мензелинскъ 494, 503, 663.
Мечетная, рѣка 640.
Мечетная слобода 672.
Миланъ 249, 284.
Минскъ 137.
Митава 132, 310.
Михайловъ 130.
Могилевъ 137, 337, 401, 439, 440, 441, 447, 453.
Молдавія 108, 688, 696.
Молодейская станица 639.
Монпелье 385.
Морея 349.
Москва 11, 20—23, 27—29, 35—37, 39—44, 46, 47, 50, 51, 54, 55, 57, 66, 68—70, 81, 86, 88, 92, 95, 107—109, 112, 113, 124.125, 130—132, 135, 141, 142, 144—148, 150, 199, 201, 202, 204, 221, 229, 278, 402, 437, 439, 441, 453, 463, 468—470, 472, 474, 478, 482, 490, 491, 493—495, 499, 501, 518, 521—529, 537, 539-541, 543—545, 547, 549, 558, 559, 565, 567, 588, 590, 602, 610, 612, 623, 629, 643, 646, 680, 686, 687, 693, 701, 703, 706, 713, 724, 733.
Москва, рѣка 526, 536.
Музякина, деревня 641.
Муромъ 525, 590.
Мустафина, деревня 484, 486.
Мырсѣева станица 641.

Н.

Нагайбакъ 631.
Нарва 26, 28, 33—35, 39, 41, 42, 44, 47, 48, 50, 51, 57, 75—77, 79, 81, 132.
Нарова, рѣка 50, 74, 75.
Наровчатъ 639, 642.
Настола 391.

Наумбургъ 133.
Неаполь 249, 250, 284, 457, 715.
Нева, р. 3, 5, 72—77, 92, 147, 150.
Нево, озеро 2.
Нейшлотъ 263, 403, 406, 412, 414.
Нейштатъ 24, 25, 32, 450.
Нидерланды 362, 399, 452, 666, 725.
Нижегородская губ. 473, 494, 501, 544, 574, 621, 622, 625.
Нижній Ломовъ 571, 638, 639.
Нижній-Новгородъ 125, 130, 500, 502, 525, 542, 544, 554, 563, 622.
Николаевскій уѣздъ 666.
Николаевское, село 294.
Николаевъ 717.
Никольское, село 489.
Никополь 454.
Ніэншанцъ 73, 75, 76, 79.
Новгородъ 3, 4, 44, 46, 47, 63, 66, 68, 73, 74, 76, 107, 130, 525.
Новое, село 501.
Новороссійская губ. 636, 696.
Новосергіевская крѣпость 477.
Новоузенскій уѣздъ 666.
Новохоперская крѣпость 589.
Норвегія 165, 218, 220, 239, 247, 250, 284, 393, 394, 719.
Нѣманъ, рѣка 1, 2, 4—6, 8, 9.
Нэтеборгъ 73, 76.
Нюландъ [Nyland) 273.

О.

Оболенскъ 528, 542, 544.
Одесса 717.
Озерная крѣпость 489.
Ока, рѣка 526, 536, 567.
Олонецкая губ. 432.
Олонецъ 416.
Ольденбургъ 219, 251, 253, 285—287.
Ольшанка, имѣніе 677.
Ораніенбаумъ 204, 223, 224, 226, 229, 233, 276, 277, 279, 445, 666.
Орелъ 31.
Оренбургская губ. 474, 496, 498, 502, 504, 517, 527, 538, 544, 549, 583, 622, 625, 635.
Оренбургъ 469, 470, 475, 477, 478, 480, 482, 484—486, 488—490, 498, 503, 506, 510, 511, 514—517, 523, 549, 551, 559, 578, 583, 603, 613, 615, 628, 630, 632, 634, 636, 646, 647, 663, 669.
Орсова 454.
Орѣшекъ 74—76, 78.
Оса, пригор. 646.
Осскій округъ 164.
Остзейскій край 39.
Охта 73, 74, 76, 77.
Очаковъ (Оссова) 158, 263, 264, 454, 519, 533, 688, 694, 695, 715.

П.

Панинская колонія (Schönchen) 666.
Парижъ 85, 110, 194, 198, 200, 214, 215, 223, 231, 232, 238, 244, 248, 250, 256, 268, 278, 335, 346, 352, 359, 362, 368—371, 373, 375, 377, 387, 390, 437, 441, 450, 676, 712—714.
Парма 249, 284.
Паролямальмъ 241.
Пейпусъ 74, 75.
Пелисъ (Pelis-pass) 274.
Пеллингенъ (Pellingen) 273.
Пенза 338, 526, 544, 570, 574, 622, 642, 644, 651, 655, 665.
Пензенскій уѣздъ 476, 638—640.
Переволоцкая крѣпость 477, 488.
Переволочна 122, 123, 129, 135, 139.
Перепесенки, село 640.
Переяславль-Залѣсскій 130.
Переяславль-Рязанскій 130, 142, 546, 567.
Пермская провинція 515.
Пернау 94.
Персія 81, 725—726.
Перу 298.
Песчаные хутора 597, 599.
Петербургъ 11, 12, 14, 73, 74, 76, 77, 85, 86, 98, 109, 126, 129, 130, 134—136, 144—148, 150, 154, 163, 166, 168—170, 173—175, 177—178, 183, 193, 198—199, 202, 207, 219, 221, 223, 224—228, 230, 233—236, 238—242, 244, 247, 250, 254, 255, 258, 259, 265, 267—278, 281, 284, 289, 291, 302, 310, 318, 325, 334—336, 340, 350—352, 360, 361, 374, 375, 384, 386, 387, 399—404, 410, 412, 415, 416, 418, 427—429, 432, 434, 435, 437, 440, 441, 444, 446—449, 453, 457—460, 462, 463, 468, 472, 474, 475, 479, 481, 483, 490, 492, 493, 498, 512, 522, 524, 528, 529, 539, 547, 550, 559, 565, 573, 588, 590, 602, 607, 610, 611, 613—616, 620, 623, 630, 635, 655, 674, 677, 679, 680, 682, 683, 686, 687, 693, 697—699, 701—703, 736.
Петергофъ 149, 226, 229, 230, 273, 276, 444, 446—448, 531.
Петровскъ 546, 571, 580, 635, 655, 656, 659, 663.
Петрозаводскъ 644.
Печенегскій монастырь 719, 720.
Печеуры, село 638.
Пиза 248, 437.
Пирсёнъ, остр. (Pirrsön) 274.
Плюса, рѣка 75.
Покровская слобода 592, 663, 667.
Покровское, село 659.
Половицы, селеніе 351.
Полоцкъ 460.
Полтава 122, 123, 124, 127, 130, 131, 134—140, 157, 402.
Польша 20, 27, 30, 32, 35, 38, 42—46, 50, 54—56, 61, 92, 108, 109, 133, 134, 165, 167, 210, 256, 309, 387, 398, 419, 458, 460, 472, 475, 477, 481, 504, 670, 695, 697, 721—724.
Померанія 38, 217, 233, 309, 418.
Помпея 250, 284.
Поркала (Porkala) 271.

Порта 108, 133, 248, 250, 285, 414, 454, 463. 537, 543, 574, 688, 690, 694, 701.
Поселки, село 667.
Потсдамъ 387.
Починки, деревня 526, 566, 637.
Прага 109.
Преображенскій заводъ 639.
Пресбургъ 452.
Пречистенская крѣпость 489.
Пролейка, рѣка 572, 581, 639.
Пруссы польскіе 178.
Пруссія 23, 132, 198, 217. 222, 233, 248, 297, 309, 310, 405, 410, 411, 419, 450, 455, 464, 465, 697.
Псковъ 45, 66, 132, 338, 460, 722.
Пумала 411.
Путивль 30.
Пюхестекюлэ 51.
Пятиизбянская станица 618.

Р.

Разсказово, село 677.
Рандасальми 386, 411.
Раненбургъ 130.
Ревель 38, 41, 50, 68, 461, 724.
Регенсбургъ 359, 368, 666.
Репула (Репола) 19.
Ржево-Володимірово 559, 635.
Рига 41, 49, 67, 94, 137, 164, 165, 170, 171, 173—177, 310, 361, 448.
Римская имперія 98. 361.
Римъ 3, 104, 248, 249, 266, 284, 451, 735.
Рингенъ 161, 169.
Рогожна, имѣніе 28, 29.
Ронгедала 165, 169.
Ростокъ 165.
Русь, рукавъ Нѣмана 1.
Русь 1, 2. 3, 10, 90, 171, 173.
Ряжскій уѣздъ 585.
Ряжскъ 567.
Рязанская губ. 585.

С.

Саволаксъ 75, 383—386, 388, 401, 406, 408, 416.
Сакмара 489, 631, 632.
Сакмара, рѣка 482, 484.
Саксонія 35, 126, 364, 721.
Салъ, рѣка 618.
Самара 476, 477, 502—504, 506, 507, 509, 512. 574, 607, 650, 655.
Самара, рѣка 649.
Санктъ-Михель 411.
Сапожокъ 567.
Саранскій уѣздъ 511, 637, 638.
Саранскъ 130, 526, 566, 567, 570, 573, 574, 622, 639, 651.
Сарапулъ 563, 564.
Саратовъ 468, 553—555, 565, 569—572, 578, 580, 583, 584, 586, 591, 592, 594, 629, 632, 635, 637, 640, 645, 646, 648—652, 654—664, 666, 713.
Сарманаева, деревня 484, 487.
Свеаборгъ 223, 234, 267, 268, 271—273, 275, 280, 393, 412.
Свіяжскій уѣздъ 476.
Свіяжскъ 124, 130, 134.
Севастополь 717.
Селитряной городокъ 640.
Сена 257.
Сенъ-Дени 369.
Сенъ-Клу 374.
Сербія 688.
Сердоболь 416.
Серпуховъ 130, 500.
Сескаръ, островъ 697.
Сѣста, мыза 391.
Сибирская губ. 622.
Сибирь 24, 29, 31, 37, 66, 122, 124. 128, 129, 228, 299, 301, 483, 489, 501, 509, 600, 610, 633.
Силезія 42, 133, 154, 387, 676.
Симбирскій уѣздъ 476.
Симбирскъ 135, 555, 556, 558, 560, 605, 618, 624, 627, 648, 650, 659, 664.
Скандинавія 1, 4, 9, 10, 92.
Скопинъ 567.
Слободская Украинская губ. 622.
Смоленскъ 29, 54, 124, 135, 401, 439, 453, 504, 512, 528, 542, 544, 679, 694.
Снякъ, деревня 640.
Соединенные Штаты 301, 717.
Соколова гора 658, 661.
Солигаличъ 142.
Соликамскъ 124, 130, 135, 505.
Сольвычегодскъ 130.
Сорочинская крѣпость 477, 488.
Сосновка, деревня 638.
Сосново, село 667.
Спа 125, 256, 387, 388, 390.
Средиземное море 460.
Ставрополь 509.
Стерлитамакъ, деревня 511, 518.
Стерлитамацкая пристань 482, 484, 485.
Стокгольмъ 11, 17, 33, 40, 41, 44, 45, 47, 49, 50, 52, 53, 57, 59, 61—63, 65, 68, 72, 74, 75, 78—81, 131, 133, 155, 157, 164, 167, 213, 215, 217, 223, 224, 231, 234, 240, 244, 246, 249, 257, 258, 260, 265, 267—272, 275, 281, 384—386, 394, 396, 397, 403, 404, 409, 411—413, 423, 437, 445, 447, 456—461, 464, 680, 724, 726.
Столбово 74.
Стральзундъ 131, 460, 730.
Страсбургъ 384, 718.
Стрѣльна 276.
Студенцы, село 638.
Субочъ 178.
Суздаль 73, 130.
Сумма 412.
Сура, рѣка 640.
Сучкино, село 637.
Сызрань 503, 554, 570, 583, 587, 595, 604, 639, 655, 663—665.

Т.

Табинскъ 554.
Тавастгусъ 240—242, 273.
Талова 632.
Таловскій уметъ 602.
Тамбовскій уѣздъ 638, 640.
Тамбовъ 567, 644, 677.
Тарутино 679.
Татищева, крѣпость 478, 479, 481, 482, 484, 518, 591, 631, 633.
Тверь 66, 680.
Темешваръ 338.
Темниковскій уѣздъ 642.
Терекъ 649.
Терсъ 572.
Тетюшино, село 582.
Тихвинъ 494.
Тобольская губ. 295.
Тобольскъ 122—124, 127, 129—131, 134—136, 475, 509.
Томашево, село 664.
Тонкошкуровка (Marienthal) 666—669.
Тонкошкуровскій округъ 666.
Торгунь (Тунгуръ) 593.
Торжокъ 66.
Тоскана 249.
Тотьма 130.
Тоцкая крѣпость 477.
Трансильванія 41.
Троицкая крѣпость 551.
Троицкъ 638, 642.
Тула 29, 31, 37.
Туринъ 249, 284.
Турція 133, 244, 247, 254, 256, 410—413, 419, 452—454, 522, 599, 686, 694, 698, 699, 702, 714, 715.
Тюмень 130.

У.

Узень Большая, рѣка 583, 586, 592—599, 601, 633, 636, 669, 672, 673.
Узень Малая, рѣка 583, 586, 592—599, 601, 633, 636, 669, 672, 673.
Украйна 55, 157.
Ульриксдаль (Ulriksdal) 267.
Унгара, мыза 178.
Упсала 62, 63, 246, 461, 462.
Уральская степь 666.
Усиха 632.
Усовка, село 659.
Уткина, деревня 641.
Уфа 475, 485, 491, 508, 515, 518, 551, 629, 631, 634, 663.
Ухолово, село 585.

Ф.

Фелькенбергъ 163.
Ферней 215.
Финляндія 4, 8, 19, 21, 72, 74, 77, 80, 131, 132, 134, 142, 148, 149, 151, 157, 219, 220, 223, 240, 242, 245, 250, 254, 265, 267, 268, 270—272, 274, 276, 281, 284, 378—382, 384, 388, 390—392, 394—400, 402—406, 408, 411, 413—416, 418, 420—422, 426, 428, 430—436, 438, 462, 463, 480, 715, 724, 728—730.
Финскій заливъ 8, 72, 75, 80, 240, 254, 256.
Фландрія 726.
Флоренція 249.
Франкфуртъ на Майнѣ 308, 362, 364, 368.
Франція 30, 56, 57, 84, 85, 119, 212, 214, 215, 218, 233, 241, 243, 245, 247—249, 256—258, 260, 268, 273, 284, 288—290, 297, 298, 304, 336, 341—343, 353, 361, 362, 364, 367, 369, 371, 373, 375, 377, 388, 389, 391, 692, 694, 695, 711—717, 721, 722, 724, 741.
Фридрихсгаллъ 165.
Фридрихсгамъ 240—245, 247, 263, 273, 274, 280, 282, 297, 386, 393, 403, 406, 412, 414, 419, 422, 423, 425, 427—429, 435.
Фурусундъ 68, 270.

Х.

Харьковъ 518, 532.
Херсонъ 402.
Хива 126.
Хлыновъ 505.
Холмогоры 180, 182.
Хоперъ, рѣка 618, 639, 640.
Хоршеваши, село 637.
Хотилово 201.
Хотинъ 266, 454.
Христіанія 720.
Хусула 412, 420—424.

Ц.

Царицыно 221.
Царицынъ 554, 557, 570, 571, 575, 576, 578—581, 583—588, 590, 592, 594, 596, 597, 599, 600, 604, 618, 636, 638, 639, 642, 646, 652, 655, 660, 662, 672.
Царское Село 225, 226, 240, 241, 244, 276, 377, 438—442, 509, 517, 704.
Царьградъ 8.
Цербстъ 193, 194, 197, 198, 200.
Цивильскъ 572.
Цна 567.

Ч.

Чаганскій форпостъ 597—599.
Чардынъ, село 659.
Чебоксары 130, 500, 640.
Челлере, имѣнье 135.
Челябинскъ 509, 515, 516.
Черкаскъ 546, 571.
Чернавка, село 640.
Черная рѣчка 73.
Черниговъ 124, 140, 141, 338.

Чернорѣченская крѣпость 484.
Черное море 158, 452, 454, 699, 715, 717.
Черный Яръ 557, 577—579, 584, 586, 591, 618, 633, 634, 636, 639, 642, 672.
Чертанлинское устье 593.
Чесма 226.
Чесма (прежде Кекерекекспно) 443.
Чесноковка, деревня 508.
Чесы, село 638.
Чижъ, рѣка 594.
Чили 298.
Чудское озеро 19.
Чуманино, село 640.
Чухлома 130, 142, 144.

Ш.

Шацкій уѣздъ 640.
Шацкъ 528, 529, 542, 544, 567, 570, 587.
Шафгаузенъ 666, 667.
Швабія 666.
Швейцарія 666.
Швеція 4, 7, 9—11, 13—17, 20, 21, 28, 33, 35, 37, 40—46, 49, 51, 54, 56, 63, 65, 66, 69, 70, 73, 74, 76—79, 81, 105, 125, 126, 129—136, 141, 145, 147, 154—156, 158, 159, 163—166, 168, 169, 202, 212—215, 217—221, 229, 230, 232, 233, 236, 239—241, 247, 248, 252, 256, 257, 259, 265, 272, 274, 277, 281, 287, 325, 361, 378, 379, 381, 382, 384, 385, 388, 390, 393—404, 408—416, 418—420, 423, 424, 430, 432, 434—436, 439, 446, 447, 456—465, 682, 683, 696—698, 722—726, 728, 730.
Шевардинскій редутъ 675.
Шенкурскъ 130.
Широкій Буеракъ, село 671.
Шкафтъ, село 640.
Шкловъ 401.
Шлиссельбургъ 76, 78, 150, 446.
Шлотбургъ 76, 77.
Шотландія 297.
Штетинъ 194—196, 198, 200.

Э.

Эльзасъ 666, 713.
Эльфсборгская губ. 170.
Эпинэ, имѣніе 369, 371.
Эребро (Örebro) 17.
Эстляндія 38, 39, 75, 79.
Эстонія 4.

Ю.

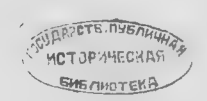
Юзеева, деревня 486.
Юрьевецъ Поволжскій 622.
Юрьевъ-Польскій 130.
Ютландія 180.

Я.

Ягункинъ околотокъ 641.
Ядринскій уѣздъ 637, 641.
Ядринъ 622, 640.
Яикъ 484, 503, 512, 515, 516, 549, 556, 563, 570, 574, 578, 582, 594, 595, 599, 608, 615, 616, 628, 633, 634, 639, 646, 648, 667, 671.
Яицкій городокъ 500, 555, 556, 558. 559, 583. 593, 594, 596—606, 612, 613, 615—617, 631, 632, 634, 637, 672, 673.
Якубштатъ 178, 179.
Ямъ 73—75.
Ярославль 130, 142, 494.
Яссы 561, 698, 699, 701. 702.

Ѳ.

Ѳедоровское, имѣніе 28, 29.



Замѣченныя опечатки.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
50	9 св.	Еримъ	Ефимъ
36	15 сн.	въ Тейерѣ	въ Трейерѣ
66	8 „	совѣстникъ	совѣтникъ
—	20 „	къ Кардисѣ	въ Кардисѣ
69	2 „	Эбермёльдъ	Эбершёльдъ
273	17 св.	Sveavorg	Sveaborg
326	5 „	Фонъ-Визинъ	Фонвизинъ
389	7 сн.	т. 1	ч. (часть) I
411	10 „	Вуоденсальни	Вуоденсальми
437	внизу пропущена выноска: [1]) Русск. Стар. 1875, кн. XI.		
574	19 сн.	Камышевка	Камышенка
577	7 „	Ашарутова	Ашарумова
630	7 „	Усаевъ	Усачевъ
662	17 „	Баритаевъ	Баратаевъ